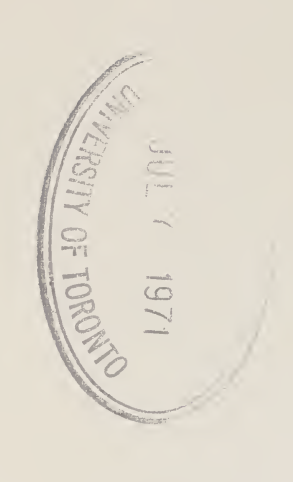

16

17

OCHERK ISTORII
IAZYKOZNANIIA V ROSSII
Vol. 1 Part 2
Sergiei Konstantinovich Bulich

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

UNIVERSITY OF TORONTO
JUL 7 1971

Указавъ на трудности поставленной имъ себѣ цѣли (изученіе Индіи), ибо „нетокмо о Брамгенскихъ Системахъ, но и о свойствѣ древнѣйшаго ихъ *Шомскритскаго* языка точнаго свѣдѣнія по сіе время Европа еще не имѣла“ (благодаря между прочимъ недовѣрію индусовъ къ европейцамъ), Лебедевъ передаетъ исторію своего путешествія въ Индію и своихъ занятій индійской филологіей (болѣе подробно, чѣмъ во введеніи къ вышеразсмотрѣнной индостанской грамматикѣ на англійскомъ языкѣ). „Подъ руководствомъ почетныхъ *Брамгеновъ* и (ученыхъ) *Пондитовъ*“, Лебедевъ „выразумѣлъ Бромгенскую азбуку, Словарь, Граматику, Ариѳметику, Календарь и прочіе предлагаемые“ имъ въ своей книгѣ „въ краткости предметы“ (стр. IV). Такъ какъ онъ отдавалъ индійскимъ ученымъ „справедливость въ ихъ знаніяхъ, то сею признательностію получилъ отъ нихъ свѣдѣніе о *Шомскритскомъ* языкѣ, иначе называемомъ *Дебъ накъоръ* (devanagarî!) или *Пронкрито* (пракритъ!!), изъ котораго произошли *Бенгальской* языкъ и *Урія*, и тотъ обще-народной діалектъ называемый *Моришъ* (англ. Moorish!) или *мурсъ* (англ. Moors!), употребляемой не токмо во всей Индіи, но и между разсѣянными въ свѣтѣ цыганами, происшедшими отъ племянъ Индійскихъ; воззаимствовалъ понятіе о древнѣйшихъ Брамгенскихъ системахъ, священныхъ ихъ обрядахъ и народныхъ обычаяхъ“ (тамъ-же).

Ниже сообщаются свѣдѣнія о санскритской „азбукѣ *Борно* (санскр. varna!), называемой *Шомскрито*, или *Пранкрито*, иначе *Дебъ накъоръ*, то есть богоначертанная“ (стр. V), о ея туземномъ расположеніи („въ пяти отдѣленіяхъ, въ каждомъ семью столпами сообразно имяни Всесоздателя *Брормго*, начертаннаго семью буквами“), мистическомъ значеніи отдѣльныхъ буквъ и т. д.

Изложивъ затѣмъ вкратцѣ содержаніе своей книги, Лебедевъ въ концѣ предисловія увѣдомляетъ читателей, что писалъ индійскія слова въ своей книгѣ, „не Европейскому, а Индійскому послѣдуя произношенію [1]); за небреженіемъ котораго, во многихъ Европейскихъ изданіяхъ самыхъ священныхъ древностей, настоящій смыслъ коренныхъ языка сего реченій такъ утерянъ (?), что собственнаго ихъ знаменованія, съ великою трудностію до искиватся должно“ (стр. IX).

Въ заключеніе даются наставленія путешественникамъ въ Индію, которымъ между прочимъ рекомендуется имѣть при себѣ

---

[1]) Какъ это было въ ходу въ началѣ XIX и у европейскихъ ученыхъ, хотя бы, напр., у Фр. фонъ-Шлегеля въ его извѣстной книгѣ «Ueber die Sprache und Weisheit der Indier» (1808) и др.

„Славенороссійскую Азбуку, имѣющую великое сходство и сближеніе въ числѣ буквъ съ Индійскою (!), Словарь, Граматику (очевидно индійскія), Географію, Естественную исторію, Философію, Библію, даже и Миѳологію“, и изучить санскритъ (стр. IX—X).

Въ самомъ концѣ предисловія авторъ говоритъ о своихъ научныхъ планахъ, которые такъ и остались неосуществленными: „... есть-ли угодно будетъ провидѣнію жизнь мою продолжить, и отдалить подобныя тѣмъ затрудненія, какіе при семъ изданіи встрѣчались сомною (такъ!) отъ художниковъ, за вѣрноподданническій почитаю долгъ, выдать не токмо выше означенную смѣшанныхъ Индійскихъ діалектовъ [1]), но и Бенгальскаго языка Грамматику, Словарь и Ариѳметику, и выше помянутые драммы, на собственномъ нашемъ Россійскомъ и Индійскомъ языкахъ“ (стр. X).

Разсмотрѣнная книга была, повидимому, послѣднимъ печатнымъ трудомъ Лебедева, конецъ жизни котораго (онъ умеръ въ 20-хъ гг. XIX ст.) окутанъ неизвѣстностью.

О санскритѣ и ведахъ зналъ также и профессоръ харьковскаго университета И. Рижскій, упоминающій въ своемъ „Введеніи въ кругъ словесности“ (Харьковъ, 1806, стр. 48, см. выше, стр. 525 и слѣд.) о „Санскритскихъ писаніяхъ и Ведамѣ“ (санскр. им. ед. ср. р. vēda-m=веда), какъ священныхъ памятникахъ литературы, писанныхъ на одномъ изъ „мертвыхъ“ языковъ (см. выше, стр. 533). Источникъ этихъ свѣдѣній Рижскимъ не названъ, но, очевидно, имъ не могла быть книга Лебедева, гдѣ веды послѣдовательно называются *бедами*.

Къ 1807 году относится небольшая статейка „Нѣчто о санскритскомъ языкѣ“, переведенная съ нѣмецкаго нѣкіимъ С. Р. (Ст. Руссовымъ?) и напечатанная въ журналѣ „Минерва“ (1807, ч. V, стр. 25—28), издателями котораго были московскіе профессора Побѣдоносцевъ и Сохацкій. Въ началѣ этой статьи находимъ очень наивную характеристику санскрита, не представляющую никакого шага впередъ, сравнительно съ аналогичными характеристиками, имѣвшимися у насъ уже въ XVIII в. (см. выше, стр 248—49, 251): „Брамины, ученые жрецы Восточной Индіи, говорятъ Санскритскимъ языкомъ изобильнымъ и выразительнымъ. Правильность его и сила беретъ преимущество надъ Греческимъ и Арабскимъ языкомъ. Каждое первообразное слово его имѣетъ великое множество производныхъ. Правила Грамматическія многочисленны и трудны. Въ верхнемъ Индостанѣ учатся по санскритской азбукѣ; ее называютъ *Діу нагаръ* (devanāgarī!), т. е. *Ангельскій языкъ* (!)

[1]) См. выше, стр. 618. и сл.

Письмена, введенныя въ употребленіе Браминами Бенгальскими, испорчены и не столь древни, какъ другія". За этой характеристикой слѣдуетъ анекдотъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ брахманы оберегаютъ свою литературу и языкъ отъ иноземцевъ.

Первымъ опытомъ сопоставленія санскритскихъ словъ съ русскими является рукописный санскрито-русскій глоссарій, находящійся въ лингвистической коллекціи Аделунга (Имп. Публ. библ.). Онъ озаглавленъ (Ѳ. Аделунгомъ): «Vergleichung der Samskrit-Wörter im Mithridates [1]) mit dem Russischen von H. General-Lieutenant von Achwerdow" (12 стр. 4°). Рукопись помѣчена 6-мъ февр. 1809 г. (вѣроятно время поступленія ея въ коллекцію Аделунга), такъ что время составленія даннаго глоссарія должно относиться къ промежутку времени отъ 1806 г. (годъ выхода въ свѣтъ перваго тома „Митридата" Аделунга) до начала февраля 1809 г.

Строго говоря, названная рукопись не даетъ настоящаго сравненія санскритскихъ словъ съ родственными русскими, а скорѣе небольшой санскрито-русскій вокабулярій, почерпнутый изъ извѣстнаго труда нѣмецкаго лингвиста. Этимологическія сопоставленія здѣсь встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ, хотя и довольно частыхъ, случаяхъ, но систематически не проведены; нерѣдко составитель ограничивается простымъ переводомъ санскритскихъ словъ на русскій языкъ. Такимъ образомъ терминъ „Vergleichung", примѣненный Аделунгомъ къ данной попыткѣ, является не вполнѣ точнымъ. Неточности и ошибки въ передачѣ самихъ санскритскихъ словъ должны быть, конечно, поставлены въ вину источнику Ахвердова—„Митридату" Аделунга. Всѣхъ словъ у Ахвердова безъ малаго 500 (нѣкоторыя слова, имѣющіяся въ „Митридатѣ", здѣсь пропущены). Для примѣра приводимъ нѣсколько первыхъ словъ съ толкованіями Ахвердова:

aala (?)—дворъ, храмъ, капище.

aascha (=санскр. āçā=желаніе, ожиданіе)—желаніе, хотѣніе, вожделеніе.

ab (=санскр. apa=отъ)—*о*(а)тъ [2]) (нохоть, böse Lust).

---

[1]) «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünfhundert Sprachen und Mundarten, von Johann Christoph Adelung etc.». Берлинъ, 4 т. 8°. 1806—1817.

[2]) Буквы, поставленныя у насъ въ скобкахъ, въ рукописи Ахвердова написаны сверху тѣхъ буквъ, за которыми онѣ у насъ стоятъ. Курсивъ у насъ отвѣчаетъ подчеркнутымъ буквамъ рукописи. Неясно, что̀ Ахвердовъ собственно хотѣлъ обозначить этимъ способомъ, т. е. имѣлъ ли онъ въ виду при-

abi (=санскр. abhi)—съ, со.

abitaba (=санскр. abhitapa-s=жаръ, скорбь)—солнце.

ada (=санскрит. aja-s=козелъ)—ко(а)за.

Jad (?)—скотъ.

ada (=санскр. ad—ѣсть, adana=ѣда)—*ѣ*(ie)да, яда.

addia (=санскр. adya=сегодня, теперь)—сегодня, нын*ѣ*(ie).

adima (=санскр. ādima-=первый)—*о*(а)динъ.

adir (? ādi-š=начало?)—предѣлъ (терніе, тернъ. Dornen mit langen Stacheln).

aduna (adhunā=теперь)—теперь, нынѣ.

agam (aham=я)—азъ, я.

aghni (agni-š=огонь)—огнь, *о*(а)гни (plural.).

agui (? ahi-š=змѣя?)—змѣя.

aham (aham=я)—азъ, я.

aho (aho=ахъ!)—како, какъ.

aiun (āyu ср. р.=жизнь)—время.

ayam (скр. aya-s=ходъ, бѣгъ)—двигая, движеніе, двигаемъ.

akitta (?)—единственно, едино.

akschi (akši ср. р.=глазъ)—око, очи (pluralis) и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, сопоставленія Ахвердова,—тамъ, гдѣ ихъ можно назвать таковыми,—основаны на простомъ созвучіи, часто даже и не полномъ, а лишь частичномъ. Такое неполное созвучіе имѣется, напр., въ сближеніи ab (собственно apa) съ *о*(а)тъ [1]), aduna (adhunā), нынѣ, aho—как*о*, ayam (aya-s)—дви*гая* и т. д. Такого рода сближеній, основанныхъ на частичномъ сходствѣ, не мало и въ остальной части рукописи Ахвердова. Такъ сближаются amara (позднѣйшее новоиндійское заимствованіе изъ арабскаго amir, emir)=полководецъ, кормчій—съ р. *море*ходъ (!), amisza (вм. amiš, amišam ср. р.) съ *мясо*, hasta—рука съ *пясть* (!) tri-lokhan (вм. tri-locana) съ *тре-окій*, oschna—жара (ср. oša-=

близить русскія формы къ санскритскимъ, въ которыхъ, напр., русскому отвѣчаетъ *а*, или русскому *ѣ* (*ie*)—санскр. *ia* (въ ошибочномъ сближеніи *addia*—нынѣ), или мы имѣемъ здѣсь попытку точнѣе обозначить русское произношеніе.

[1]) Буква *а* стоитъ наверху, надъ *о* и вѣроятно, означаетъ произношеніе какъ *а*, въ акающемъ произношеніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда удареніе находилось на начальномъ слогѣ слѣдующаго слова, съ которымъ сочетался предлогъ *отъ*.

жженіе, горѣніе) съ *тошно* (мнѣ тошно!), ratha съ ка*рета*, mada (?) съ гло*да*ть, schunaka (санскр. çunaka-=собачка) съ соб*ака*, sugara (=свинья ?) съ *су*поросъ и т. д. На внѣшнемъ созвучіи основаны сопоставленія: badi, padi — вождь, воевода (очевидно pati-) съ *по(а)ди* (!); bendhu (вм. bandh-) съ *вязать*, cabala (вм. kabala-чаша, черепъ) съ *голова* (!) и *закабалиться* (продать свою голову), djo, djau (=небо, отъ div-) съ *духъ* въ *воз-духъ* (!), gopala (коровій настухъ) съ *купала*, jonidge, dschonidge (=совокупленіе; вѣроятно= yoni+dha?) съ *женидьба* (!), kalaha= голосъ (очевидно, kalaha= споръ, ссора) со мн. ч. *го(а)ло(а)са*, karen=надсмотрщикъ, смотритель, хранитель (karana-=дѣлающій, дѣйствующій, помощникъ?) съ *хоронить* (!), kida (?) съ *кидать*, *кивать*, koska (?)=крикъ — съ *кошка*, mastaka (голова)—съ *мастакъ* (!), mrita (вм. mrta-)= смертный—съ *мрите* (2 л. мн. повел. накл.), muni = пустынникъ, инокъ—съ *монахъ*, *мудрый*, nabha=пупъ—съ *набдъвати*, nadu= вода (въ сущности *рѣка*)—съ *надо*—nöthig, nara, narajam—вода (? второе слово у Аделунга приводится, какъ эпитетъ божества: движущійся на водахъ= санскр. narayana) съ *ныряемъ* и т. д.

Рядомъ, однако, есть совершенно вѣрныя и принятыя впослѣдствіи наукой сближенія, напр., ada (т. е. ad-) съ *ѣда*, adima (adima) съ *одинъ*, aghni (agni-) съ *огнь*, aham съ *азъ*, *я*, akschi (aksi-) съ *око*, отрицательная частица an съ *не*, andara (вм. antara-ср. р.), внутренность, съ *нутро*, asti съ *есть*, bharadi (bharati, 3 л. ед.), bharami (bharami) съ *бремя*, *беремя*, brader (bhratar-) съ *братъ*, bruwan (вин. пад. ед. ч. bhruvam?) съ *брови*, da (da-), datu (da-datu 3. л. ед. ч. повел. накл.?) съ *дай*, *дать*, danam (danam) съ *дань*, *даяніе*, dascha (daça) съ *десять*, dewa (deva-), съ *дѣва*, dhu, dhuma (dhuma-) съ дымъ, dina съ *день*, dugita (им. ед. duhita-) съ *дочь* (но рядомъ и съ *дѣвица*, *дѣвка*!), dwar (dvar) съ *дверь* (такъ уже Аделунгъ), gena (gna?-) съ жена, giri съ *гора* (такъ уже Аделунгъ), harania (вм. hiranya-) съ *золото*, harida (вм. harita-) съ *зелень*, herda (вм. hrd-) съ *сердце*, hima съ *зима* (такъ уже Аделунгъ), juga (yuga-) съ *иго* (такъ уже Аделунгъ), juwa, juwana (yuva, yuvan-) съ *юно*, *юноша*, lakku (laghú-) съ *легко*, loab (lobha-) съ любовь, ma (ma), mama (р. ед. мѣстоименія перваго лица) съ *мой*, *мо(а)я*, mada, madra (mata, тв. ед. matra?) съ *мать*, *матерь*, (такъ уже Аделунгъ), mahat съ *могущъ*, maja (maya) съ *обманъ*, manu и разныя производныя отъ него слова—съ *мужъ*, man,

mana (manas) съ *мнѣніе*, marana (maraṇa-) съ *смерть*, *мереть*, *моръ*, mrita (mṛta-), marthia (martya-) со *смертный*, masi (mās)—съ *мѣсяцъ*, misra (miçra-=смѣшанный)—съ *мѣшать*, mita (прич. прош. стр. з. отъ mā-) съ *мѣрять*, na съ *не*, *нѣтъ*, naba (nabhas) съ *небо*, naga (вм. nakha-) съ *ноготь*, *нога*, nagnaha (вм. nagna-) съ *нагой*, nama съ *имя*, nasa (nāsā) съ *носъ*, 1) nawa (nava-) съ *новъ*, 2) nawa (nava) съ *девять*, oschda (oṣṭha-) съ *уста*, padi (вм. pathi=дорогой?) съ *путь*, pala (pāla) съ *пастырь*, *пастухъ*, pan, pani (pāna-m) съ *пить*, panscha (pañca) съ *пять*, par, para съ *пре*, pria, priam (priya-) съ *пріязнь*, *пріятель*, rawa (rāva-) съ *ревъ*, rohida (rohita-) съ *руда* (кровь), sakka (çākhā) съ *сукъ*, sapta съ *семь*, schad (?), schata (çata-) со *сто* (такъ и Аделунгъ), schaschta (ṣaṣṭha-=шестой) съ *шесть* (такъ уже Аделунгъ), stala (sthala-) со *стоять*, stana (sthāna-) со *станъ*, *станица*, sua (sva-) со *свой*, sunu, (sūnu-) съ *сынъ*, surja (sūrya-) съ *солнце*, swapa (svapna-) съ *сонъ*, *спать*, tama (támas-) съ *тьма*, *темно*, tanu съ *тянуть*, *тяну*, taru (dāru-) съ *древо* (такъ уже Аделунгъ), tatra (tatrā) съ *тамъ* (не совсѣмъ, конечно, точное соотвѣтствіе), treja (tráyas= им. мн. трое, три) съ *три*, *третій*, tschatwar (catvāras) съ *четыре* (такъ и Аделунгъ), tuam, tawa (tvam, tava) съ *ты*, *твой*, uda, oda (odma), udakam съ *вода*, udru (udrá-) съ *выдра*, weda (veda-) съ *вѣдать*, widhawa (vidhavā) съ *вдова*, waihu, vayu (vāyu-) съ *вѣтръ* (такъ и Аделунгъ), wartana (vartana-=вращеніе, забота, требованіе и т. д.) съ *вратникъ*, *привратникъ*, weischwa (viçva-) съ *весь* (такъ и Аделунгъ: сопоставленіе, до сихъ поръ еще встрѣчающее сторонниковъ въ современной научной литературѣ, что̀ естественно въ виду неясности этимологіи даннаго слова), widja (vidyā) съ *вѣдѣніе* и т. д.

Составителемъ этой первой у насъ работы подобнаго рода былъ, очевидно, генералъ-лейтенантъ (съ 1807 г.) Николай Исаевичъ Ахвердовъ (р. 1755 † 1817 г.), воспитатель (съ 1802) и учитель великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, при которыхъ состоялъ и Ѳ. И. Аделунгъ [1]).

Повидимому Ахвердовъ передалъ свою рукопись, которой должно быть не придавалъ особой цѣны, своему сослуживцу, извѣстному за любителя-языковѣда, собиравшаго образчики языковъ. Нѣтъ

[1]) См. о немъ «Русскій біографическій словарь», т. II, вып. I. Спб. 1898.

никакого сомнѣнія, что впослѣдствіи она послужила Аделунгу, въ качествѣ одного изъ главныхъ источниковъ (имъ, впрочемъ, не названнаго) для изданнаго имъ въ 1811 г. аналогичнаго печатнаго труда о сродствѣ русскаго языка съ санскритомъ (см. ниже), въ которомъ находимъ цѣлый рядъ характерныхъ этимологій (вѣрныхъ и ошибочныхъ), отмѣченныхъ нами выше у Ахвердова.

Къ 1809 году относится другая, менѣе значительная по объему попытка этого рода, принадлежащая анонимному автору и напечатанная въ журналѣ „Fundgruben des Orients, bearbeitet durch eine Gesellschaft von Liebhabern=Mines de l'orient, exploitées par une société d'amateurs“ (т. I. Вѣна. Folio, 1809, стр. 459—60), издававшемся на средства гр. В. Ржевусскаго. Статья эта озаглавлена: „Etymologies slavonnes tirées du Sanscrit“ и, кромѣ маленькаго введенія, содержитъ сопоставленіе 43 санскритскихъ словъ со „славянскими“, т. е. попросту говоря, съ русскими. Попытка эта была вызвана извѣстной книгой Фр. фонъ Шлегеля, „Ueber die Sprache und Weisheit der Indier“ (1808).

Анонимный авторъ, вѣроятно русскій родомъ [1]), исходитъ изъ замѣчанія Шлегеля (цит. сочин., стр. 3—4), который находилъ родство санскрита съ армянскимъ, славянскими и кельтскими языками менѣе очевиднымъ, чѣмъ съ латинскимъ, греческимъ, германскимъ и персидскимъ. Шлегель, однако, прибавлялъ, что не слѣдуетъ пренебрегать и этимъ незначительнымъ сходствомъ, такъ какъ аналогіи въ грамматическихъ формахъ и другихъ составныхъ элементахъ языка нельзя считать случайными, но скорѣе проистекающими изъ внутренняго родства грамматической структуры данныхъ языковъ. Авторъ статьи указываетъ, что его цѣлью было именно дать доказательство въ пользу гипотезы Шлегеля и развить нѣкоторыя изъ аналогій „entre les langues indiennes et slavonnes“, на основаніи словъ, цитированныхъ въ самомъ трудѣ нѣмецкаго ученаго. Авторъ приводитъ только сближенія, представляющія „l'analogie la plus frappante et la plus naturelle“, и не желаетъ прибѣгать „къ тѣмъ натяжкамъ, которыми этимологизаторы обыкновенно вооружаются, чтобы защищать свои положенія“. Въ самомъ дѣлѣ, большинство сближеній удачно, и лишь нѣкоторыя

---

[1]) Мурко въ цитированной уже выше статьѣ «Prvi usporedjivači sanskrita etc.» (Rad jugosl. Akademije, 1897, кн. 132, разр. истор. филолог. и юридич. наукъ, стр. 104) дѣлаетъ не лишенное вѣроятія предположеніе, что этимъ авторомъ былъ одинъ изъ русскихъ сотрудниковъ «Fundgruben», гр. Головкинъ, бывшій русскій посолъ. Очевидно онъ имѣлъ въ виду Ю. А. Головкина, члена госуд. совѣта, бывшаго посломъ въ Вѣнѣ и Китаѣ и умершаго въ 1846 г.

должны быть признаны ошибочными [1]). Къ удачнымъ относятся сопоставленія: bhruvo (bhruva-) съ *брови* (bruori, sic!), noko (nakha-) съ nokti (ногти), vetsi съ védaisch (вѣдаешь), nasa (nāsā) съ noss (носъ), tvari (dvarī) съ dveri (очевидно, мн. ч. *двери*), mata (mātā) съ mat (мать), bhrata (bhrātā) съ brat (братъ), osmi, osi, osti (asmi, asi, asti) съ jesm, jessi, jesti (есмь, еси, есть), dodami, dodasi, dodati (dadāmi, dadasi, dadati) съ dajou, dajesch, dajet (даю, даешь, даетъ), pijote (3 л. стр. зал. piyate) съ pijet (пьетъ), masoh (masa) съ mésäts (мѣсяцъ), vortute (vartate) съ vertit (вертитъ), danon (dānam) съ dan (дань), dinon (dinam) съ den (день), vidheva (vidhavā) съ vdova (вдова), jauvonoh (yauvana-) съ jounosch (юноша), jugon (yugam) съ igo (иго), rosch (rasa-) съ rossa (роса), ognih (agni-) съ ogon (огонь), jati (yāti), eti съ idet, itti (идетъ, итти), tonu (tanu-) съ tonko (тонко), tonnoti (tanoti) съ tanut (тянуть), mrityuh (mṛtyu-) съ mertvit (мертвитъ), tisthoti (tiṣṭhati) со stoit (стоитъ), monyote (manyate) съ mnit (мнитъ), vetti съ védat (вѣдать), svon, svan (svam, svām) со svoe, svoja (свое, своя), chotur (catur) съ chetire (четыре), trèttiyoh (tṛtīya-) съ trétoye (третее), soptomon (saptama-) съ sedmoye (седьмое), duadoscho (dvadaça) съ dvadecatoye (двадесятое), maho (maha-) съ matchnoe (мочное), tomo (tama-) съ tomno (темный), madhu съ med (медъ).

Такимъ образомъ изъ 43 сближеній 34 оказываются удачными, что нельзя не признать довольно высокимъ %, оправдывающимъ выраженіе автора: „l'analogie la plus frappante et la plus naturelle“. Другія сближенія или ошибочны и основаны на внѣшнемъ созвучіи (svonoh, т. е. svana-, со *звонъ*, sevjoti, т. е. 3 л. страд. з. sevyate, съ *свѣтитъ*, trasoh, т. е. trāsa-=страхъ, ужасъ, съ dragat, т. е. дрожать, со-дрогаться-ся и т. д.), или представляютъ собой результатъ извѣстнаго недоразумѣнія. Такъ сближается svastri (счастье, благо) съ *сестра* (ошибку эту находимъ уже у Шлегеля „Ueb. die Sprache und Weish. der Indier“, стр. 7, гдѣ shvosa [= svasā] и svostri стоятъ рядомъ, какъ синонимы для р. *сестра*); въ иномъ родѣ сопоставленіе kakon—qui, quæ, quod—съ какая (*какае*), основанное на грубомъ недоразумѣніи. Авторъ не разобралъ у Шлегеля (цит. соч., стр. 22) словъ koh, ka, kon (т. е. формъ вопросит. мѣстоименія kas, kā, kam) и прочелъ послѣднія двѣ формы вмѣстѣ: „kakon“, что и сблизилъ съ *какае* (какая?).

[1]) Ошибки въ передачѣ санскритскихъ словъ, конечно, должны быть поставлены въ вину источнику автора—книгѣ Шлегеля.

Несмотря на то, что свѣдѣнія о санскритѣ и даже попытки сравненія его съ русскимъ языкомъ начинаютъ появляться у насъ съ 1805 г. все чаще и чаще, все же общаго распространенія среди нашихъ филологовъ они не получали. Востоковъ, работавшій уже съ 1807 г., а, можетъ быть, еще и раньше, надъ „этимологическимъ словорасписаніемъ“ русскаго языка, даже въ 1809 году, указывая языки, привлекавшіеся имъ къ сравненію съ русскимъ (славянскій, нѣмецкій, греческій, латинскій и „цельтскій“), не упоминаетъ совсѣмъ о санскритѣ [1]). Орнатовскій, авторъ „Новѣйшаго начертанія правилъ россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ“ (Харьковъ 1810, см. выше, стр. 553 и сл.), перечисляя разные „коренные“ языки, также не говоритъ ничего о санскритѣ. Въ другомъ современномъ книгѣ Орнатовскаго обзорѣ разныхъ языковъ, „Краткомъ историческомъ начертаніи языковъ“ діакона Орлова (Москва, 1810, см. выше, стр. 540 и слѣд.), о санскритѣ тоже нѣтъ ни слова.

Нѣсколько словъ о важности Индіи, ея языка и литературы, находимъ въ замѣчательномъ для своего времени проектѣ азіатской академіи, составленномъ 24-хъ лѣтнимъ графомъ С. С. Уваровымъ, тогда еще (1810 г.) секретаремъ нашего посольства въ Парижѣ [2]). Правда, въ составленіи этого проекта принималъ участіе извѣстный европейскій ученый Ю. Клапротъ, давшій Уварову, по его собственнымъ словамъ (стр. 41), много матеріала (особенно для второй части проекта) и составившій для него рядъ таблицъ съ учебными планами разныхъ восточныхъ литературъ, но это нисколько не

[1]) См. Срезневскій, «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова, между прочимъ и неизданныхъ» въ академическомъ изданіи «Филологическихъ наблюденій А. Х. Востокова» (Спб. 1865, стр. V—XI). Въ рукописи Востокова гораздо чаще встрѣчаются ссылки на арабскія, сирійскія, халдейскія и еврейскія формы, тогда какъ сравненія съ санскритомъ (обознач. обыкновенно indic., ind.) встрѣчаются крайне рѣдко и случайно. Такъ ихъ нѣтъ при словахъ, въ родѣ *мать* (приведены еврейскія и арабскія формы, персидское mader, но санскритскаго слова нѣтъ), *братъ*, *дочь* и т. д. Только при *десять* (indost. dasha), *огнь* (sanskr. akni, aghni), *межа* (кромѣ арабской, халдейской, сирійской и еврейской формъ, приводится и «Ind. madjama—между»: санскр. madhyama собственно значитъ *талія*, *станъ*=средина туловища) и очень немногихъ другихъ словахъ находимъ санскритскія формы, несомнѣнно приписанныя Востоковымъ уже послѣ.

[2]) «Projet d'une académie asiatique. S. Pétersbourg, de l'imprimerie d'Alexandre Pluchart et Comp. 1810». 4°. 4 ненум. + 50 + 8 ненум. Безъ имени автора. Съ эпиграфомъ: ..Juvat integros accedere fontes. *Lucret.* и посвященіемъ тогдашнему министру нар. просвѣщенія гр. А. Разумовскому. Русскій переводъ см. «Вѣстн. Европы» 1811 г., ч. 55, № 1 и 2. Переводчикъ (Ж.) въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 27) указывалъ, что читатели въ этой статьѣ найдутъ «многія важныя мысли» и «новый со многихъ сторонъ привлекательный предметъ, изображенный перомъ искуснымъ».

умаляетъ заслуги самого юнаго автора проекта, обнаружившаго въ немъ рѣдкое тогда у насъ пониманіе научныхъ задачъ и чисто европейское образованіе. Уже въ самомъ началѣ проекта обращается вниманіе на великій переворотъ, совершившійся въ послѣдніе годы XVIII в. во взглядахъ ученыхъ на роль востока въ исторіи цивилизаціи человѣчества. Востокъ былъ признанъ колыбелью всемірной цивилизаціи, благодаря успѣхамъ англичанъ въ Индіи, открытію санскрита и Авесты, работамъ нѣмецкихъ ученыхъ надъ изученіемъ Библіи и учрежденію Азіатскаго общества въ Калькуттѣ (стр. 1). На первыхъ же страницахъ своего проекта, Уваровъ ведетъ изъ Индіи всю греческую философію (стр. 2), говоритъ о заслугахъ Анкетиля дю-Перрона, вывезшаго оттуда-же Авесту (стр. 4, прим.), о глубокой древности индійскихъ религіи, философіи, права, поэзіи, являющихся первыми шагами человѣчества въ его культурномъ развитіи (стр. 6), о значеніи изученія древнихъ азіатскихъ языковъ, и особенно санскрита, для критики положеній всеобщей грамматики, пытавшейся изобразить процессъ возникновенія языка у первобытнаго человѣка подъ вліяніемъ нужды изъ простыхъ криковъ и т. п. грубыхъ элементовъ. По мнѣнію Уварова, всеобщая грамматика вынуждена теперь отказаться отъ своего представленія о грубости и бѣдности первобытнаго языка, въ виду стройности и правильности грамматическаго строя и выразительности санскрита, который де всѣми признанъ за древнѣйшій изъ существующихъ языковъ (§ 5). Открытіе санскрита такимъ образомъ, по мнѣнію Уварова, уничтожаетъ аргументы философовъ противъ теоріи о божественномъ происхожденіи языка. Говоря о важности изученія индійской литературы, тогда еще очень мало извѣстной въ Европѣ Уваровъ съ восторгомъ отзывается о Шакунталѣ Калидасы, цитируя знаменитое четверостишіе Гёте, вдохновленное красотами этой драмы (§ 7). Ниже говорится и о важности изученія индійской астрономіи (стр. 25—26).

Во второй части проекта, посвященной опредѣленію въ общихъ чертахъ программы преподаванія въ проектированной академіи, Уваровъ снова говоритъ объ индійской литературѣ, самой древней, самой интересной и наименѣе извѣстной изъ всѣхъ прочихъ литературъ. Здѣсь же характеризуются вкратцѣ главныя черты религіозныхъ и философскихъ ученій Индіи, происходящихъ вмѣстѣ съ таковыми же ученіями Египта изъ одного общаго источника. Указывается на отсутствіе въ Европѣ пособій для изученія индійской цивилизаціи во всемъ ея объемѣ, вызывающее необходимость обращаться за книгами и рукописями въ Азіатское ученое обще-

ство въ Калькуттѣ. Для составленія санскритскаго словаря рекомендуется послать ученаго въ Парижъ, чтобы тамъ списать грамматики и словари, перечисленные въ каталогѣ санскр. рукописей Парижской библіотеки Гамильтона и Лангле (Парижъ, 1807) и въ предисловіи къ книгѣ Шлегеля „О языкѣ и мудрости индусовъ". Уваровъ полагаетъ, что въ виду недостатка пособій, будетъ трудно на первыхъ же порахъ организовать научное преподаваніе санскрита въ проектируемой академіи, но совѣтуетъ всетаки сначала ознакомить ся студентовъ съ индійскими азбуками деванагари и бенгали и дать имъ нѣкоторыя свѣдѣнія по грамматикѣ послѣдняго, что̀ могло бы заохотить ихъ къ дальнѣйшему изученію индійской филологіи (ч. II, § 2). Въ текстѣ дѣлаются ссылки на труды В. Джонса, Паулино де С. Бартоломео, Фр. ф. Шлегеля, Бальи, Вильфорда, Гамильтона и Лангле, на журналъ „Asiatic Researches" и т. д. Очень интересна для того времени таблица, служащая программой для изученія индійской литературы и составленная Клапротомъ (см. стр. 38).

Для изученія языка Клапротъ предлагаетъ такіе курсы (cours de langue): упражненія въ письмѣ деванагари и бенгали, санскритская грамматика, образованіе санскритскихъ глаголовъ, Гитопадеша или басни Вишну-Сармы, Магабгарата, поэма о войнѣ Куру и Панду. Для изученія литературы, философіи и религіи рекомендуются чтенія: о системахъ поклонниковъ Брахмы, послѣдователей Будды и ламаизма, обожателей Вишну и Шивы, очеркъ индійской литературы, исторія и географія Индустана. Какъ научныя desiderata, Клапротъ выставляетъ: санскритскій словарь и грамматику, переводы ведъ, Магабхараты, драмъ Калидасы и Джаядевы, полный переводъ и изданіе текста Гитаговинды. Санскритскія имена передаются здѣсь въ транскрипціи, по тогдашнему очень точной и близкой къ нынѣ употребляемой (большая рѣдкость въ то время, особенно у насъ): Dêvânagari, Hitôpadêsa, Vichnou-Sarma, Mahâbhârata, Brahmâ, Boudha, Vichnou, Chiva, Vêdas, Kâlidâsa, Djaya-Déva, Guîtâ-Govinda и т. д. [1]).

Проекту Уварова, какъ извѣстно, не было суждено осуществиться до открытія восточнаго факультета въ Казани, замѣнившаго проектированную имъ академію, но интересъ къ Индіи, обнаруженный молодымъ дипломатомъ, несомнѣнно принесъ свои плоды впослѣдствіи, когда Уваровъ сталъ министромъ народнаго просвѣщенія (съ 1833) и въ этомъ званіи сдѣлалъ рядъ попытокъ насадить у насъ изученіе индійской филологіи.

---

[1]) Въ цитированномъ выше русскомъ переводѣ (Вѣстникъ Европы» 1811 г.) имена эти переданы съ грубыми ошибками: девангари, Гитопадеза, Вистну, Гупта-Говинда и т. д.

Къ 1811 году относится первый у насъ печатный опытъ сличенія русскаго языка съ санскритомъ: „Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe. Présentés à l'Académie Impériale Russe St. Petersb. De l'Impr. de Drechsler. 1811" (4°, 16 стр.), вышедшій и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „О сходствѣ санскритскаго языка съ русскимъ. Поднесено Императорской Россійской Академіи. Перевелъ съ французскаго Павелъ Фрейгангъ. Санктпетербургъ. Въ Императорской типографіи. 1811 года" (8°. 20 стр.). Авторомъ этого сочиненія, вышедшаго анонимно, былъ, по свидѣтельству современниковъ, Ѳ. П. Аделунгъ [1]), племянникъ знаменитаго нѣмецкаго языковѣда-полиглотта и наставникъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, впослѣдствіи (съ 1824 г.) директоръ института восточныхъ языковъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (р. 1768—1843). Русскій переводъ снабженъ предисловіемъ Н. Греча, изъ котораго мы узнаемъ, что переводчикъ брошюры на русскій языкъ, П. Фрейгангъ, былъ ученикомъ автора предисловія и воспитанникомъ главнаго нѣмецкаго училища при церкви Св. Петра. Въ концѣ брошюры помѣщены анонимныя замѣчанія, написанныя, по словамъ Греча, „въ классѣ, при чтеніи онаго перевода,—не учеными испытателями языковъ, а молодыми, скромными любителями Историческихъ и Филологическихъ истинъ".

Въ небольшомъ, но содержательномъ для своего времени введеніи (стр. 1—7) Аделунгъ говоритъ о важности филологическихъ изысканій, являющихся „лучшимъ средствомъ для изъясненія Исторіи народовъ", и о переворотѣ во взглядахъ ученыхъ, происшедшемъ, благодаря открытію санскрита: „старинныя умствованія о первоначальномъ языкѣ, о связи древнихъ и новыхъ языковъ изчезли отъ лучей новаго свѣта", которымъ мы обязаны „особливо подробнѣйшему познанію Индіи". Это познаніе „руководствуетъ нынѣ ученыхъ мужей въ изысканіяхъ о сходствѣ языковъ, *и при всѣхъ недостаткахъ своихъ, указываетъ путь, которымъ отнынѣ должны идти всѣ, желающіе разпространять свои изысканія, выводить слѣдствія, сообразныя со свойствомъ языковъ* (курсивъ нашъ) и съ Исторіею людей, и рѣшать задачи, предлагаемыя намъ Исторіею, языкомъ и нравами каждаго народа въ особенности". Въ этихъ словахъ впервые у насъ такъ категорически устанавливалось наступленіе новой эпохи въ исторіи языкознанія, созданной трудами Джонса и Шлегеля и разрушившей „старинныя

---

[1]) См. «Труды Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей Россійской словесности», иначе «Соревнователь просвѣщенія», ч. X. 1820, стр. 211.

умствованія“. Интересно, что авторъ говоритъ здѣсь о новой эрѣ не только по отношенію къ языкознанію, но и къ индоевропейской филологіи вообще, указывая на необходимость считаться съ открытіемъ взаимнаго родства санскрита съ европейскими языками и въ области исторіи и этнографіи, чѣмъ предвозвѣщаетъ водвореніе сравнительнаго метода и въ этихъ областяхъ знанія, воспослѣдовавшее значительно позже. Самыя свѣдѣнія о санскритѣ, сообщаемыя имъ здѣсь, по тогдашнему времени очень точны и обстоятельны, чего и слѣдовало ожидать отъ такого хорошаго библіографа, какимъ былъ Аделунгъ. Указанія эти несомнѣнно могли принести большую пользу тому, кто вздумалъ бы заняться изученіемъ названнаго языка. Въ своемъ введеніи Аделунгъ перечисляетъ ученыхъ, познакомившихъ Европу съ санскритомъ (Джонса, Кольбрука, Гамильтона, Анкетиля дю Перрона, Лангле, Сильвестра де Саси и Шлегеля) и удивившихъ „всѣхъ сходствомъ, которое являлось въ немъ со многими другими языками“ и заставило „понимать сей языкъ отцемъ или по крайней мѣрѣ старшимъ братомъ большей части, естьли не всѣхъ, живыхъ языковъ“. По словамъ Аделунга, въ немъ найдены языки не только еврейскій (!), персидскій, греческій, латинскій, кельтскій, нѣмецкій, но и славянскій. При этомъ въ примѣчаніяхъ объясняется самое названіе языка *санскритъ* или *санскрита*, и указываются труды, могущіе служить для его изученія: „Митридатъ“ Аделунга старшаго, „De affinitate qua lingua Samscredamica cum ea Persarum ita conjuncta est etc.“ Оттомара Франка, его же „Commentarii de Persidis lingua et genio“ (Нюренбергъ, 1809), переписка патера Кёрду съ Анкетилемъ дю Перрономъ и Бартелеми о сходствѣ санскрита съ лат. и греч. яз. въ „Мемуарахъ“ академіи надписей (т. XLIX), латинскія разсужденія Паулино а С. Бартоломео: „De latini sermonis origine etc.“ (Римъ, 1802) и „De antiquitate et affinitate linguarum Zendicae, Samscritanae et Germanicae“ (Падуя, 1798), его же санскр. грамматика: „Vyacarana seu locupletissima samscrdamicae linguae institutio etc.“ (Римъ, 1804), такія же грамматики Кольбрука, Карея (Калькутта, 1808), и Вилькинса (Лондонъ, 1808), сочиненіе проф. Антона „De lingua Rossica ex eadem cum Samscrdamica matre orientali prognata etc.“ (Виттенбергъ, 1809) и т. д. Чѣмъ объясняется „удивительное явленіе, что нынѣшніе Россіяне находятся въ сродствѣ съ обитателями Ганга посредствомъ своего языка“, Аделунгъ предоставляетъ рѣшить историкамъ Карамзину, Кругу и Лербергу, но самый фактъ этого родства онъ признаетъ, хотя и невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно существующимъ. При этомъ высказывается надежда,

что Россійская академія, оказавшая уже многочисленныя важныя услуги русскому языку, займется этимъ важнымъ предметомъ и разсмотритъ „сіи любопытственныя изысканія“. Съ этой цѣлью авторъ и поднесъ академіи свое разсужденіе. Свои доказательства онъ, впрочемъ, не считаетъ достаточными, „потому что Санскритскій языкъ намъ еще слишкомъ мало извѣстенъ и мы имѣемъ въ Европѣ немного пособій для сего сравненія. Особенно-жъ грамматическими сходствами, при подробномъ познаніи языка Санскритскаго, можно будетъ доказать сходство онаго съ Русскимъ (стр. 6—7)“. Въ самомъ сравненіи санскрита съ русскимъ, впрочемъ, о грамматическихъ сходствахъ рѣчи нѣтъ, и Аделунгъ ограничивается лишь лексическими сближеніями, въ огромномъ большинствѣ случаевъ заимствованными прямо изъ выше разсмотрѣннаго рукописнаго труда генерала Ахвердова, въ числѣ источниковъ имъ однако не названнаго [1]). Приписывая себѣ открытіе данныхъ сходствъ [2]) между санскритомъ и русскимъ яз., Аделунгъ совершилъ несомнѣнный плагіатъ, никѣмъ въ свое время не разоблаченный. Не пыталась, повидимому, его разоблачить и сама жертва плагіата, ген. Ахвердовъ, можетъ быть потому, что рукопись его, долженствовавшая служить вещественнымъ доказательствомъ, была въ рукахъ плагіатора, переданная ему, вѣроятно, самимъ Ахвердовымъ. Долгъ историка, однако, заставляетъ насъ указать настоящаго автора. Изъ 178 лексическихъ сближеній Аделунга ему самому принадлежитъ лишь очень небольшое число. Правда, онъ выкинулъ изъ списка Ахвердова рядъ такихъ сопоставленій, которыя являлись простыми переводами санскритскихъ словъ на русскій языкъ и никакого сходства не представляли (въ томъ числѣ выкинуты иногда и вѣрныя сближенія, въ родѣ deva—дѣва, harania, т. е. hiranya—золото, ma, mama—мой, моя, maja, т. е. maya—обманъ, manu—мужъ, na—не, panscha—пять и немногія др.), но этимъ и ограничилось самостоятельное его участіе въ составленіи своего списка. Почти всѣ курьезныя сопоставленія и ошибки Ахвердова, отмѣченныя нами выше (стр. 627—28), вошли и въ списокъ Аделунга (*амисца*—мясо, *аямъ*—двигая, *бади*, *вади*—водить, *дшенту*—человѣкъ, женатый, *гопала*—Кунала, *жонидге*—

[1]) Аделунгъ говоритъ, что при составленіи своего списка санскритскихъ словъ, схожихъ съ русскими, онъ пользовался «матеріалами, сообщенными драгоцѣннымъ собраніемъ Азійскихъ изысканій (очевидно «Asiatic Researches»), трудами отца Варѳоломея, Анкетиля дю-Перрона, Лангле, Гамильтона и Шлегеля» (цит. соч., стр. 7).

[2]) Подлинныя слова Аделунга: «предлагаю всѣ сходства, *замѣченныя мною*» и т. д. (стр. 7).

женитьба, *кабала*—голова, кабала, *калага*—голоса, *каренъ*—хоронить, *кида*—кидать, *коилъ*—колиба, *маркка*—мѣрка, *мастака*—мастакъ, *нарайгамъ*—двигающійся на водѣ—ныряемъ, *ништь*—ничто, *ратга*—карета, *сумана*—сѣмяна, *чарида*—работа, ѣарить, *чару*—хорошій, красивый, чары, *шунака*—собака и т. д.). Вошли въ него и почти всѣ удачныя сближенія Ахвердова: *ада*—ѣмъ, *агамъ*—я, *агни*—огонь, огни, *адима*—одинъ, *акши*—око, очи, *асти*—есть, *барами*—беремя, бремя, *брувo, брувaнъ*—брови, *вайгу*—вѣтеръ, *вартана*—вратникъ, *веда*—вѣдать, *вигава* (очевидно, опечатка, вм. *видгава*)—вдова, *видья*—вѣдать, *гена* (gnā?)—жена, *герда*—сердце, *гима*—зима, *гири* гора, *дадгату*—(очевидно, вм. *дадати*)—дать, дати, *данамъ*—дань, *даша*—десять, *дваръ*—дверь, *дгума*—дымъ, *дина*—день, *додами, додасти, додати*—дамъ, додамъ (!) и т. д., *дужида* (ошибка переводчика, прочитавшаго на французскій ладъ *dugida*)—дочь, *жада* (yadā)—егда, *жува* (Ахвердовъ: juva)—юный, *лакку*—легко, *лоабъ*—любовь, *мада, мадра*—мать, *магатъ*—могущъ, *манъ, мана*—сердце, мысль, мнѣніе, *маси*—мѣсяцъ, *мисра*—мѣшать, *моду* (madhu-)—медъ, *мрита*—смертный, *наба*—небо, *нога, ного, ноко*—ноготь, *нагнага*—нагій, *нава*—новый, *наза*—носъ, *ода, уда*—вода, *онторъ*—внутри, нутрь, *осма* (asmi!)—есмь, *ошда*—уста, *пади*—путь, *паръ, пара*—пре, *пріа, пріамъ, пріади*—пріязнь, пріятель, *рава*—ревъ, *рудгира*—руда, *сакка*—сукъ, *стана*—станъ, *сую* (! вм. *суну*)—сынъ, *тава*—твой, *тама*—тьма, темный, *тону*—тонкій, *три*—три, *удру* выдра, *чатваръ*—четыре, *шашта*—шесть, *шива* (jîva-?)—животъ, жизнь, *юва*—юный, *юга, югонъ*—иго и т. д.

Самимъ Аделунгомъ добавлены лишь очень немногія этимологіи, которыхъ не было у Ахвердова. Къ такимъ можно отнести удачныя сближенія: *тапа*—тепло, топить, *гормо* (gharma-)—гаръ, *крюшна, чришна* (! kṛshṇa)—черный, *піотъ, пийотъ* (страд. pīyâte?)—пьетъ, и неудачныя: *барья*—женщина (bhāryā—супруга)—барыня (!), *гада*—идучи (очевидно, прич. прош. вр. стр. з. gatá-)—ходить, ходя, *ожснонъ*—столъ (le repas))—ужинъ (! очевидно, Аделунгъ имѣлъ въ виду форму, приведенную Шлегелемъ, въ его „Ueb. die Spr. u. Weish. d. Indier“, стр. 7: „oshonon—das Essen“=санскр. açana-m=ѣда, кушанье), и м. б. еще очень немного. Самыя слова санскритскія часто очень сомнительной достовѣрности, въ чемъ, впрочемъ, виноватъ не самъ Аделунгъ, а его источники. Сообщены они то въ архаизированномъ произношеніи, то въ новомъ, туземномъ (ср., напр., *жува*—молодой и *юва*—юный, *жада*=yadā и *яти*=yāti и т. д.), съ рядомъ ошибокъ, въ родѣ

амисца (невѣрно прочитанное amisza Аделунга старшаго=āmiša), *вигава* (м. б. опечатка, вм. *видгава*=vidhava), *дадгату* (?)—дать, *крюшна*, вм. *кришна* (kṛšna-), *наза* — носъ, вмѣсто nasa=*наса*, *суню* вм. *суну* и т. д., не говоря уже о многихъ другихъ.

Очевидно, что о самомъ санскритѣ Аделунгъ, даже и по тогдашнему, имѣлъ довольно смутное представленіе и ограничился простой выпиской формъ изъ разныхъ источниковъ (главнымъ образомъ изъ рукописи Ахвердова), не провѣривъ ихъ подлинности и не подводя ихъ подъ какую-нибудь одну норму правописанія. Такимъ образомъ чисто лингвистическая сторона брошюры Аделунга стояла ниже его обстоятельнаго библіографическаго введенія, что́, однако, не мѣшаетъ намъ признать ее въ цѣломъ довольно примѣчательнымъ историческимъ явленіемъ въ области русской науки.

Замѣчанія, приложенныя къ русскому переводу разсужденія Аделунга, свидѣтельствуютъ о томъ впечатлѣніи, которое было имъ произведено на „молодыхъ любителей историческихъ и филологическихъ истинъ". Замѣчанія эти частью дополняютъ наблюденія и выводы Аделунга, частью даютъ поправки и критическія замѣчанія къ его этимологіямъ. Къ перваго рода наблюденіямъ относится замѣчаніе 1-ое, въ которомъ указывается, что „великая часть словъ Русскихъ, сходныхъ съ Санскритскими, обрѣтается и въ Латинскомъ языкѣ", причемъ латинскія ближе къ санскритскимъ. Вспоминая одну изъ журнальныхъ статей XVIII в. (въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова", ч. VII, см. выше стр. 285 и слѣд.), въ которой утверждалось, что латинскій языкъ происходитъ отъ русскаго, авторы замѣчаній приходятъ теперь къ заключенію, „что оба языка произошли токмо изъ *одного источника* (курсивъ нашъ), что въ одномъ сохранились нѣкоторыя первообразныя слова, потерянныя въ другомъ" (стр. 15). Отмѣчается также, что „нѣкоторыя изъ сихъ Санскритскихъ словъ находятся почти во всѣхъ коренныхъ Европейскихъ языкахъ, напр.: имена числительныя" и слова: *амма*—мать, *бруво*—бровь, *братга*—братъ, *герда*—сердце, *маркка*—мѣрка (!), *наба*—небо, *нидгигъ* (nidhi-)—гнѣздо (!), *рудгира*—руда, *самъ* (санскр. предлогъ sam-)—самъ (!), *стала*—стойло, *стана*—станъ, *станну* (?)—станъ, *суа*—свой, *суню* (!)—сынъ, *тада*, *татта*—отецъ, тятя (!), *шунака*—собака (!). „Удивительнѣе всего" для авторовъ замѣчаній „сходство спряженій существительнаго глагола", которое они и выписываютъ изъ разсужденія проф. Антона о сходствѣ санскрита съ

русскимъ (въ языкахъ: санскритѣ, русскомъ, лат., греч., старонѣм., исландскомъ).

Въ примѣчаніи 2-мъ для объясненія сходства русскаго языка съ санскритомъ приводятся выводы Антона изъ указаннаго только что его разсужденія: „оба сіи языка произошли изъ одного общаго корня", а именно: „древняго Персидскаго или Мидійскаго языка", который „весьма сходенъ былъ (а можетъ быть составлялъ и одно нарѣчіе) съ неизвѣстнымъ Сѣверо-халдейскимъ языкомъ, по множеству Халдейскихъ словъ, обрѣтаемыхъ какъ въ Санскритскихъ, и такъ въ Славянскихъ книгахъ (!)". Антонъ находилъ также, что русскій языкъ „имѣетъ болѣе признаковъ возточнаго характера, нежели Польскій и Вендскій, и заключаетъ въ себѣ больше словъ, сходныхъ съ Санскритскими и Персидскими" (стр. 16); что онъ имѣетъ также „много словъ, сходныхъ съ Нѣмецкими, Греческими и Латинскими", большая часть которыхъ происходитъ, однако, не изъ нѣмецкаго, греческаго и латинскаго, „а непосредственно изъ Мидійскаго, общаго ихъ отца" (стр. 17). По мнѣнію Антона, „русскій языкъ не только находится въ сродствѣ съ Санскритскимъ, но и по многимъ, оставшимся въ немъ слѣдамъ возточнаго характера, есть старшій онаго братъ" и потому „можетъ почесться однимъ изъ древнѣйшихъ языковъ намъ извѣстныхъ" (стр. 17—18). Изъ этого слѣдуетъ, что новые индійскіе языки, происходящіе изъ санскрита, всѣ „моложе Русскаго", а также, что „первоначальныя мѣста жительства Россіянъ и Славянъ были въ древней Мидіи или Иранѣ, которая страна оставлена Россіянами прежде 1300 л. до Р. Хр." и т. д.

Самыя замѣчанія анонимныхъ авторовъ, относительно этимологіи Аделунга, основательны и свидѣтельствуютъ о здравомъ смыслѣ и довольно ясномъ пониманіи предмета. Въ примѣчаніи 3-мъ резонно указывается, что нельзя сравнивать санскр. слово *аямъ* съ р. *двигаемъ*, гдѣ корень *двиг*, а *-аемъ* есть только окончаніе. Справедливо замѣчается, что тогда придется роднить съ этимъ словомъ и р. *читаемъ*, *знаемъ* и т. д. Въ примѣчаніи 6-мъ правильно указывается, что р. *мастакъ* и *карета* ничего не имѣютъ общаго съ санскр. *мастака* и *ратга* и происходятъ изъ нѣмецкаго (Meister—*мастеръ* и *carrete*=итал. *carreta*). Авторы заключеній находятъ также, что роспись сходныхъ словъ слишкомъ недостаточна: „не однимъ сходствомъ словъ", но „и грамматическими формами надлежало-бы доказать сродство сихъ двухъ языковъ". Правильно замѣчено ими, между прочимъ, отсутствіе звука *ф* въ санскритѣ, но наивно и ошибочно указаніе на невозможность въ немъ звуковъ *е*, *я* (!) и *ю* (!) послѣ *к* и *х*, или *я*

и *ю* послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* (?!), какъ въ русскомъ. По всей вѣроятности въ составленіи этихъ примѣчаній участвовалъ и авторъ предисловія къ русскому переводу, учитель переводчика, столь извѣстный впослѣдствіи Н. И. Гречъ.

Брошюра Аделунга вызвала курьезный критическій ея разборъ, написанный по порученію Россійской Академіи Колл. Совѣтникомъ Ив. Левандою [1]). Появленіе такого „научнаго" трактата подъ эгидой Россійской академіи и по ея приглашенію ярко характеризуетъ состояніе языкознанія въ Россіи въ описываемое время. Очевидно, со временъ Тредьяковскаго, Щербатова, Сумарокова, Коха и другихъ подобныхъ этимологизаторовъ XVIII в., мы немногому научились, такъ что незначительная по содержанію и объему брошюрка пріѣзжаго нѣмца (Аделунга), совсѣмъ не выдающагося лингвиста, но все-же вкусившаго отъ плодовъ европейской науки, оказалась стоящей неизмѣримо выше научнаго пониманія, присущаго нашимъ доморощеннымъ языковѣдамъ, въ родѣ Левандыи облекшихъ его своимъ довѣріемъ членовъ Россійской академіи.

Главное достоинство разбираемаго имъ труда Леванда видитъ въ томъ, что „безъимянный сочинитель" его первый (?) сталъ сравнивать русскій и славянскій языкъ съ санскритомъ. Похвала эта, какъ мы видѣли выше, однако, не вполнѣ заслужена анонимнымъ авторомъ (Аделунгомъ), ибо изъ его-же брошюры ученый критикъ ея могъ-бы узнать, что она имѣла уже предшественника въ аналогичномъ разсужденіи проф. Антона: „De lingua Rossica ex eadem cum Samscrdamica matre orientali prognata etc". (Виттенбергъ, 1809), не говоря уже объ указанной выше (стр. 630) анонимной статьѣ въ „Fundgruben des Orients". Сопоставленіями безъимяннаго автора (Аделунга) Леванда, однако, не доволенъ, находя, что не всѣ они „равномѣрно сильны и справедливы", напротивъ, есть между ними даже „натянутыя" (стр. III). Съ этимъ замѣчаніемъ можно было-бы согласиться, но изъ

---

[1]) Разсужденіе о пользѣ и достоинствѣ Сочиненія сообщеннаго отъ неизвѣстной особы подъ названіемъ: сходство между Санскритскимъ и Россійскимъ языками (такъ!). За симъ разсужденіемъ слѣдуетъ Истинное происхожденіе и начало славянскаго народа И его Имени доказанное Исторически и Этимологически, и представленное Императорской Россійской Академіи Коллежскимъ Совѣтникомъ Ив. Левандою. Въ Санктпетербургѣ, въ Императорской Типографіи, 1812 года, (8°, 1 ненум. + IX + 64 стр.).

Также и по-французски: «Dissertation sur l'utilité et le merite d'un ouvrage anonyme ayant pour titre: Rapports entre la langue... suivie de la decouverte de la vraie origine de la Nation Slavonne prouvée historiquement et étimologiquement et présentée à l'Acad. Imp. Russe» (Спб. 1812).

поправокъ Леванды и его собственныхъ сближеній видно, что его недовольство вытекало изъ неспособности оцѣнить разбираемую работу и отсутствія сколько-нибудь вѣрнаго чутья, не говоря уже о недостаткѣ знаній, которыхъ и трудно было-бы требовать въ данной области въ то время. Изъ сходства санскрита съ еврейскимъ (!), персидскимъ, греческимъ, латинскимъ, „цельтическимъ" и нѣмецкимъ Леванда заключаетъ, что всѣ эти языки, вмѣстѣ съ остальными, „происходятъ изъ одного и того-же источника" (стр. III—V), которымъ „по историческимъ выводамъ долженъ быть Скиѳскій, до потопа существовавшій, единый" первобытный языкъ. На этомъ-то языкѣ и говорили люди „прежде разсѣянія по всей землѣ", почему онъ „и теперь еще служитъ единственнымъ ключемъ, посредствомъ коего не только таинственный языкъ всѣхъ религій, древнія надписи удобочитаемыя, но непонятныя, на какомъ-бы то ни было языкѣ, но и самое происхожденіе народовъ и всѣ реченія ихъ языковъ изъясняются естественнымъ, точнымъ и удовлетворительнымъ образомъ" (стр. V—VI). Въ подтвержденіе этого Леванда ссылается на этимологическій словарь французскаго языка Менажа [1]), который онъ „весь разобралъ и нарочито приумножилъ", на собственныя объясненія непонятныхъ сло́въ изъ Слова о Полку Игоревѣ, „смыслъ коихъ по отзыву самой Академіи признанъ былъ навсегда потеряннымъ", но открылся, благодаря „ключу" Леванды, и на „безчисленное производство множества языковъ мертвыхъ и живыхъ", которые онъ „сравнивалъ и разбиралъ", причемъ „удостовѣрился въ неоспоримой отъ нынѣ *единости* (identité) языковъ и народовъ, доказанной до очевидности: 1) Историческими событіями, посредствомъ Родословнаго древа народовъ; 2) Словопроизводнымъ разборомъ почти всѣхъ языковъ, представляющихъ метафизическія (?!) картины слова" (стр. VI). Далѣе оказывается, что корни этого „допотопнаго" Скиѳскаго языка извлекаются „исключительно, *иногда* изъ Наваѳейскаго или древняго Арабскаго, безъ различія (!) именуемаго Сирскимъ, Халдейскимъ, Савейскимъ и Пеглевійскимъ (!), словомъ изъ языка, на коемъ писаны Зороастровы книги, Зендъ, Пазендъ и Веста (!), и коимъ Авраамъ и предки (?!) его говорили, а *иногда* изъ древняго Персидскаго, или правильнѣе сказать изъ Мидскаго языка, древнимъ Волхвамъ свойственнаго" (стр. VII).

[1]) Жилль Менажъ, французскій филологъ XVII в. (1613—1692), врагъ Буало, аббата Котена, Шаплена и франц. академіи, выведенный Мольеромъ въ «Femmes Savantes» подъ именемъ педанта Вадіуса, другъ M-me де Севинье и M-me де Лафайетъ. Словарь его вышелъ въ 1650—94 г. подъ загл. «Dictionnaire étymologique ou Origines de la langue française».

Въ заключеніе предисловія Леванда говоритъ о богатыхъ матеріалахъ, собранныхъ имъ для словопроизводнаго словаря русскаго языка въ теченіе многолѣтнихъ занятій, и предлагаетъ затѣмъ образчики своего этимологическаго искусства въ видѣ „Разбора словопроизводнаго Санскритскихъ и Россійскихъ реченій, вотще признаваемыхъ тождесловными и коихъ совершенное несходство доказывается ихъ-же словопроизводствомъ“. Разборъ этотъ начинается объясненіемъ именъ четырехъ „гиндузскихъ“ языковъ, сообщаемыхъ „Шевалье Кольброкомъ“. „Санскрита“ опредѣляется, какъ „священный языкъ Гиндузовъ, которые величаютъ его Божественнымъ и небеснымъ; поелику на семъ языкѣ писаны Ведамъ и Шастагъ (Шастры?), книги священныя, самыя древнія и наиболѣе уважаемыя Индѣйцами“ и т. д. (стр. 1). Самое имя „санскрита“ производится отъ др. арабскаго *шан* или *шен* = Vetus + *са* = *a*. Vox vehemens alta, elata + „вывороченное“ *арк* или *арик*, дающее *кра*, т. е. „корень, начало, Вавилонія, Халдея“, или *криа*, т. е. „знатный, благородный мужъ“ + *ту*, произносимое *тев* = „единственный“. Такимъ образомъ „санскритъ“ есть *Шан-са-кра-ту*, т. е. „языкъ единственный, прензящный и древній, ведущій благородное свое происхожденіе отъ Халдеи или Вавилонскаго зданія“ (стр. 1—2). При помощи такихъ-же сопоставленій оказывается, что имя одного изъ діалектовъ пракрита, *пайсахи* (т. е. пайсачи), въ сущности значитъ „ревъ и стонъ высокомѣрнаго виновника золъ и бѣдствій, т. е. сатаны“ (стр. 3—4); *море* является сложнымъ изъ *ма* = вода + *ру* = лицо, поверхность, или *рей* = видъ, взглядъ, что̀ вмѣстѣ даетъ „блестящее и восхитительное позорище поверхности водъ“ (стр. 8); *барыня* „per hyperthesin“ происходитъ изъ *берин* = supra hunc, vel hoc, ad alta pertinens, и означаетъ такимъ образомъ „слово въ слово: первенствующая надъ другими, т. е. женщинами: поставленная превыше другихъ, сирѣчь: превосходная, великая, благородная и отличная“ (стр. 10). Слово *собака* оказывается происходящимъ отъ *зыбу* = canis silvaticus + *ка* = пугать или *ака* = курносый, тупоносый; сидѣть, оперпшись на заднія лапы. Изъ получившагося такимъ образомъ *зыбука* или *зыбака*, „при нечувствительномъ измѣненіи буквъ“, выходитъ слово *собака*, означающее: „собака, животное тупоносое, которое останавливаетъ (прохожаго) наведеніемъ на него страха и которое любитъ сидѣть оперпшись на переднія лапы“ (стр. 34—35). Индійскія собаки или „шунаки“, однако, судя по ихъ имени, нѣсколько добрѣе русскихъ, ибо „шунака“ толкуется, какъ „животное съ тупымъ носомъ, смирное, ручное и дворовое, которое“ тѣмъ не менѣе „останавливаетъ, т. е. прохожихъ, приведя ихъ

въ страхъ, и любитъ сидѣть, опершись на переднія лапы (стр. 34)". Такимъ-же путемъ толкуется *горло*, какъ „отверзтіе алчное и прожорливое внутрь рта находящееся (стр. 14)" и т. д. Въ этомъ родѣ всѣ этимологіи Леванды (числомъ 108), вдохновлявшагося этимологіями Менажа. Въ заключительной главѣ объ „истинномъ происхожденіи и началѣ славянскаго народа и его имени", при помощи аналогичныхъ пріемовъ выводится имя *славянъ* отъ „восточнаго" слова *секлабъ*, *секлаби* или *секлабунъ* въ единств. ч. и *секлабагъ* во множественномъ, откуда и греческое имя народа χαλυβες, получающееся путемъ перестановки звуковъ изъ *секлаби* и означающее: „дѣлатели оружій, укротители и наѣзживающіе лошадей, и остроумные наставники и образователи ума и сердца. Секлабагамъ, Халибесамъ или Склавянамъ принадлежитъ слѣдственно честь изобрѣтенія толико полезныхъ искуствъ для человѣка; образовать сердце и разумъ; ввести въ употребленіе желѣзо, дѣлать изъ онаго оружіе, и наконецъ вскармливать и обращаться съ животнымъ, столь-же безцѣннымъ, какъ и полезнымъ, какова лошадь. Сколько знаменитыхъ правъ на всеобщую благодарность"! (стр. 55—56).

Затѣмъ халибесы, или славяне, приняли имя „*Ализоновъ* или *Гализоновъ*, называемыхъ нынѣ Галичанами (! стр. 57—58)". Имя-же *ализоновъ* означаетъ „народъ, прослывшій великою ученостію, или народъ извѣстный по глубокой своей учености (стр. 58)". Послѣ „ализоны" приняли имя *цефеновъ*, древнее названіе *персовъ*, и затѣмъ уже стали называться *халдеями*, что значитъ: „полчище военныхъ людей, или воинство распутное и развращенное, которое, достигнувъ цѣли своихъ желаній, затмило свое (древнее) имя принятіемъ другого (стр. 59—61)". Доказавъ такимъ путемъ тожество славянъ и персовъ, Леванда утверждаетъ, что персы тожественны и съ индусами, какъ это явствуетъ изъ ихъ „общаго происхожденія, признаннаго всѣми древними и новѣйшими писателями, которые почитаютъ Индіанъ толикими-же селеніями, вышедшими изъ Мидіи, а санскритскій языкъ нарѣчіемъ того поколѣнія Персіанъ, которые въ самыя отдаленнѣйшія времена древности подавались уже до самаго сѣвера Индіи. Во вторыхъ, сходствомъ языка, которое ученые почитаютъ важнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ доказательствомъ". Такъ думалъ Леванда изъяснить „непостижимую загадку", представленную лингвистическимъ родствомъ „нынѣшнихъ Россіянъ съ жителями Гангеса" (стр. 64).

Изъ этого разбора Аделунгъ могъ съ достаточной наглядностью убѣдиться, что, у насъ по крайней мѣрѣ, „старинныя умствованія

о первоначальномъ языкѣ, о связи древнихъ и новыхъ языковъ" и т. п. еще не исчезли „отъ лучей новаго свѣта" и продолжаютъ держаться довольно прочно. Въ данномъ случаѣ старина „умствованій" Леванды была очень почтенная и восходила къ XVII, а то такъ и XVI вѣку.

Въ томъ-же 1812 году явилась актовая рѣчь профессора Харьковскаго университета по каоедрѣ исторіи европейскихъ государствъ и статистики Б. О. Рейта (1770—1824): „Geist der literarischen Cultur des Orients und Occidents" [1]). Главное содержаніе ея историко-философское, но въ своихъ сопоставленіяхъ и историческихъ построеніяхъ авторъ основывается часто на данныхъ языкознанія. Говоря объ эпохѣ первобытной культуры и о первобытномъ языкѣ, Рейтъ видитъ въ именахъ горъ и рѣкъ южной Европы древнѣйшіе памятники, оставшіеся отъ первобытнаго народа, своего рода „надписи праязыка и его раздѣленія на діалекты (стр. 53)". Въ глубину этихъ временъ можно проникнуть только съ нитью словопроизводства. „Европа, и именно юго-востокъ ея, были сначала заняты средне-азіатскими горными народами. Скиоы, оракійцы, саки и геты Геродота—только разныя имена вѣтвей одного и того-же семейства, несомнѣнными потомками и остатками котораго являются прежніе аланы и теперешніе афганцы, джаты или геты, сейки (сикхи въ Индіи?) и рогиллы". Эти народы Рейтъ называетъ скиоскими или гетскими и считаетъ родиной ихъ сѣверную Индію, а источникомъ ихъ языка—санскритъ. Подтвержденіе этому онъ видитъ въ недавнемъ для него открытіи санскритскаго происхожденія языка Кашмира (стр. 54). Эти-же народы населяли Грецію и юго-западную Европу, чѣмъ и объясняется взаимное родство мизійцевъ, фригійцевъ, эллиновъ, первичныхъ обитателей Италіи, иллирійцевъ (аланъ), готовъ и германцевъ вообще (стр. 54—55).

Только что изображенному западному культурному міру Рейтъ противополагаетъ восточный, „сарматскій", занимающій площадь отъ сѣверо-востока Азіи и черезъ Волгу до сѣверо-востока Европы. „Сарматская" семья народовъ распадается, по его словамъ, на монголовъ, тюрковъ или тюрко-татаръ и сарматовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, имѣющихъ медо-скиоское происхожденіе. Къ последней вѣтви „сарматской" семьи, медо-скиоамъ, Рейтъ отно-

[1]) См. „Рѣчи произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета, бывшемъ 17 Генваря 1812 года. Въ Харьковѣ. Въ Университетской Типографіи, 1812 года". 4°. 67 стр. № 3, стр. 53—67. Біографію Рейта см. „Библіографическіе Листы" П. И. Кеппена, 1825, № 15, стлб. 214—216.

ситъ славянъ. Сходство славянскихъ языковъ съ греческимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ подавало поводъ выводить ихъ изъ одного общаго источника, но Рейтъ задаетъ вопросъ, объясняется-ли это сходство общимъ происхожденіемъ изъ санскрита, или здѣсь возникла какая-нибудь другая и болѣе поздняя связь. На этотъ вопросъ онъ, впрочемъ, не даетъ опредѣленнаго, яснаго отвѣта. Въ послѣсловіи, написанномъ уже лѣтомъ 1812 г., Рейтъ приводитъ цитаты изъ „Митридата“ Аделунга, Эйхгорна „Geschichte der neuern Sprachkunde“ и книги Шлегеля о языкѣ и мудрости индусовъ, а также упоминаетъ цитированную уже выше диссертацію Антона о сродствѣ русскаго языка съ санскритомъ. Въ заключеніе Рейтъ даетъ списокъ нѣсколькихъ зендскихъ, пехлевійскихъ и персидскихъ словъ, почерпнутыхъ имъ изъ соотвѣтствующихъ словарей во второмъ томѣ „Зендавесты“ Анкетиля дю Перрона. По его словамъ, это—„unläugbar slavonische Wörter“. Вотъ они:

Зендъ:

Eréthéhé—объясненіе, экзаменъ, совѣщаніе (вѣроятно р. ед. отъ arəϑa=правило, законъ).

(Eréthеоñenô) [?]

Eorooned—сильный (очевидно: aurvant-).

Eôkthé—онъ говоритъ (3 ед. aoxte).

Bekhdré—весна (!?).

Tchetveré—четыре (т. е. čaϑwarə).

Thretim — третій (ϑritīm = въ третій разъ).

Vetché, Vetchâo—говорить (vac- говорить).

Vetchâ—вмѣстѣ, съ (?).

Пехльви:

Zivad, Zived—живетъ (пазендск. zīvēδ=живите?).

Персидскій:

Rouistan — рости (параллельная форма къ rustan).

Zemin—земля (zamīn).

Boudan—быть (buδan).

Bouam—я есмь

Nist— его нѣтъ (nīst).

Daridan—раздирать (darīδan).

Не говоря уже объ ошибкахъ и неточностяхъ въ приведенныхъ зендскихъ формахъ (въ нихъ, конечно, виноватъ Анкетиль дю Перронъ), нельзя не замѣтить, что приведенныя соображенія Рейта, очевидно, все-таки интересовавшагося новыми открытіями въ области языкознанія, не представляютъ никакого шага впередъ, сравнительно съ XVIII в. Сопоставленія его примитивны и наивны, и новаго духа въ нихъ, о которомъ говорилъ Аделунгъ мл. въ цитированной выше своей брошюрѣ, не замѣтно. Имъ не хватаетъ даже самой элементарной точности. Рейтъ ограничивается общимъ указаніемъ на несомнѣнное сходство или торжество приводимыхъ

имъ иранскихъ словъ со „славянскими“, но этихъ послѣднихъ не называетъ. Поэтому остается совсѣмъ неяснымъ, съ какими именно славянскими словами онъ считаетъ схожими свои первыя свои четыре зендскихъ слова (eréthéhé—eôkthê), или послѣднее (vetchâ). Относительно bekhdré—весна [1]) можно думать, что онъ имѣлъ въ виду русское *вёдро* или, можетъ быть, и *весна* (должно быть, только по сходству начальныхъ буквъ!), а vetché (vac-говорить), вѣроятно напоминало ему русск. *вѣче* (какъ, можетъ быть и его vetchâ!) или глаголъ от-*вѣч*-ать. Нечего и говорить, что эти сходства случайны. Пехлевійскія и новоперсидскія параллели лучше и дѣйствительно находятся въ родствѣ съ соотвѣтствующими славянскими формами. Во всякомъ случаѣ Рейтъ первый у насъ сравнивалъ русскія или славянскія формы съ зендскими и пехлевійскими [2]).

Послѣдующія явленія въ области нашего ознакомленія съ санскритомъ совсѣмъ незначительны и сводятся къ ряду переводовъ разныхъ иностранныхъ статей о санскритѣ и отрывковъ изъ памятниковъ индійской литературы, переведенныхъ уже на европейскіе языки. Такъ въ 1815 г., въ „Вѣстникѣ Европы“ (ч. 84, отд. II: изящныя искусства, науки и литература, стр. 196—216) явилась статья, озаглавленная: „О преимуществахъ, изящности и богатствѣ языка санскритскаго, также о пользѣ и удовольствіяхъ отъ изученія онаго“. Самостоятельнаго въ этой статьѣ было только заглавіе, состряпанное, очевидно, русскимъ переводчикомъ *Пбдн.* [3]), да примѣчаніе редакціи, въ которомъ говорилось между прочимъ: „Сей древній, у насъ почти неизвѣстный языкъ, нынѣ обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ ученыхъ съ такой стороны, которая и для насъ весьма любопытна. Довольно упомянуть, что въ немъ

---

[1]) Въ дѣйствительности подобнаго зендскаго слова съ этимъ значеніемъ нѣтъ. Анкетиль дю Перронъ, очевидно, имѣлъ въ виду з. baxδra—*доля, жребій*, которое никогда не значило *весна*. Оно соотвѣтствуетъ санскр. bhadrá—*прекрасный, счастливый, счастье, благо*, и отражается въ новоперсидскомъ въ видѣ baxr, а въ пехльви, какъ bâhr. Сходство этой послѣдней формы съ новоперсидскимъ bahâr *весна*, отвѣчающимъ пехлевійскому vahâr (зенд. vanhra, санскр. vâsara), заставило Анкетиля дю Перрона ошибочно сопоставить свое bekhdré, т. е. baxδra-съ bahar, которое у него названо пехлевійскимъ и переведено «Printems». Самъ же Рейтъ, конечно, совершенно не былъ знакомъ съ зендомъ и всецѣло довѣрился своему источнику.

[2]) Съ персидскимъ русскія формы сравнивали у насъ еще въ XVIII в. и гораздо полнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ Рейтъ. См. выше стр. 277.

[3]) Подъ этими буквами вѣроятно скрывается профессоръ Московскаго Университета, П. В. Побѣдоносцевъ, въ журналѣ котораго «Минерва» уже въ 1807 г. явилась также переводная статья о санскритѣ (см. выше, стр. 625).

находятъ многія слова, сходныя съ Русскими. Одинъ изъ членовъ Варшавскаго Общества друзей наукъ, подкрѣпляемый щедростію нѣкотораго вельможи, трудится теперь надъ изслѣдованіемъ сходства между языками Славянскаго происхожденія и Санскритскимъ [1]). Въ бытность Государя Императора въ Варшавѣ на одной прозрачной картинѣ сіяло Высочайшее имя, изображенное, кромѣ другихъ, и Санскритскими письменами". Сама же статья представляла собой переводъ вступительной лекціи перваго профессора санскрита въ Collège de France Шези, открывшаго сю 15 янв. 1815 г. свои чтенія въ этомъ учрежденіи. Лекція Шези, напечатанная въ Magasin Encyclopédique, касалась, однако, главнымъ образомъ индійской литературы. Изъ грамматическихъ особенностей указывалось только на поразительное сходство санскрита съ греческимъ и латинскимъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя объ индійской литературѣ, здѣсь полнѣе и точнѣе, чѣмъ въ вышеразсмотрѣнныхъ аналогичныхъ статьяхъ и книгахъ; древне индійскія названія памятниковъ передаются правильнѣе, хотя и тутъ не мало ошибокъ и искаженій. Сначала говорится о ведахъ (Ритшъ, Іаджушъ, Саманъ и Атхарвану, т. е. Ригведѣ, Яджурведѣ, Самаведѣ и Атхарваведѣ), сочиненныхъ будто бы Віазой или Веда-Віазой (Вьяса= санскр. Vyāsa), затѣмъ о Пуранахъ и Магабхаратѣ; о философскихъ „произведеніяхъ": Ніаіа (Nyāya), Меиманса (? Mīmāṁsā), Веданта, Санкхіа-Састра (Sāṁkhya-çāstra), грамматическихъ трактатахъ Панини, Сиддганта-Каумуди, Сарасвати-Пракрійа-Мугдга-Бода (Sarasvatī-prakriyā-mugdhabodha), объ „астрономическомъ" трактатѣ Биджа-Ганита (Bījaganita=алгебра). Затѣмъ идетъ рѣчь объ эпической литературѣ и перечисляются: „Гитопедеса (Гитопадеша),

[1]) Здѣсь очевидно имѣется въ виду Валентинъ Скороходъ-Маевскій, авторъ интереснаго для своего времени сочиненія: «O Sławianach i ich pobratymcach. W Warszawie. 1816. W drukarnie Wiktora Dąbrowskiego». 8°. 2+180+LXIV стр. Книга эта содержала въ себѣ: «Rozprawy o języku samskrytskim tudzież o literaturze Indyan w tymże języku, z przydatkiem wyciągu grammatyki tegoż języku, Tablic rycin czyli pisma; liczbowych postaci, Osnowy wiersza bohatyrskiego pod nazwaniem Rama-Jana, wyciągów z tegoż wiersza, Słowniczku, niemniej dwóch poprzedniczych rozpraw o archiwach i umiejętności dyplomatyczney». При составленіи своего очерка санскритской грамматики, Маевскій пользовался грамматикой брата Паулино а С. Бартоломео (1780) и такъ называемой Серамнурской грамматикой 1806 г. (Карея). Между прочимъ Маевскій помѣщалъ здѣсь колыбель славянъ на р. Гангѣ. См. объ этой книгѣ цитированную уже выше (стр. 622, прим. 2) статью Мурко въ «Rad'ѣ» югославянской академіи (въ Загребѣ) за 1897 г. кн., CXXXII истор. филологическаго отдѣла, XLVIII, стр. 104—108.

Рамаіана (съ краткой передачей содержанія), Магабгарата, Суспала-Бада- (Шушпала-Бадха), Разгу-Ванза (Рагхуванша), Рагаватъ-Гита (! очевидно, Бхагавадгита), Мегадута (Мегхадута), маленькая поэма Джаіа-Девы „Любовь Мадавы и Рады“ (т. е. Мадхавы и Радхи) и т. д. Многія изъ этихъ именъ являлись здѣсь впервые въ нашей литературѣ.

Черезъ три года явилась у насъ другая переводная (съ англійскаго) статья: „О словесности Индіянъ. Сочиненіе на Санскритскомъ языкѣ, сообщенное Индѣйцомъ Говердганъ Кали“, напечатанная въ „Сынѣ Отечества“ за 1818 г. (ч. 50. № LII, стр. 289—307). Свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь, еще подробнѣе и богаче, чѣмъ въ лекціи Шези. Кромѣ главныхъ ведъ, здѣсь идетъ рѣчь и объ упаведахъ, шести ведангахъ (въ томъ числѣ и о Нируктѣ Яски), четырехъ упангахъ, о собраніяхъ законовъ *смрити*, о разныхъ философскихъ и юридическихъ текстахъ и т. д. Цѣлый рядъ названій памятниковъ и свѣдѣній о памятникахъ является здѣсь впервые въ нашей литературѣ. Къ сожалѣнію, индійскія имена и названія передаются съ различными ошибками, какъ вслѣдствіе незнанія переводчикомъ санскрита, такъ и вслѣдствіе опечатокъ или описокъ. Авторъ Гандхарва-веды, Бхарата, названъ Бгарама, Нирукта — Нирути, Нилакантха — Ниликанта, Рамануджа Рамanудія, Патанджала Патандела и Пантадела, Вайбхашика—Вебашика, Арджуна—Ардзюна, Гита—Жита, Яджнявалкья—Ядешаявалка, языкъ Пали—Пили, лексикографъ Амарасинха—Амарасигна, буддисты — бгудисты, грамматика Мугдха-бодха — Магдга-бога и т. д. Переводчикъ скрылъ свое имя подъ иниціалами Ѳ. Н.

Несомнѣнно существовавшій у насъ интересъ къ Индіи удовлетворялся такимъ образомъ случайными переводами иностранныхъ статей, иногда довольно обстоятельныхъ и полныхъ, какъ только что разсмотрѣнная, иногда же невѣжественныхъ и устарѣлыхъ. Разумѣется, судить о годности такихъ статей въ нашихъ журнальныхъ редакціяхъ того времени было некому, и этимъ только объясняется, напр., что тотъ же „Сынъ Отечества“, который помѣстилъ въ 1818 г. вышеразсмотрѣнную обстоятельную статью объ индійской литературѣ, въ слѣдующемъ 1819 г. далъ у себя мѣсто статьѣ „Индія и Индійцы“ [1]), представляющей переводъ статьи аббата Бержіера изъ „Методической Энциклопедіи“ Парижскаго изданія 1789 г. (!), Богословскаго отдѣленія, т. II. Статья

[1]) «Сынъ Отечества» 1819 г. ч. 56-я, стр. 145—159, 214—226, 240—25

эта поражаетъ своей устарѣлостью и рядомъ ошибокъ и невѣрныхъ данныхъ, что̀ вполнѣ понятно, въ виду времени, къ которому она относится. Мы находимъ въ ней, напримѣръ, такія названія памятниковъ индійской литературы: Багада (?), Беда (Веда?), Геданга (Веданга?), и рядомъ Веда, Ведамъ, затѣмъ Шастангъ, Ша̀стеръ, Шистрамъ (Шастра?), Пурачамъ (стр. 147). Имена̀ трехъ главныхъ индійскихъ божествъ передаются здѣсь такъ: Брамга, Бримга, Бирмга (Брахма), Вишенъ, Висну, Вишну, Сиба, Сибъ, Шивенъ (Шива), Руддеръ, Рудра (стр. 219); названія четырехъ кастъ являются въ такомъ видѣ: 1) Брамины, 2) Паиры или Шехтереи (Кшатріи?), 3) Бисы (Вайшья), 4) Судеры, Шутрерсы (Шудры) или Паріи (стр. 225) и т. д. Подъ статьей подписался В. Ан...чь (очевидно, извѣстный библіографъ В. Анастасевичь), который снабдилъ ее не лишеннымъ историческаго интереса примѣчаніемъ, ярко характеризующимъ степень его компетентности въ вопросахъ индіанистики и гласящимъ, что „для пополненія сей статьи объ Индіи, въ отношеніи къ мнимой древности ея учености, которую столько превозносятъ Санскритоманы, едва знающіе и санскритскую азбуку (?)“, необходимо прибавить прочія статьи аббата Бержьера и статью Langlés объ Индостанской словесности („Revue Encyclopédique“, 1819, т. II—III).

Въ томъ же „Сынѣ Отечества“ (1819 г. ч. 54, стр. 230—31) была помѣщена небольшая замѣтка о пребываніи въ Петербургѣ, проѣздомъ въ Индію, знаменитаго датскаго языковѣда и оріенталиста Раска. Здѣсь сообщалось между прочимъ, что Раскъ намѣренъ выучиться „древнему, доселѣ неизвѣстному языку Бали (т. е. Пали!), и посредствомъ онаго истолковать и издать въ Европѣ священныя книги Буддаистовъ“... Къ этому прибавлялось, что Раскъ окончилъ въ Петербургѣ свою грамматику санскритскаго языка.

Къ тому же времени относятся образчики индійской словесности, помѣщавшіеся также въ нашихъ журналахъ, но переведенные не прямо съ санскрита, а съ того или другого европейскаго языка. Таковъ, напримѣръ: „Плачь родителей надъ прахомъ сына. Отрывокъ изъ поэмы Рама-Яна, творенія на Санскритскомъ языкѣ Индіянина Вальмикія“, помѣщенный въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ на 1819 г. (ч. VIII. стр. 3—21). Какъ гласитъ подстрочное примѣчаніе (стр. 3), отрывокъ этотъ былъ взятъ изъ незадолго передъ тѣмъ вышедшей книги Маевскаго „O słowianach i ich pobratymcach“. Переводчикомъ (съ польскаго) явился нѣкій *Пан*..... (очевидно, Панковичь, губ.

секретарь и членъ корресподентъ общества просвѣщенія и благотворенія, а съ 1818 г. и дѣйствительный его членъ [1]).

Въ этомъ же родѣ другой аналогичный „переводъ“: „Налъ, отрывокъ, взятый изъ санскритской поэмы *Магабгарата*“ (въ подстрочномъ примѣчаніи цитируется заглавіе извѣстнаго Бопповскаго изданія этого отрывка „Nalus, carmen Sanscritum, e Mahabharato; edidit, latine vertit et adnotationibus illustravit F. Bopp“), явившійся въ „Трудахъ Вольнаго Общества любителей Россійской Словесности“ за 1820 г. (ч. 13, стр. 327—366). Какъ видно изъ ссылки, переводъ этотъ, подписанный А. Ж. (Алексѣй Жилинъ?), былъ сдѣланъ со статьи въ „Revue Encyclopédique“. Статья начиналась указаніемъ на то, что „изученіе санскритскаго языка весьма полезно“, но пособій для него очень мало, а далѣе сообщалось, что „*Бопъ*“ издалъ подобное пособіе. Такимъ образомъ, очевидно, у насъ находились люди, интересовавшіеся санскритомъ, хотя и платонически, но настолько, что слѣдили за литературой о немъ и отмѣчали довольно своевременно новинки въ этой области (изданіе „Наля“ Боппа вышло въ 1819, а переводная статья о немъ появилась у насъ въ 1820 г.).

Индійской миѳологіи была посвящена статья Б. Корфа: „Четыре первыя божества Индіи (изъ Опыта полнаго Миѳологическаго Словаря всѣхъ народовъ)“, напечатанная въ „Трудахъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества любителей Россійской Словесности“ за 1820 г. (ч. IX, стр. 3—18). Здѣсь шла рѣчь о четырехъ главныхъ божествахъ: Парабрахмѣ, Брахмѣ, Вишну и Шивѣ. О степени знакомства автора съ санскритомъ могутъ свидѣтельствовать формы именъ описываемыхъ имъ божествъ: Брахма называется Брамой, Бремой, Бирмой и Брумой (!), Вишну—Висну, Бистну (!) и Вишну, Шива — Хивой, Иксорой, (Îçvara), Магадевой и Рудрой.

Касается вскользь санскрита и ученый И. И. Кеппенъ въ своей рецензіи на „Обозрѣніе всѣхъ языковъ“ Ѳ. П. Аделунга (см. выше, стр. 593 и сл.), напечатанной въ „Трудахъ Высочайше утвержденнаго Вольн. Общ. любителей Росс. Словесности“ за 1820 г. (Ч. X.). Но какъ смотрѣлъ онъ на отношенія санскрита къ русскому, изъ словъ его не видно. Можно думать, что онъ едва-ли не былъ склоненъ объяснять сходство санскрита съ русскимъ заимствованіемъ изъ перваго послѣднимъ. О санскритѣ онъ говоритъ въ томъ мѣстѣ своей рецензіи, гдѣ идетъ рѣчь о разныхъ

[1]) См. его фамилію въ спискѣ членовъ названнаго общества («Труды» общества, часть XXIV. 1823 г., стр. 297).

чужихъ словахъ въ русскомъ языкѣ. Указавъ, что въ русскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ, заимствованныхъ изъ скандинавскаго и татарскаго языковъ, онъ прибавляетъ: „Даже слова другихъ Азіатскихъ народовъ встрѣчаются въ языкѣ Россійскомъ (цит. статья, стр. 211)“. Въ примѣръ приводится слово *собака*, которое „вѣроятно заимствовано отъ Мидянъ, у коихъ по увѣренію Геродота (I, 110) собака называется Spaka. А о сходствѣ Санскритскаго съ Рускимъ писалъ уже авторъ сего обозрѣнія“ (т. е. Аделунгъ).

Нѣкоторыя, хотя и очень устарѣлыя свѣдѣнія о санскритѣ русскіе читатели могли почерпнуть также изъ русскаго перевода книги де Бросса „Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и т. д.“ (см. выше, стр. 609), гдѣ (часть II, стр. 312—315) былъ напечатанъ отрывокъ изъ извѣстнаго письма іезуитскаго патера Pons къ патеру Duhalde (отъ 23 ноября 1740 г.). Каковы были эти свѣдѣнія, можно судить по слѣдующему образчику: „Грамматика Брахмановъ можетъ поставлена быть на ряду превосходныхъ знаній. Никогда раздробленіе (analyse) и соединеніе (synthese) не были такъ удачно употребляемы, какъ въ грамматическихъ твореніяхъ языка Самскретскаго или Самскрутанскаго. Мнѣ кажется, что сей языкъ, удивительный по своему сладкозвучію, обилію и силѣ своей былъ нѣкогда живымъ языкомъ въ странахъ, гдѣ обитали первые Брахманы. По истеченіи многихъ вѣковъ, онъ нечувствительно портился въ общемъ употребленіи, такъ что нарѣчіе древнихъ *Риховъ* (очевидно *Риши*) или *Кающихся*, въ Веданѣ или книгахъ священныхъ, довольно вразумителенъ для искусниковъ, кои знаютъ только Самскретское нарѣчіе, утвержденное Грамматиками“. Далѣе идетъ рѣчь о томъ, какъ индійскіе грамматики привели санскритъ чрезъ разложеніе „въ небольшое число первообразныхъ стихій языка, которыя можно назвать Caput mortuum языка“ и которыя „сами по себѣ ни къ чему не служатъ“ и „собственно ничего не значатъ“, имѣя только „отношеніе къ понятію, напримѣръ, *kru* къ понятію о дѣйствіи“. Къ этимъ первообразнымъ стихіямъ прибавляются вторичныя, или окончанія, суффиксы, предлоги и т. д. „По придачѣ второстепенныхъ стихій, первоначальная стихія часто перемѣняетъ свой образъ: *kru*, напримѣръ, уже дѣлается, смотря по прибавочному, ***kar***, ***kár***, ***kir***, ***kri***, ***kîr***, и проч. Синтезисъ соединяетъ и сображаетъ всѣ сіи стихіи, и составляетъ безконечную многоразличность употребительныхъ рѣченій.

Правиламъ такого соединенія и соображенія стихій учитъ грамматика, такъ что простой ученикъ, который, кромѣ грамма-

тики, ничего не знаетъ, можетъ, поступая по правиламъ, на одномъ корнѣ или стихіи первоначальной, составить многія тысячи словъ истинно Самскретскихъ. Сіе-то искусство дало имя языку; ибо *Samskret* значитъ синтетическій или сложный (Lettres édifiantes, Tom. XXV)". Де Броссъ называетъ это мѣсто изъ письма патора Pons „весьма обстоятельнымъ описаніемъ синтетическаго способа, по которому составленъ Самскрутанскій языкъ Индійцевъ". Сомнительно, однако, чтобы русскіе читатели 1822 г. (годъ появленія у насъ II-го тома русскаго перевода книги де Бросса) могли вынести изъ этого отрывка какое-либо иное представленіе о санскритѣ, кромѣ нѣкотораго трепета передъ трудностью этого языка...

О томъ, какія представленія о санскритѣ встрѣчались у нашихъ университетскихъ профессоровъ конца первой четверти XIX в. (1823 г.), краснорѣчиво говоритъ слѣдующее мѣсто изъ „Философической грамматики" профессора Харьковскаго университета Паки де Совиньи (см. выше, стр. 615 и сл.), относившаго санскритъ къ числу „древнихъ полезнѣйшихъ языковъ" („Философ. грамматика", ч. I, стр. 129)": „Черезъ знаніе санскритскаго языка, одного изъ древнѣйшихъ языковъ, существовавшихъ въ Индіи, ученые европейцы Анкетиль и Довъ Голвелль доставили намъ Французскій и Англійскій переводы одного изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ самой отдаленной древности, т. е. *Шаста Бада* (?!: *шастра* и *веда*?), священной книги Брахмановъ, первыхъ индійскихъ законодателей, и браминовъ (очевидно, Паки де Совиньи полагалъ, что *брахманы* и *брамины* не одно и то же! См. его „Философич. грамм." т. I., 1823 г., стр. 131)".

Такъ обстояло у насъ дѣло съ изученіемъ санскрита въ теченіе первой четверти XIX-го вѣка. Объ университетскомъ преподаваніи его, конечно, нечего было и думать, хотя во Франціи первая каѳедра санскрита возникла еще въ 1815 г., а въ Пруссіи въ 1819 г. Нашимъ же молодымъ университетамъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Казани и ихъ старшему брату въ Москвѣ еще долго не суждено было обзавестись каѳедрами индійской филологіи или санскрита. Вполнѣ естественно, что новая наука, созданная XIX вѣкомъ, въ связи съ болѣе близкимъ изученіемъ санскрита,—сравнительное языкознаніе, при такихъ условіяхъ не могла найти у насъ благопріятной почвы для своего развитія. Тѣмъ не менѣе попытки сопоставленія формъ разныхъ языковъ съ русскимъ являются у насъ съ самаго начала XIX в. Къ этому времени относится рукописный трудъ Востокова, сохранившійся въ его бумагахъ и писанный, по словамъ И. И. Срезневскаго, „до

1802 г., можетъ быть, даже за нѣсколько лѣтъ до этого" [1]): „Коренныя и первообразныя слова языка Славенскаго". Небольшая тетрадка эта, обнимающая всего восемь листовъ писчей бумаги въ четвертку [2]), содержитъ нѣсколько сотъ словъ и является первымъ наброскомъ болѣе поздняго и болѣе обширнаго труда Востокова, названнаго имъ „Этимологическимъ словоросписаніемъ". Слова расположены въ ней въ алфавитномъ порядкѣ въ трехъ столбцахъ (имена, глаголы и вспомогательныя части рѣчи), и въ большинствѣ случаевъ рядомъ съ ними выписаны нѣм., англ., греч. и латинскія слова, дѣйствительно родственныя или казавшіяся Востокову таковыми. Судя по цвѣту чернилъ, сначала были вписаны только русскія и „славянскія" „коренныя" слова, и только у немногихъ сразу поставлены первыя пришедшія въ голову родродственныя формы чужихъ языковъ, въ родѣ слѣдующихъ: *баба* — weib (!), *брегъ—прагъ*—berg, *бремя* — (*бржезый*, тяжелый по богемски, бережая, беременная), *благо* (*блажь. блазнь*), *бобъ*—faba, *богатъ—убогъ*, *бодръ*—bieder (!), *брада*—barba, *братъ*—bruder—frater, *бровь*—brauen, *брусъ*—obrussa, *блюду* — βλέπω—blicke (!). *боду*—fodio, *борю* (*брань. броня, обороняю*)—wrangle по англ. бранюсь (!), *бѣгу*—fugio—φεύγω, *болтаю*—plaudern (!); *ветхій*—vetus, *вечеръ*—vesper, *вода*—wasser, *вращу*—англ. writhe (!), *вторый*—δεύτερος (!), *вымя*—sumen (!), *все, весь, вся*—πᾶς (!), *воръ*—φώρ—fur(!). *голубь*—columba, *горазда*—gar (!), *господь* δέσποτα, *гость*—hospes—gast, *грызу—жру*—γράω (!), *голубой*—galbus (!), *глина*—glis, glissis (!), *день*—dies, *журавль*—geranios (?), *жупелъ*—sulphur, schwefel, *кажу—искажаю—проказа*—κακός, *пишу*—pingo, pinxi, *плачу*—plango, *плыву—плавлю* —πλάω (!), *пѣнязь*—pfenning—pense и т. д.

Другія сопоставленія, очевидно, вписаны позже, чернилами болѣе темнаго цвѣта. Среди получившихся такимъ образомъ этимологическихъ сближеній мы найдемъ не мало совершенно удачныхъ, свидѣтельствующихъ о вѣрномъ чутьѣ Востокова и принятыхъ современной наукой. Такъ, напримѣръ, здѣсь сближаются: *бобръ* съ лат. fiber и нѣм. biber; *брада* съ лат. barba и нѣм. Bart; *баю, баснь* съ лат. fabula; нѣм. Furth съ греч. πόρος и нѣм. fahren (но невѣрно съ русск. *бреду, бродъ*); *вдовъ* съ лат. viduus и нѣм. Wittwe; лат. vellus съ нѣм. Wolle; (но ошибочно съ слав.

[1]) См. «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Издалъ, по порученію 2-го отдѣленія академіи наукъ, И. Срезневскій. Спб. 1865», обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова и т. д. стр. IV—V.

[2]) Находится вмѣстѣ съ прочими бумагами Востокова въ рукописномъ отдѣлѣ I.го отдѣленія библіотеки Имп. Акад. Наукъ. Бумаги Востокова, пачка № 10.

власъ); *волна* (шерсть) съ лат. lana; *вода* съ гр. ὕδωρ, л. unda; *волкъ* съ гр. λύκος, нѣм. Wolf, лат. lupus; *выдра* съ нѣм. Otter, (но также и съ лат. lutra!); *горнъ, горнецъ, горшокъ* съ лат. fornax, furnus; *гусь* съ нѣм. Gans и лат. anser; *глотаю* съ лат. glutio; *два* съ гр. δύο, лат. duo, нѣм. zwei; *десять* съ л. decem и греч. δεκάτη; *домъ* съ гр. δῶμος, л. domus; *дщерь* съ гр. θυγάτηρ, нѣм. Tochter; *дымъ* съ гр. θυμός, л. fumus; *дарю, даръ* съ гр. δῶρος (δῶρον?); *даю* съ лат. do, dono, гр. δῶ; *дою* съ греч. θάω, θηλή, θῆλυς; *дѣлю* съ нѣм. theilen, шв. dela, гр. δαίω; *дѣю, дѣлаю* съ нѣм. thun, That (но и съ греч. δήω „изобрѣтаю“ [?!], тогда какъ τίθημι отсутствуетъ!); *дроздъ* съ лат. turdus; *дышло* съ нѣм. Deichsel (безъ указанія на заимствованіе); *желвь* съ гр. χέλυς; *жена* съ гр. γυνή; *желудь* съ лат. glans, glandis; *живу* съ лат. vivo; *звѣрь* съ лат. fer, гр. θήρ, (но и съ нѣм. Thier!); *зеленый, злакъ, зеліе* съ гр. χλόα-зелень и фригійскимъ ζελκία, *земля* съ лат. humus, гр. χαμαί; *зерно* съ л. granum, нѣм. Kern, Korn; *зима* съ л. hiems; *знаю, знакъ* съ лат. gnarus, nosco; *зіяю* съ л. hio, hiatus, нѣм. gähnen и т. д. Замѣчательно для того времени отнесеніе въ одну семью *зябну* съ *ознобъ, знобъ* [1]), хотя и безъ указанія на родственныя формы въ индоевропейскихъ языкахъ.

Къ другимъ новымъ и замѣчательнымъ для своего времени этимологіямъ принадлежатъ еще: *баня*—нѣм. Bad; *кислый, кисну, квасъ*; *коло, колесо* — гр. κύκλος; *лядвея* — л. lumbus, нѣм. Lende; *лижу, лизать*—лат. lingo, нѣм. lecken; *мгла* — гр. ὀμίχλη; *мравій*—л. formica, гр. μύρμηξ; *мѣсяцъ*—л. mensis, нѣм. Monath, Mond, гр. μήν; *млатъ*—л. malleus; *морковь*—нѣм. Möhre; *мозгъ*—нѣм. Mark; *ноготь*—лат. unguis, гр. ὄνυξ, нѣм. Nagel; *оса*—л. vespa, нѣм. Wespe; *отворяю*—л. aperio (но и съ л. porta!); *пеку*—гр. πέπτω; *пила, пилить*—нѣм. Feile, feilen; *прошу*—лат. precor; *покой, почію* съ л. quies, quiesco, гр. κέω; *рамо* съ л. armus; *свекоръ*—гр. ἑκυρός, л. socer, нѣм. Schwieger; *сердце*—нѣм. Herz, англ. hearth, гр. καρδιον (καρδία?), л. cor; *слово, слышу* — гр. κλείω; *смѣхъ* — гр. μειδάω, μειδέω (но также и съ μῶκος, μωκάω и фр. moquer!); *сноха*—лат. nurus, нѣм. Schnur; *тьма, темный*—л. tenebrae (и также отнесены сюда: *туманъ, туча*, нѣм. dunkel, düster, dämmern!); *уха, юха*—л. jus; *ухо*—οὖς, нѣм. Ohr; *хлѣбъ*—нѣм. der Laib; *хмѣль*—лат. humulus, шв. humla; *цѣлый*—нѣм. heil, Heile;

---

[1]) Ср. H. Hirt, «Der indogermanische Ablaut vornehmlich in seinem Verhältniss zur Betonung» (Страсбургъ, 1900, стр. 131, № 643), гдѣ устанавливается двусложный индоевроп. корень genobh, изъ котораго при исчезновеніи гласнаго *e* получается gnobh-=слав. *зноб-*.

англ. whole (но и съ гр. ὅλος, лат. salvus, sanus!); *шуй*—л. scaevus=*шульга*, гр. σκαιός; *шью*—л. suo, sutum и т. д. Не говоримъ уже о рядѣ удачныхъ объясненій заимствованныхъ словъ въ родѣ: *деньга*—тат. tanga; *конопля*—н. Hanf, гр. κανναβις, *конопать*; *лукъ*—н. Lauch; *тынъ*—нѣм. Zaun; *черешня*—л. cerasus; *яблоко* нѣм. Apfel (другихъ относящихся сюда словъ нѣтъ); *щурупъ*—н. Schraube; *шлемъ* н. Helm; *хижина*—н. Haus и т. д.

Конечно, рядомъ мы находимъ еще больше неудачныхъ и невозможныхъ соноставленій, изъ коихъ нѣкоторыя, впрочемъ, встрѣчались и въ болѣе позднее время. Такъ *бочка* сближается съ нѣм. Bottich и *бочарь* съ нѣм. Böttcher; *брегъ*, *прагъ* съ лат. frango, fractura, гр. φράγμα, нѣм. brechen; *бремя* съ гр. βαρύς (но правильно съ н. Bürde); *благо* съ нѣм. Wohl; *блескъ* не только съ л. fulgeo (что дѣлали и позже), но и съ splendeo, н. blenden, blank; *блудъ*, *блуждать* съ нѣм. wild; *блѣдный* съ л. pallidus; *боль* съ нѣм. übel. л. doleo и vulnus; *бразда* съ н. Furche, brach; *бракъ* съ н. Braut; *быкъ* съ л. bos;-*бавлю* (забавлять, при- и т. д.) съ л. faveo; *брегу* (берегу) съ л. parco (зато вѣрно съ нѣм. bergen, borgen); *беру* съ н. werben; *бью* съ л. pavio; *блюду* съ гр. βλέπω, н. blicken; *боюсь* съ нѣм. bang, гр. φόβος; *бросаю* и *брызжу* съ н. sprengen, spritzen; *побѣждать* съ л. vinco, vici; *блекну* съ н. welken; *добыча* съ н. Beute, erbeuten; *велій* съ н. viel, гр. πολλά; *вечеръ* не только съ л. vesper, гр. ἑσπέρα (что́ дѣлается и нынѣ), но и съ нѣм. gestern; *вихрь*—съ л. vortex, н. Wirbel; *влага* съ лат. uligo (сырость земли); *власъ* съ нѣм. Vlies; *велю*, *воля* съ гр. βουλή (но и съ нѣм. Wille, wollen, л. voluntas); *врагъ* съ л. vargus (убійца потаенный) и нѣм. arg; *врачъ* съ н. Arzt; *время* съ гр. χρόνος; *вѣко* съ н. winken; *варю* съ л. fervo, р. *брага*, англ. to brew, нѣм. brauen, Bier, гр. βρύω, βρῦτον; *валю* съ л. fallo; *ваблю*=маню сближается съ -*бавлю*; *сверлю* и *верчу* съ л. foro и н. bohren; *висѣть* съ л. pendeo, pensum, н. hängen, wägen; *облако* съ н. Wolke; *вяжу* съ л. haereo, haesi, jungo, junxi (*узы*, *союзъ*) и vincio, vinxi; *вѣче* съ гр. πείθω, л. fides; *вѣтвь* съ гр. βαΐς, βαΐον; *верто-градъ* съ л. hortus, нѣм. Ort, Garten; *глава* съ гр. κεφάλη; *гадъ* съ н. garstig; *гласъ*, *гулъ* (!) съ нѣм. Hall, gällen (т. е. gellen); *глубь* и *глыба* не только съ л. *gleba*, но и съ гр. γλάφω, л. sculpto; *гнусный* съ л. nausea и *носъ*; *годъ*, *годный*, *негодую* съ гр. ἅδος, ἁδέω, γηθέω, ἡδονή, л. gaudeo; *горбъ* съ л. gibbus; *гордый* съ л. arduus, гр. γαίω, γαῦρος; *готовъ* съ гр. ἕτοιμος, ἑτοιμάζω; *гривна* относится къ *грузъ*; *гроздъ* къ *груда*, которое сближается съ гр. βροντή, нѣм. gross, л. grandis; *гляжу* сравнивается не только съ гр. γλήνη, γλήμη (какъ дѣлаютъ и теперь), но и съ гр. λεύσσω=

гляжу; *гобзую, угобзаюсь*—съ л. uber; *гроза, грожу* съ н. Graus, grässlich; *говорю* съ лат. far, faris (?), гр. ἀγορέω; *день* не только съ лат. dies, но и съ нѣм. Tag; *деревня*—съ нѣм. Dorf; *дужій* съ лат. densus, гр. δασύς; *дму* съ л. tumeo, tumor; *дроблю* съ гр. δρέπω; *дрязгъ* и *друзгъ* относятся къ *тру*; *жена* сближается съ лат. femina, *заяцъ* съ н. Hase, *игла* съ л. acus, acer и т. д. Нѣсколько вполнѣ обыкновенныхъ словъ осталось вовсе безъ этимологіи: *девять, дитя, древо, диво, дѣва, деверь, елень, есть, младый, орелъ* и т. д. Для другихъ, также вполнѣ ясныхъ, привлечены совсѣмъ не подходящія и не естественныя сближенія, въ родѣ, напр., *беру*—нѣм. werben, вм. близкихъ по звукамъ и значенію л. fero, гр. φέρω.

Разсмотрѣнныя этимологіи Востокова возникли, очевидно, въ промежутокъ времени отъ 1802 (а, можетъ быть, и немного раньше) до 1808 г., когда онъ началъ уже работать надъ большимъ трудомъ этого-же рода, названнымъ имъ „Этимологическимъ словоросписаніемъ“ [1]). По словамъ самого Востокова, онъ принялся приводить въ порядокъ свое „словоросписаніе“ въ маѣ 1808 г., а 15 декабря того-же года были переписаны послѣднія буквы. О томъ, какъ слѣдуетъ вести подобныя лексикографическія работы, Востоковъ, очевидно, не имѣлъ никакого представленія, будучи чистѣйшимъ самоучкой. Поэтому форма, избранная имъ для своего труда, поражаетъ неудобствомъ и непрактичностью, тѣмъ болѣе, что въ ея недостаткахъ онъ, казалось, долженъ былъ-бы уже убѣдиться на примѣрѣ своего перваго, выше разсмотрѣннаго опыта. Когда страницы его первой росписи коренныхъ словъ покрылись сплошь постоянно вносимыми дополненіями и параллелями изъ другихъ языковъ, писанными самымъ убористымъ почеркомъ, и нигдѣ не оставалось уже свободнаго мѣстечка, Востоковъ принялся переписывать свою работу, но все въ той-же неудобной формѣ, помѣщая по нѣскольку словъ на страницѣ (въ азбучномъ порядкѣ) и отводя для каждаго приблизительно одинаковое пространство. Каждая страница (въ обыкновенную четвертку), кромѣ горизонтальныхъ графъ (для славено-русскихъ словъ) была имъ раздѣлена еще на четыре вертикальныя графы для внесенія словъ изъ разныхъ иностранныхъ языковъ, привлекавшихся къ сравненію. Разумѣется, при такомъ внѣшнемъ планѣ работы, границы между участками для отдѣльныхъ словъ очень скоро

[1]) См. «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Издалъ и т. д. И. Срезневскій». Спб. 1865, стр. V, гдѣ ошибочно показанъ 1807 г., и «Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни». Изд. В. И. Срезневскаго. Спб. 1901 (отд. отт. изъ т. LXX Сборника отд. русск. языка и словесн. Имп. акад. наукъ), стр. 24.

сами собой нарушились; за недостаткомъ мѣста въ уже заполненныхъ графахъ, слова стали вписываться въ чужія графы, и скоро рукопись приняла такой-же и даже еще болѣе неудобочитаемый видъ, какъ и въ первой редакціи. Постоянно вносившіяся дополненія заставили Востокова пришить по лоскутку бумаги къ каждой страницѣ, къ этимъ лоскуткамъ мѣстами понадобилось пришить новые, такъ что, вѣроятно, и самъ авторъ труда подъ конецъ съ трудомъ могъ оріентироваться въ своей рукописи. Вписывались иностранныя слова постепенно, въ разное время. Сначала былъ заполненъ столбецъ для польскаго языка. Въ запискахъ Востокова подъ 23-мъ марта 1809 года записано: „кончилъ польской столбецъ въ Этимол. росписаніи, трудившись надъ нимъ слишкомъ три мѣсяца“ [1]). За польскими словами были внесены англійскія, на что потребовалось около двухъ мѣсяцевъ. Какъ свидѣтельствуютъ записки Востокова, англійскій столбецъ былъ законченъ 21-го мая 1809 года [2]). Слова другихъ языковъ вносились, по словамъ И. И. Срезневскаго [3]), частью при первичномъ написаніи (т. е. въ 1808 г.), частію и послѣ. Всѣхъ вертикальныхъ столбцовъ на двухъ смежныхъ страницахъ такимъ образомъ получилось восемь (не считая двухъ, а иногда и болѣе, пришитыхъ по краямъ): 1) славено-русскій, 2) польскій, 3) нѣмецкій, 4) англійскій и шведскій (въ одномъ столбцѣ), 5) греческій, 6) латинскій, 7) цельто-латинскій, 8) для разныхъ другихъ языковъ: турецкаго, татарскаго, еврейскаго, арабскаго, сирійскаго, халдейскаго, персидскаго, индостанскаго или санскрита и др. На пришитыхъ столбцахъ вписывались формы разныхъ славянскихъ языковъ и вообще разныя дополнительныя замѣчанія.

Съ какимъ трудомъ Востоковъ добывалъ необходимыя для своей работы научныя пособія, свидѣтельствуютъ его собственныя записки и „Изложеніе объ этимологическомъ словарѣ“, написанное имъ для тогдашняго директора Императ. публ. библіотеки Оленина и напечатанное въ извлеченіи И. И. Срезневскимъ въ его очеркѣ біографіи Востокова („Филологическія наблюденія А. Х. Востокова“. Спб. 1866, стр. V—X). Пособія, имѣвшіяся у него подъ рукою, „по малому его достатку и по неимѣнію случаевъ, чтобы пользоваться знатными библіотеками“, были крайне скудны: для польскаго ему служилъ очень плохой словарь Кондратовича (см. выше, стр. 334, прим. 2), для чешскаго и другихъ славян-

---

[1]) См. «Замѣтки А. Х. Востокова», изд. В. И. Срезневскимъ. Спб. 1901, стр. 29.

[2]) Тамъ-же, стр. 30.

[3]) «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова». Спб. 1865, стр. V.

скихъ языковъ „Litterarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland“ Добровскаго, для нѣмецкаго—нѣмецко-русскій словарь Гейма (см. выше, стр. 344), для голландскаго—„Niederdeutsche oder Holländische Grammatik“ Крамера, для англійскаго—„Pocket dictionary“ Шаде, для шведскаго—русскій переводъ грамматики Сальстета (см. выше, стр. 333, прим. 1), для греческаго—Lexicon manuale Шревелія, для новогреческаго—словарь архимандрита Меѳодія (см. выше, стр. 334, прим.) и для латинскаго—русскій переводъ словаря Геснера, сдѣланный Синьковскимъ (см. выше, стр. 359, прим.).

Съ этими пособіями Востоковъ „перебивался кое-какъ“. При лучшихъ пособіяхъ онъ „конечно сберегъ-бы половину времени и труда, потерянныхъ надъ безплодными, можетъ быть, розысками и надъ составленіемъ ложныхъ заключеній“. Какъ говорится въ запискѣ Востокова, ему хотѣлось-бы имѣть въ рукахъ „Митридата“ и „Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart“ Аделунга, „Glossarium Sveo-Gothicum“ Ире, о которомъ съ большой похвалой отзывался Шлецеръ, и польскій словарь Линде, тогда еще только выходившій. Кромѣ того, Востоковъ просилъ у Оленина позволенія пользоваться нужными книгами изъ его частной, или изъ Императорской библіотеки, „а особливо Линдеевымъ словаремъ“, который составлялъ предметъ его живѣйшаго интереса. Насколько силенъ былъ этотъ интересъ къ словарю Линде, свидѣтельствуютъ записки Востокова, гдѣ подъ 19 мая 1808 г. отмѣчено, что ему удалось, наконецъ, пока только „видѣть“ (!) словарь Линде у своего знакомаго Ермолаева [1]).

Записка Востокова, поданная 21-го декабря 1809 г., была принята Оленинымъ благосклонно [2]), но практическихъ результатовъ не имѣла. Даже „Линдеева словаря“ Востоковъ не могъ получить отъ Оленина и только черезъ полгода выпросилъ его на подержаніе у Д. И. Языкова, что́ и отмѣтилъ подъ 14 мая 1810 г. въ своихъ „Замѣткахъ“ [3]). Получивъ предметъ своихъ страстныхъ желаній, онъ на другой-же день принялся за работу и къ 12-му іюля „прошелъ 1-ю часть словаря, употребивъ на то два мѣсяца“ [4]). Къ 24-му октября 1810 г. была пройдена и вторая часть словаря, на что понадобилось слишкомъ три мѣсяца [5]); съ третьей частью было покончено въ четыре мѣсяца, къ 25-му февраля

---

[1]) См. «Замѣтки А. Х. Востокова», изд. В. И. Срезневскимъ, стр. 25.

[2]) «Замѣтки А. Х. Востокова», изд. В. И. Срезневскимъ, стр. 32.

[3]) Тамъ-же, стр. 33.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Тамъ-же, стр. 34.

1811 г. [1]). Послѣ этого Востоковъ вторично „разсматривалъ“ первыя двѣ части словаря, по 24 апрѣля 1811 г., просидѣвъ такимъ образомъ надъ словаремъ Линде „безъ малаго годъ“ [2]).

О тогдашнихъ взглядахъ Востокова на предпринятое имъ дѣло и о состояніи его познаній свидѣтельствуютъ отрывки изъ его докладной записки Оленину, напечатанные частью И. И. Срезневскимъ въ цитированномъ уже его очеркѣ біографіи Востокова [3]). Изъ нихъ мы узнаемъ, что Востоковъ намѣревался показать „различныя степени сродства между всѣми“ сравнивавшимися у него языками и „постепенное произхожденіе и прехожденіе словъ изъ одного языка въ другой“. Трудности задачи были ему извѣстны: „я знаю сколь предметъ сей запутанъ, и какая въ ономъ господствуетъ вообще нерѣшительность; знаю что этимологію называютъ безполезнымъ знаніемъ, служащимъ только къ удовлетворенію пустаго любопытства. Но нельзя ли, руководствуясь осторожностью и, за разборомъ мѣлочей, не теряя никогда изъ виду цѣлаго, пройти въ этимологіи недалеко, но за то надежно; извлечь изъ сего хаоса столько по крайней мѣрѣ свѣту, сколько нужно для основательнаго и философическаго словопознанія? Нельзя ли избѣгнуть злоупотребленій соединенныхъ съ сего наукою—употребляя оную всегда не какъ главную а какъ пособную, у мѣста и умѣренно?“.

Высказывая этотъ осторожный взглядъ на этимологію, какъ средство опасное и допустимое лишь въ умѣренныхъ размѣрахъ, Востоковъ подкрѣплялъ свои доводы въ пользу этимологіи цитатой изъ статьи объ этомъ предметѣ во французской энциклопедіи [4]). По его словамъ, онъ имѣлъ въ виду, „утвердивъ если можно историческими и логическими доказательствами словопроизводство Россійскаго языка, пояснить сію историческую часть Грам-

[1]) Тамъ-же, стр. 36.

[2]) Тамъ-же.

[3]) «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Издалъ, по порученію II-го отд. академіи наукъ, И. Срезневскій», Спб. 1865, стр. V—IX. Приведенные у насъ отрывки иногда разнятся отъ напечатанныхъ Срезневскимъ и почерпнуты изъ черновой рукописи Востокова, сохраняющейся, вмѣстѣ съ другими его бумагами, въ рукописномъ отдѣлѣ I-го отдѣленія библіотеки Имп. акад. наукъ.

[4]) «Le grand objet de l'art étymologique n'est pas de rendre raison de l'origine de tous les mots sans exceptions et j'ose dire que ce seroit un but assez frivole. Cet art est principalement recommandable en ce qu'il fournit'à la philosophie des materiaux et des observations pour élever le grand édifice de la théorie générale des langues; or, pour cela il importe bien plus d'employer des observations certaines que d'en accumuler un grand nombre» (Encycloped. method. Dictionnaire de gramm. et de litterature, s. v. Etymologie).

матики для будущихъ нашихъ лексикографовъ, и пресѣчь чрезъ то единожды навсегда всякія произвольныя и неосновательныя словопроизвожденія, какихъ у насъ не мало выкидывала въ свѣтъ самоумная неученость или всеугадывающая полученость. Легко станется, что и на меня самого обратятъ попрекъ сей, хотя я всемѣрно старался не утверждать ничего, не основываясь на вѣрныхъ доводахъ и свидѣтельствахъ".

Какъ еще шатки были основы этимологическаго метода Востокова, свидѣтельствуютъ его разсужденія о томъ, какія сходства словъ основаны на первичномъ родствѣ языковъ, и какія— на заимствованіи изъ одного языка въ другой. При сужденіи объ этомъ сходствѣ Востоковъ исходитъ изъ дѣленія всѣхъ словъ на „первоклассныя" (primordiales) и „второклассныя" (secundarii; sic!). Къ первымъ онъ относитъ „a) такія имена (существ. и прилагат.), коими означаются предметы ближайшіе къ чувствамъ, какъ то: самъ человѣкъ и части его тѣла, *глава, рука, нога* и пр. окружающіе его повсѣмственно главныя части Естества родъ (genus) знаменующіе: *земля, небо, вода, древо, звѣрь* и пр. ихъ качества: *черный, бѣлый, долгій, короткій, добрый, злой*, и пр. ихъ отношенія: сюда принадлежатъ имена служащія къ означенію родственныхъ связей: *отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра*, также имена числительныя и мѣстоименія". Къ словамъ первокласснымъ Востоковъ причисляетъ еще: b) глаголы и c) вспомогательныя частицы слова, какъ то: предлоги, союзы, междометія. Всѣ эти „первоклассныя", или „первенствующія" слова, „суть необходимо нужныя слову человѣческому и первыя по старшинству во всякомъ языкѣ; слѣдовательно нельзя, по настоящему, предполагать чтобъ они непосредственно заимствованы были съ чужаго языка, и ежели таковые первоклассные слова при тождествѣ значенія въ двухъ, трехъ или множайшихъ языкахъ имѣютъ тотъ же или подобный звукъ, то сіе можетъ служить вѣрнымъ доказательствомъ, что языки сіи одного происхожденія или корени".

Подъ „второклассными" словами Востоковъ разумѣлъ „имена *частныя, видъ* (species) означающія, животныхъ, растеній и ископаемыхъ, также всякихъ орудій, снастей, одежды, нѣкоторыхъ искусствъ и ремеслъ, и словомъ всего *необщаго* и не всѣмъ вообще странамъ свойственнаго и отъ одного народа къ другому преходящаго или изъ одной страны въ другую переносимаго; почему и очевидное сходство таковыхъ имянъ въ различныхъ языкахъ, не составляетъ еще доказательства о единоплеменности народовъ или о сродствѣ языковъ, а только показываетъ, что который нибудь народъ отъ другаго заимствовалъ вмѣстѣ съ ве-

щію и слово къ означенію вещи служащее“. Основываясь на этихъ общихъ положеніяхъ, Востоковъ считаетъ неосновательнымъ заключеніе „о единокоренности языковъ“ на основаніи сходства словъ, въ родѣ слѣдующихъ: „мечъ μαχαιρα Messer; Scamnum скамья Schämel; рѣпа Rübe rapa; мышь Maus μυς; вепрь Eber aper; оселъ Esel asinus“. По его мнѣнію, „это все имена второклассныя, каковыя мы могли перенять по сосѣдству, не только отъ Нѣмцовъ, Грековъ и пр., но и отъ Чуди и Татаръ (!), совершенно намъ разноплеменныхъ“. Напротивъ, сходство словъ въ родѣ: „око, Auge, οψ, οκκος, (дорич.), oculus, αυω, блистаю, свѣчусь, αυγη, αιγλη (блескъ, ясность); глава, κεφαλη (по фригійски или макед. κεβλη), κολοφον (вершина, вышка), Kopf, Haupt, caput; сердце, Herz, hearth, κεαρ, καρδιον, cor; день, Tag, dies, δην (днесь), δηρος (дневной), δηλος (явный); ночь, Nacht, νυξ, nox; солнце, Sonne, Sol, ἡλιος; мѣсяцъ, Mond, μην, mensis; вода, Wasser, анг. water, исландск. wata, υδωρ (по фригійски: βεδυ), unda; древо, (агл.) tree, (швед.) träd, δενδρον; стою, stehen, ςαω, ἱςημι (sic!) sto; лежу, liegen, λεγομαι; сѣжду, sitzen, ἕζομαι, sedeo; вижу, ειδω, video; вѣмъ, вѣдаю, wissen, (швед.) weta, ιστημι (?), ειδεω, и множество другихъ“, свидѣтельствуетъ о „единоплеменности и происхожденіи отъ одного корени“.

Не говоря уже объ ошибочности нѣкоторыхъ приведенныхъ здѣсь сближеній Востокова (въ родѣ мечъ—μάχαιρα—Messer, или вепрь—Eber—aper), мы встрѣчаемся здѣсь съ отсутствіемъ правильнаго представленія о коренныхъ и заимствованныхъ словахъ въ индоевроп. языкахъ, вытекающимъ изъ ошибочнаго критерія для сужденія о первичности или вторичности тѣхъ или другихъ словъ въ индоевроп. языкахъ. Въ результатѣ исконныя индоевроп. слова, какъ *мышь*, *Maus*, *mus*, относятся Востоковымъ къ заимствованнымъ и т. д. Ниже Востоковъ производитъ „новорусское“ слово *дешевый* отъ „Славенскаго *тще—тщавый*“ (!), польское tani—отъ слав. *туне* (!), а „новорусское“ *глазъ*—отъ „кореннаго славенскаго глагола *гляжу-глядь*“ (!). О родствѣ сравниваемыхъ имъ языковъ Востоковъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: „а что они дѣйствительно единокоренны, въ томъ удостовѣриться можетъ и самый осторожный этимологистъ, ежели только займется сравнительнымъ ихъ обозрѣніемъ; да и въ ученомъ свѣтѣ мнѣніе сіе давно стало общепринятымъ. Ссылаюсь на достовѣрнѣйшаго и многообъятнѣйшаго по сей части—Шлецера. Изъ его „Nordische Geschichte“ почерпнулъ я слѣдующую классификацію народовъ и языковъ: 5 европейскихъ первообразныхъ языковъ (langues mères) *Греческій*, *Словенскій*, *Нѣмецкій*, *Гальскій*, или

Цельтскій и *Кимрскій* или Британскій [1]), суть родные братія или нарѣчія одного кореннаго языка, принесеннаго изъ Азіи первобытными населенцами Европы (которыхъ, за незнаніемъ настоящаго ихъ имени, назовемъ хотя, по книгамъ Моисеевымъ, *Яфетовымъ племенемъ*). Можетъ быть еще въ Азіи кочевавши, раздѣлилось сіе племя на вышеименованныя 5 поколѣній, или уже по переходѣ своемъ въ Европу — а имянно съ Фригійскаго въ Малой Азіи берегу, на Ѳракійскій въ Европѣ — откуда одно колѣно поворотило на югъ и заселило Грецію, другіе четыре, разсѣявшись по сѣверу и западу Европы раздѣлились на Словянъ, Нѣмцовъ, Кимровъ и пр., которые по мѣрѣ разпространенія своего и отдаленія одни отъ другихъ на семъ обширномъ пространствѣ земли, болѣе и болѣе стали отмѣняться и нарѣчіями своими, однакоже и послѣ тысячелѣтій еще настолько чтобъ нельзя было признать теперь даже ихъ единокоренности".

Что касается самихъ этимологій этой второй редакціи сравнительно-этимологическаго словаря Востокова, то ихъ значительно больше, чѣмъ въ первой, выше разсмотрѣнной. По опредѣленію И. И. Срезневскаго, позднѣйшая редакція словаря заключаетъ въ себѣ матеріала приблизительно на 40 печатныхъ листовъ мелкаго набора [2]), тогда какъ первая обнимала собой всего нѣсколько листочковъ писчей бумаги въ четвертку. Въ смыслѣ метода онѣ, конечно, страдаютъ тѣми же недостатками, которые отмѣчены выше по отношенію къ первой редакціи: авторъ руководился главнымъ образомъ внѣшнимъ сходствомъ, при извѣстной близости значеній, и полагался прежде всего на свое личное чутье, что́ было въ то время вполнѣ естественно. Тѣмъ не менѣе, болѣе пристальное занятіе предметомъ, сравнительно съ первой редакціей, сказалось въ значительномъ обиліи привлеченнаго къ сравненію матеріала, въ массѣ примѣровъ изъ другихъ языковъ, особенно славянскихъ, и въ рядѣ новыхъ этимологій, среди которыхъ попадаются замѣчательныя для того времени. И. И. Срезневскій уже напечаталъ въ видѣ образчика одну изъ этимологій этой второй редакціи, а именно глагола *бреду, брести* [3]), запи-

---

[1]) «*Латинскій* какъ извѣстно есть языкъ производный (derivé) съ Греческаго и Цельтскаго; *Латышскій* — также смѣсь Славенскаго и другихъ языковъ. Прочіе два первобытные Европейскіе языка: *Чудскій* (Скиоскій?) на сѣверовостокѣ, и *Васконскій* или Кантабрскій на югозападѣ суть по всѣмъ примѣтамъ не Яфетова племяни, а вѣроятно Симова».

[2]) „Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Изд. И. Срезневскій". Спб. 1865, стр. X.

[3]) См. «Филолог. Наблюденія А. Х. Востокова. Изд. И. Срезневскій. Спб. 1865», стр. XI.

мающую у него болѣе половины страницы въ 8° долю листа, тогда какъ въ первой редакціи она была представлена лишь въ пяти словахъ: *бреду*, *бродъ*, furth, πορος fahren. Изъ замѣчательныхъ для того времени этимологій отмѣтимъ сближеніе слав. *высокъ* съ гр. ὕψος отъ ὑπέρ, (но рядомъ и съ нѣм. hoch, Höhe, англ. high, to heave, to whip и т. д.); *везу*, *возъ* съ ὀχέω, ὄχος, лат. veho, нѣм. Wagen (но и съ русск. *паузокъ!*); *влеку* съ ἕλκω, ὁλκός; *иго* съ Joch, гр. ζυγός, л. jugum; *десный* съ δεξιός, л. dexter; *долгій* съ англ. tall и гр. δολιχὸς (но также и съ нѣм. lang, лат. longus); *тушу*, польск. otucha съ *тѣшу* (см. подъ *дую*); *гладкій* съ лат. glaber (но и съ греч. λεῖος); *громъ* съ βρέμω, βρόμος; горю съ гр. θέρω, θέρος, θερμός (но и съ лат. ardeo, uro, cremo!); *гнида* съ нѣм. Niss, англ. nit, англосакс. hnitu, дат. gnid, гр. κονίς; извѣстный неприличный русскій глаголъ съ гр. οἰφέω [1]) (но и съ ὀπυίω!); *лось* съ лат. alces (см. *елень*); *земля* съ χθών, χαμαί, л. humus; *знать* съ нѣм. kennen, англ. know, γιγνώσκω (но и съ σῆμα, σημαίνω!), лат. nosco (но и съ signum!); *зіяю* съ χαίνο, χάω, лат. hio, hiatus; *золовка* съ γάλως, л. glos; *илемъ*, съ нѣм. Ulm, англ. elm, лат. ulmus; *ключь*, съ κλείω, κλεὶς, л. clavis, нѣм. schlüssel, schliessen; *малый* съ англ. small, нѣм. schmal (но и съ греч. μικρός!); *смердѣть* съ лат. *merda* (см. *мертвъ*); *ольха* съ нѣм. Erle, Eller, англ. alder, дат. elle, шв. al, лат. alnus; *осина* съ нѣм. Espe, англ. asp, aspen; *пѣна* съ англ. foam, лат. spuma; *порозъ* съ нѣм. Farre; *порося* съ нѣм. Ferkel, англ. farrow, л. porcus; *пазъ* съ гр. πηγνύω, л. pago, нѣм. fügen; *руда*, *рдѣть*, *ржа* съ нѣм. roth, англ. red, ruddy, гр. ἔρευθος, ἐρυθρός (но и съ ῥόδον), лат. ruber, rubeo, rufus; *рыгаю* съ ἐρεύγω; *сило*, *силокъ* съ нѣм. Seil; *цѣлый* съ нѣм. heil, англ. whole, hail, health, (см. подъ *сила*); *снѣгъ* съ нѣм. Schnee, шв. snö, гр. νίφο (но и съ χιών), л. nix, ninguis, niveo; *солома* съ нѣм. Halm, гр. κάλαμος, л. culmus; *селезенка* съ σπλήν, лат. lien; *скипидаръ*—spikanarda, нѣм. Spicknarden, шв. spyk-naard [2]); *толпа* съ р. *телепень*, (но и съ нѣм. Tölpel!); *тонкій* съ нѣм. dünn, англ. thin, лат. tenuis, ирл. tana, галльск. tene, перс. tend (но и съ гр. τόνος); *туръ* съ ταῦρος, taurus; *утка* съ гр. νῆσσα, νῆττα, лат. anas, нѣм. Ente; *шуй* съ англ. skue, (skew), гр. σκαιός, л. scaevus; *шью* съ англ. to sew (но и съ to sow), лат. suo, sutum и т. д. Не говоримъ уже о многихъ удачныхъ сближеніяхъ, которыя напрашивались сами собой, въ

---

[1]) Ср. Hirt, „Der indogermanische Ablaut etc. Strassburg. 1900", стр. 132, № 653, гдѣ для соотвѣтствующихъ санскр., греч. и славянскихъ словъ устанавливается двусложный корень ojebh.

[2]) Сопоставленія эти явились въ печати впервые у Я. Грота.

родѣ нѣкоторыхъ числительныхъ, именъ родства, многочисленныхъ удачныхъ объясненій заимствованныхъ словъ, какъ *шкафъ*, *штопаю*, *штукатурка*, *шандалъ* и т. п.

Нѣкоторыя изъ этимологій Востокова совпадаютъ съ этимологіями Шлёцера (въ его неконченной русской грамматикѣ). Таковы, напр. этимологіи словъ: *везу*, *иго*, *десный*, *долгій* (Шлёцеръ тоже сравниваетъ съ нѣм. lang, лат. longus), *гладкій* (у Шлёцера также съ лат. glaber и греч. λεῖος), *знать* и другія, не приведенныя здѣсь. Это позволяетъ думать, что Востоковъ былъ знакомъ съ уцѣлѣвшими листами грамматики Шлёцера и почерпнулъ оттуда нѣкоторыя сопоставленія. Во всякомъ случаѣ, однако, онъ не ограничился простымъ перенесеніемъ Шлёцеровскихъ этимологій въ свою рукопись, а много внесъ и собственнаго, прибавляя матеріалъ изъ другихъ языковъ къ готовымъ сближеніямъ и устанавливая новыя, принадлежащія ему лично.

Разумѣется, рядомъ съ удачными этимологіями, у Востокова имѣется масса совершенно невозможныхъ, невѣроятныхъ и ошибочныхъ, основанныхъ на одномъ внѣшнемъ сходствѣ и случайной близости значенія (въ родѣ сближенія *блескъ* не только съ лат. fulgeo, но и съ splendeo!), но во всякомъ случаѣ нельзя не признать неизданный трудъ Востокова явленіемъ для своего времени замѣчательнымъ. Сравнительно-этимологической работы съ такимъ широкимъ планомъ никто не предпринималъ въ то время, ни у насъ, ни въ Европѣ. Особенно богата она сопоставленіями со славянскими языками, которыя, правда, были почерпнуты изъ словаря Линде, но впервые были такъ широко проведены и выполнены въ работѣ русскаго ученаго,—вдобавокъ такого самоучки, какимъ былъ еще въ то время Востоковъ, предпринявшій свой трудъ по собственному почину и безъ всякаго поощренія со стороны тогдашнихъ магнатовъ отъ науки, въ родѣ Оленина и Шишкова.

Авторъ, повидимому, самъ сознавалъ впослѣдствіи недостатки своего труда и оставилъ его въ рукописи. Ничто не обнаруживаетъ также, чтобы Востоковъ продолжалъ и впослѣдствіи работать надъ своимъ словаремъ. Вѣроятно, въ глазахъ самого автора трудъ его являлся юношескимъ незрѣлымъ опытомъ, правда, вытекавшимъ изъ горячаго интереса къ предмету, но предпринятымъ безъ достаточной подготовки и знаній. Во всякомъ случаѣ, для научнаго развитія самого Востокова онъ долженъ былъ имѣть, по вѣрному замѣчанію И. И. Срезневскаго [1]), „чрезвычайно важное

[1]) „Филологическія наблюденія А. Х. Востокова“, 1865, стр. XI—XII.

значеніе. Онъ приготовилъ въ головѣ его много вопросовъ по сравнительному историческому изученію строя славянскаго языка и безъ сомнѣнія много рѣшеній, по крайней мѣрѣ предположительныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ пріучилъ къ работѣ тщательной и стойкой". Впослѣдствіи другія задачи, другіе труды отвлекли Востокова отъ его „этимологикона", да и нарожденіе настоящаго сравнительнаго языкознанія въ трудахъ Боппа и его послѣдователей, вѣроятно, мало по малу раскрыло Востокову всѣ слабыя стороны его юношескаго труда.

Выше (стр. 632) уже указывалось на почти полное отсутствіе въ немъ сравненій съ санскритомъ и сравнительное обиліе сближеній съ еврейскими, арабскими, сирійскими, халдейскими и т. п. формами. Мы видѣли также, что Востокову очень хотѣлось достать „Митридата" Аделунга старшаго. Это желаніе онъ осуществилъ, но, повидимому, не раньше 1811 года. Среди бумагъ Востокова, хранящихся въ рукописномъ отдѣлѣ I отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ, находится извѣстная уже намъ брошюра Аделунга младшаго „О сходствѣ санскритскаго языка съ русскимъ" (Спб. 1811), въ которую вложены писанные рукой Востокова листки съ выписанными изъ „Митридата" санскритскими словами: „Uebereinkunft vieler Wörter des Sanscrit mit den Wörtern anderer alter Sprachen". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются собственныя замѣчанія Востокова. Такъ, относительно перваго слова въ спискѣ Аделунга: aala „дворъ" (санскр. âlaya—дымъ, жилье, осѣдлость?), которое сравнивается съ конт. auli, турецк. awli, греч. ἀυλη и лат. aula, Востоковъ въ скобкахъ замѣчаетъ: „конт. и турецк. такъ какъ и Латинск. вѣрно съ Греческаго"; при 2. Andara „das Innere" (санскр. antara-) онъ ставитъ въ скобкахъ: „утрь, утроба"; при aredsch „der König im Schachspiele" (очевидно, просто râj = царь) замѣчено въ скобкахъ: „рядить" (!); при arna „Wasser" (очевидно arṇa=волна, потокъ) замѣчено (конечно неосновательно): „а греч. ουρον, лат. urina забылъ Аделунгъ?"; при 2. aster „Feuer" (?!) приписано: „сюда же иллир. ватро, греч. αιθρα, слов. утро, ведро" (!); при Badi, Pati (санскр. pati-=господинъ, вождь) сдѣлано примѣчаніе: „младшій Аделунгъ сличаетъ *водить, вождь* и пр.; я бы привелъ еще греч. βασι-λευς и пр."; при Bala „мальчикъ" замѣчено: „сюда же πωλος. pollus(?), Fülle, φυλη, полъ, племя и др. Латинское же filius отъ другого корня, отъ греч. υιος, отъ φύω и пр., куда принадлежитъ и *сынъ*, Sohn"(!); слав. *у-* въ *убогій* и т. п. Востоковъ здѣсь ошибочно сближаетъ съ санскр. префиксомъ vi- vya- и т. д. Подобныхъ замѣчаній, впрочемъ, немного. Вездѣ Востоковъ отмѣчалъ также, какія

санскритскія слова, имѣющіяся у Аделунга младшаго, пропущены въ „Митридатѣ" его дяди, но дѣлалось это, впрочемъ, безъ надлежащаго знанія и критики. Такъ, въ числѣ пропущенныхъ словъ онъ указываетъ и такія фантастическія и полуфантастическія формы, какъ *ода*, *ожгнонъ*, *онторъ*, *осма*, *ости*, *остги* и т. д. Во всякомъ случаѣ эти замѣтки Востокева свидѣтельствуютъ о его интересѣ къ санскриту, находившемся, очевидно, въ связи съ его этимологическими замыслами. Выписки эти, конечно, должны были служить матеріалами для внесенія санскритскихъ параллелей въ разсмотрѣнное выше „этимологическое словорасписаніе", въ которомъ, однако, мы ихъ не находимъ. Повидимому, указанныя замѣтки Востокова были послѣдней данью, отданной имъ сравнительно-этимологическимъ занятіямъ, когда-то столь его увлекавшимъ. Занести въ свой „этимологиконъ" параллели, выбранныя изъ „Митридата", и этимологіи Аделунга младшаго онъ уже не собрался, и онѣ остались въ его рукописномъ наслѣдіи.

Что сравнительно-этимологическіе интересы занимали Востокова еще въ 1812 г., свидѣтельствуетъ его статейка „Задача любителямъ этимологіи", подписанная иниціалами А. В. и напечатанная въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ" за 1812 г. (ч. I, февраль, № 2, стр. 204—215). Статейка эта рисуетъ намъ довольно ярко обще-лингвистическіе взгляды и методъ тогдашняго Востокова: языкъ, по его словамъ, „изъ всѣхъ признаковъ соплеменности или сродства между народами... сохраняется всего долѣе: онъ не зависитъ отъ климата, такъ какъ другіе признаки, напр. одежда, образъ жизни и даже складъ тѣла... онъ не теряетъ еще и по прошествіи тысящелѣтій, въ самыхъ отдаленнѣйшихъ и противоположнѣйшихъ климатахъ, общаго своего сходства или тожества корней, въ разсужденіи ихъ звука и значенія. Сіе доказывается сличеніемъ древнихъ языковъ съ новѣйшими, ежели отъ первыхъ сохранились письменные памятники. По симъ памятникамъ съ достовѣрностью утверждать можно о сродствѣ Арабскаго языка съ Еврейскимъ, Греческаго же, Латинскаго, Нѣмецкаго и Славянскаго съ Персидскимъ и Санскритскимъ, и объ общемъ ихъ происхожденіи отъ древняго Мидійскаго (стр. 202—203)". Въ этихъ словахъ находимъ уже вполнѣ отчетливый взглядъ на родство нѣкоторыхъ европейскихъ языковъ съ санскритомъ, свидѣтельствующій о знакомствѣ Востокова съ работами Фр. ф. Шлегеля или, по крайней мѣрѣ, Аделунга младшаго, въ примѣчаніяхъ къ брошюрѣ котораго цитировалось мнѣніе проф. Антона о происхожденіи названныхъ языковъ изъ „Мидійскаго" языка.

Дальше Востоковъ говоритъ о скиѳскихъ и сарматскихъ име-

нахъ у греческихъ историковъ, являясь такимъ образомъ предшественникомъ въ этой области В. Ѳ. Миллера и др. современныхъ нашихъ ученыхъ. По словамъ Востокова, происхожденіе этихъ именъ, „соплеменны ли они или разнородны съ нами“, нельзя опредѣлить, за неимѣніемъ свѣдѣній, „о языкахъ, коими говорили сіи народы“, и письменныхъ на нихъ памятниковъ. „Но есть и другіе, достовѣрнѣйшіе, можетъ быть, памятники“, а именно географическія названія, переживающія „многими тысячами лѣтъ... существованіе того народа, отъ коего первоначально изречены были“.

Съ цѣлью обратить вниманіе на географическія названія Россіи и была написана данная статья, въ которой дается небольшой ихъ перечень и попытка объясненія. Лингвистическій анализъ ихъ въ высшей степени наивенъ. Приведя нѣсколько именъ, въ концѣ которыхъ имѣется слогъ *-га* (Пинега, Онега, Серега, Ладога и т. д.), Востоковъ переходитъ къ названіямъ, оканчивающимся на *-ва,-ба,-ма*, полагая, что всѣ они одного происхожденія, такъ какъ губные звуки легко переходятъ другъ въ друга. Приводятся при этомъ названія, въ родѣ Колва, Полва, Лозва, Сосва, Сылва и т. д. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ „суффиксы“ нашихъ географическихъ именъ, Востоковъ приступаетъ къ анализу ихъ корней. Во всей Европѣ онъ находитъ имена, въ которыхъ повторяется сочетаніе Д-нъ (Донъ, Двина, Днѣпръ, Роданъ, Эриданъ и т. д.), тогда какъ въ именахъ рѣкъ юго-восточной Россіи повторяются сочетанія к-лъ, г-лъ (Осколъ, Ворскла, Деркулъ, Ингулъ, Телигулъ и т. д.).

Основываясь на замѣчаніи Клопштока („Grammatische Gespräche“ 1794), что имена рѣкъ Weser, Oder, Eder, Eyder, Iser, Esse, Hase заключаютъ въ себѣ слова Wasser, Water (!), а имена другихъ рѣкъ, какъ Aa, Ach, Au, Eger, Ocker, Neckar, происходятъ отъ латинскаго aqua=вода (!), Востоковъ толкуетъ въ этомъ смыслѣ и наши названія рѣкъ: „если *га*, *Д-нъ*, *К-лъ* и пр. тоже значатъ *вода* или *рѣка*, то и приложенные къ нимъ слоги: Оне-га, Ладо-га, Вол-га, Днѣ-пръ, Дне-стръ, Дер-кулъ, Ин-гулъ и т. д. вѣроятно суть какія-нибудь прилагательныя, опредѣляющія качества тѣхъ рѣкъ“. Въ концѣ статьи авторъ, впрочемъ, скромно предоставлялъ „ученѣйшимъ людямъ повѣрить сіи предположенія и вывести изъ оныхъ дальнѣйшія слѣдствія“.

Фантастическія сближенія почерпнутыхъ у Страбона „каппадокійскихъ“ формъ со славянскими и болѣе удачныя санскритскихъ со славянскими же можно найти въ трудѣ католическаго митрополита Стан. Сестренцевича-Богуша: „Recherches historiques sur

l'origine des Sarmates, des Esclavons et de Slaves" (Спб. 1812). Отрывокъ отсюда (съ помянутыми сближеніями) явился черезъ 5 лѣтъ по выходѣ оригинала и въ русскомъ переводѣ одного изъ нашихъ молодыхъ университетскихъ преподавателей (см. ниже).

Довольно много сопоставленій славянскихъ и русскихъ словъ и формъ съ соотвѣтствующими латинскими, греческими и нѣмецкими (очень рѣдко англійскими, шведскими и датскими) находимъ у Карамзина въ I томѣ его „Исторіи Государства Россійскаго" (Спб. 1816, 2-е изданіе, тамъ же, 1818). Относительно родства славянской семьи языковъ съ другими языками, Карамзинъ высказываетъ мнѣніе, что близкое родство семья эта имѣетъ только съ европейскими языками: „Нѣкоторые утверждали, что онъ (слав. языкъ) весьма близокъ къ древнимъ языкамъ Азіатскимъ, но вѣрнѣйшее изслѣдованіе доказало, что сіе мнимое сродство ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которыя находятся и въ другихъ языкахъ Европы, свидѣтельствуя единственно ихъ общее Азіатское происхожденіе [1]); и что Славянскій имѣетъ съ Греческимъ, Латинскимъ, Нѣмецкимъ, гораздо болѣе связи, нежели съ Еврейскимъ и съ другими Восточными. Сіе великое явное сходство встрѣчается не только въ словахъ единозвучныхъ съ дѣйствіями, которыя означаются ими—ибо названіе *грома*, *журчанія* водъ, *крика* птицъ, *рева* звѣрей, могутъ на всѣхъ языкахъ сходствовать между собою отъ подражанія Естеству (напримѣръ: *карканье*, *блеяніе*, *кваканье*, и проч., см. примѣч. 247), но и въ выраженіи самыхъ первыхъ мыслей человѣка, въ ознаменованіи главныхъ нуждъ жизни домашней, въ именахъ и глаголахъ совершенно произвольныхъ" (стр. 106—107). Карамзинъ не считаетъ возможнымъ объяснять это сходство заимствованіемъ отъ сосѣдей. Хотя, напримѣръ,

---

[1]) Сообразно общему тогдашнему взгляду, Карамзинъ полагалъ, что Азію «должно признавать колыбелію всѣхъ народовъ, ибо согласно съ преданіями священными, и всѣ языки Европейскіе, несмотря на ихъ разныя измѣненія, сохраняютъ въ себѣ нѣкоторое сходство съ древними Азіатскими» («Ист. Гос. Росс.», т. I. Спб. 1816, стр. 15—16). Въ примѣчаніи (№ 33, стр. 269—270), въ подкрѣпленіе высказаннаго имъ мнѣнія, Карамзинъ ссылается на «творенія Жебленевы» (Court de Gebelin) «sur la grammaire comparative», гдѣ говорится о связи европ. языковъ съ восточными, на замѣчаніе Линнея, цитированное Шлецеромъ въ его «Probe Russisch. Annalen» (стр. 45—46), о томъ, что Азія, и именно Сибирь, должна быть первымъ отечествомъ Ноевыхъ потомковъ, ибо тамъ ростутъ въ дикомъ состояніи рожь, пшеница и ячмень, а также на указаніе Антона («Versuch über der alten Slaven Ursprung»), „что въ языкѣ нашемъ есть имя слона, вельблюда, обезьяны, которыхъ" между тѣмъ нѣтъ въ Европѣ.

„Венеды издревле жили въ сосѣдствѣ съ нѣмцами и долгое время въ Дакіи (гдѣ языкъ Латинскій со временъ Траяновыхъ былъ въ общемъ употребленіи), воевали въ Имперіи и служили Императорамъ Греческимъ, но сіи обстоятельства могли бы ввести въ языкъ Славянскій только нѣкоторыя особенныя Нѣмецкія, Латинскія или Греческія слова, и не принудили бы ихъ забыть собственныя, коренныя, необходимыя въ самомъ древнѣйшемъ обществѣ людей, то-есть въ семейственномъ. Изъ чего вѣроятнымъ образомъ заключаютъ, что *предки сихъ народовъ говорили нѣкогда однимъ языкомъ* (курсивъ нашъ): какимъ [1]) неизвѣстно, но безъ сомнѣнія древнѣйшимъ въ Европѣ, *гдѣ Исторія находитъ ихъ* (курсивъ автора): ибо Греція, а послѣ и часть Италіи, населена *Пеласгами*, *Ѳракійскими* жителями, которые прежде Элленовъ утвердились въ Мореѣ, и могли быть единоплеменны съ Германцами и Славянами. Въ теченіе временъ удаленные другъ отъ друга, они пріобрѣтали новыя гражданскія понятія, выдумывали новыя слова, или присвоивали чужія, и долженствовали чрезъ нѣсколько вѣковъ говорить уже языкомъ различнымъ. Самыя общія, коренныя слова легко могли измѣниться въ произношеніи, когда люди еще не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ" (стр. 107—108).

Въ примѣчаніяхъ 245 и 246 заключаются самыя сопоставленія русскихъ формъ и словъ съ формами другихъ языковъ. Въ первомъ изъ нихъ (стр. 354—55) находимъ даже сближенія съ санскритомъ („Замѣтимъ, что есть сходство даже между Индѣйскимъ, Санскритскимъ и нашимъ языкомъ"): *эторонъ* (санскр. antara=другой)—второй; *піете* (у Шлегеля, Ueb. die Sprache u. Weish. der Indier, стр. 11, служившаго источникомъ Карамзину,— piyote=pīyate, 3 л. стр. з. ед. ч.)—піетъ; *тону* (санскр. tanu-)—тонкій; *мри* (у Шлегеля, стр. 19, приведено, какъ корень глагола, т. е. mṛ-)—умри; *сото* (санскр. çatá-)—сто; *чотуръ* (санскр. catur-)—

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (№ 250. стр. 359—60) Карамзинъ разбираетъ мнѣніе скандинавскаго ученаго Ире (въ предисловіи къ его „Лексикону Шведо-Готескому»), полагавшаго, что этимъ общимъ языкомъ былъ языкъ скиѳскій, и Пеллутье («Histoire des Celtes», 1740-50), считавшаго его кельтскимъ. Первое мнѣніе онъ отвергаетъ на томъ основаніи, что скиѳы «пришли изъ Азіи уже въ то время, когда Европа имѣла своихъ жителей», а второе, опираясь на мнѣніе Шлецера, что имя Кельтики, которымъ называетъ Птолемей всю Европу, «подобно Скиѳіи, есть болѣе географическое, нежели историческое» и означало у древнихъ «западную часть свѣта со всѣми ея жителями безъ всякаго различія въ народахъ». Такимъ образомъ названія эти являются собирательными и ничего опредѣленнаго не выражаютъ.

четыре; *тритіе* (у Шлегеля, стр. 23, tritiyoh = им. ед. м. р. tṛtiyas)—третіе; *томо* (санскр. tamas=тьма)—темно; *моду* (санскр. madhu)—медъ. Не ограничиваясь лексическими сближеніями, Карамзинъ сравниваетъ и морфологическія особенности: „Въ Индѣйскомъ языкѣ имена существительныя оканчиваются на *твонъ* (т. е. санскр.-twam), въ Славянскомъ на *тво*; напр.: *богатство*, *безумство*“. Далѣе сопоставляются личныя окончанія глагола: такъ въ 1-мъ л. множ. ч. изъявит. накл. „главная буква въ Латинскомъ и Славянскомъ *М: любимъ*, *читаемъ*, amamus, legimus“. Окончаніе 3 л. ед. ч. „тоже на всѣхъ трехъ языкахъ: *любитъ*, amat, liebet; во множеств. числѣ одно на Латинскомъ и Славянскомъ: accipiunt, legunt, *принимаютъ*, *читаютъ*. Во второмъ лицѣ отличительная буква есть также одна: docetis, учите, lehret; а въ повелит. наклоненіи еще болѣе сходства: *любите*, *учите*, amate, docete и проч.“ Какъ ни скромны кажутся намъ теперь эти замѣчанія, мы не должны забывать, что они явились какъ разъ въ томъ же году, когда Боппъ выпустилъ свое знаменитое первое изслѣдованіе „Ueber das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache“. Для того времени, особенно въ нашей литературѣ и у писателя, который настоящимъ филологомъ не былъ да и не собирался быть, они должны быть признаны довольно замѣчательными. Къ сожалѣнію не поддается опредѣленію, сдѣланы ли эти сближенія самимъ Карамзинымъ, или онъ пользовался въ данномъ случаѣ какими нибудь пособіями, или чьими-либо совѣтами. Сравненія съ санскритомъ сдѣланы, повидимому, самостоятельно, на основаніи матеріала, найденнаго въ цитированной выше книжкѣ Шлегеля, гдѣ по временамъ уже встрѣчаются сопоставленія съ славянскими формами, въ родѣ санскр. catur со слав. *четыре* (у Шлегеля: chetyr, стр. 23). Разсужденія Аделунга о сходствѣ русскаго языка съ санскритомъ Карамзинъ, очевидно, не зналъ, — по крайней мѣрѣ онъ его совсѣмъ не цитируетъ, да и вліянія названнаго разсужденія въ трудѣ нашего исторіографа не замѣчается.

Наиболѣе полное сближеніе русскаго и старослав. языковъ съ главными европейскими языками (греческимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ, англійскимъ и шведскимъ) находимъ въ примѣчаніи 246-мъ (стр. 355—58). Сближенія здѣсь имѣютъ не только лексическій, но и морфологическій характеръ, хотя случаевъ послѣдняго рода вообще немного. По числу этимологій (около 260) и полнотѣ сближенія (въ именахъ существительныхъ, числительныхъ, прилага-

тельныхъ, мѣстоименіяхъ и глаголахъ), сравненія Карамзина являются первымъ печатнымъ опытомъ этого рода, выполненнымъ въ такомъ размѣрѣ. Этимологіи Шлёцера въ его начатой печатаніемъ, но не увидѣвшей свѣта русской грамматикѣ (см. дополненія), конечно, были многочисленнѣе (безъ малаго 500), въ сравненіи съ сопоставленіями Карамзина, нерѣдко совпадающими съ ними, но были доступны лишь очень немногимъ, въ виду крайней рѣдкости тѣхъ листовъ Шлецеровской грамматики, которые уцѣлѣли отъ уничтоженія. Сближенія Востокова, разсмотрѣнныя выше (стр. 654—65) и также часто совпадающія съ этимологіями Шлёцера, конечно, стояли выше Карамзинскихъ по объему и широтѣ сравненія, а также по обилію матеріала, но и они остались въ рукописи, и едва ли ими могъ пользоваться кто нибудь, кромѣ самого Востокова, тогда какъ сопоставленія Карамзина, благодаря небывалому успѣху его труда, получили по тогдашнему времени очень широкое распространеніе. Сами этимологіи Карамзина не представляютъ ничего особенно новаго, сравнительно съ знакомыми намъ уже сближеніями Востокова. Многія изъ нихъ тожественны съ Востоковскими, и всѣ, конечно, основаны лишь на созвучіи сравниваемыхъ словъ, благодаря чему, мы найдемъ здѣсь не мало ошибокъ. Въ именахъ существительныхъ сначала сопоставляются имена степеней родства, въ родѣ: *матерь*, μήτηρ, mater, Mutter; Πατήρ, Vater, pater, малорусск. *батько*, *батюшка*; *отецъ*—кельт. *отъ*, также сходное съ pater; *братъ*, Bruder, frater, греч. φράτορες, φρατρίαι; *сестра*, soror, Schwester; *свекоръ*, *свекровь*, socer, socrus, Schwiegervater,-mutter; *сынъ*, Sohn; *дочь* по Тевтонски (!) *Дотеръ*, откуда нѣм. Tochter; *деверь*, δαήρ; *люди*, Leute, λαὸς (!); *мужъ*, Mann, mas; *вдова*, vidua, Wittwe; *жена*, γυνή; *пастырь*, pastor, βοτήρ (!); затѣмъ идутъ названія частей тѣла: *око*, oculus, Auge; *брада*, Bart, barba; *пята*, πτέρνα (!); *волосъ*, pilus (!); брови, Augenbraunen (такъ!), англ. brow; *сердце*, Herz, κῆρ, καρδία, cor; *уста*—στόμα (!); *спина*, spina (и supinus); *кость*, ὀστέον (!), costa, Knochen (!); *ребро*, Ribbe; *ноготь*, Nagel (лат. и греч. соотвѣтственныя слова не приведены, очевидно, изъ осторожности, въ данномъ случаѣ напрасной); *слюна*, Saliva (?); *кровь*, cruor; названія разныхъ явленій природы: *солнце*, sol, Sonne; *огнь*, ignis (πῦρ и Feuer, англо-сакс., швед. и датск. fyr также одного происхожденія); *пламя*, flamma, Flamme, φλόξ (!); *лучъ*, λύκη, lux, Licht; *мѣсяцъ*, μήν, mensis; *день*, dies, греч. δήν, δηναιὸς (!); *вечеръ*, vesper, ἕσπερος; *ночь*, nox, νύξ, Nacht; *вѣтеръ*, ventus, Wind; *тепло*, tepor, (греч. θέρμη зато сближается съ нѣм. Wärme); *копоть*, καπνός; *вода*, vadum (!), ὕδωρ, Wasser; *ведро*, ὑδρία, hydria; *влага*, φλέγμα (!);

глыба, gleba; *паръ*, vapor (!); *роса*, ros, δρόσος (!); *пыль*, pulvis; *поле*, βῶλος (!) и т. д. Изъ курьезныхъ и ошибочныхъ сближеній отмѣтимъ: *бой* и *вой*, βοή; *кликъ*, κλῆσις; *звонъ*, *звукъ*, φωνή, sonus; *ужинъ*, cocna (!); селеніе, colonia (!); *цѣлость*, salus (!); *корысть*, κοροστής (!); *сѣно*, foenum (!); *ворота*, porta (!); *бремя*, βάρος; *береза*, betula; *жиръ*, στέαρ (!); *работи*, labor (!); *лѣпость*, lepor и т. д. Изъ прилагательныхъ сближены: *лѣвый*, laevus, λαιός, link; *десный*, δέξιος, dexter и rechter (!); *прежній*, prior; *лѣпый*, lepidus (?); *новый*, novus, νέος, neu; *ветхій*, vetus; *блеклый*, welk (!); *юный*, jung, junior (юнѣйшій); *правый*, probus (!); *сухій*, siccus (!); *чистый*, castus(!) и т. д. Удачны въ общемъ сближенія числительныхъ и мѣстоименій. Въ глаголахъ сближены формы: *семь*, εἰμί, sum; *еси*, εἶς, es; *есть*, ἐστί, est, ist и т. д., а также глаголы: *яду* (ѣмъ), ἔδω, edo, esse; *пію*, πίνω (пить, poto); *гряду*, gradior; *сидѣть*, sedere, sitzen; *стою*, sto, stehe; *видѣть*, videre, εἰδέω; *даю*, do, δίδωμι и т. д. Рядомъ есть и ошибочныя сближенія, въ родѣ: *бить*, battuo (!); *кормлю*, κορέω; *врѣю*, ferveo; *прошу*, rogo (!); *кричу*, quirito (!); *числю*, zähle; *совѣтую*, suadeo; *усиляю*, auxilior (!) и т. д. Сходство многихъ изъ этихъ этимологій съ разсмотрѣнными выше Востоковскими позволяетъ думать, что Карамзинъ въ данномъ случаѣ пользовался совѣтами, а, можетъ быть, и матеріалами Востокова. Карамзинъ и въ другихъ мѣстахъ своей исторіи нерѣдко прибѣгаетъ къ сравненію русскаго съ прочими европ. языками для объясненія разныхъ рѣдкихъ словъ. Такъ на стр. 48 говорится о скандинавскомъ происхожденіи такихъ древне-русскихъ словъ, какъ *тіунъ* и *вира*.

На стр. 269 (прим. 32) находимъ сравненіе скиѳскихъ словъ, приводимыхъ Геродотомъ (эксампеосъ, *горькій источникъ;* арима, *одинъ;* спу, *глазъ*, *око*; оіоръ, *мужъ*; апіа, *земля*; пата, *умертвить*, *задавить*), со славянскими. При этомъ оказывается, что слова эти „такъ мало подходятъ къ Славянскимъ, что ими скорѣе можно доказать несходство сихъ двухъ языковъ“.

О родствѣ литовскихъ языковъ со славянскими Карамзинъ высказывается на стр. 38—39. По его словамъ, упоминаемые Несторомъ народы: Летгола, Земгола, Корсь и Литва „не принадлежатъ къ Финнамъ, но вмѣстѣ съ древними Пруссами составляютъ народъ Латышскій. Въ языкѣ его находится множество Славянскихъ, довольно Готскихъ и Финскихъ словъ: изъ чего основательно заключаютъ историки, что Латыши происходятъ отъ сихъ народовъ“. Имя Латышей онъ ведетъ отъ лит. *лата* (?)=*расчищеніе*. Въ примѣчаніи 80-мъ къ этой страницѣ указывается, что „нѣтъ нужды спорить съ тѣми, которые производятъ Латышей

отъ Римлянъ, Македонянъ, Евреевъ, Сарациновъ и пр.“, ибо „большая половина языка ихъ есть славянская“ (стр. 306—307). На страницѣ 50-й Карамзинъ даже высказываетъ увѣренность что древніе жители Пруссіи, долго жившіе между Латышами, „могли разумѣть языкъ Славянскій“,—такъ близки казались ему языки латышскій и славянскій.

На стр. 323—4, примѣч. 102, объясняются скандинавскія имена днѣпровскихъ пороговъ, причемъ замѣчается, что нѣкоторыя скандинавскія и шведскія слова донынѣ остались въ языкѣ Русскомъ; напр. Besman, *безменъ*, Grus, *грузъ* (!) и проч.

Со сравнит. словаремъ Екатерины II Карамзинъ былъ несомнѣнно знакомъ и ссылается на него, напр. въ примѣч. 182-мъ (стр. 345), 240-мъ и 242-мъ (стр. 354) и т. д.

Въ общемъ сравнительно-лингвистическій элементъ въ исторіи Карамзина несомнѣнно свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ, достигнутомъ въ этой области со временъ Болтина и Щербатова, а также объ искреннемъ желаніи нашего исторіографа усвоить себѣ эти успѣхи и примѣнить ихъ съ пользою въ своемъ знаменитомъ историческомъ трудѣ.

Кратковременныя экскурсіи въ область сравнительнаго языкознанія производилъ иногда въ своихъ писаніяхъ и А. С. Шишковъ. Такія экскурсіи находимъ въ его „Нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ на предлагаемое вновь сочиненіе Россійскаго словаря“ (Извѣстія Россійской Академіи. Кн. I. Спб. 1815). Здѣсь по поводу сходства словъ: греч. *скинія*, лат. *сцена* и слав. *сѣнь* (?!); нѣм. *Sonne*, англ. *sun*, слав. *солнце*, польск. *słońce*; фр. *sel*, нѣм. *Salz*, слав. *соль*, указывается, что это „такія слова, которыя почитаемъ мы иностранными, и которыя суть наши Славенскія, или по крайней мѣрѣ общи намъ съ тѣми языками, къ коимъ мы ихъ причисляемъ потому только, что по свойству ихъ (?) произносимъ оныя“ (цит. соч., стр. 18—19). Сравненія такого рода находимъ и въ его „Опытѣ Славенскаго Словаря или объясненіи силы и знаменованія коренныхъ и производныхъ Русскихъ словъ“, печатавшемся также въ „Извѣстіяхъ Росс. Академіи“ съ первой ихъ книжки. Такъ слав. *веле-* (въ *велевыспренность* и т. д.) сопоставляется съ датскимъ *vel* въ *velbrysig*, *velbyrdig*, и съ нѣм. *wohl* въ *wohlgewachsen* и т. п. („Изв. Росс. Акад.“, кн. 2, 1816, стр. 42—43), что довольно сомнительно. Тамъ же др. русское *воронъ* сближается съ *воробей* (хищникъ), *робовати*, *робити*, а послѣднія съ нѣм. Raub, датск. rappe, лат. rabo, rapio, ит. rabbia, rubare, фр. rapiner, rapt, ravager и т. д. (!) (тамъ же, стр. 68—70); тамъ же *кокотъ*, *кокошь* сопоставляется съ фр. coq и англ. cock (цит. изд., кн. IV, 1817, стр. 81) и т. д.

Аналогичныя экскурсіи въ область сравнительнаго языкознанія находимъ и въ его „Опытѣ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанномъ на изслѣдованіи оныхъ". („Изв. Росс. Акад.". Кн. 5-я. Спб. 1817 г.). Каковы были эти экскурсіи, мы видѣли уже отчасти выше (стр. 586).

Кромѣ приведенныхъ уже тамъ этимологій, находимъ здѣсь сближеніе *вѣщать* и-*вѣтовать* съ лат. vates, греч. φάτης, ит. vate, лат. fatum, fatalitas, ит. fato, fata, фр. fée, лат. propheta, греч. προφήτης, ит. profeta, фр. prophéte и ихъ производныхъ, лат. ит. veto, лат. vox, ит. voce, англ. voice, фр. voix и т. д. (!). Удачнѣе сравнивается здѣсь *вѣдаю, вѣдать*, съ нѣм. wissen, голл. weeten, швед. veta, дат. vide и ихъ производными; *вижу, видѣть*—съ л. videre, греч. ἰδεῖν, ит. vedere, фр. voir и ихъ многочисленными производными. Но за то, въ концѣ концовъ оказывается, что корни *вѣд* и *вѣт* тожественны! (цит. статья, стр. 154).

Подобный же характеръ имѣютъ сравненія русскихъ словъ съ иностранными въ статьяхъ Шишкова, служащихъ продолженіемъ вышеназваннаго труда: „Продолженіе изслѣдованій корней. Корень *мал* и корень *пин*" („Изв. Росс. Акад." Кн. 6-я. Спб. 1818). Въ первой изъ названныхъ статей (о корнѣ *мал*) *мал-ый*, *мал-ъ* сопоставляются и съ русскими словами *мелю, молоть* (!), *молотъ*, *молотокъ* (орудіе, служащее къ превращенію большихъ вещей въ малыя), *молочу, мелкій, мель, молнія, мелькаю, малина* („состоитъ изъ *малыхъ*... частицъ"), *меньше, мизинецъ, мизирно*, лат., ит., фр., англ. male, греч. μύλη, л. mola, ит. molino, франц. moulin, нѣм. Mühle, англ. mill, дат. malle; лат. molaris, molo, нѣм. mahlen, фр. moudre, дат. at male, л. molitor, ит. molinaro, фр. meunier, нѣм. Müller, англ. millman, фр. meule, ит. mola, ит. molestare, фр. molester, molaire, л. malleatus (?), фр. moulu, нѣм. zer-mal-mt, л. malleus, malleolus, malleator (?), ит. malleo, maglio (?), фр. maillet (?). Сюда же Шишковъ относитъ и лат. minuo, diminuo, minor, minus и т. д. съ родичами: итал. minorare, minimare, minore, minimo, diminuzione, minuzia, meno, даже manco! и т. д., фр. diminuer, moins, moindre, diminution, mince и т. д., англ. to diminish, meaner, diminution, minuteness, minority, нѣм. mindern, minder, minste (такъ!), Verminderung, датск. at mindske, mindre, mindst, formindskelse и т. д., а также лат. и ит. miseria, фр. misère, англ. misery. Въ комментаріи къ этимъ сопоставленіямъ указывается, что „въ Италіянскихъ словахъ корень *mis*, и во Французскихъ *mes*, сокращенный въ *mé*, есть очевидное измѣненіе корня *mal*", какъ показываетъ множество словъ, въ родѣ ит. miscontento и malcontento, фр. mécontent и malcontent и т. д. Отсюда устанавливаются

такіе виды корня *мал*, какъ *мел*, *мол*, *мен* и *миз* (! стр. 33—34); „вѣтвями того же корня“ Шишковъ считаетъ *мигаю*, *помизаніе*; *мигъ*, *мгновеніе*, „поелику при сохраненіи той же первоначальной буквы онаго означаютъ тожъ понятіе, т. е. *малость* или краткость времени“ (стр. 34). Латинскія семасіологическія параллели къ mola, molitor и т. д.—pistrinum, pistrilla, pistrinarius, pistillum (пестъ для толченія въ ступѣ) и т. д. приводятся въ связь съ pinso, а это съ нашимъ *пинаю* (!), *пестъ*, откуда *пестать* (нянчить), означающее де „пинаніе руками къ верху“ (стр. 36—38).

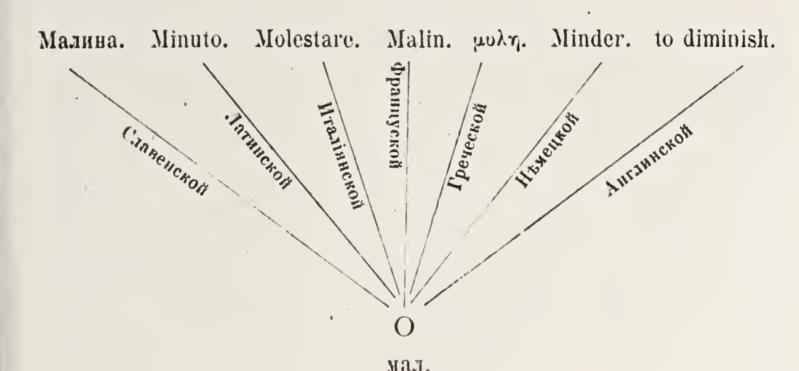
Послѣднія сближенія служатъ какъ бы переходомъ къ разсмотрѣнію всего семейства корня *пин* въ *пинаю* и родичахъ. Сближаются *пинать* съ „краинскимъ“ (т. е. словинскимъ) pineti, *воспящаю* (!), *пята* (!), *претить* (!), которое будто бы возникло изъ *препятить*, *спина* (! то мѣсто, гдѣ *спинается* „хребтовая кость съ ребрами“), *спенекъ*, откуда „испорченное произношеніе“ *шпенекъ*; болѣе отдаленныя формы: *пялю* и производное отсюда *пелена* (!), *пень* (!), *пенька* (!), *пѣшкомъ*, вмѣсто *пихшкомъ*, откуда *пишкомъ* и *пѣшкомъ* (человѣкъ *пихаетъ* себя ногами во время ходьбы), *блоха*, вм. *пхла*, какъ въ польскомъ, т. е. *пхающаяся* ногами, скачущая (!). Вся эта разношерстная семья возводится къ корню *пин* и сопоставляется не только съ лат. *pinso*, *piso*, *pisto* и производными отсюда, но и съ лат. pulso, фр. pousser, ит. impulso, лат. и ит. pugnare, pugna, фр. repugner и ихъ родичами, лат. и ит. pungere, фр. piquer, л. punctum, ит. punto, фр. point, лат. spicare, spiculus, spina, spica, ит. spiculo, spina, spica. фр. épine, épi, épingle, нѣм. spitze, spitzig, дат. spids, spidsig, enpind, pindsvin, лат. и ит. pingere, фр. peindre, pinseau, нѣм. pinsel, дат. pensel, лат. и ит. ponere, фр. poser и ихъ производными, лат. poena, ит. pena, фр. peine, нѣм. Pein, дат. pine и ихъ родичами и, наконецъ, съ нѣм. Peitsche, peitschen (!!!).

Доводы въ пользу подобныхъ сопоставленій почерпаются изъ общедоступныхъ соображеній такъ называемаго „здраваго смысла“. Такъ для Шишкова вполнѣ ясно, что лат. pugna одного корня съ *пинать*, ибо „рукопашный бой или драка (безъ сомнѣнія первоначальный между людьми образъ войны) состоитъ въ *пинаніи* (толканіи) другъ друга“. Точно также доказывается, что лат. pugnus=кулакъ „есть наше отъ того же корня *пиналю*, подъ которымъ и намъ, даже безъ всякой къ оному привычки, не трудно разумѣть сжатую руку или кулакъ, яко первое человѣческое орудіе, которымъ *пинаютъ*, толкаютъ, дерутся“ (стр. 98—99). *Писать* также могло возникнуть изъ *пихсать* или *пинсать*, ибо перомъ, какъ и кистью (фр. pinceau), тычутъ, *пихаютъ* въ бумагу

(стр. 111—12) и т. д. Въ своихъ сопоставленіяхъ Шишковъ нерѣдко обращается къ славянскимъ языкамъ. Эти сближенія, пока не выходятъ за границы славянской семьи, удачны, но сейчасъ же впадаютъ въ произволъ при первой попыткѣ выйти изъ болѣе узкихъ рамокъ.

Въ результатѣ подобныхъ сближеній получается знакомый уже намъ выводъ, что „всѣ языки, не взирая на великое различіе оныхъ, происходятъ отъ одного первобытнаго языка, и что хотя сіе сходство ихъ исчезаетъ въ наращеніяхъ словъ, но остается въ корняхъ ихъ неизгладимымъ, такъ что въ разборѣ или соображеніи всѣхъ произведенныхъ отъ нихъ разноязычныхъ вѣтвей представляется вѣрное средство къ выводу изъ нихъ ясныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ“ (стр. 126—127). Доказательства эти основаны на сопоставленіяхъ, въ родѣ лат. opponere, ит. opporre, фр. opposer, или слав. *дочерь*, тевтонскаго (!?) *дотеръ*, англ. *датеръ*, „готійскаго“ *даутеръ*, голл. *дохтеръ*, нѣм. *тохтеръ*, перс. *духтаръ*, элл. *тюгатеръ*, корельск. *тютеръ* (!), лопарск. *дахтаръ* (!) и т. д. (стр. 127—128).

Въ сопоставленіяхъ своихъ Шишковъ основывается главнымъ образомъ на сравнит. словарѣ Екатерины II, хотя и находитъ, что изъ подобныхъ „нужныхъ собраній не произошло еще ничего дѣйствительно полезнаго“ (стр. 130). Настоящимъ же путемъ онъ считаетъ не „сличеніе одного токмо сходства словъ, но разысканіе корней, показующихъ, какимъ образомъ каждый языкъ извлекалъ изъ одного и того же общаго всѣмъ имъ корня, одну и туже мысль въ себѣ содержащаго, разныя вѣтви, которыя всѣ, означая тысячи разныхъ предметовъ, показываютъ однакожъ, что всѣ сіи названія предметовъ, во всѣхъ языкахъ, не иначе произведены, какъ по смежности и сцѣпленію понятій съ первоначальною, заключающеюся въ корнѣ, одною и тою же всѣмъ языкамъ общею мыслію“ (стр. 130—131). Этотъ методъ онъ называетъ „требующимъ несравненно глубочайшихъ (?) изслѣдованій и соображеній; но за то несравненно вѣрнѣйшимъ и полезнѣйшимъ; ибо нетокмо открываетъ составъ, разумъ и свойство своего языка, но и всѣхъ языковъ вообще, претворяя ихъ какъ бы въ одинъ и тотъ же языкъ“ (стр. 131). Въ видѣ образчика приводится слѣдующее словопроизводство, составляющее какъ бы квинтэссенцію выше приведенныхъ этимологическихъ изысканій надъ корнемъ *мал*:

Основываясь на подобныхъ соображеніяхъ, Шишковъ въ концѣ своей статьи предлагаетъ замѣнить обычный азбучный порядокъ словарей словопроизводнымъ и располагать такимъ образомъ слова въ словарѣ не „по вѣтвямъ", а „по корнямъ". Съ этой точки зрѣнія онъ недоволенъ Академическимъ словопроизводнымъ словаремъ и даетъ образчики его исправленія, согласно съ основными принципами своего метода. Разумѣется, полная произвольность этого метода не могла дать никакихъ сколько нибудь путныхъ результатовъ, такъ что даже историческая цѣнность всѣхъ сравнительно-этимологическихъ потугъ Шишкова должна быть признана совершенно ничтожной. Къ счастью для русской науки, смѣхотворность измышленій Шишкова слишкомъ кидалась въ глаза, и его направленіе, несмотря на высоту его общественнаго положенія, какъ президента Россійской Академіи и впослѣдствіи Министра народнаго просвѣщенія, ввело въ заблужденіе лишь очень немногихъ.

Не лучше Шишковскихъ сравненій и этимологіи митрополита Сестренцевича-Богуша, съ которыми онъ связываетъ рядъ общихъ разсужденій и выводовъ, въ своей выше (стр. 668) упомянутой книгѣ: „Recherches historiques etc" (Спб. 1812). Отрывокъ изъ нея былъ переведенъ на русскій языкъ адъюнктомъ Харьковскаго университета и изящныхъ наукъ магистромъ Д. С. Борзенковымъ и напечатанъ во II ч. перваго (и единственнаго) тома „Трудовъ" общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ (Харьковъ 1817 г., стр. 32—39). Согласно модной въ то время теоріи, Сестренцевичъ ведетъ чуть не всѣ индоевропейскіе языки изъ древняго „Мидскаго языка". По его словамъ, языкъ этотъ былъ употребляемъ въ Персіи и Индіи, но, кромѣ того, въ Персіи „издревле былъ языкъ, котораго буквы назывались *Зендъ* (!) и языкъ *Авеста* (!),

подобно какъ буквы священной книги *Веда* называются *Нагари*, и языкъ Санскритъ; или какъ *Сагасъ* (Sagas) и пѣсни Исландскія писаны буквами Руническими" (стр. 33). Далѣе находимъ сравненіе „Сарматскихъ или Славянскихъ" (!) словъ: Богъ, Оiцецъ, сердце, радятка (мать?!), бѣсъ, мясо съ „*Каппадокійскими*", почерпнутыми у Страбона: Багасъ, Енціацъ, сардокесъ, ратаmесъ, бѣсасъ, манесъ (стр. 33—34). Не удовлетворяясь этими сближеніями, авторъ сопоставляетъ еще рядъ столь же фантастическихъ „старинныхъ словъ Персидскихъ, слѣдовательно Мидскихъ", взятыхъ изъ сравнит. словаря Екатерины II, съ „Каппадокійскими": уши—уши, умре—меръ, мѣсяцъ—мястъ, баранъ—баръ, мышь—мышенъ, есть—есть, онъ—онъ, ни—ней, шесть—шесь, чело (лобъ)—очоле (!). Кромѣ того, авторъ находитъ въ Каппадокіи и Пафлагоніи еще нѣсколько словъ, схожихъ со славянскими или „сарматскими": „Морава (лугъ)—Маравина, богоданіе (даръ Божій)—богодаони, снопъ—снипоне, за море—аза мора, нора—нора, стѣна—тіана, сидѣніе—сидѣніе, зелена—зелія, хитрой—хитріумъ, кромы (лавки)—кромна" (! стр. 34—35).

Далѣе сообщаются въ перемежку вѣрныя и фантастическія свѣдѣнія объ арійскихъ языкахъ: о существованіи въ Персіи въ эпоху рожденія Магомета и Хозроя Ануширвана двухъ языковъ: придворнаго *Дери* и ученаго (!)—*Палави* (Pahlavi), которые относятся къ эпохѣ гораздо позднѣйшей 1455 г. до Р. Х., когда Сарматы и Славяне вышли изъ Индіи. Мы узнаемъ также, что „книга Зороастра или Циратустъ (Zératuscht), писанная на языкѣ Зендъ-Авеста (!), затеряна (?)"; что „буквы Зендъ, и языки Авеста и Палави истребились въ Персіи"; что „всѣ языки, которыми говорятъ въ Индіи, суть нарѣчія языка Санскритскаго, которой самъ происходитъ отъ Персидскаго языка Парси (!!); а сей въ свою очередь произошелъ отъ языка Брахмановъ, жрецовъ Индійскихъ (!!)". При этомъ оказывается, что и „языкъ Зендъ-Авеста, имѣя тотъ же источникъ, много имѣетъ сходства съ языкомъ Санскритъ (какъ и языкъ *Палави* съ Арабскимъ [!]). Дальше, однако, „сей древній языкъ" неожиданно называется „матерію не только Санскритскаго, но такъ же Греческаго, Латинскаго и Готскаго". Вытекаютъ эти удивительныя положенія изъ того, что „древняя Исторія Персіи заключается въ Исторіи Индовъ", и что „первобытные Персы, Индіяне, Греки, Римляне и Готы, такъ же древніе Египтяне или Еѳіопляне, говорили первоначально однимъ языкомъ". „Китайцы, Японцы и Инды" тоже сначала были одного происхожденія (стр. 35—36).

„Санскритъ", одинъ изъ трехъ языковъ (?), „которыми гово-

рили Инды“, характеризуется, какъ „важнѣйшій и превосходнѣйшій“. На немъ есть превосходные Стихотворцы; всѣ ученые Индійскіе въ немъ упражняются, поелику онъ способенъ къ наукамъ и словесности. Сей-то языкъ посвященъ особенно на храненіе законовъ Гражданскихъ и духовныхъ“. Отъ него Сестренцевичъ ведетъ языки: „Санскритскій (отъ санскрита!) у Индовъ, Палавскій у Персовъ, и Еллинскій или древній Греческій“. По его словамъ, санскритскій языкъ „достигъ своего совершенства уже въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Х.“, и „другія нынѣшнія нарѣчія Индовъ суть только измѣненія онаго“ (стр. 36—37). Такимъ же образомъ мы узнаемъ, что „языкъ, которымъ говорили въ древности въ Мидіи, состоялъ изъ Брахманскаго, Зенд-Авесты и Санскритскаго еще необразованнаго. Сарматы и Славяне, или Енеты, оставляя Мидію въ 1445 году (до Р. Х.!), вынесли съ собой и языкъ“, сохранившійся до сихъ поръ въ Европѣ. Отсюда вытекаютъ такія сходства между слав. и санскритскими словами, какъ напр. огонь—агни, братъ—брата, брови—бруво, дай—да, даръ—дарана, деонь (?день)—дина. животъ (жизнь)—жива, дверь—дваръ, это—этотъ (!), гора—гири и проч. (стр. 37—38). Сношенія съ другими народами скоро измѣнили „первобытное произношеніе“ сарматовъ и славянъ (двухъ колоній мидскаго народа) и „наполнили языкъ ихъ множествомъ словъ иностранныхъ“. Но такъ какъ славяне жили на берегахъ Чернаго моря и вели торговлю со всѣми тогдашними „образованнѣйшими народами“, то и языкъ ихъ „богатой, плавной, приятной и ученой“. Напротивъ, сарматы, разсѣянные въ степяхъ южной Россіи и ведшіе „родъ жизни грубой, степной и дикой“, сохранили „грубость и жесткость древняго ихъ нарѣчія, образовавшагося гораздо прежде усовершенствованія языка Санскритскаго“ и даже допустили въ него „многое изъ рѣчи поколѣній варварскихъ, коими они были окружены“. Отсюда — трудность ихъ языковъ, въ которыхъ будто бы встрѣчаются слоги съ 10-ю согласными „передъ одною гласною“ (?!), „а другія составлены изъ однихъ согласныхъ“. Не менѣе удивительно, что къ сарматамъ по Сестренцевичу принадлежатъ: „Богемцы, Поляки, Сербы на Дунаѣ (къ Югу), Кассубы [1]), Сорабы въ Лузаціи, Венды, Виндіяны (?) въ Стиріи, Краины, Расци и Козаки (?!)“, тогда какъ славянское нарѣчіе употребляютъ: „Славяне (?), Руссы, Моравы (?! ср. выше съ Богемцами—сарматами!), Илліріяне, Дал-

[1]) Вѣроятно, первое упоминаніе въ нашей литературѣ объ этомъ слав. народѣ.

маты, Кроаты, жители Есклавоніи къ Югу отъ Дуная и Босняки“ (ср. выше съ сербами—сарматами!) (стр. 38—39).

Достойно вниманія, во всякомъ случаѣ, что подобный вздоръ былъ признанъ со стороны адъюнкта университета заслуживающимъ перевода и помѣщенъ въ „Трудахъ“ научнаго университетскаго общества. Фактъ, краснорѣчиво свидѣтельствующій о состояніи данной отрасли знанія въ нашихъ университетахъ первой четверти XIX в.!

Прочія явленія въ занимающей насъ области за разсматриваемый періодъ времени сводятся къ небольшому числу журнальныхъ статей, въ которыхъ такъ или иначе затрагиваются вопросы сравнительнаго языкознанія. Такъ въ „Трудахъ московскаго Общества Любителей Россійской Словесности“ за 1819 г. (т. XIII, стр. 82—127) находимъ статью нѣкоего „Любослова“ [1]): „Корни и измѣненія словъ“, заключающую въ себѣ „роспись словъ Рускихъ и иностранныхъ, болѣе или менѣе сходныхъ въ произношеніи“, которую неизвѣстный авторъ, по его словамъ, „сдѣлалъ только для опыта“. По мнѣнію автора, собраніе такихъ словъ, хотя бы и съ отдаленнымъ сходствомъ, „могло бы гораздо облегчить изученіе языковъ“, а сбереженное такимъ образомъ время, „самая лучшая часть жизни человѣческой, могло бы употреблено быть на пріобрѣтеніе наукъ и искусствъ полезныхъ“ (стр. 82). Такимъ образомъ сопоставленія данной статьи не преслѣдуютъ научной цѣли. Причину замѣченнаго сходства между русскимъ и другими языками авторъ видитъ въ заимствованіи, но не новомъ, а древнемъ: „я не утверждаю, чтобы мы или иностранцы заимствовали сіи слова одни отъ другихъ, хотя нѣкоторыя Русскія могутъ очень легко быть произведены отъ Нѣмецкихъ и служить подтвержденіемъ историческихъ дѣяній и рода связей, въ какихъ предки наши состояли съ Германцами. Напротивъ, думаю,что такія сколько нибудь сходныя слова переняли наши предки и иностранцы у старинныхъ народовъ, которыхъ языки теперь мало извѣстны, и передѣлали ихъ, какъ кому способнѣе показалось, по привычкѣ своего произношенія“ (стр. 83). Вошедшія въ недавнее время иностранныя слова, въ родѣ *генералъ*, *артиллерія* и др., и разныя техническія и научныя термины, „явно носящіе на себѣ печать иностранныхъ“, въ роспись Любослова, по его словамъ, не вошли. На дѣлѣ въ ней,

---

[1]) Сходство нѣкоторыхъ этимологій «Любослова» съ этимологіями В. Н. Татищева, образчики которыхъ находимъ въ VII т. «Исторіи Россійской Академіи» М. И. Сухомлинова (стр. 418 сл.), дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что «Любословъ» есть только псевдонимъ И. И. Татищева.

однако, встрѣчаются такія слова, какъ барка, биржа, ванна, гзымсъ, голдъ, дюймъ, карта, келья, крахмалъ, куфа, кухня, лампада, лира, мантія, матерія, можжиръ (нѣм. Mörser), мопсъ, опть, оцетъ, схима, табель, тактъ, тарчь, хартія, и т. д. Какъ видно, авторъ, очевидно, не имѣлъ никакого представленія о гипотезѣ взаимнаго родства по крайней мѣрѣ тѣхъ индоевропейскихъ языковъ, которые были указаны за 33 года до того В. Джонсомъ и за 11 лѣтъ Фр. фонъ Шлегелемъ. Очевидно, ему остались неизвѣстны и приведенныя выше отраженія взглядовъ Джонса и Шлегеля въ брошюрахъ и статьяхъ нашихъ ученыхъ, Аделунга младшаго и Востокова (см. выше, стр. 635 и сл., и 667). Роспись сходныхъ словъ, приведенная въ началѣ статьи, содержитъ всего 380 русскихъ и славянскихъ словъ (считая дублеты, въ родѣ *млеко — молоко* за одно слово), сопоставленныхъ съ соотвѣтствующими латинскими, французскими, англійскими, нѣмецкими и греческими. Въ нашей литературѣ она является вторымъ печатнымъ опытомъ этого рода, послѣ разсмотрѣнныхъ выше сближеній въ „Исторіи Госуд. Россійскаго" Карамзина, которыя нѣсколько превосходитъ своимъ объемомъ. Среди предлагаемыхъ здѣсь сближеній не мало вѣрныхъ и являющихся впервые въ печатной литературѣ. Большинство ихъ имѣется уже въ первомъ рукописномъ опытѣ Востокова, охарактеризованномъ выше, и въ напоминающихъ его сопоставленіяхъ Карамзина, но у Любослова есть и новыя этимологіи. Характерно, что графа, отведенная для греческихъ словъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ пустуетъ и представляетъ только два случая сближенія: *жена* — γυνή (только съ греч. словомъ) и *щитъ* — нѣм. Schild, σκῦτος. Греческихъ параллелей почему-то нѣтъ даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ рядомъ стояли латинскія формы, въ родѣ pater (сопост. съ русскимъ *батя* !), duo (*два*), mater (*мать*) и т. д.

Для примѣра приводимъ пятьдесятъ первыхъ словъ: Алифа— фр. olive (!); баба—англ. wife, нѣм. Weib (!); баня—лат. balneum (?), фр. bain, англ. bath, bagnio, нѣм. Bad: баринъ, баронъ—фр., англ., нѣм. Baron (!); барка—фр. barque, англ. bark, н. Barke; батя— л. pater, a. father, н. Vater (!); биржа—фр. bourse, a. burse, н. Börse; блекнуть—a. forwelk (?), н. welken (!); блескъ—н. Blitz (!); блистать—blitzen (!); бочка—англ. bucket (?), н. Bottich; брада, борода—л. barba, фр. barbe, a. beard, н. Bart; братъ—л. frater, a. brother, н. Bruder; брови — a. eye brows, н. Augenbraunen (такъ!) [1]), брюхо — н. Bruch (!); буравъ — н. Bohrer; быть — a.

[1]) Повтореніе этой опечатки, сдѣланной впервые въ «Исторіи Госуд. Рос-

to be; вага—а. weight, н. Wage; вайда—а. woad, н. Waide; вакса, воскъ—а. wax, н. Wachs, Wichse; валять—н. walken; ванна—н. Wanne; вата—фр. ouate, н. Wate; вдова—л. vidua, фр. veuve, a. widow, н. Wittwe; вертоградъ—фр. jardin, a. garden, н. Garten; ветхій—л. vetus; вижу—л. video; вино—л. vinum, фр. vin, a. wine, н. Wein; вирша—л. versus, фр. vers, a. verse, н. Vers; високосъ—л. bissextus, фр. bissexte; гай (роща)—н. Hain (!); гаковница—фр. и а. arquebuse, н. Hackenbüchse; вкусъ—л. gustus, фр. goût (!); вода—а. water, н. Wasser; волна—а. wave (!), н. Welle; волъ—а. bull, н. Bull (!); вѣю—н. wehen; воля—л. voluntas, фр. volonté, a. will, н. Wille; вѣмъ—н. wissen; верчу—л. verto; гзымсъ—л. cymatium, фр. cymaise, a. the seams, н. Gesims; глотаю—л. glutio, фр. engloutir; глотка—л. glutus; глыба—л. gleba, фр. glèbe (возможно отдаленное родство), a. clod, н. Kloss (!); гнѣздо—л. nidus, фр. nid, a. и н. Nest; гость—л. hostis, фр. hôte, a. guest, н. Gast; голдъ—а. holder; гость—л. hospes, a. husband (?!); грубъ—н. grob и т. д.

Какъ на выдающіеся курьезы, можно указать на сближенія: *звѣрь* съ н. Thier; *зобъ* съ фр. jabot; *зрю* съ а. to see; *ключъ* съ н. Flock, л. floccus; *коверъ*, *киверъ* (!) съ а. cover; *краса* съ л. gratia, фр. grâce; *лице* съ н. Antlitz; *морда*, т. е. *кусало* (!) съ л. mordeo; *образъ* съ н. Abriss; *пазуха* съ н. Buse; *пламя* съ н. Flamme, a. flame, л. flamma, фр. flamme; *площадь* съ н. Platz, фр. и а. place; *понеже*—л. pone; *правый*—н. brav, фр., a. brave, л. probus; *повелѣть*—н. befehlen; *платъ*—а. blade, н. Blatt; *се*—а. see, н. siehe (!); *стерво*—а. starve, н. sterben; *сужду*—л. judicare, фр. juger, a. to judge; *тенета*—а. the net, н. das Netz; *товаръ*—н. the Ware, н. die Waare; *тать*—а. thief, н. Dieb; *тупый*—л. stupidus; *уповаю*—а. to hope, н. hoffen; *утроба*—л. uterus; *хапаю*—л. capio; *харя*—фр. carricature, н. Zerrbild; *хорошій*—л. charus (? очевидно, вм. carus); *цѣню*—л. censeo; *чирей*—а. sore, н. Geschwür (!); *шибаю*—н. schieben; *шеренга*—а. the rank; *щека*—а. cheek; *щепаю*—н. Spalten и т. д. Большинство же сопоставленій удачно, особенно нѣкоторыхъ усвоенныхъ словъ, въ родѣ *китъ*—л. cete; *котелъ*—н. Kessel; *кровать*—фр. grabate (слѣдовало бы привести греч. форму, болѣе близкую); *лудить*—н. löthen; *минога*—н. Neunaugen; *можжиръ*—н. Mörser; *овощъ*—н. Obst; *опітъ*—н. Haupt; *оцетъ*—л. acetum; *пила*—н. Feile; *постъ*—н. Fasten; *пудъ*—л. pondus; *сѣра*—л. cera, фр. cire; *хомутъ*—н. Kummet; *царь*—л. Caesar; *цырюльникъ*—л. chirurgus и т. д.

сійскаго» Карамзина, свидѣтельствуетъ о томъ, что Любословъ зналъ сближенія Карамзина и пользовался ими при составленіи своего списка.

Наивное замѣчаніе въ концѣ росписи выдаетъ нѣкоторые секреты этимологическаго метода нашего автора [1]), что, впрочемъ, не особенно умаляетъ его заслуги. Какъ бы то ни было, ему посчастливилось дать не менѣе 250 болѣе или менѣе удачныхъ этимологій, количество, впервые встрѣчающееся въ нашей печатной литературѣ языкознанія (у Карамзина удачныхъ этимологій гораздо меньше).

Неизмѣримо слабѣе слѣдующія двѣ главы этой статьи: II. „Собраніе звуковъ, производимыхъ дѣйствіемъ естественныхъ вещей и отзвучныхъ или по звукамъ составленныхъ русскихъ словъ“ и III. „Вѣроятные корни россійскихъ словъ“. Въ первой изъ нихъ находимъ рядъ этимологій во вкусѣ Шишкова, основанныхъ на звукоподражаніи, напр. *аа:* аакаю, аакала, кто аакаетъ, вякать, вякало, балакать, калякать, каляка, звяки (!!); *ау:* аукаю, баюкаю (!); *бръ* (звукъ производимый брызганьемъ воды изо рта): брызжу, брызгъ, брызгалка, прыщу, прысканье, брюзжу, брюзга, браню (!); *гръ-гръ-гръ* (звукъ издаваемый отъ гребенія, гремѣнія, грызенія): гребу, грабли, гребокъ, гребло, гробъ, граблю, грабастаю, гремлю, громъ, грызу, грыжа, крыса (!), громада, груда (!) и пр.; къ „естественному звуку“ *гу-гу-гу* относятся не только *гусли* и *гудокъ*, но и *кукнуть, кукаю* (?), *кукишь* (!); къ „звуку отъ жженія“ (!) *жжъ-жжъ* относятся: жгу, угль (изъ ужель!!), галка (вм. жгалка, т. е. головня, перекидываемая во время пожара), головня (жголовня), голова (жголова), въ которой безпрестанно кипятъ, горятъ мысли, горю (жгорю), жаръ, пожаръ, горнъ (гдѣ разводятъ огонь), горшокъ (обожженный сосудъ), огонь (ожгонъ!), хотя это слово можно бы производить также отъ латинскаго ignis. Жужжу, журчу, жужелица, журю, жупелъ (кипящая сѣра), жагра, живу (какъ свѣча горю!), горло, жерло, гортань, жру, жрети, жертва, жертвенникъ, жгутъ, жгутить, жиръ (горючее вещество) и пр.; отъ звука *кахи-кахи* производятся: кашляю, кашель, чахотка (сопровождаемая всегда кашлемъ), чахнуть, чахлый и пр.; отъ *ля-ля* (дѣтской первоначальный разговоръ)—лепечу, лепетанье; отъ *псъ* (звукъ отъ пера, водимаго по бумагѣ)—пишу и пр.; *старый* толкуется, какъ „отъ долговременности истертый“ и относится къ звуку *тръ* отъ тренія двухъ жесткихъ тѣлъ и т. д. все въ этомъ родѣ.

---

[1]) Авторъ говоритъ здѣсь, что, «пріискивая сходство между Россійскими и иностранными словами, смотрѣлъ иногда не на выговоръ, а на буквы, изъ которыхъ иностранныя составлены. Такимъ образомъ Нѣмецкое Schemmel, а по буквамъ схеммель, нашелъ я сроднымъ съ Латинскимъ scamnum и Россійскимъ *скамья*. Аглинское same, а по буквамъ саме, съ Рускимъ *самъ* и т. д.».

Въ этой коллекціи „естественныхъ звуковъ" авторъ видитъ „неопровергаемое доказательство выразительности и оригинальности отечественнаго нашего языка", превосходящаго „въ семъ отношеніи... многіе Европейскіе діалекты... которыхъ слова заимствованы изъ древнихъ языковъ и въ произношеніи перемѣнены по своему" (стр, 103).

Въ послѣдней III главѣ авторъ занимается отысканіемъ такихъ словъ, „которыя не могутъ быть подведены ни подъ какіе звуки выше приложенной росписи". Онъ полагаетъ, что слова эти составлялись постепенно съ развитіемъ понятій „изъ готовыхъ уже матеріаловъ", путемъ прибавленія „къ наличнымъ словамъ въ началѣ или въ окончаніи" или пропуска въ серединѣ буквъ и слоговъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, получилось, по мнѣнію автора, *поясъ* изъ *повязъ*, *вериги* изъ *вервиги* (!) и т. д. Въ своихъ изысканіяхъ авторъ руководился особой таблицей звуковыхъ переходовъ, согласно которой гласные а, е, и, о, у переходятъ „во всѣ гласныя и двоегласныя буквы", *б*—въ *в п ф*, *в*—въ *б п ф*, *г*—въ *ж з к*, *д*—въ *т*, *ж*—въ *г ч*, *з*—въ *с ж*, *к*—въ *г х ч*, *л*—въ *р*, *м*—въ *н*, *н*—въ *м*, *п*—въ *б ф*, *р*—въ *л*, *с*—въ *з*, *т*—въ *д*, *ф*—въ *п б в*, *х*—въ *к*, *ц*—въ *с ч к* и т. д.

Основанныя на этомъ методѣ этимологіи вполнѣ достойны вышеприведенной фонетики: *брегъ* происходитъ у нашего автора отъ *берегу*, ибо „бережетъ воду отъ разлитія"; *богатъ* и *убогъ* производятся отъ глагола *быть*: у *богатаго*—много *быту*, а у *убогаго*—мало; отъ того-же глагола *быть* происходитъ и *Богъ*—„владыка всего, бытіе верховное"; *бодрый* ведетъ начало отъ *бдю* или *боду*, т. е. „несонливый или смѣло нападающій"; *блато*. *болото*—отъ *болтаюсь*; *бочка*—отъ *бока*, т. е. „сосудъ весь въ бокахъ"; *блюдо*, въ которомъ блюдутъ пищу,—отъ *блюду*; *брага*—отъ *брожу*: *брашно*, *борошно*—отъ *беру* (пищу); *вечеръ*, ветшеръ, ветшающій, преклоняющійся день, отъ *ветшаю*; *возгри*—отъ *вязкій; волкъ*—*вою*; *выспрь*—„что въ высь претъ"; *гнѣздо*—отъ *гну здо*, т. е. зданіе; *гужъ*—отъ *уже*, *узы*, чѣмъ вяжутъ; *гумно* есть „мѣсто умятое, углаженное, отъ *мну*"; *деготь* = „тяготь", вещество извлеченное изъ дерева, отъ *тяну*; *дуракъ*—не полонъ, не цѣлъ умомъ, отъ *дыры*; *звѣзда*— отъ *свѣтъ*; *зима*, время, въ которое все сжимается, отъ *жму*, откуда и *знобъ*; *кадить* и *чадить*—„въ существѣ однознаменательны, т. е. курить, только первыя буквы перемѣнены для показанія разности испаренія (!)"; *корова*, крова, многокровное, многомолочное животное, отъ *кровь*; *книга*, „сперва чаятельно *гнига*, отъ *гну*"; *мартышка*, въ старину можетъ быть выговаривали *мордашка*, отъ морда; *пыль*, что падаетъ на платье

и пр., отъ *паду*; *пчела*, которая печется, запасается кормомъ, отъ *пекусь*; *свекоръ*, сведеный отецъ, отъ *свожу*; *смерть*, производящая смрадъ, отъ *смрадъ*; *слеза*, капля слѣзающая по щекѣ, отъ *слѣзаю* и т. д.

Столь же наивны представленія о сходствѣ русскаго языка съ другими, которыя обнаруживаетъ авторъ анонимной замѣтки „О разительномъ свойствѣ Россійскаго языка съ Латинскимъ", напечатанной въ „Трудахъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности" за 1819 г. (ч. V, стр. 119—120) и представляющей сообщеніе о книгѣ „Observations sur la ressemblance frappante entre la langue des Russes et celle des Romains. Milan. 1817". Взгляды, высказываемые въ этой замѣткѣ, не обнаруживаютъ никакого успѣха, сравнительно, напримѣръ, съ наблюденіями надъ сходствомъ русскаго и латинскаго языковъ, производившимися у насъ въ XVIII в. (см. выше, стр. 285—289). По словамъ анонимнаго автора, „изученіе этимологіи, сколь ни привлекательно и занимательно для ума, нерѣдко теряло достоинство свое отъ того, что многіе отличались въ ней величайшими странностями". Правда, онъ не отвергаетъ „возможность перехожденія словъ одного языка въ другой, совершенно отъ него различный", но отсюда надо заключить, что онъ, повидимому, считалъ русскій и латинскій языки не родственными между собою и „совершенно различными". Указавъ, что въ цитированной книгѣ собрано „до 200 первообразныхъ Россійскихъ словъ, имѣющихъ разительное сходство съ латинскимъ, какъ напр. mare море, sal соль, somnus сонъ, nox ночь, pavo пава, novus новый, vetus ветхій и пр.", онъ, однако, полагаетъ, что отсюда „нельзя еще заключать о взаимномъ (?!) происхожденіи языковъ: надобно вникнуть въ самое строеніе оныхъ". Послѣдняя мысль о необходимости грамматическаго изслѣдованія для рѣшенія вопроса о родствѣ тѣхъ или другихъ языковъ по тому времени не лишена интереса, но во всякомъ случаѣ автору данной замѣтки, очевидно, остались неизвѣстными не только труды В. Джонса и Фр. фонъ Шлегеля, но и повторенія ихъ взглядовъ у нашихъ ученыхъ Ѳ. П. Аделунга и Востокова (см. выше стр. 635 и сл. и 667). Не удивительно поэтому, если авторъ замѣтки отмѣчаетъ безъ всякихъ комментарій со своей стороны, что въ разбираемомъ имъ сочиненіи многія русскія слова производятся сверхъ того отъ турецкаго, татарскаго и китайскаго языковъ.

Сравненія русскихъ словъ со словами разныхъ европейскихъ языковъ находимъ также въ цитированной выше рецензіи П. И. Кеппена на книгу Ѳ. Аделунга „Uebersicht aller bekannten

Sprachen und ihrer Dialekte etc.“ (Спб. 1820). Образчики этихъ сравненій см. выше, стр. 597—598.

Изъ только что названной рецензіи, явившейся въ 1820 г. („Труды Высочайше утвержд. вольн. общества любит. росс. слов.“ 1820 г., ч. X, стр. 206) узнаемъ также, что вопросомъ о сходствѣ греческаго языка съ армянскимъ занимался помощникъ директора шелководства въ Россіи, извѣстный ботаникъ Х. Х. Стевенъ (р. 1781 † 1864), представившій, по словамъ Кеппена, академіи наукъ „любопытныя замѣчанія свои“ по означенному вопросу. Надо думать, что записка Стевена еще можетъ отыскаться въ академич. архивѣ.

Какъ новинку въ нашей литературѣ, слѣдуетъ отмѣтить сопоставленія русскихъ словъ со скандинавскими въ статьѣ И. Лобойко: „Взглядъ на древнюю словесность Скандинавскаго сѣвера“, напечатанной въ „Сынѣ Отечества“ за 1821 годъ, ч. 68, стр. 245—263, 292—304. Интересно, что авторъ ея [1]) былъ частнымъ ученикомъ знаменитаго скандинавскаго лингвиста Раска, о чемъ и заявляетъ въ концѣ своей статьи (стр. 304): „неутомимое усердіе и дружба почтеннаго моего наставника, знаменитаго датскаго филолога, профессора Эразма Христіана Раска, въ продолженіи двугодичнаго пребыванія его въ Петербургѣ, привели меня въ состояніе заниматься подобными трудами“. Первымъ опытомъ этихъ трудовъ и была означенная статья, въ концѣ которой авторъ ея свидѣтельствовалъ публично вѣчную признательность своему прославленному учителю.

О самомъ скандинавскомъ языкѣ говорилось здѣсь немного. Авторъ отожествлялъ древне-скандинавскій языкъ съ исландскимъ и производилъ его, вмѣстѣ съ „Германскимъ“, отъ „Готскаго“, чѣмъ и объяснялъ взаимное сходство всѣхъ этихъ языковъ (стр. 246). Въ свою очередь датскій и шведскій языки производились отъ исландскаго (стр. 245).

Сопоставленія исландскихъ, шведскихъ и датскихъ словъ с русскими находимъ въ примѣчаніи на стр. 247. По словамъ Лобойко, „въ Исландскомъ не трудно найти слова, сходныя съ Русскими, напр. sami, sama, samo (т. е. samr)=самъ, сама, само, döma—думать, gáta—гадать (!), vöttur—вещь (!), brynia—броня, sina—сѣно, köstr—костеръ, sild—сельдь, silki—шелкъ, lipr—липный, dimma—тьма, dimmr—темный, ella—или и пр. Въ датскомъ и шведскомъ такихъ словъ, схожихъ съ русскими, авторъ на-

---

[1]) Ив. Никол. Лобойко (1786—1861), питомецъ Харьковскаго университета, впослѣдствіи профессоръ исторіи Виленскаго университета.

дитъ еще больше: mörkne (дат.)—меркнуть, syl—шило, tolke—толковать, löger (дат. läge)—лекарь, dögn („выговар. *дейнъ*")—день, сутки (!), barm—грудь (бармы). Huus bonde—господинъ (!)= Huus—домъ+bonde—хозяинъ. Авторъ находитъ также, что „другія Русскія слова, встрѣчающіяся и въ Нѣмецкомъ (!), всегда" обнаруживаютъ больше сходства съ исландскимъ, чѣмъ съ нѣмецкимъ, напр. röd—рядъ—Reihe, mjolk—молоко—Milch, mjod (собств. mjödr)—медъ—Meth, mölr—моль—Motte.

Въ томъ-же родѣ сопоставленія со скандинавскими словами, которыя мы находимъ въ примѣчаніяхъ къ статьѣ: „Нравы и обычаи древнихъ норвежцевъ", представляющей вольный переводъ съ датскаго изъ книги: „Det Norske Riges Historie ved Gustav Ludvig Baden" (Копенгагенъ, 1804) и напечатанной въ XVIII ч. „Трудовъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго общества любителей росс. словесности" за 1822 г. (стр. 139—157). Переводчикъ, скрывшій свое имя подъ иниціалами А. Р., утверждаетъ, что „Варяги или Норманны имѣли на Россію несравненно болѣе вліянія, нежели сколько у насъ думали", и приводитъ этому лингвистическія доказательства (стр. 140, прим.). Многія изъ его сопоставленій уже находятся въ только что разсмотрѣнной статьѣ Лобойко; другія-же являются впервые. Авторъ, впрочемъ, объясняетъ приводимыя имъ сходства не взаимнымъ родствомъ сравниваемыхъ языковъ, а заимствованіемъ въ русскій изъ скандинавскаго, чего Лобойко не дѣлаетъ. По словамъ примѣчанія, „отъ Норманновъ перешло въ нашъ языкъ множество словъ. Изъ языка Исланскаго: röd—рядъ, köstr—костеръ, *ketill*(¹)—котелъ, sina—сѣно, brynia—броня, sild—сельдь, *gardr*—городъ; изъ Датскаго и Шведскаго: *torg*—торгъ, *morke* (шв. mörker, дат. mörke)—мракъ; *dal*—долъ, *skrig*—крикъ (?), *bösemen*—безсѣменъ (такъ !), т. е. безмѣнъ, *dele*—дѣлить, tolke—толковать, möl—моль, syl—шило, *gnid*—гнида, *skabet*—шкафъ, barm—„на Датскомъ грудь, у насъ оплечья", silk—шелкъ, husbonde—господинъ (!), *dom*—дума, *svin*—свинья, *stak*—стогъ сѣна, *spore*—шпора, *dimma*—дымъ (!), *skumring*—сумерки (!), *smag*—вкусъ, смакъ.

Кромѣ того, на стр. 145 (прим.) производится др. русск. *олуй* отъ дат. öl=пиво.

Разсмотрѣнными работами исчерпывается все немногое, сдѣланное у насъ въ области сравнительнаго языкознанія и индійской филологіи за первую четверть XIX вѣка. Какъ можно было

---

¹) Курсивомъ мы отмѣчаемъ сопоставленія, встрѣчающіяся въ статьѣ А. Р. впервые.

видѣть, оригинальныхъ работъ этого рода у насъ почти не было. Немногіе подобные труды (Лебедева, Ахвердова, Аделунга, Востокова. пожалуй Карамзина и частью Любослова), были предприняты безъ достаточной подготовки и имѣли болѣе или менѣе любительскій характеръ. Остальное вполнѣ ничтожно, представляя собой большею частью уже совсѣмъ ненаучныя и дилеттантскія упражненія (въ родѣ работъ Шишкова, Левавды, частью Любослова и др.), не лишенныя даже слегка патологическаго оттѣнка.

в) Изученіе русскаго и славянскихъ языковъ въ теченіе первой четверти XIX вѣка.

Начало XIX в. въ области изученія русскаго и славянскихъ языковъ не ознаменовалось ничѣмъ выдающимся. Вышедшая въ 1802 г. „Россійская грамматика“ Россійской академіи [1]) представляетъ собой обычное школьное руководство, довольно обширныхъ размѣровъ, но вполнѣ лишенное научнаго характера. Историческій элементъ въ ней отсутствуетъ, и изложеніе предмета носитъ чисто описательный характеръ. Внѣшнее распредѣленіе матеріала заключено въ обычныя рутинныя школьныя рамки. Понятія славянскаго и русскаго языковъ не отличаются другъ отъ друга, и оба языка сливаются въ одномъ „славенороссійскомъ“ (стр. I). Грамматика опредѣляется, какъ „наука, руководствующая къ правильному языка употребленію“ (стр. 1). Нѣкоторое поползновеніе къ оригинальности представляетъ дѣленіе глагола не на два спряженія, какъ у Ломоносова и другихъ грамматиковъ XVIII в., а на четыре (по окончанію неопредѣленнаго наклоненія): 1) глаголы на *—ать, —ять (писать, сѣять)*, 2) на *—еть, —ѣть (мереть, смотрѣть);* 3) на *—ить, —ыть (строить, мыть)* и 4) на *—оть, —уть (колоть, сохнуть)*. Глаголы-же съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на *—чь*, или „съ предыдущею согласною буквою на *ть*“, какъ напр. *влечь, течь, несть, грызть*, и также *итти*, причислены къ классу глаголовъ неправильныхъ. Научная и педагогическая несостоятельность этого дѣленія, проистекавшаго изъ желанія уменьшить число неправильныхъ глаголовъ, не требуетъ особаго поясненія. Достаточно указать лишь на то, что, при подобномъ дѣленіи, ко второму спряженію относились столь

[1]) «Россійская грамматика сочиненная Императорскою Россійскою академіею, въ С.-Петербургѣ, печатана въ Императорской Типографіи Иждивеніемъ Россійской Академіи, 1802 года». 8°. Загл. л. + 3 ненум. + 355 + 1 ненум. (погрѣшности). Выдержала впослѣдствіи нѣсколько изданій: 1809 г. (испр. и дополн.), 1819, 1827.

различныя формы, какъ *мрѣть* || *горишь*, а къ первому—*желаеть*, *даёшь* || *кричишь* и т. д. На эту слабую сторону академической грамматики было указано въ свое время Добровскимъ (въ предисловіи къ „Lehrgebäude der russischen Sprache, von Anton Jaroslaw Puchmayer“. Прага 1820. Стр. XXVII—VIII). О видахъ глагола въ разбираемой грамматикѣ еще не говорится, хотя нѣкоторое предчувствіе ихъ можно видѣть въ обозначеніи четырехъ видовъ неокончательнаго наклоненія терминами: *неопредѣленное*, *однократное*, *совершенное*, *многократное* (стр. 152). Обозначеніе это не представляется, однако, новостью и встрѣчалось уже въ грамматикахъ XVIII вѣка.

Къ достоинствамъ грамматики принадлежитъ обиліе примѣровъ (большею частью, впрочемъ, анонимныхъ и вѣроятно сочиненныхъ ad hoc) и довольно для того времени обстоятельный отдѣлъ о слогоудареніи (часть IV, стр. 315—355). Главными составителями ея были протоіерей И. И. Красовскій и академики И. И. и Д. М. Соколовы [1]), подъ руководствомъ преосвященнаго Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, но въ обработкѣ принимали участіе и прочіе члены россійской академіи. Къ составленію ея было приступлено еще въ концѣ XVIII вѣка. Въ собраніи 5 авг. 1794 года изъ членовъ академіи былъ составленъ особый „грамматическій“ отдѣлъ [2]), которому поручено было „сдѣлать начертаніе и расположеніе“ предпринятаго изданія. Нѣсколько засѣданій было посвящено выработкѣ плана грамматики, или, какъ тогда выражались, „начертанія для составленія грамматическихъ правилъ“, которое и было окончательно разсмотрѣно и утверждено въ собраніи 21 окт. 1794 г. Главными образцами, которыхъ придерживались при составленіи „начертанія“, служили „грамматики Максима Грека (т. е., очевидно, Московское изданіе грамматики Мелетія Смотрицкаго 1648 г.) и Ломоносова“.

Разсмотрѣніе составленной грамматики началось 24 февраля 1795 г. и закончилось 2 апр. 1799 г. Съ мая 1796 г. академическія собранія занимались главнымъ образомъ этимъ дѣломъ. По составленіи опять приступлено было къ „повторительному просматриванію“ грамматики, продолжавшемуся съ 7 мая 1799 г.

---

[1]) См. о ея составленіи болѣе подробно въ «Исторіи Россійской Академіи» М. И. Сухомлинова. Вып. VIII. Спб. 1887, стр. 195—205, а также его же «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію». Т. I. Спб. 1889. стр. 452—456.

[2]) Членами его были, кромѣ составителей, архимандритъ Новоспасскаго монастыря Меѳодій, С. Я. Румовскій, И. И. Лепехинъ и И. Б. Иноходцевъ.

по 18 мая 1801 г. Затѣмъ грамматика опять подверглась пересмотру (съ 8 іюня 1801 г. по 24 дек. того-же года).

Несмотря на указанные выше недостатки, грамматика академіи вышла впослѣдствіи еще двумя изданіями: вторымъ въ 1811-мъ и третьимъ въ 1819 году. Послѣднее изданіе вызвало большую критическую статью въ „Сынѣ Отечества" 1819 г. (ч. 55, №№ 29, 31, 32, 33), отмѣчавшую не безъ язвительности многочисленные недостатки академическаго труда и тѣмъ возбудившую большое неудовольствіе въ Шишковѣ и прочихъ членахъ академіи. Причиненная этой критикой обида была такъ велика, что Шишковъ даже жаловался на дерзкаго рецензента министру народнаго просвѣщенія [1]). О содержаніи этой критики см. ниже.

Совершенно во вкусѣ словариковъ иностранныхъ словъ, печатавшихся въ нашихъ журналахъ XVIII вѣка (см. выше, стр. 305—306) и имѣвшихъ по преимуществу справочный характеръ, являются „Отрывки терминологіи или знаніе ученыхъ словъ", печатавшіеся въ журналѣ Галинковскаго, „Корифей или ключь литературы" (Спб. 1802 г., ч. I. стр. 209—210 и ч. II, 1803 г., стр. 189—191). Мы находимъ здѣсь рядъ объясненій разныхъ иностранныхъ терминовъ, большею частью научныхъ, въ родѣ: апографъ—списокъ съ письма, анемографія—практическая наука о воздухѣ, вѣтрѣ и пр. Въ первой части объясняются еще термины: аѳоризмы, апоѳегма, апоѳеосъ, археологія, вивліографія, віографія, геогнозія, гномоника, гномическій, Гоэтія—родъ Магіи (!?), эхатологія, эѳемериды, космографія, космогонія, космополитъ, лексикографія, номенклатура, некрологія, пролегоменъ. Аналогичный характеръ имѣютъ и объясненія терминовъ: антропоморфитъ, аристократія, анонимъ, гомонимы, гимнъ, космографія, демагогъ, дидинамія, ипотеза, ихнографія, кенотафія, каррикатура, коллекція, лиѳологія, лиѳонтриптическій (спиртъ), лаконическій, монотонія, мистическій и т. д., расположенныя въ такомъ же невыдержанномъ алфавитномъ порядкѣ. Разумѣется, ни этотъ списокъ иностранныхъ словъ, ни болѣе ранніе подобные ему, не имѣли въ виду никакихъ научныхъ цѣлей, хотя, независимо отъ намѣренія ихъ составителей, могутъ иногда дать цѣнный матеріалъ для хронологіи нашихъ терминовъ иностраннаго происхожденія.

Очень мало научнаго значенія имѣло и знаменитое въ свое время „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка" А. С. Шишкова. (Съ дозволенія Санктпетербургскаго Гражданскаго Губернатора. Въ Санктпетербургѣ, въ Императорской Типографіи

[1]) См. Сухомлиновъ, цит. сочиненія.

1803 года. 8°, 6 ненум. + 453 + 1 ненум. опечатокъ; 2 изд. Спб. 1818 г.). Основная мысль его отнюдь не была новостью въ нашей литературѣ. Красоты и сила славянскаго языка прославлялись еще Ломоносовымъ въ его „Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ", и новаго въ этомъ направленіи книга Шишкова ничего не давала. Литературная форма ея также не блистала достоинствами, не представляя ни стройно выработаннаго плана [1]), ни изящнаго изложенія. Самыя мысли автора отличались неопредѣленностью и неясностью, проистекавшими изъ недостаточности его научнаго и общаго образованія и извѣстной прирожденной ограниченности ума. Главное содержаніе разсужденія было въ значительной мѣрѣ чуждо языкознанію и имѣло частью публицистическій характеръ, частью разсматривало самые общіе вопросы русской стилистики съ очень субъективной и предвзятой точки зрѣнія. Публицистическія стороны и обще-литературное значеніе разсужденія Шишкова уже много разъ были характеризованы въ нашей литературѣ [2]), и потому касаться ихъ мы не будемъ, ограничившись только тѣми составными его элементами, которые имѣютъ отношеніе къ языкознанію. Приведемъ лишь строгій отзывъ покойнаго Я. К. Грота, котораго никто не рѣшится въ данномъ случаѣ заподозрить въ пристрастіи къ знаменитому славянофилу. По словамъ его, уже Макаровъ, Мартыновъ, Дашковъ и Каченовскій отмѣтили въ разсужденіи Шишкова „много нелѣпостей; но ограниченность, безвкусіе, недостатокъ основательной учености и добросовѣстной критики, обнаруженныя ея авторомъ, еще ждутъ себѣ заслуженнаго приговора.

„Говорятъ, что книга Шишкова все-таки принесла свою пользу,

---

[1]) Самъ Шишковъ въ «Предувѣдомленіи» къ первому изданію «Разсужденія» характеризуетъ его съ этой стороны. По его словамъ, оно «не иное что есть, какъ родъ веденной имъ записки всему тому, что ему при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ, касательно до языка и слога, замѣтить случилось. Время и обстоятельства не позволили ему всѣ сіи въ разныя времена сдѣланныя... примѣчанія сообразить и привести въ послѣдственный и непрерывный порядокъ». Поэтому Шишкову пришлось оставить свой трудъ «въ томъ неустроенномъ видѣ и составѣ, какой оно, прирастая день ото дня, само собою получило». Въ заключеніе высказывается надежда, что тѣмъ не менѣе «Разсужденіе» будетъ не безполезно для тѣхъ, «кои любятъ языкъ свой; тѣжъ, которые не любятъ его, могутъ бросить оное куда хотятъ».

[2]) См. В. Стоюнинъ, «Историческія сочиненія. Часть I. А. С. Шишковъ». Спб. 1880 г., стр. 85 95; Галаховъ, «Исторія русской словесности», т. II. Спб. 1880, стр. 68—78; Гротъ, «Филологическія Разысканія», Изд. 2. Спб., т. I. 1876, стр. 88—99; Н. Н. Буличъ, «Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в.». Спб. 1902, стр. 119—141.

и это несомнѣнно: всякая крайность имѣетъ ту хорошую сторону, что она предостерегаетъ отъ крайности противоположной; но парадоксъ тѣмъ не менѣе остается парадоксомъ. Говорятъ также, что Шишковъ въ сущности ратовалъ не за языкъ, а за чистоту вѣры и нравственности. Съ этимъ нельзя согласиться: сначала не было и рѣчи о чемъ-либо иномъ, кромѣ *слога*, котораго порча приписывалась только пристрастному предпочтенію французскаго языка и французскому воспитанію [1]); потомъ, уже въ концѣ своего *Разсужденія*, Шишковъ, чувствуя недостаточность прямыхъ доводовъ, прибѣгнулъ къ другимъ и задѣлъ своихъ противниковъ опасеніемъ за ихъ религіозныя и патріотическія чувства [2]). Чѣмъ далѣе шла полемика, тѣмъ болѣе пользовался онъ этою уловкой; но споривщіе съ нимъ очень хорошо понимали настоящій смыслъ ея, и Дашковъ умно замѣтилъ: „Онъ считаетъ всякое *оружіе* противъ соперниковъ своихъ законнымъ“ [3]), а въ другомъ мѣстѣ: „Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать постороннія укоризны въ неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ церковію?“ [4]). Тѣ, которые защищались въ этой полемикѣ, вели себя гораздо благороднѣе Шишкова и отзывались о немъ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ своихъ, очень снисходительно“ [5]).

Научное содержаніе „Разсужденія“ прямо ничтожно. У Шишкова такъ мало было научныхъ знаній и прирожденной лингвистической наблюдательности, что онъ не находилъ даже никакихъ критеріевъ для отличенія русскаго языка отъ церковно-славянскаго, хотя это съумѣлъ сдѣлать Лудольфъ еще въ концѣ XVII в., въ своей русской грамматикѣ (Оксфордъ, 1696) и дѣлали современники Шишкова: Каченовскій, Востоковъ, Добровскій и др. По словамъ Шишкова, „подъ именемъ Славенскихъ, Славено-Россійскихъ и Русскихъ книгъ, можно разумѣть различныхъ временъ слоги (!), или языкъ въ смыслѣ слога, какъ-то слогъ Библіи, Патерика или Четіи-минеи, слова о полку Игоревомъ, старинныхъ грамотъ, Несторовой лѣтописи, Ломоносова, и проч. Во всѣхъ

---

[1]) «Шишковъ не замѣтилъ, что Карамзинъ въ «*Вѣстникѣ Европы*» самъ съ жаромъ возставалъ противъ такого пристрастія и во всемъ направленіи этого журнала обнаруживалъ патріотизмъ, который стоялъ никакъ не ниже *его* собственнаго (шишковскаго)».

[2]) *Разсужд.*, стр. 303: «Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ помногу, постепенно и къ сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отечеству) такъ сильно вкоренилась въ насъ» и проч.

[3]) «*Легчайшій способъ возражать на критики*», стр. 30.

[4]) «*Цвѣтникъ*», изд. В. Измайловымъ и П. Никольскимъ (декабрь 1810 года), Ч. VIII, стр. 431.

[5]) См. Гротъ «Филологич. Разысканія», изд. 2, ч. I. Спб. 1876, стр. 88—89.

оныхъ слогъ или образъ объясненія различенъ; но чтобъ Славенской и Руской языкъ были два языка, то-есть, чтобъ можно было сказать это Славенское, а это Руское слово, *сего различія въ нихъ не существуетъ* (курсивъ нашъ). Между тѣмъ многіе, безъ всякаго основанія (!), почитаютъ ихъ двумя разными языками, и сіе ложное мнѣніе подало поводъ Руской языкъ подъ именемъ Славенскаго презирать (?), и тотъ же самый языкъ, унижая до просторѣчія и располагая оный по свойствамъ Французскаго языка, называть Рускимъ" и т. д. (Шишковъ, „Собраніе сочиненій" т. II. Спб. 1824. Прим. 4, стр. 8—9). Такимъ образомъ для Шишкова церковно-славянскій языкъ былъ просто „высокимъ слогомъ", а русскій—„просторѣчивымъ".

Возставая противъ неологизмовъ, представляющихъ буквальные переводы съ иностранныхъ языковъ, въ родѣ *переворотъ* (révolution), *развитіе* (développement), *утонченный* (raffiné), *сосредоточить* (concentrer), *трогательный* (touchant), *занимательный* (intéressant), *вліяніе на* (influence sur...) и т. д. (стр. 24—28), какъ противныхъ духу русскаго языка, Шишковъ тѣмъ не менѣе считаетъ „прямыми и коренными" русскими или славянскими словами такіе же точно буквальные переводы съ греческаго, въ родѣ *любомудріе*, *велелѣпіе* (φιλοσοφία, μεγαλοπρέπεια), *умодѣліе* (отъ *умодѣльникъ*—φρενοτέκτων), *приснопамятный* (ἀείμνηστος), *приснотекущій* (ἀέναος или ἀείρροος, ἀείρροτος) и т. д. (тамъ же, стр. 47), которые не менѣе чужды строю славянскихъ языковъ. Народная форма *чай* (=1 л. ед. ч. *чаю*) для Шишкова есть „сокращеніе" выраженія *чаять должно* (тамъ же, стр. 22) и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, научныя свѣдѣнія Шишкова были очень скудны, и мы съ трудомъ найдемъ въ его „Разсужденіи" нѣсколько замѣчаній, имѣвшихъ въ свое время и сохранившихъ до сихъ поръ хотя какую-нибудь научную цѣнность.

Къ послѣднимъ принадлежатъ замѣчанія о различіи понятій, соединяемыхъ съ извѣстными синонимами въ разныхъ языкахъ (тамъ-же, стр. 33—46),—одинъ изъ первыхъ образчиковъ подобныхъ семасіологическихъ разсужденій въ нашей литературѣ. На рядѣ довольно удачно выбранныхъ примѣровъ Шишковъ выясняетъ невозможность буквальнаго перевода словъ изъ одного языка въ другой, въ силу несоотвѣтствія объема понятій, соединяемыхъ съ данными словами въ разныхъ языкахъ. При этомъ для большей наглядности онъ прибѣгаетъ къ графическимъ пріемамъ, въ видѣ концентрическихъ и эксцентрическихъ пересѣкающихся круговъ разной величины, изображающихъ разные объемы понятій. Надъ этимъ пріемомъ въ свое время смѣялись такъ-же, какъ и надъ

другими особенностями писаній Шишкова, дѣйствительно достойными осмѣянія [1]), но насмѣшки эти по существу не были заслужены и скорѣе говорили о нѣкоторомъ пристрастіи критиковъ и ихъ нежеланіи, а можетъ быть и неумѣніи оцѣнить то немногое путное, что встрѣчалось въ знаменитомъ „Разсужденіи“.

Разумѣется, и въ этой части „Разсужденія“ дѣло необходится безъ забавныхъ недоразумѣній. Такъ въ примѣръ того, что „въ каждомъ языкѣ есть много... такихъ словъ, которымъ въ другомъ нѣтъ соотвѣтствующихъ“, Шишковъ приводитъ русское выраженіе *зги не видать* и спрашиваетъ: „Какое знаменованіе имѣетъ на Француском языкѣ слово *зга?*“ Примѣръ этотъ, конечно, ничего не говорилъ въ пользу выставленнаго положенія, потому что настоящее значеніе слова *зга* Шишкову было неизвѣстно, и онъ не могъ и ручаться, имѣется-ли во французскомъ языкѣ слово соотвѣтствующаго значенія [2]).

Къ положительнымъ сторонамъ „Разсужденія“ слѣдуетъ отнести большую начитанность его автора въ церковно-славянскихъ текстахъ, конечно, главнымъ образомъ печатныхъ: Библіи, Четьяхъ-Минеяхъ, Патерикѣ, Прологахъ и т. д. Обнаруживается она главнымъ образомъ во входящемъ въ составъ „Разсужденія“ „Опытѣ Словаря, или словахъ и рѣчахъ, выписанныхъ изъ Священнаго Писанія для показанія наименованія оныхъ“ (Шишковъ, „Собраніе сочиненій и переводовъ“ ч. II. Спб. 1824, стр. 172—249). Въ этомъ словарѣ иногда находимъ и этимологическія сближенія приводимыхъ словъ. Такъ церковно-слав. *лысто* правильно сближается съ *лытка* (вм. лыдка), *лыжи* (но ошибочно съ *лытать*); *мышца* сопоставляется съ народнымъ *мышка*, но рядомъ *поприще* производится отъ *пря*, *углъбати* отъ *глубина* (!) и т. д.

Справедливость требуетъ признать также, что нѣкоторыя замѣчанія Шишкова противъ пристрастія къ иностраннымъ словамъ

---

[1]) Отголосокъ этихъ насмѣшекъ (напр. у Каченовскаго) находимъ въ цитиров. уже выше «Очеркахъ по исторіи русской литературы и просвѣщені съ начала XIX в.» Н. Н. Булича, т. I. Спб. 1902, стр. 130.

[2]) Наши прежніе филологи, а за ними Микуцкій и А. И. Соболевскі (Лекціи по ист. р. яз. [2], стр. 103), видѣли въ этомъ словѣ сокращенное *стьга*—путь (ср. *стезя*=*стьзя*). Этому толкованію противорѣчатъ, однако упущенныя ими изъ виду параллельныя выраженія: «зги Божіей не видно «свѣту Божьяго не видать», не позволяющія толковать слово *зга* въ смысл *дорога* (никогда не стоитъ съ эпитетомъ *Божія*). Правильнѣе сближалъ эт слово Буслаевъ (Истор. Грамм. 1863 ч. II, стр. 72) съ рязанскимъ *згинк* *згиночка*—искра, искорка (также—крошка), въ основѣ котораго можетъ лежат другое *стьга*, родственное санскр. tij, быть острымъ, tejas, блескъ (корень steig р. στιγμή—точка, лат. instigare, готск. stiks—мгновеніе, др. в. нѣм. stih.

продиктованныя искренней любовью къ родному языку, были вѣрны, а иногда сохранили свое общее значеніе даже и до нашего времени. Но указанныя немногія достоинства труда Шишкова для современниковъ положительно заслонялись неуклюжестью формы и содержанія, преувеличеніемъ и странностью многихъ выставленныхъ положеній, а также и чрезмѣрностью претензій автора на единственно вѣрное пониманіе духа русскаго языка.

Для исторіи изученія русскаго и славянскихъ языковъ „Разсужденіе" Шишкова имѣло главнымъ образомъ лишь то значеніе, что вызвало и довольно долго поддерживало вниманіе и интересъ къ извѣстнымъ вопросамъ языка, ставъ исходной точкой пресловутаго спора о старомъ и новомъ слогѣ, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ.

Первымъ отвѣтилъ Шишкову издатель „Московскаго Меркурія" П. И. Макаровъ (1765—1804), полковникъ артиллеріи и писатель, собраніе сочиненій и переводовъ котораго выдержало два изданія (въ 1805 и 1817 г.). Статья его („Московскій Меркурій" 1803 г. декабрь, стр. 155—198, или „Сочиненія и переводы" Макарова, ч. II) имѣетъ, впрочемъ, почти исключительно обще-литературный характеръ и, хотя и свидѣтельствуетъ объ умѣ и здравомъ смыслѣ своего автора, но не представляетъ особаго интереса въ смыслѣ лингвистическомъ. Научныя свѣдѣнія Макарова были того же калибра, какъ и у его противника, и научная критика положеній Шишкова была ему не по силамъ.

Тѣмъ не менѣе Макаровъ сдѣлалъ нѣсколько вѣскихъ замѣчаній и лингвистическаго свойства. Такъ на стр. 159 своей статьи онъ обращаетъ вниманіе Шишкова на то, что наши предки „успѣли занять отъ Грековъ множество названій и нѣсколько метафорическихъ выраженій" и, „оставя древнее Славенское нарѣчіе", образовали свой языкъ „по свойству Греческаго". Такимъ образомъ и славянскій языкъ оказывается не чуждымъ иноземнаго вліянія. На стр. 164-й и сл. Макаровъ ловитъ Шишкова на противорѣчіи и изобличаетъ его невѣжество. Критикъ указываетъ, что Шишковъ жалуется на заимствованіе чужихъ словъ, а самъ (стр. 1 его „Разсужденія") все-таки говоритъ, что „Славенскій языкъ процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему Эллинскаго языка". Спрашивается, почему греческія слова, взятыя въ X—XII в., кажутся Шишкову почтеннѣе взятыхъ оттуда же въ новѣйшее время? Оказывается, что Шишковъ, не зная греческаго языка, принимаетъ иногда греческія слова за французскія, какъ напр. слово *фраза* („Разсужденіе", стр. 183) и нѣкот. другія. По словамъ Макарова, всѣ языки „составились одинъ изъ другого

обмѣномъ взаимнымъ". Римляне взяли много словъ отъ грековъ и сами передали другимъ народамъ. Французы заимствовали много словъ изъ греческаго, латинскаго и италіанскаго. „Почему намъ однимъ не занимать?", спрашиваетъ Макаровъ: „мы ли первые начали?" Шишковъ самъ употреблялъ въ „Разсужденіи" иностранныя слова, въ родѣ *единоцентренный*, *метафорическій*, *текстъ*, *проза* и т. д., обрушиваясь въ то же время на употребленіе словъ *эпоха*, *сцена* и т. д. Кромѣ того, Макаровъ указывалъ Шишкову, что языкъ имѣетъ свою исторію, мѣняется и долженъ мѣняться, въ зависимости отъ роста культуры, причемъ остановить этотъ процессъ не въ силахъ человѣческихъ.

Шишковъ отвѣчалъ на критику Макарова въ особомъ „Прибавленіи" къ своему „Разсужденію" [1]), относясь къ своему противнику съ большимъ высокомѣріемъ, но не приводя никакихъ существенно новыхъ аргументовъ въ пользу своихъ утвержденій, столь упорно имъ отстаиваемыхъ.

За критикой Макарова послѣдовала критика М. Т. Каченовскаго (1775—1842), бывшаго впослѣдствіи, въ теченіе долгихъ лѣтъ, профессоромъ Московскаго университета, а въ то время правителя личной канцеляріи московскаго попечителя, гр. А. К. Разумовскаго. Его статья явилась въ журналѣ Мартынова „Сѣверный Вѣстникъ" 1804 (ч. I, стр. 17—29), въ видѣ „Письма отъ неизвѣстнаго" изъ города Кадома, отъ 30 ноября 1803 г., и была перепечатана цѣликомъ Шишковымъ съ возраженіями въ „Прибавленіи" къ „Разсужденію", а послѣ во второмъ изданіи „Разсужденія" (Спб. 1818).

И эта критика большею частью не имѣетъ лингвистическаго характера, исходя главнымъ образомъ изъ требованій здраваго вкуса и смысла въ вопросахъ слога. Аргументы лингвистическаго свойства рѣдки, но во всякомъ случаѣ ихъ больше, чѣмъ у Макарова. Славянскій языкъ Каченовскій называетъ „древнимъ нашимъ нарѣчіемъ", не указывая, однако, опредѣленно на его отличія отъ живого русскаго языка. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи онъ принципіально стоитъ повидимому на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Шишковъ, всегда указывавшій, что русскій языкъ есть „нарѣчіе" славянскаго (см. напр. выше, стр. 587—588). Замѣчаніе кри-

[1]) «Прибавленіе къ сочиненію называемому Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, или собраніе критикъ изданныхъ на сію книгу, съ примѣчаніями на оныя. Въ Санктпетербургѣ, при Морской типографіи, 1804 г.» 8°,2 ненум. листка + 170 стр. + 2 ненум. листка (на первомъ изъ нихъ эпиграфъ: Pourquoi faut-il que je vous ecrive?... quelle langue commune pouvons nous parler. Rousseau).

тика, что авторъ „Разсужденія", кажется, хочетъ „обратить насъ" къ этому древнему нарѣчію, вызываетъ горячее, но безтолковое возраженіе Шишкова, въ которомъ онъ то настаиваетъ, что и не думаетъ обращать русскій слогъ „къ *неупотребительному* (курсивъ нашъ) нарѣчію", а только показываетъ „красоты природнаго языка своего" и „источники онаго", то начинаетъ доказывать, что отдѣленіе „славянскаго" языка отъ русскаго повлечетъ за собой полное обѣднѣніе послѣдняго, и въ немъ останутся одни татарскія слова, въ родѣ *лошадь, кушакъ, колпакъ, сарай* и пр., „площадныя и низкія", какъ *калякать, чечениться, хохлиться* и т. п., да „чужестранныя", въ родѣ *гармонія, элоквенція, серіозно, авантажно* и т. д. (Шишковъ „Собр. сочиненій", ч. II. Спб. 1824, стр. 358 60). Такъ же упорно и горячо отстаиваетъ Шишковъ и другія свои положенія, а равно и разныя мало удачныя выраженія, которыя Каченовскій осуждаетъ со стороны стилистической. Дѣлаетъ это Каченовскій не всегда основательно, утверждая, напримѣръ, что храбрыхъ воиновъ нельзя называть *удалыми*, т. е. буянами и повѣсами, чему Шишковъ побѣдоносно противопоставляетъ указаніе на былинные эпитеты, въ родѣ *поляница удалая* (тамъ же, стр. 373—74).

Въ дальнѣйшихъ своихъ замѣчаніяхъ Каченовскій обращалъ вниманіе Шишкова на разницы стиля у древнихъ и новыхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, на подверженность языковъ „неминуемой перемѣнѣ", въ силу которой „времена Мономаха, царя Іоанна Васильевича, Петра Великаго и Екатерины II очень примѣтно" отличаются другъ отъ друга въ отношеніи языка. Въ заключеніе нашъ критикъ совершенно основательно напоминаетъ Шишкову, „что всѣ самые богатѣйшіе языки, въ томъ числѣ и Славенской, образовались одинакимъ способомъ; то есть подражаніемъ, или, если можно такъ сказать, переливомъ словъ одного языка въ другой. Сличите церковныя наши книги съ Греческими и убѣдитесь въ сей истинѣ" (см. тамъ же, стр. 407—411).

Отвѣты Шишкова на эти замѣчанія крайне слабы, цѣпляются за выраженія и старательно обходятъ существо вопроса. Такъ онъ заявляетъ, что никогда не читалъ греческихъ авторовъ въ подлинникѣ и потому не знаетъ разницы между слогомъ древнихъ и новыхъ писателей Греціи, но тѣмъ не менѣе не можетъ предпочесть новогреческій языкъ древнегреческому (чего Каченовскій отъ него и не требовалъ). Прицѣпившись къ выраженію Каченовскаго: „переливъ" словъ изъ одного языка въ другой, Шишковъ доказываетъ, что „языки не бочки: слова одного изъ нихъ неудобно переливать въ другой такъ, какъ воду изъ одной бочки въ другую.

При переливѣ ихъ потребно умствовать и размышлять". При этомъ Шишковъ утверждаетъ, что сколько бы мы ни сравнивали наши церковныя книги съ греческими, нельзя въ нихъ найти „сего *перелива словъ* изъ Греческаго въ нашъ Славенскій языкъ".

Такимъ образомъ онъ совершенно отрицаетъ существованіе въ церковнославянскомъ тѣхъ грецизмовъ, о которыхъ мы говорили выше (стр. 694), несмотря на то, что ихъ присутствіе ему было опредѣленно указано. Подобный голословный характеръ имѣетъ огромное большинство возраженій, выставленныхъ Шишковымъ противъ своихъ критиковъ. Новыхъ доводовъ въ пользу высказанныхъ имъ раньше положеній онъ не приводитъ, но упорно стоитъ на своемъ, не уступая ни въ чемъ своимъ противникамъ и относясь къ нимъ съ большимъ высокомѣріемъ. Возраженія ихъ онъ называетъ „злонамѣренными бранями", которыми можно „скорѣе тщеславиться, нежели оскорбляться" (см. „Предъувѣдомленіе" въ „Прибавленіи" къ „Разсужденію"); свой отвѣтъ Макарову заканчиваетъ заявленіемъ, что никогда и не слыхивалъ объ издаваемомъ имъ „Московскомъ Меркуріи" и т. д.

Въ томъ же 1803 году, когда явилось „Разсужденіе" Шишкова, началъ выходить и „Новый Словотолкователь, расположенный по алфавиту содержащій: Разныя въ Россійскомъ языкѣ встрѣчающіяся иностранныя реченія и Техническіе термины, значеніе которыхъ не всякому извѣстно и т. д. Напечатано по Высочайшему Его Имп. Велич. повелѣнію. Спб. При Имп. Акад. Наукъ 1803—1806". 3 ч. 8° (868, 964, 1322 стлб.). Книга эта была посвящена императору Александру I составителемъ ея, Николаемъ Яновскимъ, и содержала не только объясненіе иностранныхъ словъ, но и родъ энциклопедическаго словаря съ довольно объемистыми объяснительными статьями. Несмотря на отсутствіе у нея какого бы то ни было научнаго характера, она заслуживаетъ упоминанія, какъ первый у насъ обширный опытъ словаря иностранныхъ словъ, принятыхъ въ русскій литературный языкъ [1]). По своей цѣли и характеру, словарь Яновскаго являлся продолженіемъ упоминавшихся уже выше списковъ иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ журналахъ второй половины XVIII в. и самого начала XIX (см. стр. 305—306 и 691).

Оживленіе нашей періодической печати, которое принесло съ

---

[1]) Современная печать отнеслась сочувственно къ труду Яновскаго. Такъ въ „Сѣверн. Вѣстникъ" 1805 г. (ч. VI, стр. 11—16) была напечатана хвалебная рецензія, въ которой между прочимъ сообщалось, что авторъ даннаго труда, долженствующаго занять „первое мѣсто въ нашей лексикографіи", трудился надъ нимъ цѣлыхъ 10 лѣтъ.

собой „дней Александровыхъ прекрасное начало“, сказалось и длиннымъ рядомъ статей, посвященныхъ вопросамъ русскаго и славянскаго языкознанія, въ разныхъ нашихъ журналахъ этого времени. На нѣкоторое время въ нихъ сосредоточилось почти все научное движеніе въ данной области знанія. Къ 1803 году относится нѣсколько статей въ „Вѣстникѣ Европы“, издававшемся тогда Карамзинымъ. Статьи эти частью принадлежатъ самому Карамзину, частью снабжены его примѣчаніями и свидѣтельствуютъ о его интересѣ къ вопросамъ русской грамматики. По своему духу онѣ еще ничѣмъ не отличаются отъ аналогичныхъ статей въ нашихъ журналахъ XVIII в., разсмотрѣнныхъ выше (гл. XI), одна даже прямо восходитъ къ указанному столѣтію. Таковы:

1) Статья самого Карамзина: „Великой мужъ Русской Грамматики А. Б. В.“ (Вѣстн. Евр. 1803 г., ч. 8, № 7, стр. 200—212), являющаяся замаскированной рецензіей на грамматику Россійской академіи и содержащая нѣсколько грамматическихъ замѣчаній относительно спряженій, склоненій, согласованія словъ въ русскомъ языкѣ и т. п. Критическія замѣчанія и поправки Карамзина изложены здѣсь въ формѣ беллетристическаго разсказа и имѣютъ чисто практическій характеръ.

2) Анонимная статейка: „Мудрое предложеніе одного ученаго Нѣмца, сдѣланное имъ Россіи“ (тамъ же, ч. 9, № 11, стр. 189). Проектъ „нѣмца“ предлагалъ уничтожить русскій языкъ, какъ весьма грубый, и замѣнить его древнегреческимъ.

3) Рецензія Карамзина: „О русской Грамматикѣ Француза Модрю“ (тамъ же, ч. 10, № 15, стр. 204—12, перепечат. въ „Полн. собр. сочиненій Карамзина, изд. Смирдина, т. III). Плохая грамматика Модрю (на франц. языкѣ, Парижъ, 1802 г.), составленная по плохой тоже грамматикѣ Шарпантье (на фр. языкѣ, Спб. 1768), подвергается здѣсь заслуженному осмѣянію, а составитель уличается въ плагіатѣ [1]).

4) „Письмо Дениса Ивановича фонъ-Визина къ его пріятелю о планѣ Россійскаго словаря“ (тамъ же, ч. 11, № 19, стр. 163—178): извѣстное письмо къ Козодавлеву, содержащее критическія замѣчанія на примѣчанія И. Н. Болтина къ плану словаря Россійской академіи и снабженное примѣчаніями Карамзина, не имѣющими

[1]) Не лишены историческаго интереса замѣчанія Карамзина о вліяніи греческаго языка на церковнославянскій (въ сложныхъ словахъ) и большомъ отличіи языка Слова о Полку Игоревѣ, по его словамъ — единственнаго остатка древняго Славянскаго языка, отъ „языка нашихъ церковныхъ книгъ“ (стр. 210).

особаго значенія. Письмо это было написано еще въ 1784 г. (см. выше, стр, 240), но попало въ печать, лишь благодаря Карамзину.

Въ 1804—1805 годахъ явилось нѣсколько подобныхъ статей въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, издававшемся И. И. Мартыновымъ. Съ первой же части журнала началось печатаніе замѣтокъ о русскихъ синонимахъ, которыя открываютъ собою длинный рядъ аналогичныхъ статей въ самыхъ разнообразныхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ первой четверти XIX вѣка. Тема эта сдѣлалась надолго излюбленною и была несомнѣнно навѣяна аналогичными французскими разсужденіями. И въ нашихъ статьяхъ этого рода находимъ постоянныя ссылки на французскихъ авторовъ (Жирара, Рубо [1]) и др.), а нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо обозначены переведенными съ французскаго. Подъ двумя подобными статьями „Сѣвернаго Вѣстника“ находимъ подпись: „А—чь“ и „Ан—чь“,—очевидно извѣстнаго библіографа В. Г. Анастасевича (р. 1775 † 1845) [2]).

Цѣлью этихъ статей являлось обогащеніе языка въ лексическомъ отношеніи: „Богатство языка причиною тѣхъ словъ, которыя обыкновенно называются *Синонимами* или *подобозначущими*. Какъ ни скуденъ языкъ Французской, но таковыхъ словъ имѣетъ великое множество. Жирары, Рубо и подобные имъ Филологи расширили предѣлы онаго, показавъ степени и тончайшія оттѣнки въ знаменованіяхъ реченій, которыя естественнымъ образомъ имѣютъ между собою сходство, но вмѣстѣ и различіе. Отобрать

---

[1]) Абатъ Габріель Жираръ (1677 — 1748), грамматикъ, авторъ книги „La justesse de la langue françoise“, или „Les différentes significations des mots qui passent pour être synonymes“ (1718), второе изданіе которой вышло въ 1736 г. подъ загл.: „Synonymes françois, leurs différentes significations, et le choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse“ (2 т. 12°); Пьеръ Жозефъ Андре Рубо (1730—91), авторъ „Les nouveaux synonymes français“ (1785, 4 т. 8°), вышедшихъ съ дополненіями изъ работъ Жирара, Бозе (Beauzée) и др. подъ загл.: „Dictionnaire des synonymes“ въ 1810 г. (2 т. 12°). Работа Жирара была первой въ этомъ родѣ и считалась въ свое время классической, какъ и книга Рубо.

[2]) Въ статьяхъ этихъ разсматривались слѣдующіе синонимы: *эгоистъ* и *своекорыстный* (Ч. I. 1804 г., стр. 31—38, безъ подписи и съ указаніемъ, что содержаніе почти все почерпнуто изъ сочиненія Рубо, съ примѣненіемъ только его къ русскому яз.); *ожидать* и *надѣяться* (Ч. I, 172 - 74); *геній* и *умъ* (Ч. III, стр. 40—44. Съ франц.); *нужда, крайность, нищета, бѣдность, скудость* (Ч. V. 1805 г., стр. 60—61); *любовникъ, волокита; влюбленный, любовникъ* (тамъ же, стр. 183—86); *признательность, благодарность* (Ч. VI, стр. 80—85. Подпись: *А—чь); союзъ, споборсніе* (!), *совозстаніе* (!), *соополченіе* (!) (очевидно — переводъ съ французскаго изъ цитируемой книжки Рубо. Ч. VI, стр. 353—61. Подпись: *Ан—чь*).

сіи свойства и заключить слова въ постоянныя границы значитъ дать языку силу и вѣсъ, сообразныя цѣли его состоящей въ правильномъ и вѣрномъ вещей изображеніи.—Въ семъ то и состоитъ истинное краснорѣчіе"... („Сѣв. Вѣстникъ", ч. I. 1804, стр. 31).

Ниже авторъ обращается къ русскому языку. По его словамъ, „нашъ языкъ обиленъ и гибокъ; нельзя назвать недостаткомъ, что одно и то же иностранное слово, въ разныхъ отношеніяхъ выражается у насъ разными словами. Но тѣмъ не менѣе, давно бы уже слѣдовало заняться установленіемъ какъ сей разности, такъ и знаменованія Синонимовъ. Не мѣшаетъ и изъ другихъ языковъ (если не можно пріискать собственныхъ) усыновлять такія слова, которыя доказываютъ преимущество знаній иностранцевъ предъ нашими; особливо же нужно сіе для словъ техническихъ, которыми другіе языки нашъ упредили; такъ напр. слова: *существо, сущность, существенность*, и пр. нерѣдко у насъ сливаются, хотя онѣ имѣютъ великое между собою различіе. Можетъ быть, умножать такимъ образомъ богатство Россійскаго языка, значитъ прибавлять капли въ Океанъ, но онѣ необходимы; безъ сего никогда не будемъ имѣть истиннаго, *мужественнаго* краснорѣчія, ни вѣрныхъ переводовъ превосходныхъ иностранныхъ твореній. Обильный языкъ долженъ подражать такому богачу, который чѣмъ богатѣе, тѣмъ жаднѣе" (тамъ-же, стр. 32—33). Такимъ образомъ всѣ эти разсужденія о синонимахъ преслѣдовали чисто практическую, не научную цѣль.

Въ связи съ походомъ Шишкова противъ иностранныхъ словъ находится замѣтка о томъ, что Президентъ Россійской Академіи предложилъ членамъ ея замѣнить русскими словами слѣдующія иностранныя: *аудіенція. акція, аллея, амфитеатръ, антипатія, арестъ. арестантъ, арсеналъ, артиллерія, аспектъ, адресъ, аманатъ, амнистія, анаграмма, апроши, арматура, аттрибутъ, армія, ассистентъ* [1]). Вскорѣ журналъ сообщилъ и о воспослѣдовавшей ихъ замѣнѣ [2]), при коей уцѣлѣли только *артиллерія* и *амфитеатръ*, какъ освященныя уже употребленіемъ и не поддающіяся переводу, въ виду отсутствія равносильныхъ русскихъ словъ. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣнъ можно назвать вполнѣ или довольно удачными [3]), другія же состряпаны во вкусѣ знаменитыхъ Шиш-

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ" 1804 г., ч. II, стр. 118.

[2]) Тамъ же, стр. 250—51.

[3]) Напр. *пріемъ* вм. *аудіенція; пай, доля* вм. *акція; пайщикъ* вм. *акціонеръ; отвращеніе* вм. *антипатія; задержаніе, задержанный* вм. *арестъ, арестантъ; оружейная* вм. *арсеналъ; надпись* вм. *адресъ; принадлежность* вм. *аттрибутъ; заложникъ* вм. *аманатъ; преданіе забвенію* вм. *амнистія.*

ковскихъ неологизмовъ, неуклюжи и дики [1]). Редакція журнала видимо интересовалась этимъ вопросомъ и сообщала о дальнѣйшихъ опытахъ подобнаго рода [2]). Въ связи съ этимъ интересомъ находится и собственная статья журнала, озаглавленная: „Программа“ и содержащая опытъ перевода нѣсколькихъ техническихъ терминовъ, выбранныхъ изъ книги „Recherches des principes de l'Economie politique“ Жака Стюарта (Jacques Stuart) [3]). При статьѣ обѣщалось продолженіе ея, которое, однако, не появлялось.

Довольно любопытны нѣкоторыя мѣста анонимной статьи: „Изображеніе просвѣщенія Россіянъ“ [4]), содержащія характеристику русскаго языка, его отношеній къ другимъ языкамъ и рядъ этимологическихъ сближеній съ формами родственныхъ языковъ.

По словамъ автора статьи, „всѣ лучшіе Археологи признаютъ, что нынѣшній Россійскій языкъ есть только діалектъ или нарѣчіе Славянскаго, и никогда не составлялъ особливаго языка“... Тѣмъ не менѣе авторъ былъ склоненъ слѣдовать за нѣкоторыми писателями, увѣряющими, „что до пришествія въ Россію Славянъ, т. е. до половины V в. по Р. Х. (?!) между нарѣчіемъ Руси или Руссовъ (жившихъ, по словамъ автора, около оз. Ильменя, р. Меты и Волхова, Пскова и т. д.) и нарѣчіемъ Славянъ находилось ощутительное различіе; что Россы, происходя отъ Кимвровъ или Киммеріанъ (?!), сохранили въ языкѣ своемъ коренныя слова сего народа; потомъ въ разныя времена смѣшавшись съ Сарматами и Готами много приняли словъ и отъ нихъ; пока наконецъ вмѣстѣ съ законами и обычаями Славянъ не смѣшалось совершенно и нарѣчіе Руси съ нарѣчіемъ сихъ послѣднихъ подъ общимъ именемъ языка Россійскаго: таковыя изслѣдованія никогда не докажутъ, чтобы два сіи языка происходили отъ разныхъ корней

---

[1]) Напр. *прохожь*, *просадь* вм. *аллея*; *буквопреложеніе* вм. *анаграмма*; *прикопы* вм. *апроши*; *присущникъ* вм. *ассистентъ* и т. д.

[2]) См. ч. IV, стр. 99 (о замѣнѣ словъ: *аудиторія—слушалище; авторитетъ—превосходство, преимущество: авторъ—сочинитель, творецъ; адресоваться—относиться; администрація—управленіе; адъюнктъ- приобщникъ; азартъ—запальчивость, задоръ; аккордъ—договоръ, созвучность; акциденція—доходъ, прибытокъ; актеръ—лицедѣй*) и ч. VI, 1805, стр. 228 (о замѣнѣ словъ: *акцептація—подпись къ платежу; акцизъ—мытня* или *мытница; аккредитованный—довѣренный; акростихъ—краестишіе; аліансъ—союзъ*).

[3]) Administration—*управленіе*, manufacturier—*рукомесленникъ*, *мастеровой*; subsistance—*продовольствіе*, *содержаніе*; consommation—*издерживаніе*; aliener—*передать*, *перекрѣпить*; manufacture—*издѣліе*, *произведеніе Мануфактуры* въ отличіе отъ fabrication—*выдѣлка*; ustensiles—*орудія*, *скарбъ*; loi agraire—*поземельный законъ*; naturalisation—*принятіе въ гражданство* и т. д.

[4]) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1804 г., ч. I, стр. 1—12; 115—132.

(стр. 116—117)“. Далѣе авторъ, „положивъ за неоспоримую истину, что Россійскій и Славянскій языки всегда составляли одинъ языкъ“, задаетъ вопросъ: „не произошелъ ли сей послѣдній отъ другого какого либо языка?“ (стр. 117). По его словамъ, нѣкоторые писатели [1]) производятъ славянскій, какъ и латинскій отъ „Цельтскаго“, основываясь „на сходствѣ сихъ языковъ въ словахъ означающихъ первыя нужды и предмѣты нашихъ познаній. Какъ ни вѣроятно сіе мнѣніе, но лучше, кажется, признаться въ невѣдѣніи истиннаго произхожденія сего языка и прибѣгнуть къ общей гипотезѣ, что всѣ коренные языки... вылиты въ одну форму; ибо упомянутое сходство“ замѣтно не только между славянскими, литовскими и кельтскими словами, но и съ греческими, персидскими и другихъ (какихъ?) азіатскихъ языковъ. Въ подтвержденіе высказаннаго взгляда приводится рядъ этимологическихъ сближеній, почерпнутыхъ изъ цитированнаго труда гр. Потоцкаго. Такъ здѣсь сближаются: греч. ἒδω (sic!), т. е. ἔδω, лат. edo, слав. *ямъ* (*яду*), русск. *ѣмъ*; греч. ἒδομεν (! вм. ἔδομεν), лат. edimus, слав. *ядемъ*, *ями* (очевидно: *ямы*!), русск. *ѣдимъ*; гр. ἒδετε (! вм. ἔδ...), лат. editis, сл. *ядите*, р. *ѣдите* (*ясте*); ἒδουσι (! вм. ἔδ...), лат. edunt, сл. *ядутъ*, р. *ѣдятъ*; кельт. *ма*, гр. μητήρ (!), дорич. ματήρ (!), зв. μάτερ, лат. mater, слав. *матерь* (*мать*); *пастырь* (*пастухъ*), гр. πάστωρ (?), л. pastor; *пію* (*пью*), гр. πίνω, буд. вр. πιῶ; *домъ*, гр. δῶμα, лат. domus; *гора*, ὂρος (!!), кельт. gor (?); *братъ*, перс. *брадеръ*, кельт. *bra* (?); *быкъ*, гр. βοῦς (!!), лат. bos (!), кельт. bikon (!?) и пр.

Изъ этого „поразительнѣйшаго сходства Славянскаго языка съ столь различными другими языками“ дѣлается выводъ, что „сей языкъ вышелъ изъ общаго всѣмъ языкамъ источника“ (стр. 117—119). Далѣе сообщаются свѣдѣнія о началѣ слав. письменности и изобрѣтеніи кириллицы. Какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, представленія анонимнаго автора данной статьи о славянскомъ языкѣ не представляютъ сколько нибудь замѣтнаго шага впередъ, сравнительно съ соотвѣтствующими взглядами XVIII вѣка.

Кромѣ того, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1804 (ч. IV, стр. 219—25) находимъ двѣ статьи библіографическаго характера, свидѣтельствующія объ интересѣ редакціи къ славянскому языкознанію. Первая представляетъ собой отчетъ объ извѣстной книгѣ Дуриха (напечатано: *Дурича*): „Bibliotheca Slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis“ (1795).

---

[1]) Изъ нихъ упоминается только Comte Jean Potocki, «Histoire primitive des peuples de la Russie» (Спб. 1802).

Въ отчетѣ in extenso приводилось оглавленіе книги, которое могло возбуждать извѣстные вопросы и интересы у читателей журнала.

Другая статья (п. з. „Польская словесность") содержала въ себѣ приглашеніе къ подпискѣ на знаменитый словарь польскаго языка Линде, составленное самимъ Линде и начинавшееся съ краткаго очерка исторіи польской лексикографіи (тамъ же, ч. IV. 1804. 260—71).

Въ томъ же 1804 году появился первый печатный опытъ А. Х. Востокова, обнаружившій въ немъ наклонности будущаго филолога, а именно примѣчанія къ его же поэмѣ въ „славянскомъ" вкусѣ „Пѣвисладъ и Зора" (См. „Періодическое изданіе вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ". Ч. I. 1804 г.). Примѣчанія эти даютъ объясненія нѣкоторыхъ древнихъ словъ и миѳологическихъ именъ, встрѣчающихся въ поэмѣ, во вкусѣ тогдашней фантастической этимологіи. Изъ нихъ мы узнаемъ, что *суля* (сосудъ) происходитъ отъ *сливать* (стр. 168); что имя *Стрибогъ* находится въ родствѣ со слав. *устрабляю, устрабить*= лѣчить (стр. 169); что *Купала* называется такъ, потому что совокупилъ славенъ въ общество, и что подъ нимъ скрывается Ромулъ, собравшій вмѣстѣ римлянъ, откуда вытекаетъ родство Купалы съ римской богиней Паледой (Pales) (стр. 170—171); что имя *Хорса* происходитъ отъ словъ *корчма, корчемница* (отъ вина *корчитъ*) (стр. 171—72) и т. д. Очевидно этимологическіе домыслы уже тогда занимали юношу Востокова, едва ли помышлявшаго о будущей ученой карьерѣ.

Въ концѣ 1805 г., въ „Сѣв. Вѣстникѣ" [1]) явилось письмо „неизвѣстной особы" изъ Москвы отъ 5 окт. того же года, подписанное иниціалами Н. Н. и читанное въ засѣданіи Россійской Академіи 12 окт. Содержаніе его находится въ несомнѣнной связи съ животрепещущимъ въ то время вопросомъ о принятіи иностранныхъ словъ въ русскій книжный языкъ, поднятымъ съ такимъ шумомъ въ разсмотрѣнномъ уже выше „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ" Шишкова. По словамъ неизвѣстнаго автора, „Россійскій языкъ... есть собраніе многосложности и опредѣленныхъ границъ не имѣетъ, что доказывается какъ составомъ рѣчи, такъ и заимствованіемъ оборотовъ изъ другихъ языковъ и введеніемъ многихъ новыхъ реченій". Опредѣливъ такимъ образомъ русскій языкъ, авторъ предлагаетъ задачу: „имѣетъ ли Руской языкъ для обогащенія своего заимствовать, и до какой степени, обороты реченій изъ другихъ языковъ, кромѣ своего

[1]) Октябрь 1805 г., стр. 84—85.

корня; достаточенъ ли онъ самъ по себѣ для произведенія во всѣхъ родахъ сочиненій славныхъ Витій и Пѣснопѣвцевъ; и наконецъ доказать, иностранное заимствованіе пользу ли приноситъ языку нашему, или порчу, и въ обоихъ случаяхъ представить выгоды и вредъ въ настоящемъ ихъ видѣ, утвердя доказательствами, какой именно оборотъ несвойственъ языку нашему, и что его искажаетъ?" По словамъ письма, Россійская Академія окажетъ большую пользу, объявивъ конкурсъ для рѣшенія предложенной задачи, „ибо по большей части слава Государства усугубляется славою языка". За лучшее сочиненіе авторъ предлагалъ давать золотую медаль въ 30 червонцевъ.

Въ томъ же году „Сѣв. Вѣстникъ" [1]) помѣстилъ рецензію неизвѣстнаго автора на явившіеся незадолго передъ тѣмъ опыты славянской миѳологіи: „Древняя религія Славянъ, соч. Григ. Глинки, Проф. Дерптскаго Унив. Митава, 1804" и Кайсарова, „Versuch einer Slawischen Mythologie" (Геттингенъ, 1804). Рецензентъ иногда касается и лингвистической стороны, разбирая имена славянскихъ боговъ и частью исправляя ошибки названныхъ нашихъ филологовъ, частью предлагая свои толкованія, далеко не всегда удачныя. Такъ онъ поправляетъ имена славянск. боговъ Бѣлбегъ, Проне и Сива, приводимыя Глинкой, на Бѣлбугъ, Прове и Дзива и т. д. Конечно, по методу и знаніямъ и резензентъ, и авторы разбираемыхъ книгъ стояли недалеко другъ отъ друга.

Наконецъ, въ 1805 г., также въ „Сѣв. Вѣстникѣ" [2]) явилась первая у насъ статья палеографическаго характера: „Извѣстіе о славномъ собраніи рукописей Г. Дубровскаго", подписанная Г*** и содержавшая самое „извѣстіе" о возникновеніи собранія, его источникахъ, о владѣльцѣ его и т. д., а также и довольно обстоятельный перечень рукописей собранія. Статья, повидимому, заинтересовала читающее наше общество того времени, потому что начало ея, т. е. само „извѣстіе", было тогда же перепечатано и въ „Вѣстникѣ Европы" [3]). По словамъ „извѣстія", въ собраніи Дубровскаго имѣлись якобы „драгоцѣнныя рукописи Славянскія, до времени Рюрика восходящія" (!), а также маленькая домашняя библіотека Княжны Россійской Анны Ярославны, выданной въ XIV в. за короля Генриха I Французскаго, которая состояла „большею частію изъ церковныхъ книгъ, такъ же *Древлянскихъ рукописей*, писанныхъ *Руническими буквами*, и другихъ отъ вре-

[1]) Часть VII. 1804, стр. 159—172 и VIII, стр. 12—33, 123-41.
[2]) Ч. V. 1805 г., стр. 210—229 и ч. VI, стр. 85—98, 207—222.
[3]) Ч. XX. 1805 г., стр. 48—55.

мени *Св. Ольги, Владимира*" [1]). При этомъ сообщалось еще, что Дубровскій [2]) занимается составленіемъ „Исторіи о древности россійскихъ письменъ", и выражалось желаніе, чтобы и у насъ, какъ во Франціи, было учреждено „Депо манускриптовъ". Какъ извѣстно, собраніе Дубровскаго было пожертвовано имъ въ Императ. публичную библіотеку, за что владѣлецъ его получилъ единовременно 5000 рублей, орденъ св. Анны при Высочайшемъ рескриптѣ и пожизненную пенсію по 3000 р. въ годъ, не считая разныхъ другихъ наградъ впослѣдствіи. Изъ собранія было образовано отдѣльное „Депо" подъ надзоромъ тогдашняго директора библіотеки гр. А. С. Строганова [3]).

Разумѣется, древлянскія рукописи, писанныя рунами, или рукописи, современныя Ольгѣ и Владиміру, могли существовать только въ фантазіи собственника собранія, или его поклонника, автора статьи въ „Сѣв. Вѣстникѣ", но во всякомъ случаѣ и интересъ къ собранію Дубровскаго, и появленіе въ журналѣ статьи о немъ, должны быть признаны знаменательными для своего времени симптомами, свидѣтельствовавшими о пробужденіи такихъ научныхъ интересовъ, которые въ XVIII в. еще не выражались у насъ такъ опредѣленно (если не считать „Опыта о библіотекѣ Имп. Акад. Наукъ", принадлежащаго ученому нѣмцу Бакмейстеру).

„Вѣстникъ Европы" 1805 года также не былъ чуждъ интереса къ вопросамъ русскаго и славянскаго языкознанія. Такъ въ немъ находимъ статью С.: „Отчего Русскіе Нѣмцевъ называютъ Нѣмцами?" (ч. 19, № 4, стр. 289), гдѣ доказывается, что слово *нѣмецъ* надо производить не отъ *нѣмой*, а отъ имени народа *неметовъ*, живщихъ на Рейнѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ со славянами (!).

Тамъ же (ч. 21, № 9, стр. 3—23) напечатано было „Письмо отъ Преосвященнаго Станислава Сестренцевича (Митрополита Римскихъ церквей въ Россіи, Архіепископа Могилевскаго) къ

---

[1]) «Сѣв. Вѣстникъ» 1805 г., ч. V, стр. 214 и 218 На самомъ дѣлѣ въ собраніи Дубровскаго преобладали рукописи XVII—XVIII в., въ томъ числѣ нѣсколько хронографовъ XVII в. и лѣтописныхъ сборниковъ XVII—XVIII в., которые, вѣроятно, и были приняты владѣльцемъ и авторомъ статьи за «памятники временъ Рюрика, Ольги и Владиміра». Самъ Дубровскій очень мало смыслилъ въ палеографіи, какъ видно изъ оффиціальнаго отзыва о немъ (см. «Русскій Архивъ» 1878, II, стр. 439—41).

[2]) Петръ Петр. Дубровскій († 1816), секретарь и переводчикъ при русской миссіи въ Парижѣ. См. о немъ статью А. Ивановскаго въ «Кіевлянинѣ» 1869 г. № 114, а также «Русскій Архивъ» 1878 г. II. 437—41. О его собраніи см. также «Путеводитель по Имп. Публичной библіотекѣ» (Спб. 1860).

[3]) «Сѣверный Вѣстникъ» 1805, ч. VI, стр. 85—87.

Преосвященному Архіепископу Евгенію Булгару, и отвѣтъ сего святителя о томъ, что древніе Сарматы говорили языкомъ Славянскимъ (переводъ съ итальянскаго)". Переписка названныхъ іерарховъ относилась еще къ 1785 г. и была сообщена редакціи журнала графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ. Предметъ ея показался, очевидно, редакціи „Вѣстника Европы" имѣющимъ общій интересъ. Главнымъ въ ней является письмо Евгенія Булгара. Ученый авторъ его, приводя свидѣтельства древнихъ авторовъ (Трога, Помпея, Юстина, Плинія, Помпонія Мелы и др.) о сходствѣ языка сарматовъ съ мидійскимъ и скиоскимъ, приходитъ къ заключенію, что языкъ сарматовъ тождественъ съ языкомъ скиоовъ и мидянъ, или мидянъ и пароянъ. Выводъ этотъ вполнѣ совпадаетъ съ современнымъ взглядомъ на принадлежность языковъ сарматскаго и скиоскаго къ семьѣ иранскихъ языковъ, къ которымъ несомнѣнно относились и языки мидянъ и пароянъ. Но для Евгенія Булгара совершенно было не ясно, что́ же представлялъ собой пароо-мидійскій или мидо-пароянскій языкъ. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ предположенію, что сарматы говорили славянскимъ языкомъ. Свои заключенія о происхожденіи слав. языка онъ основываетъ между прочимъ на знакомыхъ намъ сближеніяхъ слав. формъ съ латинскими, принадлежащихъ Левеку (см. выше, стр. 286—287, примѣч.), и самъ сопоставляетъ славянскія числительныя съ греческими и латинскими.

Всѣ эти статьи, взятыя въ отдѣльности, вообще не имѣютъ самостоятельной цѣны, но въ своей совокупности несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ оживленіи интереса къ вопросамъ языка, удовлетворять который, за неимѣніемъ болѣе свѣжей пищи, приходилось даже и продуктами, ведшими свое начало изъ послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка. Во всякомъ случаѣ никогда раньше и никогда послѣ наши обще-литературные журналы не обнаруживали такого живого интереса къ языку и языкознанію и не помѣщали такъ часто статей филологическаго и грамматическаго содержанія, какъ въ теченіе первой четверти XIX в.

Съ 1805 года является новое повременное изданіе, литературно-филологическаго содержанія—„Сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою академіею". Цѣлью его было: „откровеніемъ свойственныхъ языку нашему красотъ" принести „существенную словесности пользу" и дать молодымъ людямъ, „въ которыхъ горитъ похвальная охота упражняться въ Россійскомъ словѣ, ...надежныхъ путеводителей, съ которыми бы они бесѣдовать и природное дарованіе свое искуствомъ укрѣплять могли". (Ч. I. стр. I). Прежняя и современная литература въ этомъ отношеніи давала

мало подобныхъ руководящихъ сочиненій. Поэтому Россійская академія рѣшила „ежегодно, или какъ успѣвать будетъ, издавать такого рода сочиненія, въ которыхъ бы основательными толкованіями и сужденіями объ языкѣ показываемы были коренныя силы его и красоты“ (тамъ же, стр. II). „Любящіе отечественный языкъ свой“ приглашались „присылать сужденія свои объ ономъ, также и другія полезныя сочиненія, для помѣщенія ихъ въ семъ изданіи“ (тамъ же). Особымъ желаніемъ Академіи, конечно, было разсмотрѣть въ подробности „красоты Славенскаго языка и знаменованія мало или совсѣмъ неупотребительныхъ нынѣ словъ и рѣченій“, ибо „сила и богатство Россійскаго языка заимствуется отъ Славенскаго“, а „истолкованіе мало извѣстныхъ словъ открываетъ ихъ знаменованіе, какъ въ настоящемъ, такъ и въ иносказательномъ смыслѣ, откуда часто рождается краткость, сила и красота выраженій“ (тамъ же, стр. II—III). Академія полагала также, что было бы „весьма не худо, естьлибъ и тѣ самыя слова, которыя нынѣ совсѣмъ уже намъ неизвѣстны, отыскиваемы и объясняемы были“, такъ какъ „ихъ нужно знать для чтенія старинныхъ книгъ и рукописей“. Эти филологическія задачи ставились на первый планъ, прочія же сочиненія и переводы, а также извѣстія о дѣятельности Академіи, должны были занимать уже второе мѣсто. Въ дѣйствительности осуществленіе этихъ плановъ не вполнѣ отвѣчало первоначальнымъ намѣреніямъ. Академія не располагала достаточнымъ количествомъ подходящихъ научныхъ или хотя бы просто рабочихъ силъ, занятыхъ въ то же время подготовленіемъ второго изданія словаря русскаго языка, а постороннихъ ей любителей филологіи было еще слишкомъ мало. такъ что на поддержку съ ихъ стороны изданіе не могло разсчитывать.

Первая часть „Сочиненій и переводовъ“ Россійской Академіи открывалась перепечаткой перваго печатнаго изданія „Слова о полку Игоревѣ“ (1800 г.), съ приложеніемъ новыхъ примѣчаній къ тексту поэмы, составленныхъ А. С. Шишковымъ, тогда еще членомъ, а вскорѣ послѣ того и президентомъ Академіи (стр. 23—234). Въ примѣчаніяхъ этихъ нерѣдко находимъ объясненія разныхъ древнихъ непонятныхъ Шишкову словъ и сближенія ихъ съ другими формами. Такъ на стр. 91 Шишковъ сравниваетъ форму *потять*, корень которой ему кажется неизвѣстнымъ, съ глаголомъ *тяпать* (!); на стр. 94—95 сближаются формы *ущекоталъ* и *щекотъ* съ выраженіемъ *сорока щекочетъ* и названіемъ болтливой женщины *щекотунья*; на стр. 119 им. множ. *пороси* сравнивается съ *пороша*, *поросить* и даже *роса*, откуда выводится, что

пороси значитъ: *паръ, туманъ*; на стр. 107 и 132 форма *убуди* производится отъ глагола *убывать*, но не отъ *будить* (!); на стр. 137 сближается *окаянный* съ *хаютъ, брехаютъ* (!); на стр. 150 слово *бобыль* выводится изъ *быль* (!) и т. д. Иногда Шишковъ ограничивается заявленіемъ, что корень разбираемаго слова ему неизвѣстенъ, напр., на стр. 108 о формѣ *разсушась* (стрѣлами по полю); на стр. 171 о словахъ *зегзица, кычетъ, не знаемь* (*незнаемою*) и т. д. Нѣкоторыхъ словъ Шишковъ совсѣмъ не понималъ, какъ, напр., форму *бологомъ* (стр. 167) и т. д. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, въ лингвистическомъ отношеніи примѣчанія Шишкова были очень слабы, но все же переводъ „Слова", сдѣланный имъ, и толкованія многихъ мѣстъ для того времени и для такого дилеттанта, какимъ онъ былъ, сравнительно сносны. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ первыхъ опытовъ комментарія къ древнерусскому тексту, свидѣтельствующій о народившихся новыхъ научныхъ задачахъ и цѣляхъ и прибѣгающій, хотя бы и неудачно, къ лингвистическимъ средствамъ истолкованія непонятныхъ мѣстъ. Въ примѣчаніяхъ приводится также замѣтка члена Россійской Академіи С. Я. Румовскаго о словахъ: *поскепаны, цвѣлити, потяту*, которыя приводятся имъ въ связь съ формами: *щепать*, обл. *скепать, разкепъ* (у пера),— областн. *квелить* и древнерусск. *разтять* (въ Новгор. лѣтописи: *Глѣбъ же выня топоръ разтя и*, т. е. волхва). Румовскій, какъ и Шишковъ, сближаетъ *тяпать* съ *тять* и видитъ въ немъ *глаголъ учащательный* отъ только что названной формы (стр. 92—93).

Въ этой же части находимъ знакомую уже намъ статью Шишкова „О звукоподражаніи" (см. выше, стр. 524—25), въ которой приводятся примѣры и изъ русскаго языка.

Во второй части „Сочиненій и переводовъ" (1806 г.) находимъ снова статью Шишкова „О сословахъ" (стр. 247—258), содержащую разсмотрѣніе синонимовъ: *бѣдность, убожество, скудость, нищета; шествіе, теченіе, ходъ*, и примыкающую къ вышеупомянутымъ статьямъ о томъ же предметѣ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1804 г. (см. выше, стр. 701).

Какъ первое извѣстіе о только что найденномъ и пожертвованномъ въ Публичную библіотеку Остромировомъ евангеліи, интересна статья въ „Лицеѣ" Мартынова (1806 г., ч. II, кн. 1, стр. 101). Дата памятника сообщается здѣсь невѣрно: 1066 вмѣсто 1056. Палеографическія замѣчанія очень скудны и поверхностны. Указано на иное написаніе буквы **и**, сравнительно съ церковнославянскимъ, на употребленіе **ꙇє** для „мягкаго" *е* и **ь**, вмѣсто

„грубаго" (?) *е*. О послѣднемъ случаѣ сказано, что истинное произношеніе этого *е*—„*задача*" (перепечатка статьи—въ „Изслѣдованіяхъ по русскому языку". Изд. Имп. Ак. Н., Спб., т. I. Спб. 1885—95, стр. 4).

Въ это же время ознакомился съ рукописью Остромирова евангелія и викарный епископъ Новгородскій Евгеній Болховитиновъ, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій [1]), который еще раньше, вскорѣ послѣ перевода своего въ Новгородъ (1804), занимался собираніемъ древнихъ рукописей, спасая ихъ отъ уничтоженія невѣжественными монахами (въ томъ числѣ спасены были листки такъ называемой Евгеніевской псалтири XI в. и отрывки изъ житій Св. Кондрата и Ѳеклы) [2]).

Въ 1806 г. появился и первый трудъ, положившій начало русской палеографіи. Это было извѣстное „Письмо къ графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутороканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 году съ описаніемъ картинъ къ письму приложенныхъ. А. О(ленина): Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета. Санктпетербургъ, въ Медицинской Типографіи, 1806 г. (4°, 8 ненум. + 51 + 7 ненум. + 5 табл. снимковъ, картъ и т. п.).

Кромѣ описанія самого Тмутороканскаго камня и надписи на немъ, книга эта содержала и рядъ частныхъ замѣчаній, экскурсовъ и сопоставленій филологическаго содержанія, сдѣлавшихъ ее однимъ изъ видныхъ научныхъ трудовъ своего времени, на который часто и охотно ссылались. Какого бы мнѣнія ни держаться относительно подлинности Тмутороканской надписи, во всякомъ случаѣ нельзя не признать „Письмо" Оленина первымъ у насъ опытомъ палеографическаго изслѣдованія, выполненнаго самимъ Оленинымъ и его помощникомъ А. И. Ермолаевымъ и основывавшагося въ рядѣ сопоставленій на памятникахъ безспорной подлинности. Ермолаеву принадлежитъ рядъ палеографическихъ снимковъ и рисунковъ (снимокъ съ „Ярославля серебра", на стр. 28 1-я и 5-я изъ приложенныхъ въ концѣ книги таблицъ) и замѣчаніе (стр. 4—5) о томъ, что одна изъ буквъ надписи, принимавшаяся Палласомъ за *л*, на самомъ дѣлѣ есть *і* десятиричное. Есть основаніе предполагать, что участіе Ермолаева, отличнаго практическаго знатока русской и славянской палеографіи, было болѣе

---

[1]) См. А. Кочубинскій «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Румянцевъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». Од. 1888 г., стр. 140.

[2]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слав. Имп. ак. Наукъ» т. V, вып. I, стр. 23—24.

значительнымъ, чѣмъ это видно изъ самой книги. Объясненіе надписи и доказательство ея подлинности поставлены въ „Письмѣ“ Оленина на довольно широкую сравнительно-палеографическую и отчасти филологическую почву, причемъ авторъ приводитъ рядъ снимковъ facsimile съ разныхъ древнихъ надписей и рукописей для сравненія съ изслѣдуемой надписью. Такъ на стр. 32, по поводу снимка съ „Ярославля серебра“, объясняется, что намѣреніе автора „въ представленіи оной (надписи на монетѣ) состоитъ въ томъ только, чтобъ съ надписью Тмуторокансюю сравнить буквы на сей монетѣ вычеканенныя“. На стр. 37-й находимъ поясненіе facsimile съ рукописей, помѣщенныхъ въ „IX чертежѣ“, на которомъ „для сличенія буквъ надписи Тмуторокапской съ древними нашими письменами, представлены въ точномъ ихъ видѣ (Facsimile) нѣкоторыя выписки изъ разныхъ рукописей и составленныя изъ оныхъ азбуки“. За исключеніемъ первой и послѣдней изъ этихъ рукописей, остальные 3 списка были получены Оленинымъ отъ графа Мусина-Пушкина. Далѣе (стр. 37 и слѣд.) перечисляются и частью описываются рукописи, съ которыхъ сняты снимки: „№ 1. Выписка изъ книги, называемой Сборникъ (Сборникъ Святослава 1076 г.). № 2. Азбука къ ней принадлежащая (дается описаніе рукописи: писана полууставомъ, на пергаментѣ, въ 8°, говорится объ украшеніяхъ и заглавныхъ буквахъ, писанныхъ киноварью, о содержаніи рукописи и т. д.). № 3. Выписка изъ псалтыря. № 4. Азбука къ ней принадлежащая (излагается содержаніе рукописи). № 5. Выписка изъ рукописной книги, извѣстной подъ именемъ „похвала Вел. Князю Владиміру“. № 6. Азбука къ ней принадлежащая (дается описаніе рукописи). № 7. Выписки изъ Лавр. лѣтописи. № 9. Азбуки къ ней принадлежащія (слѣдуетъ описаніе рукописи). № 8. Выписка изъ Несторовой лѣтописи по подлинному Кенигсбергскому списку. № 10. Азбука къ ней (дается описаніе рукописи, водяныхъ знаковъ въ бумагѣ и рисунки ихъ). Этотъ обзоръ снимковъ и рукописей заключается слѣдующимъ выводомъ: „Мнѣ кажется, что при описаніи послѣдней картины (изъ Кенигсбергскаго списка) я слишкомъ долго заговорился, *отъ избытка сердца уста глаголютъ*. Мнѣ казалось, что я уже пишу *Славено-Рускую палеографію* (курсивъ нашъ): но какъ я къ тому ни времени, ни способовъ не имѣю, то и принужденъ отложить мое намѣреніе и заключить всѣ мои здѣсь разсужденія тѣмъ, что до колѣ Руская словесность не будетъ имѣть: 1) Полнаго собранія лѣтописей и другихъ древнихъ извѣстій о Россіи (русскихъ и иностранныхъ), 2) древней Россійской Географіи, основанной на ясныхъ историческихъ доводахъ, и 3) Палео-

графіи Славенороссійской, то будетъ трудно писать Русскую исторію" (стр. 45—46). Въ концѣ (стр. 47—51) приводятся довольно большія выписки изъ Лаврентьевскаго и Кенигсбергскаго списковъ.

Изъ объясненій филологическаго характера можно указать на толкованіе особаго выраженія надписи: 10,000 и 4,000 саженъ на основаніи мѣстъ въ лѣтописяхъ, гдѣ тоже встрѣчается аналогичный способъ счета (стр. 6—7). Встрѣчаются и обычныя историко-этнографическія этимологіи: на стр. 25 названіе рѣки Псіолъ толкуется, какъ „Посуліе" (изъ Слова о Полку Игоревѣ), потому что Псіолъ течетъ параллельно съ р. Сулою. На стр. 19-й приводится извѣстіе арабскаго географа Абинъ Алварди, согласно которому вблизи Волги жили хозары и *бажнакья* или *баженаки* (нынѣ такъ называемые Калмыки и Ногайцы); въ связи съ этимъ Оленинъ находитъ, что „русское названіе Печенеги и греческое *патзинаке* или *печинаки* (πατζίνακαι, πετζίνακαι) весьма сходную имѣютъ созвучность съ *баженаки*".

Кромѣ указанныхъ выше журналовъ, продолжалъ помѣщать филологическія статьи „Вѣстникъ Европы". Такъ въ 1806 г. (ч. 28, стр. 168—80) въ немъ явилась переводная съ французскаго статья „О происхожденіи и нѣкоторыхъ обыкновеніяхъ Вендовъ, или Вандаловъ Лузатскихъ", въ которой между прочимъ приводятся два стиха [1]) изъ Лужицкой библіи (Будышинскаго изданія 1742 г.) и указывается сходство лужицкаго языка со славянскимъ.

Къ слѣдующему 1807 г. (ч. 34, № 15, стр. 200, и ч. 36, № 23, стр. 199) относятся анонимныя: 1) замѣтка „О происхожденіи словъ „Князь" и „Книга" (отъ греческаго имени финикійцевъ: χνάος!) и 2) Филологическая догадка о происхожденіи слова „красный", въ которой неизвѣстный авторъ XX производилъ это слово отъ *краса*, *красый*, а это послѣднее отъ латинскаго graciae, откуда французское *грас* (т. е. grace). Переходъ *г* въ *к*, по словамъ автора, доказанъ былъ Мальгинымъ („Сѣв. Вѣстникъ", 1805 г., ч. VII, стр. 233), производившимъ *князь* (вмѣсто *гнесъ*) отъ *гнету*. Такимъ же образомъ возникла де и *книга* отъ *гну*, т. е. *гнига* или *гниха* (отъ *разгибанія* ея). Въ этой же замѣткѣ *смерть* производится отъ *смердѣть* (ибо послѣ смерти наступаетъ разложеніе), *страхъ* и *страсть* отъ *деру* и *короблю*—отъ *горбъ* (!).

Въ томъ же году (ч. 34, № 16, стр. 291 и сл.) явилась и за-

---

[1]) Первый разъ въ нашей литературѣ въ оригинальномъ правописаніи латинскими буквами (вмѣсто нѣмецкихъ готическихъ) и второй разъ вообще (послѣ Сумарокова, приводившаго образчикъ въ видѣ „лузатическаго" перевода Молитвы Господней, см. выше, стр. 212).

мѣтка „О первой Русской Грамматикѣ“ (Лудольфа „Grammatica Russica“, Оксфордъ, 1696), въ которой подробно приводились интересныя для своего времени замѣчанія Лудольфа о разницѣ между славянскимъ и русскимъ языками, показавшіяся очевидно автору замѣтки поучительными и для тогдашнихъ русскихъ читателей журнала.

Знакомые уже намъ взгляды находимъ въ Шишковскомъ „Разговорѣ между двумя пріятелями о переводѣ словъ съ одного языка на другой“, напечатанномъ въ III части „Сочиненій и переводовъ“ Россійской академіи (Спб. 1808. См. выше, стр. 536).

Какъ видно отсюда, въ первыя 8 лѣтъ XIX в. филологическая дѣятельность по изслѣдованію русскаго и славянскихъ языковъ, если не считать Россійской Академіи, занятой главнымъ образомъ вторымъ изданіемъ своего словаря, сосредоточивалась преимущественно въ нашихъ тогдашнихъ журналахъ. Конечно, журнальныя замѣтки и статьи этого времени, посвященныя русскому и славянскому языкознанію, незначительны и по объему, и по содержанію, но числомъ своимъ они свидѣтельствовали объ извѣстномъ оживленіи и бо́льшемъ распространеніи филологическихъ интересовъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, сравнительно съ XVIII в. Они несомнѣнно подготовляли почву для дѣйствительно научнаго движенія, выдвинувшаго въ скоромъ времени такихъ дѣятелей, какъ К. Калайдовичъ и Востоковъ, и позже, какъ Максимовичъ, Надеждинъ, Буслаевъ, Билярскій, Срезневскій и др.

Отраженіе этихъ интересовъ находимъ и въ перепискѣ епископа новгородскаго, впослѣдствіи митрополита кіевскаго, Евгенія Болховитинова. На вопросъ своего корреспондента, гр. Хвостова, пресловутаго піита и члена Россійской академіи, Евгеній писалъ 31-го окт. 1806 г.: „1) что *коренной* или, лучше сказать, *древнѣйшій* славянскій языкъ потерянъ, и что такимъ славянскимъ языкомъ, какой дошелъ до насъ въ церковныхъ книгахъ, никогда не говорили, это мнѣніе Шлецера въ недавно изданномъ имъ (съ 1802 г.—1805 г.) *сводномъ нѣмецкомъ Несторѣ*. Я согласенъ въ томъ, такъ какъ и мы не говоримъ въ общежитіи такимъ русскимъ языкомъ, какимъ сами же пишемъ богословскія, философскія, математич. и другія книги. При переводѣ книгъ на славянской, много словъ подражательно греческому выдумано и произведено изъ славянскаго; много также безъ переводу принято изъ греческаго. Все это значитъ только, что дошедшій до насъ языкъ славянскій пополненъ и распространенъ. Но чтобы чрезъ то весь древнѣйшій языкъ былъ потерянъ, того доказать нельзя. Ибо есть ли первобытные Европейскіе славяне новопреведенныхъ имъ

книгъ не понимали, то не для чего было и переводить оныя. А естьли понимали не только въ Моравіи, но въ Кіевѣ и, Новѣ городѣ, то этотъ переводъ былъ на ихъ языкѣ. А что понимали, то свидѣтельствуетъ Несторъ... Съ другой стороны, у Прокопія и другихъ историковъ греческихъ отъ VI до половины XI вѣка находится много собственныхъ именъ и названій урочищъ славенскихъ, которыя, какъ ни обезображены, согласны однакожъ этимологіи и аналогіи нашей славянской Грамматики. Имена сіи выбраны у Штриттера и у Дурича. А что древнѣйшій, или, какъ говорятъ, *коренной* славянской языкъ до насъ не дошелъ, то не диво. Ни одна нація кореннаго языка своего не знаетъ. Да полно и можетъ ли когда либо и какой либо языкъ быть коренным? Ибо каждый вѣкъ и даже каждое десятилѣтіе вводитъ перемѣны въ языки, и то, что мы назвали бы относительно къ себѣ *коренным*, будетъ производнымъ діалектомъ относительно къ прошедшему времени.

2) Что руской языкъ самъ *коренной*, или, лучше сказать, *очень древній* отродокъ сѣверныхъ языковъ, этому я вѣрю. Но чтобы Несторъ, Ярославъ I и пѣснопѣвецъ Игоревъ писали на подлинномъ рускомъ, тому я не вѣрю, и думаю, что эти сочиненія писаны на Кіевскомъ славянскомъ съ примѣсью рускаго языка. Ибо 1-е, небольшая кучка Руссовъ, пришедшихъ къ Славянамъ, не могли ввести въ цѣлую націю славянскую свой языкъ, а особливо въ 300 лѣтъ. 2-е, многія собственныя имена Руссовъ (...у Штриттера и въ договорѣ Олега съ греками)... и русскія имена пороговъ днѣпровскихъ (у Константина Багрянороднаго)..., никакого не имѣютъ корня и производства ни изъ славянскаго, ни изъ славянорусскаго, каковымъ писали Несторъ, Ярославъ I и пр. Шлецеръ въ своей всеобщей *Сѣверной исторіи*... сказалъ, что Константинъ тутъ видно разумѣлъ не рускій, а другой какой нибудь неизвѣстной народъ. Слѣдовательно руской языкъ потерянъ. Впрочемъ, за вѣрность сихъ моихъ примѣчаній я спорить не хочу“ *).

Какъ видно отсюда, взгляды Евгенія на отношеніе между рускимъ и старослав. языками не отличаются опредѣленностью. Конечно, онъ стоитъ выше Шишкова (споромъ котораго съ карамзинистами, повидимому, отчасти и вызваны приведенныя сужденія), по крайней мѣрѣ не отожествляетъ категорически рускаго языка со старослав. и не считаетъ послѣдній „коренным“

*) См. «Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ», т. V, вып. I. Спб. 1868, стр. 138—139 (переписка Евгенія съ гр. Хвостовымъ).

славянскимъ, т. е. праславянскимъ, но и онъ не можетъ разобраться въ обычной для того времени путаницѣ понятій и смѣшиваетъ языкъ Руссовъ-скандинавовъ („отпрыскъ сѣверныхъ языковъ") съ русскимъ-славянскимъ, съ одной стороны утверждая, что первый утраченъ, а съ другой говоря о языкѣ Нестора и Слова о полку Игореви, какъ о Кіевскомъ славянскомъ, съ примѣсью русскаго, или славянорусскомъ.

Кромѣ вышеразсмотрѣнныхъ журнальныхъ статей, за промежутокъ времени отъ 1803 до 1807 г. включительно, можно указать лишь немногія явленія въ занимающей насъ области научной литературы. Первымъ образчикомъ интереса къ русской діалектологіи является рукописная работа А. Павловскаго; „Обозрѣніе малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдаливших сіе нарѣчіе отъ чистаго Россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями". Работа эта, появившаяся впослѣдствіи (1818 г.) въ печати подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: „Грамматика малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе и т. д.", была сообщена собранію Россійской академіи членомъ ея Н. Я. Озерецковскимъ въ засѣданіи 2 марта 1805 г. и передана на разсмотрѣніе академиковъ Д. М. и П. И. Соколовыхъ и И. А. Дмитревскаго [1]). Отсюда можно заключить, что она была написана не позже самаго начала 1805 года, а можетъ быть и въ концѣ 1804 г. Ниже мы вернемся къ ней еще разъ.

Наиболѣе крупнымъ явленіемъ за это время надо признать выходъ въ свѣтъ первой части втораго изданія словаря Россійской академіи, переработаннаго въ азбучномъ порядкѣ (въ 1806 г.). Рѣшеніе издать словарь въ этомъ видѣ было принято еще въ 1794 г., вмѣстѣ съ окончаніемъ перваго изданія. Академики Румовскій и Озерецковскій составили предварительный планъ алфавитнаго словаря, согласно которому въ него предполагалось ввести и значенія русскихъ словъ на трехъ иностранныхъ языкахъ: (латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ). Рѣшено было также исправить разные недостатки и промахи перваго изданія. Болѣе подробнаго плана изданія, однако, не было выработано до самаго начала XIX в. Только въ академическомъ собраніи 19 января 1801 г. было заслушано составленное секретаремъ академіи И. И. Лепехинымъ „Начертаніе вразсужденіи приведенія славенороссійскаго этимологическаго словаря въ буквенный порядокъ". Отъ прибавленія словъ изъ иностранныхъ языковъ еще раньше рѣшено было

[1]) См. «Сѣверный Вѣстникъ» 1805 г., стр. 351—52.

отказаться. Работа была раздѣлена по буквамъ между членами академіи, которые должны были представлять свои матеріалы въ особые комитеты для ихъ разсмотрѣнія и дополненія; замѣчанія же и поправки комитетовъ постановлено было обсуждать въ общихъ собраніяхъ академіи. Первыя двѣ буквы бралъ Озерецковскій, букву В—Мальгинъ, букву Г—Севастьяновъ, Д—Севергинъ и т. д. Нѣкоторые взяли по двѣ буквы и больше.

Для внесенія пропущенныхъ словъ, выраженій и пословицъ былъ образованъ особый комитетъ изъ членовъ. Академикъ Гурьевъ доставилъ опредѣленія математическихъ и физическихъ терминовъ, а А. С. Никольскій предложилъ „собрать россійскія пословицы и поговорки, съ объясненіемъ настоящаго ихъ знаменованія". Вклады прочихъ академиковъ были менѣе значительны. По предложенію президента академіи Нартова, рѣшено было внести въ словарь всѣ научные и художественные термины, а преимущественно естественно-научные, какъ переведенные на русскій языкъ, такъ и оставшіеся безъ перевода (въ родѣ *гекко*, *игуана* и т. д.). Формы глаголовъ рѣшено было приводить въ неопредѣленномъ наклоненіи (такъ какъ многіе глаголы не имѣютъ настоящаго времени) и, кромѣ того, присоединять формы настоящаго, прошедшаго и будущаго временъ и повелительнаго наклоненія.

Работы по новому изданію шли, однако, медленно и вяло, вслѣдствіе чего одинъ изъ членовъ академіи, протоіерей Красовскій внесъ въ общее собраніе предложеніе (отъ 3 сентября 1804 г.) посвятить всѣ общія собранія академіи разсмотрѣнію словаря и предположенныхъ правилъ россійскаго краснорѣчія, а пересмотръ и обсужденіе „вновь сочиненныхъ или на россійскій языкъ переложенныхъ пьесъ", касающихся россійской словесности лишь побочно, предоставить особому комитету или отложить до времени окончанія предпринятыхъ главныхъ трудовъ академіи. Предложеніе это, однако, было отвергнуто, такъ какъ и безъ того въ каждое почти засѣданіе прочитывалось по листу и болѣе новаго изданія словаря. Тѣмъ не менѣе дѣло шло туго, такъ что съ 23 ноября 1801 г., когда Озерецковскій представилъ академіи букву А, уже прочтенную и исправленную комитетомъ, до окончанія разсмотрѣнія первой части (буквы А—Г) (16 декабря 1805 г.) прошло четыре слишкомъ года. Вторая часть (буквы Д—І) разсматривалась до 5 сентября 1807 г. и была выпущена въ свѣтъ только въ 1809 г. Третья часть явилась въ 1814 г., а послѣднія части лишь въ 1822 году [1]). О значеніи и характерныхъ особенно-

[1]) См. подробную исторію втораго изданія этого словаря у Сухомлинова «Исторія россійской академіи», вып. VIII. Спб. 1887 г., стр. 180—195.

стяхъ этого академическаго труда будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже.

Къ этому же промежутку времени относится начало научной дѣятельности А. Х. Востокова, который уже тогда работалъ надъ сравнительно-этимологическимъ словаремъ русскаго языка (см. выше, стр. 653—66) и собиралъ свои по тогдашнему богатыя и глубокія знанія въ области русскаго и славянскихъ языковъ. Къ 1808 году, когда ему минуло 27 лѣтъ, относится и первый его печатный грамматическій трудъ, а именно грамматическія примѣчанія, помѣщенныя имъ въ „Краткомъ руководствѣ къ Россійской словесности" И. Борна (Спб. 1808, 8° XII + 162). Примѣчанія эти трактовали: 1) о законѣ произношенія буквы *е* (стр. 3—6); 2) о дебеломъ и тонкомъ произношеніи буквъ (стр. 9—12); 3) объ уменьшительныхъ прилагательныхъ (стр. 37—38); 4) о неупотребительности сравнительной степени причастія (стр. 46—47); 5) объ употребленіи мѣстоименія *что* вмѣсто *который* (стр. 66) и пр. (о стихотворныхъ размѣрахъ и слогѣ). Замѣчанія эти (особенно 1-е и 2-е) обнаруживаютъ уже будущаго обстоятельнаго и точнаго наблюдателя и описателя фактическихъ отношеній языка, хотя и не свободны отъ разныхъ ошибокъ и наивныхъ промаховъ, объясняющихся въ значительной мѣрѣ условіями времени, когда они писались. Особенно подробно представлены „правила" произношенія „буквы" е, въ которыхъ Востоковъ впервые такъ подробно устанавливаетъ рядъ различныхъ случаевъ съ тѣмъ или другимъ „произношеніемъ". О степени знакомства его въ то время съ старославянскимъ языкомъ свидѣтельствуетъ неумѣнье объяснить сохраненіе *е* въ случаяхъ, въ родѣ *трескаю*, *брезгую*, *брежу*, въ которыхъ Востоковъ, очевидно, не подозрѣвалъ присутствія *ѣ*. „Примѣчанія" часто полемизируютъ съ грамматикой Россійской академіи и указываютъ неточность и недостаточность ея правилъ.

Въ томъ же 1808 году, 30-го іюня, въ молодомъ Харьковскомъ университетѣ читалась торжественная рѣчь проф. Ив. Ст. Рижскаго „О состояніи Славянскаго языка въ древнія времена" [1]), съ которой, за отсутствіемъ ея въ Петербургскихъ библіотекахъ, мнѣ не удалось ознакомиться.

Тогда же явилось и „Разсужденіе о русскомъ языкѣ" Станевича [2]), представляющее довольно безсвязный рядъ вялыхъ и без-

---

[1]) См. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1855, ч. 87, отд. V «Объ ученой дѣятельности Харьковскаго унив. въ первое десятилѣтіе его существованія», стр. 27.

[2]) «Разсужденіе о русскомъ языкѣ. Сочинено Евстафьемъ Станевичемъ. Съ дозволенія Спб. Цензурн. Комитета. Спб. Тип. Ив. Глазунова 1808 г.» (2 ч. 8°, 70 и 116 стр.).

цвѣтныхъ quasi-патріотическихъ нападокъ, во вкусѣ Шишкова и другихъ патріотовъ того времени, на французовъ, и другихъ иностранцевъ, на „нынѣшнихъ сочинителей“, создающихъ „особенный языкъ свой по образцу языка Французскаго“, на иноземныхъ гувернеровъ, среднее и знатное русское дворянство, говорящее по французски, обзаводящееся иностранными книгами и пренебрегающее русскими, на родителей, спѣшащихъ записывать своихъ дѣтей на службу и т. д. Это патріотическое краснорѣчіе принимаетъ довольно странный видъ, если вспомнить, что Станевичъ родомъ былъ грекъ и только воспитывался въ Россіи [1]). О самомъ русскомъ языкѣ говорится мало, особенно въ первой части. Тамъ, гдѣ приходится касаться вопросовъ языкознанія, авторъ отдѣлывается большею частью общими фразами. „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ Шишкова являются для него главнымъ авторитетомъ, и онъ постоянно возвращается къ этому источнику своего патріотическаго воодушевленія и общихъ взглядовъ на языкъ вообще и русскій въ частности. Кромѣ Шишкова, довольно часто цитируются: Кондильякъ („La langue des calculs“, „Логика“ и др.), извѣстный англійскій лексикографъ Джонсонъ и Вольтеръ; рѣже упоминаются: Блеръ („Lectures on Rhetoric and Belles-Lettres“), Баттё („Construction Oratoire“), Илюша („Méchanique des langues et l'art de les enseigner“), Марсе („Traité de la construction grammaticale“), Бозе („Grammaire Générale“), Куръ де Жебеленъ („Monde primitif“), Лами („Rhetorique ou l'art de parler“), Смитъ („The formation of language“), Ривароль („Разсужденіе о всеобщемъ употребленіи языка Французскаго“) и др.

Общія представленія Станевича о языкѣ, почерпаемыя имъ главнымъ образомъ у Шишкова, отличаются неясностью и неопредѣленностью, свойственными и самому Шишкову. Такъ на стр. 6-й и слѣд. II части своего разсужденія Станевичъ говоритъ объ отличіяхъ русскаго языка отъ славянскаго слѣдующее: „языкъ есть ни что иное, какъ одно хранилище множества словъ, выдуманныхъ и составленныхъ соединившимися въ общество людьми въ облегченіе своихъ нуждъ и недостатковъ. Сначала слова сіи не имѣли никакихъ правилъ для своего составленія; потомъ частое употребленіе оныхъ опредѣлило обороты рѣчей и выраженій; мало-по-малу составлялись для него постоянныя и непремѣнныя правила и симъ образомъ языкъ установлялся. Время могло измѣнять его нарѣчіе (?! идея Шишкова!), но языкъ всегда оста-

[1]) См. о немъ Н. Лащенкова „Е. И. Станевичъ“ въ „Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологич. Общества“, т. IX. 1897 г., стр. 55—92.

вался тотъ-же въ своей сущности. Перемѣняется языкъ тогда, когда нѣсколько языковъ смѣшиваются вмѣстѣ, и перемѣняютъ такъ сказать, первобытное существо его: но сіи перемѣны сопровождаются всегда (?!) общими бѣдствіями. Греческій языкъ перемѣнился съ покореніемъ цѣлой Греціи. Языкъ латинскій изчезъ съ опустошеніемъ всей Италіи... Тоже послѣдовало-бы, можетъ быть, и съ Русскимъ языкомъ, когда-бы иго татарское продолжилося. Съ освобожденіемъ народа и языкъ уцѣлелъ; и я не знаю для чего мы отдѣляемъ языкъ Славенскій отъ русскаго и почему языкъ нашъ не тотъ, которымъ говорили наши предки? Свойства и главныя (?) правила языка тѣже, слова тѣже (?); въ чемъ-же состоитъ сія перемѣна? Въ измѣненіи-ли нѣкоторыхъ окончаній и неупотребленіи иныхъ словъ? Сіе показываетъ только не большое измѣненіе нарѣчія въ видѣ, а не въ существѣ самаго языка: ибо между нарѣчіемъ и языкомъ есть такая разность, какая есть между веществомъ и его измѣняющимися образами (?!). Можно изъ воску дѣлать всякія изображенія и давать симъ различные виды; но воскъ останется воскомъ. Сіе самое можно сказать и о нашемъ языкѣ. До Кантемира и Прокоповича нарѣчіе было иное, нежели какое при нихъ употреблялось; со временъ-же Ломоносова и Сумарокова оно опять не много измѣнилось... Однако языкъ нашъ остался все тѣмъ-же языкомъ славенскимъ. Правда перемѣна въ нарѣчіи показалась намъ столь ощутительною, что мы вздумали (!) раздѣлить свой языкъ на два языка, изъ коихъ одинъ назвали Славенскимъ, оставшимся въ священныхъ книгахъ; а другой Россійскимъ, или простонароднымъ, нынѣ всѣми употребляемомъ (такъ!). Такое раздѣленіе столь-же справедливо, какъ и то, когда-бы кого почли за другова человѣка потому, что вчера на немъ было платье синяго цвѣту, а сего дни черпаго. На сіе-то раздѣленіе весьма справедливо востаетъ сочинитель разсматриваемой книги („Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“ Шишкова)“.

Кромѣ того въ разсужденіи Станевича находимъ и соображенія о родствѣ славянскаго языка съ латинскимъ, въ которыхъ онъ цѣликомъ основывается на знакомыхъ уже намъ сближеніяхъ неизвѣстнаго автора статьи „Начертаніе о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ“ въ „Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова“ 1783 г. (см. выше, стр. 285 и слѣд.). Какъ и Шишковъ, Станевичъ ищетъ опоры въ авторитетахъ XVIII вѣка, да и то тѣхъ, которые постарше. Искать у него носившихся уже въ воздухѣ идей о родствѣ славянскаго языка съ санскритомъ и другими индоевропейскими языками (см. выше, стр. 623, 626) было-бы

напраснымъ трудомъ. Въ разсматриваемомъ „Разсужденіи“ онъ ничего не даетъ новаго и оригинальнаго, являясь бездарнымъ подражателемъ своего невѣжественнаго и ограниченнаго вдохновителя Шишкова.

Вполнѣ любительскій характеръ имѣли этимологическія упражненія извѣстнаго издателя французскаго словаря, московскаго чиновника И. И. Татищева, присланныя имъ въ рукописи въ 1808 г. Россійской академіи [1]).

Замѣчанія его были вызваны чтеніемъ и изученіемъ словаря Россійской академіи, который являлся для Татищева „надежнымъ вождемъ и свѣтильникомъ“. Онъ намѣревался было напечатать ихъ „подъ вымышленнымъ именемъ“ въ одномъ изъ журналовъ, но передумалъ и представилъ сначала „на усмотрѣніе надлежащихъ судей“. Надо думать, что работа Татищева въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ легла въ основу статьи „Корни и измѣненія словъ“ въ „Трудахъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности“, за 1819 г. (т. XIII, стр. 82—127), подписанной псевдонимомъ „Любослова“ (см. выше, стр. 681—86). Исходнымъ пунктомъ изысканій Татищева послужило желаніе „посмотрѣть, не имѣемъ-ли и мы россіяне, такого-же или еще лучшаго права хвалиться выразительностію нашихъ словъ“, какіе присвоивали себѣ нѣмцы, хвалившіеся въ его присутствіи выразительностью слова Donner, громъ. Не желая уступать иностранцамъ, Татищевъ составилъ небольшую „роспись“ якобы звукоподражательныхъ словъ русскаго языка, въ которой находятся фантастическія этимологіи, въ родѣ слѣдующихъ: *„звоню, звеню, звучу, звяцаю*, со всѣми производными отъ нихъ словами, явно происходятъ отъ продолжительнаго звука *зъ... зъ*, какой издаютъ отъ себя колокола, звонки, мѣдь и прочія подобныя имъ вещи, приведенныя въ сотрясеніе“. Сюда-же авторъ относитъ *зычу* и *зову*. *„Тру, трясу, трещу, трескъ*, съ своими производными,—отъ звука *тръ*, слышимаго при треніи вещей... и при трясеніи оконъ отъ пушечнаго выстрѣла и т. д.“. Сюда-же относятся: *„трудъ, тружуся, торю* и происходящее отъ того *дорога* (встарину, может быть, выговаривали *торога*), *терпѣть* и т. д. Ибо хотя тутъ и не слышенъ звукъ *тръ*, но треніе, т. е. трата силы въ трудѣ, въ *торенiи*, т. е. протаптываніи дорогъ, въ терпѣніи побоевъ и пр., всегда бываетъ“. Сюда-же причисляются: *старость, стараюсь* (отъ слова *стираюсь!*), *трупъ, тряпка, трутъ, трут-*

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», вып. VII. Спб. 1885, стр. 416—435.

ница и т. д. все въ этомъ-же родѣ. Впрочемъ, Татищевъ и самъ повидимому нѣсколько сомнѣвался въ достоинствѣ своего труда, предполагая, что академія можетъ „почесть“ его этимологіи „бреднями“. Цѣннѣе прибавленіе къ его смѣхотворнымъ этимологіямъ, заключающее въ себѣ „роспись старинным словамъ, найденнымъ при разборѣ бумагъ“, въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (всего 31 слово).

Въ январѣ слѣдующаго 1809 г. Татищевъ прислалъ еще собраніе „старинныхъ словъ и реченій“, выписанныхъ изъ Кормчой книги (около 178) и такое-же собраніе словъ и выраженій, употребляемыхъ „въ общежитіи“ (около 200). Собраніе это должно было служить дополненіемъ къ словарю Россійской академіи, въ которомъ присланныя Татищевымъ слова отсутствовали, и является одной изъ первыхъ у насъ въ XIX в. частныхъ попытокъ въ дѣлѣ собиранія лексическихъ матеріаловъ.

Вышедшія у насъ въ теченіе 1805—1809 годовъ руководства по грамматикѣ русскаго языка [1]) на русскомъ и другихъ языкахъ не представляли ровно ничего примѣчательнаго и являлись самыми ординарными и рутинными школьными учебниками, не обличавшими никакого прогресса, сравнительно съ грамматиками Ломоносова, Барсова и Россійской академіи, а въ иныхъ отношеніяхъ стоявшими много ниже. Несмотря на это, нѣкоторыя изъ нихъ выдерживали отъ 6 до 15 повторныхъ изданій.

Изъ журнальныхъ статей за это время слѣдуетъ упомянуть статью Д. Языкова: „Замѣчанія о нѣкоторыхъ русскихъ буквахъ“ („Цвѣт-

---

[1]) Gregor Glinka, «Elementarbuch der russishen Sprache zum Gebrauch der Kreisschulen in Lief-, Esth-, Kur- und Finnland». Митава, 1805—1806. А. Никольскій, «Основанія россійской словесности». Спб. 1807 (издавалась впослѣдствіи въ 1809, 1814, 1822, 1823, 1828, 1830. Первая часть содержитъ грамматику).

И. П. Давыдовъ, „Начальныя правила россійской грамматики, въ пользу воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона. Москва, 1807 (позднѣйшія изданія: 1809, 1814, 1818, 1822, 1829, 1833, 1843).

Михайло Меморскій, „Новая россійская грамматика, въ вопросахъ и отвѣтахъ, издана къ легчайшему обученію малолѣтняго юношества съ присовокупленіемъ правилъ поэзіи». Москва, 1807 (позднѣйшія изданія: 1808, 1811, 1814, 1815, 1816, 1818, 1820, 1823, 1825, 1826, 1829, 1831, 1838, 1849, 1857).

„Способъ учиться и учить россійской грамматикѣ, съ практическимъ употребленіемъ правилъ правописанія. М. 1808“.

Жанъ-Баптистъ Мадрю, проф. словесныхъ наукъ и т. д., «Основательное сокращеніе россійской грамматики». М. 1808: русское сокращенное изданіе упомянутой выше (стр. 700) французской книги, рецензированной Карамзинымъ. Оригинальна здѣсь лишь терминологія: сказуемое = *приписательное*, дополненіе прямое = *предметъ*, дополненіе косвенное—*предѣлъ* и т. д.

никъ“ 1809 г., ч. II, стр. 55—81). Главное содержаніе статьи не представляетъ научно-историческаго интереса. Это—дѣйствительно замѣчанія о „буквахъ“ азбуки, но не о звукахъ языка, не дающія ничего новаго. Такъ здѣсь идетъ рѣчь объ употребленіи слав. о и ѡ, оу и ѹ, з и ѕ, русск. *и* и *і*, *е*, *ѣ* и *э*, *ѳ*, *ѵ* и т д. Лишь нѣкоторыя замѣчанія имѣютъ фонетическій интересъ, напр. заявленіе автора, что онъ не слышитъ, „будто *ѣ* произносится нѣжнѣе *е*“, какъ нѣкоторые его увѣряли (стр. 71). Говорится и о нѣкоторыхъ славянскихъ буквахъ, причемъ, напр., звуковое значеніе ѫ и ѧ приравнивается *у* и *я* (стр. 64). Замѣчательно, что авторъ ссылается на незадолго до того открытое „Остромирово Евангеліе“, которое называетъ „Сборникомъ, найденнымъ недавно Дружининымъ и писаннымъ въ 1056 г.“ Впервые приводятся изъ него нѣкоторыя формы, какъ примѣры своеобразныхъ славянскихъ написаній: ѥже, ѥго, ѥмоу, ѥлико, съвидѣтельствоуѥть, вѫжи, плътьскыꙗ, нѧ (но), плъть, испълнь и пр. Говоря о произношеніи ъ и ь, Языковъ, хотя самъ и недоумѣваетъ, зачѣмъ предки наши сдѣлали ъ „сторожемъ всѣхъ согласныхъ конечныхъ буквъ“, но указываетъ на формы *въпль*, *кръвь*, *вълхвъ*, гдѣ ъ имѣетъ значеніе гласнаго, и приводитъ мнѣніе извѣстнаго впослѣдствіи критика Карамзинской „Исторіи Государства Россійскаго“, Н. С. Арцыбышева, котораго характеризуетъ, какъ человѣка, „хорошо знающаго многіе Европейскіе живые и мертвые языки, а также нѣкоторые Азіятскіе“. Согласно этому мнѣнію, „ъ въ древности составлялъ иногда гласную букву со всемъ (такъ!) особую отъ нынѣшнихъ, и давалъ звукъ, подобный весьма короткому *о*, *и*, *е*, и... такое-же значеніе имѣлъ часто и ь“. Нельзя не признать этого взгляда, столь близ-

---

Ив. Борнъ, «Краткое руководство къ россійской словесности». Спб. 1808 (см. выше, стр. 718; грамматика занимаетъ первыя 81 стр.).

С. Кавецки, «Краткая россійская грамматика, или то, что необходимо наизусть знать должно. Москва, 1809» (родъ конспекта).

«Россійская грамматика, изданная отъ главнаго правленія училищъ для преподаванія въ нижнихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1809». (Сокращеніе академической грамматики. Позднѣйшія изданія: 1811, 1813, 1816, 1818, 1820, 1822, 1828, 1829).

Mich. Butowski, «Grammatyka języka rossyyskiego» (Почаевъ. 1809. По Ломоносову и академической).

J. Bohdanowicz Dworzecki: «Początki języka rossyyskiego, dla pożytku młodzieży szkolney z róźnych Autorów a szczególnie z Grammatyki przez Akademią Imperatorską Rossyyską i JP. Lomonosowa wydaney» (Вильно, 1809, 2 изд. 1811).

каго къ современному, весьма замѣчательнымъ для того времени, когда ъ и ь зачислялись безъ всякихъ околичностей въ разрядъ „буквъ безгласныхъ“ [1]).

Въ томъ-же 1809 г., въ „Вѣстникѣ Европы“ М. Т. Каченовскаго (ч. XLIII, 193—210, ч. XLIV, 3—19, особенно *98—119* и XLVI, 209—18) явилась (неконченная) статья „Объ источникахъ для русской исторіи“, подписанная буквой К. и приписываемая обыкновенно самому издателю. Здѣсь впервые у насъ такъ подробно говорилось о русской палеографіи, сообщались свѣдѣнія о письменныхъ матеріалахъ, разныхъ почеркахъ, которыми писались древнія рукописи (уставъ, полууставъ, скоропись), о славянской азбукѣ и т. д, „Дождемся-ли, спрашиваетъ авторъ, наконецъ до того, чтобы въ Россіи начали упражняться въ Славянской Палеографіи, чтобы по руководству Гаттерера и Шенемана кто-нибудь собралъ Славянскія буквы, расположилъ ихъ по хронологическому порядку, и показалъ намъ начертаніе буквъ каждаго вѣка въ сравнительныхъ таблицахъ“, какія давно уже есть у европейцевъ (нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ) и объ которыхъ у насъ никто не заботится. При этомъ идетъ рѣчь о Реймскомъ евангеліи, сборникѣ якобы 1046 г., принадлежавшемъ кн. Щербатову (т.-е. о Святославовѣ Изборникѣ 1076 г.), Стихирарѣ Моск. Синод. Типографіи 1157 г., о библіотекѣ княжны Анны Ярославны, „руническихъ древлянскихъ“ рукописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ Дубровскаго, вызывающихъ сомнѣнія автора, о рукописяхъ лѣтописей: Патріаршей, Воскресенской, Софійской, Радзивиловской и т. д. (ч. XLIV, стр. 102—5). Ниже (стр. 108) говорится о древнемъ „Славенскомъ языкѣ, томъ самомъ, на которой переведены церковныя книги“ и отправляется богослуженіе у славянъ, какъ объ отцѣ всѣхъ славянскихъ нарѣчій (русскаго, польскаго, богемскаго, крайнскаго, кроатскаго, боснійскаго, иллирійскаго, или далматскаго, „лузатскаго или вендскаго“). Такимъ образомъ церковнославянскій языкъ здѣсь еще вполнѣ опредѣленно отожествляется съ праславянскимъ: „Славянскій языкъ есть отецъ всѣхъ сихъ нарѣчій, изъ которыхъ каждое особливо болѣе имѣетъ сходства съ нимъ, нежели взаимно между собою“. О нашемъ славянскомъ языкѣ можно сказать, „что нѣкогда онъ одинъ былъ въ употребленіи. Но кто докажетъ, *когда именно* и *какъ* онъ раздѣлился на разныя нарѣчія? Когда изъ древняго Славянскаго языка образо-

---

[1]) См., напримѣръ, «Сокращеніе слав. этимологіи» Ѳ. Ровонова. М. 1810 г. стр. 1.

вался нынѣшній Русскій? Есть слѣды, по которымъ видно, что Русскій и Польскій языки прежде имѣли болѣе сходства между собою, нежели нынѣ" (стр. 109—110). Выше-же (стр., 108) говорится: „отечество наше весьма счастливо, что богослуженіе отправляется въ немъ на языкѣ, понятномъ даже для поселянина, которой, какимъ-бы нарѣчіемъ ни говорилъ, все можетъ разумѣть старинный языкъ славянскій". Отсюда видно, что для автора статьи понятія о языкахъ: древнеславянскомъ (т. е. церковнославянскомъ) и праславянскомъ совпадали. Интересно также замѣчаніе (стр. 110—111), что славянскій языкъ былъ общенароднымъ не въ Россіи, а въ Моравіи и *Булгаріи*, заключающее, хотя и въ формѣ предположенія, современную общепризнанную теорію о болгарскомъ происхожденіи церковнославянскаго языка [1]). Въ связи съ этимъ опредѣленно указывается на „великое различіе" языка церковныхъ книгъ отъ „нынѣшняго Русскаго" съ одной стороны и отъ языка Русской Правды и Слова о полку Игоревѣ съ другой. Такимъ образомъ авторъ статьи вполнѣ опредѣленно отличалъ древнерусскій языкъ отъ церковнославянскаго, чему всю жизнь не могъ научиться Шишковъ. Ниже (стр. 114) говорится о наличныхъ въ то время пособіяхъ къ изученію славянскаго языка: грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, словаряхъ П. А. Алексѣева (1773 г.) и „краткомъ" (Игумена Евгенія, 1784 г.), а также и о словарѣ русскаго языка, изданномъ Россійской академіей и въ то время уже ставшемъ библіографической рѣдкостью. Обращается вниманіе и на вольныя, и невольныя ошибки переписчиковъ, вызванныя между прочимъ вліяніемъ ихъ природныхъ говоровъ (стр. 116—17). Въ послѣдней части статьи (ч. XLVI, 209—18) выясняется понятіе о хронографахъ, степенныхъ, родословныхъ и разрядныхъ книгахъ и т. д. Однимъ словомъ, по тогдашнему времени статья К. являлась единственнымъ у насъ введеніемъ въ изученіе славянской и русской письменности, которое могло сослужить хорошую службу не только историку, но и лингвисту, и, конечно, возбуждало въ воспріимчивомъ читателѣ цѣлый рядъ научныхъ вопросовъ и интересовъ.

Важность изученія древнихъ письменныхъ памятниковъ старославянскаго и русскаго языковъ сознавалась и Востоковымъ, который, конечно, зналъ только что разсмотрѣнную статью „Вѣстника Европы", но интересовался памятниками уже гораздо раньше.

---

[1]) Позже Каченовскій измѣнилъ свое мнѣніе и утверждалъ, что церковнославянскій языкъ есть въ сущности сербское нарѣчіе, а не первобытный языкъ древнихъ славянъ («Вѣстн. Евр.» 1816, ч. 89, № 19, 241).

Извѣстно, что еще въ 1803 году онъ получилъ въ подарокъ отъ своего друга, А. И. Ермолаева, тетрадь съ выписками изъ Сборника 1076 г. [1]). Къ 1810 году Востоковъ уже хорошо былъ знакомъ съ такими памятниками языка, какъ Русская Правда, Поученіе Владиміра Мономаха, Лѣтопись Нестора, Слово о Полку Игоревѣ, помянутый выше Сборникъ Святослава 1076 г. и др. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его переводъ примѣчаній Добровскаго на разсужденія Шлецера о старославянскомъ языкѣ, снабженный собственными примѣчаніями переводчика и читанный въ декабрѣ 1810 г. (вѣроятно, въ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ) [2]).

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ этому переводу Востоковъ подтверждаетъ мнѣніе Добровскаго о различіи „древнѣйшаго" русскаго языка отъ славянскаго, явствующемъ изъ многихъ мѣстъ Русской Правды, и дополняетъ его указаніемъ на еще большее отличіе языка „Слова о Полку Игоревѣ" отъ церковнославянскаго. При этомъ Востоковъ указываетъ на болѣе книжный и близкій къ славянскому языкъ лѣтописи Нестора и духовной Владиміра Мономаха, въ которыхъ тѣмъ не менѣе имѣются „между чистою славянщиною Русскіе идіотизмы и правописаніе", внесенные, можетъ быть, и переписчиками, какъ напр.: *хоробрыя* (вм. *храбрыя*), *городъ*, *городы* (вм. *градъ*, *грады*), формы преход. вр. на-*ть*: *бяхуть*, *имѣяхуть*, *писашеть*, еще рѣдкія у Нестора, но почти постоянныя въ Словѣ о полку Игоревѣ [3]).

Интересно также примѣчаніе на слова Добровскаго о томъ, что „безгласная ъ, ставшая теперь совсѣмъ безполезною", прежде не была таковою, „ибо показывала окончаніе словъ". Здѣсь Востоковъ высказываетъ взглядъ, близкій къ вышеприведенному взгляду Арцыбышева и Д. И. Языкова (см. выше, стр. 723). Подобно послѣднему, онъ указываетъ, что ъ „нерѣдко вставлялся въ серединѣ словъ между двумя согласными" и, вѣроятно, не былъ „безполезенъ, какъ на концѣ словъ, такъ и въ серединѣ". Отсюда онъ заключаетъ, что „буква ъ писалась (по крайней мѣрѣ должна была писаться) только вмѣсто краткой гласной или, лучше сказать, полугласной, соотвѣтствующей, можетъ быть, Еврейскому шева и Французскому e muet, которую едва слышно было въ произношеніи, напр. *плънъ*, *пръстъ*, *пръвый*, *длъго*" и т. д. Отно-

---

[1]) См. И. Срезневскій, «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова». Спб. 1865, стр. XVII.

[2]) См. тамъ-же, стр. XVIII.

[3]) Тамъ-же, стр. XVIII—XIX.

сительно предлоговъ *въ, съ, къ* онъ указываетъ, что переходъ этого ъ въ русское *о*, сербское *а*, польское и чешское *е* есть явленіе позднѣйшее, чуждое древнимъ рукописямъ, приводитъ древнее написаніе союза *но=нъ*, причемъ ссылается на Слово о полку Игоревѣ, старинное сербское евангеліе, сборникъ кн. Щербатова 1046 г, (т. е. Сборникъ Святослава 1076 г.) и т. д. [1]). Всѣ эти замѣчанія Востокова являются уже предзнаменованіемъ новой научной эры, привлекшей впослѣдствіи новый научный матеріалъ и выставившей новыя задачи и цѣли изслѣдованія.

О занятіяхъ Востокова древними памятниками русскаго языка свидѣтельствуетъ также его статья, озаглавленная: „Грамматическое замѣчаніе на одно мѣсто въ пѣсни о походѣ Игоря. Читано въ С.-Петербургскомъ Обществѣ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Мая 14 дня“, и подписанная инипіалами А. В. („Цвѣтникъ“ 1810 г. ч. VI, 311—321).

Здѣсь предлагается иное толкованіе извѣстнаго мѣста: „о русская земле, уже за *шеломянемъ* еси“, чѣмъ данное гр. Мусинъ-Пушкинымъ, видѣвшимъ здѣсь небывалое село Шеломя. Востоковъ, указывая, что такого села нѣтъ (а есть только Шеломыя), толкуетъ данное слово въ значеніи „пригорокъ, высокое мѣсто“ и производитъ его не отъ *шлемъ, шеломъ*, а отъ *холмъ*, высказывая предположеніе о родствѣ его съ сѣв. русск. *голомя* (открытое море) и слав. *голѣмый, голѣмо* (!).

Рядомъ съ опредѣленными и обоснованными взглядами Каченовскаго и Востокова на отличіе древняго русскаго языка отъ церковнославянскаго, продолжаетъ процвѣтать и старое мнѣніе о тожествѣ ихъ, защищаемое Шишковымъ. Этого послѣдняго мнѣнія придерживается Орнатовскій въ упоминавшейся уже выше (стр. 553) книгѣ: „Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ“ (Харьковъ, 1860 г.). О „славенороссійскомъ“ языкѣ онъ говоритъ во II отдѣленіи своей книги (стр. 19 и слѣд.). По его словамъ, „изъ всѣхъ древнихъ коренныхъ языковъ ни одинъ не сохранилъ всего первообразнаго свойства въ такой цѣлости, какъ языкъ Славянскій“. Уже поэтому древность его не подлежитъ никакому сомнѣнію, но она „еще болѣе дѣлается достовѣрною, когда разсмотримъ, какъ основаніе его близко къ основанію древнихъ языковъ—Греческаго и Латинскаго; какъ чистъ онъ отъ всякой примѣси другихъ коренныхъ языковъ, какъ обширно его употребленіе... даже перенесенное

[1]) Тамъ-же, стр. XIX—XX.

Вандалами въ Египетъ“ (?! стр. 19—20). Авторъ несогласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, считающихъ русскій языкъ „смѣсью Кимврическаго и Сарматскаго“, и указываетъ на „изслѣдованія достовѣрнѣйшихъ дѣеписателей“, доказывающія „совершенно противное“. Эти изслѣдованія говорятъ, что древніе географы за нѣсколько лѣтъ до Р. Х. „показывали уже отечество Славянъ подъ именемъ Энетовъ на южныхъ берегахъ Чернаго моря, въ малой Азіи, а позднѣйшія событія открыли, что и Россы произошли по ту сторону Кавказскихъ горъ, недалеко отъ береговъ Чернаго моря, слѣдовательно“ въ ближайшемъ сосѣдствѣ со славянами. Въ первыхъ вѣкахъ послѣ Р. Х. многочисленное племя славянъ „подъ испорченнымъ названіемъ Венетовъ, Вендовъ и Вандаловъ“ занимаетъ все пространство отъ Адріатическаго моря до Нѣмецкаго и Балтійскаго. Въ то-же время россы или роксоланы, перемѣшанные съ аланами, аварами и варягами, или финнами (!), живутъ на рр. Днѣпрѣ, Дону и Волховѣ отъ Чернаго моря до Балтійскаго (стр. 21). Дальше славяне отожествляются съ древними россами (стр. 21—22), и отсюда дѣлается выводъ, что и „языкъ древнихъ Россовъ первоначально былъ одинъ и тотъ-же съ славянскимъ“. Подтвержденіе этому выводу Орнатовскій видитъ въ отсутствіи какихъ-либо извѣстій (!) о томъ, чтобы во времена Рюрика, Игоря и ихъ преемниковъ россы и славяне говорили разными языками.

Введеніе христіанской вѣры доказываетъ будто-бы то-же: если бы славяне и россы говорили разными языками, то и переводовъ Св. писанія понадобилось-бы два. Этими исключительно историческими и общими аргументами оправдывается терминъ: „славенороссійскій“ языкъ (стр. 23). Славянскій языкъ образовался, благодаря св. Кириллу и Меѳодію. Они ввели христіанство у славянъ, и это послужило къ образованію ихъ языка. Далѣе (стр. 24, прим.) указывается, что это образованіе, „вопреки мнѣнію многихъ писателей, состоитъ болѣе въ разпространеніи круга понятій; въ возвышеніи духа къ познаніямъ... однимъ словомъ: въ открытіи истинъ, просвѣщающихъ умъ и сердце, а не въ заимствованіи свойствъ языка Греческаго, какъ обыкновенно полагаютъ“. При этомъ авторъ утверждаетъ, что славянороссійскій языкъ по своему строенію „не только способенъ ко всѣмъ измѣненіямъ словъ, свойственнымъ Греческому; но и изобиліемъ оныхъ въ нѣкоторыхъ частяхъ словъ (?) равняется, а въ нѣкоторыхъ даже превосходитъ его“. Ниже (стр. 26—28) набрасывается очеркъ исторіи названнаго языка, говорится объ эпохѣ Владиміра и Ярослава, Словѣ о полку Игоревѣ, „преисполненномъ стихотворче-

скими красотами" и „пламенными чувствами", о ростѣ просвѣщенія въ XII—XIII в., выразившемся въ уваженіи князей къ наукѣ и содержаніи ими библіотекъ и ученыхъ, а также о татарскомъ игѣ и сосѣдствѣ съ литовцами и поляками, отразившихся и на языкѣ: отъ татаръ получено „множество (!) реченій Татарскихъ, которыя употребленіе превратило въ наши природныя", а отъ литовцевъ (бѣлоруссовъ?) „много словъ, а еще болѣе окончаній", усвоенныхъ изъ ихъ языка „сѣверозападной частью Россіи". Еще сильнѣе было дѣйствіе поляковъ на порабощенныхъ ими россовъ (?). Такимъ образомъ „иноземныя вѣтви, привившись къ кореннымъ жителямъ Россіи, измѣнили языкъ Славяно-Рускій и произвели ту разность нарѣчій (Великороссійскаго, Малороссійскаго, Бѣлорускаго, Низовскаго и т. д.), которая доселѣ въ немъ существуетъ". Съ этого-то времени русскій языкъ и начинаетъ отличаться отъ славянскаго кореннаго языка. Обмолвившись такимъ образомъ, Орнатовскій сейчасъ-же оговаривается, что разница эта относится только къ языку общенародному, но не коснулась письменнаго книжнаго языка, сохранившаго цѣлость до XVII в., а въ богослуженіи употребляемаго и нынѣ. Указываются дальнѣйшія событія, знаменательныя для исторіи русскаго языка: уничтоженіе монгольскаго ига Іоанномъ Васильевичемъ I и насажденіе наукъ и художествъ Іоанномъ Васильевичемъ II, появленіе славянской грамматики Максима Грека, исправленіе священныхъ книгъ и связанное съ нимъ учрежденіе книгопечатанія въ 1564 г., помощь, оказанная кн. Константину Острожскому въ изданіи имъ славянской библіи, воцареніе Михаила, при которомъ изданы: Православное исповѣданіе Петра Могилы, Скиеская исторія Лызлова, старый военный уставъ и словарь Славено-Россійскій (очевидно Памвы Берынды), ростъ наукъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, изданіе грамматики Мелетія Смотрицкаго, переводъ Анѳологіи (т. е. лучшихъ мѣстъ изъ греческихъ, языческихъ и христіанскихъ писателей) и Уложенія царя Алексѣя Михайловича на русскій языкъ, переводъ псалтыря на смѣшанный русско-славянскій языкъ Симеона Полоцкаго, появленіе въ 1696 г. первой грамматики русскаго языка (Лудольфа), эпоха Петра Великаго, литературная дѣятельность Кантемира, Тредьяковскаго, Сумарокова, Ломоносова, грамматика послѣдняго, дѣятельность другихъ писателей, учрежденіе Екатериною II Россійской академіи въ 1783 г. и выходъ въ свѣтъ академическаго словаря русскаго языка (стр. 29—34). Усиленіе иноземнаго вліянія вызвало, по словамъ автора, „отвратительную смѣсь полу Французскаго съ полу Россійскимъ", но къ счастію это состояніе длилось не долго. Авторъ указы-

ваетъ причины, вызвавшія образованіе этой „отвратительной смѣси“: „голосъ, который въ первой разъ слышали младенцы наши, былъ Французскій“, впечатлительные годы дѣтства „проходили подъ чуждымъ небомъ“ (?); „невольное (?) возвращеніе въ отечество было только источникомъ хладнокровія и отвращенія ко всему природному“. Неудивительно, что „скоро опасенія Ломоносова о порчѣ языка нашего начали оправдываться“ (стр. 34). Въ довершеніе бѣды „молодые ученые“ тоже „заразились общею язвою“ и „натверживали безпрестанно на Россійскія сочиненія (?) Французскіе Сонеты, Мадригалы, романсы, пѣсни и пр.,“ а также „вздумали искать славы преобразованіемъ Россійскаго языка, т. е. отвратительной смѣсью полу-Французскаго съ полу-Россійскимъ. Языкъ нашъ... первородный, чистый, мужественный, сильный, богатый, являлся уже въ младенческомъ лепотаньѣ, слабости, изнѣженности, недостаткѣ языка Цельто-Латино-Гальскаго“. Къ счастью „гласъ истинной любви къ отечеству“ и „духъ твердости, бодрствовавшій въ сердцахъ лютыхъ Россіянъ, истребили сію лютую заразу, угрожавшую разтлить прекрасный нашъ языкъ“.

Похвальный патріотизмъ во вкусѣ Шишкова, обнаруженный здѣсь Орнатовскимъ, идетъ у него, какъ и слѣдовало ожидать, рука объ руку съ невѣжествомъ въ вопросахъ русской грамматики. Дѣленіе звуковъ русскаго языка (стр. 44—47) хуже, чѣмъ у Ломоносова (см. выше, стр. 557—58); *щ* считается самостоятельнымъ „звукоизмѣненіемъ“. Согласные дѣлятся на гортанныя *(г, к, х)*, язычныя *(д, т, л, н, р, о!)*, зубныя *(з, с, ж, ш, ч, щ, ц)* и губныя *(б, п, в, ф, м)*. Склоненій Орнатовскій принимаетъ четыре: 1) на *-а* и *-я* муж. и ж. р., 2) на *-й*, *-ъ*, *-ь*, *-е*, *-іе*, *-о* муж. и ср. р.), 3) на *-я*, *-а* ср. р. и 4) на *-ь* ж. р. У сложныхъ глаголовъ признается восемь временъ, а у простыхъ—шесть: настоящее, прош. неокончательное или несовершенное, прош. совершенное, давнопрош. или многократное (въ народной рѣчи отмѣчаются формы давнопрош. 2-го и 3-го: бывало спалъ, сыпалъ бывало), буд. время неокончательное, совершенное, однократное. Говоря о числахъ, лицахъ и родахъ, авторъ дѣлаетъ ссылки на латинскій, еврейскій, греческій и новые европейскіе языки. Спряженій—три: I) съ окончаніями *-ешь*, *-утъ*, *-ютъ*, II) съ окончаніями *-ишь*, *-атъ*, *-ятъ* и III) глаголы „сложенные, слѣдующіе въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ первому, а въ другихъ второму спряженію (увѣряю, оканчиваю, погубляю)“. Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ разсматривается особо. Хотя авторъ и не отличаетъ видовъ русскаго глагола, но тѣмъ не менѣе указываетъ на значеніе сложенія съ предлогами

для видовыхъ оттѣнковъ (стр. 153—57)[1]). Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ историческій методъ совершенно отсутствуетъ. Въ отдѣлѣ о причастіяхъ находимъ небывалыя формы въ родѣ *прятый* отъ *пряду—прясть, пятый* отъ *пячу*, *кольнутый* отъ *кольнуть*, *черпыванный, кончиванный, давливанный, строѐванный.* Междометія у Орнатовскаго выражаютъ или внутреннее чувствованіе, или наружное (?!). Къ первымъ принадлежатъ междометія въ родѣ *ура, увы, ай,* а ко вторымъ *бахъ, бухъ, гопъ, цапъ* (стр. 215) и т. д.

Въ началѣ третьей части „О слогоудареніи" развивается слѣдующая общая мысль: „предложивъ (такъ!), что слова въ младенчествѣ языковъ были одни дикіе, грубые звуки: надобно принять то, что сіи звуки для означенія различныхъ понятій отличались одинъ отъ другаго большимъ, или меньшимъ возвышеніемъ голоса". По обогащеніи и усовершенствованіи языковъ это возвышеніе голоса сдѣлалось собственно говоря не нужнымъ, но самая „природа дыхательныхъ орудій", производящихъ звуки, и движенія души говорящаго вызываютъ возвышеніе и пониженіе голоса (стр. 263). Въ главѣ I этого отдѣла предлагаются правила въ родѣ: „Имена существительныя, кончащіяся на *бка, вка, дка, жка, зка, лка, мка, нка, пка, рка, ска, тка, чка, шка* (скобка, трубка, лавка, загородка, кружка. ложка, повязка, палка, мамка, самка, починка, шапка, запирка, краска, утка, почка, шашка и пр.) имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ" (исключеніе: сложныя съ предлогомъ *вы*), или: „имена на *-та* имѣютъ удареніе на концѣ, кромѣ дремота, забота, капуста, защита, зѣвота, икота, лопата, льгота, мята (!), охота, пѣхота, работа, рвота". Подобныя же правила даются для ударенія именъ прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій и прочихъ частей рѣчи.

Послѣдняя часть IV посвящена правописанію. Въ началѣ ея даются свѣдѣнія о кириллицѣ, причемъ указывается, на основаніи „славянской грамматики Максима Грека", что славянское ѕ *(зѣло)* $= \partial + c$. О знакѣ Ѫ говорится, что „знаменованіе оныя не многимъ извѣстно". Обернувъ ее вверхъ ногами, „можно примѣтить, что она составлена изъ Ѵ въ низъ обращеннаго и *i*. Древнія славянскія книги и рукописи... свидѣтельствуютъ, что славяне симъ писменемъ выражали голосъ латинскихъ буквъ ju (?!): буква же *ю*, поелику сложена изъ *i* и *о*, означала голосъ сихъ самыхъ буквъ

---

[1]) Напримѣръ, «*воз* или *вз*, употребляется для означенія дѣйствія или вдругъ произведеннаго, или приведеннаго до возможной степени совершенства. *За* прилагается къ глаголамъ для означенія дѣйствія усилившагося; *изъ* употребляется при глаголахъ для означенія дѣйствія ихъ, доведеннаго до послѣдней точки» и т. д.

нераздѣльно произносимыхъ, т. е. *іо;* нынѣ же *ю* точно выражаетъ голосъ латинскихъ буквъ ju; по сему... употребленіе сей буквы (очевидно, Ѿ) съ давнихъ временъ уничтожено". Буква ъ есть „усѣченіе буквы *ы*, а *ь* — усѣченіе буквы *и*" (стр. 298) и т. д. Приведенныя выдержки краснорѣчиво говорятъ о ничтожествѣ книги Орнатовскаго въ научномъ отношеніи.

Столь же и даже еще болѣе ничтожны другія двѣ грамматики русскаго языка, вышедшія въ томъ же году: 1) „Россійская грамматика, содержащая въ себѣ новый, легкій и достаточный способъ къ изученію россійскаго языка, изданная Московской Синодальной типографіи Директорскимъ Товарищемъ Ѳомою Розановымъ для новоучреждаемыхъ духовныхъ училищъ. Москва. 1810". 8° [1])

2) „Нѣчто о языкѣ и предварительныя примѣчанія къ Россійской грамматикѣ" Петра Модрю. Спб. 1810 г. (см. выше, стр. 587 и сл., гдѣ характеризуется общеграмматическое вступленіе этой книги).

Но выше по научному достоинству и „Сокращеніе Славянской этимологіи, собранное покойнымъ Коллежскимъ Совѣтникомъ Ѳомою Розоновымъ. Москва. Въ Синодальной типографіи, 1810 г. (8°. 6 ненум.+119 стр.+1 ненум.)". Книжка эта, посвященная вдовою автора оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, князю А. Н. Голицыну, представляетъ историческій интересъ въ томъ отношеніи, что является первой грамматикой церковно-славянскаго языка, изданной въ XIX в. Какого-нибудь успѣха въ ней, сравнительно съ аналогичными грамматиками XVII и XVIII в. (М. Смотрицкаго и ея передѣлокъ Поликарпова и Максимова), однако, не замѣчается. Парадигмы ея даже въ выборѣ словъ въ большинствѣ случаевъ восходятъ къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, и предметомъ ея служитъ не древній церковнославянскій, а языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ, съ разными дополнительными книжными измышленіями, почерпнутыми изъ грамматики М. Смотрицкаго и въ дѣйствительномъ употребленіи не встрѣчающимися. Глаголъ дѣлится на четыре спряженія по образцу академической грамматики русскаго языка, на тѣхъ же основаніяхъ (по прошедшему времени или неопредѣленному наклоненію). Различаются времена: настоящее, прошедшія: неопредѣленное, или несовершенное однократное, со-

---

[1]) Ср. рецензію на эту книгу въ «Вѣстникѣ Европы» 1810 г. (ч. 49, январь, № 1, стр. 151—52), гдѣ Розанова хвалятъ за то, что онъ въ дѣленіи спряженій слѣдовалъ академической грамматикѣ, раздѣлившей простые глаголы на 4 спряженія. «Оставалось показать правила о спряженіи и о производженіи сложныхъ глаголовъ, коихъ несравненно болѣе, нежели простыхъ». Это Розановъ «по возможности» и сдѣлалъ.

вершенное, однократно-совершенное, давнопрошедшее, будущія: неопредѣленное однократное, совершенное и однократно-совершенное; понятіе о видѣ, имѣвшееся у Смотрицкаго, отсутствуетъ; наклоненій насчитывается четыре: изъявительное, повелительное, сослагательное, неокончательное; залоговъ — шесть: дѣйствительный, средній, страдательный, возвратный, взаимный и общій. И въ склоненіи, и въ спряженіи находимъ много небывалыхъ формъ, въ родѣ падежей двойственнаго числа отъ словъ *кокошь*, *топазій* и т. п., или формъ двойственнаго числа „давнопрошедшаго" времени: *мы бывахома*, *вы бываста*, *бывастѣ*, *она бываста*, *бывастѣ* и т. д., причастій: *умалявый*, *воздвигій* и т. д. Въ числѣ „славянскихъ" междометій между прочимъ значатся: *гой*, *фу*, *цыть*, *цсс* и т. д.

Отъ этихъ доморощенныхъ плодовъ грамматической учености выгодно отличается большей систематичностью и обдуманностью трудъ старшаго учителя Выборгской гимназіи д-ра Авг. Вильг. Таппе: „Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische, nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands. St.-Petersburg und Riga. 1810". 8°. XII+268 стр. Позднѣйшія изданія: 1812 (8°. XII+312), 1815, 1819, 1825, 1836. Приложеніемъ къ грамматикѣ служила вышедшая одновременно съ нею хрестоматія „Neues russisches Elementar-Lesebuch für Deutsche".

Въ книгѣ Таппе впервые у насъ послѣ М. Смотрицкаго вполнѣ категорично было выставлено ученіе о видахъ русскаго глагола въ формѣ очень близкой къ современной. Ученіе это не было безусловной собственностью Таппе. Самъ онъ въ предисловіи къ первому изданію указываетъ на совпаденіе своего ученія во многомъ со взглядами Кенигсбергскаго оріенталиста и богослова, профессора Іог. Север. Фатера (раньше въ Галле), книжка котораго вышла въ 1808 г. (см. Таппе, цит. сочин. изд. 2, стр. X—XI).

Въ предисловіи ко второму изданію (стр. VIII) Таппе указываетъ также, что для него онъ пользовался еще таблицей русскихъ глаголовъ, составленной Н. И. Гречемъ, и заимствовалъ оттуда рядъ мелкихъ замѣчаній.

Что касается до предшественника Таппе — Фатера, то и его взгляды на виды русскаго глагола, выраженные имъ въ его „Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungstücken zur grammatischen Analyse etc." (Leipzig, 1808. 8°, XL+169+14 таблицъ)", находились въ зависимости отъ взглядовъ его предшественниковъ. Самъ онъ во введеніи къ названной грамматикѣ (стр. XXII) указываетъ, что значительной до-

лей своего ученія о русскомъ глаголѣ обязанъ ученію о польскомъ глаголѣ извѣстнаго польскаго грамматика Копчинскаго, и еще въ бо́льшей мѣрѣ—„древнему ученію самой славянской грамматики“ („und noch mehr durch die alte Lehre der Slawonischen Grammatik selbst“), изданной при Петрѣ Великомъ. Ниже на стр. XXIV—XXV приводится это самое „древнее ученіе“, почерпнутое изъ славянской грамматики „1719 г.“, подъ которой скорѣе всего надо разумѣть передѣлку грамматики Мелетія Смотрицкаго, изданную въ Москвѣ въ 1721 г. Өедоромъ Поликарповымъ (см. выше, стр. 178), или, что менѣе вѣроятно, таковую же передѣлку Өедора Максимова (Спб. 1723 г., см. выше, стр. 179). Фатеръ зналъ также и московское изданіе грамматики Мелетія Смотрицкаго 1648 г. (см. его книгу, стр. XVIII, прим. 2). Кромѣ того Фатеръ находился въ научной перепискѣ о русскихъ глаголахъ съ путешествовавшимъ тогда за границей А. В. Болдыревымъ, впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета и извѣстнымъ нашимъ оріенталистомъ [1]). Судя по словамъ Фатера (Предисловіе къ его грамматикѣ, стр. VIII), взглядъ его на виды русскаго глагола сложился еще за 4 года до выхода въ свѣтъ его книги, т. е. въ 1804 г., и тогда же онъ предлагалъ его на разсмотрѣніе знатоковъ русскаго языка, но не получилъ отъ нихъ сколько нибудь поучительныхъ наставленій („ohne hinlängliche Belehrung zu erhalten“). У русскаго глагола Фатеръ признаетъ слѣдующія особенности: *залогъ, начертаніе,* или σχῆμα (простой или сложный глаголъ), *видъ*, „или εἶδος, а именно *первообразный* ли (verbum primitivum) данный глаголъ и *совершенный* (perfectum, τέλειος), или *производный* (derivativum), причемъ послѣдній снова можетъ быть *начинательнымъ* (inchoativum), или *многократнымъ* (frequentativum)“, затѣмъ *число, лицо, наклоненіе, время, родъ* и *спряженіе* (правильное или неправильное) (введеніе, стр. XXII). Самое представленіе видовъ русскаго глагола у Фатера еще не выработано и выражено въ слѣдующемъ, довольно неопредѣленномъ видѣ (стр. XXII—XXIV): „Въ русскомъ языкѣ обыкновенно отъ одного корня (Stamm) образуется нѣсколько глаголовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои формы настоящаго, прошедшаго, будущаго, повелительнаго, неопредѣленнаго, причастій и дѣепри-

---

[1]) Болдыревъ, кончившій курсъ Московскаго университета въ 1805 г., въ 1806 г. получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ и былъ посланъ для изученія восточныхъ языковъ за границу, гдѣ пробылъ до 1811 г. Во время этого заграничнаго путешествія онъ и велъ переписку съ Фатеромъ. См. біографію его, написанную проф. Буслаевымъ, въ «Словарѣ профессоровъ Московскаго университета», или Венгерова «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» т. V (Спб. 1897), стр. 85.

частій. Пытались соединить эти разные глаголы тѣмъ, что разсматривали ихъ неопредѣленныя наклоненія и времена, какъ различныя формы неопредѣленнаго наклоненія и произведенныя отъ нихъ времена одного и того же глагола, сваливая всѣ эти формы въ одинъ глаголъ. Между тѣмъ, однако, двиНУЛЪ, конечно, не находится въ непосредственной формальной связи съ двигАЮ и тѣмъ менѣе съ двиЖЕМЪ, формой, признанной во всѣхъ грамматикахъ за причастіе страдательнаго залога и настоящее страдательное. Напротивъ, первая форма происходитъ отъ *двину*, а вторая отъ *двигу*, которыя обѣ суть такія же формы настоящаго времени, какъ и *двигаю*, хотя *двину* въ употребленіи получило значеніе другого времени, а само *двигу* уже болѣе не употребительно". Далѣе слѣдуетъ сравненіе этихъ отношеній съ отношеніями греческаго глагола, гдѣ одинъ и тотъ же глаголъ имѣетъ всѣ времена различнаго происхожденія, одни по типу глаголовъ на μι (какъ аористы страд. въ родѣ ἐτύφθην), а другія по спряженію на ω. „Какъ у греческаго глагола формы различнаго происхожденія путемъ употребленія срослись въ одномъ глаголѣ, такъ, кажется мнѣ, совершенно подобное же явленіе происходило и въ русскомъ, съ тою только разницей, что здѣсь различеніе было нужнѣе... въ русскомъ языкѣ три или четыре отрасли временъ, соединившіяся теперь въ одномъ глаголѣ, идутъ совершенно параллельно другъ другу, и каждая изъ нихъ имѣетъ какъ разъ столько же временъ и такого же образованія, какъ и другая. Не гораздо ли естественнѣе сказать, что такъ называемое неокончательное наклоненіе со своимъ настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ, образованнымъ при помощи вспомогательнаго глагола, или неокончательное совершенное и неокончательное однократное (simplex) со своимъ будущимъ временемъ, подобнымъ настоящему и своимъ прошедшимъ, наконецъ такъ называемое неокончательное учащательное съ разными формами, отъ него происходящими, являются самостоятельными вѣтвями, каждая сама по себѣ? Такимъ образомъ отсюда становится яснымъ столь упрощающее наблюденіе, что каждая изъ этихъ отраслей, кромѣ своего неопредѣленнаго наклоненія, дѣепричастія и причастій, имѣетъ, собственно говоря, только двѣ разныхъ формы времени (какъ это наблюдается въ другихъ славянскихъ языкахъ, напримѣръ въ польскомъ) но что каждый глаголъ находится въ родственныхъ братскихъ отношеніяхъ къ другимъ подобнымъ глаголамъ своего корня, и отъ нихъ, взятыхъ вмѣстѣ, происходятъ тѣ многочисленныя формы времени, которыя мы видимъ теперь у русскаго глагола. Отличі[е] настоящаго неопредѣленнаго (präs. indefinitum) на *аю* или *як*

какъ *двигаю* и всей его отрасли, состоитъ въ томъ, что эти глаголы не выражаютъ вполнѣ законченнаго дѣйствія и этой неопредѣленностью въ выраженіи дѣйствія и состоянія отдѣляются отъ формъ, связанныхъ съ неокончательнымъ совершеннымъ (perfectus) или однократнымъ (simplex) и обозначающихъ полное или только одинъ разъ происшедшее совершеніе дѣйствія.

Не лежитъ ли какъ разъ въ этомъ различеніи ихъ отъ дѣйствій вполнѣ завершенныхъ или однажды совершенныхъ нѣчто, приближающее ихъ къ глаголамъ многократнымъ (frequentativa), по крайней мѣрѣ настолько, насколько это отличіе заключаетъ въ себѣ и эту неопредѣленность? Я считаю глаголы на *аю* и *яю*, въ родѣ *двигаю, мѣряю, валяю,* составляющіе значительную часть русскихъ глаголовъ, формами *производными*; а формы неокончательнаго совершеннаго, какъ *мѣрить* (и особенно если онѣ сложны съ предлогомъ, какъ *повалить,* а съ опущеніемъ его—*валить*) за такія же первичныя образованія, какъ признанное многократное *бѣгаю*—за вторичную и *бѣгу*—за первичную форму, причемъ первая возникла изъ второй путемъ присоединенія окончанія *аю*. Короче, я считаю всѣ глаголы на *ю* съ предыдущимъ согласнымъ и на *у* первичными, а прочіе на *аю, яю* и т. д., а также и такъ называемое неокончательное однократное на *нуть* съ его временами—производными формами".

Зависимость этого ученія Фатера отъ ученія Мелетія Смотрицкаго явствуетъ изъ приводимой имъ самимъ цитаты изъ славянской грамматики „1719 г." (л. 110), согласно которой глаголъ въ отношеніи вида можетъ быть: 1) *первообразнымъ*, или что одно и то же, *совершеннымъ* (чту, стою), или 2) *производнымъ*, представляющимъ два подраздѣленія: *начинательный*, оканчивающійся обыкновенно на *ѣю* (*каменѣю, бѣлѣю*) и *многократный* или *учащательный*, обозначающій нѣчто, случающееся часто, и оканчивающійся на *аю, яю* (*читаю, творяю*—отъ глаголовъ совершенныхъ *чту, творю*).

Но Фатеръ всетаки не совладалъ съ трудностями русскаго глагола и, составивъ рядъ таблицъ для обозрѣнія всѣхъ формальныхъ измѣненій глагола, въ концѣ концовъ въ своей системѣ спряженія принялъ почти всѣ 10 временъ Ломоносова, введя въ нее и такія шульмейстерскія измышленія, какъ praeteritum indefinitum passivi былъ двиганъ, былъ валенъ, futurum indefinitum passivi буду двиганъ, валенъ и т. д.

Таппе въ своей грамматикѣ окончательно порвалъ съ традиціей и далъ такое дѣленіе видовъ русскаго глагола, которое мало разнится отъ общепринятаго. По его словамъ (§ 102), „въ русскомъ

языкѣ имѣется нѣсколько родственныхъ глаголовъ одного и того же корня, но съ различными формами, окончаніями и значеніями, подобныхъ которымъ нѣтъ ни въ какомъ другомъ европейскомъ языкѣ, кромѣ славянскихъ". Первый типъ этихъ глаголовъ онъ называетъ „простыми или неопредѣленными глаголами" (Indefinita, allgemeine unbestimmte Verba), высказывающими нѣчто о лицѣ или предметѣ лишь вообще, безъ ближайшаго опредѣленія, напр. *двигать*. Второй типъ, свойственный якобы только русскому языку, у него носитъ названіе *однократныхъ* глаголовъ (simplicia, einfache Verba) и выражаетъ при помощи извѣстнаго окончанія понятіе дѣйствія или страданія, совершающихся лишь одинъ разъ, напр. *двинуть*. Третій типъ можно было бы назвать глаголами *учащательными* (Frequentativa), выражающими понятіе дѣйствія или страданія повторнаго: *двигивать*. Ихъ можно сравнить съ лат. глаголами многократными, въ родѣ cursitare, factitare, вмѣсто currere, facere. Наконецъ, четвертый видъ Танне называетъ глаголами *совершенными, сложными* (Perfecta, Composita, vollendete, zusammengesetzte Verba), выражающими понятіе опредѣленности и законченности, чуждое неопредѣленнымъ глаголамъ перваго класса. Образуются они нерѣдко при помощи предлоговъ, которые, подобно аугменту, измѣняютъ значеніе глагола. Этотъ послѣдній видъ Танне сравниваетъ съ еврейской глагольной формой *пиль*, и, наконецъ, указываетъ (со ссылкой на чешск. грамматику Negedly), что и въ чешскомъ языкѣ глаголы дѣлятся на Durativa, Singularia, Frequentativa и Iterativa.

Книга Танне, заключавшая въ себѣ, кромѣ грамматики, еще краткій очеркъ так. назыв. исторіи русскаго языка [1]), встрѣтила очень сочувственный пріемъ въ нѣмецкой печати [2]). Особенно обстоятельная и толковая рецензія явилась въ 247 № „Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung" (29 окт. 1811). Авторъ ея, подписавшійся буквами MHP., обращаетъ особое вниманіе на новое ученіе Танне о русскомъ глаголѣ и находитъ его болѣе яснымъ, чѣмъ Фатеровское. Замѣчанія его свидѣтельствуютъ о здравомъ смыслѣ и пониманіи дѣла.

Холоднѣе трудъ Танне былъ встрѣченъ въ русскомъ журналѣ и

---

[1]) Такой же очеркъ имѣется и въ грамматикѣ Фатера. Въ сущности объ исторіи языка здѣсь говорится мало. Скорѣе, это очеркъ внѣшнихъ судебъ языка, съ указаніемъ въ самыхъ главныхъ чертахъ нѣкоторыхъ историческихъ моментовъ, въ родѣ греческаго, монгольскаго и западно-европейскаго вліяній и т. п.

[2]) Рецензіи были напечатаны еще въ «Pernauer wöchentliche Nachrichten» и въ «Ruthenia» (Августъ, 1811).

какъ разъ за то, что составляло его заслугу. Такъ въ рецензіи на 2-е изданіе его, напечатанной въ „С.-Петерб. Вѣстникѣ“ за 1812 г. (№ III, стр. 339—54) выражалось порицаніе именно за новое ученіе о глаголѣ. Неизвѣстный рецензентъ, подписавшійся буквой Ч. и несомнѣнно вообще человѣкъ знающій, въ главѣ о глаголѣ осуждалъ „новизну, противную свойству Русскаго языка“, а именно, что „сочинитель изъ прошедшихъ многократныхъ временъ *хаживалъ*, *говаривалъ* дѣлаетъ особые глаголы *хаживать*, *говаривать*, называя оные „учащательными“. Рецензентъ утверждалъ при этомъ, что подобные глаголы совсѣмъ не употребляются въ неопредѣленномъ наклоненіи (!). Вообще же рецензія „Спб. Вѣстника“ написана очень обстоятельно и начинается съ обзора предыдущихъ русскихъ грамматикъ: Лудольфа (приводятся „забавные“ разговоры изъ нея), Ададурова (при словарѣ Вейсмана), Греннига (Стокгольмъ, 1750), Шлёцера, Шарпантье, Родде, Гейма, Модрю, Фатера. Общій отзывъ о книгѣ благопріятный: свою цѣль авторъ ея выполнилъ въ совершенствѣ, правила изложены „ясно, въ порядкѣ и въ лучшей связи“. Хотя „самъ сочинитель и не сдѣлалъ въ теоріи языка важныхъ открытій, но онъ съумѣлъ выбрать лучшее изъ сочиненій предшественниковъ своихъ и предложить оное весьма удачно“. Отмѣчается, что на стр. 245 приведено интересное извлеченіе изъ сравнительнаго глоссарія, напечатаннаго въ грамматикѣ Шлёцера и т. д. Къ недостаткамъ рецензентъ относилъ то, что книга „написана весьма высокопарно и съ лишнею ученостью“. Въ главѣ о глаголахъ, въ которой Таппе „имѣлъ въ виду почти всѣ изданныя донынѣ Грамматики, но преимущественно слѣдовалъ теоріямъ Г. Никольскаго, Борна и сочинителя „Опыта о Русскихъ спряженіяхъ“ (т. е. Греча), рецензенту не понравилась вышеуказанная новизна. Рецензія справедливо указываетъ и на ошибочность нѣкоторыхъ орѳографическихъ правилъ Таппе, который велитъ, напримѣръ, писать *ѣ* передъ *ю*, *я* и послѣ *н*, забывая случаи, въ родѣ *швея*, *шея*, *башнею*, *плѣненъ*, *гоненіе* и т. д.

Болѣе хвалебный тонъ имѣетъ рецензія на 4-е изданіе грамматики Таппе (Спб. 1815), напечатанная въ „Сынѣ Отечества“ за 1815 г. (№ 30, стр. 162—65). Анонимный рецензентъ (вѣроятно самъ Гречъ) причисляетъ автора грамматики къ числу „признательныхъ, благородныхъ иноземцевъ“, пріѣзжающихъ въ Россію съ желаніемъ быть полезными, и отводитъ ему среди нихъ „отличное мѣсто“. По словамъ рецензіи, грамматика Таппе среди „изданныхъ для иностранцевъ, занимаетъ во всѣхъ отношеніяхъ первое мѣсто. Она отличается и отъ Грамматикъ, изданныхъ на Русскомъ языкѣ, порядкомъ, полнотою и ясностію механическихъ за-

коновъ языка, особенно въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, которыя въ ней представлены гораздо исправнѣе и достаточнѣе нежели во всѣхъ донынѣ изданныхъ книгахъ сего рода".

Фантастическія этимологіи находимъ въ вышедшемъ въ томъ же 1810 г. второмъ изданіи „Славянской и россійской миѳологіи. Соч. Г. Кайсарова" (Москва. Въ типографіи Дубровина и Мерзлякова. 1810 г. 16°. 211+IV ненум. стр.). Самъ авторъ этого труда этимологизируетъ довольно рѣдко, но вѣритъ, напримѣръ, что имя *Зимцерла* (богиня весны) происходитъ отъ *зима* и *стереть*, а *Кродо* отъ *краду* (стр. 107). Для имени богини смерти *Марцаны* самымъ вѣроятнымъ кажется автору объясненіе извѣстнаго лужицкаго полигистора XVII в. Френцеля, сближавшаго его съ русскимъ *морю*, „богемскимъ" *мру*, *мрцаванъ* (?!) оледенѣть, замерзнуть (стр. 128). Френцелю слѣдуетъ онъ и въ объясненіи фантастическихъ именъ Проно, Прове, Право, которыя тотъ ведетъ отъ *право* (стр. 145). Рѣдкимъ для того времени случаемъ сравненія съ литовскими языками является объясненіе имени Перунъ: „у Латышей *Порконъ*, а громъ и нынѣ называется по Латыпски (такъ!) *перконне*" (стр. 137). Славянскія слова приводятся большею частью съ грубыми ошибками: „*бѣлый*, по богемски *билій*, по Польскіи (такъ!) — *бъялій*" (стр. 66, прим.), „*богъ* — по богемски *Бегъ* (Bôh) (стр. 57); имена польскихъ историковъ Нарушевича и Длугоша приводятся въ видѣ: *Нарусцевичь*, *Длугоссъ* (стр. 119) и т. д. Въ этихъ ошибкахъ, конечно, болѣе виноватъ переводчикъ книги Кайсарова, но все же онѣ характеристичны.

Къ вышеразсмотрѣннымъ опытамъ разработки русской синонимики въ 1810 г. прибавилась переводная съ французскаго статья о синонимахъ *умъ* и *геній*, напечатанная въ 7-й части „Цвѣтника" за 1810 г. (стр. 215—226).

Въ такомъ видѣ представляется исторія русскаго и славянскаго языкознанія у насъ за первыя 10 лѣтъ XIX в. Мы видимъ здѣсь рядъ разрозненныхъ мелкихъ попытокъ, сливающихся въ довольно хаотическую картину, изъ которой выдѣляется лишь нѣсколько болѣе крупныхъ и опредѣленныхъ явленій и направленій. Это было вполнѣ понятно при той tabula rasa, которую представляла у насъ въ началѣ XIX в. данная область знанія. Молодые наши университеты по уставу 1804 г. имѣли только одну каѳедру, которая могла содѣйствовать развитію этой области: „краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго" [1]). Преподаваніе по ней вполнѣ

[1]) См. Сухомлиновъ. «Изслѣдованія и статьи», т. I, стр. 59—60.

отвѣчало ея оффиціальному названію: впереди стояло „краснорѣчіе и стихотворство“, а „языкъ россійскій“ отходилъ на самый заднії планъ. Въ Казани ее занималъ Г. Н. Городчаниновъ (съ 1806), въ Харьковѣ—И. С. Рижскій, въ Москвѣ—А. Ѳ. Мерзляковъ—люди почти или совсѣмъ чуждые языкознанію. Поэтому нисколько не удивительно, если наша университетская наука въ данной области за это время дала только одну актовую рѣчь Рижскаго (см. выше, стр. 718), да цѣнную статью Каченовскаго „Объ источникахъ русской исторіи“ (см. выше, стр. 724—25), поставившую на очередь вопросъ о необходимости у насъ научной палеографіи. Изъ другихъ ученыхъ учрежденій дѣйствовали Россійская академія, Петербургское вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ, возникшее въ 1801 г., и Казанское общество любителей отечественной словесности, основанное въ 1805 г. подъ названіемъ „Общества вольныхъ упражненій въ росс. словесности“. Первая издала академическую грамматику (см. выше, стр. 689—91), двѣ части второго изданія своего словаря (см. выше, стр. 716—18) и первыя три части „Сочиненій и переводовъ“, наполненныя почти исключительно статьями Шишкова (см. выше, стр. 709—10, 714), а также занималась очищеніемъ русскаго языка отъ иностранныхъ словъ (см. выше, стр. 702—3). Второе въ 1802 г. заслушало докладъ Востокова „Нѣчто о переводѣ слова эгоизмъ“ [1]) и выпустило единственную книжку „Періодическаго изданія“ (1804) съ поэмой Востокова „Пѣвисладъ и Зора“ и его этимологическими примѣчаніями къ ней (см. выше, стр. 705). Что касается до Казанскаго общества любителей отечественной словесности, то изъ докладовъ въ немъ лишь очень немногіе имѣли отношеніе по языкознанію. Такъ въ 1807 г. въ немъ обсуждался вопросъ: „Какимъ образомъ въ языкахъ, не имѣющихъ членовъ, замѣняется сей недостатокъ и какимъ образомъ переводить“ [2]), въ 1809—1810 гг. Д. Княжевичъ читалъ о „сословахъ или синонимахъ“ [3]), и о томъ же предметѣ въ 1810 г. докладывалъ Ибрагимовъ [4]).

Какъ важный починъ въ дѣлѣ собиранія древнихъ письменныхъ памятниковъ русскаго и старославянскаго языковъ, должно быть отмѣчено пріобрѣтеніе собранія рукописей Дубровскаго для

[1]) См. «Періодическое изданіе» назв. общества за 1804 г., ч. I. XIV.
[2]) См. Н. Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Каз. университета». Казань. 1887, стр. 597.
[3]) Тамъ же, стр. 604 и 609.
[4]) Тамъ же, стр. 609.

Имп. Публ. библіотеки (см. выше, стр. 706—7) и передача ей же рукописи Остромирова евангелія (см. выше, стр. 710).

Наиболѣе крупными центральными интересами, около которыхъ сосредоточивалась научная дѣятельность этого времени, были грамматика и словарь русскаго языка. Для первой было сдѣлано немного. Среди обычныхъ школьныхъ грамматикъ Россійской академіи, Глинки, Никольскаго, Давыдова, Меморскаго, Ж. Б. Модрю, Борна-Востокова, Кавецкаго, Бутовскаго, Дворжецкаго, Розанова и т. д. (см. выше, стр. 722), можно указать лишь на книги Орнатовскаго (см. выше, стр. 553—59 и 727—32) и Таппе (стр. 733—39), выдѣлявшіяся изъ общей массы, или поползновеніями на нѣкоторую научность (Орнатовскій), или новизной взглядовъ (Таппе). Для словаря было сдѣлано также не очень много. Иностранныя слова собирали: журналъ „Корифей" (см. выше, стр. 691) и Н. Яновскій (см. выше, стр. 699); начались попытки, покуда рабски подражательныя, разработки синонимики русскаго языка (статьи „Сѣвернаго Вѣстника" см. выше, стр. 701, Шишкова, см. выше, стр. 710, „Цвѣтника" 1810 г., см. выше, стр. 739); слова изъ книгъ священнаго писанія выбиралъ Шишковъ (въ своемъ „Разсужд. о стар. и новомъ слогѣ", см. выше, стр. 695); а изъ древнихъ памятниковъ и разговорнаго языка—Татищевъ (см. выше, стр. 722); изданы двѣ первыя части втораго изданія словаря Россійской академіи (см. выше, стр. 716—18). Надъ этимологическимъ словаремъ русскаго языка трудился Востоковъ (см. выше, стр. 653—66). Кромѣ него, этимологіями, большею частью смѣхотворными, занимались: Шишковъ (см. выше, стр. 709—10), Румовскій (см. выше. стр. 710), Татищевъ (см. выше, стр. 721), анонимные авторы разныхъ мелкихъ статеекъ въ журналахъ (см. выше, стр. 707, 713) и др.

По грамматикѣ старославянскаго языка можно указать только жалкое „Сокращеніе слав. этимологіи" Розанова (см. выше, стр. 732).

По русской діалектологіи необходимо отмѣтить появленіе интереса къ малорусскому нарѣчію, обнаружившагося въ рукописной пока „грамматикѣ" названнаго нарѣчія, А. Павловскаго (см. выше, стр. 716). Сюда же можно отнести собраніе словъ, частью областныхъ, записанныхъ „въ общежитіи" И. И Татищевымъ (см. выше, стр. 722).

Большое вниманіе привлекъ къ себѣ вопросъ о слогѣ и значеніи заимствованныхъ лексическихъ элементовъ, поднятый Шишковымъ (см. выше, стр. 694, 702), къ которому примкнули Рижскій (см. выше, стр. 529—32), Станевичъ (см..выше, стр. 719—20), діаконъ Орловъ (см. выше, стр. 547), Орнатовскій (см. выше, стр. 727—30) и др. Про-

тивъ Шишкова выступили: Макаровъ, Каченовскій (см. выше, стр. 696—98), Дашковъ и др. Въ связи съ этимъ споромъ находится предложеніе Н. Н. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1805 (см. выше, стр. 705—6). Отчасти въ связи съ нимъ (у Шишкова и его сторонниковъ), отчасти въ силу самостоятельнаго интереса, возникаетъ изученіе древнихъ памятниковъ русскаго языка, напр. Слова о полку Игоревѣ, которымъ занимаются Шишковъ (см. выше, стр. 709) и Востоковъ (см. выше, стр. 727), Остромирова евангелія (см. выше, стр. 710), Русской Правды, Лѣтописи Нестора, Сборника Святослава 1076 г. (Востоковъ, см. выше, стр. 726) и т. д.

Проявленіе интереса къ славянскимъ языкамъ наблюдалось, но въ очень случайномъ и отрывочномъ видѣ, не заходя далѣе мелкихъ журнальныхъ статеекъ, свидѣтельствующихъ, однако о наличности этого интереса (стр. 704—5, 713).

Въ 1811 г. число учрежденій, трудившихся надъ болѣе или менѣе научной разработкой русскаго и славянскихъ языковъ, увеличилось новымъ ученымъ обществомъ, очень горячо взявшимся за это дѣло въ первое время своего существованія. Это было Московское Общество Любителей Россійской Словесности, возникшее при Московскомъ университетѣ. Первымъ председателемъ его былъ проф. Московскаго университета А. А. Прокоповичъ-Антонскій, (1762—1848), открывшій дѣятельность общества своей рѣчью о преимуществахъ и недостаткахъ россійскаго языка. Цѣлью общества было, по его словамъ, „способствовать успѣхамъ Отечественной словесности“, немыслимымъ безъ разработки языка. Указавъ, что Московскій университетъ всегда отличался „важными заслугами языку Россійскому“ и имѣлъ въ своей средѣ такихъ „искусныхъ въ Русскомъ словѣ наставниковъ“, какъ Барсовъ и Зыбелинъ [2]), Прокоповичъ-Антонскій обращаетъ вниманіе на „самые главные недостатки“ русскаго языка: „*Языкъ долженъ имѣть постоянное измѣненіе словъ, правильное ихъ сочиненіе и удареніе*“. Между тѣмъ у насъ нѣтъ „систематической, основательной грамматики“, и поэтому „утвердить сочиненіе словъ“—не на чемъ. Употребленіе „не подкрѣплено изящностью“, а примѣры—„постоянствомъ“. Въ удареніи слѣдуетъ руководиться славянскими книгами, но мы „иногда ихъ придерживаемся, иногда отъ нихъ отступаемъ. У насъ совсѣмъ нѣтъ правилъ ударенія словъ“. Въ

[1]) Труды Общества Любителей Росс. Словесности при Имп. Моск. Университетъ. Ч. I. 1812, стр. 3—16.

[2]) С. Г. Зыбелинъ (поступилъ студентомъ въ Моск. университетъ въ 1755, † 1802) одинъ изъ первыхъ профессоровъ медицины въ Моск. университетъ, краснорѣчивый лекторъ.

правописаніи мы слѣдуемъ то „обычаямъ, то производству словъ", а „иногда отъ того и другаго уклоняемся". „*Значенія словъ должны быть свойственны и опредѣленны*". Между тѣмъ много предметовъ „не имѣютъ свойственныхъ, имъ однимъ принадлежащихъ выраженій. Сколько словъ, которыхъ значеніе невѣрно и неопредѣленно!" Необходимо обогатить себя разными научными понятіями, „отличить и объяснить синонимы", составить „полный и философскій словарь". „*Классическіе писатели обогащаютъ языкъ и опредѣляютъ его свойства*". Но у насъ большею частью учатся на иностранныхъ языкахъ, и отъ того нашъ слогъ „отзывается иностраннымъ". Необходимы поэтому учебники на родномъ языкѣ и классическія произведенія литературы. Но и этого еще недостаточно: „*Одни классики не установятъ слога; нуженъ вкусъ лучшаго состоянія граждань*". Между тѣмъ въ большомъ свѣтѣ „болѣе любятъ вести разговоры на чужомъ языкѣ, нежели на своемъ. Большая часть граждань вышняго состоянія, прилѣпясь къ Французскому языку, показываютъ явное презрѣніе къ своему природному". „*При недостаткѣ природныхъ Классиковъ, при недостаткѣ собственныхъ образцовыхъ Писателей во всѣхъ родахъ слога, мы должны заимствовать красоты онаго въ переводѣ иностранныхъ лучшихъ Писателей, особливо древнихъ*". Между тѣмъ переводовъ хорошихъ авторовъ у насъ мало, и, напротивъ, переведено много ничтожныхъ книгъ и неискусными переводчиками. На отношеніе русскаго языка къ церковнославянскому Прокоповичъ-Антонскій смотритъ глазами Шишкова: „*Ключъ Россійскаго языка Славенской; онъ долженъ быть для него изобильнымъ и неизсякаемымъ источникомъ*". Нельзя требовать, чтобы писали по славянски, но „богатство словъ, сильное изображеніе предметовъ, краткость и ясность слога, высокія, свышевдохновенныя мысли, почерпнутыя въ церковныхъ книгахъ, все должно заставить насъ заниматься Славенскимъ языкомъ, и пользоваться имъ, смотря по надобности и приличію. Но какъ мало знающихъ Славенской языкъ!" Впрочемъ, по мнѣнію оратора, „*нуженъ судъ здравой Критики, чтобъ умѣть Славенскую рѣчь соединять съ Рускою; чтобъ, заимствуя красоты изъ чужихъ языковъ, не портить своего природнаго, чтобъ въ понятіяхъ и выраженіяхъ былъ точный смыслъ, вкусъ и приличіе*". Въ заключеніе ораторъ обращалъ вниманіе на отсутствіе литературной критики. По его словамъ, „изъ сего довольно видно, что мы еще не достигли совершенства въ словѣ, и не всѣ средства, нужныя для достиженія къ тому, употребляемъ... Языкъ нашъ имѣетъ преимущества, ему одному свойственныя:—силу и богатство, величество

и пріятность". Но онъ еще не обработанъ, и потому „благоразумные Любители Слова будутъ съ ревностью воздѣлывать его".

Какъ видно изъ этой рѣчи, новое общество ставило свои задачи очень широко и, повидимому, желало стать чѣмъ-то въ родѣ вольной академіи русскаго языка и литературы. Конечно, изученіе языка и его разработка играли въ этихъ задачахъ лишь служебную роль. Языкъ долженъ былъ получить обработку, чтобы стать достойнымъ орудіемъ „словесности" или литературы. Но дѣятельность молодого общества, явившагося соперникомъ сонной и отсталой петербургской Россійской академіи, показала, что и это пониманіе обработки родного языка не исключало очень широкаго (по тогдашнему) его изученія. Цѣлый рядъ различныхъ работъ, явившихся въ „Трудахъ" общества, свидѣтельствуетъ объ этомъ. Среди нихъ найдемъ рядъ грамматическихъ этюдовъ Болдырева, П. и Ив. Калайдовичей, И. Давыдова, Востокова (знаменитое „Разсужденіе о слав. языкѣ"; рядъ этюдовъ по синонимикѣ русскаго языка П. и Ив. Калайдовичей, Коха и Саларева, какъ осуществленіе одной изъ задачъ, выставленныхъ въ своей рѣчи Прокоповичемъ-Антонскимъ („отличить и объяснить синонимы"); рядъ руководящихъ статей о разработкѣ русскаго словаря И. Давыдова, А. Болдырева, П. Калайдовича, обильное собраніе лексическихъ матеріаловъ изъ областныхъ говоровъ, очень цѣнное даже и до сихъ поръ, и нѣсколько обработанныхъ уже буквъ „словопроизводнаго словаря", составленнаго обществомъ, а также рядъ общихъ разсужденій по исторіи славянскаго и русскаго языка М. Т. Каченовскаго, К. Калайдовича, Полевого и др.

Задачи, выставленныя предсѣдателемъ молодого общества при его возникновеніи, были вновь подтверждены въ его „Рѣчи при годичномъ торжествѣ" общества [1]). Въ ней Прокоповичъ-Антонскій опять подчеркивалъ значеніе „основательнаго познанія языка", указывая при этомъ на трудности „познанія Русскаго языка", не получившаго еще „настоящаго своего образованія", не очищеннаго „еще отъ примѣсу чуждыхъ нарѣчій" и не опредѣленнаго „въ собственныхъ своихъ свойствахъ". По его словамъ, „мы шествуемъ по таинственному лабиринту, увлекаемые непостоянными прелестями вкуса, и никто еще не явился въ образѣ Тезея съ Аріадниной нитью; никто еще не извелъ насъ изъ мрака сомнѣній и неизвѣстности". Въ виду этого ораторъ въ концѣ рѣчи настаивалъ на продолженіи занятій русскимъ языкомъ, ибо „совершен-

[1]) «Труды Общества Любит. Росс. Слов. при Имп. Моск. унив.», ч. III, 1812 г., стр. 104—112.

ное образованіе языка ограничивается не годами, но вѣкомъ, не усиліями нѣкоторыхъ людей, но усиліями цѣлаго народа, безпрерывно возвышающагося въ своемъ просвѣщеніи".

Въ теченіе 1812 года обществомъ была предложена задача для конкурснаго сочиненія на премію: „показать причины измѣненія Русскаго языка и вліяніе, полученное имъ отъ иностранныхъ языковъ, какъ-то: Польскаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго и выгоды и невыгоды, отъ сего происходящія". При обсужденіи этой темы было опредѣлено: 1) „какъ въ Русскомъ языкѣ произошли очевидныя перемѣны отъ языковъ Греческаго и Татарскаго, то включить и сіи въ число упомянутыхъ въ задачѣ, имѣвшихъ на оной вліяніе"; 2) задачу объявить въ газетахъ. За лучшее сочиненіе предполагалось давать золотую медаль въ 30 червонцевъ [1]).

Въ томъ же году, по предложенію П. Калайдовича, общество объявило на рѣшеніе желающихъ другую тему: „На какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря, на древнемъ ли Славенскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи?" [2]). По изданіи первыхъ четырехъ частей „Трудовъ", дѣятельность общества, вслѣдствіе пожара Москвы и тревожнаго военнаго времени, прервалась на четыре года, чтобы возобновиться лишь съ начала 1816 г. Обзоръ дѣятельности общества за первый по возобновленіи годъ находимъ въ третьей рѣчи Прокоповича-Антонскаго: „О пользѣ просвѣщенія, о вліяніи на оное языка и объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ упражненіемъ въ наукахъ и Словесности", читанной въ торжественномъ собраніи общества 15 іюня 1818 г. По словамъ оратора, за это время членами общества „изслѣдованъ весьма важный предметъ, происхожденіе Славенскаго языка (статья Каченовскаго „О слав. языкѣ вообще"); предложены мысли, достойныя вниманія о Россійскихъ буквахъ и письменахъ (статья Подшивалова: „Чтеніе и письмо, или азбука"); начертаны главныя правила, для свѣдѣнія каждаго необходимыя, о порядкѣ словъ (статья И. И. Давыдова)... Предприняли издавать производный Словарь для основательнѣйшаго познанія Россійскаго слова" [3]).

Въ слѣдующемъ 1818 г., въ засѣданіи 26 окт. была предложена вторая конкурсная задача, опять историко-грамматическаго свой-

---

[1]) Протоколы Общества въ его «Трудахъ», ч. IV, 1812 г., стр. 184—85, 203.

[2]) См. «Труды» Общества, т. IV. 1812, стр. 159, 177—81. Вопросъ этотъ былъ напечатанъ также и въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 г., ч. 63, № 10, стр. 136.

[3]) См. «Труды» Общества Люб. Росс. Слов. при Моск. унив. 1817 г., ч. VIII, стр. 203. Сама рѣчь напечатана въ ч. IX, 1817 г., стр. 3—16.

ства, очень широко задуманная и формулированная, а именно: „показать измѣненія Россійскаго языка отъ древнѣйшихъ временъ до осьмагонадесять столѣтія, принимая въ основаніе памятники древней Словесности: пѣсни, сказки, преданія, пословицы, надписи и другіе письменные остатки“ [1]), т. е., другими словами, дать исторію русскаго языка.

Въ 1816 г. возникло въ Петербургѣ новое „Вольное общество любителей просвѣщенія и благотворенія“, издававшее съ 1818 года свои „Труды“ (иначе „Соревнователь, Просвѣщенія и Благотворенія“), въ которыхъ помѣщались и статьи по языкознанію. Въ объявленіяхъ объ изданіи „Соревнователя“, въ программѣ журнала за первые годы его существованія указывалось на „изслѣдованія о свойствѣ языковъ“ (см. напр. „Соревнователь“, ч. 7, 1819 г., стр. 361), но въ 1821 г. указанія эти прекратились, и въ объявленіи объ изданіи журнала на 1822 г. уже не упоминается о лингвистическихъ статьяхъ, а только о трудахъ историческихъ, археологическихъ, статистическихъ, а также „философическихъ мнѣніяхъ и разсужденіяхъ о любопытнѣйшихъ предметахъ Естественной Исторіи, Физики и Химіи“ [2]). Вообще статей по языкознанію въ „Соревнователѣ“ явилось немного.

Въ 1812 г. основано было „Общество наукъ при Харьковскомъ университетѣ“, выпустившее въ 1817 г. первый (и единственный) томъ своихъ „Трудовъ“, въ которыхъ есть и двѣ переводныя статьи по языкознанію. Основанное еще въ 1805 г., но довольно долго ничѣмъ себя не заявлявшее, Императорское Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ въ 1815 г. издало рядъ историческихъ памятниковъ, важныхъ и для исторіи русскаго языка, подъ заглавіемъ „Русскія достопамятности“ (Ч. I, 1815 г.); съ этого же года начинаютъ выходить его „Записки и Труды“, въ которыхъ попадаются статьи, имѣющія отношеніе и къ языкознанію.

Рядомъ съ дѣятельностью названныхъ обществъ продолжала свои занятія въ знакомомъ уже намъ направленіи и Россійская академія, въ 1813 году получившая новаго президента А. С. Шишкова. Его избраніе еще болѣе утвердило въ ея дѣятельности тотъ мертвенно-безплодный и отсталый духъ невѣжественнаго любительства, который былъ уже неоднократно отмѣченъ нами выше и которымъ пропитано и новое изданіе „обновленной“ академіи, ея „Извѣстія“, начавшія выходить съ 1815 г. (12 частей, 1815—28).

---

[1]) См. «Труды» Общества, ч. XII. 1818 г., стр. 131.

[2]) См. «Труды Вольн. Общ. Любит. Росс. Слов.», ч. XVI. 1821, стр. 245—46.

Кромѣ дѣятельности перечисленныхъ учрежденій, необходимо указать еще на одно событіе, которое могло бы имѣть благотворное вліяніе на изученіе русскаго и славянскихъ языковъ у насъ, а именно на учрежденіе въ 1811 г. при Московскомъ университетѣ „катедры славянскаго языка" или „славянской словесности". Преподаваніе по этой каѳедрѣ, учрежденной тогдашнимъ министромъ нар. просвѣщенія гр. Разумовскимъ, вѣроятно по мысли М. Т. Каченовскаго, имѣло „ознакомить учащихся со всѣми вообще славянскими книгами, съ показаніемъ соотношенія россійскаго языка къ славянскому и происхожденія его изъ славянскаго". Къ сожалѣнію, на новую каѳедру былъ назначенъ человѣкъ, совершенно чуждый научному языкознанію, — профессоръ изящныхъ наукъ и эстетики, прежде преподаватель нѣмецкаго языка, М. Г. Гавриловъ (1759—1829), авторъ нѣсколькихъ школьныхъ учебниковъ по названному языку, вышедшихъ въ 90-хъ гг. XVIII в. Преподаваніе Гаврилова, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе 4 года его жизни, по воспоминаніямъ проф. Мурзакевича, лишено было научнаго характера и состояло въ чтеніи славянской псалтири, отдѣльными мѣстами которой лекторъ восхищался. Со смертью Гаврилова каѳедра его была упразднена. Такимъ образомъ этотъ первый опытъ учрежденія каѳедры славянской филологіи вышелъ вполнѣ неудачнымъ и не имѣлъ никакого научнаго значенія [1]).

Второй подобный опытъ былъ произведенъ въ Варшавскомъ университетѣ, открытомъ русскимъ правительствомъ въ 1817 г. „Вѣстникъ Европы" Каченовскаго (1817 г., ч. 94, стр. 162) сообщалъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ новоучрежденномъ Варшавскомъ университетѣ положена каѳедра и для преподаванія *Славянскихъ нарѣчій*. Дѣйствительно, чтобъ имѣть философическое знаніе какого-нибудь изъ Славянскихъ нарѣчій (положимъ, Польскаго языка), нужно имѣть достаточное понятіе и о прочихъ. Безъ того нельзя показать и происхожденія многихъ словъ, ниже правильнаго ихъ употребленія". Такимъ образомъ научное значеніе новой „катедры" правильно понималось лучшими представителями тогдашняго нашего образованнаго общества, въ родѣ издателя „Вѣстника Европы"— университетскаго профессора. Но въ административныхъ сферахъ, очевидно, сознаніе этого значенія еще не созрѣло, и русскимъ университетамъ пришлос[ь]

[1]) См. А. А. Кочубинскаго, «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». Одесса, 1887—88 г. (стр. 50—52).

ждать учрежденія подобныхъ каѳедръ еще цѣлыхъ 20 лѣтъ слишкомъ. Для развитія русской науки Варшавская каѳедра славянскихъ „нарѣчій“, конечно, не имѣла никакого значенія, тѣмъ болѣе, что въ 1830 г. университетъ въ Варшавѣ былъ закрытъ на долгіе годы.

Съ 1819 г. число нашихъ университетовъ умножилось еще однимъ въ Петербургѣ, преобразованнымъ изъ Главнаго Педагогическаго Института. Новый университетъ, однако, въ первое время своей жизни не внесъ ни одного цѣннаго вклада въ разсматриваемую научную область. „Словесныя науки“ въ немъ читались бездарнымъ и невѣжественнымъ Я. В. Толмачовымъ, занимавшимъ ту же каѳедру еще раньше въ Главномъ Педагогич. Институтѣ, и Н. И. Бутырскимъ († 1848). Оба были совершенно чужды языкознанію, хотя первый и считалъ себя судьею въ грамматическихъ вопросахъ, какъ свидѣтельствуетъ записка Н. И. Греча о разсмотрѣніи его учебника русской грамматики въ тогдашнемъ Ученомъ комитетѣ Мин. Нар. Просвѣщенія [1]). По словамъ Греча, Толмачевъ дѣлалъ „странныя замѣчанія“ на его грамматику и между прочимъ производилъ *море* отъ *мокрый*, а *село* отъ *сѣдло*. Къ его преподаванію, очевидно, относится свидѣтельство автора исторической записки объ „Имп. Спб. университетѣ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“ (Спб. 1870), проф. В. В. Григорьева: „О движеніи Лингвистики въ Германіи не заходило сюда и слуха: изложеніе „Языковѣдѣнія“ производилось по де-Броссу, съ самыми дикими экскурсіями въ область Этимологіи, разсказывавшимися по городу въ видѣ образчиковъ нелѣпости. Упражненіе студентовъ въ „Россійскомъ слогѣ“, при неспособности къ тому профессора, разучивало, а не пріучало владѣть отечественнымъ языкомъ“ (цит. сочин., стр. 73) [2]). Уволенъ Толмачевъ былъ только въ 1832 году, а Бутырскій въ 1836 году.

Таковы были внѣшнія условія, въ которыхъ должно было развиваться у насъ изученіе русскаго, церковнославянскаго и славянскихъ языковъ въ теченіе второго и половинѣ третьяго десятилѣтій XIX в.

---

[1]) См. Приложеніе № III къ книгѣ А. А. Кочубинскаго: „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“. Одесса, 1887—88, стр. XCVIII.

[2]) Этому же Я. Толмачеву принадлежитъ вышедшая много лѣтъ спустя „Аналитическая филологія о составѣ и образованіи русскаго языка. (Сочиненіе Якова Толмачева. Спб. 1859“), подтверждающая своимъ содержаніемъ приведенный отзывъ историка Петербургскаго университета.

Характерной чертой научной литературы этого времени является обиліе общихъ разсужденій о русскомъ и церковнославянскомъ языкѣ, выясняющихъ ихъ отличительныя свойства, взаимное отношеніе и происхожденіе. Вопросы эти стояли на очереди и предлагались на обсужденіе и разрѣшеніе нашими тогдашними учеными обществами и учрежденіями (см. выше, стр. 745). Въ ряду разсужденій, разсматривавшихъ эти очередные вопросы нашей науки, встрѣчаемъ прежде всего извѣстное „Разсужденіе о Краснорѣчіи Священнаго Писанія, и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе (,) красота и сила Россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное въ годичное Императорской Россійской Академіи Собраніе, бывшее въ 3-й день Декабря 1810 года. Сочиненіе Члена Академіи Александра Шишкова, и оною Академіею издано. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ Императорской Типографіи 1811 года“ (8°, 2 ненум. + 11 + 2 ненум.).

Разсужденіе это представляетъ собой соединенное разрѣшеніе двухъ „заданій“ Россійской академіи, предложенныхъ ею незадолго передъ этимъ: 1) *написать разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія;* 2) *показать, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе* и т. д. (какъ въ заглавіи труда Шишкова). Сочиненіе Шишкова распадается на 3 „статьи“ и одно „присовокупленіе“. Первая „статья“ трактуетъ „о превосходныхъ свойствахъ нашего языка“ (стр. 2—19), вторая—„о краснорѣчіи Священныхъ Писаній“ и третья — о томъ, „какими средствами словесность наша обогащаться можетъ, и какими приходитъ въ упадокъ“. Это новое произведеніе Шишкова ничѣмъ не отличалось отъ его прежнихъ писаній въ этомъ родѣ, съ которыми мы уже познакомились выше, если не считать ряда новыхъ смѣхотворныхъ этимологій. Русскій языкъ, какъ и вполнѣ естественно у Шишкова, представляется ему „нѣкой чудной загадкой, понынѣ еще темной и не разрѣшенной“. Каковъ онъ былъ до крещенія Руси, „мы не имѣемъ ни малѣйшаго... понятія, точно, какъ бы его не было. Ни одна книга не показываетъ намъ онаго. Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою“, во всеоружіи „силы, чистоты, согласія, важности и великолѣпія“ (стр. 2—3). Въ примѣръ этихъ качествъ приводятся яко бы звукоподражательныя слова *громъ, трескъ, вихрь* и знаменитыя глубокомысленныя этимологіи: *далеко=даль око* (т. е. простирай зрѣніе далѣе), *близко=близь око* (не простирай оное вдаль), *низко=низь око* (опускай внизъ), *глубоко=глубь око* (углубляй), *широко=ширь око* (разширяй), *высоко=высь око* (возвышай). По словамъ Шишкова, такой изобразительности нѣтъ въ

соотвѣтствующихъ французскихъ и нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, ничего не говорящихъ воображенію: loin, weit, proche, nahe и т. д. Другими образчиками „превосходныхъ свойствъ нашего языка“ служатъ такія слова, какъ: *слухъ*, въ которомъ помѣщено названіе части тѣла, служащей „орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства“, т. е. *уха*; *зрѣніе*, родственное „съ подобными же свѣтъ означающими понятіями *зареніе (?), заря* (удачно!)“; *обоняніе=обвоняніе* изъ *объ+воня* (также возможно, хотя и не необходимо, въ виду первичнаго индоевр. корня an-: л. animus) и т. д. (стр. 4). Къ „превосходнымъ свойствамъ“ относится и то, что русскій умъ, желая назвать какую либо видимую вещь, „разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то для составленія имени ея выбиралъ и буквы такой же образъ имѣющія (!): *око*“. Выходитъ такимъ образомъ, что буквы существовали еще до изобрѣтенія если не всего языка, то по крайней мѣрѣ нѣкоторой его части! Отъ столь блестяще объясненнаго *ока* далѣе производятся не только *окно*, но и *около, околица, околичность*, которыя дали новыя „отрасли“; *коло* или *колесо, коловратно, колесница, кольцо, колыхать, колыбель* и т. д. (стр. 5). Далѣе приводятся примѣры другихъ семействъ словъ, „изъ которыхъ иныя весьма плодородны“ (стр. 6), причемъ вѣрно сопоставляются: *лукъ, луки, лучицы, лукоморье, налякáть* или *наляцáть, слякáть* и *сляцáть, слякій* или *слукій, облукъ (облучекъ), излучина, излучисто, луковица, лукошко, лукавство, лукавить; слученіе, случай, случайность, случиться, случить, случка; разлученіе, разлука, разлучиться; отлученіе, отлучить, отлучиться, отлучка; прилученіе, прилучиться, прилучить, прилука; полученіе, получить, залучить, улучить, излучить, благополучіе, злополучіе* и пр. (стр. 6—10). Сравнивая эти родственныя между собою слова съ соотвѣтствующими французскими, Шишковъ находитъ, что у послѣднихъ „нѣтъ той семейственности, и что слова ихъ суть разныхъ отцовъ дѣти“, въ родѣ лукъ—arc, лука—courbe, улучить—saisir, случай—occasion и т. д. (стр. 12—13). Отсюда дѣлается „безошибочный“ выводъ, что русскій языкъ, въ сравненіи съ французскимъ, есть „несравненно древнѣйшій и богатѣйшій, поелику видно, что онъ о составленіи словъ своихъ, такъ сказать, самъ умствовалъ, изъ самаго себя извлекалъ ихъ, раждалъ; а не случайно какъ нибудь заимствовалъ и собиралъ отъ другихъ народовъ“ (стр. 14). Превосходство русскаго языка надъ французскимъ и нѣмецкимъ доказывается дальше еще сравненіемъ словъ: *вельможа* съ grand Seigneur и grosser Herr, *цѣломудріе*—съ chasteté и Keuschheit, при чемъ русскія слова объявляются несравненно болѣе много-

значительными и выразительными. Въ примѣръ подобныхъ же словъ приводятся слова: *присносущный*, *благообразный*, *лютонравный*, *пѣснопѣніе*, *благоуханіе*, *чадолюбіе*, *искони*, *вретище*, *сладкорѣчіе*, „и тысячи имъ подобныхъ“ (стр. 15—17). Если нѣмцы и французы еще могутъ привести соотвѣтственныя слова для *мощный* и *всемощный*, *могущій* и *всемогущій* (puissant, tout puissant и mächtig, allmächtig), то въ словахъ: *всесильный*, *всеблагій*, *всещедрый*, *всерадостный*, *всеядецъ*, *всеоружіе*, *всецарь* и пр. „тотчасъ отъ насъ отстанутъ“ (стр. 17). Кромѣ того, имъ „почти совсѣмъ неизвѣстно богатство языка нашего, происходящее отъ сложенія предлоговъ съ именами и глаголами“, и формы въ родѣ *попѣваю*, *разпѣваю*, *разлечься*, *разлежаться*, *залечь*, *отлежать*, *належать*, *улежать*, *пролежать*, у нихъ не возможны. Далѣе утверждается, что во французскомъ и нѣмецкомъ очень мало или совсѣмъ нѣтъ уменьшительныхъ (?!), въ родѣ *колечко*, *ручка*, *сердечко*, *сердечушко*, *малешенько*, *ранешенько*, увеличительныхъ, какъ *столище*, *домище*, *ручища*, прилагательныхъ формъ, въ родѣ *бѣловатъ*, *кругловатъ*, *бѣленекъ*, *кругленекъ*, *великонекъ* и т. д. (стр. 17—18).

Доказавъ такимъ произвольнымъ и ненаучнымъ образомъ превосходство русскаго языка, Шишковъ въ слѣдующей II статьѣ переходитъ къ доказательству вящшаго краснорѣчія Священнáго Писáнія, приводя оттуда рядъ отрывковъ съ соотвѣтствующимъ французскимъ переводомъ и восхищаясь силой, красотой и великолѣпіемъ славянской версіи, сравнительно съ французской.

Третья статья содержитъ опроверженіе „распространившихся ко вреду словесности толковъ о мнимой разности Славенскаго языка съ Рускимъ“, которые „не только не даютъ ей процвѣтать, ниже пребывать твердою и постоянною“, и которые Шишковъ находилъ во многихъ тогдашнихъ книгахъ.

Мысль о различіи „Славенскаго и Рускаго языковъ“ объявляется „неосновательною“, и тожество ихъ доказывается нижеслѣдующими разсужденіями: „Ежели мы слово *языкъ* возмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то конечно можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія (?): во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библія, Четіи-минеи, Несторова лѣтопись, Ѳеофановы проповѣди, Кантемировы сатиры, оды Ломоносова, сочиненія Петрова, Богдановича, и проч., суть книги писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же Славенской или Руской. *Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви отъ нихъ произшедшія*

(? курсивъ нашъ). Когда оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ". Въ русскомъ языкѣ утрачено, напр., двойств. число въ склоненіи и спряженіи, но здѣсь „мы измѣнили только окончаніе", а не корни, „слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нимало не уклонившемся чрезъ то отъ разума и свойства языка" (стр. 44—45). Нужно замѣтить, однако, что понятіе „нарѣчія" Шишковымъ совсѣмъ не опредѣляется, и такимъ образомъ, все его разсужденіе представляется весьма сбивчивой и нескладной игрой въ слова: *языкъ* и *нарѣчіе*, которымъ придается произвольное толкованіе. Справедливо указываетъ Шишковъ, что на лексическихъ различіяхъ, въ родѣ русск. *глазъ*, *лобъ*, *щоки*, *плечи*, рядомъ со слав. *око*, *чело*, *ланиты*, *рамена*, нельзя основать различеніе русскаго языка отъ славянскаго. Но толкованіе, которое онъ даетъ подобнымъ случаямъ, сейчасъ же обнаруживаетъ свою ненаучность и отсутствіе настоящаго критерія для различенія. „Чѣмъ докажутъ мнѣ, спрашиваетъ Шишковъ, что *глазъ*, *лобъ*, *щоки*, *плечи*, суть Рускія, а не Славенскія названія?" Отсутствіе ихъ въ Свящ. Писаніи не есть доказательство, „потому что во всякомъ языкѣ есть сословы, слѣдовательно и въ нашемъ быть должны", кромѣ того, „нѣкоторые изъ нихъ и въ Священныхъ книгахъ попадаются", въ родѣ *плещи*, *плечи*, рядомъ съ *рамена*. Священныя книги всегда пишутся высокимъ слогомъ, а потому въ нихъ и не можетъ быть простыхъ или низкихъ словъ, въ родѣ *калякать*, *кобениться*, *задориться*, *пригорюниться*, *ошеломить*, *треснуть въ рожу*. По мнѣнію Шишкова, эти слова всетаки могутъ быть признаны „Славенскими", хотя ихъ и „нѣтъ въ высокихъ твореніяхъ, въ которыхъ имъ и быть неприлично... Мы конечно не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благовонія*, ни *воздоснія*, ни *добледушія*, ни *древодѣлія*; а напротивъ того въ Библіи не найдемъ ни *любчика*, ни *голубчика*, ни *удалаго добраго молодца*; однако не можемъ изъ сего различія заключить о разности языковъ. Всякое слово... пускаетъ отъ себя вѣтви, изъ которыхъ иныя приличны высокому, а другія простому нарѣчію или слогу (?!). Изъ сего раздѣленія ихъ", однако, не слѣдуетъ, „будто бы оныя не одно и тожъ дерево составляли. Могутъ еще сослаться на слова *лошадь*, *колпакъ*, *кучеръ*, *артиллерія*, *фортификація*, и проч.", но эти слова не славянскія и не русскія, а взяты изъ чужихъ языковъ. „Чтожъ такое Руской языкъ

отдѣльно отъ Славенскаго? Мечта, загадка (?!). Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова?", спрашиваетъ Шишковъ (стр. 46—48), принимающій собственное невѣжество и неумѣнье разобраться въ вопросѣ за невозможность его рѣшенія.

„Доказавъ" такимъ образомъ тожество русскаго и славянскаго языковъ, Шишковъ обращается противъ „новѣйшихъ писателей", желающихъ изгнать всѣ славянскія слова изъ литературнаго языка и „писать, какъ говоримъ". Аргументы его здѣсь столь же своеобразны, какъ и выше. Забывъ, что раньше онъ самъ называлъ различія языка древнихъ книгъ отъ новыхъ разницами „въ нарѣчіи" (стр. 45), онъ начинаетъ теперь утверждать, что и нарѣчія одного и того же языка, „не могутъ называться одно Славенскимъ, а другое Рускимъ; въ такомъ случаѣ предполагалось бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ" (стр. 49). Но все же Шишковъ дѣлаетъ уступку и соглашается „разумѣть подъ именемъ Славенскаго языка нарѣчіе Свящ. Писанія, а подъ именемъ Рускаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ". Разницу между этими нарѣчіями онъ видитъ „въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не въ раздѣленіи оныхъ на Славенскія и Руския (!); ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе?" (стр. 49).

Дальнѣйшія разсужденія обнаруживаютъ крайнюю неясность представленій Шишкова о составѣ русскаго литературнаго языка и отличіи его отъ народнаго и древнерусскаго: „ежели назовемъ *воронъ*, *корова*, *воробей*, *молоко*, Рускими словами; а *вранъ*, *крава*, *врабій*, *млеко*, Славенскими, то за чемъ же говоримъ по Словенски *нравъ*, *врагъ*, *владѣть*, *награда*; а не по Руски *норовъ*, *ворогъ*, *володѣть*, *нагорода*, какъ читаемъ мы въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ?" (стр. 49—50) и т. д.

Запутавшись въ подобныхъ недоумѣніяхъ, Шишковъ признаетъ совершенно невозможнымъ разобрать въ составѣ языка, „что Славенское и что Руское" (стр. 50), и на основаніи этого съ негодованіемъ отвергаетъ всѣ попытки новѣйшихъ писателей, отказывающихся отъ славенщины и желающихъ писать по разговорному. При этомъ дается опредѣленіе славянскаго языка, какъ языка, „который выше разговорнаго и которому слѣдственно не можемъ иначе научиться, какъ изъ чтенія книгъ", т. е., „что онъ есть высокій, ученый, книжный языкъ" и т. д. (стр. 64). Въ доказательство пагубности „удаленія отъ славянскаго языка" и проистекающей отсюда бѣдности въ мысляхъ, приводится разговоръ между „славениномъ" и „русскимъ" о словѣ *доить*, которое въ русскомъ языкѣ гораздо бѣднѣе по значенію, чѣмъ въ славянскомъ, и о нѣ-

которыхъ другихъ словахъ. Все клонится къ доказательству необходимости „черпать изъ богатаго источника“ славянскаго языка и „восходить, какъ можно далѣе къ началамъ онаго“, какъ „единаго средства къ распространенію, обогащенію и усовершенствованію нашей словесности“.

Въ „присовокупленіи“ къ „Разсужденію“ находимъ полемику съ Д. В. Дашковымъ, который принялъ участіе въ спорѣ Шишкова съ карамзинистами своей критикой „Шишковскаго „Перевода двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями переводчика“ [1]), содержавшими излюбленныя и знакомыя уже намъ его мысли. Критика Дашкова была очень сдержанна и вполнѣ прилична по тону. Авторъ ея не отвергалъ близости русскаго языка къ славянскому, но спрашивалъ: „не слишкомъ ли много смѣшивать сіи два языка и почитать ихъ за одинъ и тотъ же“, придавая ему имя „Славенороссійскаго“, вмѣсто „просто Россійскаго“ („Цвѣтн.“ 1810, ч. VIII, стр. 259). Дашковъ полагалъ даже, вмѣстѣ съ Шишковымъ (и Шлецеромъ), что русскій языкъ происходитъ отъ славянскаго, какъ французскій „отъ Латинскаго, смѣшаннаго съ Цельтскимъ, или Вельхскимъ“, съ той только разницей, что французскій началъ обособляться еще въ X вѣкѣ, а на русскомъ языкѣ никто не писалъ до временъ Петра I (тамъ же, стр. 260). По мнѣнію Дашкова, отдѣленіе русскаго языка отъ славянскаго произошло „давно уже... введеніемъ множества Татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ“. Дашковъ возставалъ поэтому противъ отожествленія русскаго языка со славянскимъ: „можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно, хотя непосредственно происходитъ отъ другого, но смѣшано съ третьимъ *чуждымъ*, и притомъ испорчено пятисотлѣтнимъ употребленіемъ? Къ чему величаться названіемъ, намъ непринадлежащимъ! Мы и безъ того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣми Европейскими народами: нашъ Руской языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того можемъ еще почерпать изъ Славенскаго (выгода несравненная!) съ тѣмъ... условіемъ, чтобы выраженія и обороты, занмствованные нами, не были противны“ нашему языку. Если бы оба языка были тожественны, „на что сіи предосторожности?“ (стр. 261—62). Если бы это было такъ, то почему мы не пишемъ языкомъ Библіи, почему имѣемъ много выраженій, со-

[1]) Статья Шишкова была напечатана въ «Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента» (ч. II), критика Дашкова—въ «Цвѣтникѣ» 1810 г. ч. VIII, стр. 256—303, 404—467.

вѣмъ не славянскихъ и не происходящихъ изъ славянскаго. Языкъ сочиненій, написанныхъ „высокимъ слогомъ", со множествомъ славянизмовъ, для Дашкова все же остается русскимъ (стр. 263). Онъ обращаетъ также вниманіе на противорѣчіе термина „Славенороссійскій" съ принятымъ и у Шишкова дѣленіемъ слога на „высокій, средній и низкій". Если первый видъ слога — „чистой Славенской языкъ", а послѣдній — простонародный, то, очевидно, „совокупленіе" этихъ двухъ языковъ въ одинъ „*Славенороссійскій*" само собою уничтожается".

Конечно, лингвистическія представленія Дашкова не всегда вѣрны. Такъ онъ ошибается, приписывая татарскому вліянію отдѣленіе руского языка отъ славянскаго, въ связи съ чѣмъ думаетъ, что „при Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, т. е. по просту на Славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора; а простымъ слогомъ, или лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ Славенскаго и смѣшеннымъ со множествомъ Татарскихъ словъ, тогда говорили"; теперь же, „когда Руской языкъ образовался", то это различіе въ слогѣ „съ точностью наблюдается по различію рода сочиненій". Но тутъ же онъ высказываетъ вполнѣ правильную мысль, что „исключительное назначеніе получаемыхъ нами отъ Славенскаго пособій одному высокому слогу, а языка общенароднаго простому слогу, не существуетъ, да и существовать не можетъ", при чемъ подкрѣпляетъ ее удачными иллюстраціями изъ произведеній Державина и Крылова (стр. 265—67). Дашковъ протестуетъ также противъ предположенія Шишкова, что славянскій языкъ долженъ былъ имѣть словесность еще до перваго перевода на него Свящ. Писанія, ибо „никакой языкъ отъ изустнаго употребленія не можетъ вознестись вдругъ" на такую высоту, на которой, по силѣ, богатству и лаконичности, стоитъ языкъ церковныхъ книгъ. Въ опроверженіе этого мнѣнія, критикъ приводитъ рядъ примѣровъ возвышеннаго слога въ языкахъ народовъ, не имѣвшихъ письменности (стр. 269—272). Онъ не оставляетъ безъ возраженія и утвержденіе Шишкова, будто въ славянскомъ и происшедшихъ отъ него языкахъ находятся корни „многихъ Греческихъ и Латинскихъ словъ". Правда, Дашковъ не зналъ по гречески и потому отвѣтилъ Шишкову лишь общимъ соображеніемъ, что едва ли греки временъ Гомера, Софокла и Демосѳена стали бы черпать изъ славянскаго языка, котораго они не знали до временъ Владиміра и который, конечно, былъ грубъ и бѣденъ, но въ то же время онъ категорически отвергаетъ совершенно возможное сопоставленіе Шишкова лат. tollere и tolerare съ русскимъ *толить*. При этомъ

Дашковъ утверждаетъ, что „корень Латинскаго языка есть древній Этруской, смѣшанный съ Греческимъ“ (стр. 269—274), и обнаруживаетъ свое очевидное незнакомство съ народившимися уже въ то время ученіями объ *общемъ* происхожденіи греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ изъ одного источника.

Дашковъ согласенъ съ разсужденіями Шишкова относительно бѣдности франц. языка и богатства русскаго (стр. 278), но не можетъ слѣдовать за нимъ, когда онъ предлагаетъ замѣнить извѣстныя и всѣми употребляемыя иностранныя слова, въ родѣ *актеръ*—„славенорусскими“, или лучше „славеноварварскими“, въ родѣ *лицедѣй* (стр. 296—97). Не сходится Дашковъ съ Шишковымъ и въ его пристрастіи къ сложнымъ словамъ греческаго типа, въ родѣ *древо благосѣннолиственное* и т. п., приводя въ качествѣ отрицательнаго примѣра аналогичныя смѣхотворныя формы: *длинногустозакоптѣлая* брада и *Христогробопоклоняемая* страна (стр. 297—300). Походу Шишкова противъ иностранныхъ словъ онъ противопоставляетъ указаніе на рядъ подобныхъ словъ у него самого (проза, поэма, журналистъ, граматика, электрическая сила, дактили, ямбы, эпизода), на неудачные переводы: *синонимъ*—сословъ, *критикъ*—разсматриватель книгъ (стр. 423—25), и галлицизмы (*выразить себя*, вм. *выражаться, нашли короче говорить* и т. д., стр. 445 и 449), которыхъ Шишковъ не замѣчалъ у себя, преслѣдуя, однако, другихъ за порчу русскаго языка.

Критика Дашкова, конечно, не могла понравиться самолюбивому и задорному Шишкову, который отвѣтилъ на нее въ своемъ „присовокупленіи“ къ вышеразсмотрѣнному разсужденію. Новыхъ аргументовъ Шишковъ здѣсь не приводитъ и даже впадаетъ иногда въ противорѣчіе съ мнѣніями, высказанными имъ же самимъ раньше. Такъ, возражая на фразу Дашкова: „при Петрѣ Великомъ... высокимъ слогомъ, т. е. по просту на Славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора“, Шишковъ [1]) обрушивается на него: „Да развѣ Славенской языкъ и высокой слогъ есть одно и то же? Не ужъ ли всякая Славенская рѣчь есть высокая?“ и т. д., забывая, однако, при этомъ, что самъ раньше (стр. 64) понималъ подъ „Славенскимъ“ языкомъ языкъ „выше разговорнаго, высокій, ученый, книжный“ и т. д. Мелкія ошибки Дашкова онъ иногда указываетъ удачно, обращая, напр., его вниманіе на рядъ произведеній русской словесности, писанныхъ до Петра (стр. 96), въ родѣ Русской правды, духовной Владимира Мономаха, Слова о полку Игоревѣ, лѣтописей (въ томъ числѣ и „древней Вивліо-

---

[1]) «Разсужденіе о краснорѣчіи священнаго писанія» и т. д., стр. 107.

оики“!) и т. д. Справедливо также замѣчаніе, что о „множествѣ“ татарскихъ словъ въ русскомъ языкѣ нельзя говорить, и что „нѣсколько словъ, вошедшихъ въ простонародное нарѣчіе“, не могли положить начало новому языку (стр. 97). Кромѣ этихъ немногихъ вѣрныхъ замѣчаній, возраженіе Шишкова состоитъ изъ назойливаго повторенія все тѣхъ же голословныхъ утвержденій, клонившихся къ оправданію своего собственнаго пристрастія къ славенщинѣ XVIII-го вѣка подобіемъ научной аргументаціи. Споръ въ концѣ-концовъ сводился къ разницѣ стилистическихъ вкусовъ и имѣлъ совсѣмъ не научный характеръ. Для Шишкова важно было только перекричать своихъ противниковъ, которыхъ онъ, наконецъ, сталъ обвинять въ желаніи отвлечь умъ и сердце каждаго „отъ правоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности... удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго..., чтобъ языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать страстей“ и т. д. (стр. 93—94).

Дашковъ отвѣчалъ Шишкову брошюрой „О легчайшемъ способѣ возражать на критики“ (Спб. въ типогр. Шнора, 1811. 12°, 76 стр.), въ которой указывалъ на недостойный и личный тонъ возраженій своего противника и, отстаивая свои прежнія замѣчанія, подвергъ разбору и само „Разсужденіе о краснорѣчіи Св. писанія“ Шишкова. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній основательны, другія обнаруживаютъ отсутствіе научныхъ знаній, притомъ такихъ, которыя можно было имѣть и въ тѣ времена. Въ защиту своего различенія между языкомъ славянскимъ и русскимъ, Дашковъ ссылается на извѣстное Ломоносовское разсужденіе „О пользѣ книгъ церковныхъ“, гдѣ оба языка вполнѣ отчетливо разграничиваются другъ отъ друга [1]), и о которомъ Шишковъ, очевидно, совсѣмъ забылъ (стр. 18—19, прим.). Дѣлается также ссылка на критическій разборъ статьи Шишкова „Разговоры о словесности“, принадлежащій Каченовскому („Вѣстникъ Европы“, 1811, № 12, стр. 293), въ которомъ указывается различіе славянскаго языка отъ русскаго и неправильность названія *нарѣчіе* или *слогъ*, въ

[1]) Нпр.: „къ первому роду реченій Россійскаго языка причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ *обще употребительны* (Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю)... Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, т. е. въ церковныхъ книгахъ (говорю, ручей, которой, пока, лишь)... Симъ штилемъ преимуществуетъ *Россійскій языкъ* предъ многими нынѣшними Европейскими, *пользуясь языкомъ Славенскимъ*, изъ книгъ церковныхъ“...

примѣненіи къ послѣднему (стр. 19—20). Далѣе Дашковъ устанавливаетъ свое отношеніе къ славянскому языку, который онъ и не думалъ „презирать", утверждая только, что „не должно употреблять въ Рускомъ языкѣ несвойственныхъ ему Славенскихъ выраженій и оборотовъ" (стр. 24). Вѣрно и его замѣчаніе, что, въ доказательство тожества славянскаго и русскаго языковъ, нельзя ссылаться на понятность пролога, Четій-Минеи и другихъ церковныхъ книгъ для безграмотныхъ мужиковъ, какъ это дѣлалъ Шишковъ (стр. 26). На дѣлѣ, по словамъ Дашкова, наблюдается совсѣмъ иное: „у насъ ни одинъ мужикъ, хотя бы и грамотный, не пойметъ ничего изъ Пролога и Четіи-Минеи, естьли не учился читать по Часослову и не затвердилъ начальныхъ правилъ Славенскаго языка" (стр. 26—27). На стр. 35—37 (примѣч. 6) Дашковъ исправляетъ ошибочную этимологію Шишкова, производившаго *теперь* отъ мѣстоим. *та* и имени *пора*. При этомъ онъ пользуется письмомъ „одного почтеннаго любителя словесности" (Д. И. Языкова?), въ которомъ указывалось на лѣтописную форму *нетеперво* и рядъ славянскихъ формъ (взятыхъ изъ словаря Линде), въ родѣ „*Богемск.* тепрвъ, тепрва, тепрувъ, *Рагузск.* топарвъ, стопарвъ" и т. д. По мнѣнію „Любителя", русск. *теперь*=*теперво*, *топерво*, а *та пора* дало начало только нарѣчіямъ *въ тупору*, *на тупору*, *втапоры*. Осуждаетъ Дашковъ и знаменитыя этимологіи Шишкова *далеко=даль око*, *близко=близь око*, и т. п., указывая, что ихъ „окончанія *еко*, *ко*, *око*" тѣ же самыя, что и въ словахъ *жестоко*, *мягко*, *крѣпко* и т. д. (стр. 67). При этомъ Дашковъ отсылаетъ читателя и къ настоящему источнику этихъ этимологій—статьѣ Сумарокова „О коренныхъ словахъ Русскаго языка" (см. выше, стр. 212 и 274—276), о которой Шишковъ совсѣмъ не упоминаетъ (стр. 68—69, прим.). Смѣшному соображенію Шишкова, по которому звукъ *о* въ словѣ *око* выбранъ за круглую форму буквы *о*, напоминающую видъ глаза, Дашковъ противопоставляетъ указаніе на слова *кругъ* и *шаръ*, названія „фигуръ самыхъ круглѣйшихъ", въ которыхъ тѣмъ не менѣе нѣтъ гласнаго *о* (стр. 72—73). Кромѣ того, исправляется рядъ другихъ мелкихъ ошибокъ Шишкова, въ родѣ небывалаго слова *зареніе* (очевидно изъ *о-зареніе*), *лучица*, заливецъ (по Дашкову—*водоросль*, *водяная трава*; на дѣлѣ—*болото*, *стоячая вода*) и т. п. (стр. 71, 73).

Рядомъ со справедливыми замѣчаніями, находимъ у Дашкова и ошибки. Онъ самъ, какъ и его противникъ, не умѣлъ отличить церковно-славянскаго отъ русскаго. Только Шишковъ называлъ русскій — славянскимъ, а Дашковъ утверждалъ, что

„встарину всякія книги духовныя и свѣтскія писали языкомъ Славенскимъ болѣе или менѣе неиспорченнымъ“ (стр. 28), и спрашивалъ: „Развѣ Руская правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ (коихъ у насъ незнающіе по славенски безъ перевода читать не могутъ, даже и знающіе очень часто не понимаютъ), развѣ всѣ сіи книги писаны по руски?“ (стр. 28—29). По прежнему онъ продолжаетъ настаивать, что „въ *нарѣчіе Руское* вмѣшалось множество Татарскихъ и другихъ иностранныхъ словъ“, вслѣдствіе чего „оное нарѣчіе отдѣлилось совершенно отъ своего корня“ (стр. 32). Главное мѣстопребываніе славянъ Дашковъ помѣщаетъ на Дунаѣ, а „главную колыбель Славенскаго языка“ въ Моравіи, гдѣ изобрѣтены и буквы наши (стр. 46) и т. д. Не удивительно, если Карамзинъ, не принимавшій участія въ спорѣ своихъ приверженцевъ съ Шишковымъ, такъ оцѣнилъ его научное значеніе въ своемъ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 4 дек. 1811 г.: „Кажется, что наши петербургскіе авторы, и старые и молодые, спорятъ о языкахъ славянскомъ и русскомъ безъ яснаго понятія о ихъ различіи. Объ этомъ говорить будетъ долго; и такъ не скажу ничего [1])“. Такимъ образомъ научной пользы отъ этого спора вышло очень немного, и онъ характеристиченъ скорѣе въ смыслѣ отрицательнаго показателя, дающаго понятіе о состояніи нашей науки въ данное время.

Въ томъ же 1811-мъ году явились „Разговоры о Словесности. Сочиненіе Александра Шишкова. Въ С.-Петербургѣ, въ Типографіи Ивана Глазунова (8°, 158 стр.)“, Мы находимъ здѣсь большею частью обычное у Шишкова повтореніе тѣхъ же излюбленныхъ парадоксовъ и ошибокъ, знакомыхъ намъ изъ болѣе раннихъ его писаній. Первая часть этихъ „Разговоровъ“ была посвящена вопросу о русскомъ правописаніи, вторая—„Рускому стихотворству“ и содержала нѣсколько цѣнныхъ по тому времени замѣчаній объ особенностяхъ народнаго поэтическаго языка. Новый трудъ неутомимаго „славенофила“ вызвалъ критическую статью К. (Каченовскаго), напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы“ (1811, ч. 57, № 12, стр. 285—305 и № 13, стр. 34—57). Каченовскій соглашается съ цѣлымъ рядомъ основныхъ положеній Шишковскихъ „Разговоровъ“ и цитируетъ цѣликомъ „прекрасное ихъ окончаніе“, гдѣ говорится опять о важности церковныхъ книгъ для рус-

[1]) „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. По порученію Отд русск. языка и слов. Имп. Акад. наукъ изд. Я. Гротомъ и Пекарскимъ“. Спб 1866, стр. 159. См. примѣчаніе Грота къ этому письму, стр. 067—071.

скаго литературнаго языка, вредѣ подражанія иностраннымъ языкамъ, достоинствахъ „Славянскаго" языка, опасности испортить нашъ языкъ, если забудемъ славянскій его источникъ и будемъ гнаться за изученіемъ чужихъ языковъ и т. д. Несмотря на это принципіальное сочувствіе, Каченовскій дѣлаетъ рядъ поправокъ и критическихъ замѣчаній къ отдѣльнымъ мнѣніямъ Шишкова. На его утвержденіе, будто церковныя книги даютъ „достаточныя и твердыя правила для правописанія", Каченовскій отвѣчаетъ указаніемъ на непослѣдовательность и пестроту правописанія въ этихъ самыхъ книгахъ. Точно также Каченовскій указываетъ, что отступленія отъ церковно-славянскаго правописанія начались въ нашемъ письменномъ языкѣ уже давно, а не въ новѣйшее время („нынѣ"), какъ утверждалъ Шишковъ. На слова Шишкова, называвшаго мнѣніе о различіи славянскаго и русскаго языковъ „неосновательнымъ и невѣжественнымъ" и объявлявшаго русскій языкъ не существующимъ, „ибо слогъ или нарѣчіе не есть языкъ", Каченовскій отвѣчалъ такимъ опредѣленіемъ помянутаго различія: „Оставшійся въ книгахъ духовныхъ Славянскій языкъ отдѣленъ отъ нынѣшняго Русскаго несходствомъ нѣкоторыхъ словъ и разностію въ спряженіяхъ и даже въ правилахъ синтаксиса. Безъ всякаго сомнѣнія Русской языкъ есть отрасль Славенскаго; но теперь онъ уже въ такомъ состояніи, что приличнѣе называть его языкомъ, а не нарѣчіемъ. На немъ издаются законы; на немъ написаны многія книги: какъ же можно сказать, что онъ не существуетъ, и какъ можно называть его нарѣчіемъ, тогда какъ самъ онъ уже имѣетъ множество мѣстныхъ нарѣчій? Ежели такъ, то ни одинъ изъ нынѣшнихъ Европейскихъ языковъ не существуетъ; ибо всѣ они произошли отъ древнихъ и изъ нихъ составились... Было бы очень странно, когдабъ увѣрять стали, что у италіанцевъ и французовъ нѣтъ языка, и что тѣ и другіе говорятъ *нарѣчіемъ* или *слогомъ*" (стр. 293). Какъ ни наивенъ кажется намъ теперь этотъ взглядъ Каченовскаго, но нельзя не признать, что онъ стоитъ неизмѣримо выше нелѣпой теоріи Шишкова, по которой русскій языкъ являлся „слогомъ" или „нарѣчіемъ" славянскаго.

Каченовскій осуждаетъ здѣсь (стр. 293—94) и пресловутыя этимологіи Шишкова: высоко = *высь-око*, глубоко = *глубь-око* и т. д., а также объясненія: *зѣница* изъ *зрѣница* (зрѣніе) и *граница* изъ *храница* (храненіе). По словамъ нашего критика, тогда и *гордость* можно производить отъ *гора* и *даю*. Особенно рѣшительно отвергаетъ онъ производство: *граница* изъ *храница* и указываетъ на схожее и, вѣроятно, по его мнѣнію, родственное

нѣм. Gränze (въ дѣйствительности заимств. изъ славянскаго). Самое значеніе слова *граница* — (черта, рубежъ, край, межа) не имѣетъ ничего общаго съ *храненіемъ* (стр. 295). Не согласенъ также Каченовскій съ Шишковымъ, относительно великаго значенія русскихъ буквъ *ч*, *ш*, *щ*, которыя, по словамъ Шишкова, „возвели Славенскую азбуку и языкъ до такой силы и звучности, до которыхъ всѣ новѣйшіе языки, неимѣющіе сихъ буквъ, тщетно покушаются вознестись". Каченовскій справедливо полагаетъ, что этимъ буквамъ приписывается „слишкомъ уже много почести" (стр. 297), и указываетъ, что „выражаемые ими звуки были въ языкѣ прежде употребленія письма, а буквы изобрѣтены послѣ и именно для звуковъ. Какую-жъ особливую услугу оказали буквы *ч*, *ш* и *щ*, и какую причину мы имѣемъ хвалиться тѣмъ, что для звука *ш* у насъ есть одинъ знакъ", а у французовъ двѣ буквы (ch). „У насъ нѣтъ буквъ для выраженія нѣкоторыхъ звуковъ Италіанскихъ, Французскихъ, Англійскихъ; должны ли мы о томъ печалиться, и могутъ ли иностранцы упрекать насъ бѣдностью?" (стр. 298—98). Такимъ образомъ не всѣ смотрѣли въ то время такъ странно и наивно на вопросы языка, какъ Шишковъ, не считавшійся ни съ требованіями науки, ни съ соображеніями обыкновеннаго здраваго смысла. Впрочемъ и Каченовскій отдаетъ дань времени, одобряя доводы Шишкова, какъ противъ незадолго до того изобрѣтенной буквы ё, такъ и противъ самаго произношенія гласнаго *о* на мѣстѣ древняго удареннаго *е* (напр. *слёзы*). По словамъ Шишкова, „важному и краснорѣчивому слогу приличенъ такой же и выговоръ словъ"; и критикъ, и авторъ „Разговоровъ" согласны, что нельзя вводить „простонародное" въ „книжный высокой и благородной языкъ" (стр. 302).

Оставляя въ сторонѣ чисто литературное содержаніе „Разговоровъ" Шишкова и замѣтки Каченовскаго относительно этой ихъ части, укажемъ еще, что Каченовскій вполнѣ справедливо отмѣчаетъ похвалой дѣйствительно новыя и цѣнныя для того времени замѣчанія Шишкова „объ отличіяхъ стариннаго Русскаго стихотворства", т. е. народнаго поэтическаго языка.

Въ этомъ послѣднемъ Шишковъ отмѣчалъ частыя повторенія, въ родѣ: „ты *дуброва* моя, *дубровушка*"; эпитеты („часто употребляются имена прилагательныя съ своими существительными"), въ родѣ: *красное солнце*, *свѣтлый мѣсяцъ*, *частыя звѣзды*, *синее море* и т. д.; двойные эпитеты: *темный дремучій лѣсъ*, *желтый сыпучій песокъ*, *бѣлая кудрявая береза* и т. д., краткія или простыя („усѣченныя") формы прилагательныхъ: *бѣлы руки*, *добра*

коня, бѣлъ горючь камень; имена уменьшительныя: *дѣтинушка, головушка*: „особливыя приговорки": *видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, журмя журить*; отрицательныя уподобленія: *не черная туча изъ за горъ поднималася, поднималось храброе Русское воинство* и т. д. Каченовскій находилъ, что сочинитель „Разговоровъ" этими наблюденіями „сдѣлалъ приятное одолженіе всѣмъ благомыслящимъ своимъ читателямъ".

По обыкновенію, Шишковъ не остался въ долгу у своего критика и въ слѣдующемъ 1812 году выпустилъ особое „Прибавленіе къ разговорамъ о словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу" (Спб. 8°, 71 стр.). Отвѣтныя возраженія Шишкова имѣютъ обычный для него характеръ, отличаясь голословностью и задоромъ, и мало прибавляютъ новаго къ высказаннымъ имъ раньше взглядамъ. Изрѣдка только встрѣчаются новыя этимологіи въ знакомомъ уже намъ вкусѣ, въ родѣ объясненія *серьги* = древн. *усерязи*, которое въ свою очередь состоитъ будто бы изъ словъ *усе* (уши) и *рязи* (ряжу, наряжаю! стр. 4—5). Свои дикія этимологіи *высоко* = *высь око*, *граница* = *грани́ца* Шишковъ отстаиваетъ, повторяя ихъ опять и утверждая, что онѣ такъ же очевидны, какъ происхожденіе слова *благополучіе* изъ *благо* и *получаю* (стр. 13—14) и т. д. Курьезно возраженіе Каченовскому относительно *щ*, которое, по мнѣнію послѣдняго, равно *ш* + *ч*. Шишковъ отвѣчалъ на это, что *щ* „составлено изъ *с* + *ч*, только это *с* „слышится всегда какъ *ш*" (стр. 21)! Прочія возраженія въ томъ же родѣ и, конечно, отнимали всякую охоту у противниковъ Шишкова продолжать съ нимъ научную полемику. Толку изъ нея выйти, очевидно, не могло. Тѣмъ не менѣе Каченовскій отвѣчалъ и на „Прибавленіе" (см. „Вѣстникъ Европы" 1812 г., ч. 62, стр. 118—130, 195—217), отстаивая свои замѣчанія и подчеркивая слабыя стороны Шишковскихъ возраженій.

Къ этой литературѣ, вызванной къ жизни полемическими писаніями Шишкова, принадлежитъ и „Разговоръ о томъ, что преимущественно заниматься должно языкомъ отечественнымъ" („Вѣстникъ Европы" 1812 г., ч. 61. стр. 173—202), полученный редакціей изъ московскаго университетскаго Благороднаго Пансіона и подписанный иниціалами Θ. С...й. Разговоръ этотъ ведется между приверженцемъ славенщины Стародумовымъ (Шишковъ), космополитически настроеннымъ Модовымъ (карамзинисты), Вѣтрономъ (представитель свѣтскихъ шалопаевъ, равнодушныхъ ко всякимъ отвлеченнымъ и научнымъ вопросамъ) и Здравомысломъ, фамилія котораго ясно говоритъ о его роли. Основная мысль выражена въ концѣ разговора устами Здравомысла, стыдящаго Модова и Вѣт-

рона и доказывающаго, что надо сначала изучить свой родной языкъ, а потомъ приниматься и за иностранные. Стародумовъ, сначала ратовавшій противъ этой мысли, въ концѣ концовъ соглашается со Здравомысломъ и признаетъ пользу иностр. языковъ. Модовъ, въ свою очередь, поступается до извѣстной степени своими западническими вкусами, а Вѣтронъ обѣщаетъ наверстать безпутно растерянное въ пустыхъ забавахъ время и заняться изученіемъ своего родного языка.

Въ связи съ походомъ Шишкова противъ иноземнаго вліянія и его „славенофильствомъ", выраженнымъ въ расмотрѣнныхъ его писаніяхъ, находится, очевидно, и довольно любопытное рукописное „Постановленіе общества, свергнувшаго иго чужеязычія", принадлежащее I-му отдѣленію библіотеки Имп. акад. наукъ (шифръ 26. 2. I. 38). Весьма вѣроятно, что мысль объ учрежденіи названнаго общества возникла какъ разъ во время вышеупомянутой полемики между Шишковымъ и карамзинистами. Небольшая рукопись „Постановленія", возникшая не раньше 1811 г. (писана на бумагѣ этого года), содержитъ проектъ устава общества и украшена эпиграфомъ: „Хорошее никогда не поздно". Цѣль общества изложена въ первомъ пунктѣ устава: „какъ возможно устраняться отъ употребленія франц. языка безъ самой крайней необходимости, какъ въ разговорѣ, такъ и на письмѣ". Члены общества, „будучи удостовѣрены въ изяществѣ и пользѣ цѣли его" (§ 2), должны были „пользу сію стараться разпространять сколько ко всеобщему употребленію языка, столько и къ его усовершенствованію" (§ 3). Въ виду возможности, что новость общества и закоренѣлость „предубѣжденія въ пользу франц. языка" навлекутъ на него „колкія сужденія и насмѣшки", члены его приглашались дѣйствовать рѣшительно, „противополагая имъ тѣже насмѣшки и презрѣніе въ душѣ" (§ 5). Члены обязывались проповѣдовать главную цѣль общества не только на словахъ, но и въ сочиненіяхъ (§ 6), и „очищать языкъ отъ употребленія иностранныхъ словъ, стараясь замѣнить ихъ собственными, равносильными" (§ 7). Знаніе иностранныхъ языковъ, однако, уставомъ не отвергалось и даже признавалось полезнымъ, но осуждалась привычка говорить на нихъ. Кто были учредители общества, изъ рукописи не видно. Въ ней упоминается только одно имя какого то г. Кикина, быть можетъ секретаря общества, у котораго должна была храниться книга для вписыванія въ нее членовъ. Повидимому, дальше проекта устава дѣло не пошло, такъ какъ о дѣятельности этого мертворожденнаго общества другихъ свѣдѣній не

имѣется. Такимъ образомъ для „усовершенствованія" русскаго языка оно не успѣло ничего сдѣлать.

Вообще вліяніе „славенофильской" проповѣди Шишкова было ничтожно, несмотря на его авторитетное общественное положеніе. Послѣдователей, проводившихъ его идеи въ дѣйствительную жизнь, было очень немного, и примѣръ ихъ могъ имѣть только отрицательное значеніе, ярко живописуя, куда можно зайти, слѣпо слѣдуя завѣтамъ маститаго пуриста и гонителя иностранныхъ словъ. Однимъ изъ такихъ слѣпыхъ послѣдователей, шедшихъ въ своемъ рвеніи еще дальше Шишкова, былъ нѣкій М. К. (Михайло Карлевичъ?), напечатавшій въ 1815 г. переводъ „Основаній естественнаго законодательства" Перро (С.-ПБ). Не ограничиваясь переводомъ иностранныхъ словъ, въ родѣ: система—*объемъ*, политика—*общеклоніе* (!), характеръ—*основодъ* (?!), логикъ—*словоздатель* и т. д., онъ замѣнялъ и укоренившіяся уже, переводныя и даже природныя русскія слова своими неологизмами, въ родѣ: землеизмѣреніе—*мѣроземіе*, предметъ—*обдумъ*, способность—*удособіе*, существо—*сущіе*, нравоучитель—*нравоставъ*, мѣра, вѣсъ и умѣщеніе—*умѣръ*, *увѣсъ*, *умѣстъ* и т. д. (См. „Сынъ Отечества" 1815 г., ч. 26, стр. 61—62).

Судя по фамильному сходству этихъ неологизмовъ съ подобными же неологизмами въ изданіи надв. сов. Михайлы Карлевича „Приступъ къ ежемѣсячному изданію подъ названіемъ любитель отечества (отчелюбецъ)", С.-ПБ. 1816 г.), надо думать, что переводчикъ книги Перро, М. К., и издатель „Отчелюбца", Мих. Карлевичъ,—одно и то же лицо. Журналъ его задавался необыкновенно широкой программой и имѣлъ въ виду между прочимъ содѣйствовать „усовершенію русскаго языка". Вліяніе Шишкова на Карлевича несомнѣнно явствуетъ изъ руководящихъ его принциповъ, высказанныхъ имъ въ одномъ изъ отдѣловъ его „Приступа": порча слова, по его мнѣнію, равносильна порчѣ обычаевъ и нравственности, иноземныя примѣси въ языкѣ ведутъ „къ важнымъ недоразумѣніямъ". Поэтому „нужно возвращаться къ Славенскому языку яко своему коренному языку, но все неиначе какъ образомъ постепенности". Здѣсь тоже найдемъ и рядъ дикихъ неологизмовъ, состряпанныхъ, очевидно, съ большою натугою и отсутствіемъ языковаго чутья: астрономія—*звѣздочетство*, физика—*тѣлообразіе*, медицина—*лѣчезнаніе*, химія—*споятѣло* (!), математика—*сомѣрочетіе* (!), механика—*трудоспоръ* и *силодѣліе*, минералогія—*ископаніе*, технологія—*искусствословіе* (?), метафизика—*душевзоръ* и *душевидъ*, аптека—*лѣчебня*, музеумъ—*храно-*

видъ, и т. д.; даже *распространеніе* не уцѣлѣло отъ перевода и превратилось въ *уизвѣстіе* (!).

Рядомъ съ кликаньемъ такихъ рьяныхъ шишковистовъ, какъ Карлевичъ, однако, высказывались и другіе, болѣе трезвые и здравые голоса. Такъ, въ видѣ противовѣса пуризму Шишкова и его послѣдователей, „Вѣстникъ Европы" Каченовскаго помѣстилъ въ 1816 г. (ч. 87, стр. 266—80) переводную статью франкфуртскаго профессора Бока: „Нѣсколько словъ о строжайшемъ наблюденіи чистоты въ языкѣ", содержавшую очень рѣзкое осужденіе галлофобіи.

Вопроса о взаимномъ отношеніи русскаго и славянскаго языковъ, разсматривавшагося въ писаніяхъ Шишкова, касается также Н. Брусиловъ въ своей статьѣ: „Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго Государства" („Вѣстникъ Европы" 1811 г., ч. 55, 284—316). Но онъ подъ „языкомъ Руссовъ", очевидно, разумѣетъ языкъ древнихъ скандинавовъ, поселившихся въ Россіи. Такъ онъ спрашиваетъ (стр. 290—91), гдѣ остатки языка руссовъ; „Русскій языкъ, нынѣ нами употребляемый, имѣетъ ли хотя малѣйшее сходство съ древнимъ языкомъ Руссовъ? Не чистый ли корень имѣетъ языкъ нашъ въ Славянскомъ? Книги на семъ языкѣ писанныя въ XI и XII вв., не можемъ ли мы понимать безъ всякой трудности? Какой Русскій, даже не ученый, потребуетъ перевода Славянскаго нарѣчія, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій, измѣнившихся съ теченіемъ времени, или забытыхъ?" Объ этомъ свидѣтельствуетъ и понятность „Слова о П. Игор.", „писаннаго древнѣйшимъ Славянскимъ языкомъ" (кромѣ нѣкоторыхъ особыхъ мѣстъ и архаизмовъ). Различіе между нынѣшнимъ славянскимъ и русскимъ языками Брусиловъ объясняетъ не смѣшеніемъ славянъ съ руссами, а временемъ, „которое измѣняетъ всѣ языки", просвѣщеніемъ, сношеніями съ греками, и набѣгами половцевъ, печенѣговъ и особенно монголовъ, „отъ которыхъ въ 200-лѣтнее ихъ владычество мы заимствовали множество словъ и по нынѣ въ языкѣ нашемъ сохранившихся". Какъ на остатки древняго русскаго языка, Брусиловъ указываетъ на „русскія" названія Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянородскаго, отличныя отъ соотвѣтственныхъ имъ славянскихъ.

Путаница понятій о языкахъ славянскомъ, русскомъ и „славянороссійскомъ", отмѣченная нами въ спеціальной литературѣ этого времени, даетъ себя знать и въ извѣстномъ трудѣ Харьковскаго профессора исторіи, географіи и статистики, бывшаго воспитанника С.-Петербургской семинаріи Гавр. Петр. Успенскаго († 1820): „Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ" (2 ч.

Харьковъ. 1811—12, 2 изд., испр. и умнож., тамъ же, 1818 г. [1]). Въ началѣ вступленія къ первой части книги, трактующаго „о происхожденіи Россійскаго народа и его наименованія“, „языкъ, которымъ мы говоримъ, называется Славено-русскимъ и Славено-Россійскимъ“ (изд. 1-е, стр. 1). Названіе это „доказываетъ уже, что мы происходимъ наипаче отъ двухъ главныхъ народовъ, то есть, Славянъ и Руссовъ“. Славяне, послѣ долгихъ странствій, осѣли, наконецъ, въ Илляріи, Далмаціи и на Дунаѣ, но и оттуда должны были удалиться (стр. 4). Часть ихъ, поселившаяся въ Новгородской области, или Новогородцы, удержала „не токмо собственное названіе Славянъ, но и языкъ своихъ единоплеменниковъ около Дуная и въ Илляріи обитающихъ, который несравненно сходнѣе съ нынѣшнимъ нашимъ, нежели съ Польскимъ; несмотря на то, что Польша была къ нимъ (къ кому: Новгородцамъ или южнымъ славянамъ?) гораздо ближе, нежели мы“ (стр. 5). Вопросу „о языкѣ, разныхъ нарѣчіяхъ, именахъ и прозваніяхъ Россіянъ“ посвящена первая глава труда Успенскаго (изд. 1, стр. 16—21). Здѣсь, въ противорѣчіе съ понятіемъ о „славяно-русскомъ“ языкѣ, раздѣляемымъ и авторомъ, русскій языкъ категорически отличается отъ славянскаго. По словамъ Успенскаго, во время прибытія Рюрика въ Россію, древніе Руссы „имѣли также свой языкъ, который какъ отъ Славянскаго, такъ и другихъ языковъ былъ отличенъ и сходствовалъ, какъ думалъ Г. Болтинъ, съ нынѣшнимъ Венгерскимъ (! Болтинъ причислялъ финскіе языки къ сарматскимъ). Великая княгиня Ольга, будучи сама отъ рода Князей Славянскихъ (!), возвысивъ народъ свой, распространила и языкъ его, который вскорѣ потомъ принятіемъ св. крещенія и переводомъ на него церковныхъ книгъ съ Греческаго болѣе утвердился и сдѣлался общимъ, особливо между знатныхъ и почтенныхъ людей [2]). Напротивъ того Рускій, какъ изъ многихъ обстоятельствъ заключать можно, оставался въ употребленіи между черни, яко въ сословіи многочисленнѣйшемъ, и въ десятомъ столѣтіи былъ въ большемъ употребленіи, нежели языкъ Славянскій [3]). Потомъ всѣ завоеванныя прежде и послѣ Сарматскія (т. е. финскія) и Татарскія племена мало-по-малу приняли языкъ Славянскій (отчего не русскій?), а нѣкоторые изъ нихъ

---

[1]) Книга эта была написана авторомъ по внушенію Харьковскаго же профессора И. Ѳ. Тимковскаго, см. монографію о послѣднемъ ученомъ Шугурова въ „Кіевской Старинѣ“ 1891 г. и отдѣльно, стр. 53.

[2]) Записки касат. Росс. истор. Часть I. стр. 84.

[3]) Критич. примѣч. Болтина. Часть I. стр. 7, 9.

свои прежній забыли и нынѣ почитаются за Славянъ (?). Руссы были въ числѣ сихъ завоеванныхъ племенъ, кои забывъ также свой природный, стали говорить языкомъ своихъ побѣдителей. Татара, обладая Россіею болѣе двухъ вѣковъ, ввели въ языкъ нашъ множество (?) своихъ словъ (идея Дашкова, см. выше, стр. 755); тѣсное же обращеніе съ Варягами и Нѣмцами заставило насъ занять нѣсколько словъ у нихъ, а ихъ у насъ: и такимъ образомъ къ Славено-россійскому языку, употребляемому нынѣ въ общежитіи, примѣшалось множество словъ чуждыхъ: Славянскій же остался въ церковныхъ книгахъ таковъ, каковъ онъ былъ во время обращенія Славянъ и Руссовъ въ Христіанство. Но чтобы на Рускомъ языкѣ писаны были книги въ половинѣ одиннадцатаго вѣка, какъ нѣкоторые утверждаютъ, то сему едва ли повѣрить можно (!). Ибо грамотѣ тогда знали только духовные и весьма малое число изъ мірскихъ; учились они по книгамъ Славянскимъ, языкъ же Руской оставался въ общенародіи только для разговора, и ежели, можетъ быть, и былъ въ писаніи употребляемъ, то до насъ не дошли нетолько какого-либо рода сочиненія, но ниже малѣйшаго отрывка, писаннаго древнимъ Рускимъ языкомъ“ (!) (стр. 20—21). Какъ видно, подобно Дашкову и др., Успенскій языкъ „Русской правды“ и „Слова о полку Игоревѣ“ считалъ очевидно, не русскимъ, а „славянскимъ“.

Гораздо опредѣленнѣе точка зрѣнія, проводимая проф. Московскаго унив. М. Т. Каченовскимъ въ его статьѣ: „Взгляды на успѣхи россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія“ [1]). По его словамъ (стр. 20 и сл.), „языкъ богослужебный или книжный, Моравскими переводчиками однажды образованный по Греческому, при всемъ богатствѣ своемъ (послѣ наступленія тат. ига), оставался необработаннымъ за недостаткомъ мыслящихъ писателей... не очищался, но портился неучеными переписчиками; не было великихъ дарованій, не было никакихъ грамматическихъ и критическихъ сочиненій, которыя предохраняли бы цѣлость его отъ неизбѣжнаго поврежденія... Языкъ гражданскій и общенародный всегда былъ у насъ отличнымъ отъ языка церковнаго: оба они суть ближайшія вѣтви единаго древа,... органы вѣщанія единаго Славянскаго народа, но по отдѣленіи племенъ необходимо уже измѣнившіеся отъ различія въ мѣстномъ положеніи тѣхъ племенъ, въ сосѣдствѣ съ народами, въ образѣ правленія. Языкъ, говорю богослужебный, образованный по Греческому и принесен-

[1]) „Труды Общ. любит. Россійск. Словесности при Моск. унив.“ 1812 г. ч. I, стр. 17—52.

ный въ Русь по крещеніи... былъ весьма отличенъ отъ употребительнаго нарѣчія. Чтобы удостовѣриться... сравнимъ“ Новгородскую лѣтопись, грамоты и другіе памятники XIII и XIV вв. со слогомъ церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній и, „при множествѣ несходныхъ словъ повсюду увидимъ въ нихъ отмѣнное словосочиненіе... Но что окажется, когда сличимъ слогъ Русской Правды или Пѣсни о Полку Игоревѣ (ежели пѣснь сія въ самомъ дѣлѣ суть остатокъ отдаленной древности) со слогомъ тѣхъ же молитвъ и пѣсней церковныхъ? Въ памятникахъ ближайшаго къ намъ времени, когда по всей вѣроятности уже надлежало бы слиться двумъ симъ нарѣчіямъ... все еще замѣчаемъ несходство, которое до нынѣ продолжается и будетъ продолжаться. И такъ языкъ богослужебный, искажаемый неосторожными переписчиками, не могъ возноситься до высшей степени совершенства, а языкъ гражданскій и общенародный, присвоившій себѣ многія чужестранныя слова и заимствовавшій нѣкоторые обороты изъ богослужебнаго, также“... не сдѣлалъ почти никакихъ успѣховъ даже до начала царствованія Петра I. Оба языка, по словамъ Каченовскаго,—за отсутствіемъ великихъ писателей и правилъ на нихъ основанныхъ, „были не иное что, какъ богатая руда золота, ожидающая трудолюбивыхъ рукъ художника“ (стр. 23).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о русскомъ и церковнославянскомъ языкахъ, Каченовскій описываетъ возникновеніе малорусскаго нарѣчія. По его мнѣнію, въ Малороссіи и за Днѣпромъ, вслѣдствіе господства Польскаго языка, явилось искаженіе русскаго языка, „который мало по малу принималъ окончанія, обороты въ словахъ и цѣлыя слова отъ Польскаго, между тѣмъ какъ языкъ Славянскій оставался въ церковныхъ книгахъ“. Ученые монахи, чтобы предохранить славянскій языкъ отъ забвенія, „сочиняли Грекославенскія и особо Славенскія грамматики“ (здѣсь разумѣются Адельфотисъ и грамматики Л. Зизанія и М. Смотрицкаго). Какъ образчикъ испорченнаго югозападнаго церковнославянскаго языка, приводится отрывокъ изъ проповѣди Іоанникія Голятовскаго, дѣйствительно кишащій полонизмами. Этотъ югозападный типъ церковнослав. языка „въ устахъ Ст. Яворскаго, Димитрія св., Ѳеофана Прокоповича, Гавріила Бужинскаго и др.,. примѣтно сближался съ Великороссійскимъ“. Даже дается характеристика только что названныхъ ораторовъ и ихъ языка, говорится объ учрежденіи Россійской академіи, рѣчи Третьяковскаго о чистотѣ россійскаго языка и т. д.

Вопроса о русскомъ литературномъ языкѣ касается и другой московскій профессоръ этого времени А. Ѳ. Мерзляковъ (1778—

1830) въ своемъ „Разсужденіи о россійской словесности въ нынѣшнемъ ея состояніи“ [1]), правильно чувствовавшій недостатокъ научной его разработки. Въ началѣ этого „Разсужденія“ идетъ рѣчь и о языкѣ, главнымъ образомъ какъ органѣ литературы или словесности.

Языкъ народа представляется Мерзлякову „нелживымъ знаменіемъ его характера, прочности, силы, обилія и благоустроенія“. Таковы являются и языки греческій и латинскій, пережившіе грековъ и римлянъ и сохранившіеся вѣчнымъ ихъ памятникомъ, „котораго не могли разрушить ни время, ни варвары“. Съ этой же точки зрѣнія „должны мы смотрѣть на собственный свой языкъ, если хотимъ быть точно ему полезными“ (стр. 55). Тремъ степенямъ „совершенствованія“ народа отвѣчаютъ и три степени развитія языка: „обогащеніе, опредѣленность, утонченіе“ (стр. 57). Первая требуетъ обилія стихотворцевъ, вторая—обилія философовъ и филологовъ, создающихъ теорію языка, словари, грамматики (стр. 58—61). Мерзляковъ благоразумно уклоняется отъ рѣшенія „темнаго и запутаннаго“ вопроса „о томъ, первобытной ли нашъ языкъ или нѣтъ, нарѣчіе ли Славянскаго или самой Славянскій, искаженной временемъ и обстоятельствами“, которое превышало его научныя знанія и силы, и указываетъ лишь, „что онъ имѣетъ систему, отличную почти отъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ“, обладаетъ „опредѣленными окончаніями въ падежахъ“, свободой „въ перестановкѣ словъ по силѣ смысла или гармоніи; столько же или еще болѣе измѣняемъ въ глаголахъ; въ сложеніи и въ производствѣ обиленъ и натураленъ“; богатъ словами, живописенъ и простъ и т. д. (стр. 62—63). Самъ по себѣ языкъ представляется автору „мертвымъ капиталомъ“, видимымъ „только въ оборотахъ“. „Обороты“ же русскаго языка кажутся ему еще не очень значительными. Правда онъ древенъ, но „древность его по многимъ политическимъ обстоятельствамъ была продолжительнымъ младенчествомъ“, и только со времени Петра Великаго онъ получаетъ литературную обработку (стр. 65—66). „Но сто лѣтъ очень малое время для того, чтобъ языкъ образовался для всѣхъ наукъ“. Слѣдуетъ сравненіе нашихъ первыхъ путешественниковъ по Россіи въ XVIII в. Лепехина, Крашенинникова, Палласа, Мусина-Пушкина, открывшихъ многія богатства Россіи, съ первыми стихотворцами—Ломоносовымъ, Сумароковымъ, Херасковымъ, Державинымъ, Петровымъ, которые открыли намъ „чудесное великолѣ-

[1]) «Труды Общества Любит. Росс. Словесн. при Имп. Моск. унив.» 1812 г., ч. I, стр. 53—110.

ніе языка; но они всѣ испытали только одинъ рудникъ: стихотворство" (стр. 66—67). Необходима разработка его въ другихъ отношеніяхъ и особенно въ научномъ, ибо „если мы необильны въ Писателяхъ различныхъ родовъ, то еще менѣе богаты въ наблюдателяхъ языка" (стр. 68). Указывается на заслуги (!) Россійской академіи, которая „почувствовала", что грамматика Ломоносова „содержитъ въ себѣ много замѣчаній объ языкѣ, но не Грамматику, т. е. не систему языка, представленную въ возможной простотѣ и ясности", и занялась составленіемъ словаря („дѣло славное", но еще не окончательное) и грамматики („конечно хорошей", но не преодолѣвшей всѣ трудности) (стр. 68—69).

Говорится, конечно, и о заслугахъ „почтеннаго Шишкова", доказавшаго „выразительность и богатство языка Россійскаго, какъ нарѣчія отъ славянскаго", слѣдуя за которымъ, „мы можемъ со временемъ имѣть *синонимы* или *сословы*, и слѣдовательно доставимъ языку надлежащую опредѣленность" (стр. 69—70). Шишковъ получаетъ здѣсь эпитетъ „знаменитаго мужа", труды котораго „послужатъ началами хорошей Грамматики" (!).

Очевидно, филологическая „ученость" Шишкова импонировала Мерзлякову, сожалѣющему, что никто не любитъ славянскихъ книгъ, и языкъ ихъ „не входитъ въ планъ домашняго воспитанія", но въ то же время все таки высказывающемуся противъ „нѣкоторыхъ страстныхъ любителей языка Славянскаго", въ сочиненіяхъ которыхъ стоятъ рядомъ „слова обветшалыя Славянскія вмѣстѣ съ простыми общенародными и притомъ въ оборотахъ чужеязычныхъ (намекъ на галлицизмы Шишкова), или сряду старой языкъ Славянской, отъ котораго мы уже отвыкли". Мерзляковъ указываетъ на прихотливость вкуса публики: ей надо угождать „и тогда, когда хотимъ ее научить", и потому не слѣдуетъ угощать ее славянскими словами, „одичалыми уже для вкуса свѣтскаго". Ломоносовъ понималъ это и не употреблялъ обветшалыхъ славянскихъ словъ, какъ это дѣлалъ „другой, спустя 60 лѣтъ", вознамѣрившійся „плѣнить сими словами публику еще болѣе въ продолженіе сего времени, удаленную отъ Славянскаго". По мнѣнію Мерзлякова, „поздно уже заставлять насъ писать языкомъ Славянскимъ; осталось: искусно имъ пользоваться" (стр. 63 — 72). Далѣе отмѣчается оживленіе интереса къ вопросамъ языка: „Никогда столько не было ученыхъ прѣній (такъ!) въ разсужденіи языка, какъ нынѣ. Знакъ благопріятной! Утѣшительная надежда". Крики, будто языкъ погибъ и искаженъ, преувеличены (стр. 73). По мнѣнію автора, грамматика имѣетъ большое значеніе для развитія словесности: „филологъ смотритъ, сравниваетъ,

и въ продолженіи времени составляетъ систему языка, которая освятится писателями золотого его вѣка. Впрочемъ, всякой пожелаетъ, чтобы у насъ болѣе занимались основательнымъ грамматическимъ ученіемъ. Имена Грамматиковъ, толкователей, Критиковъ не столько блистательны, какъ имена Гомеровъ; но люди сіи необходимо нужны, и заслуживаютъ вѣчную благодарность" (стр. 74—75).

Четвертымъ образчикомъ университетской науки въ данной области является „Разсужденіе о Россійскомъ языкѣ" деритскаго профессора русскаго языка Гр. Андр. Глинки (1774—1818), напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы" 1813 г. (ч. 70, стр. 172—208, 259—276). Какъ и Мерзляковъ, Глинка уклоняется отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи русскаго языка: „начало первоДревняго языка Россійскаго, по примѣру большей части иныхъ языковъ, покрыто завѣсою тайны: и намѣреваться разсѣять хаосъ, окружающій древнихъ Руссовъ нарѣчіе, составленное, или смѣшанное съ нарѣчіями тѣхъ племенъ, коихъ они побѣждали, или коими низложены были сами, есть покушеніе столько же отважное, сколько и безплодное" (стр. 172—73). Этотъ отказъ благоразуменъ, въ виду слабыхъ познаній автора, полагающаго, напримѣръ, что переводчиками библіи и вообще св. книгъ на славянскій языкъ были не Кириллъ и Меѳодій, о которыхъ у него нѣтъ и рѣчи, а „духовные отцы, выходцы изъ Моравіи и Греціи, происхожденія же большею частію Славянскаго" (стр. 175). Эти ученые, „образовавшіе Славянскій языкъ по Греческому", за отсутствіемъ систематическихъ грамматикъ и философическихъ словарей отечественнаго языка, а также „природныхъ классиковъ и здравосудящихъ критиковъ", могли „руководствоваться прекраснѣйшимъ въ свѣтѣ языкомъ" только „слабо и превратно". Необходимо, однако, отмѣтить, что въ спорѣ Шишкова съ карамзинистами Глинка занялъ самостоятельное положеніе. По его мнѣнію, „общеупотребительный языкъ Россійскаго народа и церковный или Славянскій языкъ... изстари были двумя отличными между собою нарѣчіями", какъ это видно изъ сличенія слога Русской Правды или Слова о полку Игоревѣ со слогомъ церковныхъ книгъ XIII и XIV вв. Эта разница „обнаруживается съ очевидною ясностію" и въ новѣйшихъ памятникахъ (стр. 175—76). Въ спорѣ объ этихъ двухъ нарѣчіяхъ, по словамъ Глинки, „спорющія стороны больше однѣ у другихъ ниспровергаютъ, нежели что либо созидаютъ сами" (стр. 175). Вообще объ отечественномъ языкѣ нашемъ „многіе судятъ большею частію на удачу, самопроизвольно, или по внушенію темнаго и необдуманнаго чувства своего", почему о немъ и

„наговорено множество нелѣпостей какъ въ хорошую, такъ и въ худую сторону“ (стр. 177). Несмотря на столь строгій отзывъ о своихъ современникахъ, самъ Глинка въ своемъ разсужденіи даетъ лишь рутинное, ненаучное и реторическое доказательство превосходства русскаго языка надъ французскимъ, въ отношеніи „богатства, силы, величества и пріятности“. Какъ „источникъ богатства и вмѣстѣ возвышенности“ русскаго языка, указывается славянскій языкъ, изъ котораго мы можемъ переносить „лучшія слова и обороты“ въ свой собственный, тогда какъ французскіе лирики не имѣютъ другого источника, кромѣ „простого общенароднаго языка“ (стр. 187). У насъ много словъ, заимствованныхъ „изъ другихъ языковъ, особенно древнихъ“, которыя „не вредятъ ни мало оригинальности Русскаго языка“, въ родѣ: *любомудріе, законоискусство* или *правовѣдѣніе, военоначальникъ* (такъ!), *полководецъ, самочувствіе, своекорыстіе, самодержавный, первородный* и т. д. (стр. 188). Кромѣ того, въ русскомъ языкѣ несравненно больше уменьшительныхъ именъ, чѣмъ во французскомъ (стр. 188—189), и зато нѣтъ неудобныхъ „членовъ“ (190—191), имѣется свободный порядокъ словъ (стр. 192 и сл.), разнообразіе окончаній и падежей въ склоненіи (стр. 200) и спряженіи (200—201), возможны сложныя слова, передаваемыя по французски лишь описательно (201—203) и т. д. Сверхъ этого, русскій языкъ можетъ самъ собственными средствами создавать новые термины, въ родѣ *переворотъ, небосклонъ, лиценачертаніе, промышленность, текучесть*, тогда какъ французскій долженъ прибѣгать къ латинскому или греческому языкамъ (стр. 259—261) и т. д. Въ этомъ патріотическомъ превознесеніи русскаго языка надъ французскимъ нельзя не видѣть вліянія Шишкова и вообще современной патріотической литературы, среди дѣятелей которой авторъ даннаго разсужденія имѣлъ и близкихъ родственниковъ. Научнаго значенія, конечно, такая „патріотическая лингвистика“ не могла имѣть.

Всѣ эти разсужденія и послѣдовавшія за ними служили до нѣкоторой степени какъ бы отвѣтомъ на рядъ задачъ, поставленныхъ въ это время нашими учеными обществами и другими учрежденіями. Такъ въ 1812 г., въ Московскомъ Обществѣ Любит. Росс. Словесности, по предложенію П. Калайдовича, была объявлена задача: опредѣлить, „На какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоревѣ, на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи“ (см. выше, стр. 745); тѣмъ же обществомъ и въ томъ же году предложена была тема: „Показать причины измѣненія Русскаго языка и вліяніе, полученное имъ отъ иностранныхъ язы-

ковъ, какъ то: Польскаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго, и выгоды и невыгоды, отъ сего происходящія" (см. выше, тамъ-же). Въ томъ же 1812 г., въ засѣданіи 13 марта, въ Император. Моск. общ. исторіи и древностей россійскихъ, отъ имени члена его, барона Б. И. Фитингофа, и съ одобренія общества, была поставлена задача на премію въ 50 червонцевъ, срокомъ до 1814 года: „Языкъ, на которомъ писанъ принятый Русскими переводъ Библіи, лѣтописи ихъ и церковные отцы, ими переведенные, и который они называютъ Словенскимъ, въ самомъ ли дѣлѣ есть подлинный Словенскій коренной языкъ, произведшій столь многія отрасли, или онъ не что иное есть, какъ токмо произведенный, подобно прочимъ? Когда же сіе найдено будетъ по достаточномъ изслѣдованіи, то спрашивается, существуетъ ли еще подлинный Словенскій коренной языкъ, и гдѣ существуетъ оный" [1]).

Вслѣдъ за вопросомъ объ отношеніи русскаго языка къ „славенскому", или церковнославянскому, возникаетъ вопросъ о томъ, что же представляетъ собой этотъ послѣдній. Послѣ долгаго господства мнѣнія Шлецера, отожествлявшаго церковно-славянскій языкъ съ праславянскимъ или общеславянскимъ, являются попытки опредѣлить, какому изъ древнихъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ принадлежалъ такъ называемый церковнославянскій. Первой у насъ попыткой этого рода должна быть названа статья М. Т. Каченовскаго: „О славянскомъ языкѣ вообще и въ особенности о Церковномъ", напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы" за 1816 г. (ч. 89, № 19, стр. 241—263) [2]) и служившая отвѣтомъ на тему, предложенную въ 1812 г. Имп. Моск. общ. ист. и древн. росс. (см. выше, эту же стр.) и Казанскимъ обществомъ „Любителей отечественной словесности" [3]). Это былъ докладъ, читанный Каченовскимъ въ засѣданіи Моск. Общ. Любит. Росс. Слов. 28 окт. 1816 г. [4]). Въ своемъ разсужденіи Каченовскій, основываясь на свидѣтельствахъ Іорнанда, Прокопія и Эгингарда устанавливаетъ,

---

[1]) См. Нилъ Поповъ, «Исторія Императ. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», Ч. I. Москва, 1884 г. стр. 207—208.

[2]) Статья эта, съ небольшимъ вступленіемъ (менѣе страницы) была напечатана также въ «Трудахъ Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.» за 1817 г. ч. VII, стр. 5—27 подъ нѣсколько инымъ заглавіемъ: «О славянскомъ и въ особенности церковномъ языкѣ». Въ «Вѣстникѣ Европы» она имѣетъ «Прибавленіе», отсутствующее въ «Трудахъ» и содержащее изложеніе взглядовъ на славянск. языкъ, которые находятся въ предисловіи къ книгѣ Іоанна Рукослава, «Плутарха Хиронейскаго дѣлце о воспитаніи дѣтей и т. д.» (Будинъ градъ, 1808).

[3]) См. «Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.» за 1817 г., часть VII, стр. 5.

[4]) См. «Труды» того же общества, 1817 г., ч. VIII, стр. 100.

что „при первомъ появленіи народа Славянскаго" въ V—VI вв. по Р. Х., онъ уже представляется „чрезвычайно многолюднымъ, разсѣяннымъ на великомъ пространствѣ Европы, раздѣленнымъ на многія племена, слѣдственно говорящимъ не на одномъ общемъ коренномъ, во всѣхъ словахъ и окончаніяхъ однообразномъ языкѣ, но на разныхъ нарѣчіяхъ болѣе или менѣе несходныхъ между собою и происшедшихъ отъ кореннаго" (стр. 247). Разселеніе славянъ продолжалось въ VI и VII вв., „въ IX в. уже были составлены всѣ государства Славянскія" (тамъ же), въ которыхъ употреблялись „діалекты или нарѣчія *нынѣ намъ неизвѣстнаго* (курсивъ автора) коренного, первобытнаго языка Славянскаго, принадлежавшаго народу еще прежде, нежели онъ началъ распространяться. Слѣдственно и нашъ церковный языкъ, сохраненный первыми переводчиками Священныхъ книгъ въ Моравіи и Булгаріи, сдѣлался книжнымъ или письменнымъ въ девятомъ столѣтіи уже *изъ нарѣчія* (курс. автора), а не изъ кореннаго, не изъ первобытнаго языка Славянскаго, отъ котораго произошли всѣ нынѣшнія его нарѣчія: Русскій яз., Польскій, Богемскій, Сербскій, Кроатскій, Боснійскій и проч." (стр. 248—49). Приведя историческія данныя о первоучителяхъ Кириллѣ и Меѳодіи, „уроженцахъ изъ *Солуня*" (курсивъ автора), которые оба весьма хорошо знали слав. языкъ, Каченовскій приходитъ къ заключенію, „что книги церковныя переведены если не всѣ, то большею частію, въ Моравіи" (стр. 249—250).

Между тѣмъ „моравскій" языкъ—„одинъ и тотъ же съ Чешскимъ или Богемскимъ, даже и по названію", и мы найдемъ „весьма значительное несходство съ церковнымъ Славянскимъ не только въ нынѣшнемъ Богемскомъ, но и въ древнихъ остаткахъ его, сохранившихся до временъ нашихъ" (стр. 250—51), какъ это усматривается изъ „Geschichte der Böhmischen Sprache und Litteratur" Добровскаго (Прага, 1792, стр. 59, 62). „Булгаро-Славянское нарѣчіе также весьма далеко отъ церковнаго", благодаря покоренію дунайскихъ славянъ булгарами, „которые безъ сомнѣнія успѣли исказить языкъ ихъ, прежде нежели сами въ Славянъ превратились". Кромѣ того, „несчастные Булгарскіе Славяне не имѣютъ у себя никакой литературы" (стр. 251).

Въ виду этихъ фактовъ, Каченовскій, опираясь на свидѣтельство „разныхъ историческихъ книгъ" (цитируется „Anleitung zur Kenntniss der allgem. Welt- und Völker-Geschichte" Христ. Дан. Бека, т. III, 232), на мнѣніе Добровскаго, утверждавшаго, что „Русскій церковный языкъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ Руссизмовъ) есть собственно *древле-Сербскій*" (стр. 252), свидѣтельство

Рапча о „книгахъ писанныхъ на *древнемъ* Сербскомъ языкѣ“ и свободное письменное употребленіе „Славянскаго церковнаго языка“ у сербовъ, приходитъ къ заключенію, что „*нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное Сербское нарѣчіе*“, а „*древній коренный Славянскій языкъ намъ неизвѣстенъ*“ (стр. 257, курсивъ вездѣ автора). На вопросъ, почему Кириллъ и Меѳодій переводили Свящ. Писаніе для моравскихъ славянъ на „Сербское, чуждое Моравамъ нарѣчіе“, а не на ихъ собственное, моравское, онъ отвѣчаетъ: „они переводили на то нарѣчіе, которому имѣли случай научиться“, будучи посылаемы въ разныя славянскія области, а кромѣ того и отъ сербовъ, поселенныхъ императоромъ Иракліемъ въ Ѳессаліи (стр. 254—258). Догадка Шлецера, указывавшаго со свойственнымъ ему геніальнымъ чутьемъ, что болгары жили недалеко отъ Солуни, имѣвшей съ ними сношенія, и первоучители могли узнать славянскій языкъ отъ нихъ, Каченовскимъ отклоняется, какъ противорѣчащая его гипотезѣ.

Взглядъ Каченовскаго (и Добровскаго) нашелъ себѣ сторонника въ Карамзинѣ, который въ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ (изд. 1, 1816 г., т. I, стр. 250) тоже говоритъ, что Кириллъ и Меѳодій и ихъ помощники „основали правила книжнаго языка Славянскаго на Греческой Грамматикѣ, обогатили его новыми выраженіями и словами, держась нарѣчія своей родины, Ѳессалоники, то есть Иллирическаго или Сербскаго, въ коемъ и теперь видимъ сходство съ нашимъ Церковнымъ“. По его словамъ, „впрочемъ, всѣ тогдашнія нарѣчія долженствовали менѣе нынѣшняго разниться между собою, будучи гораздо ближе къ своему общему источнику, и предки наши тѣмъ удобнѣе могли присвоить себѣ Моравскую (?!) Библію. Слогъ ея сдѣлался образцемъ для новѣйшихъ книгъ Христіанскихъ, и самъ Несторъ подражалъ ему; но Русское особенное нарѣчіе сохранилось въ употребленіи, и съ того времени мы имѣли два языка, книжный и народный. Такимъ образомъ изъясняется разность въ языкѣ Славянской Библіи и *Русской Правды* (изданной скоро послѣ Владиміра), Несторовой лѣтописи и *Слова о Полку Игоревѣ...*“ (стр. 251).

Рядомъ съ этими двумя, вполнѣ опредѣленными взглядами Каченовскаго и Карамзина, представителей науки своего времени, самыя ошибки которыхъ поучительны, совершенно ничтожнымъ представляется риторически безсодержательное „Краткое начертаніе о славянахъ и славянскомъ языкѣ“ нѣкоего Димитрія Воронова [1]), напечатанное въ „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ Любителей Рус-

[1]) Д. I. Вороновъ, воспитанникъ александро-невской академіи, съ 1808 пре-

скаго слова" (Чтеніе 15-е. Спб. 1816 г., стр. 28—43). Въ началѣ его авторъ выражаетъ свою признательность католическому митрополиту Сестренцевичу-Богушу и нашему Тредьяковскому, занимавшимся вопросомъ о происхожденіи славянъ. Авторъ соглашается съ послѣднимъ изъ названныхъ ученыхъ въ томъ, что начало славянскаго языка должно примыкать къ началу скиоскаго народа (!).

Самой „блистательной эпохой Славянскаго языка" онъ считаетъ правленіе благовѣрныхъ князей Владиміра и Ярослава и цитируетъ мнѣніе „Дурича" (т. е. Дуриха), по которому было время (вѣроятно при Ярославѣ), „когда Славянскому языку учились Сиріане, Копты, Греки, Нѣмцы, Итальянцы, Французы, Англичане, Датчане и Шведы" (! стр. 32—33). Авторъ не сомнѣвается, „что Славянскій языкъ у насъ быстро взошелъ на высокую степень образованности послѣ достопамятныхъ произшествій всеобщаго крещенія и перевода Св. книгъ". Переводчики этихъ послѣднихъ несомнѣнно „знали всю тайну Славянскаго языка и имѣли глубокое логическое о немъ понятіе (?)... умѣли давать всякой рѣчи, всякому израженію превосходные обороты" и т. д. (стр. 33—34). Изъ великолѣнія славянскаго языка выводится, что и сами славяне были „народъ могущественный и твердый" (стр. 35). Если бы не удѣльныя усобицы и монгольское иго, то „жители Запада никогда не опередили бы насъ своею образованностью", и славянскій языкъ „былъ бы языкомъ такъ назыв. большого свѣта и перевѣсилъ бы своею важностью всѣ современные ему языки" (стр. 37). И у насъ, если бы нѣкоторые люди, пристрастные къ французскому языку, отбросили это пристрастіе и сравнили франц. языкъ „со Славянскимъ, Библейскимъ и вообще Славяно-Россійскимъ языкомъ", то увидѣли бы скоро свое заблужденіе и превосходство славянскаго надъ французскимъ (стр. 38). Въ видѣ иллюстраціи этого превосходства слѣдуютъ выписки изъ Св. Писанія, составленныя „Его Прев. А. С. Шишковымъ и удостоенныя вниманія Его Имп. Величества" (стр. 43).

Въ 1818 году явился „Опытъ рѣшенія вопроса, предложеннаго въ Обществѣ Люб. Росс. Слов., основанномъ при Имп. Моск. Унив., о томъ: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи" [1]).

подаватель въ ней греч. языка, затѣмъ профессоръ Петерб. духовной семинаріи, а впослѣдствіи чиновникъ. Ум. въ 1826 г.

[1]) «Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.» 1818 г., ч. XI, стр. 3—32.

Авторомъ этого „Опыта" былъ 25-лѣтній К. Ѳ. Калайдовичъ, подписавшійся псевдонимомъ „Неизвѣстный" и означившій Москву своимъ мѣстомъ жительства [1]). Молодой авторъ, хотя и обнаружилъ извѣстныя знанія и значительную начитанность въ древнерусской литературѣ, не сладилъ вполнѣ со своей задачей. По его словамъ, языкъ „Слова" не можетъ быть ни „библейскимъ", ни „простонароднымъ", ни „областнымъ нарѣчіемъ, ни какимъ нибудь отдѣльнымъ славянскимъ языкомъ" (стр. 5—6). Славянскіе языки, утверждаетъ онъ далѣе, настолько удалились отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ и лѣтописей, что въ „Словѣ о п. Игоревѣ" могутъ быть замѣчены лишь „едва малѣйшіе слѣды одного изъ нихъ — Польскаго". Поляки „измѣнили благозвучіе Славянское на слабую тѣнь языка Латинскаго; а Сербы невольно приняли къ себѣ чуждыя имъ реченія" (стр. 6). Въ „Словѣ" найдется лишь нѣсколько словъ, схожихъ съ польскими и сербскими [2]), „но нѣсколько словъ не составляютъ еще языка". Поэтому тщетно отыскивать слогъ „Пѣсни Игоревой" „въ извѣстныхъ языкахъ Славянъ, а того менѣе въ областномъ нарѣчіи". Едва ли не всѣ средства къ открытію его источника „находятся въ языкѣ Св. Писанія, а болѣе въ языкѣ Лѣтописей, грамотъ и другихъ историческихъ памятниковъ". Калайдовичъ находитъ далѣе, что „языкъ пѣсни ни мало не разнится отъ древняго языка Славяно-Русскаго" (стр. 7), и опирается при этомъ на доводахъ грамматическихъ (употребленіе двойств. числа, заимствованнаго будто бы „отъ нашихъ учителей Грековъ": стр. 8) и лексическихъ (употребленіе слова *куръ*. вм. *пѣтухъ* въ Св. Писаніи и въ Словѣ о п. Игор., а также словъ: *паполома*, *потять*, *сморци*, *князь*, *трудъ*, *сулица*, *Велесъ*, *Хоръ*, *Дажьбогъ*, *Стрибогъ*, *живыя струны*, *кръсити*, *стружіе*, *пардусъ*, *стягъ* и т. д., встрѣчающихся въ „Словѣ" частью въ церковныхъ книгахъ, частью въ лѣтописяхъ и грамотахъ). Слова *кръсити*, *болонье*, *смага*, *година*, въ глазахъ Калайдовича являются доказательствами малорусскаго происхожденія неизвѣстнаго автора „Слова о п. Игор." (стр. 26). Въ концѣ статьи Калайдовичемъ дѣлаются слѣдующіе выводы: 1) „Пѣснь Игорева писана не на томъ Славянскомъ языкѣ, которой существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, не на какомъ либо древ-

---

[1]) См. Безсоновъ, «К. Ѳ. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ», въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. ист. и др. Росс.», 1862, кн. III, стр. 20. Принадлежность этой статьи Калайдовичу доказывается его собственнымъ указаніемъ въ его же статьѣ «О трудахъ проф. Тимковскаго», въ «Вѣстникѣ Европы», 1820, ч. 110, стр. 128—3

[2]) Какъ схожія съ польскими, приводятся слова: *година*, *мужаймеся*, *комони*, *яруги* (стр. 27—28).

немъ областномъ нарѣчіи, или нынѣ употребляемомъ, но сочинена Славянорусскимъ языкомъ, подобнымъ Библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками. 2) Что піитическій языкъ Пѣсни Игоревой не вновь родился, но имѣлъ уже начало до ея появленія. 3) Что оная сочинена, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ нынѣшней Малороссіи, и 4) что нарѣчіе ея, изъ всѣхъ Славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и реченіямъ болѣе подходитъ къ языку Польскому (стр. 31—32)". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 23) языкъ „Слова" называется „*чистымъ* (? курсивъ нашъ)... Славяно-Рускимъ, котораго множество словъ и реченій разсѣяно въ древнихъ памятникахъ, сохранившихся отъ алчности времени" (стр. 23).

Неудовлетворительность такого рѣшенія вопроса, поставленнаго себѣ Калайдовичемъ, искупается до нѣкоторой степени внимательностью изученія языка „Слова". Такого подробнаго лингвистическаго анализа и комментарія къ „Слову", какъ бы слабъ и неполонъ онъ ни казался теперь намъ, въ нашей литературѣ до тѣхъ поръ еще не появлялось. Очевидно, изученіе и разработка научнаго матеріала въ данной области знанія все-таки ширились и углублялись, несмотря на разныя неблагопріятныя условія.

О томъ, что научная мысль этого времени упорно возвращалась къ извѣстнымъ общимъ вопросамъ, свидѣтельствуетъ новая, очень широко задуманная и формулированная задача, предложенная въ томъ же году въ засѣданіи Московскаго Общ. Любит. Росс. Словесности (26 окт. 1818 г.): „Показать измѣненія Россійскаго языка отъ древнѣйшихъ временъ до осьмагонадесять столѣтія, принимая въ основаніе памятники древней Словесности: пѣсни, сказки, преданія, пословицы, надписи и другіе письменные остатки" (см. выше, стр. 745—46). Задача эта и до сихъ поръ еще стоитъ на очереди, не смотря на рядъ попытокъ отвѣтить на нее Буслаева, Колосова и Соболевскаго, изъ которыхъ ни одна еще не можетъ быть названа полной, представляя пробѣлы то въ однихъ, то въ другихъ отношеніяхъ.

Самымъ выдающимся явленіемъ въ разсматриваемой литературѣ, опередившимъ на много свое время и составившимъ цѣлую эпоху въ исторіи нашего языкознанія, должно быть признано знаменитое „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ Грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ" Востокова. Оно было послано въ январѣ 1820 г. въ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., читалось тогда же въ одномъ изъ засѣданій [1]) и напечатано цѣликомъ въ „Трудахъ".

[1]) См. «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова» (Спб. 1865), стр.

названнаго Общества за 1820 г. (ч. XVII, стр. 5—61), а въ извлеченіи, въ „Вѣстникѣ Европы“ за тотъ же годъ (ч. 109, № 3, стр. 169—187) [1]).

Незначительное по объему, охарактеризованное самимъ скромнымъ Востоковымъ, какъ „безпорядочно набросанныя мысли и замѣчанія“ [2]), оно было богато совершенно новымъ содержаніемъ, заключало въ себѣ рядъ блестящихъ открытій и мыслей и обнаруживало единственную по тому времени у насъ научную эрудицію, а также превосходное и безпримѣрное дотолѣ знакомство съ письменными памятниками, изъ доступныхъ изученію въ Петербургѣ, къ которому былъ прикованъ своей службой Востоковъ. Впервые въ нашей научной литературѣ мы находимъ здѣсь также такое увѣренное и точное примѣненіе сравнительнаго метода (хотя бы только въ области главныхъ слав. языковъ), дающаго въ рукахъ Востокова блестящіе результаты. Отъ всего разсужденія вѣетъ новымъ научнымъ духомъ, и въ немъ затрогиваются, ставятся и рѣшаются самые разнообразные и въ то же время въ высшей степени важные вопросы, не только старослав. и древнерусской грамматики, но и сравнит. грамматики славянскихъ языковъ. Такъ въ самомъ же началѣ „Разсужденія“ затрогивается вопросъ о происхожденіи церковно-слав. языка, устанавливается дѣленіе его на древній, средній и новый, и характеризуется составъ этого послѣдняго; далѣе высказывается вполнѣ опредѣленный взглядъ на отношеніе древне-русскаго языка (Русской Правды, Слова о п. И.) къ новому и древнему церковнославянскому, а также къ польскому и сербскому, причемъ формулируется ихъ отличіе другъ отъ друга въ отношеніи рефлексовъ древнихъ сочетаній *dj*, *mj* и *кт* передъ *e*, *i*; впервые опредѣляется звуковое значеніе церковнославянскихъ „юсовъ“, при помощи сравненія формъ изъ Остромирова евангелія съ соотвѣтствующими польскими; указываются три періода въ исторіи собственно русскаго языка: древній (до второй половины XIV в., языкъ Русской Правды, Слова о П. И., Поученія Владиміра Мономаха), средній (языкъ Судебника и Уложенія) и новый (XVIII в.); устанавливается близость древнихъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ другъ къ другу, иллюстрируемая примѣрами изъ Фрейзин-

XXVI, и «Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ» съ примѣч. И. Срезневскаго (Спб. 1873), стр. XXXI—XXXIII=Сборникъ втор. отд. Имп. Ак. Наукъ, т. V, вып. II.

[1]) Перепечатано въ «Филологич. Наблюденіяхъ», стр. 1—27.

[2]) См. «Переписка А. Х. Востокова въ повремени. порядкѣ», изд. И. Срезневскимъ (Спб. 1873), стр. XXXI.

генскихъ отрывковъ и указаніемъ на сходство языка Краледворской рукописи (подлинность которой тогда еще не подвергалась сомнѣнію) съ древне-русскимъ и т. д. Далѣе въ сжатомъ очеркѣ излагаются главнѣйшія фонетическія и морфологическія особенности древняго церковно-славянскаго языка: употребленіе „полугласныхъ" *ъ* и *ь*, которымъ, впрочемъ, дается фантастическое физіологическое опредѣленіе [1]), и соотвѣтствія имъ въ польскомъ, русскомъ и сербскомъ, сочетанія *кы, гы, хы*, и дальнѣйшая судьба звуковъ *г, к, х*, (переходъ передъ *е* и *ь* въ *ж, ч, ш*, и передъ *ѣ, и* въ *з, ц, с*), отсутствіе *о, ы* и *ъ* послѣ *ж, ш, ч, ц, щ*; затѣмъ тожество склоненія прилагательныхъ простыхъ и именъ существительныхъ, отсутствіе „дѣепричастій", вмѣсто которыхъ имѣются только причастія (сравнительно съ польскимъ, словинскимъ и сербохорватскимъ языками), и „двоякое окончаніе неопредѣленнаго наклоненія", другими словами, употребленіе формъ супина (которому дается имя „достигательнаго" наклоненія), наряду съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Разсужденіе заканчивается указаніемъ на важность грамматическаго изученія рукописныхъ сокровищъ московской синодальной и другихъ библіотекъ и необходимость сравнительной славянской палеографіи, а также краткимъ разборомъ мнѣнія Каченовскаго о тожествѣ древняго церковно-славянскаго и сербскаго языковъ, съ которымъ Востоковъ не соглашается, приводя противъ него вполнѣ вѣскіе доводы. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ и въ текстѣ „Разсужденіе" Востокова содержало рядъ отдѣльныхъ замѣчаній и экскурсовъ, столь же новыхъ и важныхъ, какъ и главное его содержаніе. Таково, напр., примѣчаніе 2-е, въ которомъ Востоковъ говоритъ о правописаніи Остромирова евангелія, указывая на его глубокую древность и отсутствіе рѣзкихъ и частыхъ слѣдовъ русскаго вліянія, въ противоположность другимъ древнимъ памятникамъ, писаннымъ въ Россіи. Интересно и примѣчаніе 3-е, общаго характера, въ которомъ отмѣчается, что „всѣ древніе языки превосходили правильностію и изобиліемъ формъ позднѣйшіе, ведущіе отъ нихъ на-

---

[1]) «Полугласныя *ъ* и *ь* не что иное суть, какъ стремленіе воздуха изъ гортани, потребное для образованія всякой изъ пяти гласныхъ *а, е, і, о, у*, но недостигающее сего полнаго изглашенія, потому что на половинѣ пути остановленное ударяется въ небо, вмѣсто того чтобъ устремиться въ отверстіе рта — *ь* ближе подходитъ къ полнымъ гласнымъ отъ того, что гортанный воздухъ для произношенія его совершаетъ въ устахъ болѣе пути, и ударяется въ переднюю часть неба, почти къ деснамъ; *ъ* напротивъ того, при самомъ исходѣ изъ гортани, въ небо ударяется». Дальше *ь* или *й* («ибо это одно и тоже») отожествляется съ *і* другихъ языковъ («Филол. Наблюденія», стр. 18, прим.).

чало. Въ такомъ отношеніи находится Санскритскій къ новымъ Индостанскимъ языкамъ [1]), Еллинскій къ Ромейскому или Новогреческому, древній Германскій (по замѣчанію Гримма въ его Грамматикѣ 1819 въ Геттинг.) [2]) по всѣмъ новымъ своимъ отраслямъ, и таковъ точно старинный Славянскій въ сравненіи съ Русскимъ и съ другими діалектами". Въ примѣчаніи 4-мъ довольно подробно говорится о грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, сравниваемой съ грамматикой Лавр. Зизанія, а также упоминается о грамматической статьѣ въ одномъ изъ „Алфавитовъ" Имп. публ. библіотеки (вѣроятно, первое печатное указаніе на подобнаго рода памятники древне-русской учености). Въ примѣчаніи 6-мъ характеризуется рядъ памятниковъ, въ отношеніи употребленія „юсовъ": Краковскій печатный часословъ 1491 г., два „рукописныя евангелія" Имп. публ. библіотеки, отрывокъ мѣсячной минеи, „Судебникъ" Казимира IV-го, короля польскаго (принадлежавшій тогда гр. Н. П. Румянцову), харатейный типикъ или служебникъ сербскій XIV—XV в. и т. д.

Конечно, въ разсужденіи Востокова имѣлись и ошибки, или неточности, въ большинствѣ случаевъ объясняющіяся условіями времени. Такъ Востоковъ говоритъ о несуществующихъ въ дѣйствительности письменныхъ памятникахъ церковнославянскаго языка IX-го вѣка (!); считаетъ подлинной Краледворскую рукопись; языкъ Фрейзингенской рукописи называетъ „хорватскимъ"; полагаетъ, что переводъ Св. Писанія на слав. языкъ былъ сдѣланъ въ Моравіи, а не въ Македоніи или Болгаріи; слышитъ въ чешскомъ vlk полугласный звукъ, „не дебелый... и не тонкій... а средній" и т. д. Но всѣ эти вполнѣ извинительныя погрѣшности сторицею выкупаются высокими положительными достоинствами труда Востокова, богатое и новое содержаніе котораго сразу доставило его автору репутацію выдающагося знатока славянскаго языка. Россійская академія, по предложенію Шишкова, указывавшаго въ своей запискѣ, что „стихотворенія г. Востокова, а особливо похвальныя упражненія его по части изслѣдованій отечественнаго языка, обращаютъ на труды его вниманіе любителей Словесности", 5 іюня 1820 г. избрала Востокова въ дѣйствительные члены. Въ томъ же году выбрало его своимъ почетнымъ членомъ и „Вольное Общество любителей Россійской словесности" [3]). Знаменитый Добровскій, печатавшій

---

[1]) Одно изъ рѣдкихъ указаній взаимнаго отношенія между названными языками въ нашей литературѣ.

[2]) Вѣроятно, первое у насъ печатное упоминаніе названнаго труда Гримма.

[3]) См. «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова» стр. XXVIII и «Пе-

въ это время свои „Institutiones", такъ былъ пораженъ важностью и новизной „Разсужденія", что хотѣлъ прекратить печатаніе своего труда и приступить къ полной его переработкѣ въ связи съ открытіями Востокова. Только усиленныя убѣжденія Копитара заставили его измѣнить свое намѣреніе и продолжать печатаніе, какъ свидѣтельствуетъ это со словъ самого Копитара И. И. Срезневскій [1]). Въ письмѣ къ Кеппену Добровскій признавался: „я приписалъ очень много на поляхъ своихъ Institutiones l. Slav.; замѣчанія Востокова побудили меня продолжать изслѣдованіе дальше и открыть еще кое-что" [2]).

Въ другомъ письмѣ того же времени Добровскій называетъ Востокова „отличнымъ филологомъ, за исключеніемъ каприза, будто ѫ = польск. ą" [3]). Въ послѣднемъ вопросѣ сказалось вліяніе Копитара, величавшаго между прочимъ нашего ученаго „глупцомъ" (stultus) за то, что онъ, хотя и знаетъ супинъ, но не желаетъ его такъ называть (Востоковъ предпочиталъ терминъ „достигательное наклоненіе"). Пообѣщавъ „отчитать" его за это въ своей рецензіи, Копитаръ увѣрялъ Добровскаго, что онъ будетъ смѣяться (ridebis) надъ открытіемъ Востокова, будто ѫ = польск. ą и ę [4]).

Впрочемъ, въ приложеніи къ своей рецензіи на „Institutiones" Добровскаго, посвященномъ краткому резюме труда Востокова, Копитаръ привѣтствовалъ его, какъ „почти неожиданную зарю настоящей славянской филологіи на восточномъ небосклонѣ славянской земли", указывая въ то же время, что результаты работъ Добровскаго и Востокова, хотя и вытекаютъ изъ различныхъ источниковъ, тѣмъ не менѣе прекрасно согласуются между собою [5]).

Болѣе восторженно былъ принятъ трудъ Востокова представителями Румянцовскаго кружка нашихъ любителей отечественной филологіи, съ самимъ канцлеромъ Румянцовымъ во главѣ, и членами Московскаго общества Любит. Росс. словесности. Каченовскій, которому, какъ секретарю Общества, Востоковъ послалъ рукопись своего „Разсужденія", отвѣтилъ ему немедленно (22 янв.

реписка А. Х. Востокова, въ повременн. порядкѣ», изд. И. Срезневскимъ, Спб. 1873 (Изд. Имп. ак. наукъ), стр. XXXIV—XL.

[1]) «Филологич. наблюденія», стр. XXVI—XXVII.

[2]) «Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ» изд. Ягичемъ въ «Сборникѣ отдѣленія русск. языка и словесн. Имп. ак. наукъ», т. 39. 1885, стр. 672 (письмо 6 дек. 1824).

[3]) Тамъ же, стр. 670 (письмо къ Кеппену отъ 15-го марта 1824).

[4]) Тамъ же, стр. 473, письмо отъ 8 мая 1822, № 144.

[5]) «Wiener Jahrbücher der Litteratur» 1822. I, стр. 101.

1820 г.), называя его трудъ „превосходнымъ" и сообщая, что „прочелъ его съ превеликимъ удовольствіемъ и нашелъ въ немъ много для себя поучительнаго". При этомъ онъ, повидимому, отказывался отъ прежняго своего взгляда о тожествѣ церковнославян. языка съ сербскимъ (см. выше, стр. 775) о которомъ прежде до выхода въ свѣтъ грамматики и словаря Вука Ст. Караджича, имѣлъ „самое ложное мнѣніе". По его словамъ, онъ имѣлъ въ виду передѣлать свое собственное разсужденіе и „потомъ напечатать уже въ другомъ видѣ" [1]). Едва ли можно сомнѣваться, что такому повороту во взглядахъ Каченовскаго много способствовало Востоковское „Разсужденіе".

И. И. Давыдовъ, читавшій „Разсужденіе" въ публичномъ засѣданіи общества, также счелъ своимъ долгомъ написать письмо его автору, въ которомъ называетъ его трудъ „рѣдкой услугой ученаго Автора" и сообщаетъ, что И. И. Дмитріевъ и другіе „благомыслящіе слушатели... съ нетерпѣніемъ ожидаютъ напечатанія сего разсужденія". По словамъ Давыдова, „желательно только всѣмъ слышать" отъ Востокова „еще что либо о спорномъ положеніи, точно ли къ Сербскому нарѣчію отнести должно намъ Церковно-Славянскій языкъ?" [2]).

Самъ канцлеръ Румянцовъ писалъ академику Кругу 19 іюня 1820 г., что разсужденіе Востокова „о различныхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣла русская или славянская грамматика въ эпохи древнѣйшія и наиболѣе близкія ко времени Меѳодія и Кирилла", „оказываетъ безконечную честь" своему автору и „несомнѣнно произвело бы большое впечатлѣніе заграницей, если бы сдѣлалось тамъ извѣстно" [3]).

Лестно отзывался о трудѣ Востокова въ своемъ письмѣ къ нему (отъ 2 сент. 1821 г.) и архіепископъ Псковскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, Евгеній Болховитиновъ, давно уже интересовавшійся вопросами славянской палеографіи и грамматики. „Разсужденіе" Евгеній называлъ „весьма любопытнымъ" и писалъ, что „внимательныя и глубокія замѣчанія" Востокова заставляютъ ожидать отъ него „такой Славянской грамматики, какой ни одно еще Славянское племя доселѣ не издавало" [4]).

Иной характеръ имѣетъ письмо президента Россійской академіи А. С. Шишкова, извѣщавшаго Востокова о его избраніи въ

[1]) «Переписка Востокова», изд. И. Срезневскимъ (Спб. 1873), стр. XXXII—XXXIII.

[2]) Тамъ же, стр. XXXIII—XXXIV.

[3]) Тамъ же, стр. XXXIV.

[4]) Тамъ же, стр. 3—4.

члены академіи. Наставительно-покровительственный тонъ всего письма, снисходительные совѣты, подаваемые Шишковымъ (!) Востокову, у современнаго читателя могутъ только вызвать горькую улыбку и живо напоминаютъ мудрыя наставленія соловью въ извѣстной баснѣ Крылова. Шишковъ выражаетъ здѣсь радость, что академія пріобрѣтаетъ въ лицѣ Востокова „члена, охотно (!) упражняющагося (!) въ изслѣдованіяхъ отечественнаго языка", и надѣется, что онъ „не отречется вникнуть въ правила, которыми она руководствуется (!)... и пользоваться ея примѣчаніями (!)". Шишковъ разъясняетъ (!) далѣе Востокову обширность и важность науки о языкѣ (!) и предлагаетъ прислать ему труды академіи, если онъ хочетъ (!) „вмѣстѣ съ Академіею посвятить себя сему полезному упражненію". Востоковъ, какъ мальчишка, приглашается „прочитать со вниманіемъ" эти труды, быть „внимательнымъ къ примѣчаніямъ" академіи, „поприлежнѣе прочитать Академическія извѣстія" и „хорошенько" въ нихъ вникнуть. Шишковъ присовокуплялъ къ этому, что во многихъ „выходящихъ нынѣ сужденіяхъ о языкѣ" (очевидно и въ „Разсужденіи" Востокова) видитъ „похвальное рвеніе и охоту", но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе „истиннаго основанія", состоявшаго, очевидно, въ томъ фантастическомъ „словопроизводствѣ" собственной фабрикаціи, образчики котораго мы уже видѣли неоднократно выше. Въ видѣ примѣра приводится этимологія *насть* отъ *стыть* (настыть), а „*стыть* отъ *студь* или *стужа*, которая сама происходитъ отъ глагола *стою*, поелику дѣйствіе ея состоитъ въ *останавливаніи*, т. е. въ превращеніи всѣхъ жидкихъ тѣлъ въ густыя, твердыя, неподвижныя". Въ заключеніе заявлялось, что надежда имѣть въ лицѣ Востокова „усерднаго и хорошаго сотрудника" академіи вызвала „сіи объясненія", и что „отзывъ" Востокова „уменьшитъ или увеличитъ сію довѣренность" [1]).

Что оставалось дѣлать скромному и застѣнчивому Востокову, какъ не благодарить въ отвѣтномъ письмѣ за „отличную честь" и „высокое довѣріе", оказанныя ему академіей, выражать увѣренность, что „примѣчанія и совѣты почтеннѣйшихъ сочленовъ его въ Россійской Академіи послужатъ ему важнѣйшимъ свѣтильникомъ къ озаренію пути толикими преткновеніями исполненнаго", соглашаться съ этимологіями Шишкова и заявлять объ удовольствіи и пользѣ, доставляемыхъ „глубокими изслѣдованіями Его Превосходительства по части словопроизводства"? Очевидно, Востоковъ не желалъ своимъ „отзывомъ" уменьшить оказанную ему

---

[1]) Тамъ же, стр. XXXV—XXXVII.

„довѣренность“, особенно послѣ того какъ ему категорически поставлены были на видъ послѣдствія этого „отзыва“... У историка науки не хватаетъ духа бросить въ него словомъ осужденія за недостатокъ чувства собственнаго достоинства. Да и какъ было воспитаться этому чувству въ странѣ, гдѣ невѣжество съ издавна „посѣло мѣстомъ... ободранную и въ лоскутахъ обшитую“ науку?

Тотъ же вопросъ, что въ разсужденіяхъ Каченовскаго и Востокова, разсматривается и въ разсужденіи К. Ѳ. Калайдовича „О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ“, читанномъ имъ въ Моск. Общ. Любит. Росс. Словесности по случаю своего избранія въ члены общества и напечатанномъ въ „Трудахъ“ послѣдняго (ч. XXII=„Сочиненія въ прозѣ и стихахъ“, ч. II. Москва, 1822, стр. 57—71). Впослѣдствіи оно съ небольшими измѣненіями составило первую главу извѣстнаго изслѣдованія Калайдовича объ Іоаннѣ экзархѣ Болгарскомъ (см. ниже). Мы находимъ здѣсь „правдоподобныя мнѣнія о томъ: *на какой языкъ переведены первыя богослужебныя книги*“ (стр. 57). „Каковъ былъ коренной Славянскій языкъ“, по словамъ автора, „столь же мало извѣстно какъ и то, въ какой странѣ была колыбель народа, онымъ говорившаго; послѣдній еще задолго до изобрѣтенія своей письменности является во многочисленныхъ разноименныхъ племенахъ, населявшихъ берега Дуная“. Только въ IX вѣкѣ оканчивается окутывающая его „тьма“, и „восточная заря“, въ видѣ христіанства, „освѣщаетъ полудикія скитающіяся орды“ моравовъ и болгаръ. Ставится вопросъ, на какомъ языкѣ совершали эти славяне божественную службу: „природный еще неподвиженъ (?), въ совершенномъ бездѣйствіи и не имѣетъ собственныхъ буквъ; а Греческій и Латинскій, не будучи извѣстны Славянскому племени“, безполезны. Тогда-то Меѳодій и Кириллъ „являются къ Моравамъ, и Кириллъ составляетъ Славянскую азбуку“, въ которую „вмѣщаетъ... собственные Славянскіе знаки, если вѣрить черноризцу Храбру, *чертами и рѣзами* называвшіеся, посредствомъ коихъ они въ идолопоклонствѣ читали и гадали“ (стр. 58—59). По словамъ Калайдовича, „всѣ изслѣдованія о томъ, каковъ былъ коренной Славянскій языкъ, остаются безуспѣшными. Новѣйшіе филологи сходствомъ онаго съ языками Азіатскими, а особливо съ богослужебнымъ Санскритскимъ, — сходствомъ, примѣченнымъ и въ другихъ Европейскихъ,—показали только ихъ общее Азіатское происхожденіе, хотя ближайшая связь Славянскаго съ языками Греческимъ, Латинскимъ и Нѣмецкимъ давно уже найдена“ (стр. 61).

Моравы, чехи или богемцы не оставили „ни одного собственно

имъ, безъ всякой примѣси, принадлежащаго памятника", а письменность сербовъ, „древняго благороднѣйшаго Славянскаго народа", сохранившаго въ богослуженіи слав. языкъ, „не углубляется далѣе XIII в." Дальше подвергается критическому разбору мнѣніе Добровскаго, полагавшаго, что „Русскій церковный языкъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ Руссизмовъ) есть собственно древле-Сербскій" и отличавшаго „древній Сербскій неиспорченный языкъ" отъ „нынѣшняго Сербскаго непорченнаго" (стр. 62). По мнѣнію Калайдовича, Добровскій „никогда не сказалъ бы сего", еслибы „хорошо зналъ церковный Славянскій языкъ, употребляемый въ богослуженіи Россіянами, Сербами, Болгарами," и былъ знакомъ съ рѣзкимъ отличіемъ его „отъ нынѣшняго общенароднаго нарѣчія Сербовъ", среди которыхъ лишь немногіе изучавшіе древній слав. языкъ могутъ понимать его. Въ данномъ случаѣ Калайдовичъ опирается на приводимое имъ мнѣніе Рача, отличающаго живой великорусскій или малорусскій языкъ отъ „чистаго" церковнославянскаго, не употребительнаго „въ общемъ разговорѣ", и употребляемый у сербовъ въ церквахъ „древній Славенскій" отъ иллирическаго простаго нарѣчія, или сербскаго діалекта, примѣняемаго „въ свѣтскихъ дѣлахъ" (стр. 63—64).

Въ подтвержденіе сказаннаго приводятся цитированныя въ „Исторіи славянскихъ народовъ" Рача книги, писанныя „старымъ Сербскимъ штиломъ" или „Славенски", т. е. „на Славянскомъ, съ примѣсью Сербскаго нарѣчія", и—на нынѣшнемъ сербскомъ нарѣчіи (стр. 64—65). Цитируется также мѣсто изъ предисловія Іоанна Рукослава къ его переводу „Плутарха Хиронейскаго дѣлце о воспитаніи дѣтей", упоминавшемуся уже въ разсмотрѣнной раньше статьѣ Каченовскаго (см. выше, стр. 773). Рукославъ здѣсь говоритъ тоже о разницѣ между живымъ сербскимъ языкомъ, изобилующимъ „нѣмецкими, мадьярскими и турецкими рѣчами", отъ языка славянскаго, „иже чистотою и обиліемъ многія превзошедый, первоначальнымъ вправду причисляется" (стр. 65—66).

На основаніи приведенныхъ соображеній и свидѣтельствъ, Калайдовичъ отрицаетъ „возможность когда-либо доказать, что нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное Сербское нарѣчіе", и пытается искать „памятники древнѣйшей Славянской письменности" у болгаръ, завладѣвшихъ „нынѣшней Болгаріей, мѣстомъ жилища Славянъ", во второй половинѣ VII в. и „мало по малу слившихся съ ними въ одинъ народъ, говорившій однимъ языкомъ". Хотя „нынѣшнее Булгаро-Славянское нарѣчіе" и болѣе прочихъ удалилось „отъ своего источника", но сохраненіе бол-

гарами книжнаго богослужебнаго славянскаго языка, заимствованнаго ими, „вѣроятно, отъ Моравовъ“ (!), по принятіи въ IX в. христіанства отъ грековъ, заставляетъ Калайдовича думать, что древнѣйшіе памятники церковнослав. языка должны найтись у болгаръ, у которыхъ литература процвѣтала въ концѣ IX и въ началѣ X в. (указываются труды Іоанна Ексарха Болгарскаго, кн. Симеона Болгарскаго, епископа Константина, пресвитера Григорія и т. д.). На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ и сравненія славянскаго книжнаго языка съ языкомъ „древнѣйшихъ Русскихъ памятниковъ“, сохранившихся отъ XI в., Калайдовичъ приходитъ къ „вѣрнымъ положеніямъ“, что церковносл. языкъ „былъ нѣкогда однимъ, общимъ у Моравовъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ, вѣроятно и у другихъ племенъ *однородныхъ*“. Это мнѣніе онъ подкрѣпляетъ еще тѣмъ, что „Славянскій языкъ, вмѣстѣ съ народомъ въ V вѣкѣ въ бытописаніяхъ появившійся (?), не могъ (?) въ IX раздѣлиться на разныя нарѣчія“, потому что всѣ славяне жили еще вмѣстѣ на Дунаѣ (!), а также потому, что „не имѣя никакихъ письменныхъ памятниковъ, не могъ дѣлать и ощутительныхъ перемѣнъ въ своей главной формѣ“. Кромѣ того и Несторъ не дѣлаетъ различія въ языкѣ разныхъ славянъ, перечисляемыхъ имъ, а называетъ его „словѣньскимъ“. Въ концѣ разсужденія еще разъ вполнѣ опредѣленно церковнославянскій языкъ называется „церковнымъ Моравскимъ языкомъ“, сходство котораго (съ другими славянскими?) „способствовало къ принятію онаго Болгарами, въ одно время, и Русскими, просвѣтившимися послѣ нихъ святымъ Крещеніемъ“ (стр. 66—71).

Общія замѣчанія о русскомъ и церковнославянскомъ языкахъ находимъ также въ вышедшемъ въ томъ же 1822 г. „Опытѣ краткой Исторіи Русской литературы“ Н. Греча (Спб. 8°). Замѣчанія эти, конечно, имѣли компилятивный характеръ и представляютъ историческій интересъ лишь тѣмъ, что показываютъ, какіе взгляды по данному вопросу обращались у насъ въ болѣе широкихъ кругахъ образованнаго общества. По мнѣнію Греча, славяне говорили вѣроятно однимъ общимъ языкомъ, происходившимъ, какъ и всѣ европейскіе языки, изъ Азіи, что̀ доказывается сходствомъ его коренныхъ словъ съ греч., лат., нѣмецкими, „а сихъ съ Санскритскимъ—древнимъ языкомъ Индіи“. „Свойство древняго Слав. языка намъ неизвѣстно“, по отсутствію письменныхъ памятниковъ не только до раздѣленія славянъ, но даже до перевода на „оный“ языкъ Св. Писанія. Въ древнѣйшія времена было, „по всей вѣроятности“, только одно нарѣчіе, которое затѣмъ раздѣлилось на два: восточное и западное (славянское и антское), пустившія отъ

себя многія отрасли (стр. 11). Слав. языки Гречъ дѣлилъ на двѣ главныя отрасли: восточную и западную, относя къ первой русскій, церковнославянскій, сербскій, кроатскій и краинскій. О русскихъ нарѣчіяхъ сообщались такія свѣдѣнія: главное нарѣчіе—Великороссійское, кромѣ него есть нѣсколько второстепенныхъ, „изъ коихъ важнѣйшее Малороссійское, различествующее отъ главнаго произношеніемъ, многими выраженіями, оборотами и грамматич. формами". Родилось и усилилось оно „отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ югозап. Россіи, и можетъ даже назваться областнымъ *Польскимъ*" (!). Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ „говоритъ народъ въ Литвѣ и частію на Волыни. Сіе нарѣчіе (именуемое и *Руськимъ*) было книжнымъ языкомъ нѣкоторыхъ писателей въ XVI и XVII в.". Прочія нарѣчія, по словамъ Греча, ближе къ главному и отличаются отъ него лишь нѣкоторыми словами (напр. *Суздальское*, „заключающее въ себѣ многія слова, вовсе чуждыя Рускому языку", и *Олонецкое*, „происшедшее отъ смѣшенія Рускихъ съ финнами"!), или произношеніемъ нѣкоторыхъ буквъ (*Новгородское*).

Церковный языкъ заключается въ переводахъ церк. книгъ на славянское (сербское) нарѣчіе. Какъ смутны были представленія Греча о славянскихъ языкахъ, видно изъ того, что онъ относилъ къ „Иллирійскому племени" слѣдующіе „главные" языки: 1) Сербскій (съ нарѣчіями: сербскимъ, боснійскимъ, *болгарскимъ*, славонскимъ, далматскимъ, черногорскимъ, рагузанскимъ, седмиградскимъ и пр.). При этомъ сербскій языкъ характеризовался такъ: „не весьма чистый, но, какъ нѣкоторые утверждаютъ, пріятный языкъ, ожидающій благопріятнаго случая, чтобъ воспрянуть отъ долговременнаго сна". Сюда же Гречъ относилъ языки 2) *Кроатскій* и 3) *Краинскій* „почти вовсе необработанные, и уже смѣшанные съ италіянскимъ и нѣмецкимъ" и т. д. (стр. 12—13). Къ языкамъ „западной отрасли" Гречъ относилъ „*Польскій*, *Богемскій* или Чешскій, имѣющій нарѣчія Моравское, Хорватское (!), Словацкое и пр., и *Вендскій* въ Лузаціи, самый бѣдный изъ языковъ Славянскихъ, мало по малу вытѣсняемый Нѣмецкимъ" (стр. 14).

Книга Греча вызвала рецензію нѣкоего А. Р.: „Нѣчто объ Опытѣ Исторіи Россійской Словесности" въ „Вѣстникѣ Европы" 1822, № 11—12 (стр. 239—246). Рецензентъ подвергалъ взгляды Греча довольно подробному разбору. Такъ, по его словамъ, всѣмъ историческимъ преданіямъ противорѣчитъ мнѣніе, будто „причиною оригинальности Русскаго языка можетъ быть то обстоятельство, что Русскіе жили посреди другихъ Славянскихъ племенъ и съ чужими народами не имѣли не-

посредственнаго сношенія до совершеннаго образованія ихъ языка". Рецензентъ правильно замѣчаетъ, что русскіе, напротивъ, всегда были окружены иноплеменниками, съ которыми принуждены были вести непрестанную борьбу; и подчеркиваетъ также внутреннее противорѣчіе Греча съ его собственными утвержденіями, будто „нашъ языкъ образованъ по Греческому синтаксису", и что первые переводчики переводили съ греческаго на славянскій „буквально слово въ слово", въ виду чего положеніе объ оригинальности русскаго языка является весьма сомнительнымъ. Рецензентъ не соглашается и съ мнѣніемъ Греча, будто „Слово о Полку Игоря" писано тогдашнимъ народнымъ языкомъ, близко подходящимъ къ слогу Нестора и переводу Библіи", и находитъ его невѣрнымъ, указывая, что Русская Правда, „какъ народный законъ, имѣетъ совсѣмъ отличный языкъ", и болѣе для насъ вразумительный, нежели пѣснь Бояна (?), не имѣющая ни малѣйшаго сходства со слогомъ Библіи, а тѣмъ болѣе съ лѣтописью Нестора. Въ доказательство „невразумительности" языка Слова о п. Игоревѣ указывается на рядъ попытокъ различныхъ ученыхъ объяснить разныя непонятныя мѣста его, причемъ получаетъ похвалы г. Пожарскій, объяснившій удачнѣе своихъ предшественниковъ съ помощью польскаго и бѣлорусскаго языковъ разныя темныя мѣста названнаго памятника.

Какъ попытка отвѣтить на вопросъ, предложенный въ 1818 г. московскимъ обществомъ любит. росс. словесности (см. выше, стр. 745—46), должна быть названа статья извѣстнаго германскаго ученаго Іог. Северина Фатера: „Versuch einer Kurzen Einleitung zur Uebersicht der Entstehung und Schicksale der Russischen Sprache", напечатанная во второй части книги „Analecten der Sprachkunde" и посвященная Государственному Канцлеру Графу Н. П. Румянцову. Переводъ этой статьи, „озаряющей новымъ свѣтомъ начало языка и самое происхожденіе имени Русскаго", (Вѣстн. Евр." 1823, № 2, стр. 113, примѣч.) съ примѣчаніями частью автора, частью переводчика - издателя, былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы" Каченовскаго за 1823 г. (№ 2: 113—128; № 3—4: 252—261; № 5: 39—51; № 7: 195—203, 237—39; № 9: 14—23, 77—79) подъ заглавіемъ: „О происхожденіи Русскаго языка и о бывшихъ съ нимъ перемѣнахъ".

По мнѣнію Фатера, русскій языкъ „есть отрасль кореннаго Славянскаго, именно восточной его вѣтви", къ которой относятся болгары, сербы и „винды", обитающіе „въ Крайнѣ, Стиріи и Каринтіи" (т. е. словинцы), тогда какъ другіе славянскіе языки: „Богемскій, Моравскій, Польскій, Сербо-Вендскій въ Лаузицѣ",

вмѣстѣ съ полабскимъ въ Люнебургѣ, составляютъ западную вѣтвь. Отецъ всѣхъ этихъ языковъ, „коренный, первобытный“ славянскій языкъ, „неприступенъ для нашего любопытства; памятниковъ его отъ того времени, когда онъ еще не былъ раздѣленъ на разныя отрасли, имѣемъ мы столь же мало (?), какъ и отъ другихъ подобныхъ языковъ первобытныхъ“ (№ 2, 113—114). Древнѣйшіе памятники отдѣльныхъ вѣтвей ближе къ этому „первобытному языку“, и мы можемъ похвалиться, что имѣемъ подобный памятникъ „второй половины девятаго столѣтія (!?), юговосточной вѣтви принадлежащій“, языкъ котораго гораздо ближе къ русскому, чѣмъ къ западно-славянскому, но могъ быть понятенъ „и въ такъ назыв. Велико-Моравскомъ государствѣ“. Памятникъ этотъ—евангеліе, апостолъ и псалтирь, переведенные Кирилломъ и Меѳодіемъ на „древній чистый, неиспорченный Сербскій языкъ“, которому переводчики научились въ родномъ своемъ городѣ Солуни. Языкъ этотъ до сихъ поръ остается церковнымъ для русскихъ и сербовъ, „а отъ X столѣтія до начала XVIII.. былъ и книжнымъ языкомъ Русскихъ“ (стр. 114—115). Фатеръ ставитъ себѣ задачу, занимавшую и „ученѣйшаго изслѣдователя древнихъ и нынѣ существующихъ отраслей языка Славянскаго“, т. е. Добровскаго („Slavin“, 365): отчего „нынѣшній Сербскій языкъ менѣе сходенъ съ древнимъ, нежели Русскій“, хотя русскіе славяне жили весьма далеко отъ мѣста образованія церковнаго языка, мѣшались съ чужими племенами и подъ игомъ хазаръ и монголовъ приняли „множество словъ чуждыхъ“, а послѣ „воевали съ родственными по языку Поляками“ (стр. 115—116).

Прежде чѣмъ рѣшить эту задачу, Фатеръ суммируетъ историческія извѣстія о происхожденіи русскихъ славянъ и доказываетъ, что имя свое (Русь, русскіе) они получили „отъ рода владѣтелей своихъ“ въ половинѣ IX в., т. е. отъ варяжскаго племени *Русь*, или *росовъ*, жившаго при Черномъ морѣ (стр. 116—123). Ихъ германское происхожденіе видно изъ упоминаемыхъ Константиномъ Багрянороднымъ именъ Днѣпровскихъ пороговъ и множества германскихъ именъ „Руссо-Варяжскихъ“ полководцевъ и воиновъ „въ Исторіи Рурика, Олега, Игоря“, которыя въ своей совокупности „имѣютъ великую важность“ (№ 3, стр. 256). Скандинавами, или норманнами, Фатеръ считаетъ и другой „значительный“ народъ Русь, жившій около „Казаръ и Булгаровъ“ (стр. 257). Къ „Руси“ принадлежалъ и „благородный домъ Княжескій съ Германскими именами, отъ котораго произошли Рурикъ съ братьями своими и съ Олегомъ“. Отъ этого-то дома „имя Руси распространилось и на государства отъ Ильмена-Озера до Кіева, равно какъ

и на господствующій языкъ въ ихъ государствахъ" (стр. 258—59). Языкъ этихъ „Русовъ", германскаго корня, „потерялся между Славянами, хотя смѣшеніе сіе осталось и не безъ послѣдствій". Что это были за славяне, жившіе при о. Ильменѣ и около Кіева, и каковъ былъ ихъ языкъ, „мы неимѣемъ никакого извѣстія; незнаемъ также, въ какомъ отношеніи былъ послѣдній къ языку древнихъ Сербовъ, на которой переведены священныя книги" (№ 5, стр. 51). Тѣмъ не менѣе „по языку мы видимъ очень близкое родство ихъ съ Сербами, то есть, судя по сходству, которое долженствовало быть еще до вліянія древле-Сербскихъ (т. е. церковнославянскихъ) переводовъ" (№ 7, стр. 195). Начало этого послѣдняго вліянія Фатеръ относитъ къ эпохѣ введенія христіанства при Владимірѣ Великомъ и проводитъ параллель между нимъ и вліяніемъ языка Лютеровой библіи „на весь языкъ Нѣмецкій вообще, и въ особенности на утвержденіе грамматическаго состава его" (стр. 196). Разница только въ томъ, что „отношенія тогдашнихъ Нѣмецкихъ нарѣчій къ Лютерову переводу Библіи" извѣстны, а „отношенія Новгородо-Кіевскаго нарѣчія, при Владимірѣ Великомъ къ древле-Сербскому переводу Священнаго Писанія... мы не можемъ опредѣлить съ точностію. Языкъ перевода былъ церковнымъ и книжнымъ; упомянутое выше нарѣчіе было языкомъ общеупотребительнымъ. Князья и народъ продолжали говорить порусски. Нѣкоторыя собственно Русскія формы и выраженія видны въ *Правдѣ Русской*, Ярославовыхъ законахъ XI в., въ *Пѣснѣ объ Игоревомъ походѣ* противъ Половцевъ XII в., въ Архивскихъ памятникахъ XIII и XIV столѣтій [1]). Въ лѣтописяхъ смѣсь обоихъ нарѣчій еще примѣтнѣе [2]). Перешедшія слова изъ одного нарѣчія въ другое надлежало бы съ точностію замѣтить [3]). Хотя многіе руссизмы... явились и въ Славянскомъ языкѣ лѣтописей, но сохранившемъ прежней чистоты своей (и даже въ Острожской библіи, см. Добровск. Slovanka, Th. I, s. 205); но во

[1]) Въ примѣчаніи 14 (на стр. 238—39) изъ предисловіи Добровскаго къ Русской грамматикѣ Пухмайера Фатеръ приводитъ примѣры полногласныхъ формъ: *волога* вм. *влага*, *переборотп* вм. *перебрати* и т. д., глаголы съ предлогомъ *вы*-вмѣсто *из*: *выведу* вм. *изведу* и т. д.; *о* вм. *е* въ началѣ словъ *одинъ*, *одва* вм. *единъ*, *едва* и т. д.

[2]) Въ примѣчаніи 15 (стр. 239) Фатеръ указываетъ, что русскія формы внесенныя очевидно позднѣйшими переписчиками, и параллельныя имъ славянскія употребляются совсѣмъ рядомъ, очень близко другъ отъ друга.

[3]) Задача до сихъ поръ не выполненная во всемъ объемѣ. Приступъ, не получившій, однако, до сихъ поръ продолженія, сдѣлалъ пишущій эти строки въ своей работѣ «Церковнослав. элементы въ современномъ литерат. и народномъ русскомъ языкѣ». Ч. I, Спб. 1893.

обще въ писаніяхъ остался господствующимъ языкъ перевода книгъ священныхъ“ (стр. 197—98). Вліяніе церковнаго языка должно было имѣть особую силу въ странѣ, какъ Россія, лишенной свѣтской литературы и съ единственнымъ сколько нибудь образованнымъ сословіемъ—духовенствомъ. Во время татарскаго ига языкъ русскій „подпалъ отношеніямъ зависимости уже отъ языка Татарскаго“ и „является искаженъ примѣсью многихъ словъ чуждыхъ. Но при Славянскомъ племени осталось большинство словъ природныхъ и сохранился весь грамматическій составъ языка древле-Славянскаго. Такимъ образомъ господство утвержденной Кирилловымъ переводомъ Грамматики не только не рушилось, но еще распространило власть свою и на слова чуждаго корня (?), и языкъ народный остался тѣмъ же, чѣмъ былъ онъ прежде въ отношеніи къ церковному переводу“ (стр. 198—201). Послѣ политическаго усиленія Москвы, она становится съ XVI в. центромъ не только государственнымъ, но и языковымъ: „способъ выраженія, наблюдаемый при отправленіи дѣлъ въ столицѣ, переносится въ провинцію, гдѣ стараются слѣдовать ему, чтобы подобныя же дѣла отправлять съ лучшимъ успѣхомъ (!). Даже ремесленники и рабочіе люди, по надобностямъ своимъ живущіе въ главномъ городѣ, перенятыя ими слова и способы выражаться распространяютъ между низшимъ классомъ народа“. Москва является „также срединнымъ пунктомъ и духовенства и дѣятельности сего сословія“, которому „языкъ обязанъ всѣмъ своимъ образованіемъ“. Рядомъ съ церковнославянскимъ вліяніемъ, отмѣчается и вліяніе „Греческаго языка на Грамматику древле-Славянскаго“, объясняемое „продолжительнымъ сообщеніемъ съ Греческою Церковью“ и тѣмъ, что „первые перелагатели книгъ были Греки“. Упоминается при этомъ случаѣ „Максимъ Грекъ, призванный для исправленія книгъ“ (стр. 201—203). Далѣе сообщаются свѣдѣнія о передѣлкахъ грамматики М. Смотрицкаго, изданныхъ въ 1648 и 1719 (1721 ?) гг., и приводятся особенности живого русскаго языка, которыхъ не могло истребить вліяніе церковнослав. языка: вмѣсто *азъ*—*я*, вм. *днесь*—*севодня*, вм. *глаголати*—*говорить*, вм. родит. на-*го*—родит. на-*во*; „вставка гласной буквы между согласными“ (*берегъ* вм. *брегъ*); въ русскихъ словаряхъ приводится много устарѣлыхъ славянскихъ словъ, неупотребительныхъ уже въ живой рѣчи; въ русскомъ языкѣ много „учащательныхъ“ глаголовъ на *иваю* или *ываю*, тогда какъ въ славянскомъ ихъ очень мало (только *бываю*); въ числѣ особенностей слав. глагола указывается двойственное число, притомъ для всѣхъ лицъ по двѣ формы, муж. и женск. рода (такъ у М. Смотрицкаго), окончаніе 2 л. ед. числа-*еси*,

-иси (?), вм. русск.*-ешь.-ишь*, окончаніе 1 л. ед. и мн. прош. вр.*-хъ* и*-хомъ*, а при второмъ л. на*-лъ,-ла,-ло*—всегда стоитъ вспомогат. глаголъ *еси* и т. д. (частью на основаніи искусственныхъ формъ грамматики Смотрицкаго). Затѣмъ указываются главнѣйшіе моменты исторіи русскаго литературнаго языка по даннымъ Фриша („Historia linguae Slavonicae", Берл. 1727): *Уложеніе* царя Алексѣя Михайловича, переводы и сочиненія Симеона Полоцкаго, Петровскіе указы и объявленія, грамматика Ломоносова. Въ заключеніе высказывается надежда, что русскій языкъ, богатый „легко составляемыми прилагательными, уменьшительными и другими словами весьма выразительнаго качества", и имѣя возможность черпать изъ славянскаго языка, являющагося для него „неоцѣненнымъ источникомъ достоинства и силы", достигнетъ особаго процвѣтанія въ царствованіе Александра I-го (№ 9, стр. 14—20). Интересны заключительныя строки статьи, содержащія характеристику родственныхъ отношеній общеславянскаго языка къ другимъ языкамъ: „въ глубокой древности обиталище его, равно какъ и другихъ первобытныхъ народовъ Европы, было въ южной Азіи, близъ Самскрита; ручается въ томъ весьма явственное сходство въ спряженіяхъ глаголовъ, и множество словъ одинакихъ. Такое же родство примѣтно и съ другими Европейскими языками, особливо съ Нѣмецкимъ; примѣтны отношенія между ними не случайныя, не въ послѣдствіи времени оказавшіяся, но первоначальныя и природныя: въ этимологическомъ словарѣ Русскаго языка они могли бы быть показаны". Въ окончаніи прош. вр. на*-лъ*, встрѣчающемся также и въ армянскомъ [1]), Фатеръ видитъ „слѣдъ того пути, по которому оный древнѣйшій народъ и съ языкомъ своимъ шествовалъ въ Европу" (стр. 22—23). Статья Фатера снабжена и самостоятельными примѣчаніями редактора, въ которыхъ онъ дополняетъ, или исправляетъ его замѣчанія. Конечно, она даже по тому времени представляла нѣсколько ошибочныхъ и уже опровергнутыхъ взглядовъ (въ родѣ отожествленія церковнослав. съ сербскимъ, или утвержденія, что 2-е л. ед. ч. кончится въ славянскомъ на*-еси,-иси* и т. п.), но все же должна была шевелить мысль своихъ русскихъ читателей, направляя ее въ извѣстную сторону и возбуждая рядъ вопросовъ, сомнѣній и интересовъ.

Около тѣхъ же общихъ вопросовъ славянскаго языкознанія вертится содержаніе „Письма отъ Сербскаго литтератора Вука Стефановича къ Дмитрію Фрушичу, Доктору Медицины", переве-

---

[1]) Сравненіе, принятое и современной наукой, ср., напр., «Grundriss» Бругмана, т. II, ч. 2, § 1099, стр. 1421.

деннаго съ сербскаго (Додатакъ къ 68 числу Новина Србски 1821) и напечатаннаго съ нѣкоторыми примѣчаніями редактора въ томъ же 1823 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ (№ 10, стр. 99—117). Караджичъ въ этомъ письмѣ (19 ноября 1819 г.) извѣщаетъ друга своего Фрушича о пріѣздѣ въ Вѣну Добровскаго съ рукописью славянской грамматики („Institutiones linguae Slavicae“), которую тотъ намѣревался напечатать [1]), и приходитъ въ восторгъ отъ знаній Добровскаго. По его словамъ, не можетъ быть на свѣтѣ человѣка, который зналъ бы „какой нибудь языкъ такъ хорошо, какъ Добровскій знаетъ языкъ Славенскій“ (стр. 101). Главное содержаніе письма Караджича касается соотвѣтствій древнему ѧ въ сербскомъ (*е*) и русскомъ (*я*), и проистекающихъ отсюда недоумѣній пишущаго, какъ примирить древность русскаго *я* и сравнительную новизну сербскаго *е* съ теоріей, что древне-славянскій языкъ есть въ сущности древне-сербскій. Караджичъ исходитъ изъ свидѣтельства Добровскаго, что „русскіе переписчики во многомъ перемѣнили *старый* или *истинный* языкъ Славенскій, т. е... *поправляли*“... или *портили* его, напр. изъ *длъгъ*, *плънъ*, *слънце*, *слъза*, *пръстъ*, *скрьбъ*, *сътворити* и т. д. сдѣлали: *долгъ*, *полнъ*, *солнце*, *слеза*, *перстъ*, *скорбь*, *сотворити* и пр. Согласно этому, Караджичъ думаетъ, „что Руские во многихъ словахъ и Е перемѣнили на Я; напр. *кнезь*, *клетва*, *име*, *сѣме*, *ме*, *те*, *се*, они превратили въ *князь*, *клятва*, *имя*, *сѣмя*, *мя*, *тя*, *ся* и пр.“ (стр. 101—102). Спрошенный по этому поводу Добровскій сказалъ, что сами сербы („позднѣйшіе“) перемѣнили *Я* на *Е*, „и что въ древнихъ Сербскихъ (т. е. церковнославянскихъ) книгахъ было писано *князь*, *клятва*, *имя*, *сѣмя* и пр. Несмотря на авторитетъ Добровскаго, Караджичъ всетаки полагаетъ, „что не сербы перемѣнили Я на Е, но что или Руские перемѣнили Е на Я (!), или же еще въ IX в. упомянутыя слова“ писались и такъ, и такъ, т. е. въ „Сербско-Славянскихъ книгахъ“—Е, а въ „Русско-Славенскихъ“—Я. Основанія, которыми Караджичъ руководился, были слѣдующія: 1) славянскій языкъ, на который переводили Св. Писаніе Первоучители (греки изъ Солуня) долженъ былъ быть болгарскій или сербскій; 2) если бы въ древне-сербскихъ книгахъ стояло *князь*, *клятва*, *имя*, то эти формы должны были бы остаться „въ писаніяхъ, сколь ни измѣнялся бы языкъ простонародный“. Между тѣмъ во всѣхъ старинныхъ сербскихъ рукописныхъ книгахъ, гра-

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту редакторъ «Вѣстника Европы» извѣщалъ, что книга Добровскаго уже вышла и находится въ рукахъ «у многихъ ученыхъ любителей языка Славянскаго, какъ иноземныхъ, такъ и нашихъ Русскихъ».

мотахъ, записяхъ и надписяхъ, находимъ *кнезь, клетва, име* и т. д.; 3) сербскихъ книгъ старше XIII в. нѣтъ, а „древнѣйшіе памятники, начиная съ XI-го в., были писаны въ Россіи“, причемъ „Рускимъ всегда вольно было поправлять ихъ, какъ признаются они сами и какъ показываютъ то ихъ рукописи“. Запутавшись во всѣхъ этихъ недоумѣніяхъ, при ошибочномъ положеніи, что церковнославянскій языкъ есть древне-сербскій, Караджичъ выводитъ „важнѣйшее положеніе“; 4) слав. языкъ „и въ самомъ началѣ, т. е. въ IX в., не былъ вездѣ одинакимъ въ книгахъ“. Начало перевода Св. Писанія, „сдѣланное въ Царьградѣ, было Булгарское или Сербское; но, пришедши въ Паннонію и Моравію“, первоучители стали переводить уже на моравское нарѣчіе, потому что (какъ полагаетъ Преосвящ. Евгеній въ своемъ Историч. Словарѣ духовныхъ писателей) имъ было легче перевести книги „на Моравское нарѣчіе, нежели Моравамъ учиться Булгарскому языку или Сербскому“ (стр. 102—113). Меѳодій, живя 30 лѣтъ (?) въ Панноніи и Моравіи, конечно, переводилъ уже не на болгарское или сербское нарѣчіе, „а на употребительное между тамошнимъ народомъ“. Такимъ образомъ уже въ IX в. могли и должны были существовать два перевода Кирилловъ и Меѳодіевъ. Переѣздами славянскихъ апостоловъ изъ страны въ страну Караджичъ также пытается объяснить „разнообразіе въ Славенскихъ переводахъ, и теперь въ нихъ находимое“. Это разнообразіе есть и въ Острожской библіи, гдѣ Караджичъ находитъ руссизмы въ родѣ *молотити, дрова, воронъ*, и *сербизмы*, въ родѣ *книга* вм. *посланіе, хвалити* вм. *благодарити* и т. д. Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, Караджичъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, что „или Руские перемѣнили Е на Я, или же еще въ IX в. было въ употребленіи то и другое, т. е.: въ Сербско-Славянскихъ книгахъ писали Е, а въ Русско-Славянскихъ Я“ (стр. 113—115). Конечно, заключенія Караджича были ошибочны, но все же ближе къ истинѣ, чѣмъ невозможное мнѣніе Добровскаго, считавшаго церковнославянскій языкъ древнесербскимъ и потому неизбѣжно приходившаго къ невѣроятнымъ выводамъ и предположеніямъ. Каченовскій, самъ одно время слѣдовавшій Добровскому и всегда очень интересовавшійся вопросами славянскаго языкознанія, не могъ пройти мимо даннаго письма Караджича, столь близко соприкасавшагося съ содержаніемъ его собственнаго выше (стр. 773—75) разсмотрѣннаго разсужденія.

Въ томъ же 1823 г., въ „Трудахъ Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.“, ч. 23(= „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды и т. д. ч. III, стр. 337—39) напечатано было письмо почетнаго члена общ-

ства", престарѣлаго изв. писателя В. В. Капниста къ предсѣдателю общества, гдѣ между прочимъ развивалась идея о древности языка русскаго передъ славянскимъ, невѣжественная и фантастическая даже по тому времени. Капнистъ считалъ русскій языкъ „коренным или первоначальнѣйшимъ славянскимъ діалектомъ, въ виду его простоты и кратко-правильности" (нѣтъ зват. падежа и двойств. числа; вмѣсто двухъ вспомогательныхъ глаголовъ, наблюдается только одинъ и то рѣдко, при чемъ не имѣется даже и настоящаго времени, „заимствованнаго, кажется (!) изъ Греческаго или Латинскаго языка"). Отсюда дѣлался выводъ, что русскій языкъ древнѣе, чѣмъ греческій и латинскій, и даже чѣмъ всѣ извѣстнѣйшіе европейскіе языки. Возраженіе на эту статью напечатано почти рядомъ (тамъ же, стр. 342—48). Оно принадлежитъ К. Ѳ. Калайдовичу и озаглавлено: „Въ отвѣтъ на замѣчанія В. В. Капниста о древности языка Русскаго предъ Славянскимъ" Фантастическіе и произвольные домыслы Капниста Калайдовичъ опровергаетъ безъ труда, поддерживая знакомую уже намъ теорію свою относительно церковно-славянскаго языка, который былъ нѣкогда общимъ для моравовъ, болгаръ, сербовъ и русскихъ. Онъ указываетъ при этомъ на издревле существовавшее различіе славянъ отъ варяжскаго племени Руси, языкъ котораго „слился съ языкомъ Славянскимъ, сильнымъ, болѣе образованнымъ", почти въ то время (раньше или позже?), когда славянскіе первоучители изобрѣли славянскую азбуку и перевели на слав. языкъ Св. писаніе. „Письменные памятники языка Славянскаго перешли къ потомству; отъ Руссовъ ничего не сохранилось, кромѣ собственныхъ именъ первыхъ нашихъ Государей,ословъ въ Договорахъ Олега и Игоря; названій Днѣировскихъ пороговъ и нѣсколькихъ другихъ словъ — слѣдовъ норманнскаго владычества. Съ переводомъ Св. писанія слав. языкъ, „бывшій дотолѣ разговорнымъ", сталъ книжнымъ и въ этомъ видѣ перешелъ въ Россію. „Между тѣмъ временемъ нѣсколько уклонялся отъ библейскаго и языкъ народный (какой? славянскій или русскій?). Онъ видѣнъ съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ Славянскому, въ Правдѣ Русской, Пѣсни Игоревой, Новгородскомъ Лѣтописцѣ; но сія разность состоитъ только въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ [1]), безъ перемѣны формъ грамматическихъ (?)". Этому „народному" языку, „въ отличіе отъ церковнаго", Калайдовичъ даетъ имя русскаго, прибавляя, что онъ, „до своего преобразованія въ началѣ

[1]) Очевидно, указанія Востокова (въ его «Разсужденіи») на фонетическую разницу церковнослав. и русскаго языковъ не были усвоены и поняты Калайдовичемъ.

прошедшаго вѣка не имѣлъ постоянныхъ законовъ (!), прибѣгая во всякомъ случаѣ къ пособію Грамматики Славянской, отъ которой тогда только уклонялся, когда употребленіе не согласовалось съ правилами". Такимъ образомъ русскій языкъ „не составляетъ особеннаго, будучи всѣмъ одолженъ Славянскому". Какъ видно, самъ Калайдовичъ очень неясно представлялъ себѣ отношеніе русскаго языка къ старославянскому, несмотря на то, что, конечно, былъ уже знакомъ съ „Разсужденіемъ" Востокова. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 346) прямо говорится объ „отдѣленіи языка Русскаго отъ своего *источника* (курсивъ нашъ) Славянскаго". Такимъ образомъ Калайдовичъ не прочь былъ даже считать церковнославянскій языкъ — отцомъ, если не всѣхъ отдѣльныхъ слав. языковъ, то по крайней мѣрѣ русскаго. Разумѣется, отсюда слѣдуетъ выводъ, что русскій „не можно почитать *коренным* или *древнѣйшимъ*", вѣрный самъ по себѣ, но у Калайдовича въ дѣйствительности доказанный очень слабо. Доводы Каписта о большей простотѣ русскаго языка Калайдовичъ отражаетъ указаніями на труды Шишкова, доказавшаго де уже „примѣрами и сравненіями", что, напротивъ, церковнославянскій болѣе простъ и кратокъ, чѣмъ русскій. Зват. падежъ есть въ языкахъ греч. и латинскомъ (болѣе древнихъ, чѣмъ славянскій), а также и „въ нашихъ Грамматикахъ и у нашихъ писателей"; двойственное же число, „еще въ XVII в. имѣвшее права свои", исключено только Ломоносовымъ въ XVIII в., какъ ненужное. Исправляетъ Калайдовичъ и другую ошибку Каписта, указывая, что, кромѣ двухъ вспомогательныхъ глаголовъ *есмь* и *бываю* (Капистъ говоритъ только объ „одномъ"), имѣются еще глаголы *стану* и *имѣю*, употребляемые въ роли настоящихъ вспомогательныхъ глаголовъ.

Длинный рядъ разсмотрѣнныхъ выше разсужденій и статей общаго характера, появившихся у насъ въ теченіи 1810—1825 гг., заканчивается интереснымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разсужденіемъ извѣстнаго писателя и журналиста Н. Полевого: „О древнемъ языкѣ словенскомъ", читаннымъ въ засѣданіи Московскаго Общ. любит. росс. слов. 23 мая 1823 г. и напечатаннымъ въ „Трудахъ" общества (ч. 24=ч. 4. „Сочиненій въ прозѣ и стихахъ". Москва. 1824. стр. 24—43). Рядомъ со взглядами устарѣлыми и ненаучными, даже по тому времени, мы находимъ здѣсь нѣсколько оригинальныхъ и свѣжихъ мыслей. Ученіе о родствѣ индоевроп. языковъ и происхожденіи ихъ изъ одного общаго источника, совершенно уже установленное въ западной наукѣ, повидимому, остается еще неизвѣстнымъ Полевому. Въ началѣ своего разсужденія, говоря о языкахъ коренныхъ, т. е. такихъ, „собственное происхожденіе ко-

торыхъ намъ неизвѣстно“, и производныхъ, Полевой устанавливаетъ, на основаніи „многихъ изслѣдованій“ (очевидно, XVIII в.), что въ Европѣ коренныхъ языковъ (съ „неизвѣстнымъ“ происхожденіемъ) — пять: „Греческій, Германскій, Готоскій, Цельтскій и Словенскій; отъ нихъ произошли всѣ Европейскіе языки“ (стр. 24). Въ этомъ отношеніи такимъ образомъ онъ стоитъ совсѣмъ на почвѣ XVIII в. За то далѣе говорится уже объ „историческомъ“ изслѣдованіи языка: „желая изслѣдовать исторически какой нибудь изъ новѣйшихъ языковъ, мы должны обратить вниманіе на коренный, отъ котораго онъ происходитъ“. Поэтому „законы языка Русскаго должны раскрыться въ изслѣдованіи древняго Словенскаго языка“, его предка.

Препятствіемъ такому изслѣдованію служитъ, однако, отсутствіе письменныхъ памятниковъ „первобытнаго народа Словенскаго, не знавшаго письменъ“ (стр. 25). Славяне, первыя извѣстія о которыхъ начинаются въ V в., въ VI в. двигаются на югъ, но еще „долго говорятъ одинаковымъ языкомъ“, какъ „въ этомъ увѣряютъ насъ нѣкоторые писатели“ (!). Вскорѣ они занимаютъ „величайшее пространство земли отъ Чернаго до Балт. моря“ и распадаются уже на отдѣльныя племена сербовъ, моравовъ, поляковъ, русскихъ и пр. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что „*племена Словенскія въ IX в.*, когда они были уже не кочевыми, но осѣдлыми народами, *не могли говорить совершенно единообразнымъ, первобытнымъ языкомъ своихъ предковъ*“ (стр. 26). Авторъ отказывается разбирать, „какъ далеко простиралась разность нарѣчій“ у русскихъ славянъ и у моравовъ, „гдѣ положено начало письменности Словенской“, называя при этомъ извѣстіе Нестора о единствѣ языка названныхъ слав. народовъ „необстоятельнымъ“. Сходство между слав. языками, замѣчаемое и теперь, въ IX в. было еще ближе, но „коренной“ слав. языкъ уже не существовалъ и раздѣлялся на нарѣчія. По этому поводу Полевой выражаетъ несогласіе съ мнѣніями своихъ предшественниковъ (имъ, впрочемъ, не называемыхъ), а именно Востокова, утверждавшаго, что „разность нарѣчій не касалась въ то время еще до склоненій, спряженій и другихъ грамматическихъ формъ, и состояла, большею частію, только въ различіи выговора и въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ“ [1]), и Калайдовича, доказывавшаго, что славяне въ IX в. не говорили еще на разныхъ нарѣчіяхъ, ибо жили всѣ вмѣстѣ на Дунаѣ и не имѣли письменныхъ памятниковъ, вслѣдствіе чего языкъ ихъ „не могъ дѣлать и ощутитель-

[1]) См. его «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ и т. д.».

ныхъ перемѣнъ въ своей главной формѣ" (см. выше, стр. 787). Мнѣніе Востокова, дѣйствительно невѣрное, хотя и формулированное такъ неопредѣленно, что категорически оспаривать его трудно (что значитъ: „различіе выговора"? напр., польск. piec, р. *печь*, стсл. *пешть*—разницы *выговора* или нѣтъ?), отклоняется Полевымъ безъ мотивировки: *„разница состояла не въ одномъ выговорѣ, и нарѣчія существенно уже раздѣлились"* (стр. 29). Мнѣнію же Калайдовича Полевой вполнѣ резонно противопоставляетъ замѣчаніе, что именно „это самое *неимѣніе письменныхъ памятниковъ* и должно было производить ощутительную перемѣну въ нарѣчіяхъ племенъ", жившихъ не только на Дунаѣ, но „разсѣянныхъ на нѣсколькихъ тысячахъ верстъ" (стр. 28). На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Полевому, какъ и его предшественникамъ, представляется несомнѣннымъ, что языкъ слав. перевода Св. писанія—„не первобытный, общій языкъ Словенскій, но *какое нибудь изъ нарѣчій тѣхъ племенъ, которыя произошли отъ первобытнаго народа Словенскаго и имѣли въ то время свои особенныя названія"* (стр. 30). Вслѣдъ за Добровскимъ и Каченовскимъ, высказывается далѣе убѣжденіе, что языкомъ этимъ было *„нарѣчіе Словенъ, жившихъ около Солуня,* вѣроятно *древнее Сербское"*. Но у Полевого мнѣніе это получаетъ нѣкоторое видоизмѣненіе: первоучители-переводчики *„держались вѣроятно древняго Сербскаго; но перевели собственно ни на какое, а составили новый, неслыханный до того времени языкъ церковный"* (стр. 31). Переводъ дѣлался по его мнѣнію *„подстрочно*: для каждаго слова Греческаго они *пріискивали* Словенское, стараясь поставить его въ томъ же падежѣ, въ томъ же родѣ, наклоненіи и времени, какъ находили въ оригиналѣ; если не знали, чѣмъ замѣнить; то *выдумывали* новое слово (?), или прямо становили *Греческое безъ перевода"* (стр. 31—32). Въ связи съ этимъ взглядомъ Полевой утверждаетъ, что если дошедшіе до насъ памятники, въ родѣ Остромирова и Синодальныхъ ев., Стихираря и переводовъ Іоанна, Экзарха Болгарскаго, „суть достовѣрные памятники того языка, *какимъ въ IX в. переводили Греческія книги"*, всетаки они *„могутъ только показать тогдашній выговоръ Словенскихъ словъ* (?)", но совсѣмъ не должны считаться „памятниками языка, *какимъ тогда говорили племена Словенскія*, еще менѣе *памятниками первобытнаго Словенскаго языка"*. Онъ думаетъ, что ихъ „должно назвать *сборомъ словъ Словенскихъ, разставленныхъ по Греческому синтаксису, по Греческимъ формамъ*, и слѣдственно—*должно совершенно отдѣлить отъ прежняго, народнаго языка Словенскаго"* (стр. 33—34). Такимъ образомъ греческій языкъ „обогатилъ насъ новыми идеями,

послужилъ къ усовершенствованію нашего языка", но въ то же время затмилъ „*коренныя основанія* языка Словенскаго".

Изслѣдовать этотъ церковный языкъ и составить его грамматику—полезно, но еще полезнѣе, „увѣрившись, что языкъ церковный есть языкъ искуственный,... отыскать, по крайней мѣрѣ, *по возможности, стараться отыскать* коренныя правила языка *собственно Словенскаго* и составить Грамматику не церковнаго, или Греко-Словенскаго языка, появившагося съ переводомъ Библіи, но первобытнаго, древняго Словенскаго языка, или, по крайней мѣрѣ, того языка, которымъ *говорили наши предки.*—Предпріятіе столь же трудное, сколь легко составить Грамматику языка церковнаго" (стр. 34—35). Такимъ образомъ Полевой предлагалъ возстановить грамматику праславянскаго или обще-славянскаго языка—задача до сихъ поръ еще никѣмъ не выполненная и не предпринимавшаяся, но научная и въ извѣстныхъ предѣлахъ осуществимая. Далѣе онъ набрасываетъ планъ сравнительно-грамматическаго изслѣдованія славянскихъ языковъ: „Скажутъ, что" составленіе грамматики первобытнаго славянскаго языка „даже невозможно", въ виду отсутствія письменныхъ памятниковъ, но „языкъ первобытныхъ Словенъ" не исчезъ: „онъ живъ для насъ, только не въ первомъ видѣ своемъ, а въ отрасляхъ, произшедшихъ отъ главнаго корня, сокрытаго вѣками и событіями... Прежде всего должно оставить всегдашнюю неопредѣленность названія *Словенскій языкъ.* До сихъ поръ немногіе писатели поняли важность раздѣленія языка церковнаго отъ народнаго (?) Словенскаго и необходимость *разобрать ихъ каждый особо.* Многіе донынѣ въ древнихъ спискахъ книгъ церковныхъ видятъ языкъ, которымъ *говорили* наши предки; утверждаютъ, что между искусственнымъ Греко-Словенскимъ и тогдашнимъ общенароднымъ (? выше Полевой признавалъ существованіе отдѣльныхъ слав. діалектовъ или языковъ) не было никакой разницы. Другіе (Шишковъ?) смѣшиваютъ церковный языкъ „съ древнимъ народнымъ, ссылаются безъ разбора и на Библію и на памятники народные, а потомъ выводятъ слѣдствія тамъ, гдѣ ихъ быть не можетъ" (стр. 36—37). Для достиженія намѣченной цѣли, необходимо „означить мѣру и границы *шести* языкамъ Словенскимъ, нынѣ существующимъ" (русскому, польскому, богемскому, сербскому, болгарскому и „кроатскому"!), что̀ легко сдѣлать, благодаря трудамъ многихъ ученыхъ, особенно же Добровскаго. Слѣдовало бы „повѣрить грамматики и словари сихъ языковъ на мѣстѣ ихъ употребленія", но „*для перваго начала*" можно воспользоваться и тѣмъ, что есть, и на основаніи имѣющихся пособій сдѣлать „подробное соображе-

ніе склоненій, спряженій и синтаксиса всѣхъ сихъ языковъ. Мы увидимъ, что во всѣхъ сихъ языкахъ есть *общіе законы* спряженій, склоненій и синтаксиса; есть имена, глаголы, общіе всѣмъ; производство нарѣчій и прилагательныхъ одинаковое. Надобно умѣть отличать основныя правила отъ позднѣйшихъ прибавленій, особыхъ въ каждомъ языкѣ Словенскомъ, и такой этимологическій разборъ покажетъ намъ древнія имена и глаголы Словенскіе; составится словарь—и симъ окончится филологическая часть разбора языковъ" (стр. 37—38).

Не ограничиваясь планомъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, Полевой даетъ очеркъ „разбора историческаго, гораздо труднѣйшаго. Языкъ древнихъ книгъ церковныхъ долженъ быть разобранъ особо, и это будетъ *вспомогательнымъ средствомъ*; но главное вниманіе надобно обратить на тѣ памятники, гдѣ найдены слѣды языка народнаго, отдѣляя прибавки Греко-Словенскія—и такіе памятники есть у насъ, у Поляковъ, у Сербовъ, у Богемцовъ и даже у Болгаръ: ихъ составляютъ лѣтописи, грамоты, старинныя пѣсни, Слово о полку Игоровомъ, стихотворенія Богемскія и Сербскія, пословицы, поговорки... Надобно воспользоваться и географическою номенклатурою, замѣчая то, что встрѣтимъ Словенскаго въ именахъ городищъ, городовъ, рѣкъ, урочищъ, нынѣ существующихъ, или въ исторіи находимыхъ, къ чему столь хорошее начало сдѣлалъ извѣстный путешественникъ Ходаковскій" (стр. 38—39).

Тогда только, по мнѣнію Полевого, „откроется богатый могущественный языкъ Словенскій въ первобытномъ его величіи, силѣ, простотѣ, свойственной языкамъ кореннымъ, самостоятельнымъ; тогда увидимъ вставки, употребленіемъ или вліяніемъ чуждыхъ языковъ произведенныя, и найдемъ настоящіе законы нашего Русскаго и другихъ, однородныхъ съ нашимъ, языковъ... Пока не совершимъ такого подвига, напрасно будемъ изъ частнаго выводить общее: можемъ открыть нѣкоторыя истины; но никогда не составимъ ни полнаго словаря, ни полной грамматики Русской, ни даже систематическаго, полнаго обзора нашихъ спряженій" (стр. 39—40). Въ заключеніе Полевой сообщалъ, что предметъ его разсужденія занимаетъ его „постоянно уже нѣсколько лѣтъ", и высказывалъ намѣреніе представить обществу „краткое обозрѣніе Словенскихъ и Русскихъ грамматикъ и дальнѣйшія поясненія всего... сказаннаго, чтобы показать причины несовершенства нашихъ грамматикъ" и „оправдать... необходимость новой системы для филологическихъ и критическихъ разысканій въ языкѣ отечественномъ" (стр. 42).

Обѣщанія эти, однако, остались невыполненными: другія литературныя работы отвлекли Полевого отъ занятій языкознаніемъ, въ которыхъ онъ оставался любителемъ и самоучкой. Тѣмъ интереснѣе нѣкоторые изъ изложенныхъ выше его взглядовъ и особенно его планъ сравнительно-грамматическаго изученія славянскихъ языковъ, которому за вычетомъ нѣкоторыхъ неудачныхъ деталей (нпр., мало понятнаго „означенія мѣры и границъ“ для шести слав. языковъ), нельзя отказать въ рѣдкой по тогдашнимъ временамъ ясности и широтѣ общаго взгляда на цѣли науки и здравомъ пониманіи средствъ, ведущихъ къ ихъ осуществленію.

Такъ выяснялись мало-по-малу въ теченіе первой четверти XIX в. общіе взгляды на отношеніе русскаго языка къ старославянскому, ихъ отдѣльныя свойства, происхожденіе и составъ, цѣли и способъ изученія и т. д. Рядомъ шла разработка фактическаго матеріала, результаты которой нерѣдко служили точкой опоры для вышеразсмотрѣнныхъ разсужденій. Въ этой области прежде всего нужно отмѣтить рядъ работъ по палеографіи и связанной съ ней тѣсно археографіи: раньше чѣмъ изслѣдовать языкъ письменныхъ памятниковъ старины, нужно было разобраться въ нихъ и привести въ извѣстность, что̀ уцѣлѣло отъ безжалостнаго времени. Къ этимъ работамъ примыкаютъ и попытки изслѣдовать тѣ или другіе отдѣльные памятники со стороны языка.

Мы видѣли уже выше (стр. 712 и 724), что важность палеографіи сознавалась у насъ въ самомъ началѣ XIX в. Это сознаніе не преминуло вызвать цѣлый рядъ ревностныхъ работниковъ-палеографовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ началу второго десятилѣтія XIX в. у насъ уже было нѣсколько знатоковъ и любителей палеографіи, какъ А. Н. Оленинъ (1763—1843), А. И. Ермолаевъ (1780—1828), А. Х. Востоковъ (1781—1864) въ Петербургѣ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій (1737—1814), А. Ѳ. Малиновскій (1762—1840), работавшіе въ этой области еще въ послѣдней четверти XVIII в., К. Ѳ. Калайдовичъ (1792—1832), М. Т. Каченовскій (1775—1842), любитель-самоучка антикваръ Игн. Ѳерап. Ѳерапонтовъ [1]) и др. въ Москвѣ. Всѣ названныя лица (за исключеніемъ торговца Ѳерапонтова), особенно москвичи, группировались около просвѣщеннаго мецената науки, государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцова, образуя извѣстный Ру-

---

[1]) См. о немъ К. Калайдовичъ, «Московскія записки» въ «Вѣстникѣ Европы» 1811, ч. 55, стр. 57—59, а также отдѣльно, съ дополненіями и поправками, подъ заглавіемъ: «Извѣстіе о древностяхъ Славяно-Рускихъ и объ Игнатіѣ Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ. Москва, 1811. Въ Университ. Типогр. (Мал. 8°, 21 стр.)».

мянцовскій кружокъ, занятый всецѣло интересами археографіи, палеографіи и археологіи вообще. Къ этому кружку принадлежалъ еще жившій внѣ Москвы епископъ вологодскій, впослѣдствіи калужскій, а еще позже митрополитъ кіевскій, знаменитый Евгеній Болховитиновъ. (1767—1837). Впослѣдствіи въ него вошли: молодой могилевскій учитель, послѣ гомельскій протоіерей, І. Григоровичъ (1792—1861), П. М. Строевъ (1796—1876) и П. И. Кеппенъ (1793—1862) [1]).

Научная дѣятельность гр. Румянцова и его кружка началась съ изданія знаменитаго „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ“ (4 ч. in fol. Москва, 1813, 1819, 1822, 1828). Еще въ началѣ 1811-го года графъ Румянцовъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, испрашивая себѣ разрѣшеніе для болѣе легкаго изученія историческаго прошлаго Россіи и „распространенія общеполезныхъ свѣдѣній“, издать на свой счетъ всѣ государственные акты, начиная съ древнѣйшихъ временъ [2]). Тогда же началось подготовленіе къ изданію „Собранія“, какъ это видно изъ переписки Румянцова съ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ [3]).

„Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ“, задуманное по образцу „Corps universel diplomatique“ Дюмона (8 том. fol. Брюссель, 1726—31 и 3 т. дополненій 1739 г.), преслѣдовало прежде всего историческія цѣли, но сослужило службу и нашему языкознанію, сдѣлавъ доступнымъ для изученія цѣлый рядъ древнихъ памятниковъ языка. Кромѣ того, ставъ на нѣкоторое время центральнымъ предметомъ занятій Румянцовскаго кружка, „Собраніе госуд. грамотъ“ послужило ядромъ и основаніемъ дальнѣйшихъ работъ и изданій названнаго кружка, все шире и шире захватывавшихъ еще до нынѣ неисчерпанный матеріалъ нашей древней письменности, имѣющій не только историческое, но и лингвистическое значеніе. Предпріятіе Румянцова, конечно, содѣйствовало еще большему оживленію интереса къ древней письменности, о которомъ говоритъ К. Калайдовичъ въ цитированной уже выше статьѣ своей о славяно-русскихъ древностяхъ и ихъ собирателѣ И. Ѳ. Ѳерапонтовѣ („Вѣстн. Евр.“ 1811 г., ч. 55, и отдѣльно, М. 1811 г.).

---

[1]) О дѣятельности Румянцовскаго кружка, см. А. Кочубинскій. «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». (Одесса, 1888).

[2]) См. тамъ-же, стр. 64.

[3]) См. «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882, I, стр. 1—3, письмо Бантыша-Каменскаго отъ 31 янв. 1811, а также приложеніе I къ цитир. только что труду проф. А. Кочубинскаго.

По словамъ молодого археолога (Калайдовичу тогда было всего 19 лѣтъ), „въ Россіи много отечественныхъ древностей; первое и важнѣйшее мѣсто занимаютъ книги: въ одномъ краю онѣ гніютъ въ углахъ монастырскихъ, въ другомъ невѣжество жжетъ ихъ—употребляетъ на обвертки,—кой гдѣ попадаютъ они въ руки мѣлочнымъ торгашамъ и продаются иногда за безцѣнокъ; а очень, очень рѣдко появляется знающій охотникъ, который съ возможнымъ тщаніемъ хранитъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ лучшее употребленіе. При такомъ небреженіи чего ожидать добраго? Что скажутъ объ насъ ученые иностранцы? Какой отчетъ дадимъ мы просвѣщенію? У насъ нѣтъ полнаго собранія древностей, или хотя такого, которое бы превосходило прочія: одинъ имѣетъ то, другой другое, и все это разсѣяно въ рукахъ частныхъ, невѣрныхъ. Кажется, теперь весьма тщательно собираютъ ихъ; но умножающееся число охотниковъ, а особливо до нашихъ древнихъ рукописей, возвышаетъ оныхъ цѣну..." втрое и вчетверо (отд. изд. стр. 4—5). „Богатые охотники до Славяно-Рускихъ древностей, ничего не жалѣя, собираютъ сіи драгоцѣнные остатки—памятники народнаго просвѣщенія". Дальше сообщалось, что „въ Москвѣ давно уже торгуетъ старинными Рускими, письменными и печатными книгами, также древними иконами, почтенный старикъ *Игнатій Ѳерапонтовичъ*", который р. въ 1740 г., въ г. Каширѣ, выучился грамотѣ самоучкой, сталъ читать и разбирать старинныя церковныя книги и пристрастился къ торговлѣ рукописями, не будучи настолько богатъ, чтобы заняться ихъ собираніемъ. По словамъ Калайдовича, Ѳерапонтовъ на 71-мъ году своей жизни сталъ отличнымъ знатокомъ рукописей, такъ что многіе любители и знатоки считали „себѣ за честь совѣтоваться съ нимъ при изъясненіи (!) старинныхъ книгъ и другихъ древностей, и даже называться его *учениками*" (стр. 5—7). Первые обратили на него вниманіе московскіе профессора А. А. Барсовъ, Д. Н. Синьковскій, Ѳ. Г. Баузе (стр. 7—8).

Ѳерапонтовъ „съ невѣроятною ревностью собиралъ, гдѣ только могъ... всѣ древнія книги, не рѣдко и самъ покупая дорогою цѣною"..., и заслужилъ „общую благодарность за то что безъ его старанія можетъ быть нѣсколько сотенъ важныхъ книгъ совершенно бы пропали отъ нерадѣнія, ибо *лѣтъ за сорокъ передъ симъ весьма немногіе думали о собираніи ихъ*" (курсивъ нашъ, см. стр. 20 цит. соч.) [1]).

---

[1]) Какъ относились у насъ еще въ концѣ XVIII в. къ древнимъ рукописямъ, свидѣтельствуетъ А. Титовъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ «Воспомина-

У Ѳерапонтова много покупали „почтеннѣйшіе любители“, гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, гр. Ѳ. А. Толстой, проф. Ѳ. Г. Баузе и др., которые „много весьма рѣдкихъ вѣщей черезъ него получили“ [1]). Говоря объ этихъ собирателяхъ, обладавшихъ къ тому времени уже порядочными коллекціями рукописей, нашъ юноша-археологъ пользуется случаемъ, чтобы сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ извѣстныхъ ему рукописныхъ собраніяхъ, обнаруживая недурное знакомство съ московскими сокровищами по этой части и живѣйшій интересъ къ древне-русской письменности. По его словамъ, древнѣйшая книга въ собраніи проф. Баузе (послѣ того сгорѣвшемъ въ 1812 г.) былъ Прологъ 1229 г., писанный уставомъ въ Новгородѣ (описаніе его дается въ примѣчаніи на стр. 9—10-й); кромѣ того изъ собранія Баузе указываются: другой Прологъ, не менѣе древній, хотя и безъ даты, книга Степенная 1551 г., Лѣчебникъ, переведенный съ польскаго въ 1588 г., библіи Скорины и Острожская, первопечатный Апостолъ и т. д. (стр. 14—19)[2]).

Несмотря на свою молодость, Калайдовичъ обнаруживаетъ уже въ этой брошюрѣ рѣдкую по тогдашнему осторожность и здравый научный скепсисъ, говоря о не подтвердившихся указаніяхъ на „древлянскія руническія рукописи“ Дубровскаго (см. выше, стр. 706)), которыя онъ называетъ „невѣроятными драгоцѣнностями“ (стр. 10—11, прим. 3), о „Моравскомъ дворянинѣ“ Ганкенштейнѣ [3]),

---

ніямъ крестьянина села Угодичь, А. Артынова» («Чтенія въ общ. ист. и древн. росс.» 1882 г., кн. I, 63, прим. 2): «рукописей въ началѣ XIX в. въ Ростовѣ, говоритъ онъ, дѣйствительно было много. Покойный ростовскій гражданинъ А. И. Щепиковъ, умершій въ началѣ 60-хъ гг. въ глубокой старости, разсказывалъ намъ лично, что вскорѣ послѣ перевода митрополіи изъ Ростова въ Ярославль въ 1785 г. свитковъ и рукописей валялось въ башняхъ и на переходахъ архіерейскаго дома цѣлые вороха. И онъ, бывши въ то время мальчикомъ, вмѣстѣ съ товарищами вырывалъ изъ рукописей заставки и картинки, а изъ свитковъ золотыя буквы и виньетки и наклеивалъ ихъ на латухи».

[1]) При открытіи Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., Ѳерапонтовъ принесъ ему въ даръ 500 р. и 15 старопечатныхъ книгъ (въ томъ числѣ Остр. библію, Апостолъ 1606 г., Моск. изданіе грамматики М. Смотрицкаго 1648 г., Уложеніе царя Алексѣя Мих. и др.), за что получилъ званіе «Благотворителя» и золотую медаль. Впослѣдствіи имя Ѳерапонтова продолжаетъ упоминаться въ числѣ жертвователей Обществу. См. письмо Ѳерапонтова въ «Запискахъ и трудахъ» названнаго общества. Ч. I. Москва, 1815, стр. L—LI, LXXV, LXXVI, LXXII, CVI, CXVIII—IX и т. д

[2]) Библіотека Баузе заключала въ себѣ 460 нумеровъ, каталогъ которыхъ былъ составленъ В. Н. Каразинымъ и приготовленъ къ печати Калайдовичемъ. См. «Библіографическія Разысканія. Очеркъ библіограф. трудовъ въ Россіи» В. М. Ундольскаго (Москва, 1846 г., изъ «Москвитянина» 1846 г., № 2), стр. 13.

[3]) Ганкенштейну и его книжкѣ «Recension der ältesten Urkunde der

тщетно пытавшемся обмануть его „Словенскою“ рукописью, будто бы VIII в. (стр. 10—11), или о „Каталогѣ древнихъ рукописей Московской духовной типографіи“, въ которомъ многіе нумера „означены XII, XI, и даже X вѣками; но какъ думаютъ на угадъ“ (стр. 12). Кромѣ того, въ своей замѣткѣ (и отдѣльномъ ея оттискѣ) Калайдовичъ перечислялъ другія извѣстныя ему древнѣйшія подлинныя рукописи. Такими являются, по его словамъ: Сборникъ князя Щербатова, по увѣренію владѣльца,—1046 г. (т. е. Святославовъ Изборникъ 1076 г.), въ Архивѣ Коллегіи Иностр. дѣлъ—три новгородскихъ грамоты на пергаментѣ 1264 г., а изъ бумажныхъ—рядная Симеона Іоанновича Гордаго и его братьевъ 1341 г.; въ библіотекѣ Имп. Ак. наукъ—пергаментная рукопись 1298 г. и бумажная 1377 (на основаніи „Опыта“ Бакмейстера). Здѣсь же упоминается и о незадолго передъ тѣмъ найденномъ Остромировомъ евангеліи, о которомъ Калайдовичъ зналъ изъ статьи въ „Лицеѣ“ Мартынова за 1806 г. (см. выше, стр. 710). Для тогдашняго состоянія нашей палеографіи характерно, что Калайдовичъ не вѣритъ въ глубокую древность этого памятника, указывая, что отмѣченныя въ статьѣ „Лицея“ якобы древнія черты его графики встрѣчаются и въ Новгородскихъ Софійскихъ рукописяхъ конца XIII, начала XIV в. (стр. 13—14).

Статья Калайдовича, отдѣльное изданіе которой онъ принесъ въ даръ Моск. Обществу Ист. и Древн. Росс., обратила на него

---

slavischen Kirchengeschichte, Litteratur und Sprache, eines pergamentenen Codex aus dem VIII Jahrhunderte» (Офенъ, 1804) была посвящена статья преосв. Евгенія Болховитинова въ «Любителѣ Словесности» за 1806 г. (май, 140—152): «Примѣчанія на Ганкенштейнову Рецензію найденнаго имъ старинйнаго славенскаго кодекса, которой почитаетъ онъ найденнымъ въ 8-мъ вѣкѣ». Евгеній указывалъ здѣсь, что внѣшніе признаки древности (избитый переплетъ, пятна отъ воска и т. д.), на которые ссылался Ганкенштейнъ, вовсе не указываютъ на VIII в.; «недостаточны» для доказательства: «Такой же почти почеркъ и ортографію, сліяніе словъ, опущеніе препинательныхъ и переносныхъ знаковъ видимъ въ рукописяхъ XIV и XV вв. и даже въ старопечатныхъ книгахъ». Ганкенштейнъ между прочимъ доказывалъ, что слав. азбука, вмѣстѣ съ «Древнееврейской, Египетской, Финикійской, Кадмовой, Готической (т. е. готской), Армянской, Иллирической, Сербской», происходитъ прямо отъ финикійской азбуки. Однимъ изъ аргументовъ Ганкенштейна служило имя рѣки Эриданъ, изъ которой финикіяне добывали янтарь. Ганкенштейнъ сравнивалъ его съ «моравскимъ Ржидло, Гржидло» (очевидно, чеш. hřídlo) = теплица, «ибо по его мнѣнію рѣкѣ, гдѣ янтарь родится, должно быть теплой». Такимъ образомъ Эриданъ есть греческая передѣлка формъ «Гржиданъ, Ржиданъ, Гржеданъ». Евгеній совершенно резонно заключалъ свою рецензію словами: «такія догадочныя доказательства и мечтательныя умозаключенія не требуютъ никакого критическаго замѣчанія».

вниманіе и доставила ему званіе члена-соревнователя названнаго общества [1]). Съ этихъ поръ начинается его неутомимая и богатая результатами дѣятельность развѣдчика, собирателя и издателя древнихъ рукописей, принесшая нашей молодой наукѣ великую пользу. Къ 1812 году у него самого уже скопилась порядочная библіотека старыхъ книгъ и рукописей, погибшая въ пожарѣ Москвы, подобно коллекціямъ гр. Мусина-Пушкина, гр. Бутурлина, П. Г. Демидова, Общ. Ист. и Древн., профессоровъ Баузе и Тимковскаго и др. [2]). Въ большинствѣ случаевъ найденныя рукописи онъ приносилъ въ даръ или направлялъ ихъ для пріобрѣтенія въ разныя казенныя, общественныя или частныя собранія, сначала Общества Исторіи и Древн. Росс. [3]), впослѣдствіи особенно гр. Румянцова, такъ что значительная доля рукописнаго собранія Румянцовскаго музея составилась при непосредственномъ участіи Калайдовича [4]). Впрочемъ, главная дѣятельность его въ этомъ направленіи относится уже къ болѣе позднему времени (послѣ 1816 года): начавшись въ 1810—1811 гг., она прервалась въ 1812 г., когда онъ вступилъ въ военную службу и участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ французской арміи. Возобновить ее онъ могъ только черезъ годъ, по выходѣ своемъ въ отставку (лѣтомъ 1813 г.). Въ концѣ 1814 года, во время ученой поѣздки Калайдовича во Владиміръ и Суздаль съ нимъ произошелъ какой то неясный особенный случай, грозившій ему судебнымъ преслѣдованіемъ и наказаніемъ и повлекшій за собой объявленіе его сумасшедшимъ и заключеніе въ домѣ умалишенныхъ (въ теченіе полугода), а затѣмъ пребываніе на исправленіи въ одномъ изъ монастырей Моск. губ. Эти событія вызвали второй, еще болѣе продолжительный полуторагодовой перерывъ въ научной дѣятельности Калайдовича [5]). Только по выходѣ изъ монастыря (лѣтомъ 1816 г.) онъ могъ снова вполнѣ вернуться къ своимъ научнымъ занятіямъ, продолжавшимся до его послѣдней

---

[1]) См. «Записки и труды Общ. Ист. и Древн. Росс.», ч. I, 1815, стр. LIX.

[2]) См. «Сынъ Отечества» 1813 г., № 48, стр. 124 и Безсонова, «К. Ѳ. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ» въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862 г. кн. 3-я, стр. 31, примѣч.

[3]) Такъ въ 1811 г. онъ подарилъ обществу рядъ старопечатныхъ книгъ, въ томъ числѣ словарь Памвы Берынды и Букварь на греч., лат. и слав. яз. Поликарпова, а изъ рукописей — двѣ лѣтописи: Суздальскую и временъ царя Алексѣя Михайловича (см. «Записки и труды Общ. Ист. и Древн. Росс.» Ч. I. Москва, 1815, стр. LXIX, LXXXIII, CV).

[4]) См. цитиров. выше статью Безсонова въ «Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862 г. III, стр. 63.

[5]) См. цитиров. выше статью Безсонова въ «Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862 г. кн. III, стр. 42 и слѣд.

болѣзни [1]). О результатахъ ихъ въ разсматриваемой научной области мы скажемъ ниже въ своемъ мѣстѣ.

Кромѣ своей статьи объ П. О. Ѳерапонтовѣ, Калайдовичъ въ 1811 г. напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (ч. XIV, № 4, стр. 103—108) „Историческія Замѣчанія о древности Звенигорода и надписи, находящейся въ Саввинскомъ Сторожевскомъ монастырѣ“. Здѣсь описывалась криптографическая надпись на монастырскомъ колоколѣ, когда то интересовавшая еще Миллера и Бакмейстера. Изъ нихъ послѣдній снялъ и копію (не совсѣмъ точную). Калайдовичъ относилъ надпись къ числу „тайныхъ писаній“, но прочесть не брался. Статья была снабжена примѣчаніями Саларева (стр. 119—128), который между прочимъ сомнѣвался вообще, чтобы надпись эта что либо означала, и высказывалъ предположеніе, что она отлита только „для заполненія пустого мѣста“.

Какія представленія имѣлись у насъ еще въ 1811 году, относительно древней русской письменности и палеографіи, ярко свидѣтельствуетъ письмо преосв. Евгенія Болховитинова къ казанскому профессору Городчанинову (отъ 15 янв. 1811 г.). Евгеній писалъ: „Сообщаю при семъ Петербургскую литературную новость: Тамошніе палеофилы или древностелюбцы отыскали гдѣ-то цѣлую пѣснь древняго Славенорусскаго пѣснопѣвца Бояна, упоминаемаго въ пѣсни полку Игореву, и еще оракулы древнихъ Новгородскихъ жрецовъ. Всѣ сіи памятники писаны на пергаменѣ древними Славянорунническими буквами, задолго яко бы до Христіанства Славенорусcовъ. Есть ли это не подлогъ какихъ-нибудь древностелюбивыхъ проказниковъ, и есть ли не ими выдумана сія Славянорунническая азбука и не составлена изъ разныхъ сѣверныхъ руническихъ письменъ, кои описываетъ Далинъ въ своей Шведской исторіи, часть I, гл. VIII; то открытіе сіе непровергаетъ общепринятое мнѣніе, что Славяне до IX вѣка не имѣли письмянъ. Въ Петербургѣ еще идутъ споры о семъ. Что то скажутъ о семъ ваши Казанскіе ученые? (!) Увѣдомьте меня. Замѣчательно, что въ рунахъ сихъ есть и буква ъ, коей происхожденіе въ нашей азбукѣ мы досолѣ отыскать не могли“.

6 мая 1812 г. онъ извѣщалъ Городчанинова: „О Бояновомъ гимнѣ и оракулахъ Новогородскихъ (кои всѣ сполна у меня уже есть) хотя спорятъ въ Петербургѣ, но большая часть вѣритъ неподдѣльности

[1]) Калайдовичъ сошелъ съ ума въ 1828 г. и, хотя поправился нѣсколько, но не могъ уже работать вплоть до самой своей смерти съ 1832 г. Тамъ же, стр. 85 и слѣд.

ложности ихъ. Дожидаются изданія. Тогда въ публикѣ больше будетъ шуму о нихъ" [1]).

Если знающій, осторожный и иногда черезчуръ скептическій Евгеній могъ тогда такъ нерѣшительно относиться къ подобнымъ грубымъ поддѣлкамъ, то чего же было ожидать отъ другихъ его современниковъ, меньше знакомыхъ съ древней письменностью и болѣе довѣрчивыхъ?

Гимнъ Бояну и оракулы, о которыхъ писалъ Евгеній, дѣйствительно вскорѣ были напечатаны Державинымъ въ его разсужденіи „О лирической поэзіи", явившемся въ „Чтеніи любителей русскаго слова" (кн. 6-я, 1812 г., стр. 5—6). Державинъ называлъ рукопись гимна „Славенорунным стихотворнымъ свиткомъ I вѣка" и приводилъ начало его и одно „произреченіе" Новгородскихъ жрецовъ, прибавляя: „за подлинность ихъ не могу ручаться, хотя кажется буквы и слогъ удостовѣряютъ о ихъ глубокой древности. Пусть знатоки о семъ разсудятъ". Въ примѣчаніи сообщалось, что „подлинники на пергаминѣ, находятся въ числѣ собраній (!) древностей у Г-на Селакадзева", извѣстнаго и впослѣдствіи за грубаго фальсификатора рукописей [2]). Пресловутыя „руны" представляли собой просто исковерканныя на подобіе рунъ славянскія буквы, а о „древнемъ ихъ слогѣ" могутъ дать понятіе слѣдующіе образчики:

„Гмъ послухси Бояна (заглавіе): Умочи Боянъ сновъ удычъ А комъ пілъ блгъ тому Суди Велеси не убѣгти Слвы Словенси не умлети" и т. д., что̀ должно было значить: „Не умолчи Боянъ, снова воспой, о комъ пѣлъ, благо тому. Суда Велесова не убѣжать; славы Славяновъ не умалить" и т. д. Въ такомъ же родѣ и новгородскій „оракулъ": „Угли. Жрцу говоръ Еролку (заглавіе): Накоща свада Дюжу убой Тяжа пагата Тощь перелой", т. е.. „По злобѣ свара, сильному смерть: тяжба съ богатствомъ, худъ передѣлъ" [3]).

Названными „рунами" интересовался также и Карамзинъ, получившій списокъ ихъ отъ Евгенія и супруговъ кн. Вяземскихъ. Въ письмѣ къ послѣднимъ отъ 16 окт. 1812 г. онъ благодарилъ за присылку гимна и спрашивалъ, кто его нашелъ и перевелъ, у кого находится оригиналъ и т. д. Въ другомъ письмѣ, отъ 14

---

[1]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. I, стр. 56—57.

[2]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 49, 391, 412.

[3]) См. также «Сочиненія Державина», акад. изданіе, т. VII, стр. 594—96.

ноября, Карамзинъ высказывалъ впередъ благодарность Евгенію, если онъ пришлетъ ему „вѣрную копію съ гимна, дѣйствительнаго или мнимаго“ [1]). Державинъ дорожилъ этимъ гимномъ и послѣ, какъ это видно изъ его письма къ С. В. Капнисту отъ 8 іюля 1816 г. (Сочиненія, т. VI, стр. 381), и даже вдохновился имъ для своей баллады о „Новгородскомъ волхвѣ Злогорѣ“ (Сочин., т. III, стр. 134).

Даже черезъ 9 лѣтъ, въ 1821 г., въ одной статьѣ „Сына Отечества“ (1821 г., ч. 70, № 24, стр. 174—5) упоминалась эта грубѣйшая поддѣлка, какъ „недавно найденный древле-Славянскій гимнъ Бояновъ князю Летиславу, писанный на пергаминномъ свиткѣ красными чернилами, буквами руническими, донынѣ неизвѣстными“. Впрочемъ, авторъ статьи стѣснялся приводить его, въ качествѣ историческаго свидѣтельства о существованіи Бояна, ибо „гимнъ сей въ свѣтъ еще не изданъ и Критикою не удостовѣренъ“.

Въ 1811-мъ году, одновременно съ началомъ работъ по изданію Румянцовскаго „Собранія“, является первая попытка изданія и изслѣдованія двухъ новгородскихъ грамотъ XIV в. со стороны палеографической, лингвистической и исторической, принадлежащая Шлецеру-сыну [2]) и также краснорѣчиво говорящая о младенчествѣ нашей тогдашней палеографіи. Авторъ упоминаетъ здѣсь о разныхъ древнихъ русскихъ грамотахъ, въ томъ числѣ о договорѣ между Ригой и Полоцкомъ (1405 г.) и др., видѣнныхъ имъ въ Ригѣ, у проф. Броге, въ Кенигсбергскомъ, Любекскомъ и Готскомъ архивахъ (стр. 191, прим.); разсказываетъ, какъ долго разыскивалъ издаваемыя имъ грамоты между бумагами отца (стр. 192—195); даетъ внѣшнее описаніе самихъ грамотъ, ихъ почерка, чернилъ (стр. 195—97), приводитъ самый текстъ первой грамоты (стр. 197—198) съ толкованіемъ и переводомъ (стр. 198—199), опредѣляя далѣе содержаніе, мѣсто и время написанія ея (стр. 199—208). Къ этому присовокупляются замѣчанія на нѣкоторыя отдѣльныя слова (стр. 208—214), причемъ, напр., род. п. *Смена* толкуется, какъ сокращеніе *Семена*, а *Машка*, какъ уменьшительное отъ *Матвѣй*. Плохое знакомство автора съ русскимъ древнимъ и живымъ языкомъ даетъ, конечно,

[1]) «Русскій Архивъ» 1866 г., стлб. 231, 234.

[2]) «Изъясненіе двухъ совсѣмъ еще неизвѣстныхъ и весьма достопамятныхъ памятниковъ на Славянскомъ языкѣ писанныхъ и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою» («Вѣстникъ Европы» 1811 г., ч. 60, стр. 188–214, 275—299 и дополненіе, стр. 331—334). Факсимиле первой грамоты приложено къ № 23 (декабрь) этой части, а второй—къ № 24.

себя чувствовать въ этихъ объясненіяхъ. Такъ, напримѣръ, выраженіе *не чистъ* въ фразѣ: *оже будетъ не чистъ путь въ рѣчкахъ* толкуется имъ „будетъ *не глубокъ*" (стр. 199 и 214) и т. д.

Подобнымъ же образомъ описывается вторая грамота (стр. 275—76), дается ея „списокъ" (стр. 276) и „изъясненіе" (стр. 277—78), причемъ языкъ грамоты характеризуется, какъ гораздо болѣе близкій „къ новому Россійскому". Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе содержанія и „намѣренія" грамоты (стр. 278 и слѣд.). Ошибокъ и неточностей не мало и въ этой части работы Шлецера-сына. Такъ форму *есмя* онъ принималъ за частицу и только „отъ природныхъ Россіянъ... получилъ увѣреніе", что это 1 л. множ. ч. (стр. 280). Подобныя же ошибки находимъ въ замѣчаніяхъ на отдѣльныя слова (стр. 291—294). О фразѣ: „*съ тыхъ есмя спустилъ назень что*" Шлецеръ говоритъ: „сіи слова для меня невразумительны и потому я принужденъ былъ отгадывать ихъ значеніе" (стр. 294). О „словѣ" *протый (товаръ)*, которое въ „спискѣ" грамоты, однако, пишется вѣрно: „*про тый*" (стр. 276), авторъ замѣчаетъ: „и етого слова я не понимаю. Не значитъ ли оно *въ бытность, въ разсужденіи?*" (стр. 294). Несмотря на эти и другія подобныя погрѣшности, статья Шлецера-сына всетаки интересна, какъ первый опытъ палеографико-лингвистическаго изслѣдованія древнерусскихъ грамотъ, сопровождавшагося и снимками facsimile.

Нѣсколько раньше ея явилась статья К. (Каченовскаго): „Несторъ. Русскія лѣтописи на Древле-Славенскомъ языкѣ" [1]), написанная по поводу изданія русскаго перевода лѣтописи Д. Языкова (Спб. 1810). Авторъ, впрочемъ, разсматриваетъ лѣтопись исключительно какъ историческій памятникъ и, кромѣ очень немногихъ незначительныхъ замѣчаній, не говоритъ совсѣмъ о ея языкѣ.

Только что упомянутая статья Шлецера-сына вызвала цѣнную работу К. Калайдовича, свидѣтельствующую, насколько онъ, несмотря на свою молодость, превосходилъ нѣмецкаго ученаго знаніемъ древнерусскаго и славянскихъ языковъ и научнымъ чутьемъ [2]).

Въ началѣ своего возраженія Калайдовичъ скромно оправдываетъ его появленіе: „Читая объясненія двухъ граматъ... съ превосходными вашими примѣчаніями... я былъ весьма обрадованъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1811 г, ч. 59, стр. 127—149, 211—231.

[2]) «Замѣчанія на объясненія двухъ грамотъ Новгородскихъ (Письмо къ Х. А. Шлецеру)» въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 г., ч. 61, февраль, № 3, стр. 204—32).

открытіемъ сихъ драгоцѣнностей тѣмъ болѣе, что до сего времени не было извѣстно ни объ одномъ подлинникѣ, касающемся до связи Новагорода съ Ганзою...". Несмотря на эти похвалы труду Шлецера младшаго, Калайдовичъ всетаки „осмѣлился сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія", большею частью вполнѣ вѣскія и вѣрныя (мы ограничиваемся лишь тѣми, которыя имѣютъ лингвистическій характеръ, оставляя совершенно въ сторонѣ всѣ чисто историческія соображенія и доводы). Такъ онъ исправляетъ ошибочное чтеніе Шлецера Иванъ *Бѣлынъ* на И. *Бѣлый*, указывая, что Шлецеръ принялъ древнее написаніе буквы *и* (н) за *н*, писавшееся тогда подобно греч. N (стр. 213); рядомъ, однако, форму *творили (той товаръ творили семя)* считаетъ одного происхожденія съ *товаръ* (!) и толкуетъ какъ *покупали* (стр. 217), хотя и оговаривается, что такое значеніе ему встрѣчается впервые; относительно *семя* указываетъ, что это — прошедшее время (!) вспомогат. глагола *быти*, но вѣрно сравниваетъ ее съ польск. „musilismo, postanowilismo" (стр. 218); фразы: *то семя спустилъ на зень что ни* онъ, однако, и самъ не понимаетъ (218—19); тутъ же вѣрно отмѣчено, что форма *веремя* такъ же относится къ *время*, какъ *беремя* къ *бремя*, *берввно* къ *бревно*, *мороморяный* къ *мраморный* (стр. 219). Такъ же правильно Калайдовичъ толкуетъ Шлецерово *протый*, какъ *про̀ тый*, т. е. *про тотъ*, и вообще не находитъ въ данныхъ грамотахъ „ни двусмыслія, ни ошибокъ писца", на которыя ссылался нѣмецкій ученый. Свои историческія объясненія грамотъ Калайдовичъ подкрѣпляетъ ссылками на мѣста изъ Новгородской лѣтописи. Впервые указываетъ онъ и на извѣстныя діалектическія черты, сказавшіяся въ данныхъ грамотахъ, а именно на новгородское „смѣшеніе" *ѣ* съ *и* (*былѣ*=были) и *ц* съ *ч*, „подобно выговору нашихъ простолюдиновъ" (стр. 229). Дальше дается палеографическая характеристика грамотъ: обращается вниманіе на „теперь неизвѣстную букву ѥ, которой употребленіе въ XV в. прекратилось (стр. 229—30)", постановку точекъ вмѣсто прочихъ знаковъ препинанія, отсутствіе удареній и употребленіе изъ другихъ надстрочныхъ знаковъ только титлъ и точекъ надъ нѣкоторыми гласными буквами (стр. 230). Въ заключеніе Калайдовичъ отказывается отъ своего прежняго мнѣнія, будто „Славянскія рукописи до насъ дошедшія не старѣе XIII в.", ссылаясь при этомъ на извѣстное уже намъ (см. выше, стр. 711 и сл.) письмо Оленина къ гр. Мусину-Пушкину о Тмутороканской надписи, гдѣ описанъ Сборникъ Святослава 1076 г. (принадлежавшій кн. Щербатову), а также на евангеліе 1152 года, хранящееся въ Московской синодальной библіотекѣ (стр. 231).

Шлецеръ-сынъ не остался въ долгу у своего критика и отвѣчалъ ему немедленно [1]), обнаруживъ въ своемъ отвѣтѣ всю слабость своихъ научныхъ знаній. Такъ онъ продолжаетъ отстаивать свое толкованіе выраженія „*путь нечистъ*“ (мели въ рѣкахъ), которое считаетъ „непринужденнымъ и простымъ“, называя въ то же время объясненіе Калайдовича, думавшаго, что здѣсь идетъ рѣчь о разбояхъ на пути, „натянутымъ“ (стр. 294—300). По мнѣнію Шлецера, „мужи“, которые должны были провожать пословъ, въ случаѣ если путь окажется „нечистымъ“, были лоцмана (!) [2]). Съ замѣчаніемъ, что надо читать Ив. Бѣл*ый*, а не Бѣл*ынъ*, онъ соглашается (стр. 306—310), но продолжаетъ стоять на своемъ, что *товаръ* произошло отъ *творить* (! ч. 63, стр. 24—26). Выраженіе *спустилъ на зень* Шлецеръ толкуетъ теперь: „спустили за ничто“, хотя и признается, что не понимаетъ слова *зень* (стр. 26). Характерны для того времени и для самого Шлецера его мнѣнія о древности указанныхъ Калайдовичемъ рукописей XI—XII в. (Сборника Святослава 1076 г. и евангелія Синод. библіотеки 1152 г.). Шлецеръ не вѣритъ въ ихъ древность и не придаетъ никакого значенія выставленнымъ на нихъ датамъ, считая даже указаніе Калайдовича на нихъ шуткой (!) (стр. 40—42). Въ заключеніе онъ отрицаетъ не только существованіе русской палеографіи, но и самую возможность ея возникновенія: „судя по недостаточному числу такихъ рукописей и памятниковъ, коихъ бы отдаленная древность не подлежала сомнѣнію, опасаться даже надобно, что и никогда не будетъ составлена такая наука, на твердыхъ правилахъ основанная“ (стр. 44). Святославовъ сборникъ 1076 г. онъ считаетъ „едва ли не XIV в.“ (стр. 46). Тѣмъ не менѣе Шлецеръ въ концѣ своей отвѣтной статьи признавался, что въ толкованіи изданныхъ имъ грамотъ надѣлалъ много „непростительныхъ ошибокъ и пропусковъ“, и выражалъ сожалѣніе, что онѣ не попали въ руки болѣе опытнаго и знающаго издателя. Послѣдующее развитіе русской науки не преминуло показать оши-

---

[1]) «Отвѣтъ на замѣчанія касательно двухъ граматъ Новгородскихъ» въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 г., ч. 62, апрѣль, № 8, стр. 281—310 и ч. 63, май, № 9, стр. 27—49.

[2]) Съ этимъ мнѣніемъ Шлецера никакъ не хотѣлъ также согласиться и Шишковъ (въ письмѣ своемъ къ Я. І. Бардовскому отъ 27 дек. 1811 г., см. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлинъ. 1870. Т. II, стр. 323), выставлявшій, впрочемъ, соображенія общаго характера, а не лингвистическаго, и пользовавшійся также и своей морской опытностью (лоцмана не увѣдомляютъ «корабельщиковъ, гдѣ мелко и гдѣ глубоко», а сами ведутъ корабль «на своемъ отчетѣ»).

бочность взглядовъ Шлецера младшаго и неосновательность его пророчествъ.

Полемика между Шлецеромъ и Калайдовичемъ вызвала также „Замѣчанія на Новгородскія грамоты и толкованіе ихъ“ Евгенія Болховитинова, тогда уже епископа Вологодскаго, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ (1812 г., ч. 64, іюнь, стр. 228—230) при препроводительномъ письмѣ Калайдовича къ издателю журнала. Евгеній, уже раньше занимавшійся розысками и изученіемъ древнихъ грамотъ [1]), даетъ здѣсь толкованіе нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся въ грамотахъ Шлецера, и между прочимъ впервые объясняетъ непонятное для Калайдовича и Шлецера: *спустили на земь чисто,* вм. невѣрнаго (по его мнѣнію) чтенія своихъ предшественниковъ: *спустили на зень что.* Евгеній указываетъ, что выраженіе это часто встрѣчается въ грамотахъ, издаваемыхъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ по порученію гр. Румянцова, т. е. въ „Собраніи госуд. грам. и договоровъ“, и значитъ: „уничтожили, бросили“, или „отмѣнили прежнія постановленія“. Такимъ образомъ Румянцовское „Собраніе“ еще до выхода своего въ свѣтъ уже успѣло сослужить службу дѣлу изученія древняго русскаго языка [2]). О занятіяхъ Евгенія грамотами свидѣтельствуетъ и другая его статья: „Замѣчанія объ уставныхъ и губныхъ грамотахъ“, подписанная Е. и явившаяся въ 1813 г. тоже въ „Вѣстникѣ Европы“ (ч. 72, № 21, стр. 44—51). Между прочимъ находимъ здѣсь толкованіе терминовъ: *уставъ, грамота, губная* грамота (главнымъ образомъ на основаніи Татищева).

Тогда же Евгеній занимался изслѣдованіемъ знаменитой, древнѣйшей русской грамоты Вел. Кн. Мстислава Владимировича, отысканной имъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Новгородскую епархію въ кучѣ гнилыхъ архивныхъ бумагъ Юрьева монастыря [3]) и впослѣдствіи

---

[1]) Такъ въ девятомъ засѣданіи Моск. общества ист. и древн. россійскихъ 5 февр. 1812 г. читалось письмо Евгенія, «при коемъ приложены списки одной *губной грамоты* и двухъ *уставныхъ*; списки положено отдать разсмотрѣть члену *К. Ѳ. Калайдовичу*, а Его Преосвященству изъявить благодарность». См. «Записки и труды» общества, ч. I, 1815 г., стр. CXXVIII—IX. Еще въ бытность свою викаріемъ Новгородскимъ Евгеній спасъ отъ гибели драгоцѣнную грамоту вел. князя Мстислава и его сына Всеволода, 1130 г.—древнѣйшій памятникъ этого рода у насъ. Въ Вологдѣ онъ также разыскивалъ по монастырямъ грамоты и собиралъ ихъ.

[2]) Евгеній, въ числѣ немногихъ другихъ нашихъ ученыхъ, получалъ «Собраніе» въ листахъ, по мѣрѣ ихъ печатанія.

[3]) См. письмо Евгенія къ Румянцову въ январѣ 1816 г. въ «Перепискѣ митроп. Кіевскаго Евгенія съ госуд. канцлеромъ гр. Н. П. Румянцовымъ и т. д.» Вып. I. Воронежъ. (Изданіе Ворон. Губ. Статист. Комитета), 1868, стр. 4.

(въ 1818) изданной съ факсимиле и примѣчаніями (см. ниже). Объ этихъ занятіяхъ и ихъ результатахъ онъ писалъ гр. Румянцову еще 20 февр. 1813 г. [1]), прилагая къ письму и самый подлинникъ грамоты. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ (отъ 13 марта того же года) гр. Румянцовъ называетъ примѣчанія и объясненія Евгенія „наизанимательнѣйшими", самую грамоту „безцѣннымъ отрывкомъ нашей древности" и обѣщаетъ „сообщить сей драгоцѣнный трудъ... ко всеобщему свѣдѣнію просвѣщенной публики", надѣясь въ непродолжительномъ времени доставить его Евгенію „отпечатанный самымъ рачительнѣйшимъ образомъ". По словамъ канцлера, „наидѣятельнѣйшее соучастіе въ исполненіи" его намѣренія принялъ А. Н. Оленинъ [2]), который, какъ видно изъ его отношенія къ Румянцову отъ 11-го марта 1813 г. [3]), вмѣстѣ съ А. И. Ермолаевымъ и П. К. Фроловымъ изучалъ грамоту съ палеографической стороны. При этомъ ему и его сотрудникамъ съ помощью увеличительныхъ стеколъ удалось прочитать извѣстную приписку въ грамотѣ *и вено вотское*, о чемъ онъ и сообщилъ графу. Отношеніе Оленина было тогда же отослано канцлеромъ Евгенію [4]).

О томъ, что Румянцовъ отдалъ грамоту на разсмотрѣніе Оленину, который вмѣстѣ со своими пріятелями нашелъ „нѣкоторую неправильность въ ней", писалъ Евгенію 14 марта 1813 г. и Державинъ, считавшій своимъ долгомъ предостеречь своего друга, „ибо нерѣдко зависть потемняетъ и прекраснѣйшее" [5]). Евгеній, тѣмъ временемъ получившій вышеупомянутыя письмо гр. Румянцова и отношеніе Оленина, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 4 апрѣля 1813 г. передавалъ ихъ содержаніе Державину и видимо былъ недоволенъ вмѣшательствомъ Оленина, замѣчая: „Впрочемъ я охотно удѣляю ему честь въ толкованіи сей грамматы, но и у меня отнять чести неможно. Ибо онъ растолковалъ только три слова, а я всю граммату, и при томъ это моя собственно находка и ученый свѣтъ мнѣ первоначально будетъ тѣмъ обязанъ. Что касается до того, что будто вся сія граммата писана была золотомъ, то пусть судятъ о семъ другіе (Оленинъ съ Ермолаевымъ и Фроловымъ нашли слѣды стершагося золота). А я не нашелъ сему примѣра... Впрочемъ всякому вольно думать какъ угодно. А во всѣхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 1, въ письмѣ Румянцова къ Евгенію отъ 13 марта (самое письмо послѣдняго, отъ 20 февр., утрачено).

[2]) Тамъ же, стр. 1—2.

[3]) Тамъ же, стр. 2.

[4]) Тамъ же, стр. 1—2.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. I, стр. 77.

изслѣдованіяхъ чѣмъ больше бываетъ мнѣній, тѣмъ больше объясненій. Между учеными другъ друга поправлять есть дѣло обыкновенное и нужное и сердиться на то не должно. Никто одинъ совершенно всего не обдумалъ" [1]).

Изъ болѣе позднихъ писемъ Евгенія къ Румянцову мы узнаемъ, что въ 1812 и 1813 гг. во время работы надъ грамотой Мстислава, онъ питалъ намѣреніе „составить хотя краткое начертаніе русской Дипломатики, примѣняясь къ общей Гаттереровой", хотя и не имѣлъ никакихъ для этого пособій, кромѣ названной книги Гаттерера, „нѣсколькихъ отысканныхъ по Вологодскимъ монастырскимъ архивамъ граммать и справокъ съ московскимъ иностраннымъ архивомъ, доставленныхъ... покойнымъ Бантышемъ-Каменскимъ". Тутъ же Евгеній высказывалъ надежду, что, при помощи отъ гр. Румянцова, обладающаго „обширными свѣдѣніями въ древностяхъ" и „многими подручными къ тому способами", ему удастся „усовершить" свое сочиненіе [2]).

Объ изученіи Евгеніемъ въ Вологдѣ разныхъ древнихъ рукописей свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ его бумагахъ описанія разныхъ Вологодскихъ и другихъ рукописей: Вологодскаго бумажнаго Евангелія XV в. (по опредѣленію Евгенія), харатейнаго Евангелія Моисеева (XIV или XIII в.), Харатейной Псалтири (1296 г.), Вологодскаго харатейнаго Апостола (XIII в.), харатейнаго Евангелія Вологодскаго (XII—XIII в.), рукописной Іоакимовской библіи 1558 г. (въ Синод. библ. въ Москвѣ), сборника, писаннаго при „Святославѣ князи Руськы земле" и т. д. [3]).

Тѣмъ временемъ печатаніе первой части Румянцовскаго „Собранія" продолжало двигаться впередъ, и къ концу 1813 г. она была совсѣмъ готова, такъ что Бантышъ-Каменскій 16 декабря могъ уже отправить канцлеру первые 25 экземпляровъ изданія [4]). Канцлеръ предполагалъ было приложить къ нему нѣсколько палеографическихъ снимковъ съ древнѣйшихъ грамотъ, „съ наблюденіемъ почерка и величины ихъ", думая сначала помѣстить ихъ въ осо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 78—79.

[2]) Переписка митр. Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. I. Воронежъ, 1868. стр. 4.

[3]) Описанія эти напечатаны въ книжкѣ О. Новицкаго: «О первоначальномъ переводѣ Свящ. Писанія на славянскій языкъ» (Кіевъ, 1837). См. Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. I, стр. 26, 96—97.

[4]) См. А. А. Кочубинскій, «Адмиралъ Шишковъ и Канцлеръ гр. Румянцовъ. Нач. годы русскаго славяновѣдѣнія». Одесса. 1888. Приложеніе I, стр. XXXIV. Книга была готова уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1813 г. (см. стр. XXIV), но выпускъ ея въ свѣтъ замедлился изъ за того, что заглавный листъ и предисловіе къ ней были не готовы.

бой тетради, по окончаніи всего изданія [1]), а потомъ—и въ самомъ текстѣ „Собранія“. Такъ 5 авг. 1813 г. онъ писалъ Н. Н. Бантышу-Каменскому: „желалъ бы я для вящшей пользы и украшенія сего изданія, чтобъ къ оному присовокуплены были точные рисунки или списки почерковъ рукописей, съ четырехъ или пяти древнѣйшихъ грамотъ разныхъ поръ по вашему выбору“. При этомъ Румянцовъ просилъ своего помощника приказать кому нибудь срисовать точную копію „съ одной таковой грамоты“ и доставить ему на разсмотрѣніе [2]). Бантышъ-Каменскій черезъ двѣ недѣли (19 авг. 1813 г.) отвѣчалъ, что уже далъ для образца срисовывать грамоты двумъ художникамъ и даже сообщилъ оцѣнку работы обоихъ [3]). Скоро, однако, канцлеръ передумалъ и, торопясь скорѣе выпустить въ свѣтъ изданіе, уже 4 дек. 1813 г. писалъ Бантышу-Каменскому: „прошу васъ кончить первую часть, отлагая уже вовсе прежнее намѣреніе мое, издать вмѣстѣ нѣсколько тѣхъ грамотъ по паллиграфіи“ (!) [4]). Въ отвѣтъ на это Бантышъ-Каменскій такъ утѣшалъ канцлера (18 дек.): „Не тужите, что не исполнили намѣренія своего въ изданіи нѣсколькихъ грамотъ по Поліографіи (такъ!)—это совсѣмъ другая часть, и не изъ однихъ только грамотъ нашихъ должна состоять, но и изъ разныхъ другихъ рукописей“ [5]).

Вышедшая въ концѣ 1813 г. первая часть „Собранія“ заключала въ себѣ рядъ весьма цѣнныхъ памятниковъ древняго русскаго языка, прежде всего большое число новгородскихъ грамотъ 1265, 1270, 1295, 1305, 1307, 1317, 1318, 1327, 1375, 1426, 1431, 1471 гг.; духовныя грамоты Іоанна Калиты 1328 г.; духовную и договорную грамоты Симеона Гордаго 1341 и 1353 гг.; духовныя Іоанна Іоанновича II, 1356 г.; рядъ грамотъ Димитрія Донского 1362, 1368, 1371, 1381, 1388, 1389 гг., сына его Василія Дм. 1389 и 1402 гг., и большое число разныхъ другихъ грамотъ, преимущественно Московскихъ XV—XVI вв. (XVII в. только одна—объ избраніи Михаила Θеодоровича Романова на царство). При многихъ грамотахъ были приложены снимки съ ихъ печатей, представляющіе часто довольно точныя факсимиле надписей на нихъ и потому имѣющіе извѣстную палеографическую цѣнность (древнѣйшая печать—

[1]) См. тамъ же, стр. XV, письмо канцлера къ Бантышу-Каменскому отъ 26 февр. 1812 г.
[2]) Тамъ же, стр. XXV.
[3]) Тамъ же, стр. XXVI.
[4]) Тамъ же, стр. XXXIII.
[5]) Тамъ же, стр. XXXIV.

при новгородской грамотѣ 1305 г. № 6)[1]. Изданіе грамотъ, хотя и не безукоризненное въ смыслѣ вѣрности подлинникамъ (издатели позволяли себѣ дѣлать отступленія отъ подлинниковъ и поправки), было всетаки выполнено по тому времени съ достаточной точностью и до сихъ поръ еще представляетъ извѣстную научную цѣну.

Въ томъ же 1813 году занимался изученіемъ древнихъ рукописей (между прочимъ и разныхъ грамотъ) К. Ѳ. Калайдовичъ, получившій въ ноябрѣ этого года, при содѣйствіи предсѣдателя Общества ист. и др. росс., разрѣшеніе „разсматривать древнія грамоты, рукописи и печатныя книги" въ обѣихъ библіотекахъ государственнаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Тогда же онъ получилъ доступъ и въ разныя другія московскія библіотеки: семинарскую, лаврскую, Чудова монастыря, Архангельскаго собора и т. д. Поиски въ этихъ библіотекахъ скоро принесли рядъ открытій. Такъ 19 сентября 1813 г. Калайдовичъ въ Синодальной библіотекѣ открылъ изданныя имъ впослѣдствіи переводныя произведенія Іоанна Экзарха болгарскаго, о небесной іерархіи и Шестодневъ Василія Великаго[2], затѣмъ—приписку въ апостолѣ 1307 г. изъ Слова о полку Игоревѣ[3], сочиненія Кирилла Туровскаго, также имъ впослѣдствіи изданныя, Галицкое евангеліе 1144 г.[4] и т. д.

Въ томъ же 1813 году Калайдовичъ вступилъ въ письменныя сношенія съ Кеппеномъ. Поводомъ были не только археологическіе, но отчасти и палеографическіе вопросы. Дѣло шло о чтеніи надписи на серебряной иконѣ, имѣвшей сходство съ надписями на византійскихъ монетахъ, и Калайдовичъ обратился къ Кеппену, какъ нумизмату, за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній[5].

---

[1]) Какъ видно изъ письма гр. Румянцова къ Бантышъ-Каменскому (отъ 30 апр. 1812 г.), изъ печатей положено было «вырѣзывать токмо *древнѣйшія* и *любопытнѣйшія*, а остальныя означать просто *мѣстомъ печати*». См. переписку Румянцова въ «Чтеніяхъ общ. ист. и древн. росс.» 1882 г. кн. I, стр. 4. Румянцовское собраніе рисунковъ печатей Срезневскій уже въ наши времена называлъ «драгоцѣннымъ». (См. его «Обзоръ матеріаловъ для изученія славянорусской палеографіи» въ журн. М. Нар. Просв. ч. 133).

[2]) См. Безсоновъ, «Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича» въ «Чтеніяхъ общ. ист. и др. росс.», 1862, кн. 3, стр. 39; «Записки» Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, 1859—60 г., кн. 6-я, стр. 83; «Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій». Изсл. Калайдовича. М. 1824, стр. 17 и 101, прим. 48.

[3]) Безсоновъ, «Матеріалы для жизнеописанія Калайдовича», письмо Калайдовича къ гр. А. И. Мусину-Пушкину отъ 13 дек. 1813 г. (см. стр. 97).

[4]) Тамъ же, стр. 39, и «Записки» Калайдовича, стр. 83.

[5]) Чтенія общ. ист. и др., 1862 г., кн. 3, стр. 124—25.

Кеппенъ не замедлилъ отвѣтомъ, и изъ второго письма Калайдовича къ нему, отъ 15 января 1814 г. [1]), видно, что Кеппенъ уже раньше имѣлъ дѣло съ древними рукописями, обращая вниманіе на ихъ палеографическія особенности. Въ свою очередь Калайдовичъ дѣлился съ нимъ своими палеографическими наблюденіями надъ Синодальнымъ евангеліемъ 1144 г., Новгородской лѣтописью и архивской грамотой XIV в., и сообщалъ ему о хранящемся въ Академіи наукъ „сокровищѣ" — Лѣтописи Волынской, „зарытой между дефектами и не вписанной въ каталогъ, которую извлекъ изъ праха Н. М. Карамзинъ".

О живой дѣятельности Калайдовича въ области палеографіи и археографіи въ слѣдующемъ 1814 г. свидѣтельствуютъ его собственныя записки за этотъ годъ (съ половины января до половины декабря), напечатанныя Тихонравовымъ („Лѣтописи русской литературы и древности" 1859—1860, кн. 6, стр. 83—116). Изъ нихъ мы видимъ, что Калайдовичъ постоянно роется въ библіотекахъ, отбирая изъ нихъ разныя древнія рукописи, то для проф. Тимковскаго (Хожденіе Даніила), то для гр. С. П. Румянцова (брата Канцлера), то для Карамзина; доказываетъ послѣднему подложность одного памятника, хлопочетъ объ обогащеніи библіотеки госуд. архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, склоняя владѣльцевъ рукописей (напр., А. А. Волкова) пожертвовать ихъ въ названную библіотеку, ведетъ переписку и научныя бесѣды съ разными учеными и любителями о любимомъ предметѣ и т. д.

Въ томъ же 1814 г. проф. Моск. университета Р. Ѳ. Тимковскій находитъ въ одной рукописи XVII в. извѣстную „Задонщину", или „Сказаніе о Мамаевомъ Побоищѣ" [2]). Объ этомъ открытіи писалъ Евгеній В. Г. Анастасевичу 11 ноября 1814 г.: „Недавно найдено въ рукописяхъ подобное Игоревой пѣсни сочиненіе. Многія слова, выраженія и мысли взяты изъ Слова о Полку Игоревѣ" [3]). Калайдовичъ въ своихъ запискахъ также отмѣчаетъ лексическія совпаденія „Задонщины" со „Словомъ" [4]). Находка пришлась Тимковскому очень кстати, ибо какъ разъ въ это время онъ былъ занятъ переводомъ и изъясненіемъ „Слова о полку Игоревѣ" [5]). Не умѣя объяснить нѣкоторыхъ словъ *(зегзица, орьтьма,*

---

[1]) Тамъ же. стр. 125—26.

[2]) См. Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, 1859—60 г., кн. 6-я, стр. 108—109.

[3]) См. «Письма митрополита Евгенія къ В. Г. Анастасевичу изъ Калуги и Пскова» въ «Древней и Нов. Россіи» 1880 г. октябрь, стр. 359.

[4]) См. «Лѣтописи» Тихонравова, 1859—60 г., кн. 6-я, стр. 108.

[5]) См. письмо Евгенія къ Анастасевичу отъ 11 ноября 1814 г. въ «Древ-

папорози, стрикусы, тлековица, харалужный и *шереширы*), и географическихъ названій (Плѣнскъ, дебрь Кисана, Дудутки около Новгорода), онъ обратился за помощью къ Калайдовичу [1]), а тотъ къ Евгенію [2]), послѣдній же къ Анастасевичу, прося его поискать „по Линдову словарю или по другимъ славянскихъ діалектовъ словарямъ“, что эти слова значатъ [3]). Разгадать эти слова, однако, названнымъ ученымъ не удалось, и Евгеній отвѣтилъ Калайдовичу, что не можетъ удовлетворить его просьбу [4]). Карамзинъ также въ это время занимался изученіемъ „Слова“ и отмѣчалъ многія слова, встрѣчающіяся въ немъ, въ найденной имъ Волынской лѣтописи [5]).

Кромѣ изученія „Слова о полку Игоревѣ“, которое все еще возбуждало пытливость изслѣдователей, умы нашихъ филологовъ этого времени занимала мысль о необходимости описанія рукописныхъ собраній разныхъ нашихъ библіотекъ, преимущественно московскихъ, и составленія русской палеографіи. Евгеній, самъ занимавшійся опытами въ этомъ направленіи (см. выше, стр. 816), 11-го ноября 1814 г. писалъ Анастасевичу: „Маттей прекрасно описалъ греческія московскія рукописи; по его примѣру надобно описать русскія, но надобно родиться еще русскимъ Маттеямъ“ [6]). Мѣсяцъ съ небольшимъ спустя, въ письмѣ къ Анастасевичу же (отъ 20 дек. 1814 г.), благодаря его за присылку разныхъ азбукъ, Евгеній писалъ: „сербская и иллирическая, санскритская и коптическая давно мнѣ извѣстны. Но славянская подъ № 4 и болгарская подъ № 5 для меня новость. Неужели нашъ славянскій почеркъ не древній? и неужели болгары, получившіе азбуку отъ Меѳодія, брата Кириллова, получили особую отъ славянской? Гдѣ же книги, писанныя сими буквами?.. Вы правду говорите, что по почеркамъ буквъ можно различить вѣкъ рукописей. Гаттереръ въ своей дипломатикѣ (de arte diplomatica), которая у меня есть, именно различилъ буквы на нѣсколько классовъ и опредѣлилъ имъ вѣкъ. Но у насъ ничего еще подобнаго и не думано“ [7]). Ка-

ней и Новой Россіи» 1880 г., окт., стр. 359: «Тимковскій занимается новымъ переводомъ и толкованіемъ пѣсни Игоревой, и многое новое открылъ».

[1]) См. Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихомирова, 1859—60 г., кн. 6, стр. 110.

[2]) Тамъ же, стр. 111.

[3]) См. Письмо Евгенія отъ 4 ноября 1814 г. въ «Древней и Нов. Россіи» 1880 г., октябрь, стр. 358.

[4]) Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, кн. 6-я, стр. 114.

[5]) Тамъ же, стр. 110.

[6]) См. «Древняя и Новая Россія» 1880 г., октябрь, стр. 359.

[7]) Тамъ же, стр. 362—63.

лайдовичъ въ посѣщеніе свое Карамзина 3 ноября 1814 г. просматривалъ у послѣдняго „каталоги Софійской Новгородской и Кирилова монастыря библіотеки, присланные ему отъ Евгенія, Епископа Калужскаго. Первый сдѣланъ весьма нерадиво, а второй нѣсколько лучше". Въ послѣднемъ Калайдовичъ „замѣтилъ въ числѣ важнѣйшихъ книгъ *Патерикъ Печерскій на пергаминѣ*" [1]). Тогда же Калайдовичъ сообщилъ Карамзину о своемъ „желаніи издать Каталогъ Синодальной библіотеки и потому просилъ доставить" ему для просмотра одну изъ рукописей названной библіотеки, находившуюся у нашего историографа. Намѣреніе и просьба Калайдовича были встрѣчены Карамзинымъ сочувственно [2]).

Но пока замыслы эти оставались только замыслами. Объ описаніи тѣхъ или другихъ рукописныхъ собраній можно было лишь мечтать, и другія работы отвлекали къ себѣ немногочисленныя наши тогдашнія ученыя силы. Калайдовичъ въ это время былъ уже занятъ изданіемъ извѣстнаго сборника „Русскія Достопамятности". Изданіе это тянулось еще съ 1810 года, когда къ нему было приступлено [3]), но на время прекратилось вслѣдствіе нашествія французовъ и поступленія издателя въ военную службу. Только по выходѣ своемъ въ отставку и возвращеніи въ Москву, Калайдовичъ приступилъ снова къ работѣ надъ нимъ. Но дѣло шло туго, что́ вызвало неудовольствіе тогдашняго московскаго попечителя Кутузова, разбранившаго издателя за медленность (осенью 1814 г.) [4]).

Наконецъ книга явилась въ свѣтъ [5]), составивъ своимъ выходомъ событіе, хотя и не столь значительное, какъ Румянцовское „Собраніе", но все же не маловажное. Сборникъ этотъ, посвященный императору Александру I, заключалъ въ себѣ рядъ памятниковъ, цѣнныхъ не только въ историческомъ и литературномъ отношеніи, но и въ лингвистическомъ [6]).

---

[1]) Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, кн. 6-я, 1859—60, стр. 113.

[2]) Тамъ же, стр. 114.

[3]) Безсоновъ, «Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича», въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ» 1862 г., кн. III, стр. 12.

[4]) Записки Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, кн. 6-я, стр. 112.

[5]) «Русскія достопамятности, издаваемыя Обществомъ Ист. и Древн. Росс., учрежденнымъ при Императ. Моск. Университетѣ. Часть I. Москва. Въ Университ. Типографіи 1815». (8°, 2 ненум.+192+2 ненум.).

[6]) 1) Поученіе Архіепископа Луки къ братіи (съ введеніемъ и примѣчаніями, нерѣдко лингвистич. характера, Р. Ѳ. Тимковскаго, стр. 3—16; 2) Русская Правда (со списка Синод. библіотеки XIII в.), съ введеніемъ и примѣчаніями К. Ѳ. Калайдовича (стр. 17—58); 3) Посланіе Никифора Митрополита

Въ то время, какъ въ Москвѣ работалъ Калайдовичъ и вообще кружокъ Румянцова, въ Петербургѣ палеографія имѣла очень немногихъ представителей. Занимались ею: большой (по тогдашнему) ея знатокъ, но мало продуктивный А. И. Ермолаевъ и А. Х. Востоковъ, несомнѣнно уже работавшій надъ изученіемъ Остромирова евангелія въ 1814 году, какъ это видно изъ письма къ нему Ермолаева отъ 26 сент. 1814 г. Съ декабря 1815 г. Востоковъ поступилъ въ Имнер. публ. библіотеку помощникомъ хранителя рукописей и съ этихъ поръ получилъ возможность заниматься изученіемъ памятниковъ еще съ большимъ удобствомъ (см. Срезневскій „Филологическія наблюденія Востокова“ 1865, стр. XXI).

А. Н. Оленинъ въ это время былъ занятъ изготовленіемъ факсимиле для грамоты В. кн. Мстислава около 1130 г., найденной Евгеніемъ (см. выше, стр. 814), причемъ, за неимѣніемъ подходящаго гравера, приставилъ къ этому дѣлу „собственнаго своего человѣка“, служителя Михайлу Богучарова, который подъ руководствомъ своего барина къ началу 1816 г. дѣйствительно настолько успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе, что вполнѣ угодилъ и Евгенію, писавшему къ гр. Румянцову въ январѣ 1816 г.: „нельзя лучше и точнѣе снять списка сего, какъ снятъ оный подъ руководствомъ Алексѣя Николаевича“ (Оленина) [1]). Свою благодарность Оленину Евгеній выразилъ въ письмѣ къ нему (въ январѣ 1816), восхваляя его трудъ: „встрѣчаемыя вами затрудненія въ сысканіи вѣрныхъ граверовъ; рѣшимость ваша нарочно даже для сего дѣла выучить и усовершить своего искусника; внимательное надзираніе и за его рѣзцомъ надъ сею работою; строгое соблюденіе всѣхъ и мельчайшихъ признаковъ подлинника въ спискѣ; выраженіе всѣхъ чертъ, точекъ, пятенъ и самаго цвѣта древности,—есть такой терпѣливый подвигъ, какого никто еще изъ любителей отечественной старины въ Россіи не

Кіевскаго къ Велик. Князю Володимиру Всеволодовичу (стр. 59—75); 4) Грамота Новгор. князя Всеволода, XII в., изъ сборника XVI в. (стр. 77—81); 5) Уставъ Новгород. князя Святослава (XII в.), изъ Синод. сборника, изъ котораго взята была Русская Правда (стр. 82—85); 6) «Посланіе отъ митроп. русскаго... Іякову черноризцу» (стр. 89—103); 7) Правило Кирилла, митрополита Русскаго (стр. 106—118); 8) Списокъ уставныхъ грамотъ Іоанна Грознаго, доставленныхъ отъ Евгенія, епископа Вологодскаго (125—136), и самыя грамоты съ примѣчаніями, въ которыхъ толкуются непонятныя и областныя слова (*обжа, зобня, станъ, паробокъ, чеклый тать, пузъ, разрубъ* и т. д., стр. 136—39); 9) и 10) двѣ другихъ грамоты Іоанна Гр. и нѣкот. другіе историческіе памятники болѣе поздняго времени.

[1]) См. Переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 3—4.

предпринималъ, и коего честь и первоначальный примѣръ принадлежитъ Вашему Высокопревосходительству. А разобраніе тѣхъ рѣченій, коихъ я разобрать не умѣлъ, обращается мнѣ въ вину и въ стыдъ, если только можно почитать виною и стыдомъ невозможность равняться съ опытнѣйшими и искуснѣйшими себя знатоками. Я въ этомъ утѣшаюсь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что найденною мной сею грамматою доставляю соотчичамъ своимъ случай благодарить Вашему Высокопревосходительству за воскрешеніе сей почти полумертвой, такъ сказать, древности въ полномъ и точномъ ея изображеніи..." [1]).

Самъ Евгеній, въ это время уже переѣхавшій въ Калугу (съ сентября 1813 года) и очень занятый своими архипастырскими обязанностями, не переставалъ, однако, въ часы досуга заниматься собираніемъ разныхъ древностей, въ томъ числѣ и имѣющихъ отношеніе къ палеографіи. Съ начала 1815 г., съ возобновленіемъ дѣятельности Общества исторіи и древностей, Евгеній сталъ доставлять въ него разные свои вклады, въ родѣ древнихъ и старыхъ русскихъ монетъ съ ихъ описаніемъ [2]), списки со старинныхъ грамотъ (наказной грамоты митр. Макарія по Стоглавому собору, списокъ съ грамоты В. кн. Мстислава Владимировича) [3]), разныя рукописи (въ томъ числѣ пергаменный Октоихъ, писанный уставомъ, и Шестодневъ XIV в., принадлеж. теперь библіотекѣ общества: № 290) [4]) и т. д. Въ то же время Евгеній занимался Хожденіемъ игумена Даніила и, на основаніи собранныхъ шести списковъ, обработалъ сводный текстъ, который и послалъ въ Общество исторіи и древностей. Это послѣднее заслушало о полученіи названнаго труда въ засѣданіи 1-го апр. 1816 г. [5]), но не сдѣлало изъ него никакого употребленія. Только въ 1834 г., черезъ 18 лѣтъ, вспомнили о немъ, когда снова зашла рѣчь объ изданіи даннаго памятника древней русской литературы [6]).

Весною 1816 года Евгеній переѣхалъ во Псковъ, гдѣ занялся разными псковскими древностями, не оставляя прежде собранныхъ. Здѣсь онъ подготовлялъ и свое изданіе Мстиславовой грамоты съ примѣчаніями, которая появилась черезъ два года въ „Вѣстникѣ Европы“ (см. ниже).

---

[1]) Тамъ же, стр. 4.
[2]) Записки и труды Общ. Ист. и древн. Росс., ч. II, 1824, стр. 8—9.
[3]) Тамъ же, стр. 12—13, 63.
[4]) Тамъ же, стр. 27, 51—52. и Строева «Библіотека Имп. общ. ист. и др. росс.» М. 1845, стр. 130.
[5]) Записки и труды Общ. ист. и др., ч. II, стр. 63.
[6]) «Труды и лѣтописи Общ. ист. и древн.», т. VIII, 295.

Занятія Евгенія, Шлецера и Калайдовича древними русскими грамотами и обнародованные ими результаты этихъ занятій нашли себѣ отголосокъ и у перваго оффиціальнаго представителя славистики въ Москвѣ, профессора эстетики и славянскаго языка М. Г. Гаврилова. Изъ протоколовъ Моск. Общества ист. и древностей мы узнаемъ, что въ засѣданіи 2 окт. 1816 г. Гавриловъ „читалъ сочиненное имъ вступленіе къ древней Грамотѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича, самую Грамоту и сдѣланный имъ же переводъ съ оной, съ присовокупленіемъ нужныхъ примѣчаній“. Опредѣлено: напечатать его трудъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ. Въ засѣданіи 17 февр. 1817 г. Гавриловъ опять читалъ „переводъ Договора кн. Мстислава Давыдовича съ Ригою“ [1]).

Палеографическое содержаніе имѣли и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и примѣчанія къ нимъ въ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, первые три тома которой явились въ 1816 г. Такъ примѣчаніе 267-е т. I содержитъ изложеніе вопроса о сравнительной древности и происхожденіи обѣихъ славянскихъ азбукъ, основанное главнымъ образомъ на работѣ Добнера. Карамзинъ, однако, въ разрѣзъ съ Добнеромъ, считаетъ кирилицу болѣе древней, чѣмъ глаголицу, противопоставляя возгласу Добнера: „Пусть покажутъ намъ Кирилловское письмо девятаго столѣтія“ (!) аналогичный вызовъ: „пусть покажутъ намъ Глагольское письмо ранѣе XIII в.“ Въ пользу своего мнѣнія Карамзинъ приводитъ надпись на камнѣ въ стѣнѣ Десятинной церкви, достроенной въ 996 году, полагая, что слѣдовательно и надпись эта относится къ X в. Древнѣйшей глаголической рукописью, извѣстной ему, онъ называетъ „харатейную Псалтирь XIII в. (1222 года; см. стр. 111 и прим. 265), тогда какъ изъ кириллическихъ указываетъ на Сборникъ князя Щербатова (Изборникъ 1076 г.) и Софійское (т. е. Остромирово) евангеліе 1056 г. (стр. 111 и примѣч. 266) [2]).

Въ примѣчаніи 529 (стр. 494—501) содержится первое у насъ печатное описаніе (очень бѣглое) „харатейнаго“ Синодальнаго евангелія 1144 г., которое Карамзинъ называетъ „однимъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи“, приводя изъ него довольно большую выписку (изъ Евангелія отъ Іоанна), параллельно съ новымъ церковнославянскимъ печатнымъ текстомъ. Здѣсь же приводятся варіанты изъ синодальнаго „харатейнаго“ евангелія 1307 г.

---

[1]) См. «Записки и Труды Общ. Ист. и древн.», т. II, 1824, стр. 67, 70—71.

[2]) Объ Остромировомъ евангеліи упоминается и во II томѣ Исторіи (прим. 114, стр. 376—77), какъ источникѣ для біографіи Остромира, при чемъ цитируется послѣсловіе евангелія.

(нынѣ такъ назыв. Поликарпово ев.), свидѣтельствующіе уже о большей близости его текста къ Острожской библіи, и указывается на отношеніе этой послѣдней къ Московской Первопечатной и Елизаветинской, которая „уже гораздо болѣе исправлена“ (стр. 496—497). Въ доказательство того, что „не только Библія, но и другія церковныя книги въ Россіи XII в. были одного перевода съ нынѣшними“, приводится мѣсто изъ синодальнаго харатейнаго Стихираря 1153 г. и новой печатной Минеи. Обѣ цитиров. рукописи (евангеліе 1144 г. и стихирарь 1153 г.), по словамъ Карамзина, „уступаютъ только Сборнику (Святославову Изборнику 1076 г.) и Евангелію (Остромирову), находящимся въ С.-Петерб. Имп. библіотекѣ и писаннымъ въ XI в.“ Карамзинъ упоминаетъ и о славянской рукописи VIII в. Ганкенштейна, причемъ указываетъ, что, очевидно, этотъ послѣдній никогда „не видалъ нашихъ древнихъ харатейныхъ книгъ“, иначе замѣтилъ бы, что „его рукопись имѣетъ всѣ признаки XIII в.“ Въ заключеніе приводится отрывокъ изъ библіи Скорины, сравнительно съ Елизаветинскимъ текстомъ, и цитируется заглавіе его же Апостола (стр. 498—500). Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь интересную для того времени попытку представить въ главныхъ чертахъ исторію церковно-славянскаго языка и текста Св. Писанія у насъ въ Россіи, основанную на рукописномъ матеріалѣ. Едва ли мы ошибемся, предположивъ, что Карамзинъ могъ здѣсь пользоваться помощью Калайдовича, сношенія съ которымъ у нашего исторіографа были особенно живы какъ разъ въ то время, когда онъ жилъ въ Москвѣ и работалъ надъ своей Исторіей Госуд. Россійскаго [1]).

Во II томѣ (примѣч. 380) приводятся выдержки изъ „*Впрашанія Кирикова, еже впраша Епископа Ноугородьского Нифонта и инѣхъ*“, извлеченныя изъ харатейной Синодальной Кормчей, а въ III-мъ (прим. 258 на стр. 529—33) — договоръ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландіей и Приморскимъ берегомъ 1228 г.

Въ этомъ же томѣ (прим. 258, на стр. 534) встрѣчаемъ свидѣтельства о безвозвратно погибшихъ памятникахъ древней письменности: о Псалтири XII в., видѣнной Карамзинымъ въ сгорѣвшей въ 1812 г. библіотекѣ проф. Баузе, и также о весьма древнемъ евангеліи изъ библіотеки гр. Мусина-Пушкина, подверг-

[1]) См. Письмо Калайдовича къ С. Н. Глинкѣ, собравшему воспоминанія и матеріалы о 1812 г., въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и древн.» 1862, кн. 3, стр. 23—24.

щейся той же участи. Оба памятника упоминаются, какъ образчики древняго мастерства въ расписываніи рукописей красками, о которомъ идетъ рѣчь на стр. 211. Въ примѣчаніи 272 (стр. 537—38) цитируются отрывки изъ повѣсти о Синагрипѣ, Девгеніева дѣянія и Сказанія объ Индіи богатой, заключавшихся также въ безвозвратно погибшемъ сборникѣ, изъ котораго извлечено было Слово о П. Игоревѣ. Карамзинъ обращаетъ вниманіе на древнія и непривычныя слова, встрѣчающіяся въ этихъ повѣстяхъ: *дъхорь*=хорекъ, *рогвица*—рогатина, *вътнъе*—толще, *кнея*—кувшинъ, *кмети*—слуги, *жуковина*—перстень, *потамы*—полулюди-полупсы, *урши*—медвѣди и т. д.

Кромѣ того, въ первыхъ томахъ исторіи вообще приводится много отрывковъ изъ лѣтописей или грамотъ, нерѣдко впервые напечатанныхъ здѣсь, хотя и безъ особыхъ претензій на точность, причемъ объясняются разныя древнія или рѣдкія слова, сравниваемыя часто съ областными русскими или инославянскими. Такимъ образомъ, при бѣдности тогдашней нашей филологической литературы, исторія Карамзина пополняла замѣтный въ ней пробѣлъ и сыграла извѣстную роль и въ развитіи разсматриваемой нами научной области.

О томъ, что понемногу наша палеографія начинала крѣпнуть и развиваться, свидѣтельствуетъ случай съ открытіемъ новаго „древнѣйшаго“ списка Слова о полку Игоревѣ, поддѣльность котораго сразу была разоблачена. Страсть гр. Румянцова къ древнимъ рукописямъ навела московскихъ промышленниковъ-археологовъ на мысль поддѣлать рукопись „Слова“ и поймать на эту лакомую приманку богатаго любителя-канцлера. Повидимому поддѣлка эта была удачнѣе, чѣмъ знакомые уже намъ Бояновъ гимнъ и Новогородскій оракулъ. По крайней мѣрѣ на нее поймался и А. Ѳ. Малиновскій, перевидавшій на своемъ вѣку не мало рукописей, и самъ гр. Румянцовъ, у котораго несомнѣнно уже выработалось извѣстное палеографическое чутье, хотя бы и чисто-любительское. Въ этомъ отношеніи онъ безусловно стоялъ гораздо выше другого современнаго собирателя рукописей гр. Ѳ. А. Толстого, откровенно сознававшагося, что очень мало понимаетъ въ этомъ дѣлѣ [1]).

Лѣтомъ 1815 г. (2-го іюня) Малиновскій съ торжествомъ

[1]) См., напр., письмо его къ Строеву въ 1825 г. по поводу критическихъ замѣчаній Полевого на «Описаніе рукописей», сост. Калайдовичемъ и Строевымъ: «я не могу судить, справедливо это, или нѣтъ, ваше дѣло, или признаться, или сдѣлать возраженіе». См. Барсукова «Жизнь и труды И. М. Строева». Спб. 1878, стр. 121—22.

извѣщалъ канцлера: „Имѣю честь представить В. С-ву извѣстіе объ *открытіи мною* (курс. нашъ) другого древнѣйшаго списка рукописи подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ“ [1]). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 16-го іюля графъ благодарилъ за присланное ему „подробное описаніе“ этого списка и изъявлялъ свое удовольствіе [2]). Радость его была, однако, не продолжительна, потому что А. И. Ермолаевъ сразу призналъ рукопись поддѣлкой, о чемъ уже 23 іюля было сообщено графу Нестеровичемъ [3]).

Въ дѣятельности Калайдовича между тѣмъ наступилъ извѣстный уже намъ насильственный полуторагодовой перерывъ, вслѣдствіе пребыванія въ домѣ сумасшедшихъ и монастырѣ. Только лѣтомъ 1816 г. получилъ онъ возможность снова вернуться къ своимъ любимымъ занятіямъ (см. выше, стр. 807). Какъ только Калайдовичъ очутился снова въ Москвѣ, ему сейчасъ же пришлось заняться осмотромъ и описью рукописей Новоспасскаго и Даниловскаго монастырей. Дѣло это было поручено гр. Румянцовымъ Симоновскому архимандриту Герасиму, а тотъ, не надѣясь на свои знанія, обратился къ Калайдовичу, который уже 10 дек. 1816 г. писалъ графу, что среди названныхъ рукописей „не нашелъ ни одной особенно достойной вниманія“, но тѣмъ не менѣе обѣщалъ доставить ему въ непродолжительномъ времени „обстоятельныя росписи“ ихъ. При этомъ Калайдовичъ прибавлялъ, что находитъ весьма важнымъ для нашей исторіи и словесности „описаніе рукописей Московской Библіотеки Синодальной и Патріаршей“. По его словамъ, „сіе описаніе откроетъ новый свѣтъ въ древней нашей литературѣ, покажетъ безпрерывный рядъ памятниковъ Славенскихъ съ самаго IX вѣка (это есть найденный мною переводъ Іоанна Экзарха Болгарскаго книги Іоанна Дамаскина Небеса) до XVIII-го. Греческія рукописи описаны уже Аѳанасіемъ Схіадою и Профессоромъ Маттеемъ: не ужели нашимъ отечественнымъ памятникамъ суждено скрываться такъ долго во прахѣ?“ [4]). Осуществленіе этого плана было поручено гр. Румянцовымъ Калайдовичу лишь 8 лѣтъ спустя, въ 1824 г., по выходѣ въ свѣтъ главнаго труда Калайдовича объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ (см. ниже).

Въ началѣ 1817 г. (16 февр.) Калайдовичъ уже отправилъ

---

[1]) См. Кочубинскій „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ и т. д.“, прилож. II, № 17, стр. LVIII.

[2]) См. Чтенія въ Общ. ист. и древн. 1882, кн. 1, стр. 17.

[3]) Тамъ же, стр. 19.

[4]) Безсоновъ, „Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича“ въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и др. Росс.“, 1862 г., кн. III, 145.

канцлеру черезъ А. Θ. Малиновскаго краткое описаніе рукописей вышеупомянутыхъ монастырей и извѣстіе о найденной харатейной рукописи перевода „Небесъ“ Іоанна Экзарха, котораго онъ считалъ современникомъ славянскихъ первоучителей. Извѣщая Малиновскаго о полученіи всего этого, Румянцовъ писалъ ему: „Отдавая должную справедливость похвальному рвенію и трудамъ г. Калайдовича въ изысканіи отечественныхъ древностей, прошу Васъ покорнѣйше, при изъявленіи истинной моей ему за сіе признательности, повторить убѣжденіе о неослабѣваніи въ занятіяхъ сего рода, дѣлающихъ столько же ему чести, сколько и приносящихъ другимъ удовольствія“ [1]).

Если поиски въ упомянутыхъ московскихъ монастыряхъ не принесли никакихъ особыхъ открытій, то зато счастливѣе оказалась поѣздка, предпринятая лѣтомъ 1817 г., по желанію гр. Румянцова, Строевымъ и сопровождавшимъ его Калайдовичемъ [2]). Предполагалось начать осмотръ съ библіотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря. Передъ отъѣздомъ Строевъ получилъ отъ Малиновскаго слѣдующую инструкцію: „1) Всѣ находящіяся въ тамошней библіотекѣ старинныя рукописи разобрать и приведя ихъ въ порядокъ по долямъ листа наклеить печатные номера. 2) Сдѣлать подробную опись всѣхъ рукописей, взявъ въ образецъ Маттеевъ каталогъ греческихъ манускриптовъ, хранящихся въ Синодальномъ и Типографскомъ книгохранилищахъ. 3) Изъ всѣхъ оныхъ рукописей дѣлать извлеченія. 4) Осмотрѣть монастырскій архивъ и со всего, что найдется любопытнаго, снять вѣрныя копіи. Впрочемъ, предоставляя на собственное ваше замѣчаніе и смѣтливость все то, чего напередъ предвидѣть невозможно [3])“.

Въ первомъ же посѣщенномъ нашими археологами Новоіерусалимскомъ Воскресенскомъ монастырѣ, гдѣ они и не думали найти что нибудь выдающееся [4]), Калайдовичъ „въ кучѣ книгъ неважныхъ и покрытыхъ пылью въ углу монастырскомъ“ нашелъ рукопись XI вѣка, оказавшуюся „сборникомъ, извлеченнымъ изъ разныхъ духовныхъ книгъ и написаннымъ въ 1073 г. повелѣніемъ

---

[1]) Тамъ же и „Чтенія“ 1882, кн. I, стр. 37.

[2]) См. письмо гр. Румянцова къ Евгенію отъ 30-го іюля 1817 г. въ „Перепискѣ Митроп. Кіевскаго Евгенія съ Госуд. канцл. гр. Н. П. Румянцовымъ“ и т. д. Вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 7.

[3]) См. Н. Барсукова, „Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878“, стр. 24.

[4]) Какъ писалъ самъ Калайдовичъ графу Румянцову 25 іюня 1817 г., рукописи этого монастыря, собранныя Никономъ, давно уже были переданы въ Синодальную и Типографскую библіотеки. См. „Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1882 г., I, стр. 45.

великаго князя Святослава Ярославича, дьякономъ (?) Іоанномъ". Калайдовичъ находилъ, что „языкъ сего сочиненія, нѣсколько словъ о библіотекѣ княжеской и почеркъ рукописи должны привлечь вниманіе любителя древностей". Кромѣ сборника, здѣсь нашлось и еще „нѣсколько достойныхъ уваженія" рукописей [1]). Тогда же Калайдовичъ составилъ полное описаніе драгоцѣнной находки для представленія гр. Румянцову [2]). Изъ Воскресенска наша экспедиція отправилась въ Саввинъ Сторожевскій монастырь, гдѣ имъ, однако, видѣть ничего не удалось, такъ какъ ключи отъ ризницы и библіотеки были увезены намѣстникомъ въ Москву [3]). Счастливѣе оказалось посѣщеніе Іосифова Волоколамскаго монастыря. Здѣсь былъ найденъ цѣлый рядъ цѣнныхъ, хотя и не столь древнихъ рукописей, какъ, напр., дотолѣ неизвѣстный Судебникъ вел. князя Іоанна Васильевича 1497 г., списокъ 1543 г. перевода „Небесъ" Іоанна Экзарха Болгарскаго, съ болѣе обширнымъ предисловіемъ, чѣмъ въ экземплярѣ Синодальной библіотеки, другое сочиненіе якобы Іоанна Дамаскина о восьми частяхъ слова (см. выше, стр. 149—150), переведенное тѣмъ же Іоанномъ Экзархомъ и до тѣхъ поръ Калайдовичу еще не попадавшееся, сборникъ разныхъ грамотъ, четыре слова „на аріаны", переведенныя въ X в. и списанныя въ 1489 г. Тимоѳеемъ Веніаминовымъ въ Новгородѣ, при архіепископѣ Геннадіи и т. д. [4]).

Калайдовичъ отсюда вернулся въ Москву, а Строевъ, оставшись одинъ, продолжалъ успѣшно поиски. Здѣсь онъ нашелъ пергаменное евангеліе, которое относилъ „къ числу самыхъ древнѣйшихъ евангелій, какіе только намъ извѣстны" (на дѣлѣ не старше XII в.), *Похвалу Кагану Владиміру*, „коей единственный экземпляръ находится въ той самой рукописи, откуда взята была пѣснь Игорева, *поученіе*, доселѣ неизвѣстное, Туровскаго епископа Кирила, жившаго въ началѣ XII в. и еще нѣсколько отрывковъ любопытства достойныхъ". Описаніе евангелія и перечень своихъ находокъ Строевъ сообщилъ Малиновскому въ письмѣ отъ 16-го іюня [5]). Въ помощь Строеву, жаловавшемуся на отсутствіе помощника, былъ отправленъ чиновникъ Московскаго архива Иностр. Коллегіи Горлицынъ, съ которымъ и была составлена опись ру-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. письмо Строева къ Малиновскому отъ 12 іюня 1817 г. Тамъ же, стр. 42.

[3]) Тамъ же, стр. 42—43.

[4]) См. письма Строева къ Малиновскому отъ 12-го и Калайдовича къ гр. Румянцову отъ 25-го іюня. Тамъ же, стр. 42—43 и 45—47.

[5]) Тамъ же, стр. 43—45.

кописей Іосифова монастыря. Объ этомъ 15 іюля Строевъ писалъ Малиновскому: „Я общо съ Г. Горлицынымъ... окончили опись болѣе 130 рукописей; а какъ всѣ онѣ суть книги церковныя: евангелія, апостолы, псалтыри, минеи, часословы и т. п., то, къ сожалѣнію, ничего важнаго, ниже любопытнаго не открылось. Сіе крайне безплодное (!) поле на слѣдующей недѣлѣ будетъ нами пройдено и потомъ откроется богатая нива—106 толстыхъ сборниковъ, обѣщающая богатую историческую жатву“ (Румянцову все хотѣлось, чтобы Строевъ отыскалъ „древній харатейный списокъ“ Несторовой или Новгородской лѣтописи) [1]).

Составленное Строевымъ и Горлицынымъ „Подробное описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря“, было представлено Малиновскимъ гр. Румянцову, который остался имъ очень доволенъ и писалъ Малиновскому 3 сент.: „Я премного одолженъ г. Строевымъ. Пожалуйста поблагодарите его отъ имени моего за весь трудъ, который онъ для меня несетъ. Трудъ сей окончательно обратится на пользу общую и честь ему принесетъ“ [2]). Извѣстный нашъ библіографъ В. М. Ундольскій называлъ описаніе Строева „*первымъ* ученымъ описаніемъ, по современнымъ требованіямъ библіографіи“ [3]). Извлеченія изъ него были напечатаны Анастасевичемъ только въ 1823 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ [4]), а черновикъ рукописи хранится въ библіотекѣ гр. А. С. Уварова, въ селѣ Порѣчьѣ [5]). Оригиналъ описанія вмѣстѣ съ другими изданъ архим. Леонидомъ съ предисловіемъ и указателемъ Н. Барсукова въ изданіяхъ общества любителей древней письменности (XCVIII) [6]).

Еще болѣе обрадовался Румянцовъ находкѣ Святославова сборника 1073 г. и сейчасъ же заявилъ Малиновскому (въ письмѣ отъ 7 іюля) о своемъ желаніи издать новонайденный памятникъ подъ редакціей Калайдовича, давая тутъ же указанія относительно фор-

---

[1]) Тамъ же, стр. 48—50.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) „Библіографическія разъисканія. Очеркъ библіографическихъ трудовъ въ Россіи“. М. 1846. (Изъ „Москвитянина“, 1846 г., № 2), стр. 14.

[4]) Списокъ рукописямъ, хранящимся въ Волоколамскомъ Іосифовомъ Монастырѣ, извлеченный изъ подробнаго описанія оныхъ, составленнаго П. С. въ декабрѣ 1817 г.: кн. 33, стр. 123—139, кн. 35, стр. 400—413, кн. 39, стр. 102—114.

[5]) Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды П. М. Строева“. Спб. 1878, стр. 35.

[6]) Пав. Строевъ. Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутіева-Боровскаго. Сообщилъ Архим. *Леонидъ* съ предисл. и указателемъ Ник. Барсукова. Спб. 1891. 4°, XVIII+343.

мата и внѣшняго вида будущаго „отличнаго" изданія, на которое просилъ даже составить смѣту [1]). Осуществить это желаніе, однако, не удалось ни графу, ни Калайдовичу, и только въ 1880 г. оно было выполнено Общ. любит. др. письменности. Объ открытіи Сборника графъ такъ писалъ Евгенію Болховитинову (30 іюля 1817 г.): „позвольте мнѣ похвалиться передъ вами драгоцѣнною находкою для любителей россійскихъ древностей". При этомъ Румянцовъ сообщалъ и краткое описаніе рукописи, указывая между прочимъ на употребленіе въ ней въ огромномъ большинствѣ случаевъ сочетанія шт вм. лигатуры щ [2]). Въ отвѣтномъ письмѣ 17 авг. Евгеній называлъ сдѣланное открытіе „любопытнѣйшимъ" и отводилъ сборнику третье мѣсто въ ряду памятниковъ XI в. (послѣ Остромирова Евангелія 1056 г. и сборника 1076 г.), указывая при этомъ, что „употребленіе въ старинныхъ рукописяхъ буквъ *шт* вмѣсто *щ* не есть новое открытіе, а давно извѣстное. Въ Новогородской и Патріаршей библіотекахъ есть такія рукописи и позднѣйшихъ вѣковъ". Употребленіе *шт* въ сборникѣ приводило Евгенія къ выводу, что онъ „писанъ кѣмъ нибудь изъ Задунайскихъ Славянъ, какъ и многія наши старинныя рукописи пергаменныя и бумажныя ими же или у нихъ краскописанію учившимися писаны. Особливо наши всероссійскіе митрополиты Кипріанъ и Макарій, пріѣхавшіе къ намъ изъ Сербіи, много привезли къ намъ такихъ книгъ и писцовъ" [3]).

Въ 1817 году Импер. публичной библіотекой было сдѣлано второе крупное пріобрѣтеніе славянскихъ и русскихъ рукописей, а именно куплена извѣстная въ то время коллекція рукописей и печатныхъ книгъ, собранная Оберъ-Берггауптманомъ Петромъ Кузьмичемъ Фроловымъ и положившая начало, вмѣстѣ съ раньше поступившимъ собраніемъ Дубровскаго (см. выше, стр. 706—707), теперешнему богатому собранію рукописей слав. и древнерусскаго письма назв. библіотеки. Какъ писалъ Востоковъ Калайдовичу (послѣ 14 авг. 1823), Фроловъ былъ „страстный охотникъ до древностей" и „скупалъ вездѣ рѣдкіе манускрипты и книги" [4]).

Въ томъ же 1817 г. Калайдовичъ выработалъ планъ для вторичнаго изданія лѣтописцевъ Новгородскаго и Архангелогородскаго, которое предполагалось Московскою Синодальною Типографіею. Въ своемъ проектѣ, поданномъ 1-го ноября 1817 г., Калай-

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1882, кн. I, стр. 48.

[2]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ и т. д. Вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 6—7.

[3]) Тамъ же, стр. 7.

[4]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 71.

довичъ указывалъ, что уже прежде приготовилъ матеріалы (для изданія) на половину Новгородской лѣтописи, съ которой, по его словамъ, „едва-ли можетъ равняться древностію и самая Лаврентьевская лѣтопись“. Новгородскую лѣтопись онъ предлагалъ издать церковными буквами, съ сохраненіемъ сокращеній и интерпункціи подлинника и съ параллельнымъ вѣрнымъ переводомъ texte en regard; приложить примѣчанія и объясненія древнихъ словъ и рѣченій, а также указатель историческихъ лицъ, происшествій и географическихъ мѣстъ, съ обозначеніемъ страницъ; въ предисловіи же помѣстить изслѣдованіе о сочинителѣ, языкѣ и правописаніи лѣтописи. Лѣтопись Архангелогородскую, какъ не столь древнюю, онъ предполагалъ издать обыкновенными гражданскими буквами, съ сохраненіемъ, однако, правописанія подлинника и съ прибавленіемъ предисловія и примѣчаній [1]). Изданіе не было осуществлено, но проектъ Калайдовича дошелъ до насъ, свидѣтельствуя еще разъ о серьезномъ и вѣрномъ взглядѣ своего автора на изданіе древнихъ текстовъ.

Въ то же время подготовлялась къ изданію II-я часть „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“, на этотъ разъ уже при дѣятельномъ участіи Калайдовича, приглашеннаго канцлеромъ въ 1817 году, въ качествѣ сторонняго контръ-корректора, въ „Коммиссію печатанія госуд. грамотъ и договоровъ“ при Московскомъ архивѣ Госуд. коллегіи Иностр. дѣлъ [2]). Въ трудахъ по изданію этой части принималъ участіе и Строевъ. Письма гр. Румянцова за 1817 годъ нерѣдко содержатъ указанія на ходъ изданія и печатанія названной части.

Кромѣ подготовительныхъ работъ по изданію только что упомянутаго „Собранія“, гр. Румянцовъ продолжалъ усердное собираніе историческихъ письменныхъ памятниковъ, многіе изъ которыхъ имѣютъ значеніе и для лингвиста, и для палеографа. 24 марта 1817 г. онъ писалъ преосв. Евгенію, переведенному въ Псковскую епархію, прося его между прочимъ „оказать одолженіе“ и снять точные списки „съ надписей, высѣченныхъ на камняхъ, что лежатъ въ Изборскѣ“, принимая при этомъ на себя всѣ издержки [3]). Въ письмахъ графа отъ 17 апрѣля, 1-го мая и 30 іюня идетъ рѣчь о тѣхъ же надписяхъ, которыя по розыскамъ Евгенія, однако, оказались несуществующими [4]). При письмѣ отъ 30-го іюля, въ

[1]) Безсоновъ. «Матер. для жизнеоп. Калайдовича» въ «Чтеніяхъ общ. ист. и др. росс.» 1862, III, стр. 56—57.

[2]) Тамъ же, стр. 55.

[3]) Переписка Евгенія, вып. I. Воронежъ 1868, стр. 5.

[4]) Тамъ-же, стр. 6—7.

которомъ канцлеръ между прочимъ хвалился находкой Изборника, онъ послалъ Евгенію „списокъ съ грамматы, писанной на пергаминтѣ и имѣющей при себѣ вислую свою печать, которая хранится въ одномъ изъ Полоцкихъ монастырей, и также копію съ надписи, существующей на камнѣ на берегу Двины“ [1]). Къ этимъ копіямъ онъ присоединяетъ при слѣдующемъ своемъ письмѣ отъ 13-го сент. еще „списки съ двухъ древнихъ надписей, существующихъ на богатыхъ крестахъ, которые нынѣ въ двухъ женскихъ монастыряхъ въ Полоцкѣ хранятся“ и были пожертвованы княжнами Евфросиніей Георгіевной († 1161) и Прасковьею Рогвольдовной († 1239). Въ этомъ же письмѣ сообщаетъ онъ, что недавно пріобрѣлъ извѣстный Тактиконъ Никона Черногорца (новгор. списокъ 1397 г., нынѣ въ Имп. публ. библ.) [2]). Тутъ же графъ разсказываетъ о своихъ усиліяхъ разыскать вблизи Орши надгробную надпись, упоминаемую Мальгинымъ въ его сочиненіи („Зерцало россійскихъ государей и т. д.“. Изд. 3. 1794 г., стр. 168), а также о завѣтномъ своемъ „желаніи видѣть россійскую палеографію“, раздѣляемомъ имъ съ Евгеніемъ. Графъ сообщалъ, что онъ уже „заготовилъ нѣсколько матеріаловъ для сочинителей оной“, и спрашивалъ: „но гдѣ сіи сочинители? Укажите мнѣ... Владыко, особъ на то способныхъ и притомъ готовыхъ *трудъ* понести. Въ подобныхъ отысканіяхъ по сю пору я неслишкомъ удачно дѣйствую“. Евгеній отвѣчалъ графу на послѣднія его сѣтованія: „Ваше Сіятельство, извѣщая меня о заготовленныхъ Вами матеріалахъ для русской палеографіи, изволите такъ же спрашивать: *гдѣ сочинители палеографіи?* Отвѣтствую и на сіе, что нужны матеріалы, которые когда появятся, то появятся и у насъ мастера Монфоконы. Такимъ путемъ шли иностранцы и къ своей Дипломатикѣ, коей до исхода XVII в. на свѣтѣ не было. Какъ скоро много вездѣ уже издано было дипломовъ, то явился Папеброкъ, отецъ сей науки, за нимъ Мабильіонъ, за нимъ Бенедиктинцы Тустейнъ и Тассинъ и потомъ многіе“ [3]). Въ концѣ 1817 года канцлеръ имѣлъ уже возможность извѣстить своего корреспондента, что ему, наконецъ,

[1]) Тамъ-же, стр. 7. Грамоту, о которой здѣсь говорится (Полоцкаго князя Ярослава Изяславича), Евгеній въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Румянцову (отъ 17 авг. 1817 г.) называетъ „первымъ для насъ пергаменнымъ памятникомъ на Бѣлорусскомъ языкѣ“. Надо думать, что эта та грамота, списокъ съ которой доставилъ Калайдовичу въ самомъ концѣ 1816 года его былой пріятель, ксендзъ І. Мореловскій (см. „Чтенія въ имп. общ. ист. и др.» 1862, III, стр. 59).

[2]) Тамъ-же, стр. 8. Впослѣдствіи рукопись Тактикона графъ долженъ былъ возвратить ея хозяину, отказавшемуся продать ее (тамъ-же, стр. 9—10).

[3]) Тамъ-же, стр. 9.

„удалось по многолѣтнемъ часто повторительномъ домогательствѣ“ отыскать Оршинскую надпись (на Борисовомъ камнѣ) [1]). Болѣе подробное описаніе этой надписи Румянцовъ даетъ въ письмѣ своемъ къ Евгенію уже отъ 26 іюня 1818 г., сожалѣя при этомъ, что ему „такъ мало помогаютъ соотчичи наши“. Въ подтвержденіе этого сужденія онъ разсказываетъ, что, прибывъ въ Оршу, „единственно для отысканія сего камня и бесѣдуя объ немъ безъ всякаго успѣха съ городничимъ и съ отцемъ протопопомъ, который однакожъ человѣкъ отличныхъ достоинствъ, рѣшился итти съ ними къ начальнику Езуитскаго въ Оршѣ училища и ему поручить отыскать сей камень“. Этотъ въ самомъ дѣлѣ „скоро потомъ, объѣзжая мѣста около Орши, камень нашелъ и доставилъ о немъ“ графу „полное свѣдѣніе и рисунокъ“. „Больно, что мы такъ нерадивы“, прибавляетъ съ сокрушеніемъ канцлеръ [2]).

Самъ Евгеній, переѣхавшій во Псковъ, сейчасъ же по пріѣздѣ „занялся собираніемъ монастырскихъ грамматъ и другихъ извѣстій, сверхъ собранныхъ уже изъ печатныхъ лѣтописей и надписей“ и изданныхъ Н. Ильинскимъ въ его „Историческомъ описаніи города Пскова“ (1790—94). Но грамотъ древнѣе XVI в. найти ему не удалось, какъ пишетъ онъ Румянцову 9-го апр. 1817 г. [3]). Какъ разъ въ это же время онъ снова интересуется Остромировымъ евангеліемъ и въ письмѣ къ Анастасевичу (9 апр. 1817) проситъ выписать для него поточнѣе первое зачало евангелія отъ Іоанна, а мѣсяцъ съ небольшимъ спустя (11 мая)—сдѣлать „подробнѣе описаніе“ всего памятника, какъ это водится у библіографовъ [4]).

Отъ другихъ нашихъ палеографовъ этого времени ожидать

---

[1]) Тамъ-же, стр. 10.

[2]) Тамъ-же, стр. 12—13, и въ письмѣ Румянцова Малиновскому отъ 2 авг. 1818 г. („Чтенія въ Имп. Общ. ист. и др. росс.“ 1882. I, стр. 85—86). Объ этой же надписи хлопоталъ и Калайдовичъ, писавшій еще въ 1813 году Оршинскому ксендзу І. Мореловскому: „Не извѣстенъ ли Вамъ камень, находящійся въ окрестности Орши, съ изображеніемъ на немъ Русской надписи, поставленный въ XI вѣкѣ надъ дѣтьми Борисовыми, подъ нимъ погребенными? Приложите, любезнѣйшій другъ, всѣ старанія Ваши отыскать его по волѣ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс., которое поручило мнѣ о семъ написать къ Вамъ“ (см. Безсоновъ, „Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича въ „Чтеніяхъ“ только что назв. общества. 1862, III, стр. 39—40). Патеръ іезуитъ, нашедшій во второй разъ данную надпись, былъ Десидерій Ришардотъ, какъ сообщаетъ Кеппенъ въ своемъ „Спискѣ русскимъ памятникамъ“ М. 1822, стр. 46.

[3]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 5.

[4]) Письма Евгенія къ Анастасевичу, „Древняя и Новая Россія“ 1880 г. декабрь, стр. 628—29 и 633.

особыхъ и новыхъ трудовъ было бы напрасно. Такъ объ А. И. Ермолаевѣ Евгеній Болховитиновъ писалъ Анастасевичу 11 мая 1817 г.: „что изданія Лаврентьевской лѣтописи не дождемся мы конца отъ Ермолаева [1]), это почти очевидно. Гр. Румянцовъ, между прочимъ, пишетъ ко мнѣ: „у меня накопилось разныхъ грамотъ довольное число, и Ермолаевъ обѣщалъ мнѣ, по пересмотру ихъ, быть оныхъ издателемъ. Но трудно надѣяться скораго ихъ явленія, потому что онъ по службѣ всегда многимъ трудомъ обремененъ". Это обыкновенный порокъ полипрагматиковъ, все начинающихъ и обѣщающихъ, но ничего не оканчивающихъ" [2]). Строгій судъ Евгенія впослѣдствіи оправдался, и Ермолаевъ дѣйствительно для палеографіи далъ очень мало, почти ничего, въ сравненіи со своими знаніями и надеждами, на него возлагавшимися.

Зато К. Калайдовичъ продолжалъ неутомимо работать надъ собираніемъ, описаніемъ и изданіемъ разныхъ текстовъ, древнихъ и болѣе позднихъ, пріобрѣтая тѣмъ уваженіе и расположеніе своего покровителя гр. Румянцова, высоко цѣнившаго его дѣятельность, какъ это видно изъ переписки графа съ самимъ Калайдовичемъ и другими лицами. Такъ Румянцовъ писалъ 27 февр. 1817 г. Малиновскому: „Отдавая должную справедливость похвальному рвенію и трудамъ г-на Калайдовича въ изысканіи отечественныхъ древностей, прошу Васъ покорнѣйше, при изъявленіи истинной моей ему за сіе признательности, повторить убѣжденіе о неослабѣваніи въ занятіяхъ сего рода, дѣлающихъ столько же ему чести, сколько и приносящихъ другимъ удовольствія". Въ концѣ 1817 г. (7 декабря) канцлеръ писалъ опять Малиновскому, что Калайдовичъ „отличается неусыпными и щастливыми трудами" [3]), и тогда же—самому Калайдовичу: „Вы къ изысканіямъ и даръ и щастіе имѣете особое, не оставьте такихъ отличныхъ выгодъ безъ употребленія" [4]). Еще осенью 1817 года Калайдовичъ изъявляетъ графу согласіе издать Изборникъ 1073 г., какъ

---

[1]) Планъ изданія лѣтописей съ палеографической точностью буква въ букву былъ предложенъ Оленинымъ и Ермолаевымъ еще въ 1814 г. (Сынъ Отечества, ч. 12, стр. 3—19). Объ изданіи Лавр. лѣтописи оба думали еще раньше (въ 1811 г.). См. Записки Калайдовича, въ „Лѣтописяхъ" Тихонравова, 1859—60, кн. 6-я, стр. 94—96.

[2]) См. „Древняя и Новая Россія" 1880, декабрь, стр. 633—34.

[3]) См. Переписку гр. Румянцова въ „Чтеніяхъ общ. ист. и др. росс." 1882, I, стр. 37 и 62.

[4]) См. „Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича", въ „Чтеніяхъ" 1862 г. III. 148.

это хотѣлъ поручить ему гр. Румянцовъ [1]). Въ то же время онъ по порученію графа занимается изданіемъ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній" Кирши Данилова (еще съ 1816 года), которыя и вышли въ концѣ 1818 г. [2]). Весной 1818 года онъ уже приступаетъ къ описанію рукописей гр. Ѳ. А. Толстого (см. ниже) и кромѣ того работаетъ надъ „подробнѣйшимъ описаніемъ" рукописи Изборника [3]), а осенью получаетъ отъ графа (въ письмѣ отъ 6 окт.) предложеніе приступить къ изданію еще ранѣе отысканныхъ переводовъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, въ древности которыхъ Румянцовъ долго-было сомнѣвался. Канцлеръ пользуется этимъ случаемъ, чтобы снова увѣрить Калайдовича въ своемъ расположеніи: „Я всегда письма Ваши получаю и читаю съ удовольствіемъ. Они всякой разъ утверждаютъ мое особенное уваженіе къ талантамъ Вашимъ и къ тому искуству, съ которымъ Вы особенный имѣете даръ отыскивать древніе памятники Словесности нашей и объяснять ихъ" [4]). Изъ этого же письма мы узнаемъ, что Калайдовичъ къ этому времени отыскалъ два новыхъ списка „Русской Правды", и книгу „Адонатусъ" (т. е. Donatus, см. выше, стр. 157—56), которая „содержитъ въ себѣ любопытныя замѣчанія о Словенской грамматикѣ" и достойна „большого вниманія". Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 17-го октября Калайдовичъ уже представлялъ графу планъ изданія твореній Іоанна Экзарха. Тутъ же онъ подробно говоритъ о посланіи Никифора митрополита къ Владиміру Мономаху, прилагая копію съ него [5]). Въ томъ же 1818 году Калайдовичъ, вмѣстѣ со Строевымъ, продолжаетъ работать надъ изданіемъ „Законовъ В. Кн. Іоанна Васильевича и Судебника Царя и В. Кн. Іоанна Васильевича", законченнымъ въ слѣдующемъ 1819 г., и тогда же, тоже вмѣстѣ со Строевымъ, приступаетъ къ описанію богатаго рукописнаго собранія гр. Ѳ. Толстого, вышедшому изъ печати лишь черезъ 7 лѣтъ (1825 г.) [6]). Объ этомъ Калайдовичъ писалъ гр. Румянцову 4 марта 1818 г.: «На сихъ дняхъ съ помощію г. Строева началъ описаніе славной библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого, которая много обѣщаетъ важнаго [7]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 146.

[2]) Тамъ-же, стр. 57—58.

[3]) Тамъ-же, стр. 82 и 148, письмо къ гр. Румянцову отъ 4 марта.

[4]) Тамъ-же, стр. 149.

[5]) Тамъ-же, стр. 150.

[6]) См. „Библіографическія поправки (письмо къ Редактору)" К. Калайдовича въ „Вѣстникѣ Европы", 1820 г., ч. 111, стр. 195—204.

[7]) См. „Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс." 1862 г., кн. III, стр. 82.

Товарищъ Калайдовича по занятіямъ, П. М. Строевъ, въ началѣ 1818 г., согласно инструкціи А. Ө. Малиновскаго [1]), занимался разборомъ библіотеки и архива Звенигородскаго Саввы-Сторожевскаго монастыря, но „при всемъ своемъ стараніи не могъ найти ничего дѣльнаго" для гр. Румянцова, такъ какъ рукописи этой обители (приходо-расходныя книги, судебныя дѣла по вотчинамъ монастыря и т. п.) не восходили далѣе 60-хъ гг. XVII в., въ большинствѣ же случаевъ относились къ XVIII. Въ концѣ января онъ переѣхалъ въ Воскресенскъ и въ тамошнемъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ „нашелъ для своихъ занятій обильнѣйшіе матеріалы", въ видѣ пергаменныхъ рукописей, старѣе XIV в., уцѣлѣвшихъ какъ отъ набѣговъ любителей старины (тогда еще немногочисленныхъ), такъ и отъ попеченій невѣжественныхъ хранителей монастырской библіотеки. По словамъ Строева, о. намѣстникъ сообщилъ ему, что библіотека ихъ, „лѣтъ за сорокъ прежде сего (т. е. въ концѣ 70-хъ гг. XVIII в.) была гораздо обильнѣе книгами; нѣкоторыя изъ нихъ взяты въ Синодъ и остались у Гр. А. И. Мусина-Пушкина (стало быть, сгорѣли съ его библіотекой въ 1812 г.) — между сими вспоминаетъ онъ одно евангеліе, нѣсколько хронографовъ и лѣтописей; другія нарочно сожжены Епископомъ Селивестромъ (1785—1788 г.), который почиталъ ихъ совсѣмъ ненужною дрянью. Если-бы Архимандритъ Аполлосъ не остановилъ сего варварскаго всесожженія, то, по словамъ намѣстника, вся библіотека подверглась бы одинаковой участи" [2]).

Составленные Строевымъ каталоги рукописей Волоколамскаго и Саввы Сторожевскаго монастырей заслужили большую благодарность со стороны гр. Румянцова, который писалъ молодому археографу 3 марта 1818 г.: „Вы въ полной мѣрѣ... оправдать изволили ту довѣренность, съ каковою я къ вамъ обратился... Вы сіи каталоги составили такъ искусно, что я желаю привесть ихъ изданіемъ въ печать всѣмъ въ извѣстность, о чемъ къ вамъ впредь писать буду... Продолжайте меня одолжать; вы самимъ этимъ ознаменуете себя, какъ особу съ отличными свѣдѣніями и способностью къ изысканію Росс. древностей и будьте увѣрены, что я съ удовольствіемъ искать буду случая служить вамъ и т. д." [3]).

---

[1]) См. Барсукова, «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб. 1878, стр. 35—36.

[2]) См. письмо Строева Малиновскому отъ 29 янв. 1818 г. въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и др. росс.» 1882, кн. 1, стр. 64—65, и цитир. соч. Барсукова стр. 37—38.

[3]) Барсуковъ, «Жизнь и труды Строева», стр. 37.

Въ началѣ 1818 г. Строевъ предложилъ гр. Румянцеву съѣздить также и въ Троицкую лавру для осмотра тамошнихъ рукописей, на что графъ немедленно и съ радостью изъявилъ свое согласіе [1]). Эта поѣздка, однако, покуда не осуществилась, и много спустя графъ еще жаловался, что отсутствіе описанія рукописей Троицкой лавры мѣшаетъ ему издать въ свѣтъ описанія другихъ монастырскихъ библіотекъ, составленныя Строевымъ и Калайдовичемъ [2]).

Вскорѣ послѣ этого (въ апрѣлѣ 1818 г.) Строевъ окончилъ свои занятія въ Воскресенскомъ монастырѣ и прислалъ гр. Румянцеву составленный имъ каталогъ рукописей назв. монастыря (всего 140 числомъ, съ XIII по XVIII вв.) [3]).

И этимъ описаніемъ канцлеръ остался очень доволенъ, о чемъ и писалъ Строеву 21-го апрѣля: „Я уже свидѣтельствовалъ вамъ то удовольствіе, съ каковымъ получилъ прелюбопытные каталоги, составленные вами тѣмъ рукописямъ, которыя хранятся въ Волоколамскомъ, Звенигородскомъ и Воскресенскомъ монастыряхъ, и пребываю въ надеждѣ получить столь же совершенный каталогъ рукописямъ Троицкой лавры“. При письмѣ прилагалась золотая табакерка въ память удовольствія, доставленнаго графу „составленіемъ сихъ каталоговъ“, и какъ залогъ почтенія, питаемаго графомъ къ ихъ составителю [4]).

Въ Воскресенскомъ монастырѣ Строевъ открылъ важную рукопись, приведшую его къ изданію „Софійскаго Временника“. Это былъ такъ называемый „Всемірный Хронографъ“, съ присоединеннымъ къ нему сборникомъ изъ лѣтописи Нестора и его продолжателей, доведенной до 1534 г. [5]), Въ концѣ мая 1818 г. Строевъ былъ уже занятъ „подробнѣйшимъ разсмотрѣніемъ“ этого хронографа и сличеніемъ его со всѣми дотолѣ изданными лѣтописями, причемъ нашелъ, что „новонайденная лѣтопись есть

---

[1]) См. письмо гр. Румянцова Малиновскому отъ 7 марта 1818 г.: Чтенія въ общ. ист. и др. 1882 г., кн. 1, стр. 73.

[2]) См. письмо гр. Румянцова къ митроп. Евгенію отъ 23 февр. 1824 г., въ перепискѣ послѣдняго, вып. III, Воронежъ, 1872, стр. 100—101.

[3]) При письмѣ отъ 4 марта 1818 г., см. «Чтенія въ общ. ист. и др.» 1882 г., кн. 1, стр. 74, и Барсукова, «Жизнь и труды Строева», стр. 38. Каталогъ этотъ, безъ указанія имени составителя, былъ впослѣдствіи изданъ Сахаровымъ въ его «Русскихъ Древнихъ Памятникахъ». Вып. I. Спб. 1842. См. цит. соч. Барсукова, стр. 38.

[4]) Барсуковъ, «Жизнь и труды Строева», стр. 39.

[5]) Тамъ же.

тщательнѣйшій списокъ такъ называемой *Софійской* Новгородской лѣтописи“ [1]).

Къ 1818 году относится и замѣчательное для своего времени палеографическое изслѣдованіе Евгенія Болховитинова: „Примѣчанія на Граммату Великаго Князя Мстислава Володиміровича, и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго князя Новогородскаго, пожалованную Новогородскому Юрьевскому монастырю“ [2]). Мы находимъ здѣсь тщательный разборъ одного изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древнерусскаго языка, спасеннаго отъ гибели самимъ же Евгеніемъ. И. И. Срезневскій уже въ 1867 г. характеризовалъ этотъ трудъ Евгенія, „сдѣланный... тогда, когда у насъ еще почти не было попытокъ этого рода“, какъ „явленіе очень замѣчательное и по внимательности къ разнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ грамотою, и по тщательности отвѣтовъ на нихъ. Онъ не утратилъ своего значенія и теперь (писано въ 1867 г.), какъ образецъ трудовъ этого рода—между прочимъ и въ палеографическомъ отношеніи, указывая какъ надобно издавать памятники древняго письма и вглядываться въ особенности ихъ написанія“ [3]).

Въ началѣ своей статьи Евгеній, опредѣляя научное значеніе данной грамоты, перечисляетъ древнѣйшіе извѣстные тогда памятники славянскаго и древнерусскаго языковъ: Остромирово евангеліе, Сборникъ кн. Щербатова 1046 г. (т. е. Изборникъ Святослава 1076 г.), Мстиславово и Синодальное евангелія XII в. и т. д., затѣмъ объясняетъ неясныя и непонятныя выраженія и древнія слова, встрѣчающіяся въ грамотѣ (между прочимъ слово *вира*, сравниваемое съ финнскими, германскими и славянскими формами), даетъ палеографическое ея описаніе, говоритъ о бумагѣ и др. письменныхъ матеріалахъ, на которыхъ тогда писали, о правописаніи, почеркѣ, надстрочныхъ и другихъ знакахъ, разныхъ видахъ печатей при грамотахъ и т. д. Въ прибавленіи на стр. 250—52 приводится приписка изъ Остромирова евангелія, вслѣдъ за которой упоминается о недавно найденномъ (Калайдовичемъ) сборникѣ Вел. кн. Святослава 1073 г. Факсимиле грамоты, гравированное крѣпостнымъ человѣкомъ Оленина (см. выше, стр. 822), было приложено въ слѣдующей (101-й) части „Вѣстника Европы“.

---

[1]) Письмо Строева къ Малиновскому отъ 9 авг. 1818 г.: «Чтенія» 1882 г. кн. 1, стр. 86.

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1818, ч. 100, № 15, стр. 201—255.

[3]) См. И. Срезневскій, «Воспоминаніе о научной дѣятельности Евгенія, митрополита Кіевскаго» въ «Сборникѣ статей, чит. въ отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. V, вып. I. 1868 г., стр. 29.

Весною 1819 года (въ апрѣлѣ) вышла въ свѣтъ вторая часть Румянцовскаго „Собранія госуд. грамотъ и договоровъ“, содержавшая, какъ и первая, рядъ весьма цѣнныхъ памятниковъ древнерусскаго языка XIII—XVII вв. (въ томъ числѣ смоленскую грамоту 1229 г., ярлыкъ Менгу Тимура 1270—76 гг., смол. грамоту 1284 г., двѣ духовныхъ грамоты Владимирскаго (на Волыни) князя Владимира Васильевича около 1286 г., Мстислава Даниловича 1289 г. и рядъ другихъ грамотъ XIV, XV, XVI вв. (Вас. Іоанновича, Іоанна Васильевича, Өеодора Іоанновича и Бориса Годунова), XVII в. (Бориса Годунова, сына его Өеодора, Лжедимитрія I, Василія Шуйскаго и временъ Междуцарствія, кончая 1612 г.).

Еще до выхода въ свѣтъ этой части, увѣрившись лишь въ томъ, что она вполнѣ уже закончена печатаніемъ, гр. Румянцовъ въ своемъ письмѣ къ Малиновскому отъ 31 марта 1819 г. заводитъ рѣчь о предполагаемомъ содержаніи III части „Собранія“ [1]).

О томъ, что сознаніе важности древнихъ письменныхъ памятниковъ русской исторіи понемногу распространялось у насъ, свидѣтельствуетъ „Приглашеніе Смоленскаго Гражданскаго Губернатора“, барона Аша, обнародованное имъ въ февралѣ 1819 г. Въ своемъ воззваніи баронъ Ашъ обращался прежде всего къ духовенству, приглашая его собирать разные памятники старины. Въ первомъ же пунктѣ „Приглашенія“ предлагалось „развѣдать, нѣтъ ли гдѣ-либо и у кого-нибудь историческихъ рукописей, граммать, рескриптовъ, подлинныхъ или въ копіяхъ, древнихъ записокъ, книгъ, повѣстей церковныхъ, гражданскихъ и другихъ свѣдѣній. Со всего, что найдется, доставить точные и вѣрнѣйшіе списки, а всего лучше прислать въ подлинникѣ“ и т. д. Во второмъ пунктѣ обращалось вниманіе на камни надробные, надписи и т. п., а въ примѣчаніи къ пункту 4-му—на древніе фамильные документы и т. д. [2]).

Едва ли, однако, воззваніе это имѣло какой-нибудь успѣхъ, (по крайней мѣрѣ мы объ этомъ не имѣемъ свѣдѣній), но во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствовало о постепенномъ пробужденіи у насъ историческаго интереса, которое должно было сослужить службу и развитію языкознанія. Евгеній въ письмѣ своемъ гр. Румянцову отъ 21 марта 1819 г. выражалъ пожеланія успѣха просвѣщенному смоленскому губернатору, но въ то же время присо-

---

[1]) См. «Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882 г., кн. 1, стр. 110.

[2]) См. переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ и нѣкот. друг. современниками, Воронежъ, 1868, вып. I, стр. 17.

вокуплялъ: „А въ Псковской губерніи я не нахожу, къ кому бы можно было обратиться съ таковымъ же воззваніемъ. Я и по церковнымъ древностямъ здѣсь не могъ ничего во многихъ мѣстахъ доискаться“ [1]). Слова Евгенія получаютъ подтвержденіе въ сообщеніи ему гр. Румянцова объ вторично имъ открытомъ Рогвольдовѣ камнѣ. По словамъ графа, онъ лежитъ въ полуверстѣ „отъ почтовой дороги на открытомъ и ровномъ мѣстѣ, надъ нимъ сооружена маленькая деревянная церковь“, куда народъ приходитъ пѣть молебны. „Послѣ этого, какъ не подивиться“, пишетъ Румянцовъ, что все наше духовенство въ Оршѣ нѣсколько лѣтъ сряду отъ него отпиралось, оправдывая тѣхъ, которые увѣряли, что таковаго камня нѣтъ и не бывало“ [2]). Въ другомъ письмѣ своемъ къ Евгенію (отъ 12 авг. 1819 г.) графъ, говоря о русскихъ историческихъ письменныхъ памятникахъ Императорской Вѣнской библіотеки, которые онъ надѣется обслѣдовать, несмотря на трудность доступа къ нимъ, прибавляетъ: „мнѣ легче домогаться по таковой статьѣ въ чужихъ государствахъ, нежели въ отечественныхъ предѣлахъ“ [3]).

Вѣрнымъ сотрудникомъ графа въ его „домогательствахъ“ продолжалъ оставаться К. Калайдовичъ. Изъ писемъ его видно, какъ ревностно разыскивалъ онъ для своего покровителя древніе памятники нашей письменности. Такъ въ письмахъ отъ 27 февр. и 15 марта 1819 г. Калайдовичъ сообщаетъ графу довольно подробное описаніе видѣннаго имъ древняго пергаменнаго пролога, продаваемаго купцомъ Шульгинымъ и писаннаго „не позже XIII в.“. Отмѣтивъ въ рукописи рядъ сербизмовъ (имъ, впрочемъ, такъ не называемыхъ), Калайдовичъ приходитъ къ заключенію, что она писана „какимъ либо южнымъ Славяниномъ“; изъ разныхъ замѣчаній о ней слѣдуетъ отмѣтить перечень нѣсколькихъ „древнихъ словъ“, встрѣчающихся въ рукописи (*вельмужь*, *насочить*, *дрехлъ*, т. е. *дряхлъ*, *дилма*, *сьмилать*—смалывать, *сьмилаху*, *сьмилашс*, *клепець* и т. д.), и указаніе на нѣкоторыя особенности графики („двѣ точки надъ буквами, въ коихъ полагается твердый выговоръ и гдѣ въ старину писывали иногда литеру ъ, напр. *огн̈ь*, *остр̈овъ*, *с̈трана* и т. д. Сіи же точки иногда отвѣчали за титлу“).

Въ письмѣ 15-го марта, кромѣ разныхъ замѣчаній о составѣ „Діоптры“ философа Филиппа, которой интересовался гр. Румян-

[1]) Тамъ же, стр. 18.
[2]) Тамъ же, стр. 20.
[3]) Тамъ же, стр. 21.

цовъ [1]), находится также описаніе рукописнаго Алфавита второй половины XVII в., первое вѣроятно, въ своемъ родѣ [2]). По рекомендаціи Калайдовича, Алфавитъ былъ пріобрѣтенъ графомъ [3]).

Весною 1819 г. (при письмѣ отъ 3 апрѣля) Калайдовичъ поднесъ графу „въ рукописи XVII в. знаменитое стоглавное положеніе бывшаго въ Москвѣ въ 1551 г. Собора“ [4]), а въ ноябрѣ того же года найденное имъ слово о Даніилѣ Заточникѣ [5]), списокъ котораго, впрочемъ, имѣлся уже раньше у графа [6]). Кромѣ того, вѣроятно, еще въ сентябрѣ 1819 года „трудолюбивый“, по выраженію графа, Калайдовичъ препроводилъ ему „прелюбопытное изслѣдованіе Діоптры“ [7]).

Въ 1819 г. вышло также давно подготовлявшееся изданіе Калайдовича и Строева: „Законы В. Кн. Іоанна Васильевича и Судебникъ Царя и В. Кн. Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами“ (Москва, въ тип. Селивановскаго, 4°). Евгеній Болховитиновъ, благодаря графа Румянцова за присылку этого и другихъ его изданій писалъ ему, что оно „несравненно“ съ болѣе ранними Башилова (1768 г.) и Миллера „и по изданію, и по прибавкамъ“ [8]). При этомъ изданіи приложены были и палеографическіе снимки, изображающіе почеркъ обоихъ судебниковъ и водяной знакъ въ бумагѣ болѣе ранняго изъ нихъ (гравированные А. Флоровымъ).

Изданіе было сдѣлано съ возможною въ тѣ времена тщательностью. Въ предисловіи своемъ издатели ручались, „что не только одно слово или рѣченіе, но ниже самая буква, не проронены противъ подлинниковъ“ (стр. XXIX). Срезневскій уже много лѣтъ спустя говорилъ о немъ: „Это первое изъ хорошихъ и одно изъ лучшихъ изданій памятниковъ Русскаго законодательства. Не утратило оно и теперь цѣны“ („Труды П. М. Строева“ въ Зап. Имп. Акад. наукъ, т. VI. Спб. 1864, стр. 114). Только съ 1840 г.

---

[1]) См. письмо его отъ 11 марта 1819 г. („Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1862 г., кн. 3, стр. 152).

[2]) См. тамъ же, стр. 150—154.

[3]) Тамъ же, стр. 155.

[4]) Тамъ же, стр. 154—155. Извѣстіе о полученіи этой рукописи находимъ въ письмѣ графа Малиновскому отъ 15 апрѣля, въ которомъ графъ проситъ благодарить за нее Калайдовича (тамъ же, 1882 г. кн. 1, стр. 112—13).

[5]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3, стр. 157.

[6]) См. письмо графа отъ 7 дек. 1819 г., тамъ же, стр. 158.

[7]) См. тамъ же, 1882 г., кн. 1, стр. 128, письмо гр. Румянцова къ Малиновскому, отъ 12 сент. 1819 г.

[8]) См. письмо Евгенія отъ 21 марта 1819 г. въ „Перепискѣ“ его (Воронежъ, вып. 1, 1868), стр. 18.

явилась возможность замѣнять его другимъ, болѣе удовлетворительнымъ, вышедшимъ въ „Актахъ Историческихъ“, т. I, изд. Археографической коммиссіей (ср. И. Срезневскій, „Воспоминаніе о П. М. Строевѣ“ въ Зап. Имп. Акад. наукъ, т. XXIX, 1877 г., стр. 73—74).

Въ 1819 г., въ „Вѣстникѣ Европы“ явилась еще замѣтка Калайдовича: „Дополнительныя свѣдѣнія о трудахъ Швайпольта Феоля, древнѣйшаго славянскаго типографщика“ [1]), которая была вызвана статьей аналогичнаго содержанія „О Святополкѣ Фіолѣ, Краковскомъ типографщикѣ, первомъ издателѣ книгъ Церковно-Славянскихъ“ [2]), подписанной буквой К. и принадлежавшей самому издателю „Вѣстника Европы“, М. Т. Каченовскому. Обѣ статьи, опиравшіяся на книгѣ Бандке о Краковскихъ типографіяхъ (1815), кромѣ біографическихъ свѣдѣній, давали также перечень цѣлаго ряда старопечатныхъ книгъ, вышедшихъ изъ типографіи Фіоля, вмѣстѣ съ описаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Статейка Калайдовича давала рядъ дополненій къ замѣткѣ Каченовскаго, свидѣтельствующихъ о непосредственномъ близкомъ знакомствѣ автора съ описываемыми книгами, и упоминала также и о никому неизвѣстныхъ изданіяхъ Фіоля, какъ, напр., о „Цвѣтной Тріоди“ изъ собранія гр. Н. П. Румянцова.

Кромѣ упомянутыхъ статей, „Вѣстникъ Европы“ далъ еще по археографіи: 1) статью С. Г. Саларева (вскорѣ умершаго): „Описаніе разнаго рода Россійскихъ грамотъ“ [3]), содержавшую описаніе и классификацію грамотъ (государственныя, обрядныя и смѣшанныя, причемъ первыя дѣлились на договорныя, распадавшіяся въ свою очередь на докончальныя, крестныя, вѣрующія и т. д.). Замѣчаній палеографическаго характера здѣсь было, впрочемъ, немного, а о языкѣ совсѣмъ не говорилось. 2) Замѣтку „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, находящихся въ книгохранилищѣ королевской Вестеръ-Оской гимназіи въ Швеціи“ [4]), представляющую переводъ статьи I. Г. Шредера изъ Шведскихъ ученыхъ вѣдомостей (Svensk Literatur Tidring“) 1813 г. (№ 35) и снабженную примѣчаніями какого то А. Здѣсь идетъ рѣчь о нѣ-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1819 г., ч. 107, № 18, стр. 101—108.

[2]) Тамъ же, ч. 106, № 14, стр. 121—138.

[3]) Тамъ же, ч. 103, № 4, стр. 272—289; ч. 104, № 5, стр. 25—44 и 80 („дополнительныя замѣчанія“). Статья эта заинтересовала гр. Румянцова, спрашивавшаго въ письмѣ отъ 21 апр. 1819 г. Малиновскаго, кто такой авторъ этой „любопытной“ статьи (см. „Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Русс.“ 1882 г., кн. 1, стр. 115).

[4]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1819 г., ч. 105, стр. 121—29.

которыхъ рукописяхъ, большею частью богословскаго, рѣже историческаго содержанія и позднихъ по времени (XVII в.), подаренныхъ библіотекѣ въ 1774 г. Спарвенфельдомъ.

Къ разнымъ выше упомянутымъ попыткамъ изученія и толкованія древнихъ памятниковъ языка въ 1819 году примкнуло новое переложеніе (прозаическое) „Слова о полку Игоревѣ“ Я. О. Пожарскаго, снабженное довольно для того времени удачными примѣчаніями и посвященное гр. Н. П. Румянцову [1]). Въ нихъ авторъ особенно часто прибѣгаетъ къ сравненіямъ съ польскимъ языкомъ, приводя иногда удачныя параллели, вродѣ: польск. trudny, pociąć, komonny, komonik, czyli, dziw, czółka, chęć, krzesić, smażyć, tu, żywy, błogo, rządzić, *гзегзолка* (т. е. żegżółka), prysnąc и т. д. для выраженій Слова: *трудныхъ повѣстій*, *потяту быти*, *комони*, *чили*, *дивъ*, *чолка*, *хоть*, *кресити*, *смага*, *ту*, *живые шереширы*, *бологo*, *рядить*, *зегзица*, *прысну море полунощи* и т. д. Обращаютъ на себя вниманіе также сравненія съ бѣлорусскимъ, только что вышедшей Краледворской рукописью (сообщенною автору гр. Румянцовымъ), изрѣдка указанія на „Сорабскія“, „Богемскія“, „Виндійскія“ (очевидно, лужицкія) „Далматскія“ и „Кроатскія“ родственныя формы. Часто приводятся цѣлыя цитаты изъ разныхъ польскихъ писателей, Краледворской рукописи и т. д. Во всякомъ случаѣ объясненія Пожарскаго стояли неизмѣримо выше Шишковскихъ.

Книжка Пожарскаго не прошла незамѣченной въ нашей тогдашней литературѣ, вызвавъ рецензію, подписанную псевдонимомъ Dixi и напечатанную въ „Журналѣ Древней и Новой Словесности“ Олина (ч. VI, 1819 г., стр. 34—40, 79—92, 112—128). Авторъ этой рецензіи сравнивалъ трудъ Пожарскаго съ аналогичнымъ трудомъ Шишкова (см. выше, стр. 709—710), замѣчанія котораго онъ подвергалъ нерѣдко вполнѣ основательной критикѣ, отдавая при этомъ преимущество объясненіямъ Пожарскаго.

Въ томъ же 1819 г., лѣтомъ приступлено было Строевымъ къ изданію Новгородской лѣтописи (по такъ назыв. Софійскому списку), согласно желанію гр. Румянцова, выраженному имъ въ письмѣ къ Малиновскому отъ 22 іюня [2]). Въ сентябрѣ мѣсяцѣ графъ уже получилъ извѣстіе отъ Малиновскаго, что къ печата-

[1]) „Слово о полку Игоря Святославича, Удѣльнаго Князя Новагорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Як. Пожарскимъ съ присовокупленіемъ примѣчаній“. Спб. 1819 г. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 4°. 88. Самый текстъ занимаетъ стр. 7—25, а остальное—„примѣчанія“ на переложеніе, изд. гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, и на примѣчанія Шишкова.

[2]) См. „Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1882 г., кн. 1, стр. 123.

нію лѣтописи будетъ приступлено немедленно, а въ концѣ октября уже могъ написать ему, что „много утѣшается“ присланными двумя листами изданія [1]). Съ этихъ поръ печатаніе шло непрерывно.

Подготовлялся къ изданію гр. Румянцовымъ и Святославовъ Изборникъ 1073 года. Еще въ августѣ мѣсяцѣ 1818 г. Малиновскій, по желанію графа, поручилъ художнику Ратшину „снять точную копію съ древняго харатейнаго Сборника и срисовать находящіяся при немъ картины“. При этомъ художнику вмѣнено было въ обязанность „не отступать ни въ чемъ отъ подлинныхъ картинъ,... избрать и припаровить колера красокъ и дать имъ видъ древнихъ“, а также обозначить „каждую мѣлочь, едва примѣтныя точки и различныя пятна“; въ самой копіи текста художникъ „долженъ былъ не только рѣчь, но каждую литтеру скопировать въ точномъ ея видѣ, не осмѣливаясь прибавить или убавить ни надстрочнаго ударенія, ни знака препинанія“. Осенью 1819 г. трудъ Ратшина былъ законченъ послѣ неустанной работы въ теченіе цѣлаго года, вмѣсто предполагавшихся первично 6 мѣсяцевъ [2]). Румянцовъ остался доволенъ „прекраснымъ“, по его словамъ, спискомъ Ратшина и совѣтовался въ письмѣ отъ 31-го октября съ Малиновскимъ, сколько рисунковъ слѣдуетъ гравировать для печати, и во что можетъ обойтись изданіе Сборника [3]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ уже заходила рѣчь о выборѣ бумаги для изданія и о заключеніи условія съ типографщикомъ Селивановскимъ [4]), но тѣмъ не менѣе проектъ изданія такъ и остался неосуществленнымъ.

Не переставалъ графъ заботиться и объ изданіи найденныхъ Калайдовичемъ переводовъ Іоанна, Экзарха Болгарскаго, постоянно напоминая ему о предпринятомъ имъ трудѣ и нетерпѣливо ожидая его окончанія. Такъ 20 ноября 1819 г. онъ писалъ Малиновскому: „попросите г. Калайдовича, чтобы онъ мнѣ представилъ доказательства, что не пренебрегаетъ просьбами моими и трудится надъ опытомъ изданія Іоанна Экзарха; я старъ, мнѣ ничего въ долгій ящикъ откладывать нельзя“ [5]).

Въ 1819 году вошелъ въ сношенія съ преосв. Евгеніемъ мо-

---

[1]) См. письма графа Малиновскому отъ 12 сент. и 31 окт. 1819 г. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс., 1882 г., кн. 1, стр. 128 и 133.

[2]) См. письмо Ратшина къ Малиновскому отъ 4 окт. 1819 г. Тамъ же, стр. 130—131.

[3]) Тамъ же, стр. 133.

[4]) Тамъ же, письмо гр. Румянцова Малиновскому отъ 4 дек. 1819 г., стр. 137.

[5]) Тамъ же, стр. 136.

лодой Кеппенъ, интересовавшійся еще раньше древними рукописями (см. выше, стр. 819). 2-го мая Румянцовъ рекомендовалъ его Евгенію, жившему тогда во Псковѣ, какъ молодого человѣка, отличающагося „просвѣщеніемъ и нравственностью, но, къ сожалѣнію, имѣющаго здоровье слабое и несогласное съ рвеніемъ учености“ [1]). При этомъ знакомствѣ Кеппенъ, котораго Евгеній также оцѣнилъ „за страстную охоту, къ русской словесности и исторіи“ [2]), получилъ отъ преосвященнаго въ подарокъ листокъ найденной имъ пергаменной псалтири XI в., послужившій впослѣдствіи поводомъ къ возникновенію сношеній Востокова съ Евгеніемъ, а затѣмъ и съ гр. Румянцовымъ (см. ниже). Тогда же Кеппенъ съ И. А. Гарижскимъ снялъ копію съ надписи на Оршинскомъ „Рогволодовомъ“ или „Борисовомъ“ камнѣ, а также срисовалъ и самую часовню надъ нимъ (см. его „Списокъ русскимъ памятникамъ“, М. 1822, стр. 46).

Къ тому же году относится попытка г. Румянцова воспользоваться пріѣхавшимъ тогда въ Москву знаменитымъ впослѣдствіи сербскимъ патріотомъ-ученымъ и культурнымъ дѣятелемъ Вукомъ Караджичемъ для цѣлей уже не русской, а славянской археографіи. 22 іюня 1819 года канцлеръ сообщилъ Малиновскому, что Караджичъ принялъ на себя обязательство объѣхать на его, канцлера, счетъ „всѣ области Славянскаго поколѣнія, отыскивая въ каждой древніе сихъ народовъ документы и лѣтописи“. Графъ полагалъ, „взявъ въ уваженіе всю способность“ Караджича къ такому предпріятію, что онъ „въ правѣ ожидать отъ таковаго предпріятія важныхъ послѣдствій“ [3]). Надежды эти, однако, не сбылись, и спустя 16 лѣтъ Вукъ писалъ Шишкову, что „разныя обстоятельства, отъ него не зависѣвшія, не позволили ему воспользоваться тогда симъ счастливымъ случаемъ“ [4]). Какъ бы то ни было, въ этомъ неудавшемся предпріятіи снова сказалась безкорыстная и энергичная забота знаменитаго канцлера о развитіи у насъ просвѣщенія и науки, и едва ли можно винить его за неудачу, какъ это дѣлалъ Копитаръ въ письмѣ своемъ къ Добровскому отъ 14 февр. 1826 г. [5]).

Слѣдующій 1820 годъ былъ менѣе богатъ открытіями и ра-

---

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. I. Воронежъ, 1868 г., стр. 19.

[2]) Тамъ же, стр. 20.

[3]) Чтенія въ Общ. ист. и др. 1882 г., кн. 1, стр. 123.

[4]) Сухомлиновъ, Исторія Росс. Академіи, т. VII, стр. 587.

[5]) Сборникъ отд. р. яз. и слов. И. А. Н. т. 39, 1885 г., стр. 691. Переписка Добровскаго и Копитара.

ботами въ разсматриваемой области. Неутомимый Калайдовичъ продолжалъ, правда, для гр. Румянцова свои поиски рукописей (преимущественно у разныхъ торговцевъ ими), сообщая постоянно о своихъ находкахъ графу (нерѣдко съ довольно подробными описаніями и выдержками), но среди нихъ не попадалось ни особенно древнихъ, ни цѣнныхъ въ лингвистическомъ отношеніи. Такъ въ письмѣ отъ 8 марта 1820 г. онъ пишетъ графу о видѣнной имъ у купца Шульгина рукописи 56 обличительныхъ бесѣдъ Зиновія Отенскаго о ереси Ѳеодосія Косого, давая ея описаніе и довольно длинную выдержку [1]). Около этого же времени онъ изготовилъ для Румянцова „подробное и любопытное изслѣдованіе“ о купленной послѣднимъ рукописной библіи, оказавшейся, однако, „довольно раннимъ спискомъ“ съ библіи Скорины [2]), а въ концѣ марта мѣсяца послалъ свѣдѣнія о найденныхъ имъ сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго [3]).

Гр. Румянцовъ по этому поводу писалъ 5 апр. 1820 г. А. Ф. Малиновскому: „г. Калайдовичъ, сдѣлавъ мнѣ пространное и прелюбопытное объясненіе найденныхъ имъ разныхъ поученій Кирилла, Туровскаго епископа, почитаетъ, что полезно бы было издать сей трудъ древняго и краснорѣчиваго писателя“. Тутъ же говорилось о форматѣ предполагаемаго изданія (4°), о его дополненіи, въ случаѣ надобности, „сочиненіями Словесности того же вѣка“, и заглавіи („Древняя Русская Словесность XII вѣка“). Въ заключеніе Румянцовъ высказываетъ надежду, что появленіе названнаго изданія сдѣлаетъ „большое воззрѣніе“ и будетъ его достойно.

О томъ же графъ сообщалъ 6 апр. 1820 г. Евгенію Болховитинову: „я не письмо, а тетрадь въ видѣ письма получилъ отъ г. Калайдовича; оно содержитъ прелюбопытное извѣстіе о найденныхъ имъ нѣсколькихъ духовныхъ и краснорѣчивыхъ сочиненіяхъ Кирилла Епископа Туровскаго. Сей памятникъ словесности нашей XII вѣка безъ сумнѣнія заслуживаетъ особенное уваженіе, и я, не медля ни мало поручилъ ему подъ надзоромъ Алексѣя Федоровича (Малиновскаго) приступить къ напечатанію сего любопытнаго творенія. Письмо г. Калайдовича дѣлаетъ ему большую честь, обозначая способности и особенныя познанія древ-

---

[1]) «Чтенія въ общ. ист. и др. росс.», 1862, кн. 3, стр. 159—161.

[2]) См. письмо Румянцова къ Калайдовичу отъ 31 марта 1820 г., тамъ же, стр. 161—62.

[3]) Тамъ же, стр. 162.

ностей нашихъ и т. д.“ [1]). Тогда же графъ высказалъ Калайдовичу свое желаніе, чтобы вновь найденные памятники XII вѣка были изданы на его, графа, счетъ, прибавляя: „Довольно сказать Вамъ не могу, сколь много утѣшаюсь надеждою скоро сдѣлать таковой важный подарокъ всѣмъ любителямъ отечественныхъ древностей и того, что ему въ отличіе“ [2]).

Вскорѣ послѣ этого, въ письмѣ отъ 26-го апрѣля Румянцовъ подтвердилъ А. Ѳ. Малиновскому свое согласіе, чтобы „сходно съ запискою своею г. Калайдовичъ приступилъ къ изданію“ твореній Кирилла Туровскаго, присовокуня къ нимъ „преложеніе на нынѣшній языкъ“. При этомъ графъ просилъ также передать Калайдовичу „списокъ съ нѣкоторой главы Остромирова Евангелія, который онъ желалъ имѣть“ и сообщить, что письмо его (очевидно, о Кириллѣ Туровскомъ), согласно его желанію, было доведено до свѣдѣнія Востокова [3]). Занятый новымъ порученіемъ, Калайдовичъ тѣмъ не менѣе продолжалъ и ранѣе начатыя работы и уже 3-го мая выслалъ графу обработанныя двѣ первыя главы своего труда объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ [4]). Планъ этого изданія графъ одобрилъ въ письмѣ къ А. Ѳ. Малиновскому отъ 16-го мая, находя, что онъ „хвалы достоинъ и многую способность обозначаетъ: но долженъ быть обработанъ съ большою предусмотрительностію и не торопясь“, уже послѣ изданія Кирилла Туровскаго [5]).

6 іюня 1820 г. Калайдовичъ имѣлъ уже возможность отправить графу III главу своего труда объ Іоаннѣ Экзархѣ; въ письмѣ своемъ отъ названнаго числа онъ, кромѣ того, писалъ о планѣ изданія сочиненій Кирилла Туровскаго и указывалъ палеографическіе снимки, которые, по его мнѣнію, слѣдовало бы приложить къ изслѣдованію объ Іоаннѣ Экзархѣ [6]). 10-го іюля онъ сообщалъ графу краткое описаніе видѣннаго имъ въ Покровскомъ монастырѣ пергаменнаго евангелія отъ Матѳея съ толкованіемъ Іоанна Златоуста, „судя по почерку“, XV в., а также рукописнаго Апостола съ толкованіемъ XVI в. и старопечатнаго „Евангелія учительнаго“, напечат. по повелѣнію Гедеона Балабана въ Крилос-

---

[1]) См. Переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. I. Воронежъ, 1868, стр. 31.

[2]) См. „Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1862 г., кн. 3, стр. 162.

[3]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1, стр. 153.

[4]) Тамъ же, 1862, кн. 3, стр. 162.

[5]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1, стр. 157.

[6]) Тамъ же, стр. 159—161.

ской типографіи (въ Галиціи) въ 1606 г. [1]). Въ письмѣ отъ 30 сент. къ Богацкому (служащему при графѣ) Калайдовичъ говорилъ о малорусской „Кроникѣ зъ лѣтописцовъ стародавныхъ“ и т. д. кіевскаго игумена Ѳеодосія Сафоновича, языкъ которой, по его словамъ, „весьма замѣчателенъ, какъ древнѣйшій образецъ народнаго Малороссійскаго нарѣчія“ [2]). 5-го декабря отправлена была графу 4-я глава изслѣдованія о Шестодневѣ [3]), а 19 декабря Румянцовъ уже изъявлялъ Малиновскому свое удовольствіе по поводу того, что Калайдовичъ привелъ къ окончанію свой трудъ о рукописномъ Шестодневѣ Іоанна, экзарха Болгарскаго [4]). Вскорѣ послѣ этого, при письмѣ 22-го декабря, Калайдовичемъ была представлена графу „обстоятельная роспись“ 8-ми книгамъ, пріобрѣтеннымъ графомъ на Макарьевской ярмаркѣ. По словамъ Калайдовича, „въ числѣ оныхъ находятся довольно рѣдкія, но вообще не составляютъ особеннаго достоинства“ [5]). Письма Калайдовича къ графу за этотъ годъ богаты бѣглыми упоминаніями и о разныхъ другихъ рукописныхъ памятникахъ, содержаніе которыхъ, впрочемъ, не поддается опредѣленію, за отсутствіемъ указаній на него въ письмахъ. Графъ Румянцовъ въ свою очередь сообщалъ Калайдовичу о своихъ пріобрѣтеніяхъ, напр., о „пергаминномъ евангеліи“, которое А. И. Ермолаевъ считалъ относящимся къ XIV в. Недовѣряя, очевидно, этому опредѣленію, графъ 16 мая просилъ своего московскаго помощника „стараться, коли возможно, опредѣлить, къ какому вѣку принадлежитъ“, къ чему, по его мнѣнію, должны были „проложить путь“ святцы, приложенные къ евангелію [6]).

Въ томъ же году Калайдовичъ напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ двѣ статьи палеографическаго содержанія:

1) „Нѣчто о Славянскомъ переводѣ Кормчей и древнѣйшемъ оной спискѣ“ (ч. 110, № 5, стр. 22—32), гдѣ находимъ описаніе новонайденнаго древняго списка Рязанской Кормчей конца XIII в. (1284 г.), принадлежавшаго моск. купцу А. С. Шульгину, выдержки изъ него, нѣкоторыя общія палеографическія данныя (о матеріалѣ, почеркахъ, правописаніи и т. д.). Обращая между прочимъ вниманіе на древнія слова, встрѣчающіяся въ московскомъ печатномъ изданіи 1652—53 г. (*близоцы, дщермина (?)*=дочь, *кмотръ, не-*

[1]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я, стр. 163—164.
[2]) Тамъ же, стр. 165.
[3]) Тамъ же, стр. 166.
[4]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1-я, стр. 170.
[5]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я, стр. 166.
[6]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я, стр. 162.

тій, пасербъ, свѣсть, стрый, ятровица), Калайдовичъ приходилъ здѣсь къ заключенію, что памятникъ этотъ очень древній и переведенъ „въ землѣ южныхъ Славянъ". Главнымъ доказательствомъ въ пользу этого мнѣнія Калайдовичъ считалъ употребленіе въ данномъ спискѣ слова *клеть*, разсмотрѣнію котораго онъ посвящаетъ довольно много мѣста, прибѣгая къ сравненіямъ съ чешскимъ (по Краледворской рукописи) и сербскимъ. Въ этой же статьѣ упоминалась впервые „Славянская грамматика (подлинникъ въ Духовной типографской библіотекѣ), сличенная съ разными нарѣчіями языка сего и сочиненная въ Сибири" Юрьемъ Бѣлинымъ, т. е. „Граматично исказаніе" Крижанича. Въ заключеніе Калайдовичъ указывалъ другой равный по древности списокъ Кормчей, хранящійся въ Моск. Синод. библіотекѣ и писанный въ Новгородѣ около 1282 года.

2) „Библіографическія поправки (письмо къ Редактору)" (ч. 111, № 11, стр. 195—204), вызванныя письмомъ П. Свиньина въ № 1 „Отечественныхъ Записокъ" за 1820 г. [1]). Здѣсь Калайдовичъ исправлялъ неточности отзывовъ Свиньина о нѣкоторыхъ рукописяхъ библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого (Евангеліи XIII в. съ поддѣльной припиской, якобы 1072 г., спискѣ „Діоптры" XV в., а не XIII-го, какъ писалъ Свиньинъ, „Поучительныхъ словахъ" Кирилла Туровскаго въ пергаменномъ спискѣ XIII в., спискѣ нѣсколькихъ книгъ изъ библіи Скорины, приписанномъ себѣ нѣкіимъ Жугаевичемъ, котораго Свиньинъ наивно принялъ за подлиннаго автора рукописи, и т. д.).

Въ концѣ 1820 г. гр. Румянцовъ задумалъ возложить новое порученіе на Калайдовича. По поводу поѣздки Строева на счетъ графа въ Троицкую лавру „для свода и повѣрки тамъ находящагося манускрипта, о путешествіи въ Индію Афанасія Тверитянина", которое должно было войти въ предполагавшееся изданіе древнихъ русскихъ путешествій [2]), графъ писалъ А. Ѳ. Малиновскому 24 декабря 1820 г. о своемъ желаніи, „чтобы не одинъ г. Строевъ отправился, и не за однимъ только дѣломъ, а вмѣстѣ бы съ нимъ г. Калайдовичъ, дабы порядочно и по примѣру мною уже отъ нихъ полученныхъ каталоговъ, сдѣлали опись всѣмъ древнимъ рукописямъ, хранящимся въ библіотекѣ Троицкой Лавры". Графъ прибавлялъ, что только и ждетъ этого Лаврскаго

[1]) „Первое письмо изъ Москвы. Частныя Библіотеки, Галлереи, разныя собранія и т. д.", № 1. Май, стр. 59—83. О библіотекѣ гр. Толстого говорится на стр. 64—70.

[2]) Чтенія въ Общ. ист. и древн., 1882, кн. 1-я, стр. 171.

каталога, „чтобы пріобща къ прочимъ монастырскимъ, издать въ печать“, но настаивалъ, чтобы составленіе описи не поручалось одному Строеву, ибо „трудъ тогда только совершенъ будетъ, когда въ немъ участіе возьметъ г. Калайдовичъ“ [1]).

Строевъ въ этомъ году продолжалъ издавать Софійскую лѣтопись (по рукописи изъ собранія гр. Толстого, не позже начала XVI в.); 5 февраля 1820, препровождая А. Ѳ. Малиновскому вновь отпечатанные листы этого изданія (30—33), онъ спрашивалъ его, не прикажетъ ли гр. Румянцовъ, „для пользы палеографовъ нашихъ, приложить вѣрныя fac-simile со всѣхъ трехъ рукописей“, служившихъ при изданіи (Софійской, Воскресенской и Архивской), съ изображеніемъ и водяныхъ знаковъ въ ихъ бумагѣ [2]). Отвѣтъ графа не замедлилъ, и уже 29 февраля онъ просилъ Малиновскаго предписать Строеву, чтобы тотъ, „согласно съ собственною его мыслію снялъ и приложилъ къ изданію Софійскаго лѣтописца разныя Fac-simile, такъ и изображенія находящихся въ бумагѣ знаковъ“ [3]). Первая часть изданія Строева вышла изъ печати еще въ 1820 году подъ заглавіемъ „Софійскій Временникъ или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534 годъ. Издалъ П. Строевъ. Часть I, съ 862 по 1425 г. Москва, въ тип. Семена Селивановскаго, 1820“, 4°. 2 ненум. + XXVII + 456 + 2 ненум. При ней приложены были три таблицы, содержавшія снимки съ трехъ вышеназванныхъ рукописей, легшихъ въ основу изданія, и изображенія водяныхъ знаковъ. Страницы XXV—XXVII предисловія содержали „Описаніе рукописей, употребленныхъ при печатаніи Временника Софійскаго“.

Сверхъ работъ по изданію Софійскаго Временника, Строевъ лѣтомъ 1820 г. возобновилъ свою археографическія занятія. Въ этомъ году гр. Румянцовъ предпринялъ поѣздку по своимъ имѣніямъ Калужской, Рязанской и Тамбовской губ. и черезъ Малиновскаго вызвалъ себѣ на встрѣчу въ Тверь и Строева. 9-го іюня Строевъ получилъ отъ Малиновскаго предписаніе отправиться въ Боровскій Пафнутіевъ монастырь, составить „подробную роспись тамошняго хранилища манускриптовъ“ и разобрать монастырскій архивъ. Изъ Боровска Строевъ имѣлъ отправиться въ Серпуховъ для занятій „разборомъ и подробною описью библіотекъ и архивовъ тамошнихъ монастырей Высоцкаго и Владычняго“. При этомъ ему рекомендовалось по дорогѣ и въ означенныхъ городахъ „на-

[1]) Тамъ же, стр. 171—172.
[2]) Тамъ же, стр. 140.
[3]) Тамъ же, стр. 141.

вѣдываться": „не имѣется ли у кого въ *частныхъ рукахъ* какихъ либо рукописей или древностей". Въ Боровскъ Строевъ прибылъ вмѣстѣ съ канцлеромъ и, проживъ въ монастырѣ около трехъ недѣль, составилъ подробную роспись тамошнимъ рукописямъ, среди которыхъ нашлись только книги церковнаго обихода и сборники духовнаго содержанія, но ни лѣтописцевъ, ни хронографовъ не оказалось. Монастырскій архивъ содержалъ лишь вотчинныя дѣла не древнѣе конца XVII в. [1]). Роспись Боровскаго монастыря, вмѣстѣ съ другими описаніями Строева, увидѣла свѣтъ лишь въ 1893 г., напечатанная архим. Леонидомъ въ изданіяхъ Общества Любит. Др. Письм. (№ XCVIII), черновая же рукопись ея хранится въ библіотекѣ покойнаго гр. А. С. Уварова, въ селѣ Порѣчьѣ.

Въ библіотекѣ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря оказалось только четыре рукописныхъ книги, но всѣ позднія (напрестольное евангеліе XVI в., отрывокъ воскреснаго толковаго ев. XV в. и др. еще менѣе замѣчательныя), а въ женскомъ Владычнемъ монастырѣ не нашлось никакихъ рукописей [2]).

Палеографическія замѣчанія находимъ также въ разсмотрѣнномъ уже выше (стр. 778 и слѣд.) знаменитомъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ" Востокова, появившемся въ 1820-мъ году. Изъ него видно, что уже раньше Востоковъ занимался сличеніемъ Остромирова евангелія съ разными другими древними рукописями, которыя ему приходилось читать „либо въ подлинникѣ, либо въ вѣрныхъ копіяхъ" (въ томъ числѣ, повидимому, и съ двумя Изборниками Святослава). Сличеніе это привело Востокова къ убѣжденію, что правописаніе Остромирова Евангелія „принадлежитъ не XI вѣку и не Русскимъ Славянамъ", а древнему церковнославянскому языку чуть не IX вѣка. Рядомъ Востоковъ характеризуетъ правописаніе предисловія Іоанна Экзарха Болгарскаго къ переведенной имъ книгѣ Іоанна Дамаскина. „Вѣрный списокъ" этого предисловія, присланный Калайдовичемъ гр. Румянцову, изъ котораго Востоковъ приводитъ небольшую выписку, далъ ему возможность совершенно вѣрно опредѣлить русскій характеръ рукописи. Рядъ замѣчаній объ употребленіи юсовъ въ правописаніи разныхъ памятниковъ (въ рукописныхъ евангеліяхъ Публ. библіотеки, отрывкѣ Мѣсячной Минеи, Судебникѣ Казимира, короля Польскаго, принадлежавшемъ гр. Румянцову, сербскомъ харатейномъ Типикѣ или Служебникѣ XIV—XV в. и Краковскомъ Часословѣ 1491 г.), ь и ы—въ болгарскихъ и сербскихъ памят-

[1]) Барсуковъ, «Жизнь и труды Строева», Спб. 1878, стр. 39—40.
[2]) Тамъ же, стр. 41.

никахъ, Святославовомъ Сборникѣ 1076 г., Ѣвангеліи Имп. Публ. библіотеки 1393 г. и т. д., свидѣтельствуютъ о продолжительныхъ и глубокихъ занятіяхъ Востокова славянской палеографіей еще до начала 1820 г. („Разсужденіе" было уже вполнѣ закончено въ январѣ этого года).

1821 годъ принесъ съ собой окончаніе нѣкоторыхъ изданій и работъ, начатыхъ раньше и упомянутыхъ нами выше. Такъ, 2-го января 1821 г. Калайдовичъ извѣстилъ графа Румянцова, что скоро приступитъ къ печатанію „Памятниковъ русской словесности XII в." [1]; 21 января графъ писалъ Малиновскому, что утверждаетъ смѣту Калайдовича „на изданіе твореній Кирилла, епископа Туровскаго" [2], а 27-го января Румянцовъ уже просилъ Малиновскаго благодарить Калайдовича за присланные два отпечатанные листа изданія [3]. (Съ этого времени печатаніе шло безостановочно до выхода въ свѣтъ книги. Занятый этой и другими работами, Калайдовичъ не могъ принять на себя составленіе описи рукописямъ Троицкой Лавры, какъ этого желалъ графъ (см. выше, стр. 850). Послѣдній высказалъ свое сожалѣніе объ этомъ въ письмѣ къ Малиновскому отъ 27-го февраля 1821 г.: „Признаюсь Вамъ, что жалѣть буду, ежели безъ содѣйствія г. Калайдовича будетъ составляться опись Троицкой Лавры манускриптамъ. Опись манускриптовъ—не реестръ имъ, которой требуетъ одной только точности; для описи нужны пространныя познанія, навыкъ, и особенная догадка, простымъ словомъ и не очень благороднымъ можно бы это обозначить—особеннымъ чутьемъ; и такъ ежели г. Строевъ не предпринялъ путешествія, кажется, лучше его отложить до того времени, когда ничто не помѣшаетъ присоединить къ нему г. Калайдовича" [4]).

24 марта 1821 г. графъ писалъ Малиновскому, благодаря его за присылку отпечатанныхъ листовъ III тома „Собранія Госуд. Грамотъ", сочиненій Кирилла Туровскаго и каталога рукописей гр. Толстого, составлявшагося съ 1817 г. Строевымъ и Калайдовичемъ. Въ этомъ же письмѣ онъ проситъ своего помощника разрѣшить Калайдовичу прибавить къ изданію сочиненій Кирилла Туровскаго посланіе Митрополита Никифора, вопросы Кирика Нифонту, посланіе Митрополита Никифора къ Папѣ Римскому, и выражаетъ желаніе, „дать этой коллекціи наименованіе: *Памят-*

---

[1]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.", 1862 г., кн. 3-я, стр. 167.
[2]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1-я, стр. 173.
[3]) Тамъ же, стр. 174—75.
[4]) Тамъ же, стр. 176—77.

никъ Россійской Словесности XII вѣка", предоставляя уже Малиновскому рѣшить, можно ли будетъ включить въ изданіе и слово о Даніилѣ Заточникѣ [1]). Въ письмѣ же отъ 5-го мая графъ уже находилъ, что слово о Даніилѣ Заточникѣ „не токмо прилично, но даже должно помѣстить" въ издаваемомъ сборникѣ, какъ памятникъ XII в. [2]).

18-го іюля графъ извѣщалъ Малиновскаго, что получилъ отъ Калайдовича „заготовленную имъ пятую главу изслѣдованія сочиненій и перевода Іоанна Экзарха Болгарскаго" [3]), которое такимъ образомъ къ этому времени было закончено въ рукописи. Несмотря на очевидныя доказательства трудолюбія своихъ сотрудниковъ, канцлеръ все былъ недоволенъ ихъ кажущейся медлительностью. Такъ, 31-го іюля онъ писалъ Малиновскому: „Вы меня одолжите, коли приложить изволите стараніе о появленіи изданія Памятника Россійской словесности XII в. и Софійской лѣтописи" [4]), а 23 сентября опять повторялъ ему: „Между нами буди сказано, мнѣ кажется, изданіе Памятника словесности XII вѣка равно и Софійской лѣтописи тихо идутъ; поощряйте, пожалуйте, молодежь нашу къ любленію труда; но безъ попрека" [5]). Тѣмъ не менѣе 29 сентября черезъ Малиновскаго онъ далъ Калайдовичу новое порученіе пересмотрѣть рукописный сборникъ Очи Палейныя Киръ Ѳеодора (съ путешествіемъ Даніила Паломника и статьей о Стефанѣ Пермскомъ) и обозначить ея „достоинство и вѣкъ" [6]). Впрочемъ, изъ письма Румянцова къ Малиновскому отъ 2 октября уже видно, что онъ получилъ увѣренность въ скоромъ окончаніи „Памятника древней Россійской Словесности XII вѣка"; графъ выражаетъ по этому поводу особенное довольство трудами Калайдовича и высказываетъ намѣреніе подарить его табакеркою рублей въ 250—300 [7]). Въ концѣ ноября печатаніе „Памятника" было уже закончено, какъ писалъ объ этомъ Калайдовичъ Малиновскому 23-го числа, представляя и счетъ типографіи [8]), а 19 декабря могъ уже увѣдомить Малиновскаго о полученіи 15 экземпляровъ изданія, причемъ просилъ его „приготовить г. Калайдовича къ новымъ трудамъ, и заняться именно изданіемъ изслѣдованія его

---

1) Тамъ же, стр. 178—179.
2) Тамъ же, стр. 182.
3) Тамъ же, стр. 188 и 1862 г. кн. 3-я, стр. 167.
4) Тамъ же, 1882 г., кн. 1-я, стр. 190.
5) Тамъ же, стр. 193.
6) Тамъ же, стр. 194.
7) Тамъ же, стр. 195.
8) Тамъ же, стр. 198.

о древнемъ переводѣ экзарха Болгарскаго, и напечатаніемъ имъ же найденнаго очень древняго Сборника" (т. е. Святославова Изборника 1073 г.) [1]).

Вышедшій новый трудъ К. Ѳ. Калайдовича [2]), кромѣ древнихъ текстовъ, содержалъ также историко-литературное предисловіе, примѣчанія издателя (большею частію указанія варіантовъ и поправки) и два палеографическихъ снимка съ рукописи синодальной Кормчей XIII в. и списка слова на Вознесеніе Кирилла Туровскаго, принадлежавшаго гр. Толстому (гравиров. А. Флоровымъ). Кромѣ XV словъ Кирилла Туровскаго, здѣсь были изданы: Посланіе митроп. Никифора къ Владиміру Мономаху (по списку нач. XVI в.), Вопросы черноризца Кирика новгородскому епископу Нифонту (по списку тоже XVI в.), въ которыхъ Калайдовичъ отмѣчаетъ „слогъ вопросовъ и отвѣтовъ народный, разговорный, далеко уклонившійся отъ языка церковнаго" (стр. 171), Посланіе митроп. Іоанну къ папѣ Александру III (по тремъ спискамъ: XIV—XV и XVI вв.), Прибавленіе къ церковному уставу Новгородскаго и Бѣлогородскаго святителей (по спискамъ Новг. Кормчей XIII в. и гр. Толстого XVI в.), Посланіе заточника Даніила (по списку XVI—XVII в.) и Посланіе владимірскаго епископа Симона къ черноризцу Печерскому Поликарпу (по списку нач. XVI в.).

Появленіе этого труда не могло пройти незамѣченнымъ даже въ нашей скромной тогдашней литературѣ, которая отозвалась на него рецензіями въ „Вѣстникѣ Европы" 1822 г. (ч. 122, стр. 44—57, 130—138) и въ „Сынѣ Отечества" также 1822 г. (ч. 75, стр. 86—88). Первая, самая обширная, подписанная буквою М., содержала главнымъ образомъ изложеніе содержанія книги и нѣкоторыя замѣчанія относительно того, былъ ли Кириллъ Тур. авторомъ приписываемыхъ ему произведеній. Рецензентъ удивлялся, „сколько пищи для благонамѣреннаго любопытства" скрываютъ „древнія рукописи наши, тлѣющія въ казенныхъ и частныхъ библіотекахъ" (стр. 44), и заканчивалъ свою рецензію указаніемъ, что кромѣ текстовъ въ книгѣ „находятся историческія и критическія замѣчанія, весьма любопытныя и поучительныя". По его словамъ, „Г. Калайдовичъ съ отличнымъ успѣхомъ занимается изданіемъ древнихъ рукописей; знаетъ, какъ съ ними обходиться и любитъ свое дѣло. Свѣдущимъ охотникамъ до старины извѣстно

[1]) Тамъ же, стр. 201—202.

[2]) „Памятники Россійской Словесности XII в., изданные съ объясненіемъ варіантами и образцами почерковъ К. Калайдовичемъ. Москва. 1820 г., въ типогр. С. Селивановскаго (4°, XLI, 258).

какого труда стоитъ вѣрно, съ дипломатическою точностію, передать публикѣ текстъ древней рукописи. Къ счастію, Россія имѣетъ знаменитаго Мецената, умѣющаго цѣнить труды не блестящіе, но за то полезные и прочные" (стр. 138). Въ отвѣтъ Калайдовичъ напечаталъ статью „Въ защиту твореній Кирилла, Епископа Туровскаго" (мартъ, № 6, стр. 81—100), въ которой находимъ ссылки на рядъ знакомыхъ ему древнихъ рукописей.

Вторая рецензія (въ „Сынѣ Отечества") имѣла исключительно хвалебный характеръ. Изданіе Калайдовича здѣсь признавалось „книгой драгоцѣнной для любителей древней отечественной литературы". Рецензентъ указывалъ, что она „напечатана съ великимъ тщаніемъ"... и къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго „присовокуплены еще другіе не менѣе любопытные памятники словесности того же вѣка".

Отозвался на новое изданіе въ своей перепискѣ съ гр. Румянцовымъ и Евгеній, въ сужденіи котораго, однако, говорило несомнѣнное пристрастіе, быть можетъ, вызванное критическими замѣчаніями Калайдовича на біографическій Словарь Евгенія, въ которомъ онъ указалъ рядъ пропусковъ. Евгеній сообщилъ графу 13 янв. 1822 г., что получилъ „любопытную книгу" Калайдовича и „*наскоро* (курсивъ нашъ) посмотрѣлъ ее". Несмотря на это, онъ успѣлъ отмѣтить рядъ ошибокъ и произнесъ очень строгій приговоръ новому изданію. По словамъ суроваго критика, „Нифонтовы отвѣты хотя и съ древнѣйшихъ списковъ изданы, но очень неисправны, и ошибками замѣтны": издатель упустилъ извѣстное замѣчаніе филологической критики, „что не всегда древнѣйшіе списки лучше новѣйшихъ", и „часто догадками своими еще болѣе портилъ". Изъ имѣвшагося у него списка Евгеній дѣйствительно привелъ нѣсколько поправокъ къ текстамъ и чтеніямъ Калайдовича, но при этомъ не постѣснился даже утверждать, что Калайдовичъ сознательно лгалъ въ своихъ примѣчаніяхъ, изъ желанія противорѣчить ему, Евгенію, или „изъ охоты поправлять Исторіографа", и т. д. Въ концѣ письма утверждалось, будто „хвастливость, догадливость и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей (т. е. Калайдовича) давно всѣмъ извѣстна", и давалось обѣщаніе прочесть внимательнѣе всю книгу на досугѣ и, быть можетъ, сдѣлать еще какія нибудь замѣчанія [1]). Румянцовъ былъ опечаленъ этимъ письмомъ и писалъ Евгенію 26 января 1822 г.: „къ крайнему своему сожалѣнію вижу, сколько вы

[1]) Переписка митр. Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 53.

изволили при первомъ вашемъ обозрѣніи въ изданіи *Памятниковъ росс. словесности XII вѣка* замѣтить ошибокъ г. Калайдовича" [1]).

Экземпляръ своего изданія Калайдовичъ послалъ А. С. Шишкову, какъ „слабый знакъ глубочайшаго уваженія къ трудамъ вельможи, распространителя отечественнаго слова, которые часто служили руководствомъ" издателю [2]). Шишковъ отвѣчалъ пространнымъ письмомъ отъ 9 января 1822 г., въ которомъ благодарилъ Калайдовича за его „похвальные труды", сохранившіе „въ рѣчахъ Туровскаго" образцы такого краснорѣчія, какого было не найти въ XII в. во всей Европѣ. Шишковъ высказывалъ пожеланіе, чтобы Калайдовичъ, „отыскивая таковыя сокровенности, принесъ великую пользу нашему нынѣшнему языку и словесности удержаніемъ ихъ въ духѣ прямо русскомъ", и далѣе переходилъ къ изложенію своихъ обычныхъ мыслей о вредѣ чужихъ примѣровъ въ словесности, французскаго вліянія и т. д. „Удержите, естьли можно, вашими трудами сію заразу", взывалъ далѣе Шишковъ: „Отыщите побольше такихъ древнихъ сочиненій, которыя, хотя не скоро, но со временемъ показали бы намъ, что мы не отъ бѣдности языка пишемъ: *натура*, *порфира*, *философія*..., но отъ навыка, и что не возможно статься, чтобы мы сказать сего не умѣли, когда бы хотѣли" [3]). Такимъ образомъ значеніе труда Калайдовича не было и не могло быть понято Шишковымъ, узрѣвшимъ въ издателѣ его если не единомышленника, то по крайней мѣрѣ союзника и посмотрѣвшимъ на него лишь со своей очень узкой и личной точки зрѣнія.

Трудъ Калайдовича доставилъ ему отъ Россійской Академіи серебряную медаль. Предложеніе Шишкова, внесенное въ засѣданіе академіи 6 мая, гласило, что Калайдовичу за полезный трудъ его долженъ быть изъявленъ со стороны Росс. академіи „знакъ вниманія и признательности", въ видѣ серебряной медали. За отсутствіемъ тогда надлежащаго числа членовъ, предложеніе Шишкова получило законную силу лишь 29 августа, когда медаль и была отправлена въ Москву по назначенію [4]).

Изъ рукописныхъ находокъ или пріобрѣтеній, сдѣланныхъ гр. Румянцовымъ въ этомъ году, необходимо указать на покупку

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, ч. II. Берлинъ 1870, стр. 418.

[3]) Тамъ же, стр. 418—420.

[4]) „Извѣстія Россійской академіи", кн. XI. Спб. 1823, стр. 1—2.

имъ въ Одессѣ извѣстнаго пергаменнаго Холмскаго евангелія, о которой графъ сообщалъ Малиновскому 24 ноября 1821 г., и пергаменнаго же Апокалипсиса (XIII—XIV в.) [1]). По словамъ графа, „въ немъ стоитъ, какъ въ древнихъ Евангеліяхъ „куръ" и „мудящу жениху" гдѣ стоять слѣдовало; точной его древности опредѣлить нечѣмъ; но ясно, что уже въ концѣ XIV вѣка оно принадлежало Холмской Церкви потому, что на поляхъ самаго Евангелія находится данная отъ князя Юрія Даниловича Холмскаго церкви сей" [2]). Копію съ этой приписки графъ послалъ черезъ Малиновскаго Калайдовичу, который, возвращая ее Малиновскому, писалъ послѣднему 11-го декабря, что „самая рукопись должна быть весьма любопытна", и вызывался опредѣлить время ея написанія, если бы графъ прислалъ ее въ Москву. При этомъ Калайдовичъ обращалъ вниманіе Малиновскаго на „возможность пріобрѣсть много славянскихъ рукописей въ Галиціи, Молдавіи и Болгаріи", о чемъ „не мѣшало бы передать Канцлеру" [3]). Кромѣ того, благодаря Калайдовичу, графъ сдѣлался обладателемъ вышеупомянутой (стр. 843), никому еще не извѣстной „Тріоди постной", изданной Шв. Фіолемъ въ 1491 г. въ Краковѣ, за что и благодарилъ своего пособника въ письмѣ отъ 10 ноября [4]). При помощи Калайдовича совершались и другіе мелкіе покупки и розыски, обогащавшіе библіотеку графа, хотя и не представлявшіе ничего выдающагося въ отношеніи научной цѣнности.

Криптографической надписью на колоколѣ Саввино-Сторожевскаго монастыря и ея дешифровкой занимались М. С. Скуридинъ, кн. П. П. Лопухинъ и А. И. Ермолаевъ, которые и разобрали ее успѣшно [5]).

Въ концѣ 1821 года вышла изъ печати и вторая часть „Софійскаго временника", издававшагося Строевымъ [6]). Изъ жур-

[1]) См. Письмо митр. Евгенія Востокову отъ 19 дек. 1821 г., въ Сборникѣ отд. русск. яз. и слов. т. V, вып. II, стр. 23—24. Апокалипсисъ этотъ впослѣдствіи описанъ Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Румянц. музея» подъ № VIII (стр. 11). Ср. примѣчанія Срезневскаго къ вышеознач. письму: Сборникъ, т. V, вып. II, стр. 405.

[2]) «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882 г., кн. 1-я, стр. 199.

[3]) Тамъ же, стр. 200.

[4]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я, стр. 168.

[5]) См. письмо Ермолаева Востокову отъ 22 янв. 1822 г. въ «Сборникѣ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов.», т. V, вып. II, стр. 25.

[6]) «Софійскій Временникъ» и т. д. Часть вторая съ 1425 по 1534 г. 4°. Москва, въ тип. С. Селивановскаго. 1821. 4°. VII + 495 + 1 ненум. (дополненія и поправки). Къ ней были приложены и указатели: собственныхъ именъ (427—479 стр.) и геогр. именъ (стр. 471—489).

нальныхъ статей этого года къ палеографіи относится лишь небольшая замѣтка „О славянскомъ Евангеліи, бывшемъ въ Реймсѣ“, напечатанная въ „Сынѣ Отечества“ (1821 г., ч. 68, стр. 165—169) и представлявшая собой простой переводъ съ нѣмецкаго изъ извѣстной книги Добровскаго „Slavin“ (стр.275—79). Оригинально, но не ново было въ этой статьѣ лишь примѣчаніе Д. Языкова, указывавшее на Остромирово евангеліе, какъ на древнѣйшую русскую рукопись. Къ работамъ по изученію древнерусскаго языка въ отдѣльныхъ памятникахъ прибавилась статья Б. (Петра Буткова): „Нѣчто къ Слову о Полку Игоря“, явившаяся въ „Вѣстникѣ Европы“ (1821 г., ч. 121, стр. 34—63, 100—122). Статья эта снабжена была многочисленными примѣчаніями, подчасъ лингвистическаго характера, и содержала объясненія разныхъ темныхъ и древнихъ словъ и именъ, встрѣчающихся въ „Словѣ“ (лада, хоть, чага, Даждь-богъ, Стрибогъ, клюка, стружіе, Тмуторокань, Хрьсъ, шеломя и т. д.).

Въ 1821 году въ кружокъ Румянцова вошелъ и А. Х. Востоковъ, благодаря завязавшимся сношеніямъ его съ Евгеніемъ Болховитиновымъ. 23 августа этого года онъ обратился къ Евгенію съ письмомъ, прося прислать ему снимки съ нѣкоторыхъ рукописей, въ которыхъ онъ надѣялся найти матеріалъ для рѣшенія занимавшаго его тогда (еще въ „Разсужденіи“) вопроса о первоначальномъ употребленіи „юсовъ“ въ древней церковно-славянской письменности. На мысль обратиться къ Евгенію навелъ его П. И. Кеппенъ, собиравшій тогда матеріалы по славянской палеографіи и получившій отъ Евгенія въ подарокъ листъ древней рукописи XI-го вѣка (т. наз. Евгеніевской псалтири), представлявшей очевидное смѣшеніе носовыхъ гласныхъ съ „чистыми“ [1]). Евгеній отвѣчалъ Востокову 2-го сентября. Письмо начиналось комплиментами относительно „весьма любопытнаго“ разсужденія Востокова о славянскомъ языкѣ, которое „внимательными и глубокими замѣчаніями“ своими заставляетъ ожидать отъ автора его „такой Славянской грамматики, какой ни одно еще Славянское племя доселѣ не издавало“. Вмѣсто списковъ, Евгеній отправилъ Востокову самые листы Псалтири, „отысканные въ Новгородской архивѣ гніющихъ дѣлъ“, и другія свои рукописи, прося его пользоваться „всею сею посылкою, списывать съ нее fac-simile сколько угодно“ и возвратить со временемъ подлинники, „кои можетъ быть и еще кому-нибудь годятся изъ любителей старины“.

---

[1]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. V, вып. II. 1873, стр. 1—3.

Письмо свое Евгеній заключалъ просьбой „подарить насъ изданіемъ разныхъ азбукъ и строкъ изъ древнѣйшихъ рукописей разныхъ вѣковъ. Можетъ быть кто-нибудь разсматривая ихъ дастъ нелишній совѣтъ и для грамматики“ [1]).

Отвѣтъ Востокова (отъ 21 ноября) былъ кратокъ; онъ благодарилъ Евгенія за его „отмѣнную благосклонность“ и извѣщалъ, что, получивъ рукописи отъ Анастасевича, „немедленно занялся выпискою изъ нихъ всего, что ему казалось нужнымъ, а также... *снятіемъ начертанія буквъ*“. Но къ письму было приложено цѣлое обстоятельное палеографическое изслѣдованіе полученныхъ рукописей, занимающее въ академическомъ изданіи переписки Востокова 15 страницъ съ лишнимъ [2]).

Востоковъ распредѣлилъ полученныя имъ рукописи въ хронологическомъ порядкѣ, „основываясь на почеркѣ и на другихъ примѣтахъ“, при чемъ поставилъ во главѣ своего обзора отрывокъ изъ толковой псалтири XI в. („Евгеніевской“), за которымъ слѣдовали отрывки: изъ житія св. Θеклы (тоже XI в.), изъ житія св. Кодрата (XI—XIII в.), изъ Псалтири XII—XIII в., изъ службы въ страстную седмицу XIII—XIV в., изъ Минеи праздничной XIV в., изъ службы великопостной XIV—XV в., изъ Минеи мѣсячной XIV—XV в., изъ Минеи XV в. и изъ Псалтири XVI в. По обстоятельности и тщательности наблюденій, начитанности въ доступныхъ автору рукописяхъ и новости пріемовъ, это рукописное изслѣдованіе Востокова не имѣло ничего себѣ подобнаго во всей прежней нашей научной литературѣ и, можно сказать, сразу создавало у насъ цѣлую школу, цѣлую новую область научнаго знанія. Самъ Востоковъ въ послѣсловіи своего письма называлъ его „безконечнымъ“ и „содержащимъ цѣлый трактатъ палеографіи“, и, дѣйствительно, это былъ настоящій трактатъ, притомъ не имѣющій себѣ предшественниковъ. Но скромный Востоковъ не гордился своей работой. Напротивъ онъ проситъ Евгенія не отказать „въ нѣкоторыхъ наставленіяхъ и поправкахъ ошибокъ“, которыя онъ могъ сдѣлать „по малой опытности въ таковыхъ разысканіяхъ“. Точно такъ же онъ отклоняетъ здѣсь предложеніе Евгенія написать русскую палеографію, указывая на П. И. Кеппена, который „съ большимъ противъ другого успѣхомъ“ могъ бы предпринять подобный трудъ, „по неутомимому рвенію и прилежанію своему къ таковымъ занятіямъ“, и „по изобилію матеріаловъ, какіе онъ уже на сей предметъ собралъ

[1]) Тамъ же, стр. 3—5.
[2]) Тамъ же, стр. 6—22.

и еще собрать можетъ въ своихъ путешествіяхъ". По мнѣнію Востокова, „всѣхъ способнѣе" къ такому труду былъ бы его товарищъ по службѣ въ публичной библіотекѣ—А. И. Ермолаевъ, отвлекаемый, однако, служебными обязанностями отъ ученыхъ занятій. Да и самъ Востоковъ въ данномъ письмѣ жаловался на отсутствіе досуга, потребнаго „для скорѣйшаго завершенія" заданнаго имъ себѣ труда, „т. е. Славенской Грамматики", за которую онъ въ послѣдніе три года почти не принимался, „безпрестанно отвлекаемый казенною должностію".

Отвѣтное письмо Евгенія отъ 19 дек. 1821 г. свидѣтельствуетъ о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него изслѣдованіемъ Востокова. По его словамъ, „такихъ замѣчаній вообще о нашей Палеографіи" онъ еще „ни отъ кого не слыхивалъ". Евгеній отмѣчаетъ „глубокія свѣдѣнія" Востокова „въ древней нашей письменности" и его скромность, предоставляющую честь изданія „первой для насъ Палеографіи П. И. Кеппену, у котораго больше охоты, нежели терпѣнія и свѣдѣній на сіе дѣло... притомъ онъ уѣхалъ можетъ быть надолго изъ отечества нашего; собраніе-жъ своихъ fac simile поручилъ такимъ, которые не подорожатъ онымъ. Сверхъ сего... сбиралъ онъ только fac simile, а не разбиралъ ихъ критически". Ермолаевъ, по мнѣнію Евгенія, конечно, способнѣе Кеппена къ палеографіи, „но сего знатока у нашей словесности можетъ быть навсегда отняли его должности". Поэтому Евгеній снова повторялъ Востокову просьбу „издать намъ Палеографическую азбуку, не дожидаясь неизвѣстнаго исполненія чужихъ обѣщаній". Совершенно вѣрно замѣчалъ Евгеній въ концѣ письма, что если бы Востоковъ напечаталъ хотя бы только „тѣ любопытныя замѣчанія", которыя онъ сообщилъ ему въ письмѣ, то и они составили бы „доселѣ неизвѣстное у насъ руководство", въ сравненіи съ которымъ палеографическія примѣчанія Востоковскаго „Разсужденія" давали еще очень мало [1]).

Вскорѣ послѣ этого (23-го декабря), Евгеній писалъ гр. Румянцову: „Не знаю, извѣстенъ ли Вашему Сіятельству одинъ и можетъ быть у насъ единственный, скромный знатокъ русской палеографіи, занимающійся ею не такъ, какъ хвастуны, только проповѣдующіе себя знатоками, а ничего не дѣлающіе (Ермолаевъ и Кеппенъ?). Это Востоковъ, служащій въ Имп. публ. библ. По скромности его я недавно узналъ въ немъ сіи глубокія свѣдѣнія, по случаю сообщенныхъ мною ему нѣсколькихъ харатейныхъ тет-

[1]) Тамъ же, стр. 23. Отзывъ Евгенія о Кеппенѣ былъ не совсѣмъ справедливъ. Ср. примѣч. Срезневскаго, тамъ же, стр. 404—405.

радей. Я осмѣливаюсь приложить при семъ его письма ко мнѣ, доказывающія сіи его свѣдѣнія" [1]).

Въ отвѣтѣ своемъ отъ 19-го января 1822 г. гр. Румянцовъ называетъ письма Востокова къ Евгенію „прелюбопытными и преучеными", сообщая, что „прельщался ими до крайности" и снялъ съ нихъ списокъ. Графъ прибавлялъ: „давно я уже стараюсь, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; онъ отъ того отказывался всегда тѣмъ, что будучи страшный заика, очень страждетъ съ незнакомыми людьми... Я въ самой большой цѣнѣ держу давно г. Востокова. А. И. Ермолаевъ и онъ конечно бы могли составить съ большимъ успѣхомъ *россійскую палеографію*, а силы преусерднаго къ просвѣщенію г. Кеппена отнюдь къ тому недостаточны" [2]). Въ тотъ же день онъ писалъ самому Востокову, очевидно, съ цѣлью завязать съ нимъ болѣе близкія отношенія. Въ самомъ началѣ письма графъ сообщаетъ Востокову, что узналъ изъ „нѣкоторыхъ отрывковъ" его сочиненій (разумѣется, очевидно, палеографическое посланіе къ Евгенію), „какимъ глубокимъ познаніемъ древняго Россійскаго языка" онъ обладаетъ, и завѣрялъ его въ особенномъ своемъ уваженіи. Свѣдавъ, что Востоковъ занимается „сочиненіемъ древней Славянской Грамматики", графъ выписалъ изъ Вѣны все, что только тогда имѣлось печатнаго по славянскому языкознанію, и послалъ ему списокъ всѣхъ выписанныхъ книгъ, прося пользоваться ими, сколько захочетъ, а также указать еще какой-нибудь способъ „споспѣшествовать его трудамъ" [3]).

Отвѣтъ Востокова отъ 1-го мая 1822 г. былъ полонъ благодарностей за присланныя ему графомъ въ подарокъ разныя книги и реестръ выписанныхъ изъ Вѣны slavica. Онъ сообщалъ здѣсь и о своихъ занятіяхъ надъ двумя рукописями графа: Номоканономъ XVI в. и „прекраснѣйшимъ" спискомъ со Святославова сборника 1073 г. Первый онъ сличалъ съ двумя списками публ. библіотеки, а изъ второго извлекалъ матеріалы для слав. грамматики и словаря [4]).

Первое увлеченіе Востоковымъ у холоднаго и нѣсколько скептическаго Евгенія, однако, скоро простыло, и 30 мая 1822 г. онъ писалъ графу Румянцову уже въ иномъ тонѣ: „Востокова обѣща-

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ и т. д. Вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 52.

[2]) Тамъ же, стр. 55.

[3]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ, т. V, вып. II, стр. 24.

[4]) Тамъ же, стр. 26—29.

нія [1]) Вашему Сіятельству велики; но онъ такъ занятъ или лучше сказать развлеченъ многими должностями, что ничѣмъ пристально (!) не занимается и сверхъ того въ трудахъ медленъ и лѣнивъ" [2]).

Вскорѣ послѣ этого у Востокова завязались письменныя отношенія и съ К. Калайдовичемъ, и какъ разъ по поводу палеографическихъ интересовъ. П. И. Кеппенъ, находившійся тогда въ Вѣнѣ, просилъ Востокова доставить Калайдовичу „fac simile съ азбуки Остромирова евангелія крупнаго и мелкаго письма для Палеографической таблицы", которая, имѣла быть приложенной къ „Списку русскимъ памятникамъ" Кеппена, печатавшемуся тогда въ Москвѣ. Востоковъ „съ пребольшимъ удовольствіемъ" поспѣшилъ исполнить просьбу Кеппена, дававшую ему случай вступить „въ пріятную и поучительную переписку" съ Калайдовичемъ. Къ снимку съ азбуки Востоковъ присовокупилъ въ своемъ письмѣ довольно обстоятельныя палеографическія объясненія относительно употребленія тѣхъ или другихъ ея буквъ, являющіяся первой по времени болѣе подробной характеристикой правописанія Остромирова евангелія [3]). Характеристика эта дополняла то, что было сказано уже объ этомъ памятникѣ въ „Разсужденіи" Востокова.

Отвѣтъ Калайдовича отъ 30 іюня 1822 г. сообщалъ, что „начертанія письменъ Остромирова Евангелія, къ сожалѣнію, пришли поздно", такъ какъ „Списокъ" Кеппена уже былъ отпечатанъ. По той же причинѣ нельзя было уже ничего сдѣлать и съ палеографической таблицей Кеппена. По поводу мнѣнія Востокова, что шт Остромирова евангелія вм. щ есть признакъ болгарскаго или сербскаго (!) нарѣчія (въ письмѣ отъ 17 іюня), Калайдовичъ замѣчалъ, что шт встрѣчается и въ Сборникѣ Святослава 1073 г., а также въ народномъ русскомъ языкѣ (*шти* вм. *щи*, *свито* вм. *сще!)*, и затруднялся отнести его къ какому либо изъ слав. языковъ. Здѣсь же онъ высказывалъ догадку, встрѣчающуюся уже у Тредьяковскаго (въ „Разговорѣ объ ороографіи", см. выше, стр. 204), что щ есть простая лигатура изъ ш и т. Кромѣ того, Калайдовичъ дѣлился со своимъ корреспондентомъ и наблюденіями надъ употребленіемъ въ Святославовомъ сборникѣ буквъ з и ѕ, а также сообщалъ о ходѣ своего изслѣдованія трудовъ Іоанна

[1]) Повидимому, здѣсь идетъ рѣчь объ обѣщаніи Востокова Румянцову извлечь изъ рукописей бывшей библіотеки Залусскаго грамоты нашихъ великихъ князей, о которомъ писалъ графъ Евгенію 19 янв. 1822 г. (См. переписку Евгенія съ гр. Н. П. Румянцовымъ и т. д., вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 55).

[2]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. II, стр. 57.

[3]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 30—32.

Экзарха Болгарскаго, перечисляя рукописи, служившія ему матеріалами [1]). Востоковъ отвѣтилъ ему только мѣсяца черезъ три спустя, уже послѣ второго письма Калайдовича, о которомъ см. ниже.

Евгеній, несмотря на свой нѣсколько скептическій взглядъ относительно ожиданій, возлагаемыхъ на Востокова, все же продолжалъ заботиться о снабженіи его матеріалами. Такъ, 16-го іюля 1822 г. онъ писалъ Румянцову, что совѣтовалъ проф. Виленскаго университета Лобойку послать Востокову нѣсколько листовъ fac simile изъ Виленской пергаменной псалтири 1397, привезенной Лобойкомъ къ Евгенію. „Надобно побольше снабжать сего нашего палеографа такими документами“, прибавляетъ онъ [2]).

Лѣтомъ 1822 г. произошло, наконецъ, давно желанное личное сближеніе графа Румянцова съ застѣнчивымъ Востоковымъ, и 30-го іюля графъ писалъ Евгенію: „Наконецъ мнѣ удалось побѣдить то отвращеніе, которое г. Востоковъ имѣлъ со мною лично познакомиться единственно какъ страшный заика и не однажды уже съ нимъ и съ г. Ермолаевымъ я у себя обѣдалъ“ [3]). И Евгеній, и графъ Румянцовъ все лелѣяли надежду побудить Востокова къ составленію русской палеографіи и были имъ недовольны за то, что онъ обнаруживалъ мало склонности исполнить ихъ завѣтное желаніе. Такъ первый писалъ второму 10 сент. 1822 г.: „Умнаго Востокова надобно чаще побуждать къ скорѣйшему изданію *русской палеографіи*. Кеппенъ хочетъ упредить его и изъ Вѣны пишетъ къ петербургскому обществу соревнователей объ изданіи собранныхъ имъ азбукъ. Но Кеппенъ не имѣетъ столь основательныхъ свѣдѣній о семъ предметѣ“ [4]). Графъ отвѣчалъ на это 20 сентября: „Я сужу какъ вы, Милостивый Государь, что доброму Кеппену не по силамъ составлять *россійскую палеографію*: къ тому конечно его способнѣе гг. Ермолаевъ и Востоковъ, да по несчастію они оба принадлежатъ къ тому составу, который я уже давно называю *лѣнивое гнѣздо*“ [5]). Этотъ отзывъ, особенно въ примѣненіи къ Востокову, конечно, долженъ быть признанъ несправедливымъ. Старчески-нетерпѣливый, свободный отъ заботъ о кускѣ хлѣба и самъ научно не работавшій, графъ не хотѣлъ и не могъ понимать условій научной работы. Вѣчное понуканіе заваленнаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 32—34.

[2]) Переписка Евгенія съ гр. Н. П. Румянцовымъ и т. д. Вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 57—58.

[3]) Тамъ же, стр. 58.

[4]) Тамъ же, стр. 59.

[5]) Тамъ же, стр. 60.

работой Калайдовича, которое находимъ въ письмахъ Румянцова къ Малиновскому, было теперь перенесено и на Востокова, хотя бы только въ перепискѣ съ Евгеніемъ. Оба, Румянцовъ и Евгеній, точно забывали, что досуга для работы у Востокова, занятаго казенной службой въ нѣсколькихъ мѣстахъ, оставалось мало, и упрекали его въ медлительности и лѣни. Только впослѣдствіи графъ понялъ ошибочность подобнаго отношенія къ научной силѣ калибра Востокова и постарался поставить его въ лучшія условія для научной работы.

Въ концѣ августа 1822 г. графъ выѣхалъ изъ Москвы въ свое Гомельское имѣніе въ сопровожденіи Калайдовича, чтобы по пути вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть разныя древности и поискать рукописей. Калайдовичъ проводилъ графа только до Ржева [1]), гдѣ они и разстались 3 сентября: графъ продолжалъ свое путешествіе въ Гомель, а Калайдовичъ вернулся въ Москву. По дорогѣ путники посѣтили Воскресенскъ и Новоіерусалимскій монастырь, гдѣ осматривали рукописи монастырской библіотеки. Въ числѣ ихъ оказались три пергаменныхъ евангелія XIV в. (по показанію Калайдовича) и новый, драгоцѣнный памятникъ древне-русскаго письма XI в.—Пандекты черноризца Антіоха, занявшіе четвертое мѣсто въ ряду извѣстныхъ до того времени памятниковъ названной эпохи, послѣ Остромирова евангелія и двухъ сборниковъ Святослава. Въ пространномъ письмѣ къ Малиновскому отъ 7-го сентября Калайдовичъ описывалъ свое путешествіе и найденный новый памятникъ, въ почеркѣ котораго находилъ большое сходство съ открытымъ имъ же Святославовымъ сборникомъ 1073 г. Путешественники посѣтили еще города Волоколамскъ и Старицу, но не нашли тамъ ничего примѣчательнаго. Только во Ржевѣ имъ удалось пріобрѣсти семь цѣлыхъ рукописей (шесть—XVII вѣка, въ томъ числѣ толковое евангеліе „на бѣлорусскомъ нарѣчіи" 1666 г., и одну—XVI-го: Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго) и три пергаменныхъ листа, вырванныхъ изъ служебной Минеи [2]).

18 сент. Калайдовичъ сообщилъ о своей новой находкѣ и Востокову, препровождая вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему, согласно желанію гр. Румянцова, пергаменный нотный Стихирарь (по опредѣленію Калайдовича XIII или XIV в.). Пандекты Антіоха онъ ставилъ здѣсь уже на пятое мѣсто, ошибочно относя къ памятникамъ XI в. (на дѣлѣ XII—XIII) и Стихирарь библіотеки гр. Тол-

---

[1]) См. письмо графа къ Евгенію отъ 20 сентября: «Переписка Евгенія съ гр. Н. П. Румянцовымъ и т. д.», вып. 2-й, Воронежъ, 1885, стр. 60.

[2]) Чтенія въ Общ. ист. и др. Росс. 1882 г., кн. I, стр. 232—37.

стого, которому отводилъ четвертое мѣсто [1]). Востоковъ отвѣчалъ ему пространнымъ письмомъ (неизвѣстной даты), въ которомъ, на основаніи палеографическаго изслѣдованія, относилъ присланный ему Стихирарь къ концу XIV и даже началу XV в. Попутно онъ также характеризовалъ правописаніе даннаго Стихираря и вообще нотныхъ книгъ, указывая на постановку въ нихъ нотъ даже и надъ „полугласными“ ъ и ь, свидѣтельствующую по его мнѣнію о ихъ произношеніи, въ качествѣ гласныхъ. Такимъ образомъ Востоковъ высказывалъ здѣсь взглядъ, повторяемый въ наши дни, но уже съ весьма сомнительными преувеличеніями, А. И. Соболевскимъ. Къ находкѣ Пандектовъ Антіоха Востоковъ отнесся съ „живѣйшимъ участіемъ“, выражая желаніе имѣть о ней „обстоятельнѣйшее свѣдѣніе“. При этомъ Востоковъ сообщалъ, что по совѣту преосв. Евгенія ударился также, какъ и общій ихъ пріятель Кеппенъ, въ палеографію и составляетъ себѣ таблицу почерковъ слав. письма разныхъ вѣковъ и разныхъ странъ, причемъ успѣлъ уже замѣтить изъ собранныхъ матеріаловъ „несходство почерка одного и того же времени, по разныхъ странъ“. Въ доказательство онъ приводилъ разницу въ написаніи буквъ ѩ, ѥ, н, ю у великорусскихъ и червонорусскихъ писцовъ (XIV—XVII вв.). Къ перечисленнымъ Калайдовичемъ памятникамъ XI в. Востоковъ прибавлялъ здѣсь отрывки Евгеніевской псалтири и (ошибочно) пергаменную рукопись Іоанна Лѣствичника, принадлежавшую гр. Румянцову (на дѣлѣ XIII в., нынѣ въ Румянц. музеѣ). Предположеніе Калайдовича о томъ, что щ есть лигатура изъ ш и т, Востоковъ нашелъ „весьма вѣроятнымъ“, но областныя формы *шти* и *што*, вм. *еще*, правильно называетъ „областною отмѣною произношенія“, отдѣляя ихъ совершенно отъ вопроса объ употребленіи шт и щ въ славянскихъ рукописяхъ. Точно также онъ согласился и съ высказаннымъ у Калайдовича мнѣніемъ, что присутствіе ѿ не служитъ еще доказательствомъ глубокой древности рукописи, какъ было раньше думалъ самъ въ своемъ „Разсужденіи“. Въ заключеніе Востоковъ заявлялъ о нетерпѣніи, съ которымъ ожидалъ разысканій Калайдовича о древней болгарской письменности, прося его продолжать отыскивать и приводить въ извѣстность наши рукописныя сокровища—„трудъ столько же интересный и многообѣщающій для Русскаго Филолога, сколько для Эллиниста и Латиниста развертываніе Геркуланскихъ свитковъ“ [2]).

---

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. я. и слов., т. V; вып. II, стр. 36—37.
[2]) Тамъ же, стр. 37—41.

28 ноября 1822 г. Калайдовичъ снова писалъ Востокову, отправляя къ нему по порученію гр. Румянцова рукопись „Алфавита или толкованія иностранныхъ рѣчей и т. д.“. Изъ письма видно, что сочиненіе это давно уже было знакомо Калайдовичу, указывающему 6 списковъ его въ библіотекѣ гр. Толстого и одинъ въ Имп. публичной. Калайдовичъ признавался только, что „нигдѣ не встрѣчалъ имени собирателя“, и просилъ Востокова отъ имени графа обратить вниманіе на рукопись [1]).

Отвѣтъ Востокова отъ 12 дек. содержалъ цѣлое маленькое изслѣдованіе о составѣ Алфавита, на основаніи сличенія присланной рукописи съ двумя списками публ. библіотеки, съ указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ анонимные составители Алфавита черпали содержаніе (словари Берынды и Зизанія, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій). Кромѣ того Востоковъ снова возвращается здѣсь къ занимавшему его вопросу объ употребленіи юсовъ (въ Шестодневѣ 1263 г., у Іоанна Экзарха и т. д.). Въ заключеніе онъ проситъ разрѣшить его недоумѣнія относительно точности и подлинности правописанія въ выпискѣ изъ заподозрѣннаго имъ синод. евангелія 1144 г., напечатанной въ I томѣ исторіи Карамзина (примѣч. 529), и желаетъ знать судьбу палеографической таблицы Кеппена, которую тотъ предполагалъ приложить къ своему списку русскихъ памятниковъ. „Безъ нея, писалъ Востоковъ, списокъ Р. памятникамъ весьма неудовлетворителенъ. Если бы я, напримѣръ, видѣлъ образцы почерка и правописанія разныхъ изчисленныхъ имъ памятниковъ, то это много подвинуло бы мои познанія въ Палеографіи Русской“ [2]).

Разъясненія Калайдовича (въ письмѣ отъ 29 янв. 1823 г.) устранили всякія сомнѣнія Востокова въ подлинности даты синод. евангелія 1144 г., возникшія на основаніи подновленнаго правописанія въ выпискѣ изъ названнаго евангелія, напечатанной Карамзинымъ („Ист. Гос. Росс.“, т. I, прим. 529). Сообщенная Калайдовичемъ точная копія приписки доказала Востокову безспорную принадлежность рукописи къ XII вѣку [3]).

Въ поискахъ рукописей въ 1822 г. гр. Румянцовъ былъ не особенно счастливъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ рукописей, главнымъ образомъ XVII в., купленныхъ во Ржевѣ осенью 1822 г. (см. выше, стр. 865), графъ продолжалъ собирать списки разныхъ

[1]) Тамъ же, стр. 41.
[2]) Тамъ же, стр. 42—45.
[3]) Тамъ же, стр. 45—47.

Кормчихъ, которыми интересовался и Евгеній [1]). 10-го ноября графъ писалъ своему другу митрополиту: „Лишь мнѣ покажутъ списокъ съ Кормчей, я на него съ жадностію кидаюсь, считая, что мнѣ прокладываютъ дорогу вамъ угодить“ [2]). Интересовался Румянцовъ и списками Ветхаго Завѣта. О пріобрѣтеніи одного такого списка, на 50 лѣтъ болѣе ранняго, чѣмъ Острожская библія, онъ извѣщалъ Евгенія 19 янв. [3]). Еще раньше, весною 1822 г., онъ пріобрѣлъ пергаменное евангеліе, писанное „большимъ уставомъ, и, кажется, очень древнее“, но безъ юсовъ, хотя и съ „древнѣйшими вышедшими изъ употребленія литерами“, происходящее, по мнѣнію графа, изъ Новгорода („есть признаки, что нарѣчія новогородскаго“) [4]). 26 іюня графъ получилъ отъ Малиновскаго криптографическую надпись съ колокола Саввина монастыря, которая тогда интересовала многихъ, двѣ „стенографическія“ азбуки (очевидно, „тайнописи“) и списки своеручныхъ писемъ царя Алексѣя Михайловича. Въ письмѣ отъ 1-го іюля графъ благодарилъ Малиновскаго за эту посылку и въ свою очередь сообщалъ ему извѣстіе, что „въ Любскомъ архивѣ отысканы древнія бумаги на пергаминѣ всѣ и относящіяся къ Новугороду; изъ нихъ одна русская“. Копію съ этой послѣдней Румянцовъ посылалъ Малиновскому для повѣрки ея точности (безъ помощи оригинала!) [5]).

8 декабря 1822 г. графъ извѣщалъ Малиновскаго: „сегодня пріобрѣлъ рукопись любопытную, потому что писана въ 1370 г. на пергаминѣ, и содержитъ въ себѣ собраніе паремей, выбранныхъ изъ ветхаго завѣта“. Графъ прибавлялъ, что ему извѣстна рѣдкость древнихъ харатейныхъ списковъ Ветхаго Завѣта и просилъ своего корреспондента „сказать ему искренно“, не ошибается ли онъ, считая свое пріобрѣтеніе важнымъ, а также передать о немъ Калайдовичу [6]).

Гомельскій протоіерей І. Григоровичъ, еще раньше вошедшій въ составъ Румянцовскаго кружка, научныя сношенія съ которымъ завязались у него еще въ бытность студентомъ Спб. Дух. Академіи (въ 1815—19 гг.), собиралъ старинныя западно-русскія (бѣлорусскія) грамоты, изданіе которыхъ было поручено ему гр. Ру-

[1]) См. Переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ вып. II. Воронежъ, 1885; письмо графа къ Евгенію отъ 19 янв. 1822 г. (стр. 54—55).

[2]) Тамъ же. стр. 63.

[3]) Тамъ же, стр. 54—55.

[4]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и др. Росс. 1882 г., кн. 1, стр. 221, и 1862 г., кн. 3-я, стр. 171.

[5]) Тамъ же, 1882 г. кн. 1, стр. 225—26.

[6]) Тамъ же, стр. 248.

мянцовымъ. 10 сентября Евгеній извѣщалъ графа о „драгоцѣннѣйшей находкѣ старинныхъ русскихъ и бѣлорусскихъ грамотъ", сдѣланной Григоровичемъ въ Могилевѣ. Евгеній получилъ „и реестръ симъ находкамъ", среди которыхъ нашелъ много любопытнаго. По его словамъ, „надобно еще поискать такихъ-же рѣдностей въ Витебскѣ, Мстиславѣ и Оршѣ, и во всей Бѣлоруссіи" [1]).

Кромѣ того Григоровичъ описывалъ для гр. Румянцова древнія рукописи, въ томъ числѣ пергаменную Лѣствицу, пріобрѣтенную канцлеромъ въ Гомелѣ и бывшую въ рукахъ нашего палеографа всего три дня. Несмотря на такой короткій срокъ, Григоровичъ прислалъ въ своемъ письмѣ къ графу отъ 5 іюня 1822 г. довольно обстоятельное палеографическое описаніе рукописи, хотя и „не осмѣлился дать рѣшительное сужденіе о древности манускрипта", охотно принимая „въ семъ случаѣ приговоръ славныхъ нашихъ антикваріевъ, къ коимъ питалъ въ своей душѣ отличное уваженіе" [2]).

Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 19 іюня канцлеръ извѣщалъ „гомельскаго протоіерея": „Всѣ Ваши замѣчанія на счетъ харатейной книги важны и свидѣтельствуютъ отличное познаніе Ваше, и о томъ, читая у меня письмо Вашего Высокопреподобія, А. И. Ермолаевъ и Г. Востоковъ, судили также" [3]). Востоковъ возводилъ было эту рукопись даже къ XI в., но позже перемѣнилъ свое мнѣніе и отнесъ ее къ XIII в. [4]).

Въ концѣ 1822 года гр. Румянцовъ пріобрѣлъ также пергаменный Октоихъ „въ двухъ претолстыхъ томахъ", который хотя и не принадлежалъ „къ самымъ древнимъ рукописямъ", но, по мнѣнію графа, „во многомъ отношеніи имѣлъ свое отличіе" и внушалъ ему увѣренность, „что г. Востоковъ съ любопытствомъ ее разсматривать будетъ" [5]).

Калайдовичъ, кромѣ текущихъ работъ по изданію памятниковъ, получилъ еще новое порученіе отъ графа: свѣрить текстъ Молитвы Господней, въ пергаменномъ Апокалипсисѣ, пріобрѣтенномъ графомъ черезъ Калайдовича же (см. выше, стр. 858), съ текстами ея „въ древнихъ харатейныхъ Евангеліяхъ Патріаршей Библіо-

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. II. Воронежъ. 1885, стр. 59—60.

[2]) «Чтенія въ Общ. ист. и др.», 1864 г., кн. 2-я, стр. 70—74.

[3]) Тамъ же, стр. 74.

[4]) См. письма его къ Калайдовичу послѣ 18 сент. 1822 г. и 19 дек. 1824 г. въ Сборникѣ отд. р. я. и слов., т. V, вып. II, стр. 39 и 157, 410, ср. также «Опис. рукоп. Румянц. музея». стр. 253, № CCXCIX.

[5]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 173.

теки, и въ тѣхъ, коими хвалится Московскій Соборъ и многіе наши монастыри и даже отличная библіотека графа Толстого", и показать „рѣшительно, преходя разные вѣка сихъ древнихъ Евангелій, до котораго вѣка продолжали писать во Св. Евангеліи Господню Молитву столь перемѣнно отъ нынѣшняго, и къ какому вѣку принадлежитъ введеніе въ рукописныя Евангелія по нынѣшнему образцу сей Молитвы Господней". Подобное изысканіе Румянцовъ намѣревался поручить сдѣлать въ Петербургѣ (А. И. Ермолаеву), въ Новгородской Софійской библіотекѣ и въ Кіевѣ [1]. Вопросъ о текстѣ Молитвы Господней, по мнѣнію графа, долженъ былъ „имѣть большое вліяніе на опредѣленіе временъ Евангелія *харатейныхъ* списковъ", и потому онъ считалъ весьма полезнымъ „пересмотрѣть и списывать Молитву Господню изъ всѣхъ харатейныхъ Евангелій съ обозначеніемъ по возможности сихъ рукописей вѣка". Съ такимъ порученіемъ графъ обратился и къ Евгенію, прося его приказать въ соборахъ самого Пскова и уѣздныхъ городовъ его епархіи, а „также и въ монастыряхъ, гдѣ только находятся харатейныя рукописныя Евангелія, выписать изъ нихъ Молитву Господню". Списки эти должны были быть препровождены къ Евгенію, и графъ надѣялся, что тотъ не откажется подарить ихъ ему, „присовокупя къ нимъ свое ученое замѣчаніе". Въ Новгородѣ съ такой же просьбой графъ „обратился къ своему корреспонденту отцу протоіерею, Захарію Скородумову", рвеніемъ котораго былъ „безъ сомнѣнія доволенъ", прося, однако, и Евгенія подкрѣпить эту просьбу своимъ предстательствомъ. Графъ предполагалъ, что однообразный новѣйшій текстъ Молитвы Господней установился только со времени „начатія въ Острогѣ печатанія книгъ" До этого же времени она имѣла иной видъ „въ нѣкоторыхъ ея членахъ, въ изрѣченіяхъ и даже въ смыслѣ прошенія" [2]. Кромѣ этого порученія графа, Калайдовичъ продолжалъ исполнять и другія. Такъ 2-го іюля графъ благодарилъ его за различныя доставленныя ему „прелюбопытныя и преполезныя нѣкоторыхъ нашихъ древностей или рукописей объясненія" [3], а 13-го октября—за описаніе всѣхъ рукописей, пріобрѣтенныхъ во Ржевѣ и т. д. [4].

Сверхъ порученій графа Румянцова, на Калайдовичѣ лежали

[1] «Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. Росс.» 1862 г., кн. 3-я, стр. 169 «Переписка Евгенія съ гр. Н. П. Румянцовымъ» вып. II, Воронежъ 1885, стр. 54.

[2] Переписка Евгенія, вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 53—54.

[3] «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862, кн. 3, стр. 170.

[4] Тамъ же, стр. 171.

въ это время и другія работы. Такъ подъ его надзоромъ печатался „Списокъ русскимъ памятникамъ“ Кеппена, о которомъ см. ниже [1]). Дѣятельное участіе (вмѣстѣ со Строевымъ) продолжалъ принимать онъ въ составленіи и изданіи каталога рукописей гр. Ѳ. А. Толстого, которому писалъ 22 апрѣля 1822 г.: ...„Нашимъ руководствомъ служитъ извѣстнѣйшій каталогъ Маттея Греческимъ рукописямъ Синод. библ., отъ котораго мы ни мало не уклоняемся... при составленіи Каталога мы пользуемся прочными правилами, которыя удержавъ до конца изданія, можемъ быть увѣрены въ безсиліи нареканій. Въ предисловіи... будутъ поставлены на видъ важнѣйшія рукописи по всѣмъ частямъ наукъ“... Черезъ полгода, 21-го октября, онъ извѣщалъ графа: ...„Каталогъ... приходитъ къ совершенному окончанію. Вчера исправленъ 45 листъ; остается послѣдній 46-й, которымъ заключатся дополненія. Къ сожалѣнію, мы не можемъ присоединить рукописей, находящихся у Исторіографа и Лѣтописи съ рисунками, пріобрѣтенной Вами въ Петербургѣ. По отпечатаніи послѣдняго листа, будетъ приступлено къ индексу или указателю писателей, переводчиковъ и владѣльцевъ книгъ: безъ сего пособія трудно приняться за предисловіе... Въ семъ видѣ появится Каталогъ рукописей въ публику, совершенно отдѣльный отъ печатныхъ книгъ, которыя составятъ особенное изданіе. Къ нему присоединится портретъ Вашего Сіятельства... и образецъ древнѣйшей рукописи Стихираря XI в., уже награвированный. Къ Новому Году или февралю Каталогъ рукописей надѣемся... совершенно кончить“. Въ заключеніе прибавлялось, что многіе нѣмецкіе ученые, по сообщенію Кеппена, ждутъ съ нетерпѣніемъ выхода каталога, а Копитаръ и Бандке уже просили о присылкѣ экземпляровъ. Митрополитъ Евгеній, которому посылались листы каталога, также писалъ, что каталогъ во многихъ отношеніяхъ былъ ему полезенъ при составленіи его Словаря русск. писателей [2]).

Лѣтомъ 1822 г. вышла въ свѣтъ III-я часть Собранія Гос. Грам. и Договоровъ, содержавшая грамоты царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. Печатаніе ея было закончено въ іюнѣ мѣсяцѣ [3]), а въ іюлѣ она уже была поднесена императору, который благодарилъ графа особымъ рескриптомъ отъ 2-го августа 1822 г. [4]). Въ самомъ концѣ 1822 года гр. Румян-

---

[1]) Тамъ же, стр. 122.
[2]) Тамъ же, стр. 130—131.
[3]) Тамъ же, 1882 г. кн. 1-я, стр. 224.
[4]) Тамъ же, 1862, кн. 3-я, стр. 170.

цовъ уже предпринялъ новое изданіе подобнаго рода, а именно собраніе Бѣлорусскихъ грамотъ, составленное о. I. Григоровичемъ. 26 дек. графъ писалъ Малиновскому: „Вашему П-ву уже извѣстно, что я собираюсь печатать въ Москвѣ и подъ надзоромъ Вашимъ древнія Бѣлорусскія грамоты особымъ изданіемъ. Между ими находятся, опричь русскихъ, латинскія и польскія и т. д.“ [1]). Въ началѣ слѣдующаго года уже началось и печатаніе этого изданія (см. ниже).

Въ 1822 г. отпечатана была и вторая часть „Софійскаго Временника“, изд. Строевымъ, выходъ которой въ свѣтъ, однако, послѣдовалъ не раньше 1823 г.

Кромѣ того, въ 1822 году явился „Списокъ рускимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кеппеномъ“, напечатанный на средства гр. Ѳ. А. Толстого (Москва. Въ типогр. С. Селивановскаго. 1822. 8°. 12 ненум. стр. + VIII + 119). Списокъ этотъ имѣетъ почти исключительно библіографическій характеръ и лишенъ необходимой наглядности, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было снимковъ. Авторъ составилъ было палеографическую таблицу, но, какъ мы видѣли выше (стр. 863), она запоздала, и книжка вышла безъ нея. Отзывъ Востокова о ней мы уже знаемъ (см. выше, стр. 867), а также и сужденія Евгенія и гр. Румянцова о палеографическихъ свѣдѣніяхъ Кеппена. Калайдовичъ тоже былъ невысокаго мнѣнія о нихъ. Извѣщая Востокова (29-го янв. 1823 г.), что Кеппенъ прислалъ ему „Палеографическую таблицу, къ сожалѣнію, очень поздно, когда уже списокъ былъ выпущенъ въ публику“, Калайдовичъ прибавлялъ: „впрочемъ, я имѣю причины не довѣрять и его таблицѣ: нашъ почтенный Петръ Ивановичъ, бывши въ Москвѣ, очень спѣшилъ и хотѣлъ сдѣлать однимъ часомъ то, что совершается мѣсяцами и годами“ [2]). Въ списокъ Кеппена, кромѣ извѣстныхъ въ то время рукописей, вошли не только надписи на монетахъ, образахъ и крестахъ, но даже и образцы мусіи (нѣкоторые безъ всякихъ надписей); чертежи разныхъ церквей, Изборская крѣпость, ея планъ и фасады; лампада Новгор. Собора, слывущая за лампаду св. Владиміра, сибирскія письмена на скалахъ и даже „изображеніе“ (?) сосуда съ куфическою надписью (!), и т. д. Послѣднія мѣста въ ряду перечисленныхъ въ книгѣ „памятниковъ“ (№ 173 и 174) занимаютъ, наконецъ, „двѣ Палеогра-

---

[1]) Тамъ же, 1882, кн. 1-я, стр. 253.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 45.

фическія таблицы буквъ, расположенныхъ по вѣкамъ, съ означеніемъ документовъ, изъ коихъ оныя взяты" (1-я отъ XI до конца XIV в., 2-я отъ начала XV в. до XVIII, или до изобрѣтенія гражд. азбуки. См. цит. сочин., стр. 117). Такимъ образомъ „Списокъ" Кеппена давалъ пеструю смѣсь археологическихъ памятниковъ съ письменными, притомъ также совершенно разнородными, и представлялъ собой просто родъ пространнаго оглавленія или текста къ задуманному, но не выполненному атласу археологическихъ рисунковъ и палеографическихъ снимковъ. Только этимъ можно объяснить присутствіе въ спискѣ „*памятниковъ*"— разныхъ „чертежей", „плановъ", „изображеній" и „таблицъ", притомъ не подлинныхъ, а составленныхъ, очевидно, для предполагавшагося изданія. Самыя описанія письменныхъ памятниковъ, въ родѣ Остромирова евангелія, Святославовыхъ сборниковъ 1073 и 1076 г. и т. д., довольно бѣглы и ограничиваются большею частью лишь внѣшностью рукописей, не входя въ характеристику ихъ графическихъ особенностей. Такимъ образомъ Кеппеновскій опытъ обзора русскихъ письменныхъ памятниковъ, служащій предшественникомъ подобнаго же обзора И. И. Срезневскаго, появившагося 40 лѣтъ спустя („Древніе памятники русскаго письма и языка" въ „Извѣстіяхъ" 2-го отд. т. X. 1861—63 г. и отдѣльно. Спб. 1866 г.), долженъ быть признанъ не особенно удачнымъ какъ по замыслу, такъ и по выполненію. Тѣмъ не менѣе всетаки онъ не могъ не отразить на себѣ успѣховъ нашей палеографіи и археологіи и давалъ перечень всѣхъ тогда извѣстныхъ памятниковъ, въ томъ числѣ нерѣдко только что открытыхъ и опредѣленныхъ. Такъ въ ряду памятниковъ XI в. находимъ Остромирово евангеліе, листокъ изъ Евгеніевской псалтири, подаренный Кеппену Евгеніемъ (см. выше, стр. 846), листокъ изъ житія св. Кондрата, также найденный Евгеніемъ, Тмутороканскую надпись и оба сборника Святослава [1]); изъ памятниковъ XII в. упомянуты: Мстиславово евангеліе, грамота вел. кн. Мстислава Володимировича и сына его Всеволода (1128—1132 г.), синод. ев. 1144 г., надпись на крестѣ Св. Евфросиніи, надпись на Рогволодовомъ или Оршинскомъ камнѣ, и т. д. Какъ библіографическое пособіе, книжка Кеппена, конечно, имѣла свою цѣну и могла оказать несомнѣнную помощь занимающимся языкомъ и палеографіей. Самъ Кеп-

[1]) О пандектахъ Антіоха, найденныхъ осенью этого же года Калайдовичемъ, Кеппенъ не могъ ничего сказать, такъ какъ книга его была отпечатана еще лѣтомъ, т. е. до находки названнаго памятника (см. письмо Калайдовича къ Востокову отъ 30 іюня 1822 г. въ «Сборникѣ» отд. р. яз. и слов. т. V, вып. II, стр. 32).

пенъ во время печатанія его „Списка“ уже былъ за границей, куда уѣхалъ въ самомъ началѣ 1822 г. въ научное путешествіе по славянскимъ землямъ и Европѣ, между прочимъ и съ палеографическими цѣлями [1]).

Въ 1822 г. изъ состава Румянцовскаго „кружка“ вышелъ Строевъ, подавшій въ августѣ этого года просьбу объ увольненіи его по разстроенному здоровью отъ должности главнаго смотрителя „Главной коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ“. Дѣло въ томъ, что отношеніе гр. Румянцова къ Строеву, прежде весьма благожелательное (см. выше, стр. 830 и 837—38), съ нѣкотораго времени измѣнилось. Вмѣсто благоволенія явились холодность и недовѣріе. Чѣмъ эта перемѣна была вызвана, сказать трудно, но, повидимому, произошла она не безъ вины со стороны Строева. Какъ бы то ни было, она несомнѣнно была скрытымъ, но въ то же время главнымъ мотивомъ ухода Строева изъ Коммиссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ круга ближайшихъ сотрудниковъ гр. Румянцова.

Изъ журнальныхъ статей 1822 г. къ разсматриваемой области знанія относились: 1) замѣтка Василія Берха: „Извѣстіе о Евангеліи, напечатанномъ въ Вильнѣ въ 1575 г.“ (Иваномъ Ѳедоровымъ), имѣвшая чисто библіографическій характеръ и языка памятника совсѣмъ не касавшаяся [2]), и 2) „Критическое разсужденіе о „Словѣ о Полку Игоревѣ“ Н. Ѳ. Грамматина (р. 1786 г., † 1827 г.), служившее введеніемъ къ новому переводу „Слова“ (изд. въ слѣдующемъ году) и примыкавшее къ разнымъ другимъ монографіямъ этого рода, разсмотрѣннымъ выше [3]). О языкѣ памятника здѣсь почти не говорилось, если не считать общей его характеристики, какъ „неправильной и не совсѣмъ вразумительной смѣси славянскаго съ русскимъ“. Смѣсь эта произошла будто бы вслѣдствіе того, что авторъ Слова „пѣлъ на языкѣ полуобразованномъ, отчасти мертвомъ (!), и потому не могъ не сбиваться на живое нарѣчіе, которое было совершенно варварское“ (стр. 118).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о древнерусской письменности давалъ Гречъ въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ (Спб. 1822). Какъ древнѣйшій памятникъ, здѣсь упоминалось Остром. евангеліе, рядомъ съ которымъ ставилось Синодальное 1144 г.; при этомъ указывалось, что „въ спискахъ свящ. книгъ

---

[1]) См. автобіографію Кеппена въ изданіи «Юбилей П. И. Кеппена». Спб. 1860, folio, стр. 6.

[2]) См. «Сѣверный Архивъ» 1822 г, ч. II, стр. 101—107.

[3]) «Вѣстникъ Европы» 1822 г., сентябрь, № 18, стр. 113—39.

разныхъ вѣковъ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны, сдѣланныя учеными (!) переписчиками", а также упоминались печатныя Острожскія изданія Новаго Завѣта съ Псалтирью 1580 г. и Библіи 1581 г. Къ памятникамъ XI в. Гречъ относилъ еще „Сборникъ 1046 или 1076 г., принадлежавшій Князю Щербатову", а къ XII в.—Мстиславово евангеліе, писанное до 1125 г., и Синодальное, 1144 г. Изъ грамотъ древнѣйшей онъ считаетъ грамоту Мстислава Владим. и его сына Всеволода, относя ее почему-то къ 1262 г. (!) и указывая на изданіе ея въ Вѣстникѣ Европы 1818 г. Къ этому присовокуплялись самыя общія свѣдѣнія о разныхъ типахъ почерка (уставъ, полууставъ, скоропись), съ указаніемъ времени ихъ употребленія (стр. 19—20). При біографическихъ свѣдѣніяхъ о разныхъ древнихъ писателяхъ указывалось и мѣсто нахожденія ихъ сочиненій въ разныхъ библіотекахъ (Луки Жидяты, лѣтоп. Нестора, митр. Никифора, паломника Даніила, Слова о Полку Игоревѣ, митроп. Фотія и др.). .

Къ книгѣ были приложены „Образцы Слав. и Рускаго языковъ разныхъ временъ" (изъ Остром. ев., печатной библіи, лѣтописи Нестора, поуч. Влад. Мономаха, Слова о П. Игоря, „изъ Софронія", изъ путеш. Аоанасія Никитина, библіи Скорины, сказки о Дракулѣ, Степенной книги и т. д., а также примѣры „Руськаго языка" изъ напеч. въ Острогѣ 1607 г. книги „Лекарство на оспалый умыслъ человѣчій" и изъ „Вѣнца Христова" Антонія Радивиловскаго", Кіевъ, 1688), не говоря уже объ образчикахъ русскаго языка XVII и XVIII в. (изъ сочиненій Кантемира, Тредьяковскаго, Сумарокова и т. д.). Такимъ образомъ научныя завоеванія наши первыхъ двухъ десятилѣтій XIX в., хотя въ неполномъ и неточномъ видѣ, всетаки отразились и въ учебной литературѣ этого времени (книга Греча, конечно, не можетъ быть отнесена къ произведеніямъ научной литературы).

1823 годъ былъ еще обильнѣе предыдущаго, если не появленіемъ новыхъ изданій, то неустанной скрытой, кабинетной работой ученыхъ дѣятелей этого времени, подготовлявшей будущіе ихъ труды и отразившейся въ ихъ перепискѣ. Востоковъ переписывался съ Калайдовичемъ объ интересовавшемъ его синод. евангеліи 1144 г., въ подлинности даты котораго было усомнился (см. выше, стр. 867), сличалъ два списка Алфавита, принадлежавшіе гр. Румянцову, съ такими же тремя списками Имп. публ. библ. и словарями Памвы Берынды, Л. Зизанія и Петра Алексѣева, послѣ чего намѣревался приступить къ сравнительному изученію двухъ Паремейниковъ (Имп. публ. библ., пис. въ 1271 г.,

и гр. Румянцова, 1370 г.)[1]; изучалъ такъ назыв. Милятин евангеліе XIII в. и далъ его описаніе въ письмѣ къ Калайдовичу[2]), который обратился къ Востокову (10 мая), прося указать ему какое-нибудь евангеліе этого вѣка для сличенія разныхъ редакцій Молитвы Господней[3]), предпринятаго по желанію гр. Румянцова (см. выше, стр. 869—70); открылъ среди рукописей графа Румянцова извѣстное Добрилово евангеліе 1164 г., возстановилъ слинявшее послѣсловіе его и далъ описаніе и краткую характеристику памятника въ письмѣ къ Калайдовичу послѣ 15-го іюня[4]); занимался вопросомъ „о древнѣйшемъ начертаніи числительнаго знака 900" въ древнерусскихъ рукописяхъ (Новгородской и Лавр. лѣтописяхъ, Сборникѣ 1073 г. и т. д.) и переписывался о немъ съ Калайдовичемъ[5]); изучалъ „Сказаніе о письменехъ" черноризца Храбра для полученія свѣдѣній „о составленіи азбуки Словенской"[6]); занимался изученіемъ Паремейника 1271 г. Имп. публ. библ., новаго списка Алфавита изъ библіотеки гр. Румянцова, харатейнаго Апокалипсиса нач. XIV в. (изъ той же библіотеки)[7]), сербскаго служебника XIV—XV в., котораго описаніе далъ въ письмѣ къ гр. Румянцову отъ 18 окт. 1823 г.[8]); другого служебника русскаго письма XIV в., найденнаго въ Полоцкѣ, и стараго списка нѣкоторыхъ частей Ветхаго Завѣта, который сличалъ съ печатными библіями (Первопечатною 1663 г. и Елизаветинскою)[9]).

Въ концѣ 1823 г. Востоковъ предложилъ гр. Румянцеву составить „толковую опись (catalogue raisonné)" рукописямъ его библіотеки. Онъ не скрывалъ отъ графа, что дѣло пойдетъ медленно, такъ какъ имѣлъ возможность отдавать осмотру рукописей лишь по полчаса три раза въ недѣлю, хотя „усердно желалъ бы посвятить половину своего времени" на описаніе рукописей Румянцова, „оставляя другую половину для таковаго же труда по

---

[1]) См. письма Востокова отъ 8 мая 1823 г.: гр. Румянцову и Калайдовичу въ «Сборникѣ статей» 2-го отд., т. V, вып. 2, стр. 48—51.

[2]) См. письмо Востокова къ Калайдовичу отъ 17-го мая, тамъ же, стр. 54—55.

[3]) См. письмо Калайдовича къ Востокову отъ 10-го мая, тамъ же, стр. 51.

[4]) Тамъ же, стр. 56—59.

[5]) См. письма Востокова къ Калайдовичу отъ 19 іюля и послѣ 14 августа, тамъ же, стр. 63—65 и 70—73.

[6]) Тамъ же.

[7]) См. письмо Востокова къ Калайдовичу отъ 9 окт., тамъ же, стр. 74—75.

[8]) Тамъ же, стр. 76—77.

[9]) См. письмо Востокова къ Румянцову отъ 17 декабря, тамъ же, стр. 81—82.

Имп. публ. библ.“ [1]). Предложеніе Востокова было желаннымъ для графа, который только и ждалъ этого случая. Мы видѣли уже выше, какія надежды возлагались на Востокова Румянцовымъ и его совѣтникомъ Евгеніемъ. Послѣдній освѣжилъ эти надежды письмомъ своимъ къ графу отъ 14 ноября, гдѣ писалъ: „Возвращаю и письмо Востокова [2]). Сей трудолюбивый и единственный для нашей палеографіи надежный знатокъ можетъ насъ просвѣтить въ сей наукѣ. Побудите его, Ваше С—во, скорѣе издать какія-нибудь правила для сей науки. У него ихъ много уже на примѣтѣ, и никто больше Вашего С—ва не ободритъ его и не поможетъ ему въ изданіи, а жизнь его болѣзненна“ [3]).

Не удивительно, если Румянцовъ поспѣшилъ отвѣтить Востокову полнымъ согласіемъ. Въ письмѣ отъ 28 декабря онъ писалъ скромному ученому: „съ благодарностію получа письмо... усмотрѣлъ я изъ онаго съ большимъ удовольствіемъ, чего давно желаю, чтобы Вы сложа часть Вашей казенной службы имѣли бы время сдѣлать описаніе рукописей, мнѣ принадлежащихъ, и вмѣстѣ посвятить Ваше время на пользу общаго просвѣщенія, по которому Вы бы могли оставить по себѣ вѣчный памятникъ. Въ началѣ февраля я собираюсь отсюда выѣхать въ Петербургъ, и тогда не трудно мнѣ будетъ съ Вами окончательно поставить, какое мнѣ должно будетъ воздать Вамъ приличное возмездіе за то жалованье, которое Вы могли бы лишиться, оставивъ одно изъ занимаемыхъ Вами казенныхъ мѣстъ“. При этомъ графъ препровождалъ къ Востокову новую покупку свою—„древній рукописной Псалтырь, съ замѣчаніями объ немъ Г. Калайдовича и... протоіерея Григоровича“ [4]).

Калайдовичъ, сверхъ раньше еще предпринятыхъ трудовъ по изданію и описанію памятниковъ, велъ научную переписку съ разными лицами, въ которой дѣлился результатами своихъ работъ и наблюденій. Востокову онъ далъ интересовавшія его свѣдѣнія о синод. евангеліи 1144 г., вмѣстѣ съ точной выпиской начала евангелія отъ Іоанна, которыя разсѣяли всѣ сомнѣнія петербургскаго палеографа въ подлинности памятника [5]);

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Письмо отъ 18 окт. о сербскомъ служебникѣ XIV—XV в., см. выше, стр. 876.

[3]) См. переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. II (Воронежъ, 1885), стр. 82.

[4]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов.» т. V, вып. II, стр. 82—83.

[5]) Тамъ же, стр. 45—46, письмо отъ 29 янв. 1823 г.

сообщалъ ему о своихъ опытахъ возстановленія смытыхъ строкъ (въ договорѣ Мстислава съ Ригою) [1]) и наблюденіяхъ надъ обозначеніемъ числа 900 въ разныхъ памятникахъ, перечисленныхъ имъ въ письмѣ (отъ 1 авг.) [2]) и т. д.

Для гр. Румянцова онъ продолжалъ составлять реестры его книжнымъ и рукописнымъ пріобрѣтеніямъ [3]); сообщалъ требовавшіяся имъ свѣдѣнія о разныхъ памятникахъ, присоединивъ, напр., къ письму отъ 5-го февраля „богатыя приложенія", заключавшіяся въ свѣдѣніяхъ о Діоптрѣ и трехъ рукописныхъ библіяхъ „Патріаршей библіотеки" [4]); получилъ порученіе снять facsimile съ листа харатейной псалтири, предлагаемой къ продажѣ купцомъ Пискаревымъ, и послать его Востокову, съ просьбой, чтобы тотъ по почерку и правописанію опредѣлилъ ея время [5]) и т. д.

Продолжая работать, кромѣ того, надъ каталогомъ рукописнаго собранія гр. Ѳ. А. Толстаго, онъ обратился къ владѣльцу собранія съ предложеніемъ (въ письмѣ отъ 22 марта), служащимъ, по его словамъ, къ украшенію каталога „и даже къ необходимому удостовѣренію въ означеніи столѣтій, въ которыхъ писаны рукописи. Сіе пособіе состоитъ въ приложеніи къ каталогу образцовъ почерка разныхъ вѣковъ, но только тѣхъ, въ которыхъ находятся ясныя примѣты, т. е. годы". Въ виду того, что образчикъ почерка XI в. уже былъ награвированъ (снимокъ со Стихираря, якобы XI в.), Калайдовичъ находилъ, что слѣдуетъ дать образцы почерка XIII в. (въ собраніи графа Толстого рукописей XII в. не было), XIV, XV, XVI и XVII вв. По мнѣнію Калайдовича, всѣ эти образчики можно было расположить всего на четырехъ доскахъ, и издержки гравированія и печатанія не должны были превысить 1.000 р. „Не могу представить Вашему С—ву, прибавлялъ Калайдовичъ, сколь сіе пособіе будетъ драгоцѣнно для занимающихся отечественной Палеографіею; оно же составитъ и первое въ семъ родѣ изданіе" [6]). Объ этомъ планѣ писалъ Калайдовичъ въ апрѣлѣ того же года П. И. Кеппену: „Теперь жду разрѣшенія Графа Ѳ. А. о награвированіи образцовъ почерка всѣхъ столѣтій (XI—XVII, только безъ XII), съ тѣхъ рукописей,

---

[1]) Тамъ же, стр. 60—62, письмо отъ 9 іюля.

[2]) Тамъ же, стр. 65—67.

[3]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 173. Письма гр. Румянцова къ Калайдовичу отъ 19-го янв. и 23 марта 1823 г.

[4]) Тамъ же, письмо гр. Румянцова къ Калайдовичу отъ 23 марта.

[5]) См. письмо графа къ Малиновскому отъ 26 окт. 1823 г., тамъ же 1882 г., кн. 1-я, стр. 270.

[6]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3-я стр. 131—32.

на которыхъ годы служатъ явственными примѣтами времени письма". Въ это время печатаніе каталога было уже закончено (45-мъ листомъ), и предстояло лишь напечатать указатель, который, какъ предполагалъ Калайдовичъ, долженъ былъ занять отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ. Совершенное окончаніе изданія должно было послѣдовать не ближе 3—4 мѣсяцевъ, но въ дѣйствительности каталогъ вышелъ только черезъ два года, весною 1825 года [1]). Кромѣ того, Калайдовичъ продолжалъ письменныя сношенія и съ Карамзинымъ, которому доставлялъ разные рукописные исторические матеріалы [2]).

Къ началу 1823 г. вышли уже изъ печати первые три листа труда Калайдовича объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, появленіе котораго давно съ нетерпѣніемъ ожидалось гр. Румянцовымъ. 4 янв. 1823 г. онъ писалъ Малиновскому: „Но сколько я былъ порадованъ присылкою трехъ уже отпечатанныхъ листовъ изслѣдованія о Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, что не въ силахъ сіе изобразить". Хотя содержаніе ихъ было уже извѣстно графу изъ рукописи, посылавшейся ему авторомъ по мѣрѣ ея изготовленія, графъ тѣмъ не менѣе восхищался напечатанными листами, „какъ новымъ неожиданнымъ появленіемъ. Сей трудъ, прибавлялъ онъ, увѣковѣчитъ имя Калайдовича. Я также непремѣнно желаю, чтобы гербъ мой ручался за то пламенное желаніе, которое я имѣлъ, довести до свѣдѣнія ученыхъ сіе важное сочиненіе" [3]). 5-го апрѣля графъ снова писалъ Малиновскому: „Вы много меня порадовали, давъ мнѣ знать, что предпочтительнѣе всему Константинъ Ѳедоровичъ занимается теперь Экзархомъ Іоанномъ. Я его собираюсь подарить, когда онъ окончитъ сей трудъ" [4]). 17 мая Калайдовичъ извѣщалъ Востокова: „...я привелъ къ концу мое долговременное разысканіе. Рукопись поднесена Канцлеру и принята съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ. Чрезъ полгода, если Провидѣніе подкрѣпитъ мои силы, книга явится Вамъ на судъ..." [5]). Наканунѣ этого дня, 16-го мая, о томъ же писалъ Востокову самъ канцлеръ: „г. Калайдовичъ вѣроятно вамъ дастъ отчетъ о прелюбопытномъ его трудѣ, относительно одной древней рукописи, перевода Экзарха Болгарскаго. Кажется нѣтъ сомнѣнія, что его изслѣдованіе принесетъ ему большую честь" [6]). Въ тотъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 126—27.
[2]) Тамъ же, стр. 118—119.
[3]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1-я, стр. 254.
[4]) Тамъ же, стр. 261.
[5]) «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов.». Т. V, вып. II, стр. 53.
[6]) Тамъ же, стр. 52.

же день Румянцовъ дѣлился своею радостію съ Евгеніемъ: „Я чрезвычайно доволенъ трудами г. Калайдовича, который даетъ понятіе о древнемъ славянскомъ переводѣ Іоанна Экзарха Болгарскаго, Меѳодія современника. Надобно думать, что чрезъ мѣсяцъ приступлено будетъ къ изданію сего преважнаго памятника древней Славянской Литературы“ [1]).

Несмотря на начавшееся печатаніе и извѣщенія друзей, что трудъ объ Экзархѣ Болгарскомъ уже законченъ, Калайдовичъ все еще продолжалъ работать надъ нимъ. Такъ даже 26 окт. онъ сообщалъ Востокову, что его „безпрестанно занимаетъ окончаніе изслѣдованія объ Ексархѣ Болгарскомъ“ [2]), а 11 декабря канцлеръ писалъ Малиновскому: „Вы мнѣ подали душевное услажденіе, сказавъ мнѣ столь много хорошаго относительно изслѣдованія объ Іоаннѣ Экзархѣ, которое, *кажется* (курсивъ нашъ), довершилъ г. Калайдовичъ. Вы изволите увидѣть, что по появленіи сего сочиненія онъ займетъ между литераторами мѣсто новое и отличное. Свидѣтельствуйте ему мое почтеніе...“ [3]).

Весною 1823 г. Калайдовичъ былъ занятъ еще печатаніемъ описанія своего путешествія въ Старую Рязань, совершеннаго въ іюлѣ 1822 г. для осмотра найденныхъ тамъ древностей. Книжка его, вышедшая подъ загл.: „Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологич. изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 г. древностей“ (М. 1823 г. 8°), содержала также нѣсколько словъ о надписяхъ (XVII в.) и рукописяхъ, видѣнныхъ Калайдовичемъ въ нѣкоторыхъ церквахъ и монастыряхъ Рязанской епархіи и у частныхъ лицъ [4]). Печатаніе „Писемъ“ на время отвлекло Калайдовича отъ работы надъ Іоанномъ Экзархомъ, какъ писалъ онъ Румянцову 2-го апрѣля: „съ отпечатаніемъ моихъ Археологическихъ писемъ... я приступилъ къ немедленному окончанію изслѣдованій объ І. Экзархѣ“ [5]).

Кромѣ того, Калайдовичъ наблюдалъ и за печатаніемъ „Бѣлорусскаго архива“, собраннаго Григоровичемъ и издававшагося

[1]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ и др. Вып. II. Воронежъ. 1885 г., стр. 76.

[2]) «Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов.». Т. V, вып. II, стр. 78.

[3]) «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882 г., кн. 1-я, стр. 275.

[4]) Напр., Мѣсячный Стихирарь нотный конца XIV в., видѣнный у купца Аверина, который поднесъ его гр. Румянцову, евангеліе, писанное въ 1467 г. въ Галичѣ (вид. у купца Шолохова), «Словеса постничьска» Исаака Сирина XV в. (поднес. владѣтелемъ, купцомъ Крупениковымъ, гр. Румянцову), копіи съ жалов. грамотъ и подлинныя грамоты XVII в. въ монастыряхъ Солотчинскомъ и Богословскомъ и т. д.

[5]) «Чтенія», 1862 г., кн. 3-я, стр. 174.

также на счетъ гр. Румянцова. Въ январѣ 1823 года, вмѣстѣ съ первыми листами Экзарха, графъ получилъ и заглавный листъ этого изданія, за присылку котораго благодарилъ Малиновскаго въ письмѣ отъ 4 января [1]). Изданіе „Архива", однако, затянулось, и только 23 сентября Румянцовъ, сообщая Малиновскому, что посылаетъ ему „прелюбопытный списокъ Бѣлорусскихъ грамотъ, которыя собраны и составлены трудами Гомельскаго протоіерея Григоровича", просилъ его сдѣлать распоряженіе объ ихъ напечатаніи и давалъ извѣстныя указанія на этотъ счетъ, между прочимъ высказывая желаніе, чтобы и „Fac-simile подписей, приложенные къ нѣкоторымъ грамотамъ, были помѣщены въ изданіи семъ, гдѣ слѣдуетъ" [2]). За этой задержкой послѣдовала вторая, на этотъ разъ со стороны Цензурнаго комитета и его члена Каченовскаго, который не пропустилъ нѣкоторыхъ документовъ (двѣ папскія буллы и постановленіе Брестскаго собора), гдѣ излагались и опровергались съ точки зрѣнія католицизма ереси и заблужденія православной церкви [3]).

Кромѣ того, въ теченіе 1823 года Калайдовичемъ было напечатано въ „Сѣверномъ Архивѣ" нѣсколько статей частью библіографическаго, частью палеографическаго содержанія: 1) „Описаніе Славянскихъ древностей въ Сирміи (изъ писемъ П. И. Кеппена къ К. Ѳ. Калайдовичу)" (ч. V. № 1, стр. 18—33), содержащее рядъ извѣстій о слав. рукописяхъ XV XVI вѣковъ, старопечатныхъ книгахъ (Зетскомъ Октоихѣ 1493 г., евангеліяхъ 1512 и 1552 гг. и т. д.), сербскихъ грамотахъ XIV и XV вв., Молдавскихъ —XVII в., Шишатовацкомъ апостолѣ и т. д.

2) „Библіографическое извѣстіе о Евангеліи учительномъ, напечатанномъ въ Заблудовѣ 1569 г. первыми Московскими типографщиками" (ч. V. № 4, стр. 318—26), содержавшее одно внѣшнее описаніе книги и лишь мимоходомъ отмѣчавшее намѣреніе гетмана Ходкевича перевести евангеліе на „простую молву", т. е. на бѣлорусское нарѣчіе.

3) „Азбука, составленная Вас. Ѳедор. Бурцевымъ" (ч. VI, № 11, стр. 314—327). Статья эта давала подробное описаніе книги и представляла поправку къ замѣткѣ В. Н. Берха: „Извѣстіе о букварѣ Василія Бурцова, напечатанномъ въ Москвѣ 1679 г.", которая явилась въ „Сѣверномъ же Архивѣ" (ч. V, № 6, стр. 480—493) и описывала по ошибкѣ совсѣмъ другой букварь.

---

[1]) Тамъ же, 1882, кн. 1, стр. 254.

[2]) Тамъ же, стр. 266.

[3]) Тамъ же, стр. 267 (выписка изъ журнала Ценз. Комитета отъ 18 окт. 1823 г.).

Въ томъ же „Сѣв. Архивѣ“ за 1823 г. были напечатаны: 1) безъимянное „Историческое изслѣдованіе Духовной Грамоты В. Кн. Дмитрія Ивановича“ (ч. VI, іюнь, № 12, стр. 400—412), не содержавшее, впрочемъ, никакихъ лингвистико-палеографическихъ замѣчаній; 2) тоже анонимная статья: „Союзный договоръ между В. Кн. Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ и В. Кн. Витовтомъ“ (янв., № 1, стр. 1—17; первыя 14 страницъ здѣсь посвящены историческому анализу грамоты, а послѣднія три занимаетъ сама грамота 1427 г.). Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ есть и лингвистическія: предлогъ *ку* называется здѣсь польскимъ, и форма *ойчина* въ фразѣ *онъ одъ ойчины лишонъ* опредѣляется, какъ „совсѣмъ польское слово“; 3) снимокъ съ „Криптографической надписи, изображенной на Колоколѣ, находящемся въ Звенигородскомъ Савинѣ Сторожевскомъ монастырѣ“ (тамъ же, въ концѣ №).

Кромѣ Востокова и Калайдовича, описанія рукописей для гр. Румянцова составлялъ и Гомельскій протоіерей І. Григоровичъ, описавшій мѣсячную Минею 1539 года, доставленную изъ Лаврентіева монастыря. Описаніе это было послано Калайдовичемъ Востокову при письмѣ отъ 9 авг. 1823 г. [1]). Григоровичъ находилъ въ памятникѣ сербизмы, осложненные вліяніемъ бѣлорусскаго діалекта, къ которому принадлежалъ переписчикъ.

Сверхъ описанія Минеи, Григоровичъ занимался изученіемъ харатейнаго служебника русскаго письма, полученнаго гр. Румянцовымъ изъ Полоцка и казавшагося ему очень древнимъ. Сдѣланное имъ описаніе, относившее памятникъ къ XIV в., вмѣстѣ съ самой рукописью, было переслано на заключеніе Востокова [2]). Послѣдній, разсмотрѣвъ рукопись, отвѣтилъ 17 дек. 1823 г. графу, что не имѣетъ „ничего прибавить къ основательнымъ замѣчаніямъ отца протоіерея Гомельскаго, опредѣлившаго весьма вѣрно всѣ признаки, по коимъ рукопись сія можетъ отнесена быть къ XIV вѣку“ [3]).

Кеппенъ, все еще находившійся въ это время за границей, продолжалъ и тамъ интересоваться русской палеографіей, хотя не проявлялъ особой самодѣятельности. 1/13 окт. 1823 г. онъ писалъ изъ Вѣны Востокову: „Не знаю долго ль я еще пробуду въ чужихъ краяхъ; между тѣмъ не хотѣлось бы жить въ *совершенномъ*

---

[1]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 67—70.

[2]) Тамъ же, стр. 79—81.

[3]) Тамъ же, стр. 81.

бездѣйствіи (курсивъ нашъ), почему я осмѣливаюсь еще разъ покорнѣйше просить о списаніи для меня Азбуки Остромирова Евангелія. Та, которую здѣсь имѣю, не совсѣмъ полна, и вотъ по какой причинѣ я прибѣгаю къ Вашей добродѣтельной десницѣ, которая уже разъ по моей просьбѣ занималась дѣланіемъ таковаго же Fac Simile. Здѣшніе Славяне настаиваютъ, чтобы я издалъ Палеографическія таблицы; не знаю успѣю ли я это сдѣлать, а при свободномъ времени думаю не худо бы заняться, наконецъ, симъ предметомъ. Я увѣренъ, что Вы охотно станете мнѣ содѣйствовать въ семъ предпріятіи, и для того на всякій случай соблаговолите снабдить меня точнымъ снимкомъ Остромировой азбуки" [1]).

Изъ этой затѣи Кеппена, однако, и теперь ничего пока не вышло, и палеографическая таблица его увидѣла свѣтъ впервые лишь въ 1847 г. въ Bulletin hist. de l'Académie (V, стр. 33—42). Къ зимѣ 1823—24 г. Кеппенъ переѣхалъ изъ Вѣны въ Мюнхенъ (какъ это видно изъ письма къ Ганкѣ отъ 17 окт. 1823 г.) и здѣсь въ королевской библіотекѣ списалъ знаменитые Фрейзингенскіе отрывки, или „статьи" (какъ ихъ тогда называли), считавшіеся „древнѣйшими памятниками словенской письменности" [2]). Этотъ списокъ впослѣдствіи, съ замѣчательными примѣчаніями Востокова, былъ изданъ на счетъ гр. Румянцова (уже въ 1827 г.) и оказалъ такимъ образомъ большую услугу нашей молодой наукѣ.

О томъ, какіе взгляды были еще возможны въ области палеографіи въ 1823 г., свидѣтельствуетъ рукописная статья маіора П. Ѳ. Горенкина „О древности письма Славянскаго", присланная авторомъ въ Общество ист. и древностей. Послѣднее, въ засѣданіи 30 окт. 1823 г., постановило отдать статью для просмотра и сужденія о ней К. Ѳ. Калайдовичу. Въ засѣданіи 28 ноября послѣдній читалъ о ней свой отзывъ, интересный и для характеристики взглядовъ самого Калайдовича. По словамъ референта, въ статьѣ Горенкина „собраны извѣстія, никѣмъ неподкрѣпленныя и совершенно несогласныя съ достовѣрными историческими показаніями". Такъ Горенкинъ вѣрилъ въ существованіе у русскихъ „грамоты задолго до Р. Хр."; утверждалъ, „что Норманы принесли въ Русь готическое письмо; что слѣды древнихъ нашихъ законовъ... въ договорахъ Олега и Игоря, суть коренные Словянскіе; что слово

---

[1]) Тамъ же, стр. 73—74.

[2]) См. Кочубинскій, «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ. Начальные годы русск. славяновѣдѣнія». Одесса. 1887—88. Приложенія: IV, № 2, стр. CXXII и автобіографію Кеппена въ изданіи «Юбилей П. И. Кеппена». Спб. 1860. folio, стр. 6.

гривна значитъ лошадь, что Венды писали древними Слав. буквами; *что Кириллъ и Меѳодій не сочинили алфавита, а только исправили бывшій у Славянъ въ употребленіи: что нынѣшній Булгарскій языкъ близко подходитъ къ Славянскому церковному; что Глаголическая азбука несравненно древнѣе Кирилловой* (курсивъ нашъ); находитъ въ нашемъ алфавитѣ, подобно Тредіаковскому, какое то знаменованіе, и даже народную пословицу: *нашъ онъ покой, рцы слово твердо* (курсивъ автора); не сомнѣвается, что Славяне", придя изъ Сибири задолго до Р. Х., умѣли уже ковать металлы и т. д. Калайдовичъ находилъ, однако, что изъ статьи Горенкина можно извлечь „для помѣщенія въ лѣтописяхъ общества два любопытныхъ отрывка: 1) *о мѣткахъ или нарѣзкахъ, употребляемыхъ крестьянами*, и 2) *объясненіе надписей, неизвѣстными письменами начертанныхъ*, которыя г. Горенкинъ признаетъ Славянскими, находящихся въ Сибири на скалахъ рѣчныхъ береговъ и на курганахъ, вообще именуемыхъ *Чудскими*. Азбука, извлеченная сочинителемъ изъ сихъ надписей, любопытна. Но и здѣсь онъ предается влеченію собственнаго воображенія", читая, напр. одно мѣсто такъ: *лихо, узру узру сулехилесу: я уж удал лиху иных слугу удах умру, узру еу*, что будто бы значитъ: *тоска, увижу увижу Сулехилею; я предался совершенному отчаянію, вдался печали, умру и соединюся съ нею (!!!)*. На одной надписи въ Бухтарминской пещерѣ авторъ прочелъ даже слово *нимфа*, начертанное въ честь нимфы той пещеры или чьей нибудь возлюбленной. По мнѣнію Калайдовича, все же „азбука, извлеченная Г. Горенкинымъ", была „любопытна", и онъ сообщаетъ, что „еще прежде Г. Спасскій, при изданіи Сибирскихъ надписей, примѣтилъ одну Славянскую букву, а Г. Кеппенъ прочелъ нѣсколько строкъ на камнѣ при рѣкѣ Нышмѣ, которыя однакожъ относятъ только къ XVI или XVII вѣку" [1]). Такимъ образомъ Калайдовичъ самъ, очевидно, былъ склоненъ вѣрить въ славянское происхожденіе сибирскихъ „рунъ".

Издательское меценатство гр. Румянцова, привлекавшее вообще много желающихъ воспользоваться его поддержкой, побудило и Московское Общество Ист. и Др. Россійскихъ разсчитывать на помощь графа при затѣянномъ Обществомъ изданіи Лаврентьев-

[1]) Труды и Лѣтописи Общ. ист. и др. росс. Часть III, кн. II. М. 1827. Лѣтописи, стр. 32, 42 и 47—48. Самая замѣтка Горенкина «о мѣткахъ или нарѣзкахъ» напечатана тутъ же, стр. 49—50. Чтеніе Кеппена находится въ его «Спискѣ рускимъ памятникамъ» (М. 1822, стр. 102—103). По словамъ Кеппена, «кому случалось заниматься чтеніемъ надписей, писанныхъ слитыми

ской лѣтописи. 22 іюля 1823 г. Малиновскій писалъ Румянцову, что названное общество, „положивъ... стараться по возможности о продолженіи и окончаніи древнѣйшей Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку“, уполномочило его отъ лица всѣхъ членовъ испросить у графа „дозволенія и содѣйствія въ порученіи окончанія труда сего Обществу“ и препроводить къ нему 13 листовъ изданія названной лѣтописи, отпечатанныхъ еще до 1812 г. проф. Тимковскимъ [1]).

Графъ, однако, отклонилъ это ходатайство, указавъ Малиновскому (въ письмѣ отъ 18 сент.), что самъ предпринялъ такое изданіе въ Петербургѣ, (при содѣйствіи Оленина и Анастасевича), „хотя сіе до сихъ поръ идетъ безуспѣшно“. Изъ этого же письма видно, что матеріалы для четвертой части „Собранія Госуд. Грамотъ и Догов.“ были уже собраны къ этому времени и приготовлены къ печати [2]).

Въ 1823 г. явилась также новая монографія по изученію и истолкованію „Слова о полку Игоревѣ“, вышедшая въ свѣтъ въ началѣ года и принадлежавшая Н. Ѳ. Грамматину [3]). Въ предисловіи авторъ объяснялъ появленіе своего перевода тѣмъ, что оригиналъ его писанъ „Славенскимъ языкомъ съ смѣсью стариннаго Русскаго, которыхъ самая большая часть читателей не въ состояніи понимать“ (стр. 3). Въ началѣ книги (стр. 11—32) находимъ знакомое уже намъ „Критическое разсужденіе о Словѣ о п. Игоревѣ“ (см. выше, ст. 874). Далѣе слѣдуетъ оригинальный текстъ Слова съ параллельнымъ русскимъ прозаическимъ переводомъ (стр. 34—63), а затѣмъ стихотворный переводъ (стр. 65—79), къ которому примыкаютъ обширныя примѣчанія (стр. 83—196). Эти послѣднія не представляютъ никакого шага впередъ, сравнительно съ по-

---

или связанными вмѣстѣ буквами; тотъ не станетъ сомнѣваться въ томъ, что и сіи надписи суть Русскія, не взирая на то, что оныя не всѣ еще прочитать можно». Читалъ Кеппенъ эти надписи по снимкамъ Штраленберга (въ его Nord-und östliche Theil von Europa und Asia), но находилъ все же, что основательно судить о нихъ можно будетъ только тогда, «когда сіи надписи вновь будутъ сняты съ наибольшею точностію».

1) Чтенія въ Общ. ист. и др. Росс. 1882, кн. I, стр. 264—65.

2) Тамъ же, стр. 265.

3) «Слово о полку Игоревомъ, историческая поема, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою, и съ оной преложенная стихами древнѣйшаго Русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ другаго буквальнаго преложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. Иждивеніемъ Издателя. М. Въ Типогр. С. Селивановскаго. 1823» (8°. 6 ненум. + 200), вмѣстѣ съ подобнымъ же переложеніемъ «Суда Любуши».

добными же опытами, появившимися прежде. Рѣшая старый вопросъ, на какомъ языкѣ писано Слово, на древнемъ славянскомъ или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчіи, Грамматинъ отрицаетъ и ту и другую возможность, при чемъ разсуждаетъ такъ: областныхъ нарѣчій въ старину не было, да и теперь нѣтъ, „кромѣ Малороссійскаго или Украинскаго, и развѣ Бѣлорусскаго, составившихся, когда сіи области отторгнуты были отъ Россіи“... Прежде же „отъ Ильменя до Днѣпра, также какъ нынѣ отъ Невы до Камчатки, говорили однимъ языкомъ. Разница въ выговорѣ и нѣсколько словъ, принадлежащихъ одной какой-либо губерніи, не составляютъ еще особаго нарѣчія“ (стр. 84—85). Въ примѣчаніи на стр. 85 эта мысль иллюстрируется такъ: „Даже нѣкоторыя окончанія какой-нибудь части рѣчи, несходныя съ общимъ употребленіемъ, не суть еще особое нарѣчіе“. Напр., въ Костромской губерніи употребляется дательный вм. творит. множ. (*рукамъ, ногамъ* вм. *руками, ногами*), „но ктожъ употребляетъ? невѣжество; слѣдуетъ ли изъ сего, чтобъ было Костромское нарѣчіе?“ Не менѣе наивны этимологическіе пріемы Грамматина, являющагося въ нихъ доблестнымъ соперникомъ Шишкова. Возражая Буткову, который производилъ *харалугъ* изъ Ногайскаго яз., Грамматинъ утверждаетъ, что это слово славянское и происходитъ отъ *харя, харь*, т. е. *гарь + лугъ*, отсюда *харьлугъ* = луговое желѣзо, которымъ косятъ лугъ, т. е. коса (стр. 143—44). Но въ дополненіяхъ онъ беретъ это объясненіе назадъ и замѣняетъ его лучшимъ: *харалугъ* = *гаралъ, гарию* (учащат. глаголъ отъ *горю*) + „окончаніе“ *угъ*, т. е. *желѣзо*, которое *угорало* (стр. 200). Это блестящее сопоставленіе даетъ ему возможность производить и слово *харя* тоже отъ *горю*, потому что лицо *загараетъ* отъ солнца. Такимъ же образомъ *женчюгъ* производится отъ *женщина*, потому что его носятъ женщины, а буквы *ч* и *щ* первоначально представляютъ одинъ звукъ (*нощь* || *ночь*, стр. 161); *князь* — отъ *конь*: *кънь, кънѣсъ, кънезъ, кънязь* (стр. 161—62); *бояринъ*—отъ *бой+яръ*. При объясненіи слова *отецъ* повторяются знакомыя уже намъ разсужденія Шишкова (см. выше, стр. 586), о томъ что буквы *т, б, п, ф* и слоги *ап, па, иръ, еръ, ецъ*, встрѣчающіеся въ разныхъ языкахъ въ соотв. словѣ, „суть етимологическіе наросты, коихъ корень *атъ* или *ать*: такъ сходствовали языки въ самомъ началѣ между собою“ (стр. 164—65); *чага* и *кощей* признаются коренными русскими словами: первое, напр., имѣется въ русскомъ (!) *очагъ* (*о* = предлогъ), *корчага* = *коръ, корецъ* (по малорусски ковшъ) + *чага* = вѣроятно *хозяйка* (стр. 173—174); *кикать* есть испорченное *кликати* (стр. 6) и т. д.

Не менѣе успѣшно объясняются географическія имена: Русь отъ *русыхъ* волосъ ея жителей (стр. 110—11, прим.); *Днѣпръ* оттого, что вода *прѣтъ* въ камни на *днѣ*, а *Днѣстръ*, потому что она ихъ *стираетъ* со *дна* (стр. 111, примѣч.); *Ильмеръ* (=Ильмень)—отъ *илъ*-|-*мѣрять* (стр. 114, примѣч.); *Велесъ* есть тоже „чистое Славенское имя отъ слова *велій* (такъ *кънесъ* отъ *кънь—конь*), *есъ* же (вѣроятно въ самой глубокой древности), или *ецъ* есть грамматическое окончаніе (напр. *молодецъ*, *удалецъ*) (стр. 124) и т. д. Изъ болѣе удачныхъ сопоставленій можно отмѣтить, что Грамматинъ считаетъ *богатырь*—татарскимъ словомъ (стр. 127), *шоломя* переводитъ *возвышеніе* (стр. 140—41), *убуди*—пробудилъ (134), а *смагу* сближаетъ съ глаголомъ *смягнуть* (стр. 154). Но эти крупицы здраваго смысла тонутъ въ морѣ дикихъ и совершенно произвольныхъ „словопроизводствъ" во вкусѣ Тредьяковскаго, Сумарокова, Шишкова и др. Особенно яростно вооружается Грамматинъ противъ польскихъ сравненій своего предшественника Пожарскаго, среди которыхъ указываетъ дѣйствительно двѣ-три ошибки (Пожарскій, напр., сближалъ форму изъ Слова *нѣгують* съ польскимъ nieguję, niegować отъ лат. *negare*), хотя и признается въ томъ, что не знаетъ совсѣмъ польскаго языка.

17 февр. 1823 г. гр. Румянцовъ, препровождая книжку Грамматина Евгенію, писалъ послѣднему: „...препровождаю къ Вашему Высокопреосвященству... новое изслѣдованіе Игоревой пѣсни, которая мнѣ показалась быть достойнымъ вниманія вашего" [1]). Евгеній отвѣчалъ на это (21-го марта), что видѣлъ уже „новое толкованіе Грамматина" и нашелъ въ немъ „много новаго и стараго, существеннаго (?) и лишняго, догадливаго и правдоподобнаго. Но пусть побольше такъ пишутъ. Критика современемъ очиститъ истинное отъ ложнаго" [2]). Графъ согласился съ этимъ отзывомъ Евгенія, сообщивъ ему 11 апр., что „такого же мнѣнія о сей книгѣ, какъ и Его Высокопреосвященство", и сожалѣя, что по слухамъ авторъ ея сошелъ съ ума [3]).

Въ томъ же духѣ, какъ и гр. Румянцову, Евгеній писалъ гр. Хвостову (тоже 21 марта 1823 г.): „Новый толкъ Игоревой пѣсни Грамматина, видѣ и безтолковый, я читалъ. Ему уже кто-то отвѣчалъ въ Сынѣ Отечества [4]); но вѣрно будутъ и еще отвѣты. Кто идетъ противу всѣхъ, на того и всѣ...".

---

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ и др. Вып. II. Воронежъ 1885 г., стр. 72.

[2]) Тамъ же, стр. 73.

[3]) Тамъ же.

[4]) Рецензія явилась въ VII № Сына Отечества (Библіографія, стр. 329).

Хотя книжка Грамматина носила посвященіе гр. Румянцову, но, повидимому, она не имѣла отношенія къ его кружку. По крайней мѣрѣ канцлеръ самъ писалъ Добровскому 28 апр. 1823 г. „Со временемъ пришлю также къ Вамъ новое поясненіе Игоревой пѣсни, которому я хотя совершенно чуждъ, но для того, что оно кажется мнѣ по нѣкоторымъ своимъ частямъ заслужить можетъ Ваше вниманіе“ [1]).

Къ 1823 году относится и замѣчательная рѣчь Строева въ засѣданіи 14-го іюня Московскаго Общества ист. и древностей, членомъ котораго онъ за два мѣсяца передъ тѣмъ былъ избранъ. Ознакомившись лично съ монастырскими библіотеками, въ которыхъ онъ до своихъ поѣздокъ не думалъ встрѣтить столько неизвѣстнаго въ наукѣ матеріала, Строевъ пришелъ къ мысли о необходимости изслѣдованія названныхъ библіотекъ и приведенія въ извѣстность ихъ сокровищъ. Эту мысль онъ положилъ въ основаніе вышеупомянутой рѣчи „О средствахъ удобнѣйшихъ и скорѣйшихъ къ открытію памятниковъ нашей Исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать оные“, напечатанной въ „Сѣверномъ Архивѣ“ за 1823 г. (№ 19, стр. 1—27) [2]). Хотя Строевъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ интересы отечественной исторіи, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что проектъ, предложенный имъ, одинаковымъ образомъ долженъ былъ бы принести великую пользу и русской палеографіи. Строевъ призывалъ Общество „*извлечь, сохранить, привести въ извѣстность, и есть-ли не обработать само, то по крайней мѣрѣ доставить случай другимъ обработывать, всѣ письменные памятники нашей Исторіи и древней Словесности*, разсѣянные на обширномъ пространствѣ отъ береговъ Бѣлаго моря до степей Украинскихъ и отъ границъ Литвы и Польши до хребта горъ Уральскихъ“, памятники, погребенные въ безчисленномъ множествѣ „въ соборахъ и монастырскихъ хранилищахъ, никѣмъ непосѣщаемыхъ, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ; въ Архивахъ, кои нещадно опустошаетъ всеразрушающее время и нерадивое невѣжество: въ сырыхъ кладовыхъ и подвалахъ, неосвѣщаемыхъ лучами солнца, куда груды рукописей и свитковъ снесены, кажется, единственно для того, чтобы грызущія животныя, черви,

---

Анонимный авторъ ея вообще хвалилъ примѣчанія Грамматина, но выражалъ сожалѣніе по поводу того, что авторъ ихъ не справедливъ къ Пожарскому. Письмо Евгенія см. въ Сборникѣ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. I, стр. 200.

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, в. II, стр. 426.

[2]) Напечатана также у Барсукова «Жизнь и труды Строева» Спб. 1878, стр. 65—74 (въ нѣсколько иной редакціи, основанной на изданіи въ IV части Трудовъ Общ. ист. и др. Росс. 1828 г.).

тля и ржа могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе" (стр. 7—8). Для спасенія этихъ памятниковъ Строевъ предлагалъ снарядить экспедицію, „которая обозрѣла бы, разобрала и съ возможною точностію описала всѣ монастырскія, соборныя и вообще казенныя собранія рукописей, на пространствѣ, прежде сего означенномъ. И частныя книгохранилища войдутъ въ составъ ея изысканій, если владѣтели пожелаютъ отворить ихъ" (стр. 9). Въ виду громадности матеріала, Строевъ проектировалъ „три поѣздки": по сѣвернымъ губерніямъ (Новгородской, С.-Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Вятской, части Пермской, Костромской, Ярославской и Тверской), среднерусскимъ (Московской, Владимірской, Нижегородской, части Казанской и Симбирской, по сѣвернымъ уѣздамъ Пензенской и Тамбовской, по Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской и Псковской) и западнымъ (Витебской, Могилевской, Минской, Волынской, тремъ Малороссійскимъ, Курской и Орловской). *Пробнымъ* или первымъ предметомъ изслѣдованія могла бы быть библіотека Софійскаго собора въ Новгородѣ, заключающая въ себѣ болѣе тысячи рукописей и никѣмъ еще не обслѣдованная (стр. 10—11). На первую поѣздку Строевъ отводилъ болѣе двухъ лѣтъ, на вторую два года и на третью—одинъ. Отдѣльныя описанія книгохранилищъ, по мнѣнію Строева, можно было бы „слить въ одну *общую роспись, систематически расположенную*, которая, при возможной *краткости*, представляла бы самое *полное и вѣрнѣйшее исчисленіе* всѣхъ, гдѣ либо существующихъ памятниковъ нашей Исторіи и Литературы отъ временъ древнѣйшихъ, до начала XVIII в." (стр. 15).

Рѣчь молодого археографа не произвела, однако, надлежащаго впечатлѣнія: многихъ испугала грандіозность плана, требовавшаго большихъ средствъ для своего осуществленія, другіе находили его фантастичнымъ, а самого Строева — самонадѣяннымъ молодымъ человѣкомъ, слишкомъ рано принявшимъ на себя роль учителя. Даже въ протоколѣ засѣданія Общества о проектѣ Строева было сказано очень глухо, и авторъ принужденъ былъ напечатать свою рѣчь не въ Трудахъ Общества (гдѣ она явилась лишь въ 1828 г., въ IV части, стр. 277—301, когда уже академія наукъ рѣшила отправить археографическую экспедицію подъ начальствомъ Строева), а въ „Сѣверномъ Архивѣ" Греча и Булгарина. Впрочемъ, не было недостатка и въ сторонникахъ проекта, во главѣ которыхъ находился и самъ предсѣдатель Общества, генералъ А. А. Писаревъ [1]) Благодаря ихъ поддержкѣ, Строевъ могъ

[1]) См. Барсуковъ. «Жизнь и труды П. М. Строева». Спб. 1878. стр. 74.

осуществить пробную поѣздку въ Новгородъ для осмотра Софійской библіотеки.

Пріѣхавъ въ Новгородъ осенью и пробывъ тамъ очень недолго (съ 29 авг. по 5 сент.), Строевъ не могъ осмотрѣть какъ слѣдуетъ библіотеку, помѣщавшуюся въ главѣ (!) собора, но все же въ своей запискѣ Обществу далъ общій ея обзоръ, впервые познакомившій съ нею хотя часть русскихъ ученыхъ. По словамъ записки, Софійская библіотека заключала въ себѣ 1189 рукописныхъ книгъ, собственно принадлежавшихъ собору и доставленныхъ туда въ 1780 г. изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, изъ Череповецкаго и др., и до 3000 разнаго рода печатныхъ книгъ. Большая часть рукописей представляла книги богослужебныя, св. Писанія и переводы св. Отцовъ. „Древнѣйшія изъ нихъ относятся къ XII вѣку, позднѣйшія писаны въ концѣ XVI; есть много харатейныхъ или пергаминныхъ съ годами и съ любопытными послѣсловіями". Дальше Строевъ указывалъ на значеніе подобныхъ древнихъ рукописей для исторіи „славянорусскаго нарѣчія": „не знаю по какой причинѣ древніе и старинные списки богослужебныхъ, священныхъ и каноническихъ книгъ доселѣ мало у насъ уважаются; въ отношеніи литтературномъ ихъ даже за ничто почитаютъ (въ этомъ грѣхѣ когда то виноватъ былъ и самъ Строевъ, ср. выше, стр. 830). Ни одинъ изъ нашихъ литтераторовъ и писателей *исторіи языка нашего* (такихъ, впрочемъ, еще не было!) не обращалъ на нихъ и малѣйшаго вниманія, никто не сличалъ ихъ между собою и не вникалъ въ тѣ многочисленныя измѣненія, какимъ въ теченіи семи сотъ лѣтъ (отъ XI до XVIII в.) подверглось славенорусское наше нарѣчіе: въ перемѣнѣ значеній словъ, въ грамматическихъ формахъ и самой фразеологіи. Мы имѣемъ нѣсколько исторій нашей литтературы отъ временъ древнѣйшихъ до нынѣшнихъ; въ книжныхъ лавкахъ продаются славянскія грамматики; между тѣмъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ скрыть нашего невѣжества въ разсужденіи коренныхъ правилъ сего богатаго и многовѣтвистаго языка; не знаемъ когда переведена Библія, богослужебныя книги, установленія церкви и многочисленныя творенія Св. Отцевъ, коими преисполнены наши рукописи; не знаемъ, чѣмъ рознятся книги XI и XII столѣтій отъ XIII и XIV и послѣдующихъ и имѣя печатную Библію въ прошедшемъ столѣтіи вновь исправленную, съ гордостію воображаемъ себѣ, что языкъ оной есть точно книжный языкъ временъ Владиміра и Ярослава! Списки богослужебныхъ книгъ и твореній Св. Отцевъ суть единственные источники для настоящихъ правилъ славяно-русскаго нарѣчія и исторіи литте-

ратуры онаго, по крайней мѣрѣ временъ древнѣйшихъ. *Безъ внимательнаго ихъ изслѣдованія, мы никогда не выйдемъ изъ неопредѣленнаго круга догадокъ или ученаго теоретическаго химеризма*" (курсивъ нашъ) [1]).

Такимъ образомъ Строевъ освѣтилъ значеніе археографическихъ изысканій и для исторіи русскаго и славянскаго языковъ. Но и эта замѣчательная записка его, оставшаяся въ рукописи, не могла имѣть широкаго распространенія и едва ли произвела особое впечатлѣніе и въ Обществѣ ист. и древн., для котораго предназначалась. По крайней мѣрѣ въ печатныхъ протоколахъ общества за это время („Лѣтописи" общества) не осталось отъ нея никакого слѣда, и мы узнаемъ о ней лишь изъ труда біографа Строева.

Наступившій 1824 годъ принесъ нашей наукѣ освобожденіе Востокова отъ цѣпей подневольной службы, позволившее ему, если не безраздѣльно, то въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, отдаваться научнымъ занятіямъ. Румянцовъ въ письмѣ отъ 8 янв. 1824 г. дѣлился этой радостью съ Евгеніемъ, держа ее покуда еще въ тайнѣ („единственно для нас двухъ"): „Востоковъ будетъ просить, чтобы его уволили отъ той должности, которую онъ имѣетъ по Департаменту Духовныхъ Дѣлъ. Онъ потеряетъ довольно значительное жалованье, но я сіе замѣнить готовъ, въ надеждѣ, что онъ тотчасъ приступитъ къ ученому разбору мнѣ принадлежащихъ древнихъ рукописей и составитъ имъ реэстръ. Дѣло сіе не можетъ его занять очень долго и я собираюсь потомъ просить его заняться сочиненіемъ Россійской Палеографіи.—О коль я счастливъ буду, ежели прежде смерти своей увижу появленіе хотя перваго тома сего сочиненія и свой успѣхъ къ достиженію той цѣли, о которой неусыпно домогался нѣсколько уже лѣтъ" [2]). Евгеній отвѣчалъ графу 20 января: „Востоковъ дѣйствительно достоинъ быть пенсіонеромъ В. С—ва. Есть-ли онъ не замедлитъ составить ученое описаніе рукописей библіотеки Вашей и издастъ рускую Палеографію, то сдѣлаетъ намъ пользы больше, нежели своею службою въ департаментѣ. Графа Толстова каталогъ уже конченъ и прославитъ нашу древнюю словесность какъ и сочинителя и хозяина библіотеки. *Иностранцы давно имѣютъ у себя такіе каталоги* (курсивъ нашъ)" [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 75.

[2]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. III. Воронежъ, 1872: стр. 93—94.

[3]) Тамъ же, стр. 95.

Между тѣмъ Востоковъ, не дождаясь своего выхода въ отставку, уже принялся за описаніе Румянцовскихъ рукописей. Въ январѣ 1824 г. онъ писалъ канцлеру: „теперь занимаюсь разсмотрѣніемъ и описаніемъ... рукописей Вашей библіотеки. Къ ожидаемому въ февралѣ мѣсяцѣ прибытію Вашего С-ва въ Петербургъ надѣюсь изготовить до 30-ти и болѣе Библіографическихъ описаній для Каталога рукописей Вашихъ, которыя буду имѣть честь представить... вмѣстѣ съ правилами, какими я думаю руководствоваться при составленіи сего каталога... Я дѣлаю описанія сіи предварительно на карточкахъ, какъ заведено въ Имп. публ. библ. Когда всѣ книги так. образомъ переписаны будутъ, тогда можно карточки сіи привести въ какой угодно порядокъ для внесенія въ Каталогъ“... Далѣе Востоковъ благодарилъ графа за „милостивое обѣщаніе замѣнить... потерю жалованья по казенному мѣсту, которое“ намѣревался оставить и полагался въ этомъ вполнѣ на великодушіе графа. Письмо свое Востоковъ заключалъ признаніемъ, что лестный отзывъ о немъ митрополита Евгенія [1]) приводитъ его въ смущеніе: „я чувствую, что мнѣ еще много остается работать по части Палеографіи, чтобъ заслужить названіе надежнаго знатока оной, какимъ столь снисходительно почтилъ меня... ученнѣйшій оный Архипастырь. Усердно занимаясь разысканіями по сей части, я надѣюсь достигнуть въ оной познаній болѣе рѣшительныхъ, когда разработаю два богатѣйшія рудника древней Р. словесности, открытые мнѣ въ собраніяхъ рукописей Имп. публ. библ. и библ. Вашего С-ва“ [2]).

Намѣреніе Востокова отвѣчало давнишнимъ желаніямъ, какъ самого Румянцова, такъ и митрополита Евгенія. Послѣдній писалъ канцлеру 6 февраля: „Востокова, несмотря на его отговорки, нужно побуждать къ скорѣйшему изданію хотя какихъ-нибудь правилъ Славенорусской Палеографіи и къ описанію рукописей Ваш. С-ва. Примѣръ гр. Толстова достоинъ подражанія“. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, 23 февр. Румянцовъ извѣщалъ уже Евгенія: „Г. Востоковъ составляетъ описаніе моихъ рукописей. Онъ уже находитъ, что я богаче рукописями на пергаментѣ, нежели Гр. Толстой. Каталогъ же его трудовъ будетъ лучше обработанъ, нежели каталогъ Гр. Толстого; при томъ надобно Вамъ сказать, что онъ ничто иное, какъ подражаніе, нѣсколько лѣтъ уже составленному по моему приказанію и плану каталогу рукописей, хранящихся по Монастырямъ около Москвы. Напечатаніе же сего Каталога

---

[1]) Въ письмѣ отъ 14 ноября 1823 г. См. выше, стр. 877.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. я. и сл. т. V, вып. II, стр. 83—84.

за тѣмъ я пріостановилъ, что до сихъ поръ не могу добиться, чтобы для пополненія его г. Калайдовичъ съѣздилъ въ Троицкую Лавру и описалъ тамошнія рукописи"[1]).

Евгеній отвѣчалъ канцлеру 12-го марта: „Если Востоковъ кончитъ описаніе рукописей библіотеки Ваш. С—ва, то великую услугу окажетъ нашей древней словесности, а онъ и самъ до нея охотникъ и рѣдкій знатокъ"[2]). Вскорѣ послѣ этого (19 марта) онъ сообщалъ Анастасевичу: „Румянцовъ... хвалится, что Востоковъ уже описываетъ его рукописи и находитъ, что у него пергаменныхъ больше и любопытнѣе, нежели у Толстова, и что описаніе Востокова будетъ лучше Строева"[3]).

Работая надъ рукописями гр. Румянцова, Востоковъ не упускалъ случая знакомиться и съ другими рукописями, изучая ихъ не только для своихъ изслѣдованій, но и по просьбѣ другихъ. Такъ 18 марта онъ послалъ Калайдовичу по его просьбѣ пространное описаніе рукописи Лаврентьевскаго списка[4]) и копію съ послѣсловія, сообщая при этомъ, что занимается составленіемъ каталога Румянцовскихъ рукописей. Трудъ этотъ, по его словамъ, долженъ былъ многому научить его и облегчить составленіе грамматики. По мнѣнію Востокова, его каталогъ, „конечно, уступитъ количествомъ рукописей каталогу гр. Толстова, но едва ли не поспоритъ съ нимъ древностью и важностью рукописей"[5]). Калайдовичъ отвѣчалъ 10 апр.: „сердечно радуюсь, что Вы приняли на себя составленіе каталога рукописей принадлежащихъ Канцлеру: это будетъ отличный подарокъ для библіографовъ и филологовъ. Библіотека Его С-ва безспорно превзойдетъ древностью и важностью собраніе гр. Толстова: одна составилась настоящимъ знатокомъ, другая отъ случая... и я не почелъ бы за грѣхъ сотни двѣ рукописей совершенно изъ послѣдней выкинуть"[6]).

Въ апрѣлѣ состоялось окончательное соглашеніе между гр. Румянцовымъ и Востоковымъ, по которому послѣдній выходилъ въ отставку и получалъ отъ графа опредѣленное годовое жалованье (3000 р. асс.) не какъ „опредѣленный пансіонъ, а единственно какъ воздаяніе" за труды, которые долженъ былъ принести „об-

---

[1]) См. Переписку Евгенія съ гр. Румянцовымъ и др. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 99—101.

[2]) Тамъ же, стр. 101.

[3]) «Древняя и Новая Россія», 1881 г., февраль, стр. 310.

[4]) Напечатано въ предисловіи къ изданію Лавр. лѣтописи, выпущ. въ 1824 г. Общ. ист. и др. росс. подъ ред. Калайдовича.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 85—88.

[6]) Тамъ же, стр. 89.

щему благу по части словесности нашей". Графъ по собственному почину предложилъ Востокову это вознагражденіе, указывая, что самъ неоднократно побуждалъ его оставить службу въ двухъ казенныхъ должностяхъ, и потому считаетъ своей обязанностью возмѣстить ему утрачиваемое казенное жалованье. Условія, поставленныя графомъ, были слѣдующія: „по окончаніи каталога моей библіотеки приступите къ составленію ученой Славено-Русской Палеографіи, а доколѣ станете собирать такого преважнаго сочиненія новыя матеріалы, въ древностяхъ нашихъ почерпнутыя, я бы осмѣлился Васъ просить издать древній Вамъ извѣстный Сборникъ, писанной для Великаго Князя Святослава. О планѣ таковаго изданія я условлюсь съ Вами на дняхъ". Канцлеръ предоставлялъ себѣ право по окончаніи трехъ лѣтъ „судить, слѣдуетъ ли ему продолжать" условленную плату, но до истеченія этого срока обязывался не дѣлать „никакой отмѣны въ семъ положеніи" [1]). Разумѣется, Востоковъ отвѣтилъ на это предложеніе полнымъ согласіемъ (въ письмѣ отъ 13 апр.) [2]). Того же числа онъ писалъ Калайдовичу въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 26 окт. 1823 г., дошедшее по назначенію съ большимъ замедленіемъ, и сообщалъ ему примѣры особаго обозначенія чиселъ (съ единицами, предшествующими десяткамъ), почерпнутые изъ разныхъ рукописей (списка нѣкот. книгъ Ветхаго Завѣта XVI в., принадлежавшаго гр. Румянцову, подобнаго же списка XV в. Имп. публ. библ. и др.), а также и нѣкоторыя справки изъ послѣдняго списка Алфавита, отысканнаго имъ самимъ въ публ. библ., въ которомъ встрѣчались разныя ссылки на труды Іоанна Экзарха [3]). 16 апр. 1824 г. гр. Румянцовъ далъ Востокову форменное обязательство за себя и своихъ наслѣдниковъ, относительно выдачи обѣщаннаго годового вознагражденія въ теченіе 3 лѣтъ, обязывая только Востокова, въ случаѣ его, Румянцова, смерти, „докончить Каталогъ... и Сборникъ Святослава и вручить... наслѣдникамъ для напечатанія" [4]).

О состоявшемся договорѣ Румянцовъ сообщилъ 10 мая митрополиту Евгенію: „Я кончилъ мои условія съ г. Востоковымъ. Онъ покинулъ два казенныя мѣста, лишился 3000 р. жалованья, что мною замѣнено, и будетъ теперь заниматься Славянскою Палеографіею мнѣ въ одолженіе" [5]). Евгеній отвѣчалъ 28 мая: „По-

[1]) Тамъ же, стр. 90.

[2]) Тамъ же, стр. 91.

[3]) Тамъ же, стр. 92—93.

[4]) Тамъ же, стр. 94.

[5]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ и т. д. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 105.

здравляю В. С. съ пріобрѣтеніемъ Востокова. Въ службѣ при Васъ онъ больше пользы принесетъ нашей Словесности. Но сверхъ обязательства о составленіи руской Палеографіи, я бы желалъ, чтобы онъ прежде описалъ всѣ рукописи вашей библіотеки. Описывая ихъ, онъ еще болѣе сдѣластъ замѣчаній и для Палеографіи" [1]).

Тѣмъ временемъ Востоковъ продолжалъ свои занятія рукописями, безпрестанно расширяя свои знанія, которыми дѣлился и съ другими учеными. Такъ, напримѣръ, письма его къ Калайдовичу до и послѣ 28 апр. [2]) содержали опять новыя дополненія къ вопросамъ, интересовавшимъ московскаго его собрата по наукѣ, (относительно Лавр. списка, ссылокъ въ Алфавитѣ на труды Іоанна Экзарха, употребленія юсовъ въ рукописяхъ XIV и XV вв. и т. д.).

Наконецъ, въ концѣ мая 1824 г. Востоковъ получилъ отставку, какъ это видно изъ письма его къ своему бывшему начальнику, кн. А. Н. Голицыну [3]). Тогда же, въ концѣ мая, онъ отправилъ обширное и замѣчательное письмо свое І. Добровскому, желавшему получить отъ него „вѣрные списки нѣкоторыхъ мѣстъ Остромирова евангелія и въ томъ числѣ нѣсколько снимковъ съ начертанія буквъ (fac-simile)". Востоковъ поспѣшилъ исполнить это желаніе, радуясь сдѣлать этимъ угодное графу и Добровскому, котораго величаетъ „почтеннѣйшимъ мужемъ". По словамъ Востокова, онъ былъ бы счастливъ, если бы въ награду за свои труды удостоился „драгоцѣнной переписки" съ Добровскимъ, котораго давно уже любитъ и уважаетъ, „какъ учителя и вождя своего на стезѣ грамматическихъ изслѣдованій". Письмо содержало подробное описаніе рукописей Остромирова евангелія и характеристику ея со стороны палеографической и языковой, являясь какъ бы зерномъ будущихъ болѣе обширныхъ работъ нашего ученаго надъ названнымъ евангеліемъ, которое онъ, согласно тогдашнему взгляду, считалъ древнѣйшимъ памятникомъ церковнослав. языка [4]). Кромѣ тѣхъ мѣстъ, снимки съ которыхъ желалъ получить Добровскій, Востоковъ скопировалъ и рядъ другихъ, показавшихся „ему почему либо замѣчательными". Въ своей характеристикѣ языка Остромирова евангелія онъ, какъ и слѣдовало ожидать, обращалъ особое вниманіе на

[1]) Тамъ же, стр. 106.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и сл. Т. V, вып. 2, стр. 95—96 и 97—99.

[3]) Тамъ же, стр. 99—100.

[4]) Тамъ же, стр. 100—116.

носовые гласные, доказывая отсутствіе ихъ въ русскомъ языкѣ. Смѣшеніе юсовъ съ „чистыми“ гласными въ графикѣ даннаго памятника свидѣтельствуетъ для него, что писецъ его былъ *русскій*, а не полякъ, какъ думалъ Копитаръ (въ рецензіи на „Разсужденіе“ Востокова, см. выше, стр. 782): „русскіе не имѣли носоваго изглашенія (Rhinesmus), такъ какъ, вѣроятно, и Чехи и Сербы. Еслибъ таковый Ринезмъ существовалъ у Русскихъ въ XI вѣкѣ, то невозможно чтобъ оный въ XII в. вдругъ прекратился“ [1]). Въ доказательство отсутствія носовыхъ гласныхъ въ древнерусскомъ языкѣ Востоковъ ссылался на грамоту в. кн. Мстислава и сына его Всеволода 1128—1132 г., Изборники Святослава 1073 и 1076 гг. и заключалъ, что „носовые звуки ѫ, ѧ, принадлежали языку тѣхъ Словянъ, для которыхъ изобрѣтена азбука и переложены церковныя книги. Сіи Словяне были конечно Болгаре, въ языкѣ коихъ сохранились и по днесь многіе слѣды Ринезма, какъ замѣтилъ и Г. Копитаръ въ своей Рецензіи“ [2]). Подходящее къ Остромирову евангелію употребленіе юсовъ Востоковъ отмѣчалъ только въ отрывкѣ Евгеніевской псалтири XI в. и въ выпискѣ изъ Шестоднева 1263 г., сообщенной ему Калайдовичемъ, предполагая, впрочемъ, что въ разныхъ монастырскихъ библіотекахъ вѣроятно отыщется „еще сколько нибудь таковыхъ памятниковъ юсоваго произношенія“. Далѣе онъ даетъ характеристику графическихъ, фонетическихъ и морфологическихъ особенностей языка Остромирова евангелія, говоря о написаніи іотированныхъ буквъ, употребленіи наерковъ, ꙁ, ꙇ, шт, ꙁи вм. ꙁии, знака ˘ вм. оу, о формѣ *ака* вм. *яка*, причемъ прибѣгаетъ къ сравненію съ Лавр. лѣтописью, о словѣ *царь*, которое выводитъ изъ *цьсарь*, объ окончаніи 1 л. дв. ч. *вѣ* вм. *ва*, употребленіи буквы ѥ вм. іотированнаго ю, буквы ѡ, формахъ дв. ч. impf. на *шета*, *шете* и *ста*, *сте*, объ особенностяхъ послѣсловія, въ которомъ отмѣчалъ уклоненія отъ правописанія и языка самого текста (болѣе частое употребленіе „чистыхъ“ гласныхъ, вм. юсовъ, *ii* вм. *i*, „стяженіе“ гласныхъ въ имперфектѣ и склоненіи сложныхъ прилагательныхъ) и т. д.

Письмо заканчивалось скромной оцѣнкой предложеннаго въ немъ богатаго по тогдашнему содержанія: „замѣчанія сіи заключаютъ въ себѣ, можетъ быть, не много дѣльнаго, и то, безъ сомнѣнія, вещи уже вамъ извѣстныя; но такъ какъ истинная ученость всегда снизходительна и не пренебрегаетъ ничьими совѣтами, то я увѣренъ, что Вы простите недостатокъ познаній, взирая токмо

[1]) Тамъ же, стр. 106.
[2]) Тамъ же, стр. 107.

на усердіе, съ какимъ я весь свой небольшой запасъ оныхъ Вамъ предлагаю". Наградой за свой трудъ Востоковъ желалъ себѣ нѣсколько строкъ Добровскаго для увѣдомленія, что fac-simile имъ получены [1]). Этихъ строкъ, однако, онъ, повидимому, не дождался, по крайней мѣрѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ихъ еще не было [2]), и вообще въ корреспонденціи Востокова отвѣта Добровскаго нѣтъ; имѣется лишь небольшая записка къ Румянцову, въ которой Добровскій извѣщаетъ послѣдняго о полученіи „прекраснаго" факсимиле и своей готовности отблагодарить Востокова за его трудъ [3]), которая, однако, ни въ чемъ не выразилась.

Все это время Востоковъ продолжалъ трудиться надъ описаніемъ рукописей Румянцова, который писалъ Евгенію 24-го іюня: „г. Востоковъ точно занятъ описаніемъ рукописей моей библіотеки: оно давно начато, скоро довершится, напечатано будетъ и первый экземпляръ къ Вамъ отправится" [4]). Надежды графа, однако, шли слишкомъ далеко. Описаніе его рукописей не могло поспѣть такъ скоро, и самъ онъ постоянно давалъ Востокову новыя и новыя порученія, отвлекавшія его отъ начатаго дѣла.

Такъ въ іюнѣ графъ просилъ Востокова осмотрѣть и пріобрѣсти 6 литовскихъ грамотъ, предлагавшихся ему Анастасевичемъ. 30 іюня Востоковъ сообщилъ канцлеру, что покупка ихъ желательна, препровождая при этомъ письмѣ еще составленную имъ роспись книгамъ церковной печати, принадлежавшимъ графу [5]), а 16 іюля уже извѣстилъ послѣдняго, что грамоты куплены. Среди нихъ особенно любопытной онъ считалъ духовную Кн. Андрея Володимировича, внука Ольгердова, 1446 г. [6]).

Между тѣмъ вѣсть о томъ, что Румянцовъ просилъ Востокова издать описаніе найденнаго Калайдовичемъ Сборника 1073 г., дошла и до Калайдовича. Скрѣпя сердце, послѣдній, въ письмѣ отъ 14 іюля, поздравлялъ Востокова: „сердечно радуюсь, что сей подвигъ принадлежитъ вамъ, почтеннѣйшій А. Х. Это настоящій подарокъ для ученаго Словенскаго свѣта". Отложивъ всякое самолюбіе, вполнѣ понятное въ данномъ случаѣ, и ставя на первомъ мѣстѣ научные интересы, Калайдовичъ предостерегалъ Востокова не довѣряться вполнѣ копіи Ратшина: „я имѣю основательныя причины заклю-

[1]) Тамъ же, стр. 116.

[2]) См. письмо отъ 5-го сент., тамъ же, стр. 134.

[3]) Тамъ же, стр. 138.

[4]) См. Переписку Евгенія съ Румянцовымъ, вып. III, Воронежъ 1872 стр. 107.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 118

[6]) Тамъ же, стр. 124.

чать, что копія, находящаяся въ рукахъ вашихъ, не вездѣ согласна съ оригиналомъ, конечно не въ пропускахъ, но въ буквахъ и знакахъ. Мнѣ ,кажется должно бы для большей точности вытребовать вамъ рукопись въ С.-Петербургъ" [1]). Пока, однако, Востоковъ, какъ извѣщалъ онъ графа въ письмѣ послѣ 22 іюля, былъ еще занятъ составленіемъ каталога печатныхъ книгъ графской библіотеки (гражд. печати), и ему предстояло еще привести въ порядокъ „многочисленное собраніе разныхъ записокъ, копій, выписокъ, дѣланныхъ для" Румянцова и „заключающихъ въ себѣ многія драгоцѣнныя свѣдѣнія" для составленія каталога. „Когда справлюсь со всѣмъ этимъ, тогда уже гораздо успѣшнѣе пойдетъ описаніе рукописей, надъ коимъ трудиться продолжаю. По изготовленіи вчернѣ всего каталога примусь за изданіе Сборника Святослава" [2]). О томъ же писалъ онъ и Калайдовичу послѣ 22 іюля, благодаря его за указаніе неточностей въ копіи Сборника 1073 г. Тутъ же онъ сообщалъ разныя дополнительныя свѣдѣнія о счисленіи въ славянскихъ рукописяхъ—вопросѣ, давно занимавшемъ обоихъ нашихъ ученыхъ [3]). Въ письмѣ послѣ 6 авг. къ Калайдовичу снова шла рѣчь о Лавр. лѣтописи, въ послѣсловіи которой Востоковъ отмѣтилъ рядъ мѣстъ, плохо прочитанныхъ прежнимъ издателемъ лѣтописи, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ [4]).

Тѣмъ временемъ продолжалась работа надъ приведеніемъ въ порядокъ библіотеки гр. Румянцова и выписокъ и списковъ съ разныхъ памятниковъ, хранившихся въ ней. Въ концѣ августа (29-го) Востоковъ писалъ объ этомъ Калайдовичу [5]). Въ сентябрѣ онъ разсматривалъ новыя рукописи, пріобрѣтенныя графомъ, между прочимъ Минею праздничную или Трефолой конца XIV, начала XV в. (письмо отъ 5 сент.) [6]); послѣ 8-го сентября сообщилъ Калайдовичу описаніе Псалтыря, напечатаннаго въ Александровской слободѣ въ 1577, приложивъ и списокъ послѣсловія [7]); 22 же октября писалъ гр. Румянцову: „составляемый мною каталогъ рукописей Библіотеки Ваш. С-ва понемногу подвигается". Кромѣ того, Востоковъ извѣщалъ графа, что занятъ „сочиненіемъ примѣчаній къ памятникамъ Краинскаго языка X вѣка, сохра-

[1]) Тамъ же, стр. 123.
[2]) Тамъ же, стр. 126—27.
[3]) Тамъ же, 127—28.
[4]) Тамъ же, стр. 130.
[5]) Тамъ же, стр. 132.
[6]) Тамъ же, стр. 133.
[7]) Тамъ же, стр. 136.

писавшимся въ Фрейзингенской рукописи, коей снимки издаетъ Г. Кеппенъ". Такъ какъ книга эта издавалась на счетъ графа, то Востоковъ полагалъ, что исполняетъ только свой долгъ по отношенію къ графу, содѣйствуя достоинству изданія. По окончаніи этой работы онъ собирался приступить къ изданію Сборника 1073 г. „Драгоцѣннымъ пособіемъ" для него долженъ былъ послужить „пергаменный XI вѣка Григорій Богословъ Имп. публ. библ.; ибо въ Сборникѣ помѣщены многія мѣста изъ словъ Григоріевыхъ, и переводъ кажется одинъ и тотъ же. Любопытно будетъ сличеніе сихъ двухъ рукописей XI в." [1]). Канцлеръ былъ очень доволенъ этимъ письмомъ Востокова и 7 ноября писалъ ему, что онъ его „безъ сомнѣнія" одолжилъ составленіемъ примѣчаній къ Фрейзингенскимъ отрывкамъ и много порадовалъ извѣстіемъ, что скоро займется изданіемъ Сборника Святослава [2]).

Но отъ этого дѣла Востокова постоянно отвлекали разныя мелкія работы по описанію отдѣльныхъ рукописей и предпринятый каталогъ всѣхъ Румянцовскихъ рукописей. Такъ письмо Востокова отъ 22 ноября наполнено описаніемъ пергаменной рукописи Іоанна Лѣствичника XII в. (въ дѣйствительности XIII в.), купленной для графа Калайдовичемъ, которую нашъ палеографъ называетъ здѣсь „драгоцѣнной", поздравляя графа съ пріобрѣтеніемъ „такой рѣдкости" и обѣщая теперь же заняться сличеніемъ и разсмотрѣніемъ ея и другихъ пяти списковъ Іоанна Лѣствичника, имѣвшихся уже раньше въ библіотекѣ канцлера [3]). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 5 декабря Румянцовъ извѣщалъ Востокова, что „съ жаднымъ любопытствомъ дважды уже прочелъ его ученыя и весьма основательныя замѣчанія насчетъ древней рукописи, пріобрѣтенной Калайдовичемъ", т. е. Іоанна Лѣствичника. „Я неусыпно стараюсь о накопленіи древнихъ документовъ и рукописей—прибавлялъ онъ. Подаютъ мнѣ часто надежду, но вскорѣ опять все забываютъ и донынѣ существующая лѣнь и нерадѣніе беретъ верхъ по прежнему" [4]).

Востоковъ между тѣмъ продолжалъ изучать списокъ І. Лѣствичника XII (XIII) в., сличая его съ другими списками и „весьма многому научаясь изъ этой любопытной древней рукописи", какъ писалъ онъ Калайдовичу 19-го декабря. Во время этой работы онъ убѣдился въ значеніи почерка рукописи, какъ важнѣйшаго

[1]) Тамъ же, стр. 142.
[2]) Тамъ же, стр. 144.
[3]) Тамъ же, стр. 148—150.
[4]) Тамъ же, стр. 152.

критерія для сужденія о времени ея возникновенія и дѣлился своими наблюденіями съ Калайдовичемъ, признаваясь, что раньше считалъ одинъ изъ списковъ Лѣствицы очень древнимъ и восходящимъ къ XI в. Въ этомъ предположеніи Востоковъ опирался на архаичности правописанія и языка, весьма сходныхъ съ Изборникомъ 1073 г. Но при этомъ онъ „не обратилъ надлежащаго вниманія на почеркъ ея, указывавшій на XIII столѣтіе—или лучше сказать, не уважилъ примѣчаемаго въ ономъ несходства съ почеркомъ XI вѣка, полагая правописаніе и языкъ достаточными признаками къ опредѣленію древности письма“. Теперь же пришлось сознаться въ ошибкѣ и признать, „что не правописаніе, а почеркъ составляетъ вѣрнѣйшую примѣту для палеографа“ [1]). О томъ же писалъ Востоковъ и канцлеру отъ 20 декабря, прилагая выписку изъ сербскаго пролога о Кн. Мстиславѣ [2]). Замѣчанія Востокова, относительно Іоанна Лѣствичника, понравились канцлеру, который и благодарилъ его за нихъ въ письмѣ своемъ отъ 28 декабря [3]). Въ такомъ видѣ предстаетъ предъ нами научная дѣятельность Востокова въ разсматриваемой нами области въ теченіе 1824 года.

Калайдовичъ въ теченіе этого года былъ преимущественно занятъ своими изданіями и особенно печатаніемъ главнаго труда своей жизни объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ. 6 марта 1824 г. онъ писалъ Востокову: „теперь одно только мое занятіе скорѣе исполнить волю Государственнаго Канцлера: печатаю Ексарха Болгарскаго, 22 листа уже оттиснуты, но столько же еще остается“ [4]). 10 апрѣля онъ снова сообщалъ своему собрату по занятіямъ: „Ексархъ Болгарскій безпрерывно меня занимаетъ, не смотря ни на слабость силъ послѣ жестокой жабы, ни на свѣтлый праздникъ... послѣ Пасхи останется отпечатать листовъ 18 приложеній“ [5]). Изъ письма Калайдовича къ Востокову отъ 28 апрѣля видно, что онъ все еще продолжалъ трудиться надъ печатаніемъ Экзарха, для котораго приходилось отливать древнія буквы [6]). 3-го іюня Калайдовичъ снова писалъ Востокову: „Мой Ексархъ идетъ теперь не такъ-то успѣшно, сколько бы я желалъ: типографія должна отлить болѣе 150 неупотребительныхъ буквъ и знаковъ, и я совершенно мучусь надъ корректурами, желая въ

1) Тамъ же, стр. 156—157.
2) Тамъ же, стр. 158—159.
3) Тамъ же, стр. 161.
4) Тамъ же, стр. 84—85.
5) Тамъ же, стр. 89.
6) Тамъ же, стр. 96.

точнѣйшемъ видѣ передать нѣкоторыя изъ приложеній“ [1]). Лестный отзывъ о своемъ трудѣ, еще до выхода въ свѣтъ книги, Калайдовичъ получилъ отъ Востокова, писавшаго ему 18-го марта: „На сихъ дняхъ видѣлъ я мелькомъ у Канцлера отпечатанные листы вашего Ексарха, и порадовался между прочимъ и тому, что вы не оставили безъ вниманія мое разсужденіе о Сл. языкѣ, удостоивая оное во многихъ мѣстахъ повѣрять, дополнять и поправлять Вашими замѣчаніями“ [2]).

Отъ „Экзарха“ Калайдовича постоянно отвлекали разныя другія текущія дѣла. Такъ весною 1824 года ему пришлось работать еще надъ составленіемъ „объяснительнаго предъувѣдомленія“ къ изданію первыхъ 13 листовъ Лавр. лѣтописи, отпечатанныхъ еще до 1812 г. проф. Тимковскимъ на средства, пожертвованныя въ 1811 г. Зоемъ Павловичемъ Зосимой (въ размѣрѣ 3.600 р.). Общество Исторіи и Древн. Росс. поручило Калайдовичу выпустить въ свѣтъ эти давно лежавшіе листы и написать къ нимъ предисловіе, какъ одному изъ своихъ членовъ, наиболѣе способному къ такому дѣлу. Для этой работы Калайдовичу понадобились разныя свѣдѣнія о Лавр. лѣтописи, за которыми онъ обращался къ Востокову въ письмахъ отъ 6 марта и 10 апр. 1824 г. [3]). Въ маѣ мѣсяцѣ изданіе [4]) было совсѣмъ готово, такъ что 3 іюня экземпляръ его могъ быть уже отправленъ къ Востокову [5]). Свѣдѣнія, доставленныя послѣднимъ, и особенно описаніе самой рукописи Лавр. списка (см. выше, стр. 893), цѣликомъ вошли въ предисловіе Калайдовича (съ указаніемъ ихъ принадлежности Востокову).

Вышедшее новое изданіе вызвало рѣзкую критику Н. Полевого, напечатанную въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (1824 г., ч. XI, стр. 65—73). Рецензентъ указывалъ здѣсь нѣсколько ошибокъ, сдѣланныхъ Тимковскимъ и не оговоренныхъ Калайдовичемъ, котораго, сверхъ того, упрекаетъ въ рядѣ умолчаній (о Шлецерѣ, какъ первомъ издателѣ лѣтописи, о томъ, что Троицкій списокъ лѣтописи сгорѣлъ въ библіотекѣ Общ. Ист. и Древн. и т. д.), въ перепначиваніи словъ Шлецера, а также и въ томъ, что онъ не дополнилъ крупныхъ пропусковъ, сдѣланныхъ Тимковскимъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 117.

[2]) Тамъ же, стр. 88.

[3]) Тамъ же, стр. 84 и 88.

[4]) „Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку Мниха Лаврентія. Изд. проф. Тимковскаго, прерывающееся 1019 годомъ, напечатано при Общ. Истор. и Др. Росс. Съ предисл. К. Калайдовича. М. 1824. 4°. VIII + 105 стр.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V. вып. II, стр. 116

Весною 1824 г. началось и печатаніе „Бѣлорусскаго архива“ о. Григоровича, первый листъ котораго вышелъ къ апрѣлю мѣсяцу [1]).

Кромѣ того, еще раньше, въ засѣданіи Общества ист. и древностей 29 февр., Калайдовичъ представилъ XI статей, приготовленныхъ имъ исподволь для второй части Русскихъ Достопамятностей. Общество опредѣлило печатать ихъ съ тѣмъ, чтобы каждый отпечатанный листъ прочитывался, какъ цензорами, предсѣдателемъ Общества и дѣйств. членомъ М. Г. Гавриловымъ, профессоромъ эстетики и славянскаго языка [2]). Статьи эти, однако, такъ и остались ненапечатанными.

Несмотря на подобныя задержки, печатаніе „Экзарха“ всетаки подвигалось, и 6 авг. Калайдовичъ снова писалъ Востокову: „Мы ожидаемъ возвращенія Канцлера къ 20-му числу, и я сердечно порадуюсь, если къ сему времени окончу моего Ексарха; но трудности въ корректурахъ непомѣрны: ручаюсь, что не только буква, ниже какой-либо знакъ у меня проронёнъ въ приложеніяхъ, которыя теперь идутъ къ концу, за то чего стоитъ? Я никогда не рѣшился бы сохранять такой точности, или, что все равно, гравировать подвижными литерами, если бы предметъ самаго сочиненія того не требовалъ“ [3]). 23 авг. Калайдовичъ уже могъ сообщить Востокову радостное извѣстіе: „Сего дня подписываю къ печати послѣдній 58 листъ моего изслѣдованія, которое недѣли черезъ двѣ явится на вашъ просвѣщенный судъ... Отъ имени Канцлера я вамъ препровожу, по назначенію Его С-ва, экземпляръ на обыкновенной бумагѣ; другой веленевый, съ раскрашенными рисунками, предварительно прошу принять отъ меня съ благосклонностью, въ знакъ памяти и благодарности за ваше лестное участіе въ трудѣ моемъ. Таковой же экземпляръ представлю Имп. Росс. Академіи. Признаюсь, вниманіе сего первенствующаго сословія знаменитыхъ въ россійскомъ словѣ мужей (!) подкрѣпитъ меня въ занятіяхъ трудныхъ, гдѣ нужна помощь и одобреніе“ [4]). 8 же сентября Калайдовичъ могъ отправить по на-

---

[1]) См. письмо гр. Румянцова къ Малиновскому отъ 4-го апр. въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. И. и Др. Р.» 1882 г., кн. 1, стр. 284.

[2]). Труды и лѣтописи Общества Ист. и Древн. Росс. 1827 г., ч. III, кн. II, стр. 55—56. Среди этихъ статей были: Хожденіе игум. Даніила, Русскій лѣтописецъ патр. Никифора, Уставъ Владимира, Посланіе къ кн. Дм. Юр. Шемякѣ, Паремьи о убіеніи Бориса и Глѣба, Духовная Климента конца XIII в. и др. болѣе поздніе уже историческіе документы и матеріалы. См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1862 г., кн. 3, стр. 16.

[3]) Тамъ же, стр. 129.

[4]) Тамъ же, стр. 131.

значенію обѣщанный Востокову экземпляръ [1]). Въ отвѣтѣ своемъ (послѣ 8-го сент.) Востоковъ писалъ: „Съ жадностью пробѣжалъ я вашу книгу, въ которую мнѣ придется не однажды заглядывать и ею руководствоваться. Не премину сообщить вамъ по времени замѣчанія и догадки, внушаемыя мнѣ чтеніемъ ученыхъ вашихъ изслѣдованій и любопытныхъ приложеній, сей богатой сокровищницы древности Славеноболгарскаго языка!" [2]).

Отзывы о новой книгѣ были противорѣчивы. Самъ канцлеръ былъ въ восторгѣ еще отъ первыхъ листовъ Экзарха и, посылая ихъ Евгенію, писалъ 25 января: „я горжусь той степенью отличія, которую онъ (Калайдовичъ) симъ сочиненіемъ достигаетъ. Г. Калайдовича я засталъ въ загонѣ и въ числѣ дюжинныхъ трудниковъ, а теперь судите, въ какомъ онъ предстанетъ видѣ и за границею" [3]). Евгеній, съ нѣкоторыхъ поръ нерасположенный къ Калайдовичу (см. выше, стр. 856), отвѣчалъ сдержанно и уклончиво, хотя все же признавалъ важность открытій, сдѣланныхъ нашимъ археологомъ-палеографомъ. Въ письмѣ своемъ отъ 6 февр. онъ писалъ: „чувствительнѣйше благодарю за сообщеніе первыхъ листовъ Калайдовича объ I. Екз. Болг.; покорнѣйше прошу и продолженія. Давно уже упоминаютъ о семъ Екзархѣ, но теперь только появляется обстоятельное свѣдѣніе о немъ. Это важное открытіе въ Славянской Словесности IX вѣка [4]), но пока не увижу окончанія всего изысканія Калайдовича, не смѣю еще сказать моего мнѣнія". Впрочемъ, въ письмѣ отъ 13-го апрѣля, Евгеній, возвращая графу прочитанные листы труда Калайдовича, находилъ, что онъ „преисполненъ многихъ умныхъ замѣчаній". Въ мѣстахъ, съ которыми Евгеній не соглашался, онъ дѣлалъ карандашемъ отмѣтки, намѣреваясь представить свои мнѣнія

---

[1]) Тамъ же, стр. 134. Книга носила слѣдующее заглавіе: «Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее исторію Словенскаго языка и литтературы IX и X столѣтій. Написано Константиномъ Калайдовичемъ, Главнымъ Смотрителемъ Коммиссіи печатанія Госуд. Грамотъ и Договоровъ, Московскихъ Обществъ: Ист. и Древн. Россійскихъ, Люб. Росс. Слов., Имп. Испытателей Природы и С.-Петерб. Вольнаго Люб. Росс. Слов. Членомъ и Кавалеромъ. Съ шестьнадцатью гравир. изображеніями. Москва. Въ Типогр. Семена Селивановскаго. 1824». (folio, загл. листъ съ гербомъ гр. Румянцева + VI + 2 ненум. + 218 + 4 ненум. + 7 таблицъ снимковъ + 2 ненум.).

[2]) Тамъ же, стр. 135.

[3]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. III. Воронежъ, 1872 г., стр. 97—98.

[4]) Дальше въ черновикѣ письма зачеркнуто: «въ доказательствѣ о всей Слав. библіи, переведенной Меѳодіемъ, основанномъ на сказаніи Екзарха, по слуху, по моему мнѣнію, нужно бы что-нибудь прибавить важнѣйшее (по сильнѣе)». Тамъ же, стр. 99.

графу, по прочтеніи уже всего сочиненія. Намѣреніе свое онъ отложилъ, однако, до полученія полнаго экземпляра. „Ибо не видя еще авторовыхъ примѣчаній на его книгу, нельзя судить о его основаніяхъ“ [1]). Ни Калайдовичъ, ни графъ этихъ мнѣній Евгенія, впрочемъ, не дождались. Въ письмѣ отъ 14 сентября, Евгеній нашелъ сказать о полученныхъ листахъ лишь то, что „Екзарховы переводы для слога любопытны“ [2]). По полученіи вышедшей книги, Евгеній замѣтилъ только (въ письмѣ отъ 24 сент.): „Книги сіи (трудъ Калайдовича и 1-я ч. Бѣлорусскаго архива) пребудутъ памятникомъ меценатскаго попеченія Вашего С-ва о нашей словесности. Я ихъ въ листахъ еще читалъ: а теперь еще прочту съ отмѣтками“ [3]).

Отношеніе къ труду Калайдовича со стороны Евгенія было, какъ мы увидимъ, не единственнымъ диссонансомъ въ хорѣ хвалебныхъ и лестныхъ отзывовъ, въ которыхъ не было недостатка. Самъ канцлеръ изъявилъ свое восхищеніе письмомъ къ Калайдовичу отъ 10 сентября: „Я желалъ бы, чтобы Вы были свидѣтелемъ той радости, которую почувствовалъ я, получа первый экземпляръ ученаго изслѣдованія Вашего..., при письмѣ, коимъ Вы меня удостоить изволили отъ 2-го Сентября. Сей трудъ, за который я Вамъ премного благодаренъ, сдѣлаетъ Васъ извѣстнымъ вездѣ и навсегда, опредѣлитъ Вамъ отличное мѣсто между всѣми вообще писателями нашего вѣка. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать другихъ экземпляровъ Экзарха, дабы первый изъ нихъ отправить къ Митрополиту Евгенію и ученому Добровскому“ [4]).

Проф. Виленскаго университета И. Н. Лобойко прислалъ гр. Румянцову также длинное хвалебное письмо (отъ 3 ноября), въ которомъ называетъ книгу Калайдовича „важнымъ трудомъ“ и „достопамятнымъ изданіемъ“, долженствующимъ подать поводъ „къ безчисленнымъ изысканіямъ и соображеніямъ, а особливо для Богемскихъ Славенослововъ“. Лобойко полагалъ, что они теперь воспользуются трудами Калайдовича лучше, нежели мы, такъ какъ больше работаютъ и лучше знакомы съ историч. памятниками разсматриваемой у Калайдовича эпохи. По словамъ Лобойка, „изданіемъ Іоанна Екзарха положенъ краеугольный камень въ основаніе Славенской Палеографіи, которая должна пролить жизнь и свѣтъ на мрачную древность“. Изданіе должно принести „важную подпору и поощреніе“ и другимъ ученымъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 103.
[2]) Тамъ же, стр. 109.
[3]) Тамъ же, стр. 110.
[4]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 180.

занимающимся даннымъ предметомъ, напр. Кеппену. „Г-ну Калайдовичу принадлежитъ честь не только какъ ревностнаго и счастливаго изыскателя Славенскихъ древностей, но и какъ перваго основательнаго Комментатора изъ Россійскихъ ученыхъ", обогатившаго „изданные имъ памятники многими новыми открытіями и важными объясненіями въ пользу Славенской Филологіи" и др. наукъ. Изъ разбираемаго труда Лобойко усматривалъ, что авторъ его имѣетъ въ рукахъ „много другихъ достопамятныхъ матеріаловъ" и особенно Изборникъ Святославовъ. Авторъ письма полагалъ, что Калайдовичъ „послѣ Екзарха ничего не найдетъ достойнѣе нашихъ ожиданій, его талантовъ и покровительства" гр. Румянцова, какъ изданіе Изборника. По его мнѣнію, наиболѣе крупнымъ недостаткомъ новаго труда являлось лишь незнакомство съ „Славенской Грамматикой" Добровскаго („Institutiones etc."), полученной Калайдовичемъ слишкомъ поздно. Лобойко находилъ, что безъ нея „невозможно успѣшно совершить никакого филологическаго труда", и авторъ „Экзарха" нашелъ бы въ ней „много разрѣшеній" на свои „недоумѣнія", обнаруженныя въ его трудѣ. Какъ примѣръ, Лобойко указывалъ, что Калайдовичъ, вмѣстѣ съ Востоковымъ [1]), считалъ „особенной формой неопредѣленнаго наклоненія" то, что Добровскій „давно" уже назвалъ „Славенскимъ супиномъ", сравнивая лат. оборотъ ibo dormitum со слав. *приде Марія видѣтъ гробъ* [2]).

Впрочемъ, хвалебный отзывъ Лобойка, не обладавшаго ни выдающимися способностями и знаніями, ни глубокимъ умомъ [3]), не

---

[1]) Относительно Востокова это не совсѣмъ вѣрно. Правда, онъ не называлъ эти формы супиномъ, а достигательнымъ наклоненіемъ», и считалъ ихъ особой формой неопред. накл., но связь ихъ съ лат. супиномъ была ему ясна, какъ это видно изъ его «Разсужденія».

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, в. II. стр. 146—48.

[3]) Евгеній давалъ ему такую ядовитую характеристику (въ письмѣ къ Анастасевичу отъ 27 янв. 1822 г.): Естьли вы отгадывали мое мнѣніе о Лобойкѣ, то для чего же вы нѣкогда за тетрадку его о скандинавщинѣ возвеличивали его ентузіастически, какъ ученика безподобнаго Раска? Вы часто любите фигуру exaggeratio. По думаю, что Вильна въ своемъ профессорѣ найдетъ фигуру extennatio и удивится, что въ Петербургѣ жалуютъ не только чинами и мѣстами, но и умомъ» («Древняя и Новая Россія» 1881 г., февр., стр. 307—308). Востоковъ, впрочемъ, въ общемъ остался доволенъ отзывомъ Лобойка. 10 дек. 1824 г. онъ писалъ гр. Румянцову: «Я съ удовольствіемъ прочелъ сообщенную мнѣ выписку изъ письма къ Вамъ профессора Лобойки объ Іоаннѣ Екзархѣ. Замѣчанія Г. Лобойки нахожу вообще справедливыми, хотя и не во всемъ могу съ нимъ согласиться. Надѣюсь при случаѣ дружески побесѣдовать съ нимъ о предметахъ нашего разногласія». (Сборникъ стат., чит. въ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. II, стр. 154).

имѣлъ большого вѣса такъ же, какъ и восторженное привѣтствіе Н. Полеваго, находившаго, что „изданіе книги великолѣпно; приложенные *снимки* съ рукописей удивляютъ совершенствомъ [1]; но всего любопытнѣе примѣчанія г. Калайдовича, богатаго палеографическимъ познаніемъ Русской старины“. Съ историческими выводами книги Полевой не вполнѣ соглашался и хотѣлъ посвятить имъ особую статью [2]).

Отзывъ Карамзина звучитъ покровительственно, но въ общемъ вполнѣ благопріятенъ, хотя, конечно, также не достаточно компетентенъ. 16-го сентября 1824 г. онъ писалъ автору труда, благодаря его за присылку изданной имъ „важной книги“ и сообщая, что „съ любопытствомъ занимается ея чтеніемъ“. Карамзинъ не сомнѣвался, что „Россійская Академія оцѣнитъ, какъ должно, трудъ“ Калайдовича [3]). Этого въ дѣйствительности, однако, не случилось, и Калайдовичъ не получилъ съ ея стороны никакого поощренія, кромѣ простой „благодарности именемъ Академіи“ [4]). Очевидно Россійская Академія была безсильна оцѣнить научное значеніе новаго труда, не имѣвшаго ближайшаго отношенія ни къ словопроизводствамъ Шишкова, ни къ излюбленному имъ вопросу о введеніи славянщины въ литерат. языкъ. Зато Академія Наукъ избрала автора „Ексарха“ своимъ членомъ-корреспондентомъ (въ засѣд. 27 апр. 1825 г.) [5]).

Незначительны, мелочно придирчивы и неудачны были и „легкія“ замѣчанія нашего академика Круга, писавшаго Румянцову 3 ноября 1824, что трудъ Калайдовича внушилъ ему большой интересъ. Само изданіе, по словамъ Круга, дѣлаетъ честь Калайдовичу и пробудило въ критикѣ желаніе видѣть, наконецъ, и Остромирово евангеліе напечатаннымъ съ такою же тщательностью. Характерно, однако, что сейчасъ же вслѣдъ за этимъ сужденіемъ, заявляя о своей готовности пожертвовать сотню рублей на подобное изданіе, Кругъ называетъ, въ качествѣ примѣрнаго издателя Остромирова евангелія, Востокова („quelqu'un comme p. e. M. Vostokov“), а не Калайдовича [6]).

Рядъ подобныхъ же замѣчаній заключается и во второмъ

---

[1]) Снимки дѣйствительно были «прекрасные», какъ называлъ ихъ самъ Румянцовъ въ письмѣ къ Малиновскому отъ 15 апр. 1824 г. (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1882 г., кн. I, стр. 286).

[2]) «Московскій Телеграфъ», 1825 г., ч. I, стр. 80—81.

[3]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 120.

[4]) См. Извѣстія Росс. академіи. Кн. 12. 1828, стр. 34—35.

[5]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3, стр. 82.

[6]) Тамъ же, стр. 75—77.

письмѣ Круга къ Румянцову отъ 6 февр. 1825 г. [1]). Если вѣрить Румянцову [2]), Кругъ „сохранялъ“ трудъ Калайдовича „въ отличной цѣнѣ“, чему должно было служить доказательствомъ приношеніе Кругомъ экземпляра Экзарха отъ имени Румянцова одному „славному собранію въ Каринтіи, извѣстному подъ именемъ Іоаннеума“, причемъ Кругъ будто бы „объяснялъ все достоинство“ труда Калайдовича. Извѣстныя, однако, намъ письма Круга не подтверждаютъ этихъ словъ графа. Сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на „Ексарха“ и протоіерей о. Григоровичъ, приславшій графу свои возраженія 20 февр. 1825 г. Онъ, впрочемъ, не согласился и съ рядомъ замѣчаній Круга [3]).

Добровскій въ письмѣ своемъ къ Копитару отъ 22 марта 1825 г. [4]) отнесся къ „Ексарху“ скептически. Не безъ вѣроятія можно думать, что это отношеніе не было вполнѣ безпристрастнымъ, такъ какъ первая же глава „Экзарха“, основныя положенія которой уже раньше явились въ печати (см. выше, стр. 785) разбивала гипотезу Добровскаго о сербскомъ происхожденіи церковнослав. языка. Какъ бы то ни было, по словамъ Добровскаго, Калайдовичъ слишкомъ много довѣрялъ „сомнительнымъ подписямъ и надписямъ“. Вообще для патріарха славистики все въ книгѣ Калайдовича являлось „въ высшей степени сомнительнымъ. Во времена царя Симеона никакого Экзарха и не было, а позднѣйшіе архіепископы Іоанны, всѣ греки родомъ, не подходятъ. Впрочемъ, цѣнны приведенныя изъ древнѣйшихъ рукописей Отче нашъ и притча изъ евангелія отъ Матѳея... Мои замѣчанія заставятъ господъ сморщить носъ. Приводится также еще и архіепископъ Константинъ, ученикъ Меѳодія и т. д. Было бы хорошо указать на подобныя вещицы въ какомъ нибудь журналѣ. Жаль что этого нельзя уже сдѣлать въ вашихъ (Копитара) лѣтописяхъ“. Копитаръ въ отвѣтномъ письмѣ отъ 29 окт. 1825 г. изъявилъ готовность тоже присоединиться къ походу противъ Калайдовича: „Licebitne et mihi addere mea aliqua?—Нельзя ли и мнѣ прибавить кое-что“—спрашивалъ онъ и увѣрялъ, что онъ лучше Добровскаго можетъ ихъ отдѣлать: „et ego, melius Te, possem illos arguere“ [5]).

Впрочемъ, замѣчанія Добровскаго, присланныя Калайдовичу лишь весной 1826 г., касались лишь незначительныхъ, чисто

---

[1]) Тамъ же, стр. 77.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 78.
[4]) Сборникъ отд. р. яз. и слов. 1885 г., т. 39, стр. 513.
[5]) Тамъ же, стр. 526.

внѣшнихъ погрѣшностей изданія и состояли изъ далеко не всегда удачныхъ корректуръ и конъектуръ къ текстамъ, изданнымъ Калайдовичемъ. П. И. Кеппенъ, препровождавшій замѣчанія Добровскаго Калайдовичу, писалъ послѣднему 15 апр. 1826 г.: „Прилагаю при семъ нѣкоторыя собственноручныя замѣчанія почтеннаго Добровскаго. Вообще въ отношеніи къ самому Эксарху онъ не совсѣмъ съ Вами согласенъ, но не взирая на это говоритъ, что трудъ Вашъ послѣ библіи занимаетъ у него первое мѣсто. Нельзя сердиться на почтеннаго старца даже въ случаѣ слишкомъ строгихъ иногда сужденій" [1]).

Отрицательную критику далъ и скептикъ Каченовскій, утверждавшій, что ни самого Іоанна, ни его титула „Экзархъ" въ X в. не существовало, а потому нападки Добровскаго вполнѣ справедливы. По мнѣнію Каченовскаго, Іоаннъ Ексархъ жилъ въ XII в. и родомъ былъ сербъ, постригшійся въ монахи въ Хиландарской обители на Аѳонѣ (на дѣлѣ основанной лишь въ XIII в.) [2]).

Такимъ образомъ, большинство нападокъ на Калайдовича касалось или мелочей, или исторической стороны его труда; значеніе же его для палеографіи и филологіи никѣмъ не оспаривалось. Изъ всѣхъ сужденій, конечно, самымъ компетентнымъ и безпристрастнымъ было мнѣніе А. Х. Востокова, а оно, какъ мы видѣли, несомнѣнно говорило о высокихъ достоинствахъ „Экзарха" (см. выше, стр. 903), признанныхъ въ еще большей мѣрѣ и позднѣйшей научной оцѣнкой [3]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что трудъ Калайдовича по новизнѣ и богатству содержанія не имѣлъ себѣ предшественниковъ въ нашей научной литературѣ, если не считать его же собственныхъ изданій, въ родѣ „Россійскихъ Достопамятностей", „Памятниковъ древней Россійской словесности" и т. д., на которыхъ онъ только учился трудному дѣлу изданія памятниковъ, или Строевскаго „Софійскаго временника". Это было первое широко задуманное и, принимая во вниманіе тогдашнія условія, блестяще выполненное, вполнѣ научное критическое изданіе важныхъ литературныхъ и языковыхъ памятниковъ цѣлой исторической эпохи, открывавшее ее для научнаго изученія и, вмѣсто коммента-

---

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г., кн. 3-я, стр. 78. Сами замѣчанія Добровскаго—на стр. 78—80.

[2]) Вѣстникъ Европы 1826 г., «Историческія справки объ Іоаннѣ, Ексархѣ Болгарскомъ» №№ 15 (стр. 197—204), 17 (стр. 38—48), 18 (стр. 108—115) 19 и 20, стр. 246—255; 21 и 22 (98—105) и 23 (238—56).

[3]) См. А. А. Кочубинскаго, «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ» и т. д. Одесса 1887—1888, стр. 132—133.

рія, снабженное настоящимъ научнымъ изслѣдованіемъ. Попутно задѣвался рядъ разнообразнѣйшихъ вопросовъ историко-литературныхъ, палеографическихъ и грамматическихъ, а въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ сообщалась масса совершенно новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ прямо изъ рукописей, нерѣдко впервые обслѣдованныхъ и открытыхъ самимъ же Калайдовичемъ. Книга начинается съ изслѣдованія, распадающагося на пять главъ: „I. Начало Словенскихъ письменъ.—Константинъ и Меѳодій.—Ихъ труды.—Книжный языкъ Словенскій. II. Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій. III. Переводъ Богословіи Дамаскина. IV. Сочиненіе Шестоднева. V. Греко-Словенская Грамматика.—Переводъ Философіи Дамаскина.—Слово на Вознесеніе Господне. VI. Заключеніе“, за которыми слѣдують „Примѣчанія (стр. 85—124), Приложенія (древніе тексты, стр. 129—212), Дополненія и Поправки, Рисунки“.

Основныя мысли первой главы не представляли уже ничего новаго, такъ какъ она была напечатана еще въ 1822 г. въ „Трудахъ“ Моск. общ. люб. росс. слов. подъ заглавіемъ „О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ“ (см. выше, стр. 785). Теперь она подвергалась лишь нѣкоторымъ стилистическимъ поправкамъ, не коснувшимся содержанія. Вторая глава имѣетъ главнымъ образомъ историко-литературное содержаніе, выясняя личность и дѣятельность Іоанна Экзарха. Третья посвящена подробному палеографическому описанію рукописи, содержащей переводъ „Богословіи“ I. Дамаскина, сдѣланный I. Экзархомъ, и указываетъ другіе списки и тексты (между прочимъ греческій XII в.), которые были использованы для изданія. Кромѣ чисто палеографической характеристики, находимъ здѣсь и перечень фонетическихъ (въ связи съ графикой) и морфологическихъ особенностей языка рукописи. Указывается на употребленіе ъ и *ь*, *ы* послѣ *г*, *к*, *х*; *ь* послѣ *ж*, *ш*, *ч*, *ц*, *щ*; именное склоненіе простыхъ прилагательныхъ, которое Калайдовичъ называетъ страннымъ; „двоякое окончаніе“ неопред. наклоненія (т. е. формы супина, рядомъ съ неопред. накл.), причемъ дѣлается неудачное предположеніе: „не скрывается ли здѣсь неопредѣленное употребленіе древнихъ полугласныхъ ъ и *ь*, и не должно ли читать: *послушати*, *исцѣлитися*, *облещи*, и т. д.“. Калайдовичъ ставитъ здѣсь рядъ недоумѣвающихъ вопросовъ, въ тѣ времена вполнѣ понятныхъ: какъ объясняется шт вм. щ въ Изборникѣ 1073 г. (стр. 23), отчего въ сербскихъ памятникахъ пишется *ь* вм. ъ, а въ Синод. евангеліи 1144 г. и Новгор. лѣтописи—*і* вм. *и* (стр. 23—24) и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ недоумѣній кажутся намъ теперь наивными (напр. относительно „разно-

образнаго употребленія гласныхъ, сходныхъ въ выговорѣ": ѹ и ѵ, ѥ и є, ѩ и ѧ, ѡ и о и т. д. стр. 24), но въ то время, конечно, они могли и должны были возникать. Далѣе говорится подробно объ употребленіи надстрочныхъ знаковъ: титлъ, точекъ, ковыкъ, внѣшней формѣ разныхъ буквъ (ъı и ы) и т. д.

Успѣхи въ изученіи древнихъ памятниковъ, достигнутые Калайдовичемъ къ тому времени, сказываются въ отказѣ его отъ прежняго собственнаго взгляда на древность данной рукописи, которую онъ считалъ въ своемъ „Опытѣ рѣшенія вопроса о томъ: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря и т. д." (см. выше, стр. 776 и сл.) собственноручнымъ спискомъ переводчика изъ IX.в. Теперь онъ называетъ это мнѣніе „ложнымъ и противорѣчащимъ исторической истинѣ" (стр. 26). Время написанія рукописи Калайдовичъ, вслѣдъ за Востоковымъ, опредѣляетъ XI или XII вѣкомъ (на дѣлѣ она, вѣроятно, значительно позднѣе и относится къ XII—XIII в.). Вопросъ о древности даннаго текста приводитъ Калайдовича къ критикѣ хронологическихъ опредѣленій, сдѣланныхъ Скіадой на слав. рукописяхъ Патріаршей и Духовной Типографской библіотекъ, ошибочность которыхъ онъ устанавливаетъ.

Интересна для того времени попытка сличенія одного и того же мѣста изъ ев. отъ Матоея (XXV. 14—30), проведенная по евангеліямъ: Остромирову, Мстиславову (1125—32 г.), Синодальному (1144 г), Добрилову („Канцлерскому", 1164 г.), Милятину (около 1230 г.), Новгородскому (1270 г.), Поликарпову (1307 г.), Ѳедорову (1358), Зарайскому (1401), Лукинскому (1409), и по печатнымъ текстамъ „Угровлахійскому" (1512), Острожской библіи (1581), Московской первопечатной библіи (1663 г.). „нынѣшнему исправленному" и русскому переводу Библейскаго общества (стр. 29—37). Въ примѣчаніяхъ къ этому сличенію (№ 66—75) находимъ описанія перечисленныхъ памятниковъ и изданій, большею частью первыя по времени въ нашей литературѣ. Приводится также сличеніе трехъ извѣстныхъ Калайдовичу переводовъ „Богословіи" Дамаскина (стр. 38—55).

Четвертая глава содержитъ аналогичное изслѣдованіе „Шестоднева", въ основу котораго положенъ Синодальный списокъ 1263 г. Описаніе этого списка мы находимъ на стр. 61—62. Здѣсь подробно говорится о его сербскомъ происхожденіи, причемъ впервые въ нашей литературѣ такъ точно и полно устанавливаются главнѣйшіе признаки сербскихъ памятниковъ (стр. 62). Палеографическія особенности текста описываются съ большей подробностью на стр. 68—73.

Въ пятой главѣ находимъ совершенно новый въ то время и

интересный матеріалъ для исторіи византійско-славянской грамматической теоріи, заключающійся въ изслѣдованіи разсужденія *о осьми частехъ слова,* приписываемаго І. Дамаскину (см. выше, стр. 149—50). Здѣсь встрѣчаемъ впервые указанія на древность славянскихъ словарей, опыты которыхъ „углубляются во времена отдаленнѣйшія“ (стр. 74). Калайдовичъ разумѣетъ здѣсь глоссаріи: „*Рѣчь жидовьскаго языка*“, находящійся въ Новгородской Кормчей 1282 г., и „*Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ рѣчемь*“ въ новгородскомъ же спискѣ Іоанна Лѣствичника 1431 г., изданные имъ впервые въ приложеніяхъ къ „Экзарху“ (стр. 193—197) и охарактеризованные у насъ выше (стр. 162—163). Далѣе авторъ указываетъ извѣстные ему списки сочиненія о восьми частяхъ слова (древнѣйшій—первой половины XVI в.) и приводитъ содержаніе разсужденія, перечисляя особенно подробно древніе славянскіе грамматическіе термины (стр. 76—79) и выясняя между прочимъ происхожденіе понятія о *различіи* или *членѣ* (79—80). Впервые здѣсь сообщается рукописное извѣстіе объ очень рѣдкомъ печатномъ изданіи разсужденія о восьми частяхъ слова, упомянутомъ у насъ выше на стр. 150, причемъ Калайдовичъ сомнѣвается въ его существованіи: „сіе рѣдкое изданіе (если оно дѣйствительно существовало) совершенно намъ неизвѣстно. Можетъ быть, сія Грамматика заготовлена была токмо въ печать, но въ свѣтъ не появилась“ (стр. 81). Въ заключеніи главы говорится о приписываемомъ Іоанну Экзарху „*Словѣ на Вшествіе Господа нашего Ісуса Христа*“ и еще двухъ словахъ: *на Преображеніе* и *отъ сказанія Евангельскаго,* которыя Калайдовичъ не отваживался приписать Экзарху.

Послѣдняя глава—заключеніе—представляетъ нѣсколько словъ pro domo sua. „Все доселѣ мною сказанное,—пишетъ Калайдовичъ,—нѣкоторые почтутъ невѣроятнымъ“. Никто и не подозрѣвалъ существованія литературы у славянъ въ IX и X вв. и такихъ писателей, какъ Экзархъ Іоаннъ. „Конечно, такія открытія могутъ произвести удивленіе, соединенное съ недовѣріемъ (и дѣйствительно произвели!). Но мои памятники, долго таившіеся въ книгохранилищахъ, теперь обнаружены: пусть всякой читаетъ, повѣряетъ и судитъ... Но какъ доселѣ могли утаиться такіе подвиги? Неудивительно“, потому что только недавно русская исторія и древняя словесность „получили новое, счастливѣйшее направленіе“. Авторъ высказывалъ въ концѣ надежду, что будутъ совершены и новыя открытія, „когда многочисленныя книгохранилища, на пространствѣ нашей Имперіи разсѣянныя, будутъ ученымъ образомъ изслѣдованы и описаны“.

Многочисленныя примѣчанія къ изслѣдованію содержали рядъ частныхъ экскурсовъ и небольшихъ самостоятельныхъ этюдовъ: о составѣ и происхожденіи слав. азбуки (прим. 6), сравненіе притчи о милосердномъ самарянинѣ въ слав., сербск., болгарск. и русскомъ переводахъ (пр. 15), описаніе открытыхъ Калайдовичемъ Пандектовъ Антіоха XI в. (пр. 31), древнѣйшихъ русскихъ списковъ слав. библіи—Геннадіевскаго 1499 г. и 1559 г. (пр. 34), списка словъ на Аріанъ св. Аѳанасія (пр. 40), сборника XV в. съ переводомъ Григорія о взятіи Трои и подвигахъ Александра Македонскаго (пр. 42), Изборника 1073 г. (пр. 54), синод. евангелія 1144 г. (пр. 57), сравненіе текста Молитвы Господней въ перечисленныхъ выше текстахъ (стр. 910), предпринятое по желанію гр. Румянцова (пр. 65, ср. выше, стр. 869), описаніе нѣсколькихъ старопечатныхъ сербскихъ книгъ (пр. 97), четырехъ списковъ Шестоднева XV—XVII вв. (пр. 100), старопечатныхъ слав. грамматикъ, съ пространнымъ дополненіемъ о знаменитомъ „Граматичномъ исказаньѣ" Юрія Крижанича [1]), въ которомъ впервые сообщались болѣе подробныя свѣдѣнія о его дѣятельности, приводились большія выдержки изъ его труда, и характеризовались его смѣлые и новые взгляды, являющіеся предтечами позднѣйшихъ общепризнанныхъ ученій (о видахъ глагола, простыхъ и сложныхъ прилагательныхъ и т. д., пр. 107).

Наконецъ, въ „приложеніяхъ" къ книгѣ, кромѣ трудовъ Іоанна Экзарха и приписываемыхъ ему сочиненій, упомянутыхъ уже выше, былъ напечатанъ рядъ памятниковъ древней нашей и славянской письменности: сказаніе о письменехъ черноризца Храбра (съ болгарскаго списка 1348 г., сличеннаго съ печатными изданіями Бурцова 1637 г. и Новикова 1791 г.), вышеупомянутые опыты словарей непонятныхъ и иностранныхъ словъ, встрѣчающихся въ Священномъ Писаніи, Альфавитъ, како которая рѣчь говорити, или писати (первое изданіе у насъ вообще, сдѣланное на основаніи списка XVII в. изъ библіотеки гр. Толстого), о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, и о суевѣріяхъ (тоже), а также семь таблицъ прекрасныхъ палеографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ по рисункамъ художника А. М. Ратшина и гравированныхъ А. А. Флоровымъ.

Книга Калайдовича—лучшій и наиболѣе зрѣлый плодъ его

---

[1]) О внимательномъ изученіи Калайдовичемъ сочиненій Юрія Крижанича свидѣтельствуетъ и дополнит. примѣчаніе на стр. 218, гдѣ приводится мнѣніе «одного ученаго Серба, жившаго въ XVII в.», относительно безполезности буквы ѯ.

научной дѣятельности, матеріалы для котораго „приготовлялись" еще съ 1813 г. (см. Введеніе къ книгѣ, стр. III), явилась такимъ образомъ настоящимъ событіемъ въ нашей научной литературѣ, вполнѣ самостоятельнымъ по содержанію и методу и свидѣтельствовавшимъ о безспорномъ и неожиданномъ ростѣ русской науки. Авторъ былъ безусловно правъ, говоря во введеніи къ своему труду (стр. III): „знатоки языка Словенскаго конечно согласятся, что предлагаемое Изслѣдованіе прольетъ новый свѣтъ на древнѣйшую нашу письменность". Самое то обстоятельство, что современники, даже такого калибра, какъ Добровскій, Копитаръ и др., не съумѣли оцѣнить всей важности труда Калайдовича, а цѣплялись болѣе или менѣе неудачно за разныя мелочи, показываетъ, насколько содержаніе его было ново для своего времени. „Іоаннъ Ексархъ Болгарскій" былъ настоящимъ bahnbrechendes Werk не только въ области исторіи литературы, но и въ области палеографіи и языкознанія, намѣчавшимъ новые пути и цѣли изслѣдованія.

Кромѣ Экзарха, Калайдовичъ, почти одновременно съ нимъ [1]), выпустилъ первую часть „Бѣлорусскаго архива", собраннаго и приготовленнаго къ печати о. І. Григоровичемъ [2]). Изданіе это, посвященное гр. Н. П. Румянцову, содержало рядъ грамотъ, на русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ, служащихъ источниками для исторіи Бѣлоруссіи и Литвы. Къ латинскимъ и польскимъ текстамъ здѣсь приложены переводы, въ русскихъ же оригинальныхъ грамотахъ „сохраненъ, по возможности, образъ тогдашняго правописанія, исключая знаки препинанія, которые для

[1]) Экземпляры I-й ч. «Архива» разсылались гр. Румянцовымъ одновременно съ «Экзархомъ». См. письмо графа къ Евгенію отъ 18 сент. въ Перепискѣ митроп. Евгенія съ гр. Румянцовымъ». Вып. III, стр. 110.

[2]) «Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ (съ эпиграфомъ изъ договора Мстислава, кн. Смоленскаго, 1229 г.: *Что ся дѣетъ по вьремьнемь, то отъиде то по вьрьмьнемь* и т. д.). Часть первая. Москва. Въ Тип. С. Селивановскаго. 1824». (4°. XVI + 2 ненум. + 148). Извѣстное участіе въ собраніи матеріаловъ для этого изданія принималъ и виленскій проф. И. Н. Лобойко. См. Чтенія въ Общ. ист. и древн. 1864 г., кн. 2, стр. 38—39. Интересенъ его взглядъ на научное значеніе этихъ матеріаловъ, выраженный имъ въ письмѣ къ гр. Румянцову отъ 30 марта 1824 г. Говоря о томъ, что бѣлорусскими грамотами полны «общественные и частные Архивы во всѣхъ Губерніяхъ отъ Польши присоединенныхъ», онъ замѣчаетъ: «невозможно, чтобы Исторія и Филологія не извлекли изъ сего, донынѣ неприкосновеннаго, но богатаго, источника ощутительной пользы. Съ перваго взгляда можно видѣть, что исторія Россійскаго языка, о которой мы только еще начинаемъ думать, найдетъ въ семъ источникѣ весьма важную подпору» (Чтенія въ Общ. ист. и др. 1864, кн. 2, стр. 40, прим.).

ясности смысла, надлежало разставить по принятымъ правиламъ" (введеніе, стр. VIII—IX). Тотъ же принципъ проведенъ здѣсь и при изданіи латинскихъ и польскихъ грамотъ. Древнѣйшія русскія грамоты, напечатанныя въ этомъ собраніи, относятся къ XV в. (не раньше конца 40 гг. его) и напечатаны большею частью не съ оригиналовъ, а съ позднѣйшихъ списковъ (XVII в., а то такъ и еще новѣе). Самая старая грамота относится къ царствованію короля Казимира (1449—1492), но сохранилась лишь въ спискѣ XVII в. Кромѣ нея, къ XV в. принадлежатъ еще: грамота князя Мстиславскаго Ивана Юрьевича 1463 г. (по списку новаго письма) и грамота Александра Кіевскому митрополиту Іосифу 1499 г.; XVI-го в. имѣется 20 грамотъ (нѣкоторыя съ болѣе позднихъ списковъ). Палеографическихъ снимковъ при этомъ изданіи не было (если не считать facsimile съ подписей Сигизмунда и Льва Сапѣги подъ грамотой 1588 г., стр. 59).

Довольно много грамотъ, собранныхъ Григоровичемъ, осталось и должно было войти во вторую часть Архива, которая подготовлялась къ печати, но такъ и не увидѣла свѣта. Впослѣдствіи эти грамоты, вмѣстѣ съ грамотами первой части, вошли въ собраніе Актовъ Зап. Руси, изд. Археограф. Коммиссіей.

По окончаніи Экзарха, Калайдовичъ, по желанію гр. Румянцова, долженъ былъ приступить къ исполненію имъ же самимъ давно (въ 1814 году, см. выше, стр. 821) задуманнаго и предложеннаго графу (въ 1816 г., см. выше, стр. 827) предпріятія, а именно къ описанію рукописей Синодальной библіотеки. Указомъ Синода отъ 18 окт. 1824 г. онъ былъ допущенъ къ произведенію названной описи [1]), а 7 ноября канцлеръ писалъ по этому поводу Востокову: „...Синодъ, снисходя на мое прошеніе, велѣлъ допустить г. Калайдовича составить въ Москвѣ ученый Каталогъ всѣмъ рукописямъ Патріаршей Синодальной Библіотеки. Когда каталогъ сей готовъ будетъ, когда особливо окончится тотъ, въ которомъ Вы описываете мнѣ принадлежащія рукописи, тогда кажется будетъ принесена мною любителямъ нашихъ древностей достаточная услуга" [2]).

Свою радость по этому поводу графъ выразилъ и въ письмѣ своемъ къ митрополиту Евгенію (въ ноябрѣ 1824 г.). Сообщая ему о дозволеніи Синода, канцлеръ писалъ: „Нельзя предвидѣть, какія въ семъ важномъ источникѣ найдутся самыя древнія рукописи... Взявъ во вниманіе, что Каталогъ рукописей... гр. Толстова уже довершенъ, что г. Востоковъ занятъ описаніемъ мнѣ при-

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862, кн III, стр. 80.
[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. II, стр. 145.

надлежащихъ древнихъ рукописей, и что теперь г. Калайдовичъ готовить будетъ полное и ученое описаніе русскихъ манускриптовъ, находящихся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, кажется, можно порадоваться сему совсѣмъ новому въ Россіи появленію" [1]).

5 декабря канцлеръ переписывался о томъ же съ Малиновскимъ, благодаря его за то, что онъ собирается приступить „къ исполненію давняго и большого его желанія видѣть составленный г. Калайдовичемъ и въ печати изданный ученый каталогъ Словенскихъ рукописей Патріаршей Синодальной библіотеки" [2]).

Калайдовичъ съ своей стороны писалъ объ этомъ Востокову 2 декабря: „Изъ письма П. И. Кеппена я усмотрѣлъ, что Вы уже изволите знать о новомъ порученномъ мнѣ трудѣ. Открытіе таинствъ Синодальной Библіотеки есть одно изъ достославныхъ предпріятій нашего Мецената" [3]).

Востоковъ отвѣчалъ ему 19 дек.: „я сердечно радуюсь исходатайствованному вамъ... дозволенію описывать Синодальную Библіотеку... Желаю успѣшнаго совершенія... труда, коимъ вы стяжаете новое право на благодарность публики" [4]).

Изъ болѣе мелкихъ работъ Калайдовича за это время укажемъ на описаніе пергаменной Лѣствицы Іоанна Схоластика, купленной у одного московскаго старовѣра для гр. Румянцова осенью 1824 г. и принадлежащей, по мнѣнію Калайдовича, XII в. Описаніе это находится въ письмѣ къ графу Румянцову отъ 14 окт. 1824 г. [5]). Купленная рукопись была отправлена съ письмомъ Калайдовича къ Востокову, который въ письмѣ своемъ къ гр. Румянцову отъ 22 ноября тоже отнесъ ее къ XII в., кромѣ болѣе поздняго послѣдняго листа XIII—XIV в. [6]). Графъ, какъ всегда, былъ очень радъ этому пріобрѣтенію и писалъ 28 окт. Востокову: „Меня многою радостію порадовалъ г. Калайдовичъ, купивъ для меня весьма древнюю рукопись" [7]). Вообще же въ 1824 году Румянцовъ не былъ особенно счастливъ въ своихъ поискахъ за древними рукописями, которыя

---

[1]) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 116.

[2]) «Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882, кн. 1, стр. 298.

[3]) Сборникъ, Т. V, вып. II, стр. 153.

[4]) Тамъ же, стр. 157.

[5]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1882, кн. 1, стр. 341—343 и Переписка Евгенія съ Румянцовымъ. Вып. III. Воронежъ 1872, стр. 113.

[6]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Т. V, вып. II, стр. 148—149.

[7]) «Чтенія» 1882 г., кн. 1, стр. 291.

становились все рѣже и рѣже, такъ что и торговля ими въ Москвѣ стала падать. 25 ноября онъ писалъ Малиновскому: „Какъ не сожалѣть..., что въ Москвѣ ослабѣваетъ торгъ древними русскими рукописями! Но для того-то и должно его поддержать новыми и частыми требованіями. Если умерли лучшіе продавцы, то ихъ мѣсто заступятъ, безъ сомнѣнія, люди новые". И тутъ же графъ давалъ порученіе Малиновскому познакомиться „съ одною торговкою книгъ и монетъ, которую" часто у него видалъ Калайдовичъ, и дать ей отъ имени графа порученіе „отыскивать рукописи самыя древнія" [1]). Такъ просты и первобытны были въ тѣ времена и отношенія, и условія ученаго коллекціонерства!

Изъ изданій графа въ 1824 году уже было приступлено къ печатанію IV части Собранія госуд. грамотъ и договоровъ и къ изготовленію для нея палеографическихъ снимковъ, о приложеніи которыхъ графъ и его сотрудникъ А. Ѳ. Малиновскій думали еще съ самаго начала изданія (см. выше, стр. 816—17) [2]). Но канцлеру не было суждено увидѣть этой части, и она вышла лишь послѣ его смерти.

Изъ другихъ членовъ Румянцовскаго кружка продолжалъ заниматься палеографіей и о. І. Григоровичъ, доставившій канцлеру весною 1824 г. свои „замѣчанія на харатейное Евангеліе", хранящееся въ Пулавахъ. Румянцовъ писалъ ему изъ Петербурга 31 мая, что будетъ „хвалиться" ими передъ Востоковымъ и Ермолаевымъ, прибавляя: „кажется мнѣ, что не худо было бы передать сіи замѣчанія Кіевскому Митрополиту, сказавъ, что сіе дѣлаете по моему желанію" [3]). Замѣчанія Григоровича понравились и приближеннымъ палеографамъ канцлера. 5-го іюня Румянцовъ сообщалъ Григоровичу, что ими „восхищался" Калайдовичъ [4]), а 31-го, что Кеппенъ „много ими прельщался и просилъ позволенія внесть ихъ въ одно изъ своихъ новыхъ сочиненій", на что графъ и согласился, съ условіемъ, чтобы принадлежность ихъ Григоровичу была обозначена [5]).

Какъ и другимъ своимъ сотрудникамъ, канцлеръ поручалъ Григоровичу „развѣдывать о всѣхъ продажныхъ, очень древнихъ, рукописяхъ на пергаминѣ" (письмо отъ 9 сент. 1825) и увѣдом-

---

[1]) Тамъ же, стр. 297.

[2]) См. письма Румянцова Малиновскому отъ 5 и 8 декабря 1824 г. Тамъ же, стр. 297—98.

[3]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. 1864, кн. 2, стр. 53.

[4]) Тамъ же, стр. 55.

[5]) Тамъ же, стр. 57.

лять его о томъ [1]). Григоровичъ исполнялъ эти порученія, давая въ своихъ письмахъ и описанія осмотрѣнныхъ имъ рукописей. Такъ 11-го сентября 1824 г. онъ сообщалъ Румянцову свои замѣчанія о составѣ рукописной Кормчей Воскресенскаго монастыря, которыя „много порадовали“ престарѣлаго графа [2]). Къ 1824 году относится и его разборъ „харатейнаго уставнаго Псалтыря XIV в.“ русскаго письма, найденный въ бумагахъ отца Іоанна его сыномъ и напечатанный имъ въ „Чтеніяхъ Общ. ист. и древн. росс.“ (1864, кн. 2, стр. 79—81).

Весной 1824 г. вернулся изъ заграничнаго своего путешествія по славянскимъ землямъ, предпринятаго съ научной цѣлью, П. П. Кеппенъ. Объ этомъ Румянцовъ писалъ Евгенію 7-го мая: „извѣстный Вамъ г. Кеппенъ, возвратился сюда и привезъ довольно богатый запасъ разныхъ преполезныхъ снимковъ для составленія Славянской Палеографіи“ [3]). Матеріалы эти графъ предполагалъ издать и 24-го іюня снова писалъ Евгенію: „Кеппенъ приступаетъ къ напечатанію на моемъ иждивеніи всѣхъ собранныхъ имъ за Дунаемъ для Слав. Палеографіи матеріаловъ“ [4]). Евгеній привѣтствовалъ это начинаніе въ письмѣ отъ 20-го іюля: „Ваше С-во обѣщаете намъ еще любопытныя изданія Востокова Каталога и Кеппеновыхъ Задунайскихъ находокъ. Оба сіи сочинители достойны покровительства Вашего“ [5]).

Впрочемъ, изъ предпріятія Кеппена пока ничего не вышло. Повидимому, виновато въ этомъ отчасти было и знаменитое Петербургское наводненіе 1824 года. По крайней мѣрѣ 4 января 1825 г. Евгеній писалъ канцлеру: „Предпріятіе Кеппена обширно и требуетъ многаго иждивенія, а о потерянныхъ имъ при наводненіи спискахъ надобно жалѣть. Въ другой разъ поскупятся и списывать“ [6]).

Въ связи съ развитіемъ русской палеографіи и разработкой нашихъ рукописныхъ сокровищъ находится не лишенный интереса по личности автора и времени появленія „Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ, или способъ узнавать на бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи, съ приложеніемъ рисунковъ. Вологодскаго купца Ивана Лаптева (Посв. Арханг., Вологодск. и

[1]) Тамъ же, стр. 61.

[2]) Тамъ же, стр. 78—79.

[3]) Переписка митр. Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 105.

[4]) Тамъ же, стр. 107.

[5]) Тамъ же.

[6]) Тамъ же, стр. 120.

Олонецкому Ген.-Губернатору С. И. Миницкому). Санктпетербургъ. Въ типогр. Департамента Нар. Просвѣщенія. 1824": 4°, 11 стр. (подъ текстомъ всего пять)+28 таблицъ съ рисунками водяныхъ знаковъ въ бумагѣ рукописей (150). Эта небольшая книжка, носившая такое претенціозное заглавіе (вспомнимъ Евгенія, мечтавшаго еще въ 1812—13 гг. о „краткомъ начертаніи русской дипломатики", см. выше, стр. 816), въ сущности представляла собою небольшой альбомъ однихъ водяныхъ знаковъ съ 1439 г. по 1700, снабженный краткимъ вступительнымъ текстомъ (большею частью перечень знаковъ съ обозначеніемъ ихъ годовъ). Единичныя изображенія водяныхъ знаковъ встрѣчались и раньше на палеографическихъ снимкахъ, прилагавшихся къ тѣмъ или другимъ изданіямъ древнихъ памятниковъ, но у Лаптева находимъ впервые довольно большую ихъ коллекцію (22 изъ XV в., 62—XVI-го и 96—XVII-го). Самыхъ рѣдкихъ знаковъ (числомъ 20) Лаптевъ въ своемъ альбомѣ не помѣстилъ.

Румянцовъ, прося Востокова купить экземпляръ этой книжки для своей петербургской библіотеки, писалъ ему 9 янв. 1825 г.: „сочиненіе вовсе не созрѣлое; но въ вашихъ искусныхъ рукахъ оно можетъ принести плодъ зрѣлый и полезный. Пересмотрите пожалуйте, нѣтъ ли... ошибокъ въ опредѣленіи періодовъ тѣхъ годовъ, къ коимъ онъ относитъ бумаги по ихъ гербамъ; всѣ ли гербы тѣхъ періодовъ ему извѣстны были и мое по этой матеріи полное незнаніе исправьте пожалуйте, сказавъ мнѣ между трудолюбивыми Нѣмцами, не существуетъ ли кто нибудь, который бы въ одномъ и полномъ сочиненіи передалъ намъ особую исторію о писчей бумагѣ и о всѣхъ ея гербахъ съ означеніемъ, гдѣ фабрики существовали; нѣтъ ли о семъ достаточныхъ извѣстій въ важномъ Французскомъ и Нѣмецкомъ сочиненіи о Палеографіи" [1]).

Востоковъ отвѣчалъ 31-го янв.: „сочиненіе сіе безъ сомнѣнія неполно и недостаточно, однакожъ какъ первый у насъ опытъ въ этомъ родѣ, заслуживаетъ всякой благодарности. Многія заводскія клейма не были извѣстны издателю, имѣвшему въ рукахъ небольшое только число рукописей; при томъ же извинительно, что онъ не показалъ, къ какимъ городамъ или фабрикамъ принадлежалъ какой гербъ: къ опредѣленію этого потребна большая начитанность. Но онъ могъ и долженъ бы былъ для большей достовѣрности, показать, изъ какихъ именно рукописей сняты клейма и изображенія знаковъ у него помѣщенныхъ, и гдѣ находятся сіи рукописи. Открывъ такимъ образомъ для охотниковъ до древно-

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 164.

стей существованіе сихъ рукописей, придалъ бы двойную цѣну своей книгѣ, которая можетъ быть послужила бы тогда любопытнымъ охотникамъ, Библіографамъ и собирателямъ полезнымъ руководствомъ къ отысканію таковыхъ. Я съ моей стороны также занимаясь собираніемъ знаковъ на бумагѣ, давно уже доискиваюсь, нѣтъ ли какого нибудь полнаго сочиненія о семъ предметѣ; но доселѣ ничего такого не нашелъ. Мнѣ извѣстно только, что при каталогѣ Библіотеки Сантандера приложены изображенія знаковъ на бумагѣ первопечатныхъ XV в. книгъ, съ означеніемъ, гдѣ находились фабрики бумажныя. Слѣдовательно таблицы сіи заключаютъ въ себѣ только фабрики послѣдней половины XV столѣтія. Я продолжаю разысканія мои о семъ, и коль скоро что отыщу, не премину довести до свѣдѣнія В. С-ва"[1]).

Графъ (въ письмѣ отъ 17 февр. 1817) совершенно согласился съ этимъ мнѣніемъ Востокова[2]). Писалъ о книгѣ Лаптева и Калайдовичъ, вызванный на то графомъ Румянцовымъ, который въ письмѣ отъ 6 янв. 1825 г. поручилъ Малиновскому: „Попросите отъ меня г. Калайдовича, чтобы онъ мнѣ сдѣлалъ на сіе сочиненіе свое замѣчаніе, правильно ли сочинитель приписывалъ разнымъ періодамъ знаки, существующіе въ бумагахъ, всѣ ли онъ ихъ описалъ и нѣтъ ли Константину Ѳедоровичу извѣстныхъ знаковъ, о коихъ умолчалъ г. Лаптевъ"[3]). Замѣчанія эти были написаны и доставлены графу, который нашелъ ихъ (въ письмѣ отъ 10 марта 1825) „весьма справедливыми и любопытными"[4]). До насъ они, однако, не дошли.

Печатная рецензія на книгу Лаптева явилась въ „Библіограф. листахъ" П. И. Кеппена (1825 г., № 10, стлб. 133—136). Авторомъ ея былъ Востоковъ, скрывшій, однако, свое имя подъ звѣздочкой[5]). Въ рецензіи высказывалась увѣренность, что книжка Лаптева будетъ принята библіографами и книжными торговцами „не только снисходительно, но и съ благодарностью", тѣмъ болѣе, что и въ Европѣ, сколько извѣстно рецензенту, еще не было „полнаго какого либо сочиненія по сему предмету, т. е. въ коемъ собраны и описаны бы были всѣ *заводскіе знаки* (Фр. filigrane, Нѣм. Wasserzeichen)". Указавъ на книгу Янсена („Essai sur l'origine de la gravure en bois et en tailledouce etc." Парижъ, 1808),

---

[1]) Тамъ же, стр. 160.
[2]) Тамъ же, стр. 174.
[3]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1882 г., кн. 1, стр. 305.
[4]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3, стр. 184.
[5]) См. Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова. Изд. И. И. Срезневскій. Спб. 1865, стр. LXV.

гдѣ сообщаются свѣдѣнія и о водяныхъ знакахъ XIV—XVI в., Востоковъ описывалъ содержаніе Лаптевскаго „Опыта“ и указывалъ тотъ же недостатокъ, что и въ письмѣ къ Румянцову, выражая желаніе, чтобы „трудолюбивый собиратель“ при новомъ изданіи своей книги указалъ, изъ какихъ рукописей или книгъ почерпнуты имъ его знаки, и гдѣ тѣ рукописи или книги находятся.

Тотъ же упрекъ Лаптеву сдѣлалъ и анонимный авторъ рецензіи въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Полеваго (1825 г., ч. VI, 391): „Жаль, что не сказалъ, съ какихъ именно книгъ“ взяты собранные имъ знаки, „а въ Палеографіи точность главное условіе“.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ выше изложеннаго, „Опытъ“ Лаптева, являющійся первымъ предтечей современнаго намъ аналогичнаго труда Н. П. Лихачева, нашелъ себѣ компетентную оцѣнку при самомъ своемъ появленіи.

Въ 1824 г. вышла въ свѣтъ и вторая часть „Записокъ и Трудовъ“ Московскаго Общества ист. и древн. россійскихъ, содержавшая лишь очень мало матеріаловъ для палеографіи (нѣсколько надписей на монетахъ въ „Описаніи русскихъ монетъ“ Брусилова, въ добавокъ переданныхъ обыкновенными печатными буквами, надпись Десятинной церкви въ Кіевѣ, на крестѣ В. кн. Святослава II Всеволодовича, XIII в. и т. д.). Почти всѣ статьи этой части имѣли чисто археологическій характеръ.

Изъ журнальныхъ статей этого года къ разсматриваемой нами научной области относились: 1) „Древнія грамоты В. Кн. Витовта“, сообщенныя З. Я. Доленго-Ходаковскимъ (текстъ и краткое описаніе двухъ грамотъ XV вѣка: 1424 и 1426 гг.) въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (т. IX, стр. 14—17); 2) М. Бобровскаго „О старинной Славянской рукописи Хроники Далматской“ (переводъ съ польскаго изъ журнала Dziennik Wilen'ski 1823 г.): подробное описаніе одной изъ славянскихъ рукописей Ватиканской библіотеки XVI в., составленіе которой ученый канонникъ относилъ къ XI—XII в., съ выдержкой изъ нея и примѣчаніями, указывающими особенности „далматинскаго нарѣчія. („Вѣстникъ Европы“, ч. 138, № 24, стр. 258—274); 3) М. П. Погодина: „Нѣчто о толкованіи одного мѣста въ Несторѣ“ (тамъ же, ч. 133, № 4, стр. 260—264), „Еще объ одномъ мѣстѣ изъ Нестора“ (тамъ же, стр. 283—287), „Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ Несторѣ“ (тамъ же, ч. 134, № 6, стр. 127—130, № 9, стр. 20—28, № 10, стр. 102—114, № 11, стр. 188—198)—рядъ толкованій отдѣльныхъ мѣстъ, выраженій, географическихъ и этнографическихъ именъ

(море Варяжьское, Волошьская земля, волохи, Варязи, Волъхва, Фряги и т. д.).

1825 годъ не принесъ нашей наукѣ такого крупнаго вклада, какимъ являлся „Экзархъ" Калайдовича, вышедшій въ предшествующемъ году, зато былъ ознаменованъ появленіемъ въ свѣтъ „Описанія рукописей графа Толстова" (перваго обстоятельнаго труда этого рода) и не менѣе обиленъ постоянной скрытой научной работой въ намѣтившемся уже раньше направленіи. Востоковъ продолжалъ трудиться надъ составленіемъ каталога Румянцовскаго собранія рукописей. Въ январѣ 1825 г. онъ писалъ Калайдовичу: „Дѣло это идетъ не такъ скоро, какъ бы мнѣ хотѣлось. Большая половина рукописей еще не описана, а ихъ и всѣхъ не болѣе 400; за то Каталогъ будетъ весьма обстоятеленъ и займетъ порядочный томъ. Дай Богъ только его кончить успѣшно, чтобы порадовать почтеннаго хозяина сихъ рукописей, и принести нѣкоторую пользу ученому свѣту" [1]) Въ февралѣ Востоковъ послалъ для образца нѣсколько статей изъ своего каталога Калайдовичу, который просилъ его объ этомъ, въ виду аналогичныхъ своихъ занятій по описанію рукописей Синодальной библіотеки. Этимъ случаемъ Востоковъ съ радостью воспользовался, чтобы „спросить совѣта и мнѣнія" Калайдовича „о удобствахъ или невыгодахъ" предначертаннаго имъ для себя плана, который онъ также послалъ Калайдовичу въ томъ же видѣ, въ какомъ и канцлеру. „Ежели вы найдете что нибудь въ немъ требующаго перемѣны— прибавлялъ Востоковъ, то крайне меня обяжете, преподавъ мнѣ ваши по сему предмету наставленія. Весьма бы хорошо было, если бы мы съ вами трудились по *одному плану*, какой съ общаго согласія признаемъ удобнѣйшимъ. Теперь еще есть время и мнѣ и вамъ сдѣлать всѣ нужныя на сей конецъ перемѣны въ расположеніи нашихъ каталоговъ". Тутъ же Востоковъ просилъ Калайдовича сообщить ему, какое расположеніе имѣетъ Синодальное евангеліе 1144 г.—четвероевангеліе или апракосъ? [2]).

Калайдовичъ отвѣтилъ на это письмо 2-го марта. Востоковскій планъ описанія онъ находилъ „составленнымъ съ особенною осмотрительностію и искусствомъ", но не могъ согласиться съ предлагаемымъ имъ расположеніемъ рукописей въ азбучномъ порядкѣ. Востоковъ полагалъ, что форматное распредѣленіе было бы сбивчиво и неудобно: чтобы отыскать книгу какого нибудь автора, пришлось бы искать ее въ разныхъ отдѣленіяхъ: фоліантовъ, квар-

---

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V. вып. II, стр. 168.
[2]) Тамъ же, стр. 171—172.

тантовъ и т. д., т. е. по всему каталогу. По мнѣнію же Калайдовича, азбучный порядокъ трудно примѣнимъ къ сборникамъ, а неудобства форматнаго распредѣленія могли бы быть устранены помощью особаго алфавитнаго указателя. Зато замѣчаніе Востокова о необходимости „сбереженія приписокъ самого писца рукописи и другихъ важнѣйшихъ“ Калайдовичъ принималъ полностью и выражалъ сожалѣніе, что мысль объ этомъ не пришла ему въ голову при составленіи каталога рукописей гр. Ѳ. А. Толстого. Относительно же „опредѣленія правописанія рукописей“, онъ полагаетъ: „не рано ли назначать правила, основываясь на признакахъ иногда случайныхъ?“ Равнымъ образомъ онъ думалъ, что „въ заглавіяхъ рукописей и въ приписахъ... нѣтъ нужды удерживать правописаніе подлинниковъ, исключая числительныхъ знаковъ“. Вообще же Калайдовичъ принималъ совѣты Востокова съ готовностью и просилъ не оставлять его ими, указывая, что труды такого рода, по новости ихъ въ нашемъ отечествѣ, требуютъ взаимнаго подкрѣпленія. На вопросъ Востокова о расположеніи Синод. евангелія 1144 г. Калайдовичъ отвѣчалъ, что оно дѣйствительно расположено по евангелистамъ, а не по чтеніямъ, и давалъ другія желаемыя свѣдѣнія о немъ [1]).

Обмѣнъ мнѣній о преимуществахъ того или другого распорядка въ описаніяхъ рукописей на этомъ не остановился. Востоковъ отвѣчалъ своему сотоварищу пространнымъ письмомъ 17-го марта, гдѣ писалъ, что „премного ему обязанъ“ за его „наставительныя замѣчанія“, и признаетъ нѣкоторыя неудобства своего плана, но думаетъ, что ихъ можно устранить, соблюдая такія правила: *сборниками* называть только такія рукописи, въ которыхъ „содержатся не два или три только сочиненія разныхъ авторовъ, но множество мѣлкихъ статей разнаго содержанія между собою перемѣшанныхъ“; такія же рукописи, въ которыхъ имѣется два-три разныхъ сочиненія, вносить въ алфавитъ по первому заглавію или автору; если же сборникъ начинается одной или нѣсколькими мелкими статьями, послѣ которыхъ слѣдуетъ большое сочиненіе другого автора или содержанія, то въ каталогѣ отдавать предпочтеніе послѣднему заглавію, указывая, что послѣднему сочиненію предшествуютъ такія то статьи. Трудности пріисканія желаемой статьи при большомъ количествѣ сборниковъ, по мнѣнію Востокова, не превышаютъ трудности отысканія „подъ разными формами книгъ одного автора или одного содержанія. Въ обоихъ случаяхъ помогаетъ Алфавитный указатель“. Относительно

[1]) Тамъ же, стр. 178—181.

сохраненія особенностей правописанія, Востоковъ несомнѣнно стоялъ на болѣе научной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Калайдовичъ: „считаю полезнымъ для Исторіи языка—писалъ онъ,—показывать различіе въ правописаніи рукописей, а потому удерживаю всѣ особенности и ошибки старинныхъ писцовъ. Сочинитель каталога такой Библіотеки, какова, напр., Канцлерская или Синодальная, пишетъ для ученыхъ, которые должны умѣть читать старинныя рукописи безъ нашихъ поправокъ. И почему знать, можетъ быть другой найдетъ правильнымъ, по свойству древняго языка или по свойству особеннаго нарѣчія то, что я считалъ ошибкою?

„Въ опредѣленіи, какому народу принадлежитъ какое правописаніе, стараюсь по возможности приблизиться къ истинѣ, утверждаясь на такихъ признакахъ, которые по сличеніи многихъ примѣровъ покажутся мнѣ не случайными только, а постоянными. Впрочемъ, представляю о томъ мои догадки; онѣ не помѣшаютъ читателю дѣлать собственныя свои заключенія о семъ предметѣ“.

Несмотря на несогласіе съ Калайдовичемъ, Востоковъ просилъ его прислать нѣсколько описаній рукописямъ Синод. библіотеки, по плану, которымъ онъ руководствовался, составляя свой каталогъ. „Ежели и нельзя будетъ намъ, прибавлялъ онъ, по разности мнѣній, а отчасти и по мѣстнымъ препятствіямъ, согласить во всемъ нашихъ плановъ, то по крайней мѣрѣ не худо знать объ оныхъ въ подробности, и заимствовать одному у другого все, что можно“. Въ заключеніе Востоковъ снова задавалъ Калайдовичу два вопроса, возбужденныхъ, очевидно, занимавшимъ его описаніемъ рукописей гр. Румянцова: какое предисловіе въ четвероевангеліи гр. Толстого передъ каждымъ евангелистомъ— Евсевіево или Ѳеофилактово, и съ какого времени явились въ Россіи списки четырехъ евангелій съ Ѳеофилактовыми предисловіями [1]).

Калайдовичъ отвѣтилъ на это письмо 2 апрѣля, препровождая къ Востокову вышедшій тѣмъ временемъ составленный имъ и Строевымъ Каталогъ рукописей гр. Толстого, какъ образчикъ плана, которымъ онъ руководствуется при описаніи рукописей: „не отступая и теперь отъ онаго, пополняю только сохраненіемъ современныхъ приписокъ писца и другихъ важнѣйшихъ;—въ тѣхъ сочиненіяхъ, въ коихъ нѣтъ опредѣленнаго заглавія... и... имени автора, выписываю первыя строки, дабы не смѣшать съ другими;—присоединяю... объяснительныя примѣчанія...; не отрекаюсь и отъ опредѣленія, какому народу принадлежитъ правописаніе и

[1]) Тамъ же, стр. 183—186.

даже почеркъ, если могу сказать объ этомъ что-либо утвердительное, основываясь на показаніяхъ писцовъ или сравнивая съ другими рукописями (но какъ опредѣлить правописаніе Изборника 1073 г., не смотря, что оный писанъ въ Россіи,—Евангелія 1144 г. и мн. друг.?)".

Такимъ образомъ, по собственному признанію, Калайдовичъ не сходился съ Востоковымъ лишь „въ двухъ обстоятельствахъ": 1) „въ распредѣленіи рукописей по алфавитному порядку, находя оное сбивчивымъ и неудобнымъ...: ибо можно ли въ рукописяхъ, содержащихъ два или три сочиненія, давать преимущество первому только потому, что онымъ начинается манускриптъ. Какъ же отыщетъ читатель слѣдующія за тѣмъ статьи?" 2) въ опущеніи „всѣхъ особенностей и ошибокъ (!) старинныхъ писцовъ (которыя Востоковъ удерживалъ)... ибо разнообразность правописанія даже и въ тѣхъ рукописяхъ, кои написаны однимъ писцомъ, ставитъ неодолимыя препоны къ составленію изъ такихъ выписокъ чего-либо опредѣленнаго". Поэтому „въ заглавіяхъ и приписках... исключая буквъ числительныхъ", Калайдовичъ проводилъ обычное современное ему правописаніе. Въ заключеніе письма Калайдовичъ писалъ: „Дай Богъ и въ такомъ видѣ оправдать съ честію ожиданія Канцлера при описаніи 954 рукописей и многихъ грамотъ въ теченіи трехъ, для меня опредѣленныхъ лѣтъ! (Калайдовичъ, какъ увидимъ ниже, договорился съ гр. Румянцовымъ исполнить свой трудъ въ три года). Иное дѣло составить подробный и ученый каталогъ рукописямъ, который долженъ освѣщать неприкосновенныя доселѣ книгохранилища вѣрнымъ указаніемъ всего въ нихъ содержащагося; совсѣмъ другое дать душу симъ тлѣющимъ памятникамъ и оживить ихъ, подобно какъ оживленъ Вами древнѣйшій переводъ творенія св. Григорія Богослова" [1]). Послѣднее слово въ этомъ обмѣнѣ мнѣній, въ которомъ Калайдовичъ обнаружилъ несомнѣнную самостоятельность взгляда, но въ то же время въ нѣкоторыхъ пунктахъ меньшую дальновидность и научность, чѣмъ Востоковъ, осталось за послѣднимъ. Въ письмѣ своемъ отъ 10 апр. Востоковъ писалъ Калайдовичу: „Тѣ два пункта, въ коихъ мы съ вами согласиться не можемъ, и именно: распредѣленіе каталога по азбучному порядку и сохраненіе ошибокъ писцовыхъ,—не сдѣлаютъ существенной разницы въ достоинствѣ каталоговъ, а потому будемъ уже продолжать такъ какъ

[1]) Тамъ же, стр. 188—190. Калайдовичъ, очевидно, имѣлъ здѣсь въ виду Востоковское описаніе извѣстной рукописи XIII словъ Григорія Богослова XI в., напечатанное въ «Библіограф. листахъ» Кеппена за 1825 г. (см. ниже).

мы начали“ [1]). Повидимому, Востоковъ, по природѣ своей совсѣмъ не бывшій бойцомъ за свои убѣжденія, замѣтилъ невозможность соглашенія съ Калайдовичемъ и уклонился отъ дальнѣйшаго спора, оставивъ за недосугомъ „подробнѣйшія разсужденія о семъ предметѣ“ до другого, болѣе удобнаго времени. Такъ какъ въ позднѣйшей перепискѣ этихъ „подробнѣйшихъ разсужденій“ мы не встрѣчаемъ, то едва ли ошибемся, предположивъ, что Востоковъ и не хотѣлъ болѣе къ нимъ возвращаться.

За изученіе Сборника 1073 г. Востоковъ все еще не могъ приняться, хотя мысль о немъ постоянно занимала его. 18 февр. онъ писалъ гр. Румянцову, что среди его рукописей нашелъ рукопись XV в., очень полезную для изданія названнаго Сборника, такъ назыв. „Анастасіевы отвѣты“, содержащіе тѣ же отвѣты, что и въ большей части Сборника. Востоковъ доискался, что существуетъ и печатное изданіе греческаго подлинника этой статьи съ латинскимъ переводомъ, но не могъ еще добыть его себѣ, хотя и считалъ названную статью „необходимо нужной для сличенія древняго Славянскаго перевода при изданіи Сборника“. Въ ожиданіи онъ пользовался латинскимъ переводомъ статьи Анастасія, помѣщеннымъ въ Bibliotheca patrum, и намѣревался приняться за работу надъ Сборникомъ „между временемъ составленія каталога“ [2]). Графъ въ письмѣ отъ 3 марта, высказывая свою радость по поводу того, что Востоковъ началъ работать надъ Сборникомъ, обѣщалъ ему добыть вышеупомянутое очень рѣдкое изданіе Анастасія Синаита (напечат. въ 1617 г. въ Ингольштадтѣ) и написалъ заграницу, чтобы ему купили названную книгу и выслали въ Петербургъ [3]).

Поиски, однако, оказались безуспѣшными [4]), и тогда для Востокова, по его просьбѣ къ Малиновскому, была снята копія съ греческаго рукописнаго списка сочиненія Анастасія Синаита X в., отысканнаго тѣмъ временемъ въ Синодальной библіотекѣ [5]).

Къ октябрю мѣсяцу копія съ греч. текста, вмѣстѣ съ facsimile первой его страницы, сдѣланная нарочно для того пріисканнымъ ученымъ грекомъ, были уже въ рукахъ Востокова, который въ

---

[1]) Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. 2, стр. 194—195.

[2]) Тамъ же, стр. 177.

[3]) Тамъ же, стр. 181.

[4]) См. письма Востокова: къ Румянцову отъ 25 марта (тамъ же, стр. 187—88), Малиновскому отъ 27 апр. (тамъ же, стр. 199—200) и Калайдовичу отъ 5 мая (тамъ же, стр. 204).

[5]) См. письма къ Востокову: Калайдовича отъ 14 мая (тамъ же, стр. 209), 5 іюня (стр. 223), 15 іюля (стр. 232) и 28 сент. (237—38) и Малиновскаго отъ 15 мая (стр 210); Востокова—Калайдовичу отъ 11-го іюня (стр. 224—225).

этомъ мѣсяцѣ писалъ Калайдовичу: „какъ fac simile, такъ и весь списокъ сдѣланы со всею исправностью, какую только желать можно“. Впрочемъ, текстъ Анастасія Синаита Синод. библіотеки оказался не полнымъ, сравнительно съ тѣмъ, что попало въ Изборникъ и въ „Гретсерово изданіе“ Анастасія (не хватало 56 отвѣтовъ, да и расположеніе ихъ было совсѣмъ въ другомъ порядкѣ, чѣмъ въ Изборникѣ и у Гретсера [1]). Всѣ эти неудачи задерживали работу надъ приготовленіемъ Сборника къ печати. По справедливой догадкѣ И. И. Срезневскаго, виноватъ былъ отчасти и характеръ Востокова: „занятый однимъ большимъ дѣломъ, онъ не могъ въ то же время съ такимъ же усердіемъ приняться и за другое подобное, требовавшее сосредоточеннаго вниманія. Его увлекали новыя находки и изслѣдованія ихъ вызывавшія, а всего болѣе описаніе Румянцовскихъ рукописей, которымъ онъ былъ занятъ какъ главнымъ дѣломъ“ [2]).

Надъ этимъ послѣднимъ трудомъ онъ продолжалъ все работать, и графъ 4 авг. писалъ къ нему: „Примите искреннюю мою признательность, что съ такимъ неутомимымъ трудомъ занимаетесь ученымъ описаніемъ мнѣ принадлежащихъ Славено-русскихъ рукописей“ [3]).

Рядомъ съ этимъ главнымъ занятіемъ, Востокову приходилось постоянно разсматривать и оцѣнивать пріобрѣтавшіяся Румянцовымъ рукописи, которыя направлялись къ нему для окончательнаго заключенія. Такъ 17 марта графъ послалъ Востокову нѣсколько кормчихъ, въ томъ числѣ одну пергаменную, якобы XII вѣка (на дѣлѣ XIII), и „Просвѣтителя“ временъ В. Кн. Ивана Васильевича [4]). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 15 апр. Востоковъ уже даетъ опредѣленіе пергаменной кормчей: „по языку, исполненному архаизмами, можно бы дѣйствительно отнести ее къ XII в., но почеркъ не старѣе XIII или даже начала XIV в.; за всѣмъ тѣмъ кормчая сія есть драгоцѣнность между рукописями Словенскими, потому что доселѣ извѣстны только двѣ кромѣ ея пергаменныя кормчія, одна въ Синодальной Б-кѣ, а другая 1284 г. гр. Толстова“ (теперь въ Имп. публ. библ.). Тутъ же онъ сообщаетъ описаніе креста съ надписями, отрытаго въ Гомелѣ [5]). Румянцовъ былъ очень радъ, что его пріобрѣтеніе было высоко оцѣнено Востоковымъ, и писалъ ему 1-го мая: „Письма мною отъ

[1]) Тамъ же, стр. 238.
[2]) Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова. Спб. 1865, XXXIV.
[3]) Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 236.
[4]) Тамъ же, стр. 183.
[5]) Тамъ же, стр. 195—196.

васъ полученныя, всегда приносятъ мнѣ душевное услажденіе... Я чрезвычайно порадованъ былъ, что тотъ древній манускриптъ Кормчей на пергаментѣ, которымъ я давно дорожилъ, заслужилъ особое ваше вниманіе". Тутъ же, однако, онъ прибавлялъ: „пріобрѣтеніе древнихъ на пергаменѣ книгъ къ сожалѣнію моему новыхъ успѣховъ не имѣетъ". Въ этомъ же письмѣ графъ благодарилъ Востокова за доставленныя имъ для Погодина выписки изъ старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ о Кириллѣ и Меѳодіи [1]), а въ письмѣ отъ 8 мая снова просилъ поручить Кеппену или кому другому навѣдаться у ксендза Бобровскаго, открывшаго только что передъ тѣмъ Супрасльскую рукопись, нельзя ли пріобрѣсти эту новую находку, а также посылалъ для прочтенія снимокъ надписей съ двухъ надгробныхъ камней, найденныхъ въ Лепельскомъ уѣздѣ [2]). Въ письмѣ 2-го іюня графъ опять давалъ Востокову порученіе познакомиться съ Супрасльскою рукописью, если она дойдетъ до Петербурга, и сообщить ему, „не имѣетъ ли она какихъ особыхъ достоинствъ", за которыя ее слѣдовало бы издать [3]).

9 іюня графъ шлетъ Востокову новое порученіе—опредѣлить по надписямъ время изготовленія трехъ старыхъ деревянныхъ крестовъ, принадлежащихъ ему [4]), а въ концѣ этого мѣсяца Востоковъ снова возвращается къ вопросу о древности пергаменной кормчей XIII—XIV в., которую онъ здѣсь считаетъ „копіей съ древнѣйшей Болгарской рукописи, такъ какъ въ ней сохранены многіе архаизмы" [5]). Не говоримъ уже о множествѣ разныхъ другихъ ученыхъ порученій по книжной части, справокъ въ рукописяхъ и книгахъ и т. п., которыми канцлеръ не переставалъ забрасывать Востокова.

Несмотря на это, въ 1825 году Востоковъ опять выступилъ въ печати съ рядомъ работъ по палеографіи, до сихъ поръ еще не утратившихъ своей научной цѣны. Первой изъ нихъ было описаніе пріобрѣтенной въ 1824 г. Императ. публ. библіотекой рукописи XI в., содержавшей XIII словъ Св. Григорія Назіанзина [6]). Востоковъ установилъ принадлежность этой рукописи

[1]) Тамъ же, стр. 202—203.

[2]) Тамъ же, стр. 207—208.

[3]) Тамъ же, стр. 219.

[4]) Тамъ же, стр. 223—24.

[5]) Тамъ же, стр. 227.

[6]) «О Словенской рукописи XI вѣка, содержащей переводъ творенiй Св. Григорія Богослова» въ «Библіографическихъ Листахъ» П. И. Кеппена, 1825 г. № 7, стлб. 85—91. Перепечатано въ «Учен. Зап. 2-го отд. Ак. Наукъ». Кн. II, вып. II, стр. 75—80.

XI в., указалъ на сходство ея по почерку со Сборникомъ 1076 г., а по правописанію —съ Остромир. евангеліемъ, и опредѣлилъ ее, какъ русскій списокъ съ южнославянской (староболгарской) рукописи. Въ статьѣ устанавливался также составъ рукописи и ея отношеніе къ позднѣйшимъ спискамъ словъ Григорія Богослова (XV в.), и печатному ихъ изданію 1656 г. въ переводѣ Епифанія Славинецкаго. Приведены были также и интересныя приписки. Въ заключеніе статьи указывалось, что въ описанной рукописи, несомнѣнно „во многихъ отношеніяхъ заслуживающей вниманіе филологовъ", „изслѣдователю языка Словенскаго представляются... новые, богатые матеріалы".

За этой статьей послѣдовало „Извѣстіе о вновь открытыхъ древнихъ Словенскихъ рукописяхъ" [1]), гдѣ находимъ первое описаніе и палеографическую характеристику Супрасльской рукописи, незадолго передъ тѣмъ открытой ксендзомъ Мих. Бобровскимъ, и замѣтку о Барберинскомъ палимпсестѣ. Самой Супрасльской рукописи Востоковъ не видалъ и основывался лишь на присланныхъ въ редакцію „Библіографическихъ Листовъ" описаніи Бобровскаго и его же снимкѣ 16-ти строкъ памятника.

Но уже на основаніи этого скуднаго матеріала Востоковъ безошибочно опредѣлилъ принадлежность рукописи XI вѣку (Бобровскій относилъ ее къ XIII-му!), указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ „замѣчательнѣйшія особенности ея діалекта и правописанія", отличающіе ее отъ знакомаго уже Востокову правописанія древнѣйшихъ памятниковъ русской рецензіи. Не со всѣми замѣчаніями, сдѣланными имъ, можно теперь согласиться (напр., Востоковъ считаетъ совершенно однородными уклоненіями отъ нормы написанія *погыбѣлъ* и *сѫдѣластъ*, вм. обычныхъ др. русск. *погыбѣль* и *сѫдѣластъ*), но нельзя не признать, что, по точности, наблюдательности и внимательности изученія графическихъ особенностей рукописей, Востоковъ тогда не имѣлъ у насъ соперниковъ, превосходя въ этомъ отношеніи и Калайдовича.

Поэтому гр. Румянцовъ былъ вполнѣ правъ, когда писалъ Востокову (2-го іюня): „къ крайнему своему удовольствію прочелъ ученую и прелюбопытную рецензію Супрасльскаго манускрипта. Донынѣ у насъ древностямъ языка нашего подобныхъ поясненій не давали и дать было до васъ не кому" [2]).

Впослѣдствіи, уже въ 1826 г., Востоковъ напечаталъ „Допол-

---

[1]) «Библіограф. Листы», 1825 г., № 14, стлб. 189—200, перепеч. въ Ученыхъ Зап. 2-го отд. Акад. наукъ. Кн. II, вып. 2, стр 80—88.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. я. и слов., т. V, вып. II, стр. 220.

ненія и поправки“ къ этой статьѣ (также въ „Библіографич. Листахъ“, № 36, стлб. 533—37).

Характеристикѣ Барберинской рукописи посвящена была новая статья: „Ближайшія свѣдѣнія о Словенскомъ палимпсестѣ, въ Римѣ“ [1]), которая основывалась также на „обстоятельнѣйшемъ описаніи“ польскаго ученаго палеографа кс. М. Бобровскаго, видѣвшаго эту рукопись въ Римѣ. Здѣсь Востоковъ пришелъ къ инымъ выводамъ относительно даннаго памятника, чѣмъ въ предыдущей своей статьѣ. Основываясь со словъ Бобровскаго на томъ обстоятельствѣ, что въ Барберинскомъ палимпсестѣ сверхъ смытаго славянскаго письма написанъ греческій текстъ почеркомъ XII в., Востоковъ полагалъ раньше, что сама славянская рукопись могла относиться къ XI и даже X в. Теперь же оказалось, что написанное сверху греч. письмо *„не моложе XIII вѣка“*, а выписки изъ памятника, присланныя Бобровскимъ, засвидѣтельствовали вполнѣ поздній характеръ правописанія славянскаго текста, представлявшаго случаи среднеболгарскаго „смѣшенія юсовъ“ (ѫ съ ѧ) и сербской замѣны ѧ посредствомъ *е*, а ъ поср. *ь*. На основаніи этихъ данныхъ, Востоковъ относилъ слав. текстъ памятника къ XIII, много XII вѣку, и опредѣлялъ его правописаніе, какъ „смѣсь Болгарскаго и Сербскаго“, сравнивая его въ этомъ отношеніи съ Шестодневомъ 1263 г., изданнымъ Калайдовичемъ въ его изслѣдованіи объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ. Такъ шли въ этомъ году палеографическія занятія Востокова, изъ скромнаго чиновника-любителя выросшаго къ этому времени въ настоящаго первоклассного знатока своего дѣла, крупнаго и вполнѣ самостоятельнаго ученаго, съ которымъ у насъ тогда могъ сколько нибудь мѣряться развѣ только одинъ Калайдовичъ, несомнѣнно, впрочемъ, уступавшій ему въ глубинѣ лингвистическихъ свѣдѣній и точности, проницательности и обстоятельности палеографическаго изученія.

Превосходство Востокова признавали и современники, въ родѣ митрополита Евгенія, писавшаго Румянцову 4 янв. 1825 г.: „Замѣчанія Востокова (въ одномъ изъ его писемъ къ графу, посланномъ послѣднимъ по обыкновенію къ Евгенію) весьма тонки и этотъ Археологъ у насъ первый по разборчивому своему вниманію“ [2]).

---

[1]) «Библ. листы» 1825, № 17, стлб. 229—232, переп. въ Уч. Зап. 2-го отд. А. н., т. II, вып. 2, стр. 91—94. Гр. Румянцовъ «съ нетерпѣніемъ» ожидалъ появленія этой статьи въ журналѣ Кеппена. См. письмо графа къ Востокову отъ 2 іюня въ Сборн. статей, чит. въ отд. р. я. и слов. Т. V, вып. 2, стр. 219.

[2]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ. Вып. III. Воронежъ, 1872, стр. 120.

Главнымъ трудомъ Калайдовича въ этомъ году было составленіе каталога рукописей Синодальной библіотеки. 9-го января 1825 г. гр. Румянцовъ писалъ ему: „Алексѣй Ѳедоровичъ (Малиновскій) съ Вами условится о желаемомъ мною сочиненіи ученаго и подробнаго Каталога Патріаршихъ и Синодальныхъ рукописей. Приступите, пожалуйте, къ сему труду, коль скоро возможно. Искренно желаю и надѣюсь, что Вы преученымъ обработаніемъ сего каталога пріобрѣтете себѣ новую честь и оправдаете ту важную издержку, которую я понесу для составленія и изданія его"[1]). 20 января 1825 г. было заключено формальное условіе съ Калайдовичемъ, который обязывался въ три года приготовить „ученый обстоятельный и надлежаще, по направленію Его С—ва обработанный каталогъ" рукописей Синод. библіотеки, за что долженъ былъ получить 6000 рублей ассигнаціями и 1000 р. на наемъ писца и помѣщенія при библіотекѣ „для удобнаго занятія"[2]). 31-го янв. 1825 г. онъ писалъ Востокову: „сверхъ обязанности службы, состоящей на сей разъ въ изданіи IV части Государственныхъ Грамотъ, кромѣ приготовляемой мною 2-й части Русскихъ достопамятностей, я приступилъ уже и къ описанію сокровищъ Синодальной Библіотеки. Обиліе рукописей, которыхъ считается 954, за исключеніемъ значущагося количества грамотъ, поставляетъ меня въ такое положеніе, что я долженъ посвятить большую часть времени сему столь для меня лестному занятію". При этомъ Калайдовичъ, „стараясь придать возможное совершенство" своему труду и желая сообразоваться съ Востоковскимъ описаніемъ Румянцовскихъ рукописей, просилъ Востокова прислать ему „опись двумъ или тремъ рукописямъ" канцлерской библіотеки „въ томъ видѣ, въ какомъ ее Востоковъ „приготовлялъ"[3]). Письмо это послужило началомъ того обмѣна мнѣній двухъ нашихъ первыхъ палеографовъ этого времени, относительно правилъ для описанія рукописей, который представленъ нами выше (стр. 921—25).

Лестное довѣріе, оказанное графомъ Калайдовичу, въ видѣ порученія составить описаніе Синодальной библіотеки, пытался поколебать академикъ Кругъ, писавшій Румянцову 6 февр. 1825 г.: „Толковый каталогъ славянскихъ рукописей Патріаршей и Синодальной библіотекъ, изготовленіе котораго В. С—во хотите поручить Калайдовичу, безъ сомнѣнія, есть трудъ, который можетъ

[1]) «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1862 г., кн. 3, стр. 81 и 183.
[2]) Тамъ же, 1882, кн. 1, стр. 308—309.
[3]) Сборникъ стат., чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 170—71.

оказать ему самую великую честь, если онъ его выполнитъ какъ слѣдуетъ. Но задача эта, конечно, очень трудна. Многія изъ этихъ рукописей переведены съ греческаго: какъ г. Калайдовичъ справится съ этимъ дѣломъ?“ Сомнѣнія Круга были вызваны ошибками въ греческихъ словахъ, напечатанныхъ Калайдовичемъ во II ч. Записокъ и Трудовъ Общ. Ист. и Древн. (стр. 9): въ 12 словахъ было сдѣлано 12 опечатокъ, а въ перечнѣ опечатокъ исправлена только одна. Отсюда Кругъ заключалъ, что Калайдовичъ не знаетъ по-гречески, и просилъ графа особенно рекомендовать Калайдовичу „не довѣряться вполнѣ собственному знанію и не брезгать помощью людей, которые во многихъ отношеніяхъ необходимо должны быть ученѣе его, что вовсе не трудно въ такомъ городѣ, какъ Москва. Пусть Г. Калайдовичъ воздержится также отъ печатанья всего, что приходитъ ему въ голову, безъ совѣта съ кѣмъ-нибудь“. Въ примѣръ нелѣпостей, на которыя способенъ Калайдовичъ, Кругъ приводилъ одно изъ объясненій его въ „Экзархѣ“, принятое и послѣдующей наукой, но не понравившееся Кругу, предложившему вмѣсто него собственное, совсѣмъ уже несостоятельное.

Письмо это не произвело на графа желаемаго впечатлѣнія и было отослано имъ Калайдовичу. 25 марта Калайдовичъ уже сообщалъ графу, что „описалъ съ совершенною осмотрительностію 46 рукописей Синодальныхъ“, среди которыхъ „однако“ особенно важныхъ не оказалось [1]). 7 апрѣля графъ писалъ къ нему: „Я съ душевнымъ порадованіемъ получилъ отъ Васъ свѣдѣнія, доказывающія, что Вы уже приступили къ нѣкоторому разбору манускриптовъ Патріаршей и Синодальной библіотеки. Конечно, первая встрѣча отмѣннаго не представляетъ; но я въ полной надеждѣ пребываю, что со временемъ внезапно нападете на такой древній манускриптъ, который станетъ оспаривать старшинство у Остромирова Евангелія.—Разсматривайте пожалуйте все съ большимъ тщаніемъ и осторожностію. Предъ Вами путь открытъ къ достиженію имени знаменитаго: не теряйте сей цѣли изъ виду!“ [2]).

4 мая Калайдовичъ извѣщалъ снова графа: „Въ Синодальной Библіотекѣ я описалъ 58 рукописей. Мой трудъ идетъ теперь не такъ успѣшно, по причинѣ здачи сокровищъ Патріаршихъ отъ прежняго Ризничаго новому“ [3]).

Довести до конца свой трудъ Калайдовичу, однако, не дове-

---

[1]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Др.“ 1862 г., кн. 3, стр. 185.
[2]) Тамъ же, стр. 81 и 186.
[3]) Тамъ же, стр. 187.

лось. Скоро за тѣмъ послѣдовавшая смерть его покровителя, гр. Румянцова, собственный выходъ его изъ службы въ Коммиссіи по изданію Собранія госуд. грамотъ, связанный также съ этой смертью, и вытекавшая отсюда необходимость искать средствъ пропитанія, не позволили ему довершить начатое дѣло. Черезъ три года и самъ Калайдовичъ былъ вычеркнутъ душевной болѣзнью изъ ряда нашихъ научныхъ дѣятелей.

Кромѣ занятій надъ описаніемъ Синод. библіотеки, Калайдовичъ, какъ и Востоковъ, долженъ былъ исполнять разныя порученія графа Румянцова по части покупки рукописей и т. д., а также и слѣдить за печатаніемъ своихъ и чужихъ работъ. Такъ 12 февр. онъ посылалъ Востокову купленную для гр. Румянцова рукопись XV в. и извѣщалъ его также о своей новой покупкѣ (для графа же),—пергаменнаго Новгородскаго евангелія 1270 г. (нынѣ въ Румянц. музеѣ) [1]).

10 марта графъ снова давалъ Калайдовичу порученіе этого рода: „Не доходятъ ли до Васъ какія-либо вѣсти о продажѣ древнихъ очень рукописей на пергаминѣ, и въ такомъ случаѣ, пожалуйте, не теряя времени, меня о томъ увѣдомляйте. Я слышу, что Г. Власовъ скончался и оставилъ дѣла свои довольно разстроенными. Мнѣ кажется, библіотека его славилась, какъ содержащая многія любопытныя рукописи. Въ числѣ таковыхъ есть ли Русскія, поступятъ ли въ продажу, можно ли будетъ мнѣ получить о нихъ записку и т. д.“ [2]).

24 марта, въ письмѣ къ Малиновскому графъ намекаетъ: „для чего бы г. Калайдовичу не помѣстить когда-либо въ своей перепискѣ (съ гр. Ѳ. А. Толстымъ), что графъ Толстой, будучи богатъ, въ деньгахъ надобности имѣть не можетъ, а лучше бы ему стараться промѣнять библіотеку свою мнѣ, на двѣ ему извѣстныя, главныя части моей дачи въ Петербургѣ... Если Конст. Ѳедоровичъ (Калайдовичъ) имѣетъ случай подать Гр. Толстому таковый совѣтъ, онъ подавъ его меня премного одолжитъ...“ [3]).

25 марта Калайдовичъ сообщалъ канцлеру, что купилъ для него духовный сборникъ XVI в., оканчивающійся извѣстіемъ о Серпуховскомъ игуменѣ Аѳанасіи [4]), а 4 мая, что купецъ Царскій, покупавшій у Румянцова лѣсъ на срубку, обѣщаетъ въ случаѣ, если торгъ состоится, поднести канцлеру имѣющіяся у

---

[1]) Тамъ же, стр. 173.
[2]) Тамъ же, стр. 184.
[3]) Тамъ же, 1882 г., кн. 1, стр. 315—16.
[4]) Тамъ же, 1862 г., кн. 3, стр. 185.

него древнія рукописи [1]). 26 мая самъ графъ признавался Евгенію: „продолжаю съ жаромъ неутомимымъ рыться вездѣ, отыскивая древніе Манускрипты, но что получилъ на дняхъ, то мало оправдало таковое рвеніе“ [2]). 11 іюня Калайдовичъ снова писалъ гр. Румянцову, что ему принесли для продажи „рукописное Евангеліе по днямъ расположенное, написанное на бумагѣ въ 1544 г., не весьма чистымъ полууставомъ, въ листъ“, и приводилъ изъ него послѣсловіе [3]). 18 іюня графъ разрѣшилъ пріобрѣсти эту рукопись и отправить Востокову [4]), о чемъ и самъ сообщилъ послѣднему 26 іюня [5]), а 10 іюля далъ снова порученіе войти въ переговоры со Свиньинымъ, не продастъ ли тотъ свои рукописи, если ихъ еще не купилъ гр. Толстой [6]).

Лѣтомъ Калайдовичъ захворалъ отъ усиленныхъ трудовъ и для поправленія здоровья пустился путешествовать по разнымъ селамъ и городамъ (Зарайскъ, Коломна, Кашира, Веневъ), не упуская при этомъ случая развѣдать что-либо о древнихъ рукописяхъ. Болѣзнь Калайдовича вызвала сочувствіе знавшихъ его, свидѣтельствующее о томъ, что его цѣнили. Гр. Румянцовъ писалъ 25 сент. Малиновскому: „Сожалѣю... о томъ, что г. Калайдовичъ, который мнѣ столь полезенъ, страждетъ нервами. Желаю скораго и полнаго его выздоровленія“. 16 окт. онъ снова писалъ тому же: „желать я долженъ и желаю, чтобы г. Калайдовичъ выздоровѣлъ совершенно, такъ, чтобы по прежнимъ примѣрамъ могъ заняться съ успѣхомъ возложеннымъ на него дѣломъ“ [7]). Востоковъ также писалъ Калайдовичу 25 іюля: „Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ узналъ я изъ письма Вашего,... что тяжкая болѣзнь... едва вамъ позволила приняться за него. Здоровье ваше, почтеннѣйшій К. Ѳ., драгоцѣнно для всякаго Русскаго Патріота и Литератора“ [8]).

Поѣздка Калайдовича не только поправила его нервы, но принесла нѣкоторые плоды и для палеографіи.

Въ селѣ Дѣдновѣ онъ нашелъ два пергаменныхъ евангелія, одно XIII в., въ Зарайскѣ еще одно пергаменное евангеліе XIV в.,

---

[1]) Тамъ же, стр. 187.

[2]) Переписка митр. Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. III, Воронежъ, 1872 г., стр. 124.

[3]) „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.“ 1862 г., кн. 3, стр. 189—90.

[4]) Тамъ же, стр. 190.

[5]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 228.

[6]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1862 г., кн. 3, стр. 192.

[7]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1882 г., кн. 1, стр. 331.

[8]) Сборникъ стат., чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 234.

которое, вмѣстѣ съ бумажнымъ евангеліемъ того же вѣка и спискомъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ XVI в., сторговалъ для графа. Четвертую пергаменную рукопись, Номоканонъ 1305 г., онъ открылъ въ Коломнѣ у одного раскольника, который, однако, не соглашался ее продать [1]).

Эти извѣстія очень затронули графа, который 8 сентября просилъ Калайдовича приложить „всевозможное стараніе купить, или промѣнять на какой-либо старинный серебряный ковшъ у Дѣдновскаго старообрядца Евангеліе на перг. XIII в., и постараться получить свѣдѣніе или facsimile и другого Евангелія Дѣдновскаго", котораго онъ не видалъ. Продающіяся же рукописи канцлеръ просилъ купить [2]).

21 сентября Калайдовичъ сообщалъ графу, что уже написалъ въ Коломну, Зарайскъ и село Дѣдново о желаемыхъ рукописяхъ [3]), а 25-го,—что ему принесли на продажу пергаменный сборникъ XIV в., писанный въ листъ, „сплошнымъ письмомъ, чистымъ полууставомъ" и содержащій въ себѣ „Измарагдъ или собраніе отборныхъ поученій и словъ, преимущественно Златоустовыхъ", въ томъ числѣ два слова Кирилла Туровскаго и Слово св. Нифонта о русальяхъ [4]). Графъ сейчасъ же отвѣчалъ (30 сент.), прося купить эти рукописи [5]).

27 сентября и 1 октября Калайдовичъ снова сообщалъ о продающихъ пяти и семи рукописяхъ, прилагая ихъ реестръ и „обстоятельное описаніе" [6]), въ отвѣтъ на что̀ получилъ согласіе графа на покупку [7]). 7 октября онъ извѣщалъ Румянцова о покупкѣ пергаменнаго Измарагда и о неудачѣ обращенія къ владѣльцамъ рукописей въ Коломнѣ и Зарайскѣ, которые или отказывались продавать ихъ, или запрашивали слишкомъ дорого. Калайдовичъ прибавлялъ: „съ однимъ только равнодушіемъ можно будетъ исторгнуть рукописи изъ рукъ такихъ упрямыхъ невѣждъ" [8]). Въ концѣ концовъ евангеліе Зарайскаго купца Аверина было куплено, какъ видно изъ письма графа къ Калайдовичу отъ 3-го ноября; графъ поручалъ въ немъ купить и Дѣдновское еван-

---

[1]) «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1862 г., кн. 3, стр. 193—194.
[2]) Тамъ же, стр. 194.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 196.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же.
[7]) Тамъ же, стр. 196—97.
[8]) Тамъ же, стр. 197—98.

геліе, и рукописи купца Мельникова въ Торжкѣ, прибавляя, что „богатѣетъ рукописями“ [1]).

Въ то же время Калайдовичъ слѣдилъ за печатаніемъ предисловія къ давно уже готовому каталогу рукописей гр. Толстаго. 2 марта онъ писалъ Востокову: „скоро буду имѣть честь представить на Вашъ снисходительный судъ давно ожидаемый Каталогъ библіотеки Гр. Толстова: допечатывается предисловіе“ [2]). Черезъ мѣсяцъ каталогъ былъ готовъ и препровожденъ Востокову [3]). Получивъ его 9 апр., Востоковъ писалъ на другой день Калайдовичу, благодаря его за „драгоцѣнный“ подарокъ: „Съ большою для себя пользою прочелъ я любопытное и ученое предисловіе ваше къ Каталогу, пробѣжалъ азбучную роспись и самый каталогъ: сколько помощи и облегченія тутъ для меня къ составленію Канцлерскаго каталога“ [4]).

По поводу выхода въ свѣтъ каталога рукописей гр. Толстого писалъ Калайдовичу и Виленскій проф. Лобойко (25 апр. 1825): „при всемъ благоговѣніи къ сему и подобнымъ трудамъ Вашимъ, не могъ Васъ въ то же время благодарить (по случаю болѣзни)... Каталогъ сей, къ совершенству котораго затѣйливыя мои желанія ничего придумать не могутъ, почитаю я камнемъ краеугольнымъ въ основаніе полной Исторіи Славено-Россійской Литературы. При семъ пособіи мы не станемъ болѣе предлагать ее въ видѣ вступленія въ Россійскую, но по ея обширности должны заниматься ею отдѣльно. За роспись, въ концѣ приложенную, ученые будутъ Вамъ крайне благодарны. Графа Толстова Университетъ нашъ намѣренъ по поводу Каталога Вашего избрать Почетнымъ Членомъ. П. М. Строевъ обѣщаетъ публикѣ доставить извлеченія изъ рукописей (гр. Толстого). До сихъ поръ Вы и онъ (а Востоковъ?) поддерживаете все зданіе нашей Славено-Филологіи и... обогатите словесность нашу многими важными памятниками. Я убѣждаю Васъ имѣть въ послѣдствіе при сихъ трудахъ вниманіе къ нашему невѣжеству (!) и облегчить намъ средства пользоваться сими па-

[1]) Тамъ-же, стр. 199.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 180.

[3]) Письмо Калайдовича къ Востокову отъ 2-го апр., тамъ же. стр. 188. Каталогъ носилъ слѣд. заглавіе: «Обстоятельное описаніе Славено-Росс. рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ Тайн. Сов., Сенатора, Дѣйств. Каммергера и Кавалера, Графа Ѳ. А. Толстова. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ. Москва. 1825. Въ Тип. С. Селивановскаго. 8°. LXVII + 811 + 4 ненум. Сюда же «Палеографич. таблицы почерковъ съ XI по XVIII в.» (12 табл.) 4°. IV + V стр. М. 1825.

[4]) Письмо Востокова къ Калайдовичу отъ 10 апр., «Сборникъ» 2-го отд. т. V, вып. II, стр. 194—95.

мятниками. Непремѣнно нужно пріобщать (къ описаніямъ?) Словарь обветшалыхъ и невразумительныхъ реченій (приводитъ примѣры словъ изъ Русской Правды, родственныхъ или тожественныхъ съ польскими и областными великорусскими)... Собраніе таковыхъ словъ до напечатанія издаваемаго сочиненія (описанія Синод. рукописей?), можно бы публиковать въ Вѣстникѣ Европы. Впрочемъ, ...Вы съ г. Строевымъ и сами въ состояніи объяснить множество словъ, кои для насъ *непосвященныхъ* (и это писалъ профессоръ!) безъ того останутся непонятными и т. д." [1]).

Калайдовичъ благодарилъ (28 мая) „за наставительныя замѣчанія" и обѣщалъ „имѣть ихъ въ виду при описаніи первѣйшей въ Россіи библіотеки, Синодальной" [2]).

Не столь восторженъ былъ отзывъ канцлера гр. Румянцова, писавшаго 1 мая Востокову: „Окончивъ чтеніе изданнаго каталога манускриптовъ, принадлежащихъ Гр. Толстому, я сознаю охотно, что сей трудъ Г. Строева (и Калайдовича тоже!) принесетъ пользу. Но трудъ сей, не думаю, чтобы въ полной мѣрѣ удовлетворилъ то нетерпѣніе приличное, съ каковымъ его ожидали знатоки въ древностяхъ нашихъ. Начертанія почти всѣ поверхностны и настоящихъ замѣчаній не содержатъ" [3]). Этотъ приговоръ Румянцова о недостаточности описаній назв. каталога нельзя не признать справедливымъ. Избалованный пространными и подробными описаніями Востокова, Калайдовича и Григоровича, которыя тѣ присылали ему въ письмахъ, и не найдя ничего подобнаго въ „Обстоятельномъ описаніи" рукописей гр. Толстого, Румянцовъ естественно долженъ былъ обмануться въ ожиданіяхъ и выразилъ свое разочарованіе въ цитир. письмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, описанія разсматриваемаго каталога ограничиваются лишь самыми общими указаніями на число страницъ, форматъ, почеркъ и т. д. и никакихъ характеристикъ содержанія рукописей, ихъ правописанія и языка не даютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Румянцовъ больше бы остался доволенъ Востоковскимъ описаніемъ своихъ рукописей, если бы дожилъ до его появленія въ свѣтъ.

Въ другомъ своемъ письмѣ къ Востокову, отъ 26 іюня, канцлеръ, благодаря за разрѣшеніе своихъ недоумѣній (въ общемъ совсѣмъ незначительныхъ), въ которыя онъ былъ введенъ „сочинителями каталога рукописей гр. Толстова", замѣчаетъ: „Г. Строевъ, мнѣ кажется, часто обличаетъ больше самонадѣянность на себя,

---

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс. 1862 г., кн. 3, стр. 123—24.

[2]) Тамъ же, стр. 124.

[3]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. 2, стр. 203.

нежели какія-либо нужныя ученыя свѣдѣнія“ [1]). Повидимому, нерасположеніе графа къ Строеву, довольно давно уже возникшее, заставляло его забывать, что въ составленіи каталога участвовалъ и Калайдовичъ, о которомъ графъ до своего конца былъ высокаго мнѣнія.

Подробная печатная рецензія каталога явилась въ „Моск. Телеграфѣ“ Полевого (1825 г., ч. III, № IX, май, стр. 73—83). Авторъ ея (самъ Полевой?) обращалъ вниманіе на особыя условія, въ которыхъ находилась тогда наша археографія: „въ другихъ земляхъ Археографич. работы почти кончены, или по крайней мѣрѣ представляютъ уже полноту, и тамъ больше уже работаютъ нынѣ Археологи, т. е. не просто описатели, но критики древностей; у насъ еще не настало время настоящей Археологіи—намъ нужнѣе теперь Палеографія и Археографія, т. е. познаваніе и исчисленіе древностей“ (стр. 74).

Иниціаторомъ археографіи у насъ авторъ рецензіи считалъ гр. Румянцова: „его попеченіями положено первое начало къ правильному, настоящему занятію древностями: опыты до него были и слабы, и неудачны“. Собираніе древнихъ рукописей, правда, началось съ послѣдней половины XVIII в., „но тогда не думали объ ученыхъ описаніяхъ“ собранія, и „оттого навсегда безвозвратно погибли для насъ библіотеки Графа А. И. Мусина-Пушкина, проф. Баузе и, можетъ быть, многія другія“ (стр. 75). Признавая заслуги Румянцова и его сотрудниковъ, авторъ рецензіи указывалъ, однако, что „начало обнародованія описаній Русскихъ рукописей“ положилъ гр. Толстой, что описаніе его рукописей—„первое Археографическое сочиненіе у насъ изданное“, тогда какъ каталоги рукописей Имп. публ. библіотеки и монастырскихъ книгохранилищъ, составленные Калайдовичемъ и Строевымъ, все еще находятся въ рукописи (стр. 76—77). Издатели должны были преодолѣвать величайшія трудности, создавать правила, „какъ узнавать и обозрѣвать Русскія рукописи“. По словамъ рецензента, „на важный вопросъ: какимъ образомъ опредѣляемо было время рукописей, отвѣчаютъ ученая точность Издателей и превосходно сдѣланные снимки“ (при этомъ цитируется то, что говорятъ издатели о своихъ Палеографическихъ таблицахъ, см. ниже) и высказывается надежда, „что со временемъ Г. Калайдовичъ (безспорно опытнѣйшій Палеографъ нашъ) представитъ ученому свѣту правила Русской Палеографіи: теперь еще этого невозможно требовать“ (стр. 78—70). За этими вводными замѣчаніями слѣдуетъ

[1]) Тамъ-же, стр. 228.

изложеніе содержанія каталога и дѣлаются нѣкоторыя критическія указанія относительно болѣе удобнаго его расположенія, причемъ основной пріемъ составителей—распредѣленіе по форматамъ—авторомъ рецензіи одобряется безусловно (стр. 80—83).

Другая пространная рецензія явилась въ Библіограф. листахъ Кеппена (1825 г., № 19, стлб. 261—276). Авторъ ея, самъ Кеппенъ, начиналъ свою статью исторической справкой о призывѣ въ 1512 г. въ Россію Максима Грека для разбора греч. рукописныхъ книгъ, описанных де впослѣдствіи Скіадою, а еще позже Маттеи. Такимъ образомъ о греч. рукописяхъ, по словамъ Кеппена, у насъ заботились, зато славянскія „оставались неприкосновенными", и только благодаря Калайдовичу и Строеву, мракъ, окутывавшій „произведенія пера древнихъ Словено-Русскихъ писателей, началъ разсѣиваться" .Рецензентъ говорилъ объ описаніи названными учеными разныхъ монастырскихъ библіотекъ, о предпринятомъ „составленіи списка рукописямъ Патріаршей библ.", порученномъ гр. Румянцовымъ Калайдовичу, и о намѣреніи Строева издать обѣщанныя публикѣ выписки изъ рукописей гр. Толстого.

Самое описаніе этихъ послѣднихъ Кеппенъ называлъ „пріятнѣйшимъ подаркомъ для любителей отечественной литературы", на который онъ еще въ 1822 г. обращалъ вниманіе иностранныхъ ученыхъ. Изъ критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ имъ составителямъ, большинство вполнѣ основательно и высказывалось и другими въ то время. Кеппенъ признавалъ уважительными причины, заставившія составителей распредѣлить рукописи по форматамъ, но находилъ, что сборники лучше было бы выдѣлить въ особый классъ, причемъ остальныя рукописи тогда можно было бы описать въ болѣе систематичномъ порядкѣ. Какъ и гр. Румянцовъ, Кеппенъ нашелъ описанія отдѣльныхъ рукописей не достаточно обстоятельными (особенно, напр., Кормчей 1284 г.) и желалъ, чтобы при евангеліяхъ обозначалось, полныя это евангелія или одни чтенія по днямъ и т. д. Тѣмъ не менѣе въ рецензіи отмѣчалась точность и чистота изданія. По словамъ рецензента, „издатели при первомъ семъ у насъ опытѣ, конечно сдѣлали все, что только было для нихъ возможно". Послѣ приведенной оцѣнки труда слѣдовало перечисленіе важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ рукописей собранія по отдѣламъ: богословіе, языкознаніе, исторія, географія и исторія искусствъ (въ томъ числѣ и музыки), причемъ попутно указывались тѣ или другія неточности или неясности каталога. Что касается до хронологическихъ опредѣленій рукописей, то Кеппенъ не подвергалъ ихъ критикѣ и высказывалъ мнѣніе, что „опытность Гг. Издателей по части Славено-Русской

Палеографіи дозволяетъ смѣло полагаться на точность сдѣланныхъ ими показаній". Палеографическія таблицы, приложенныя къ описанію, Кеппенъ называлъ «превосходными", но жалѣлъ, что въ нихъ вошли не всѣ тѣ виды почерковъ, о которыхъ въ каталогѣ упоминается. Рецензія заключалась выраженіемъ „отличной признательности", какъ собирателю рукописей (гр. Ѳ. А. Толстому), „такъ въ особенности и трудившимся надъ разсмотрѣніемъ и описаніемъ оныхъ", причемъ рецензентъ прибавлялъ, что „собраніе Графа Ѳ. А. Толстого во всѣхъ отношеніяхъ почитаться можетъ общеполезнымъ имуществомъ" и „что самъ Графъ Ѳ. А. смотритъ на свою драгоцѣнную Библіотеку не иначе какъ на сокровище ввѣренное ему отъ Провидѣнія къ общей пользѣ".

Митрополитъ Евгеній также былъ высокаго мнѣнія о каталогѣ рукописей гр. Толстого. Еще до выхода его въ свѣтъ, 20 янв. 1824 г. онъ писалъ гр. Румянцову: „Графа Толстова каталогъ уже конченъ и прославитъ нашу древнюю словесность какъ и сочинителя и хозяина библіотеки. Иностранцы давно имѣютъ у себя такіе каталоги" [1]). 6-го февраля 1824 года Евгеній снова, говоря о томъ, что Востокова надо побуждать къ описанію рукописей канцлера, писалъ послѣднему: „Примѣръ графа Толстова достоинъ подражанія" [2]). Въ письмѣ отъ 26 марта 1825 г. къ о. І. Григоровичу онъ снова возвращается къ каталогу въ связи съ собраніемъ гр. Румянцова: „Библіотека Канцлера безпрестанно богатѣетъ древними рукописями. Между тѣмъ, графъ Толстой совершенно уже отпечаталъ свой каталогъ. Полюбопытствуйте и Вы прочитать замѣчательное предисловіе Строева" [3]).

Отозвался нѣкоторыми критическими замѣчаніями, также еще до выхода въ свѣтъ всего каталога, и Добровскій, приславшій ихъ Кеппену. Румянцовъ писалъ объ этомъ Востокову въ іюлѣ 1824: „Г. Кеппенъ передалъ Г. Калайдовичу нѣкоторыя замѣчанія Г. Добровскаго на счетъ печатающагося каталога Графа Толстого. Я съ сихъ замѣчаній препровождаю къ Вамъ списокъ. Вы конечно уважите многія замѣчанія сего ученаго человѣка" [4]).

Замѣчанія Добровскаго, впрочемъ, частью не относились совсѣмъ къ составителямъ каталога, а выражали общія пожеланія и сожалѣнія (мало древнихъ рукописей, рѣдко встрѣчается лѣтопись Нестора и, напротивъ, часты списки съ печатнаго Синопсиса

---

[1]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, вып. III, стр. 95.

[2]) Тамъ же, стр. 99.

[3]) Чтенія въ общ. ист. и древн. росс. 1864 г., кн. 2, стр. 91.

[4]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 119. Самыя замѣчанія Добровскаго: стр. 120—22.

Гизеля и т. п.), частью были основаны на недоразумѣніи (сожалѣнія о рѣдкости указаній, было ли данное сочиненіе когда-нибудь напечатано, или нѣтъ). Собственно недостатковъ въ расположеніи Добровскій указывалъ немного. По его мнѣнію, ощутительнымъ неудобствомъ является непринятіе содержанія рукописей въ основу расположенія. Лучше было бы, если бы, напр., всѣ евангелія стояли вмѣстѣ. У нѣкоторыхъ евангелій не указано, содержатъ ли они цѣлыхъ четыре евангелія, или только чтенія по днямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ желательны были бы выдержки изъ рукописей. О значеніи, которое Добровскій придавалъ каталогу, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ то, что онъ переписалъ его почти весь собственноручно.

Такимъ образомъ каталогъ рукописей гр. Толстого несомнѣнно являлся крупнымъ событіемъ въ данной области. Еще до выхода всей книги въ свѣтъ, листы ея, посылавшіеся нѣкоторымъ избраннымъ лицамъ, служили пособіемъ для нашихъ палеографовъ и ученыхъ въ ихъ занятіяхъ [1]). Само собраніе гр. Толстого являлось въ тѣ времена однимъ изъ богатѣйшихъ. Еще до 1812 года библіотека его достигла значительныхъ размѣровъ (см. выше, стр. 805). Женатый на богатой купчихѣ-староверкѣ и обладавшій большими средствами, гр. Толстой „въ теченіи многихъ лѣтъ, отъ избытковъ достоянія, пріобрѣталъ письменные памятники Славяно-Русской литературы. Благопріятство случая и щедрость Собирателя наиболѣе содѣйствовали ея умноженію“. Какимъ-то чудомъ она уцѣлѣла отъ страшнаго московскаго пожара 1812 г., а послѣ него получила „значительное приращеніе покупкою около 200 книгъ, находившихся въ многочисленной нѣкогда библіотекѣ Князя Д. М. Голицына (въ его подмосковномъ селѣ Архангельскомъ)“; потомъ въ нее поступили еще рукописи П. П. Бекетова. „Но всего болѣе содѣйствовали ея умноженію предпріимчивые торговцы; подстрекаемые желаніемъ выгоды, они привозили письменные памятники отъ всѣхъ краевъ Россіи“ [2]). Къ изданію каталога въ библіотекѣ имѣлось 1,093 рукописи, изъ коихъ 1—XI в. (въ сущности XII—стихирарь), 8—къ XIII (изъ нихъ особенно цѣнна—Кормчая 1284 г.), 19—къ XIV и 76 къ XV. Такимъ образомъ

---

[1]) См., напр., письма о. І. Григоровича гр. Румянцеву отъ 5 іюня 1824 г., въ Чтеніяхъ Общ. ист. и древн. 1864 г. кн. 2, стр. 71. Евгеній, митроп. кіевскій, признавался Калайдовичу въ 1822 г., что листы его каталога «во многихъ отношеніяхъ служатъ ему службу» при составленіи его біографич. Словаря. См. Чтенія въ Общ. ист. и др. 1862, кн. 3, стр. 131.

[2]) См. Предисловіе къ «Обстоятельному описанію» рукописей гр. Толстого, стр. V—VI.

огромное большинство рукописей принадлежало къ XVI (227), XVII (413) и XVIII вв. (къ послѣднему—353) [1]. Распредѣлены онѣ были въ каталогѣ, по примѣру Монфокона и Маттеи, по форматамъ [2]. Въ предисловіи издатели давали общія свѣдѣнія о происхожденіи и составѣ библіотеки, указывали основанія, которыми они руководились при составленіи описанія и обращали вниманіе на важнѣйшія и наиболѣе интересныя рукописи коллекціи. Интересны замѣчанія издателей о приложенныхъ ими къ каталогу палеографическихъ таблицахъ, „первыхъ въ своемъ родѣ". Издатели надѣялись, что эти таблицы оградятъ ихъ „отъ нареканій тѣхъ излишне-недовѣрчивыхъ судей, коимъ способъ опредѣленія древности рукописей по ихъ *почерку* можетъ показаться сомнительнымъ. Прилежное вниманіе къ мѣлкимъ отличіямъ, незамѣтнымъ для неопытныхъ, строгая критика и нѣкотораго рода навыкъ, пріобрѣтаемый долговременнымъ обращеніемъ съ письменными памятниками: вотъ надежныя къ тому средства... Въ другихъ земляхъ просвѣщенной Европы все это не диво; но у насъ слишкомъ возможное почитается иногда невѣроятнымъ" [3]. Нужно замѣтить, что опредѣленія эти были, однако, еще очень гадательны и выражены также въ очень нерѣшительной формѣ: „вѣроятно въ XV, а можетъ быть въ XIV", „кажется, въ XIV", „повидимому въ XIII" и т. д. Неудивительно, если Румянцовъ былъ неудовлетворенъ.

Въ 1825 г. явилось и „Первое прибавленіе къ описанію Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ библ. и т. д. Изд. Пав. Строевъ (Спб. 1825. 8°. 18 стр.)", содержавшее описаніе 15 рукописей, пріобрѣтенныхъ было у Свиньина уже послѣ изданія каталога. Законченъ былъ весь каталогъ лишь въ 1827 г. выпускомъ послѣдняго прибавленія. Научное значеніе его опредѣлилъ еще Срезневскій, который черезъ 40 почти лѣтъ спустя говорилъ объ описаніи Строева и Калайдовича, что оно „достойно уваженія, какъ первое въ своемъ родѣ въ Русской литературѣ, и для этихъ рукописей не замѣнено доселѣ другимъ болѣе подробнымъ" [4].

Выходъ въ свѣтъ каталога рукописей гр. Толстого былъ сопряженъ съ рядомъ непріятностей для Калайдовича. Самое печатаніе его сопровождалось уже разными затрудненіями, по причинѣ неаккуратности и скупости графа, дававшей себя знать и въ позд-

[1]) Тамъ же, стр. VI.

[2]) Тамъ же, стр. VII—VIII.

[3]) Тамъ же, стр. LXI—LXII.

[4]) См. Срезневскій, «Труды П. М. Строева» въ Зап. Имп. акад. наукъ, т. VI. 1864, стр. 117.

нѣйшихъ отношеніяхъ къ Строеву (примѣры см. у Барсукова, „Жизнь и труды Строева“). Даже деньги, которыя должно было выдавать составителямъ по мѣрѣ печатанія, задерживались. Повидимому, нѣкоторую роль въ непріятностяхъ, испытывавшихся Калайдовичемъ, играло и вліяніе Строева на гр. Толстого. 4 мая 1825 г. Калайдовичъ писалъ гр. Румянцову: „Дѣло съ гр. Толстымъ о библіотекѣ ни мало не клеится, какъ изволите усмотрѣть изъ послѣдняго его ко мнѣ письма. Оно противорѣчитъ прежнимъ его словамъ и ясно обнаруживаетъ того, кто разстраиваетъ доброе дѣло“ [1]). Весною же 1825 г. (послѣ 25 апрѣля) Калайдовичъ писалъ къ графу Толстому, указывая на свои заслуги по приведенію его библіотеки въ порядокъ и жалуясь на то, что графъ допустилъ кого-то (очевидно, Строева) „насильственно завладѣть его трудами“. Калайдовичъ обращался къ графу „съ послѣдней просьбой“ дозволить ему брать по прежнему книги изъ графской библіотеки „подъ росписки, оставляемыя въ конторѣ, не относясь къ теперешнему Смотрителю“ (т. е. Строеву). Въ P.S. находимъ еще одно характерное заявленіе Калайдовича: „я не получилъ должныхъ денегъ за окончаніе Каталога рукописей, и не знаю количества, какое В. С. выдали моему бывшему товарищу“ [2]).

Наблюдалъ Калайдовичъ также и за печатаніемъ палеографическихъ таблицъ, предназначавшихся для IV тома Собранія Госуд. грамотъ. 27 апр. онъ препровождалъ Востокову отпечатанную первую изъ этихъ таблицъ съ образцами почерковъ XIII в. [3]), а 1-го декабря—снимки съ таблицъ II-й и III-й [4]). Самъ онъ въ 1825 году не напечаталъ ни одной работы по занимающей насъ научной отрасли.

Изъ другихъ нашихъ ученыхъ слѣдуетъ указать на П. И. Кеппена, за годъ передъ тѣмъ вернувшагося изъ заграничнаго путешествія (см. выше, стр. 917) и привезшаго съ собою довольно богатый запасъ снимковъ по слав. палеографіи. Съ начала 1825 г. онъ предпринялъ изданіе журнала „Библіографическіе Листы“, просуществовавшаго всего годъ и $4^1/_2$ мѣсяца, но успѣвшаго оказать большую пользу нашей наукѣ, въ томъ числѣ и языкознанію. Довольно видное мѣсто въ немъ было отведено палеографіи, которой Кеппенъ не только интересовался, но и дѣйствительно за-

---

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс. 1862 г., кн. 3, стр. 82.
[2]) Тамъ же, стр. 132—133.
[3]) Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов., т. V, вып. 2, стр. 200—201.
[4]) Тамъ же, стр. 239.

нимался, и старопечатной библіографіи. Изъ нашихъ палеографовъ и археологовъ въ журналѣ принимали участіе П. Г. Бутковъ, Востоковъ, митроп. Евгеній, А. И. Ермолаевъ, К. Ѳ. Калайдовичъ, П. М. Строевъ и др., а изъ славянскихъ—Бандтке, ксендзъ Бобровскій, Добровскій, Ганка, В. Караджичъ, Колларъ, Линде, Шафарикъ и др. Съ перваго же № началось печатаніе „Хронологической росписи первопечатнымъ словенскимъ книгамъ" (№ 1, стр. 9—12, № 6, стр. 77—84, № 11, стр. 149—156, № 16, стр. 221—228, № 21, стр. 293—300, № 26, столб. 365—380). О томъ же предметѣ шла рѣчь въ рецензіи на „Опытъ Россійской Библіографіи" Сопикова (№ 3, столб. 33—40), въ выпискѣ изъ составленной Строевымъ описи печатныхъ книгъ библіотеки гр. Толстого (№ 31, столб. 448—452) и слѣдовавшей за ней замѣткѣ о первопечатныхъ книгахъ, пропущенныхъ у Сопикова (тамъ же, столб. 452—453).

Вопросамъ палеографіи были посвящены вышеразсмотрѣнныя три статьи Востокова (см. выше, стр. 927—29), его же рецензія на „Опытъ" Лаптева и рядъ другихъ статей, въ томъ числѣ и самаго Кеппена, какъ напр.: 1) рецензія на изслѣдованіе Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи (№ 8, стлб. 101—116), гдѣ идетъ рѣчь о возникновеніи письменности у славянъ, началѣ азбуки и т. д.; 2) выписка послѣсловія изъ Синодальнаго четвероевангелія 1144 г. (№ 9, стлб. 129); 3) статья „О новгородскомъ евангеліи 1270-го года", открытомъ Калайдовичемъ (№ 13, стлб. 173—179), содержавшая исторію пріобрѣтенія рукописи, краткое описаніе ея и двѣ небольшихъ выдержки (начало и послѣсловіе). Въ статьѣ цитировалось также пространное письмо академика Круга, опредѣлявшаго годъ написанія памятника, на основаніи упоминанія о солнечномъ затменіи, бывшемъ въ тотъ день, когда писецъ евангелія закончилъ свой трудъ; 4) подробная рецензія на описаніе рукописей библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого (№ 19, стлб. 261—276) и 5) статейка „О загадочныхъ приписказъ" (№ 20, стлб. 292), въ которой находимъ выписку изъ Алфавита Имп. публ. библіотеки, сообщенную А. И. Ермолаевымъ (о томъ, почему буквы въ старыхъ граммат. трактатахъ называются *столпами*, *плотями*, *душами*, *прикладами* и т. д.). Указанія на существующія заграничныя собранія славянскихъ рукописей и архивы, иногда съ прямымъ упоминаніемъ тѣхъ или другихъ памятниковъ (Болонской псалтири, Фрейзингенскихъ отрывковъ, Реймскаго еванг. [1])

[1]) **„Въ Реймсѣ можетъ быть найдутся еще люди, видавшіе Словенское, какъ говорятъ, Евангеліе, на коемъ при Коронаціи присягали Франц. короли" (Библіограф. листы, № 34, стлб. 492).**

дѣлались также въ статьѣ Кеппена: „Записка о путешествіи по Словенскимъ землямъ и Архивамъ“ (№ 33, стлб. 474—489 и № 34, стлб. 490—495), представляющей родъ инструкціи для слависта-археолога и филолога, который вздумалъ бы предпринять научное путешествіе по славянскимъ землямъ и зап. Европѣ вообще.

Кромѣ того, Кеппенъ предпринялъ изданіе своихъ палеографическихъ снимковъ, какъ привезенныхъ изъ-за границы, такъ и собиравшихся въ Россіи. Печатаніе ихъ началось уже въ концѣ 1824 г., и 3 января 1825 года Востоковъ писалъ гр. Румянцеву: „Препровожденные ко мнѣ В. С. для врученія Г. Кеппену оттиски издаваемыхъ имъ снимковъ Словенскихъ письменныхъ памятниковъ возвращены мною ему отъ имени В. С—ва“ [1]). Къ этому изданію относится и замѣчаніе митроп. Евгенія въ письмѣ его къ гр. Румянцову отъ 4 янв. 1825 г.: „Предпріятіе Кеппена обширно и требуетъ многаго иждивенія, а о потерянныхъ имъ при наводненіи спискахъ надобно жалѣть“ [2]). Въ изданіи Кеппена принялъ участіе и Востоковъ своими примѣчаніями на Фрейзингенскіе отрывки. Не обошлось оно и безъ матеріальной поддержки со стороны гр. Румянцова, который предоставилъ Кеппену отлитыя особо для „Іоанна Экзарха“ литеры (310), причемъ пришлось даже нарочно отливать ихъ вновь [3]). Появленіе Кеппеновскаго изданія въ свѣтъ относится, однако, къ болѣе позднему времени (1827 г.). Въ теченіе же 1825 г. оно только подготовлялось.

Изъ статей, явившихся въ 1825 г. въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, къ разсматриваемой области знанія относились: 1) М. Погодина „Нѣсколько словъ о договорахъ Олеговомъ и Игоревомъ съ Греками“ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (ч. V, стр. 340—42). Авторъ высказалъ здѣсь рядъ довольно наивныхъ историческихъ „догадокъ“, основываясь на лингвистическомъ толкованіи памятниковъ. Между прочимъ изъ присутствія собств. именъ на *-овъ* въ Игоревомъ Договорѣ дѣлался выводъ, что эти имена принадлежали не посламъ, какъ думали Шлецеръ, Карамзинъ и др., но князьямъ (на томъ основаніи, что скандинавскія имена на *-овъ* не оканчиваются). Обиліе въ договорахъ собственныхъ именъ вообще доказывало, по мнѣнію Погодина, подлинность этихъ памятниковъ, ибо никому не пришло бы въ голову выдумывать столько именъ и т. д.

---

1) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яв. и слов., т. V, вып. II, стр. 162.

2) Переписка Евгенія съ гр. Румянцовымъ. Вып. III, Воронежъ, 1872 г., стр. 120.

3) Чтенія въ Общ. ист. и др. 1882 г., кн. 1, стр. 310—11.

2) Современная копія съ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича, данной по дѣламъ лопарей 1 окт. 1620, найденная въ Архивѣ Земской канцеляріи Улеоборгской губерніи: „Списокъ З Государевы Грамоты, слово въ слово" („Сѣв. Архивъ", ч. XVIII. 136—141, одинъ текстъ, безъ комментаріи).

3) Разсужденіе объ изданіи Русскихъ лѣтописей" (Московскій Телеграфъ" 1825 г., ч. I, стр. 67—76, 132—141, 228—248), гдѣ предлагалось разыскать побольше лѣтописей, обращая особое вниманіе на временники и, положивъ въ основу Лаврентьевскій списокъ, составить полный критическій сводъ, соблюдая старинную орѳографію только въ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ. По мнѣнію автора статьи, совсѣмъ не важно, „написано ли—*поставяху* или *поставляху*, *оумершу*, *умершю* или *умершу*, *пришедъшима* или *пришедъшемн?*" (стр. 245, прим.), Авторъ находитъ, что „въ такомъ расположеніи удобнѣе дѣлать и филологическія наблюденія (!)", тогда какъ „сплошное употребленіе старинной орѳографіи безобразитъ только текстъ и развлекаетъ вниманіе". Такимъ образомъ въ лингвистическомъ отношеніи авторъ этого проекта (Полевой) обнаружилъ неожиданное (ср. выше, стр. 802) непониманіе и невѣжество.

1825 годъ былъ послѣднимъ въ славной дѣятельности Румянцовскаго кружка. Уже въ декабрѣ этого года силы стали покидать престарѣлаго канцлера [1]), а 3 января 1826 г. онъ скончался. Душа кружка отлетѣла, онъ скоро распался, и члены его пошли каждый своей дорогой, продолжая работать въ избранномъ ими направленіи. Не всѣмъ, однако, оставшимся посчастливилось сразу найти свое мѣсто въ жизни. Особенно же дорого обошелся этотъ переломъ нервному и уже надорванному неутомимымъ трудомъ и житейской борьбой Калайдовичу, который послѣ смерти своего покровителя-канцлера впалъ въ „глубокую скорбь" [2]), перешедшую черезъ два года въ душевную болѣзнь.

Смерть гр. Румянцова и распаденіе его кружка оборвали или надолго задержали рядъ задуманныхъ научныхъ предпріятій первостепенной важности. Замедлилось составленіе описанія рукописей покойнаго канцлера, прервалось начатое было описаніе рукописей Синодальной библіотеки, отложено было въ долгій ящикъ и такъ и не осуществилось изданіе Востоковымъ Святославова Изборника

[1]) Тамъ же, стр. 334—35.

[2]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 250; письмо Калайдовича къ Востокову отъ 17 окт. 1827 г. См. также «Чтенія въ общ. ист. и др.» 1862 г., кн. III, стр. 83.

1073, за которымъ предполагалось приступить къ изданію Остромирова Ев., осуществленному лишь много лѣтъ спустя. Тѣмъ не менѣе дѣло, начатое гр. Румянцовымъ и его сподвижниками, не умерло и пустило крѣпкіе корни. Завѣтная мечта канцлера „видѣть русскую палеографію", если и не осуществилась въ полномъ объемѣ, все же нашла себѣ воплощеніе въ трудахъ Востокова, Калайдовича, Строева и Кеппена, положившихъ твердое основаніе этой отрасли знанія, столь тѣсно соприкасающейся съ языкознаніемъ. Къ концу 1825 года стали уже невозможными мнѣнія, въ родѣ высказанныхъ въ 1812 г. Шлецеромъ-сыномъ (см. выше, стр. 813), утверждавшимъ, что русской палеографіи нѣтъ и *быть не можетъ*, а древнѣйшіе памятники русской письменности, въ родѣ Сборника 1076 г. и др., не старше XIV в. Всего 13 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но въ этотъ короткій срокъ, усиліями немногихъ лицъ, среди лѣниваго и невѣжественнаго общества, была создана новая и самостоятельная, а не пересаженная съ Запада, отрасль научнаго знанія, и отрицать существованіе „русской палеографіи" теперь уже никто бы не отважился. Пріобрѣтеніями рукописныхъ коллекцій П. К. Фролова и др., а также отдѣльными покупками (въ родѣ XIII словъ Григорія Богослова и т. д.), было положено прочное основаніе богатѣйшему собранію русскихъ и славянскихъ рукописей Имп. публ. библіотеки. Трудами и матеріальными жертвами со стороны частныхъ лицъ, въ родѣ гр. Румянцева и гр. Ѳ. А. Толстого, собраны были, и отчасти уже и описаны, превосходныя частныя коллекціи рукописей, ставшія впослѣдствіи также общественнымъ достояніемъ. По иниціативѣ гр. Румянцова, положено было прочное начало обслѣдованію и описанію разныхъ книгохранилищъ, принадлежащихъ монастырямъ и духовному вѣдомству вообще, причемъ открытъ рядъ памятниковъ первостепенной важности. Благодаря его же почину, было приступлено къ изданію многихъ цѣннѣйшихъ памятниковъ языка, въ родѣ древнихъ грамотъ, трудовъ Іоанна Экзарха и т. п. Явился рядъ отдѣльныхъ печатныхъ описаній и палеографическихъ изслѣдованій, въ родѣ статей Шлецера, Евгенія, Калайдовича, Востокова, Кеппена и др., а также и рукописныхъ матеріаловъ, каковы писанные каталоги (напр. Строева), описанія памятниковъ въ письмахъ и вообще въ перепискѣ, которыя въ свое время играли важную роль въ развитіи науки, уяснившуюся лишь впослѣдствіи съ изданіемъ этихъ матеріаловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главная заслуга и здѣсь принадлежала гр. Румянцову и его сотрудникамъ: Калайдовичу, Востокову, Строеву, Кеппену и Григоровичу, всего же болѣе первымъ двумъ изъ названныхъ сподвижниковъ канц-

лера. Благодаря ихъ неустанной работѣ, будущее развитіе данной научной отрасли въ концѣ первой четверти XIX являлось уже вполнѣ обезпеченнымъ.

Не столь успѣшно за это время развивались другія отрасли научной разработки громаднаго матеріала, представлявшагося нашимъ изслѣдователямъ въ разсматриваемой области знанія. Настоятельными нуждами въ ней по прежнему продолжали оставаться словарь и грамматика русскаго и церковно-славянскаго языковъ, особенно перваго изъ нихъ. Нельзя сказать, чтобы у насъ ничего не было сдѣлано для ихъ удовлетворенія въ разсматриваемый промежутокъ времени: недостатка въ попыткахъ отвѣтить на нихъ не было, но попытки эти были слишкомъ разрозненны, недостаточны и несовершенны, сравнительно съ громадностью и трудностью задачи. Причины этого явленія, конечно, совершенно ясны: прежде всего для успѣшнаго выполненія обѣихъ задачъ не хватало матеріала, какъ словарнаго, такъ и грамматическаго. Русская діалектологія только что начинала привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ и то преимущественно въ лексическомъ отношеніи. Самое понятіе о томъ, что считать древнерусскимъ языкомъ, какъ мы видѣли неоднократно выше, отличалось крайней сбивчивостью и неопредѣленностью, не позволявшей еще помышлять объ историческомъ изслѣдованіи русскаго языка. Изученіе церковнославянскаго языка могло стать у насъ на твердую почву въ отношеніи метода и цѣлей изслѣдованія лишь съ появленіемъ знаменитаго „Разсужденія“ Востокова, значеніе котораго было ясно лишь немногимъ изъ его современниковъ, да и то не вполнѣ [1]). Пособій для ознакомленія съ церковнославянскимъ языкомъ, если не считать названнаго „Разсужденія“ и мало доступныхъ для русскаго читателя „Institutiones“ Добровскаго, явившихся лишь къ концу разсматриваемаго промежутка времени (въ 1822 г.), также не было. Знакомство съ другими славянскими языками находилось въ еще худшемъ положеніи (см. ниже) и было крайне поверхностно и недостаточно, что являлось вполнѣ естественнымъ при отсутствіи славянскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ. Не говоримъ уже о почти полной tabula rasa по части общаго и сравнительнаго языкознанія, обрекавшей нашихъ ученыхъ на неизбѣжную узость взгляда и сферы изслѣдованія. Самое отношеніе къ языку, преимущественно какъ орудію „словесности“, налагало также свой отпечатокъ на наши словарныя и грамматическія ра-

[1]) Мы видѣли выше (стр. 796), что даже Калайдовичу не все было понятно въ «Разсужденіи» Востокова.

боты, придавая имъ узкій, мало научный, а иногда и совсѣмъ не научный характеръ.

Важно было, конечно, уже самое сознаніе неотложности указанныхъ нуждъ нашей науки, а оно не ослабѣвало какъ въ узкомъ кругу немногочисленныхъ ея активныхъ работниковъ, такъ и среди болѣе или менѣе образованныхъ людей того времени, способныхъ цѣнить интересы просвѣщенія и группировавшихся уже около извѣстныхъ научныхъ обществъ.

Главнымъ изъ нашихъ лексикографическихъ трудовъ по русскому языку за это время продолжало оставаться второе изданіе словаря Россійской академіи, первая и вторая части котораго (буквы А—Г и Д—І) вышли еще въ 1806 и 1809 гг. (см. выше, стр. 716—718). Третья часть (буквы К—Н: 1144 столб.) явилась въ 1814, послѣднія же части: четвертая (буквы О—П: 1536 стлб.), пятая (П—С: 1142 стлб.) и шестая (С до конца: 1478 стлб).—лишь въ 1822 году. Все прогрессировавшая медленность изданія (между выходомъ первой части и второй прошло *три* года, между второй и третьей—*пять*, а между третьей и окончаніемъ—*восемь*) объяснялась не столько трудностью дѣла, сводившагося преимущественно къ почти механическому „приведенію въ буквенный порядокъ“ перваго изданія, сколько вообще слабой работоспособностью самой Росс. академіи. По свидѣтельству М. И. Сухомлинова[1]), „въ обоихъ словаряхъ и опредѣленія словъ, и примѣры—однѣ и тѣже; сходство во многихъ случаяхъ дословное; все отличіе заключается весьма часто въ самомъ легкомъ измѣненіи редакціи, въ замѣнѣ одного слова другимъ, въ сокращеніи числа примѣровъ и т. п.“. Впрочемъ, второе изданіе было всетаки дополнено изряднымъ количествомъ новыхъ словъ, такъ что общее число словъ въ немъ съ 43257 перваго изданія возросло до 51388, т. е. увеличилось на 8131 слово. Дополненія иногда состояли изъ „простонародныхъ“ словъ и вообще употребляющихся въ „просторѣчіи“, въ родѣ *бабíкъ*, *пригожайка* и т. д. Зато были пропущены нѣкоторыя неупотребительныя и, очевидно, сфабрикованныя ad hoc слова, въ родѣ *разнодумье, чистодушіе* и т. п., которыя значились въ первомъ, словопроизводномъ изданіи[2]).

Второе изданіе словаря вызвало вѣскій критическій разборъ Добровскаго[3]), въ которомъ одновременно шла рѣчь и о первомъ

---

[1]) „Исторія Росс. Академіи“, вып. VIII, Спб. 1888, стр. 186.

[2]) Тамъ же.

[3]) „Jahrbücher der literatur“. Wien 1825; т. 29: „Slovar akademii rossijskoj“, стр. 53—70.

изданіи. Патріархъ славистики признавалъ академическій трудъ „важнымъ" и потому находилъ необходимымъ дать читателю точное представленіе о его содержаніи, разсматривая его по буквамъ, причемъ указывалъ число страницъ, отведенныхъ на каждую, и даже число строкъ въ извѣстныхъ отдѣльныхъ статьяхъ.

По мнѣнію Добровскаго, на словарь можно было вполнѣ положиться въ его опредѣленіяхъ извѣстныхъ словъ общеупотребительными или устарѣлыми и вышедшими изъ употребленія. Порукою ихъ вѣрности служило то, что словарь долженъ былъ разсматриваться многими академиками, отъ вниманія которыхъ не могли ускользнуть данныя особенности. Добровскій одобрялъ помѣщеніе уменьшительныхъ и увеличительныхъ при ихъ первообразныхъ, а также женскихъ словъ при мужскихъ, но отмѣчалъ отсутствіе послѣдовательности въ этомъ отношеніи. Такъ при словѣ *котъ* приведены только *котикъ* и *котище*, а *котенокъ* и *кошка* поставлены отдѣльно: женскія слова *калкунка* (индюшка) и *жница* стоятъ при своихъ мужскихъ *калкунъ* (индюкъ) и *жнецъ*, а *жрица* и *жрецъ* отдѣлены другъ отъ друга. Точно такъ же разбиты порознь слова: *Овенъ*, *Овца* и *Овча*.

Критикъ не могъ также согласиться съ отсутствіемъ въ словарѣ древнихъ славянскихъ названій странъ, городовъ и народовъ, въ родѣ *Нѣмецъ*, *Чехъ*, *Ляхъ*, *Царьградъ* и т. д. Такъ въ словарѣ имѣются выраженія и слова: *Нѣмецкій инбирь*, *Жидовскія вишни*, *Жидоморъ*, *Жидовникъ*, и совсѣмъ нѣтъ ни прилагательныхъ *Нѣмецкій*, *Жидовскій*, ни существительныхъ *Нѣмецъ*, *Жидъ*. Добровскій спрашивалъ также, почему объяснено слово *Ареопагъ*, а названіе *Китай* осталось необъясненнымъ, хотя и упоминается въ объясненіи производнаго слова *Китайка*?

По мнѣнію критика, составители словаря хорошо сдѣлали, отбросивъ нѣкоторыя опредѣленія перваго изданія, въ которомъ *Бокалъ* названо кельтскимъ словомъ, а *Глыба*—латинскимъ (!), но въ то же время ему казалось страннымъ, почему не указано несомнѣнно иностранное происхожденіе словъ *Алый* и *Карій*, изъ которыхъ первое уже въ первомъ изданіи словаря правильно производилось отъ турецкаго (точнѣе было бы—татарскаго *ал*), тѣмъ болѣе, что происхожденіе другихъ словъ отмѣчалось (напр., слово *Кентавръ* правильно показано греческимъ).

Существеннымъ недостаткомъ второго изданія Добровскій находилъ отсутствіе въ немъ словъ изъ древне-русскихъ памятниковъ: лѣтописи Нестора, произведеній Кирилла Туровскаго и т. д., а также тѣхъ словъ, которыя объяснены были Карамзинымъ въ его „Исторіи государства россійскаго". Пропущены въ словарѣ

были такія слова, какъ *Тезъ (Тезка)*, *Темникъ*, *Паломникъ*, *Комонь* и др.

Опредѣленіями значеній Добровскій также не всегда оставался доволенъ. Такъ онъ правильно указываетъ, что нельзя отдѣлять другъ отъ друга слова: *Велбудъ*—толстый канатъ и *Верблюдъ* (ч. I, 423—424), представляющія собой не два разныя слова, а только двѣ формы (древнюю и позднѣйшую) одного и того же слова, означающаго животное верблюдъ (camelus). Точно такъ же слово *Полъ* приведено четыре раза, въ качествѣ самостоятельнаго слова со значеніями: 1) помостъ, 1) sexus, 3) берегъ, сторона, 4) половина (ч. IV, 1461), хотя здѣсь второе и третье значенія являются простыми оттѣнками четвертаго, и лишь первое можетъ быть признано самостоятельнымъ.

Неудачной признавалась также система объясненія словъ посредствомъ нанизыванія синонимовъ, въ результатѣ чего нерѣдко терялись тонкія оттѣнки значенія, и отожествлялись слова, равнозначащія только повидимому. Такъ слово *Чортъ* опредѣлялось синонимами *Демонъ*, *Діаволъ*, *Бѣсъ*, *Злый духъ* (ч. VI, 1278); слово *Демонъ*—синонимами *Діаволъ*, *Бѣсъ*, *Злый духъ* (ч. II, 49), а *Діаволъ*—опять тѣми же синонимами: *Бѣсъ*, *Демонъ; Злый*, *Нечистый духъ* (ч. II, 86).

Добровскій приводилъ также образчики неудачныхъ и прямо смѣхотворныхъ объясненій, въ родѣ: „*Идти*—ступая, или движась, перемѣнять мѣсто (ч. II, 954); *Стоять*—быть на ногахъ; противополагается въ семъ смыслѣ глаголамъ: *Лежать* и *Сидѣть* (ч. VI, 524)", или: „*Ротъ*—отверстіе подъ носомъ на лицѣ человѣческомъ и у нѣкоторыхъ (?!) животныхъ, растворяемое и затворяемое губами, чрезъ которое издается голосъ и пріемлется пища и питіе (ч. V, 1080); *Третій*—слѣдующій по второмъ (ч. VI, 776); *Девять*—число, состоящее изъ осьми единицъ съ единицею" (ч. II, 47) и т. д.

Нѣкоторыя изъ замѣчаній Добровскаго, впрочемъ, были незначительны, а то такъ и прямо ошибочны. Такъ онъ находилъ, что составители словаря придали слишкомъ большое значеніе буквамъ *ъ* и *ь* и, введя ихъ въ алфавитный порядокъ, повредили естественному распредѣленію словъ, вслѣдствіе чего, напримѣръ, предлоги *къ* и *съ* поставлены въ самомъ концѣ словъ, начинающихся на *К* и *С*, вмѣсто того, чтобы стоять въ самомъ началѣ. Точно такъ же по его мнѣнію неудобно, что первообразное *Полъ* стоитъ ниже производнаго *Половина*, а производное *Полковникъ*—выше, чѣмъ *Полкъ* и т. д. Бѣда здѣсь, конечно, была не велика

и могла быть устранена (въ случаѣ надобности) простыми ссылками на соотвѣтствующія слова.

Совсѣмъ неправъ былъ Добровскій, порицая составителей словаря за то, что они не указали, будто *Тре*-въ *Треблаженный* и т. п. образовалось путемъ сокращенія слова *Трое*, а *Инокъ*—такимъ же путемъ изъ небывалаго *Единокъ (!)*. Незнакомство Добровскаго съ народной русской зоологической терминологіей сказалось въ упрекѣ составителямъ, опредѣлившимъ *Неясыть*—„птица та же, что *Филинъ, Сова*" (ч. III, 1384). Добровскій находилъ, что *Неясыть* имѣетъ только одно значеніе *Пеликанъ*, которое де и указано правильно уже Поликарповымъ.

Какъ бы то ни было, отмѣченные Добровскимъ недостатки словаря были довольно существенны, и изъ его разбора ясно было, что новое изданіе мало сдѣлало для исправленія ошибокъ перваго, нерѣдко перешедшихъ въ него цѣликомъ. Отрицательный характеръ отзыва возбудилъ въ его авторѣ опасеніе неудовольствія со стороны Россійской академіи, во главѣ которой стоялъ Шишковъ, какъ разъ не задолго передъ этимъ вступившій съ Добровскимъ въ письменныя сношенія [1]).

Предупредить это неудовольствіе или смягчить его постарался П. И. Кеппенъ, напечатавшій въ своихъ „Библіографическихъ Листахъ" замѣтку о данной рецензіи. По словамъ Кеппена, „рецензентъ, наторѣвшій въ трудахъ сего рода", имѣлъ въ виду „возможное усовершенствованіе" академическаго труда, и „свойственная ему скромность въ изложеніи сужденій служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что одно только усердіе къ наукамъ побудило его приняться за перо". Кеппенъ полагалъ, что „ревнителямъ Россійской литературы въ такомъ случаѣ нельзя не благодарить почтеннаго Ветерана за напечатаніе статьи, заслуживающей вниманіе каждаго отечественнаго Филолога". Въ заключеніе въ замѣткѣ сообщалось, что желанія Добровскаго „отчасти приводятся въ исполненіе почтеннѣйшимъ А. Х. Востоковымъ въ Лексикографическомъ (неизданномъ и еще недовершенномъ) трудѣ его, о коемъ упомянулъ уже Н. И. Гречь, въ своемъ Опытѣ краткой Исторіи Русской Литературы" (Спб. 1822, 8°, на с. 255-й) [2]).

По поводу этой замѣтки Добровскій писалъ Кеппену 15 дек.

---

[1]) См. переписку Шишкова съ Добровскимъ въ „Запискахъ, мнѣніяхъ и перепискѣ адмирала А. С. Шишкова", т. II (Берлинъ, 1870), стр. 370—381.

[2]) „Библіографическіе Листы" 1825 г., № 32, 24-го декабря, стлб. 470. „Лексикографическій" трудъ Востокова, упоминаемый здѣсь, очевидно былъ его рукописный „Славяно-Русскій этимологическій словарь", о которомъ мы скажемъ ниже.

1826 г., сообщая ему, что Шишковъ повидимому недоволенъ имъ: „Auf mich scheint er etwa ungehalten zu seyn. Es war gut, dass Sie in Ihren Blättern. wo Sie von meiner Recension des Wörterbuchs der russ. Akademie sprechen, mich gleichsam entschuldigten und meine Absicht rechtfertigten“ [1]).

Другой отзывъ о словарѣ Россійской академіи былъ данъ абосскимъ ученымъ Э. Г. Эрстрöмомъ еще въ 1820 г., когда на лицо имѣлись лишь первыя три части, въ письмѣ его къ Шишкову отъ 5-го мая [2]). Авторъ письма, составившій нѣсколько пособій для изученія русскаго языка шведами и финнами [3]), разумѣется, уступалъ Добровскому въ компетентности сужденія, да и отзывъ его имѣлъ чисто частный характеръ, предназначаясь лишь для самого Шишкова. Отсюда, быть можетъ, главнымъ образомъ и происходилъ панегирическій тонъ всего отзыва. Эрстрöмъ находилъ, что новое изданіе словаря „есть весьма пріятное появленіе для всякаго знатока и любителя россійской словесности“ и превосходитъ первое большимъ числомъ словъ и примѣровъ, а также и болѣе полнымъ (?) объясненіемъ многихъ рѣченій. Къ достоинствамъ словаря Эрстрöмъ относилъ постановку глаголовъ въ неопред. наклоненіи, а не въ 1 л. настоящ. времени, какъ въ прежнихъ русскихъ словаряхъ, и „богатую, изъ Библіи и прочихъ церковныхъ книгъ собранную фразеологію“. Критическія замѣчанія Эрстрöма не имѣли большого значенія и были немногочислены. Такъ онъ находилъ, что для иностранцевъ обозрѣніе времени у глаголовъ было бы гораздо легче, „когда бы неопредѣленныя и совершенныя времена отдѣлены были одно отъ другаго такъ, чтобъ напримѣръ вмѣсто *взглядывать*, *взглянуть*, *взглядываю*, *взглядываешь*, *взглянулъ*, *взглянешь*, поставлено было: *взглядывать*, *взглядываю*, *взглядываешь*; *взглянуть*, *взгляну*, *взглянешь*“. По мнѣнію Эрстрöма, „таковое расположеніе болѣе сходно съ свойствомъ россійскихъ глаголовъ; ибо прошедшее совершенное время всегда ставится прежде будущаго (т. е. между неокончательнымъ и будущимъ)“ и т. д. Азбучный порядокъ новаго изданія Эрстрöмъ находилъ „выгоднѣйшимъ“ для пріисканія словъ и допускалъ его, если цѣлью словаря было „доставить полное

---

[1]) „Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ“. Изд. Ягича=„Сборникъ отдѣленія русс. языка и слов. Имп. ак. наукъ“, т. XXXIX, 1885 г., стр. 679.

[2]) См. „Записки“ Шишкова, Берлинское изданіе, т. II, стр. 381—85.

[3]) Русско-шведскій словарь; русская грамматика: „Rysk Språklära för begynnare etc.“ (вмѣстѣ съ Оттелиномъ, 2 изд. Спб. 1814); русская хрестоматія и т. д. (см. тамъ же).

собраніе всѣхъ словъ, какъ въ нынѣшнемъ языкѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ старыхъ книгахъ встрѣчающихся, съ ихъ значеніями". Напротивъ, онъ считалъ болѣе подходящимъ этимологическій порядокъ, если словарь имѣлъ „представить расположеніе всѣхъ въ россійскомъ языкѣ находящихся словъ ученымъ и филологическимъ образомъ" и предназначался не для начинающихъ, но „для желающихъ пріобрѣсти основательное, полное и ученое свѣдѣніе въ семъ богатомъ и благозвучномъ языкѣ". „Еще болѣе желательно бъ было", по мнѣнію Эрстрöма, „чтобы къ производнымъ словамъ нынѣшняго россійскаго языка прилагаемо было также краткое историческо-филологическое замѣченіе, какъ объ образованіи производныхъ и составныхъ словъ, такъ и о происхожденіи и многоразличномъ распространеніи значеній". Эрстрöмъ находилъ также, что словарь еще болѣе бы выигралъ, если бы въ него „въ тѣхъ случаяхъ, кои требуютъ совершеннѣйшаго объясненія значеній словъ", было введено „и сравненіе съ сходственными нарѣчіями или діалектами". Какъ и Добровскій, Эрстрöмъ полагалъ, что „справедливыя права (составителей) на признательность еще болѣе бы умножились, ежели бы въ словарѣ помѣщены были въ бо́льшемъ количествѣ слова, выраженія и рѣченія, изъ самыхъ древнихъ лѣтописей, стихотвореній и повѣстей почерпнутыя".

Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 25 іюня 1820 г. [1]), Шишковъ соглашался съ мнѣніями Эрстрöма о словарѣ и находилъ въ нихъ „неоспоримую истину". Какъ и абоескій ученый, Шишковъ думалъ, что алфавитный порядокъ „можетъ нѣкоторымъ образомъ быть полезенъ для справокъ о словахъ; но словарь для ученыхъ людей, для философическаго познанія языка, долженъ быть словопроизводной ((étimologique)". Поэтому „прежній Академическій Словарь, въ семъ намѣреніи составленный, дѣлаетъ великую честь нашей Академіи. Но онъ былъ первою ея работою, и потому нельзя отъ него требовать совершенства, котораго и нигдѣ нѣтъ". Высказанное здѣсь сужденіе мотивируется недостаточностью всѣхъ существующихъ словопроизводныхъ словарей, составители которыхъ не приняли во вниманіе, какъ слѣдуетъ, *корней* языка. Попавъ на свое любимое „корнесловіе", Шишковъ пускается въ изложеніе его основаній. По его словамъ, напрасно отдѣляютъ другъ отъ друга такія близко родственныя (!) слова, какъ *древо* и *трава*, происходящія де отъ одного корня *дрв*, подъ которымъ человѣкъ нѣкогда, „не замѣчая разности между травою и дере-

[1]) Тамъ же, стр. 385—388

вомъ, когда онѣ были равны высотою", разумѣлъ и то и другое; когда же „дерево вознеслось высоко надъ травою, и разность ихъ сдѣлалась" человѣку явной, „тогда онъ не перемѣнилъ имъ названій, а только для различенія сталъ одно передъ другимъ мягче произносить, измѣня букву *д* въ *т*; послѣ того смѣшеніемъ съ гласными буквами и нѣкоторою отмѣною въ окончаніи увеличилъ еще болѣе сіе различіе, сдѣлавъ изъ того же *дрв* для одного предмета *дерево* или *древо*, а для другаго *трава*".

Иллюстрировавъ на этотъ примѣрѣ важность своего этимологическаго метода, Шишковъ сообщаетъ, что „на подобныхъ опытахъ и осужденіяхъ основалъ... планъ свой для составленія вновь словопроизводнаго словаря". Планъ этотъ, по словамъ адмирала-корнеслова, „конечно обширенъ, труденъ, требуетъ великихъ упражненій, строгихъ изслѣдованій и доказательствъ; но зато... онъ есть единственный, который вѣрно и безошибочно ведетъ къ исполненію намѣренія; единственный, который можетъ положить твердое основаніе языку толь обширному, каковъ славенскій или рускій языкъ". Для вящшаго назиданія Эрстрöма были отправлены 8 книжекъ Академическихъ Извѣстій, вышедшія до тѣхъ поръ, и таблица съ пресловутыми Шишковскими „деревьями словъ". Упомянутый проектъ словопроизводнаго словаря (см. о немъ ниже) такъ и остался неосуществленнымъ, отъ чего, конечно, русская наука ничего не потеряла, и единственнымъ лексикографическимъ трудомъ Россійской академіи въ первой четверти XIX в. остался азбучный словарь русскаго языка.

Черезъ 25 лѣтъ послѣ его завершенія, онъ все еще не могъ быть замѣненъ никакимъ болѣе совершеннымъ трудомъ, о чемъ такъ писалъ И. И. Срезневскій: „Въ составъ этого словаря вошло до 52000 словъ языка книжнаго стараго и новаго, языка народнаго, равно и термины Наукъ, Художествъ и т. д. На каждомъ словѣ обозначено удареніе. При каждомъ словѣ отмѣчено его грамматическое значеніе, и въ слѣдъ за тѣмъ объясненъ смыслъ слова. Замѣчательно, что всѣ слова безъ исключенія, какія бы то ни были, истолкованы одинаково *объясненіемъ* самыхъ понятій, заключающихся подъ ними, такъ что въ нѣкоторомъ отношеніи этотъ Словарь есть вмѣстѣ и краткая энциклопедія. При словахъ менѣе обыкновенныхъ есть свидѣтельства и ссылки на книги, при словахъ обыкновеннаго разговорнаго языка—выраженія поговорочныя. Словарь не полонъ ни по количеству словъ, ни по свидѣтельствамъ объяснительнымъ, ни тѣмъ болѣе по фактамъ для исторіи языка; въ немъ немало и странностей, и ошибокъ; но мысль, руководившая составителей, выкупаетъ ошибки; время

составленія ихъ извиняетъ, а то, что онъ до сихъ поръ въ продолженіе 25 лѣтъ послѣ его окончанія, не замѣненъ вполнѣ ничѣмъ лучшимъ, служитъ достаточнымъ доказательствомъ, какъ трудно у насъ удаются подобныя предпріятія, какъ еще не время у насъ требовать совершенства въ твореніяхъ филологическихъ, и какъ много достоинства (?) можетъ иногда остаться безъ должной оцѣнки тамъ, гдѣ легче увидать недостатки, чѣмъ ихъ непреодолимость. Азбучный Словарь академіи останется навсегда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ первыхъ успѣховъ русской науки и лучшимъ памятникомъ усилій россійской академіи. Издавши этотъ Словарь, она уже могла сказать, что не даромъ существовала“ [1]).

Если азбучный словарь Россійской академіи удовлетворялъ въ извѣстной мѣрѣ настоятельную нужду въ словарѣ русскаго языка, то другой не менѣе ощутительный пробѣлъ въ нашей научной литературѣ—отсутствіе словаря церковнославянскаго языка—давало себя знать по прежнему. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ изданію поученія архіепископа Луки Жидяты къ братіи, носящихъ часто лингвистическій характеръ [2]), проф. моск. университета Р. Ѳ. Тимковскій еще въ 1815 г., ссылаясь на словарь Памвы Берынды, высказывалъ сожалѣніе, что „сія прекрасная книга такъ рано уже забыта у насъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ она драгоцѣнна для любителя Славянскаго языка и во многихъ случаяхъ подаетъ ему единственную помощь“. Тимковскій выражалъ тутъ же желаніе, „чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ принялся за сочиненіе новаго Славянскаго Словаря, расположеннаго по образцу иностранныхъ; или бы по крайней мѣрѣ дополнилъ и издалъ вновь лексиконъ Берынды. Мы теперь уже нѣкоторыя Славянскія слова и выраженія весьма мало понимаемъ, и часто прибѣгаемъ къ соображеніямъ и догадкамъ; чтожъ будетъ наконецъ съ нашими потомками спустя нѣсколько сотъ лѣтъ, когда можетъ быть и нынѣшній нашъ языкъ сдѣлается для нихъ труднымъ и невразумительнымъ? Надобно думать, что они многаго вовсе не будутъ понимать, и тогда вся вина падетъ на нашу безпечность“.

Тимковскій понималъ неосуществимость сколько нибудь пол-

---

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г., ч. 58, отдѣлъ VI: И. И. Срезневскій, „Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составленный II Отд. Имп. Ак. Наукъ“, статья вторая, стр. 224—225.

[2]) «Русскія достопамятности, издаваемыя Обществомъ Ист. и Древн. Росс., учрежденнымъ при Императ. Моск. Университетѣ. Часть I. Москва. Въ Университ. Типографіи 1815 г. 8°, стр. 3—16.

наго словаря этого рода въ то время, но приглашалъ своихъ современниковъ къ подготовительной для него работѣ: „пока не изданы еще всѣ древнія Славянскія сочиненія критически, безъ всякихъ умышленныхъ и неумышленныхъ поновленій, подобно изданіямъ Греческихъ и Римскихъ классиковъ; до тѣхъ поръ нельзя и ожидать полнаго Славянскаго словаря: но станемъ мало по малу прокладывать дорогу. Есть ли бы Буддей Меурсій и Фаберъ не принимались за перо; то безъ сомнѣнія мы не имѣли бы превосходныхъ лексиконовъ Генриха Стефана, Дюканжа, Шнейдера, Шеллера и Геснера“ [1]).

Въ ожиданіи приходилось довольствоваться уже имѣющимися пособіями, въ родѣ „Церковнаго словаря“ П. А. Алексѣева (см. выше, стр. 238 — 39), вышедшаго первымъ изданіемъ еще въ 1773—76 гг., а вторымъ въ 1794 г., и другихъ подобныхъ ему трудовъ (см. тамъ же). Спросъ на нихъ былъ настолько великъ, что въ теченіе второго десятилѣтія XIX в., понадобились два новыхъ одно за другимъ слѣдовавшихъ изданія словаря Алексѣева: третье, значительно умноженное (Москва. Синод. Типогр., 4 части, 8°, 1815 — 1816 г., и 5-я: „Новое прибавленіе“ къ нему, Спб. 1818, 8°) и четвертое, „вновь пересмотрѣнное, исправленное и противу прежнихъ трехъ изданій весьма знатнымъ количествомъ словъ и рѣченій пріумноженное“ (Д. и П. Соколовыми: 5 частей, 8°, 8 ненум.+XV+279, 235, 368, 208, 173+17 стр., Спб. Тип. Ив. Глазунова, 1817—1819). Изданія эти не представляли существенныхъ улучшеній, сравнительно съ оригинальнымъ изданіемъ 1773—76 гг., и страдали тѣми же недостатками. Передѣлка Соколовыхъ была, правда, „пріумножена новымъ дополненіемъ разныхъ словъ и рѣченій, до 6000 простирающихся, собранныхъ черезъ прочтеніе изъ Библіи и изъ многихъ другихъ церковныхъ книгъ и духовныхъ отеческихъ твореній, которые они имѣли случай пріобрѣсть частію отъ самаго сочинителя еще при жизни его, частію же отъ другихъ любителей Славенскаго языка“, но въ общемъ имѣла тотъ же характеръ, что и первое изданіе, не только сохранивъ всѣ его объясненія, но и слѣдуя имъ въ дополненіяхъ. Исправленія преимущественно заключались въ болѣе точномъ соблюденіи азбучнаго порядка и устраненіи нѣкоторыхъ мелкихъ ошибокъ.

Одновременно съ третьимъ изданіемъ церковнаго словаря Алексѣева, началъ выходить въ „Извѣстіяхъ Россійской академіи“ „Опытъ Славенскаго словаря, или объясненіе силы и знаменова-

[1]) См. цитир. изданіе, стр. 15—96.

нія коренныхъ и производныхъ Рускихъ словъ, по недовольному истолкованію оныхъ мало извѣстныхъ и потому мало употребительныхъ", принадлежащій самому президенту академіи, А. С. Шишкову [1]). Составитель самъ называлъ его „малымъ опытомъ, а не Словаремъ", потому что „хотя слова собраны въ немъ по азбучному порядку, но сіе собраніе ихъ есть весьма неполное". Не имѣя въ своемъ распоряженіи „книгохранительницы, въ которой бы находились всѣ священныя наши творенія, древніе лѣтописцы, рукописи, и даже многія книги, писанныя на тѣхъ языкахъ, которые происходятъ отъ Славенскаго", Шишковъ „принужденъ былъ довольствоваться помѣщеніемъ въ своемъ *опытѣ* только тѣхъ словъ, которыя онъ могъ, не изъ одного, но изъ многихъ съ трудомъ находимыхъ примѣровъ, хорошенько выразумѣть, оставляя прочія для будущаго онымъ отысканія и разсмотрѣнія" („Извѣстія", кн. I., стр. 41). Такимъ образомъ „Опытъ" Шишкова даже и не заслуживаетъ названія „словаря" и не могъ претендовать заполнить собою указанный выше крупный пробѣлъ въ научной литературѣ. Самая цѣль его, отчасти намѣченная уже въ заглавіи, не имѣла научнаго характера. Авторъ его несомнѣнно имѣлъ въ виду лишь иллюстрировать свои излюбленныя идеи о силѣ, красотѣ и великолѣпіи „Славенскаго" языка, какъ неисчерпаемаго источника русскаго литературнаго языка. Во вступленіи къ своему „Опыту Славенскаго словаря" Шишковъ самъ выясняетъ его назначеніе. Указавъ на существованіе „Академическаго и церковнаго Словарей, въ которыхъ почти всѣ извѣстныя въ нашемъ языкѣ слова собраны и объяснены", Шишковъ отмѣчаетъ, однако, что „много еще въ пространномъ морѣ семъ остается сокровеннаго: не вся глубина онаго изслѣдована". Въ общихъ словаряхъ нельзя „распространяться въ описаніи каждаго слова порознь. Между тѣмъ весьма часто бываетъ, что необыкновенное, или мало извѣстное слово, для точнаго познанія заключающейся въ немъ силы и разума, требуетъ отысканія далеко закрывавшагося (такъ!) иногда корня его, и приложенія многихъ въ маломъ числѣ книгъ случайно попадающихся примѣровъ, безъ которыхъ ясность онаго отъ очей нашихъ нерѣдко скрывается. Надлежитъ слова сіи подвергнуть глубокому изслѣдованію и разбору"; показать, что нѣкоторыя изъ нихъ „заключаютъ въ себѣ богатую мысль, и слѣдовательно къ ущербу словесности забыты",

---

[1]) Извѣстія Росс. акад. 1815 г. Кн. 1, стр. 37 — 92; кн. 2, 1816 г., стр. 33—87; кн. 3, 1817 г., стр. 62—88; кн. 4, 1817 г., стр. 66—112; кн. 7, 1819 г., стр. 51—112.

тогда какъ другія „выдуманы и употребляются незнающими языка своего писателями, и потому больше служатъ къ порчѣ, нежели къ обогащенію онаго“ („Извѣстія“, кн. 1, стр. 39). Если бы даже подобныя слова и были объяснены въ полномъ словарѣ „со всѣми желаемыми подробностями и примѣчаніями“, то эти объясненія „остались бы непримѣтны, потому что таковый Словарь сочиняется больше для справокъ попадающихся намъ неизвѣстныхъ или сомнительныхъ названій, нежели для того, чтобъ чрезъ чтеніе онаго научиться разуму и силѣ высокихъ рѣдко употребляемыхъ словъ“. Съ этой послѣдней цѣлью, по мнѣнію Шишкова, былъ изданъ „Церковный словарь“ Алексѣева, далеко, однако, не достигшій ея, вслѣдствіе неполноты матеріала („выбранъ не изъ всѣхъ древнихъ книгъ, но токмо изъ священныхъ писаній“), привлеченія греческихъ словъ въ одинаковой мѣрѣ со славянскими, краткости объясненій („безъ всякаго разсмотрѣнія корня, и вывода силы какъ прямаго, такъ и иносказательнаго ихъ знаменованія“), а также отсутствія примѣровъ, вмѣсто которыхъ лишь „показаны имена и главы тѣхъ книгъ“, гдѣ они находятся. Вслѣдствіе этого читателю, который бы полюбопытствовалъ „узнать силу слова“, пришлось бы „имѣть предъ собою всѣ сіи книги“. По мнѣнію Шишкова, „подобный Словарь можетъ нѣсколько быть полезенъ для чтенія священныхъ книгъ, но онъ не вводитъ въ сокровенности слова, не даетъ чувствовать силы языка, не присовокупляетъ ничего къ познанію онаго“. Удовлетворить этимъ послѣднимъ требованіямъ и долженъ былъ разсматриваемый „Опытъ“ Шишкова. О характерѣ его и степени полноты можно судить изъ голаго перечня первыхъ словъ его на буквы А и Б: *абіе*, *абы*, *ажє*, *ажно*, *аки*, *амо*, *аркучи*, *атъ*, *аще*; *бабръ*, *бабы* (плеяды), *бавить*, *багръ*, *багрецъ*, *баручь* (у Нестора: *Ольговичи съ Половцы взяша городокъ Нежатинъ, и села и Баручь пожгоша)*, толкуемое, какъ нарѣчіе *оборучь*, т. е. по обѣимъ рукамъ или сторонамъ (!), *безквасіе*, *безмездіе*, *безмѣстіе*, *безнадеждіе*, *безнапастіе*, *безпенежно*, *безпенно*, *безсердечіе* или *безсердіе*, *безсловесіе*, *бервно*, *березозоль*, *бесѣда*, *биричь*, *благовзорный*, *благоводный*, *благовоздушіе*, *благоволить*, *благовонство*, *благовонствовать*, *благовѣріе*, *благовѣтвенъ*, *благовѣтріе*, *благодать*, *благоличность*, *благолюбіе*, *благомощіе*, *благоплеменство*, *благоприступенъ*, *благосердіе*, *благословіе* и *благословеніе*, *благостройно*, *благостыня*, *благоувѣтливость*, *благоуханіе*, *благоязычіе*, *блажить*, *блазнь*, *ближникъ*, *богатѣть*, *богодухновенное*, *боголѣпно*, *богомужный*, *богочтецъ*, *бодренный*, *болонье*, *больма* и *больми*, *болѣзнь*, *боляринъ*, *боронить*, *боронь* или *бороненіе*, *босуви* (изъ Сл. о П. Игор.), *боязнь*, *бра-*

таничъ, братанъ, братанка, братися, бреженіе, брашно, буесть, буй, былина и т. д. Ниже находимъ такую же смѣсь словъ церковнославянскихъ и россскихъ (въ родѣ *веречи, володѣть, волосъ, воробъ, воропъ,* „карпато-росскаго“ *винобраніе* и т. д.), такой же случайный и не критичный подборъ словъ дѣйствительно существующихъ и искусственныхъ и такую же неполноту матеріала, доходящую до того, что буква Т представлена всего двумя словами *твердосердіе* и *тяжкосердіе,* буква У — тремя: *угобженіе, угобзить, уступокъ,* а послѣдняя буква Ч—однимъ *чревоболѣніе!*

Какъ видно, „Опытъ“ Шишкова не могъ мѣряться полнотою матеріала не только со словаремъ Алексѣева, но и съ словарями игумена Евгенія (см. выше, стр. 239) и Памвы Берынды (см. выше, стр. 165). Единственнымъ его достоинствомъ являлось обиліе цитатъ изъ разныхъ, преимущественно печатныхъ памятниковъ церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ, также и новыхъ писателей XVIII и начала XIX в. (Четьи-Минеи, Библія, „Старинн. Библія“, Библія Скорины, Алфавитъ духовный, Патерикъ, „Ифика“, Прологъ, Минея Общая, Требникъ, Служебникъ, Мѣсяцесловъ, Ирмологій, Кормчая, Октоихъ, Синаксарій, Изъясненіе на литургію, Царственный Лѣтописецъ, Никоновская лѣтоп., Несторъ, Древн. лѣтописи, „Предисловіе къ грамматикѣ Максима Грека“, т. е. къ московскому изданію грамм. Мелетія Смотрицкаго 1648 г., Русская Правда, Слово о Полку Игоревѣ, Уложеніе Царя Алексѣя Мих., „О ратномъ дѣлѣ“ 1649, Троянская исторія, Словарь Памвы Берынды, избр. сочиненія Кипріяна, Слово Архим. Сѣченаго, Слова Ѳеофана Прокоповича, Сочиненія митроп. Платона, Исторіогеографія Мавроурбина, Исторія Іерусалима, какой-то „Старинн. словарь“, Академич. словарь, Древнерусск. стихотворенія Кирши Данилова, Сочиненія Кострова, Ломоносова, Сумарокова, Державина, кн. Шихматова и т. д.). Приведеніе этихъ цитатъ цѣликомъ составляло его преимущество передъ словаремъ Алексѣева, въ которомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣлись голыя ссылки на соотвѣтствующія мѣста источниковъ. Только въ этомъ одномъ отношеніи „Опытъ Славенскаго словаря“ Шишкова могъ оказать въ свое время извѣстную услугу тому, кто вздумалъ бы прибѣгнуть къ его помощи.

Къ недостаткамъ „Опыта“ необходимо отнести еще обычное Шишковское „корнесловіе“, правда проведенное не систематически, но всетаки довольно часто. *Свадьба* производится здѣсь отъ *святить (святьба)*; датское *vel* и нѣм. *wohl* отъ слав. *велій; влятися* изъ *вла*=сокращенное *валъ, волна*+глаголъ *ятися* (отсюда же *валять, валяться*); *возгнѣщать* изъ *возогнѣщать,* отъ

огонь; *володѣть* изъ *воля*-|-*дѣять*; *лѣчить* отъ *легчить*, *улизнуть* изъ **улѣзнуть*; *мечка* (медвѣдица) отъ *метаться* (на людей) или *метать* (щенять); *мнихъ* отъ *мній*, *тихомолка* отъ **тихомолвка* и т. д. [1]). При этомъ Шишковъ по обыкновенію пускается въ наивныя и невѣжественныя разсужденія, въ родѣ объясненія этимологической связи *скора*, *шкура* и *скорнякъ*. По словамъ его, „порча произношенія словъ часто заводитъ насъ въ несообразное употребленіе оныхъ: мы не говоримъ нынѣ *скора*, а говоримъ *шкура*; напротивъ того, не говоримъ *шкурнякъ*, а говоримъ *скорнякъ*. Причиною сей несообразности есть невникаціе въ коренное происхожденіе словъ. Мы бы никогда не сказали *шкура*, естьлибъ знали, что имя сіе происходитъ отъ имени *кора*" и т. д. [2]).

Въ томъ же 1815 году, когда началось печатаніе разсмотрѣннаго „Опыта славенскаго словаря", Шишковъ въ первой же книжкѣ „Извѣстій Росс. Академіи" напечаталъ „Нѣкоторыя замѣчанія на предполагаемое вновь сочиненіе Россійскаго Словаря" (стр. 8—35). Здѣсь онъ высказывалъ свое недовольство обоими словарями Россійской академіи, словопроизводнымъ (давно уже ставшимъ библіографической рѣдкостью, см. выше, стр. 725) и алфавитнымъ, и предлагалъ свой собственный планъ этимологическаго словаря, очевидно, тотъ самый, о которомъ онъ писалъ пять лѣтъ спустя Эрстрому (см. выше, стр. 954).

По словамъ Шишкова, словопроизводный словарь Россійской академіи „достоинъ всякаго уваженія и признательности", но во-первыхъ это былъ „первоначальный трудъ Академіи, помышлявшей тогда (какъ и должно было) болѣе о надобности Словаря, нежели о совершенствѣ онаго". Во-вторыхъ „онъ составленъ въ краткое время, и... съ немалымъ поспѣшеніемъ. Въ третьихъ", съ тѣхъ поръ прошло уже около 30 лѣтъ, и сдѣланы „новыя открытія въ языкѣ". Поэтому въ словопроизв. словарѣ нужно сдѣлать „многія перемѣны", сократить „излишества, недостатки дополнить, погрѣшности исправить, и словомъ по образцу онаго сочинить новый Словарь" (стр. 8).

Шишковъ не доволенъ и алфавитнымъ словаремъ: „вновь составляемый потомъ (еще не совсѣмъ оконченный) Словарь Россійской Академіи по буквенному порядку, есть не иное что, какъ

---

[1]) „Извѣстія Россійской Академіи", кн. II, стр. 37, 41—42, 54, 60—61, 65, кн. IV стр. 105, 112; кн. VII, стр. 51—52, 53, 59. *Лѣчить* отъ *легчить* производилъ и Карамзинъ, утверждавшій, что видѣлъ это правописаніе въ старыхъ памятникахъ. См. Записки К. С. Сербиновича (Русская Старина, 1874, т. XI. 66).

[2]) „Извѣстія Русс. Акад." кн. VII, стр. 90—91.

тотъ же самый Словарь, передѣланный изъ словопроизводнаго въ букварный и потому столько же, какъ и тотъ неудовлетворителенъ" (стр. 9). Изъ неудовлетворительности обоихъ изданій академическаго словаря явствуетъ, что надо составить новый словопроизводный словарь, на „иномъ основаніи, гораздо общирнѣйшемъ прежняго", а именно слѣдуетъ имѣть въ виду: повѣрку „опредѣленія словъ для того, чтобъ сомнительныя и темныя привесть въ точность и ясность; избраніе лучшихъ примѣровъ и съ лучшимъ разборомъ; разсмотрѣніе корней словъ съ вящшими и надежнѣйшими способами, то есть съ помощію всѣхъ Славенскихъ нарѣчій". Необходимость привлеченія послѣднихъ удачно иллюстрируется нѣсколькими примѣрами (стр. 9—16). Плохо только то, что славянскіе языки предполагалось привлекать не столько для объясненія происхожденія русскихъ словъ, сколько „для утвержденія и обогащенія собственнаго нарѣчія нашего", т. е. для того же, для чего Шишковъ рекомендовалъ прибѣгать къ церковнославянскому языку.

По мнѣнію Шишкова, новый словарь долженъ быть словопроизводнымъ, „ибо симъ средствомъ показывается языкъ во всемъ своемъ началѣ и происхожденіи"; для скорѣйшаго же пріискиванія словъ къ нему можно было бы приложить алфавитный списокъ „всѣмъ находящимся въ немъ словамъ, съ показаніемъ части и страницы, на которой слово объяснено" (стр. 16—17).

„Всѣ иностранныя слова должно исключить изъ Словаря", ибо, если они „не наши", то и не должны „имѣть мѣста въ Славенскомъ или Россійскомъ собраніи словъ". Ниже, впрочемъ, Шишковъ смягчается и допускаетъ въ словарь „однѣ самыя укоренѣлыя, и уже сдѣлавшіяся нѣкоторою красотою нашего стихотворства". Всѣ прочія иностранныя слова и то „только весьма употребительныя", какъ напр., художественные и научные термины, названія чиновъ, мѣстъ и проч., Шишковъ предлагаетъ „собрать и помѣстить при концѣ Словаря, подъ названіемъ: *словарь иностранныхъ словъ, употребительныхъ въ нашемъ языкѣ*" (стр. 17—18).

Необходимо, однако, замѣтить, что понятія Шишкова о томъ, что считать иностраннымъ словомъ, были очень своеобразны. Нѣкоторыя такія слова, по его мнѣнію, мы только „почитаемъ иностранными", а на самомъ дѣлѣ они „суть наши Славенскія, или по крайней мѣрѣ общи намъ съ тѣми языками, къ коимъ мы ихъ причисляемъ по тому только, что по свойству ихъ произносимъ оныя: *скинія* (Греческое), *сцена* (Латинское) и *сѣнь* (Славенское), есть одно и тоже слово, точно также, какъ Славенское *солнце*, Польское *słońce*,

Нѣмецкое *sonne*, Англійское *sun*, и проч., и Славенское *соль*, Французское *sel*, Нѣмецкое *salz* и проч." Такое же въ сущности славянское слово—латинское globus=нашему *клубъ*, откуда *клобъ*, *глобъ*, *глобусъ*; франц. *планъ* есть не что иное, какъ „Славенское *полянина*, сокращенно *планина*" и т. д. (стр. 18—19). Впрочемъ, Шишковъ оставляетъ неяснымъ, слѣдуетъ ли ввести такія слова въ словарь, рекомендуя, однако, „если сила навыка не позволитъ ихъ исправить", показывать „при испорченномъ словѣ... коренное его произношеніе и значеніе" (стр. 20).

„Собственныя имена земель, городовъ, селъ, морей, озеръ, рѣкъ, людей, и проч.". Шишковъ исключаетъ, но находитъ, что собственныя славянскія имена (Святославъ, Вячеславъ, Владиміръ, Добрыня, Горислава, Запава, Людмила) „не худо бы собрать и особо при концѣ Словаря припечатать". Имена звѣрей, птицъ, рыбъ, травъ и проч. входятъ только „съ краткимъ означеніемъ", а не съ пространными описаніями, а равнымъ образомъ и термины „наукъ, художествъ,ремеселъ и пр." (стр. 21).

„Всѣ находимыя въ священныхъ писаніяхъ, въ лѣтописяхъ, въ законахъ, въ преданіяхъ, въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ, самыя старинныя, хотя бы неупотребительныя, но чистыя Славенскія слова, должно внесть въ Словарь, съ слѣдующимъ только раздѣленіемъ": слова, значеніе которыхъ ясно и опредѣляется избранными примѣрами,—помѣстить въ самомъ словарѣ, слова же, значеніе коихъ забылось, „отбирать и заблаговременно печатать въ вѣдомостяхъ съ вызовомъ, не пришлетъ ли кто въ Академію удовлетворительнаго истолкованія онымъ (!). Истолкованныя и разрѣшенныя вносить въ Словарь съ именемъ истолкователя. Не разрѣшенныя же при окончаніи Словаря съ тѣмъ же вызовомъ припечатать въ концѣ онаго". Смущаться тѣмъ, что словарь наполнится „многими старинными, вѣтхими и неупотребительными словами", нечего, потому что онъ сочиняется не „для забавнаго чтенія", но въ качествѣ пособія „при чтеніи или сочиненіи другихъ книгъ" (стр. 21—22).

Шишковъ предполагалъ ввести въ словарь и такія инославянскія слова, вмѣсто которыхъ у насъ употребляются иностранныя слова, напр., замѣнить чешскимъ *пѣшникъ* наше *тротуаръ*, взятое изъ французскаго, а также ставить слова изъ другихъ славянскихъ языковъ при такихъ нашихъ словахъ, которыя нѣсколько уклонились отъ корня, напр., при *куча* ставить „богемское *купча*" (!), чтобы показать, „что оное происходитъ отъ *купа* (!)". При *сноха* рекомендуется привести Краинское *synaha*, „для показанія, что происходитъ отъ *сынъ*" (стр. 24—25).

Замѣчаній относительно внѣшней формы словаря въ планѣ Шишкова было немного, и они не представляли ничего особеннаго. Предполагалось давать латинскія значенія при каждомъ словѣ для удобства иностранцевъ, переводящихъ русскія книги, что было не очень практично, въ виду отсутствія многихъ „соотвѣтствующихъ Латинскихъ словъ". Въ случаѣ осуществленія этого требованія, пришлось бы нерѣдко давать длинныя латинскія описанія, а не единичныя слова, какъ хотѣлъ Шишковъ.

При алфавитномъ размѣщеніи словъ, предполагалось не считать ъ и ь, чтобы „корни словъ не стояли позади своихъ вѣтвей. Сперва *столъ*, а потомъ *столикъ*, *стольникъ* и проч." (стр. 25).

Во главѣ каждаго этимологическаго семейства предполагалось ставить основной для него корень, чему и приводится примѣръ. Сравнивая родственныя слова: *опона*, *запонъ*, *перепонка*, *попона*, *запонка*, *супонь*, Шишковъ открываетъ „одну и ту же господствующую мысль, изъявляемую корнемъ ихъ, словомъ *понъ*, означающимъ *преграду*, *препятствіе*, *сопротивленіе* (!)". Но этотъ корень еще не основной: „измѣняя гласную букву, превращается онъ въ *пин*, *пен*, и даже совсѣмъ выпуская оную остается только въ согласныхъ буквахъ *пн*, которыя несравненно постояннѣе гласныхъ и токмо однѣ могутъ почитаться коренными" (стр. 26—27). Такимъ образомъ во главѣ даннаго этимологическаго семейства долженъ быть поставленъ добытый вышеуказаннымъ путемъ корень *пн*.

Къ этимъ положеніямъ присоединено еще нѣсколько замѣчаній, относительно употребительности тѣхъ или другихъ формъ, съ точки зрѣнія грамматической теоріи вполнѣ правильныхъ. Шишковъ указываетъ, что не всѣ, напр., существительныя на *-ніе* одинаково употребительны. „Хорошими" онъ считаетъ слова *спасеніе*, *сужденіе*, *волненіе*, *облеченіе*, *треніе*, *уничиженіе* и пр.; „сомнительными" — *гремѣніе*, *горѣніе* (?), *бѣленіе* (?), *черненіе* и пр.; „худыми" — *желтеніе*, *зелененіе*, *твердѣніе*, *слащеніе* и пр. Только хорошіе и заслуживающіе довѣрія примѣры могутъ рѣшить вопросъ объ употребительности той или другой формы и допущеніи ея въ словарь. Сказанное относительно словъ съ суффиксомъ *-ніе* примѣняется и къ словамъ съ другими „окончаніями": на *-ба*, *-та*, *-ина* и *-ость*, которыя должны быть также подвергнуты „строгому разсмотрѣнію" (стр. 28—33).

Въ концѣ концовъ „словопроизводный Словарь (вмѣстилище языка)" представляется Шишкову, какъ „собраніе разныхъ корней, отъ которыхъ произошли деревья съ вѣтвями", т. е. разныя слова. Главный трудъ, отъ котораго зависитъ достоинство и со-

вершенство словаря, долженъ заключаться: 1) въ „тщательномъ отысканіи корней“, и 2) „въ произведеніи отъ нихъ деревьевъ и вѣтвей“ (стр. 33—34).

Составляться словарь, по проекту Шишкова, долженъ былъ „стараніемъ опредѣленныхъ на то трехъ или четырехъ Членовъ, которые бы по предначертанному плану безпрестанно тѣмъ занимались“. Они должны были „собрать, приготовить, опредѣлить, утвердить слова̀, обогатить примѣрами, и потомъ прочитывать ихъ въ собраніи, для нѣкоторыхъ токмо замѣчаній. Главный трудъ и работа“ должны были лежать на нихъ. „Безъ сего Словарь не составится, и даже полнота̀ и достоинство его къ нимъ должны относиться; ибо никакой трудъ иначе не совершается, какъ уединеннымъ и безпрепятственнымъ размышленіемъ“ [1]).

Къ вопросу о словопроизводномъ словарѣ Шишковъ возвратился еще въ своемъ предложеніи, внесенномъ въ Россійскую академію въ засѣданіи 21 янв. 1822. По его словамъ, „словарь сей нужнѣйшій и единственный, могущій положить твердое основаніе нашему отечественному языку и подать свѣдѣніе о составѣ и началахъ всѣхъ вообще языковъ, требуетъ конечно великихъ трудовъ и соображеній; но въ Академическихъ Извѣстіяхъ отчасти проложенъ ужѐ къ тому путь, такъ что современемъ можно ожидать плода отъ многихъ сдѣланныхъ тамъ изслѣдованій и объясненій, естьли оныя обратятъ на себя вниманіе людей дѣйствительно ученыхъ и помышляющихъ о прочной пользѣ и славѣ отечественнаго языка своего“ [2]). „Сочиненіе“ этого словаря предоставлялось теперь уже „каждому Члену, на основаніяхъ, объясненныхъ въ Академич. Извѣстіяхъ... а именно: a) разсмотрѣніе корня, сколько пустилъ онъ отъ себя колѣнъ и сколько при каждомъ колѣнѣ вѣтвей, b) подробное сихъ вѣтвей исчисленіе съ опредѣленіемъ значенія каждой изъ нихъ и съ присовокупленіемъ къ каждой отысканнаго въ книгахъ, или нарочно сочиненнаго, хорошаго примѣра, одного или нѣсколькихъ. Когда отъ кого такимъ образомъ представленъ будетъ одинъ или многіе описанные и въ порядокъ приведенные корни со всѣми произшедшими отъ нихъ колѣнами и вѣтьвями, и когда Академія сей трудъ приметъ и одобритъ, тогда сочинителю дается по расчисленію за каждый печатный листъ такая награда, какая полагается за всякое другое одобренное сочиненіе. Академія, выдавъ награжденіе, хранитъ

---

[1]) См. предложеніе, внесенное Шишковымъ въ Россійскую академію, въ засѣданіе 18 сент. 1820 г. („Извѣстія Росс. академіи“, кн. 9, 1821 г., стр. 19, а также „Сынъ Отечества“ 1820 г., ч. 64, стр. 278—80).

[2]) „Извѣстія Росс. акад.“, кн. 10, 1822 г., стр. 39—40.

сіе сочиненіе въ рукописи, доколѣ не соберетъ столько, что можетъ приступить къ изданію всего Словаря" [1]).

Но и денежная награда (отъ 60 до 100 р. за печатный листъ) оказалась безсильной заставить „членовъ-трутней" принять участіе въ осуществленіи замысловъ ихъ президента.

Таковы были главныя основанія предлагавшагося Шишковымъ плана для изданія новаго словопроизводнаго словаря. Какъ видно, научнаго характера и цѣли онъ не имѣлъ и не могъ имѣть, ибо былъ задуманъ въ тѣсной связи съ излюбленными идеями его автора, развитыми имъ въ цѣломъ рядѣ разсужденій и полемическихъ статей, уже разсмотрѣнныхъ нами выше. Осуществленіе этого плана, детально совсѣмъ и не выработаннаго и ограничивавшагося немногими наивными положеніями, да пустой шумихой реторическихъ фразъ, конечно, не внесло бы ничего существеннаго въ исторію нашей науки, ни въ смыслѣ собранія новаго матеріала, ни въ методологическомъ отношеніи. Шишковъ былъ одинаково безсиленъ и какъ научный работникъ, и какъ организаторъ научныхъ учрежденій и предпріятій, яркимъ доказательствомъ чего служатъ какъ его собственныя писанія, такъ и безплодная дѣятельность Россійской академіи подъ его предсѣдательствомъ. Едва ли можно думать, чтобы ему удалось хотя бы собрать нѣсколько болѣе сырого матеріала, чѣмъ было собрано его предшественниками въ данной области. Характерно во всякомъ случаѣ, что планъ остался неосуществленнымъ, да, повидимому, и попытокъ осуществить его не предпринималось, если не считать небольшого отрывка на корень *мр*, явившагося уже въ 1828 г., въ 12-й книжкѣ „Извѣстій Росс. академіи" подъ заглавіемъ: „Опытъ словаря по корнямъ, иначе называемаго словопроизводнымъ".

Между тѣмъ за осуществленіе, если не плана Шишкова, то его мысли о необходимости новаго словопроизводнаго словаря русскаго языка, взялось энергичное и дѣятельное московское „Общество Любителей Россійской Словесности". Нѣтъ сомнѣнія, что нужда въ такомъ словарѣ ощущалась у насъ всѣми, кто только интересовался вопросами литературы и отечественной филологіи, но едва ли мы ошибемся, предположивъ, что появленіе вышеразсмотрѣннаго Шишковскаго плана въ Извѣстіяхъ Россійской Академіи окончательно побудило московское общество выступить съ своимъ собственнымъ предпріятіемъ этого рода, прежде чѣмъ соберется это сдѣлать Россійская Академія, съ которой названное общество несомнѣнно не прочь было посоперничать.

[1]) Тамъ же, стр. 48–49.

Какъ бы то ни было, въ засѣданіи 20 мая 1816 г. Общество поручило дѣйств. членамъ своимъ, А. В. Болдыреву и И. И. Давыдову, „сочинить планъ новаго Россійскаго Словаря, расположеннаго въ этимологическомъ порядкѣ, и представить съ примѣрами нѣсколько первообразныхъ словъ съ ихъ производными“ [1]). Черезъ полгода съ небольшимъ, въ засѣданіи 16 декабря 1816 г., Давыдовъ и Болдыревъ прочли изготовленные ими планы. Собраніе рѣшило напечатать ихъ и съ этой цѣлью поручило авторамъ свести ихъ въ одно цѣлое, ассигновавъ кромѣ того 300 р. „на покупку лексиконовъ“, потребныхъ при составленіи словаря [2]).

Въ слѣдующемъ же 1817 году обѣ записки явились въ свѣтъ въ одной и той же VIII части „Трудовъ“ общества (Давыдова: стр. 114—122, Болдырева: стр. 123—134).

Записка Давыдова, озаглавленная „Объ изданіи Русскаго словопроизводнаго Словаря“, обнаруживаетъ очевидное вліяніе идей Шишкова вообще и его вышеразсмотрѣннаго плана въ частности. Подобно Шишкову, Давыдовъ находитъ, что въ словарь должны войти только „коренныя Русскія слова“. Впрочемъ, понятіе „коренныя“ разумѣлось имъ довольно своеобразно, такъ какъ всѣ областныя слова, среди которыхъ, конечно, не мало именно „коренныхъ“ русскихъ словъ, изъ проектируемаго словаря исключались, и предлагалось для каждой области составлять особый словарь. Вообще исключались: a) собственныя и географическія имена, b) художественные и научные термины, а также обветшалыя слова (послѣднія несогласно съ Шишковымъ, настаивавшимъ на ихъ возвращеніи въ словарь), которыя Давыдовъ, впрочемъ, всетаки предполагалъ ставить при производныхъ, напр. *зидъ* при *зижду;* c) областныя, d) еврейскія и греческія, кромѣ общепринятыхъ, въ родѣ *аллилуя, скинія* (Шишковъ тоже приводилъ послѣднее слово въ качествѣ примѣра); e) названія чиновъ и достоинствъ, „введенныхъ въ новѣйшія времена“ (Шишковъ допускалъ ихъ только въ приложеніи), и f) „названія произведеній природы и искусства, привозимыхъ изъ чужихъ земель“.

По мнѣнію Давыдова, „если мы хотимъ отыскать корни одного только древа, языка Русскаго: то всѣ означенныя реченія“ надо исключить, иначе „мы не очистимъ золота своего отъ всѣхъ примѣсей“ (стр. 115). Между тѣмъ въ прежнемъ словопроизводномъ словарѣ Росс. академіи встрѣчаются арабскія, турецкія, бразильскія, голландскія, шведскія, татарскія, нѣмецкія и французскія

---

[1]) «Труды Общ. Любит. Росс. Слов.“, ч. VIII, 1817, стр. 77.

[2]) Тамъ же, стр. 113—114.

слова; въ одной буквѣ А ихъ 350, тогда какъ настоящихъ русскихъ не болѣе 9. На иныя буквы совсѣмъ нѣтъ словъ; *ф*—звукъ „столь же чуждый намъ, какъ *р*—для Китайцевъ". Всѣ слова, начинающіяся съ него,—татарскія или нѣмецкія, съ Ѳ—греческія (стр. 116).

Сложныя слова Давыдовъ предлагалъ поставить при первообразныхъ; *водопроводъ* ставить подъ *вода*, *воевода*—при *вой*. Объясненія словъ, по его мнѣнію, должны были даваться только при помощи синонимовъ (какъ въ словарѣ Росс. академіи, противъ чего впослѣдствіи писалъ Добровскій, см. выше, стр. 950). Въ качествѣ иллюстраціи Давыдовъ пользуется примѣромъ, взятымъ изъ Шишковскаго „Разсужденія о краснорѣчіи Свящ. Писанія" (Спб. 1811 г., см. выше, стр. 749 и слѣд.): „*лукъ* или *лука*, *лучица*, *дуга*. Отъ него производныя: *лукошко*, *излучина*, *излучистый*, *облукъ*, *облучокъ;* глаголы: *лукнуть*, *налякать* или наляцать, *слякать* или сляцать, *улучить*, *залучить*, *прилучить:* прилучиться, прилученіе, прилука; *отлучить*, отлучиться, отлученіе, отлучка; *разлучить:* разлучиться, разлученіе, разлука; *случить:* случиться, случка, слученіе, случай, случайность; *получить:* полученіе, благополучіе, злополучіе. Въ переносномъ смыслѣ *кривить душой*, не прямо поступать называется *лукавить:* лукавой, лукавецъ, лукавство" (стр. 117—118, ср. выше, стр. 750).

Глаголы Давыдовъ полагалъ ставить не въ неопредѣленномъ наклоненіи (какъ это было сдѣлано во второмъ изданіи Словаря Росс. академіи), а въ изъявительномъ, „потому что у насъ, какъ въ Греч. и Лат. языкахъ многія времена составляются изъ настоящаго" (стр. 118). Такимъ образомъ онъ возвращался къ осужденному уже пріему перваго изданія академическаго словаря. Система спряженія, которой Давыдовъ предполагалъ слѣдовать въ словарѣ, представляетъ у него компромиссъ между старой (съ обиліемъ временъ) и новой (принимающей виды), а дѣепричастія считаются „усѣченными причастіями".

Записка А. В. Болдырева: „Объ изданіи Словаря" представляетъ нѣсколько большую самостоятельность взгляда, но все же свидѣтельствуетъ о безсиліи автора выбиться изъ ходячихъ представленій того времени. Она начинается разъясненіемъ вопроса, для чего долженъ служить новый словопроизводный словарь, когда уже есть одинъ такой, изданный академіей. По словамъ Болдырева, новый словарь нуженъ для того, „чтобы... заключалъ въ себѣ сокровища *одного* только Русскаго языка, былъ короче Академическаго, представлялъ расположеніе словъ по самому точному и правильному производству и между прочимъ служилъ къ усо-

вершенствованію правилъ Грамматики“ (стр. 123). Отношеніе къ матеріалу у Болдырева почти такое же, какъ и у Давыдова. Онъ находитъ также, что въ словарь должны войти „одни только настоящія русскія слова“, и проявляетъ даже еще болѣе пуризма, чѣмъ его сотоварищъ, исключая изъ словаря: „всѣ иностранныя слова изъ какого бы языка они взяты ни были“ (даже такія, какъ *офицеръ*, *скинія* и т. д.), всѣ славянскія, кромѣ усвоенныхъ (въ родѣ *благо*, отъ котораго происходятъ *благополучіе*, *благодарность*, *вина* и пр.), всѣ собственныя и географическія имена, всѣ научные и художественные термины, всѣ названія произведеній природы, всѣ вышедшія изъ употребленія, кромѣ служащихъ къ образованію другихъ словъ, и всѣ областныя. Иностранныя слова, принятыя въ языкъ, но еще не замѣненныя природными, Болдыревъ, какъ и Шишковъ, предполагалъ помѣстить въ концѣ словаря, въ видѣ особаго приложенія. Глаголы онъ болѣе резонно, чѣмъ Давыдовъ, полагалъ ставить въ неопредѣленномъ наклоненіи, находя, что оно изображаетъ дѣйствіе или состояніе „безъ всякаго отношенія къ лицу и времени“, является „настоящимъ корнемъ, отъ котораго производятся времена въ изъявит. наклоненіи“, а также и потому, что многіе глаголы не имѣютъ настоящаго времени изъявит. наклоненія. Въ заключеніе Болдыревъ критиковалъ систему спряженій Давыдова, основательно указывая на ея компромиссный характеръ и недостатки и отстаивая свою новую. Какая бы система ни была принята для словаря, Болдыревъ полагалъ, всетаки, что при глаголахъ надо ставить „всѣ тѣ времена, которыя онъ можетъ имѣть“ (стр. 133).

Въ выработкѣ плана словаря принялъ участіе и членъ-сотрудникъ общества, С. Г. Саларевъ. Его замѣчанія о предполагавшемся изданіи были читаны въ засѣданіи общества 10 апр. 1817 г. и затѣмъ отданы дѣйствительному члену А. В. Болдыреву „для соображенія и извлеченія изъ нихъ полезнѣйшаго“ [1]). Тогда же были утверждены и „Правила для изданія Словопроизводнаго Словаря“, напечатанныя въ томъ же году въ VIII ч. „Трудовъ“ общества (стр. 188—191).

Согласно этимъ правиламъ, въ словарѣ предполагалось:

1) Помѣщать общеупотребительныя слова, кромѣ а) собственныхъ и географическихъ именъ, б) областныхъ, или мѣстныхъ.

2) Слова-корни употребительныхъ словъ, хотя бы сами они и вышли изъ употребленія.

3) Церковнославянскія слова, употребительныя въ граждан-

---

[1]) См. «Труды» общества, ч. VIII, 1817 г., стр. 180—181.

скихъ сочиненіяхъ, или служащія къ составленію русскихъ словъ.

4) Усвоенныя издавна иностранныя слова, съ означеніемъ, изъ какого языка они взяты.

5) За коренныя слова принимать означающія первоначальное понятіе, „какую бы часть рѣчи онѣ ни составляли“;

6) въ распоряженіи „производныхъ словъ соблюдать самой точной порядокъ и ближайшую связь“;

7) отрицательныя реченія ставить непосредственно при главныхъ словахъ, напр. *лицемѣрный, нелицемѣрный*;

8) слова, сложныя изъ двухъ и болѣе, ставить при обозначающихъ главное понятіе: злодѣй при *зло*, благодѣтель при *благо*;

9) при именахъ существительныхъ ставить родъ и надежи: род. ед. и имен. мн. и непосредственно за ними употребительнѣйшія увеличительныя и уменьшительныя имена;

10) при именахъ прилагательныхъ обозначать также „усѣченное окончаніе и уравнительныя степени“ (т. е. степени сравненія):

11) глаголы ставить въ неопредѣленномъ наклоненіи, означая залогъ и показывая 1 и 2 лицо той формы, которая кончится на *у* или *ю*, и прошедшее время: „дѣлать, аю, аешь, алъ, гл. д. и т. д.“;

12) въ сложныхъ глаголахъ этихъ временъ не показывать, исключая глаголы, не имѣющіе простыхъ, въ родѣ *обременять, нагуляться*;

13) „послѣ глаголовъ дѣйствительныхъ ставить причастія страдательныя настоящаго и прошедшаго времени“;

14) значеніе опредѣлять синонимами и другими словами, „напр. *лукъ* растѣніе и *лукъ* орудіе“.

Какъ видно, правила эти представляютъ въ общемъ сводку проектовъ Давыдова и Болдырева, съ добавкой нѣкоторыхъ новыхъ пунктовъ (№№ 5, 7, 8, 9, 10, 12, 13). Но и въ этомъ своемъ видѣ, конечно, проектъ словопроизводнаго словаря московскаго общества любителей русской словесности не имѣлъ научнаго значенія, и наша наука ничего не потеряла отъ того, что онъ, какъ мы увидимъ ниже, не пошелъ дальше черновыхъ и очень несовершенныхъ отрывковъ на нѣкоторыя отдѣльныя буквы.

Недостатки означеннаго плана были видны уже и современникамъ. Въ той же VIII части трудовъ общества (1817 г., стр. 239—245) явились замѣчанія на него нѣкоего Ѳ. (родомъ „изъ Украйны“, по собственному заявленію автора), читанныя въ засѣданіи общества 15 іюня 1817 г. Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ [1]). Критикъ,

[1]) «Труды» общества, ч. VIII, стр. 207. Сходство инициаловъ Кокошкина и неизвѣстнаго автора замѣчаній (Ѳ.) заставляетъ думать о ихъ тожествѣ.

заявляющій о своемъ сочувствіи къ „великому и славному предпріятію“ общества, прежде всего находилъ недостаточно опредѣленнымъ выраженіе плана: „общеупотребительныя слова“ (пунктъ 1) и спрашивалъ, неужели подъ нимъ надо разумѣть всѣ слова, употребляющіяся у земледѣльцевъ, кузнецовъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, или, можетъ быть, только извѣстныя въ книжномъ языкѣ? Не хотѣлъ онъ помириться и съ исключеніемъ собственныхъ именъ (пунктъ 2-й), замѣчая: „нельзя не вступиться за свое семейство: Ольгу, Владиміра и Вѣру“. Среди географическихъ именъ, по его мнѣнію, найдутся и бывшія нарицательныя, такъ что и ихъ огульное исключеніе ему представлялось нежелательнымъ.

На пунктъ 3-й онъ резонно возражалъ: „выключеніе *областныхъ* или *мѣстныхъ словъ* не слишкомъ ли рѣшительно?.. Въ нашихъ лѣтописяхъ, грамотахъ, старинныхъ пѣсняхъ и разныхъ преданіяхъ встрѣчаются“ слова, употребляющіяся и теперь въ нѣкоторыхъ областяхъ, напр. *болонье;* равнымъ образомъ отъ малорусскаго *кресити* происходитъ *воскреснуть*. Многія иностранныя слова съ русскими окончаніями, какъ *адмиралтейство, мануфактурный, генеральной*, „какъ дѣти иностранцевъ, родившіяся въ землѣ Русской, должны находиться между Русскими. Къ удивленію въ планѣ церковный Славянскій языкъ отдѣленъ отъ Русскаго, или языка Гражданскихъ сочиненій“. Между тѣмъ изъ Разсужденія о Славянскомъ языкѣ (въ Вѣстникѣ Европы) [1]) видно, „что не только Славянскій языкъ церковныхъ книгъ, грамотъ и Лѣтописей, но и Славянскій языкъ Поляковъ, Сербовъ, Моравцовъ, и равно Русскихъ есть одинъ и тотъ же, что это нарѣчіе одного языка“ (!). Авторъ, очевидно, не понялъ мысли Каченовскаго (ср. выше, стр. 774) и патетически восклицалъ: „гдѣ же отыскивать корни, естьли не станемъ держаться церковныхъ книгъ, какъ первоначальнаго просвѣщенія Русскихъ“. Далѣе онъ обращаетъ вниманіе на то, что многія славянскія реченія вошли уже совсѣмъ въ употребленіе, вмѣсто простонародныхъ: *нравъ* (вм. *норовъ*), *оборона* (!) вм. *боронь* или *обороненіе*, *станъ* (!) вм. *вежа*, *быстрота* (!) вм. *борзость*, *врагъ* вм. *ворожбитъ*, *хищникъ* вм. *воронъ*, *приглашать* вм. *вабить*“ и т. д. При этомъ критикъ ссылался на авторитетъ Шишкова. По его словамъ, „почтенный сочинитель Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ, въ новомъ опытѣ

[1]) Здѣсь, очевидно, разумѣлось разсужденіе Каченовскаго «О славянскомъ языкѣ вообще и т. д.», (въ «Вѣстникѣ Европы» 1816 г. № 19), разсмотрѣнное выше, стр. 773 и слѣд.

Словаря показалъ, что для знанія отечественнаго языка необходимо вникать во всѣ съ нимъ сродныя нарѣчія и не гнушаться областными реченіями". Кромѣ того критикъ находилъ, что при отрицательныхъ словахъ слѣдовало бы указывать, кромѣ словъ съ *не*, и на образованія съ предлогомъ *безъ*. Резонно замѣчалъ онъ также, что грамматическія формы лучше помѣщать не въ словарѣ, а въ этимологическихъ таблицахъ при немъ, и высказывался противъ опредѣленій значенія посредствомъ синонимовъ, находя, что само „словопроизводство" уже служитъ достаточнымъ объясненіемъ.

Несмотря на возраженія, дѣло продолжало двигаться въ порѣшенномъ направленіи; въ засѣданіи 10 апр. 1817 г. установлено было, что Болдыревъ и Давыдовъ примутъ на себя трудъ собирать слова для словаря [1]) съ тѣмъ, чтобъ каждая изготовленная ими буква представлялась собранію членовъ для замѣчаній, а безъ малаго годъ спустя, въ засѣданіи 30 марта 1818 г. читался уже „Опытъ Производнаго Словаря, составляемый А. В. Болдыревымъ" (слова на букву П) [2]).

Тогда же „Вѣстникъ Европы" [3]), сообщая, что въ засѣданіи Общества Любит. Росс. Словесности 4 мая 1818 г. „розданы были пробные листки вновь составляемаго Производнаго Словаря Россійскаго языка", а именно собранныя на первый случай А. В. Болдыревымъ первообразныя слова на П-, писалъ: „Ежели сіе предпріятіе увѣнчается желаемымъ успѣхомъ: то Публика увидитъ весь языкъ Русскій раздѣленнымъ на тѣ группы, или семейства, изъ которыхъ составила его Натура, просвѣщеніе, обстоятельства мѣста и времени. Еслибъ и другіе народы Славянскіе сдѣлали то же для своего языка, тогда какому-нибудь труженику — облеченному въ броню нѣмецкаго терпѣнія — предстоялъ бы важный подвигъ: оставалось бы выбрать коренныя слова изъ всѣхъ нарѣчій Славянскихъ. Тогда увидѣли бы мы, гдѣ скрываются тѣ начала многихъ словъ нашихъ, которыя давно уже потеряны. Намъ извѣстны сложныя *во-нзить*, *по-коить*: но гдѣ ихъ начала *нзить*, *коить*? Въ ожиданіи сихъ открытій пожелаемъ напередъ, чтобы начатое дѣло продолжалось благоуспѣшно".

Оно и продолжалось, если не „благоуспѣшно", то во всякомъ случаѣ довольно энергично. Въ засѣданіи 18-го мая 1818 г., въ помощники Болдыреву и Давыдову для составленія словаря назначены

[1]) «Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.», т. VIII, 1817, стр. 182.
[2]) Тамъ же, т. XII, 1818 г., стр. 38.
[3]) 1818 г., ч. 97, стр. 307—308 («Московскія записки»).

были: Вельяшевъ-Волынцевъ и Побѣдоносцевъ, а въ сотрудники: Калайдовичъ, Саларевъ, Глаголевъ, Чюриковъ. Въ этомъ же засѣданіи члены читали свои замѣчанія на пробные листки словаря (буква И-), составленные Болдыревымъ, который взялъ эти замѣчанія къ себѣ, чтобы „сдѣлать изъ нихъ приличное употребленіе“. Тогда же Болдыревъ совѣтовался съ прочими членами „объ употребленіи, знаменованіи и производствѣ нѣкоторыхъ словъ, начинающихся съ буквы Х“ [1]). Вскорѣ, однако, одинъ изъ помощниковъ редакторовъ словаря, Д. И. Вельяшевъ-Волынцевъ умеръ, и въ засѣданіи 22 іюня 1818 г. на его мѣсто для составленія словаря былъ назначенъ А. Ѳ. Мерзляковъ. Въ этомъ же засѣданіи Болдыревъ читалъ собранныя имъ слова на букву Х-, на которыя члены дѣлали замѣчанія. Рѣшено было оттиснуть эти слова и раздать членамъ для письменныхъ замѣчаній [2]). Осенью 1818 г., въ засѣданіи 26-го октября окончательно разсматривались пробныя буквы Производнаго Словаря И и Х, на которыя члены снова дѣлали замѣчанія. Изготовленныя буквы постановлено было напечатать для полученія на нихъ отзывовъ, и работа надъ будущимъ словаремъ распредѣлена была по буквамъ между членами общества. Буквы А-Б получилъ самъ предсѣдатель Прокоповичъ-Антонскій; дѣйствительные члены: Мерзляковъ — буквы В-Г, Каченовскій—Д, Давыдовъ—Е, Цвѣтаевъ—Ж, Болдыревъ—С-Т, Побѣдоносцевъ—З-К, Калайдовичъ—Л-М, Саларевъ—Н-О; изъ сотрудниковъ взяли: Снѣгиревъ—буквы П-Р, Гавриловъ—У-Ф, Чюриковъ—Ц-Ч, Амфитеатровъ—Ш-Щ, Мансуровъ—Я-Ю [3]).

Первыя буквы новаго словаря, увидѣвшія свѣтъ (только въ черновомъ видѣ), были такимъ образомъ буквы И и Х, составленныя А. В. Болдыревымъ и напечатанныя въ 1818 г., въ XII ч. „Трудовъ“ общества (стр. 161—169 и 170—192). Нечего и говорить, что опытъ этотъ былъ еще очень несовершененъ. Такъ здѣсь *иверень* сближалось съ *вертѣть*, а слова *изба*, *известь* оставлены безъ указанія на иностранное происхожденіе, хотя въ тоже время *изумрудъ* обозначено персидскимъ, а *изюмъ*—турецкимъ, *игуменъ, идея*, *идолъ*, *икона*—греческими, *имперія*—латинскимъ, *инбирь*—„иностраннымъ“ (!?), *инженеръ*—французскимъ. Такимъ образомъ иностранныя слова всетаки были введены въ пробныя буквы. При *Истый* находимъ замѣчаніе, что это слово, „кажется, отъ *есмь*“ (!). Не лучше и буква Х: *хазъ* здѣсь опредѣлено „араб-

[1]) «Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Слов.», ч. XII, 1818 г., стр. 57 и 59.
[2]) Тамъ же, стр. 67—68 и 70.
[3]) Тамъ же, стр. 132—133.

скимъ“ словомъ, *хабить* названо „стариннымъ“, при *халуга* находимъ ссылку на якобы родственное слово *захолустье*; *хоръ* названо „арабскимъ“, но за то слова *хижа*, *хозяинъ*, *хорунжій* оставлены безъ указанія на ихъ чуждое происхожденіе. Не мало было и пропусковъ, впослѣдствіи указанныхъ Ив. Ѳ. Калайдовичемъ въ приложеніяхъ къ его „Опыту правилъ для составленія русскаго производнаго словаря“ (см. ниже).

Вслѣдъ за буквами П и Х явились и первыя буквы словаря А и Б, напечатанныя въ XVI части „Трудовъ“ общества (1819 г., буква А: стр. 103—109, буква Б: стр. 171—233). Составителемъ ихъ былъ самъ предсѣдатель общества, А. А. Прокоповичъ-Антонскій, подписавшійся одними инициалами А. А. Сравнительно съ буквами, составленными Болдыревымъ, онѣ не представляли ничего особеннаго и страдали тѣми же недостатками.

Объ интересѣ, возбужденномъ на первыхъ порахъ предпріятіемъ общества въ его членахъ, свидѣтельствуетъ еще одна статья въ „Вѣстникѣ Европы“ 1819 г. (ч. 107, № 20, стр. 274—77), подписанная М—въ (очевидно, М. Н. Макаровъ, членъ общества, любитель-археологъ и филологъ): „Нѣкоторыя мысли по поводу занятій Московскаго общества Любителей Россійск. Словесности“, или „Нѣсколько словъ объ опредѣленіи порядка и формы Русскаго словаря“.

По словамъ автора статьи, „всякой согласится, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ означать, сравнивать и приводить въ правильную и, сколько можно, простѣйшую систему начала или стихіи слова. Природа столь же таинственна въ составѣ языковъ, какъ и въ другихъ своихъ вещественныхъ твореніяхъ. Хорошій Словарь — въ глазахъ истиннаго философа... есть дѣло великое, требующее предварительныхъ глубокихъ познаній во всѣхъ наукахъ; ибо разбирать слова по ихъ началамъ, производству, измѣненіямъ и взаимному отношенію, есть то же, что разсматривать всю Природу въ ея частяхъ, связяхъ и дѣйствіяхъ, непостижимо безчисленныхъ. Языкъ есть изображеніе всего, что существовало, существуетъ и будетъ существовать... Потому-то хорошій Словарь всегда бываетъ только плодомъ наукъ позднѣйшихъ въ ходѣ образованности народной, плодомъ усовершенствованной уже Грамматики и здравой Логики. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить вѣрно корни и порядокъ производства въ такомъ языкѣ, каковъ Россійской, столько сложной и столь много имѣющій сродства съ другими языками Европейскими, происходящими отъ общаго Славянскаго? Какимъ образомъ опредѣлить порядокъ глаголовъ, которые у насъ не имѣютъ еще вѣрной системы, которыхъ формы во вре-

менахъ и наклоненіяхъ еще не всѣми приняты и утверждены? Гдѣ положить предѣлы употребленію словъ древнихъ Славянскихъ?—Помѣщать ли слова, вошедшія изъ другихъ языковъ, напр. Нѣмецкія, Французскія, Татарскія, нынѣ вообще употребляемыя, но неимѣющія отъ себя никакихъ словъ производныхъ, и слѣдственно не получившія надлежащаго права гражданства въ настоящемъ Русскомъ Словарѣ?—До какой степени допускаемы могутъ быть слова простонародныя и низкія, которыхъ хотя начало сыскать и трудно, но коихъ употребленіе почти повсемственное?—Вотъ вопросы неудоборѣшимые, требующіе тщательнаго и многаго размышленія. Наконецъ самое правописаніе наше не подведено еще точно подъ законы опредѣленные. Достоинство Словаря... не въ его обширности, не въ обиліи словъ (?), но въ выборѣ, порядкѣ и правильномъ расположеніи оныхъ... въ немъ должно быть только то, что можетъ свидѣтельствовать о духѣ народа, пространствѣ его познаній, объ его высокой промышленности, о силѣ и благородствѣ его мыслей, о высшей его образованности.—Сколько потребно наблюденій, изысканій, разборчивости и трудовъ, дабы представить въ такомъ почтенномъ видѣ языкъ — знаменіе величія народнаго! Между всѣми просвѣщенными націями сіе важное дѣло доведено до надлежащей степени совершенства“... У поляковъ уже есть превосходный словарь (Линде) и грамматика.

„Желательно, чтобы всѣ истинные ревнители о славѣ отечественной обратили на сей предметъ тщательное и постоянное вниманіе и, сколько можно, споспѣшествовали бы своими совѣтами и замѣчаніями Любителямъ Россійской Словесности къ достиженію предположенной ими цѣли...“

Недоумѣнія и вопросы автора краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у него опредѣленнаго яснаго представленія о составѣ и цѣляхъ словаря, несмотря на существованіе уже выработанныхъ обществомъ правилъ для его изданія. Очевидно, взгляды, выраженные въ этихъ правилахъ, не были достаточно убѣдительны въ глазахъ автора статьи; своихъ же у него не было, да и составить ихъ было ему трудно, по неимѣнію научной подготовки. Неразработанность языковаго матеріала и неясность цѣлаго ряда грамматическихъ вопросовъ, важныхъ при составленіи словаря, еще болѣе увеличивали затрудненія, возникавшія въ самомъ началѣ дѣла передъ составителями и ихъ товарищами, о чемъ и свидѣтельствуетъ статья М—ва, отразившая колебанія и сомнѣнія вѣроятно не только его одного, но и нѣкоторыхъ товарищей его по обществу.

Сами составители словаря, раздѣлившіе работу между собою

по буквамъ, повидимому встрѣтили большія затрудненія при ея осуществленіи. По крайней мѣрѣ изготовлявшіяся ими вчернѣ части словаря поступали въ печать очень туго. Послѣ первыхъ буквъ Н и Х, А и Б, составленныхъ Болдыревымъ и Прокоповичемъ-Антонскимъ и напечатанныхъ въ 1818—1819 г., прошло цѣлыхъ три-четыре года, пока снова въ „Трудахъ“ общества явилась новая доля „производнаго“ словаря, а именно буквы У и Ф, собранныя А. Гавриловымъ (ч. XXI, 1822 г., стр. 299—312). Въ томъ же 1822 году напечатаны были буквы: Ж, составленная Л. Цвѣтаевымъ (ч. XXII, стр. 289—302), и В, приготовленная А. Ѳ. Мерзляковымъ (тамъ же, стр. 302—362). Черезъ два года вышли еще буквы: Г, составленная Мерзляковымъ же („Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Слов. [Лѣтописи Общества], ч. IV=24 отъ начала, 1824, стр. 309—348) и Е, доставшаяся Давыдову, но вышедшая безъ его подписи (тамъ же, ч. V=25 отъ начала, стр. 391—399). Буква Д, доставшаяся было Каченовскому, была передана имъ за недосугомъ П. А. Бекетову (тамъ же, ч. XX. 89). Этими буквами (АБВГ—ЕЖ—Н—УФХ) исчерпывалось все вышедшее въ „Трудахъ“ общества по 1825 г. включительно. Послѣ явились еще буквы Д и З.

Такимъ образомъ этимологическій словарь Московскаго общества Любителей Росс. Слов. остался недоконченнымъ и дальше черновыхъ набросковъ не пошелъ. Вопросъ о его составѣ и системѣ, повидимому, все еще не былъ окончательно рѣшенъ даже въ 1824 году. По крайней мѣрѣ еще въ этомъ году въ Трудахъ общества [1]) явился новый „Опытъ правилъ для составленія русскаго производнаго словаря, съ нѣкоторыми замѣчаніями на правила, принятыя Обществомъ“, составленный членомъ общества Ив. Ѳ. Калайдовичемъ, братомъ извѣстнаго археолога-палеографа К. Ѳ.

Авторъ этого проекта полагалъ, что имена собств. и географическія должны быть выдѣлены въ особый „производный Словарь именъ собственныхъ“ (стр. 332), такъ какъ нѣкоторыя производныя имена (въ родѣ *Дуняша* или *Лёкса*) далеко уклонились отъ своихъ первообразныхъ, и прилагалъ опытъ такого словаря (стр. 371—72). Техническіе термины также, по его мнѣнію, должны войти въ отдѣльный „Производный Словарь терминовъ техническихъ“ (стр. 333). Простонародныя слова, имѣющія „силу и мно-

[1]) «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., ч. V (отъ начала 25-я), 1824, стр. 330—390 (Стр. 371—390 заняты «приложеніями», содержащими указаніе пропусковъ и т. д.).

гозначительность", Калайдовичъ предполагалъ ввести въ словарь и думалъ, что „весьма бы не худо было собрать Словарь языка простого народа, и показать Грамматическія отличія онаго отъ чистаго, общеупотребительнаго нарѣчія" (стр. 334). По его мнѣнію, невозможно исключать такія слова, какъ областныя сибирскія *тундра, золотарникъ* или церковныя *тончица* (тонкое тканье) и *винница* (стр. 335—36). Иностранныя слова, усвоенныя языкомъ, въ родѣ *адъ, агнецъ, алтарь, харчь, лошадь,* безъ сомнѣнія также невозможно исключать изъ русскаго словаря, причемъ слѣдовало бы показывать, какому языку они принадлежатъ и изъ какого языка заимствованы, потому что нѣкоторыя изъ нихъ попадали къ намъ не прямо, а при посредствѣ другихъ языковъ (въ родѣ греч. *театръ,* попавшаго къ намъ при посредствѣ франц. или нѣм. языковъ).

И. Калайдовичъ указывалъ также, что извѣстныя собственныя имена, въ родѣ Цыганъ, Индія, Русь, Турокъ не могутъ быть исключены изъ словаря, потому что отъ нихъ происходятъ слова *цыганить, индѣйка, обрусѣть, отурчить* и т. д. (стр. 339). Относительно порядка словъ, обращалось вниманіе на трудности, сопряженныя съ обозначеніемъ „коренныхъ" словъ. По словамъ Калайдовича ясно, что сущ. *дѣло* происходитъ отъ глагола *дѣлать* (слѣдовало бы наоборотъ!), но „нельзя рѣшительно сказать", что̀ древнѣе—*злато* или *золото, плѣнъ* или *полонъ* [1]) (стр. 341).

Такимъ образомъ шаткость и неразработанность тогдашней грамматики являлась большимъ затрудненіемъ для проведенія словопроизводнаго порядка. Не меньшей помѣхой являлась и шаткость тогдашней этимологіи, примѣры которой Калайдовичъ приводитъ, указывая, что въ напечатанныхъ уже буквахъ словаря производятся, напр. *глаголать* отъ *глава* (ч. IV Сочин. общества, стр. 314), а *голова* отъ *жгу* (ч. XIII „Трудовъ", стр. 97) и т. д. Правильно указывается также, на основаніи Востоковскаго „Разсужденія о Слав. языкѣ", что такъ называемыя „усѣченныя прилагательныя суть коренныя, а полныя—сложныя", и потому въ словарѣ „усѣченному окончанію должно отдать преимущество въ *первородствѣ*" (стр. 356) и т. д. Въ заключеніе Калайдовичъ обращалъ вниманіе на необходимость обозначать удареніе и полагалъ, что въ концѣ словаря „не худо бы присовокупить *итогъ*

---

[1]) Любопытно подстрочное примѣчаніе къ этому мѣсту: «Я слышалъ (!), что кажется въ Остроміровомъ Евангеліи, не упомню точно, вездѣ вмѣсто *злато, сребро, древо* и т. п. стоитъ: *золото, серебро, дерево*».

всего Словаря, т. е. исчислить, сколько въ Русскомъ языкѣ коренныхъ Русскихъ словъ и сколько отъ нихъ произведенныхъ, сколько чужеязычныхъ коренныхъ и отъ нихъ произведенныхъ, и сколько изъ каждаго языка именно". Вообще обширныя замѣчанія его свидѣтельствовали о внимательномъ и вдумчивомъ отношеніи къ предпріятію общества, которое нельзя не признать неудачнымъ и по замыслу, и по выполненію. О небрежности, съ которой составлялись пробныя отдѣльныя буквы словаря, свидѣтельствуетъ длинный списокъ пропусковъ (и то не всѣхъ), приводимый Калайдовичемъ въ приложеніи къ замѣчаніямъ. Разумѣется, и самъ онъ впадалъ при этомъ въ ошибки, полагая, напр., что „*боронить* вѣроятно одно слово съ *бранить*: ибо *возбранить* значитъ воспретить, воспрепятствовать" (стр. 277), удивляясь производству *бремя* отъ *брать* (тамъ же), или производя *бугоръ* изъ *буй* + *гора* (стр. 382), *корчма* отъ *харчь* (*харчма*) (стр. 388) и т. д.

Если предпринятое Обществомъ Люб. Росс. Слов. составленіе этимологическаго словаря не увѣнчалось успѣхомъ и не дало никакихъ положительныхъ результатовъ, хотя бы имѣвшихъ лишь извѣстное историческое значеніе для своего времени, зато другое начатое обществомъ важное дѣло, находившееся въ связи съ задуманнымъ имъ словаремъ, принесло обильные и весьма цѣнные плоды, до сихъ поръ не утратившіе своей научной цѣнности. Мы разумѣемъ здѣсь собираніе лексическихъ матеріаловъ по нарѣчіямъ и говорамъ русскаго народнаго языка, начатое обществомъ въ небывалыхъ до того широкихъ размѣрахъ и съ небывалымъ же успѣхомъ.

Нѣкоторый интересъ къ подобному собиранію наблюдался уже въ послѣдней четверти XVIII в. Выше уже была отмѣчена первая попытка въ этомъ родѣ, а именно „Роспись словъ и реченій" изъ Двинской области А. И. Фомина, явившаяся въ 1787 г. (см. выше, стр. 296 и сл.). Въ 1789 г., въ „Положеніе Собранія университетскихъ питомцевъ (моск. унив.), сдѣланное въ полномъ засѣданіи Января 27-го дня 1789 года для Г. Почетныхъ, Ординарныхъ и Экстраординарныхъ иногородныхъ Членовъ", было внесено обращеніе къ иногороднимъ членамъ, приглашавшее ихъ присылать въ собраніе разныя „нужныя и любопытныя свѣдѣнія о тѣхъ городахъ и мѣстахъ, въ которыхъ они или живутъ, или чрезъ которыя имъ проѣзжать случилось, либо случится, и именно относительно къ тремъ пунктамъ: 1) къ натурѣ, 2) къ гражданству и 3) къ отечественному языку нашему". При этомъ пояснялось, что третій пунктъ имѣетъ въ виду „языкъ нашъ, разнообраз-

ныя его нарѣчія, корни словъ, *особенныя изреченія и обороты*, пословицы, поговорки, прибаски и прочее" [1]). Областныя слова въ довольно большомъ числѣ были введены и въ „Словарь Академіи Россійской" (1789—1794), причемъ нѣкоторыя изъ нихъ сообщались по памяти членами академіи (см. Сухомлиновъ, „Исторія Росс. Академіи", passim). Разныя областныя имена и названія (преимущественно растеній) находимъ въ описаніи путешествія по Россіи академика Лепехина (1768—1772, изд. 1771—1805). Записывалъ поморскія областныя слова, во время своего путешествія по сѣверу Россіи (въ 1771 г.) и Н. П. Челищевъ, представившій въ 1793 г. въ Россійскую академію записку съ объясненіемъ „нѣкоторыхъ нарѣчій, которыхъ до того никогда не слыхивалъ" (*луда*, *ланы*, *корга*, *кузовъ*, *губа*, *отокъ*, *наволокъ*, *прогалокъ*, *проливъ*, *просушь*, *салма*, *гожій* и т. д.) [2]). Подобныя же записи при случаѣ дѣлалъ и академикъ Н. Я. Озерецковскій, путешествовавшій по Россіи съ экспедиціей Лепехина (въ 1768—73 гг.) и самостоятельно (въ 1782 и 1785 по озерамъ Ладожскому и Онежскому, а въ 1805—къ верховьямъ Волги и озеру Селигеру и т. д.). Въ описаніяхъ своихъ путешествій онъ сообщаетъ рядъ мѣстныхъ названій (вѣтровъ, рыбъ, растеній, разной хозяйственной утвари), а иногда и формальныя особенности говоровъ. Въ 1793 году явился первый у насъ малороссійскій глоссарій (въ „Россійскомъ Магазинѣ" Туманскаго, см. выше, стр. 305), а черезъ пять лѣтъ, въ приложеніи къ третьей части „Енеиды" Котляревскаго,—второй такой же словарикъ, содержавшій уже безъ малаго 1000 словъ [3]). Но всѣ эти проявленія интереса къ народной лексикѣ имѣли случайный и разрозненный характеръ.

Начало XIX вѣка не измѣнило такого положенія дѣла. За первыя 10—15 лѣтъ истекшаго вѣка можно указать лишь очень немного попытокъ этого рода. Нѣсколько случайныхъ и скудныхъ

---

[1]) См. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Сл., ч. XX, 1822 г., стр. 102—103. Перепечатано въ «Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. н.», т. I, 1896, кн. 2, стр. 400—401.

[2]) См. М. Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Академіи», т. VII, 1885, стр. 401—415; а также «Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г. Дневникъ П. И. Челищева, изд. подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова» (Спб. 1886).

[3]) «Енеида на малороссійскій языкъ перелицованная И. Котляревскимъ. Часть I—III. Съ дозволенія Санктпетербургской Цензуры. Иждивеніемъ М. Парпуры. Въ Санктпетербургѣ. 1798». 8°. Самый словарикъ озаглавленъ: «Собраніе Малороссійскихъ словъ содержащихся въ Энеидѣ, и сверхъ того еще весьма многихъ иныхъ, издревле вошедшихъ въ Малороссійское нарѣчіе съ другихъ языковъ, или и коренныхъ Россійскихъ, но не употребительныхъ» (безъ малаго 22 стр. in 8°, болѣе 970 словъ).

замѣчаній о народномъ языкѣ находимъ въ „Ручномъ дорожникѣ для употребленія на пути между Императорскими Всероссійскими столицами и т. д.“ Ив. Глушкова (1 изд. Спб. 1801, 2 изд. тамъ же, 1802), гдѣ лексическія особенности отмѣчаются лишь невзначай, вмѣстѣ съ общими отличіями говоровъ. Въ 1808 году явилось второе изданіе „Энеиды“ Котляревскаго (Спб. Въ типографіи Ив. Глазунова, 1808. Всѣ три части въ одной книгѣ, 8°, 148 стр.), съ малороссійскимъ словарикомъ въ концѣ (стр. 3—26), перепечатаннымъ безъ всякихъ измѣненій, а въ 1809 году — третье изданіе, уже въ четырехъ частяхъ [1]), въ которомъ словарь получилъ дополненіе изъ 153 словъ и нѣкоторыя незначительныя поправки [2]). Если прибавимъ сюда еще рядъ словъ (въ томъ числѣ и областныхъ, но безъ обозначенія мѣстности), записанныхъ „въ общежитіи“ И. И. Татищевымъ около 1809 г. (см. выше, стр. 722), то этимъ и ограничится все, что можно указать въ данной области знанія за первыя 10—15 лѣтъ XIX вѣка.

Съ половины второго десятилѣтія XIX в. интересъ къ лексическимъ особенностямъ народнаго языка начинаетъ оживляться. Одно изъ первыхъ его проявленій за это время представляютъ стр. 9—14 II-й части „Писемъ къ другу“, извѣстнаго автора Писемъ Русскаго Офицера, Ѳ. Глинки (Спб. 1816, 3 части, мал. 8°). Мы находимъ здѣсь рядъ замѣчаній о Галическомъ искусственномъ нарѣчіи, называемомъ имъ „Галивонскія Алеманы“, т. е. объ офенскомъ языкѣ, съ которымъ Глинка познакомился отъ сослуживца своего, П. А. Жадовскаго. Кромѣ общихъ замѣчаній объ этомъ нарѣчіи, здѣсь помѣщенъ и небольшой списокъ его словъ (всего 51), представляющихъ рядъ любопытныхъ варіантовъ къ извѣстнымъ офенскимъ словамъ [3]).

Нѣкоторое количество областныхъ словъ Осташковскаго и

---

[1]) «Виргиліева Энеида на Малороссійскій языкъ преложенная И. Котляревскимъ. Вновь исправленная и дополненная противу прежнихъ изданій. Въ 4 частяхъ. Спб., въ медицинской типографіи. 1809 г.» 8°.

[2]) Въ этомъ изданіи словарь приложенъ въ концѣ 4-й части (стр. 3—18) и носитъ другое заглавіе: «Словарь Малороссійскихъ словъ содержащихся въ Энеидѣ и многихъ иныхъ въ Малороссіи употребительныхъ, исправленный (,) умноженный и дополненный словами для четвертой части». Исправленія сводились къ поправкѣ *Ласощохлистъ* вмѣсто Пасощохлистъ, исключенію слова *Лыгомынки* и перенесенію 3 словъ въ дополненія (Ласощохлистъ, Фиги миги, Шулики), гдѣ имъ дано нѣсколько иное толкованіе.

[3]) Замѣчанія и самый списокъ словъ Ѳ. Глинки перепечатаны П. К. Симони въ его къ сожалѣнію не конченномъ библіографическомъ обзорѣ трудовъ по русскому языку и его нарѣчіямъ въ „Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н.“ т. I. 1896, кн. 2, стр. 427—28.

Старорусскаго уѣздовъ содержитъ также „Путешествіе на озеро Селигеръ“ академика Н. Я. Озерецковскаго (Спб. 1817 г., особенно стр. 70—72, 180—81).

Затѣмъ, въ январѣ 1817 г. нѣкій „майоръ и кавалеръ“, Пав. Ѳед. Горенкинъ (см. о немъ также выше, стр. 800) препроводилъ въ Московское Общество Ист. и Др. Росс. свое „Собраніе особенныхъ словъ, употребляемыхъ Владимірской губ. въ Покровскомъ уѣздѣ между крестьянами“. Общество нашло это собраніе „весьма любопытнымъ“, но не имѣющимъ ближайшаго отношенія къ своимъ прямымъ задачамъ, и рѣшило переслать его въ Общество Любит. Росс. Словесности [1]). Послѣднее же (въ засѣданіи 27 янв. 1817 г.) съ готовностью приняло работу Горенкина, заключавшую въ себѣ нѣсколько рѣдкихъ и интересныхъ словъ съ обозначеніемъ ударенія (всего 75), и въ томъ же году напечатало ее (не безъ опечатокъ) на страницахъ своего изданія [2]).

Собраніе Горенкина открыло собой длинный рядъ другихъ подобныхъ же лексическихъ матеріаловъ, печатавшихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ „Трудахъ“ общества. Въ томъ же 1817 году, въ засѣданіи 27 окт. 1817 г. [3]) представлено было второе подобное собраніе, а именно: „Записка о нарѣчіяхъ между крестьянъ Рязанской и Калужской Губерній въ селеніяхъ Спасскаго, Серпейскаго и Жиздринскаго уѣздовъ“ кол. регистратора Иларіона Ляликова, напечатанная въ слѣдующемъ году въ Трудахъ общества [4]). Записка содержала 34 слова, среди которыхъ было нѣсколько цѣнныхъ и интересныхъ.

Любопытно замѣчаніе „Вѣстника Европы“, дававшаго отчетъ о засѣданіи общества, въ которомъ докладывалась записка Ляликова: „Нельзя не замѣтить..., что во многихъ словахъ, совершенно забытыхъ въ языкѣ стараго общества, но сохраненныхъ гдѣ нибудь между крестьянами, скрываются объясненія на Исторію нашего отечества“, напр. въ Спасскомъ округѣ „земскихъ“ называютъ „дьяками“ (В. Евр. 1817 г., ч. 95, стр. 308). Для референта, очевидно, было настоящимъ откровеніемъ, что народный языкъ сохранилъ въ своемъ словарѣ рядъ древнихъ словъ, забытыхъ въ образованномъ кругу, и что эти слова могутъ представлять извѣстный научный интересъ.

[1]) „См. Вѣстникъ Европы“ 1817 г., ч. 91, стр. 73, 149—50 и „Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“, ч. VIII, стр. 147.

[2]) „Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“ 1817 г., ч. VIII, стр. 148—151. Ср. также стр. 137.

[3]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1817 г., ч. 95, стр. 307—308, и Труды Общ. Люб. Росс. Сл., ч. XII, 1818, стр. 4.

[4]) Ч. XII, 1818 г., стр. 10—11.

Къ 1817 г. относится также „Алфавитный списокъ Областнымъ простонароднымъ словамъ, употребляемымъ въ Иркутскѣ", содержащій болѣе 190 словъ и напечатанный въ примѣчаніяхъ (№ 10, стр. 15--26) къ извѣстной книгѣ Семивскаго „Новѣйшія повѣствованія о Восточной Сибири" (Спб. 1817 г.). Въ самомъ текстѣ названной книги также приводится не мало сибирскихъ областныхъ словъ, какъ, напримѣръ, названія вѣтровъ на Байкалѣ (стр. 84—85), разныхъ животныхъ, растеній, разные мѣстные техническіе термины и т. д.

Тогда же появились (въ „Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ Народнаго просвѣщенія" 1817 г., № 42, стр. 64—94). „Записки по части сельскаго домоводства въ Вологодскомъ уѣздѣ", собранныя учителемъ Вологодской гимназіи Алексѣемъ Фортунатовымъ, впослѣдствіи доставлявшимъ лексическіе матеріалы Московскому Обществу Люб. Росс. Слов. (см. ниже, стр. 983, прим. 2). Здѣсь находимъ довольно много мѣстныхъ названій (областныхъ словъ), объясняемыхъ авторомъ, въ родѣ: *село, сельцо, усадьба, присёлокъ, погостъ, деревня, подполье, напыльникъ, скутать* (печь), *воронецъ, кутъ, сарай, сѣни, въѣздъ, сѣнникъ, клѣтка, повѣть, наворотникъ, анбаръ, житница, перечиничье, заколотка, баня, овинъ, пазушина, подъ, колосники, металка, теплина, подъовинники, гумно, мякинницы, перегороды, отводы, наземъ, черкуша, кичига, одрецъ, гнетокъ, подсѣка, новизна, пущага, повытокъ, пудокъ, маленка, загонъ, суслонъ, орать, груда, однорядокъ, двурядокъ, посадъ, молотить на отдачу, очинивать, ворохъ, головка, чело, охвостье, пелёвка, розвязью, брунистый, брунъ* и т. д.

О наивномъ интересѣ къ лексическимъ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ въ средѣ нашего образованнаго общества говоритъ любопытное письмо лицейскаго товарища Пушкина — А. Илличевскаго къ В. К. Кюхельбекеру отъ 4 апр. 1818 г., сохранившееся въ принадлежащемъ Академіи Наукъ рукописномъ собраніи Кеппена „Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ" (I, 241—42). Илличевскій писалъ своему товарищу: „Я знаю, что вы охотникъ были заниматься языками и особливо отечественнымъ. Послать ли вамъ нѣсколько Сибирскихъ словъ — для шутки! Что значитъ: 1) урусить, 2) лонись, 3) ланской годъ, 4) предобижденіе, 5) плящій морозъ, 6) дошлай, 7) дивно, 8) зареви, 9) огаркай и т. п.? Не отгадаете, такъ вотъ что: 1) капризничать, 2) прошлаго года, 3) прошедшій годъ, 4) оскорбленіе, обида, 5) трескучій морозъ, 6) хитрый, пролазъ, 7) далеко и много, 8) ...закричи... 9) позови. У насъ же говорятъ *ну!* вмѣсто *да; пошто, слава Богу!*, какъ

pourquoi non! и зовутъ вмѣсто Толстой, Пушкинъ, Илличевскій etc.— Толстыхъ, Пушкиныхъ, Илличевскихъ. Ужъ подлинно въ Россіи что городъ, то норовъ, — и Кошанскій правъ, что въ числѣ нарѣчій Рускаго языка помѣстилъ Сибирское!“.

Лексическія (и другія) особенности, тожественныя съ сибирскими, отмѣчаетъ Калайдовичъ въ языкѣ изданныхъ имъ въ 1818 г. „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній“ (см. выше, стр. 836). Источникомъ ему при этомъ служитъ вышеупомянутый словарикъ Иркутскихъ областныхъ словъ, помѣщенный въ названной книгѣ Семивскаго. „Сибирскими“ словами Калайдовичъ считалъ: *облава, сохатый, щепетко, щепеткой, сопка* и т. д. Какъ вышедшія изъ употребленія и рѣдкія слова, отмѣчаются: *вражба, залѣзаю* = нахожу, *изголова* = верховье рѣки (!), *настъ*, откуда *ненастье, полоть, полтеи, повалешное, повалуша, уразъ, хоботъ* = земля (вм. хвостъ!), съ которымъ сближается *ухоботье, взять за щитомъ* и т. д. (предисловіе, стр. V—VII, примѣч., XXV).

Въ томъ же 1818 г. явился новый малорусскій словарикъ, составлявшій большую часть I главы второй части „Грамматики Малороссійскаго нарѣчія“ А. Павловскаго (Спб. 1818) и объемомъ превышавшій всѣ предшествовавшіе опыты этого рода (1130 словъ и собственныхъ именъ, стр. 24—77).

О томъ, что научная важность изученія народной лексики начинала у насъ въ это время сознаваться все яснѣе и яснѣе, свидѣтельствуетъ и рецензія „Сына Отечества“ 1820 г. (ч. 61, 1820, стр. 269 — 271) на знакомую уже намъ книгу Ѳ. П. Аделунга, „Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte“ (Спб. 1820. См. выше, стр. 592 и сл.). О самой книгѣ тутъ не говорится ничего особеннаго, но интересны за то слѣдующія pia desideria рецензента (вѣроятно, самого Греча): „У насъ нѣтъ еще не только надлежащаго обозрѣнія и толкованія нашихъ нарѣчій, но и вовсе не имѣется къ тому матеріаловъ. Желательно было бы, чтобъ почтенные обитатели провинцій, особенно же сельское духовенство и удалившіеся отъ шуму свѣта и службы въ помѣстья свои дворяне, стали замѣчать и собирать областныя нарѣчія, особыя выраженія, необыкновенныя грамматическія формы, присловицы и другія особенныя свойства языка въ разныхъ странахъ неизмѣримой Россіи, и тѣмъ способствовали составленію сначала обозрѣнія, а потомъ Словаря и сравнит. Грамматики Русскихъ провинціялизмовъ“. Любопытно, что въ томъ же году и по тому же поводу высказывалъ аналогичное желаніе П. И. Кеппенъ: „чтобы со временемъ какое либо ученое заведеніе познакомило Публику

со всѣми нарѣчіями отечественнаго нашего языка, съ приложеніемъ и списковъ словъ оныхъ" (см. выше, стр. 598).

Навстрѣчу этимъ желаніямъ и пошло Общество Люб. Росс. Слов., постановившее въ засѣданіи 25 окт. 1819 г., что „полезно было бы собрать провинціальныя слова на первый разъ по крайней мѣрѣ Московскаго учебнаго округа", и поручившее съ этой цѣлью своему председателю „отнестись о томъ къ Господамъ Директорамъ Гимназій Московскаго округа" [1]). Кромѣ того, о желаніи общества собирать „провинціальныя слова" было напечатано и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ отчетѣ о засѣданіи (№ 89, 5 ноября 1819 г., стр. 2295). Попытка оказалась удачной. Сначала откликнулись учрежденія Моск. учебнаго округа, а потомъ стали поступать матеріалы и изъ другихъ мѣстъ. Благодаря этому опыту, „Труды" общества, начиная съ 1822 г., содержатъ длинный рядъ областныхъ глоссаріевъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, преимущественно въ центральныхъ ея губерніяхъ, разными добровольцами: учителями гимназій и городскихъ училищъ, директорами и смотрителями училищъ, чиновниками, помѣщиками и т. д. Особенно много этихъ матеріаловъ помѣщено въ XX части „Трудовъ" общества, вышедшей въ 1822 г. и содержащей собранія областныхъ словъ Вологодской [2]), Ярославской [3]), Костромской [4]), Твер-

[1]) «Труды» Общества, ч. XX, 1822 г. (напечатано 1820), стр. 7.

[2]) Алексѣй Фортунатовъ, старшій учитель Вологодской гимназіи: «Вологодскій провинціальный словарь» и препроводительное письмо при немъ (стр. 36—42). Дополненіе (также съ письмомъ) явилось въ ч. XXI, 1822 г., стр. 193—213.

[3]) Ник. Климентъ, директоръ училищъ Ярославской губерніи (ср. его письмо, изъявляющее желаніе собирать областныя слова, по приглашенію общества: стр. 62—63): 1) «Провинціальныя слова Ярославской губ.» (стр. 104—115); 2) «Слова употребляемыя въ Угличѣ» (вѣроятно, отъ него же, стр. 115—17).

[4]) Собраніе провинціальныхъ словъ, употребляемыхъ въ Костромской губерніи: a) Слова, употребляемыя жителями г. Кинешмы и его уѣзда, собранныя Учителемъ тамошняго Малаго народнаго Училища Васильемъ Арханцкимъ (стр. 135—36); b) Слова, употребляемыя жителями г. Нерехты и его уѣзда, собранныя Смотрителемъ тамошняго Училища Яковомъ Шульгинымъ (стр. 136—37); c) Слова неизвѣстнаго языка (офенскія: стр. 137—38); d) Слова, употребляемыя жителями г. Галича и его уѣзда, собранныя Учителями тамошняго уѣзднаго Училища Дмитріемъ Ржевскимъ и Яковомъ Аквилевымъ (тоже офенскія, стр. 139—41); e) Слова, употребляемыя въ разныхъ мѣстахъ Костромской губ. и нарѣчія противу правилъ Грамматики, собранныя Учителемъ гимназіи Васильемъ Чижевымъ (есть замѣчанія и о произношеніи, стр. 142—44); f) Слова, употребляемыя жителями г. Чухломы и его уѣзда, собранныя Учителемъ Гимназіи Николаемъ Нерехотскимъ (стр. 144—50); g) Провинціальныя слова, въ Костр. губ. употребляемыя, собранныя Учителемъ Гимназіи Александромъ Свѣтогорскимъ: 1) Слова всеобщія; 2) Слова Волжеходцевъ (стр. 150—52).

ской [1]), Владимірской [2]) Рязанской [3]), Тульской [4]) и Калужской [5]) губерній.

XXI часть „Трудовъ" общества (1822 г.=Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Часть I) содержала также нѣсколько аналогичныхъ собраній областныхъ словъ изъ губерній: Вологодской [6]), Вла-

[1]) Собраніе особливыхъ и отличающихся произношеніемъ словъ, употребляемыхъ между жителями Тверской губ.: a) въ Вышневолоцкомъ у. (стр. 153—64); b) въ г. Кашинѣ и его уѣздѣ (стр. 165—66); c) скрытыя отъ прочихъ и между одними торговцами того же города и уѣзда употребляемыя названія денегъ, счетовъ и др. вещей (офенскія, стр. 167 — 68); d) Отличныя выраженія, употребляемыя Бѣжецкими гражданами въ торговлѣ (тоже офенскія: стр. 168—73).

Областныя слова Тверской губ.: a) Осташковскаго у., собранныя Суворовымъ (стр. 216—20); b) Слова и выраженія въ Торжкѣ (стр. 220—22); c) Слова, употребительныя въ городѣ Осташковѣ (стр. 222—26). Тверскія слова были доставлены отъ мѣстнаго директора училищъ (см. ч. XX «Трудовъ», стр. 87).

[2]) А) Собраніе провинціальныхъ простонародныхъ нарѣчій, употребляемыхъ въ разныхъ округахъ Владимірской губ. (вѣроятно, отъ Директора Владимірскихъ училищъ Д. И. Дмитревскаго, ср. его письмо, изъявляющее желаніе, по приглашенію Общества, собирать областныя слова, стр. 35—36); a) по Владимірской округѣ (стр. 197—208); b) по Муромской округѣ (стр. 208—209); c) по Переславской округѣ (есть офенскія слова, стр. 209 — 210); d) по Суздальской окр. (стр. 210); e) по Судогодской окр. (стр. 211); f) по Гороховской окр. (стр. 211—12); g) по Покровской окр. (стр. 212); h) по Меленковской окр. (стр. 213—14); i) по Вязниковской окр. (есть офенскія слова, стр. 214—15); k) по Ковровской окр. (стр. 215—16).

«Реестръ словамъ Офенскаго нарѣчія» (съ фразами; доставленъ отъ стряпчаго Владимирской удѣльной конторы А. А. Успенскаго, стр. 237, 239—243. Продолженіе—въ части XXI).

[3]) А) Михайло Макаровъ, „Краткая записка о нѣкоторыхъ простонародныхъ словахъ Рязанскаго, Пронскаго, Скопинскаго, Михайловскаго, Ряжскаго и Спасскаго уѣздовъ Рязанской губ., съ объясненіемъ ихъ значенія и съ нѣкоторыми замѣчаніями объ ихъ обрядахъ, одеждѣ и прочее» (имѣются и замѣчанія о діалектическихъ особенностяхъ произношенія, стр. 12—26); Б) Собраніе провинціальныхъ словъ, употребительныхъ Рязанской губерніи въ Скопинскомъ (стр. 128—32) и Михайловскомъ (стр. 132) уѣздахъ; В) Провинціальныя слова, употребляемыя Рязанской губ. въ Касимовскомъ у. (стр. 133—35); Г) Собраніе провинціальныхъ словъ, употребительныхъ въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губ. (стр. 194—95). Послѣдніе матеріалы (съ литеры Б) доставлены были Рязанскимъ директоромъ училищъ (стр. 87).

[4]) Собраніе провинціальныхъ словъ Тульской губ. (стр. 117 — 127) отъ Тульскаго директора училищъ (см. стр. 87).

[5]) А) Слова употребляемыя жителями города Жиздры (стр. 227—29); Б) Слова употребляемыя вмѣсто брани мужскимъ и женскимъ поломъ (стр. 229—30).

[6]) А) Алексѣй Фортунатовъ, старш. учитель Вологодской Гимназіи: «Дополненіе къ Вологодскому провинціальному Словарю» (съ препроводительнымъ письмомъ, стр. 193—213; ср. выше, стр. 983, прим. 2); Б) Списокъ словъ особ-

димирской [1]), Саратовской [2]), Рязанской [3]), и кромѣ того, разсужденіе члена общества М. Н. Макарова: „Къ сочленамъ", трактовавшее „о пользѣ для Россійской Словесности дѣлаемыхъ собраній провинціальныхъ реченій и о необходимости составить изъ нихъ Словарь для удобнѣйшаго обозрѣнія словъ" (Протоколы, стр. 287—298).

Авторъ заявлялъ прежде всего, что XX-я часть „Трудовъ" общества принесла ему „особенное удовольствіе" своими „собраніями провинціальныхъ словъ", которыя онъ читалъ „съ жадностію". „Цѣль прекрасная и самая важная!", восклицаетъ онъ. По его словамъ, „каждый любитель Словесности навѣрное согласится въ томъ, что польза *таковыхъ* Словарей очевидна: они только могутъ разрѣшить многія недоумѣнія о *происхожденіи* словъ Русскихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ исправить и обогатить языкъ отечественный, языкъ долженствующій, можетъ быть, скоро поступить на степень языковъ *необходимыхъ* (,) языковъ общественныхъ" (стр. 287—88). Слѣдующія строки указываютъ, повидимому, на то, что не всѣ смотрѣли на предпріятіе общества глазами автора: „не спорю, говоритъ онъ, что и въ наше время найдутся еще люди непонимающіе всей цѣли Собраній нашихъ; найдутся люди, которые—не постигая настоящей пользы въ образованіи слова, не уважатъ трудомъ нашимъ". Авторъ совѣтуетъ сочленамъ не замѣчать этого „дѣтскаго лепетанья", плода „невѣжества", и указываетъ на примѣръ французовъ и нѣмцевъ, которые „выборомъ и разборомъ словъ... образовали языки свои", причемъ повторяетъ: „*всѣ собранія словъ* нашихъ полезны; будемъ дорожить ими и пожелаемъ только одной *вѣрной* точности въ печатаніи оныхъ". Послѣднее желаніе имѣло свои основанія: въ примѣчаніи (стр. 290) Макаровъ приводитъ примѣры опечатокъ въ собранныхъ имъ словахъ, въ родѣ *кампошка*, *нмогавить*, *нмогавый*, вмѣсто *каплюшка*, *плю-*

ливыхъ Вологодской губ., составленный Николаемъ Суровцовымъ (учителемъ 10 класса, стр. 229—245 и 261—287, съ двумя препроводительными письмами).

[1]) А. А. Успенскій (стряпчій Владимирской удѣльной конторы), продолженіе «Реестра словамъ Офенскаго нарѣчія» (стр. 322—24; ср. выше, стр. 984, прим. 2).

[2]) О нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ крестьянами Саратовской Губ. въ Балашевскомъ уѣздѣ (стр. 213—17; собраны помѣщикомъ Н. Н. Колычевымъ, доставлены М. Макаровымъ).

[3]) А) Провинціальныя слова Касимовскаго уѣзда (доставленныя директоромъ Рязанскихъ училищъ, полковникомъ Татариновымъ, при препроводительной бумагѣ, напечатанной тутъ же; стр. 255—60); Б) Собраніе словъ, употребляемыхъ между крестьянами Рязанской губерніи (доставлено М. Макаровымъ; стр. 313—20).

гавить, плюгавый. Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на многія „мудреныя, неслыханныя, странныя—и потому любопытныя“ слова, замѣченныя имъ въ нѣкоторыхъ собраніяхъ и представляющія „богатую пищу для ученаго“. Подобныя слова, въ родѣ приводимыхъ имъ *жерлика, клыга, ловакъ, хирья, кодманъ* (нѣкоторыя—офенскія), онъ находитъ необходимымъ „различить отъ прочихъ и напечатать хотя съ догадочнымъ, но критическимъ разборомъ ихъ производства“, надѣясь, что „онѣ покажутъ драгоцѣнные остатки языковъ первобытныхъ потонувшихъ въ силѣ славянъ“ и русскихъ. Собирать такіе остатки нужно торопиться: „мы легко можемъ растерять послѣдніе *остатки первобытные* и загадки въ происхожденіи; связи словъ въ ихъ перемѣнахъ и въ теченіи самаго языка Русскаго тогда уже затруднятъ насъ совершенно; мы потеряемъ корень и отрасли родимаго слова. Потеря невозвратная, и въ особенности для того времени, когда для насъ еще драгоцѣннѣе будетъ занятіе языкомъ отечественнымъ, когда мы позабудемъ чужое совсѣмъ... и найдемъ лучшимъ одно свое“. Вниманіе автора привлекли своею странностью и „слова, употребляемыя разными торговцами“. По его мнѣнію, „критическій разборъ“ ихъ „разрѣшилъ бы сомнѣніе о произхожденіи Офенскаго нарѣчія и доставилъ бы цѣну языку *настоящему*, а не выдуманному, по мнѣнію нѣкоторыхъ, для секретныхъ щетовъ по торговлѣ“. Впрочемъ, онъ и самъ высказываетъ сомнѣніе въ принадлежности словъ Бѣжецкихъ портныхъ „къ языку особенному, къ языку коренному“, указывая на рядъ словъ въ родѣ *скуріобро* (серебро) или *снуракъ* (дуракъ), представляющихъ явно „перековерканныя слова Русскія“ (стр. 290 — 92). Въ виду наличности нѣсколькихъ „собраній провинціальныхъ реченій“, Макаровъ дѣлаетъ предложеніе обществу поручить ему, „или кому другому изъ почтеннѣйшихъ Сочленовъ составить *общій* краткій Словарь изъ оныхъ“, соблюдая слѣдующія правила: 1) „отличить слова иностранныя отъ словъ Славянорусскихъ; 2) отмѣтить слова, извѣстныя по ихъ всеобщему употребленію; 3) сравнить между собою *однѣ* и *тѣ же* слова, употребляемыя въ разныхъ нашихъ провинціяхъ, съ замѣчаніемъ: въ одномъ, или въ разныхъ смыслахъ онѣ употребляются; и, наконецъ, 4) дѣлая рачительное наблюденіе *корнямъ* сихъ словъ, разсмотрѣть: есть ли, или нѣтъ отъ *оныхъ* производныя“.

Авторъ находилъ, что первое отдѣленіе проектируемаго имъ словаря должно содержать иностранныя слова, въ родѣ *абатуръ* (?), *азямъ, амбаръ, базаръ, бажить* (!) *батракъ, бахилы, божатъ* (!), *валандать* (!) и т. д. Какъ видно, Макаровъ считалъ „ино-

странными“ даже такія древнія слова, какъ *бажить*, *лони* и т. д. Второе отдѣленіе должно было состоять изъ словъ старыхъ или „*обветшалыхъ* Славянорусскихъ“, образчиками которыхъ у него служатъ: *абапалъ* (т. е. обаполъ), *асметки* (осметки), *атымалка* (от-), *всполохъ*, *выкосокъ*, *высѣвки*, *варево*, *хрепота* (т. е. хрипота), *упокой*, *руда*, *платъ*, *прорва*, *разварка*, *парень*, *образоваться*, *баять* и т. д. (стр. 293—294). Какъ видно изъ примѣровъ, представленія Макарова объ „обветшалости“ словъ были довольно своеобразны. Авторъ полагалъ, что „таковый предуготовительный Словарь несомнительно будетъ полезнымъ, а въ особенности *онъ много вспомоществуетъ намъ, или другимъ послѣдователямъ нашимъ при сочиненіи большихъ или полныхъ Словарей* (курсивъ нашъ), необходимыхъ къ обогащенію языка Русскаго“ (стр. 294). Авторъ заканчивалъ свое обращеніе къ сочленамъ „нѣкоторыми примѣрами, доказывающими почти всю сущность и пользу составленія“ предлагаемаго имъ словаря. Такъ онъ надѣялся встрѣтить среди областныхъ словъ „слова Аваровъ, Гунновъ, Татаръ разныхъ племенъ“, которыя „доставятъ намъ безсмертные признаки о бывшихъ между нами народахъ“, но находилъ ихъ разборъ труднымъ. По его мнѣнію, легче разбирать „старыя, или *ветхія* реченія Славянскія“, болѣе близкія къ нашимъ понятіямъ, что́ онъ и дѣлаетъ относительно словъ *всполохъ*, *варево*, *хоромы* (вм. *хороны* отъ *хоронюсь*!), *руда*, *образоваться*. Отбросивъ разныя мелкія погрѣшности, вытекавшія изъ условій времени и отсутствія научнаго образованія у автора, а также его преувеличенныя мечты о возможности найти въ областныхъ словахъ слѣды гунновъ и аваровъ, нельзя не признать, что сужденія Макарова о пользѣ собиранія областныхъ словъ и самый его проектъ областного словаря являются любопытными признаками времени, предвозвѣстниками будущихъ болѣе широкихъ, болѣе глубокихъ и болѣе научныхъ работъ въ томъ же направленіи. Первую попытку составить такой сравнительный областной словарь предпринялъ впослѣдствіи самъ авторъ разсмотрѣннаго проекта, о чемъ см. въ своемъ мѣстѣ.

Въ этой же XXI части „Трудовъ“ Общества Люб. Росс. Слов. явилась первая у насъ статья „О Бѣлорусскомъ нарѣчіи“, принадлежавшая перу К. Ѳ. Калайдовича (стр. 67—80) и заключавшая въ себѣ, кромѣ общихъ свѣдѣній о названномъ нарѣчіи и писателяхъ на немъ, также и „Краткій словарь Бѣлорусскаго нарѣчія“ (стр. 73—80). Матеріалы для этого глоссарія, содержащаго всего 67 словъ, были собраны по собственнымъ словамъ составителя на мѣстѣ, въ Бѣлоруссіи, еще въ 1813 году (во время

кратковременнаго пребыванія Калайдовича въ военной службѣ, въ дѣйствующей арміи). Составитель находилъ, что въ его глоссаріи „скрываются драгоцѣнные остатки древняго языка Славянскаго“ и приводилъ къ записаннымъ имъ словамъ параллели изъ древнихъ русскихъ памятниковъ (лѣтописи Нестора, по Лаврентьевскому, Воскресенскому и Кенигсбергскому спискамъ, Русской Правды, церковнаго Устава Синод. библіотеки, Новгор. лѣтописи, Библіи Скорины, Свящ. Писанія и т. д.).

Слѣдующія части Трудовъ общества были уже гораздо бѣднѣе лексическими матеріалами. Очевидно, всѣ, кто способенъ былъ откликнуться на приглашеніе общества, отозвались на первыхъ же порахъ, и остались только немногочисленные, почему либо запоздавшіе собиратели, доставившіе сравнительно очень немного матеріала. Такъ въ XXII части Трудовъ (1822 г.=Сочиненія въ Прозѣ и Стихахъ, часть II) явилось только два подобныхъ собранія, доставленныхъ княземъ А. Шаховскимъ изъ Курской губ. и сѣв. вост. Сибири [1]), а въ XXIII-й (1823 г.=Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, часть III) — всего одно, но довольно обширное „Собраніе словъ Малороссійскаго нарѣчія“ (стр. 284 — 326), составленное нѣкіимъ И. Войцеховичемъ и содержавшее 1173 слова, т. е. больше, чѣмъ словарь Павловскаго въ его малорусской грамматикѣ (см. выше, стр. 982). Самъ авторъ называлъ его „полнѣйшимъ и исправнѣйшимъ“, сравнительно съ предшествовавшими ему словарями (Павловскаго и при Энеидѣ Котляревскаго). По словамъ Войцеховича, въ прежнихъ словаряхъ было много словъ такъ называемыхъ „*Степовыхъ* — употребляемыхъ только въ одномъ краю Малороссіи и словъ заимствованныхъ изъ Великороссійскаго нарѣчія“. Въ свое же собраніе составитель ввелъ только слова, „совсѣмъ не похожія на Великороссійскія“, затѣмъ слова славянскія, „но неупотребительныя въ Россійскомъ, или заимствованныя изъ Латинскаго, Нѣмецкаго, Польскаго, Французскаго и Татарскаго“ и, наконецъ, „слова собственно малороссійскія коренныя“. Дѣйствительно глоссарій Войцеховича можетъ быть названъ самымъ удачнымъ изъ всѣхъ аналогичныхъ опытовъ, ему предшествовавшихъ.

XXIV ч. „Трудовъ“ не содержала уже никакихъ матеріаловъ этого рода, а XXV-я (=V ч. Сочиненій въ прозѣ и стихахъ, 1824 г.) — всего три собранія областныхъ словъ: Калужской [2]),

---

[1]) А) Слова, употребляемыя крестьянами Курской губ. въ Дмитре-сванскомъ уѣздѣ (стр. 282 — 85); Б) Слова, употребляемыя въ Сѣверо-Восточной Сибири (стр. 285—88).

[2]) Г. Зельницкій: «Слова и выраженія, употребляемыя въ городѣ Калугѣ»,

Пензенской, Саратовской [1]) и Рязанской губерній [2]). Немногочисленныя послѣдующія части „Трудовъ“ общества, относящіяся уже ко второй четверти XIX в., также не были богаче содержаніемъ въ этомъ отношеніи.

Какъ бы то ни было, уже того, что явилось въ изданіяхъ Общества, было достаточно, чтобы помянуть добромъ его дѣятельность въ данномъ направленіи. Ни одно изъ нашихъ ученыхъ учрежденій того времени, располагавшихъ гораздо большими средствами, не сдѣлало ничего подобнаго.

Впервые наша наука получала такое количество совершенно новаго, большею частью достовѣрнаго [3]) лексическаго матеріала, собраннаго на мѣстахъ изъ первыхъ рукъ и сохранившаго до сихъ поръ значительную научную цѣнность. Достаточно сказать, что матеріалъ этотъ служитъ такимъ необходимымъ ингредіентомъ для всякаго научнаго словаря русскаго языка, современнаго или будущаго, миновать который нельзя безъ ущерба для полноты изданія. Въ дѣлѣ изученія лексическаго богатства русскаго народнаго языка предпріятіе московскаго общества явилось первымъ крупнымъ шагомъ впередъ, первымъ этапомъ того пути, на которомъ впослѣдствіи мы встрѣтимся съ „Областными словарями“ Академіи наукъ и „Толковымъ Словаремъ“ Даля.

Въ сравненіи съ результатами, достигнутыми Обществомъ Люб. Росс. Слов., совершенно ничтожнымъ является сдѣланное въ томъ же направленіи богатой вліятельными членами и денежными средствами Россійской академіей. Занятая „изслѣдованіемъ корней“ и составленіемъ „деревьевъ словъ“, а также полу-механическимъ переизданіемъ Россійскаго словаря по азбучному порядку, академія все приготовлялась „къ составленію плана, по которому бы можно было вновь съ лучшимъ расположеніемъ и болѣе точнымъ наблюденіемъ въ естественномъ раздѣленіи понятій и опредѣленіи словъ, приступить къ изданію Словопроизводнаго Словаря, единственнаго, въ которомъ открывается весь составъ языка и слѣдъ созидавшаго оный ума человѣческаго“. Она не торопилась

съ препроводительнымъ письмомъ къ председателю общества, гдѣ есть и замѣчанія о Калужскомъ говорѣ вообще (стр. 304—307).

[1]) Иванъ Лажечниковъ (извѣстный романистъ): «Нѣсколько провинціальныхъ словъ, употребительныхъ по Саратовской и Пензенской Губерніи» (есть рѣдкія и интересныя слова), съ препровод. письмомъ къ председателю общества (стр. 308—11).

[2]) Александръ Дмитревскій (исправляющій должность Смотрителя училища): «Нѣсколько провинціальныхъ словъ, употребительныхъ въ Касимовскомъ уѣздѣ» (стр. 327—29).

[3]) Исключая довольно подозрительные подчасъ матеріалы М. Н. Макарова.

въ этихъ занятіяхъ, ибо „трудъ сей не терпитъ поспѣшности и требуетъ въ изслѣдованіяхъ великой осторожности и основательности“. Шишкову, начиненному „славенщиной“ и полупрезрительно относившемуся къ мужицкому просторѣчію (ср., напр., выше, стр. 752), несмотря на всю его любовь къ народности, не приходило въ голову, что народная рѣчь богата драгоцѣннымъ матеріаломъ, безъ пользованія которымъ невозможенъ никакой „словопроизводный словарь“ русскаго языка. Еще менѣе способны были къ подобнаго рода идеямъ чиновные члены-трутни (по выраженію митрополита Евгенія), наполнявшіе академію.

Впрочемъ, „помышляя также и о Словаряхъ Славенскихъ нарѣчій, служащихъ иногда къ объясненію употребительныхъ въ нашемъ языкѣ вѣтвей, коихъ корни затмились или исчезли“. академія пріобрѣла представленный ей рукописный словарь „Малороссійскій съ Рускимъ“ не названнаго составителя [1]). Изданіе этого словаря въ засѣданіи 7 сент. 1818 г. было поручено члену академіи Н. И. Гнѣдичу, „и при немъ двумъ любителямъ Словесности, знающимъ Малороссійское нарѣчіе, и согласившимся изъ усердія къ общей пользѣ содѣйствовать въ семъ предпріемлемомъ трудѣ, а именно Господину Капнисту и Князю Цертелеву“ [2]). Что и какъ дѣлали издатели—неизвѣстно, только словарь напрасно заставилъ ждать своего появленія въ свѣтъ, хотя въ отчетѣ о дѣятельности академіи за 1819 годъ и шла рѣчь о томъ, что академія „о изданіи Словарей Словенскихъ нарѣчій“, въ томъ числѣ и малороссійскаго, „помышлять не престаетъ“ [3]).

Въ слѣдующихъ „Извѣстіяхъ объ упражненіяхъ Росс. академіи“ о предпринятомъ изданіи уже не упоминается. Очевидно, оно совсѣмъ заглохло. Дальнѣйшая судьба его была вполнѣ плачевна. О немъ зашла снова рѣчь только 15 лѣтъ спустя послѣ постановленія объ изданіи, а именно въ засѣданіи 18-го марта 1833 года, когда членъ академіи Лобановъ представилъ собранію пѣсни и псалмы на малорусскомъ языкѣ, взятыя Гнѣдичемъ изъ академіи еще въ 1818 г., а также „*нѣсколько листовъ малорос-*

---

[1]) По словамъ Кеппена (см. его рукописныя «Свѣдѣнія о россійскихъ нарѣчіяхъ», принадлежащія I отдѣленію библіотеки академіи наукъ, т. I, 325), словарь этотъ былъ составленъ бывшимъ Сенатскимъ Оберъ-Секретаремъ Новацкимъ († 1813 г. въ Спб.). Кеппенъ замѣчаетъ: «Этотъ словарь поступилъ въ рукописи въ Имп. Росс. Акад., гдѣ онъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ раздѣленъ на двѣ половины и въ такомъ видѣ отданъ на разсмотрѣніе двумъ лицамъ (въ томъ числѣ кажется князю Цертелеву)—и былъ ими затерянъ».

[2]) См. «Извѣстія Россійской Академіи», кн. 7, 1819 г., стр. 120—22.

[3]) Тамъ же, кн. 8, 1820 г., стр. 21.

сійскаго словаря, писанныхъ рукою Гнѣдича". Такъ какъ другая часть словаря была взята на разсмотрѣніе Капнистомъ, умершимъ за цѣлыхъ 10 лѣтъ до этого времени—въ 1823 г.), то было опредѣлено: просить наслѣдниковъ покойнаго Капниста о возвращеніи рукописи [1]). Что сталось дальше съ злополучнымъ словаремъ, остается неизвѣстнымъ. Повидимому, онъ погибъ окончательно.

Хотя Россійская академія и не помышляла о собираніи лексическихъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе, очевидно, предполагалось, что она должна ими интересоваться, Этимъ объясняется, что безъ всякаго приглашенія съ своей стороны, она всетаки получила коечто, хотя и крайне мало, сравнительно съ Обществомъ Люб. Росс. Слов. Такъ въ 1820 г. С. И. Суворовъ, смотритель Осташковскихъ училищъ, доставилъ академіи небольшую записку объ особенностяхъ говора г. Осташкова, съ приложеніемъ 103 словъ, употребительныхъ въ самомъ городѣ и уѣздѣ. Слова, присланныя Суворовымъ, читались въ академіи, члены которой нашли, что нѣкоторыя изъ нихъ употребляются и въ другихъ мѣстахъ Россіи (напр., *баить, балагурить, корецъ, куръ, лынять, тынъ* и пр.), а также, что къ словамъ малоизвѣстнымъ, или совсѣмъ неупотребительнымъ въ другихъ мѣстахъ, слѣдовало бы приложить объясненія и привести достаточное число примѣровъ [2]). Впрочемъ, записка Суворова ничего новаго не представляла, ибо тожественна съ напечатанной въ XX ч. Трудовъ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. запиской объ особенностяхъ Осташковскаго говора (стр. 216—20), очевидно тоже принадлежащей Суворову.

Изъ отчета „О нѣкоторыхъ происшествіяхъ въ Россійской академіи" за 1823 г. [3]) видно также, что нѣкій „Валеріанъ Никоновъ, возвратившійся изъ путешествія своего по Сѣверу Европейской Россіи сего года, сообщилъ въ Россійскую Академію при письмѣ своемъ изъ Архангельска отъ 5-го сентября: 1) Собраніе *нѣскольких словъ*, пословицъ и проч., извлеченныхъ изъ его дневника, принадлежащихъ къ нарѣчіямъ Вологодской Губерніи", а также нѣсколько собранныхъ имъ рукописей (букварь съ крюковыми нотами, Двинскую рукописную лѣтопись, берестяную книжку, три пергаменныхъ грамоты и т. д.).

---

[1]) См. Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Академіи», вып. VII, стр. 83. Собственноручная записка Кеппена, помѣченная ноябремъ 1821 г. (см. его рукописныя «Свѣдѣнія о росс. нарѣчіяхъ», I, 102), свидѣтельствуетъ со словъ самого президента Росс. Академіи А. С. Шишкова, что словарь Новацкаго былъ затерянъ уже во время составленія записки.

[2]) См. Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Академіи», вып. VII, стр. 436—440.

[3]) «Извѣстія Россійской Академіи», кн. 12, 1828, стр. 11.

Были ли еще какія нибудь другія присылки этого рода, изъ печатныхъ источниковъ для исторіи Росс. академіи не видно. Во всякомъ случаѣ ихъ не могло быть много, и никакого употребленія онѣ, какъ и матеріалы Суворова и Никонова, не получили. Указанными собраніями ограничивается, повидимому, все, что могла Россійская академія противопоставить богатой коллекціи областныхъ словъ Московскаго общества Люб. Росс. Слов., представляющей по существу самое крупное научное пріобрѣтеніе въ области русской лексикографіи за разсматриваемый промежутокъ времени.

Изъ другихъ русскихъ лексикографическихъ затѣй Россійской академіи, точнѣе ея президента Шишкова, не пошедшихъ дальше пустыхъ словоизверженій, необходимо указать на „Словарь Техническій, или собраніе словъ, употребляемыхъ въ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и рукодѣліяхъ“ и „Словарь Словесныхъ наукъ, или собраніе словъ, употребляемыхъ въ Логикѣ, стихотворствѣ, исторіи, Риторикѣ и Грамматикѣ“, о которыхъ идетъ рѣчь въ упоминавшемся уже выше предложеніи Шишкова отъ 21 янв. 1822 г. (о „Словарѣ сравнительномъ всѣхъ Славенскихъ нарѣчій“ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже). Первый словарь, по мнѣнію Шишкова, „можетъ сочиняемъ быть разными лицами, кто какую часть охотнѣе возмется описывать. Желательно, чтобъ любовь къ своему языку торжествовала въ семъ Словарѣ надъ слѣпою привязанностію къ навыку употреблять иностранныя слова, и чтобъ вмѣсто: Миѳологія, Астрономія, География, Перпендикуляръ, Экваторъ, Металлъ, Метафора и проч. читали мы опредѣленія оныхъ подъ словами: Баснословіе, Звѣздословіе, Землеописаніе, Отвѣсъ, Равноденственникъ, Крушецъ, Иносказаніе, и проч. въ подобномъ случаѣ надлежитъ руководствоваться разсудкомъ, а не глумленіями тѣхъ, которые знаніе свое основываютъ не на силѣ языка и чтеніи книгъ, но только на одной наслышкѣ“.

Второй словарь долженъ былъ сочиняться „на такихъ же правилахъ, какъ и предыдущій. Надлежитъ при точныхъ опредѣленіяхъ и объясненіяхъ обогатить его избранными изъ отличныхъ писателей примѣрами, точно соотвѣтствующими тому правилу, какое выше объясняется. Избраніе примѣровъ составляетъ существенное достоинство сего Словаря“ [1]).

Какъ видно, словари эти, по замыслу Шишкова, должны были имѣть скорѣе характеръ справочныхъ или энциклопедическихъ пособій, чѣмъ настоящихъ словарей, и проводить все тѣ же из-

[1]) «Извѣстія Росс. Академіи», кн. 10, 1822, стр. 41—42.

любленныя идеи маститаго „славенофила“. Изъ рукописныхъ „Записокъ засѣданій Имп. Росс. акад.“ за 1822 г. видно, что намѣчены были уже и составители задуманныхъ академіей словарей: для словаря ремеслъ и рукодѣлій—Я. Д. Захаровъ, а для словаря словесныхъ наукъ—П. М. Карабановъ и А. С. Никольскій. Этимъ, однако, дѣло, повидимому, ограничилось, и къ составленію словарей едвали было приступлено. Конечно, осуществленіе ихъ дало бы нашей наукѣ столь же мало, какъ и почти всѣ quasi-научные проекты Шишкова.

Изъ явленій въ области лексикографіи русскаго языка, которыя бы принадлежали отдѣльнымъ лицамъ и не имѣли отношенія къ тому или другому изъ упомянутыхъ выше учрежденій, за разсматриваемый промежутокъ времени можно указать лишь небольшой словарь иностранныхъ словъ Федора Кравчуновскаго, вышедшій въ 1817 г. въ Харьковѣ и посвященный авторомъ Харьковскому гражд. губернатору и почетному члену мѣстнаго университета Вас. Гавр. Муратову [1]). Научнаго характера, конечно, онъ не имѣлъ и не претендовалъ на него. Сравненіе со „Словотолкователемъ“ Н. Яновскаго, вышедшимъ за 14 лѣтъ до него (см. выше, стр. 699), показываетъ, что Кравчуновскій воспользовался между прочимъ и трудомъ своего предшественника, выбросивъ всѣ мало употребительныя или совсѣмъ неупотребительныя слова, которыми богатъ былъ словарь Яновскаго, и добавивъ нѣсколько новыхъ изъ другихъ источниковъ, а также изрядное количество церковно-славянскихъ словъ и даже отдѣльныхъ формъ (въ родѣ *юже*—которую, *яша*—взяли, *ясъ*—взялъ). Объясненія здѣсь вездѣ очень краткія, хотя и не всегда удачныя (*Вензель* — начальная буква чьего имени, *діеза*—половина голоса); встрѣчаются иногда и ошибки, въ родѣ *Валкала*—богиня рая воиновъ (очевидно, вм. Валгалла), или совсѣмъ мало употребительныя слова, въ родѣ *рефреширъ*—„речен. воин. и знач. освѣженіе людей“ и т. д.

Кромѣ того, въ 1818 году явился „Опытъ словаря русскихъ синонимовъ“ П. Калайдовича (Москва, 12°. Часть I), о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ ниже.

Къ 1823 году относится появленіе въ печати (въ „Журн. Деп. Нар. Просвѣщ.“ 1823 г., ч. VII, стр. 30—51) „Словаря Сольвычегодскихъ Провинціальныхъ и простонародныхъ словъ,

[1]) «Новой и полной толкователь словъ Славянскихъ, Греческихъ, Латинскихъ. Нѣмецкихъ, Италіанскихъ, Французскихъ, Жидовскихъ, Турецкихъ и другихъ, употребляемыхъ въ Россійскомъ языкѣ. Харьковъ. Въ Универс. Типографіи, 1817 года». Мал. 8. 4 ненум. + 121 стр.

въ городѣ и отчасти въ округѣ употребляемыхъ, собраннаго по алфавиту и поясненнаго тамошняго Уѣзднаго училища Смотрителемъ Алексѣемъ Мудровымъ". Собраніе это заключало всего 187 словъ (нѣкоторыя любопытныя и цѣнныя).

Къ разсматриваемому промежутку времени (1810—1825 г.) относится и обширный рукописный „Славено-русскій этимологическій словарь" Востокова, отрывки котораго были найдены въ бумагахъ знаменитаго ученаго и хранятся въ настоящее время въ рукописномъ отдѣлѣ I-го (русскаго) отдѣленія библіотеки академіи наукъ (Бумаги Востокова, связки 1 и 2). Трудъ этотъ представляетъ собой загадку въ біографіи нашего ученаго. Даже заглавіе его чуть ли не принадлежитъ И. И. Срезневскому (см. Филолог. Наблюденія Востокова, стр. XLIII), а не самому автору словаря. Въ автобіографическихъ замѣткахъ Востокова о немъ нѣтъ рѣчи, хотя обстоятельно говорится о другомъ лексикографическомъ трудѣ его, разсмотрѣнномъ нами выше (стр. 653—666): „Этимологическомъ словорасписаніи" или „Сравнительно-этимологическомъ словарѣ". Судя по этому обстоятельству, надо думать, что Востоковъ приступилъ къ разсматриваемому труду своему уже послѣ того времени, на которомъ обрывается его дневникъ, т. е. послѣ апрѣля 1811 года. Бумага, на которой писанъ словарь, въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ 1810 г. Такимъ образомъ, очевидно словарь получилъ свое начало не раньше этого времени, а скорѣе всего или въ этомъ году, или въ ближайшіе слѣдующіе послѣ него.

Между тѣмъ въ извѣстномъ письмѣ Востокова къ председателю Московскаго Общ. Любит. Росс. Слов. А. А. Прокоповичу-Антонскому, писанномъ уже въ 1818 г. (20 мая), гдѣ нашъ ученый какъ разъ говоритъ о своихъ словарныхъ занятіяхъ [1]), нѣтъ ни одного указанія, которое хоть сколько нибудь могло относиться къ „Славено-русскому этимологическому словарю". Во всякомъ

[1]) По словамъ этого письма, главнымъ предметомъ занятій Востокова служила славянская лексикографія и грамматика. Сначала онъ занимался этимологическимъ «Словопроизводнымъ Словаремъ Славенскихъ нарѣчій, по предначертанію Шлецера (въ его «Nordische Geschichte»), а также въ *Славинѣ* Добровскаго (стр. 387)». Пособіями при этомъ ему служили словари: Россійской академіи и Линде; «Лексическій запасъ мой пополнялъ я всѣми читанными или слышанными мною словами, которыхъ не находилъ въ Словаряхъ». Познакомившись съ рукописями, Востоковъ, по его словамъ, увидѣлъ необходимость заняться сперва грамматикою и «оставилъ до времени составленіе самаго Словаря, для коего между тѣмъ не переставалъ собирать матеріалы, въ надеждѣ когда нибудь возвратиться къ обработанію оныхъ» (Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.», ч. XII, 1818 г., стр. 71—74).

случаѣ характеръ работы, почеркъ, чернила и бумага указываютъ на время очень недалекое отъ той поры, когда Востоковъ трудился надъ своимъ „Этимологическимъ Словорасписаніемъ" (1808—1811). Срезневскій полагаетъ, что словарь этотъ былъ начатъ „задолго до того времени, когда Востоковъ сталъ заниматься памятниками" (т. е. задолго до 1810—15 г.), что̀, впрочемъ, мало правдоподобно, хотя бы въ виду совершенно опредѣленнаго указанія post quem, даваемаго бумагой. „Есть поводы думать, продолжаетъ онъ, что Востоковъ занимался имъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался членомъ Россійской Академіи (1820 г.), и отложилъ его въ сторону не позже слiянія Россійской Академіи съ Академіей Наукъ (1841)" [1]).

Въ связи съ этими предположеніями Срезневскій различаетъ въ данномъ словарѣ три разновременныхъ слоя: „въ первоначальномъ видѣ онъ былъ довольно кратокъ: при многихъ словахъ нѣтъ опредѣленій; объяснительныхъ свидѣтельствъ очень мало. Въ тетради этого первоначальнаго труда позже вставлены листы дополненій и передѣлокъ (на одинаковой бумагѣ и одинаковымъ почеркомъ): здѣсь много словъ, прежде не отмѣченныхъ, много и выписокъ изъ Библіи, Номоканона, церковныхъ книгъ, лѣтописей (печатныхъ), пословицъ, пѣсенъ, былинъ (древнихъ Русскихъ стихотвореній), Исторіи Карамзина, Путешествія Лепехина, и т. д. На этихъ же вставныхъ листахъ и отчасти на листахъ первоначальныхъ тетрадей, другимъ не столь тщательнымъ почеркомъ вписаны были, кажется, въ разное время, свидѣтельства изъ памятниковъ по рукописямъ; это большею частію матеріалъ, внесенный въ" сборникъ Востокова, озаглавленный „Для Словаря" (относится ко времени 1825—32 г. и не позже 1836 г.).

Съ внѣшней стороны словарь представляется просто собраніемъ черновыхъ матеріаловъ, которые должны были подвергнуться еще коренной переработкѣ для печати. Велся онъ почти также непрактично, какъ и знакомое уже намъ „Этимологическое словорасписаніе" (см. выше, стр. 657—658), не на карточкахъ или отдѣльныхъ листкахъ, а подрядъ съ предварительной выпиской заглавныхъ словъ и оставленіемъ пустого мѣста для будущихъ вставокъ, мѣстами сдѣланныхъ, а мѣстами отсутствующихъ. Старыя объясненія или сопоставленія, хотя бы и неудачныя, не вычеркивались, и вслѣдствіе этого содержаніе словаря является очень пестрымъ и неровнымъ, такъ что, рядомъ съ цѣннымъ до

[1]) И. Срезневскій, «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова» (Спб., 1865, стр. XLIII).

сихъ поръ, встрѣчается и масса нелѣпостей, подчасъ достойныхъ Шишкова. Задуманъ былъ словарь, очевидно, очень широко и долженъ былъ заключать слова не только русскія, въ томъ числѣ обще-литературныя, техническія и народныя, областныя, но и церковнославянскія; каждое слово предполагалось объяснять подробно во всѣхъ оттѣнкахъ его значенія, съ приведеніемъ подлинныхъ примѣровъ и ссылокъ на источники (ср., напримѣръ, образчикъ, напечатанный Срезневскимъ въ „Филологич. Наблюденіяхъ“ Востокова, стр. XLIV—XLV).

Трудъ Востокова дошелъ до насъ не въ полномъ своемъ видѣ, и нѣкоторыя части его, очевидно, утрачены. Сохранились только слова на буквы А (и Я), Г, Е (и Э, Ѣ), Ж, З, И (и І), К, Н, О, С, Х, Ц, Ч, Ш-Щ, У(-Ю). Остальныя буквы отсутствуютъ, хотя общій видъ словаря говоритъ въ пользу предположенія, что въ свое время они были на лицо. Слова выписаны въ параллельныхъ вертикальныхъ столбцахъ на листахъ писчей бумаги (форматъ in folio): налѣво природныя слова, направо—заимствованныя, съ указаніемъ источника заимствованія, но почти вездѣ безъ приведенія иноязычныхъ прототиповъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько заимствованныхъ словъ на букву А: *агатъ* (греч.), *адмиралъ* (нѣм.), *адъ* (греч.), *адъютантъ* (безъ обознач.), *азямъ* (тат.), *айва* (турецк.), *аистъ*, *аиръ* (безъ обознач.), *академія* (греколат.), *а́кула* (названіе отъ Исландск. или Норвежск. *гаколь* нашими поморянами принятое), *аллилуія* (евр.), *алмазъ* (араб.), *алой*, *алтабасъ*, *алтынъ* (безъ обознач.), *алый* (тур. *алъ*) и т. д.

Какъ образчикъ цѣлаго природнаго этимологическаго гнѣзда, приведемъ глаголъ *гасить* [1]: „Гашу, *сить* гл. д. Тушу, не даю больше горѣть, гасить свѣчи, огонь, пожаръ. *Угашу,-силъ,-ти,-ть;-аю,-сши,-ти,-ть*=утушаю. *Погашу,-силъ,-ть;-аю,-ть,-шеніе* с. ср. р. (погашеніе долговъ)=*потушу,-аю. Загашу,-силъ,-шь;-аю,-ть*=затушу,-аю. *Гаше́ніе* с. ср.=тушеніе. *Га́шеный,-ая,--ое* прилаг., напр. известь. *Неугасимый,ая,-ое* прил. непрестанно горящій, напр. огонь Весты, иначе *неугаса́емый* (но неправильно). Орудіе коимъ гасятъ свѣчи высоко поставляемыя—*гасило*. Опредѣленный для гашенія свѣчь высоко поставляемыхъ—*гасильщикъ* сущ. м. Тухну, померкаю, перестаю горѣть; употребл. въ 3 л. собств. а также и въ другихъ лицахъ: *га́сну,-ешь,-уть* гл. ср.,

---

[1]) Въ цѣляхъ типографскаго удобства мы нѣсколько уклоняемся отъ оригинальнаго размѣщенія словъ и выписываемъ параллельныя слова и формы, стоящія у Востокова другъ надъ другомъ, въ одну строку, замѣняя скобки знакомъ = и добавляя знаки препинанія.

гасъ, гáсла,-о. Угáсну,-гаслъ, гáснути... гасъ.-снулъ,-ть: угасаю, -ешь,-ти...-ешь,-ть соверш. д. глагола *гасну*, въ собств. и * смыслѣ [1]). Тоже что и угасну, потухну, потухаю: *погасну,-гасъ, -нуть,-гасаю,-ть*" и т. д.

Во главѣ отдѣльныхъ гнѣздъ стоятъ корни во вкусѣ Шишковскихъ, состоящіе нерѣдко изъ единичныхъ звуковъ. Такъ объ корнѣ А говорится: „гласъ А имѣетъ значеніе общее, примѣнительное ко всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ (?), но наиболѣе къ двумъ. Корни: гласъ дѣятельности,—созерцанія внѣшняго,—общій, чувств. (?) (а?. *а* насмѣятельное, *аа* мстительное, уличительное, *â* знакъ догадки, *а!* удивленія или ужаса)." Изъ этого корня *А* выводится личное мѣстоименіе *азъ*, представляющее собой „гласъ созерцанія внутр. съ согласною прикосновенія" (очевидно—*з!*).

Въ этомъ же родѣ разсужденіе о корнѣ I, который „съ перемѣнами своими *ѣ, у, о, а, й* (!) значитъ собственно *движеніе, итіе* (такъ какъ *а, я* и пр. приняло оно въ помощь согласныя лить, *лію*, *вить*, *вію*, *вѣять*, *маю*, мгну и т. д., которыя см. подъ согласными)" и т. д.

Согласные у Востокова также имѣютъ особое значеніе. Напримѣръ, „Г, К, Х, съ перемѣнами своими *ж, ч, ш* и пр., въ имевит. пад. (?) означаетъ вообще качество предметовъ (а въ другихъ падежахъ?). Однако, мягкія *г, х* не такъ употребительны у славянъ въ семъ значеніи, какъ твердое *к* (съ перемѣнами своими *ч, ц*). Ежели когда уступаетъ оно мѣсто свое прочимъ двумъ *г, х*, то развѣ для благогласія и удобнѣйшаго выговора, смотря по случающимся впереди буквамъ. Итакъ начнемъ съ К.

К есть первоначально *нарѣчіе прикосновенія*, а потому и *познанія качествъ*, или *сказанія о качествахъ*, и сохраняетъ сіе знаменованіе въ слѣдующихъ корняхъ: *аки яко* (съ вспомогательными впереди и назади гласными), *акъ,-а,-о* и т. д." Въ связи съ этими положеніями *како* толкуется, какъ „усугубленіе осязательнаго нарѣчія, т. е. *яко* съ предложнымъ *к*, значитъ вопрошеніе, а не употребленіе какъ въ русскомъ, гдѣ оно заступило мѣсто славянскаго *аки, яко*" и т. д.

Приведенные примѣры достаточно свидѣтельствуютъ, что Востоковъ, во время работы надъ разсматриваемымъ словаремъ, во многомъ стоялъ на уровнѣ идей своего времени. Такіе же, или почти такіе же взгляды мы видѣли уже у Гонорскаго, Шишкова и

---

[1]) Что обозначаетъ звѣздочка у Востокова, не сказано. Очевидно, это какой-то условный знакъ сокращенія, вмѣсто часто встрѣчающагося слова (вѣроятно: *переносный*).

другихъ. Авторъ приведенныхъ разсужденій, пожалуй, совершенно искренно могъ находить „очень удовлетворительнымъ" Шишковское „производство слова *часть* отъ *стыть*, а сего послѣдняго отъ *стоять*", „съ пользою и удовольствіемъ для себя" читать въ „Извѣстіяхъ Росс. Академіи" „глубокія изслѣдованія" адмирала-корнеслова по части словопроизводства и съ нетерпѣніемъ ожидать того времени, когда ему „позволено будетъ въ засѣданіяхъ Академіи наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ... сочленовъ о семъ любимомъ... предметѣ" [1]). Впослѣдствіи, очевидно, Востоковъ созналъ слабыя стороны своего словаря, требовавшаго коренной передѣлки, и оставилъ его въ рукописи. Недовольство автора своимъ трудомъ, можетъ быть, объясняетъ и плохую сохранность рукописи, которая могла утратить цѣнность въ его глазахъ. Указанныя слабыя стороны „Славенорусскаго этимологическаго словаря" говорятъ въ пользу того предположенія, что онъ относится къ болѣе раннему періоду научной дѣятельности Востокова.

Слабое указаніе на существованіе разсматриваемаго словаря въ 1825 г. даетъ Кеппенъ въ замѣткѣ о рецензіи Добровскаго на словарь русскаго языка Россійской академіи [2]). Въ замѣткѣ этой говорится о „неизданномъ еще и недовершенномъ Лексикографическомъ трудѣ" Востокова, имѣющемъ удовлетворить pia desideria Добровскаго, высказанныя имъ въ его рецензіи. Едва ли можно сомнѣваться, что рѣчь идетъ здѣсь именно о „Славенорусскомъ этимологическомъ Словарѣ" Востокова, очевидно уже существовавшемъ въ серединѣ 20-хъ гг. XIX в. Близкія отношенія Кеппена къ Востокову во время изданія первымъ „Библіографическихъ листовъ" позволяютъ думать, что трудъ Востокова могъ быть извѣстенъ Кеппену.

Къ этому же приблизительно времени относится вѣроятно и начало лексическихъ коллекцій П. И. Кеппена, уже послуживших и продолжающихъ служить матеріаломъ для разныхъ лексикографическихъ изданій II-го отдѣленія Имп. Акад. наукъ, но до насъ, кажется, вполнѣ не сохранившихся. И. И. Срезневскій въ своей рѣчи на юбилеѣ Кеппена отмѣчаетъ, что Кеппенъ уже „съ юности... сталъ собирать матеріалы для Словаря Русскаго общаго и областного", причемъ „одни добавленія его къ

---

[1]) См. Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Имп. ак. н., т. V, вып. II, стр. XXXVIII. Письмо Востокова къ Шишкову отъ 11 іюня 1820 г.

[2]) „Библіографическіе листы" Кеппена, 1825 г., № 32, 24 дек., стлб. 470. Ср. выше, стр. 948—51.

Общему Словарю составили два тома"[1]). Самъ Кеппенъ писалъ А. А. Кунику 17 февр. 1861 г.[2]), что уже давно (съ 1818 г.) интересовался діалектологіей, хотя и не указываетъ опредѣленно, когда положилъ начало своему собранію лексическихъ матеріаловъ. Собственноручная записка Кеппена, найденная въ его бумагахъ и содержащая перечень разныхъ его письменныхъ матеріаловъ, съ обозначеніемъ времени, съ которыхъ поръ они собирались[3]), тоже не упоминаетъ ничего о его словарныхъ записяхъ. Судя, однако, по тому, что Кеппенъ, какъ видно изъ помянутой записки, началъ собирать названія рѣкъ съ 1815 г., а собственныя и прочія имена, народныя преданія, обычаи и нравы съ 1819 г., надо думать, что и лексическіе его интересы ведутъ свое начало приблизительно съ этого времени и во всякомъ случаѣ не позже самаго начала 20-хъ годовъ, когда онъ переписывался съ Евгеніемъ Болховитиновымъ о русской діалектологіи[4]) и обращалъ вниманіе на важность собиранія областныхъ словъ и вообще діалектологическихъ матеріаловъ въ своей рецензіи на книгу Ѳ. П. Аделунга: „Übersicht aller bekannten Sprachen etc."[5]).

Изъ лексическихъ матеріаловъ, собранныхъ Кеппеномъ, сохранились лишь тѣ, которые вошли въ составъ его „Свѣдѣній о русскихъ нарѣчіяхъ", принадлежащихъ II отд. акад. наукъ. Къ первой четверти XIX в. относятся: 1) Собраніе 595 малороссійскихъ словъ, сообщенное собирателю 18 дек. 1821 г., въ Кіевѣ, преподавателемъ тамошней гимназіи Макс. Ѳедор. Берлинскимъ (р. 1764, ум. 1848 г.)[6]) и писанное на 7 стр. in folio („Свѣдѣнія", т. I, 284—292); 2) собраніе замѣчаній на первыя 45 словъ вышеупомянутаго (стр. 987) бѣлорусскаго глоссарія, составленнаго К. Ѳ. Калайдовичемъ (2 стр. in folio, тамъ же, 467—68). Замѣчанія эти (на нѣмецкомъ языкѣ) были доставлены Кеппену нѣкіимъ Хлендовскимъ изъ Варшавы въ 1823 и представляютъ рядъ сравненій и параллелей бѣлорусскихъ словъ и выраженій съ соотвѣтствую-

---

[1]) См. „Юбилей Петра Ив. Кеппена, 29-го дек. 1859 г. Спб. 1860", стр. 3.

[2]) См. это письмо въ „Bulletin de l'Académie Imp. de S. Petersbourg", т. III, стлб. 506—511 = Mélanges Russes, т. IV, Livr. 2, pp. 210—217.

[3]) См. эту записку въ статьѣ А. А. Куника: „Литературные труды П. И. Кеппена" въ „Сборникѣ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов. Имп. ак. н." т. II. 1868, № 6, стр. 36.

[4]) См. цит. выше письмо Кеппена Кунику («Bulletin de l'Académie», т. III, стлб. 506—511).

[5]) Тамъ же, и у насъ выше, стр. 598.

[6]) См. о немъ Венгерова «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ», т. III, стр. 87—88.

щими польскими, отмѣчающихъ совпаденіе или разницу названныхъ языковъ въ томъ или другомъ случаѣ. Вѣроятно къ этому же времени принадлежатъ: 1) Листокъ съ нѣсколькими бѣлорусскими словами (около 30), писанный, по указанію Кеппена, Ив. Ник. Лобойкомъ (тамъ же, 495—96); 2) собраніе нѣсколькихъ словъ „смоленскаго“ нарѣчія (тамъ же, 490—493: около 140 словъ на 4 стр. in folio).

Въ 1824 г., по инпціативѣ проф. Лобойка, въ Румянцовскомъ кружкѣ возникъ было проектъ о составленіи бѣлорусскаго глоссарія къ издаваемому протоіереемъ Григоровичемъ Бѣлорусскому Архиву. 30 марта 1824 г. Лобойко, говоря объ изданіи Строевымъ Софійскаго временника, писалъ гр. Румянцову: „Впрочемъ ничто бы ему (Строеву) не мѣшало присовокупить словарь невразумительныхъ реченій, по кр. мѣрѣ, въ видѣ опыта: часто самыя трудныя слова можно объяснить, нашедши ихъ повторенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; тѣ, до знаменованія коихъ съ точностью дойти нельзя, можно оставить въ словарѣ безъ объясненія, означая всѣ страницы, гдѣ онѣ встрѣчаются; но самая большая часть словъ, по моему собственному удостовѣренію, объясняется изъ Польскаго и Бѣлорусскаго нарѣчія. Почему, при настоящемъ изданіи нашемъ Бѣлорусскихъ грамотъ, я не могу скрыть предъ В. С—вомъ чрезмѣрнаго моего желанія, чтобы къ оному присовокупленъ былъ словарь, объясняющій невразумительныя для Россіянъ реченія“. По словамъ Лобойка, это тѣмъ легче сдѣлать, что означенные „памятники восходятъ не далѣе XV стол... Бѣлорусскій языкъ еще не истребился; на немъ говорятъ еще и по нынѣ проповѣди по сельскимъ церквамъ. Могилевъ почитается средоточіемъ Бѣлоруссіи, гдѣ подгородные мѣщане по ту сторону Днѣпра и теперь еще весьма хорошо говорятъ симъ нарѣчіемъ. Гомель въ Бѣлоруссіи, а... о. Григоровичъ... въ Гомелѣ. При сихъ, столь живыхъ и вѣрныхъ пособіяхъ, объясненіе словъ можно произвести съ совершенною точностью. Тогда сей словарь можетъ оказать важную услугу не только при чтеніи Бѣлорусскихъ грамотъ, но и при чтеніи Госуд. грамотъ, В. С—вомъ въ Москвѣ изданныхъ“. Въ подтвержденіе своихъ словъ Лобойко разсказываетъ, какъ онъ въ Обществѣ Соревнователей читалъ списки Бѣлорусскихъ грамотъ, желая показать, „что сей языкъ столь близко подходитъ къ Польскому, что между ними нѣтъ другихъ предѣловъ, кромѣ граммат. формъ Русскаго языка и Русскихъ буквъ“, причемъ Рылѣевъ (издатель Полярной Звѣзды), какъ новгородецъ, указывалъ, что всѣ слова, которыя Лобойко называлъ польскими, имѣются и въ народномъ новгор. нарѣчіи. Съ Рылѣевымъ были согласны и дру-

гіе члены. По словамъ Лобойка, „въ исторіи Карамзина, тамъ, гдѣ онъ пользуется настоящими Русскими лѣтописями и актами, введены въ текстъ многія слова, нынѣ намъ непонятныя“, и которыя въ другомъ случаѣ можно „объявить Бѣлорусскими или Польскими. Г. Ходаковскій, опредѣляя округъ Кривицкаго діалекта, одной натуры съ Бѣлорусскимъ, включаетъ въ сіи предѣлы Псковскую, Новгородскую и Тверскую Губерніи. Все сіе приводитъ къ дальней филологической аксіомѣ, что діалекты одного какого либо языка, чѣмъ они ближе къ своему происхожденію, тѣмъ менѣе между ними разности и тѣмъ болѣе общихъ словъ“ [1]).

Гр. Румянцовъ, по полученіи письма Лобойки, которое онъ называетъ „прелюбопытнымъ“, послалъ съ него копію о. Григоровичу, причемъ писалъ (12 апр. 1824 г.): „Чрезвычайно какъ желаю вмѣстѣ съ нимъ (Лобойкомъ), чтобы Вы къ Бѣлорусскимъ грамотамъ присоединили словарь Бѣлорусскихъ словъ, неудобопонятныхъ для насъ, и старались бы ихъ объяснить. Нѣтъ сомнѣнія, что сей словарь придалъ бы большой цѣны тому изданію, надъ которымъ теперь занимаетесь, и поставилъ бы имя Ваше въ большое уваженіе въ кругу тѣхъ, кои истиннымъ просвѣщеніемъ занимаются“ [2]).

14 мая графъ опять писалъ о. Григоровичу: „Радуюсь тому, что Вы согласны дополнить и усовершенствовать изданіе Архива Бѣлорусскихъ грамотъ опытомъ словаря коренныхъ Бѣлорусскихъ словъ. Конечно, сему словарю не иное мѣсто можно опредѣлить, какъ Index. Ежели Вамъ на точное опредѣленіе нѣкоторыхъ словъ надобна будетъ помощь г. Лобойка, то снеситесь съ нимъ, ссылаясь на то, что Вы отъ меня къ тому уполномочены“ [3]).

Смерть графа, послѣдовавшая черезъ полтора года послѣ этого письма, помѣшала осуществленію его плана, который, однако, повидимому не остался безъ послѣдствій и, вѣроятно, побудилъ Григоровича заняться составленіемъ бѣлорусскаго словаря, часть котораго увидѣла свѣтъ уже много лѣтъ спустя послѣ приведенной переписки (въ 1851 г.).

Собираніемъ матеріаловъ для словаря древнерусскаго языка, потребность въ которомъ живо ощущалась немногочисленными нашими тогдашними учеными [4]), занимался въ 20-хъ годахъ

---

[1]) «Чтенія въ Общ. Ист. и др. Росс.». 1864 г., кн. II, стр. 39—41.

[2]) Тамъ же, стр. 50.

[3]) Тамъ же, стр. 51.

[4]) См. напр., письмо Лобойка къ гр. Румянцову отъ 30 марта 1824 г. (выше, стр. 1000), и его же письмо къ Калайдовичу отъ 25 апр. 1825 г. (выше, стр. 935—36).

Строевъ. Въ 1825 г., 4 января, онъ обратился къ гр. Румянцову съ предложеніемъ составить три словаря: историческій (съ подробными извѣстіями о всѣхъ Великихъ и удѣльныхъ князьяхъ, царяхъ, іерархахъ и т. д.), географическо-топографическій („подробное указаніе всѣхъ удѣловъ, на кои нѣкогда раздѣлялась Россія“) и 3) „*Словарь Толковый*, для уразумѣнія языка лѣтописей и другихъ письменныхъ памятниковъ древней нашей Словесности, по образцу славнаго Дюканжева Glossarium mediae et infimae Latinitatis“. Строевъ прибавлялъ: „въ семъ словарѣ объяснены будутъ всѣ слова и выраженія, нынѣ вышедшія изъ употребленія, забытыя или пріемлемыя въ иномъ знаменованіи; названія древняго чиноначалія и государственнаго управленія въ отношеніяхъ политическомъ, военномъ и гражданскомъ; терминологія: церковная, судебная и дипломатическая; техническія реченія древняго хозяйства, ремеслъ, знаній, наукъ и искусствъ; однимъ словомъ, все, что для читателей памятниковъ древней нашей письменности можетъ быть неразумительно, сбивчиво или неопредѣленно. Множество матеріаловъ къ сему Словарю накопилось у меня въ нѣсколько лѣтъ, когда я, занимаясь изданіемъ разныхъ рукописей или прочитывая историческо-археологическія сочиненія, записывалъ попадавшіяся въ нихъ примѣчательныя слова и выраженія. Сей Толковый Словарь, требующій многаго чтенія, пересмотра и справокъ, слѣдственно и времени, можетъ быть изготовленъ не прежде исхода 1829 г.“ [1]).

Графъ, однако, отклонилъ это предложеніе (письмомъ отъ 25 янв. 1825 г.), „воздавая справедливость рвенію и усердію“ Строева, но ссылаясь на предпринятое имъ составленіе и изданіе каталога Синодальной библіотеки, требующее большихъ издержекъ. Отъ неудавшагося труда Строева уцѣлѣло лишь нѣсколько тетрадокъ, которыя онъ черезъ князя Ширинскаго-Шихматова пожертвовалъ академіи наукъ [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что знанія и способности Строева вряд ли подходили къ задуманному имъ предпріятію, и, въ случаѣ его осуществленія, русская наука не получила бы особо цѣннаго приращенія. Во всякомъ случаѣ и при согласіи гр. Румянцова (давно уже разочаровавшагося въ творческихъ научныхъ способностяхъ Строева, какъ мы видѣли выше, стр. 853 и 874), древнерусскій словарь нашего археографа, навѣрное, постигла бы та же участь, какъ и рядъ другихъ научныхъ предпріятій мецената-канцлера, пріостановленныхъ или совсѣмъ не состоявшихся

[1]) Барсуковъ, «Жизнь и труды П. М. Строева». Спб. 1878, стр. 99, 101—102.
[2]) Тамъ же, стр. 103.

вслѣдствіе его смерти, послѣдовавшей черезъ годъ послѣ предложенія Строева.

Разсмотрѣнными изданіями и проектами исчерпывается все, что было у насъ сдѣлано или предполагалось сдѣлать въ области лексикографіи русскаго языка по 1825 г. включительно. Наиболѣе крупными явленіями въ ней, какъ мы видѣли, могутъ быть признаны лишь второе изданіе словаря Росс. академіи и собраніе областныхъ словъ, предпринятое московскимъ Обществомъ Люб. Росс. Слов. Остальное представляетъ собой частью лишь „плѣнной мысли раздраженье", въ родѣ проектовъ Шишкова, частью не состоявшіяся или не доведенныя до сколько нибудь прочнаго результата предположенія и начинанія.

Не больше сдѣлано было у насъ за разсматриваемое время (1810—1825) для грамматики русскаго языка. Правда, недостатка въ отдѣльныхъ работахъ и общихъ руководствахъ въ этой области не было, но почти все здѣсь явившееся имѣло мало научный характеръ, а то такъ и совсѣмъ было лишено его. Среди школьныхъ руководствъ по русской и церковнославянской грамматикѣ, вышедшихъ за это время [1]), лишь очень немногія заслу-

---

[1]) 1) «Дѣтское словеснословіе и пѣснопѣніе, грамматика, логика, риторика и поэзія съ нотнымъ пѣніемъ, въ краткихъ правилахъ и примѣрахъ. 2-е изд. Харьковъ. Въ Унив. типогр. 1811». 8°. 8 ненум. + 131 + 1 ненум.

2) И. Тимковскій, «Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка, изд. Харьковскимъ университетомъ. Харьковъ. 1811».

3) S. F. Friederici, «Kurzgefasste Grammatik der russischen Sprache für die deutschen Provinzen Russlands. Cursus I. Mitau. 1811».

4) Jacques Languen, «Manuel de la langue russe, à l'usage des étrangers; suivi d'un précis historique sur la Littérature russe. Mitau. 1811», (переводъ курса Словесности и грамматики Борна).

5) Петръ Виноградовъ, уѣзднаго училища учитель, «Краткая славянская грамматика, составленная при Александро-Невской Семинаріи». Спб. 1813, 1815, 1818, 1822, 1832, 1852 (Образцомъ служило извѣстное уже намъ «Сокращеніе слав. этимологіи» Ѳ. Розанова: М. 1810. (См. выше, стр. 732).

6) Андрей Вербицкій, «Краткая россійская грамматика, содержащая въ себѣ правила, руководствующія къ познанію россійскаго языка, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Харьковъ. 1813, 1816.

7) Сокращенная россійская грамматика для малолѣтняго юношества. Полоцкъ. 1813.

8) Алексѣй Померанцовъ, «Начальныя основанія россійской грамматики въ пользу юношества и особенно воспитывающагося въ Московской практической коммерческой Академіи, изданныя россійской и латинской словесности, коммерческихъ наукъ и естественнаго права учителемъ, оной же Академіи Совѣта и Общества любителей коммерч. знаній секретаремъ А... П...» М. 1813, 1819.

9) Яковъ Пожарскій, «Краткая россійская грамматика, изданная для пре

живаютъ болѣе близкаго разсмотрѣнія. Тотъ же школьный характеръ въ общемъ имѣли и отдѣльныя монографіи и статьи по частнымъ вопросамъ русской грамматики, въ которыхъ тѣмъ не менѣе замѣчается больше движенія и инпціативы, чѣмъ въ руководствахъ, прямо назначенныхъ для школы.

Изъ школьныхъ учебниковъ заслуживаетъ вниманія знакомый уже намъ съ другой стороны (см. выше, стр. 559 - 561) „Опытный способъ къ философическому познанію русс. языка“ И. Тим-

---

подаванія въ полковыхъ и баталіонныхъ школахъ». Спб. 1813, 1814, 1815, 1821. 1833. Изданія 1830, 1838, 1842, 1845 и 1848 имѣютъ иное заглавіе.

10) С. Н. Орловскій, «Краткая россійская грамматика. Съ присовокупленіемъ начальныхъ правилъ правописанія, сочиненія словъ и сочиненія періодовъ. Изданная въ пользу малолѣтнихъ дѣтей. Спб. 1814».

11) Иванъ Левитскій, «Краткая росс. грамматика. Соч. Училища ордена св. Екатерины учителемъ россійской словесности. Спб. 1814».

12) E. Gust. Ehrström och Carl G. Ottelin, «Rysk Språklära för begynnare utgifven af...» 2 перераб. изд. Спб. 1814; Борго, 1830; Гельсингфорсъ 1836.

13) «Россійская грамматика, въ пользу и употребленіе юношества, расположенная для легчайшаго изученія по вопросамъ и отвѣтамъ. Спб. 1816».

14) Gust. Völkersahm, «Hülfstabellen für die russische Sprache zunächst dem Selbst. Unterrichte. Riga. 1816» (Кишитъ грубыми ошибками, свидѣтельствующими о незнаніи авторомъ русскаго языка).

15) Константинъ Поппадопуло: «ΓΡΑΜΜΑΤΙΚΗ ΡΩΣΣΙΚΟ-ΓΡΑΙΚΙΚΗ ΗΤΟΙ ΜΕΘΟΔΟΣ ΔΙΑ ΝΑ ΣΠΟΥΔΑΣΗ ΤΙΣ ΕΥΚΟΛΩΣ ΤΗΝ ΡΩΣΣΙΚΗΝ ΔΙΑΛΕΚΤΟΝ и др. Москва 1816.

16) W. A. Joukowsky, «Esquisse de grammaire russe composée pour l'usage de la Grande-Duchesse Aléxandra Téodorowna, l'Impératrice actuelle, et imprimée en très peu d'éxemplaires par...» (безъ года и мѣста напечатанія, вышла въ Спб. въ 1818 г.).

17) Philem. Swaetnoy, «Orthographie der russ. Sprache». Riga, 1819. 8°. 36.

18) «Краткая Россійская грамматика съ переводомъ на Молдавскій языкъ, для учениковъ Кишиневскія Семинаріи, и другихъ въ Бессарабіи школъ съ присовокупленіемъ употребительнѣйшихъ на Россійскомъ и Молдавскомъ языкѣ словъ и разговоровъ. Кишиневъ, 1819 г.» (церковной печати, разговоры и вокабулы на русскомъ языкѣ, а грамматика основана на новомъ церковнославянскомъ. Авторъ—архимандритъ Ириней Нестеровичъ).

19) Н. М., «Россійская грамм. въ вопросахъ и отвѣтахъ, издана для легчайшаго обученія юношества. Москва, 1820».

20) «Краткая россійская грамматика въ пользу воспитывающихся въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Спб. 1820. 8°. 66. 2 изд. съ измѣненнымъ заглавіемъ, 1834 г., 3-е—1849.

21) «Учебная книга русск. языка, содержащая этимологію, ороографію, синтаксисъ, просодію и краткія правила риторики для благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона». М. 1820, 1823, 1829.

22) Ch. Ph. Reiff, «Grammaire russe à l'usage des étrangers qui désirent connaître à fond les principes de cette langue, précédée d'une introduction sur la langue Slavonne par...». Спб. 1821, 1851. Польскій переводъ съ прибавленіями для поляковъ изд. А. В. Глебовичъ: Вильно, 1823.

ковскаго (Харьковъ, 1811 г.) [1]), VIII глава котораго: „Древности языка Славено-Россійскаго и отношенія его къ другимъ языкамъ" представляетъ краткій конспективный очеркъ исторіи русскаго языка [2]), любопытный для своего времени по замыслу, хотя по выполненію, разумѣется, отразившій на себѣ всѣ недочеты положительнаго знанія, свойственные времени. Авторъ исходитъ изъ общаго положенія, что „исторія народа содержитъ въ себѣ и исторію языка его" (см. выше, стр. 561), и разсматриваетъ съ начала „внѣшнія обстоятельства въ произхожденіи: а) *Въ глубочайшей древности языка Славенскаго обрѣтается нѣкоторое сходство его съ ученымъ, народу невѣдомымъ языкомъ въ Индіи,*

---

23) «Руководство къ предварительнымъ упражненіямъ въ россійской грамматикѣ для школъ военныхъ поселеній. Спб. 1822».

24. W. H. M., «A manual of an english and russian grammar by... St.-Petersburg. 1822». 8° (151 стр.).

25) В. К., «Краткая россійская грамматика, изданная... Москва, 1823, 1828, 1834».

26) Константинъ Меморскій, «Полная россійская грамматика, съ присовокупленіемъ краткой исторіи славяно-русскаго языка, составленная въ пользу юношества...» Москва, 1823.

27) P. O., «Wypisy rossyyskie, wydanie trzecie, poprawne, pomnożane, prawidłami grammatycznemi, pisownią iloczasem, prozodyą wierszów rossyyskich i wiadomoscią o rangach i tytułach urzędników Państwa, oraz miarach, wagach i monecie w Rossyi używanych. Na końcu słownik rossyysko-polski wyrazów w tey xiążce znayduiacych się przez... Wilno. 1823. 8°, 208 стр.

28) Михайла Меморскій, «Краткая рос. грамматика, въ вопросахъ и отвѣтахъ, составленная...». Москва, 1825, 1829 (bis), 1849, 1857.

29) Иванъ Пенинскій, «Славянская грамматика, заимствованная преимущественно изъ грамматики Г. Добровскаго старшимъ учителемъ С.-Петерб. гимназіи И... П..., составленная по порученію начальства. Спб. 1825, 1826, 1827, 1831, 1837, 1842, 1847, 1850, 1852, 1856.

30) Philem. Swaetnoy, «Kurzgefasste Flexions-Lehre der russischen Sprache. Riga», 1825. 8°, 70 стр., 2 изд. съ др. загл. 1830.

31) Carl. Schlyter, «Опытъ россійско-теоретическо-практической грамматики съ примѣрами для перевода съ нѣмецкаго на русскій языкъ, по правиламъ, помѣщеннымъ въ началѣ каждаго параграфа. Versuch einer theoretisch-praktischen russischen Sprachlehre etc. von C. S.». Спб. 1825.

[1]) Первоначально книга Тимковскаго, повидимому, носила другое заглавіе. По крайней мѣрѣ въ перечнѣ книгъ, одобренныхъ въ Харьковѣ къ напечатанію въ 1810 г., который мы находимъ въ „Опытѣ Исторіи Харьк. университета" проф. Багалѣя, значится трудъ проф. Тимковскаго: „О граммат. разборѣ словъ россійскаго языка" (см. Учен. Записки Харьк. Унив.", 1895, кн. 2. Лѣтопись, стр. 36).

[2]) Подобныхъ очерковъ, повидимому, съ легкой руки Фатера („Praktische Grammatik der Russischen Sprache", Лейпцигъ 1808), около этого времени явилось еще два: въ грамматикахъ Таппе (см. выше, стр. 733 и сл.) и Орнатовскаго (см. выше, стр. 727 и слѣд.).

Самскретъ или Самскрытъ, которымъ одни Брамины говорятъ и пишутъ (курсивъ нашъ). Большее сходство (?) явствуетъ съ Кельтскимъ, а потому и съ языками ближайшихъ народовъ Кельтскаго поколѣнія. Судя же по произведенію Славянъ, какъ и однородныхъ имъ Венетовъ или Вендовъ, отъ Сарматовъ, или Савромидовъ, корнемъ языка ихъ Мидскій принимаемъ. б) Когда Славяне при Дунаѣ и на Сѣверѣ сложились въ отдѣльные и сильные народы: въ то время и языкъ ихъ большую получилъ полноту и силу. Разсѣяніе Славянъ преселеніемъ въ дальныя страны языкъ ихъ на многія отрасли и нарѣчія раздѣлило" (стр. 43—44).

Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ вліянія на славянъ разныхъ другихъ народовъ, смѣшеніе и сосѣдство съ которыми внесло въ славянскій языкъ многія иностранныя слова. „Замѣтнѣйшія изъ сихъ отношеній: а) Гооовъ, которые отъ моря Балтійскаго сходя по Вислѣ и Днѣпру къ Черному морю и за Дунаемъ со Славянами въ связи были" (а также и воевали); б) Чуди („Ливоны, Эстоны, Финны и другіе Чудскіе народы"); в) „Руссовъ. Роксолане или Россалане", иногда разумѣвшіеся подъ именемъ Гооовъ, „собственно же Россянами, Ругіями и Руссами именованы. Древніе Порусcы или Пруссы одноплеменными имъ почитаются: Литва, Жмудь и Подляхія Русью назывались". Тѣмъ не менѣе, касаясь вопроса о языкѣ Руссовъ, германскаго онъ происхожденія, или славянскаго (какъ и литовскіе языки), Тимковскій замѣчаетъ, что по его мнѣнію, „оставшіеся признаки едва сходство въ нихъ показываютъ", и высказываетъ мнѣніе, что сосѣдство литовцевъ съ чудью и нѣмцами могло вызвать, „великое удаленіе отъ первообразнаго сходства". Далѣе отмѣчается вліяніе: г) Татаръ (отъ которыхъ заимствованы „нѣкоторые обычаи и многія слова"); д) Европейскихъ народовъ. Хотя сношенія съ Европой начались со временъ Вел. Кн. Ивана Вас., „но дѣйствія сего сообщенія въ языкѣ, а особливо въ словахъ техническихъ, принадлежатъ XVIII вѣку" (стр. 44—46).

Покончивъ съ внѣшними обстоятельствами исторіи „Славенороссійскаго" языка, авторъ переходитъ къ внутреннимъ событіямъ этой исторіи, выразившимся во „внутреннихъ образованіяхъ": а) господствующія области русской земли дали начало главнымъ нарѣчіямъ (Новгородскому, Кіевскому и Московскому). Сліяніемъ этихъ нарѣчій „составился очищенный писменный нашъ языкъ, который общимъ употребленіемъ при возрастѣ и перемѣнахъ гражданскаго состоянія образовался въ своихъ видахъ"; б) языкъ этотъ „сверхъ того имѣлъ издревле образцемъ своимъ переводы книгъ Св. Писанія и другихъ церковныхъ, переведенныхъ въ

Моравіи, Кіевѣ, при вел. князѣ Ярославѣ, и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Чтеніе ихъ и „писмоводство“ было въ рукахъ почти одного духовенства, передававшаго изъ вѣка въ вѣкъ первообразную чистоту языка. Изъ этихъ книгъ познается „избранная часть языка Славенскаго“. Другая же его часть, остававшаяся въ просторѣчіи, не вошла въ эти книги и потому остается неизвѣстной, „кромѣ нѣкоторыхъ словъ, позднѣе явившихся“ (?). Далѣе идетъ рѣчь о попеченіяхъ вел. князей Ярослава и Владиміра Мономаха относительно развитія просвѣщенія, результатомъ которыхъ явилось у многихъ знакомство съ греч. и лат. языками. „Любословіе“ особенно развилось, благодаря основанію ученыхъ заведеній въ XVIII в. и академіямъ въ Кіевѣ и Москвѣ. Но, вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія, въ языкъ и грамматику вошли „безполезныя или уродливыя рѣченія, иностранными языками нанесенныя, изъ коихъ многія прилѣжнѣйшимъ раченіемъ истреблены“ (стр. 46—47).

Въ „Словесности Славено-Россійской“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ исторіи языка „Славено-Россійскаго“, Тимковскій различаетъ слѣдующіе пять періодовъ: а) I: начальные переводы книгъ Церковныхъ; б) II: Русская Правда, Повѣсть временныхъ лѣтъ, Слово о П. Игоревѣ, Поученіе Влад. Мономаха; в) III. Продолжатели Несторовой лѣтописи (Симонъ Суздальскій, Іоаннъ Новгородскій и другіе хронисты XIII—XVI вв.). Договорныя и другія грамоты князей съ XIII в., изданныя въ древней Росс. Вивліоѳикѣ. Судебникъ Іоанна Грознаго. Уложеніе царя Алексѣя Мих. „Приказныя и другія сочиненія тѣхъ временъ“; г) IV: вторая половина XVII и начало XVIII в.: 1) Уставы, указы и слогъ судебныхъ дѣлъ; 2) богословскія, философскія, риторскія и піитическія сочиненія духовныхъ, особенно Симеона Полоцкаго и Ѳеофана Прокоповича; 3) сатиры и другія сочиненія кн. Кантемира; 4) другія научныя сочиненія и переводы. Избранныя историческія и другія народныя пѣсни того времени; д) V: Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ —„основатели нынѣшняго чистаго слога, Филологіей и Критикою обработаннаго“ (стр. 47—49).

Въ 6-мъ отдѣлѣ VIII главы идетъ рѣчь о различіяхъ русскаго языка отъ славянскаго. Авторъ видитъ ихъ: а) „въ выговорѣ буквъ, а паче гласныхъ и въ удареніи словъ; б) въ прибавкѣ или выпущеніи нѣкоторыхъ буквъ и слоговъ и въ Грамматическихъ перемѣнахъ словъ, въ чемъ также двойств. число и многія вспоможенія глагола существительнаго въ настоящемъ, прош. и будущ. времени оставлены: градъ, городъ; древа, древеса, дерева, деревья; нощію, ночью; князи, князья; врази, враги; чту, читаю;

предѣлъ, предѣловъ; предѣлы, предѣлами; на чадѣхъ, на чадахъ, мя, меня; ся, себя; идоста, идоша, шли; ходихомъ, мы ходили; явитимися, явиться мнѣ; краснѣе, краше; позднѣе, позже; в) въ произведеніи, сложеніи и значеніи словъ. Многія слова оставлены, произведены новыя, введены новыя окончанія, измѣнилось значеніе; г) въ „Словосопряженіи и управленіи" (*солнце сіяетъ свѣтъ свой, радоватися о Господѣ*; идущимъ имъ, очистишася; оже ся буду гдѣ описалъ); д) въ слогѣ (возвышенная рѣчь или такъ называемый высокій слогъ придерживается славянскаго языка). Такимъ образомъ, признавая разницу между слав. и русскимъ языками, авторъ въ сущности самъ же подрывалъ всякій смыслъ устанавливаемаго имъ Славено-Россійскаго языка, фикціи, навязанной ему, очевидно, общими условіями времени, которымъ онъ здѣсь платитъ дань.

Въ заключеніе главы Тимковскій производитъ „сличеніе Славено-Россійскаго языка съ другими въ словахъ", приводя прежде всего (стр. 51): а) Славено-Россійскія слова, схожія звукомъ и значеніемъ съ иностранными „по звукоподражанію и по древнѣйшему сходству": Примѣчаніе къ этому мѣсту содержитъ сопоставленіе 36 русскихъ и слав. словъ съ греческими, латинскими, нѣмецкими и „кельтскими".

Въ видѣ образчика приводимъ нѣсколько такихъ сопоставленій:

слав.	греч.	лат.	нѣм.	кельт.
два	δύο, δύω	duo	zwey	doo
десять	δέκα	decem	—	dek
я	ἐγώ	ego	ich	—
свой	—	suus	sein	—
братъ	φράτηρ	frater	Bruder	bra
солнцо	ἥλιος	sol	Sonne	saul
стою	—	sto	stehe	stu

Для характеристики представленій автора о родствѣ индоевр. языковъ и его знаній, любопытны пропуски нѣмецкой параллели для числительнаго *десять* и греческихъ для *свой* и *стою*, не говоря уже о недочетахъ по части „кельтскаго". Далѣе приводятся: b) Древнія Россійскія слова, вышедшія изъ употребленія или получившія иное значеніе: Игорь, Ярополкъ, Ярославъ, Всеволодъ, Горислава, Свѣтовидъ, Свѣтославъ; бояринъ, окольничій, волостель, дворянинъ, печатникъ, стряпчій, цѣловальникъ; головникъ, куна, рѣзань, продажа, комонь, рокотать; c) Татарскія слова: алтынъ, аршинъ, баранъ, барышъ, лошадь, кушакъ, хозяинъ (финское!),

шалашъ; d) слова обыкновенныя греческія и латинскія: исторія, экономъ, градусъ, грамота, матерія, махина, минута, музыка, тетрадь, монета, титло и т. д.; e) „слова, взятыя изъ нынѣшнихъ Европ. языковъ, какъ собственныя ихъ, такъ и заимствованныя изъ древнихъ“: интересъ, оригиналъ, бассейнъ, галлерея, залъ, каналъ, капиталъ, компанія, коштъ, квартира, литтература и т. д.; f) „слова Еврейскія и Греческія, принятыя церковью“: апокалипсисъ, апостолъ, Епископъ, Іоаннъ, Варѳоломей, Викторъ (латинское!), канонъ, литургія, Пасха, Петръ, Псалтырь, Сумволъ; g) „слова иностранныя, употребленіе которыхъ опредѣлено правительствомъ“ (!): адмиралъ, академія, ассигнація, экспедиція, имперія, офицеръ, генералъ, гербъ, гофмаршалъ, губернія, квитанція, лейтенантъ, манифестъ, почта, солдатъ, статутъ, флотъ, штатъ и т. д.

Въ качествѣ иллюстраціи, авторъ приводитъ постоянно примѣры изъ Русской Правды, Лѣтописи Нестора, Слова о П. Игоревѣ, Поученія Владиміра Мономаха. Какъ образчики древняго языка, перепечатаны также грамоты: 1) Новгородцевъ къ вел. кн. Ярославу Ярославичу Тферскому 1263 г.; 2) Договорная грамота вел. князя Василья Дмитріевича съ велик. княземъ Рѣзанскимъ Ѳедоромъ Ольговичемъ 1402 г. и 3) Договорная грамота велик. князя Василія Васильевича съ Можайскимъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ 1448 г. Примѣрами юридическаго языка служатъ отрывки изъ Судебника Іоанна Грознаго и дополненій къ нему. Приводятся также образцы позднѣйшаго литературнаго языка изъ авторовъ XVIII в. (см. выше, стр. 561).

Приведенному конспективному очерку нельзя отказать въ извѣстной широтѣ замысла, рѣдкой въ тѣ времена. Авторъ затронулъ въ немъ разныя стороны языка: фонетику, морфологію, синтаксисъ, лексику, даже семасіологію (говоря о словахъ, получившихъ иное значеніе) и обнаруживаетъ безспорно больше историческаго чутья, чѣмъ его современники (напр., Фатеръ, Орнатовскій и Таппе, у которыхъ находимъ также очерки исторіи русскаго языка, имѣющіе, однако, гораздо болѣе внѣшній и формальный характеръ, см. выше, стр. 728). Обиліе примѣровъ изъ древнихъ памятниковъ дѣлало руководство Тимковскаго своего рода исторической хрестоматіей, которая, вѣроятно, давала матеріалъ для подробнаго анализа текстовъ на лекціяхъ автора въ Харьковскомъ университетѣ. Во всякомъ случаѣ ни у одного изъ предшественниковъ, или современниковъ Тимковскаго, не замѣчалось такой опредѣленной наклонности къ историческому пониманію и представленію грамматики русскаго языка, позволяющей

считать его въ извѣстномъ смыслѣ предшественникомъ нашихъ историковъ языка: Срезневскаго, Буслаева, Колосова, Соболевскаго, Шахматова и др. Появленіе его очерка, вслѣдъ за подобными же попытками Фатера, Орнатовскаго и Таппе (см. выше, стр. 1005, пр. 2), относящимися къ 1808—1810 гг., свидѣтельствуетъ о ростѣ историческаго пониманія языка, сравнительно съ XVIII в., въ которомъ ничего подобнаго не наблюдается.

Однимъ изъ очередныхъ вопросовъ того времени являлась систематизація формъ русскаго глагола, которой занимались уже раньше на западѣ Фатеръ (см. выше, стр. 733—36), а у насъ А. В. Болдыревъ (см. выше, стр. 734), не выступавшій, однако, еще въ печати со своими взглядами, Ив. М. Борнъ, учитель Главнаго нѣмецкаго училища Св. Петра въ Петербургѣ, авторъ „Краткаго руководства къ Росс. словесности“ (Спб. 1808, см. выше, стр. 718), и учитель Выборгской гимназіи Таппе (см. выше, 733, 736 и сл.). Этому же вопросу посвящена небольшая брошюра Н. И. Греча: „Опытъ о русскихъ спряженіяхъ съ таблицею. Съ дозволенія С.П.Б. Цензурнаго Комитета. Спб., въ типографіи Ф. Дрехслера, 1811 года“ (мал. 8⁰, 36 стр.), представляющая главнымъ образомъ дальнѣйшее развитіе идей Борна, какъ заявляетъ объ этомъ въ предисловіи самъ авторъ. Брошюра эта представляетъ интересъ и по помѣщенному въ ней отзыву о системѣ Греча, составленному Востоковымъ для Спб. общества любителей словесности, наукъ и художествъ (стр. 24—36). Въ первой главѣ: „Свойства русскихъ глаголовъ“ Гречъ дѣлилъ всѣ глаголы, дѣйствительные и средніе, на четыре разряда: 1) простые или неопредѣленные, 2) однократные или полные, 3) учащательные, 4) сложные или совершенные (стр. 5). *Простыми* онъ называлъ глаголы, не составленные съ предлогами и не имѣющіе „однократнаго окончанія на *нуть*“ (стр. 6), *полными* тѣ, которые имѣютъ и однократныя формы (стр. 8), *учащательными* — означающіе „какое нибудь движеніе съ мѣста“ и отсутствующіе въ другихъ языкахъ (?) (съ двумя видами: *учащательнымъ*, напр. *хожу*, и *ограниченнымъ*, напр. *иду*, стр. 11—12), а *сложными* или *совершенными* — состоящіе изъ простого глагола и предлога, нерѣдко измѣняющаго смыслъ кореннаго глагола. Дѣленіе это, вмѣстѣ съ терминологіей. цѣликомъ взято у Таппе (см. выше, стр. 737), котораго Гречъ, однако, совсѣмъ не упоминаетъ. Заимствовавъ его, Гречъ не съумѣлъ, однако, воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ. А именно, онъ совершенно упускалъ изъ виду, что разные „виды“ русскаго глагола представляютъ собой различныя по морфологическому строенію основы, и соединялъ ихъ въ одно спряженіе, вслѣдствіе

чего, напр., простые глаголы у него имѣютъ два „неокончательныхъ“ наклоненія (неопредѣленное и многократное), четыре времени (настоящее, прошедшее и будущее неопредѣленныя и прошедшее многократное), по три причастія и дѣепричастія (настоящее и прошедшія неопредѣленное и многократное, стр. 6—7); у глаголовъ полныхъ получалось еще больше формъ: 3 *неокончательныхъ* наклоненія (неопредѣленное, многократное, однократное), 6 временъ (настоящее, три прошедшихъ: неопредѣленное, многократное и однократное, два будущихъ: неопредѣленное и однократное), два повелит. наклоненія и по четыре причастій и дѣепричастій все въ томъ же духѣ (стр. 9—10). Такимъ же образомъ, напр., два совершенно разныхъ этимологическихъ глагола, какъ *иду* и *хожу*, признаются у Греча двумя формами *учащательной* и *ограниченной* одного глагола (стр. 12) и т. д. Въ этомъ же родѣ представлено дѣленіе и двухъ прочихъ классовъ глагола. Вторая глава „Опыта“ содержитъ рядъ правилъ въ обычномъ рутинномъ школьномъ вкусѣ, опредѣляющихъ „образованіе наклоненій и временъ“. Читатель поучается отсюда, что „корень каждаго глагола есть *неокончательное* неопредѣленное его наклоненіе“ (§ 15, стр. 17), что „повелит. наклоненіе производится отъ 2 л. ед. ч. врем. наст., перемѣною слога *ешь* или *ишь* на *и;* когда же удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, то вмѣсто *и* полагается *ь*“ (§ 17), что „наст. время причастія производится отъ 3 л. множ. ч. наст. времени“ и т. д. Такимъ образомъ брошюра Греча не представляла ничего самостоятельнаго и являлась смѣсью взятыхъ сырьемъ чужихъ идей съ обычной школьной рутиной.

Отзывъ Востокова тѣмъ не менѣе имѣлъ вполнѣ одобрительный характеръ. Новое раздѣленіе глаголовъ Греча, по словамъ отзыва [1]), „сколько облегчительно для учащихся, столько и вообще для Грамматики Русской пояснительно“ и „открываетъ съ большею противъ прежнихъ Грамматикъ точностью достопримѣчательное и въ Русскомъ только языкѣ обрѣтающееся различіе глаголовъ“ (стр. 24). Востоковъ признаетъ первичными только два класса *неопредѣленныхъ* и *полныхъ* глаголовъ, отъ которыхъ происходятъ уже *учащательные* и *сложные*. Свое мнѣніе онъ пытается оправдать философскими соображеніями, характерными для того времени съ его господствомъ „всеобщей грамматики“. По словамъ Востокова, „первый разрядъ служитъ вообще для наименованія дѣйствій или состоянія вещей въ природѣ, физическихъ и прав-

[1]) О принадлежности этого дѣленія Таппе Востоковъ, очевидно, и не подозрѣвалъ, хотя книга Таппе вышла въ Петербургѣ.

ственныхъ“; второй же означаетъ только физическія дѣйствія и притомъ такія, „въ коихъ нужно усиліе человѣческое, либо усиліе другаго какого живаго или неодушевленнаго въ природѣ тѣла: словомъ сказать, дѣйствія, которыя непосредственно поражаютъ наши пять чувствъ“. Отсюда понятно, почему „глаголы послѣдняго разряда суть полные и изобилующіе всѣми наклоненіями и временами, а перваго разряда глаголы вообще недостаточны: человѣку нужны были большія отмѣны словъ къ выраженію дѣйствія, самимъ имъ производимаго или до него собственно касающагося, коего онъ чувствуетъ всѣ оттѣнки. До постороннихъ же дѣйствій ему менѣе нужды, и потому означаетъ онъ ихъ словами не столь опредѣленными. Въ послѣдствіи однакожъ, по мѣрѣ образованія языка, съ умноженіемъ нуждъ своихъ и расширеніемъ круга понятій — вознаграждаетъ онъ сей недостатокъ неопредѣленныхъ глаголовъ приложеніемъ къ нимъ вспомогательныхъ частицъ или предлоговъ, сперва только въ такъ называемыхъ *совершенныхъ* (будущихъ и прошедшихъ) временахъ, кои суть равносильны временамъ однократнымъ полныхъ глаголовъ; потомъ уже и въ настоящемъ времени, отъ чего и раждаются глаголы *сложные-совершенные*. Сими-то глаголами достигаетъ языкъ наибольшаго своего развитія. Они введены для означенія безчисленныхъ житейскихъ отношеній физическихъ и моральныхъ, способны особливо къ выраженію отвлеченныхъ умственныхъ понятій (?), и вообще служатъ обильнѣйшимъ источникомъ словообогащенія: а все сіе съ помощію того либо другаго предлога, который даетъ имъ опредѣлительное значеніе, и который нерѣдко совсѣмъ перемѣняетъ смыслъ кореннаго глагола“ и т. д. (стр. 24—27). Востоковъ находилъ также, что до Греча „никто еще у насъ не обозначилъ съ такою точностію принадлежности учащательныхъ глаголовъ“, съ которыми „не надобно смѣшивать многократнаго окончанія $\frac{ы}{и}$ *вать*“, имѣющагося у всѣхъ четырехъ глагольныхъ классовъ и означающаго продолженіе или учащеніе дѣйствія (*важивать, ѣзжать, плывать*), тогда какъ „учащательные“ глаголы Греча показываютъ „только обыкновеніе или способъ къ дѣйствію: *водить, ѣздить, плавать*“ (стр. 30). Прежніе же грамматики оба оттѣнка называли „учащательнымъ или многократнымъ“, хотя „очевидно, что оба сіи названія приличествуютъ“ только глаголамъ на *-ивать, -ывать*. Таблицу спряженій Греча Востоковъ также одобрилъ, находя, что „расположеніе ея не сбивчиво. Оно благопріятствуетъ столько же частному, сколько главному обозрѣнію всей системы глаголовъ и не оставляетъ учащемуся никакихъ

почти вопросовъ нерѣшенными", дѣлая въ то же время „ненужными прежніе, болѣе или менѣе запутанные, раздѣленія спряженій" (стр. 30—32).

Рядъ отдѣльныхъ грамматическихъ этюдовъ находимъ въ „Трудахъ" Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., отразившихъ подъемъ грамматическихъ интересовъ въ нашемъ образованномъ обществѣ первыхъ десятилѣтій XIX в. Во главѣ его стоитъ „Разсужденіе о глаголахъ" А. В. Болдырева [1]), посвященное тому же очередному грамматическому вопросу, какъ и только что разсмотрѣнная брошюра Греча. По словамъ автора, русская грамматика „весьма далека еще отъ того совершенства, котораго достигли Грамматики языковъ новѣйшихъ. Въ ней очень много еще темнаго, непонятнаго; много неправильностей, ошибокъ. Она требуетъ еще строгихъ изысканій критики, тонкихъ наблюденій ума философскаго, и... наше Общество (Люб. Росс. Сл.) сдѣлаетъ очень важную услугу отечественной Словесности, если приметъ на себя трудъ разсмотрѣть Грамматику со всею строгостью, и замѣтивъ ея недостатки, постарается исправить ихъ". Въ своихъ наблюденіяхъ надъ формами русскаго глагола Болдыревъ ставитъ себя „на мѣсто иностранца", знакомаго со многими языками и правилами всеобщей грамматики, который желалъ бы изучить русскій языкъ, и исходитъ изъ слѣдующихъ положеній: 1) „во всѣхъ языкахъ всякой правильной глаголъ имѣетъ столько временъ, сколько Грамматика назначаетъ вообще для глагола"; у насъ же очень мало глаголовъ, „которые имѣли бы всѣ 8 временъ, назначенныхъ Академическою Грамматикою", и, напротивъ, множество „недостаточныхъ"; 2) наша грамматика не говоритъ ни слова о недостаточныхъ глаголахъ, о которыхъ говорятъ грамматики всѣхъ языковъ; 3) ни въ одномъ языкѣ глаголъ не имѣетъ четырехъ неопредѣленныхъ наклоненій, которыя не показывали бы различнаго времени, и столькихъ же повелительныхъ, дѣепричастій и причастій, какъ это признаетъ русская грамматика; 4) въ другихъ языкахъ въ спряженіе не входятъ сложные глаголы, какъ дѣлается въ нашей грамматикѣ и т. д. (стр. 66—69).

Принимая въ соображеніе эти основанія, Болдыревъ дѣлитъ глаголы „по наружному ихъ виду", т. е. по формѣ, на *первоначальные* и *производные*, а „въ отношеніи состоянія или дѣйствія, ими изображаемаго", на пять классовъ: *начинательные*, показывающіе начало дѣйствія (*сѣдѣть, бѣлѣть, грубѣть*), *неопредѣленные*, вы-

---

[1]) Труды Общ. Любит. Росс. Слов. при Имп. Моск. унив., ч. II, 1812 г., стр. 65—84.

ражающіе нѣкоторое продолженіе состоянія или дѣйствія (*дѣлать, любить, терпѣть, бѣгать*), *учащательные* (указывающіе повтореніе дѣйствія нѣсколько разъ и въ разное время: *дѣлывать, двигивать, калывать, хаживать*), *однократные* (дѣйствіе, случившееся одинъ разъ: *дернуть, свиснуть, толкнуть, хлопнуть*); *совершенные* (дѣйствіе, которое должно быть произведено вдругъ: *срубить, придѣлать, разбить, вырвать, заперетъ*). Всѣ эти глаголы могутъ быть простыми или сложными (стр. 70—71). Далѣе Болдыревъ анализируетъ принятое въ то время дѣленіе глагола на спряженія и указываетъ его слабыя стороны, обращая впервые вниманіе на совершенно неправильное смѣшеніе въ одномъ спряженіи совсѣмъ разныхъ морфологическихъ образованій, въ родѣ *дуть, дунуть, сдуть, дувать* (стр. 72—77). Показавъ ошибочность этого пріема, Болдыревъ ставитъ вопросъ (стр. 77), „отчего же Ломоносовъ не примѣтилъ сихъ ошибокъ, и отчего другіе послѣдовавшіе за нимъ Грамматики не исправили ихъ?“ Отвѣтъ простъ: всѣ они руководились примѣромъ иностранныхъ грамматикъ для европейскихъ языковъ и усиливались втиснуть формы русскаго глагола въ заимствованныя, чуждыя ему рамки. Этой ошибки старалось избѣжать разсужденіе Болдырева, которое можно считать несомнѣннымъ шагомъ впередъ въ систематизаціи формъ русскаго, а затѣмъ и вообще славянскаго глагола.

Оно окончательно порывало съ прежнимъ насильственнымъ отношеніемъ къ предмету и пыталось основываться на признакахъ, свойственныхъ этому послѣднему, а не на мертвыхъ схемахъ чужой грамматической теоріи. Отъ системы Таппе, которую Болдыревъ вѣроятно зналъ, его дѣленіе отличалось лишнимъ пятымъ (по его порядку первымъ) классомъ глаголовъ „начинательныхъ“, а также нѣсколько инымъ порядкомъ, въ которомъ перечисляются глагольные классы. Такимъ образомъ существенно новаго послѣ Таппе Болдыревъ давалъ немного, хотя, конечно, его очень ясное и обстоятельно аргументированное разсужденіе должно было имѣть въ нашей научной литературѣ гораздо больше вліянія, чѣмъ грамматика нѣмецкаго ученаго, писанная по-нѣмецки. Выше мы видѣли, что даже Востоковъ, очевидно, не зналъ книги Таппе. Разсужденіе же Болдырева по языку было доступно самому широкому кругу читателей и, конечно, много способствовало воцаренію новаго взгляда на систему русскаго глагола.

Значеніе его было отмѣчено и современной ему печатью. „Вѣстникъ Европы“, въ которомъ былъ данъ отчетъ о чтеніи Болдыревымъ своего разсужденія въ Обществѣ Люб. Росс. Слов. [1]),

[1]) Часть 62, 1812 г., № 5, мартъ, стр. 59—61.

замѣчалъ, что идеи его „дадутъ поводъ къ важнымъ перемѣнамъ въ системѣ спряженій Русскихъ глаголовъ“.

За разсмотрѣннымъ этюдомъ Болдырева явилось его новое, родственное по содержанію „Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ глаголѣ“ [1]). Подобно болѣе раннему изслѣдованію Болдырева, и это имѣетъ вполнѣ опредѣленный эмпирическій характеръ. Въ первомъ разсужденіи авторъ болѣе занимался указаніемъ недостатковъ дотолѣ принятаго дѣленія на классы, а здѣсь предлагаетъ „средства исправить“ ихъ. По его мнѣнію, для ихъ устраненія необходимо „правильно отдѣлить одинъ глаголъ отъ другаго, сыскать подлинное число временъ, и составить изъ нихъ спряженіе, которое было бы всеобщимъ“ (стр. 32). Такъ и поступаетъ дальше Болдыревъ, устанавливая четыре отдѣльныхъ спряженія для четырехъ отдѣльныхъ видовъ глагола *дуть* (неопредѣл.), *дунуть* (однократн.), *сдуть* (соверш.) и *дувать* (учащат.) и указывая тожество спряженія между *дуть* и *дувать* съ одной стороны и *дунуть* и *сдуть*—съ другой. Положивъ въ основу своего дѣленія морфологическій принципъ, тогда какъ прежнее дѣленіе смѣшивало признаки формальные съ семасіологическими, Болдыревъ подвергаетъ обстоятельному морфологическому анализу формы изъявительнаго наклоненія, имѣющія одинаковыя окончанія, но у нѣкоторыхъ глаголовъ обладающія значеніемъ настоящаго времени, а у другихъ—будущаго. Анализъ этотъ показываетъ, что „сія форма, хотя и выражаетъ два различныя времена, но всегда остается одною и тою же по наружному своему виду“ (стр. 37). На вопросъ, „какою же формою *преимущественно* должно почитать ее?“, Болдыревъ убѣдительно отвѣчаетъ „*формою настоящаго времени*“, ссылаясь при этомъ, что въ прочихъ языкахъ прибавленіе префиксовъ къ глаголу не измѣняетъ времени, и формы, въ родѣ греческаго συλλέγω || λέγω; лат. advoco, convoco, confido || voco, fido; франц. je refais || je fais; нѣм. ich entgehe || ich gehe; англ. i remove || i move остаются все же формами настоящаго времени. Значеніе будущаго времени, присущее нѣкоторымъ формамъ наст. времени, Болдыревъ пытается объяснить такъ: „Какъ глаголы имѣли только двѣ простыя формы, изъ которыхъ одна опредѣлена была выражать всегда прошедшее время, а другая настоящее, и какъ не было особенной формы для будущаго, то мы принуждены были очень натурально употреблять форму настоящаго времени для изображенія будущаго дѣйствія. И въ самомъ дѣлѣ предѣлы, отдѣляющіе настоящее отъ

[1]) Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., ч. III, 1812 г., стр. 30—50.

будущаго, такъ смѣжны между собою; переходъ отъ настоящей минуты къ будущей такъ близокъ, что мы не усомнились употреблять форму, долженствующую изображать дѣйствіе, происходящее передъ нашими глазами, для выраженія такого дѣйствія, которое должно случиться вскорѣ и притомъ неотмѣнно. По сему-то мы говорили и говоримъ теперь: «завтра *иду* я въ поле и *гуляю* до самаго обѣда. Знаешь ли, что я *ѣду* въ деревню?». Слова: *иду, гуляю, ѣду,* показываютъ здѣсь будущее дѣйствіе" (стр. 38—39). Далѣе указываются примѣры глагольныхъ формъ, имѣющихъ разное значеніе въ зависимости отъ контекста: *провожу, проношу, прохожу, велю, женю, похожу* и т. д.; *онъ велитъ мнѣ молчать; вы жените своего сына; ты проводишь его въ этомъ дѣлѣ,* и приводятся примѣры, въ которыхъ онѣ имѣютъ значеніе настоящаго и будущаго временъ (стр. 39—41). Установивъ „всеобщій образецъ спряженія", только съ двумя формами времени (настоящимъ и прошедшимъ, безъ будущаго), Болдыревъ отклоняетъ возраженія тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые могли бы увидать въ его предложеніи покушеніе уменьшить богатство русскаго языка. По его словамъ „мы весьма бы ошиблись, еслибъ захотѣли судить о богатствѣ или бѣдности языка по количеству временъ глагола. Извѣстно, что Арабской языкъ имѣетъ также двѣ формы времени для глаголовъ;—но какой языкъ можетъ равняться съ нимъ въ богатствѣ? Если принятыя нами правила уменьшаютъ число формъ, то они въ то же время умножаютъ количество самыхъ глаголовъ; ибо они возвращаютъ намъ глаголы учащательные, однократные и множество сложныхъ, которые прежде были, такъ сказать, отняты у насъ Грамматикою. Такимъ образомъ то, что языкъ теряетъ въ формахъ, вознаграждается глаголами" (стр. 48—49). Вообще тонкій и вдумчивый семасіологическій анализъ Болдырева, строгое и послѣдовательное разграниченіе морфологіи отъ семасіологіи, формы отъ значенія, являются совсѣмъ новыми въ нашей научной литературѣ и дѣлаютъ его оба разсужденія небезъинтересными и для современнаго читателя-лингвиста, хотя идеи ихъ автора давно уже вошли въ общее употребленіе.

Слѣдующая грамматическая статья въ „Трудахъ Моск. Общ. Люб. Русс. Слов." была уже посвящена не морфологіи, а фонетикѣ. Это были „Замѣчанія о русскомъ удареніи" самого предсѣдателя общества, А. Прокоповича-Антонскаго [1]), интересныя, какъ первый у насъ отдѣльный этюдъ, посвященный русской

[1]) Тамъ же, часть IV, 1812 г., стр. 71—77.

акцентологіи, и обращавшій вниманіе на діалектологическія ея особенности. По объему (6 страницъ всего) и по содержанію, статья эта, впрочемъ, имѣла очень скромный характеръ, отнюдь не претендуя на рѣшеніе какихъ-нибудь основныхъ вопросовъ акцентологіи и ограничиваясь лишь указаніемъ на важность ея изученія. Въ началѣ ея находимъ нѣсколько замѣчаній о неопредѣленности ударенія въ русскомъ языкѣ. Авторъ обращаетъ вниманіе на разногласіе акцентуаціи: *вы́года* || *выго́да*, *до́быча* || *добы́ча*, *сро́дство* || *сродство́*, *ста́рѣе* || *старѣ́е*, *про́клятъ* || *прокля́тъ*, *про́гналъ* || *прогна́лъ* и т. д. и ставитъ вопросъ, отчего разницы эти зависятъ: отъ того ли, что уклоняемся отъ Славенскаго языка, отъ вольности ли стихотворцевъ, отъ польскаго ли вліянія или отъ смѣшенія русскихъ съ инородцами. Отмѣчается, что „самые жители Россіи, въ разныхъ странахъ оя, имѣютъ разное нарѣчіе и разное удареніе словъ. Суздальцы, Новгородцы, Архангелогородцы и жители Пермской и Тобольской губерній совершенно отличаются отъ Москвитянъ въ выговорѣ и удареніи словъ; даже въ самомъ центрѣ Россіи произносятъ многія слова съ разнымъ удареніемъ“. За этими вводными замѣчаніями слѣдуетъ списокъ „однозначущихъ словъ съ разнымъ удареніемъ по выговору церковному и гражданскому“, въ родѣ: церк. *ви́сящь*, гражд. *вися́щь*, *возду́хъ—во́здухъ*, *высо́ко—высоко́*, *гла́внѣйшій—главнѣ́йшій*, *гласо́въ—гла́совъ*, *да́ры—дары́*, *добро́та—доброта́* и т. д. Авторъ полагалъ, что „если къ такому Словарю прибавить Грамматическія замѣчанія, въ какихъ словахъ правильно, и въ какихъ неправильно мы отступаемъ отъ Славенскаго, почему въ измѣненіяхъ именъ и глаголовъ переходитъ удареніе съ одного слога на другой; то это могло бы послужить самымъ легкимъ средствомъ къ тому, чтобъ исправить удареніе нѣкоторыхъ словъ и извлечь правила для нашей Прозодіи“. Въ заключеніе предлагалось Обществу „обратить на сію часть Словесности особенное свое вниманіе“, ибо „безъ правильнаго и однообразнаго ударенія въ словахъ однознаменательныхъ, не можетъ быть ни согласія въ языкѣ, ни гармоніи въ поэзіи“. Въ засѣданіи 28 окт. 1812 г., когда читалась эта записка, поручено было членамъ М. Г. Гаврилову и П. В. Побѣдоносцеву составить замѣчанія, первому относительно отступленія отъ Слав. языка, а второму объ удареніяхъ въ измѣненіи именъ и глаголовъ [1]). Замѣчанія эти, впрочемъ, повидимому, никогда и не были составлены.

Къ 1813 году относится первая у насъ печатная работа „О

---

[1]) Тамъ же, стр. 199.

личныхъ собственныхъ именахъ у Славяноруссовъ", принадлежавшая архіепископу вологодскому Евгенію Болховитинову [1]. Лингвистическимъ содержаніемъ, впрочемъ, она не богата, и большую ея часть составляетъ описаніе разныхъ обычаевъ при нареченіи имени и употребленія тѣхъ или другихъ именъ на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы у насъ въ старину. Авторъ устанавливаетъ существеннымъ признакомъ „коренныхъ, несмѣшавшихся еще съ другими народовъ" — „собственныя имена личныя, заимствованныя изъ своего природнаго языка". Подобныя имена имѣются у всѣхъ „первобытныхъ" народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ. Какъ образчики такихъ коренныхъ славянскихъ именъ, приводятся (изъ Штриттера „Memoriae populorum", т. II, стр. 5, 126) имена *Пирогостя, Межемира, Борислава, Родислава, Властемира, Прибыслава, Примыслава*, упоминаемыя византійскими и другими писателями. „Чужеязычныя именованія" появились у Славянъ только тогда, когда они стали „мѣшаться съ другими народами". Такъ, „по соединеніи Руссовъ съ Новогородскими Славянами, вошли къ нимъ Варяго-Русскія имена *Рюрика, Игоря, Олега, Осколда* и пр.". Евгеній соглашается съ тѣми, кто считаетъ германскими и имена *Владиміра* (изъ *Валдемаръ*), *Ярополка* и *Ярослава* (отъ скандин. *Ярлъ*, т. е. *старшина, правитель, предводитель, намѣстникъ*+слав. *полкъ* и *слава*), и приводитъ изъ лѣтописей (по Татищеву, Росс. Исторія, ч. I, 581) „примѣры, что Славяне и христіанскія имена слагали со Славянскими, напр. *Петромиръ, Павлославъ, Андреесвятъ, Любомарья* и пр.". Далѣе отмѣчается вліяніе христіанства, вызвавшее замѣну природныхъ именъ чужими, христіанскими, но, у сѣверныхъ народовъ, однако, особой силы не имѣвшее. Скандинавы долго сохраняли свои древнія имена, а наши князья до XV в. часто еще назывались *Рюриками, Олегами, Владимирами, Ярославами*, тогда какъ бояры и знатные люди почти до XVIII в. носили славянскія имена, въ родѣ *Ждана, Богдана, Истомы, Невѣжи, Замятни* — (придворные царя Алексѣя Михайловича). Евгеній устанавливаетъ у древнихъ славянъ употребленіе только одного личнаго имени, къ которому „иногда прибавляли отеческое съ окончаніемъ на *ичь*, такъ какъ Греки на idis" [2]. Съ прия-

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1813 г., ч. 70, № 13, іюль, стр. 16—28. Черезъ 13 лѣтъ статья эта почти буквально (съ однимъ стилистическихъ исправленіемъ, но въ тоже время съ новыми опечатками) была перепечатана авторомъ въ «Трудахъ и Запискахъ Общества Ист. и Древн. Росс», ч. III, 1826 г., стр. 65—70.

[2]) Такое отеческое имя *Василичъ* Евгеній цитируетъ изъ Кедрина подъ

тіемъ христіанства явилось три имени: первое—славянское или варяго-русское, данное при рожденіи родителями, второе—христіанское, полученное при крещеніи, и третье—отеческое: *Владиміръ, Василій Святославовичъ*. Иногда прибавлялось и четвертое имя—народное прозвище: *Владиміръ-Өеодоръ Всеволодовичъ Мономахъ*. Нѣсколько именъ имѣли только князья, бояре, посадники и другіе знатные люди, простолюдины же довольствовались однимъ—христіанскимъ, или прозвищемъ. „Для прочихъ нижнихъ чиновъ и для черни употреблялись изъ собственныхъ ихъ именъ уменьшительныя, или такъ называвшіяся полуименья, наприм. *Петряй, Ивашко, Инюта, Степанко*, и тому подобныя. Многія изъ такихъ именъ столько перепорчены, что иногда трудно отгадать ихъ начало. А отеческія имена придавались имъ окончаніемъ не на *вичъ*, а на *въ*". Прочая часть статьи занята обзоромъ разныхъ употребленій именъ, а также обычаевъ при ихъ нареченіи, и мало имѣетъ отношенія къ языку. Отмѣчаются обычаи (въ XIV—XVII вв.) давать два христіанскихъ имени: одно при рожденіи, другое при крещеніи, причемъ послѣднее тщательно скрывалось, а также—мѣнять имена уже въ зрѣломъ возрастѣ, чему приводятся примѣры и т. д. Статья Евгенія долго оставалась у насъ единственной работой, посвященной вопросу о личныхъ именахъ.

Провинціальныя ученыя и литературныя общества, возникшія незадолго передъ этимъ (см. выше, стр. 740—746) тоже интересовались грамматическими вопросами. Такъ есть извѣстіе, что въ „Общество наукъ" при Харьковскомъ университетѣ, учрежденное въ 1812 г., въ 1814 г. поступило на разсмотрѣніе сочиненіе учителя Харьковской гимназіи Любовскаго: „О правилахъ правописанія буквъ *ы* и *и*, съ присовокупленіемъ таблицы первообразныхъ словъ, въ которыхъ буква *ы* всегда употребляется" [1]. Работа эта, лишенная, конечно, какого бы то ни было научнаго характера, повидимому, не была одобрена, потому что въ „Трудахъ" общества ея не появлялось.

Казанское общество любителей отечественной словесности, кромѣ нѣсколькихъ докладовъ по модной тогда синонимикѣ русскаго языка (о нихъ скажемъ ниже въ своемъ мѣстѣ), заслушало докладъ инспектора и учителя Казанской гимназіи Н. Ибраги-

---

911 г. (по Штриттеру, «Memoria populorum», т. II, 102), недоумѣвая при этомъ, какъ подобное окончаніе на *ичъ* «зашло и къ Португальцамъ (!), у коихъ въ Исторіи упоминается *Генриковичъ* (!?) и тому подобн.».

[1]) «Труды» назв. общества, т. I (и единств.), 1817 г., стр. XV.

мова „О многознаменательности и общемъ измѣненіи словъ“, который и былъ напечатанъ въ „Трудахъ“ общества [1]). О семасіологической сторонѣ этого доклада мы скажемъ ниже при обзорѣ трудовъ по синонимикѣ, здѣсь же коснемся только фонетическихъ и морфологическихъ представленій автора доклада, учителя старшихъ классовъ по русскому языку и математикѣ [2]). На измѣненія внѣшней формы слова, происходящія „по продолженію поколѣній, по размноженію племенъ, и по степени образованности“ народа, авторъ смотритъ такъ: „а) реченія измѣняются въ составѣ буквъ: богъ, бигъ (очевидно, малорусск.), бугъ (очевидно, польск.) бусацъ (?); ноздри, низдры (малор. ?), носове джеры (? польск. ?), дирки до носу; азъ, язъ, я; кіиждо, каждый (очевидно, авторъ полагаетъ, что здѣсь *і* перешло въ *а*!); студъ, стыдъ; усерѣзь, серга; яремъ, ярмо; здо. зидъ. Вообще вводятся новыя буквы (наприм. ё), по крайней мѣрѣ слоги (хоро*шо*, у*жо*), или напротивъ выходятъ изъ употребленія прежнія. б) Реченія замѣняются другими: око, глазъ; котва, якорь; десный, правый; куръ, пѣтухъ, кочетъ. Особливо вводятся новыя реченія для новыхъ понятій, или напротивъ выходятъ изъ употребленія и совершенно забываются прежнія: седмица, креситн, бавлю, изу, стру... г) Реченія измѣняются и въ составѣ, и въ знаменованіи: теперво, топрвіе (?), *(только лишь)*, въ нашемъ языкѣ теперь *(нынѣ, въ настоящее время)*“ (стр. 123—24, примѣч.). Фонетическія измѣненія и чередованія представляются автору въ слѣдующемъ видѣ: „Перемѣна буквъ и складовъ для произведенія и сложенія реченій обыкновенно бываетъ въ концѣ (иногда въ началѣ) первообразныхъ и простыхъ словъ, и состоитъ большею частію въ приращеніи складовъ; слѣдовательно характеръ корня надлежитъ узнавать всегда въ предконечныхъ согласныхъ заимственныхъ (такъ!) отъ него словъ, наприм. коренного слова *мру* согласныя *м-р* находятся во всѣхъ заимствованныхъ отъ него словахъ: *мор*ю, у*мир*аю, с*мер*ть, безс*мер*тный, у*мер*твить“ (стр. 126). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ говоритъ о свойственной „Славено-Россійскому“ языку и „другимъ сроднымъ ему нарѣчіямъ“ „перестановкѣ коренныхъ согласныхъ“, которую видитъ въ слѣдующихъ случаяхъ: „*два* (дворый, творый) *вторый*,

---

[1]) „Труды Каз. общества любителей отечественной словесности“. Книга первая. Казань, въ Университ. типографіи, 1815, стр. 120—130 (выпущена въ концѣ 1817 г.).

[2]) См. Списокъ членовъ общества въ началѣ 1817 г. «Труды» общества, ч. I, «Торжество общества», стр. 109 и т. д.

длань ладонь, цѣлю (чѣлю) лѣчу, цѣлебный лѣчебный, печаль плачь, вѣно невѣста, холмъ (holm) *могила, творогъ ватрушка, мракъ хмара* (малорос. *туча*). *постилаю полсть, валяю войлокъ, зябну зноблю* (ср. выше, стр. 655 и прим.), *медвѣдь* малорос. *вѣдмедь, медлю меледа, снадобье снабдѣваю, прощеголять прощелыга, жеребая бережая, трезвый тверезый*. Но здѣсь особенно надлежитъ строго держаться близости смысла, и мало уважать наружное сходство въ составѣ буквъ, которыхъ какъ стихій или частей слова нераздѣльныхъ во всѣхъ языкахъ не много; равно и коренныя согласныя, наприм. упомянутыя *м-р* могутъ находиться въ разныхъ коренныхъ словахъ *міръ, морс, мѣра*" (стр. 126—27, прим.).

Ибрагимовъ не прочь и отъ этимологизацій въ обычномъ вкусѣ того времени; *нетопырь* онъ производитъ отъ *нѣтъ* и *перо, пращуръ*—отъ *про* и *чуръ; законъ, искони, князь* (съ ?, впрочемъ)—отъ *конь: струя, стрѣла, стремя* (strom), *быстрый, острый, островъ*—отъ *стру;* богъ, гр. θεος, нѣм. Gott отъ бѣгу, θειν, gehen (вслѣдъ за Ломоносовымъ: „Риторика"), *медвѣдь* и *человѣкъ* дѣлитъ: *мед-вѣдъ, чело-вѣкъ* (понимая, вѣроятно, *чело*=лобъ, *вѣкъ*= промежутокъ времени, жизнь) и т. д.

Въ вопросѣ о слогѣ, неологизмахъ и варваризмахъ онъ является представителемъ умѣренныхъ взглядовъ и находитъ, что новизны, въ родѣ *промышленность*—industrie, *уставъ*—systema, *на обумъ* ex promtu (!), „вводятся въ употребленіе общимъ согласіемъ, иначе останутся примѣрами неудачныхъ порывовъ любви къ отечественному языку и смѣшнаго умничанья: *egoïste—соба, horizon—глазоемъ*; по крайней мѣрѣ не должно при семъ раболѣпствовать чуждымъ особенностямъ; *revolution переворотъ, antirevolution противопереворотъ, civilisation гражданственность, literature письменность, analogia возсловіе!*" (стр. 129).

Въ 1815 году явились также „Правила о употребленіи въ письмѣ буквы *ѣ*, съ присовокупленіемъ полной, азбучнымъ порядкомъ расположенной, росписи всѣмъ словамъ, съ сею буквою пишемымъ въ слогахъ, никакимъ перемѣнамъ неподверженныхъ, также всѣмъ глаголамъ, кончащимся въ неокончательномъ наклоненіи на *ть* съ предыдущею буквою *ѣ*, собранныя И. С. (Соколовымъ). Санктпетербургъ. При Имп. акад. н. 1815. Печатано по опредѣленію Имп. Росс. академіи". Правила эти, обычнаго школьно-грамматическаго типа, представляли немало ошибокъ и непослѣдовательностей, которыя вызвали замѣчанія на нихъ члена Росс. академіи И. И. Мартынова, присланныя имъ президенту академіи Шишкову 20 янв. 1816 г. Замѣчанія Мартынова, напи-

санныя въ общемъ очень сдержанно, по доводамъ и общему характеру тоже не имѣли научнаго значенія и прибѣгали больше къ свидѣтельствамъ здраваго смысла и общей логики, чѣмъ къ научнымъ фактамъ и доказательствамъ. Упрекая составителя правилъ, что онъ „несовсѣмъ удачно выполнилъ" свое „похвальное намѣреніе", Мартыновъ по временамъ самъ впадалъ въ такія же ошибки, свидѣтельствовавшія объ отсутствіи у него не только солидныхъ научныхъ знаній, но подчасъ даже обыкновеннаго знанія родного языка. Такъ онъ упрекалъ составителя правилъ, за то что тотъ совѣтовалъ писать *предметъ* вм. *предмѣтъ*, *шалѣть* (Мартыновъ смѣшалъ это съ *шалить*), *вѣкша*, вм. *векша*, за приведеніе въ спискѣ формы *звѣрокъ*, вм. *звѣрекъ* и т. д. Рядомъ, впрочемъ, Мартыновъ отмѣтилъ рядъ несомнѣнно грубыхъ ошибокъ составителя, рекомендовавшаго писать *бѣлена*, *вовсѣ* (вм. вовсе), *втунѣ*, *дебѣлѣть*, *золотошвѣйка*; *лѣстный* (отъ *лесть*), *мелѣть*, рядомъ съ *мѣлкій*, *неизрѣченный*, *орудѣнить*, *остолбѣнѣть*, *отбѣздѣловать*, *прерѣканіе* и т. д. [1]). Замѣчанія Мартынова подняли цѣлую бурю въ академіи, съ Шишковымъ во главѣ. Выраженіе его, что похвальное намѣреніе академіи „выполнено не совсѣмъ удачно", было признано въ высшей степени оскорбительнымъ и непристойнымъ. Шишковъ написалъ рѣзкое возраженіе, которое, вмѣстѣ съ самими замѣчаніями Мартынова, было препровождено къ министру народнаго просвѣщенія. Въ возраженіи говорилось: „членъ академіи, потому что онъ служитъ въ канцеляріи министра просвѣщенія считаетъ себя *обязаннымъ по службѣ* [2]) воспретить академіи въ словахъ *бѣлена*, *апрѣль* и пр. писать букву *ѣ*! Но почему же ни министра своего, ни президента академіи, ни членовъ ея, между коими многіе находятся, и службою, и саномъ, и познаніями несравненно превосходнѣйшіе его, не почитаетъ онъ *обязанными по службѣ*"... Дальше говорилось, что академія съ удовольствіемъ принимаетъ отъ членовъ своихъ и даже постороннихъ „всякаго рода разсужденія о языкѣ и словесности", но не желаетъ выслушивать одобрительныхъ или неодобрительныхъ сужденій о ея дѣйствіяхъ и изданіяхъ. „Таковыя изреченія отъ члена своего: *намѣреніе похвально, но по мнѣнію*

---

[1]) Замѣчанія Мартынова напечатаны у Сухомлинова: „Исторія Росс. Академіи", вып. VII. 1885, стр. 291—300.

[2]) Въ своихъ замѣчаніяхъ Мартыновъ говорилъ, что «какъ членъ академіи, и какъ обязанный по службѣ предварять распространеніе въ публикѣ сочиненій, могущихъ быть руководствомъ къ заблужденію», считаетъ себя въ правѣ высказать свое мнѣніе о книгѣ и послѣ ея напечатанія, тѣмъ болѣе, что не участвовалъ въ собраніи, рѣшившемъ издать ее. Тамъ же, стр. 291.

моему не совсѣмъ удачно выполнено почитаетъ она преступающими предѣлы должной вѣжливости и пристойности" [1]). Имѣлъ ли этотъ случай какія нибудь послѣдствія для Мартынова, мы не знаемъ, но онъ не лишенъ интереса, свидѣтельствуя краснорѣчиво, къ какимъ послѣдствіямъ могла въ тѣ времена приводить у насъ ученая критика даже въ области грамматики.

Между тѣмъ разсужденія Болдырева о формахъ русскаго глагола, казавшіяся нашимъ тогдашнимъ читателямъ ихъ совершенной новизной, вызвали анонимныя „Замѣчанія на новую Теорію Русскихъ глаголовъ", присланныя изъ Петербурга въ Общество Люб. Росс. Слов. въ концѣ 1815 г. и читанныя въ засѣданіи его 3 дек. Возраженіе это было отдано Болдыреву для „соображеній и замѣчаній", а 29 января 1816 г. въ засѣданіи общества онъ уже читалъ свой отвѣтъ на него [2]). Въ томъ же 1816 г. и „Замѣчанія", и отвѣтъ Болдырева были напечатаны рядомъ въ „Трудахъ" общества [3]).

Возраженія неизвѣстнаго автора противъ теоріи Болдырева не были серьезны. Самъ авторъ ихъ относилъ Болдыревское „Разсужденіе о Русскихъ глаголахъ" къ числу „многихъ прекрасныхъ сочиненій и переводовъ" Общества и признавалъ „неимовѣрную" трудность грамматическихъ изслѣдованій, требующихъ многихъ наблюденій и размышленій. Имъ руководило только „благородное желаніе достигнуть истины" и получить „поясненія на новую теорію" глаголовъ". Прежде всего оппонентъ Болдырева обращалъ вниманіе на то, что „подобную же мысль имѣлъ нѣмецкій ученый Фатеръ, издатель Русской грамматики", и, стало быть, идеи Болдырева не принадлежатъ ему вполнѣ. О степени серьезности самихъ возраженій свидѣтельствуетъ, напр., признаніе анонимнымъ ихъ авторомъ четырехъ временъ въ неопред. наклоненіяхъ: *дуть*—настоящее, *сдуть*—прошедшее, *дунуть*—будущее, *дувать*—греч. аористъ (!!). Времена изъявительнаго наклоненія онъ производитъ отъ неопредѣленнаго наклоненія (стр. 104) и возражаетъ противъ опредѣленія Болдырева, что *колоть* есть глаголъ первоначальный, а *кольнуть* — производный. Нашъ критикъ думаетъ, что скорѣе слѣдуетъ сказать наоборотъ („чтобъ колоть нѣсколько разъ, должно кольнуть одинъ разъ"), и между данными глаголами

---

[1]) Тамъ же, стр. 300.

[2]) См. Труды Общ. Люб. Росс. Слов. часть VIII. 1817 г. Лѣтописи, стр. 7 и 21. Препроводительное письмо автора «Замѣчаній» помѣчено 6 ноября. См. Труды, ч. VI, 1816 г., стр. 102.

[3]) Часть VI, 1816 г., стр. 101—111 и 112—130.

такая же разница, какъ между лат. pungere и puncturum esse, которое, однако, никто не производитъ отъ puncturare. Раздѣленіе глаголовъ на пять классовъ ему кажется сомнительнымъ, и въ глаголахъ *хлопать—хлопнуть, дерзать—дерзнуть, рубить—срубить* онъ видитъ „такую же постепенность дѣйствія", какъ въ степеняхъ „уравненія": *бѣлъ, бѣленекъ, бѣлехонекъ*. Далѣе отстанвается Ломоносовское изобиліе временъ, имѣющееся еще только въ греческомъ; глаголы *ложиться* и *становиться* называются не возвратными, а общими, потому что нѣтъ будто бы дѣйствит. глаголовъ *ложить* и *становить*; обращается вниманіе, что Ломоносовъ „не слегка написалъ правила для языка своего, какъ Фатеръ или Модрю", а трудился надъ ними всю свою жизнь; нашъ критикъ не хочетъ также согласиться съ Болдыревымъ, что формы *толкну, построю, поднесу* суть формы настоящ. времени. По его словамъ *провожу дни* (наст.) и *провожу тебя въ городъ* — два разные глагола: первый происходитъ отъ *веду* или *провожу*, а другой отъ *провожаю*. Замѣчаніе Болдырева, что *есмь* по корню ничего общаго не имѣетъ съ *быть*, прямо не понятно его оппонентомъ, который упрекаетъ его въ томъ, что онъ производитъ *есмь* отъ малорусск. „*будть*".

Разумѣется, отразить подобныя возраженія не составило ни малѣйшаго труда Болдыреву, разбивающему своего противника и освѣщающему его недомысліе по пунктамъ. Наиболѣе интереснымъ въ отвѣтѣ Болдырева является указаніе на отношеніе его теоріи къ идеямъ Фатера. Болдыревъ устанавливаетъ свою независимость отъ нѣмецкаго ученаго: „въ бытность мою въ Германіи, Г. Фатеръ, трудясь надъ сочиненіемъ Русской Грамматики, очень часто относился ко мнѣ письменно и просилъ меня разрѣшить многія трудности, которыя встрѣчались ему вообще въ нашей Грамматикѣ, и особливо въ разсужденіи глаголовъ. Я предлагалъ ему свои мнѣнія; и признаюсь, что переписка моя съ нимъ заставила меня обратить особенное вниманіе мое на глаголы. Я тогда же написалъ разсужденіе объ этомъ, и прежде нежели появилась Фатерова грамматика (1808 г.), имѣлъ щастіе представить оное Ея Имп. Высочеству Вел. Княгинѣ Маріи Павловнѣ въ Веймарѣ [1]). И такъ, есть ли находится какое нибудь сходство въ моей теоріи глаголовъ съ Грамматикою Г. Фатера, то это могло произойти или отъ моей переписки съ нимъ, или еще болѣе отъ того, что мы оба, стараясь открыть истину, открыли ее въ одно время". По словамъ Болдырева, онъ не видалъ грамматики Фатера. Мы не имѣемъ

[1]) Разсужденіе это, конечно, врядъ ли сохранилось.

никакого основанія не довѣрять правдивости этихъ словъ и во всякомъ случаѣ должны признать, что новая теорія русскаго глагола столько же принадлежитъ Болдыреву, вполнѣ самостоятельно и прекрасно доказавшему ея вѣрность и преимущество передъ старой въ своихъ двухъ разсужденіяхъ, сколько и его предшественникамъ Фатеру и Тание, у которыхъ мы несомнѣнно не найдемъ такого тонкаго и блестящаго по тогдашнему анализа русскихъ глагольныхъ формъ съ морфологической и семасіологической стороны, какой даетъ Болдыревъ въ своихъ статьяхъ.

Споръ Болдырева съ неизвѣстнымъ критикомъ его теоріи интересовалъ не только самихъ спорящихъ. „Вѣстникъ Европы", сообщая о чтеніи Болдыревскаго отвѣта „на письмо неизвѣстной особы, предложившей свои возраженія на его новую систему спряженія", писалъ: „послѣ прилежныхъ соображеній, мысль господина Болдырева покажется гораздо важнѣе, нежели какою иные себѣ ее представляютъ. Правда, что новая система его требуетъ еще долговременныхъ изысканій, чтобы явиться совсѣмъ оконченною; но по крайней мѣрѣ г. Болдыревъ открылъ, что наши сочинители Грамматикъ ошибались, принимая многія времена и смѣшивая разные глаголы въ спряженіи одного и того же примѣра" [1]).

Престарѣлый Капнистъ выразилъ свое сочувствіе системѣ Болдырева особымъ письмомъ, читаннымъ въ засѣданіи Общества Люб. Росс. Слов. 10 апр. 1817. Онъ писалъ: „Мнѣніе почтеннаго Г-на Болдырева о глаголахъ, неосновательно оспариваемое защитникомъ весьма неисправной Академической Грамматики, почти совершенно согласно съ моими мыслями, уже болѣе 20 лѣтъ бродящими въ головѣ моей. Пріятно было мнѣ остепенить оныя благоразсудительными умозаключеніями почтеннаго Г-на Болдырева. Нужно, кажется, составить Русскую Грамматику на собственныхъ нашего языка, а не какого либо чужеземнаго, правилахъ основанную" [2]).

Такимъ образомъ сочувствіе по крайней мѣрѣ извѣстной части нашего образованнаго общества, въ тѣ времена больше интересовавшагося грамматическими вопросами, чѣмъ нынѣ, было на сторонѣ Болдырева, и побѣда его взглядовъ являлась только вопросомъ времени.

Въ 1816 же году Россійская академія, „обращаясь ко всѣмъ любителямъ языка своего и Словесности", предложила „къ разрѣшенію слѣдующія заданія или вопросы: „Заданіе I. О предло-

---

[1]) Часть 85, 1816 г., стр. 149.

[2]) «Труды» Общества, ч. VIII, стр. 184.

гахъ. II. Общія свойства предлоговъ. О силѣ и значеніи предлоговъ (безъ, вы, изъ)". Въ той же книжкѣ академическихъ „Извѣстій", въ которой эти „заданія" были объявлены, непосредственно за ними напечатаны были статьи Шишкова, служившія не то образчиками, какъ надо „разрѣшать" „заданія", не то прямо уже отвѣтами на нихъ [1]). Мы встрѣчаемъ здѣсь обычныя для Шишкова разсужденія о корняхъ словъ и ихъ вѣтвяхъ, образуемыхъ при помощи окончаній, предлоговъ и измѣненій самого корня. Такъ отъ „корня" *бит* при помощи окончаній *ь, ый, ъ, ва* получаются формы *бить, битый, битъ, битва,* а при помощи предлоговъ — *вбить, прибить, отбить, разбить, убить* и пр.; *вбитый, прибитый, отбитый* и т. д.; *вбитъ, забитъ, набитъ,* и т. п. Отбросивъ отъ корня *бит* „букву *т*, и употребляя тѣжъ средства, т. е. перемѣняя окончанія и приставляя предлоги", умъ человѣческій „сдѣлалъ слова": *билъ, били, убилъ, убили, біеніе, убійство, убійца* и т. д., гдѣ вездѣ имѣется только корень *би*. „Но и сего примѣненія" уму человѣческому показалось „мало: для того измѣняя еще болѣе корень, т. е. отнявъ отъ него и другую букву *и*, и оставя только начальную *б*, произвелъ онъ слова: *бью, бьешь, бьетъ, бьемъ, бьете, бьютъ*; *прибью, прибьешь, убью, убьешь,* а также: *бой, прибой, пробой, отбой, убой, подбой* и пр." (стр. 2—4). Относительно предлоговъ находимъ безсодержательныя и наивныя выраженія удивленія тому, „что человѣкъ изобрѣтеніемъ толь малочисленныхъ и краткихъ частицъ... могъ получить такую удобность объяснять и разнообразить свои мысли! Сколько новыхъ понятій произвелъ онъ помощію предлоговъ! Какъ обогатилъ слово!" Если отнять ихъ, весь языкъ „оскудѣетъ, разрушится". Безъ нихъ, наивно утверждаетъ Шишковъ, были бы только простые глаголы *ять* или *стать*, и не было бы сложныхъ: *взять, занять, нанять, отнять* и т. д., или *достать, застать, настать, отстать* и т. п. Сами предлоги опредѣляются, какъ части рѣчи, „которыя сами по себѣ, отдѣльно отъ имени, не имѣютъ существеннаго значенія, т. е. не показываютъ никакого опредѣленнаго предмета", но зато у нихъ есть „нѣкоторое, свое собственное значеніе, независимое отъ имени, къ которому прилагаются", а именно они „означаютъ обстоятельство многимъ вещамъ общее". Такъ предлогъ *на* „означаетъ верхъ... вещи, какая-бъ она ни была. Равнымъ образомъ предлоги: *въ, за, подъ*, означаютъ: одинъ *внутренность*, другой *сторону* или *бокъ*, третій *низъ* всякой вещи". Значеніе это Шишковъ называетъ *отно-*

---

[1]) «Извѣстія Росс. академіи», кн. 2, 1816 г., стр. 1—29.

сительнымъ, „поелику оно относится къ нѣкоторому обстоятельству той вещи, о которой упомянется“. У всѣхъ словъ предлогъ „непремѣнно показываетъ тожъ самое значеніе, какое и при другихъ словахъ, хотя бы сіе и сокрывалось отъ нашего понятія“, ибо умъ человѣческій „не могъ составлять слова такъ, чтобъ одинъ и тотъ же предлогъ имѣлъ при одномъ словѣ такое относительное значеніе, а при другомъ другое“ (стр. 5—8). Въ заключеніе первой статьи Шишковъ высказываетъ увѣренность, что „изслѣдованіе и объясненіе предлоговъ“ должно принести „новыя и полезныя откровенія, могущія послужить къ основанію грамматическихъ правилъ“. Поэтому и Россійская академія „желаетъ, чтобъ предлоги, яко важныя въ составѣ языка орудія, разсмотрѣны и разобраны были, дабы въ каждомъ изъ нихъ видѣть, какое общее понятіе предназначенъ онъ изъявлять, и какую согласно съ симъ понятіемъ, отдѣльно и въ соединеніи съ именами и глаголами, сообщаетъ онъ имъ перемѣну, значеніе, силу и важность. Для образца тому“ прилагались опыты разсужденія о предлогахъ *безъ*, *вы*, *изъ*. Желающіе „потрудиться надъ разсмотрѣніемъ прочихъ предлоговъ, или же и о сихъ самыхъ (т. е. *безъ*, *вы*, *изъ*) распространить примѣчанія свои“, приглашались „сообщать труды свои въ Академію для помѣщенія въ ея Извѣстіяхъ“ (стр. 8—9).

„Общія свойства предлоговъ“ Шишковъ видѣлъ въ томъ, что присоединеніе ихъ къ глаголамъ, означающимъ „единократное“ и „неокончательное“ дѣйствіе, превращаетъ это послѣднее въ „окончательное“ или „совершившееся“: *пить*, но *выпить*, *запить*, *пропить* и т. д., *просить*, но *выпросить*, *упросить* и т. п. Другое общее свойство предлоговъ заключается, по мнѣнію нашего корнеслова, въ томъ, что они „позволяютъ (!) иногда приставляемымъ къ нимъ словамъ такъ сокращаться (!), что безъ нихъ не могутъ онѣ оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ бываютъ соединенныя съ ними“. Такъ, отъ глаголовъ *несу*, *жгу*, *сосу* невозможны имена существ. *носъ*, *жига*, *сосъ*, тогда какъ эти же имена съ предлогами „получаютъ опредѣленный смыслъ и становятся употребительными: *выносъ*, *выжига*, *насосъ*“ и т. д. (стр. 10—11).

Разумѣется, наука ничего не выигрывала отъ такой доморощенной грамматики, разсуждавшей не на основаніи точныхъ фактовъ и законовъ, а „отъ ума своего“. Такъ же безплодны были и присоединенныя разсужденія „о силѣ и значеніи предлоговъ“ *безъ*, *вы*, *изъ*, въ которыхъ мѣстами чувствуется даже тупость природнаго, естественнаго чутья языка. Такъ Шишковъ совершенно приравниваетъ другъ другу формы *неденежный* и *безде-*

нежный, неснѣжный и *безснѣжный*, утверждая, что между выраженіями: *человѣкъ неденежный* и *человѣкъ безденежный, зима неснѣжная* и *безснѣжная* нѣтъ разницы (стр. 15). Для подобныхъ разсужденій, очевидно, не требовалось никакихъ особыхъ научныхъ знаній или запаса фактовъ. Добрая воля, ходячій „здравый смыслъ" и нѣкоторый досугъ—замѣняли все и, разумѣется, оказывались безсильными и безплодными...

Ничего замѣчательнаго по содержанію не представлялъ собой довольно обширный „Опытъ о порядкѣ словъ" И. И. Давыдова, читавшійся въ засѣданіяхъ Московскаго Общества Люб. Росс. Сл. (29 апрѣля, 25 ноября 1816 г. и 24 февр. 1817) [1]), и печатавшійся въ теченіе ряда лѣтъ въ „Трудахъ" общества [2]). Авторъ, конечно, не могъ да и не хотѣлъ выбиться изъ условныхъ рамокъ тогдашняго школьнаго синтаксиса, отдавая въ тоже время щедрую дань риторической шумихѣ въ отношеніи внѣшней формы своего разсужденія. Историческій интересъ имѣетъ только сама тема разсужденія, являющагося первымъ у насъ образчикомъ отдѣльной монографіи по одному изъ синтактическихъ вопросовъ, притомъ дотолѣ ни разу не подымавшемуся. Если отбросить безсодержательныя риторическія фразы, которыми уснащено все разсужденіе Давыдова, то основныя положенія его окажутся весьма элементарными и немногочисленными. „Всякой языкъ долженъ имѣть свой порядокъ словъ", правила котораго надо извлекать изъ „употребленія и лучшихъ Писателей". Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ: „1) ставить лицо прежде дѣйствія и предмета; 2) слова не столько опредѣлительныя впереди словъ опредѣлительныхъ; 3) въ сложныхъ предложеніяхъ слова и члены управляемые возлѣ управляющихъ (ч. V, ст. 114—115); 4) въ вопросахъ и въ повелительномъ наклоненіи именительный или звательный падежъ слѣдуетъ за глаголомъ; также иногда въ предложеніяхъ, которые начинаются союзами: *когда, если*; 5) при глаголѣ, управляющемъ двумя падежами, позади ставится тотъ, который показываетъ предметъ дѣйствія глагола, будетъ ли предъ нимъ дательный, или другой какой либо... 6) предметъ лица или сказуемое тогда только ставится прежде, когда подлежащее имѣетъ вставочное предложеніе" (стр. 121) и т. д. Въ этомъ родѣ и остальныя „правила" Давыдова, изложенныя столь же догматично и голословно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тотъ или другой порядокъ

[1]) См. „Труды" Общества, ч. VIII, 1817 г., стр. 68, 109 и 168.
[2]) Часть V, 1816 г., стр. 113—127; ч. VII, 1817 г., стр. 80—93; ч. IX 1817 г., стр. 47—61; ч. XIV, 1819 г., стр. 5—27.

словъ объясняется требованіями логики: „мысли зависятъ и рождаются одна за другой: также и слова должны находиться въ связи одно съ другимъ. И такъ хотя наставленія Логики и неріятны для иныхъ; однако послѣдуемъ за ними для пользы языка своего" (стр. 120), или, въ другомъ мѣстѣ: „Всякое предложеніе, какъ и цѣлое сочиненіе, имѣетъ начало, средину и конецъ, или предметъ, дѣйствіе его и намѣреніе. Надо прежде существовать, чтобъ дѣйствовать; разумъ постепенно переходитъ отъ одного понятія къ другому. Отсюда правило: ставить прежде всего лице, или вещь, потомъ дѣйствія ихъ, и наконецъ предметъ дѣйствія" (ч. VII, стр. 81) и т. д. Изложивъ въ этомъ вкусѣ въ первыхъ двухъ статьяхъ (Части V и VII) „замѣчанія о порядкѣ словъ *простомъ*, который предписывается самимъ разсудкомъ" (ч. VII, стр. 93), Давыдовъ посвящаетъ предпослѣднюю главу (ч. IX) „порядку *украшенному*", который основывается „на пламенномъ воображеніи" и „движеніяхъ сердца" (ч. IX, стр. 47 и 60), а послѣднюю (ч. XIV) „порядку естественному и самому простому, сходному съ первыми движеніями души человѣческой" (стр. 5). Историческаго освѣщенія разсматриваемыхъ отношеній, конечно, нѣтъ и въ поминѣ. Сравненіе съ другими языками очень рѣдко и ограничивается лишь латинскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ („языкъ нашъ въ порядкѣ словъ сходенъ съ языкомъ философскимъ—Англійскимъ", ч. V, стр. 116). Отмѣчается также сходство славянскаго порядка словъ съ греческимъ въ церковныхъ книгахъ, перевед. съ греческаго (тамъ же, стр. 117): „сіи книги всегда составляли главное чтеніе предковъ нашихъ, и отъ того вѣроятно свойство Греческаго языка стало свойствомъ Рускаго". Изъ грамматическихъ и риторическихъ авторитетовъ цитируются: Діонисій Галикарнасскій, Квинтиліанъ, Цицеронъ, Блеръ, Вольтеръ. Заслуживаетъ вниманія довольно рѣзкая выходка противъ „ложныхъ и суевѣрныхъ почитателей всякой старины", которые могутъ счесть святотатствомъ ссылки автора на новѣйшихъ писателей" и полагаютъ древній „Славянской языкъ" корнемъ и началомъ „Россійскаго языка" (авторъ очевидно мѣтитъ въ Шишкова съ братіей). По словамъ Давыдова, сами защитники и поборники этого языка и искореняютъ „сей корень": „Будто разбрасывать кой-гдѣ Славянскія слова значитъ любить Славянскій языкъ! Напротивъ — это показываетъ страшную ненависть къ нему" (ч. V, стр, 125). „Естественный порядокъ" словъ авторъ ищетъ въ „*законахъ мыслей нашихъ, въ законахъ наблюденій разума и движеній сердца*; потому что языкъ есть выраженіе ума, образъ души" (ч. XIV, стр. 7). По его словамъ, „естествен-

ное расположеніе понятій не согласно съ ораторскимъ и совершенно противно порядку логическому", какъ это и „должно быть по ходу и развитію человѣческихъ способностей". Первые ораторы и поэты „не любили правильнаго расположенія словъ; потому что оно производитъ ясность", а имъ нужно было прежде всего „произвести удовольствіе и удивленіе... *Первое понятіе, а съ нимъ и слово должно быть то, которое въ порядкѣ понятій прежде другихъ представляется въ умѣ, понятіе начальное, отъ котораго всѣ прочія происходятъ*" (стр. 7—8). Такимъ словомъ должно быть подлежащее: „*первый предметъ, опредѣляемый дѣйствіемъ, будетъ первымъ понятіемъ—съ него начинается Естественный порядокъ словъ; за нимъ слѣдуетъ дѣйствіе и потомъ уже предметъ дѣйствующій*" и т. д. (стр. 17). Разсужденіе заключается доказательствомъ положенія, что опредѣленный порядокъ словъ долженъ имѣть благотворное вліяніе „на развитіе способностей ума человѣческаго" (стр. 18), пріучая его къ порядку мыслей, отъ расположенія которыхъ „зависитъ и расположеніе воли и нравственныхъ поступковъ" (стр. 28).

Извѣстное отношеніе къ языку имѣетъ „Отвѣтъ на Греческую и Рускую Просодію" того же автора (тамъ же, ч. XI, 1818 г., стр. 71—86), въ которомъ онъ исходитъ изъ положенія, что „буквы наши и звуки языка, какъ извѣстно, почти всѣ Греческія, столько пріятныя, какъ утверждаютъ ученые" (стр. 72). По словамъ Давыдова, „произношеніе сихъ буквъ подобно произношенію Греческому: звукъ *а* требуетъ самаго большого отверстія—и потому (!) онъ самой долгой. За нимъ постепенное уменьшеніе отверстія слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: *ы*, *о*, *у*, *и* и *е* (?!), самой короткой звукъ" (стр. 73). Въ связи съ этими основными положеніями доказывается, что и русскій языкъ, подобно греческому, имѣетъ долгіе и краткіе слоги, причемъ первые „большею частію состоятъ изъ гласныхъ *а*, *ы*, *о*, и дифтонговъ *я* (ıа), ıо", а вторые „изъ *у*, *и*, *е*, и дифтонговъ *ю* (ıу), *ѣ* (ıе), изъ нихъ *о* и *и*, чаще другихъ перемѣняютъ свойство свое и бываютъ то долгими, то короткими" и т. д. (стр. 76). Отсюда слѣдуетъ выводъ, что рускому языку должны быть свойственны всѣ особенности древней просодіи, въ томъ числѣ и стопы изъ однихъ долгихъ слоговъ, спондей и молоссъ.

Грамматическіе вопросы интересовали у насъ въ то время даже такихъ далекихъ отъ научныхъ занятій лицъ, какъ кн. П. И. Шаликовъ, читавшій въ Обществѣ Люб. Росс. Слов. (30 марта 1818 г.) докладъ „Объ уравнительныхъ степеняхъ въ Рускомъ языкѣ" (ч. XII,

1818 г., стр. 39, 42—46). Русская грамматика представляется автору богиней Изидой, съ которой никто не могъ снять покрывала. Какъ объяснить, напримѣръ, употребленіе ед. числа въ выраженіяхъ, въ родѣ *два корабля, два человѣка*, въ которыхъ имени существительному слѣдовало бы стоять во множ. числѣ. Какъ объяснить „иностранцу различіе въ выраженіяхъ: *послать, прислать* и т. д.". Въ своей статьѣ Шаликовъ обращаетъ вниманіе на неправильное, по его мнѣнію, употребленіе сравнит. степени нарѣчій, вмѣсто сравнит. степени прилагательныхъ, въ выраженіяхъ въ родѣ: „я не видалъ мѣстъ красивѣе", вмѣсто болѣе де правильнаго: „я не видалъ мѣстъ красивѣйшихъ" и т. д. Статейка Шаликова кончается жалобой: „въ то время, когда всѣ Европейскіе языки очищены, обработаны, установлены,—мы не имѣемъ вовсе философической Грамматики, не сладимъ до сихъ поръ съ своими глаголами, начинаемъ Грамматическіе термины свои находить, по всей справедливости, варварскими, безсмысленными, и даже говоримъ—и можетъ быть столь же справедливо— что у насъ нѣтъ еще и азбуки совершенной" (стр. 45). Авторъ полагаетъ, что успѣхи нашихъ писателей, въ произведеніяхъ которыхъ указанные „недостатки" почти или совсѣмъ не примѣтны, были бы неимовѣрны, если бы они писали на языкѣ, уже вполнѣ готовомъ, не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній (стр. 46).

Разсмотрѣнію значенія предлоговъ посвященъ докладъ С. Г. Саларева „О силѣ предлоговъ въ значеніи словъ", читанный въ засѣданіи того же общества 26-го янв. 1818 г. [1]) и напечатанный въ томъ же году въ „Трудахъ" общества [2]). Содержаніе его, конечно, весьма элементарно и сводится къ опредѣленіямъ, въ родѣ „*подъ* означаетъ дѣйствіе *внизу*, подъ какою-нибудь вещію, *надъ*—*вверху*, *предъ*—*впереди. Надпись, надрѣзать, подписать, предводить, предтеча*, и т. п." (стр. 27). Наивны заключительныя разсужденія автора о невозможности соединенія нѣкоторыхъ предлоговъ съ извѣстными глаголами. Напр., нельзя образовать глаголовъ *разузить* и *сширить*, „ибо тѣло, дѣлаясь у́же, уменьшается, а предлогъ *разъ* показываетъ *расширеніе;* такъ равно и расширяемая вещь увеличивается, а предлогъ *съ* означаетъ уменьшеніе въ окружности или дѣйствіе отъ поверхности къ средоточію" (стр. 33).

Несмотря на свою наивность и элементарность, подобныя разсужденія свидѣтельствовали о наличности грамматическихъ инте-

[1]) См. «Труды» общества, ч. XII, 1818 г., стр. 20.

[2]) Тамъ же, стр. 24—33.

ресовъ въ нашемъ образованномъ обществѣ, объ извѣстныхъ запросахъ его, которымъ они отвѣчали и которыхъ школьныя грамматики наши, охарактеризованныя выше, совсѣмъ не удовлетворяли. Востоковъ, занимавшійся въ это время грамматическими изысканіями и обѣщавшій въ благодарственномъ письмѣ своемъ къ Предсѣдателю Московскаго Общ. Люб. Росс. Сл. [1]) выпустить въ скоромъ времени грамматику церковно-славянскаго и русскаго языковъ по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ, могъ осуществить это обѣщаніе лишь много лѣтъ спустя. Понятно, что за неимѣніемъ лучшаго, приходилось довольствоваться и грамматическими упражненіями „Любителей Росс. Словесности", которыя все же поддерживали интересъ къ извѣстнымъ вопросамъ грамматики и стилистики и давали на нихъ посильные отвѣты.

Къ разсмотрѣннымъ выше статьямъ этого рода въ 1819 г. прибавилось пространное письмо Николая Кошанскаго къ предсѣдателю общества, озаглавленное „О рускомъ синтаксисѣ" и содержавшее въ себѣ критическій разборъ отдѣла о синтаксисѣ въ третьемъ изданіи грамматики Россійской Академіи, вышедшемъ какъ разъ въ этомъ же году [2]). Авторъ сначала намѣревался представить свои собственныя мысли о русскомъ синтаксисѣ, но выходъ въ свѣтъ новаго изданія академической грамматики заставилъ его видоизмѣнить характеръ своей работы и придать ей критическій оттѣнокъ. Разборъ Кошанскаго не безъ остроумія и язвительности отмѣчаетъ рядъ ошибокъ, неточностей и промаховъ академическаго изданія. Не выходя изъ рамокъ школьной грамматики, авторъ разбора обнаруживаетъ, однако, значительное превосходство свое надъ противникомъ, въ отношеніи логической послѣдовательности, обдуманности и точности предлагаемыхъ имъ правилъ и поправокъ. Нѣкоторыя синтактическія замѣчанія Кошанскаго, напр. объ одинаковомъ управленіи надежами у разныхъ частей рѣчи одного этимологическаго происхожденія, являются въ нашей грамматической литературѣ впервые. Письмо его заключалось обѣщаніемъ представить обществу собственный планъ русскаго синтаксиса въ сравненіи съ расположеніемъ академическаго, обѣщаніемъ, которое такъ и осталось невыполненнымъ.

Кромѣ статьи Кошанскаго, XV часть „Трудовъ Моск. Общ.

---

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. XXX.

[2]) «Труды Общ. Люб. Росс. Сл. при Моск. унив.», ч. XV, 1819, стр. 86—118. Сатья эта была перепечатана Кошанскимъ (съ незначительными чисто стилистическими измѣненіями) въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., ч. 59, стр. 115—28, 145—59.

Люб. Росс. Сл.“ содержала еще двѣ грамматическихъ статьи: 1) А. М. Б., „Примѣчанія на нѣкоторыя статьи о глаголахъ, помѣщенныя во 2-й, въ 3-й и 6-й книгѣ Трудовъ О. Л. Р. Сл., при Имп. Моск. Унив.“ (стр. 119—141) и 2) А. Болдырева, „Нѣчто о сравнительной степени“ (стр. 150—58). Первая изъ нихъ представляетъ возраженія противъ новой системы русскаго глагола, предложенной Болдыревымъ (см. выше, стр. 1013—16). Неизвѣстный критикъ (изъ Петербурга), подписавшійся буквами А. М. Б., стоитъ здѣсь въ значительной мѣрѣ на почвѣ старой теоріи и не можетъ примириться съ новшествами Болдырева, который, по его словамъ, „желая разпутать глаголы, не раздѣляетъ ихъ, но раздробляетъ: раздробляетъ и дѣйствія“, причемъ „неправильно отнимаетъ у однихъ глаголовъ настоящее, а у другихъ прошедшее и будущее время“ (стр. 121). Соглашаясь съ Болдыревымъ, что глаголы *дуть* и *сдуть*—два разныхъ глагола, а не одинъ, какъ прежде думали, нашъ критикъ всетаки полагаетъ, что Болдыревъ „впадаетъ въ заблужденіе, раздѣляя между собою *дуть* и *дунуть*, которые служатъ къ изображенію одного дѣйствія и составляютъ одинъ глаголъ“ (стр. 120). Предлагаемая имъ система русскаго спряженія является шагомъ назадъ, возвращеніемъ къ старинѣ, и составлена подъ очевиднымъ вліяніемъ французскихъ схемъ спряженія. Мы находимъ въ ней два неопред. наклоненія (настоящее, прошедшее), два повелительныхъ (настоящее и будущее), по два прошедшихъ и будущихъ временъ (прошедшее несовершенное и просто прошедшее; будущія настоящее и прошедшее) и т. д. Времена дѣлятся на совершенныя и несовершенныя и т. д.

Цѣннѣе была статья самого Болдырева о сравнительной степени, устанавливающая правильную точку зрѣнія на формы съ суффиксами *-ѣйшій -айшій*, которыя онъ называлъ сравнительной степенью, а не превосходной, какъ это было принято въ тогдашнихъ грамматикахъ. Въ своей статьѣ Болдыревъ отправлялся изъ сравненія русскаго языка съ „иностранными“ языками, въ которыхъ имѣются настоящія сравнительныя степени прилагательныхъ, „перемѣняющіяся въ родѣ, числѣ и падежахъ“, тогда какъ по нашимъ грамматикамъ сравн. степень кончится на *ѣе*, а превосходная на *ѣйшій* или *айшій*. Не выходя изъ рамокъ школьной и описательной грамматики, Болдыревъ тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ здѣсь большую по тому времени научную точность и строгость взгляда и несомнѣнно ближе къ истинѣ, чѣмъ его современники. И тутъ онъ проявляетъ ту же логическую точность въ разграниченіи формальной стороны рѣчи отъ семасіологической, которой выгодно отличаются его разсужденія о системѣ

русскаго глагола. Употребленіе сравнит. степени нарѣчія, вмѣсто сравнит. степени прилагательныхъ (въ родѣ „люди *знатнѣе* тебя“ и т. п.), которое ставило въ тупикъ Шаликова (см. выше, стр. 1031), онъ объясняетъ эллипсомъ: „также правильныя, но составляютъ неполныя выраженія; надобно было бы сказать...: люди, *которые* знатнѣе тебя“ и т. д. Употребленіе формъ на *-ѣйшій* и *-айшій* въ значеніи превосходной степени даетъ ему поводъ къ небольшому семасіологическому анализу подобныхъ случаевъ, которому нельзя отказать въ тонкости и остроуміи, рѣдкихъ у насъ въ то время въ данной области.

Въ томъ же 1819 году въ „Сынѣ Отечества“ явился пространный и строгій критическій разборъ третьяго изданія грамматики Россійской Академіи [1]), вызвавшій горячій отпоръ со стороны академіи. Критикъ (самъ Гречъ, подписавшійся буквою Г.) заявлялъ, что приступилъ къ чтенію новаго изданія съ большими ожиданіями, разсчитывая найти въ немъ много измѣненій, сравнительно съ прежними изданіями, но обманулся въ нихъ. Оказалось, что измѣненій почти не было сдѣлано, кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ, передѣланныхъ не къ лучшему. Это изумило критика, спрашивавшаго, „неужели въ продолженіе *семнадцати лѣтъ* нельзя было пріискать ничего новаго, хорошаго для исправленія и пополненія столь важной книги, какова Грамматика? Неужели въ сіи 17 лѣтъ Рускій языкъ, ни въ теоріи своей, ни въ практикѣ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго шагу“ (стр. 210). Далѣе критикъ находилъ, что академическая грамматика совсѣмъ не содержитъ въ себѣ „полнаго и подробнаго систематическаго изложенія всѣхъ законовъ и правилъ“ русскаго языка „съ показаніемъ источниковъ и причинъ симъ законамъ и правиламъ и съ критическими о нихъ сужденіями“ (стр. 212), а является простымъ учебникомъ, вдобавокъ довольно плохимъ. Онъ не встрѣтилъ въ ней ни систематичности, ни ясности и точности изложенія, ни вѣрнаго пониманія излагаемаго предмета, и не безъ язвительности отмѣчалъ неопредѣленность, ошибочность и сбивчивость предлагаемыхъ ею правилъ, а также и устарѣлость примѣровъ, выдававшихся за образцы употребленія языка. Чуть не каждое правило академической грамматики подвергалось имъ справедливому осмѣянію. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. О предлогѣ вообще грамматика утверждала, что онъ „есть часть рѣчи *несклоняемая* и *напереди предъ* другими частями рѣчи раздѣльно или слитно поставляемая“

---

[1]) „Сынъ Отечества“, ч. 55, № XXIX, стр. 132; № XXXI, стр. 209—228; № XXXII, стр. 241—256; № XXXIII, стр. 306—325.

(стр. 215). Критикъ „Сына Отечества“ замѣчалъ на это: „надлежало бы прибавить: *и неспрягаемая*, ибо если опасаются, что кому-нибудь вздумается склонять: *изъ, иза, изу*, то также можно бояться и спряженія: *между, междишь, междитъ*. Слово *напереди* совсѣмъ лишнее: можно ли что-либо поставить *предъ* вещію *назади* оной?“ (стр. 218). Букву *і* академическая грамматика относила къ гласнымъ, а *и* къ двугласнымъ, потому что начертаніе ея составлено изъ двухъ *і* вмѣстѣ соединенныхъ. Критикъ находилъ, что тогда и *н* надо считать двугласной буквой, а *т* и *ш* даже тригласными (стр. 219). Къ двугласнымъ буквамъ причислялись и слоги *ай, ей, ій* и т. д. (стр. 219). Утверждалось, что послѣ согласныхъ *ж, ч, ш, щ въ нѣкоторыхъ словахъ* гласныя *е, и, і, ѣ, ю, я* получаютъ „произношеніе дебелое“, съ чѣмъ критикъ правильно не соглашался, указывая, что, несмотря на „волю академіи“, грубые органы его слуха „никакъ не слышатъ разницы въ буквахъ *е, ѣ, и*, послѣ какихъ бы согласныхъ онѣ ни стояли: *елень, сердце, синій, чинъ, свѣтло, чѣмъ*: вездѣ (не совсѣмъ то!) слышимъ одно и то же *е* или *и*!“ (стр. 222).

Критикъ указывалъ также (стр. 223), что новое изданіе, говоря о выговорѣ буквы *е* какъ *ё*, не приняло совсѣмъ во вниманіе новыхъ „истинныхъ правилъ“ этого выговора, установленныхъ Востоковымъ въ 1808 г., въ „Краткомъ Руководствѣ къ Росс. Словесности“ Борна (см. выше, стр. 718).

Не лучше были и другія части грамматики. Такіе же недостатки („сбивчивость, неосновательность и излишнюю подробность“, стр. 250) критикъ отмѣчалъ и въ отдѣлѣ о словопроизведеніи, не пропуская случая посмѣяться надъ неудачными правилами академическаго труда.

На правило: „неокончательное однократное наклоненіе имѣютъ *только* глаголы, кончащіеся на *бать, гать, кать, пать, хать*“, критикъ замѣчалъ: „слѣдовательно можно сказать: *Колебнуть, Искнуть, Спнуть, Лгнуть?*“ (стр, 313).

Согласно академической грамматикѣ, дѣйствит. глаголы означаютъ дѣйствіе одной *вещи* на другую, и требуютъ надежа винительнаго, напримѣръ: *Читать книгу; Писать письмо; Почитать родителей*“. По поводу этого правила критикъ ядовито спрашивалъ, „можетъ ли вещь читать книгу, писать письмо, почитать родителей“ (стр. 306) и т. д. Критикъ отмѣчалъ также крайнюю устарѣлость представленій объ употребительности тѣхъ или другихъ словъ и выраженій, рекомендуемыхъ въ грамматикѣ за современныя, въ родѣ *первыйнадесять* и *вторыйнадесять* и т. д. вмѣсто *одиннадцатый* и *двѣнадцатый*, *для того что* вм.

потому что и т. д. (стр. 253—54 и 215—216). О нѣкоторыхъ примѣрахъ критикъ высказался, что они „гораздо старѣе и перваго изданія сей грамматики“ (стр. 228), находя также, что слогъ грамматики „тяжелъ, во многихъ мѣстахъ теменъ и даже неправиленъ“ (стр. 320).

Рецензія „Сына Отечества“ задѣла за живое членовъ Росс. Академіи, очутившихся въ затруднительномъ положеніи. Возражать дерзкому зоилу они не отваживались, опасаясь новыхъ его нападокъ, а промолчать—значило признать, что онъ правъ. Вопросу о томъ, какъ быть, посвящены были цѣлыхъ два засѣданія (16 и 23 авг. 1819 г.), причемъ академики пришли къ заключенію, что „Россійская Императорская Академія, учрежденная Великою Екатериною, и облагодѣтельствованная Александромъ Первымъ... изъ 60 избранныхъ членовъ состоящая, не можетъ безъ униженія достоинства своего входить въ состязаніе съ издателемъ журнала“, имѣющимъ „при недостаткахъ знанія въ языкѣ, дерзновеніе судить академію и говорить о ней презрительно“. Молчать также не представлялось возможнымъ академіи, ибо „естьли подобные о ней толки и укоризны отъ всякаго, кто захочетъ ихъ писать, будутъ публиковаться,—то едва ли можетъ она имя свое носить съ честію: положеніе ея будетъ весьма затруднительно; ибо и отвѣтами своими и молчаніемъ она равному подвергнется уничиженію“.

Но достойный выходъ былъ всетаки найденъ. Собраніе рѣшило, что „цѣлая академія не можетъ быть безграмотною; журналистъ же легко можетъ быть безграмотенъ; ибо всякой можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой академіи предполагается больше знанія, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше“. Исходя изъ этихъ соображеній, академія пришла къ заключенію, что „по здравому разсудку нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобъ изданныя отъ академіи и слѣдовательно оцѣненныя уже ею сочиненія были вновь переоцѣниваемы журналистами“, тѣмъ болѣе, что въ „государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано“ о правѣ журналистовъ „публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно“. Отсюда академія заключала, что издатель *Сына Отечества* „присвоилъ самъ себѣ сіе право“, и „поступокъ его подлежитъ не суду академіи, но суду правительства“. Собраніе поэтому постановило просить своего президента записать происходившія въ засѣданіяхъ сужденія въ академическія записки и копію протокола препроводить къ министру духовныхъ дѣлъ и нар. просвѣщенія.

Министръ въ свою очередь поручилъ разсмотрѣть это дѣло Главному Правленію Училищъ, которое нашло, что „дѣланіе примѣчаній на всякую издаваемую въ свѣтъ книгу, а тѣмъ паче на грамматику, никакими узаконеніями не воспрещается; а потому не можетъ вообще никому быть возбранено"; въ случаѣ же „неосновательности таковыхъ примѣчаній, критикъ подвергается самъ стыду передъ публикою и удобному на нихъ опровержению тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія". Министръ съ своей стороны, находя, что оскорбительныя для академіи выраженія и отзывы статьи противны уставу о цензурѣ, „приказалъ учинить... надлежащій выговоръ цензору, дозволившему напечатать тѣ замѣчанія, и поставилъ несовмѣстность сего поступка на видъ и автору, который осмѣлился употребить столь неприличные отзывы на счетъ Академіи; а притомъ предписалъ цензурѣ, чтобы впредь никакихъ подобно сему оскорбительныхъ отзывовъ ни на чей счетъ въ печать не было издаваемо".

Рѣшеніемъ этимъ академія осталась недовольна. Въ отвѣтъ на бумагу министра было занесено въ академическія записки, что академія и не думала воспрещать „дѣлать разсмотрѣнія или критики на издаваемыя ею книги", но даже сама неоднократно „приглашала просвѣщенныхъ любителей россійскаго языка и словесности сообщать" ей свои замѣчанія, что не помѣшало ей, однако, жаловаться, когда такія замѣчанія задѣли ее за живое. Что касается „журналиста Греча", то „общимъ согласіемъ положено и записано было" его во время публичныхъ академическихъ собраній „въ академію не приглашать, и ежели кѣмъ изъ членовъ приглашенъ будетъ, то не впускать, и члену тому, отъ кого онъ получитъ билетъ, впредь для приглашенія билетовъ не давать".

Шишковъ занесъ всю эту исторію въ свои записки [1]), присовокупивъ отъ себя заключеніе, гдѣ сѣтовалъ на поведеніе министра, подвергшаго академію неприличному для нея суду Правленія училищъ и не съумѣвшаго обуздать дерзкаго журналиста, который вскорѣ послѣ преподаннаго ему внушенія снова выступилъ съ „дерзкими и невѣжественными бранями" противъ Россійской академіи, хотя ему грозили даже закрытіемъ журнала за напечатаніе новыхъ нападокъ.

Таковы были послѣдствія, которыя имѣла неосторожная кри-

---

[1]) „Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина", т. II (Берлинъ, 1870), стр. 102—109. См. объ этомъ же Сухомлинова, „Ист. Росс. Академіи", вып. VIII (Спб. 1887), стр. 200—205.

тика, относящаяся безъ должнаго решпекта къ грамматическимъ упражненіямъ Россійской академіи.

„Сынъ Отечества", однако, не угомонился и послѣ этой исторіи и снова выступилъ въ походъ противъ Россійской академіи, помѣстивъ на своихъ страницахъ (часть 58, 1819 г., стр. 65—80 и 117—125) статью: „Мои сомнѣнія при чтеніи шестой книжки Академическихъ Извѣстій", заключавшую въ себѣ разборъ одного изъ знакомыхъ уже намъ (см. выше, стр. 675—77) экскурсовъ Шишкова въ область корнесловія, а именно о корнѣ *пин*. Серьезныхъ возраженій разборъ этотъ не выставлялъ, напротивъ, авторъ его по методу и знаніямъ стоялъ вполнѣ на уровнѣ своего противника, утверждая, напримѣръ, что *звено* происходитъ отъ корня *вью*, сложеннаго съ предлогомъ *со*, и такимъ образомъ = *совено*, т. е. „предметъ, который одинъ совокупно съ другимъ сливается"; что въ корнѣ *пин* скрывается предлогъ *по*, явственно обнаруживающійся въ словахъ *опона*, *попона*, *запона*, *перепона*; что слово *пона*, входящее въ составъ только что приведенныхъ сложныхъ словъ, само состоитъ изъ предлоговъ *по* + *на*, подобно тому, какъ и другія многія слова состоятъ изъ предлоговъ, въ родѣ: пе-ре-до = *передъ*, за-до = *задъ*, по-до = *подъ*, до-на = *дно* и т. д. Разумѣется, такими аргументами нельзя было побѣдить даже Шишкова, хотя авторъ ихъ и утверждалъ, что они разрушаютъ все громадное зданіе, возведенное адмираломъ-корнесловомъ. Повидимому и Шишковъ не былъ особенно задѣтъ этой новой вылазкой противъ него, потому что молчалъ цѣлыхъ четыре года и лишь въ 1823 г. отвѣтилъ своему критику, отстаивая вѣрность своихъ этимологій, тѣмъ заподозрѣнныхъ [1]). Чего нибудь новаго отвѣтъ его не даетъ, велерѣчиво повторяя знакомыя уже намъ мысли и положенія. Интересно лишь непроизвольное признаніе безплодности всѣхъ усилій Росс. академіи насадить у насъ излюбленное ею корнесловіе. По словамъ Шишкова, „Росс. Академія, прилагая попеченіе о пользѣ не только своего, но и всѣхъ вообще языковъ, по справедливости, и согласно со всѣми разсуждавшими о семъ учеными людьми, почитаетъ главнѣйшимъ руководствующимъ къ тому средствомъ отысканіе корней словъ, яко начала, отъ котораго всѣ языки проистекаютъ. Упражняясь въ сихъ трудныхъ изслѣдованіяхъ, часто требующихъ не малаго вниманія, проницанія, осторожности и здраваго разсудка, неоднократно

---

[1]) «Замѣчанія на статью, напечатанную въ журналѣ, называющемся *Сынъ Отечества* (часть 58, годъ 1819), подъ заглавіемъ: *Мои сомнѣнія при чтеніи шестой книжки Академическихъ Извѣстій*»: «Извѣстія Росс. Академіи», кн. XI, 1823 г., стр. 77—121.

приглашала она любителей словесности соучаствовать въ сихъ общеполезныхъ трудахъ, присылкою въ нее своихъ открытій или замѣчаній, изъ коихъ основательными и дѣльными могла бы она съ благодарностію воспользоваться. Десять книжекъ подъ названіемъ *Академическихъ Извѣстій* издано ею въ ожиданіи сего пособія; но по сіе время *никто не сообщилъ въ нее никакихъ своихъ примѣчаній; ни кого изъ множества писателей и любителей языка своего не привлекла она къ соучаствованію* (курсивъ нашъ), выключая одного безъимяннаго [1]), которой не въ Академію прислалъ, не къ ней, какъ она приглашала, отнесся; но напечаталъ сомнѣнія свои въ вышеупомянутомъ Журналѣ" [2]). Бѣдный Шишковъ повидимому и не подозрѣвалъ, кто́ былъ виною этой холодности „множества писателей и любителей языка своего" къ усиліямъ Россійской академіи!..

Впрочемъ академія, рядомъ со своими заботами о насажденіи у насъ настоящаго (по ея понятіямъ) корнесловія и составленіи словопроизводнаго словаря (см. выше, стр. 960—965 и 989—990), помышляла и о составленіи „основательной грамматики", какъ говорилъ объ этомъ Шишковъ въ своемъ предложеніи, внесенномъ въ засѣданіи 18 сентября 1820 г. [2]). Характеризуя трудность подобныхъ трудовъ [3]), Шишковъ находилъ, что „сочиненіе Грамматики есть дѣло, не меньше трудное, какъ и Словопроизводный Словарь. Академія въ собраніяхъ своихъ никогда не можетъ ее сочинить. Грамматику долженъ составить одинъ кто-нибудь, имѣющій глубокое въ языкѣ знаніе. Академія токмо прослушиваетъ его, разсуждаетъ, взвѣшиваетъ доказательства, подаетъ ему совѣты, но дѣло совершаетъ онъ" [4]). Впрочемъ, пока дѣло не шло дальше платоническихъ мечтаній, и знатоки и любители отечественнаго языка продолжали игнорировать Россійскую академію, въ собственной же ея средѣ не находилось ни одного желающаго послѣдовать указаніямъ Шишкова, относительно составленія „основательной Грамматики".

---

[1]) Этимъ «безъимяннымъ» авторомъ былъ проф. Петербургскаго университета Я. В. Толмачевъ (см. выше, стр. 748), раскрывшій свое инкогнито лишь много лѣтъ спустя въ своей «Аналитической филологіи о составѣ и образованіи русскаго языка» (Спб. 1859, стр. 378).

[2]) См. Извѣстія Росс. Академіи, кн. 9, 1821 г., стр. 15—26, или «Сынъ Отечества», 1820 г., ч. 64, стр. 278—280.

[3]) По словамъ Шишкова такіе труды «требуютъ долговременныхъ упражненій, многихъ размышленій, трудолюбиваго, строгаго и осмотрительнаго ума, такожъ и выслушиванія совѣтовъ съ выборомъ однакожъ оныхъ, и словомъ крайняго раченія»: «Изв. Росс. Акад.», кн. 9, стр. 18—19.

[4]) См. цитир. книжку «Изв. Росс. Акад.», стр. 18—19.

Зато Московское Общество Люб. Росс. Слов. продолжало по прежнему свою посильную разработку грамматическихъ вопросовъ. Такъ въ засѣданіи его 31 янв. 1820 г. читались „замѣчанія о нарѣчіяхъ" кн. Шаликова, въ томъ же году и напечатанныя [1]). Замѣчанія эти одного достоинства съ другимъ его грамматическимъ этюдомъ, разсмотрѣннымъ выше (стр. 1030). Заявивъ, въ началѣ своей статейки, что въ русской научной литературѣ все еще нѣтъ „Грамматики, во всѣхъ частяхъ совершенной,—... Грамматики философической (Grammaire raisonnée)", а есть только „Грамматика, объясняющая по крайней мѣрѣ свойство главныхъ частей рѣчи", кн. Шаликовъ предлагаетъ „нѣчто о *нарѣчіи*, или, справедливѣе, объ ороографіи сего слова". Его удивляетъ, что многіе наши авторы пишутъ сложныя съ предлогами нарѣчія: „*вразсужденіи, вслухъ, вмигъ, втайнѣ, вдалекѣ, отнынѣ, наконецъ, подконецъ, вконецъ, напримѣръ, навсегда, навѣкъ, навѣрное, начасъ, тотчасъ, подчасъ, кстати, поутру, порусски, пофранцузски* и пр." не вмѣстѣ, а раздѣльно, превращая такимъ образомъ несклоняемое нарѣчіе „въ имя существительное съ предлогомъ", причемъ „въ такомъ случаѣ по одному только смыслу можно знать, та ли должна быть часть рѣчи, или другая". По мнѣнію Шаликова, отъ этого происходитъ „и неправильное произношеніе нѣкоторыхъ нарѣчій", подъ которымъ онъ разумѣетъ разницы въ акцентуаціи *тóтчасъ* и *тотчáсъ*, *поутрý* и *поýтру*, возникающія будто бы отъ того, что „пишемъ безъ разбору *тотчасъ* и *тотъ часъ*, *поутру* и *по утру*, когда имѣемъ въ мысляхъ нарѣчіе". Въ заключеніе высказывается надежда, что „будущій сочинитель Грамматики Русской безъ сомнѣнія воспользуется тѣми замѣчаніями по части грамматической, которыя отъ времени до времени являются въ Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов.".

Не менѣе, если не болѣе наивно читанное въ засѣданіи 28 февр. 1820 г. и напечатанное рядомъ [2]) письмо къ членамъ общества отъ неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ шифромъ 2.90 (В. Ч.?). Письмо это датировано 20 февр. 1820 г. и писано изъ села Архангельскаго Воронежской губ., очевидно, какимъ-то захолустнымъ обывателемъ, размышлявшимъ въ часы досуга надъ разными грамматическими вопросами. Восхваляя въ началѣ своего письма дѣятельность общества, авторъ проситъ послѣднее разрѣшить ему нѣсколько грамматическихъ недоумѣній,

[1]) «Замѣчанія о нарѣчіи»: «Труды Общ. Люб. Росс. Слов. при Имп. Моск. Унив.», ч. XVII, 1820 г., стр. 145—147, и ч. XX, стр. 61.

[2]) Тамъ же, ч. XVII, 1820 г., стр. 148—154, и ч. XX, стр. 82.

объясненія которымъ онъ не могъ найти ни у кого: 1) „почему при числахъ *два, три* и *четыре*, имена существительныя ставятся въ единственномъ (три человѣка, четыре корабля), а не во множественномъ числѣ, какъ во всѣхъ языкахъ иностранныхъ“... 2) „Почему въ разговорахъ часто вмѣсто прошедшихъ временъ употребляется наклоненіе повелительное? напр. „Я отдаю ему трость, а онъ *возьми и урони ее*“. Авторъ находитъ, что эта черта принадлежитъ „къ достоинствамъ языка Русскаго“, ибо „придаетъ разсказу болѣе силы и быстроты“; 3) авторъ не доволенъ („ибо не знаетъ причины“) тѣмъ, что „сослагат. наклоненіе въ нашемъ языкѣ всегда ставится въ прошедшемъ, въ какомъ бы наклоненіи и времени управляющій имъ глаголъ поставленъ ни былъ“, напр. *я хочу, хотѣлъ, захочу, хотѣлъ бы, чтобы онъ шелъ;* 4) автора удивляетъ, что вмѣсто *добродѣяніе* употребляютъ *добродѣтель*, хотя слова съ подобнымъ окончаніемъ „обыкновенно означаютъ не самое дѣйствіе, но дѣйствующее лице; напр. *благодѣтель, владѣтель*“; 5) не менѣе странно въ глазахъ автора, что имена прилагательныя ср. рода въ единств. числѣ слѣдуютъ мужскому склоненію: „*прекраснаго* платья, *прекрасному* платью“, а во множественномъ—женскому: „*прекрасныя* платья“. Отчего бы „не сказать (слѣдовало бы „написать“): *прекрасные* платья? произношеніе все то же“. Въ пунктахъ 6, 7 и 8 авторъ недоумѣваетъ, почему всѣ имена существительныя pluralia tantum только женскаго рода (*острыя* ножницы, *легкія* сани); въ какомъ надежѣ стоятъ титулы *Ваше Сіятельство* или *Превосходительство*, находясь въ началѣ рѣчи „и безъ всякой связи съ другими словами“, а также, откуда происходитъ выраженіе *обходиться на короткой ногѣ*. Въ заключеніе неизвѣстный корреспондентъ указываетъ, что „подобныхъ случаевъ въ нашемъ языкѣ встрѣчается множество;—но мы такъ уже къ нимъ привыкли, что и не примѣчаемъ ихъ странности“. По мнѣнію его, „весьма было бы полезно, если бы кто-нибудь изъ ученыхъ и образованныхъ людей собралъ и объяснилъ ихъ“. Съ перваго взгляда можетъ быть и нельзя „предвидѣть всей важности“ послѣдствій такого занятія, „но онѣ раскрываются, когда съ большимъ вниманіемъ его разсмотримъ. Изслѣдовать геній языка не значитъ ли изслѣдовать геній народа?—ибо языкъ есть ничто иное, какъ вѣрный отпечатокъ и его мыслей, и его чувствъ. Подвигъ, по истинѣ, трудный: но онъ не можетъ быть для васъ (членовъ общества) чуждымъ по своей прекрасной цѣли“.

Какъ бы наивны ни казались намъ недоумѣнія автора письма, но они всетаки свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ глухихъ

уголкахъ Россіи въ это время начиналъ все болѣе и болѣе пробуждаться интересъ къ вопросамъ языка; мысль, хотя бы и неподготовленная, останавливалась на тѣхъ или другихъ особенностяхъ рѣчи и искала имъ объясненія. Нѣкоторые вопросы (напр., первый) рисуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ состояніе грамматическаго знанія въ то время. Не лишена нѣкоторой трогательности и вѣра писавшаго въ то, что среди членовъ общества найдется кто-нибудь, кто разъяснитъ ему его недоумѣнія, а прекрасныя заключительныя слова письма свидѣтельствуютъ, что, несмотря на отсутствіе научныхъ знаній, нашъ провинціальный любитель грамматическихъ вопросовъ имѣлъ ясный и вѣрный взглядъ на значеніе научныхъ изслѣдованій въ области языка.

Рѣдкимъ, особенно въ то время, образчикомъ семасіологическаго этюда является статья П. Ѳ. Калайдовича: „О словахъ измѣнившихъ свое значеніе", читанная въ засѣданіи Общ. Люб. Росс. Слов. 5 іюня 1820 г. [1]) и напечатанная въ томъ же году въ XVIII части „Трудовъ" названнаго общества (стр. 83—93). Въ началѣ статьи высказывается нѣсколько общихъ мыслей, служащихъ маленькимъ введеніемъ къ самому перечню словъ. По словамъ автора, „наблюденіе хода и измѣненія языка представляютъ любопытныя явленія. Одни слова выходятъ изъ употребленія, другія заступаютъ ихъ мѣсто: такимъ образомъ языкъ безпрестанно старѣетъ и безпрестанно обновляется, такъ какъ и родъ человѣческій... Исторія словъ есть предметъ, достойный вниманія Филологовъ. Одни слова неизмѣнно проходятъ чрезъ многіе вѣки, и въ живомъ языкѣ удерживаютъ древнее свое знаменованіе: онѣ, кажется, никогда не старѣютъ; другія, не принадлежа уже къ языку народному, составляютъ богатѣйшій запасъ языка книжнаго; третьи, перешедъ чрезъ многіе вѣки, болѣе или менѣе измѣнили древнее свое значеніе". Въ качествѣ образчиковъ послѣднихъ, приводятся слова: горница (прежде—*кровля*), гривна (прежде—*ожерелье*), дряхлый (прежде—*печальный*), изрядный, измѣна, истощить, наказаніе, напрасно, недѣля, область, опасный, пиво, праздполюбіе, прелесть, столъ, странный, страсть, строго, трудъ, хитрость. Въ концѣ авторъ обѣщалъ, въ случаѣ благосклоннаго пріема этой своей статьи, представить обществу еще „подобный словарь словъ, измѣнившихъ древнее свое знаменованіе".

Къ 1820 г. относится также рѣчь о „словорасположеніи", читанная В. О—нымъ (Олинымъ) въ Собраніи Спб. Вольнаго обще-

[1]) См. «Труды» Общества, ч. XX, 1820 г., стр. 181.

ства Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 18 ноября 1820 г. и напечатанная въ „Сынѣ Отечества“ того же года (ч. LXVI, 175—182). Въ сравненіи съ конкретнымъ характеромъ подобныхъ докладовъ въ Моск. Общ. Люб. Росс. Сл., рѣчь Олина кишитъ риторическими фразами. По его словамъ, цѣль петербургскаго общества—„утвердить и передать потомкамъ въ состояніи превосходномъ и цвѣтущемъ языкъ, сіе общее и драгоцѣнное достояніе, полученное нами отъ нашихъ предковъ... Богатства языка Россійскаго неисчерпаемы“... онъ—„исполинъ между языками новѣйшими, чудесный Протей, способный принимать безчисленныя измѣненія видовъ... не связанъ узами рабскими, подобно нарѣчіямъ новѣйшимъ, онъ свободенъ“ и т. д. Размышляя „о преимуществахъ“ русскаго языка, нашъ ораторъ остановился на его „словорасположеніи“, т. е. выбралъ тему, уже раньше трактованную въ Моск. Общ. Люб. Росс. Сл. И. И. Давыдовымъ. Какъ ни слаба была работа послѣдняго, но она безусловно много выше разсматриваемой рѣчи. По словамъ Олина, словорасположеніе „бываетъ двоякое—...*механическое* и *свободное*“. Языкъ, обладающій словорасположеніемъ перваго рода, „хотя неспособенъ къ выраженію мыслей въ томъ же самомъ порядкѣ“, какъ онѣ рождаются въ умѣ, „однако для изученія и легкости сочиненія имѣетъ великія удобности“ (а именно, „составъ рѣчи и мѣсто, на которомъ такая-то идея неусловно должна находиться, неизмѣнны и опредѣлительны“). Но зато въ такомъ языкѣ не можетъ быть превосходныхъ и вѣрныхъ переводовъ древнихъ классическихъ писателей. Поэтому французскіе филологи жалуются на механизмъ своего языка. Русскій же языкъ обладаетъ словорасположеніемъ свободнымъ, имѣющимъ столько же преимуществъ передъ механическимъ, „сколько исполинъ передъ пигмеемъ“. Отъ этого по-русски можно передавать мысли въ томъ порядкѣ, какъ онѣ рождаются въ умѣ, „разнообразить слогъ очаровательной прелестью гармоніи“, „посредствомъ періодицизма доставлять... правильность логическую“, а также переводить буквально классическихъ писателей. Исходя изъ этихъ соображеній, ораторъ обратился къ сочленамъ, прося ихъ „устремить... вниманіе, сверхъ занятій филологическихъ, которыя существенно необходимы, по причинѣ почти совершеннаго недостатка ясной и основательной грамматической системы“, также и „на прозаическіе переводы древнихъ и новѣйшихъ Классиковъ“.

Какъ смотрѣлъ Шишковъ около этого же времени на цѣли русской грамматики, видно изъ его предложенія, внесеннаго въ Россійскую Академію въ засѣданіи 21 янв. 1822 г. Перечисляя задачи

академіи, Шишковъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ пункту VIII своего предложенія („Грамматика“): „Всѣ наши Грамматики, начиная отъ первой до послѣдней, суть списки, или подражанія Грамматикамъ чужихъ языковъ, и слѣдственно должны заключать въ себѣ многія недостатки, а можетъ быть и погрѣшности; ибо, какъ уже выше замѣчено, всякой языкъ имѣетъ свои свойства и свои правила, различныя съ другимъ. По сей причинѣ нужно бы было, не увлекаясь чужими Грамматиками, заняться подробными изслѣдованіями языка своего, дабы на нихъ основать и составить тотъ вѣрный чертежъ онаго, какой Грамматика представлять долженствуетъ. Сравнимъ нашъ языкъ, напримѣръ, съ Французскимъ: въ нашемъ находимъ многіе корни, пустившіе отъ себя до двухъ тысячъ вѣтвей и болѣе, тогда такъ во Французскомъ едвали найдется корень съ пятьюдесятью вѣтвями; въ составленіи нашего языка предлоги имѣютъ великое, во Французскомъ напротивъ малое участіе; нашъ языкъ управляется падежами, а ихъ Членами; нашъ въ расположеніи словъ свободенъ, а ихъ связанъ; нашъ изобилуетъ увеличительными, уменьшительными, усѣченными именами, а Французской почти совсѣмъ ихъ не имѣетъ. Однимъ словомъ, составы сихъ двухъ языковъ во многомъ весьма различны: какимъ же образомъ чертежи ихъ (т. е. Грамматики) могутъ быть сходны и снимаемы одинъ съ другаго“ [1]). Нельзя не согласиться съ вѣрностью общей мысли, проводимой здѣсь Шишковымъ. Другое дѣло, однако, былъ ли бы онъ въ силахъ осуществить свой идеалъ русской грамматики, который, конечно, имъ только смутно чувствовался, но не сознавался отчетливо.

Въ томъ же 1822 году въ Россійскую академію поступило рукописное разсужденіе „московскаго купца Николая Полеваго подъ названіемъ „Новый способъ спряженія Рускихъ глаголовъ“ [2]), вызванное, очевидно, тѣмъ интересомъ къ данному вопросу, который былъ пробужденъ у насъ статьями Болдырева. Академія поручила разсмотрѣніе его своему члену И. И. Мартынову. Отзывъ послѣдняго (отъ 26 мая 1822 г.) былъ доложенъ въ засѣданіи академіи 9-го сент. 1822 г. и сохранился въ ея архивѣ [3]). По словамъ Мартынова, „Способъ“ Полевого „содержитъ въ себѣ предположенія о приведеніи въ лучшую систему спряженій, въ нынѣшнемъ состояніи россійскаго языка. Предположенія сіи осно-

---

[1]) «Извѣстія Росс. Академіи», кн. X, 1822 г., стр. 45—46.

[2]) См. Предложеніе Президента академіи А. С. Шишкова, внесенное имъ въ засѣданіе 9 сент. 1822 г. въ рукописныхъ «Запискахъ засѣданій» академіи за 1822 г. № 60 и въ «Извѣстіяхъ Росс. Академіи», кн. 11, 1823 г., стр. 7.

[3]) См. «Записки засѣданій Имп. Росс. Ак. за 1822 г.», № 61.

ваны на изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ предшественниковъ и собственныхъ сочинителя, извѣстныхъ уже и новыхъ. Умозрѣнія, уклоняющія автора отъ обыкновеннаго плана въ расположеніи глаголовъ и ихъ измѣненій, весьма уважительны, доказываютъ не поверхнее (такъ!) познаніе свойства русскаго языка, въ особенности же, глаголовъ, столь важное мѣсто въ ономъ занимающихъ, и подаютъ надежду, что и прочія части рѣчи, а, можетъ быть, и всю грамматическую науку представилъ бы онъ въ новомъ видѣ съ успѣхомъ и пользою очевидною". Критикъ находилъ, что работу Полевого слѣдовало бы напечатать, такъ какъ она, „можетъ быть, подастъ случай и другимъ заняться симъ предметомъ", самого же автора—принять въ покровительство академіи и поощрить какой нибудь наградой. Согласно отзыву Мартынова, Шишковъ нашелъ, „что подобное упражненіе" Полевого, „показывающее особенную склонность и способность въ человѣкѣ обязанномъ должностями торговли, заслуживаетъ, къ вящшему его поощренію быть одобрено Академіею", и предложилъ наградить его серебряною медалью [1]). Разсужденіе Полевого, однако, напечатано не было и до насъ не дошло.

Къ этой же серіи работъ о глаголѣ относится разсужденіе „О раздѣленіи глаголовъ" А. Чаплина, напечатанное въ первой части „Сочиненій въ прозѣ и стихахъ" Общества Любителей Росс. Слов. (=Труды, ч. XXI, 1822, стр. 37—44). По мнѣнію автора, „особенной принадлежностью" русскаго глагола являются „три неокончательныя наклоненія", изображающія „различные образы самаго дѣйствія, чего не льзя выразить глаголами другихъ языковъ". Эта особенность „нѣкоторымъ образомъ замѣняетъ недостатокъ во временахъ", свойственныхъ глаголамъ „другихъ извѣстныхъ намъ языковъ". Другая черта русскаго глагола, что въ немъ „отъ одного глагола происходитъ множество другихъ, выражающихъ главное понятіе въ различныхъ измѣненіяхъ; въ иностранныхъ же языкахъ гораздо менѣе производныхъ". Указавъ на сбивчивость системы спряженія въ грамматикѣ Росс. Академіи, въ основу которой положены три формы неопред. наклоненія (одна изъ нихъ неупотребительная), и на работы Болдырева, Фатера и др., раздѣляющія глаголъ на общіе виды и опредѣляющія формы спряженія каждаго вида порознь, Чаплинъ предлагаетъ свою систему дѣленія глагола, представляющую попытку примирить дѣленіе академической грамматики и Ломоносовскую систему

---

[1]) См. цитированное выше предложеніе Шишкова въ «Запискахъ» засѣданій Росс. Акад. 1822 г. и „Извѣстія Росс. Академіи", кн. XI, 1823 г., стр. 8.

временъ съ новымъ ученіемъ о видахъ. По словамъ автора, „если принять неокончательное наклоненіе за корень глагола: то можно утвердительно сказать, что въ Русскомъ языкѣ число глаголовъ опредѣляется числомъ неокончательныхъ наклоненій". А такъ такъ какъ эти послѣднія „выражаютъ разныя понятія о самомъ дѣйствіи", то, сообразно съ ихъ видами, можно раздѣлить и глаголы. Видовъ глагола Чаплинъ признаетъ столько же, сколько и „неокончательныхъ наклоненій", т. е. только три: 1) неопредѣленные, 2) многократные или учащательные и 3) однократные, или вообще совершенные, которые всѣ вмѣстѣ являются „въ общемъ смыслѣ опредѣленными (?)", Въ системѣ нашего автора видное мѣсто отводится еще „давнопрошедшему" „многократному" времени, служащему „къ составленію разновидныхъ учащательныхъ глаголовъ черезъ перемѣну своего окончанія и прибавленіе частицы (т. е. предлога), безъ которой, кажется (!), нѣтъ у насъ глаголовъ многократныхъ, выключая (!) *бывать, видѣть* и очень немногихъ". Въ качествѣ примѣровъ такого производства, приводятся формы, въ родѣ сиживалъ—подсиживать, писывалъ—подписывать, говаривалъ—разговаривалъ и т. д. По словамъ автора, всѣ подобные глаголы, произведенные отъ „давнопрошедшаго", „уже не имѣютъ онаго". Это же свойство имѣютъ глаголы, сложные съ предлогами, происшедшіе тоже отъ давнопрошедшихъ временъ, самихъ по себѣ не употребительныхъ, въ родѣ *превышать, полагать, раздроблять, размышлять*—отъ *вышалъ, лагалъ, дроблялъ, мышлялъ* (!). Прочія времена одинаковы для неопредѣленныхъ и учащательныхъ глаголовъ. На этихъ основаніяхъ предлагается дѣленіе всѣхъ глаголовъ на два главныхъ класса: I. Глаголы, имѣющіе *настоящее, прошедшее, давнопрошедшее* (!), *будущее* со вспомогательными *быть* или *стать*, повелительное наклоненіе, два причастія и два дѣепричастія, напр. *быть, забывать*; *вить, обвивать*: *говорить, разговаривать* и т. д. II. Глаголы совершенные, имѣющіе прошедшее, будущее, повелительное наклоненіе (котораго будто бы иностраннымъ языкамъ недостаетъ), и по одному причастію и дѣепричастію, напр. *забыть, обуть, слетѣть, раскрыть* и т. д. Въ концѣ статьи авторъ самъ даетъ вѣрную оцѣнку своей системы, называя ее „незрѣлыми и безъ порядка представленными размышленіями". Желая угодить всѣмъ, онъ, конечно, не угодилъ никому и несомнѣнно пошелъ назадъ, сравнительно съ Болдыревымъ. Статья Чаплина была послѣднимъ признакомъ жизни старой теоріи глагола, послѣднимъ слабымъ голосомъ изъ лагеря ея сторонниковъ.

О томъ, что Н. И. Гречъ работалъ уже въ это время надъ

своей русской грамматикой, узнаемъ изъ „Соревнователя просвѣщенія и благотворенія“ (ч. XVII, 1822 г., стр. 239—40), сообщающаго, что дѣйств. членъ Гречъ изъявилъ Вольному Обществу Любителей Росс. Словесности „желаніе представлять въ оное на разсмотрѣніе, по частямъ, *Россійскую Грамматику*, надъ составленіемъ коей трудится онъ постоянно въ теченіе 17 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы сіе сочиненіе Обществомъ разсмотрѣнное, посвятить сему же сословію и сверхъ того, по напечатаніи, отдѣлить въ пользу благотворной цѣли онаго 300 экземпляровъ“. Общество, конечно, съ готовностью приняло сдѣланное ему предложеніе.

Въ томъ же 1822 г. во II части „Сочиненій“ Общества Люб. Росс. Слов. (=„Труды“, ч. XXII, стр. 72—134) явилось пространное разсужденіе издателя „Украинскаго Вѣстника“ Евграфа Филомаоитскаго: «О знакахъ препинанія вообще и въ особенности для россійской словесности“. Изложивъ исторію знаковъ препинанія, начало которыхъ онъ относитъ къ ср. вв., особенно же къ концу „1-го тысящелѣтія по Р. Х.“ (?!), и опредѣливъ приносимую ими пользу (болѣе легкое чтеніе чужихъ сочиненій и точное пониманіе ихъ смысла), авторъ говоритъ объ ихъ употребленіи и даетъ рядъ правилъ въ обычномъ школьномъ догматическомъ духѣ, приводя рядъ примѣровъ изъ нашихъ писателей.

Вопросы правописанія служили у насъ въ это время предметомъ заботъ не только со стороны педагоговъ и ученыхъ, но и администраціи. Въ томъ же 1822 году, по случаю изданія въ Вильнѣ нѣкіимъ Згерскимъ оды „Богъ“, напечатанной безъ буквы ъ, предписано было цензорамъ наблюдать строго, чтобы впредь подобнаго уклоненія отъ общепринятаго правописанія никоимъ образомъ не допускалось [1]).

Къ слѣдующему 1823 г. относится статья Ив. Ѳ. Калайдовича: „О степеняхъ прилагательныхъ и нарѣчій качественныхъ“ [2]). Авторъ начинаетъ свою статью заявленіемъ, что „позволительно заимствовать у иностранцевъ полезное“. Къ числу такихъ предметовъ, которыми можно воспользоваться, „принадлежитъ и Французская Грамматика, обработанная ученѣйшими мужами Франціи“. Поэтому авторъ и осмѣливается предложить „правила о степеняхъ Русскихъ прилагательныхъ, по образцамъ Французскихъ Грамматиковъ“, прилагая „правила языка Русскаго къ правиламъ Все-

[1]) См. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I». Спб. 1866, стр. 47 и 95.

[2]) „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“, ч. III (отъ начала 23-я), 1823 г., стр. 107—132.

общей Грамматики". По словамъ автора, изъ его правилъ „можно будетъ усмотрѣть, что языкъ нашъ точно имѣетъ всю полноту и чрезвычайную разнообразность выраженій, которыми онъ превосходитъ многіе новѣйшіе языки, и которыя, ежели смѣю такъ сказать, несправедливо у него похищаются скудными правилами, предлагаемыми въ нашихъ Грамматикахъ". Говоря о различеніи въ обычныхъ грамматикахъ трехъ степеней сравненія, И. Калайдовичъ замѣчаетъ, что оно смѣшиваетъ „два вида степеней, совершенно между собою различные, именно: *степени значенія* и *степени сравненія*". Понятія эти и термины почерпнуты нашимъ авторомъ изъ французской литературы, и именно изъ указываемыхъ имъ „Eléments de grammaire générale appliquée à la langue Françoise par R. A. Sicard" (1799—1808, 2 т.), передѣланныхъ для русскихъ учениковъ Блемеромъ. Далѣе выясняются эти понятія, со ссылками на французскую грамматическую литературу. Цитируются: Левизака († 1813 г.), „L'art de parler et d'écrire correctement la langue Françoise" (7-е Парижск. изданіе), „Grammaire des grammaires etc. par Girault Duvivier" (Парижъ, 4 изд.), грамматики Dumarsais (р. 1676, † 1756), Шапсаля (р. 1788, † 1858) [1]) и др.

Сообразно своимъ пособіямъ, Калайдовичъ устанавливаетъ три главныхъ степени значенія: *низкую, положительную*, или *обыкновенную*, и *превосходную*, или *высокую*, и столько же степеней *сравненія: высшую, низшую* и *равенства*, или *равную*. У самихъ прилагательныхъ Калайдовичъ различаетъ двѣ формы: *соименную* (т. е. сложную, напр. *прекрасный* цвѣтокъ) и *соглагольную* (т. е. простую: цвѣтокъ *прекрасенъ*). Ниже описывается образованіе разныхъ степеней *значенія* и *сравненія*, причемъ авторъ нигдѣ не выходитъ изъ рамокъ обычной практической, школьной грамматики. Превосходная степень значенія, по его словамъ, образуется „или чрезъ сложеніе прилагательнаго и нарѣчія съ частицами *пре*, *все*, или чрезъ прибавленіе нарѣчій *очень, весьма*; низкая же степень—при помощи суффикса *атый* (напр., *синеватый*) и т. д. Подъ *равной* степенью сравненія Калайдовичъ разумѣетъ обороты, при помощи выраженій *равно какъ, также какъ, столько сколько* и т. д. Положенія статьи иллюстрируются примѣрами изъ современныхъ и болѣе раннихъ писателей (Мерзлякова, Дмитріева, Жуковскаго, Карамзина, кн. Долгорукова,

---

[1]) Здѣсь очевидно имѣются въ виду: du Marsais, „Principes de Grammaire, ou des causes de la parole" (см. полное собраніе сочиненій, 1797 г., 7 т.) и Chapsal, „Nouvelle grammaire française" (2 т., 1823).

Державина, Хераскова, Ломоносова) и даже изъ народныхъ пѣсней (всего одна цитата). Болдыревскія замѣчанія относительно сравнительной степени (см. выше, стр. 1033) принимаются и Калайдовичемъ, называющимъ статью своего предшественника „прекрасной". Въ общемъ этюдъ Калайдовича долженъ быть признанъ неудачной попыткой рабскаго перенесенія къ намъ схемъ, выработанныхъ французской школьной и всеобщей грамматикой, однимъ изъ плодовъ того подражательнаго направленія нашей грамматики, которое справедливо осуждалъ Шишковъ за годъ передъ этимъ, въ своемъ планѣ ученыхъ работъ Росс. Академіи (см. выше, стр. 1044).

Двѣ грамматическихъ статьи въ этомъ же году помѣстилъ и „Вѣстникъ Европы". Первая изъ нихъ, „Начальныя правила Грамматики" [1]), принадлежала самому издателю журнала М. Т. Каченовскому (подпись: М. К—iй) и представляла собой извлеченіе изъ грамматики извѣстнаго польскаго грамматика Копчинскаго, припаровленной къ русскому и латинскому языкамъ. Составитель „видѣлъ съ удивленіемъ, какъ охотно и легко дитя малолѣтное посредствомъ сей методы пріобрѣтало основныя свѣдѣнія о двухъ языкахъ въ одно время, и даже, можно сказать, получало понятіе о составѣ слова человѣческаго". Убѣдившись въ пользѣ „своей тетрадки", онъ рѣшился напечатать ее „почти въ такомъ видѣ, какъ была она писана для одного, любезнаго ему, дитяти", тѣмъ болѣе, что „нѣкоторые наставники послѣ брали ее" у него „и переписывали для своего употребленія". Каченовскій полагалъ, что напечатаніе методы Копчинскаго расширитъ кругъ ея дѣйствія и доставитъ удовольствіе многимъ читателямъ „какъ новостію своею, такъ и обдуманнымъ изложеніемъ". Извлеченіе его содержало сжатый очеркъ обычной школьной „этимологіи" русскаго и латинскаго языковъ, изложенный параллельно и начинающійся прямо съ опредѣленія восьми частей рѣчи. Научнаго характера оно совершенно не имѣло.

Вторая статья касалась излюбленнаго тогда вопроса о русскомъ и славянскомъ глаголѣ и принадлежала знакомому уже намъ Ив. Ѳ. Калайдовичу. Она озаглавлена: „Нѣчто о прошедшихъ временахъ глаголовъ и вообще о формахъ временъ въ языкахъ Церковно-Славянскомъ и Русскомъ" [2]) и не лишена интереса въ историческомъ отношеніи. Калайдовичъ отправляется отъ одного изъ положеній Болдыревскаго „Разсужденія о средствахъ

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1823 г. (ч. 129), № 11, стр. 178—206.
[2]) Тамъ же (ч. 130), № 13—14, стр. 65—73.

исправить ошибки въ глаголахъ Русскихъ" (см. выше, стр. 1015—1016), согласно которому русскій языкъ имѣетъ двѣ особенныхъ формы временныхъ окончаній, а церковнославянскій—три (настоящее или будущее, „прошедшее на *хъ*" и „прошедшее на *лъ*"). Къ этимъ положеніямъ нашъ авторъ присоединяетъ свои замѣчанія, интересныя для того времени. „Первыя двѣ формы" (очевидно, настоящаго и „прошедшаго на *хъ*") онъ считаетъ „составными изъ *корня* глагола и изъ глагола *есмь*". Остатки этого глагола Калайдовичъ видитъ въ окончаніяхъ перваго лица наст. вр. въ польскомъ (iem, am, ę) и сербскомъ (*ам, ем, им*) языкахъ, сближая ихъ съ польск. jestem и серб. *iесам, сам*. Окончанія прочихъ лицъ также, по его мнѣнію, „явно происходятъ отъ соотвѣтствующихъ окончаній существительнаго глагола (еши—еси, етъ—есть, емъ—есмы, ете—есте, уть—суть)". Идея эта является у насъ здѣсь впервые. На западѣ она не была новостью въ это время и излагалась Боппомъ еще въ 1816 г., въ его „Conjugationssystem" (см. выше, стр. 6—9). Авторъ почерпнулъ ее, впрочемъ, изъ другого источника, а именно изъ книги Сикара „Elémens de grammaire générale etc.", имъ и указываемой. Не столь очевидно, по его словамъ, присутствіе глагола *есмь* во второй формѣ (т. е. аористѣ или имперфектѣ), но и тутъ онъ открываетъ его: 3 лицо ед. ч. на *е* сходно съ сербск. *jе* (есть), а формы изъ Слова о П. Игоревѣ, въ родѣ *растекашеться, растяшеть, погибашеть* и т. д., сходны съ *есть*; кромѣ того 1 л. множ. ч. оканчивается на *ы* (!), какъ и *есмы*, 2 л. множ. ч. на *сте* весьма сходно съ *есте*, а третье на *уть* (напр. въ Кенигсбергской лѣтописи: *носяхуть* и въ Словѣ о П. Игор. *говоряхуть, граяхуть*) сходно съ *суть*. Сербское *смо* въ 1 л. мн. ч. отожествляется имъ съ *jесмо*=нашему *есмы*. Третью форму прош. времени на *лъ* Калайдовичъ рѣшительно отдѣляетъ отъ прочихъ временъ и называетъ ее (ссылаясь на „Разсужденіе" Востокова) *усѣченнымъ* или *простымъ*, *несложнымъ* причастіемъ. Въ пользу этого говоритъ измѣненіе данной формы по родамъ, употребленіе ея, наряду съ другими причастіями, въ описательныхъ формахъ съ вспомогат. глаголомъ *есмь*, затѣмъ—въ церковнославянскомъ сослагат. наклоненіи (*да былъ хранилъ*) и въ польскомъ сложномъ будущемъ (będę umiał), а также присутствіе въ русскомъ *полныхъ* или *сложныхъ* формъ этого причастія, превратившихся уже въ прилагательныя, въ родѣ *горѣлый, погорѣлый, стоялый, постоялый* и т. д.

Въ заключеніе Калайдовичъ указываетъ, что послѣднее его мнѣніе (о причастномъ происхожденіи нашего такъ называемаго прош. времени) принадлежитъ покойному г. Самсонову (?), ссы-

лавшемуся въ подтвержденіе его также на перифрастическія формы и прилагательныя въ родѣ *горѣлый*. Кромѣ того, это же мнѣніе Калайдовичъ нашелъ и у Крижанича, котораго называетъ „ученымъ Кроатомъ", жившимъ „болѣе нежели за 150 лѣтъ предъ симъ" и составившимъ „у насъ въ Россіи сводную Грамматику Славянскихъ нарѣчій, о которой подробныя свѣдѣнія сообщены будутъ публикѣ при другомъ случаѣ" [1]). Въ пространныхъ примѣчаніяхъ къ статьѣ подробнѣе выясняются извѣстныя уже намъ положенія автора. Такъ во 2-мъ примѣчаніи обращается вниманіе на свойственную новому церковнославянскому языку замѣну 2-го л. ед. ч. аориста посредствомъ сложнаго прошедшаго (съ причастіемъ на *лъ*), примѣръ которой авторъ видѣлъ въ лѣтописи Нестора, Словѣ о П. Игоря и въ небольшомъ извѣстномъ ему отрывкѣ Остромирова евангелія. Сербскій языкъ, по словамъ Калайдовича, не знаетъ этой замѣны, и въ немъ „лице сіе кончится всегда сходно съ третьимъ (на *ше*, или *а*, или *ао*: играше, игра, играо)" [2]). Объясненіе этой замѣны уже почти тожественно съ современнымъ взглядомъ на нее: „первые переводчики церковныхъ книгъ нашихъ не были природные Славяне: одинакое окончаніе двухъ лицъ могло показаться имъ сбивчивымъ, и для того они разсудили употребить другую форму (на *лъ*), уже существовавшую... которая совершенно замѣняла первую; послѣдующіе же писатели, сообразуясь съ языкомъ Библіи, навсегда утвердили ея употребленіе". Здѣсь неправильно только отнесеніе данной замѣны въ эпохѣ первоучителей, которымъ она и приписывается; самая же замѣна объяснена вѣрно.

Въ примѣчаніи 5-мъ Калайдовичъ находитъ глаголъ *семь* въ формахъ 3 л. аориста и настоящаго времени, въ родѣ *бысть, дасть, дастъ*, а въ 6-мъ указываетъ на дѣйствительно сложный составъ польскаго прош. вр., въ родѣ umiałem, umiałam-łom: łeś, łaś, łoś... umieliśmy,—iscie и т. д. Въ 7 примѣчаніи приводятся изъ Русской Правды русскія образованія, параллельныя польскому сложному прошедшему, въ родѣ będę umiał: *а кто ли будетъ началъ, зане не знаетъ у кого будетъ купилъ* и т. д. Разумѣется, рядомъ съ удачными и новыми по тогдашнему объясненіями и взглядами, мы встрѣчаемъ у Калайдовича и грубыя ошибки, не лишенныя

---

[1]) Ив. Θ. Калайдовичъ разумѣлъ здѣсь, повидимому, извѣстную книгу своего старшаго брата К. Θ.: «Іоаннъ,Ексархъ Болгарскій» и т. д. (М. 1824), въ одномъ изъ примѣчаній которой дѣйствительно были потомъ сообщены болѣе подробныя свѣдѣнія о Крижаничѣ (см. выше, стр. 912).

[2]) Калайдовичъ, очевидно, и не подозрѣвалъ, что сербское *играо* тожественно съ русск. *игралъ*!

историческаго интереса. Таково, напр., смѣшеніе имъ сербск. формы сложнаго прошедшаго *играо* съ аористомъ *игра* и имперфектомъ *играше*, отмѣченное нами выше, или пониманіе причастія прош. вр. *расточивъ*, какъ сложнаго прошедшаго (одинаковаго съ малорусскими формами *бувъ, була, ло, лы!*), въ такой фразѣ, какъ *и сбирасши, яжс не расточивъ* (Остром. Ев. Матѳ. гл. 25) и т. д.

Несмотря на подобные промахи, статья Ив. Ѳ. Калайдовича представляетъ историческій интересъ, какъ одна изъ первыхъ у насъ попытокъ основать объясненія русскихъ грамматическихъ формъ на сравненіи ихъ съ формами другихъ славянскихъ языковъ. Ссылки на древніе памятники языка (лѣтопись Нестора, Слово о Полку Игоря, Остромирово еванг., Русская Правда) придаютъ работѣ историческій характеръ. Заслуживаетъ упоминанія и знакомство автора съ трудами его предшественниковъ и современниковъ (статьи Болдырева, Разсужденіе Востокова, на которое онъ ссылается нѣсколько разъ, статья проф. Фатера и т. д.).

Востоковъ тѣмъ временемъ все продолжалъ трудиться надъ своей славянской грамматикой. 19-го іюля 1823 г. онъ писалъ К. Ѳ. Калайдовичу: „Я теперь принялся за отработку начисто собираемыхъ мною давно уже матеріаловъ къ Словенской Грамматикѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я появленія въ свѣтъ вашего Ексарха, изъ коего почерпну важныя пособія въ предстоящемъ мнѣ трудѣ, такъ какъ уже и прежнія изслѣдованія и открытія ваши по археологіи служатъ мнѣ большою помощью... Вы мнѣ позволите... прибѣгать къ вамъ и особенно для разрѣшенія сомнѣній, какія мнѣ въ продолженіи труда моего встрѣчаться могутъ. Я уже и теперь, при обработываніи 1-хъ §§ моей Грамматики, имѣю до васъ двѣ таковыя просьбицы“ (проситъ списать начало и конецъ сказанія *о писменехъ* Черноризца Храбра, нужнаго „для нѣкоторыхъ соображеній при составленіи... Грамматики“, и сообщить свѣдѣнія относительно письменнаго знака для 900) [1]). Составленіе этой грамматики, однако, затянулось у Востокова на многіе годы.

Въ этомъ же году явилась „Полная россійская грамматика съ присовокупленіемъ краткой исторіи славянороссійскаго языка, составленная въ пользу юношества Константиномъ Меморскимъ“ (Москва. Въ типогр. Августа Семена, при Имп. Медико-Хирург. акад. 1823. 8°, 180 + III стр.). Грамматика эта, однако, не даетъ ничего новаго, представляя обыкновенное школьное руководство,

---

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. рус. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 63—64.

скомпилированное изъ другихъ ходячихъ учебниковъ. Можно лишь отмѣтить въ ней довольно обширный отдѣлъ „о слогоударенiи или произношенiи словъ“ (стр. 114—134), трактованный, однако, въ томъ же родѣ, какъ, напр., у Орнатовскаго (см. выше, стр. 731) и другихъ предшественниковъ автора. Такъ же мало самостоятельна и приложенная къ грамматикѣ „Краткая исторiя Славяно-Россiйскаго языка“ (стр. 167—80), представляющая компиляцiю изъ аналогичныхъ очерковъ Фатера, Орнатовскаго, Тимковскаго и др. Конкретныхъ фактовъ искать здѣсь было бы напрасно; внутренняя исторiя самого языка не затрогивается, и все содержанiе сводится къ чисто внѣшнему очерку общихъ историческихъ условiй, въ которыхъ приходилось развиваться русскому языку (христiанство, монгольское иго, западное влiянiе и т. д.).

Къ 1824 г. относится новая статья Ив. Ѳ. Калайдовича, обнаруживавшаго въ это время довольно оживленную дѣятельность въ области грамматическихъ вопросовъ: „О залогахъ глаголовъ русскихъ“ („Сочиненiя въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“ 1824 г., ч. IV [24], стр. 70—101). Появленiе своей статьи онъ оправдываетъ слѣдующимъ образомъ: „въ наше время много занимаются Грамматикою языка Русскаго: предметъ поистинѣ достойный занятiя, хотя, для нѣкоторыхъ, можетъ онъ казаться сухимъ, безплоднымъ, или даже дѣтскимъ“. Важность грамматическихъ занятiй Калайдовичъ доказываетъ цитатой изъ Квинтилiана (по „Cours de Rhétorique et des belles lettres“ Блера) и указанiемъ на то, что русскiй языкъ „богатъ и силенъ, какъ народъ, который говоритъ имъ; а Грамматика еще во младенчествѣ“. Поэтому непростительно было бы намъ, „имѣя алмазъ въ корѣ, оставить его въ натуральной дикости“, ибо „языкъ есть собственность народа..., которая должна... постоянно обработываться..., улучшаться и приносить отчасу большiй доходъ“. Относительно залоговъ русскаго глагола нашъ авторъ ставитъ слѣдущiе три вопроса, которые и пытается разрѣшить въ своей статьѣ: 1) „*способствуютъ ли залоги наши къ познанiю знаменованiя глаголовъ?* 2) *нужно ли раздѣленiе глаголовъ Русскихъ на залоги, для показанiя различiй ихъ въ спряженiи?* и 3) *способствуетъ ли раздѣленiе наше на залоги къ познанiю правилъ сочиненiя глаголовъ?*“

Отвѣты на эти вопросы даются отрицательные. Такъ по первому пункту устанавливается, что дѣленiе на „залоги мало полезно для познанiя знаменованiя самихъ глаголовъ“; по второму, что „оно вовсе безполезно для изученiя спряженiй“, и по третьему, что оно „мало способствуетъ познанiю правилъ сочиненiя глаго-

ловъ". Анализъ самихъ фактовъ, изъ котораго дѣлаются эти выводы, не выходитъ, впрочемъ, почти изъ рамокъ школьной грамматики, имѣетъ вообще элементарный характеръ и не вездѣ свободенъ отъ ошибокъ. Такъ авторъ считаетъ глаголы *трудиться* и *стараться* дѣйствительными (по смыслу), а не общими, „ибо *трудиться надъ чѣмъ нибудь* не означаетъ ли дѣйствія переходящаго?" Къ сравненію съ другими языками (французскимъ, латинскимъ и церковнославянскимъ) Калайдовичъ прибѣгаетъ рѣдко, а о его знаніяхъ въ области церковнославянскаго языка краснорѣчиво говоритъ примѣчаніе на стр. 89, въ которомъ библейскіе случаи, въ родѣ „всади мужа *на конь*" (4 Цар. IX, 17) и „приведоша къ нему *дѣти*" (Матѳ. XIX, 13), приравниваются народнымъ оборотамъ: *труба* закрыть, *квашня* замѣсить и т. д. И тутъ, и тамъ Калайдовичъ видитъ употребленіе имепит. падежа, вмѣсто винительнаго. Относясь отрицательно къ теоріи залоговъ русскаго глагола, которую онъ характеризуетъ какъ „хаосъ", нашъ авторъ все же не находитъ возможнымъ выбросить залоги изъ грамматики, утверждая, что „знаменованіе глаголовъ, или раздѣленіе на залоги, проистекаетъ изъ натуры глагола".

Несмотря на свою элементарность и незначительность результатовъ, достигнутыхъ анализомъ залоговъ русскаго глагола, статья И. Калайдовича (первая по этому вопросу) всетаки свидѣтельствовала о нарожденіи у насъ критическаго отношенія къ истинамъ традиціонной грамматики, стремленія къ ихъ пересмотру и установленію болѣе правильныхъ и вѣрныхъ взглядовъ на тѣ или другія особенности языка. Нѣтъ сомнѣнія, что такое стремленіе являлось залогомъ будущаго уже чисто научнаго развитія въ данной области знанія.

За этой статьей явилась другая, того же автора: „Замѣчанія о родахъ Грамматическихъ въ языкѣ Русскомъ" („Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Сл., ч. V = XXV, 1824, стр. 171—205). Вопросъ, разсматривавшійся въ ней, также впервые поднимался въ нашей литературѣ. На происхожденіе категоріи рода И. Калайдовичъ смотритъ согласно съ тогдашними взглядами европейской „всеобщей грамматики", ссылаясь на книги Блера (Cours de rhétorique et de belles-lettres par Blair, leç. VIII) и Дювивье („Grammaire des Grammaires", стр. 872): „различіе половъ въ животныхъ и очевидное несходство ихъ съ неодушевленными вещами произвело различіе въ наименованіяхъ ихъ; отсюда произошли правильные Грамматическіе роды: для именъ животныхъ мужескій и женскій, для бездушныхъ вещей средній. Но когда произвольное употребленіе, или другія неизвѣстныя

причины нарушили сіе коренное правило, такъ что по роду имени не только нельзя узнать пола, имъ означаемаго (напр. въ словахъ: *соловей, лошадь*), но и самыя названія не имѣющихъ пола вещей стали причислять къ тому или другому роду, смотря по сходству ихъ окончанія и склоненія съ именами половъ; то теперь *Грамматическіе роды служатъ только къ различенію трехъ способовъ согласовать прилагательное съ существительнымъ*, принимая первое слово въ обширномъ его значеніи" (стр. 171—72). Въ связи съ этимъ общимъ взглядомъ на современное значеніе граммат. родовъ, Калайдовичъ дѣлитъ всѣ части рѣчи на „родовыя, или имѣющія роды частію по натурѣ означаемыхъ ими понятій, частію по этимологическому сходству съ первыми, каковы имена; не согласующіяся, или имѣющія роды по отношенію къ первымъ, таковы прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и глаголы; и на безродныя, не имѣющія родовъ и несогласующіяся съ именами, таковы нарѣчія. предлоги и междуметія„ (стр. 172). Далѣе даются правила (въ обычномъ школьно-грамматическомъ вкусѣ) для опредѣленія рода по окончаніямъ и т. д. Въ приложеніяхъ (ст. 191—205) приводятся цѣлые списки именъ всѣхъ граммат. родовъ, а также рядъ орѳографическихъ и грамматическихъ „правилъ" и предложеній, которыя, по мнѣнію автора, оказывались слишкомъ подробными для помѣщенія ихъ въ основномъ текстѣ или требовали еще обсужденія и ближайшаго разсмотрѣнія.

Статья Калайдовича вызвала обстоятельный разборъ ея, появившійся въ „Сынѣ Отечества" 1825 г. (ч. 100, № 5, стр. 36—56). Критикъ прежде всего не соглашается съ общимъ положеніемъ Калайдовича, что въ современномъ языкѣ грамматическій родъ является лишь средствомъ „къ различенію трехъ способовъ согласовать прилагательное съ существительнымъ". Для нашего критика это положеніе „не слишкомъ понятно". По его мнѣнію, „существительныя имена произошли гораздо ранѣе прилагательныхъ, слѣдственно, придавая первымъ значеніе пола, человѣкъ не могъ думать о способѣ совокупленія съ ними послѣднихъ". Значеніе родовъ кажется критику не столь случайнымъ, какъ Калайдовичу: „младенчествующій человѣкъ, составляя языкъ, одушевлялъ всю природу; находя въ предметахъ одушевленныхъ различіе половъ, онъ переносилъ сіе свойство и на неодушевленные; большіе, сильные, грозные предметы получали значеніе рода мужескаго; малые, слабые, пріятные женскаго". Какъ примѣръ, приводятся звукоподражательныя слова муж. рода: *крикъ, вопль, вой, свистъ, визгъ, бой;* отвлеченныя имена женскаго: *жизнь,*

сладость, горечь, печаль; отглагольныя—средняго: *дѣяніе, уныніе, бытіе* и т. д. Критикъ не можетъ согласиться и съ рутиннымъ, школьно-грамматическимъ отношеніемъ Калайдовича къ предмету его статьи. Смотрѣть на грамматику „только какъ на собраніе правилъ употребленія языка, приведенныхъ въ извѣстный порядокъ“, значитъ „ограничивать и даже унижать сію благородную Науку“. Несомнѣнно нашъ критикъ смотрѣлъ шире на задачи грамматики, устанавливая слѣдующія „три главныя отрасли“ ея: „1) *Изслѣдованіе законовъ мыслящей силы* и средствъ, употребляемыхъ ею для изображенія своихъ представленій произвольными знаками, голосомъ, письмомъ, тѣлодвиженіями и пр. 2) *Изслѣдованіе строенія и дѣйствій органовъ голоса человѣческаго, какъ главнѣйшихъ орудій къ выраженію словъ, знаковъ мыслей* (курсивъ нашъ), и 3) Изслѣдованіе, какимъ образомъ отдѣльный народъ (языкъ) совокупляетъ первыя двѣ отрасли“. По мнѣнію критика, „если мы ограничимся одною только послѣднею отраслію, то всѣ наши знанія и уроки будутъ неосновательны, сбивчивы, темны, и *Наука* языка превратится въ *сборъ правилъ*, болѣе или менѣе основательныхъ. Между первою и послѣднимъ такая же разница, какъ, напримѣръ, между Естественною Исторіею и Технологіею...“. Далѣе указываются разныя неточности и пропуски въ правилахъ Калайдовича, которыя критикъ находитъ неосновательными, недостаточными, основанными на случайныхъ признакахъ и т. д., упрекая автора въ томъ, что онъ нерѣдко смѣшиваетъ чисто семасіологическій вопросъ о родѣ съ вопросами морфологическими (образованіе словъ, склоненіе и т. д.). Большая часть замѣчаній критика должна быть признана вполнѣ основательной, хотя и онъ не выходилъ изъ предѣловъ обыкновенной практической или школьной грамматики.

Калайдовичъ не остался въ долгу и отвѣчалъ пространнымъ и многорѣчивымъ возраженіемъ (также въ „Сынѣ Отечества“ 1825 г. 101, стр. 51—66, 155—77, 267—76), которое, однако, не устраняло большинства возраженій его критика [1]). Впослѣдствіи, очевидно, подъ вліяніемъ указанной полемики, онъ снова вернулся къ своимъ „Замѣчаніямъ о родахъ Грамматическихъ“, напечатавъ рядъ поправокъ къ нимъ (въ XXVI ч. Трудовъ Моск. Общ. Люб.

[1]) Нѣкоторыя мѣста антикритики Калайдовича зато любопытны въ другихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ еще могутъ представлять научный интересъ въ глазахъ современнаго фонетика. Таковы, напр., его разсужденія о произношеніи звука *е* (стр. 159—164), или о неясности неударенныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ (стр. 162—63, примѣч.) и т. д.

Росс. Сл. = Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, т. VI, 1826 г. стр. 351—359).

Разсмотрѣнныя статьи и монографіи по разнымъ вопросамъ русской грамматики, появлявшіяся главнымъ образомъ въ „Трудахъ“ Моск. Общ. Люб. Росс. Сл. за время отъ 1810 по 1825 г., несомнѣнно свидѣтельствуютъ о нарожденіи въ русскомъ обществѣ грамматической любознательности и, конечно, сыграли извѣстную историческую роль въ развитіи нашего языкознанія. Вытекая изъ безкорыстнаго научнаго интереса, хотя бы покуда еще очень наивнаго и неглубокаго, онѣ въ свою очередь пробуждали этотъ интересъ въ болѣе широкихъ кругахъ общества и подготовляли почву для появленія болѣе серьезныхъ научныхъ работъ. Имѣя большею частью вполнѣ эмпирическій характеръ, онѣ несомнѣнно оказали извѣстную пользу систематизаціи, критикѣ и разработкѣ грамматическаго матеріала, хотя бы уже тѣмъ, что впервые ставили рядъ спеціальныхъ вопросовъ и возбуждали ихъ обсужденіе, какъ, напримѣръ, въ только что описанной полемикѣ о грамматическомъ родѣ.

Изъ другихъ проявленій грамматическаго интереса у насъ въ концѣ первой четверти XIX в. отмѣтимъ любопытное мѣсто въ письмѣ гр. Румянцова Востокову отъ 28 окт. 1824 г., въ которомъ канцлеръ, препровождая своему петербургскому сотруднику рукопись Лѣствичника XII в., просилъ сличить ее съ другимъ спискомъ своей библіотеки (писаннымъ на цѣлый вѣкъ позже), „дабы опредѣлить ту перемѣну Славано-русскаго языка, которой онъ подвергнулся въ теченіи 100 лѣтъ“ [1]).

Не лишено историческаго интереса и предпріятіе митрополита Евгенія Болховитинова, который въ 1825 г. сообщилъ Имп. Росс. Академіи свой „письменный переводъ нѣкоторыхъ статей изъ Шлецеровой грамматики Россійской“ [2]). Евгеній давно уже былъ знакомъ съ этой грамматикой и еще въ 1815 году находилъ, что въ ней собранъ „довольно достаточный этимологическій словарь для сличенія нашего языка съ другими“ [3]). Академія охотно приняла трудъ Евгенія и посвятила его чтенію рядъ засѣданій. Въ первомъ же изъ нихъ, 4-го іюля 1825 года, было прочтено „нѣсколько статей, выписанныхъ изъ вступленія въ Грамматику, въ

---

[1]) Сборникъ статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. II, стр. 144.

[2]) См. подлинныя «Записки засѣданій Импер. Росс. Акад.» за 1825 г., хранящіяся въ рукописномъ отдѣлѣ I отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ, протоколъ № 22, 4-го іюля 1825 г.

[3]) См. письмо Евгенія къ казанск. проф. Городчанинову отъ 29 сент. 1815 г., въ Сборн. статей, чит. въ отд. р. яз. и слов., т. V, вып. I, стр. 53.

коихъ между прочимъ доказывается многими примѣрами сходство языковъ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Славянскаго“ [1]). Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ (11-го, 18-го и 25-го іюля; 1-го. 8-го и 22-го авг., 12-го и 19-го сентября, 3-го, 24-го и 31 окт., 7-го, 14-го и 28-го ноября, 5-го и 12-го декабря) читалось по нѣскольку словъ изъ этимологическаго перечня Шлецера, „съ приложенными къ нимъ разными созвучными и однозначущими иностранными словами“ [2]). Переводъ Евгенія, впрочемъ, остался въ рукописи и въ архивѣ Россійской Академіи не сохранился.

Въ 1825 году явилась у насъ новая грамматика старославянскаго языка, составленная, какъ гласило заглавіе (см. выше, стр. 1005, примѣч.), по порученію начальства старшимъ учителемъ С.-Петербургской гимназіи Иваномъ Пенинскимъ и „заимствованная преимущественно изъ Грамматики г. Добровскаго“ („Спб. Въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія 1825 г.“ 8°, 2 ненум. + XXI + 2 ненум. + 219 стр.). Грамматика эта надолго стала общепринятымъ руководствомъ въ нашей школѣ и продолжала выходить повторными изданіями вплоть до 1856 г. включительно. Несомнѣнно она стояла выше предшествующихъ аналогичныхъ грамматикъ М. Смотрицкаго и передѣлокъ ея Өедорова (1721 г.) и Максимова (1723 г.) (вышедшихъ въ XVII—XVIII вв.) и основанныхъ на нихъ же учебника Розанова (см. выше, стр. 732) и передѣлки послѣдняго, изданной П. Виноградовымъ (см. выше, стр. 1003, прим.), постольку, поскольку основывалась на „Institutiones“ Добровскаго. Своего составитель вложилъ въ нее немного, и это свое никоимъ образомъ не содѣйствовало ея украшенію. Въ „Предувѣдомленіи“ (стр. 1—XXI) Пенинскій такъ опредѣляетъ отношеніе своей книги къ труду Добровскаго: „въ ней почти все заимствовано изъ Грамматики г. Добровскаго, исключая обыкновенныхъ связей, состоящихъ въ опредѣленіяхъ, и тому подобномъ, и нѣкоторыхъ правилъ Орөографіи и Синтаксиса, взятыхъ... изъ Грамматики Мелетія Смотрицкаго. Принявъ, подобно г. Добровскому, основаніемъ Славянскаго языка древнее его нарѣчіе, или языкъ Священныхъ писаній“, составитель „не упускалъ нигдѣ случая показывать въ примѣчаніяхъ ходъ и употребленіе его у насъ въ связи съ общенароднымъ языкомъ; прочихъ же діалектовъ его (т. е., очевидно, прочихъ славянскихъ языковъ) касался тогда только, когда чрезъ сіе лучше объяснялось главное правило“. Орөографію Пенинскій старался „представить въ такомъ

---

[1]) См. цитир. «Записки» Имп. Рос. Ак. 1825 г. протоколъ № 22.

[2]) См. тамъ-же, соотвѣтствующіе протоколы.

видѣ, дабы съ помощію оной можно было бы читать не одни священныя книги новѣйшихъ изданій, но и всякую древнюю Славянскую книгу и рукопись. Въ ней должно было помѣстить многое, кажущееся при первомъ взглядѣ излишнимъ, но безъ чего трудно уразумѣть надлежащимъ образомъ самыя Склоненія и Спряженія". Необходимо это было еще потому, „что Славянскій языкъ и въ наружномъ устроеніи словъ и измѣненіи ихъ весьма сходенъ съ Греческимъ (?!)". Въ этимологіи составитель „расположилъ предметы ближайшимъ къ понятію воспитанниковъ образомъ, и умножилъ число таблицъ, оставивъ, впрочемъ, раздѣленіе частей рѣчи и изложеніе ихъ въ томъ же видѣ", какъ у Добровскаго, а изъ синтаксиса „ничего не выпустилъ, но еще пополнилъ оный". Главной цѣлью при этомъ было „составить Грамматику, могущую служить руководствомъ къ преподаванію правилъ Славянскаго языка въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ". Съ пропусками же она могла служить для преподаванія и въ уѣздныхъ училищахъ и пансіонахъ. Составитель счелъ долгомъ указать также „что въ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ старинныхъ книгъ и рукописей, удержана съ намѣреніемъ самая Орѳографія оныхъ" (стр. XVIII—XXI).

Разумѣется, грамматика Пенинскаго представляла рядъ устарѣлыхъ и ошибочныхъ взглядовъ, хотя бы и почерпнутыхъ у Добровскаго, но тѣмъ не менѣе продержалась въ употребленіи болѣе 30 лѣтъ. Изобрѣтеніе глаголицы въ ней относится къ началу XIII в. и приписывается „одному изъ служителей Римско-Католической Далматской церкви", который сократилъ азбуку Кирилла, „измѣнивъ образъ начертанія" ея буквъ по своему произволу стр. 5); ѧ и ꙗ, ѧ считаются тожественными, и этимъ смѣшеніемъ объясняется сербское *веа* вм. кьсѧ (стр. 9 и 22); *язъ* считается болѣе древнимъ, чѣмъ *азъ* (стр. 9—10); ѫ приравнивается оу или ꙋ (стр. 12 и 21); ъ и ь считаются знаками, служащими „для умѣренія звука согласныхъ, оканчивающихъ складъ (т. е. слогъ) или слово" (стр. 14—15); изъ написаній *съмьрть. испълнь, плъть, кръвь, дългo* и т. д. дѣлается выводъ, что „ъ дебелое не рѣдко замѣняло встарину гласную *о*, а мягкое *ь—е* или *и*" (стр. 17—18); „помощію ъ различали встарину слова сложныя отъ простыхъ; какъ напр., *свѣтъ* и *съвѣтъ* (совѣтъ)" (стр. 18); „щ замѣнялось иногда въ рукописяхъ буквами шт" (стр. 28); формы *волна, плоть, желчь, слеза, вергу, торгъ* и имъ подобныя считаются за древнія и выводятся изъ *влна, плть, жлчь, слза, вргу, тргъ* и т. д. (стр. 38—38) и т. д. Въ склоненіяхъ также постоянно встрѣчаются по-

выя формы, рядомъ съ древними, въ родѣ род. ед. *сына*, предл. *сынѣ*, зват. *сыне*, винит. множ. *сынове*, предл. *сыновѣхъ*, творит. *сыны* и *сыновы* и т. п. Тоже наблюдается и въ области глагола и т. д. Открытія Востокова въ его „Разсужденіи“ (1820 г.) прошли такимъ образомъ для Нешинскаго безслѣдно и, повидимому, остались ему совсѣмъ неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, всетаки грамматика его представляла нѣкоторый шагъ впередъ, хотя бы по обилію матеріала, почерпнутаго Добровскимъ изъ подлинныхъ памятниковъ.

Перечисленными работами ограничивается все сдѣланное у насъ въ области собственной грамматики русскаго и старославянскаго языка по 1825 г. включительно. Огромное большинство разсмотрѣнныхъ трудовъ не выходило изъ рамокъ школьной грамматики, но несмотря на это все же имѣло извѣстное подготовительное значеніе, хотя бы въ смыслѣ внѣшней систематизаціи матеріала.

Рядомъ съ чисто грамматическими работами, широкое мѣсто у насъ за это время отводилось синонимикѣ русскаго языка. Невыработанность литературнаго языка и шаткость его употребленія, вмѣстѣ съ примѣромъ западныхъ болѣе культурныхъ народовъ (особенно французовъ), невольно вызывали попытки „твердо установить“ или „опредѣлить“ значеніе тѣхъ или другихъ словъ, къ чему у насъ стремились еще въ XVIII в. (см. выше, стр. 284, 295, 302, 308). Стремленіе это еще въ послѣдней четверти XVIII в. привело къ первымъ опытамъ этого рода, каковы, напримѣръ, статьи фонъ Визина въ „Собесѣдникѣ Росс. Слова“ за 1783 г. (Ч. I, 126—34; ч. II, 113—14; ч. III, 121—26; ч. IV, 143—157; ч. X, 137—144) [1]). Довольно много статей по синонимикѣ явилось въ

[1]) Здѣсь разсматривались синонимы: 1) старый, давный, старинный, ветхій, древній, заматерѣлый; 2) чувство, чувствованіе, чувственность, чувствительность, ощущеніе; 3) робкій, трусливый; 4) основать, учредить, установить, устроить; 5) понятіе, мысль, мнѣніе; 6) обида, притѣсненіе; 7) сумасбродъ, шаль, невѣжда, глупецъ, дуракъ; 8) несчастіе, напасть. бѣда, бѣдствіе; 9) полно, довольно; 10) проступокъ, вина, преступленіе, злодѣяніе, грѣхъ; 11) низкій, подлый; 12) пособлять, помогать, вспомоществовать, давать помощь; 13) безпорочность, добродѣтель, честь; 14) лѣнивый, праздный; 15) запамятовать, забыть, предать забвенію; 16) совершить, окончить, прекратить; 17) званіе, чинъ, санъ; 18) правота, правосудіе; 19) суевѣръ, ханжа, пустосвятъ, святоша, лицемѣръ; 20) въ, во, на; 21) умъ, разумъ, разумѣніе, смыслъ, разсудокъ, разсужденіе, дарованіе, понятіе, воображеніе, толкъ; 22) всегда, непрестанно; 23) писецъ, писатель, сочинитель, творецъ; 24) намѣреніе, предпріятіе; 25) замыселъ, умыселъ; 26) письмо, грамота, посланіе; 27) влюбленный, любитель; 28) животное, скотъ; 29) милый, любезный; 30) ревность, ревнованіе; 81) домъ, дворъ; 32) миръ, тишина, покой.

началѣ XIX в. Таковы: переводныя съ франц. статьи изъ „Энциклопедіи“ въ IX части журнала „Иппокрена или утѣхи любословія“ (Москва, 1801 г., стр. 305—312, № 39: горесть, печаль, непріятность, и стр. 379—380, № 49: чистосердечіе, откровенность, искренность, простосердечіе. Переводчицами были, очевидно, родственницы: Ел...а Н.... и К... Н...ва, обитавшія въ селѣ Желень), цитированныя уже нами статьи Анастасевича въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1804—1805 (см. выше, стр. 701—702), анонимная статейка въ „Журналѣ Россійской Словесности“ Брусилова за 1805 годъ. (Ч. II, 53—55; синонимы: чувство, чувствованіе), упоминавшаяся уже статья Шишкова „О сословахъ“ („Сочиненія и переводы Имп. Росс. Акад.“ 1806 г., ч. II, см. выше, стр. 710), переводная съ франц. яз. статейка въ „Цвѣтникѣ“ 1810 г. (ч. VII, стр. 215—226; см. выше, стр. 739) и статья „О синонимахъ“ въ сборникѣ трудовъ воспитанниковъ Московскаго Университ. Благороднаго пансіона „Въ удовольствіе и пользу“ (Москва, ч. II, 1811 г., стр. 264—275). Въ этой послѣдней находимъ краткое опредѣленіе синонимовъ или „соименныхъ“ словъ, за которымъ слѣдуетъ рядъ примѣровъ, въ родѣ *колебаться—нерѣшаться, постоянный—твердый, цѣль—видъ—намѣреніе* и т. д. Авторъ статьи утверждаетъ, что синонимы показываютъ „главное качество или принадлежность какой-нибудь вещи, но не частное ея свойство“, вслѣдствіе чего „какъ бы сходство ни было велико, но никогда одно слово не можетъ обнять значенія другаго во всей его силѣ и полнотѣ“. Мнѣніе это подкрѣпляется рядомъ примѣровъ и ссылкой на аналогичный взглядъ французскаго грамматика Дюмарсе. Въ заключеніе статьи выясняется значеніе синонимовъ. По словамъ автора, они доставляютъ языку „надлежащую и точную опредѣленность,... ясность и правильность“. Вполнѣ понятно поэтому, что уже въ древности занимались синонимикой Гезихій, Цицеронъ, Квинтиліанъ, Варронъ, Фестій, Авлъ Геллій, оставившіе рядъ трудовъ въ этой области. Изъ европейскихъ спеціалистовъ по синонимикѣ первое мѣсто отводится французамъ (Жирардъ [1]), Дидеротъ, д'Аламбертъ, Дюмарсе [2]), Жокуръ [3]) и др.). Англія и Германія также давно уже имѣютъ словари синонимовъ. Россія же „которой языкъ столь обиленъ и богатъ, оставляетъ въ небреженіи свои сокровища, которыя до тѣхъ поръ не получатъ цѣны своей, пока будутъ“ чужды обработки.

---

[1]) См. выше, стр. 701, примѣч. 1.
[2]) См. выше, стр. 1048.
[3]) Louis Jaucourt (1704—1779), французскій литераторъ.

Кромѣ того, о „ссsucceeding“ было прочтено нѣсколько докладовъ въ Казанскомъ обществѣ любителей отечественной словесности. Такъ въ 1809 и 1810 гг. въ немъ читалъ доклады подобнаго содержанія Д. М. Княжевичъ (1788—1844), а въ 1811 г. прислалъ свои „сословы“ (на букву Б) директоръ оренбургскихъ училищъ, впослѣдствіи (съ 1815 г.) профессоръ философіи въ Казани, А. С. Лубкинъ († 1816). Доклады Княжевича, впрочемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями и литературными опытами, читавшимися въ обществѣ, не были одобрены къ напечатанію Казанскимъ попечителемъ Румовскимъ „по не русскому слогу и натянутому толкованію“ [1]). Тѣмъ не менѣе, надо думать, что они все-таки увидѣли свѣтъ, войдя въ составъ статей Княжевича: „Опытъ разбора русскихъ синонимъ“, напечатанныхъ имъ (за подписью К.) въ журналѣ „Санктпетербургскій Вѣстникъ“, издававшемся Обществомъ Любителей наукъ, Словесности и Художествъ (1812 г., ч. I, янв. № 1, стр. 84—88: „щастіе—благополучіе“; февр. № 2, стр. 150—158: „надменный, гордый, спесивый; полно, довольно“; мартъ, № 3, стр. 277—80: „подавать помощь, помогать, вспомоществовать; тщетно, напрасно, вотще“. Статьямъ этимъ были предпосланы вводныя „Замѣчанія о значеніи словъ и о синонимахъ“, подписанныя иниціалами К. Ф. [2]) (тамъ же, ч. I, янв. № 1, стр. 65—83). Авторъ этой статьи въ началѣ выясняетъ значеніе дара слова для человѣка, указывая на причины, подрывающія это значеніе: 1) плохое знаніе языка и 2) „невникаціе въ истинныя и точныя значенія словъ“. Знаніе „вѣса и силы каждаго слова“, умѣнье изъ тысячи словъ выбрать „приличнѣйшее“ выраженіе для извѣстной мысли есть, по словамъ автора, „наука, труднѣйшая многихъ другихъ“. Желая содѣйствовать ея успѣху и „оказать неоцѣненную услугу нашему языку“, авторъ и предлагаетъ свои замѣчанія. „Чтобы знать совершенно истинное знаменованіе каждаго слова, нужно умѣть различать въ немъ главное его значеніе отъ посторонняхъ“. При этомъ возможно, что „одно и то же слово можетъ имѣть нѣсколько главныхъ значеній“, напр. *ревность*= *усердіе* и *ревнивость*. На вопросъ, нѣтъ ли словъ, „которыя, имѣя одно главное или общее имъ знаменованіе, не имѣютъ никакихъ

---

[1]) См. Н. Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета». Ч. I. Казань, 1887, стр. 604, 609, 612 и 617—618.

[2]) Казанскій профессоръ П. Кондыревъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ о разборѣ сослововъ» («Труды Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности», книга первая, стр. 142) приписываетъ эту статью также, какъ и «разборъ сословъ», напечатанный рядомъ съ нею и въ слѣдующихъ книжкахъ журнала,—Д. М. Княжевичу.

посторонних?“, или „нѣтъ ли словъ совершенно между собою однозначущихъ“, рѣшаемый отрицательно Цицерономъ, Жираромъ и Дюмарсе, авторъ смотритъ иначе. По его мнѣнію, въ языкахъ уже „образованныхъ“ такихъ словъ нѣтъ, но въ первобытныхъ языкахъ они были, какъ это утверждалъ еще Тьебо [1]). Различіе между значеніями словъ, хотя бы и весьма сходныхъ между собою, развивается лишь впослѣдствіи. Авторъ находитъ, что однозначущими могутъ быть лишь названія предметовъ, въ родѣ *окно—окошко* (въ сущности это лишь разныя формы одного слова, чтó авторъ упускаетъ изъ виду), тогда какъ названія отвлеченныхъ понятій всегда имѣютъ различные оттѣнки (въ родѣ *страхъ, боязнь, ужасъ).* Впрочемъ, и названія конкретныхъ предметовъ различаются между собою употребленіемъ: 1) „въ разныхъ слогахъ (т. е. „штиляхъ“) и между разными классами народа“ *(очи—глаза—буркалы; кровь—руда);* 2) „въ разныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка“ *(заборъ—заплотъ; чердакъ—вышка)*; 3) происхожденіемъ (одни „взяты изъ чужихъ языковъ, а другія собственныя наши“, напр. *базаръ—рынокъ* [2]); *лошадь—конь; шандалъ—подсвѣчникъ)*; 4) тѣмъ, что одни уже устарѣли и вышли изъ употребленія, а другія введены вновь *(жлуди—кресты)*; 5) обозначеніемъ разныхъ степеней одного свойства или качества *(мракъ, тьма, темнота, потемки).*

Подобныя слова, „различающіяся между собою посторонними значеніями и имѣющія одно главное“, авторъ называетъ *синонимами,* высказываясь при этомъ противъ Фонъ-Визинскаго и Шишковскаго неологизма *сословъ,* который находитъ не русскимъ. По его словамъ, „великую выгоду имѣетъ тотъ, кто научился усматривать самыя непримѣтныя отличія въ весьма близкихъ другъ къ другу по значеніямъ своимъ синонимахъ“, а сочиненіе, „въ которомъ бы находился полный и подробный разборъ всѣхъ синонимъ, съ яснымъ показаніемъ самомалѣйшихъ между ними различій,“ можетъ принести языку „великую пользу“.

Статья заключается перечисленіемъ и краткой оцѣнкой раз-

---

[1]) Dieudonné Thiébault (1733—1807), авторъ нѣсколькихъ сочиненій по общей грамматикѣ: «Essai synthétique sur l'origine et la formation des langues» (1771); «Traité du style»=«Essai sur le style» (1774); «Grammaire philosophique» (1802, 2 т.); «Principes de lecture et de prononciation» (1802). Въ 1765 получилъ каѳедру всеобщей грамматики въ военной школѣ въ Берлинѣ, гдѣ прожилъ до 1784 г., помогая Фридриху Великому въ его литературныхъ трудахъ. Въ Парижѣ также преподавалъ всеобщую грамматику (въ Центральной школѣ улицы Сентъ-Антуанъ, директоромъ которой сдѣлался въ 1799 г.).

[2]) Авторъ, очевидно, считаетъ *рынокъ* природнымъ русскимъ словомъ!

ныхъ древнихъ и новыхъ писателей, признававшихъ „необходимость подобнаго собранія синонимъ". Изъ древнихъ авторовъ упоминаются: „Продимъ Цеосскій" (т. е., очевидно, Продикъ Кеосскій), Цицеронъ, Варронъ, Квинтиліанъ и Сенека; изъ новыхъ — французы Бугуръ [1]), Менажъ [2]), Андри (?), Буарегаръ (?), Ла-Брюйеръ (знаменитый моралистъ?), опыты которыхъ были еще весьма несовершенны; аббатъ Жираръ [3]), Дидеротъ, Даламберъ, Мармонтель [4]), Дюмарсе, Жокуръ [5]), Дюкло [6]), оставившіе „многіе драгоцѣнные для Французовъ отрывки", и, наконецъ, Бозе [7]) и Рубо [8]), составившіе обширныя и образцовыя собранія синонимовъ.

Изъ прочихъ европейскихъ ученыхъ, занимавшихся синонимикой, указываются: англичанинъ Блеръ, нѣмецъ Ебергардъ, датчанинъ Спoронъ. Авторъ посвящаетъ нѣсколько словъ и русскимъ опытамъ этого рода (въ „Собесѣдникѣ любит. Росс. слова", „Журналѣ Росс. словесности" и „Сѣверномъ Вѣстникѣ", см. выше), которые онъ называетъ „весьма краткими, недостаточными и большею частію переведенными съ иностранныхъ языковъ".

Слѣдующій за статьею К. Ф. „Опытъ разбора Русскихъ синонимъ" не имѣетъ научнаго характера и сводится къ разсужденіямъ въ родѣ слѣдующихъ: подъ словами *счастіе* и *благополучіе* „разумѣется соединеніе обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ человѣка довольнымъ своимъ положеніемъ. Но смыслъ слова *щастіе* заключаетъ въ себѣ соединеніе тѣхъ изъ сихъ обстоятельствъ, которыя

[1]) Dominique Bouhours (1628—1702), ученый и литераторъ, авторъ «Doutes sur la langue françoise proposés à M. M. de l'Académie» (1674), «Nouvelles remarques sur la langue françoise» (1675) и разныхъ другихъ трудовъ.

[2]) См. выше, стр. 642, примѣч.

[3]) См. выше, стр. 701, примѣч. 1.

[4]) Извѣстный энциклопедистъ, Жанъ Франсуа Мармонтель (1723—1799), кромѣ ряда статей въ Энциклопедіи, переизданныхъ впослѣдствіи въ его «Poétique française», былъ авторомъ грамматическаго труда «Leçons d'un père à ses enfants sur la langue française» (1806, 4 т. 8°).

[5]) См. выше, стр. 1061, прим. 3.

[6]) Charles Pineau Duclos (1704—1772), писатель и моралистъ, принимавшій большое участіе въ подготовительныхъ работахъ къ «Dictionnaire de l'Académie française» (1762), авторъ «Remarques sur la grammaire générale et raisonnée de Port-Royal» и ряда работъ о кельтскомъ языкѣ, происхожденіи франц. языка и т. д.

[7]) Nicolas Beauzée (1717—1789), извѣстный «всеобщій грамматикъ», авторъ «Grammaire générale ou exposition raisonnée des élements necessaires du langage pour servir de fondement à l'étude de toutes les langues» (2 т. 1767), издалъ съ дополненіями франц. синонимы аббата Жирара (Парижъ, 1780, 2 т.) и рядъ статей изъ Энциклопедіи (вмѣстѣ съ Мармонтелемъ) подъ заглавіемъ «Dictionnaire de grammaire et de littérature» (Льежъ, 1789, 3 т.).

[8]) См. выше, стр. 701, примѣч. 1.

зависятъ единственно отъ случая, между тѣмъ какъ *благополучіе*, совокупляя въ значеніи своемъ всѣ прочія обстоятельства, дѣлающія человѣка довольнымъ своимъ жребіемъ, совершенно исключаютъ тѣ, которыя происходятъ отъ одного случая. *Благополучіе* зависитъ отъ насъ самихъ; мы можемъ споспѣшествовать или вредить ему. *Щастіе* внѣ нашей воли и силъ; *щастливы* или нѣтъ мы бываемъ. *Благополучіемъ* наслаждаются; *щастіемъ* пользуются" и т. д.

Въ этомъ же родѣ разсматриваются и прочіе синонимы. Такой же характеръ имѣетъ и статья о синонимахъ (слѣдовать, подражать, со всѣхъ сторонъ, отвсюду). подписанная буквой С. [1]) и напечатанная также въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ" (1812 г., ч. II, апрѣль, № 4, стр. 28—31). Примѣчаніе къ статьѣ гласитъ: „Разборъ сихъ синонимъ взятъ съ Французскаго".

Въ томъ же году явилось „Разсужденіе о синонимахъ" П. Ѳ. Калайдовича („Труды Общ. Люб. Росс. Слов.", ч. II, 1812 г., 3—32), содержащее, по словамъ Кондырева (ср. выше, стр. 1062 прим. 2), „много мыслей французскихъ писателей, но между тѣмъ и собственныя хорошія замѣчанія", и соприкасающееся часто съ разсмотрѣннымъ выше „разсужденіемъ" К. Ф. (см. стр. 1062). Въ началѣ разсужденія выясняется самое понятіе синонима. Калайдовичъ утверждаетъ, что всякую вещь „можно разсматривать со всѣхъ сторонъ въ отношеніи и связи ея съ другими вещами", отсюда „и понятія о ней могутъ имѣть разные образы выраженія, а выраженія сіи разныя степени знаменованія, равно какъ одинъ и тотъ же цвѣтъ можетъ имѣть многоразличные оттѣнки. Отъ сего разсматриванія вещей произошли въ каждомъ языкѣ *синонимы*", опредѣляемые далѣе, какъ „слова, которыя, различествуя только своимъ выговоромъ и наружнымъ сложеніемъ, сходствуютъ, или, какъ говоритъ Г. Шишковъ, *сословятъ* въ понятіи", выражаемомъ ими. Какъ и въ статьѣ К. Ф., ставится вопросъ, существуютъ ли дѣйствительно вполнѣ однозначащія слова, рѣшаемый Калайдовичемъ отрицательно, со ссылками на Цицерона (та же цитата, что и у К. Ф.), Квинтиліана, Дюмарсе (одна изъ цитатъ изъ послѣдняго автора приводится уже у К. Ф.). По словамъ Калайдовича, синонимы похожи на людей, „подобныхъ другъ другу въ своихъ характерахъ", но въ то же время имѣющихъ „какую нибудь собственную принадлежность, которой нѣтъ у другаго". Такъ и синонимы, „заключая въ себѣ общее знаменованіе,

---

[1]) Кондыревъ въ цитиров. уже статьѣ (см. выше, стр. 1062, примѣч. 2) приписываетъ и эту статью Д. М. Княжевичу.

имѣютъ частное, которое отличаетъ ихъ отъ прочихъ словъ соименныхъ".

Къ аргументамъ Дюмарсе Калайдовичъ прибавляетъ и два собственныхъ: а) „если бы существовали синонимы однозначащіе, тогда бы языкъ, первое средство сообщать мысли другому, былъ затруднителенъ для памяти; ибо одинъ только слухъ чувствовалъ бы разность въ словахъ соименныхъ, а разумъ не могъ бы видѣть ни силы выраженія, ни связи многихъ знаменованій, ни разнообразныхъ степеней одного и того же понятія"; b) синонимы вполнѣ однозначащіе должны были бы скоро выйти изъ употребленія, но тѣмъ не менѣе употребляются. Если и встрѣчаются однозначащія слова, въ родѣ *око—глазъ, глаголю—говорю, сѣкира—топоръ,* то они все-таки „различествуютъ мѣстами, которыя они въ рѣчи занимаютъ" (въ высокомъ стилѣ—*око, глаголю, сѣкира,* въ простомъ же и среднемъ—*глазъ, говорю, топоръ* и т. д.). Слова, взятыя изъ чужихъ языковъ и равносильныя отечественнымъ, „также не могутъ назваться синонимами (*натура—природа, матерія—вещество, руины—развалины*)"; c) „одно и то же понятіе въ разныхъ языкахъ нерѣдко выражается разнымъ образомъ, смотря по тому, съ какой стороны глазамъ одного народа представляется вещь, и съ какой точки зрѣнія другой смотритъ на оную" (напр., русск. *острый* [о человѣкѣ]—лат. salsus, русск. *вѣжливость*—лат. urbanitas).

Синонимы такимъ образомъ „изображаютъ одну вещь и заключаютъ въ себѣ одно и то же понятіе, почему имѣютъ *общее* значеніе,... но они представляютъ намъ вещь въ нѣкоторыхъ ея измѣненіяхъ и показываютъ ее съ разныхъ сторонъ, почему имѣютъ *частное* значеніе, по которому и различаются". Пользу синонимовъ Калайдовичъ видитъ въ томъ, „что въ нихъ заключается богатство языка, изобиліе мыслей въ словахъ и разнообразіе выраженій", причемъ они „или обширнѣе представляютъ намъ понятіе о какой-нибудь вещи, или показываютъ ее съ другой точки, или, наконецъ, одно понятіе соединяютъ съ другимъ постороннимъ". Критическій разборъ синонимовъ предохраняетъ отъ заблужденія, „когда мы одно слово принимаемъ вмѣсто другаго", и показываетъ „намъ частное ихъ знаменованіе". „Другая польза синонимовъ та, что правильное употребленіе словъ соименныхъ, при хорошемъ познаніи языка иностраннаго, научаетъ... точнѣе и ближе въ переводахъ (особенно древнихъ авторовъ) выражать авторскія мысли". Подобно К. Ф., Калайдовичъ даетъ также очеркъ литературы по синонимикѣ, упоминая изъ древнихъ авторовъ Гезихія, Варрона, Авла Геллія, Феста („De verborum significatione") и Нонія Мар-

целла („De varia significatione sermonum"), а изъ новыхъ—іезуита II. Вавассера [1]) („Remarques sur la langue Latine"), Сціопія [2]), Генриха Этьепа, т. е. Стефана [3]) („De Latinitate falso suspecta"), авторовъ словарей синонимовъ: греческихъ—Аммонія [4]) и латинскихъ—Попма [5]). При этомъ въ качествѣ образчика приводится изъ Цицерона разсужденіе о синонимахъ dolor и labor, которымъ противопоставляются русскія параллели *трудъ* и *страда*. Изъ новѣйшихъ писателей идетъ рѣчь объ аббатѣ „Жирардѣ", его собраніи французскихъ синонимовъ и его продолжателяхъ: „Дидротѣ, д'Аламбертѣ, Дюмарсе, Жокурѣ", а также о Бозе и аббатѣ Рубо (см. выше), нѣмцахъ Аделунгѣ и Эшенбургѣ [6]) и англичанинѣ Джонсонѣ (изв. англійскомъ романистѣ и лексикографѣ, 1709—1784). Изъ русскихъ опытовъ упоминаются статьи: Фонъ-Визина, „Сѣвернаго Вѣстника", сборника „Въ удовольствіе и пользу", и Шишкова въ „Сочиненіяхъ и переводахъ Росс. Академіи" (по словамъ Калайдовича, „прекрасное и удовлетворительное разсужденіе"). Авторъ думаетъ, что „пока не будутъ у насъ критически разобраны Руские синонимы, пока ученые Грамматики не покажутъ существенной въ нихъ разности и не опредѣлятъ собственнаго ихъ знаменованія общаго и частнаго, и пока не предпишутъ намъ вѣрныхъ правилъ расположенія синонимовъ въ приличныхъ мѣстахъ; до тѣхъ поръ мы не можемъ сравниться съ древними въ точности выраженій каждой мысли".

Далѣе слѣдуетъ „краткій опытъ критическаго разбора нѣко-

---

[1]) Франсуа Вавассёръ или Вавассоръ, богословъ и филологъ (1605—1681), отлично владѣвшій лат. языкомъ, авторъ «Antibarbarum» (Лпц. 1722 г. 8⁰) и друг. трудовъ. Полное собраніе ихъ вышло въ Амстердамѣ въ 1709 г.: «Franc. Vavassoris Opera omnia ante hac edita, Theologica et Philologica».

[2]) Сціоппій ((Scioppius, Каспаръ Шоппъ), знаменитый нѣмецкій филологъ и грамматикъ (1576—1649), превосходный знатокъ лат. языка, авторъ многочисленныхъ трудовъ (всего 104), въ томъ числѣ «Grammatica philosophica» (1628).

[3]) Генрихъ Стефанъ или Стефани, знаменитый ученый филологъ-классикъ и издатель (1528—1598), составитель знаменитаго словаря: «Thesaurum linguae Graecae» (1572) и авторъ многихъ филологическихъ трактатовъ (главнымъ образомъ о греч. и лат. языкахъ и литературахъ).

[4]) Аммоній, греч. грамматикъ, родомъ изъ Египта, жившій во второй половинѣ IV в. по Р. Х.

[5]) Авзоній Попма. голл. юристъ и филологъ (1563—1613), авторъ разныхъ юридическихъ и филологическихъ трудовъ, въ томъ числѣ и о лат. синонимахъ: «De differentiis verborum» (Марбургъ, 1635) и «De usu antiquae locutionis» (Лейденъ, 1606).

[6]) Іоганнъ-Іоахимъ Эшенбургъ (1743—1820), извѣстный нѣмецкій писатель-критикъ, библіографъ, переводчикъ Шекспира и друг. англійскихъ писателей.

торыхъ Рускихъ словъ соименныхъ" [1]), причемъ указываются правила, могущія „служить надежнымъ руководствомъ въ разсматриваніи синонимовъ": 1) надо „собрать всѣ возможные примѣры, основанные на древнемъ въ церковныхъ книгахъ употребленіи и настоящемъ въ разговорахъ и лучшихъ Писателяхъ, въ которыхъ примѣрахъ синонимы, имѣющіе общее знаменованіе, заключаютъ въ себѣ частное ближайшее къ главному и первоначальному понятію—и тогда разность синонимовъ окажется яснымъ образомъ". 2) ...„нужно и должно обращать вниманіе на коренныя или первообразныя слова, отъ которыхъ" синонимы происходятъ. „Знаменованіе корня согласивши съ общимъ ихъ смысломъ по всѣми принятому употребленію, можно легко усмотрѣть частное значеніе синонимовъ". Впрочемъ, Калайдовичъ находитъ, что при разборѣ синонимовъ „этимологія полезна только въ такихъ словахъ, гдѣ она возможна, что и тутъ должно поступать съ великою осторожностію, основываясь не на предположеніи, а на достовѣрныхъ доказательствахъ".

Самый „разборъ" синонимовъ у Калайдовича ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ же современныхъ опытовъ, образчикъ которыхъ приведенъ выше (стр. 1064—65).

Подобный же общій характеръ имѣетъ статья „О синонимахъ" учителя Казанской гимназіи Н. Ибр.(агимова), напечатанная въ „Сынѣ Отечества" за 1814 г. (ч. XI, № IV, стр. 137—143). Она, очевидно, отвѣчала потребностямъ времени, о чемъ свидѣтельствуетъ и примѣчаніе къ ней редакціи: „Предполагая впредь помѣщать въ нашемъ Журналѣ разборъ *Синонимъ* или подобозначащихъ словъ, неизлишнимъ щитаемъ сообщить сначала сіе общее о нихъ мнѣніе". Авторъ опредѣляетъ синонимы, какъ „названія одной и той же вещи въ различныхъ ея отношеніяхъ, ...слова, имѣющія значеніе между собою общее и собственное каждому порознь". По его словамъ, исторія какого-нибудь языка имѣетъ три періода, „не включая поврежденія его и такъ называемаго мертваго состоянія". Сначала языкъ „составился по глухому чувству внутреннему". Внушенія этого чувства потомъ разбирались и приводились въ ясность: „во многомъ данъ вѣрный отчетъ, многое выведено изъ предположенія и почти все приписано употребленію".

[1]) Мы находимъ здѣсь слѣдующіе синонимы: 1) Образецъ—примѣръ, 2) Дарованіе—способность, 3) Горе! бѣда! увы! 4) Средство—способъ, 5) Надобно—должно—надлежитъ, 6) Свойство—качество, 7) Неустройство—безпорядокъ—разстройка, 8) Смѣлость—дерзость, 9) Конецъ—окончаніе, 10) Польза—выгода.

Затѣмъ выступили „ученая разборчивость, и точность“, которыя „хитро примѣняясь къ своенравію сего употребленія, извлекали изъ него новыя, нужныя слова и обороты, исправляли прежнія, или давали имъ новый смыслъ“ и такимъ образомъ образовали „искусственный языкъ, не совсѣмъ или мало понятный простому народу“. Такъ же возникло и различеніе синонимовъ. Въ первобытномъ состояніи языка ихъ не могло „быть, ибо не хватало выраженій для вещей самонужнѣйшихъ“, а оттѣнки значеній были слишкомъ тонки для полудикихъ тогдашнихъ людей. Употребленіе однозначащихъ словъ встрѣчалось, но это не были настоящіе синонимы: „новѣйшія изъ нихъ были перешедшія изъ нарѣчія въ нарѣчія, напр. *зижду—строю, око—глазъ*, и даже изъ языка въ языкъ, напр. *конь—лошадь, попасть—потрафить*, по смѣшенію или какой-нибудь связи народовъ“. Позже употребленіе „подобозначащихъ рѣченій“, въ родѣ *смѣлый—отважный, разборчивый—разсмотрительный—разсудительный* и т. д. дѣлалось безъ различія для разнообразія слога. Только во времена „послѣдней зрѣлости и совершенства языка“ стали употреблять синонимы какъ слѣдуетъ. Усматривая въ наружномъ, грубомъ сходствѣ вещей внутреннее существенное ихъ различіе“, люди „представили“ синонимы знаками этого различія. „Распредѣленіе синонимъ было изыскиваемо и характеръ каждой заимствованъ: или отъ кореннаго ея слова (*свобода* отъ *свой буду* [!], *вольность* отъ *воля*), или отъ древняго ея значенія (*напрасно* прежде значило *внезапно)*, или отъ связи другихъ словъ“, съ которыми соединяется, и, наконецъ, „отъ различія слога высокаго и даже подлаго“ (*гортань, горло, глотка)*. Только тамъ, гдѣ не было „сихъ источниковъ философическаго правдоподобія“, было „дано словамъ различіе произвольное, но безъ явнаго насилія употребленію“. Мало по малу общее значеніе синонимъ исчезало, а различіе ихъ становилось болѣе и болѣе ощутительнымъ, пока, наконецъ, „сравненіе ихъ остается только для сильнѣйшаго противоположенія“. Въ заключеніе Ибрагимовъ говоритъ о разныхъ трудахъ по синонимикѣ, перечисляя почти тѣхъ же древнихъ и новыхъ писателей по этому предмету, которыхъ называли Калайдовичъ и К. Ф. Указавъ, что Англія и Германія также давно имѣютъ словари синонимовъ, Ибрагимовъ замѣчаетъ о скудности нашей литературы по этой части: „Россія... которой языкъ столь обиленъ и богатъ, оставляетъ въ небреженіи свои сокровища, которыя до тѣхъ поръ не получатъ цѣны своей, пока будутъ“ свободны отъ обработки.

Вслѣдъ за этой статьей явилась замѣтка К. (Княжевича?):

„Синонимы“, выяснявшая въ знакомомъ уже намъ духѣ разницу значенія у словъ *способъ-средство* [1]).

Общимъ вопросамъ семасіологіи отчасти посвящена знакомая уже намъ статья Николая Ибрагимова „О многознаменательности и общемъ измѣненіи словъ“, напечатанная въ „Трудахъ Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности“ (1815 г. [на дѣлѣ 1817], кн. I. стр. 120—129). И здѣсь въ самомъ же началѣ статьи идетъ рѣчь о синонимахъ и многозначащихъ словахъ. Говоря объ обогащеніи языка „новыми реченіями“, Ибрагимовъ устанавливаетъ два источника таковаго обогащенія: 1) „Соображаемы были новыя понятія съ понятіями уже извѣстными, и симъ словамъ для нареченія оныхъ даваемо было множайшее знаменованіе“. Въ примѣръ приводится слово *рука*, обозначающее часть тѣла, сторону, помощь, защиту, власть, управу, почеркъ, величину и т. д. „Многознаменательность словъ, по явной и близкой между значеніями связи, принадлежитъ ко внутреннему достоинству языка“ и „въ каждомъ языкѣ имѣетъ свои особенности, какъ въ разсужденіи числа образуемыхъ понятій, такъ и въ разсужденіи самыхъ понятій, наипаче въ пословицахъ и поговоркахъ“. Каждый „живой языкъ, по продолженію поколѣній, по размноженію племенъ, и по степени образованности говорящаго имъ народа, подлежитъ между прочимъ также измѣненію въ распространеніи или стѣсненіи круга словознаменательности“, являющемуся однимъ изъ средствъ ко „взаимному уклоненію отродныхъ отъ него языковъ и нарѣчій“. Образуемыя значенія и объясняющія ихъ собственныя: *рука*, *сторона*; *языкъ, оговорщикъ; тѣнь*, *мечта*; *зеленый*, *незрѣлый; бѣлый*, *чистый*, обогатили языкъ многими *сословами* (*синонимами*), различіе которыхъ состоитъ въ томъ, что послѣднія вмѣсто первыхъ всегда, а первыя вмѣсто послѣднихъ только въ опредѣленной связи съ другими словами, употреблены быть могутъ“. 2) „Другимъ источникомъ обогащенія языковъ служило опредѣленіе или описаніе новыхъ понятій чрезъ признаки понятій извѣстныхъ, и отъ названія сихъ, съ нѣкоторою перемѣною буквъ и складовъ, заимствовались названія для оныхъ: *черная жидкость* (*употребляемая на писаніе или печатаніе книгъ*)—Чернило. Земле-дѣлецъ—*кто землю воздѣлываетъ*“. По словамъ автора, только „грубая нужда и слѣпое невѣжество употребляютъ такія слова одно вмѣсто другаго безъ разбору“, напротивъ „тонкой вкусъ и наблюдательный разумъ, отвергая столь безполезное изобиліе языка, простираются къ началу, гдѣ

[1]) „Сынъ Отечества“ 1814 г., ч. XII, стр. 58—62.

и когда какой словъ составился: *пустой*, *порожній*; *иной—другой*, по достоинству источника оцѣнцаютъ степень силы и благородства знаменованія: *дерзаю*, *смѣю*, *отваживаюсь*; *влеку*, *тащу*, и предписываютъ законы употребленію".

Другой Казанскій ученый, профессоръ И. Кондыревъ, выступилъ также со своими „Замѣчаніями о разборѣ сослововъ" („Труды Каз. Общ. Люб. Отеч. Слов.", ч. I, стр. 130—144), служащими введеніемъ къ собранію синонимовъ его покойнаго товарища, проф. А. Лубкина. Возражая противъ тѣхъ, кто полагаетъ, что для разбора русскихъ синонимовъ еще не пришло время, ибо русская словесность еще очень бѣдна, какъ оригинальными, такъ и переводными сочиненіями, Кондыревъ полагаетъ, что именно такое „состояніе нашей словесности требуетъ разбора сослововъ". Разборъ этотъ облегчается де рядомъ лексикографическихъ трудовъ, въ родѣ словаря Академіи Россійской, Церковнаго словаря Алексѣева, Словотолкователя Яновскаго и статей Шишкова. Употребленіе синонимовъ „безъ точнѣйшаго опредѣленія можетъ быть весьма збивчиво и разнообразно. Сихъ то словъ преимущественно надлежитъ опредѣлить вѣсъ и силу, представить выражаемыя ими разные оттѣнки понятій въ разныхъ отношеніяхъ, вещи и свойства ихъ съ разныхъ сторонъ, дѣйствія предметовъ и на предметы въ различныхъ степеняхъ силы; показать, когда разныя слова, выражая одно главное понятіе, не выражаютъ притомъ разныхъ оттѣнковъ онаго, а только одинъ имъ собственной". По мнѣнію Кондырева, особыя услуги объясненію сословъ должно оказать „употребленіе низшаго класса народа", который „часто менѣе самопроизволенъ въ перемѣнѣ значенія словъ; иногда и чрезъ тысячу лѣтъ слова простого народа употребляются въ одномъ значеніи, между тѣмъ коликимъ превратностямъ подвергаются онѣ и отъ высшаго класса и отъ писателей". Предлагается пользоваться также и пословицами, священными книгами и лучшими прозаическими сочиненіями. Если подобное разсмотрѣніе сослововъ и „не будетъ имѣть надлежащей полноты, подвергнется критикѣ, тѣмъ лучше для успѣховъ языка". Послѣ еще нѣсколькихъ общихъ замѣчаній, въ значительной степени повторяющихъ мысли его предшественниковъ, Кондыревъ даетъ довольно обстоятельное „историческое обозрѣніе разбора Россійскихъ сослововъ", упоминая сначала знакомыя уже намъ имена древнихъ и новыхъ писателей по синонимикѣ, а затѣмъ подробно указывая почти всѣ статьи о синонимахъ, явившіяся въ разныхъ нашихъ журналахъ до 1815 года. Изъ этого очерка дѣлается справедливый выводъ, „что разбору Россійскихъ сослововъ доселѣ

у насъ положено одно только начало, нѣкоторыя немногія черты. Но трудъ сей еще предлежитъ истиннымъ знатокамъ отечественнаго языка. Дѣло сіе не легко и не всякой съ хорошимъ успѣхомъ въ состояніи симъ заняться, потребно глубокое, а при томъ и опытомъ пріобрѣтенное знаніе языка, что бы должнымъ образомъ объяснять слова онаго. *Знаніе Славянскаго языка при семъ необходимо* (курсивъ нашъ)... Разбирая сословъ, надлежитъ во-первыхъ объяснить самое слово, значеніе его въ разныхъ случаяхъ разное, а не только въ отношеніи къ другому его сослову. При чемъ необходимо смотрѣть на значеніе и употребленіе слова въ древнія, среднія и новѣйшія времена языка нашего, употребленіе его людьми разнаго состоянія, въ книгахъ церковныхъ и свѣтскихъ, въ нарѣчіяхъ не только русскихъ, но и славянскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ весьма полезно употреблять въ помощь словарь славянскихъ нарѣчій Г. Линде. Такимъ образомъ каждаго слова будетъ исторія, а вмѣстѣ и точнѣйшее разсмотрѣніе онаго".

Дальше этихъ платоническихъ разсужденій Кондыревъ, однако, не пошелъ и своего образчика разбора синонимовъ не далъ. Требованіямъ его не отвѣчалъ, впрочемъ, и тотъ „Опытъ разбора россійскихъ сослововъ" А. Лубкина [1]), введеніемъ къ которому имѣли служить „Замѣчанія" Кондырева. По словамъ послѣдняго („Труды Каз. общества любит. отечеств. словесности", ч. I, кн. 1, стр. 130), Лубкинъ „имѣлъ намѣреніе составить полный сословникъ. Въ семъ намѣреніи и разобралъ довольное количество встрѣтившихся подобозначущихъ словъ". Окончить свой трудъ и исправить написанное Лубкину помѣшала внезапная смерть, и отъ его труда сохранилось лишь собраніе нѣсколькихъ синонимовъ на букву Б [2]), очевидно то самое, которое онъ прислалъ обществу въ 1811 г. (см. выше, стр. 1062). По словамъ Кондырева, собраніе это „надобно принять за отрывокъ, уцѣлѣвшій изъ прочихъ отъ пожара 3-го сентября 1815 года въ Казани". По своему содержанію „сословы" Лубкина не отличаются отъ дру-

[1]) „Труды Каз. Общ. Люб. отеч. Слов." ч. I. 1815. Кн. 1, стр. 144—166.

[2]) Здѣсь были напечатаны синонимы: 1) *Баловать—потакать—потворствовать* или *потворить;* 2) *Барышъ—прибытокъ—прибыль;* 3) *Барышникъ—лихоимецъ;* 4) *Баснь—сказка—повѣсть;* 5) *Бдѣть—не спать—бодрствовать;* 6) *Бездна—пропасть;* 7) *Безвременно—не благовременно—не въ пору—не во время;* 8) *Беззаконіе—порокъ—законопреступленіе—грѣхъ;* 9) *Безмѣрный—безпредѣльный—неизмѣримый;* 10) *Беззаботный—безпечный;* 11) *Безмолвіе — молчаніе;* 12) *Безобразный — неуклюжій;* 13) *Безпокойство — забота;* 14) *Безпрестанно — непрерывно — всегда;* 15) *Безпримѣрный—единственный;* 16) *Безразсудный — неразсудительный—неосторожный—опрометчивый;* 17) *Безславіе—безчестіе;* 18) *Без-*

гихъ современныхъ имъ опытовъ этого рода и научнаго значенія также не имѣютъ. О степени филологической компетентности автора свидѣтельствуетъ, напримѣръ, производство *лихоимецъ* отъ *лихва* и *емлю*, хотя вообще онъ благоразумно въ этимологическіе экскурсы не пускается.

Довольно широкое мѣсто было отведено одно время русской синонимикѣ въ „Трудахъ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.". Такъ въ 1816 г. (ч. IX, стр. 112—134) здѣсь было напечатано собраніе синонимовъ, составленное П. Ѳ. Калайдовичемъ [1]). Продолженіе его читалось въ засѣданіяхъ общества 27-го окт. 1817 г. и 28-го февр. 1820 [2]) и появилось въ частяхъ XVII (1819 г., стр. 134—144) и XXIII (1823 г., стр. 43—50) „Трудовъ" общества [3]). За нимъ послѣдовало аналогичное собраніе синонимовъ С. Г. Саларева, читанное въ засѣданіяхъ общества 27 янв., 30 ноября 1817 г. и 5 іюня 1820 г. [4]). Напечатано оно было въ частяхъ VII (1817 г., стр. 124—134), X (1818 г., стр. 54—61), XIV (1819 г., стр. 29—35) и XVIII (1820 г., стр. 54=63) „Трудовъ" общества [5]).

страшіе—необузданность; 19) *Безстрашіе—неустрашимость;* 20) *Безстудный — безстыдный;* 21) *Безумный — сумазбродный — безразсудный;* 22) *Безтолковый—непонятливый* или *безпонятный—тупый;* 23) *Бережливо—расчетливо—хозяйственно;* 24) *Блаженство — благополучіе—щастіе—благоденствіе;* 25) *Благонравіе—добронравіе;* 26) *Благообразіе—красота—лѣпота;* 27) *Благолѣпіе—убранство—великолѣпіе.*

[1]) Оно содержало синонимы: 1) Храбрость, неустрашимость, мужество; 2) Умъ, разумъ, разсудокъ; 3) Пропадать, исчезать; 4) Происшествіе, приключеніе; 5) Удивленіе, изумленіе; 6) Восторгъ, восхищеніе, изступленіе; 7) Ближній, искренній; 8) Правда, истина; 9) Взглядъ, взоръ.

[2]) См. „Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.", ч. XII, стр. 7; ч. XX, стр. 82.

[3]) Оно заключало въ себѣ синонимы: 1) Единственный, чрезвычайный; 2) Хочу, желаю; 3) Жизнь, животъ, житіе, вѣкъ; 4) Слабость, безсиліе 5) Похвала, хвала (ч. XVII) и 1) Учтивость, вѣжливость; 2) Благополучіе, счастіе, блаженство; 3) Невинность, непорочность; 4) Перемѣна, измѣненіе (ч. XXIII).

[4]) См. „Труды Общества", ч. VIII, стр. 138; XII, стр. 14 и XX, стр. 182.

[5]) Здѣсь явились синонимы: ч. VII: 1) Выговоръ, произношеніе; 2) Проницательность, прозорливость; 3) Положеніе, состояніе; 4) Возстановить, возобновить, исправить; 5) Робость, боязнь, страхъ, испугъ, ужасъ, изступленіе, оцѣпенѣніе; 6) Способность, дарованіе; 7) Счастіе, благополучіе; 8) Покорить, подчинить, овладѣть; 9) Признательность, благодарность; ч. X: 1) Искренность, откровенность; 2) Вянуть, блекнуть; 3) Найти, сыскать; 4) Скромность, стыдливость, застѣнчивость; 5) Древній, старинный, старый, ветхій, давнишній; 6) Привязанность, приверженность, пристрастіе; 7) Увеселеніе, забава; 8) Вѣрный, постоянный; ч. XIV: 1) Спокойствіе, миръ, тишина; 2) Избавить, освободить; 3) Послушный, покорный; 4) Скрывать, таить; 5) Защищаться; обороняться; 6) Перестать, кончить; 7) Сносить, терпѣть; 8) Принудить, прине-

Въ 1817 г. П. Θ. Калайдовичъ началъ собирать „разсѣянные по разнымъ Журналамъ, до сихъ поръ объясненные Руские синонимы“, съ тѣмъ, чтобы издать ихъ въ особой книгѣ [1]), которая и явилась въ слѣдующемъ году подъ заглавіемъ: „Опытъ словаря русскихъ синонимовъ, изданъ Московскихъ Обществъ: Исторіи и Древностей Россійскихъ Соревнователемъ и Любителей Россійской Словесности Сотрудникомъ Петромъ Калайдовичемъ. Часть I. Москва, 1818. Въ Унив. Типографіи“ (12°, 157 стр.). Книжка эта, посвященная тогдашнему министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну, не заслуживала громкаго имени „словаря“, ни по количеству матеріала (всего 77 отдѣльныхъ синонимическихъ группъ), ни по его расположенію. Въ началѣ (стр. 7—26) находимъ „введеніе“, представляющее собой перепечатку (съ незначительными пропусками) упомянутаго уже выше (стр. 1065) разсужденія П. Θ. Калайдовича „О синонимахъ“, а затѣмъ слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ статьи о синонимахъ изъ нашихъ журналовъ и сборниковъ до 1815 г. („Собесѣдника Люб. Росс. Слова“, 1783, „Иппокрены“ 1801 г., „Сѣвернаго Вѣстника“ 1804—1805, „Сочиненій и переводовъ Росс. Академіи“ 1806 г., „Любителя Россійскаго слова“, сборника „Въ удовольствіе и пользу“ 1811 г. и „Сына Отечества“ 1814 г.). Съ 62 № начинаются новые синонимы Саларева (С—в), дотолѣ въ печати не появлявшіеся [2]), а далѣе рядъ передѣлокъ съ французскаго, принадлежащихъ самому составителю [3]).

Книжка Калайдовича вызвала краткую критическую оцѣнку неизвѣстнаго автора (Греча?), появившуюся въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., ч. 53, стр. 324—25. Критикъ въ общемъ остался очень

волить; 9) Бѣдность, убожество, скудность, недостатокъ, нищета; 10) Границы, предѣлы; 11) Тьма, мракъ; ч. XVIII: 1) Путь, дорога; 2) Робкій, застѣнчивый; 3) Возвратить, отдать; 4) Внушить, возбудить, подвигнуть, поощрить, ободрить; 5) Лишеніе, утрата, потеря, уронъ; 6) Наружность, внѣшность; 7) Кидать, бросать; 8) Праздность, лѣность, досугъ.

[1]) См. «Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.», т. IX, 134 и «Вѣстникъ Европы» 1817 г., ч. 95, стр. 309 («Московскія Замѣтки»).

[2]) 62) Находка, обрѣтеніе, открытіе, изобрѣтеніе; 63) Глупость, дурачество, шалость; 64) Вина, причина; 65) Возмущеніе, смятеніе, мятежъ, бунтъ; 66) Смерть, кончина, конецъ, издыханіе, преставленіе, успеніе; 67) Потребность, надобность, нужда, необходимость, треба; 68) Добрый, добродѣтельный.

[3]) 69) Красть, похищать, воровать; 70) Должность, обязанность; 71) Предшествовать, предварять, предупреждать, предускорять; 72) Постоянство, вѣрность (д'Аламберта изъ «Nouveau dictionnaire universel des synonimes» Гизо); 73) Постоянный, твердый, непоколебимый, непреклонный; 74) Заключеніе, слѣдствіе (передѣлки синонимовъ Бозе); 75) Рана, язва; 76) Ругать, бранить, журить; 77) Прекрасный, прелестный.

доволенъ трудомъ Калайдовича („Преполезное предпріятіе, которому желаемъ хорошаго успѣха!"), но въ то же время сдѣлалъ и нѣсколько основательныхъ замѣчаній. По его словамъ, въ этомъ словарѣ собраны „почти *всѣ* опредѣленія и разборы Синонимовъ, напечатанные донынѣ на Рускомъ языкѣ и разсѣянные по разнымъ Журналамъ—отъ древняго *Собесѣдника* до юнаго *Сына Отечества*", къ которымъ прибавлены „и новые своего сочиненія". Составителю, однако, ставится на видъ пропускъ синонимовъ изъ Санктпетерб. Вѣстника, которыя, по словамъ критика, „достойны особеннаго уваженія". Кромѣ того, критикъ осуждаетъ „весьма нехорошій обычай" Калайдовича и нѣкоторыхъ его предшественниковъ—переводить синонимы съ французскаго языка: „это вовсе безполезно и даже можетъ быть вредно". Надо замѣчать, „какія средства употребляли ихъ авторы, чтобы различить и обозначить смыслъ схожихъ между собою словъ; но отнюдь не должно переводить ихъ и примѣнять къ Рускому языку; ибо съ трудомъ можно найти слово, означающее предметъ отвлеченный", для котораго имѣлась бы полная параллель на другомъ языкѣ. „Отъ этого происходятъ натяжки и темноты въ разборѣ". „Синонимы должно *сочинять* для каждаго языка особые"; отличать, „въ употребленіи какихъ словъ у насъ чаще ошибаются, въ какомъ значеніи должно принимать сіи слова по ихъ происхожденію и какимъ образомъ принимаются они лучшими писателями". Заключенія, выведенныя отсюда, „будутъ самыми ясными, самыми Рускими и самыми полезными толкованіями синонимовъ".

Толкованія синонимовъ продолжаютъ встрѣчаться въ нашихъ журналахъ до самаго конца первой четверти XIX в. Такъ въ „Трудахъ вольнаго Общества Любителей Росс. Словесности" (=„Соревнователь просвѣщенія и благотворенія") 1821 г. (ч. XV, стр. 65—70) явился „Опытъ разбора Рускихъ синонимъ" (ждать, ожидать, дожидаться, выжидать), подписанный буквою К. [1]) и представлявшій собою отрывокъ „изъ вновь составляемаго Словаря синонимъ". Другой такой же „Опытъ разбора Рускихъ синонимъ" (признательность, благодарность), подписанный также буквою К., былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества" 1822 г. (ч. 82, стр. 169—72). Въ томъ же году, въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія" (ч. 17, 1822 г., стр. 55—61 и 184—194) вышли двѣ статьи этого рода: „Разборъ синонимъ (въ памятную

[1]) Подъ нею во всякомъ случаѣ не скрывались ни Княжевичъ, ни одинъ изъ Калайдовичей, а очевидно какой то начинающій авторъ, говорящій о своей статьѣ, какъ о первомъ небольшомъ опытѣ въ данномъ направленіи.

книгу А. Е. Измайлова)", принадлежавшій несомнѣнно Княжевичу (подпись К—ж—ъ), и „Опытъ разбора русскихъ синонимъ", подписанный буквою К. [1]).

Въ этой, пока еще вполнѣ примитивной, разработкѣ русской синонимики принялъ участіе и третій изъ братьевъ Калайдовичей, Иванъ Ѳедоровичъ, помѣстившій свои „Синонимы" въ 24-й части „Трудовъ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов." (=„Сочиненія въ прозѣ и стихахъ", ч. IV, 1824 г., стр. 149—163) [2]). Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними напечатаны были и „Синонимы" Н. Коха [3]). Вся эта литература не обнаруживала почти никакого шага впередъ, сравнительно съ первыми опытами этого рода конца XVIII или начала XIX в., и сводилась къ самымъ обыкновеннымъ и въ значительной степени наивнымъ, лишеннымъ какого-то бы ни было научнаго значенія выясненіямъ разныхъ оттѣнковъ значенія, свойственныхъ тѣмъ или другимъ синонимамъ. Насколько были шатки основанія этой синонимики, имѣвшей служить прежде всего пособіемъ при сочиненіи, можно видѣть изъ толкованій слова *признательность* въ вышеупомянутыхъ: „Опытѣ словаря синонимовъ" Калайдовича (стр. 111—12) и „Опытѣ разбора Рускихъ синонимовъ" въ „Сынѣ Отечества" 1822 г. По мнѣнію Калайдовича, „*Признательность*, однажды оказанная, не повторяется болѣе; но чувство *благодарности* имѣетъ человѣкъ иногда до самой смерти. Напримѣръ: за спасеніе жизни моей я обязанъ ему вѣчною *благодарностію*; онъ оказалъ мнѣ *признательность* за одолженіе, которое я ему сдѣлалъ!" Напротивъ, по словамъ статьи въ „Сынѣ Отечества", „маловажныя услуги заслуживаютъ небольшую *благодарность*, послѣ чего ихъ забываютъ; слѣдовательно *благодарность* можетъ и отблагодарить. *Признательность*, таясь всегда во глубинѣ сердца, платитъ однимъ только безпрерывнымъ воспоминаніемъ о сдѣланной услугѣ. Она, какъ сказалъ прекрасно Дюкло, есть память сердца. — *Благодарность*, если позволятъ мнѣ употребить это слово, расквитывается, *признательность* всегда въ долгу".

Какъ видно, оба толкователя смотрѣли на значеніе данныхъ

---

[1]) Въ первой статьѣ шла рѣчь о синонимахъ: хотѣть—желать, а во второй разсматривались параллели: 1) Правда, истина и 2) Общество, сословіе.

[2]) У Ив. Ѳ. Калайдовича приводились синонимы: 1) Усмѣшка, улыбка; 2) Радость, веселіе; 3) Изъяснять, объяснять, пояснять; 4) Предпріятіе, намѣреніе; 5) Свобода, вольность; 6) Ровный, равный; 7) Одинакій, одинокій; 8) Приличный, пристойный.

[3]) 9) Тайный, таинственный, скрытный; тайна, таинство, таинственность, скрытность; 10) Изысканіе, изслѣдованіе, испытаніе.

синонимовъ совершенно различно. Немудрено, что подобныя упражненія въ синонимикѣ, послѣ недолгаго расцвѣта въ первой четверти XIX в., мало-по-малу потеряли всякій кредитъ, стали появляться рѣже и рѣже и, наконецъ, вполнѣ у насъ вывелись.

О состояніи грамматическихъ знаній въ Россіи въ теченіе первой четверти XIX в. краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и этимологическіе экскурсы нашихъ историковъ, археологовъ и филологовъ, частью уже разсмотрѣнные выше. Мы видѣли уже образчики подобныхъ упражненій: Шишкова—въ его „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ“ (1803 г., см. выше, стр. 695), Примѣчаніяхъ къ Слову о п. Игоревѣ (1805 г., см. выше, стр. 709—10), „Разсужденіи о краснорѣчіи Св. Писанія“ (1811 г., см. выше, стр. 749—50), „Прибавленіи къ разговорамъ о словесности“ (1812 г., см. выше, стр. 762), „Нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ на предлагаемое вновь сочиненіе Росс. словаря“ (1815 г., см. выше, стр. 674), „Опытѣ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ“ (1817 г., см. выше, стр. 585—87 и 675—78) и письмѣ къ Востокову (5 іюня 1820 г., см. выше, стр. 784); Востокова—въ его первоначальномъ опытѣ этимологическаго словаря (1802—1808, см. выше, стр. 654—57), примѣчаніяхъ къ „Пѣвиладу и Зорѣ“ (1804, см. выше, стр. 705), второй редакціи этимологическаго словаря (1808—1811 г., см. выше, стр. 662, 664—65), рукописныхъ примѣчаніяхъ къ брошюрѣ Аделунга „О сходствѣ санскр. языка съ русскимъ“ (1811 г., см. выше, стр. 666), въ статьѣ „Задача любителямъ этимологіи“ (1812 г., см. выше, стр. 668); деритскихъ профессоровъ Глинки и Кайсарова—въ ихъ трактатахъ по славянской миѳологіи (1804 г., выше, стр. 706 и 739); Г. С. Лебедева—въ его „Безпристрастномъ созерцаніи системъ восточной Индіи брамгеновъ“ (1805 г., см. выше, стр. 623); анонимныхъ авторовъ статей: въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1804 г. (см. выше, стр. 704) и „Вѣстникѣ Европы“ 1805 и 1807 гг. (см. выше, стр. 707 и 713); Оленина—въ его „Письмѣ о камнѣ Тмуторокансконъ“ (1806 г., см. выше, стр. 711); И. Н. Татищева—въ его рукописныхъ этимологическихъ упражненіяхъ (1808 г., см. выше, стр. 721—22); генерала Ахвердова—въ его рукописныхъ санскрито-русскихъ этимологіяхъ (1809 г., см. выше, стр. 626—29); анонимнаго автора (Головкина?)—въ аналогичной статьѣ въ „Fundgruben des Orients“ 1809 г. (см. выше, стр. 630—32); Орнатовскаго—въ его русской грамматикѣ (1810 г., см. выше, стр. 554—55); Ѳ. П. Аделунга и анонимнаго автора примѣчаній—въ брошюрѣ „О сходствѣ санскр. яз. съ русскимъ“ (Спб. 1811 г., см. выше, стр. 637—40); члена Росс. академіи Леванды—въ его „Разсужденіи“ о брошюрѣ Аделунга (1812 г., см.

выше, стр. 643—44); харьковскаго проф. Рейта—въ его актовой рѣчи (1812 г., см. выше, стр. 646—47); Сестренцевича-Богуша — въ его „Recherches historiques" (1812 г., см. выше, стр. 679); Н. М. Карамзина—въ первыхъ томахъ его „Исторіи Государства Россійскаго" (1816 г., см. выше, стр. 670—74) [1]); NN—въ его „Разсужденіи объ опасности и вредѣ, пользѣ и выгодахъ франц. языка" (1817 г., см. выше, стр. 581—82); „Любослова"—въ его статьѣ „Корни и измѣненія словъ" (1819 г., см. выше, стр. 682—86); Я. О. Пожарскаго—въ его примѣчаніяхъ къ „Слову о П. Игоревѣ" (1819 г., см. выше, стр. 844); П. И. Кеппена—въ рецензіи на „Übersicht aller bekannten Sprachen" Ѳ. Аделунга (1820 г., см. выше, стр. 597—98); виленскаго профессора И. Н. Лобойка—въ его скандинаво-русскихъ сближеніяхъ (1821 г., см. выше, стр. 687—88); П. Буткова—въ его примѣчаніяхъ къ Слову о П. Игоревѣ (1821 г., см. выше, стр. 859); А. Р.—въ его скандинаво-русскихъ сопоставленіяхъ (1822 г., см. выше, стр. 688); Н. Ѳ. Грамматина—въ его примѣчаніяхъ къ Сл. о П. Игоревѣ (1823 г., см. выше, стр. 885—86) и въ словопроизводномъ словарѣ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. (начала 20-хъ гг. XIX в., см. выше, стр. 976).

Кромѣ этихъ работъ, большею частію имѣющихъ характеръ сравнительно-этимологическій, можно указать еще нѣсколько экскурсовъ въ область этимологіи русскаго языка, или характерныхъ мнѣній по ея вопросамъ, рисующихъ состояніе этой отрасли знанія у насъ за это время. Пристрастіе къ фантастическимъ этимологіямъ, унаслѣдованное изъ XVIII вѣка, продолжало долго держаться среди нашихъ доморощенныхъ филологовъ и историковъ, хотя еще Шлецеръ возставалъ противъ этой маніи въ своемъ „Несторѣ". Въ русскомъ переводѣ этого труда, изданномъ Д. Языковымъ (т. I. Спб. 1809, стр. 428—29) и, конечно, получившемъ у насъ широкое распространеніе, сравнительно съ нѣмецкимъ оригиналомъ, находимъ такое обращеніе къ „нѣкоторымъ" историкамъ: „Пусть отстанутъ они отъ *словопроизводства*, какъ они еще и по сію пору почти всѣ безъ исключенія пристращены къ оному: оно слишкомъ презрительно для нашихъ ясныхъ историческихъ дней! Пусть не потѣютъ болѣе надъ тѣмъ, что значитъ *Славенинъ*, *Русъ*, взятое за имя нарицательное, а и того менѣе

[1]) Къ разсмотрѣннымъ уже выше этимологіямъ можно прибавить: производство имени «славянъ» отъ *славы* (т. I, стр. 19); «слово князь едва ли не отъ *коня*, хотя многіе ученые производятъ его отъ вост. имени *Казанъ*» (тамъ же, стр. 75); *крали* или *короли* по мнѣнію нѣкоторыхъ—*наказатели* преступниковъ, отъ *кара* или наказаніе (тамъ же, стр. 76—77); фантастическая богиня *Сива*=«можетъ быть» Жива (тамъ же, стр. 85) и т. д.

пусть отъискивають при Рускихъ имянахъ равнозвучные слова въ Венгерскомъ, Персидскомъ, Арабскомъ и пр. языкахъ, и выводятъ изъ нихъ слѣдствія, отъ которыхъ можно испугаться, какъ напр.,... при имени *Лыбедь* (Шлецеръ имѣетъ здѣсь въ виду этимологіи кн. Щербатова, см. выше, стр. 268). Если дадутъ мнѣ сотню Рускихъ именъ и словъ, то съ помощію извѣстнаго Рудбековскаго искуства, возьмусь я отъискать столько же подобныхъ звуковъ въ Малайскомъ, Перуанскомъ и Японскомъ языкахъ. Но къ чему ето? *Целіусъ* говоритъ, что ни какая исторія не можетъ представить такого бреда *ученой* фантазіи, какъ Шведская; но въ Руской царствуетъ еще *неученая* фантазія, которая естественно бредитъ еще смѣшнѣе". Предостереженіе Шлецера, однако, не имѣло дѣйствія, да и самъ онъ не всегда былъ свободенъ отъ увлеченій „этимологическими бреднями", производя, напр., имя *Пермь* отъ финскаго Vuorima=гористая земля (т. I, стр. 74), *Дорогобужъ* отъ Дреговичей (тамъ же, стр. 188), имя *Радимъ* отъ города Радома (стр. 214) и т. д.

Нѣсколько этимологій въ обычномъ вкусѣ XVIII в. находимъ въ книгѣ харьк. проф. Успенскаго, „Опытъ повѣствованія о древностяхъ рускихъ" (1811—12 г., стр. 765 и слѣд.). Авторъ отвергаетъ, какъ нелѣпое, мнѣніе, будто названія *Словаки, Словяне* происходятъ отъ *слово*, или отъ имени князя Словена (жившаго за 2415 л. до Р. Х.), а *Нѣмцы* отъ *нѣмые* (стр. 5). Онъ слѣдуетъ Сестренцевичу-Богушу, производившему имя словенъ отъ греч. слова „*Склавой*". По мнѣнію Успенскаго, монахи (?!) выбросили отсюда „букву *К*" и такимъ образомъ произвели имя *славянъ* (стр. 6). Имя *Норици*, по его мнѣнію, испорчено изъ *Нагорцы* или *Нагорные*, ибо морскіе берега, на которыхъ они жили, были весьма гористы (стр. 7). Въ толкованіи имени *Русь* Успенскій слѣдуетъ Струбе де Пирмонту, производившему имя *Руси* и *Руссовъ* отъ „сѣверныхъ Готскихъ названій Risar, Ryssen, ед. ч. Risi, Ryss", страна же, гдѣ они жили, называлась Рисаландіей (стр. 12—13). Въ примѣчаніи на стр. 13 объясняются эти слова „Рисъ" и „Росъ". По словамъ Успенскаго, они „не только на нарѣчіяхъ Цельтовъ, Тудесковъ и Скандинавлянъ, но еще и на нѣкоторыхъ восточныхъ языкахъ означали высоту, возвышеніе, гору, человѣка высокаго роста: а потому вѣроятно, что и глаголы *ризенъ* рости, расти, возвышаться въ Тудескомъ и Славенскомъ языкахъ происходили отъ упомянутыхъ словъ. Итакъ слово *Ризи* или *Риссъ* могло означать равно и горнаго жителя", и великана.

Имена Рисаландія и Роксаланы приводятся въ связь на стр. 17: „*ланъ* здѣсь окончаніе, какъ въ словахъ Catalan, Alanus, Alain и

значитъ *гору* отъ слова *al* высокій, возвышенный по Целтскому нарѣчію и отъ слова lan и land—земля, а Ryss, Roos или Rousa похожи на имена Roxen, Roxalan" и т. д. Какъ видно изъ этихъ образчиковъ, этимологизаторскіе пріемы Успенскаго находятся въ ближайшемъ родствѣ съ методомъ нашихъ этимологизаторовъ XVIII в.—Тредьяковскаго, Сумарокова, кн. Щербатова и др. Какого-нибудь прогресса, сравнительно съ ними, Успенскій не обнаруживаетъ.

Шишковъ, кромѣ упомянутыхъ выше (стр. 1077), печатныхъ трудовъ, посвятилъ и рядъ своихъ частныхъ писемъ выясненію основаній излюбленнаго имъ „словопроизводства". Такъ письмо къ Я. І. Бардовскому отъ 20 іюня 1811 г. занято почти все этимологіей слова *имство*. Шишковъ въ началѣ признается, что „очень любитъ толкованіе словъ — науку самую важную, необходимую для процвѣтанія языка и словесности, но, по нещастію, такъ мало намъ извѣстную, что по сіе время никто о ней не думалъ и не думаетъ". Далѣе слѣдуетъ толкованіе слова *имство*, которое авторъ выписываетъ изъ своего тогда еще ненапечатаннаго „Славенскаго словаря", явившагося позже въ „Извѣстіяхъ Росс. Академіи" (1817 г., кн. 4). При этомъ данное слово сближается со словами *имѣть, имѣнье, имущество* и т. д., и предлагается какъ замѣна иностраннаго слова *характеръ* [1]). Въ другомъ письмѣ къ Бардовскому отъ 19-го іюля 1811 г. Шишковъ, говоря о возраженіяхъ Каченовскаго на его „Разговоры о словесности", отстаиваетъ свои пресловутыя этимологіи: *широко = ширь-око* и *высоко = высь-око* [2]).

Этимологизированіемъ занимался и гр. С. П. Румянцовъ, братъ государственнаго канцлера, производившій въ 1814 г. въ бесѣдахъ съ Калайдовичемъ *сѣверянъ* и *древлянъ* отъ рѣкъ Сѣверы и Дравы, *русскихъ* отъ рѣки Русы въ Швейцаріи, древне-русск. *куна* отъ лат. pecunia, *вевѣрица* отъ какого-то неназваннаго латинскаго слова, а припѣвъ *ой дидъ ладо* отъ древне-греч. (?!) *ой ти тидлло* и т. д. [3]). Не лучше были и этимологіи Р. Ѳ. Тимковскаго, ко-

---

[1]) См. Записки Шишкова, Берл. изд., ч. II, стр. 312—318.

[2]) Тамъ же, стр. 319.

[3]) См. «Записки» Калайдовича въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова, 1859—60 г., отд. I, кн. 6, стр. 81—82. Лингвистическія познания графа изображаетъ и К. С. Сербиновичъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Русск. Старина», т. XI, стр. 60). Въ бесѣдѣ съ нимъ графъ «сообщалъ любопытныя свѣдѣнія о нашемъ, или лучше сказать, греческомъ писателѣ Гульяновѣ, правильнѣе Гульяносѣ, который препирается съ Шамполіономъ о египетскихъ іероглифахъ. Отсюда перешли къ разсужденію о всеобщей грамматикѣ и о происхожденіи языковъ.

торый также въ 1814 г. и въ бесѣдахъ съ Калайдовичемъ выводилъ *паломникъ* изъ *по* или *па*—|—*ломоть*, толкуя это слово, какъ „человѣкъ, питающійся мірскимъ подаяніемъ, ломтями". Въ томъ же родѣ объяснялъ Тимковскій и названія рѣкъ: *Днѣпръ*=„нрющее дно", *Двина*—отъ „двинуть", *Десна* вм. „десная", т. е. лежащая *вправо* отъ Кіева и т. д. [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ этимологій повторялись послѣ и другими, напр. Грамматинымъ—объясненіе имени Днѣпръ (см. выше, стр. 887).

Въ этомъ же вкусѣ, вѣроятно, этимологизировалъ Капнистъ, доказывавшій въ своемъ чтеніи 8-го декабря 1814 г. въ Бесѣдѣ любителей Россійскаго слова: „Изысканіе о Гипербореанахъ и о коренномъ Рускомъ стихотвореніи", что гипербореи были славяне, отъ которыхъ греки взяли свой языкъ и стихотворство [2]). По этому поводу въ „Сынѣ Отечества" была напечатана замѣтка съ письмомъ С. Р. (Степана Руссова?) о томъ же. Въ письмѣ этомъ говорилось: „греческій языкъ есть не иное что, какъ испорченный древній Славянскій... слова *поэзія*, *поэтъ*, *поэма* очевидно происходятъ отъ Славянскаго глагола *пѣть*, *пою*, *поетъ*; *эпопея* отъ сложнаго глагола *попѣть*", а *ода* отъ восклицанія „восхищенныхъ" слушателей: *о да! Омиръ* отъ *о миръ*, а Пиндаръ отъ горы *Пиндъ* + суффиксъ *аръ* въ словахъ *столяръ*, *гончаръ*, *бочаръ*. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что Омиръ „получилъ воспитаніе въ нынѣшней Малороссіи" и т. д. [3]). Замѣтка эта вызвала слѣдующее сужденіе Евгенія Болховитинова, писавшаго гр. Хвостову въ янв. 1815 г.: „Въ журналѣ *Сынъ Отечества* читалъ я критическое замѣчаніе объ Иперборейцахъ. Дѣйствительно, это феноменъ въ нашей словесности. Но онъ не новой. Ибо еще Тредьяковскій въ книгѣ своей о *трехъ Рускихъ древностяхъ* доказывалъ происхожденіе Греческаго языка отъ Славянскаго. Тогда почли это *славеноманіею*, а теперь какъ почтутъ, не знаю" [4]). Редакція „Сына Отечества" была, однако, другого мнѣнія и находила доводы С. Р. „сильными и основательными".

Графъ, между прочимъ, утверждалъ, что нашъ вспомогат. глаголъ *есмь* участвуетъ не только въ страдат. залогѣ другихъ глаголовъ, но и въ дѣйствит. и въ среднемъ; напр. двигаяй есмь = двигаю (*яй* перемѣняется на *ю*, а *есмь* опускается), двигаяй еси=двигаеши, двигаяй есть = двигаетъ; двигаяй есмы= двигаемъ, двигаяй есте=двигаете, двигаяй суть=двигаютъ» и т. д.

[1]) Тамъ же, стр. 89 и 108.

[2]) См. «Вѣстникъ Европы» 1815 г., ч. 79, № 2, стр. 103.

[3]) «Сынъ Отечества» 1814 г., № LI, стр. 229—232.

[4]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов.», т. V, вып. I. стр. 159.

Трезвый отзывъ скептика-Евгенія свидѣтельствуетъ, что не всѣ у насъ въ это время увлекались подобными этимологическими фантазіями. Евгенія можно, впрочемъ, упрекнуть въ томъ, что скептицизмъ его заходилъ уже слишкомъ далеко, распространяясь и на первыя попытки сближеній русскихъ формъ съ санскритомъ. Признавая справедливымъ рѣзкій отзывъ Евгенія о знакомой уже намъ книжечкѣ Леванды (см. выше, стр. 641—45), которую онъ называлъ „анатоло-галиматьей“ и „испанскими замками“ [1]), мы не можемъ, однако, слѣдовать за нимъ, когда онъ пишетъ Анастасевичу 16 марта 1817 г.: „изъ вывезенныхъ Англичанами въ Европу остъ-индскихъ книгъ Санскритскихъ, слишкомъ ентузіастически Европейцами величаемыхъ, видно, что въ самой Индіи много различныхъ сектъ... Подлинныхъ книгъ Браминыхъ нѣтъ уже и у Индѣйцевъ, а только разныя толкованія на нихъ... Все чему осталось Европейцамъ учиться у восточныхъ заключается только въ лингвистикѣ и геологіи. Первая ничего болѣе не представитъ кромѣ этимологическихъ доказательствъ, въ коихъ и умъ можетъ потеряться“ [2]). Это недовѣріе къ санскриту и этимологіи Евгеній сохранялъ и гораздо позже, въ то время, когда западное языкознаніе уже намѣтило себѣ вполнѣ опредѣленный и правильный путь, приведшій его впослѣдствіи къ блестящимъ результатамъ. Даже въ 1824 г., говоря объ одной этимологіи Френа, которую онъ называетъ смѣшною, Евгеній писалъ Анастасевичу (16-го марта): „Толкуйте жъ вы теперь какъ хотите съ нѣмецкаго или арабскаго, и не лучше ли съ санскритскаго, помутившаго нынѣ всѣмъ чудакамъ головы! Во всѣхъ языкахъ можно найти сходство: mais la comparaison n'est pas raison“ [3]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и скептицизмъ Евгенія, и этимологическія увлеченія его современниковъ вытекали изъ одного источника, а именно—отсутствія научнаго метода и необходимыхъ знаній. Ни Леванда, ни Евгеній не знали санскрита и судили о немъ по наслышкѣ. То или другое отношеніе къ названному языку диктовалось такимъ образомъ просто личными вкусами и общимъ умственнымъ складомъ того или другого лица. Если скептицизмъ

[1]) См. письмо Евгенія къ Анастасевичу (15 іюля 1814 г.) въ «Древней и Нов. Россіи» 1880 г., т. 18, стр. 349. Въ этомъ письмѣ Евгеній также относилъ теорію давно уже проповѣдуемаго «первороднаго языка» къ такому же роду шарлатанства, какъ «неугасимую лампаду и горючіе газы для освѣщенія улицъ». По его словамъ, «изобрѣтатели ихъ имѣютъ свою выгоду, а слушатели ихъ тратятъ и умъ и деньги за легковѣріе имъ».

[2]) Тамъ же, стр. 624.

[3]) Тамъ же, 1881 г., февраль, стр. 311.

Евгенія и гарантировалъ его отъ грубыхъ ошибокъ, то все же онъ оставался безплоднымъ въ научномъ отношеніи, вытекая не изъ сознательной критики научныхъ построеній, а изъ недовѣрчивости ума, все равно врожденной или благопріобрѣтенной (въ другой области знанія, разумѣется).

Выше только что упомянутыхъ упражненій гр. Румянцова, проф. Р. Ѳ. Тимковскаго, Капниста и С. Р. стояла явившаяся въ 1815 г. брошюра нашего знаменитаго оріенталиста, казанскаго профессора К. М. Френа, трактовавшая о происхожденіи русскаго слова *деньги* [1]). Френъ предлагаетъ здѣсь двѣ этимологіи даннаго слова, возводя его или 1) къ татарскому *танга*, *тенга* = болѣе древнему *тамга*, или 2) къ тат. *данг*, *денг*, заимствованному изъ перс. *dang*. Первая этимологія, конечно, должна быть отброшена, хотя повторяется и въ наши времена [2]), зато вторая безусловно заслуживаетъ вниманія и является единственно допустимой при современномъ состояніи науки. По своимъ научнымъ пріемамъ разсужденіе Френа, конечно, стояло вполнѣ на уровнѣ тогдашней европейской науки, плодомъ которой оно въ сущности и было.

Этимологіи другихъ древнерусскихъ названій монетъ находимъ въ относящейся къ 1817 г. статьѣ К. (Каченовскаго): „Нѣчто для древней Русской нумизматики“ [3]). Здѣсь идетъ рѣчь о терминахъ *скотъ*, *куны*, *шелеги*, *скотница* и т. д., причемъ нѣкоторые объясняются. *Скотъ* Каченовскій сравниваетъ съ лат. scoti, scotus = $^{1}/_{24}$ часть гривны, и въ подтвержденіе германскаго происхожденія лат. слова ссылается на словарь Дюканжа. Слово *шелеги* правильно сближается имъ съ польск. szelagi и нѣм. Schilling.

Однимъ изъ первыхъ трудовъ, посвященныхъ восточнымъ лексическимъ элементамъ въ составѣ русскаго языка, былъ рукописный „Опытъ собранія и объясненія словъ Арабскихъ, Турецкихъ, Персидскихъ и Татарскихъ, употребляемыхъ въ Россійскомъ языкѣ“, составленный казанскимъ профессоромъ П. Яковкинымъ и доставленный имъ члену Росс. Академіи гр. Д. И. Хвостову. Послѣдній, въ засѣданіи 20 янв. 1817 г., сообщилъ этотъ трудъ собранію своихъ сочленовъ, принявшихъ его съ

---

[1]) «De origine vocabuli rossici Деньги scripsit C. M. Frachn Rostochiensis. Casani. Ex Universitatis officina typographica factore Fr. Bockelmann prostat Rostochii apud C. Chr. Stiller bibliopolam». 1815. 4°, 42 стр.

[2]) Напр. у Миклошича въ его «Etymologisches Wörterbuch der slav. Sprachen» (Вѣна, 1886) и у Горяева въ «Сравнительномъ этимологическомъ словарѣ русскаго языка», изд. 2 (Тифлисъ, 1896).

[3]) «Вѣстникъ Европы», 1817 г., ч. 91, № 1, стр. 44—51.

благодарностью [1]). Въ письмѣ Яковкина къ Хвостову (отъ 18 дек. 1816 г.), сохранившемся въ архивѣ Росс. Академіи (1817 г., № 1), авторъ такъ говорилъ о своей работѣ: „Удостойте простить великодушно медлѣнность труда сего, хотя и небольшаго: соображеніе и обрабатываніе требовало немалаго времени. Да даруетъ Господь, чтобы начало сіе возбудило въ любящихъ Отечественный языкъ бо́льшее рвеніе къ изслѣдованію того, какъ мы объясняемъ свои мысли: principia sunt ardua". Гдѣ находится рукопись Яковкина, неизвѣстно. По крайней мѣрѣ въ архивѣ Росс. Академіи ея нѣтъ. Въ томъ же году, въ засѣданіи Росс. Академіи 19 дек. Н. Я. Озерецковскій читалъ записку „о происхожденіи имени Самоѣдъ, даннаго Россіянами многочисленному Сѣверному народу", до насъ, однако не дошедшую [2]).

Этимологіей имени „славяне" занимался въ 1818 г. извѣстный В. Н. Каразинъ, доказывавшій въ своей статьѣ „О имени славянъ" [3]) одно изъ мнѣній Карамзина, согласно которому имя Славянъ должно производить отъ *слово*, такъ какъ Несторъ вездѣ пишетъ *словене*. Напротивъ, имена Святославъ, Изьяславъ, Гремыслава (такъ!) происходятъ отъ *слава*. Каразинъ повторяетъ при этомъ старинное объясненіе имени *словенъ*, означающаго де людей, обладающихъ словомъ или рѣчью, въ противоположность нѣмымъ *нѣмцамъ*. Производство слова *нѣмецъ* отъ имени народа *неметовъ* (ср. выше, стр. 707) Каразинъ называетъ неосновательнымъ, указывая, что имя *нѣмецъ* не могло явиться въ первоначальномъ языкѣ безъ противоположнаго ему по смыслу имени *словенинъ*.

Миѳологическія этимологіи фантастическаго свойства во вкусѣ XVII—XVIII вв. содержитъ статья Волкова „Нѣчто о Велесѣ", явившаяся въ 1819 г. [4]). Авторъ приводитъ имя Велеса, Волоса, Власія въ связь съ герм. Беленусомъ или Веленосомъ (солнце) = Веелъ + Еносъ (т. е. древній Еносъ), вавилонскимъ Веломъ или Веeломъ, финикійскимъ Вааломъ, Белусомъ, Велосомъ и т. д. Изъ этихъ сближеній вытекаетъ, что Велесъ, Белъ, Велъ, Белусъ, Велосъ, Беленусъ, Веленосъ или Виленосъ, въ сущности является русскимъ Аполлономъ, или богомъ солнца. Скотьимъ богомъ онъ сталъ по волѣ переписчиковъ, измѣнившихъ Велоса въ Велеса,

---

[1]) См. Записки о засѣданіяхъ Имп. Росс. Акад. за 1817 г., № 1, 20 янв.

[2]) Тамъ же, № 46, 19 дек.

[3]) «Труды Моск. Общ. Любит. Росс. Словесности», 1818 г., ч. XII, стр. 79—86.

[4]) «Вѣстникъ Европы» 1819 г., ч. 107, № 19, стр. 174—183.

а затѣмъ въ Волоса [1]). Вслѣдствіе сходства этой послѣдней формы съ словомъ *волосъ* (шерсть), богъ Велесъ сдѣлался у славянъ *скотьимъ* богомъ. Въ числѣ цитируемыхъ сочиненій Волковъ ссылается на Воссія (Vossius), „De Origine Idolatr.", т. е. очевидно на сочиненіе подъ заглавіемъ „De Theologia gentili et physiologia christiana LL. IX sive de origine ac progressu idololatriae" (Амстердамъ, 1641, въ 2 т., изд. 2, 1668 въ 3 том.); Moreri, „Le Grand Dictionnaire Historique" (18-е изд., Амстердамъ, 1740, 1-е изд. вышло въ Ліонѣ, въ 1674 г.) и Elias Schedii „Quatuor de Diis Germanis, sive veteri Germanorum, Gallorum, Britannorum et Vandalorum Religione syngrammatum postumorum" (Амстерд. 1648) и обнаруживаетъ такимъ образомъ настоящій источникъ своей миѳолого-этимологической учености, далеко не первой свѣжести.

Статья Волкова вызвала „Замѣчанія на статью: Нѣчто о Велесѣ" [2]), подписанную иниціалами Н. П—й (Полевой?). Авторъ ея возражалъ противъ положеній Волкова, резонно указывая, что миѳологіи германская и славянская оригинальны, а потому и названія ихъ божествъ вовсе не должны быть греческаго происхожденія. Превращеніе Велоса въ Волоса и сближеніе послѣдней формы съ им. существ. *волосъ* = шерсть Н. П—й считаетъ невѣроятнымъ. По его мнѣнію, Велесовъ внукъ Слова о Полку Игоревѣ вовсе не сынъ Аполлона, какъ это думалъ Волковъ, а скорѣе представляетъ указаніе на какого-нибудь знаменитаго родственника. Въ заключеніе замѣтки правдоподобно указывается, что происшедшая при введеніи христіанства замѣна скотьяго бога Волоса св. Власіемъ дѣйствительно основана на сходствѣ данныхъ именъ, причемъ изъ современныхъ функцій Св. Власія слѣдуетъ, что Волосъ былъ скотьимъ богомъ.

Къ 1819 г. относится и критическая статья знакомаго уже намъ профессора С.-Петербургскаго университета Я. В. Толмачева (см. выше, стр. 748), содержащая разборъ разсмотрѣнныхъ выше (стр. 675—78) этимологій Шишкова по корнямъ *мал* и *пин* и озаглавленная „Мои сомнѣнія при чтеніи шестой книжки Академическихъ Извѣстій". Статья эта явилась въ „Сынѣ Отечества" (ч. 58, 1819 г.) безъ подписи Толмачева, который раскрылъ свое авторство лишь много лѣтъ спустя въ своей „Аналитической фи-

---

[1]) Каченовскій снабдилъ, однако, это мѣсто примѣчаніемъ, въ которомъ указывалъ, что переписчики не виноваты въ данныхъ намѣненіяхъ, и ссылался на примѣръ «богемцевъ», т. е. чеховъ, знавшихъ нѣкогда Велеса даже въ XVI в., но теперь его совсѣмъ забывшихъ (на основаніи Добровскаго Slavin, стр. 415). См. тамъ же, стр. 183.

[2]) Тамъ же, ч. 108, стр. 38—48.

логіи о составѣ и образованіи русскаго языка“ (Спб. 1859, стр. 378). По своему методу и знаніямъ нашъ критикъ стоялъ не выше Шишкова, и образчики его дикихъ этимологій, соперничающихъ въ нелѣпости съ словопроизводствами послѣдняго, а подчасъ и превосходящихъ ихъ, мы уже видѣли выше (стр. 1038). Толмачевъ до конца дней своихъ былъ убѣжденъ въ вѣрности своихъ возраженій и, сообщая въ цитированной нами книгѣ о своей статьѣ, прибавлялъ, что Росс. Академія отвѣчала на нее, но не опровергла.

Разныя этнографическія этимологіи содержитъ статья польскаго антикварія и этнографа Зоріана Доленги - Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго): „Разысканія касательно Русской Исторіи“, явившаяся также въ 1819 г. [1]). Большинство названій древнихъ русскихъ и славянскихъ племенъ Ходаковскій выводитъ изъ именъ рѣкъ, на которыхъ они поселились. По его мнѣнію, чехи назвались Цѣхами — „именемъ, близкимъ къ *утѣха*“; имя кривичей выводится изъ латышскаго названія русскихъ *кревы*; древляне получили свое имя не отъ лѣсовъ, а отъ рѣки Древли (нынѣ Сдривли), радимичи отъ Радомли, суличи отъ р. Сулы, сѣверяне отъ р. Сѣверецъ, тиверцы, однако, не отъ Тиравы, а отъ мѣстечка Тиврова, Русь отъ *русаго* цвѣта волосъ и т. д. Послѣдняя наивная этимологія повторялась и впослѣдствіи не только Граматинымъ въ 1823 г. (см. выше, стр. 887), но даже въ наши дни—А. И. Соболевскимъ [2]). Пріемы Доленги-Ходаковскаго воскресли въ наши времена въ потамологическихъ и прочихъ географическихъ этимологіяхъ гг. Филевича и Погодина.

Евгеній Болховитиновъ, не смотря на свое нерасположеніе къ этимологіи, всетаки принужденъ былъ по временамъ имѣть съ ней дѣло. Такъ 31 марта 1819 г. онъ писалъ гр. Хвостову: „Корня слова *говѣніе* и я не знаю: но не вѣрю, чтобъ отъ говядины. Коренное значеніе *говѣнія* vénération, révérence, а переносное уже abstinence, jeûne“ [3]).

Этимологіи географическихъ именъ встрѣчаемъ также въ другой статьѣ З. Доленги-Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго): „Проэктъ ученаго Путешествія по Россіи, для объясненія древней Славянской Исторіи“, вышедшей въ 1820 г. [4]). Мы находимъ

---

[1]) См. «Вѣстникъ Европы», 1819 г., ч. 107, № 20, стр. 277—302.

[2]) См. его «Археологическія замѣтки». I. Русь, въ VI книгѣ «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца».

[3]) См. «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. V, вып. I, стр. 175.

[4]) «Сынъ Отечества», 1820 г., ч. 63, стр. 289—312, ч. 64, стр. 3—11, 49—66, 115—125, 193—205, 241—254 и 289—299.

здѣсь русскую терминологію растеній (ч. 63, стр. 295), созвѣздій (стр. 295—96), именъ разныхъ урочищъ (стр. 311—312), причемъ приводится списокъ коренныхъ словъ, лежащихъ въ ихъ основѣ (стр. 297—310); списокъ русскихъ и славянскихъ географическихъ именъ, происходящихъ отъ имени существ. *слава* (ч. 64, стр. 50—63), такой же списокъ именъ отъ слова *Русь* (стр. 119—123), списокъ географич. именъ, произведенныхъ отъ *Голядь*, *Даждьбогъ*, *Лель*, *Радгостъ* (стр. 193—205), отъ слова *туръ* (стр. 241—246) и т. д.

Статья Ходаковскаго явилась извѣстнаго рода событіемъ въ нашей тогдашней научной литературѣ. Извлеченіе изъ нея было напечатано въ томъ же году и въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]), помѣстившемъ вслѣдъ за симъ и вызванное ею „Письмо къ Редактору“ извѣстнаго уже намъ Мих. Макарова, трактовавшее о географическихъ именахъ Рязанской губерніи [2]). Наблюденія Ходаковскаго въ самомъ дѣлѣ были новинкою въ нашей наукѣ. Такого полнаго и систематическаго обзора народной, главнымъ образомъ географической, терминологіи не предпринималъ еще никто до него, и потому успѣхъ его былъ вполнѣ заслуженъ, несмотря на отсутствіе строгаго научнаго метода и лингвистическаго образованія. Ограничиваясь преимущественно перечнями извѣстныхъ именъ, вполнѣ ясныхъ по этимологическому составу, Ходаковскій, впрочемъ, мало пускался здѣсь въ фантастическое этимологизированіе своего времени и потому не дѣлалъ такихъ грубыхъ ошибокъ, какъ многіе его современники. Въ другихъ своихъ работахъ, какъ увидимъ ниже, онъ былъ, къ сожалѣнію, менѣе остороженъ.

Упомянутое только что письмо Макарова содержало перечень географическихъ названій Рязанской губерніи, аналогичныхъ терминамъ Ходаковскаго, съ наивными этимологіями, въ родѣ произведенія названій деревень Переколъ и Недостоева отъ *переколоть* и *недостоять* (указаніе на битвы, когда-то будто бы происходившія около этихъ деревень).

Фантастическія этимологіи даетъ П. Бутковъ въ своей статейкѣ „О Спорахъ и Норикахъ, древнихъ именахъ Славянъ“, явившейся также въ 1820 г. [3]). Авторъ доказываетъ, что имена Споры и Соспиры тожественны и происходятъ отъ армянскаго

---

[1]) «Извлеченіе изъ плана путешествія по Россіи для отысканія древностей Славянскихъ»: «Вѣстникъ Европы», 1820 г., ч. 113, стр. 30—56, 99—118.

[2]) Тамъ же, ч. 113, стр. 306-310.

[3]) «Вѣстникъ Европы», 1820 г., ч. 110, № 8, стр. 275—295.

поръ=брюхо (phor), *пири*=ротъ (груз.!) и т. д., которыми были названы „различные виды кавказскихъ горныхъ ущелій“; имя же Норики дано славянамъ потому, что они жили въ *норахъ* (!). Здѣсь же *хоромы* и глаголъ *хоронить* приводятся въ связь съ арм. *хоръ* (яма); сербское *кутя*, (такъ!) луж. и малорусс. *хата* и русское *кутъ* съ перс. *хяули* (дворъ) (?), *хаутъ* (глубина), курдск. *кута* (низко) [1]) и т. д. Въ связь съ этими словами приводятся и глаголы *ховать*, *кутать*. *Алтарь* возводится къ ассирійск. (?!) *ала* (Богъ)+*тоира* (гора) и т. д.

Въ томъ же 1820 г. „Сынъ Отечества“ (ч. 59, стр. 141) обращалъ вниманіе своихъ читателей на рефератъ директора Спб. Императорскаго Минералогическаго Общества, проф. Л. И. Панснера, приводя изъ него списокъ названій драгоцѣнныхъ камней и минераловъ, заимствованныхъ изъ восточныхъ языковъ. Въ этотъ перечень вошли слѣдующія названія: алмазъ, яхонтъ, лалъ, вениса, бирюза, сердоликъ, сурьма, изумрудъ, аметистъ, яшма, лазурикъ, талькъ, сандаракъ и даже греч. киноварь, известь=ἄσβηςος (такъ!).

Гр. Румянцова также интересовали слова, заимствованныя изъ восточныхъ языковъ. 23 дек. 1820 г. онъ писалъ своему сотруднику Малиновскому: „О словахъ, которыя находятся въ Софійскомъ лѣтописцѣ и которыя судите, что принадлежатъ восточнымъ языкамъ, я точно писать буду къ г. Френу и В му Пр--ву его отвѣтъ доставлю“ [2]). Осуществилъ ли свое намѣреніе графъ, или нѣтъ, изъ изданной переписки его съ Малиновскимъ нельзя судить.

Богатое собраніе русскихъ этимологій содержало явившееся въ томъ же 1820 г. [3]) „Продолженіе изслѣдованія корней“ А. С. Шишкова. Въ то время, какъ прежнія статьи Шишкова, носившія это заглавіе (см. выше, стр. 675 и сл.), заключали въ себѣ рядъ сравненій съ другими (европейскими) языками, названное продолженіе ихъ не выходило изъ предѣловъ одного русскаго языка. Кромѣ небольшого вступленія, содержавшаго выписку изъ академическаго изданія „Деревья словъ“ о цѣли такихъ „деревьевъ“, о составѣ корней и т. д., мы находимъ здѣсь нѣсколько этимологическихъ семействъ, или, по терминологіи Шишкова, „колѣнъ дерева“. Сначала идетъ „Объясненіе колѣнъ дерева, коего корень есть МР“ (стр. 87—95), затѣмъ аналогичное „Объясненіе колѣнъ

[1]) Восточныя слова приводятся нами въ неточномъ и подчасъ ошибочномъ написаніи Буткова, бравшаго ихъ изъ сравнит. словарей Екатерины II и Палласа, которымъ онъ вполнѣ довѣрялъ.

[2]) Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1882, т. I, стр. 171.

[3]) «Извѣстія Росс. Акад.» 1821, кн. IX, стр. 83—176.

дерева, коего корень есть КР, ГР, ХР“ (стр. 95—139) и, наконецъ, такое же „объясненіе“ корня ТР (стр. 140—176). Къ корню МР Шишковымъ относятся: мру, мерлуха, мерлушчій (потому что „мѣхи сіи составляются изъ умершихъ или уморенныхъ ягнятъ, прежде нежели они родятся“), смрадъ, смородина, смердъ, мерзость, мракъ, смерчіе, морщу, морошка („потому что ягода сія выпуклыми частицами своими показываетъ нѣкоторое сходство съ морщинами“!), смурый, хмурю, муравій или муравей (по темному цвѣту), мурава, мурлычу или мурнычу („всѣ вѣтви сего колѣна показываютъ нѣкое суровое или непріятное ворчанье“, а потому „должны проистекать отъ того же корня *мр*“, означающаго мрачность), маргаю, мараю, морковь („багряный сокъ“, который „можетъ, особливо на одеждѣ бѣлаго цвѣта, дѣлать красныя пятна, *марать* оное“), мразъ, море, моржъ („можетъ быть сперва *морежъ*“, т. е. морской звѣрь), мрежа или мережа (бросается въ *море*), міръ, миръ. Въ этомъ же вкусѣ и прочія этимологическія семейства. Такъ къ корню *кр* относятся: крякаю, кряква, каркаю, кряхчу, кречетъ, курлычу или курлыкаю, кропочу или кропчу, кричу, скребу, скрежещу, скрыплю, кора (сухая кора трещитъ), скора, скорлупа (отъ *скора* и *лупить*), кожа (вм. *коржа*), корь, короста, корысть (послѣ битвы снимаютъ все съ убитыхъ, какъ съ дерева *кору*), корень, кряжъ (вм. *коряжъ*), крыжъ (вм. *корыжъ*), крестъ (вм. *корестъ*), кругъ,... кружево (отъ *круговъ*, дѣлаемыхъ при плетеніи), кружка (всегда бываетъ *круглая*),... кротость, кротъ, край, крою, кайма (вм. *крайма*),... кудри,... скромный,... гремлю... грошъ (брошенный *грохочетъ*, *гремитъ*)... жиръ, жерновъ, зерно, гора, городъ... хребетъ... грубый и т. д. все въ томъ же вкусѣ. Доводы, приводимые въ пользу той или другой этимологіи, почерпаются, конечно, „отъ ума своего“. Такъ, напр., связь *море* съ корнемъ *мр* (мру) устанавливается при помощи слѣдующаго разсужденія: „человѣкъ не однимъ сопряженнымъ съ отвращеніемъ ужасомъ поражается. Его изумляютъ и смущаютъ также великія разстоянія, неизмѣримыя пространства. Видъ смерти ужаснулъ и потрясъ чувство его; но видъ необъятнаго взорами разліянія водъ привелъ въ толикое же душу его удивленіе. Итакъ, взирая на морскія бездны, на сію безпредѣльную пучину, по тому ли, что столько удивленъ былъ ею, сколько и образомъ смерти, или по тому, что не полагалъ на семъ пространствѣ водъ никакого обитанія и жизни, назвалъ оное, *моремъ*, отъ понятія, заключающагося въ корнѣ *моръ*, *мру*, *умираю*“ (стр. 94). Подобнымъ же образомъ доказывается родство *торока́*, *тро́ки* со *строка*: „вѣроятно изъ *острочить*, сперва прибавле-

ніемъ буквы *о* растянули въ *осторочить*, а потомъ выпускомъ буквы *с* сократили въ *оторочить*, откуда пошли уже *торока́*, *тро́ки* и пр."... Кромѣ того, „подъ словами *торока́* и *тро́ки* разумѣются ремни и тесьмы, т. е. такія вещи, которыя *простираются* или *струтся*, и слѣдовательно суть *строки*" (стр. 165—66). Въ такомъ, обычномъ для Шишкова, духѣ и большинство этимологій разсматриваемой статьи, не обнаруживающихъ никакого успѣха, сравнительно съ болѣе ранними его опытами этого рода.

Рядъ этимологій мѣстныхъ названій находимъ у Ходаковскаго и въ его оффиціальныхъ отчетахъ о путешествіи 1821 и 1822 г., напечатанныхъ уже много лѣтъ спустя М. П. Погодинымъ въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, издав. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.". Въ отчетѣ 1821 г. (см. цит. изд., т. III, кн. 2, 1839) онъ производитъ нѣмецкое названіе Медвѣдки—Берко отъ „beer" (Bär =медвѣдь? стр. 133), сближаетъ имя озера Ладога съ фамиліей Ладыгиныхъ (!), и др. именами (Ладевы, Ладыманы, Ладомеры, Ладеревы, Ладоховы и т. д.), а также съ названіями рѣкъ и урочищъ, въ родѣ Вадога, Надога, Ондога, Вардуга, Радога, Рандуга и т. д., которыя, по его словамъ, показываютъ „древнее свойство нашего языка", хотя „сей сложности, сихъ окончаній, не замѣтилъ ни одинъ нашъ граматикъ, и ни одинъ издатель Славянскихъ Лексиконовъ; потому неудивительно, что мы, не имѣя на чемъ утвердиться, вѣрили даже ошибкамъ иностранцевъ и отрекались собственныхъ достояній" (стр. 141—42); имя Вадимъ производится отъ глагола *вадити* (стр. 151), *жальникъ*—отъ *жаль, жалѣю* (стр. 154); названія: Грузино, оз. Грузинецъ, Гружа въ Сербіи, Грузька во Владим. повѣтѣ, Grazka въ Галиціи и т. д. отъ *грузить*, польск. „grążyć, pogrążyć" (стр. 156—57), названія: Волотово, Волотъ, Волотья, Волотково и т. д., Велетья, Велетиха, Велетово, и т. д. сближаются съ употребительнымъ „въ Ятвезской землѣ, около Бѣлостока" названіемъ „рослаго плечистаго человѣка"—*Велетъ, велетный*, которыя, по мнѣнію Ходаковскаго, „одно и то же, какъ Волосъ и Велесъ" (стр. 174—175); имя урочища *Перино* или *Перынь*, однако, признается не имѣющимъ связи съ *Перунъ* (стр. 175—176) и т. д.

Подобныя же этимологіи встрѣчаемъ въ антикритикѣ Ходаковскаго на отзывъ Калайдовича о его теоріи городищъ. Антикритика эта, относящаяся къ 1822 г., была напечатана впослѣдствіи также Погодинымъ („Русскій Историч. Сборникъ", т. I. кн. 3, 1838, стр. 3—109) подъ заглавіемъ „Историческая система Ходаковскаго".

Знаменитый въ свое время археологъ-этнографъ утверждаетъ

здѣсь (стр. 14—16), что, „разсматривая всю нашу номенклатуру, найдемъ однѣ слова, безъ всякой сложности съ другими, съ ихъ родами, числомъ, со всѣми предлогами, въ увеличенномъ и уменьшенномъ видѣ, вовсе не по теперешнимъ формамъ. Иныя слова удивятъ насъ безконечною сложностію однѣхъ съ другими и перестановкою тѣхъ же самыхъ на оборотъ, такъ же удвоеніемъ одного и того же слова“ (слѣдуютъ примѣры на „безконечную сложность“: Бѣлые-боги, Бѣлые-гости, Бѣлоголовы, Бѣлославы и т. д, Черные боги, Черные гости, Черныя головы и т. д.; на „перестановку“: Быстьгость—Гости-бычи, Бѣло-миръ—Миробѣлы, Радъ-гость—Гостерады и т. д.; на „удвоеніе“: Бѣлобѣлъ, Черночернь, Холохоль, Хорохорь и т. д.). Далѣе приводятся имена „*великія* въ уменьшительномъ, и *малыя* въ увеличительномъ видѣ, напр. Грубица“ и т. д.

„У однихъ племенъ—продолжаетъ Ходаковскій—найдемъ сей словарь въ первобытной простотѣ, являющій болѣе гласныхъ буквъ; у другихъ сокращеннымъ образомъ, т. е. съ промолчаніемъ нѣкоторыхъ, въ особенности однозвучныхъ. Увидимъ, какъ гласныя и полугласныя замѣняются однѣ другими, что составляетъ разницу діалектовъ. — По свойству же всѣхъ нарѣчій увидимъ, что нѣтъ вовсе словъ, которыя начинались бы съ буквы а, е (э), ф, (ѳ). Послѣдняя даже не находится внутри словъ, развѣ по незнанію употреблена вмѣсто хв (chw). Наконецъ увѣримся, что три Русскія нарѣчія, (за исключеніемъ примѣси церковнаго языка, или подражанія оному), суть памятникъ первобытнаго, древнѣйшаго языка Словенъ [1]). Сія словесная Кабалистика на землѣ нашей есть одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для Историка и Филолога, ибо въ ней скрывается первое учрежденіе нашихъ предковъ и первое начало нашей Лингвистики“.

Ниже Ходаковскій усердно прибѣгаетъ къ своей „словесной Кабалистикѣ“, доказывая, напримѣръ, что *гора*, *родъ*, *горь* (?). *гарь*. *горѣть* и *городъ* родня между собою, и *городъ* въ сущности означаетъ „горѣніе, сожиганіе, *народомъ* производимое“ (стр. 66). Въ связь съ этими словами приводятся: *гораздъ*, малор. *гарный*, *гарнуться*, *надгорный* (у чеховъ—splendidus), *игра*, польск. gra и контрасты: *горе*, *горевать*, *горькій*, *грѣхъ* (тамъ же, примѣч.). По словамъ Ходаковскаго, „этимологическія замѣчанія гг. Линде и Шишкова открываютъ пространныя идеи о нашемъ языкѣ; но

---

[1]) Въ подстрочной выноскѣ находимъ такое примѣчаніе редактора (Погодина): «Великое замѣчаніе! Жаль, что Ходаковскій не успѣлъ нигдѣ развить и доказать оное подробно. *Ред.*».

если увидимъ сіи дерева, съ корнями, колѣнами и вѣтвями, сіи źródła словъ, произходящими отъ Словянской эпохи, если утвердимъ оный историческимъ образомъ на понятіяхъ и обычаяхъ предковъ, тогда будетъ сей трудъ дѣйствительнымъ и опредѣляющимъ вѣсъ каждаго слова". Какъ образчики такихъ „деревъ", приводятся группы словъ, сродство которыхъ нельзя де отгадать, „не имѣя въ мысляхъ первой эпохи": рѣка, реку, изрѣченіе, рекъ, пророкъ; вода, водить, вождь; гадъ, гадать; гусли, гуслярь; вѣсть, вѣщать, вѣщба, вѣщунъ, откуда звѣзда (польск. gwiazda, zwiastować); волъ, волхвъ; богъ, божить, забаглося; судъ, судно, суда, посуда; ичи, тци (?), обчій, общій, wobec, пчела (стр. 67 прим.). Далѣе находимъ этимологическія соображенія о словахъ князь, ksiądz, ksieni, ksze и т. д. (стр. 81—89), о которыхъ Ходаковскій позже напечаталъ особую статью въ „Сѣв. Архивѣ" (см. ниже); *попъ*, иллир. (сербск.) *попейка*=пѣвецъ, пѣвица (?!), не имѣющихъ де ничего общаго съ римск. papa, παπας (слѣдовало бы πάππας), Pabst и т. д. (стр. 89—90) [1]).

Въ 1822 г. П. Бутковъ снова выступилъ съ этимологіей имени Козакъ [2]), не обнаруживъ при этомъ никакого успѣха, сравнительно со своей болѣе ранней статьей „О Спорахъ и Норикахъ". По мнѣнію Буткова, слово *козакъ* происходитъ отъ имени народа *Касахи=Касоги=Казахи* и значитъ *сторожъ*. Доказывается это путемъ разложенія слова на двѣ части, указываемыя въ общемъ языкѣ „Моголовъ и Калмыковъ" (!): *ко-* (латы, броня)+*сакуль*, *закикчи*, *кицаучи* (сторожь), или *заха*, *захь* (межа, рубежъ). Такимъ образомъ *козакъ=ко-закички* или *ко-захь*, т. е. крѣпкій охранитель границы, военный сторожъ... [3]).

Не лишено историческаго интереса мнѣніе осторожнаго и скептическаго Евгенія Болховитинова, которымъ онъ, при всемъ своемъ недовѣріи къ воздушнымъ замкамъ современныхъ этимологовъ, обмолвился случайно въ перепискѣ съ гр. Хвостовымъ. 7 мая 1822 г. нашъ ученый іерархъ писалъ названному піиту: „Какъ ни судите вы о корнесловахъ; но я думаю, что какъ Грамматики основою есть словопроизведеніе, такъ и вообще словесности. Не можно дождаться очищенія и усовершенія языка безъ остепененія значенія словъ (?). А сего то мы еще и не имѣемъ

---

[1]) Ходаковскій очевидно имѣетъ здѣсь въ виду сербск. *попевка* или *попиjевка* (не *попейка!*), значащее просто «пѣсня» (р. *попѣвка*).

[2]) «Вѣстникъ Европы», 1822 г., ч. 126, № 23, стр. 182—204: «О имени Козакъ».

[3]) И здѣсь Бутковъ черпалъ изъ сравнит. словаря Екатерины II, относясь къ нему съ полнымъ довѣріемъ.

и потому то всякой по своему толку пишетъ. Тредьяковскій правильно началъ съ этимологіи, но не дошелъ до реторики. Сумароковъ началъ витійствовать, не научась этимологіи. Ломоносовъ зналъ этимологію, но не оставилъ намъ руководства къ оной въ грамматикѣ своей, ни въ реторикѣ. Итакъ правильно нынѣ начали съ Тредьяковскаго начала“ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что этимологическіе опыты этого времени вытекали изъ ощущавшейся уже потребности объяснить факты языка, являлись симптомами этой потребности. Подвизавшимся на этомъ поприщѣ въ большинствѣ случаевъ не хватало знаній и метода, но ихъ у насъ и негдѣ было получить въ то время. Евгеній, очевидно, сознавалъ историческую законность помянутыхъ опытовъ и въ концѣ концовъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, и самъ раздѣлилъ всеобщее увлеченіе этимологизированіемъ, хотя и продолжалъ по прежнему относиться недовѣрчиво къ прославленному на западѣ и у насъ санскриту (ср. выше, стр. 1082). Въ письмѣ своемъ къ гр. Румянцову, отъ 6 февр. 1824 г., говоря о предпринятомъ канцлеромъ изданіи „Финляндскаго Словаря“, Евгеній писалъ, что словарь этотъ „безъ сомнѣнія откроетъ намъ много русскихъ словъ такихъ, какъ *Бармы*. Нужно бы выписку сдѣлать сходныхъ съ нашими словъ и изъ Свеоготскаго словаря, который ближе къ Рюриковымъ временамъ [2]). Нѣкогда читавши Шведскую исторію Локцена и Далина, я выписалъ нѣсколько такихъ Шведскихъ словъ, коихъ представляю при семъ небольшой образчикъ“ [3]). Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 23 февр. 1824 г. канцлеръ благодарилъ Евгенія за „выписку Шведскихъ словъ, сходныхъ съ нашими“, которую прочелъ „съ большимъ любопытствомъ“, а 29-го марта 1824 г. препроводилъ ему первый томъ „Финляндскаго Словаря“. Евгеній отвѣчалъ графу 13 апр., благодаря за присылку названной книги и извѣщая, что собирается читать ее „для замѣчанія сходныхъ словъ съ русскими“ [4]).

Очевидно, недовѣріе Евгенія къ санскриту не распространялось на финскіе языки, въ которыхъ онъ хотѣлъ даже самъ искать ключа къ русскому словопроизводству.

---

[1]) См. «Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. ак. н.», т. V, вып. I, стр. 195.

[2]) Евгеній, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду извѣстную въ свое время книгу Ире (1707—1780): «Glossarium Suiogothicum» (1769 г.).

[3]) См. Переписку митрополита Евгенія съ канцлеромъ Гр. Румянцовымъ, вып. III (Воронежъ, 1872 г.), стр. 99. Выписка эта, повидимому, окончательно утрачена.

[4]) Тамъ же, стр. 100, 102, 103.

Каковы оказались бы собственныя этимологіи Евгенія, трудно сказать, но къ чужимъ въ это время онъ относился критически и не безъ основаній. Такъ 19 марта 1824 г. онъ писалъ Анастасевичу: „Смѣшно толкованіе Френово названія Кіева Σαγβαταк; сама мать и производство веси отъ weiss. А въ славянскомъ переводѣ Нов. Завѣта Кирилла и Меѳодія еще прежде Рюрика, есть уже слово *весь* въ нарицательномъ общемъ смыслѣ. Толкуйте же вы теперь какъ хотите и т. д.“ [1]).

Собраніе дикихъ этимологій во вкусѣ XVIII в. содержитъ небольшая книжечка Степана Руссова: „Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ во время язычества и т. д.“ (Спб., въ тип. Н. Греча, 1824, 8°, 17 стр.). Авторъ объясняетъ здѣсь имена слав. божествъ, среди которыхъ фигурируетъ и Зимцерла. Имя этой послѣдней выводится изъ словъ *зіяю* и *мерцаю*, которыя, по мнѣнію Руссова, „какъ то гораздо сильнѣе выражаютъ Зимцерлу“, чѣмъ болѣе похожія *зима* и *стираю* (стр. 3); названія Перкуна и Перуна производятся отъ perdo, percutio и пру (стр. 2, прим.); настоящее начало имени *Стрибогъ* есть *Стрибъ* или *Стребъ* римской миѳологіи (стр. 6); римская Семела, или „Семелія“, въ сущности есть взятая римлянами у славянъ и неиспорченная Зимцерла (стр. 8). Источникомъ Корса или Хорса, а также и слова *харчь*, является эпитетъ Вакха Corimbifer (стр. 9), а настоящая форма имени *Дажьбогъ*—*Дажва* или *Дашуба*, которая “есть не что иное, какъ Эллино-Римская Тетисъ“ (стр. 10). Мокошь=Макоша, т.-е. уменьшительное отъ Макарій, подобно тому, какъ Микоша=Никифоръ (стр. 12—13). Вообще же въ римской миѳологіи много славянскихъ именъ, въ родѣ: *Таумасъ*, *Матута*, *Телесто* (!) и пр.

Къ числу этимологическихъ статей этого времени относится и „Опытъ объясненія слова: князь, ksiądz“ Зоріана Долуги-Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго), явившійся въ томъ же 1824 году [2]). Авторъ ведетъ слова *князь, княгиня* отъ русскаго *конъ*, т. е. отъ „начала, основанія“, какъ Princeps отъ principium, Fürst отъ англосакс. first. Въ связь съ этими словами онъ приводитъ и польское księga, książka, книжка, которую князья держали „въ другой рукѣ“. Польскія формы *ксендзъ* (ksiądz), *ксіонжъ* (очевидно książe), *кше* (voc. sing. ksze) и *ксени* (ksieni) онъ, однако, не берется объяснять и предоставляетъ эту задачу „Варшавскимъ филологамъ“.

[1]) См. «Древняя и Нов. Россія», 1881 г., февр., стр. 311.

[2]) См. «Сѣверный Архивъ», 1824 г., т. X, стр. 219—249 (стр. 241—249: примѣчанія).

Заимствованія изъ тюркскихъ языковъ въ русскій перечисляются въ статьѣ А. Р. „Изслѣдованія о вліяніи Монголо-Татаръ на Россію“, напечатанной въ 1825 г. [1]). Здѣсь указываются слѣдующія слова тюркскаго и якобы тюркскаго происхожденія: кабакъ (стр. 346), калачъ (? стр. 347), сакма, казанъ, майданъ, сидова (!), ясырка (стр. 350—51, прим.), козакъ (стр. 351), тараханныя грамоты (стр. 367). танга=деньга, пула=полушка, алтынъ, атаманъ (!), аманатъ, артель, алый, армякъ, базаръ, багоръ (?), бирючъ (?), баранта, башня (?), булатъ, бунчугъ, балахонъ, барышъ. башка, башмакъ, бобыль (?), буза, бузунъ, бурда, ватага, гетманъ (?!), епанча, есаулъ, ерлыкъ, изюмъ, караулъ, кинжалъ, кушакъ, колпакъ, карій, кибитка, кошевой, кошн, кремень (?!), кутасы, кафтанъ, караванъ, каланча, кокошникъ (?), лошадь, мечеть, маякъ, орда, орканъ, паекъ, сапоги, сарай, сайдакъ, табунъ, толмачъ, улусъ, уланъ, ура, ханжа, халатъ, чемоданъ, шатеръ, шашка, шишакъ, шляпа (?), юрта, ясакъ, ямъ. Кромѣ того, приводятся названія драгоцѣнныхъ камней, напечатанныя еще раньше въ „Сынѣ Отечества“ за 1820 г. (см. выше, стр. 1088).

Къ лингвистическимъ доказательствамъ скандинавскаго происхожденія древнихъ руссовъ прибѣгаетъ молодой московскій историкъ М. П. Погодинъ въ своей магистерской диссертаціи „О происхожденіи Руси“ (Москва. Въ Университетской Типографіи. 1825. 8°. 176 стр.+1 ненум.). Въ своихъ пріемахъ онъ несомнѣнно стоитъ уже на гораздо болѣе высокой научной ступени, чѣмъ всѣ его предшественники, прибѣгавшіе въ своихъ трудахъ къ филологическимъ доводамъ. Въ фактахъ языка Погодинъ видитъ „сильнѣйшія доказательства“ того, что варяги были скандинавами (стр. 50), и подвергаетъ разбору во-первыхъ имена варяжскихъ князей и ихъ пословъ (стр. 51—55); а во-вторыхъ—„русскія“, т. е. варяжскія названія семи днѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя Константиномъ Багрянороднымъ въ его трудѣ объ управленіи Византійской имперіей (стр. 56—69), т. е. повторяетъ отчасти работу, сдѣланную за 33 года до него кн. Щербатовымъ (см. выше, стр. 269—71). Какъ и Щербатовъ, Погодинъ съ еще большой увѣренностью и доказательностью устанавливаетъ чисто скандинавскій характеръ варяжскихъ именъ и названій днѣпровскихъ пороговъ, опираясь при этомъ на труды Байера, Шлецера, Струбе де Пир-

[1]) См. «Отечественныя Записки», 1825 г., ч. XXII, стр. 334—371. Самый списокъ словъ и разсужденіе о нихъ см. стр. 361—366. Авторомъ этой статьи былъ А. Рихтеръ, какъ свидѣтельствуетъ отдѣльный ея оттискъ (Спб. 1825. 8°, 93 стр.), рецензированный въ «Библіографическихъ листахъ» Кеппена (1825, № 23, столб. 329—30).

монта, Эверса, Тунмана, Лерберга и др. Но методъ его безусловно много совершеннѣе и научнѣе, чѣмъ у его предшественника, формы, приводимыя для сравненія изъ разныхъ германскихъ языковъ (хотя бы и изъ вторыхъ рукъ), точнѣе и удачнѣе выбраны, самый кругъ языковъ шире (цитируются англо-саксонскія и англійскія, исландскія, древне-и ново-шведскія, датскія, аллеманскія, верхне-нѣмецкія, голландскія и нижне-саксонскія формы); въ разнорѣчивыхъ и разнообразныхъ мнѣніяхъ своихъ прочихъ предшественниковъ онъ разбирается довольно удачно, отдавая предпочтеніе болѣе правдоподобнымъ конъектурамъ и вообще значительно уже приближаясь къ толкованіямъ, установленнымъ современными германистами, въ частности Томсеномъ, въ его извѣстномъ трудѣ о русско-скандинавскихъ отношеніяхъ и происхожденіи русскаго государства [1]).

Кромѣ указанныхъ географическихъ и собственныхъ именъ, по словамъ Погодина, не сохранилось „никакихъ важныхъ остатковъ древняго языка Русскаго, который исчезъ въ Славянскомъ точно также, какъ Франкскій (Нѣмецкой) въ нынѣ такъ называемомъ Французскомъ, и Булгарской между Дунайскими Славянами. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло также никакихъ памятниковъ гражданскаго языка Славянскаго изъ того періода, въ продолженіи коего вліяніе Русскаго языка могло быть ощутительнымъ, отъ девятаго до двѣнадцатаго столѣтія, отъ пришествія Рюрика до Нестора“ (цит. сочиненіе, стр. 72—73). Тѣмъ не менѣе Погодинъ указываетъ рядъ „скандинавскихъ“ словъ въ Русской Правдѣ и у Нестора: *тіунъ* („Thaegn, Thiangn, Diakn“), *вира* (Wehrgeld, шв. *ора*), *вервь* (норм. или швед. hwarf), *суда*=нѣм. *зундъ*, *нетии* (=нѣм. Neffe!), *пудъ*=„герм. Pund“, *грузъ, безменъ, цѣжь* изъ отрубей, пшеницы и овса=„герм. Zähe“ (!). Большинство этихъ сопоставленій уже имѣется у Карамзина, Круга и другихъ историковъ, но этимологія *нетии* повидимому принадлежитъ самому Погодину. Повторяется у него и Карамзинская этимологія слова *корабль*, происходящаго-де отъ *коробить, коробъ*, а не изъ греч. языка. Какъ бы то ни было, широкое мѣсто, отведенное у Погодина этимологическимъ доводамъ, въ общемъ довольно удачнымъ (особенно для того времени), свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи, которое онъ придавалъ этому научному пріему, выра-

---

[1]) «The relations between ancient Russia and Scandinavia, and the origin of the russian state. Three lectures delivered at the Taylor institution, Oxford, in May, 1876, in accordance with the terms of lord Ilchester's request to the university. Oxford and London. 1877». Имѣются болѣе позднія обработки: нѣмецкая (Гота, 1879) и шведская (Стокгольмъ, 1882).

зивъ свой взглядъ въ слѣдующихъ любопытныхъ словахъ: „Для Филологіи просіяваетъ нынѣ новый свѣтъ, и словопроизводство по кореннымъ звукамъ представляетъ новое и высоковажное пособіе для Исторической критики“ (стр. 74, прим. 171).

Современная критика, впрочемъ, осталась недовольна этимологическими доводами Погодина, и рецензентъ его труда (Ѳ. Б.!) въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1825, № 87) писалъ: „Намъ кажется еще, что Г. Погодинъ излишне распространился въ этимологическихъ доказательствахъ, ибо кто намъ поручится, чтобы слова, дошедшія до насъ чрезъ посредство множества невѣжественныхъ переписщиковъ, сохранились въ первобытномъ своемъ видѣ? Не взирая на все это, результатъ его Разсужденія справедливъ... *Руссы были племя Норманское*. Въ этомъ мы не сомнѣваемся“.

Болѣе скептически къ этимологіи, какъ вспомогательному методу исторіи, относился дерптскій проф. русск. исторіи Іоганнъ Филиппъ Густавъ Эверсъ [1]), русскій переводъ книги котораго [2]) вышелъ въ томъ же 1825 г. Говоря о происхожденіи варяговъ (стр. 18—19), онъ называетъ его „покрытымъ густымъ мракомъ“, который не могъ быть разсѣянъ „свѣтомъ произвольной этимологіи“. Скандинавское происхожденіе ихъ, основанное на этимологіи ихъ именъ и географич. названій, кажется ему, именно въ силу этимологическаго обоснованія, имѣющимъ не болѣе доказательной силы, чѣмъ разныя другія гипотезы о ихъ началѣ. На стр. 71 Эверсъ смѣется надъ сопоставленіями извѣстныхъ оріенталистовъ XVIII в. Михаелиса, Бютнера и Форстера, которые видѣли въ „обыкновенномъ окончаніи Халдейскихъ именъ на *Царь*“ славянское слово и объясняли имя Nebucadnezar, какъ Nebje-cadzenui-tzar (?) = „небомъ поставленный Царь“ (Бютнеръ), или Nebu-godne-zar=„небу годный Царь“ (Форстеръ). По его словамъ, „Шлецеръ настоящимъ Историческимъ изслѣдованіемъ кончилъ сіи Этимологическія забавы“ (здѣсь разумѣется мнѣніе Шлецера, что „Nomina propria для такого сравненія [языковъ] не годятся. Ибо часто бываютъ онѣ даже чужія...“ См. Repertorium Шлецера для Библейской и Восточной Литературы, VIII, 168). Эверсъ рѣшительно возстаетъ противъ сближеній, основанныхъ

[1]) Род. 1781 † 1830, учился въ Геттингенскомъ унив., съ 1810 профессоръ русской исторіи въ Дерптѣ.

[2]) «Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Еверса для россійской исторіи. Переводъ съ Нѣмецкаго. Издано Московскимъ Обществомъ Любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. Въ Универс. Типографіи». Двѣ части, 1825—1826 г. (8°, 356). Нѣмецкій оригиналъ ея: «Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen», вышелъ въ Дерптѣ еще въ 1814 г.

на звуковомъ сходствѣ: „Мы видимъ только сходство звука, но самое величайшее сходство не предохраняетъ отъ заблужденія. Въ самыхъ далекихъ между собою странахъ звуки по одному случаю часто бываютъ разительно сходны:—кто не почелъ бы именъ Лохмана и Свенванга за Германскія и Скандинавскія, если бы сіи имена не были ему извѣстны прежде? И между тѣмъ то принадлежитъ Арабу, а сіе Китайцу. Черкесской Князь Иналъ и Скандинавъ Иніальдъ, Нигіальдъ, сходствуютъ именами много.— Русскій Игорь у Константина Багрянороднаго называется, извѣстно, Ἴγγωρ (Ингоръ), и никакъ не сомнѣваются, чтобъ сіе имя не было одно съ Скандинавскимъ именемъ Ингварь. Ето кажется очень вѣроятнымъ; но бабку сего вѣнчаннаго писателя, супругу Василія Македонянина, Евдокію, всѣ Византійцы называютъ дочерью благороднаго Ингера (Ἴγγερος). Не ужели етотъ Ингеръ, которой, по сказанію Кедрина, происходилъ изъ Мартинакскаго рода, былъ также Скандинавъ? По такому праву можно бы и Римскаго Полководца Руриція Помпейяна, которой въ 312 г. сражался съ Константиномъ за Максентія, завербовать въ Норманны! Еще менѣе рѣшаютъ имена Русскихъ Посланниковъ, которые при Игорѣ и Олегѣ заключили миръ съ Греками. По причинѣ великихъ разнорѣчій, не рѣшено еще, какъ они назывались собственно; ибо кто знаетъ, какое чтеніе правильнѣе: Каларъ или Карла, Фарлофа или Вархова, Велмудръ или Велмида, Фуевастъ или Ибуехатъ? Если бы Скандинавское происхожденіе Руссовъ было доказано другими доказательствами, то слѣдовало бы признать правильнѣйшими тѣ, кои звучатъ наяснѣе по Скандинавски. Если же станемъ разсматривать сіи имена въ самихъ себѣ, независимо отъ всего прочаго, то намъ покажется вѣроятнымъ, что иной Скандинавской звукъ произошелъ отъ описки или недоразумѣнія, отъ коихъ дѣйствительно происходитъ иногда очень странное и т. д." (стр. 71—72).

Методологическому вопросу о роли этимологіи при историческомъ изслѣдованіи Эверсъ посвятилъ цѣлую XIII главу („Этимологія", стр. 133—147), въ которой исходитъ изъ давно, по его словамъ, признаннаго правила, „что этимологія нѣкоторыхъ словъ порознь можетъ служить только къ подтвержденію доказаннаго положенія, а основанія истины должны быть гораздо прочнѣе". Подвергая критикѣ толкованія названій днѣпровскихъ пороговъ, данныя предшествующими историками, особенно Тунманомъ, Эверсъ приходитъ къ отрицательному заключенію относительно ихъ скандинавскаго начала. По его мнѣнію, если бы древніе Руссы были Норманны, „то сіе должно бы быть видно не изъ семи названій

пороговъ, но изъ всего языка подвластнаго народа. Именно этого нельзя сказать о Словенахъ. Германскихъ словъ очень мало въ Русскомъ языкѣ, и сіи немногія столько же обнаруживаютъ верхне-Нѣмецкое происхожденіе, какъ и Скандинавское". Отъ норманновъ „Словены" должны бы заимствовать морскіе термины, между тѣмъ „древніе Руссы заимствовали сіи имена у Грековъ, какъ: дромонъ, корабль, кувара, схедія, δρομων, καραβος, κουμβαριον, σχεδια, исключая *ладьи*" (138—139). Въ заключительномъ примѣчаніи Эверсъ приводитъ въ подкрѣпленіе своего скептическаго отношенія къ этимологіямъ, основаннымъ на внѣшнемъ звуковомъ сходствѣ, соотвѣтствующую цитату изъ Аделунгова Митридата (т. I, XIII), согласно которой „только изъ сравненія коренныхъ слоговъ можно судить о родствѣ и различіи языковъ. Изслѣдователи, судя, какъ обыкновенно случается, только по наружности, подвергаются безпрестанно опасности придти въ заблужденіе, и заблуждаются безпрестанно. Самая Этимологія есть подозрительное мороченіе, если не имѣетъ начала въ семъ основаніи языковъ и т. д." (стр. 146 и сл.).

Такое скептическое отношеніе къ этимологіи и филологическимъ доводамъ въ пользу скандинавизма древнихъ руссовъ нисколько не мѣшаетъ, однако, Эверсу производить имя народа волоховъ или влаховъ отъ русск. *влеку*, *волоку* и т. д. (стр. 5—6), считать имя *варяговъ* (Βαραγγοι, Vaeringiar) переводомъ греческаго φοιδερατοι (отъ англосакс. Waere=договоръ, мирное условіе, стр. 26—27), видѣть древнѣйшіе слѣды имени руссовъ въ библейскомъ народѣ Росъ и роксоланахъ (194—95), въ названіи Волги—Ρως (стр. 196), въ имени притока Днѣпра—Рось, Росса (стр. 212) и ждать „рѣшительнаго объясненія" вопроса о происхожденіи руссовъ отъ „Этимологическаго Словаря Русскаго и Турецкаго языковъ, сочиняемаго, говорятъ, великимъ знатокомъ Востока, Г. Италинскимъ, которой, въ продолженіи многихъ лѣтъ, былъ посланникомъ Русскимъ при Портѣ". При семъ Эверсъ выражаетъ желаніе, чтобы словарь этотъ „былъ напечатанъ поскорѣе, дабы мы могли сдѣлать шагъ впередъ въ основательномъ познаніи Русскаго языка",.. почитаемаго „самымъ нечистымъ изъ всѣхъ Словенскихъ нарѣчій". О попыткахъ сравненія русскаго языка съ санскритомъ (Ѳ. Аделунга и Виттенбергскаго проф. Антона) Эверсъ отзывался безъ особаго уваженія. Первая, изъ нихъ, по его мнѣнію, принесла пользу болѣе „Словенскому языку", а второй онъ и не читалъ (стр. 293). Ясно, что и скептицизмъ Эверса, и его легковѣріе вытекали изъ одного источника—отсутствія настоящаго знанія и метода. Погодинъ, конечно, былъ ближе къ

истинѣ, чѣмъ его нѣмецкій собратъ по наукѣ, находящій, однако, себѣ оправданіе въ томъ, что книга его въ сущности на 11 лѣтъ старше книги Погодина, хотя и стала достояніемъ русской научной литературы одновременно съ послѣднею.

Какъ видно изъ этого обзора, для этимологіи русскаго языка въ теченіи первой четверти XIX в. было сдѣлано очень немного. Правда, этимологизировали всѣ, кому только было не лѣнь, но отсутствіе знаній и метода даже въ лучшихъ случаяхъ (у Востокова, напр.) парализовали самыя добрыя намѣренія и дѣлали почти безплодными нерѣдко очень долгіе и напряженные труды. Только развитіе сравнительнаго языкознанія и знакомство съ санскритомъ могли бы помочь дѣлу, но объ этихъ необходимыхъ условіяхъ плодотворной работы въ данномъ направленіи пока еще нечего было у насъ и думать, и русскимъ университетамъ долго еще пришлось дожидаться каѳедры санскрита и сравнит. языкознанія, учрежденныхъ во Франціи въ 1814, а въ Пруссіи въ 1819 гг.

Немного больше было сдѣлано у насъ для діалектологіи русскаго языка, зародыши которой относятся еще къ XVIII и даже XVII в. [1]). Первыя замѣчанія о различіи произношенія тѣхъ или другихъ звуковъ въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ находимъ у Тредьяковскаго въ его „Разговорѣ... объ ортографіі старінной і новой“ (1748 г., см. выше, стр. 204). Здѣсь идетъ рѣчь о произношеніи *ф* и *ѣ* въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ, о переходѣ неударенпаго *о* въ *а* въ великорусскихъ акающихъ говорахъ, напр. въ московскомъ, о переходѣ ударенпаго *е* въ *о* (въ *везетъ* и т. д.), неударенпаго *а* послѣ небныхъ согласныхъ въ *е* (въ родѣ *чесы*—часы), о новгородскомъ смѣшеніи *ц* съ *ч*, народныхъ звуковыхъ измѣненіяхъ, въ родѣ *Микита*, *секлетарь*, *мтица*, новгородскихъ падежныхъ формахъ, въ родѣ *въ избы*, *въ старой Русы* и т. д. [2]).

Въ „Россійской грамматикѣ Ломоносова (1755 г.) также обращается вниманіе на „главные Россійскіе діалекты“, которыхъ устанавливается три: „Московской, Сѣверной, Украинской“ (Наставл. II, Гл. 5, § 112); дается извѣстная характеристика московскому нарѣчію, которое, по словамъ Ломоносова, „не токмо для важности

[1]) Ср. напр. приведенныя у П. К. Симони (Извѣстія отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. I. 1896 г., стр. 121 прим.) выдержки изъ евангелія 1506 г., алфавита XVII в., Соловецкаго житія Зосимы и Савватія и т. д.

[2]) См. выдержки изъ книги Тредьяковскаго, напечатанныя П. К. Симони въ только что цитированномъ академическомъ изданіи (стр. 120—123).

столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты протчимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы О безъ ударенія, какъ А, много пріятнѣе; но отъ того Московскіе уроженцы, а больше тѣ, которые не много и невнимательно по церьковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ, пишучи А имѣсто О: *хачу*, вмѣсто *хочу*, *гавари* вмѣсто *говори*. Но ежели положить, чтобы по сему выговору всѣмъ писать и печатать; то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно" (Наставленіе II, Глава 5, § 115). Въ § 118 указывается, что малороссы „и въ просторѣчіи Е отъ Ѣ явственно различаютъ". Характеристику малорусскаго нарѣчія Ломоносовъ далъ въ своихъ „Примѣчаніяхъ на предложеніе „О множественномъ окончѳніи прилагательныхъ именъ" [1]). По его словамъ, „сей діалектъ съ нашимъ очень сходенъ, однако, его удареніе, произношеніе и окончѳнія реченій отъ сосѣдства съ Поляками и отъ долговременной бытности подъ ихъ властію много отмѣнились или прямо сказать попортились". Поэтому Ломоносовъ думалъ, что отъ малороссійскаго „діалекта для установленія Великороссійскихъ окончѳній ничего жъ не слѣдуетъ". Напротивъ, если слѣдовать малорусскому, „то Великороссійской языкъ тѣмъ больше испортится, нежели исправится". Въ его же черновыхъ „Филологическихъ изслѣдованіяхъ и показаніяхъ къ дополненію Грамматики надлежащихъ" [2]) подъ 2 и 4-мъ пунктами значились рубрики: „О сродныхъ языкахъ Россійскому и о нынѣшнихъ діалектахъ" и „О простонародныхъ словахъ", матеріалы которыхъ до насъ, однако, не дошли. Въ другихъ рукописныхъ замѣткахъ Ломоносова, перечислявшихъ разные предметы изученія, имѣвшіеся имъ въ виду, находимъ отмѣтки: „Діалектъ Сѣверной" [3]), „О діалектахъ Россійскихъ... Въ общемъ разсужденіи о перемѣнѣ языковъ и оныхъ раздѣленіи [существовавшемъ, но до насъ не дошедшемъ], или въ присовокупленіи о перемѣнахъ и діалектахъ Россійскаго языка..." [4]). О самомъ себѣ Ломоносовъ писалъ, что „довольно знаетъ всѣ провинціальные діалекты здѣшней имперіи" [5]) и т. д.

Шлецеръ въ своей неконченной „Russische Sprachlehre" обращалъ также вниманіе и на діалектическія черты произношенія:

---

[1]) См. Полное собраніе сочиненій Ломоносова, академич. изданіе подъ редакціей М. И. Сухомлинова, т. IV, стр. 1—2.

[2]) Тамъ же, стр. 233.

[3]) Тамъ же, приложенія, стр. 250.

[4]) Тамъ же, приложенія, стр. 254.

[5]) Билярскій. „Матеріалы для біографіи Ломоносова", стр. 703.

на „провинціальное" произношеніе *щ* какъ „двойного *ш*" (§ 4); особое (?) произношеніе *о* у украинцевъ, отличное отъ *ф* и подобное греческому θ (?, § 6); на переходы неударённаго *о* въ *а* „въ московскомъ нарѣчіи, господствующемъ и въ Петербургѣ" (§ 21); на разницу между *е* и *ѣ* въ украинскомъ нарѣчіи (§ 23: первое шире, второе ýже); указывалъ на важность областныхъ словъ для этимологическихъ изслѣдованій, высказывая при этомъ увѣренность, что ихъ „должно быть немало отъ Невы до Анадырки и отъ Ледовитаго моря до Чернаго и до Байкала" (§ 44, прим. 19), и устанавливалъ вслѣдъ за Ломоносовымъ три „довольно различныхъ нарѣчія" „славянскаго" языка въ самой Россіи, а именно: „Московское, Архангельское и Украинское" (тамъ же) [1].

О различіяхъ между русскими говорами говоритъ и Татищевъ въ своей „Исторіи Россійской съ древнѣйшихъ временъ" (т. I. Москва, 1768—69), обращающій вниманіе не только на фонетическія и морфологическія, но и на лексическія ихъ особенности (см. выше, стр. 265).

Сумароковъ въ своихъ писаніяхъ также нерѣдко касается діалектологическихъ вопросовъ. Въ статьѣ „О правописаніи" (см. выше, стр. 209 — 210) онъ указывалъ на ошибки Ломоносова, вызванныя незнакомствомъ съ московскимъ произношеніемъ, въ которомъ *і* „во окончаніяхъ... нѣсколько въ Е претворяется, какъ еще больше литера О въ литеру А; ибо вездѣ гдѣ надъ литерою О нѣтъ силы: то есть ударенія, претворяется она во произношеніи, между О и А, *Водà, вóды*; *горà, гóры* и проч.". Вліяніе родного говора Ломоносова Сумароковъ видѣлъ въ неправильныхъ „провинціяльныхъ" акцентуаціяхъ: *лѣтà, градòвъ*, вм. *лѣ́та, грáдовъ*. По его словамъ, „многія не размышляя, таковыя ево (Ломоносова) ошибки приняли украшеньемъ піитическимъ и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что г. Ломоносову яко провинціяльному уроженцу простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но протчимъ, которыя рождены не во провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ". Тредьяковскому дѣлается также упрекъ, что онъ „въ молодости своей, старался наше правописаніе попортити простонароднымъ нарѣчіемъ", по которому „располагалъ" и свое правописаніе (разумѣется, очевидно, правописаніе Тредьяковскаго „по звонамъ", т. е. фонетическое). Сумароковъ указываетъ также на малорусское вліяніе въ великорусскомъ нарѣчіи, объясняя его тѣмъ,

---

[1]) См. академич. изданіе грамматики Шлецера покойнаго А. А. Куника, законченное пишущимъ эти строки (Спб. 1904), стр. 5, 16, 64—65.

что всѣ наши школы были нѣкогда наполнены малороссами: „такъ сіе провинціяльное произношеніе (Ломоносовское *лѣта̀* вм. *лѣта*) и вкоренилося, яко *Всигды, Теби, Мья,* и протчія Малороссійскія испорченныя выговоры: а особливо пѣвчія многое преобразили: какъ многое преображаютъ и Великороссійскія дьячки, подьячія и бабы. Малороссіяницы вмѣсто *Тебѣ го́споди*: *теби госпо́ды* и вмѣсто *Го́споди поми́луй*, поютъ иногда *Госпо́ды поми́лу́й*: и такъ далее. Но есть-ли намъ писать по выговору Малороссійскому; такъ должны мы вмѣсто *лѣта*, говорить *лита̀*, а вмѣсто *Только*, *тилько* и протч. или вмѣсто *однако*, *однакъ*, и протч. изъ чево многое уже и воспріято". Сумароковъ отмѣчаетъ и другія особенности простонароднаго языка: „Многія слова превращаемъ мы совсѣмъ во противное: *Киріе*, *Елейсонъ* и *Аллилуйа*: претворила невѣжественная чернь въ *Куралесу* и въ *Алелую*, чему и благородныя слѣдуютъ... такъ претворили мы прекрасныя и слуху пріятныя многія имена собственныя въ дурныя и слуху противныя: *Флоръ, Лавръ, Юліяна, Меланія, Харитина* и протч. стали *Фролъ, Лавьоръ, Ульяна, Маланья, Харитонья*". Какъ образчикъ неграмотнаго женскаго правописанья, „какъ ни попало", отражающаго живое произношеніе, приводится такая фраза: „*Матушка мая галубушка пожалуй аттиши камне душа мая где ты купила вчерашнай градитуръ*: а иногда и *гарнитулъ*" и т. д. [1]).

Въ „Примѣчаніи о Правописаніи" найдемъ также нѣсколько относящихся сюда замѣчаній. Опять дѣлается упрекъ Ломоносову въ провинціализмѣ рѣчи: „Грамматика г. Ломоносова ни какимъ Ученымъ Собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ Московское нарѣчіе въ Колмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка. На прим. вмѣсто *лутчій*, *лутчей*"... Сумароковъ отмѣчаетъ также, что ему „трудняе многихъ научиться было отличать Ѣ отъ Е; ибо въ прекрасномъ произношеніи Московскомъ, которое почти одни только приближенныя къ Москвѣ крестьяня употребляютъ, не шпикуя языка своего чужими словами, и не премѣняя древняго произношенія, мы находимъ то, что благородныя люди, наши предки, многія тупыя слова въ острыя премѣнили" [2]).

Въ „Наставленіи ученикамъ" обращается вниманіе на разницу въ произношеніи *г* въ книжномъ и простонародномъ языкахъ: „Г. во Славенскихъ реченіяхъ произносится какъ Латинское H, а во

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Сумарокова, изд. Н. И. Новикова. Ч. X. Москва, 1782 г., стр. 5, 14, 16, 24, 26, 29, 31.

[2]) Тамъ же, стр. 40, § 2, стр. 44, § 16.

простонародныхъ какъ Латинское G." Познать эту разницу произношенія легко, „слыша и церковное служеніе и простонародныя рѣчи" [1]).

Довольно много мѣста отведено особенностямъ народной рѣчи въ рукописной „Обстоятельной россійской грамматикѣ" Московскаго профессора А. А. Барсова, составлявшейся въ промежуткѣ времени между 1784 и 1788 гг. (см. выше, стр. 232 и слѣд., особенно 236).

На важность изученія народнаго языка обращалъ въ 1787 г. вниманіе и архангельскій купецъ А. И. Ѳоминъ въ своемъ письмѣ „Къ любителямъ Россійскаго языка" („Новыя Ежемѣс. Сочиненія", ч. XI. 1787 г. стр. 74 — 82), къ которому примыкала извѣстная его „Роспись словъ и реченій, изъ остатковъ древняго Россійскаго языка въ Двинской странѣ собранныхъ и т. д." (см. выше, стр. 296—298).

Первое по времени описаніе особенностей бѣлорусскаго нарѣчія находимъ въ „Описаніи Кричевскаго графства" Могилевской губ., составленномъ въ 1786 г. Андреемъ Мейеромъ и изд. Е. Романовымъ въ „Могилевск. Губ. Вѣд." и сборникѣ „Могилевская Старина" (вып. II, 1901 г., стр. 88—137). О языкѣ Кричевскихъ и Хотимскихъ жителей Мейеръ говорилъ такъ: „великороссійскій языкъ между ими столь мало преобразенъ, что исключая нѣкоторыхъ занятыхъ отъ поляковъ нарѣчій, произношенія *а* и *о* на *е* и на *я*, прибавленія при вопрошеніяхъ частицы *чи* и перемѣны *с* на *з*, другихъ существительныхъ перемѣнъ въ немъ кажется и не примѣтно" (см. Е. Ѳ. Карскій, „Бѣлоруссы», т. I, Варшава, 1903, стр. 202—203).

„Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы" и изданные подъ редакціей Палласа въ 1787 и 1789 гг. (см. выше, стр. 226 и сл.) содержали въ себѣ въ небольшомъ количествѣ и областныя слова. Въ предисловіи къ I части находимъ такую характеристику малорусскаго и „суздальскаго" (офенскаго) нарѣчій: „Между *Славянскими нарѣчіями*, изъ коихъ Россійское первое занимаетъ мѣсто, оба послѣднія (11 и 12) требуютъ объясненія. *Малороссійское* нарѣчіе мало отлично и само по себѣ часто есть не что иное, какъ Россійское на Польскій образецъ премѣненное, которое и въ употребленіи токмо въ Украйнѣ и Малой Россіи. Въ прочихъ странахъ Россійскаго государства случаются мѣстами нѣкоторымъ только провинціямъ собственныя названія и небольшія въ выговорѣ от-

[1]) Тамъ же, стр. 52—53.

личія, но сіе въ самомъ существѣ Россійскаго языка, коимъ столько милліоновъ людей въ отдаленнѣйшихъ странахъ по городамъ и деревнямъ говорятъ, ничего не значитъ.

Что касается до Суздальскаго нарѣчія, то оное есть смѣшанное частію изъ произвольныхъ словъ, частію изъ Греческихъ въ Россійскія обращенныхъ, такъ какъ Нѣмецкой языкъ, жидами употребляемый, Еврейскими словами изкаженный. Торги, кои отъ Суздаля производятся даже въ Греціи, могутъ измѣненію сему быть причиною".

Приглашеніе къ собиранію областныхъ особенностей народной рѣчи (преимущественно лексическихъ) содержало между прочимъ „Положеніе Собранія университетскихъ питомцевъ (моск. унив.)" 1789 г. (см. выше, стр. 977—78). О попыткахъ собиранія областныхъ лексическихъ матеріаловъ въ XVIII в. мы уже говорили выше (стр. 977—978).

Нѣкоторыя замѣчанія о формальныхъ особенностяхъ мѣстныхъ говоровъ содержатъ описанія путешествій академика Н. Я. Озерецковскаго (см. выше, стр. 978), отмѣчающаго, напр., олонецкія формы 3-го л. ед. ч. безъ окончанія *-тъ: буде, несе* („Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому". Спб. 1792, стр. 150, 2 изд. тамъ же, ч. I, стр. 168).

Съ начала XIX в. интересъ къ народнымъ говорамъ оживляется. Первое проявленіе этого интереса въ названномъ вѣкѣ представляетъ „Ручной дорожникъ для употребленія на пути между Императорскими Всероссійскими столицами, дающій о городахъ по оному лежащихъ извѣстія Историческія, Географическія и Политическія; съ описаніемъ обывательскихъ обрядовъ, одеждъ, нарѣчій и видовъ лучшихъ. Patriae suae et fumus est dulcis. Спб. при Имп. Акад. Наукъ, 1801 г. (стран. 6 ненум. + 111, 16°, 2 изд. исправленное и умноженное. Спб. 1802 въ Имп. Тип. съ указнаго дозволенія, 188 стр.+1 табл. 16° съ эпиграфомъ изъ Державина: „Мила намъ добра вѣсть объ нашей сторонѣ; Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!" Дополненія состояли въ прибавленіи „О разныхъ способахъ ѣзды и т. д.", таблицѣ прогоновъ и большемъ числѣ рисунковъ). Мы находимъ здѣсь довольно неожиданно рядъ характеристикъ мѣстныхъ нарѣчій, хотя и очень общихъ, но иллюстрированныхъ примѣрами въ очень тщательной по тогдашнему транскрипціи: 1) „Нарѣчіе Новогородское по особливому произношенію, а болѣе по твердому выговору на *О*, отличительно отъ всѣхъ другихъ, какія есть въ Россіи (?) и простирается по всему древнему владѣнію Новогородскаго Княжества. Новϙгородецъ скажетъ (ό должно выговаривать весьма твердо, чтобъ получить изъ того

Новогородское нарѣчіе): *Наша Нóвóгóрóцкая стóрóна бóгата чюдными мóнастырями, не хóтитіó ли и вы сударыня пóжалóвать пóсѣтить ихъ, кóіó Сырковъ, кóіó Юрьіóвскóй. Мóсквичъ слишкóмъ баскó гóвóритъ, пó іóвóбы надó сказать харашо*“ (изд. 1, стр. 43—44; изд. 2, стр. 76—77); 2) Валдайскія крестьянки, по словамъ путеводителя, продавая баранки, поютъ: „*Милинькой, чернобровинькой, баринъ! да купижъ у меня, хоть связочку, голубчикъ, красавчикъ мой! вотъ эту, што сахаръ бѣлую*“ (изд. 1, стр. 55; изд. 2, стр. 93); 3) Вышневолоцкое „нарѣчіе совсѣмъ отмѣнно отъ Новогородскаго и по выговору на А ближе подходитъ къ Московскому, имѣя въ отмѣну странные недостатки въ удареніи. Вышневолоцкія женщины почти поютъ сіи слова: *жадная. жадобная, нявистушка, да покушайжа. Дядя Пантялій нынѣшная лита три путины схадилъ—ахти кармилица, смяріотушка мая! Дивки! пайдіоти ли вы на бясиду?* (1 изд., стр. 68, 2 изд., стр. 112—113); 4) Новоторжское нарѣчіе характеризуется, какъ „далеко отличное отъ правильнаго“, хотя торжковскія женщины и увѣряютъ: „*нашей рицы, цыщи въ свици нитъ*“. Въ качествѣ образчика приводится довольно длинный разговоръ двухъ дѣвушекъ, Елеши и Паши: *Е. Здорова, здорова Паша! гди ты была? П. На дивишники недили дви какъ гощу. Е. Какова невиста? П. И!! хороша матка! Е. Ходютъ ли робяты къ вамъ? П. Ходютъ, ходютъ — вчорась всю ночь Яшка да Ванька проиграли въ балалайку, а мы пили писни, да я видила и твово Василья—онъ мника говорилъ, что тебя давно не видалъ, думаитъ не наговорилъ ли на ніово кто теби. Е. Нитъ, нитъ! кому наговорить, да онъ хочитъ менс обмануть — говоритъ полюби мене—я тебя люблю говорю я—да онъ проситцы въ гости ха! ха! ха! висна дила за чымъ—я говорю: гинъ женись на мника, такъ ни въ гостинку будитъ гось—нитъ, нитъ, мене ни обманитъ! П. Ну—прощай мника! пудра итти—да приди—такъ еще поговоримъ*“ (1 изд. стр. 78 — 79, 2 изд. стр. 128 — 130); 5) „Тверское *нарѣчіе* чисто и особенно отъ другихъ примѣтно по своей учтивой присловицѣ *ста.* Тверянки разговариваютъ: *Л. Красная дѣвица! домали ста матушка твоя? Д. Нѣту—ста—ана ста ушла въ рядъ съ подсадою—Л. Чай вы ста взбогатѣли отъ расады да огурцовъ, вить кажитца у васъ ста большой огородъ? Д. Недрянна ста великъ — аднака ста Богъ послалъ ноніча рублей на сорокови ну ста, кой расады, кой ботвинья ста. Л. Да сколька ста васъ у матушки та? Д. Троичка ста. Л. Ну прости ста—скажи ста матушки та, што Лукишна кокошница приходила. Д. Нештоста*“ и т. д. (1 изд., стр. 100—101, 2 изд., стр. 162—163).

Авторомъ этого путеводителя былъ тверской чиновникъ Иванъ Ѳомичъ Глушковъ [1]), какъ видно изъ посвященія императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, подписаннаго его именемъ.

Къ первымъ же годамъ XIX вѣка относятся: первоначальная редакція малорусской грамматики Павловскаго, переданная имъ въ рукописи весною 1805 г. въ Россійскую академію (см. выше, стр. 716); „Ода, сочиненная на Малороссійскомъ нарѣчіи, по случаю временнаго ополченія (1806 г.)“ въ Духовщинѣ, въ 1807 г. штабъ-лѣкаремъ Григоріемъ Кошицъ-Квитницкимъ („Вѣстникъ Европы“, 1807 г., ч. XXXIII, 39—44) [2]) и второе и третье изданія (1808 и 1809 гг.) „Энеиды“ Котляревскаго съ приложеніемъ малорусскихъ глоссаріевъ (см. выше, стр. 979).

Къ 1805 году относится и начало собиранія образцовъ бѣлорусскаго нарѣчія, если дѣйствительно сборникъ бѣлорусскихъ заговоровъ, записанныхъ въ Мстиславскомъ уѣздѣ помѣщикомъ Далецкимъ, относится къ 1805—1819 гг., какъ это утверждаетъ издавшій его г. Романовъ [3]).

Какъ смотрѣли на возникновеніе и дѣленіе русскихъ нарѣчій авторы нашихъ грамматикъ русскаго языка—Орнатовскій (1810) и Тимковскій (1811), мы видѣли уже выше (стр. 729 и 1006). Послѣдній ученый совсѣмъ даже игнорировалъ существованіе бѣлорусскаго нарѣчія.

О раннемъ знакомствѣ Калайдовича съ особенностями новгородскаго нарѣчія свидѣтельствуетъ его статья въ „Вѣстникѣ Европы“ 1812 г. по поводу изданія и объясненія Шлецеромъ-сыномъ двухъ древнихъ новогородскихъ грамотъ (см. выше, стр. 811—12).

Вопросы объ отношеніи малорусскаго нарѣчія къ великорусскому, о времени его возникновенія, о связи съ польскимъ языкомъ и т. д. дебатировались въ рядѣ статей „Вѣстника Европы“ 1810—1812 гг., вызванныхъ появленіемъ анонимнаго „Изслѣдованія баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Не-

[1]) Умеръ въ родномъ своемъ городѣ Твери 12 іюня 1848 г., на 74 году отъ рожденія, см. о немъ Н. Коншинъ, „Московскія Вѣдомости“ 1848 г., № 83.

[2]) «Ода» эта была снабжена любопытнымъ подстрочнымъ примѣчаніемъ редакціи, извинявшейся предъ «нѣкоторыми читателями» въ томъ, что, «желая угодить Малороссіянамъ», изъ которыхъ многіе охотно читаютъ «Вѣстникъ Европы», отнимаетъ у нихъ 5 страницъ для означенной оды. Редакція прибавляла, что правописаніе «оды» «наблюдено въ точности по выговору». Объ этомъ правописаніи могутъ дать понятіе слѣдующіе образчики: звaты, дитей, совиту, всихъ, волокыту, вивкъ, іого, іому, алэ, тэе деревцэ и т. п.

[3]) См. «Могилевскія Губ. Вѣд.» 1900 г., №№ 19, 20, 22, 29, 30 и Е. Ѳ. Карскаго, «Бѣлоруссы», т. I, Варшава, 1903, стр. 204 и 315-16.

сторъ" (Спб., въ типографіи И. Глазунова, 1809, 8°, 35 стр.). Авторъ этого труда, опираясь на лексическихъ данныхъ малорусскаго нарѣчія [1]), доказываетъ, что подъ „баннымъ строеніемъ" Нестора (въ Кенигсбергскомъ спискѣ, подъ 1089 г.), надо разумѣть каменные церковные куполы, которыхъ раньше въ Россіи никто не строилъ.

Мнѣніе это встрѣтило отпоръ со стороны издателя и редактора „Вѣстника Европы" М. Каченовскаго, напечатавшаго свою рецензію въ ч. 49 журнала (1810 г., № 1, стр. 60—70). Здѣсь говорилось между прочимъ (стр. 65—66): „извѣстно, что Малороссійское нарѣчіе занимаетъ средину между нашимъ Русскимъ языкомъ и Польскимъ, изъ послѣдняго вошло въ него множество словъ и оборотовъ въ продолженіе того времени, когда Малороссія находилась подъ польскимъ господствомъ". Опираясь на значеніи польск. слова bania = тыква, пузырь (водяной, стеклянный) и малор. слова *баньки* = стеклянные шарики, употребляемые для игрушекъ, пузыри водяные и мыльные, Каченовскій находилъ возможнымъ, что подъ *баней* разумѣлись только церковныя главы, но не куполы, и толковалъ *банное строеніе* въ смыслѣ мѣста для омовенія или купели для крещенія, какъ это раньше утверждалъ и Болтинъ, мнѣніе котораго Каченовскій называетъ „благовиднымъ".

Отвѣтомъ на рецензію Каченовскаго послужило новое анонимное „Изложеніе споровъ о банномъ строеніи, о которомъ повѣствуетъ Лѣтописецъ Несторъ" въ „Вѣстникѣ Европы" 1811 (ч. 60, стр. 116—139) и 1812 гг. (ч. 61, стр. 25—52). Авторъ этой статьи отстаивалъ свой взглядъ, согласно которому подъ „баннымъ строеніемъ" надо разумѣть церковный куполъ, такъ какъ въ „народномъ нарѣчіи Кіевскаго округа, или Малороссіи, слово *баня* въ просторѣчіи употребляется въ смыслѣ церковной главы или купола, откуда" и прилагательное *банный*. По его словамъ, критикъ „Вѣстника Европы", сличая польск. bania съ малорусск. *банька* и заключая отсюда, что *баня* у Нестора *могло* означать церковную главу, даетъ самъ прекрасное подтвержденіе той мысли, что въ данномъ случаѣ *баня* значитъ „куполъ". При этомъ авторъ высказываетъ мнѣніе, что данныя слова, „немогли получить знаменованій таковыхъ отъ Поляковъ (такъ какъ польскаго языка во времена Нестора и вообще до XIV в. и не существовало, см.

---

[1]) Малорусское *баня* = «высокой сводъ надъ церковнымъ зданіемъ» (въ просторѣчіи), *банька* = стеклянный сосудъ, водяной пузырь. (См. цит. «Изслѣдованіе», стр. 15—16).

ч. 60, стр. 134—138), но Поляки присвоили оныя въ числѣ прочихъ Русскихъ словъ и выраженій" (ч. 61, стр. 28). То обстоятельство, подчеркиваемое Каченовскимъ, что *баня* употребляется въ значеніи „купола, главы" только „въ просторѣчіи", по словамъ анонимнаго автора, не можетъ служить доводомъ противъ его толкованія. Многія слова, употребляемыя теперь въ просторѣчіи, нѣкогда могли быть „благороднѣйшими выраженіями". Несторъ не пренебрегалъ народными словами, въ родѣ *охабивъ*, „коего не всякой теперь и понять можетъ,... самые знаменитые писатели не пренебрегали просторѣчіемъ, или нарѣчіемъ народнымъ... и прибѣгали къ симъ... запаснымъ хранилищамъ, гдѣ находить можно самые корни великолѣпныхъ словъ и громкихъ выраженій. Народныя нарѣчія составляютъ богатство языковъ и словарей" (тамъ же, стр. 28—30). Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, авторъ антикритики продолжалъ настаивать на своемъ толкованіи (банное строеніе = куполъ).

Каченовскій не остался въ долгу у своего противника и помѣстилъ въ 65 ч. „Вѣстника Европы" (1812 г., № 17, стр. 38—56) „Еще нѣсколько словъ о банномъ строеніи", въ которыхъ вполнѣ резонно возражалъ противъ мнѣнія, будто *баня* (= куполъ, глава) „перешло не изъ Польскаго языка въ Малорусское нарѣчіе, но изъ Русскаго въ языкъ Польскій, котораго будто бы совсѣмъ не было до XIV ст., которой будто бы только въ семъ вѣкѣ началъ образоваться, и въ составъ коего вошли будто бы всѣ слова Русскія". По словамъ Каченовскаго, „Польскіе литераторы подивятся такой новости" (стр. 43).

Вопроса о возникновеніи малорусскаго нарѣчія Каченовскій коснулся и въ статьѣ своей „Взгляды на успѣхи россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія", явившейся въ I ч. „Трудовъ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов." 1812 г. (см. выше, стр. 767—68).

Полемика эта, рисующая тогдашнія представленія о взаимныхъ отношеніяхъ малорусскаго нарѣчія и польскаго языка и вообще о происхожденіи славянскихъ языковъ, отразилась и въ перепискѣ Евгенія Болховитинова, тогда архіепископа Калужскаго, съ В. Г. Анастасевичемъ. Ученый іерархъ писалъ своему корреспонденту 11 окт. 1814 г.: „Во время Несторово не было еще ни малороссійскаго, ни польскаго языка", и потому нельзя согласиться „съ толкомъ Несторовыхъ бань на церквахъ" [1]). Въ письмѣ 24 ноября 1814 г. онъ снова возвращался къ этому вопросу: „мнѣніе о нар-

---

[1]) См. «Древняя и Новая Россія», 1880 г., октябрь, стр. 355.

ныхъ баняхъ основываю на древнѣйшемъ употребленіи бань въ монастыряхъ греческихъ и русскихъ, а не на Несторовѣ словѣ *Главница.* Не вѣрю, чтобы Несторъ писалъ на малороссійскомъ языкѣ, котораго при немъ не было, а что у малороссіянъ осталось больше нежели у насъ словъ его, это не доказательство" (въ подтвержденіе дѣлается ссылка на употребленіе у Нестора областныхъ словъ, существующихъ и нынѣ у великоруссовъ: *ольно, нольно*, у бѣлозерцевъ, *огнище, огнищане* — въ Вологдѣ, *одерень* —въ Воронежѣ и т. д.) [1]).

Діалектическія особенности русскаго ударенія, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, были затронуты предсѣдателемъ Московскаго Общ. Люб. Рос. Слов. А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ въ его „Замѣчаніяхъ о русскомъ удареніи" (1812 г., см. выше, стр. 1016—17).

Свои взгляды на малорусское нарѣчіе Каченовскій высказалъ также въ примѣчаніяхъ къ переводу статьи польскаго ученаго Бандтке: „Замѣчанія о языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ", напечатанному въ „Вѣстникѣ Европы" 1815 г. (ч. 84, стр. 23—35, 118—124). Въ началѣ статьи Бандтке опровергалъ общепринятое въ Германіи и Франціи мнѣніе, „что нынѣшній Росс. языкъ собственно принадлежитъ почти всѣмъ Славянскимъ жителямъ Россіи, или лучше всей Россіи Великой, Бѣлой, Чермной и Черной", на которомъ „основаны смѣшныя заключенія о первенствѣ упомянутаго языка передъ Богемскимъ и Польскимъ". Другой основой этихъ заключеній, по словамъ Бандтке, служила увѣренность въ чистотѣ русскаго языка, который „происходя отъ древняго языка Славянскаго, не имѣлъ въ себѣ словъ чужеязычныхъ, кромѣ принятыхъ изъ Греческаго, изъ котораго Славянскій изстари заимствовалъ новыя выраженія". Поэтому рецензентъ Энеиды Котляревскаго въ „Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ" не могъ надивиться несходству малорусскихъ словъ съ великорусскими и „не могъ себѣ представить, чтобы нарѣчіе до такой степени было отличнымъ отъ своего языка". По мнѣнію Бандтке, „языкъ Малороссійскій (котораго столица есть Кіевъ), какъ не уступающій въ старшинствѣ Великороссійскому, не можетъ быть нарѣчіемъ сего послѣдняго". Удостовѣриться же въ этомъ можно, „обративши вниманіе на происшествія временъ прежнихъ; и хотя нѣмцы увѣряютъ, яко бы Малороссійское нарѣчіе есть нечто иное какъ Русской языкъ, испорченный примѣсью къ нему Польскаго; не смотря на то, Малоросс. нарѣчіе старѣе многихъ

[1]) Тамъ же, стр. 361.

другихъ: ибо Кіевъ процвѣталъ уже въ то время, когда Москва не существовала, а Словянскіе *Поляне* еще прежде Рурика говорили не иначе какъ своимъ Славянскимъ языкомъ" (стр. 23—25). Каченовскій не соглашается съ этимъ взглядомъ Бандтке, утверждая, что „ни Славянскіе Поляне, при Днѣпрѣ обитавшіе, ни жители Княжества Кіевскаго и другихъ до присоединенія ихъ сперва къ Литвѣ 1320 г., а потомъ къ Польшѣ 1569-го, не могли говорить нынѣшнимъ Малороссійскимъ нарѣчіемъ (?!), потому что и самое названіе Малороссіи тогда не существовало (!!). А что, во вторыхъ, Польской языкъ имѣлъ весьма сильное вліяніе въ составъ Малороссійскаго нарѣчія, въ томъ никто изъ свѣдущихъ не сомнѣвается". Въ видѣ образчика такого вліянія Каченовскій приводитъ начало грамоты архіепископа Лазаря Барановича на Архимандрію Черниговскаго Елецкаго монастыря, отмѣчая въ ней рядъ полонизмовъ, въ родѣ *въ обецъ, зъ особна*, свѣцкаго *стану* на *преложенствахъ вшелякихъ* и *посполитости зостаючимъ*" и т. д. (стр. 25—26). Такимъ образомъ былъ поставленъ вопросъ объ относительной древности обоихъ главныхъ русскихъ нарѣчій— великорусскаго и малорусскаго, вопросъ, волнующій столькихъ и въ наше время. Поставивъ этотъ чисто научный вопросъ, Каченовскій рѣшаетъ и другой вопросъ болѣе практическаго характера, но не менѣе перваго до сихъ поръ животрепещущій а именно— о литературномъ употребленіи малорусскаго нарѣчія. Пожеланіе Бандтке: „дай Боже, чтобы и *Малороссійскій языкъ сталъ въ ряду ученыхъ Славянскихъ языковъ!*" Каченовскій снабжаетъ такимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ (стр. 123): „Г. Бандтке предполагаетъ въ Малороссійскомъ языкѣ, повидимому, богатую литературу; между тѣмъ какъ онъ никогда не былъ подведенъ подъ грамматическія правила, и при нынѣшнемъ своемъ состояніи способенъ только къ шуточнымъ сочиненіямъ, какова *Енеида* и двѣ или три извѣстныя оды. Великороссійскій языкъ... еще далекъ отъ совершенства; когда же догонитъ его Малороссійской почти съ одною своею *Енеидою*, и къ чему бы послужило его возвышеніе на степень ученаго языка, сопряженное съ непреодолимыми трудами?" Какъ видно, Каченовскій долженъ быть признанъ первымъ въ ряду нашихъ ученыхъ и публицистовъ, отрицавшихъ возможность и резонность самостоятельной литературы на малорусскомъ нарѣчіи.

На офенское „нарѣчіе" обратилъ свое вниманіе Ѳ. Глинка, извѣстный авторъ „Писемъ русскаго офицера". Въ цитированной уже выше (стр. 979) книгѣ „Письма къ другу" (Спб. 1816 г.) [1]

[1]) Книжка эта не лишена историческаго интереса и въ другихъ отноше-

Глинка указываетъ, что, „вслушиваясь въ старинныя Русскія пѣсни и разбирая разныя *мѣстныя нарѣчія* можно найти много любопытнаго и для насъ теперь еще новаго". Такъ въ г. Галичѣ Костромской губ. „существуетъ и по нынѣ совсемъ особенное *нарѣчіе*, которое, вѣроятно, въ смутныя для Россіи времена, служило нѣкоторымъ изъ тамошнихъ гражданъ для тайнаго разговора и переписки. Сохраненное и по нынѣ въ нѣкоторыхъ *купеческихъ обществахъ*, оно доставляетъ имъ способъ, особливо тѣмъ, которые разъѣзжаютъ по ярмаркамъ, объяснятся другъ съ другомъ о цѣнѣ товаровъ и о прочемъ такъ что никто изъ предстоящихъ разумѣть ихъ не можетъ.—Сіе *Галичское* нарѣчіе называютъ *Галивонскія Алеманы*... Удивительно, что нарѣчіе Галичское имѣетъ многіе оттѣнки полнаго языка, котораго грамматическія правила во всемъ, однакожъ, сходны съ нашими" (ч. II, стр. 9—10). Далѣе, авторъ, оппиравшійся на свѣдѣнія, доставленныя ему его сослуживцемъ Ив. Ао. Жадовскимъ, сообщалъ рядъ словъ даннаго нарѣчія, предоставляя вопросъ о томъ, „какъ и когда оно составилось", рѣшенію „любителей и знатоковъ древности" (стр. 13).

Въ III части „Писемъ" (стр. 73—74) обращается вниманіе на народный языкъ вообще: „въ простонародномъ нарѣчіи, сколько въ протчемъ не пренебрегаютъ онымъ, встрѣчаются необыкновенныя выраженія.—Простодушные поселяне безъ всякаго намѣренія блистать умомъ, не рѣдко изъясняютъ чувства и мысли свои весьма замысловато". Приводятся примѣры: „нынѣ въ народѣ не стало *склью*; у всякаго душа *грудью закрыта*; онъ (бѣглецъ) вездѣ чужой и вездѣ *страхомъ обгороженъ*".

Малорусскому нарѣчію посвящено нѣсколько словъ въ аналогичномъ литературномъ произведеніи: „Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ Левшинымъ [1]). Харьковъ, въ университетской типографіи 1816". (8°, 4 ненум. + 206 стр.). По словамъ юнаго автора (ему тогда было всего 17 лѣтъ), малорусскій языкъ „происходитъ отъ древняго Славянскаго, но смѣшанъ съ Нѣмецкими, Латинскими, Польскими, перековерканными словами; отъ чего дѣлается почти не понятнымъ Великороссіянину. По множеству иностранныхъ выраженій и особенныхъ оборотовъ составляетъ самое отдаленнѣйшее нарѣчіе языка Россійскаго. Онъ хотя и не

ніяхъ. Такъ въ I части ея (стр. 167—175) идетъ рѣчь о видѣнныхъ Глинкою въ Ригѣ древнихъ грамотахъ.

[1]) Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ (1799—1879), воспитанникъ Харьковскаго университета, впослѣдствіи товарищъ министра внутр. дѣлъ (1854—59) и одинъ изъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ, смѣненный на своемъ посту Н. А. Милютинымъ, въ послѣдніе годы жизни—членъ государственнаго совѣта.

имѣетъ правилъ, однакожъ немногіе ученые Малороссіяне употребляютъ его въ сочиненіяхъ. Перелицованная Энеида, — прекраснѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе, служитъ тому доказательствомъ.

При всемъ томъ, до сего времени онъ составляетъ языкъ народа. Но ежели геніи здѣшней страны обратятъ на него вниманіе свое и образуютъ оный, ограничивъ положительными правилами грамматики; тогда Малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ, можетъ быть, будутъ состязаться съ просвѣщеннѣйшими народами Европы!" Авторъ находитъ, однако, что „тщетна надежда сія; ибо нѣтъ побудительныхъ причинъ, и самая малая возможность къ составленію языка изъ нарѣчія, оставленнаго почти всѣми образованными жителями здѣшней страны" (стр. 77—78).

Далѣе этихъ немногихъ общихъ фразъ Левшинъ не шелъ, дѣлая исключеніе лишь для черниговскаго нарѣчія, отличительной чертой котораго считаетъ твердость, ощутительную „и у тѣхъ, которые отвыкли отъ языка Малороссійскаго, но немогли измѣнить произношенія". По словамъ Левшина, „большая часть жителей здѣшнихъ смѣшана съ Литовцами, а потому ихъ и называютъ прочіе Малороссіяне *Литвинами*". Очевидно, Левшинъ имѣетъ здѣсь въ виду городнянскихъ бѣлоруссовъ (письмо это писано въ Городнѣ), которыхъ относитъ безъ дальнѣйшихъ околичностей къ малороссамъ (стр. 147—48).

Касается вопроса о русскихъ нарѣчіяхъ и Карамзинъ въ I т. своей „Исторіи Государства Россійскаго" (1815—1816). По его словамъ (стр. 104), славянскія племена, „разсѣянныя по Европѣ, окруженныя другими народами, и нерѣдко ими покоряемыя,... утратили единство языка, и въ теченіе временъ произошли разныя его нарѣчія, изъ коихъ главныя: 1) *Руское*, болѣе всѣхъ образованное, и менѣе всѣхъ другихъ смѣшенное съ чужеземными словами (240)".—Въ примѣчаніи же 240 (стр. 353—4) значится: „Въ чемъ всякой, развернувъ лексиконы языка нашего, Польскаго, Богемскаго, Иллирическаго, можетъ легко увѣриться. — Кромѣ общаго, мы имѣемъ нѣсколько особенныхъ нарѣчій: Украинское, Суздальское, Новгородское. Въ Суздальскомъ много чуждыхъ, неизвѣстныхъ словъ" (приводится пять словъ, равносильныхъ русскимъ Богъ, отецъ, сестра, жена, дѣва, изъ „Сравнительныхъ Словарей всѣхъ языковъ" Екатерины II и Палласа).

О нарѣчіяхъ русскаго языка говорилось между прочимъ и въ рецензіи М. Т. Каченовскаго (К.): „О Россійской литературѣ, статья Самуила Богумила Линде, Ректора Варшавскаго Лицея", явившейся въ „Вѣстникѣ Европы" 1816 г. (ч. XC, стр. 110—136, 230—44).

Статья Линде, въ свою очередь, представляла собой тоже рецензію на „Опытъ россійской библіографіи“ Сопикова и была напечатана въ польскомъ журналѣ „Pamiętnik Warszawski“. Каченовскій перепечаталъ ее въ своемъ журналѣ въ сокращеніи, снабдивъ рядомъ критическихъ замѣчаній. Между прочимъ отмѣчается опредѣленіе Линде бѣлорусскаго нарѣчія (стр. 121), которое повторяется впослѣдствіи и въ статьѣ К. Ѳ. Калайдовича о томъ же нарѣчіи (см. ниже). По словамъ Линде, „подъ именемъ Бѣлорусскаго языка разумѣется нарѣчіе жившихъ въ Бѣлоруссіи и въ Польшѣ благочестивыхъ Греческаго исповѣданія людей. Монахи, въ тѣхъ странахъ жившіе до исхода XVII ст., почти всѣ свои богословскія и поучительныя сочиненія писали симъ языкомъ. Онъ есть смѣсь, составленная изъ языковъ: Славенскаго, Русскаго, Польскаго, а частію и Латинскаго“.

Самъ Каченовскій (стр. 122, примѣч.), слѣдуя Линде и вообще полякамъ, различаетъ „Руськой“ языкъ (język ruski), на которомъ говорятъ въ Минской, Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ, т. е. малорусское и бѣлорусское нарѣчіе, отъ „Русскаго“ въ собственномъ смыслѣ слова, или великорусскаго (język rossyjski). Такъ Литовскіе статуты 1-й и 3-й, по словамъ Линде и Каченовскаго, вышли „на Руськомъ языкѣ“

Сибирское „нарѣчіе“ характеризуется въ извѣстной книгѣ Семивскаго: „Новѣйшія повѣствованія о Восточной Сибири“ (Спб. 1817 г. 8°), по словамъ которой въ Сибири, „съ присовокупленіемъ очень не многихъ простонародныхъ словъ, употребляемыхъ въ нѣкоторыхъ *Сѣверныхъ Губерніяхъ*, особенно въ бывшей *Велико-Устюжской Провинціи*, говорятъ чистымъ Россійскимъ языкомъ, имѣя произношеніе, или выговоръ всѣхъ рѣчей, близко подходящій къ Московскому“ (стр. 36). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (№ 10) сообщается довольно обширный списокъ областныхъ сибирскихъ словъ, которыя попадаются въ разныхъ мѣстахъ и въ текстѣ книги (ср. выше, стр. 981).

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній о мѣстныхъ говорахъ Осташковскаго уѣзда (объ употребленіи дат. п. вмѣсто родительнаго, какъ *поѣсть кашкѣ*, и третьемъ лицѣ ед. числа безъ окончанія -*тъ*, въ родѣ *читае, хвали, сиди, спи, кольне, выпье)* содержало „Путешествіе на озеро Селигеръ“ академика Н. Я. Озерецковскаго (Спб. 1817 г., стр. 180, ср. выше, стр. 979—80).

Какъ особенность „сибирскаго нарѣчія“, К. Ѳ. Калайдовичъ указываетъ въ языкѣ изданныхъ имъ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній“ (1818 г., см. стр. 836) „преимущественное употребленіе имени существительнаго въ ед. ч. и падежѣ именитель-

номъ“, напр. въ выраженіяхъ: „*стѣна* пройти, *нога* изломить, *зима* зимовать, въ Екатеринбургѣ говорятъ *труба* закрыть, *квашня* замѣсить“ и т. д. (стр. V—VII предисловія, примѣчаніе). Самый языкъ стихотвореній характеризуется (стр. XXV), какъ: „народной, сказочной, съ частыми повтореніями однихъ и тѣхъ же выраженій, съ многосоюзіями. Въ немъ встрѣчаются кое-гдѣ слова, вышедшія изъ употребленія“ (ср. выше, стр. 982).

Слѣды малорусскаго нарѣчія въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ отыскивалъ въ 1818 году тотъ же К. Ѳ. Калайдовичъ, отмѣчавшій, впрочемъ, въ языкѣ названнаго памятника еще польскіе (!) и сербскіе (!) элементы (см. выше, стр. 776—778).

Образчики языка галицкихъ малоруссовъ, или русиновъ, и бѣлоруссовъ (послѣднихъ впервые) находимъ въ статьяхъ „Вѣстника Европы“ 1818 г., заимствованныхъ изъ польскаго журнала „Dziennik Wileński“: „Двѣ народныя пѣсни Славянъ Чермной Руси“ (ч. 102, стр. 47—53, подпись: К., т. е., вѣроятно, Каченовскій) и „Остатки славянскаго баснословія въ Бѣлоруссіи“ (тамъ же, стр. 53—56, 111—119. Подпись: М.).

Къ 1818 году относится и первая у насъ печатная малорусская грамматика, составленная А. П. Павловскимъ [1]) и представленная имъ въ рукописи Росс. академіи еще въ 1805 г. (см. выше, стр. 716). Небольшая книжка эта, посвященная авторомъ „Любителямъ соотечественниковъ и словесности“, распадается на двѣ части. Въ первой, „О буквахъ и о произведеніи словъ“ (стр. 1—21), содержится сама грамматика (очень бѣглая и поверхностная), вторая же, озаглавленная „О сочиненіи и о стихотворствѣ Малороссійскомъ“, въ сущности содержитъ: Глава I. „Краткій малороссійскій словарь“, распадающійся на: *а) Простыя слова* (стр. 24—68); *б) Слова принадлежащія къ Натуральной Исторіи* (стр. 68—74); *в) Имена даемыя при крещеніи* (стр. 75—78); *г) Фразы, пословицы и приговорки Малороссійскія* (стр. 78—86). Глава II: Примѣры на малороссійское сочиненіе: а) *Простые примѣры*, б) *Разговоръ*, в) *Пісня* (гомінъ, гомінъ по дуброві), г) *Отрывокъ изъ исторіи нѣкотораго Малороссіянина*, д) Вакула Чмыръ. Общія замѣчанія.

---

[1]) Грамматика малороссійскаго нарѣчія, или Грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ Малороссійское нарѣчіе отъ чистаго Россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмѣту замѣчаніями и сочиненіями. *Сочин. Ал. Павловскій.* [Эпиграфъ:] Ego pro sententia mea hoc censeo. — Pedibus in hanc sententiam itum sit! *Senec. Apokolokint.* Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи В. Плавильщикова, 1818 г. 8°, 4 ненум. + VI + 2 ненум. + 114 + 1 ненум. стр.

Въ предисловіи, говоря о множествѣ любопытныхъ сторонъ „Малой Россіи“, достойныхъ описанія, авторъ замѣчаетъ, что подобное описаніе составило бы „превеликую книгу“ и вообще потребовало бы много лѣтъ для своего осуществленія. Поэтому онъ находитъ, что для него „довольно будетъ положить на бумагу одну слабую тѣнь исчезающаго нарѣчія сего близкаго по сосѣдству съ нимъ народа, сихъ любезныхъ его соотчичей“, происходящихъ отъ единой съ нимъ отрасли.

Появленіе своей книжки онъ оправдываетъ такъ: „Ежели разбираніе *Архангельскаго, Новгородскаго, Полотскаго, Стародубскаго, Муромскаго* и другихъ нарѣчій (неговорю *Финскихъ, Ордынскихъ, Югорскихъ, Сибирскихъ, Камчатскихъ* языковъ), которыя отличаются только нѣсколькими или нечистыми, или смѣшными, или весьма странными словами, занимаетъ иногда любомудріе и время многихъ знающихъ справедливую цѣну вещи людей, и даже тѣхъ самыхъ, которые поставили себѣ за предметъ обогатить и вычистить *Россійскій Лексиконъ;* то для чего жъ не заняться сколько нибудь и такимъ нарѣчіемъ, которое составляетъ почти настоящій языкъ?“

Въ концѣ предисловія авторъ заявляетъ, что будетъ „неизъяснимо“ утѣшенъ и польщенъ, если „благомыслящіе любители своихъ Соотечественниковъ и Словесности“ признаютъ его трудъ „несовсѣмъ безполезнымъ“ и способнымъ рано или поздно вдохнуть „усерднымъ сынамъ Россіи желаніе къ сохраненію подобныхъ памятниковъ и протчимъ разсѣяннымъ по пространству толь обширныя Имперіи народамъ и языкамъ“.

Сама грамматика очень поверхностна, но тѣмъ не менѣе впервые у насъ отмѣчаетъ рядъ звуковыхъ особенностей малороссійскаго нарѣчія и даетъ его краткую морфологію. Изъ фонетическихъ чертъ отмѣчены: мягкость *ц* („буква А послѣ Ц въ концѣ рѣченій произносится какъ Я“: *царьця*): двоякое произношеніе *г* (какъ спирантъ и какъ смычный : *г* ‖ *кг*); сложные звуки *дж* и *дз;* переходъ *и* въ „*ы*“ (*сынiй* и т. д.); *л* въ „*в*“ (*вовкъ*); *о* въ *і* (*пiпъ*) въ однихъ говорахъ, и въ *у*, или „*ю*“, у „ближайшихъ къ Литвѣ малороссіянъ“ (*пуiпъ, буiгъ* = великорус. попъ, богъ); *ф* въ *хв* : *Хвенна* (Феня), *хворый* (!), *хварба, хвыкга;* *ѣ* въ *і* (*лiто);* произношеніе *я* внутри и въ концѣ слова, какъ „*ья*“ (*мьясо);* произношеніе *ѳ* какъ *хвт* (? ср., впрочемъ, ученіе Шлецера, выше, стр. 1102): *Хвтеологiя* (!) и т. д. Указанными замѣчаніями ограничивается вся фонетическая часть грамматики. Нѣкоторый историческій интересъ представляетъ только примѣчаніе общаго характера на стр. 3—4. Авторъ утверждаетъ, что „различные *тоны* звуковъ (рѣчи)

происходятъ отъ различнаго возвышенія и пониженія *голоса*", число которыхъ въ свою очередь зависитъ отъ „строенія голосовыхъ орудій". „Но всякая нація имѣетъ опредѣленное число звуковъ, сколь бы въ протчемъ ни многоразлично было у каждаго члена оныя строеніе горла, неба, языка, зубовъ и проч. Чѣмъ сосѣдственнѣе между собою народы, тѣмъ меньше они имѣютъ таковыхъ между собою отличій. Отъ сего и въ Малороссіи весьма мало существеннаго отличія въ произношеніи отъ чистаго Россійскаго языка, и главнѣйшее есть — ощущаемая ухомъ *грубость*" и т. д.

Морфологическая часть книги (глава II) начинается очеркомъ именного склоненія. Авторъ устанавливаетъ пять склоненій: 1) на *а, я* ж. р.; 2) на *ъ, й, ь* муж. р., *е, о, ѣ* ср. р.; 3) на *я* ср. р.; 4) на *ь* ж. р. и 5) на *і* ж. р.; далѣе разсматриваются прилагательныя и ихъ степени „уравненія" (сравненія), увеличительныя и уменьшительныя имена, числительныя, мѣстоименія (существительныя, прилагательныя), глаголъ (два спряженія: 1) *спiвать, спiва́ты*, 2) *вору́шыть)*, причастія и „прочія части рѣчи", т. е. нарѣчія, предлоги, союзы и междометія, которыя, по словамъ грамматики, „суть тѣже, что въ настоящемъ Россійскомъ языкѣ" (стр. 21). Всѣ эти отдѣлы такъ же поверхностны, какъ и фонетика, иногда несвободны и отъ ошибокъ.

Заканчивается книжка довольно курьезными подчасъ „Общими замѣчаніями" (стр. 106—114). По словамъ автора, „превеликая... часть Малоросс. словъ, и наипаче крестныя и художественныя названія, суть не что иное, какъ длинные отпрыски отъ первоначальнаго своего корня, но которыхъ первообразіе отдаленность передѣлала въ настоящіе выродки. Нѣкоторые изъ нихъ тонкому Этимологу чванятся Татарскимъ, Турецкимъ, Польскимъ, Нѣмецкимъ и Французскимъ своимъ происхожденіемъ; и наука дѣяній человѣческихъ не ложными доказательствами подтверждаетъ ихъ справедливость". Авторъ оставляетъ въ сторонѣ „слова мѣстныя, случайныя, несобственныя (имѣющіяся въ небольшомъ числѣ и въ его словарѣ); которыя составляетъ то невѣденіе, то особенное какое нибудь обстоятельство; которыя многолюднымъ городамъ почти несвойственны; и которыхъ во всякомъ языкѣ находится безчисленное множество". Онъ находитъ, что и безъ этихъ словъ богатство малоросс. нарѣчія позволяетъ „легко изъяснять... простоту и невѣжество..., естественно изображать страсти" и „пріятно шутить" (стр. 106—107).

По его словамъ, въ малорусскомъ нарѣчіи много словъ, которыя могли бы и великорусской „риторикѣ" придать „немало важ-

ности, силы и хорошаго изображенія вещи". Въ примѣръ приводятся слова: *недогарокъ, ослонъ, кресать, погонычъ*, которыя „лучше и короче именуютъ вещь, нежели" соотвѣтствующія великорусскія *огарокъ, скамья, огонь, вырубать, кучеръ*. Малорусское „*весільлѣ*" = свадьба тоже „съ перваго раза даетъ понятіе, что свадьба есть такая минута въ человѣческой жизни, которая всеконечно должна быть сопровождаема *веселіемъ*". Отсюда дѣлается заключеніе, что подобныя слова „стоило бы только обработать и ввесть въ употребленіе" (стр. 107—108).

Впрочемъ, авторъ находитъ, что рядомъ въ малорусскомъ, какъ и во всякомъ другомъ языкѣ, „много и такихъ словъ, которыя составляютъ однѣ только погрѣшности человѣческаго разума". Таковы: *упырь*, „означающее хвостатаго человѣка", который по ночамъ возитъ на себѣ вѣдьмъ, и представляющее „грубую и смѣшную идею"; таинственное *зъ уздромъ* [1]), которое „въ магическомъ значеніи (?) представляетъ идею страшную и для человѣчества весьма обидную" (!?); всѣ бранныя слова, свидѣтельствующія о „твердомъ характерѣ" малороссовъ и на столько сильныя, „что не только естеству, но даже слуху нетерпимы. Таковыя слова и рѣчи щастливъ бы человѣкъ былъ, еслибы Провидѣніе со всѣмъ изгладило въ Словарѣ душевныхъ понятій" (стр. 108). Образчики такихъ „браней, ужасное понятіе" дающихъ о характерѣ малоросса, приводятся ниже, на стр. 109 (*„Ніжъ твойму батькові въ сердце; стонадцять чортывъ твоій матері"*). Рядомъ имѣются и нѣжныя выраженія, но преимущественно у людей, „живущихъ въ городахъ, имѣющихъ благородное обращеніе со своими начальниками, угощающихъ своихъ друзей и ведущихъ съ другими народами тѣсныя связи"; напротивъ, рѣчь деревенскихъ жителей, обитающихъ въ глуши, „гдѣ, можно сказать, кромѣ управляющаго Скиптра, никто не имѣетъ съ ними дѣла", преизобилуетъ „грубѣйшими, не только словами, но даже цѣлыми фразами" [2]). Въ примѣръ таковой грубости приводится говоръ деревни Вырей въ Слободской-Украинской губерніи, въ которомъ, „кромѣ премногихъ грубыхъ коренныхъ словъ вмѣсто *чего, нельзя, можемъ*, говорятъ чаго́, нільга̀, мо́гомъ". Поэтому авторъ предлагаетъ прежде всего очистить „языкъ Малороссіянъ отъ всѣхъ противныхъ, или несродныхъ ему, звуковъ" и дать ему „существенный его видъ", послѣ чего явится возможность судить объ немъ безошибочно (стр. 109—110).

---

[1]) Въ глоссаріи переведено просто: *со всѣмъ приборомъ*.

[2]) Какъ чувствуется здѣсь духовное родство автора съ Гоголевскими героями, очевидно выхваченными изъ жизни!

Несмотря на подобные курьезы, Павловскій имѣлъ уже довольно ясное понятіе о научномъ значеніи народныхъ діалектовъ. Вопросъ, „къ чему пригодна можетъ быть предлагаемая“ имъ малорусская грамматика, онъ находитъ „тягостнымъ“. По его словамъ, „Филологъ, измѣряющій великое поле Словесности, безъ сомнѣнія можетъ найти въ ней что нибудь такое, что займетъ его душу; даже если онъ захочетъ въ нужномъ случаѣ употребить Малороссійское нарѣчіе къ разъисканію нѣкоторыхъ историческихъ истинъ, то оное послужитъ ему, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ къ тому пособіемъ“. Для пониманія многихъ мѣстъ лѣтописи Нестора „надобно бы знать языкъ Малороссіянъ. Исторія древнихъ народовъ между прочимъ отъ того намъ кажется неясною, что мы не имѣемъ подобныхъ грамматикъ, писанныхъ въ ихъ времена.—Самое обстоятельное познаніе урочищъ, упражненій (?), обрядовъ, нравовъ, какого бы то ни было народа, объясняется наилучше познаніемъ его языка“. Истинный образъ нашихъ предковъ будетъ намъ не ясенъ, „если мы не сохранимъ настоящаго образа ихъ мыслей и нарѣчія“. Поэтому на вопросъ, *„нужно ли сохранять различныя нарѣчія, которыхъ во всякомъ языкѣ находится немалое количество? или предать всѣ оныя забвенію?“*, Павловскій „рѣшительно“ отвѣчаетъ: *„нужно сохранять всѣ нарѣчія, сколько бы ихъ ни нашлось, въ какомъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ нашемъ отечественномъ языкѣ“* (стр. 112—114).

Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что подобный вполнѣ опредѣленный взглядъ на важность діалектологическихъ изысканій можетъ быть поставленъ Павловскому въ несомнѣнную заслугу и конечно искупаетъ недочеты его научныхъ знаній и метода, породившіе выше указанные курьезы его книжки. Слишкомъ строгимъ судьямъ ея не слѣдуетъ забывать, что въ то время уже самое появленіе *первой* малорусской грамматики было важнымъ событіемъ, каковы бы ни были ея недостатки, столь естественные при полномъ отсутствіи у насъ какой бы то ни было возможности получить научную подготовку въ данномъ направленіи.

Въ томъ же году явилась рецензія книжки Павловскаго, принадлежавшая кн. Цертелеву („Сынъ Отечества“ 1818 г., ч. 46, № 23, стр. 147—151). Критикъ заявлялъ, что прочелъ грамматику Павловскаго „безостановочно и съ удовольствіемъ“. Ему кажется, „что она дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе любителей отечественной Словесности: чѣмъ болѣе будемъ мы знать нарѣчіи языка Славянскаго, тѣмъ удобнѣе усовершенствовать языкъ Руской... Малороссійское же нарѣчіе есть одна изъ ближайшихъ отраслей перваго“. Цертелевъ думаетъ даже, „что если бы возможно было

очистить Малороссійское нарѣчіе отъ словъ Татарскихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ и небольшаго числа такихъ; коихъ происхожденіе отгадать весьма трудно, наприм. *стрвай* (подожди, постой), *мерщій* (скорѣе), *силькось* (нѣтъ нужды) и проч., то мы увидѣли бы одно изъ чистѣйшихъ нарѣчій языка Славянскаго. и можетъ быть то самое, которое было господствующимъ языкомъ предковъ нашихъ во времена Владиміра". По словамъ критика, „въ нарѣчіи семъ находится много словъ, помогающихъ объясненію Этимологіи словъ Рускихъ (въ родѣ *роска* = розга, доказывающаго, что *розга* есть сокращеніе изъ *ростка!)*, много такихъ, которыя выражаютъ мысль яснѣе нежели нынѣ нами употребляемыя (напр. *пугачь, вечеря, недогарокъ, ятки,* болѣе близкія къ понятіямъ, ими означаемымъ, чѣмъ великорусск. *филинъ, ужинъ, огарокъ, лабазы*), есть даже такія, которыя, будучи введены въ языкъ Россійскій, по выразительности своей. могли бы служить къ обогащенію онаго" *(досвѣтокъ* = время передъ разсвѣтомъ, *жениxаться, майка* = шпанская муха, *цокотать* = стучать зубами или чѣмъ нибудь звенящимъ и проч.).

Кромѣ этихъ замѣчаній лексическаго свойства, Цертелевъ выставилъ еще нѣсколько возраженій, направленныхъ противъ тѣхъ или другихъ положеній грамматики Павловскаго. Возраженія эти, однако, большею частью основаны на недоразумѣніи, а то такъ и на недосмотрѣ или невѣжествѣ самого критика, какъ это довольно удачно и показалъ самъ авторъ въ своей антикритикѣ, вышедшей четыре года спустя, въ 1822 г. (см. ниже).

Такъ кн. Цертелевъ находилъ совсѣмъ невѣрнымъ правило Павловскаго объ образованіи превосходной степени прилагательныхъ помощью прибавленія къ положительной степени „слога *пре*, а иногда и слога *наи*", что́, по мнѣнію критика, „бываетъ совершенно наоборотъ" (?). По поводу наивнаго замѣчанія Павловскаго, что превосходная степень получается также, „прибавляя къ положительной слова *изъ чорта* или *изъ чортоваго, изъ бисового сына*", Цертелевъ резонно и не безъ язвительности сомнѣвался, „есть ли хотя одинъ языкъ, въ которомъ бы превосходство одной вещи предъ другою означалось прибавленіемъ слова *чортъ* или *чортовъ сынъ*", и приводилъ параллельныя, хотя и не тожественныя великорусскія выраженія *чортъ знаетъ какъ силенъ, чудо какъ хороша.* На стр. 14 грамматики Павловскаго Цертелевъ ошибочно принялъ „стяженную" форму притяжательнаго мѣстоименія ж. р. *ма* за 3 л. ед. ч. глагола *маю* и упрекалъ Павловскаго въ незнаніи этой формы. На стр. 16 и 19 его осужденію подверглись многократныя глагольныя формы *спивувавъ, ворошувавъ*, а на стр. 21—

замѣчаніе, что въ малорусскомъ не употребительны причастія прошедшаго и настоящаго времени, вмѣсто которыхъ употребляются цѣлыя предложенія. Цертелевъ возражалъ на это, что „Малороссіяне имѣютъ слова: *писаный*, *украденый*, *стоячій*, *лежачій*“. Кромѣ этихъ и немногихъ другихъ погрѣшностей, частью мнимыхъ, частью сводившихся къ неудачнымъ выраженіямъ критикуемаго автора, Цертелевъ осуждалъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, неправильныя написанія, въ родѣ *вечера*, *паймятка*, *ныдить*, *хвостыкъ*, *Бисъ-дерево* вмѣсто *вечеря*, *паниматка*, *нудыть*, *хвастыкъ*, *Божь-дерево* или *Боже дерево*, а также и невѣрное толкованіе нѣкоторыхъ словъ (всего 5), неправильно де переведенныхъ Павловскимъ. Не понравилось критику и замѣчаніе Павловскаго о произношеніи *и* „по большей части“ какъ *ы*: по его мнѣнію, нужно было указать „главные случаи“ такого произношенія, напр. „въ концѣ глаголовъ“ и „въ творительныхъ падежахъ именъ“ (слѣдовало бы прибавить множ. числа) [1]). Недоволенъ остался Цертелевъ и правописаніемъ Павловскаго, „безъ нужды“ затрудняющимъ читателя употребленіемъ *кг* вмѣсто *г* = лат. g, и *ї* вм. *ѣ* = *и*. Въ концѣ концовъ критикъ все же признавалъ, что „книга сія, какъ первая въ своемъ родѣ, заслуживаетъ всякое уваженіе“, и остался доволенъ „общими замѣчаніями въ концѣ книги“, показывающими будто бы, „что Сочинитель смотрѣлъ на предметы, его окружавшіе, со вниманіемъ и съ надлежащей точки“. Какъ видно, критикъ оказался не сильнѣе разбираемаго имъ автора, предъявляя иной разъ совсѣмъ ошибочные или просто пустые упреки, и въ то же время одобряя тѣ стороны книги, которыя этого мало заслуживали.

Малая компетентность кн. Цертелева въ данныхъ вопросахъ вполнѣ обнаруживается и въ его собственныхъ замѣчаніяхъ о малорусскомъ нарѣчіи, находящихся въ его „Опытѣ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“ (Спб., въ типогр. Карла Крайя. 1819, 8°, 8 ненум. + 64 стр.). Въ разсужденіи „о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ“ [2]), открывающемъ книжку, встрѣчаемъ слѣдующую общую характеристику малорусскаго нарѣчія: „Языкъ старинныхъ Малоросс. пѣсней конечно далеко отошелъ отъ своего корня и еще далѣе отъ языка Россійскаго, но слово есть одежда мыслей; оно измѣняется и временемъ и политическими переворо-

[1]) Въ своихъ собственныхъ замѣчаніяхъ объ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія, въ упоминаемомъ ниже „Опытѣ собранія старинныхъ малоросс. пѣсней“ Цертелевъ такъ и формулировалъ данное правило.

[2]) Разсужденіе это было уже напечатано раньше въ «Сынѣ Отечества» 1818 г., ч. 45, № 16, стр. 122—36.

тами и самымъ образованіемъ народа... Нарѣчіе упомянутыхъ стихотвореній для большей части Рускихъ покажется можетъ быть страннымъ и непріятнымъ (оно устарѣло для самыхъ Малороссіянъ); но изъ того не слѣдуетъ, что и самыя стихотворенія „странны и никуда не годны". По словамъ собирателя, „нарѣчіе Малороссійское, бывшее нѣкогда такъ сказать языкомъ отдѣльнымъ и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи. Выпущеніе и прибавленіе въ реченіяхъ нѣкоторыхъ слоговъ, соразмѣрное смѣшеніе согласныхъ буквъ съ гласными весьма облегчаютъ стихосложеніе Малороссійское и способствуютъ гармоніи онаго" (стр. 3—4).

Слѣдующія за тѣмъ „Предварительныя замѣчанія" содержатъ главныя особенности малорусскаго нарѣчія, которыя „читатель не знающій его долженъ замѣтить" (стр. 19—20). Замѣчанія эти формулированы нисколько не лучше, а иногда и хуже, чѣмъ соотвѣтствующія правила Павловскаго. Вмѣсто правила Павловскаго, что „*и* по большей части произносится какъ *ы*", у Цертелева находимъ quasi-ученый § 1, гласящій, что „Малороссіяне во всѣхъ глаголахъ наконцѣ, также въ творительномъ падежѣ, а часто и въ другихъ случаяхъ, употребляютъ *ы* вмѣсто *и*". Въ числѣ другихъ особенностей отмѣчены: 2) переходъ *ѣ* въ *и*; 3) окончаніе 3 л. наст. вр. „на *іе, ае, яе*, а въ усѣченномъ на *а, я* (*богатіе, аліе, гуля, гуляе, чита, читае*); 4) прош. время на *въ* (*ходывъ*, будто бы только въ 3 л. ед. ч.); 5) окончаніе неопред. наклоненія возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ глаголовъ на *тыця* (*бытыця*); 6) дѣйств. и среднихъ на *ты* (*читаты*); 7) „въ мѣстоименіяхъ личныхъ и возвратныхъ наконцѣ вмѣсто буквы *я* употребляютъ *е*" (*тебе, мене* вм. тебя, меня); 8) предлогъ *зъ* вм. *изъ* и *съ*; 9) *зо* вм. *со* и *одъ* вм. *отъ*; 10) *у* вм. *въ* и наоборотъ (*у городѣ, въ насъ*); 11) *до* вм. *къ* (*до васъ, до рички).*

Къ книжкѣ приложенъ былъ глоссарій словъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ (немного болѣе 200), большею частью новыхъ и въ глоссаріи Павловскаго отсутствующихъ. Впрочемъ, въ текстахъ найдутся и слова, въ словарикѣ не попавшія (въ родѣ *прикмить, квилыты, проквиляты, припола, волочай, ячаты* и т. д.).

Трудъ кн. Цертелева былъ замѣченъ въ нашей періодической литературѣ. Такъ „Сынъ Отечества" 1820 г. посвятилъ ему небольшую рецензію (ч. 60, стр. 218—19). Неизвѣстный авторъ послѣдней (подпись: Е. Т—ій) прочиталъ книгу Цертелева „съ удовольствіемъ", но порицаетъ издателя за то, что въ малорусскомъ правописаніи онъ слѣдовалъ „произношенію, а не Этимологіи" и,

вмѣсто „Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе повѣвае“, писалъ: „Изъ низу Днипра тихій витеръ віе повиває“. По мнѣнію рецензента, издатель, конечно, этимъ даетъ понятіе великороссамъ о малорусскомъ произношеніи, „но за то приводитъ въ затрудненіе самихъ Малороссіянъ, которые, выговаривая обыкновенно букву И гораздо тверже, нежели Великороссіяне, при чтеніи невольно останавливаются“. Поэтому критикъ предлагаетъ лучше слѣдовать противописанію „Малороссійской Енеиды“ (съ сохраненіемъ ѣ, напр. въ изданіи 1809 г.), тѣмъ болѣе, что „въ самыхъ старинныхъ Малороссійскихъ бумагахъ не употреблялось *И* вм. *Ѣ*, хотя сія послѣдняя въ произношеніи всегда выговаривалась какъ *И*“. Замѣчаніе издателя, будто малороссы произносятъ *и*, какъ *ы*, критикъ находитъ „несовсѣмъ справедливымъ“ и даетъ болѣе правильное опредѣленіе этого звука, свидѣтельствующее о его тонкой фонетической наблюдательности: „Звукъ Малороссійскаго *И* есть средній между Россійскимъ *Ы* и *И*, и точно такой, какъ Нѣмецкаго *i* въ словахъ Hirten, Dienstag, Himmel“.

О нѣкоторыхъ лексическихъ особенностяхъ рязанскихъ мѣстныхъ говоровъ говорилъ Мих. Макаровъ въ своей „Краткой запискѣ о нѣкоторыхъ достопамятностяхъ Рязанскихъ и Пронскихъ“ („Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“, ч. XVI, 1819, стр. 121—38), обращая вниманіе, напр., на „слова. для насъ Рускихъ почти непонятныя“, имѣющіяся въ языкѣ „Мещоряковъ“, въ родѣ *гунуть* (ударить); *овванало* (?)=подлѣ, близко, въ окружности, *шеберъ* (сосѣдъ), *восей* и проч. (стр. 131).

На важности діалектологическихъ изысканій настаивалъ и извѣстный антикварій-этнографъ Зоріанъ Доленга-Ходаковскій (Адамъ Чарноцкій), въ „Проектѣ ученаго путешествія по Россіи“ [1]) котораго находимъ слѣдующее предположеніе: „3) Обратить вниманіе на главныя нарѣчія провинціяльныя, какъ далече простираются, въ чемъ состоитъ ихъ разница, и что́ могло въ оныхъ уцѣлѣть изъ древнѣйшаго Славянскаго, чего письменный свѣтъ могъ еще не получить подобнымъ образомъ... 4) какія найдутся наименованія разнымъ звѣздамъ и произведеніямъ Природы, то-есть пресмыкающимся, насѣкомымъ, грибамъ и зельямъ“ [2]).

Въ этомъ же проектѣ онъ приводилъ малорусскія пѣсни — одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда на страницахъ нашихъ журналовъ являлись образчики малорусскаго нарѣчія [3]).

[1]) См. о немъ выше, стр. 1086—1087.

[2]) «Сынъ Отечества», 1820 г., ч. 64, № 40, стр. 298.

[3]) Тамъ же, ч. 64, стр. 64—65, 242—44, и «Вѣстникъ Европы», 1820, ч. 113, стр. 104—105.

Къ 1818—1820 гг. относится начало діалектологическихъ занятій П. И. Кеппена, который, по собственному признанію [1]), началъ очень рано интересоваться діалектологіей. Еще въ 1818 г., въ своемъ извлеченіи изъ книги Аделунга „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergl. Sprachenkunde" („Труды Высочайше утвержд. Общ. Люб. Росс. Слов."=„Соревнователь просвѣщенія и благотворенія". Ч. I, стр. 279, прим.) онъ напечаталъ переводъ Аделунгова примѣчанія къ письму Лейбница къ Петру Великому о желаніи нѣмецкаго философа издать лингвистическій атласъ Россійской имперіи. Въ 1820 г., въ рецензіи на Аделунговъ же „Übersicht aller bekannten Sprachen" (см. выше, стр. 592 и слѣд. и 596—599) онъ указывалъ на важность изученія мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ и тогда же переписывался съ Евгеніемъ Болховитиновымъ, въ то время архіепископомъ Псковскимъ, о томъ, „какъ бы опредѣлить число разныхъ россійскихъ нарѣчій" [2]).

Евгеній отвѣтилъ Кеппену пространнымъ письмомъ отъ 1-го октября 1820 г., сохранившимся (подъ № 22—24) въ I томѣ „Свѣдѣній о русскихъ нарѣчіяхъ" Кеппена (собственность Имп. Акад. наукъ) [3]). Изложенію своихъ взглядовъ ученый іерархъ предпослалъ замѣчаніе, что „никогда не занимался симъ изслѣдованіемъ и потому на вѣрно ничего отвѣчать" не можетъ. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ Евгенія для своего времени является замѣчательнымъ. Впервые здѣсь устанавливаются извѣстныя группы говоровъ, принимаемыя и послѣдующими нашими учеными діалектологами. Самымъ древнимъ діалектомъ Евгеній считаетъ:

„1) *Новогородскій*, оставшійся въ Русской Правдѣ, Новогородской Лѣтописи и въ Новогородскихъ грамматахъ. Онъ былъ общій по всей сѣверной полосѣ отъ Пскова до Устюга и даже нынѣ сходенъ. Новогородскія колоніи занесли его и въ Ярославль, и въ Кострому, и на Вятку, и въ Нижегородъ, и въ Казань, и въ Симбирскъ и въ Тобольскъ и въ нѣкоторые сѣверные Сибирскіе уѣзды. Тамъ до сего времени вездѣ отзываются новогородское *О* и многія собственно новогородскія слова.

2) Діалектъ *Кіевскій*, коимъ писалъ Несторъ, не похожій уже

---

[1]) См. его письмо къ А. А. Кунику отъ 17 февр. 1861 г. въ «Bulletin» Академіи наукъ, т. III, стлб. 506—511=Mélanges Russes, т. IV, вып. 2, стр. 210—217.

[2]) Письмо Евгенія къ Кеппену отъ 1 окт. 1820 г., см. «Извѣстія отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», 1896, стр. 397.

[3]) Напечатано П. К. Симони въ «Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. н.», 1896, стр. 396—399.

ни на Рускую Правду, ни на Новгородскія Лѣтописи ни на собственно-церковный языкъ.

3) *Владиміро-Суздальскій*, съ перенесеніемъ столицы во Владиміръ измѣнившійся и произведшій нынѣшній языкъ Московскій, Рязанскій, Тульскій, Калужскій и всей средней полосы Россійской имперіи. Отличительною чертою сего діалекта то, что онъ новогородское *о* превратилъ въ *а*.

4) *Бѣлорусскій*, съ XIV в. образовавшійся въ Полотскѣ и въ Смоленскѣ изъ смѣшенія славено-русскаго языка съ польскимъ и литовскимъ (!), по причинѣ завладѣнія Смоленска и Полотска Литовскими великими князьями. Но начало сего языка старѣе въ Литвѣ у поселившихся тамъ словенорусcовъ.

5) *Кіево-малороссійскій* со времени завладѣнія Польскихъ королей по обѣ стороны Днепра изъ смѣси польскаго языка съ русскимъ образовавшійся (обычное объясненіе этого времени) и съ выходцами оттуда распространившійся по Губерніямъ: Курской, Орловской, Харьковской и Воронежской. Но Донскіе козаки говорятъ Московскимъ или Владиміро-Суздальскимъ языкомъ съ малою примѣсью малороссійскихъ словъ".

Въ томъ же письмѣ Евгеній говоритъ о „*Кривическомъ* діалектѣ", который „долженъ быть не особенной какой, а *Новогородской*. Ибо по всей вѣроятности и новогородцы потомки кривичей, изъ Пруссіи и Литвы пришедшихъ къ Полотску, Смоленску и Пскову и отсюда уже далѣе простершихся къ озеру Ильменю. Сходство Псковскаго діалекта съ Новогородскимъ сіе подтверждаетъ донынѣ. Смольяне же частію склонилися къ Московскому, а Полочане больше къ Польско-Литовскому".

Кеппенъ былъ восхищенъ этимъ мнѣніемъ Евгенія, дѣйствительно для своего времени любопытнымъ, новымъ и единственнымъ по полнотѣ и обстоятельности, и просилъ автора письма дозволить ему напечатать это послѣднее, или по крайней мѣрѣ дать своимъ друзьямъ копіи съ него. Но осторожный Евгеній отвѣтилъ на эту просьбу рѣшительнымъ отказомъ, ссылаясь на то, что „никогда не занимался симъ розысканіемъ и написалъ... только первую встрѣтившуюся... мысль, въ которой и самъ не увѣренъ. А на необдуманныя мнѣнія легко могутъ появиться обдуманныя возраженія. Совсѣмъ другое дѣло писать для друзей нежели писать для публики" [1]).

На важность изученія народныхъ говоровъ обращалъ вниманіе въ 1820 и „Сынъ Отечества" (какъ и Кеппенъ—въ рецензіи на

[1]) Тамъ же, стр. 399.

книгу „Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte", см. выше, стр. 982).

Нѣсколько незначительныхъ замѣчаній о нарѣчіи Слободско-Украинской губерніи содержалъ статистическій очеркъ этой губерніи, напечатанный въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія" за 1820 г. (ч. IX, стр. 137, 138—9). Мы узнаемъ отсюда, что „народъ Слободско-Украинской губерніи, хотя издревле принадлежалъ къ Малороссіянамъ и имѣлъ съ ними одинъ языкъ и одни обычаи, но со времени поселенія своего" въ ней, „болѣе сліялся съ общею массою Россійскаго народа, нежели Малороссіяне", долго имѣвшіе своего Гетмана и теперь еще (въ 1820) имѣющіе „особенное судное право". Народъ и дворянство губерніи болѣе „*обрусѣли*, нежели ихъ сосѣди. Это сказывается въ самомъ языкѣ. Житель Московской, Тульской или Орловской Губерніи на примѣръ, и Украинецъ, будутъ разумѣть другъ друга не только на проѣзжихъ дорогахъ, но и въ удаленныхъ отъ нихъ деревняхъ; чего объ истинномъ *Малороссіянинѣ* не можно сказать".

Къ 1820 г. относится и упоминавшаяся уже выше (стр. 991) записка смотрителя Осташковскихъ училищъ С. Н. Суворова объ особенностяхъ мѣстнаго Осташковскаго говора. Какъ наивны были научныя представленія ея автора, можно видѣть изъ слѣдующей характеристики: „Въ городѣ Осташковѣ, съ самаго начала его существованія (?), большая часть жителей говорили во многихъ случаяхъ противъ правилъ грамматическихъ; со введеніемъ во ономъ учебныхъ заведеній ошибки въ разговорѣ начали нарочито уменшаться, и остались только примѣтны въ сословіи такихъ людей, которые не имѣли случая насчетъ сей неисправности принять наставленія. Надобно думать, что со-временемъ оныя еще менѣе слышны будутъ, когда родители не станутъ считать за излишнюю для дѣтей своихъ надобность обучаться въ училищѣ грамматическимъ правиламъ, и тогда отвыкнутъ говорить и писать: *купилъ рыбѣ* вмѣсто: *купилъ рыбы;* отдать письмо *въ Москвы*, вмѣсто: (въ) *Москвѣ*; плыть *по воды*, вмѣсто *по водѣ; взять рукамъ*, вмѣсто *руками*; а въ глаголахъ дѣйствительныхъ и среднихъ настоящаго и будущаго временъ обоихъ числъ не договаривать *тъ*, напримѣръ: *онъ меня люби*, вмѣсто: *любитъ*; *не возьме* съ собой въ Петербургъ, вмѣсто: *не возьметъ* и пр.". За этими скудными замѣчаніями слѣдовалъ списокъ областныхъ словъ (см. о немъ выше, стр. 991).

Въ 1821 г., передъ отъѣздомъ своимъ за границу П. И. Кеппенъ сдѣлалъ довольно большую поѣздку по Россіи. Сначала (въ іюнѣ) онъ посѣтилъ Псковъ, гдѣ видѣлъ архіепископа Евгенія Болхо-

витинова, сообщившаго ему свое словесное мнѣніе о бѣлорусскомъ нарѣчіи, съ дозволеніемъ напечатать его. По словамъ Евгенія, „*Бѣлорусской* былъ языкъ двоякой, книжной и народной. Книжной перешелъ и въ Кіевъ, для книгъ же; но тамъ народной языкъ и донынѣ Польско-славянской. Но бѣлорусской (т. е. начиная отъ Смоленска, къ Минску, и вообще въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ—Витебской и Могилевской)—народной языкъ былъ и есть Московско-Польскій съ выговоромъ Литовскимъ“ [1]).

Изъ Пскова Кеппенъ проѣхалъ въ Кіевъ. Во время этого путешествія онъ дѣлалъ наблюденія надъ малорусскими говорами и нашелъ, что около Нѣжина и Чернигова господствуетъ совсѣмъ другой выговоръ, чѣмъ около Гадяча, Ахтырки и Харькова. Кромѣ того къ онъ востоку встрѣтилъ больше татарскихъ или ногайскихъ словъ, чѣмъ около Кіева [2]). Въ бытность свою въ Кіевѣ, обозрѣвая мѣстныя рукописи, Кеппенъ обратилъ вниманіе на одну рукопись Золотоверхо-Михайловскаго монастыря, значившуюся въ описи подъ именемъ „Новаго Завѣта на Славено-Польскомъ языкѣ“, т. е. на книжномъ бѣлорусскомъ, и сдѣлалъ оттуда выписку первыхъ 3 стиховъ изъ первой главы „Евангелия водле Яна“, помѣченную 19 дек. 1821 г. [3]). Къ этому же времени, вѣроятно, относится первая попытка Кеппена опредѣлить „границы русскаго нарѣчія“, въ которой онъ покуда ограничился лишь перечисленіемъ сосѣднихъ съ русскимъ племенемъ народовъ съ самымъ общимъ указаніемъ ихъ мѣста жительства. Перечислены здѣсь у него: *Чудь, Латыши* („въ Витебск. Губ., въ уѣздахъ Люцинскомъ, Рѣжицкомъ и Дюнабургскомъ. Жмуди въ Виленск. Губ.“), *Поляки* („Отъ Зап. Двины и Днѣпра къ З.“), *Татары* („Въ Крыму, Кавказѣ, за Кубанью“ и т. д.), *Монголы*-Башкиры между Дономъ и Волгою—въ степяхъ. *Чуваши, Черемиссы, Мордва, Пермь, Зыряне* и пр. По Низовымъ Губерніямъ надъ Волгою“ [4]). Рядомъ въ замѣткахъ Кеппена находимъ небольшое собраніе выписокъ изъ различныхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ и частныхъ писемъ, относящихся къ общимъ вопросамъ русской діалектологіи о числѣ и дѣленіи русскихъ нарѣчіи, переселеніяхъ и т. п. (№ 101—108). Неизданныя до сихъ поръ путевыя записки Кеппена [5]), возникшія около этого времени или нѣсколько раньше, съ этихъ поръ, повидимому, не прерыва-

[1]) Тамъ же.

[2]) «Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ», т. I, № 401. (Изъ писемъ Кеппена къ Ѳ. И. Аделунгу, напечатанныхъ въ «St. Petersburger Zeitung»).

[3]) См. «Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ» Кеппена, т. I, № 103.

[4]) Тамъ же, № 105.

[5]) Принадлежатъ сыну П. И.—Ѳ. П. Кеппену.

лись и должны содержать не мало діалектологическихъ замѣтокъ и наблюденій, насколько можно судить по указаніямъ на нихъ, встрѣчающимся въ упомянутыхъ уже не разъ рукописныхъ „Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ" Кеппена. Въ 1821 г. онъ сдѣлалъ первую попытку составить этнографическую карту Русской имперіи, обозначивъ на „Сборномъ листѣ" подробной карты Опермана границы эстовъ, латышей, литовцевъ, а также области „Литовско-Русскаго или Черно-Русскаго" и „Чермно-Русскаго = Карпато-Русскаго". Границы бѣлорусскаго нарѣчія, разумѣется, могли быть отмѣчены лишь очень приблизительно и съ большими пробѣлами. Эту карту Кеппенъ взялъ съ собой за границу (1822—24), гдѣ продолжалъ дополнять ее, отмѣтивъ, напримѣръ, западную границу русиновъ въ Галиціи, разселеніе литовцевъ въ Пруссіи и т. д. Карта эта, очевидно, послужила зародышемъ составленнаго впослѣдствіи Кеппеномъ рукописнаго этнографическаго атласа Россіи, экземпляры котораго имѣются въ библіотекахъ: собственной Е. И. Величества, Академіи наукъ и Имп. Географич. общества [1]).

Нѣкоторыя діалектологическія свѣдѣнія и замѣчанія заключались также въ оффиціальномъ дѣлѣ о путешествіи З. Доленги-Ходаковскаго (Адама Чарноцкаго), хранившемся прежде въ архивѣ Главнаго Правленія училищъ, на которое указываетъ Кеппенъ въ своихъ „Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ" (т. I, № 176, 177—79, 184). Здѣсь была цѣлая статья о новгородскомъ нарѣчіи, заключавшая 12 стр. въ листъ и содержавшая собраніе словъ новгородскаго нарѣчія, вмѣстѣ съ разными замѣчаніями о немъ. Въ „Свѣдѣніяхъ" Кеппена (№ 177—78) находимъ одну выдержку изъ оффиціальнаго донесенія Ходаковскаго отъ 14 марта 1821 г. о предпринятомъ имъ съ помощью казны путешествіи, въ которой характеризуется новгородское нарѣчіе, наблюдаемое въ Ладожскомъ (нынѣ Новоладожскомъ) уѣздѣ Петербургской губерніи. Названное донесеніе было впослѣдствіи напечатано М. П. Погодинымъ подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ путешествія Ходаковскаго по Россіи. Ладога, Новгородъ" („Русскій Историческій Сборникъ, издав. общ. ист. и древн. росс." т. III, кн. 2, 1839 г., стр. 131—200). Ходаковскій описываетъ здѣсь свое научное путешествіе, начатое 17 авг. 1820 г., и сообщаетъ, что разспрашивалъ жителей между прочимъ „о сельскомъ нарѣчіи и прочихъ замѣчательныхъ вещахъ" (стр. 134—135). Выдержку Кеппена мы находимъ здѣсь на стр. 155: „Нарѣчіе въ Ладожскомъ уѣздѣ нѣкоторыми словами уподоблялось Кривицкому, то есть Бѣлорусскому, а перемѣною во многихъ случаяхъ буквы

---

[1]) См. письмо Кеппена къ А. А. Кунику отъ 17 февр. 1861 г.

Ѣ на И, сходствовало съ южнымъ Русскимъ. Но отъ рѣки Тигоды обнаруживается гораздо внятнѣе и свойственнѣе Кривицкой діалектъ: тутъ (такъ сказать по бѣлорусски) *соусьмъ* (у Кеппена *суйсьмъ*) *дзъйкаюць*, т. е. говорятъ: дзѣвка, дзивка (дѣвка), дзѣвѣрь, дзвѣри (дѣвѣрь, двѣри), цебѣ, замѣцице хату (тебя, замѣтите избу), и пр.; *говоряць такъ до самаго Ноугорода!* Однакожъ по большой дорогѣ С. Петербургской не слышно такого нарѣчія; по сторонамъ оной вездѣ по прежнему. Часто попадавшіеся Бѣлорусцы, въ обратномъ пути отъ Вытегры, служили мнѣ сличеніемъ и повѣркою нарѣчія Полоцкаго и Новгородскаго; объ чемъ нѣсколько пространнѣе скажу послѣ".

Въ концѣ донесенія (стр. 192—200) находится цѣлая отдѣльная статья, озаглавленная: „О здѣшнемъ нарѣчіи". Надо думать, что ее то и имѣлъ въ виду Кеппенъ въ своихъ „Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ" (см. выше, стр. 1128). По словамъ Ходаковскаго, онъ слышалъ „язычное нарѣчіе здѣшнихъ Кривичей"... уже на берегахъ притока Волги, Тигоды, и встрѣчалъ его „по разнымъ селеніямъ" въ сторонѣ отъ „большой столичной дороги". Тотъ же діалектъ онъ нашелъ, „разговаривая съ Ильменскими поселянами отъ Шелона(и?), Русы и Холма". „Бывши въ Псковѣ въ 1819 г.", нашъ этнографъ „удивлялся сходству тамошняго нарѣчія съ Бѣлорусскимъ". По его мнѣнію, „вставка Малоросс. *и* произносимаго вмѣсто *ѣ*, вѣроятно послѣдовала еще въ тѣхъ временахъ, когда Новгородцы съ Кіевлянами играли ролю первѣйшихъ областей Русскихъ, имѣли частыя сношенія и братство; въ Полоцкѣ и Смоленскѣ не слышно сего измѣненія. Столь давнее переселеніе *и* на Волховъ (!), должно быть свидѣтельствомъ древности онаго въ южной Руси, и за Карпатскими горами, гдѣ обыкновенно является оно въ первыхъ падежахъ, вмѣсто *ѣ* и *о*. Здѣсь выговариваютъ *г* не гаммою Греческою, но Латинскою h, (mohila, а не mogila), ибо гамма употребляется въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, исключительно только въ Мѣрскомъ, (т. е. Суздальскомъ), и Польскомъ діалектѣ. Въ Новгородскомъ краѣ рѣдко перемѣняютъ *о* на *а*, какъ у Москвитянъ, а чаще *т* на *ц*, и послѣ *д* прибавляютъ *з*, чѣмъ совершенно обнаруживается Кривицкое нарѣчіе, и нѣкоторое сходство съ Польскимъ. Здѣсь періоды кончатся также Кривицкимъ образомъ, на *вши*, напр.: онъ былъ тогда пришедши, ушолъ неѣвши, и т. д. Во всѣхъ словахъ есть протяженіе подобное напѣву, которое изображаетъ сердечную простоту. Здѣшнее нарѣчіе имѣетъ ту честь, что въ оломъ нѣтъ Татарскихъ словъ: *конь*, никогда лошадь; *рынокъ* (нѣм. Ring!) а не базаръ; *голова*, никогда башка; *сопка*, могила, и никогда курганъ; *поясъ* чаще нежели кушакъ". За этой

характеристикой слѣдуетъ собраніе словъ, „которыя могутъ назваться провинціализмами, но употребленіемъ единообразнымъ на Волховѣ, въ окрестностяхъ Полоцка, Смоленска, Новгорода Сѣверскаго и Гродка, достойны примѣчанія“ (стр. 192—93). Всѣхъ словъ здѣсь около 120, въ томъ числѣ и нѣсколько рѣдкихъ. Разумѣется, теорія Ходаковскаго о тожественности нарѣчій новгородскаго, бѣлорусскаго и сѣвернаго малорусскаго, объединяемыхъ имъ подъ именемъ „Кривицкаго“, не можетъ быть принята современной наукой, но тѣмъ не менѣе діалектологическія наблюденія его обращаютъ на себя вниманіе. Уступая въ обиліи лексическаго матеріала разсмотрѣннымъ выше (стр. 983 и слѣд.) коллекціямъ, сдѣланнымъ по приглашенію Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., записи Ходаковскаго во всякомъ случаѣ выдаются среди прочихъ опытовъ этого рода, производившихся у насъ въ теченіе первой четверти XIX в., по обширности района наблюденія, несомнѣнной подлинности матеріала, добытаго изъ первыхъ рукъ на мѣстѣ, и сравнительному разнообразію особенностей рѣчи, на которыя онъ обращалъ вниманіе.

Къ 1822 году относится появленіе въ печати первой работы, посвященной бѣлорусскому нарѣчію. Это былъ докладъ К. Ѳ. Калайдовича „О бѣлорусскомъ нарѣчіи“, читанный его братомъ И. Ѳ. въ засѣданіи Моск. Общ. Люб. Слов. 29 ноября 1821 г. [1]) и напечатанный въ „Трудахъ“ Общества (ч. XXI, 1822 г., стр. 67—80). Матеріалы для этой работы собраны были авторомъ еще въ 1813, во время его пребыванія въ Бѣлоруссіи (см. выше, стр. 987—88). По словамъ Калайдовича, „изъ всѣхъ нарѣчій языка Славянскаго, далеко уклонившихся отъ общеупотребляемаго въ Россіи, и извѣстныхъ въ одной части нашей пространнѣйшей Имперіи, достойны вниманія Филолога Малороссійское и Бѣлорусское“. Такимъ образомъ Калайдовичъ смотрѣлъ еще на поименованныя нарѣчія, какъ на „нарѣчія славянскія“, а не „русскія“, давая бѣлорусскому слѣдующее опредѣленіе, зависящее несомнѣнно отъ приведеннаго выше (стр. 1114) опредѣленія Линде: „Подъ именемъ Бѣлорусскаго нарѣчія разумѣемъ мы слогъ живущихъ въ Бѣлоруссіи, Малороссіи, Литвѣ и Польшѣ, Благочестивыхъ Католиковъ и Уніатовъ. Это нарѣчіе есть смѣсь изъ языковъ Славяно-Русскаго, Польскаго, Нѣмецкаго и частью Латинскаго, составившаяся въ то время, когда отъ вліянія Польской словесности забывали чистый языкъ Славянскій“. Важно уже то во всякомъ случаѣ, что Калайдовичъ первый печатно призналъ бѣлорусское нарѣчіе самостоятельной

[1]) См. „Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов.“, ч. XXI, стр. 221.

языковой единицей, хотя бы и смѣшаннаго происхожденія, тогда какъ въ это же время, напр., М. Т. Каченовскій и Ходаковскій „не принимали“ бѣлорусскаго нарѣчія, „говоря, что это только смѣсь разныхъ другихъ славянскихъ нарѣчій – съ примѣсью литовскаго“ [1]). Предшественникомъ Калайдовича былъ Евгеній Болховитиновъ, но въ частномъ письмѣ къ Кеппену (см. выше).

По словамъ Калайдовича, на этомъ нарѣчіи въ XVI—XVII вв. писалъ рядъ духовныхъ и свѣтскихъ авторовъ, называвшихъ его „языкомъ Русьскимъ“, но употреблявшихъ „въ письмѣ и печати извѣстныя начертанія церковной Славянской азбуки“. „Древнѣйшій примѣръ измѣненія чистаго языка Славянскаго, принявшаго чуждыя слова и реченія, составившія въ послѣдствіи нарѣчіе Бѣлорусское“, Калайдовичъ находилъ „въ переводахъ Доктора Франциска Скорины нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта (Прага 1517—1519)“ и приводилъ оттуда рядъ полонизмовъ и бѣлоруссизмовъ, какъ напр. *праца*, *выкладъ*, *посполитый*, *утопить*, *зуполне*, *посполу*, *пильне* и пр. Впрочемъ, „языкъ Скорины, кромѣ нѣкоторыхъ словъ Польскихъ, еще недалеко уклонился отъ своего источника“, но „къ концу XVI в. примѣтно существенное различіе“. Изъ многихъ писателей, „сдѣлавшихъ Бѣлорусское нарѣчіе книжнымъ“, Калайдовичъ называетъ: Кавечинскаго, Будинаго и Кришковскаго (издателей Несвижскаго катехизиса 1562 г.), Лаврентія Зизанія, священника Даміана, Мелетія Смотрицкаго, Іеромонаха Азарію, Памву Берынду, Кирилла Транквилліона, Андрея Мужиловскаго, Захарія Копи(ы)стенскаго, Петра Могилу, Игнатія Оксеновича-Старушича, Сильвестра Коссова, Іоанникія Галятовскаго, Иннокентія Гизіеля (Гизеля), рядъ силлабическихъ стихотворцевъ и т. д. Несмотря на такое обиліе литературныхъ дѣятелей, нарѣчіе бѣлорусское „не весьма пріятное для слуха Великоросіянина, никогда постоянныхъ правилъ не имѣвшее, противилось ихъ усиліямъ. Ударенія, болѣе всего страдавшія отъ сего безплоднаго напряженія, очень часто должны были покорствовать всемогущей риомѣ“. Калайдовичъ предоставляетъ „искуснѣйшему Филологу показать различіе между двумя сходными нарѣчіями Бѣлорусскимъ и Малороссійскимъ“ и ограничивается сличеніемъ образчиковъ „чистаго славянскаго“ и параллельнаго книжнаго „бѣлорусскаго“ (изъ Тестамента визант. императора Василія сыну своему Льву Философу, переведеннаго съ греч. и изданнаго свящ. Даміаномъ въ Острогѣ, 1607. 4°). По словамъ Калайдовича, „теперь уже не существуетъ книжное на-

[1]) См. рукописную замѣтку Кеппена, относящуюся къ 1821 г., въ его «Свѣдѣніяхъ о русск. нарѣчіяхъ», т. I, № 102.

рѣчіе Бѣлорусское. Поляки пишутъ на собственномъ языкѣ; Малороссіяне и Бѣлорусцы не отличаются отъ общаго языка со всею Россіею, исключая сказокъ и заунывныхъ пѣсенъ. Въ семъ видѣ, и въ народномъ употребленіи, уцѣлѣвшее нарѣчіе сохраняется еще въ двухъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, Могилевской и Витебской, частію въ сопредѣльной Смоленской, а нѣкоторыя слова извѣстны и въ Малороссіи (!). Отличительною примѣтою Бѣлорусскаго выговора есть какое-то *дзеканье* и мягкость въ произношеніи, болѣе замѣтная въ частомъ употребленіи полугласной *ь*, вмѣсто твердаго выговора". За этой характеристикой слѣдовалъ небольшой глоссарій, о которомъ уже говорилось выше (стр. 987—88). Цѣль статьи, по заявленію автора ея, была: „обратить на столь важный предметъ вниманіе самихъ Бѣлорусцевъ, которые вѣрнѣе и лучше могутъ изслѣдовать свое нарѣчіе и помощію онаго объяснить древній языкъ нашихъ памятниковъ".

Какъ на образчики малорусскаго нарѣчія, свидѣтельствующіе о наличности извѣстнаго интереса къ нему, можно указать на Малорусскіе анекдоты, явившіеся въ „Вѣстникѣ Европы" 1822 г. (ноябрь—декабрь, стр. 61—68, 157—162).

Какъ скудны и превратны были представленія о русской діалектологіи въ это время даже у лицъ, въ извѣстной степени интересовавшихся языкомъ, свидѣтельствуетъ „Опытъ краткой Исторіи Русской литературы" Н. Греча (Спб. 1822), соотвѣтствующія выдержки изъ котораго приведены уже выше (стр, 788).

З. Доленга-Ходаковскій, получившій ненадолго правительственную субсидію, которую ему дали для осуществленія его широкихъ плановъ [1]), продолжалъ въ это время странствовать по Тверской и Псковской губерніямъ, дѣлая наблюденія надъ мѣстными говорами. 8-го „Травня" (мая) 1822 г. онъ послалъ изъ Москвы издателю „Сѣвернаго Архива" довольно длинное письмо о своихъ занятіяхъ, сообщая между прочимъ слѣдующее: „При устьѣ Медвѣдицы, впадающей въ Волгу, кончилось Кривицкое нарѣчіе, которое различествуетъ въ Тверской губерніи отъ нарѣчія Псковскаго, Новгородскаго и Смоленскаго. Въ послѣднихъ трехъ (?) губерціяхъ передъ *з*, прибавляется *д*, и вмѣсто *т*, произносится *ц*, во многихъ выраженіяхъ, напр. *дзѣци* вм. *дѣти*, *ходзице* вм. *ходите*, *цебѣ* вм. *тебѣ*, *пяцеро* вм. *пятеро*, *шесцеро* и пр. Въ Тверской губ. *ц* замѣняется буквою *ч*, и обратно, напр.: *Чарь огонь* вм. *Царь—огонь*, *Чарица—водица*, или *луцее* вм. *лучше*. Такимъ образомъ говорятъ и въ Торопцѣ, напр.: *стоялъ на уличи*

[1]) См. А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. III, стр. 53.

и продавалъ рукавичи въ Торопечкѣ. Въ Бѣлгородкѣ, на правой сторонѣ Волги, домосѣды и даже бабы говорятъ языкомъ весьма близкимъ къ книжному. Слѣдовательно сіе книжное нарѣчіе не есть общее, но только принадлежитъ *Мери* (или Миру) [!] и на западѣ оканчивается въ Вязьмѣ, гдѣ соединяется съ Кривицкимъ или Смоленскимъ и простирается къ Волоку Ламскому, принадлежавшему въ древнѣйшія времена къ Новугороду. Однимъ словомъ, прислушиваясь къ различнымъ нарѣчіямъ и соображая оныя съ Исторіею, можно почти утвердительно сказать, что границы бывшаго Новгородскаго владѣнія и вліяніе Тверскихъ княжествъ на правленіе сей республики измѣриваются подобіями нарѣчій и близкаго ихъ между собою сходства" („Сѣв. Архивъ" 1822, ч. II, 465—81). Нельзя не замѣтить, что при всей своей поверхностности и бѣглости, а иногда и ошибочности, сообщаемыя Ходаковскимъ наблюденія были все же почти совершенно новыми въ нашей литературѣ.

Къ 1822 году относится и второе дошедшее до насъ оффиціальное „Донесеніе о первыхъ успѣхахъ путешествія въ Россіи Зоріяна Долуга-Ходаковскаго. Изъ Москвы 13-го Липца [іюля] 1822", напечатанное лишь 22 года спустя М. П. Погодинымъ въ „Русскомъ Историч. Вѣстникѣ, изд. Имп. Общ. Ист. и Др. Росс." (т. VII, 1844, стр. 1—37), съ приложеніемъ „Сравнительнаго словаря" славянской географической номенклатуры того же автора (тамъ же, стр, 38—367) и двухъ замѣтокъ о „Сонкахъ" и „Жальникахъ" (стр. 368—78). Изъ этого донесенія видно, что собираніе діалектологическаго матеріала стояло у Ходаковскаго на видномъ мѣстѣ, хотя и играло служебную роль, а именно, вмѣстѣ съ разными другими данными, должно было показывать „единообразіе всѣхъ Славянъ на каждомъ шагу ихъ" (стр. 1). Для этой цѣли у Ходаковскаго были „заведены издавна... Словари по части Географіи, *провинціяльныхъ нарѣчій, Естественной народной терминологіи* (курсивъ нашъ), и проч." (тамъ же). Самое обозрѣніе древней Руси онъ намѣревался вести „по частямъ, согласно съ діалектами провинціальными, сообразнѣе съ исторіею" (стр. 2). Въ донесеніи находимъ также рядъ діалектологическихъ наблюденій: „вокругъ Нова-города, и въ цѣломъ краю онаго діалектъ не имѣетъ ничего особеннаго, и есть одинъ съ Кривичами. Заглянемъ въ сторону отъ столбовыхъ дорогъ, отъ городовъ, и услышимъ домосѣдовъ, женскій полъ и дѣтей разговоръ, съ малою разницею противъ окрестныхъ жителей Изборска, Полоцка, Вильны, Гродна, Минска, Пинска, Чернигова, Смоленска, и озера Селигѣра. Розница сего діалекта въ сравненіи съ Мѣрицкимъ (т. е.

Суждальскимъ, ближайшимъ къ письменному состоитъ) въ прибавленіи з. послѣ д., измѣненіи т. на ц. выговаривая г по греческою гаммою, по латинскимъ h—иногда употребляя у. вмѣсто в., и. вмѣсто ѣ. Въ Тверскомъ же и Весьскомъ нарѣчіи произносится еще с. за ш—ц за ч—и наоборотъ, гдѣ слѣдуетъ говорить ш то произносятъ с, и ч вмѣсто ц. Сіи измѣненія около Твери слышны также и въ Торопцѣ. Въ цѣломъ пространствѣ Кривичей прошедшее дѣепричастіе или окончаніе глаголовъ слогомъ ши, и вши, употребляютъ чаще, нежели всѣ другіе Славяне, и обыкновенно симъ кончатся рѣчи ихъ. Поляки со временъ *Уніи* съ Литвою, водворившись межъ юго-западныхъ Кривичей, приняли противъ воли къ своему нарѣчію тоже окончаніе рѣчей" (стр. 27). Въ подтвержденіе сказаннаго приводится рядъ примѣровъ въ довольно тщательной транскрипціи (прим. на стр. 27—28), но безъ обозначенія мѣста, гдѣ они записаны: „этая дзѣвка изъ Людзяцина въ Луhскомъ уѣздѣ, везу ея у Ноу'hородъ. А мы староруские продаемъ сино. У насъ есць hарадзище на ричкѣ Севирѣ, больше ниту. Наши бабы по старому баюць: *царь оhонь, царица водзица.* Я Торопечкій, да хлопоцу, украли мои рукавичи, да вотъ тутъ на уличи. Мы Новоторсцы Цвѣрьской hуберніи, насъ городъ Цвѣрь куды какъ хоросый, и противъ насой рицы ниту въ свици луцсэ. hуторацъ и у насъ старухи: *чарь оhонь, чарица водзица.* Рыба чапля санка (на головѣ) (?) купивъ въ hородзи бывсы, 5 рублей давсы. Иду домой вологи купивши, а купилъ у Ноугородзи" и т. д. Какъ видно, наблюденія Ходаковскаго для того времени были довольно обстоятельны, по крайней мѣрѣ никто изъ нашихъ тогдашнихъ филологовъ не могъ противопоставить имъ ничего равносильнаго.

Нѣсколько замѣчаній о фонетическихъ и формальныхъ особенностяхъ областныхъ говоровъ содержали діалектологическіе матеріалы, собранные Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. и разсмотрѣнные уже выше (стр. 983 и слѣд.) въ лексическомъ отношеніи. Такъ въ XX части „Трудовъ" общества, вышедшей въ 1822 г. (напечатано 1820), находимъ характеристики рязанскаго, костромскаго, чухломскаго, вышневолоцкаго, муромскаго и торжковскаго говоровъ.

Первая сдѣлана извѣстнымъ уже намъ М. Макаровымъ въ его „Краткой запискѣ" о простонародныхъ словахъ Рязанской губ. (см. выше, стр. 984, прим. 3). По его словамъ (ч. XX, стр. 20), „литера *е* употребляется вездѣ съ особенною твердостію или явственностію; *г* нигдѣ не замѣняетъ *в*; но литера *ч* почти не въ употребленіи, а мѣняютъ нѣкоторые на *ц*, а другіе на *щ* (!), какъ напр.: вмѣсто *чего?*—*цего?*, вм. *что*—*що*, *цо*, вм. *чудеса*—*цудеса*,

вм. *щепка—сцъпка*, вм. *чека—щока*; вм. *Ево—Его*, вм. *Таво—Таго*, вм. *Ничево—Ницего* или *ничего*, вм. *отъ тово—отъ того*, вм. *Всево—Всего*".

Костромской говоръ охарактеризованъ (ч. XX, стр. 144) учителемъ гимназіи В. Чижовымъ (см. выше, стр. 983, прим. 4, е) въ слѣдующихъ чертахъ: въ повелит. наклоненіи прибавляется частица *ко, ка;* вмѣсто творит. и предложнаго (?) множ. ч. употребляется дательный, а вм. дат.—творительный (*съ вамъ, съ намъ, что вами угодно*, вм. *людямъ—людьми*, вмѣсто *дѣтямъ—дѣтьми*; 2 л. множ. ч. оканчивается на *іо (ё)* : *идитіо, говоритіо, вритіо, поитіо*. Костромичи „вообще протяжно произносятъ *о*, иногда же употребляютъ его и вм. *а*"; вм. *палата—полата*, вм. *мастерица—мостерица*, вм. *алтынъ—олтынъ*.

Чухломскимъ говоромъ занялся тоже учитель гимназіи Николай Перехотскій (см. выше, стр. 983, прим. 4, f), который „не излишнимъ считаетъ замѣтить и то, что тамъ говорятъ высокимъ нарѣчіемъ, т. е. Московскимъ, или такъ называемымъ просто: съ высока, даже самые крестьяне и крестьянки; женщины особливо отличаются протяжнымъ произношеніемъ долгихъ слоговъ; напр. слово: *матушка* по ихъ протяженію не иначе написать можно, какъ *ма-а-атушка* и проч." („Труды" общества, ч. XX, стр. 150).

У Вышневолоцкаго говора (см. выше, стр. 984, прим. 1, а) отмѣчены слѣдующія черты: 1) переходъ *ѣ* въ *и* (*хлибъ, вси, дило* и т. д.), 2) дат. мн. вмѣсто творит. (твор. *рукамъ, ногамъ, съ вамъ, съ намъ*), 3) измѣненіе окончаній прилагательныхъ *ый, ій*, въ *ай, яй* (добрай, умнай, *прежняй, нынишняй*). 4) „всѣ глаголы, кончающіеся на *ся*, оканчиваютъ здѣсь на *цы*; напр. *двигатцы, записатцы* и пр." (ч. XX, стр. 164).

Муромское нарѣчіе отличается употребленіемъ частицы *ста*: „особенно слогъ *ста* весьма часто и къ окончанію почти всякаго рѣченія прибавляется; если ведутъ между собою разговоръ, то упомянутый слогъ помѣщаютъ въ знакъ вѣжливости и почтенія" (ч. XX, стр. 209).

Въ Торжковскомъ нарѣчіи отмѣчается (см. выше, стр. 984, прим. 1, областныя слова Тверской губ., в) переходъ *ѣ* въ *и*. род. пад. ед. ч. на *-и* у словъ ж. р. на *а* : *рыби, малини:* род. на *ю* у нѣкоторыхъ именъ на *ъ* : *сахарю, хриню:* дат. и предл. на *ы* или *и* у словъ на *а*, а въ родит. п.—*ѣ* : *по воды, по горы—съ рѣкѣ, съ горѣ*. Предлогъ *на*—всегда съ удареніемъ: *на колокольню, нá рику, нá небо* и пр. (ч. XX, стр. 222).

Подобныя же характеристики находимъ въ XXI части „Трудовъ" общества. Учитель 10 класса Н. Суровцовъ характеризуетъ

говоръ Вологодской губерніи, отмѣчая его главныя особенности: народъ „уродуетъ" имена собственныя и вообще иностранныя слова, „прибавляя, убавляя, или перемѣняя нѣкоторыя буквы", напр. *Митрей* вм. Дмитрій, *Болистратъ* вм. Магистратъ, *Губернатиръ* вм. губернаторъ и т. д.; въ уѣздахъ, сопредѣльныхъ Ярославской и Костромской губерніямъ, употребляется дат. вм. творит. множ. и обратно; къ повелительному накл. и къ мѣстоименіямъ прибавляютъ частицу *ка, ко*: *поди-ко, мнѣ-ка*, а также и другія частицы, какъ то: *бешь, бишь, вить, вѣть, на, ну, ста, су, те,—боло* (?), *молъ*; „въ глаголахъ *с* перемѣняютъ на *и* и *іо*, а *ся* на *со* и *цо*": *Посылаитіо*—посылаете; *прогуливадцо*—прогуливаться: *забавляютцо, смѣютцо — забавляются, смѣются*; „всѣ вообще слова произносятъ тѣмъ протяжнѣе, чѣмъ далѣе къ Сѣверу, выговаривая одну букву вмѣсто другой: *г* вм. лат. g, *е—ё* или *іо* весьма явственно; *ш, ч—щ* и *ц* и на оборотъ; *ѣ—и*, и проч., *яли* вмѣсто *или*; *радось*—радость; *птаха, птица*—птица; человѣкъ—*цѣловѣкъ;* что—*що*, свѣча—*свича*" и проч.

Этими бѣглыми и весьма поверхностными замѣчаніями исчерпывается почти все, что было отмѣчено собирателями Общ. Люб. Росс. Слов. въ фонетическомъ и формальномъ строѣ наблюдавшихся ими говоровъ. При другихъ собраніяхъ областныхъ словъ, явившихся въ „Трудахъ" общества, не было даже и такихъ общихъ замѣчаній. Только въ XXV части „Трудовъ" (=V часть „Сочиненій въ прозѣ и стихахъ", 1824 г.) находимъ снова кое-что въ этомъ родѣ (см. ниже).

Въ 1822 г. явилось также „Прибавленіе къ грамматикѣ Малороссійскаго нарѣчія. Или, отвѣтъ на рецензію, здѣланную на оную грамматику. Соч. А. Павловскій" (Спб. Печатано въ Типографіи *П. Байкова*, 1822 г. 8°, 34 стр.). Большая часть антикритическихъ замѣчаній автора, вызванныхъ рецензіей кн. Цертелева на его малорусскую грамматику (см. выше, стр. 1119—1121), должна быть признана основательной. Такъ Павловскій исправляетъ нелѣпое замѣчаніе Цертелева, будто малорусское „*роска*, т. е. розга, ясно показываетъ, что" *розга* „есть сокращеніе слова *ростка*, т. е. отростокъ, лѣторасль". Онъ правильно указываетъ, что форма *роска* не возможна въ малорусскомъ, гдѣ говорятъ *різка*, а у „грубѣйшихъ, ближайшихъ къ Литвѣ и къ Галиціи"—*руізка* (интересное указаніе на сѣверно-малорусскіе дифтонги, встрѣчаемое уже и въ самой грамматикѣ Павловскаго), причемъ слово это никогда не означаетъ *отростокъ, лѣторасль*. Точно такъ же разъясняются и другія недоумѣнія Цертелева, въ родѣ мѣстоименія притяжательнаго перваго лица ж. р. ед. ч. *ма*, принятаго за 3 л. ед. ч.; отстаивается суще-

ствованіе формъ *співувавъ* и *воруінувавъ*; указывается невозможность употребленія въ малорусскомъ прилагательныхъ *писаный*, *украденый*, *стоячій*, *лежачій* въ роли причастій въ сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ; удовлетворительно защищаются осужденныя Цертелевымъ формы словъ и нѣкоторыя написанія, а также и толкованія словъ, отмѣченныхъ Цертелевымъ. Авторъ находитъ возможнымъ согласиться лишь съ немногими поправками своего критика, признавая напр. вѣрнымъ его указаніе на ошибочный переводъ *меделянъ*—борзая собака (вмѣсто вѣрнаго: большая собака), сводящійся по его объясненію къ простому недосмотру въ рукописи. Отстаиваетъ Павловскій и свое правописаніе, парируя возраженія критика указаніемъ на то, что послѣдній самъ въ своемъ „Опытѣ собранія старинныхъ Малоросс. пѣсенъ“ писалъ „безъ соблюденія на бумагѣ двухъ необходимо Малороссійскому нарѣчію потребныхъ качествъ“, а именно „незная во 1-хъ ударенія онаго, во 2-хъ существующей въ словахъ его, и, такъ сказать душу его составляющей, *нѣжности*, или *грубости*, то есть произнося слова его не тѣми самыми буквами, какими они произносятся въ Малороссіи“ (стр. 31—32).

Основной вопросъ русской діалектологіи—дѣленіе на нарѣчія—затрогивается въ библіографической замѣткѣ „Сѣвернаго Архива“ 1823 г. (ч. VII, № 18, стр. 401—416), вызванной польскимъ переводомъ краткой исторіи русской литературы Греча въ изданіи Линде: „Rys historiczny literatury narodów Słowiańskich“ I (Варшава, 1823). Въ примѣчаніяхъ къ переводу Линде находилъ, что „пора назначить границу“ между языками славянскимъ, церковнымъ и русскимъ „и узнать опредѣлительно различіе, находящееся между языкомъ *Славянскимъ*, общимъ всѣмъ нарѣчіямъ отъ одного корня (т. е. Рускому, Польскому, Сербскому, Чехскому [Богемскому], Кроатскому, Далматскому, Рагузскому и Сорабскому), языкомъ *Церковнымъ*, находящимся въ древнихъ переводахъ Библіи, и въ подражаніи оному въ разныхъ духовныхъ сочиненіяхъ; языкомъ *Рускимъ*, который былъ въ употребленіи въ Москвѣ и въ окрестныхъ странахъ до Петра Великаго и нѣсколько позже: языкомъ *Малороссійскимъ*, или областнымъ Польскимъ, находящимся въ духовныхъ сочиненіяхъ изданныхъ въ Кіевѣ, и въ подражаніяхъ онымъ; языкомъ *Бѣлорусскимъ*, которымъ говоритъ простой народъ въ Литвѣ и въ части Польши, и *нынѣшнимъ языкомъ Россійскимъ*, образовавшимся послѣ Петра Великаго, а особенно вліяніемъ на оный нововведенныхъ гражданскихъ письменъ (!). Сей языкъ сперва появился въ книгахъ, а послѣ вошелъ въ общее употребленіе“ (стр. 405). Такимъ образомъ Линде раз-

личалъ языкъ „русскій“ отъ „россійскаго“. Авторъ рецензіи, Ѳ. В. Булгаринъ, исправляетъ эту ошибку, „общую всѣмъ Полякамъ, которые учились Россійскому языку не на мѣстѣ и не съ младенчества, но ученымъ образомъ изъ книгъ“, и указываетъ, что для природныхъ русскихъ разницы между языками ruskim и rossyjskim не существуетъ.

Столь же незначительны и другія проявленія интереса къ русской діалектологіи, встрѣчаемыя нами въ нашей литературѣ и наукѣ въ послѣдующіе два года. Такъ въ засѣданіи „Моск. Общества Ист. и Др. Росс.“ 29 ф. 1824 г. читалось письмо дѣйств. члена И. С. Орлая съ „любопытными“ свѣдѣніями „о нашихъ однородцахъ *Карпато-россахъ*, говорящихъ Кіевскимъ Рускимъ нарѣчіемъ“, причемъ къ письму этому былъ приложенъ „Образчикъ Червнорускаго Галичскаго нарѣчія“, оказывающійся, впрочемъ, письмомъ „З. Долуги-Ходаковскаго“, писаннымъ по малорусски [1]).

Около этого же времени, 6-го февр. 1824 г., митрополитъ Евгеній писалъ гр. Н. П. Румянцову: „въ Виленскомъ Денникѣ увидѣлъ, что въ Кіевскомъ Николаевскомъ Монастырѣ есть Евангеліе письменное на бѣлорусскомъ языкѣ, а здѣсь меня никто о немъ и увѣдомить не умѣлъ. Такъ то мало у насъ любопытства!“ [2]). Лѣтомъ того же года, 29-го іюня, Евгеній сообщалъ о. І. Григоровичу, что „при чтеніи Литво-Русскихъ грамотъ часто встрѣчаются неудобопонятныя слова. Но только ихъ надобно искать по большей части въ Польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ въ Луцкой грамотѣ слово *громница* у Поляковъ значитъ праздникъ Срѣтенія Господня, а въ Свидригайловой *зеремяны*—гнѣзда или логовища, гдѣ водятся бобры“ [3]).

Кое-какія замѣчанія относительно областныхъ говоровъ находимъ въ XXV части „Трудовъ“ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. (= V часть „Сочин. въ прозѣ и стихахъ“). Такъ при собраніи областныхъ словъ Калужской губ., доставленномъ въ общество Г. Зельницкимъ (см. выше, стр. 988, прим. 2), имѣлось и нѣсколько общихъ замѣчаній о самомъ говорѣ Калужской губ. По словамъ автора, Калужане „низшаго класса нѣсколько сходствуютъ въ произношеніи съ Малороссіянами и въ выговорѣ отличны отъ жителей другихъ Россійскихъ городовъ. Слова и выраженія

---

[1]) «Труды и Лѣтописи» Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1827 г., ч. III, кн. II, стр. 55. Письмо напечатано на стр. 60—62.

[2]) Переписка митроп. Евгенія съ гр. Румянцовымъ, вып. III, Воронежъ, 1872, стр. 99—100.

[3]) Чтенія въ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1864 г., кн. II, 88. Дѣло идетъ здѣсь, очевидно, о польск. żeremię, род. żeremienia.

произносятъ мягче и протяжнѣе. Предлогъ *у* употребляютъ вмѣсто *въ* и обратно; собственныя имена весьма различно измѣняютъ. Имя *Иванъ* имѣетъ до 20 перемѣнъ" (стр. 304—305).

Еще скуднѣе наблюденія, сдѣланныя надъ Пензенскимъ говоромъ Лажечниковымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ романистомъ, тогда же директоромъ Пензенскихъ училищъ. Къ собраннымъ имъ областнымъ словамъ Саратовской и Пензенской губ. (см. выше, стр. 989, прим. 1) онъ присовокупилъ лишь одно замѣчаніе, отмѣчавшее, что во всей Пензенской губ. „даже въ среднемъ состояніи между приказчиками и нѣкоторыми дворянами" принято говорить *больно*, вм. *очень* (ч. XXV, стр. 311).

Объ интересѣ гр. Румянцова къ бѣлорусскому нарѣчію, пробужденномъ въ немъ письмомъ проф. Лобойка отъ 30-го марта 1824 г. (въ которомъ есть замѣчанія о данномъ нарѣчіи), и о проектѣ бѣлорусскаго словаря, обсуждавшемся въ кругу сотрудниковъ Румянцова, говорилось уже выше (стр. 1000—1001). Интересъ этотъ проявился и при изданіи „Бѣлорусскаго Архива", вызвавшемъ помянутое письмо Лобойка (см. выше, стр. 913—14).

Наблюденіями подъ рязанскими говорами занимался извѣстный уже намъ Мих. Макаровъ. Въ 1825 г. онъ писалъ въ общемъ заключеніи своихъ „Замѣтокъ о земляхъ рязанскихъ": „можно и должно заключить, что самые первые обладатели земель Рязанскихъ точно дѣлились на два племени, изъ коихъ одно въ своемъ языкѣ вмѣсто *ч* имѣло литеру *ц*, другое замѣняло ее буквой *щ* (!?) и сильно ударяло на *е*, которое въ устахъ этого племени почти подходило къ *я*. Такъ напр., какъ мы видѣли: *Що*, *яго*.

Женщины, выговаривающія вмѣсто *ч* литеру *ц*, большею частію употребляютъ сарафаны (!), и уборы ихъ близко къ Замосковнымъ; но женщины, у которыхъ въ дѣйствіи *щ*, не разнятся одеждою отъ Мордовокъ... (слѣдуетъ описаніе разныхъ формъ *кичекъ*).

Урочища, гдѣ есть *ц*, напр. *Цна*, *Почевна*, *Солотца* (Солотча), *Шаца* и проч., очевидно родовыя мѣста того люда, у котораго и теперь эта литера имѣетъ разгулы. А что это за народъ?

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ языкъ Рязанскихъ простолюдиновъ слился почти въ одинъ какой-то характеръ; такъ, наприм., подобную слѣдующей рѣчи слышишь почти вездѣ: „*А що-то ты баба зачумарзилась несусвѣтимо*,—говоритъ крестьянинъ,—*а що образа Божья на тобѣ не стало, сорока съ кычки у тѣ свалилась*, *чупрунъ на башкѣ огалился, льнешь ты ко мнѣ, какъ Татаринъ* (мелкій рѣпейникъ), *мелишь Сумбуль беззазорно? Кликну я хозяинъ — и ты шамишь, да тараторишь? А що ты ховряжничать що ли стала; аль ты ховрячиха* (барыня)?"

и проч. Далѣе приводятся аналогичные образчики рѣчи изъ Скопина и Касимова. Скопинецъ говоритъ: „*Обаполъ тобѣ дуритъ дядя Ахремъ! Играй на жилейкѣ* (свирѣлкѣ), *а на жерлику* (уду) *проглазѣешь жерлику—рыба съѣстъ; а безъ жерлики завойками рыбѣ неловъ! Нетрошь дѣвку, побберетъ пазубайку* (землянику), *а той-да ягодою рукъ не намулитъ* (не натретъ). *Всяку своe: тобѣ сивуха, а бабѣ татарка* (плетка)!“ и проч. Касимовецъ-мещерякъ: „*Абизоритъ тибѣ мене не абизоритъ. Гать собѣ подъ носъ, хвастуномъ мини не взбулгацисъ. Пивикъ мтаха играе: цейвы, а тиби насъ твоимъ словомъ не омулитъ!*“ и проч.

Свое сообщеніе Макаровъ заключалъ словами: „можно изъ рѣчей и другихъ уѣздовъ составить такіе же примѣры; но въ моихъ Рязанскихъ замѣткахъ, по краткости ихъ должны быть недостатки“ и т. д. [1]).

Выше Макаровъ приводилъ въ связь съ прежнимъ Мерскимъ населеніемъ рядъ географич. названій Егорьевскаго округа, въ виду „предпочтительнаго употребленія въ нихъ литеры ц“ (стр. 4); эту же связь онъ усматривалъ въ рѣчи Мещеряковъ, которые „никогда не скажутъ *чего, человѣкъ, чудо, чулокъ* и пр.“, а только *цего, целовѣкъ* и т. д. „И точно также, на оборотъ, иногда литера *ц* мѣняется на литеру *ч*, напр., *чѣлый* (цѣлый), *чыновка* (цыновка)“ и т. д. „При вопросѣ *Что?* обѣ литеры, *ч* и *т*, превращены, у многихъ, въ одну литеру *щ*, на прим. Мещерячка не говоритъ: *Что* тобѣ; а *Що* тобѣ? и проч.“ (стр. 5—6). На стр. 22 характеризовался языкъ Прончанъ, въ которомъ будто бы „особенно сильна литера *щ* и самое сильное удареніе на слогъ *го* (въ окончаніяхъ). Впрочемъ, и *ч* также неизгнанъ, напримѣръ: въ словѣ *человѣкъ, чему, чего*. За то, вмѣсто *что* вездѣ употребляются *що* и *ще*. Спросите о чемъ нибудь Пронченку и первый отвѣтъ ея будетъ къ вамъ въ вопросѣ: *Що тибѣ голубчикъ?*—Проѣхалъ ли *такой-то?* А кто *его знае*. Да ты видѣла, вотъ онъ *то-то*. Быть видѣла, да не въ память: *що его намъ не въ догадъ*, и проч. И всѣ эти отвѣты почти на распѣвъ“.

Какъ скудны были подчасъ діалектологическія свѣдѣнія, имѣвшіяся въ тогдашней нашей литературѣ, свидѣтельствуютъ первыя печатныя извѣстія о языкѣ „задунайскихъ малороссовъ“ (т. е. некрасовцевъ и липованъ) и о нарѣчіи „Низовыхъ казаковъ“ на Дону, старательно отмѣченныя однимъ изъ первыхъ нашихъ діалектологовъ, Кеппеномъ, въ его „Свѣдѣніяхъ о русскихъ нарѣчіяхъ“ (т. I, № 376 и 215). Оба извѣстія явились въ 1825 г.

---

[1]) Тамъ же, 1846 г. № 1. «Замѣтки о земляхъ Рязанскихъ», стр. 28—29.

въ Булгаринскомъ „Сѣверномъ Архивѣ": первое (ч. XVI, № 15, стр. 193 и 203) гласило, что некрасовцы и липоване „говорятъ языкомъ Русскимъ или Малороссійскимъ", а второе (ч. XVII, стр. 38), нѣсколько болѣе подробное, устанавливало, что у казаковъ, живущихъ на Дону отъ Качалинской станицы до низовыхъ казаковъ, употребляется „нарѣчіе, имѣющее собственно свои и произношеніе и обороты"; низовые же казаки говорятъ „совсѣмъ другимъ нарѣчіемъ — смѣсью Великороссійскаго, Малороссійскаго и Татарскаго".

За неимѣніемъ лучшаго, какъ видно, наукѣ приходилось считаться и съ такого рода діалектологическими свѣдѣніями и подбирать крупицы знанія, гдѣ только онѣ случайно ни попадались. Какъ бы скудна, однако, ни была наша діалектологическая литература первой четверти XIX в., все-таки она свидѣтельствовала о нарожденіи несомнѣннаго научнаго интереса къ русскимъ областнымъ нарѣчіямъ и говорамъ, совершенно опредѣленно поставила вопросъ о необходимости ихъ изученія (см. выше, стр. 598 и 982, мнѣнія Кеппена и „Сына Отечества") и занесла на свои страницы первые, хотя бы и очень несовершенные, но уже довольно многочисленные опыты діалектологическихъ наблюденій (Павловскаго, кн. Цертелева, Калайдовича, Ходаковскаго, Кеппена, корреспондентовъ Моск. Общ. Любит. Росс. Слов. и т. д.).

Изученіе славянскихъ языковъ въ теченіе этого промежутка времени также не могло у насъ подняться до сколько нибудь значительной высоты. Практическія побужденія, принуждавшія наше общество учиться иностраннымъ языкамъ, по отношенію къ славянскимъ совсѣмъ отсутствовали, какъ это мы видимъ въ значительной степени даже и въ наше время, а научныя соображенія могли имѣть силу лишь для очень немногихъ и въ административныя сферы почти совсѣмъ не проникали. Не удивительно поэтому, что о научномъ преподаваніи славянскихъ языковъ въ нашихъ университетахъ, кромѣ случайныхъ и разрозненныхъ попытокъ, по отношенію къ тому или другому отдѣльному языку, не могло быть и рѣчи.

Тѣмъ не менѣе отдѣльныя проявленія научнаго интереса къ славянскимъ языкамъ, замѣчавшіяся у насъ еще въ XVIII в. [1]).

---

[1]) У Тредьяковскаго (см. выше, стр. 205), Сумарокова (стр. 212), Ломоносова (стр. 218), А. Л. Шлецера (см. дополненія), въ «Исторіи Россійской» Татищева (стр. 263—267), А. Б. (стр. 291—294), въ «Новой и полной французской азбукѣ» Ѳ. Каржавина (стр. 349). Въ сравнит. словарѣ Екатерины II фигурировали слѣдующіе слав. языки: «Славянскій, Славяно-венгерскій (словацкій), Иллирійскій, Богемскій, Сербскій, Вендскій, Сорабскій, Полабскій,

съ начала XIX в., и особенно со втораго его десятилѣтія, становится все чаще и чаще и мало по малу захватываютъ все болѣе и болѣе широкія области предмета.

Какъ смутны были у нашихъ ученыхъ самаго начала XIX в. представленія о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ языковъ другъ къ другу, въ частности русскаго къ старославянскому, свидѣтельствуетъ полемика между Шишковымъ и его противниками, Макаровымъ и Каченовскимъ, вызванная въ 1803—1804 гг. пресловутымъ „Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ“ перваго изъ названныхъ авторовъ (см. выше, стр. 691—99). Ни Шишковъ, ни его противники не умѣли ясно формулировать генетическія отношенія русскаго языка къ старославянскому, называя послѣдній то „древнимъ нашимъ нарѣчіемъ“ (Каченовскій), то „древнимъ Славянскимъ нарѣчіемъ“ (Макаровъ), то совершенно отожествляя оба языка („Руской языкъ подъ именемъ Славянскаго“—Шишковъ) и т. д.

Своихъ славистовъ у насъ въ это время почти не было, и статьи по славянской филологіи, появлявшіяся въ журналахъ этого времени, зачастую представляли собой простые переводы съ иностранныхъ языковъ или извлеченія изъ иностранныхъ трудовъ.

Таковы были статьи „Сѣвернаго Вѣстника“ 1804 г.: о „Bibliotheca Slavica“ Дуриха и переведенная съ польскаго о „Польской словесности“ (въ сущности о польской лексикографіи, см. выше, стр. 704—705). Этимологіи именъ славянскихъ божествъ (большею частію фантастическихъ) давалъ А. С. Кайсаровъ въ своемъ „Versuch einer Slavischen Mythologie“ (1804 г. см. выше, стр. 706 и 739) [1].

Кашубскій, Польскій», къ которымъ примыкали «Малороссійскій и Суздальскій». О степени достовѣрности приводившихся словъ можетъ дать понятіе хотя бы слово *ночь*, которое въ слав., славяно-венг., богемск., сербск., сорабск., и малоросс. показано въ видѣ *ночь* (!), въ иллирійскомъ *Ноохъ* (!?), въ сербск., кромѣ *ночь*, еще *Нотъ* (!), въ вендскомъ (?)—*Ножъ* (!), въ полабскомъ *Наукс* (!?), и въ кашубскомъ и польскомъ *Ноцъ* (!). Однимъ изъ первыхъ русскихъ, занимавшихся изученіемъ чешскаго языка въ концѣ XVIII в., а, можетъ быть, и въ началѣ XIX в., былъ князь Бѣлосельскій (—Бѣлозерскій), о которомъ говоритъ І. Добровскій въ письмѣ своемъ къ Копитару отъ 22 февр. 1812 г. По словамъ Добровскаго, кн. Бѣлосельскій, въ бытность свою въ Прагѣ, перевелъ для своего развлеченія на русскій языкъ нѣсколько чешскихъ пословицъ, которыя и были приложены къ сборнику Добровскаго „Slavin“ (Переписка Добровскаго и Копитара: Сборникъ отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ, т. XXXIX, 1885 г., стр. 245). Очевидно дѣло здѣсь идетъ о князѣ А. М. Бѣлосельскомъ-Бѣлозерскомъ, русскомъ посланникѣ въ Дрезденѣ и Туринѣ, членѣ многихъ ученыхъ обществъ русскихъ и заграничныхъ (р. 1752+1809): Добровскій говоритъ о немъ въ 1812 г., какъ уже о покойномъ.

[1]) Полное заглавіе: «Versuch einer Slavischen Mythologie in alphabetischer

Въ русскомъ переводѣ этой книги, вышедшемъ въ 1807 г. (2-е изд. 1810, по которому мы здѣсь и цитируемъ) и принадлежащемъ нѣмцу Аллеру, мы находимъ сопоставленія: 1) „на Русскомъ, Польскомъ, Верхне-Лаузицскомъ, Кассубійскомъ [1]), Кроатскомъ, Силезскомъ *Богъ*, Нижно-Лаузицскомъ *Богъ* (Bohg), Краинскомъ *Бугъ*, Богемскомъ *Бегъ* (Böh)" [!] (стр. 57 = 34 оригин. нѣм. изданія, гдѣ читаемъ вѣрную форму Bůh); 2) Дажбогъ — „по Руски *дать* (въ оригин. нѣм. изданіи *dat'*), и по Богемски *дати* (нѣм. изд. *Dati*, стр. 46 = 73 2-го русск. изд.); 3) богъ Кродо (!) производится отъ глагола *краду* (!), который „у Рускихъ, Богемцовъ и Сербовъ значитъ одно и то же" (стр. 107); 4) *Погода* и *Похвистъ* „въ одно время были у Поляковъ и еще нынѣ Масовяне (въ оригиналѣ Masovier) называютъ большой вѣтръ *Похвисціемъ*" (въ оригиналѣ Pochwisciel, стр. 84—85 = 147—148 2-го русск. изданія); 5) „Поляки называли Сиву — *Зизіе* (въ оригиналѣ Zywie) [?!] и почитали богинею жизни" (стр. 182 = 96 оригинальнаго нѣм. изданія).

А. С. Кайсаровъ вообще можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ первыхъ нашихъ славистовъ языковѣдовъ XIX в. Ученіе въ Геттингенѣ, гдѣ тогда еще профессорствовалъ старикъ А. Л. Шлецеръ, сблизило его съ научными методами европейской науки и несомнѣнно отразилось благотворно на его научномъ развитіи. Переписка его съ нѣкоторыми сербскими дѣятелями (протодіакономъ Л. Мушицкимъ и митрополитомъ Стратимировичемъ), изданная Ягичемъ („Сборникъ отдѣленія русск. яз. и слов." т. LXII, 1897), свидѣтельствуетъ о его знаніяхъ, живомъ интересѣ къ славянскимъ языкамъ и задуманныхъ имъ научныхъ планахъ, не лишенныхъ историческаго значенія. Такъ въ письмѣ къ Мушицкому отъ 1 янв. 1805 г. Кайсаровъ выражаетъ надежду, что тотъ скоро завершитъ свою сербскую грамматику: „чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше", и пришлетъ ему „экземпляра два своего произведенія". „О любезнѣйшіе Сербы!—восклицаетъ нашъ 23-лѣтній славистъ: — пишите скорѣе и больше... пишите свои грамматики и словари, чтобъ заставить не только сѣверныхъ братьевъ своихъ, но и всю Европу узнать васъ" [2]).

Въ письмѣ 30 марта 1805 г. къ тому же Кайсаровъ вставляетъ нѣсколько строкъ по сербски (не безъ ошибокъ) и продол-

---

Ordnung, entworfen von Andrey von Kayssarow Russisch-Kayserlichen Stabs-Capitain. Göttingen, 1804", 16°, 8 ненум. + 117 + 2 ненум. стр. (книга посвящена учителю автора, А. Л. Шлецеру).

[1]) Вѣроятно, первое въ нашей литературѣ упоминаніе о кашубскомъ языкѣ послѣ „Сравнит. словарей" Екатерины II.

[2]) Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. LXII, стр. 695.

жаетъ: „меня принуждаютъ (ниже увидимъ, что здѣсь идетъ рѣчь о Шлецерѣ) издать *сравнительный словарь славянскихъ нарѣчій* (курсивъ нашъ). Я уже просилъ его в. превосходительство [1]) о помощи, теперь прошу и васъ не оставить меня. Въ библіотекѣ вашей есть такъ называемый леѯиконъ треязычный, т. е. славянскій, греческій и латинскій. Естьли бы вы приняли на себя трудъ отъ буквы α до ѵ находящіеся въ немъ слова написать мнѣ простымъ сербскимъ языкомъ, вы бы одолжили меня чрезвычайно". Рядъ строкъ по сербски находимъ и въ письмѣ Кайсарова отъ 5/17 іюля 1805 г., въ которомъ онъ между прочимъ просилъ Мушицкаго объяснить ему значеніе слова *перперя*, встрѣтившагося въ исторіи сербовъ Раича [2]).

О составленіи сравнительнаго словаря слав. нарѣчій Кайсаровъ писалъ также митрополиту Стратимировичу (изъ Гамбурга 15/27 мая 1806 г.), сообщая между прочимъ, что „старой Шлецерь" „поощрилъ" его при отъѣздѣ изъ Геттингена и при докторскомъ экзаменѣ, совѣтуя „заняться обработываніемъ словенскаго Глоссарія". Кайсаровъ открыто признавалъ огромныя трудности такого предпріятія: „Но какъ это трудно, извѣстно Вашему Высокопревосходительству, особливо не имѣя всѣхъ нужныхъ способовъ. Естьлибъ я былъ такъ дерзокъ, чтобъ взялся за это великое дѣло, смѣлъ ли бы я надѣяться наставленій и помощи изъ Карловца? Отвѣтъ благопріятный на сей вопросъ можетъ ободрить меня къ испытанію еще весьма слабыхъ силъ моихъ. Я думаю, что естьли никто не проложитъ пути въ семъ полѣ, то оно всегда, или еще очень долго останется пустынею—и такъ кому нибудь надобно послѣдовать латинской пословицѣ: tentanda via" [3]).

Изъ плановъ Кайсарова ничего не вышло. Отчасти, вѣроятно, виновата въ этомъ несомнѣнная страстность и пылкость его характера, заставлявшая его увлекаться самыми разнородными цѣлями и предметами: то славянскими языками, то вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, то ратными подвигами и т. п.; отчасти и самыя трудности предпріятія являлись почти непреодолимыми при отсутствіи необходимыхъ пособій и какихъ бы то ни было подготовительныхъ работъ въ данномъ направленіи. Тѣмъ не менѣе нельзя отнимать у этихъ плановъ историческое значеніе первыхъ провозвѣстниковъ въ XIX в. того научнаго движенія, которое впослѣдствіе привело къ возникновенію самостоятельной русской школы славистовъ-языковѣдовъ.

[1]) Митрополита Стратимировича.

[2]) Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. LXII, стр. 698.

[3]) Тамъ же, стр. XCI—XCII, примѣч.

Прочія явленія въ занимающей насъ области знанія за это время не подымаются выше уровня случайныхъ и большею частью не самостоятельныхъ журнальныхъ статеекъ или разрозненныхъ замѣчаній и упоминаній въ разныхъ неспеціальныхъ статьяхъ и книгахъ.

Въ 1805 году вышло „Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800—1802 гг.“ Ѳ. П. Лубяновскаго (Спб. 1805, 3 ч.), который нашелъ, что нарѣчіе чеховъ, слышанное имъ въ Австріи, „сходно съ малороссійскимъ“ (ч. I, 107—108).

О томъ, что черногорцы „говорятъ Славено-Иллирійскимъ нарѣчіемъ, весьма сходнымъ съ языкомъ, употребляемымъ въ Австрійской Албаніи около устья Каттаро“, сообщалось въ статьѣ „Вѣстника Европы“ 1805 г.: „Жители области Монтенегро или Черногорцы“ (№ 7, стр. 242). Сходство лужицкаго языка со славянскимъ демонстрировалось въ переводной съ французскаго статьѣ того же журнала (1806 г., см. выше, стр. 713), вообще очень охотно помѣщавшаго на своихъ страницахъ статьи по славяновѣдѣнію. Одна изъ такихъ статей была посвящена „славяно-сербской“ трагедіи „Смерть Уроша“, изъ которой приводились и отрывки на книжномъ славяносербскомъ языкѣ („Вѣст. Евр.“ 1807 г., № 11, стр. 196—203). Въ началѣ ея давалось общее понятіе о современномъ положеніи славянскихъ языковъ: „различныя нарѣчія древняго Словенскаго языка часъ отъ часу болѣе измѣняются, и становятся несходными между собою. Поляки, Богемцы, Далматы и прочіе народы по нуждѣ исказили языкъ свой, будучи въ зависимости отъ Римскаго первосвященника, и принявъ съ азбукою множество словъ Латинскихъ. У Россіянъ, Сербовъ, Иллирійцевъ и другихъ, держащихъ вѣру Греческаго исповѣданія, нарѣчія отъ времени и обстоятельствъ сдѣлались между собою несходными; но языкъ общій одинъ и тотъ же. Житель города Архангельска, научившись читать по Азбукѣ, Часослову и Псалтырѣ, можетъ обо всемъ разговаривать и переписываться съ Черногорцемъ, обитающимъ на берегу Адріатическаго залива. Такова польза отъ языка книжнаго! Всѣ прочія племена Славянскія живутъ подъ чуждымъ игомъ; они по неволѣ должны учиться языку повелителей, и мало по малу забывать свой собственный... мы одни имѣемъ всѣ способы распространять языкъ нашихъ праотцовъ, и съ благоговѣніемъ хранить чистоту его“ (стр. 196—97). По мнѣнію автора статьи (подписавшагося буквой N.), трагедія „О паденіи Сербскаго царства“ драгоцѣнна „для любителя языка отечественнаго“, который „сердечно порадуется“, видя, что „отдаленные народы, при всѣхъ невыгодахъ своего положенія, блюдутъ древній языкъ“ Кирилла и Меѳодія.

Самъ издатель „Вѣстника Европы", проф. Каченовскій, вообще живо интересовавшійся славянскимъ міромъ, посвятилъ нѣсколько страницъ знакомой уже намъ статьи своей объ источникахъ русской исторіи („Вѣстникъ Европы", 1809) вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ старославянскаго языка къ отдѣльнымъ славянскимъ языкамъ (см. выше, стр. 724—25), причемъ отожествлялъ старославянскій съ праславянскимъ, какъ это дѣлалъ еще раньше и Шлецеръ [1]). Несмотря на это, статья Каченовскаго несомнѣнно свидѣтельствовала объ извѣстномъ шагѣ впередъ во взглядахъ его на славянскій языкъ, сравнительно, напр., съ его болѣе ранними возраженіями Шишкову, въ которыхъ онъ называлъ „славянскій" языкъ „древнимъ нашимъ нарѣчіемъ" (см. выше, стр. 1142).

Въ томъ же 1809 году вышла первая часть русскаго перевода извѣстнаго труда Шлёцера „Russische Annalen" (1-я часть, 1802 г.): „Несторъ. Рускія Лѣтописи на Древле-Славенскомъ языкѣ Сличенныя, переведенныя и объясненныя Августомъ Лудвикомъ Шлёцеромъ и т. д. Ч. I. Перев. съ нѣм. Дм. Языковъ и т. д." (Спб. 1809). Сличеніе ея съ только что упомянутой статьей Каченовскаго свидѣтельствуетъ, что московскій профессоръ-журналистъ пользовался очень усердно книгой Шлецера, не называя однако, своего источника. Шлецеръ говоритъ здѣсь (Введеніе, § 18. Языкъ) о славянскомъ письмѣ (уставѣ, полууставѣ, скорописи), кириллицѣ, звенигородской криптографической надписи на колоколѣ и т. д. Какъ и Каченовскій, Шлецеръ спрашиваетъ: „Когда же придетъ время, въ которое Русскіе вздумаютъ составить *Славенскую дипломатику, Славенскую палеографію*, будутъ учиться у *Гаттерера* и *Шёнемана*, соберутъ хронологическимъ порядкомъ Славенскія азбуки и выгравируютъ азбучную таблицу для каждаго столѣтія особенно? Ето давно уже сдѣлали Нѣмцы, Французы, Британцы, и Италіянцы: для чего и не Руссы?" (стр. ѯг—ѯд, ср. соотвѣтствующее мѣсто въ статьѣ Каченовскаго, выше, стр. 724). Далѣе идетъ рѣчь о рукописяхъ, легшихъ въ основу Острожской библіи, о Реймскомъ евангеліи („славенское *евангеліе*, на которомъ присягали французскіе короли, должно быть очень древно: къ несчастію истреблено оно Каннибалами въ началѣ революціи", стр. ѯе), о сборникѣ кн. Щербатова „1046 г." (т. е. Святославовомъ Изборникѣ 1076 г.), стихирарѣ Московской типографской библіотеки 1157 г. и т. д. Обзоръ этихъ рукописей приводитъ къ слѣдующему выводу: ...„Но кажется надлежало бы доставить намъ *образчики*

[1]) Напримѣръ, въ его «Russische Annalen» (Göttingen, ч. I. 1802, § 18, стр. 46 и сл.

письма со всего, что *дѣйствительно* существуетъ, не смотря на то, справедливо ли оно, или нѣтъ. Таковые образчики письма очень много послужили бы къ отъисканію древности и мѣста гдѣ писаны времянники, грамоты и надписи, также и для открытія грубыхъ обмановъ. Я ожидалъ найти ето у Альтера въ „Beiträge zur prakt. Slawon. Diplomatik“ (Вѣна, 1801); однакоже не нашелъ ничего“ (стр. ѯє—ѯѕ). Далѣе характеризуются съ палеографической стороны (въ извѣстныхъ отношеніяхъ болѣе подробно, чѣмъ въ „Предувѣдомленіи“, стр. I—VII) списки лѣтописей, положенные въ основу изданія (стр. ѯѕ—оа).

Характеристика языка лѣтописей (§ 18) приводитъ Шлецера къ общему представленію славянской семьи языковъ: „извѣстно, что между 60-ю Славенскими народами (до такого числа полагаетъ ихъ уже Конрадъ *Геснеръ)*, есть множество *нарѣчій:* Руское, Польское, Богемское, Краинское, Кроатское, Боснійское, Иллирійское или Далматское, Лаузицкое или Вендское и пр. и пр. *Корень* всѣхъ оныхъ есть преимущественно такъ называемый *Славенскій* языкъ, съ которымъ всѣ они имѣютъ ближайшее сходство, нежели одинъ съ другимъ. Какъ нѣкогда должно было быть время, въ которое былъ одинъ только языкъ, называемый *Германскимъ*, превратившійся въ теченіе вѣковъ въ Саксонскій, Франкскій, Исландскій, Шведскій, Датскій, Голландскій и пр. и пр.; то вѣрно было также время, въ которое говорили только одинакимъ *Славенскимъ* языкомъ. Но кто можетъ хронологически показать, *когда* и *какъ* теперешніе столь различныя нарѣчія мало по малу изъ онаго образовались? Когда изъ древняго Славенскаго сдѣлался новый Рускій языкъ и пр.? Есть еще слѣды, что Рускій и Польскій языки *(Добнеръ* въ прим. на *Гайска*, III, стр. 325.—*Acta Boruss.* II, стр. 74) нѣкогда были гораздо сходнѣе между собою, нежели теперь (ср. мнѣніе Каченовскаго, выше, стр. 725); даже будто въ Богеміи нашлись древніе книги, писанныя по Славенски (Гарткнохъ *de lingua Prussica*, Diss. V.); но еще никто этого не изъискивалъ“ (стр. оа—ог).

Далѣе рѣшается вопросъ о происхожденіи старославянскаго языка, опредѣляемаго, какъ „общій *народный* языкъ въ Моравіи и Булгаріи“, устанавливается невозможность доказать тожество перваго Кириллова перевода и теперешней библіи и характеризуется славянскій языкъ, какъ мертвый и книжный, подобный еврейскому, греческому и латинскому и сохраненный только русскими, которые „*первые* начали обработывать языкъ свой: а изъ Славянъ... только *одни* писали времянники на своемъ языкѣ“ (стр. ое).

По словамъ Шлецера, „кто ученымъ образомъ разумѣетъ хотя одно изъ нынѣшнихъ Славенскихъ нарѣчій, тотъ очень легко можетъ научиться древнему Славенскому языку; не смотря однакоже на ето, должно сначала *учиться* мѣсяца два. Въ древнемъ Славенскомъ языкѣ, склоненія и спряженія примѣтно отличаются отъ всѣхъ новѣйшихъ нарѣчій; къ тому же, есть множество такихъ словъ и составленій, которые ему только одному свойственны“ (стр. о҃и и о҃є). Ниже указываются главнѣйшія пособія для изученія старославянскаго: грамматика Ѳ. Поликарпова 1721 г. (см. выше, стр. 178), словари Алексѣева (см. выше, стр. 238), игумена Евгенія (тамъ же, стр. 239), къ которому присоединена „хотя краткая, но хорошая Славенская грамматика“, и академическій, въ которомъ помѣщено также „множество древнихъ Славенскихъ словъ“.

Замѣчательны слѣдующія слова, набрасывающія планъ сравнительно-грамматическаго изученія славянскихъ языковъ: „когда же Славянская словесность будетъ имѣть человѣка, подобнаго В а х т е р у [1]) или И р е [2]), который сравнилъ бы всѣ Славенскіе нарѣчія между собою и съ общимъ ихъ корнемъ? Въ иномъ нарѣчіи нашелъ бы онъ употребительными такіе слова, которые въ другихъ бываютъ непонятными странностями: въ иномъ нашелъ бы онъ правиломъ то, что въ другихъ бываетъ только изключеніемъ. За етотъ важный трудъ и теперь бы (т. е. въ 1802 г.) уже можно было приняться; ибо у насъ есть очень хорошія грамматики и словари всѣхъ Славенскихъ нарѣчій, выключая *Булгарскаго*“ (стр. о҃є—п҃).

Говоря о печатныхъ изданіяхъ древнихъ русскихъ грамотъ, имѣвшихся въ то время („Древняя Росс. Вивліоѳика“ Новикова, продолженіе ея и при послѣднихъ трехъ книгахъ исторіи кн. Щербатова), которыя Шлецеръ находилъ хотя и „не совершенными въ содѣйствіи и образѣ“, но все же заслуживающими благодарности, онъ ссылался на слова Миллера, утверждавшаго, что древнѣйшая грамота, извѣстная ему, не восходитъ далѣе Вел. Князя Андрея Боголюбскаго († 1158). Стриттеръ же сообщалъ Шлецеру, что древнѣйшая видѣнная имъ грамота относилась къ 1262 г. (стр. р҃і). Оба названныхъ ученыхъ, по словамъ Шлецера, „не были

[1]) Іоганнъ Георгъ Вахтеръ, германистъ (1673—1757), авторъ «Glossarium Germanicum» (Лейпцигъ 1737), имѣющаго сравнительно-этимологическій характеръ и привлекающаго всѣ германскіе языки.

[2]) Іоганнъ Ире (1707—1780), знаменитый шведскій филологъ, проф. Упсальскаго университета, авторъ историческаго шведскаго словаря «Glossarium Suiogothicum» (1769).

ученые дипломатики: но Руския грамоты не Меровейския; ученый человѣкъ разберетъ ихъ скорѣе, нежели послѣдния"; ни одному изъ нихъ „недостался жребій быть творцемъ *собранія Рускія дипломатики*: кому же предоставлена ета завѣтная часть?..." (стр. ҏ҃г҃і — ҏ҃д҃і).

Съ начала второго десятилѣтія XIX в. интерессъ къ славянскимъ языкамъ усиливается. Ссылки на нихъ и работы, посвященныя тѣмъ или другимъ вопросамъ славянскаго языкознанія, начинаютъ появляться все чаще и чаще.

Нѣсколько упоминаній о сербскомъ языкѣ и образчиковъ его находимъ въ „Путешествіи въ Молдавію, Валахію и Сербію. Д. Б. К. [Д. Бантыша-Каменскаго]. Москва. Въ Губ. Типогр. у А. Рѣшетникова 1810." (8°, 192 стр.). Авторъ приводитъ коротенькія фразы, въ родѣ „*Добро дошли, господинъ Майоръ?*" съ отвѣтомъ „*хвала Богу*" (стр. 110), „*Добро дошли? — како сте? — и хвала Богу*" (стр. 116), отдѣльныя слова, какъ напр. названіе старостъ — *кнезь* (!), обращеніе сербовъ къ автору со словомъ *братико* и т. д. (стр. 136). На стр. 137 дается такая характеристика сербскаго языка: „Языкъ Сербскій, происходя отъ одного корня съ Россійскимъ, совершенно походитъ на него. Прилагаю тебѣ, любезный другъ, нѣсколько словъ Сербскихъ, дабы ты могъ судить о различіи обоихъ языковъ. Господарь (!) — Господинъ. Како сте? — Каковы вы? (!). Хвала Богу.—Слава Богу. Помози Богъ.—Богъ въ помощь. Добро ютро.—Доброе утро. Добро вече.—Добрый вечеръ. Благодарствую вамъ.—Благодарю васъ. По словамъ автора, старшій сынъ Карагеоргія, десятилѣтній Алексѣй, при отъѣздѣ его изъ Бѣлграда подарилъ ему „нѣсколько Сербскихъ пѣсней". Одну изъ нихъ авторъ приводитъ на стр. 138:

На́съ покрїва восто́чная звѣзда́,
Отъ Благотво́рца бу́ди ѣ̃й мзда́.
Гла́си на́ши го́рѣ да слышутся:
Алекса́ндръ всу́ду не́къ сла́вися;
Родофи́никъ [1]) долголѣтанъ да бу́де,
За Се́рбовъ дѣлать не забуде.

Вопросъ о взаимномъ отношеніи малороссійскаго нарѣчія къ польскому языку затрогивался въ упоминавшейся уже выше критической статьѣ Каченовскаго объ „Изслѣдованіи банцаго строенія" („Вѣстникъ Европы" 1810 г., ч. 49, см. выше, стр. 1108), причемъ

[1]) Д. Ст. Сов. К. К. Родофиникинъ, тогдашній русскій дипломат. агентъ въ Бѣлградѣ, у котораго останавливался нашъ путешественникъ.

авторъ ссылался на „Nowy słownik kiezonkowy (такъ! вм. kieszonkowy) Polsko Niemecko Francuzky. w Wroclaviu 1805“. Въ открытой этою статьею полемикѣ (см. выше) однимъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ былъ вопросъ о самомъ существованіи польскаго языка до XIV в. Анонимный авторъ „Изслѣдованія о банномъ строеніи“ (Спб. 1809 г.) и статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ 1811—1812 гг., „Изложеніе споровъ о банномъ строеніи“, подвергалъ это существованіе сомнѣнію. По его словамъ, „извѣстный свѣту своею ученостію, своею любовію къ древностямъ и рѣдкою памятію Графъ Чацкій, въ книгѣ своей, печатанной въ Варшавѣ въ 1800 г. о Литовскихъ и Польскихъ правахъ, даетъ разумѣть, что онъ перерывши всѣ, можно сказать, архивы, ненашелъ никакихъ слѣдовъ къ тому, чтобъ изъяснить, въ какомъ состояніи былъ Польской языкъ предъ XIV вѣкомъ, а предъ X в. и самое имя Польши не было извѣстно. Богослуженіе отправлялось у нихъ Славянское, прежде нежели начали отправлять Латинское. Гр. Чацкій признаетъ самымъ древнѣйшимъ памятникомъ своего языка переводъ Библіи, въ 1390 г. конченный, исключая пѣсни Богородицѣ. Напротивъ того мы имѣли переводъ Библіи еще при Владимірѣ Великомъ“ и т. д. („Вѣстникъ Европы“ 1811 г., ч. 60, № 22, стр. 136—37). Указавъ, что русскій языкъ употреблялся въ канцеляріи Стефана Баторія (1575—1587 г.) и въ Литвѣ до конца XVI в., авторъ приходитъ къ заключенію, что Польша никогда бы не преклонилась „къ западной церкви и никогда не возникалъ бы языкъ Польскій, еслибъ наше древнее духовенство столько жерачительно было въ снисканіи поверхности надъ умами, сколько пеклось о томъ духовенство Римское“ (тамъ же, стр. 139).

Это мнѣніе вызвало рѣшительный и компетентный отпоръ въ статьѣ проф. Каченовскаго: „Еще нѣсколько словъ о банномъ строеніи“ („Вѣстникъ Европы“, 1812 г., ч. 65, особенно стр. 43—46). Каченовскій выражалъ увѣренность, что „польскіе литтераторы подивятся такой новости“ (будто польскій языкъ не существовалъ до XIV в. и почерпнулъ много словъ изъ русскаго яз.). Литераторы эти „знаютъ конечно, что въ Польшѣ не было письменныхъ памятниковъ старѣе XIV вѣка; знаютъ однакожъ и то, что языкъ Польскій съ первыхъ временъ послѣ введенія Христіанства обогащался по ближайшей связи отъ Богемскаго, а не отъ Русскаго. Богемцы приняли крещеніе и письмо за сто лѣтъ прежде Поляковъ. Древнѣйшая пѣснь сихъ послѣднихъ (Boga rodzicau dziewca [такъ!]) около 1000 года при Болеславѣ Храбромъ сочиненная Гнѣзненскимъ Архіепископомъ Войцехомъ, болѣе принадлежитъ Богемско-Славянскому языку нежели Польскому. Въ сочиненіи

Красицкаго о стихотворствѣ приведены немногіе отрывки старинныхъ пѣсень, въ которыхъ замѣчается весьма значительная разность между нашимъ языкомъ Славянскимъ и Польскимъ. Въ шестьнадцатомъ столѣтіи языкъ сей находился уже въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Въ слогѣ знаменитыхъ писателей того времени, прозаиковъ и стихотворцовъ, совсѣмъ непримѣтно, чтобы они заимствовали слова изъ Русскаго; напротивъ того, не льзя не видѣть, что великою разностью между обоими языками и тогда уже доказывать было бы можно весьма давнее ихъ уклоненіе одинъ отъ другаго, и то что они, такъ сказать, изливщись изъ Славянскаго за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ, потекли различными путями". Въ подтвержденіе своей мысли Каченовскій ссылается на польскаго писателя XVI в. Громинцкаго, который „въ книгѣ своей Dworzanin даетъ разумѣть весьма ясно, что многіе одноземцы его щеголяли Богемскими словами, употребляя оныя въ разговорѣ и въ сочиненіяхъ". Въ видѣ иллюстраціи изъ книги Громинцкаго приводится діалогъ между панами Любельскимъ и Крыскимъ, относительно того, „изъ какого языка выгоднѣе въ случаѣ надобности заимствовать слова, изъ Богемскаго, Русскаго, Хорватскаго, Словянскаго? или не льзя ли воскрешать старинныя слова Польскія, давно уже вышедшія изъ употребленія?" Панъ Крыскій отвѣчаетъ на это, что польскій языкъ „не есть древній самъ по себѣ", хотя и давно употребляется поляками, но произошелъ отъ славянскаго, подобно языкамъ „Богемскому, Русскому, Хорватскому, Боснянскому, Сербскому, Рацскому, Булгарскому и др.". Поэтому панъ Крыскій полагаетъ, что „въ случаѣ нужды лучше занимать слова изъ Богемскаго нежели изъ прочихъ, потому что онъ почитается у насъ старшимъ". Только въ томъ случаѣ, если чешское слово „покажется нѣсколько труднымъ", можно брать изъ другихъ славянскихъ языковъ, соблюдая, однако, при этомъ „разборчивость". Изъ всѣхъ приведенныхъ доводовъ Каченовскій резонно заключаетъ, что польскій языкъ „не составился изъ Русскаго, а произошелъ отъ Славянскаго, равно какъ и самъ Русскій, и можетъ быть еще въ одно съ нимъ время; но онъ обогатился и усовершенствовался гораздо прежде". Малорусскія слова, аналогичныя польскимъ, въ родѣ *баня* (пузырь, шаръ), *шукать*, *ставокъ*, *млынъ*, *жартовать*, *весельє* (такъ!), *крейда*, *папиръ*, *барыло*, Каченовскій считаетъ заимствованными изъ польскаго.

Ссылки на „богемскія" и „рагузскія" формы, соотвѣтствующія русскому парѣчію *теперь* (по словарю Линде), находимъ въ извѣстной брошюрѣ Дашкова „О легчайшемъ способѣ возражать на критики" (Спб. 1811 г., см. выше, стр. 758).

Въ томъ же 1811 г., въ статьѣ „Вѣстника Европы“ (ч. 55, стр. 134—35): „Славянская старина“ находимъ объясненіе слова *жупа*, которое на „Кроатскомъ нарѣчіи“ означаетъ „собраніе людей“. Отсюда слѣдуетъ, что „подъ словомъ *жупанъ*, разумѣть должно начальника многолюдства“. Авторъ статьи ссылается на тѣ же слова, имѣющіяся и „у Богемцовъ“, и утверждаетъ, что отъ слова *жупанъ* и „Поляки производятъ слово свое *панъ*, которымъ сперва назывались одни только каштеляны или судьи“. Въ концѣ статьи перечисляются славянскія книги, изданныя въ Польшѣ: Краковскій Псалтырь 1431 г., Краковскій же Октоихъ 1491 г., Острожская библія 1581 г., первая славянская грамматика, изд. во Львовѣ, въ 1591 г. (такъ наз. Адельфотисъ) и т. д.

Неясное извѣстіе о какомъ то славянскомъ сравнительномъ словарѣ, интересовавшемъ въ 1811 г. президента нашей академіи наукъ графа Н. Н. Новосильцова, находившагося въ то время для поправленія здоровья въ Вѣнѣ, встрѣчаемъ въ письмѣ Копитара къ Добровскому отъ 27 окт. (н. с.) 1811 г. Копитаръ сообщалъ, что слышалъ о поискахъ Новосильцова, которому требовался человѣкъ, могущій не то написать, не то списать вышеозначенный словарь. При этомъ авторъ письма выражалъ намѣреніе предложить себя, чтобы узнать, въ чемъ дѣло [1]). Повидимому, дѣло шло о перепискѣ словаря одного изъ отдѣльныхъ слав. языковъ. Какъ видно изъ письма Копитара (въ Страстную субботу 1812), Новосильцовъ выписывалъ себѣ изъ Рагузы не названныя книги Аппендини (вѣроятно, его „Grammatica della lingua illirica“ Рагуза. 1808) и Стулли („Vocabolario Italiano-Illyrico Latino“, Рагуза. 1810?) [2]) и, судя по другимъ письмамъ, вообще интересовался славянскими книгами. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ могъ искать себѣ переписчика для какого нибудь рѣдкаго и непродажнаго словаря. Во всякомъ случаѣ, еслибы первоначальный слухъ оказался вѣренъ, то Копитаръ, успѣвшій съ тѣхъ поръ познакомиться съ Новосильцовымъ, вѣроятно коснулся бы его при случаѣ въ своей перепискѣ съ Добровскимъ, въ которой, однако, о немъ больше нѣтъ рѣчи, хотя Новосильцовъ упоминается въ ней неоднократно.

Къ 1812 г. относится переводная статья „О этимологіи, или словопроизведеніи извлеченіе; изъ статьи помѣщенной въ Поль-

---

[1]) «Comitem Novosilzof audio *hic* quaerere hominem, qui illi lexicon *comparativum* slav. *con*scribat an *de*scribat nescio: ego me offeram, ut saltem videam quid velit»: «Письма Добровскаго и Копитара», изд. Ягичемъ: «Сборникъ отд. русск. яз. и слов. Имп. ак. н.», т. XXXIX, 1885, стр. 222.

[2]) Тамъ же, стр. 252.

скомъ словарѣ Г. Линде. Съ нѣкоторымъ примѣненіемъ отъ Польскаго къ Россійскому языку и съ примѣчаніями", напечатанная въ журналѣ В. Г. Анастасевича „Улей" (ч. III, май, № XVII, стр. 337—63 и № XVIII, стр. 419—45) [1]). Здѣсь находимъ цѣлый рядъ данныхъ и сопоставленій изъ области сравнительной грамматики славянскихъ языковъ; напр. о „богемскихъ" и „босняцкихъ" формахъ въ родѣ *смрт*, которыя пишутся „безъ всякой гласной (стр. 339), о невозможности для „Богемца... *нѣжно* по польски произнести слова: *сьмѣрць* (śmierć), *кгарбъ* (garb), *пѣрсь* (piers), *кгарсць* (garść)" (стр. 342) и т. д. „Примѣненій къ россійскому" немного, и лишь нѣкоторыя изъ нихъ удачны (въ родѣ сопоставленія русскаго областного *врютить*, „которое Г-ну Линде могло быть неизвѣстно", съ польск. rzucić, производимымъ Линде отъ *рука*, ręka, стр. 352). Зато *нищій* толкуется какъ *низшій*, „или, можетъ быть, ни чій, ни чей, неимѣющій постояннаго пребыванія" (стр. 346); русское *мало* производится отъ лат. malo, malle = magis volo, и толкуется „больше хочу" (стр. 361, прим.); слово *цѣловальникъ* „въ древнемъ смыслѣ собирателя пошлинъ" производится отъ польск. cło = пошлина и потому должно бы правильнѣе писаться *цловальникъ* (стр. 422) и т. д.

Въ томъ же журналѣ, вообще проявлявшемъ свои симпатіи къ славянскому міру и особенно къ польской литературѣ и наукѣ усердными переводами и извлеченіями изъ польскихъ журналовъ и книгъ, явилась другая переводная статья изъ словаря Линде, а именно „Изъясненіе діалектовъ и языковъ, приведенныхъ въ словарѣ Г. Линде, съ показаніемъ его къ тому пособій" (ч. IV, 1812 г., стр. 1—9). Статья эта представляла въ сущности раскрытіе сокращеній, употребленныхъ въ Словарѣ, которое предназначалось для его обладателей, не знавшихъ по польски. Издатель снабдилъ ее поэтому примѣчаніемъ, гласившимъ, что она „болѣе относится къ имѣющимъ оный словарь (Линде), который для неразумѣющихъ главнаго въ немъ Польскаго языка затруднителенъ". Здѣсь находимъ библіографію главныхъ славянскихъ языковъ: „Богемскаго или Ческаго, Боснійскаго, Церковнаго, Карніольскаго или Краинскаго, Кроатскаго, Далматскаго, Рагужскаго, Россійскаго, Славянскаго, Словацкаго, Сорабскаго вышшаго и низшаго, и Виндійскаго въ Штиріи", который „близокъ къ Краинскому и часто съ нимъ сливается".

---

[1]) Отрывокъ изъ этой статьи Линде 5 лѣтъ спустя былъ напечатанъ также Шишковымъ въ примѣчаніи къ его статьѣ: „Разсмотрѣніе корня въ произведенныхъ отъ него вѣтвяхъ" („Извѣстія Росс. Академіи", кн. 5. 1817 г., стр. 94—99).

Статьи эти еще разъ указываютъ, какую важную роль въ ту пору игралъ у насъ словарь Линде, служившій какъ разъ около этого времени предметомъ пылкихъ мечтаній молодого еще Востокова (см. выше, стр. 659) и являвшійся чуть ли не универсальнымъ пособіемъ и источникомъ учености для нашихъ славистовъ.

Вопросовъ о происхожденіи и судьбахъ церковнославянскаго языка, вліяніи польскаго на малорусское нарѣчіе и др. касался Каченовскій въ знакомомъ уже намъ разсужденіи „Взгляды на успѣхи россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія" (см. выше, стр. 767—68).

Объ интересѣ К. Ѳ. Калайдовича къ знаменитому памятнику древне-польскихъ литературы и языка, пѣснѣ „Bogarodzica Dziewica", говорятъ его письма къ его Оршинскому пріятелю, ксендзу І. Мореловскому 1813 и 1 янв. 1814 гг. Въ первомъ онъ писалъ: „Увѣдомьте меня о всѣхъ изданіяхъ, какія Вамъ только извѣстны пѣсни Bogarodzica Dziewica, и означьте, съ какой и по которую страницу напечатана она въ kazaniach". Во второмъ дается аналогичное порученіе: „попросите Вашихъ питомцевъ выписать для меня пѣсни Bogarodzica Dziewica изъ двухъ книгъ, у Васъ хранящихся"[1]).

Къ переводнымъ статьямъ, являвшимся въ нашихъ журналахъ, за отсутствіемъ оригинальныхъ, принадлежало „Начертаніе Славенской исторіи" (переводъ Д. Языкова соотвѣтствующихъ главъ изъ Шлецеровой „Allgemeine Nordische Geschichte etc. Halle, 1771", 4° : „Сынъ Отечества" 1814 г. № 17, стр. 160—176, № 18, стр. 208—219, № 19, стр. 248—55, № 20, стр. 20—30). Здѣсь сообщались между прочимъ общія свѣдѣнія о дѣленіи славянскихъ племенъ и языковъ, въ которыхъ Шлецеръ основывался главнымъ образомъ на книгѣ Поповича „Untersuchungen vom Meere" (Франкфуртъ и Лейпцигъ, 1750, 4°), комментируя его мнѣнія и нерѣдко подвергая ихъ основательной критикѣ. Переведены были, впрочемъ, только тѣ главы „Nordische Geschichte" Шлецера, которыя имѣли преимущественно историческій характеръ (глава I, §§ 10—18, стр. 221—41 оригинала). Обозрѣніе славянскихъ „діалектовъ" и главной литературы для ихъ изученія, имѣющееся въ оригинальномъ сочиненіи Шлецера (глава II, § 18, стр. 323 и сл.), въ переводъ Языкова не вошло. Въ томъ, что было переведено, находимъ всетаки нѣсколько замѣчаній, относящихся къ языку. Такъ здѣсь сообщалось, что въ Силезіи „издревле" говорили по польски, впослѣдствіи же „древній тамошній языкъ сдѣлался особеннымъ Славенскимъ нарѣчіемъ", теперь уступившимъ мѣсто

---

[1]) См. «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Др. Росс.» 1862 г., кн. 3, стр. 40.

чешскому и польскому языкамъ (стр. 170—71); что „Моравскій языкъ мало отличается отъ Богемскаго“ (стр. 176); что въ Крайнѣ говорятъ на „Виндскомъ“ языкѣ (стр. 211), который лишь нѣсколько отличается отъ кроатскаго (стр. 213); что истрійцы говорятъ „обыкновеннымъ истрійскимъ или Далматскимъ языкомъ“ (стр. 214); что „лузатцы“, которыхъ Шлецеръ отдѣляетъ отъ „сорбовъ“ (стр. 251), говорятъ „по Вендски“, „языкъ же ихъ не только отличается отъ славенскихъ нарѣчій, но въ верхней Лузаціи говорятъ иначе, чѣмъ въ Нижней“; что языкъ „Кассубовъ“ „походитъ на Польскій такъ, какъ низкій Нѣмецкій на высокій“ (стр. 252—53); что языкъ хорватовъ „болѣе всѣхъ прочихъ Иллирійскихъ народовъ походитъ на Польскій“ (! № 20, стр. 23), а болгары „говорятъ Славенскимъ нарѣчіемъ, которое отъ Сербскаго будто разнится только выговоромъ“ (стр. 27). О языкѣ „венгерскихъ Славенъ“ (т. е. словаковъ) Шлецеръ не могъ ничего сказать, за отсутствіемъ о немъ свѣдѣній (стр. 25—26). Всѣ эти данныя, конечно, устарѣли уже для того времени, были очень скудны, неточны и часто невѣрны, но, за неимѣніемъ лучшаго, все же являлись не лишними въ нашей тогдашней литературѣ.

Въ 1815 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ явились двѣ новыхъ переводныхъ статьи о славянскихъ языкахъ. Первая трактовала „О Польскомъ языкѣ“ и принадлежала извѣстному проф. Виленскаго университета Яну Снядецкому („В. Евр.“, 1815 г., ч. 82, № 15, стр. 175—205). Переводчикъ статьи пропустилъ только десятка три строкъ о выговорѣ и правописаніи, находя ихъ болѣе любопытными „для Польскихъ, нежели для Русскихъ читателей“. О самомъ языкѣ здѣсь говорится мало. Авторъ задался главной цѣлью доказать, что польскій языкъ, имѣвшій много писателей, не можетъ считаться дикимъ и необработаннымъ. Поэтому онъ не видитъ надобности создавать новыя польскія слова или безъ разбора заимствовать изъ иностранныхъ языковъ. Что польы тогда въ грамматикѣ Копчинскаго или словарѣ Линде? спрашиваетъ онъ. Далѣе польскій языкъ берется въ защиту отъ иностранцевъ, находившихъ его неблагозвучнымъ, и опредѣляется, въ качествѣ вѣтви славянскаго языка, какъ языкъ „простой и первообразный“, въ отличіе отъ языковъ составныхъ, въ родѣ латинскаго (составленнаго изъ этрусскаго и греческаго!), итальянскаго (изъ латинскаго и „Ломбардскаго“), французскаго (изъ языка франковъ и латинскаго), англійскаго (изъ норманскаго и „стариннаго Саксонскаго“). Статья содержитъ также общія замѣчанія о томъ, что̀ даетъ языку *ясность*, *простоту* и *достаточность*, и заканчивается предложеніемъ „хранить цѣлость отечественнаго нашего слова и часъ отъ часу

болѣе углубляться въ его свойства". Такимъ образомъ о самомъ польскомъ языкѣ отсюда можно было узнать немного, и переведена была статья повидимому главнымъ образомъ въ виду ея общаго характера, близко соприкасавшагося съ разными общими вопросами, интересовавшими тогда и русское образованное общество.

Вторая статья—„Замѣчанія о языкахъ Богемскомъ, Польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ" („Вѣстн. Евр." 1815 г., ч. 84, № 21, стр. 23—35 и № 22, стр. 118—124) была также переведена съ польскаго и принадлежала другому польскому ученому—профессору Краковскаго университета Г. Бандтке. О перечисленныхъ въ заглавіи языкахъ въ ней говорилось тоже немного. Мы находимъ здѣсь лишь самыя общія замѣчанія о томъ, что „богемскій" языкъ началъ процвѣтать еще въ XIV в. и потому имѣетъ старинную литературу, а также сохранилъ баснословную славянскую древность. Польскій, напротивъ, образовался позже и только при Сигизмундахъ I и II могъ блескомъ своимъ равняться съ „Богемскимъ". Процвѣтаніе это длилось, однако, недолго, и при Сигизмундѣ III наступилъ уже упадокъ языка, особенно вслѣдствіе принятыхъ въ него макаронизмовъ. Русскій же языкъ не могъ образоваться раньше 1147 г. (основаніе Москвы). Его развитію мѣшали: нашествіе татаръ, удѣльная система, самозванцы, нововведенія Петра I и т. д. Статья Бандтке была снабжена примѣчаніемъ редактора, указывавшимъ источникъ, изъ котораго она была взята („Варшавскій журналъ"), и высказывавшимъ увѣренность, что „читателямъ по крайней мѣрѣ пріятно будетъ узнать, какъ за границею думаютъ о нашемъ языкѣ". Нѣкоторыя замѣчанія Бандтке Каченовскій находилъ „справедливыми и любопытными", другія же снабдилъ собственными критическими примѣчаніями, въ которыхъ полемизировалъ съ Краковскимъ ученымъ (главнымъ образомъ по поводу его сужденій о малорусскомъ, см. выше, стр. 1110—1111, а также по вопросу о предложеніи Бандтке писать славянскія и русскія имена латинскими буквами и чешскимъ правописаніемъ Добровскаго, съ чѣмъ Каченовскій никакъ не хотѣлъ согласиться).

Въ 1815 г. заявила о своемъ интересѣ къ славянскимъ языкамъ и Россійская Академія. Еще въ засѣданіи 19 іюня рѣшено было напечатать въ 1-й книжкѣ предпринятаго академическаго изданія „Извѣстія Росс. Академіи" „стихи на Моравскомъ языкѣ съ Росс. переводомъ" [1]). Намѣреніе это, однако, почему то не было приведено въ исполненіе, и книжка вышла безъ помянутыхъ стиховъ

---

[1]) См. Записки о засѣданіяхъ Росс. Академіи 1815 г., № 23, 19 іюня.

(1815 г.). Зато въ ней не было недостатка въ другихъ проявленіяхъ сказаннаго интереса, исходившихъ отъ самого президента академіи Шишкова. Такъ во вступленіи къ 1-й книжкѣ „Извѣстій“, гдѣ шла рѣчь о задачахъ, составляющихъ обязанность Россійской Академіи („изслѣдованіе состава и разума словъ, опредѣленіе правилъ и свойствъ языка, установленіе и огражденіе его отъ порчи писателей, незнающихъ силы онаго“, стр. 3), и объ изданіи „Извѣстій“, долженствовавшихъ служить этимъ задачамъ, говорилось между прочимъ, что „Извѣстія“ охотно будутъ давать мѣсто на своихъ страницахъ также и „переводамъ или выпискамъ изъ иностранныхъ писателей, но токмо такимъ, въ которыхъ разсуждается или вообще о происхожденіи языковъ, или особенно о Славенскомъ языкѣ и народѣ. Таковы, напримѣръ, суть сочиненія на Нѣмецкомъ языкѣ Господина Добровскаго подъ названіемъ *Словянки*, и тому подобныя“ (стр. 6).

Въ слѣдующихъ затѣмъ „Нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ на предполагаемое вновь сочиненіе Россійскаго Словаря“ (стр. 8—слѣд.) Шишковъ нерѣдко касается славянскихъ языковъ. Проектируемый имъ новый словопроизводный словарь долженъ былъ содержать въ себѣ между прочимъ „разсмотрѣніе корней словъ съ вящшими и надежнѣйшими способами, *то есть съ помощію всѣхъ Славенскихъ нарѣчій*“ (стр. 9, курсивъ нашъ). Выясняя далѣе понятіе „Славенскаго“ языка, подъ которымъ Шишковъ разумѣлъ и праславянскій, и церковнославянскій, и совокупность всѣхъ живыхъ слав. языковъ, нашъ „славенофилъ“ писалъ: „Славенскимъ языкомъ говорятъ многіе народы внѣ Россіи по лицу земли разсѣянные: Иллирійцы, Моравцы, Сербы, Поляки, Богемцы, Краинцы, Венды и проч. Хотя нарѣчія ихъ различны съ нашимъ, но языкъ у насъ одинъ. Скажутъ: не ужъ ли и ихъ всѣ слова включить въ предѣлы языка?—безъ сомнѣнія. Да мы ихъ не разумѣемъ? Это не мѣшаетъ. Мы и своихъ многихъ словъ не разумѣемъ; но я уже выше говорилъ, что нельзя слово *языкъ* опредѣлять только тѣми словами, которыя мы разумѣемъ. Напримѣръ—никто изъ насъ не говоритъ нынѣ *веверка*, а потому никто и не знаетъ сего слова, вмѣсто котораго употребляемъ мы слово *бѣлка* или *вѣкша*; но Полякъ и по сіе время говоритъ *веверка* [1]). Скажутъ: что намъ нужды до Поляка?—Нѣтъ! есть нужды. Мы находимъ слово сіе въ Несторѣ. Не ужъ ли и до Нестора нужды нѣтъ? Но такимъ образомъ и ни до чего, кромѣ устнаго употребленія языка, т. е. одпихъ пріятельскихъ разговоровъ, нужды не будетъ“ (стр. 11). Немного далѣе:

[1]) Не совсѣмъ такъ (wiewiorka)!

„Скажутъ: да въ другихъ нарѣчіяхъ совсѣмъ не тѣ слова, а ежели и тѣ, такъ иначе произносятся?—Правда; но и это не мѣшаетъ: мужики наши многія слова различно съ нами произносятъ, однако нельзя же сказать, что они говорятъ не по Русски или не по Славенски; по Славенски, но по мужицки. Такъ и тутъ: по Славенски, но по Сербски, Польски, Вендски, и проч.; ибо различіе въ нарѣчіи, а не въ языкѣ. Богемецъ дорожку или стезю, по которой ходятъ пѣшкомъ, называетъ *пѣшникомъ* (pesnik), жаркое *печениною* (pezhenina), деревенскаго жителя *весникомъ* (wesnik), молнію *блискомъ* (blisk). Мы не употребляемъ сихъ словъ, и для того въ разговорахъ не скоро ихъ поймемъ; но вникая и разсуждая можемъ ли отъ нихъ отречься и назвать ихъ не Славенскими, или не принадлежащими къ нашему языку? Какъ? развѣ мы не имѣемъ словъ *пѣшъ, печь, весь, блескъ?*... Почемужъ *пустынникъ* (отъ пустыня) Славенское, а *весьникъ* (отъ весь) не Славенское? почему *жаркое* (отъ жарить) Славенское; а *печенина* (отъ печь) не Славенское? навыкъ мой и слухъ могутъ противъ сего спорить, но умъ и разсудокъ никогда. Итакъ слово *Славенскій языкъ* я смѣло простираю на всѣ его нарѣчія, и сіе необходимо нужно мнѣ для опредѣленія словъ, для отысканія корней ихъ и обогащенія собственнаго моего нарѣчія, т. е. Русскому Русскаго, Поляку Польскаго, и такъ далѣе. Ибо, напримѣръ, Богемецъ скажетъ пословицу: *cím hrnek nawre, tím zapacha*. Я сперва сихъ словъ не разумѣю; но вникая нахожу, что онѣ всѣ Славенскія: *cím* (чѣмъ) *hrnek* (горшокъ) *nawre* (накипѣлъ), *tím* (тѣмъ) *zapacha* (пахнетъ). Затрудняетъ меня одно только слово *nawre*. Но развѣ не имѣемъ мы предлога *на* и глагола *вреть* (море врѣетъ, т. е. кипитъ)? Трудно ли же мнѣ узнать, что значитъ *навре* или *наврелъ*, какъ скоро я знаю свой языкъ? Положимъ, что слово сіе ненужно мнѣ для употребленія въ моемъ нарѣчіи; но отличное отъ моего составленіе словъ въ другихъ нарѣчіяхъ нужно мнѣ для того, чтобъ зналъ я родство и производство словъ. Я тогда яснѣе увижу, что отъ *врѣю* или *варѣю* (!) произошли *варю, варъ:* отъ *врѣти*, варити; отъ *врѣніе*, вареніе, и проч. Сіе открываетъ мнѣ языкъ мой и научаетъ познавать разумъ словъ, мною употребляемыхъ. Я говорю *куча* (и не знаю откуда сіе слово), Богемецъ говоритъ *купча* (kupca). Отсюда вижу я, что въ моемъ словѣ буква *п* утратилась, и отъ того производство онаго отъ слова *купа* (!) закрылось; равнымъ образомъ и въ уменшительномъ изъ *купочка* сократилось оно въ *кучка*. Я не стану перемѣнять освященныхъ употребленіемъ словъ моихъ *куча* и *кучка*; но довольно для меня, что узнаю смыслъ ихъ; увижу начало, отколѣ онѣ про-

исходятъ. Не ужъ ли сіе ненужно? такъ и ни какія науки не нужны, ибо всѣ онѣ основаны на причинахъ и доказательствахъ" (стр. 12—13). Ниже, отыскивая корень слова *ратовище*, Шишковъ ссылается на „Словарь Иллирійскаго нарѣчія съ Латинскимъ", гдѣ стоитъ: Рат, acumen, cuspis, spiculum". „Но Иллирійскій языкъ есть нашъ Славенскій. И такъ ясное доказательство, что оно и въ нашемъ нарѣчіи быть долженствовало; но когда слово *копіе* заступило мѣсто онаго, тогда оно въ корнѣ утратилось, а въ вѣтвяхъ сохранилось. Итакъ возвращеніе его въ языкъ есть совершенное возвращеніе отца къ дѣтямъ" (стр. 15—16). Примѣры эти должны показывать, по мнѣнію Шишкова, „сколь, для утвержденія и обогащенія собственнаго нарѣчія нашего, или того, что называемъ мы Рускимъ языкомъ, нужно намъ призывать въ помощь всѣ другія Славенскаго языка нарѣчія" (стр. 16). Такимъ образомъ славянское языкознаніе у Шишкова играло чисто служебную роль, и сравненіе со слав. языками должно было служить просто практической цѣли: обогащенію русскаго языка.

Въ 1816 г. „Вѣстникъ Европы" продолжалъ оставаться вѣрнымъ разъ принятой на себя задачѣ знакомить русское общество со славянскимъ міромъ вообще и славянскими языками въ частности. Извѣщая о выходѣ въ свѣтъ извѣстныхъ сборниковъ Добровскаго „Slavin" и „Slovanka", Каченовскій писалъ (ч. 85, 1816 г., стр. 47—49", статья „Славянинъ и Славянка"), что названные сборники „драгоцѣнны для любителей Славянскаго языка во всѣхъ его нарѣчіяхъ. У насъ до сихъ поръ еще мало думали о томъ, сколь близкое имѣютъ родство съ нашимъ Россійскимъ языкомъ многіе другіе, употребляемые какъ внутри Отечества, такъ и внѣ предѣловъ онаго... и сколь великую пользу приобрѣло бы отечественное наше слово, когда бы мы обратили вниманіе свое на *составъ разныхъ Славянскихъ нарѣчій, на образованіе ихъ и взаимныя отношенія между ними* (курсивъ нашъ). Можно утвердительно сказать, что труднѣйшая часть нашей Грамматики, приведеніе глаголовъ къ простымъ и точнымъ правиламъ, не можетъ быть обработана безъ предварительнаго упражненія въ разныхъ нарѣчіяхъ общаго Славянскаго языка" (ниже упоминаются: грамматика ксендза Копчинскаго, „почитаемая между Поляками *безсмертнымъ твореніемъ*", и словарь Линде, „вмѣщающій въ себѣ слова *всѣхъ нарѣчій* Славянскихъ", какъ пособія для ознакомленія съ славянскими языками).

Образчики двухъ словацкихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ приводятся въ переводной съ нѣм. статьѣ (изъ какого-то „Нѣмецкаго журнала"): „О пѣсняхъ Славянъ при собираніи Токайскаго

винограда", напечатанной въ 87 части „Вѣстника Европы" (№ 7, стр. 205—211). Послѣ описанія праздника, въ которомъ принимаютъ участіе нѣмцы и мадьяры (приводится одна венгерская пѣсня), идетъ рѣчь и о словакахъ, въ пѣсняхъ которыхъ „господствуетъ самая живая веселость". Пѣсни эти, по словамъ статьи, „чрезвычайно занимательны" не только по напѣву, но и „по гибкости ихъ нарѣчія", не говоря уже о содержаніи. О передачѣ особенностей языка можетъ дать понятіе начало первой изъ приведенныхъ пѣсенъ, вообще коротенькихъ:

Proti Fare mostek
Kolemba se,
Na nem jetelinka
Zelena se.
Jetelinka krasna
Nekosena —
Tady moja mila
Odwezona! и т. д.

Редакторъ „Вѣстн. Евр." въ подстрочномъ примѣчаніи сообщалъ, что приводитъ пѣсни въ томъ правописаніи, въ какомъ нашелъ ихъ въ „Нѣмецкомъ журналѣ", и высказывалъ пожеланіе, чтобы кто-нибудь собралъ пѣсни разныхъ славянскихъ племенъ, „разсѣянныхъ по обширной части Европы", чѣмъ оказалъ бы великую услугу „любителямъ исторіи Славянскаго народа".

Желая содѣйствовать ознакомленію нашего общества со славянскими „нарѣчіями", Каченовскій собирался также извлечь изъ „огромнаго Словаря Польскаго языка г-на Линде" для читателей „Вѣстника Европы" „весьма любопытныя свѣдѣнія касательно нарѣчій Славенскихъ", о чемъ и сообщилъ печатно въ одномъ изъ примѣчаній своихъ къ статьѣ Линде „О Россійской литературѣ" („Вѣстникъ Европы", 1816 г., ч. 90, стр. 111) [1]).

Нѣсколько раньше этой статьи Каченовскій напечаталъ (также на страницахъ „Вѣстника Европы") знакомое уже намъ разсужденіе свое „О славянскомъ языкѣ вообще и въ особенности о Церковномъ" (см. выше, стр. 773—75). Затронутыхъ въ немъ вопросовъ славянскаго языкознанія касался и Карамзинъ въ I т. своей „Исторіи Государства Россійскаго" (см. выше, стр. 775).

Продолжалъ интересоваться славянщиной и К. Ѳ. Калайдовичъ, высказывавшій желаніе пріобрѣсти себѣ Словарь Линде, разные польскіе журналы, „Bibliotheca Slavica" Дуриха и разсужденіе епископа Коссаковскаго о „богемскомъ" языкѣ и словесности, какъ

---

[1]) Намѣреніе это, впрочемъ, было выполнено въ иномъ видѣ. Вмѣсто извлеченій изъ Линде, Каченовскій въ слѣдующемъ 1817 г. напечаталъ самостоятельную статью: «Историческій взглядъ на грамматику слав. нарѣчій», о кот. см. ниже.

это видно изъ письма къ нему его пріятеля, ксендза I. Мореловскаго отъ 31 дек. 1816 г. [1]).

Собираніемъ образцовъ разныхъ славянскихъ языковъ занимался въ это время извѣстный уже намъ Ѳ. П. Аделунгъ, коллекціи котораго хранятся въ Имп. публ. библіотекѣ. Какъ разъ въ 1816 г. онъ пріобрѣлъ несомнѣнно цѣнный, но до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ нашимъ славистамъ, довольно объемистый верхнелужицко-нѣмецкій словарь, озаглавленный: „Wendisches Wörterbuch“ (помѣта на заглавномъ листкѣ рукою Аделунга: „Mitgetheilt von Hrn. Bibliothekar Posselt in Prag 1816. F. Adelung). Словарь этотъ содержитъ приблизительно около 5½ тысячъ лужицкихъ словъ и занимаетъ 168 страницъ въ 8° долю листа писчей бумаги, исписанныхъ очень четко и убористо [2]).

Къ этому же времени относится пріобрѣтеніе Аделунгомъ нѣмецко-латышско-литовско-польскаго глоссарія, озаглавленнаго: „Vokabular der Lettischen, Lithuanischen und Polnischen Sprache“ (помѣта рукой Аделунга: „erhalten durch Hrn. Hofrath von Recke in Mitau am 10 oct. 1816. F. Adelung“). Всего здѣсь заключается 360 нѣм. словъ съ переводомъ на латышскій, литовскій и польскій (21 стр. 4°).

Кромѣ того, въ коллекціи Аделунга (картонъ: „Европ. языки“), вмѣстѣ съ только что названными датированными рукописями, имѣется одинъ сербскій словарикъ начала XIX в., но безъ даты, содержащій этимологическія сближенія съ чешскими, польскими, кельтскими и разными германскими формами (4°, 20 стр.), озаглавленный: „Etatsraad Chr. Fridr. Temler om Overeenostemmelse mellem det Illyriske og Celtiske Sprog, i de Nordiske og övrige Mundarter, som komme af dem Oegge“.

1817 годъ принесъ съ собой учрежденіе каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Варшавскомъ университетѣ, отмѣченное Каченовскимъ въ „Вѣстникѣ Европы“ (см. выше, стр. 747), но прошедшее безслѣдно для исторіи русской науки.

Аналогичный опытъ былъ сдѣланъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ, благодаря вліянію тамошняго попечителя, польскаго магната гр. Потоцкаго, въ 1817 (или 1818 г.) открытъ былъ курсъ польскаго языка и литературы, порученный молодому П. П. Артемовскому-Гулаку, только что вступившему въ число вольнослуша-

[1]) См. „Чтенія въ М. Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1862, кн. 3. стр. 59.

[2]) Всѣхъ листовъ въ рукописи, переплетенной въ темно-синюю папку,—88, изъ нихъ въ началѣ одинъ чистый и другой заглавный, и въ концѣ — три чистыхъ.

телей университета по словесному отдѣленію. Открытіе новаго курса, или „каѳедры польскаго языка", было ознаменовано довольно любопытной вступительной рѣчью молодого лектора, утвержденнаго въ этомъ званіи въ 1819 году [1]). Послѣ обычныхъ риторическихъ прославленій мудрости и щедрости „попечительнаго правительства" и Благословеннаго Александра, ораторъ выяснялъ значеніе открываемой каѳедры. „Не взирая на то, что учрежденіе Польской каѳедры вообще" въ русскомъ университетѣ являлось „установленіемъ совершенно первымъ и новымъ", ораторъ увѣрялъ, что далекъ отъ тщеславной мысли, „будто заведеніе сіе составитъ важную какую-нибудь эпоху въ ученыхъ лѣтописяхъ сего святилища наукъ". Ораторъ восклицалъ: „Это учрежденіе—есть важное событіе собственно для меня (!); ибо одна мысль — что мудрое Начальство открыло мнѣ способы служенія ему по мѣрѣ силъ моихъ, что я первый ознакомлю П. моихъ Слушателей съ благороднѣйшею и обработаннѣйшею отраслью Славянскаго слова—одна, говорю, мысль сія надѣляютъ сердце мое новыми силами и ревности и благодарности" (стр. 132—133). Ораторъ не выставлялъ себя „за оракула великихъ пользъ, могущихъ произойти для отечественной Словесности" отъ новаго предмета. „Время, занимательность и слѣдствія" должны были, по его словамъ, показать, „достойна ли вниманія Правительства и ученыхъ Россійскихъ сословій сія существенная часть филологическихъ занятій". Успѣхи слушателей также имѣли доказать, „что забвеніе сей важной вѣтьви въ юношескомъ воспитаніи оставило ощутительный промежутокъ въ нашей Словесности; и что она одна сильна была ускорить ходъ языка нашего къ его очищенности и усовершенію". Ораторъ не брался „изрекать своего приговора въ семъ дѣлѣ" и очевидно не рѣшался прямо высказать свои взгляды, лавируя между двумя взаимно исключающими другъ друга отношеніями къ новому предмету. „Ежели изученіе Польскаго языка важно для Русской Литтературы, продолжаетъ онъ, то Начальство наше имѣетъ тѣмъ неоспоримѣйшія права на нашу признательность,— что оно первое простерло попеченія свои на сію полезную отрасль учености, объ ознакомленіи съ которою тщетно доселѣ напоминали

---

[1]) См. Некрологъ Артемовскаго въ „Русск. Архивѣ" 1867 г., стр. 956; „Украинскій Вѣстникъ" 1819 г., кн. 2, мѣсяцъ февраль, стр. 129—161: „Рѣчь, въ день открытія Каѳедры Польскаго языка при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, произнесенная Лекторомъ онаго Петромъ Артемовскимъ-Гулакомъ". Ср. также „Истор. Вѣстникъ" 1890 г., апрѣль, стр. 127, Воспоминанія Неслуховскаго, и Приложеніе I къ „Извлеченію изъ отчета о состояніи и дѣят. Харьк. универс. за 1865 г." (Харьковъ, 1866, стр. 2—3).

въ нѣкоторыхъ Журналахъ ревнители Славянскаго слова. Ежели же оно и маловажно; то сіе тѣмъ не менѣе священный возлагаетъ на насъ долгъ благодарности къ попечительному Правительству, которое не забыло и самую малую частицу знаній присовокупить къ цѣлости Университетскаго образованія" (стр. 133—134). По мнѣнію автора, если „изученіе нѣкоторыхъ мертвыхъ возточныхъ языковъ въ извѣстныхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ" было „сочтено Правительствомъ за нужное, то не ужели исключенъ будетъ изъ сего правила языкъ живой, богатой, сильный, обработанный... и что важнѣе всего—языкъ единобратній, умѣвшій возпользоваться всѣми сокровищами древней учености и нашего собственнаго языка (?) и въ благодарную замѣну сего отверзающій богатства свои нашему, — который доселѣ былъ къ тому равнодушнымъ, предпочелъ лучше носить яремъ нѣкоторыхъ словъ Татарскихъ- напоминающихъ ему плачевную эпоху стыда и рабства, нежели замѣнить недостатокъ сей словами сприродными ему?" Лекторъ находилъ, что какъ разъ въ царствованіе Александра, воскресившаго Польшу, наступило самое благодарное время для примиренія и сближенія двухъ долго враждовавшихъ славянскихъ народностей и для взаимнаго ихъ ознакомленія съ ихъ языками (стр. 134—137). Въ числѣ разныхъ аргументовъ въ пользу изученія польскаго языка приводилось, наконецъ, и то, что „языкъ Польскій процвѣтаетъ издревле въ ученомъ свѣтѣ" (?) и „есть столь новый и столь обильный для Россійской Словесности источникъ, — котораго выразительность и сходство съ нашимъ Россійскимъ языкомъ ни какими другими языками замѣнена быть не можетъ" (стр. 138—139).

Изобразивъ далѣе въ витіеватомъ очеркѣ судьбы польской литературы (стр. 139—158), лекторъ „заключилъ въ нѣсколькихъ словахъ планъ будущихъ своихъ упражненій" со слушателями (стр. 158—161). Изъ этого плана видно, что онъ смотрѣлъ довольно широко на свою задачу и намѣревался превратить новую каѳедру въ каѳедру сравнительной грамматики славянскихъ языковъ. По его словамъ, „ни кругъ понятій" его слушателей, ни мѣсто, гдѣ онъ съ ними находился, ни „собственная польза" ихъ, не позволяли ограничить занятія однимъ польскимъ языкомъ и еще менѣе—заключиться „въ тѣсныхъ предѣлахъ правилъ, предписанныхъ классамъ нижнихъ училищъ". „Имѣя въ безпрестанномъ вниманіи пользу отечественной нашей Литтературы, которой Польскій языкъ съ прочими единобратними можетъ содѣйствовать болѣе — нежели какой-либо иностранный", ораторъ обѣщалъ не упускать „изъ виду аналогіи и прочихъ Славянскихъ

нарѣчій—обращаясь при всякомъ случаѣ къ главному и освященному вѣками источнику, къ языку Славенскому". Въ немъ хотѣлъ онъ „почерпать объясненія сомнѣній, могущихъ встрѣтиться... на необозримомъ пространствѣ Польскаго слова; къ нему... примѣнять грамматическія правила, съ нимъ... сравнивать слова и ихъ значенія", и въ немъ „искать корней словъ живущихъ въ устахъ другихъ Славянскихъ народовъ". „На сей конецъ" ораторъ намѣревался изложить своимъ слушателемъ „начала несравненной Этимологіи незабвеннаго Линде [1]), которую по справедливости можно назвать глубокою Метафизикою Славянскаго слова". Такимъ образомъ въ кругъ занятій по новой каѳедрѣ, „а особенно при разборѣ Польскихъ сочиненій" имѣли войти „діалекты и языки: Польскій, Россійскій, Славянскій церьковный, Богемскій или Ческій, Боснійскій, Карніольскій или Краинскій, Далмацкій, Рагузскій, Славонскій, Словацкій, Сорабскій верьхней и нижней Лузаціи, Венгерскій (?!), Виндійскій, такъ же многія нарѣчія Моравскія и Силезскія; нѣкоторыя даже изъ иноплеменныхъ древнихъ и новѣйшихъ языковъ, а наконецъ по необходимости и самый Малороссійскій". Лекторъ, впрочемъ, заявлялъ, что вовсе не намѣренъ „чрезъ сіе изчисленіе языковъ и нарѣчій выставлять себя за знатока всѣхъ оныхъ", но увѣрялъ всетаки, „что при знаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ... не трудно будетъ возъимѣть понятіе и о прочихъ, — по-крайней мѣрѣ сколько сіе нужно будетъ для пользы нашего отечественнаго языка, при помощи безцѣннаго Словаря Линдева, присланнаго" Харьковскому университету Императоромъ Александромъ I. Въ заключеніи своей рѣчи Артемовскій-Гулакъ указывалъ, что, предлагая этотъ планъ будущихъ занятій, онъ только, согласно съ собственнымъ своимъ желаніемъ, исполнялъ „желаніе и совѣты нѣкоторыхъ изъ достойнѣйшихъ наставниковъ" Харьковскаго университета, „которые отъ такого только способа изученія Польскому языку ожидаютъ существенной пользы для нашей отечественной Словесности". Какъ и долго ли шло преподаваніе по новой каѳедрѣ, точно мы не знаемъ. Повидимому, новый предметъ не имѣлъ большого успѣха, потому что уже въ сентябрѣ 1820 года Артемовскій-Гулакъ (по смерти проф. Успенскаго) перешелъ на каѳедру русской исторіи, географіи и статистики.

1817 г. былъ богаче предшествующихъ лѣтъ и по числу работъ (все журнальныя статьи), какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ (послѣднія, конечно, преобладали), посвященныхъ славян-

[1]) Ораторъ чуть ли не считалъ Линде уже умершимъ, тогда какъ на дѣлѣ онъ скончался лишь въ 1847 г.

скому языкознанію. Во главѣ ихъ долженъ быть поставленъ докладъ М. Т. Каченовскаго: „Историческій взглядъ на Грамматику Славянскихъ нарѣчій", читанный имъ 15 іюля 1817 г. въ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. [1]) и напечатанный въ томъ же году въ „Трудахъ" названнаго общества (ч. IX, стр. 17—46). Докладчикъ въ началѣ опровергалъ общераспространенный взглядъ поверхностно разсуждающихъ людей на грамматику, какъ на пустое занятіе, пригодное только для дѣтей. Напротивъ, „люди, основательно мыслящіе, вникающіе въ самую сущность дѣла", считаютъ ее „краеугольнымъ камнемъ наукъ и знаній человѣческихъ", такъ какъ отечественный языкъ каждаго народа, истолкователь наукъ, не можетъ быть точнымъ и вразумительнымъ, „если Грамматика не предпишетъ ему твердыхъ правилъ". Только тамъ науки могутъ процвѣтать, гдѣ за главное основаніе при обученіи юношества „пріемлется языкъ отечественный". Далѣе слѣдовалъ краткій очеркъ развитія грамматическихъ ученій (упомянуты: Аристотель, Маркъ Теренцій Варронъ, Цицеронъ, византійскіе грамматики эпохи Возрожденія: Мосхопулъ, Хризолорасъ, Ласкарисъ, Ѳеодоръ Газп). Съ XVI в. „начали появляться законодатели въ языкахъ Европы: оба Буксторфы, Турнебіи, Стефаны (les Etienne), Еразмы, Будеи, Санкціи, Линацеры, Скалигеры, Исааки Казаубоны, Герарды Воссіи, Вожеласы — сіи глубокомысленные Грамматики и превосходные Критики", писавшіе „правила для языковъ Еврейскаго, Греческаго, Латинскаго, Французскаго и проч." Какъ „новая отрасль человѣческихъ познаній", отмѣчается „Всеобщая грамматика отшельниковъ Портъ-Рояля", явившаяся де въ половинѣ XVIII в. (въ дѣйствительности въ 1660 г., второе же изданіе въ 1766 г.).

Послѣ этого общаго вступленія даются общія свѣдѣнія о наличныхъ славянскихъ „діалектахъ или нарѣчіяхъ". Во главѣ этихъ послѣднихъ Каченовскій ставилъ: 1) Церковный или богослужебный языкъ, „*Славянскій* κατ᾽ ἐξοχήν", въ сущности древне-сербскій (теорія Добровскаго, ср. выше, стр. 774); за нимъ слѣдовали: 2) Россійскій, 3) Польскій, 4) Сербскій съ Болгарскимъ (!), Боснійскимъ, Славонскимъ (!), Далматскимъ и Рагузинскимъ; 5) Кроатскій съ „Виндическимъ, состоящимъ въ нарѣчіяхъ Стирійскомъ, Крайнскомъ и Каринтскомъ" (!) и 6) Богемскій съ нарѣчіями Моравскимъ и „Словакскимъ". Сюда же, по словамъ Каченовскаго, можно причислить и языкъ „Вендскій" съ двумя нарѣчіями „Верхне- и

[1]) См. „Труды" Общества, ч. VIII, 1817, стр. 208, а также „Вѣстникъ Европы" 1817 г., ч. 93, стр. 186—208 (напечатано безъ вступленія).

Нижне-Сорабскимъ" [1]). Далѣе идетъ рѣчь о томъ, какія славянскія нарѣчія имѣютъ свою грамматику и когда ее получили. Обращается вниманіе на то, что только русскій, польскій и „богемскій" языки „подведены подъ правила грамматики", и даются свѣдѣнія о древнѣйшихъ памятникахъ письменности и первыхъ грамматикахъ „богемскаго" языка: книги XV в., чешская библія, первые латино-„богемскіе" словари, лѣтописи, переводы юридическаго и богословскаго содержанія, первая грамматика „Бенесса" Оптата и Петра Гзеля 1533 г., „Grammatica Bohemica" Матвѣя „Бенешава" 1577 г., грамматика Лаврентія Рудожерина, проф. Пражскаго университета (1603) и т. д. Указавъ на процвѣтаніе польской грамматики въ золотой вѣкъ послѣднихъ Ягеллоновъ въ трудахъ Заборовскаго (грамматика 1519 г.), Секлуціана, Януповскаго, и на работы XVIII в. Авраама Троца (при словарѣ 1740 г., теорія Польскихъ спряженій) и Копчинскаго, Каченовскій переходитъ къ характеристикѣ первыхъ печатныхъ славянскихъ грамматикъ. По его словамъ, „первая грамматика нашего церковнаго языка была плодомъ той благородной дѣятельности умовъ, которою ознаменовано славное царствованіе послѣднихъ Ягеллоновъ, и которая ослабѣла уже при Сигизмундѣ III, когда могущественные Іезуиты начали сожигать противныя имъ книги", овладѣли воспитаніемъ юношества и стали распространять въ народѣ нетерпимость. Объ „Адельфотисѣ" Каченовскій говоритъ, что авторы этой грамматики, „студенты Львовской академіи", были „вѣроятно изобрѣтателями большей части грамматической терминологіи, которая донынѣ безобразитъ и нашу Русскую грамматику". „Есть ли внутренній смыслъ въ такихъ словахъ, каковы на примѣръ *падежъ*, *нарѣчіе* или принятое послѣ *междуметіе?*" спрашиваетъ нашъ авторъ. Впрочемъ, объ „Адельфотисѣ" онъ говоритъ по наслышкѣ, признаваясь, что никогда не видалъ этой книги, составленной „для пользы обучавшихся Греческому языку, а не Славянскому (церковному)". Далѣе характеризуются грамматики Лаврентія Зизанія (подробно перечисляются его грамматическіе термины) и Мелетія Смотрицкаго (по Московскому изданію 1648 г.) и отношеніе къ нимъ Ломоносова, который „занялъ" отсюда „все, что только могъ при-

[1]) У Линде (Słownik języka polskiego. Tom I, część I. Варшава. 1807, стр. XIII), которымъ Каченовскій несомнѣнно пользовался при написаніи своей статьи, находимъ другую классификацію славянскихъ языковъ, несомнѣнно менѣе насильственную, хотя тоже неудовлетворительную: 1) Чешскій, 2) Моравскій, 3) Словацкій, 4) Кроатскій. 5) Далмацкій, 6) Боснійскій, 7) Виндійскій въ Штиріи, 8) Краинскій въ Карніоліи, 9) Славонскій въ Славоніи, 10—11) Нижне- и Верхне-Лужицкій, 12) Русскій.

наровить къ Русскому языку", отступивъ отъ Смотрицкаго лишь въ изложеніи спряженій. Упоминаются и послѣдующія передѣлки грамматики Смотрицкаго, съ указаніемъ, что Ѳ. Максимовъ (1723) не признаетъ уже члена, нарѣчіе называетъ *надглаголіемъ* и взялъ свой терминъ *междометіе* вѣроятно изъ Латино-Славенской грамматики Ильи Копіевича, 1700 г. Характеризуется и грамматика Лудольфа, который, по словамъ Каченовскаго, „очень мало зналъ языкъ нашъ", выписывалъ усердно изъ Смотрицкаго и напечаталъ свою грамматику, „кажется, единственно для пробы новыхъ Славянскихъ буквъ, сдѣланныхъ въ Оксфордѣ". Въ заключеніе вкратцѣ (безъ какихъ бы то ни было библіографическихъ данныхъ) перечисляются печатныя грамматики другихъ славянскихъ языковъ со ссылкой на словарь Линде. Цѣлью своей статьи Каченовскій выставлялъ желаніе *„показать, что законодатели языка появляются въ народѣ, уже обогатившемся многими идеями, уже знакомомъ съ выгодами просвѣщенія"*. Попутно онъ намѣревался разсмотрѣть „правила отечественнаго слова" и показать „недостатки нашей Грамматики, а можетъ быть и нѣкоторые способы отвратить ихъ, или исправить". Выполнить это намѣреніе онъ предоставлялъ себѣ уже въ другой разъ.

Статья Каченовскаго несомнѣнно представляла много новаго для русскихъ читателей. Не только подобный сводъ и группировка разныхъ свѣдѣній о славянскихъ языкахъ и ихъ грамматикѣ были новинкой въ нашей литературѣ того времени, но и многіе факты, приводимые имъ, появлялись впервые на страницахъ русскихъ изданій.

Какъ сжатый обзоръ грамматической литературы, хотя бы по главнѣйшимъ славянскимъ языкамъ, она несомнѣнно могла служить полезнымъ библіографическимъ пособіемъ для начинающихъ славистовъ. Евгеній Болховитиновъ, впрочемъ, отнесся къ ней довольно холодно, какъ это видно изъ письма его къ Анастасевичу (6 іюля 1817 г.): „Прочтите въ Вѣстникѣ Европы нынѣшняго года № 11 Каченовскаго Истор. взглядъ на грамматику слав. нарѣчій; вы бы больше объ этомъ написать могли (?), да и я бы иное могъ прибавить и поправить. Но къ готовому легче придумывать. Похвально по крайней мѣрѣ, что онъ исполняетъ давнее ваше желаніе пользоваться вамъ замѣчаніями Заднѣпровскихъ и Задунайскихъ славянъ" [1]).

Кромѣ статьи Каченовскаго, „Вѣстникъ Европы" помѣстилъ въ 1817 г. еще нѣсколько статей, посвященныхъ славянскому языко-

---

[1]) „Древняя и Новая Россія" 1880 г., т. XVIII, стр. 638.

знанію. Такъ по случаю смерти извѣстнаго польскаго грамматика Копчинскаго въ журналѣ Каченовскаго явился некрологъ покойнаго ученаго, указывавшій на его заслуги въ языкознаніи (ч. 92, стр. 150—51). Затѣмъ появилась переводная статья съ нѣмецкаго, подписанная буквою К.(аченовскій): „Изъясненіе названій Нѣмецкихъ городовъ, которые прежде были Славянскими" (ч. 96, № 21, стр. 36—41). Здѣсь приводился рядъ славянскихъ этимологій (большею частію удачныхъ) для нѣмецкихъ именъ городовъ, въ родѣ: Бауценъ = польск. Buczyna (буковая роща), Брандебургъ = Бреннаборъ, Браниборъ = польск. Bronibor (лѣсная защита), Бригъ = брегъ, Хемницъ = польск. Kamienica, Дрезденъ = крѣпость, построенная на страхъ другимъ (! польск. drżę, drżec, Drezno), Глогау = Glogowa, отъ дикихъ розовыхъ кустовъ (польск. „glog") на берегахъ Одера, Грецъ = городецъ, Яуеръ = Яворъ, Лаузицъ отъ Лужица, Лейпцигъ = польск. Lipsk отъ Липа и т. д.

Самому Каченовскому принадлежало „Извѣстіе о словарѣ Нѣмецко-Сербскомъ" (ч. 96, № 21, стр. 42—49 и № 22, стр. 125—28). Статья эта служила какъ бы дополненіемъ къ его же разсужденію о происхожденіи церковнаго языка (см. выше, стр. 773 и слѣд.). Въ началѣ обращается вниманіе на различіе, полагаемое Добровскимъ въ перепискѣ съ Энгелемъ, „между нарѣчіями *древнимъ* Сербскимъ неиспорченнымъ и *нынѣшнимъ* С. испорченнымъ. Древнее нарѣчіе можно видѣть въ разныхъ книгахъ, написанныхъ Сербами, для которыхъ церковный языкъ, какъ и имъ общій, служитъ вмѣстѣ и письменнымъ языкомъ, и которые торжественно называютъ его старининымъ своимъ достояніемъ. Чтожъ касается до нынѣшняго ихъ нарѣчія, неимѣющаго, по свидѣтельству Рукислава, никакихъ писаныхъ правилъ, испещреннаго, какъ онъ же говоритъ, Нѣмецкими, Венгерскими и Турецкими словами; то объ немъ ничего нельзя было бы сказать достовѣрно безъ помощи Словаря", о которомъ Каченовскій и намѣренъ „предложить Славянскимъ филологамъ" (стр. 42). Трудъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ „Нѣмецкій и Сербскій словарь на потребу Сербскаго народа въ Крал. Державахъ и т. д. изданный въ 1790 г., въ Вѣнѣ Іосифомъ Благороднымъ отъ Курцбекъ". По словамъ Каченовскаго, „самъ Линде, въ превосходномъ своемъ Словарѣ Польскаго языка, сравнивая и объясняя слова всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, о нынѣшнемъ Сербскомъ, широко простирающемся въ Турецкихъ и Австрійскихъ владѣніяхъ, ничего не упоминаетъ. Видя ближайшее сходство между нарѣчіями, церковнымъ и книжнымъ Сербскимъ, онъ не счелъ за нужное особо приводить слова сего послѣдняго, и руководствовался только

словаремъ покойнаго протоіерея Алексѣева". Но Каченовскій рядомъ выдержекъ изъ словаря Курцбека доказываетъ, что „авторъ его не можетъ обойтись безъ просторѣчія (сербскаго) и потому весьма часто принужденъ бываетъ отступать отъ *стариннаго* нарѣчія Сербскаго, которое Добровскій называетъ неиспорченнымъ". Какъ примѣры „просторѣчія" приводятся: *да* вм. *что*, *могао*, *воздвигао* вм. *моглъ*, *воздвиглъ* и т. д. Названіе сербскаго языка „Иллирическимъ" или „Иллирійскимъ" Каченовскій отвергаетъ, указывая на многозначительность этого термина, примѣнявшагося то ко всѣмъ славянамъ, то только къ южнымъ. На стр. 125 и слѣд. приводится рядъ выдержекъ изъ словаря Курцбека, имѣющихъ цѣлью показать, „сколь велика разность между древнимъ нарѣчіемъ Сербскимъ и нынѣшнимъ" и доказать его совершенное сходство нетолько съ церковнымъ нашимъ языкомъ, но въ нѣкоторыхъ фразахъ даже и съ Русскимъ нынѣшняго вѣка". Эти выдержки приводятъ Каченовскаго къ выводу, что языкъ словаря „для насъ малопонятный, или даже и совсѣмъ не вразумительный, есть *нынѣшній* простонародный Сербскій. Онъ неочищенъ, необработанъ, не имѣетъ своей литературы. Между нимъ и Церковнымъ языкомъ такое точно теперь отношеніе, какое до 18 вѣка было между общенароднымъ Русскимъ и упомянутымъ Церковнымъ же" (стр. 126). Отсутствіе въ русскомъ нѣкоторыхъ словъ, имѣющихся въ другихъ славянскихъ языкахъ (*новцы*, *халина*), даетъ Каченовскому поводъ высказать такое заключительное сужденіе: „Сколько же есть Славянскихъ словъ, намъ неизвѣстныхъ ни по знаменованію своему, ни по происхожденію, и сколь глубокихъ, долговременныхъ и неусыпныхъ требуется изысканій, чтобы изъ всѣхъ нарѣчій Славянскаго языка извлечь несомнительные признаки переселенія племенъ, ихъ сосѣдства съ прочими народами и разныхъ происшествій, предварившихъ разсвѣтъ Исторіи!" (стр. 127—28).

Ссылки на формы разныхъ славянскихъ языковъ (не названныхъ), часто сомнительныя или перевранныя, находимъ въ знакомой уже намъ статьѣ казанскаго учителя гимназіи Ибрагимова (см. выше, стр. 1020).

Россійская академія въ этомъ году проявила свой интересъ къ славянскому языкознанію двумя работами, напечатанными на страницахъ академическихъ „Извѣстій". Первая изъ нихъ представляла переводъ съ нѣмецкаго и носила заглавіе: „Рѣчь Іоганна Негедли, Профессора Богемской словесности, говоренная имъ въ Академіи въ 1801 г." („Извѣстія Россійской Академіи" 1817 г., кн. 3, стр. 1—61). Переводъ этой рѣчи, спустя 16 лѣтъ по ея

произнесенія, былъ „найденъ полезнымъ по тому что въ ней весьма основательно разсуждается о Богемскомъ или Чехскомъ языкѣ; а какъ оный есть отрасль или нарѣчіе Славенскаго, то и до насъ сіе столько же (естьли не болѣе) принадлежитъ, сколько и до Богемцовъ. Мы увидимъ объясненныя и доказанныя въ ней преимущества сего древняго, богатаго языка (Славенскаго), на великомъ пространствѣ земель господствующаго, и на многія нарѣчія раздѣлившагося, пребывая въ корнѣ своемъ одинъ и тотъ же. Тако многовѣчный, гордый дубъ, стоя на единомъ корени, высоко вершину свою возноситъ, и широко во вся страны вѣтвія своя распространяетъ! Подобныя разсужденія и доводы показываютъ основательность ума, утвержденную многими размышленіями и познаніями. Свѣдѣнія сіи пріобрѣтаются ученіемъ и трудолюбіемъ, а потому и весьма различны отъ тѣхъ объ языкѣ легкомысленныхъ, пустыхъ и ни на чемъ неоснованныхъ сужденій, которыя пишутся иногда людьми, пріемлющими на себя самозванство говорить о томъ, о чемъ они весьма недостаточныя и ложныя имѣютъ понятія" (примѣчаніе переводчика, стр. 1—2). Разсужденіе проф. Неѣдлаго, благодаря извѣстнымъ чертамъ духовнаго родства съ писаніями нашего патріота-корнеслова, очевидно очень ему понравилось и было имъ снабжено многочисленными и пространными примѣчаніями. Неѣдлый задавался цѣлью доказать *„надобность и полезность Богемскаго языка, его совершенство и преимущество* надъ многими другими" (стр. 2), какъ это дѣлалъ самъ Шишковъ по отношенію къ русскому языку. Какъ и Шишковъ, Неѣдлый считалъ достоинствомъ языка *богатство* (внѣшнее и внутреннее), доказываемое имъ рядомъ чешскихъ этимологій во вкусѣ Шишкова и потому послѣднимъ одобренныхъ [1]), силу языка (различаетъ *словособирательную* и *словоустроительную*), ясность и точность, благогласіе и т. д. Представленія автора о происхожденіи славянъ восходили къ книгѣ Мейнерса „Grundriss der Geschichte der Menschheit" (Франкфуртъ и Лейпцигъ, 1786). По словамъ послѣдняго ученаго, родъ человѣческій имѣлъ два родоначальства „Кавказское и Татарское". Первое изъ нихъ „изъ самыхъ исконныхъ временъ раздѣлялось на два колѣна: а) на Готское или Кельтское, в) на Сарматское, Славенское или Вендское. Славенское колѣно населяло Арменію, Сирію, Аравію, Египетъ, Персію, Гиндостанъ, Бухарію съ сопредѣльными къ ней землями, великую часть Си-

[1]) Ср. на стр. 6—9, гдѣ къ глаголу djti, dêge se, т.-е. (díti, děje se) относятся между прочимъ и zdjti (zdíti), zed (zeď), djl (díl) déliti (děliti) и т. д.

бири, Россію, Польшу, Славонію, а въ новѣйшія времена Иллирію и великую часть Нѣмецкой земли“ (стр. 34 прим.). Настоящимъ богатствомъ языка Неѣдлый считаетъ не *внѣшнее*, относящееся „единственно ко множеству словъ“ и служащее къ „непосредственному означенію чувственныхъ предметовъ“ (стр. 3), а *внутреннее*, состоящее „въ умственныхъ созерцаніяхъ и разсудительныхъ или такъ называемыхъ отвлеченныхъ понятіяхъ“ (5—6). При ближайшемъ разсмотрѣніи богатство языка устанавливается: „A) Во многихъ измѣненіяхъ окончательныхъ и начальныхъ буквъ слова, или также B) Въ составленіи цѣлыхъ словъ“ (стр. 6). Пунктъ A) иллюстрируется этимологическимъ семействомъ глагола díti, 3 л. děje se, причемъ соединеніе его и мнимыхъ родичей его съ тѣми или другими предлогами и суффиксами, очевидно, разсматривается, какъ „измѣненіе окончательныхъ и начальныхъ буквъ слова“ (z въ формахъ въ родѣ zeď, род. zdi ставится здѣсь на одну доску съ z въ zdíti и т. д.). Къ приведеннымъ примѣрамъ Неѣдлый причисляетъ еще учащательные глаголы, существительныя и прилагательныя отглагольныя и проч., которыхъ цѣликомъ не приводитъ, отсылая за образчиками „еще плодовитѣйшихъ корней слова“ къ предисловію Добровскаго къ „Томсасову (!) Богемско-Нѣмецко-Латинскому Словарю“ (Tomsa, 1791 г.). Предлагая сравнить приведенный имъ „Богемскій глаголъ съ соотвѣтствующимъ ему въ другомъ языкѣ“, Неѣдлый выражаетъ увѣренность, что всѣ „конечно удивятся множеству измѣненій и уклоненій, какими Чехской языкъ предъ другими превозносится“. Изобилію языка „не мало способствуютъ многоразличныя склоненія, разныя времена и причастія. Здѣсь Богемецъ возноситъ какъ исполинъ главу свою и низводитъ съ гордостью взоръ свой на всѣ новѣйшіе народы (исключая Славянъ)“ (стр. 12). „Немаловажное преимущество“ чешскаго языка авторъ видитъ и въ „*совокупленіи цѣльныхъ словъ*“ (т. е. сложныхъ словахъ въ родѣ samowládce, kolomaz и т. д.: стр. 13), въ уменьшительныхъ именахъ, которыхъ „величайшее разнообразіе“ означаетъ „не одну только малость, но купно и пріятность или любезность предметовъ“ (стр. 15), а также въ разныхъ мнимыхъ и настоящихъ идіотизмахъ чешскаго языка, въ родѣ „замысловатаго и краткаго означенія совершившагося дѣйствія“, какъ напр. dopsati=дописать, „глаголовъ, показующихъ прибавленіе въ количествѣ, какъ-то: brichateti“ (břichatěti=брюхатѣть), „краткихъ выраженій, когда Богемецъ что-нибудь часто называетъ“, въ родѣ macechovati se, т. е. „часто упоминать имя мачехи“ и т. д. (стр. 15—16). Неес-

черпаемый источникъ „внѣшняго“ богатства чешскій языкъ имѣетъ „во множествѣ нарѣчій“, подъ которыми авторъ разумѣетъ прочіе славянскіе языки. По словамъ Неѣдлаго, „Рускіе. Поляки, Славонцы, Словаки, Кроаты, Болгары, Сербы, Босняки, Далматы, Рагузинцы, Лузитанцы (! очевидно, лужичане), Венды и проч.“ говорятъ „Славенскимъ“ языкомъ, откуда произошли главныя славянскія нарѣчія: „Руское, Польское, Иллирійское, Кроатское (!), Богемское“ (стр. 14).

Внутреннее богатство „Чехскаго“ языка заключается въ томъ, что онъ „процвѣталъ въ писаніяхъ“ прежде, чѣмъ многіе новѣйшіе европейскіе языки (?), и доведенъ былъ „до высочайшей степени совершенства въ тѣ времена, когда языки большей части Европейскихъ Державъ были грубы и невоздѣланы“ (стр. 16—18). Въ подтвержденіе своихъ словъ Неѣдлый перечисляетъ рядъ чешскихъ писателей, начиная съ XIV в. и съ особой похвалой и подробностью останавливаясь на дѣятельности „Комеиіуса“. Въ этомъ же родѣ изображается и „сила языка“: „*словособирательная*, состоящая въ коренномъ значеніи словъ, и въ опредѣленномъ употребленіи сего значенія“, и „*словоустроительная* (grammaticalische), состоящая въ Грамматическомъ устроеніи языковъ“ (стр. 21 и сл.), которое, впрочемъ, уже было разсмотрѣно Неѣдлымъ въ отдѣлѣ о „внѣшнемъ богатствѣ языка“. Превосходство „Чехскаго“ языка иллюстрируется здѣсь примѣрами, въ родѣ secenjm mece hlawu mu stal [1]) || нѣм. mit einem schwerthiebe hat er ihm den kopf herunter gehauen, и цѣлымъ отрывкомъ изъ „Лабиринта Комеиіусова“, сопоставленнымъ тоже съ нѣмецкимъ переводомъ (стр. 21—28). Въ подтвержденіе приводится мнѣніе „Нѣмецкаго остроумнаго и глубокомысленнаго любителя мудрости Г. Енша“, который въ своемъ сочиненіи „Vergleichung und Würdigung von vierzehn Sprachen Europens“ (Берлинъ, 1796, стр. 346), увѣнчанномъ прусской академіей, писалъ: „Въразсужденіи Грамматической силы можемъ мы о Славенскомъ языкѣ сказать, что оный завистн достойнымъ склоненіемъ и спряженіемъ своимъ помощію окончаній — въ чемъ ни какой другой Европейской языкъ предъ нимъ не похвалится—безъ всѣхъ въ склоненіи членовъ, и безъ всѣхъ въ спряженіи лицъ, обходиться, и симъ образомъ съ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ языковъ, Латинскимъ, съ гордостію равняться можетъ. Отсюду происходитъ, что оный, какъ по причинѣ сего драгоцѣннаго преимущества, такъ и по удобности своей къ многоразличнымъ посредствомъ причастій

---

[1]) Мы сохраняемъ почти вездѣ правописаніе „Извѣстій“, отражающее между прочимъ и состояніе академической типографіи.

творимымъ изворотамъ рѣчей, способнѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ языковъ къ преложенію на него древнихъ Римскихъ подлинниковъ во всей ихъ силѣ и точности". Въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 494) Іенишъ утверждалъ, что „Славенскія нарѣчія силою и краткостію возносятся выше Германскихъ и Латинскихъ нарѣчій, и стоятъ наряду съ Римскимъ языкомъ" (стр. 28—30). Превосходство чешскаго языка надъ нѣмецкимъ въ ясности и точности, достигаемыхъ, „когда каждое понятіе особымъ словомъ изъявляется", доказывается сопоставленіемъ чешск. глаголовъ žjti (žiti), strjhati (střihati), krageti (krájeti), rezati (řezati) = жать, стричь, кроить, рѣзать, съ единственнымъ нѣмецкимъ schneiden, обозначающимъ всѣ эти понятія, и сравненіемъ чешскихъ словъ, въ родѣ prozretedlnost, zlorecíti, wssemohauch [1]) (якобы отысканныхъ въ „первоначальномъ словохранилищѣ народнаго языка"!), съ соотвѣтствующими латинскими providentia, maledicere, omnipotens и пр. Неѣдлый утверждаетъ, что нѣтъ такого латинскаго или греческаго сочиненія, котораго бы нельзя было перевести на чешскій „съ равнымъ благолѣпіемъ и силою" (стр. 30—31).

„Тонкостью Грамматическаго состава языка... Богемецъ равенъ Греку, и предъ Латинскимъ, а потому и предъ всѣми другими языками имѣетъ неоспоримое преимущество", ибо 1) употребляетъ двойственное число, 2) настоящимъ временемъ, „подобно Греческому неопредѣленному, выражаетъ неопредѣленное прошедшее время", какъ напр.: kupowal dum, ale ne kaupil ho (покупалъ домъ, но не купилъ его) и т. д. 3) имѣетъ „многія прошедшія времена, съ великою тонкостію между собою различаемыя" (прошедшее однократное или совершенное, давно прошедшія первое, второе и третье, будущія простое, продолжительное, многократное и повторительное), нѣсколько дѣепричастій (прош. вр., дѣйств. зал., м. и ж. р., однократное или совершенное дѣйств. з., м. и ср. р., давнопрошедшее м. и ср. р. первое, второе и третье, будущія дѣйств. з. наст. вр., страд. з., м. р., страд. зал. однократ. или совершен. врем. и т. д.), множество „союзныхъ" частицъ, которыя „могутъ назваться удареніями мыслей" (стр. 32—38) и т. д. Указавъ на „вольную, непринужденную разстановку словъ", въ которой чешскій языкъ „имѣетъ равное съ Латинскимъ завидное преимущество", Неѣдлый переходитъ къ „послѣднему совершенству языка"— „благогласію", первоначальнымъ источникомъ котораго являются, по его словамъ, „щастливое смѣшеніе гласныхъ съ согласными,

[1]) Т. е. prozřetelnost', zlořečiti, všemohouci.

и благопріятствующее удобному выговору сочетаніе послѣднихъ между собою“. Здѣсь находимъ взгляды, родственные отмѣченнымъ уже нами выше у Шишкова (стр. 524—25), Рижскаго (стр. 528), Гонорскаго (стр. 572—576), Морелле (стр. 589—91) и др. Авторъ отмѣчаетъ соотвѣтствіе между грубостью или нѣжностью внѣшней формы словъ и грубостью или нѣжностью понятій, ими обозначаемыхъ, благозвучность и удобопроизносимость окончаній именного и мѣстоименнаго склоненія, многихъ глагольныхъ формъ, „естественное сладкозвучіе въ мѣрныхъ удареніяхъ“ чешскаго языка, обладающаго, подобно греческому, долготою гласныхъ, полноту и ясность произношенія „всѣхъ находящихся въ словѣ буквъ“, въ отличіе отъ англійскаго и французскаго языковъ, „многія буквы свои снѣдающихъ“ и т. д. Въ заключеніе приводится рядъ практическихъ соображеній въ пользу изученія чешскаго языка: широкое географическое распространеніе славянъ и обиліе славянскихъ народностей въ предѣлахъ австрійской имперіи, и потому важность его знанія для австрійскихъ духовныхъ лицъ, юристовъ, чиновниковъ, врачей, военныхъ и т. д. (стр. 45—57). Авторъ утверждаетъ даже, что говорящіе на музыкальномъ чешскомъ языкѣ и музыкѣ обучаются легче и лучше, ибо въ „Чехскомъ языкѣ мѣра слоговъ съ точностью наблюдается, и Богемецъ всегда говоритъ въ такту“. Съ музыкальностью чешскаго языка приводится такимъ образомъ въ связь и пресловутая способность чеховъ къ музыкѣ (стр. 53—54).

Однимъ словомъ Нейдлый стоитъ на томъ же почти уровнѣ научнаго пониманія своего родного языка, какой обнаруживалъ въ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ нашъ адмиралъ-корнесловъ. Оба были одушевлены одинаковой любовью къ родной рѣчи, оба больше апеллировали къ чувству, чѣмъ къ строгому и безстрастному разуму, и оба усиливались подогнать рядъ quasi-научныхъ аргументовъ къ тому заранѣе сложившемуся выводу, который былъ продиктованъ имъ инстинктивной и слѣпой любовью къ родному языку. Неудивительно, если выборъ Шишкова остановился на рѣчи Нейдлаго, имѣвшей не столько познакомить русскихъ читателей съ чешскимъ языкомъ, сколько подкрѣпить аналогичными доводами излюбленныя идеи самого Шишкова. Послѣдній съ этой цѣлью обильно снабдилъ переведенную имъ рѣчь своими примѣчаніями, въ которыхъ частью приводилъ собственныя этимологіи въ параллель къ сближеніямъ своего автора (ср. напр. производство слова *стѣна* отъ *зидъ* черезъ посредствующія ступени *зидина, здина, стина*, прим. на стр. 7, *топоръ* изъ *тяпать*, чѣмъ *тяпаютъ*, стр. 25, прим., и т. д.), частью давалъ русскія параллели къ осо-

бенностямъ чешскаго языка (прим. на стр. 16, 41 и т. д.), частью распространялъ мысли самого автора или пускался въ полемику со своими литературными противниками (прим. на стр. 15, 20—21, 23, 29—30, 31, 54) и т. д. Къ чешскому языку относится только одно примѣчаніе (на стр. 39) о произношеніи г. По словамъ Шишкова, „Богемцы букву г (или наши р) произносятъ двоякимъ образомъ: одну безъ ударенія выговариваютъ простѣе, а другую съ удареніемъ (ѓ), какъ бы повторяя, дѣлаютъ больше дребезжущею". Очевидно, дѣло идетъ о произношеніи чешскаго ř, которое, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ „ударенію".

Вторая статья „Извѣстій Россійской Академіи" за 1817 г. принадлежала уже самому Шишкову и была озаглавлена: „Сравненіе Краинскаго нарѣчія съ Россійскимъ, взятымъ собственно за Славенскій языкъ" (Кн. 5, стр. 23—59). Сравненіе это предпринято было для доказательства того, „какимъ образомъ языкъ, измѣняясь, становится нарѣчіемъ, больше или меньше отдаленнымъ отъ прежняго своего состоянія". „Почувствовать" это, по словамъ Шишкова, можно „изъ сравненія двухъ нарѣчій, изъ которыхъ одно возмемъ за самый языкъ (!)". Выраженіе „возмемъ" Шишковъ мотивируетъ неясностью термина *языкъ:* „собственно слово *языкъ* есть едва ли не мнимое существо; ибо хотя мы и говоримъ опредѣлительно: *Славенскій языкъ!* но что такое онъ? сего мы никакъ опредѣлить не можемъ. Возмемъ ли одного и того же языка разныхъ вѣковъ книги, мы ихъ почти не понимаемъ; возмемъ ли одного и того же языка разныя нарѣчія, какъ то: руское, польское, богемское, сербское, краинское, и другихъ многихъ народовъ: всѣ оныя суть нарѣчія Славенскаго языка, но столь различныя между собою, что говорящіе ими народы съ трудностію или вовся другъ друга не разумѣютъ. Чтожъ такое собственно *языкъ Славенскій*? не иное что, какъ совокупность всѣхъ сихъ нарѣчій" (стр. 21—22).

Самое „сравненіе" двухъ названныхъ выше языковъ распадается на нѣсколько §§. Въ § 1 приводится длинный рядъ словинскихъ и русскихъ параллельныхъ словъ, „не имѣющихъ ни какой (?) разности ни въ буквахъ, ни въ знаменованіи, въ родѣ: „baba—баба, beseda—бесѣда, brat—братъ, Bratez—Братецъ, Braſda—Бразда, Val—Валъ, Vash—Вашъ и т. д. (стр. 23—29)". Изъ этихъ параллелей выводится „совершенное единство нарѣчія съ языкомъ" (стр. 29—30). Въ слѣдующихъ §§ указываются различныя отличія „краинскаго" отъ русскаго, большею частью фонетическія (рѣже формальныя и семасіологическія). Такъ въ § 2 отмѣчается пере-

ходъ ы, свойственнаго „Славенскому языку и его нарѣчіямъ“ въ гласный *i*, наблюдаемый будто бы въ языкахъ, принявшихъ латинскую азбуку (?), въ родѣ „Bik—Быкъ, Bistr—Быстръ“ и т. д. Согласно § 3, въ словинскомъ „часто Латинское *u* въ окончаніи ставится на мѣсто Славенскаго *o*“: Blagu—Благо, Bedru—Бедро, Davnu—Давно и т. д. (стр. 30—31). Въ § 4 констатируется, что „гласныя буквы всегда подвержены бываютъ измѣненію и часто произносятся одна вмѣсто другой“: Pet—Пять, Peta—Пята, Bogina—Богиня, Lash—ложь, Okoli, okuli—Около, Pajk—Паукъ, Pogineti—Погибнуть, Poldan—Полдень, Resglas—Разгласъ, Kerzh—Корча. Tèrg—Торгъ, Topl—Теплъ, Veruga—Верига и т. д. (стр. 31—32). По словамъ Шишкова, „иногда (?) въ измѣненіи сихъ буквъ примѣчается нѣкоторая правильность, какъ напримѣръ: *o* вмѣсто *y*: Ogl—Угль, Sob—Зубъ, Stol—Стулъ“ и т. д. (стр. 32). Въ слѣдующемъ § 5 идетъ рѣчь о смѣшеніи гласныхъ „буквъ“ съ согласными: *у* съ *в* (Uhod—Входъ, Ulaga—Влага и т. д.), *в* съ *у* (Vosk—Узокъ, Votl—Утлый и т. д.), *в* съ *б* (Wogat—Богатъ, Woj—Бой, Wreg—Брегъ, Wizhek—Бычекъ, Werizh—Бирючь, Zhevl—Чоботъ и т. д.), *в* съ *л* (Vovk—Волкъ, Vovna—Волна, Treslost—трезвость и т. д.) (стр. 32—34). Въ § 6 разсматриваются сокращенія словъ „чрезъ потеряніе иногда въ началѣ, иногда въ срединѣ, иногда въ концѣ, одной изъ буквъ своихъ, и часто съ измѣненіемъ другой“. Въ началѣ: Tiza—Птица, Spod—Исподъ, Sped—Вспять, Las—Власъ, She—Уже, и т. д. Въ срединѣ: Sulza—Сулица, Brana—Борона (!), Kesn—Косенъ, Pôpk—Пупокъ и т. д. Въ концѣ: Nauk—Наука (!), Stran—Страна, Zhesn—Чеснокъ, Ples—Пляска, Vedr—Ведро, Porok—Порука (стр. 34). § 7 посвященъ различію между словинскимъ и русскимъ въ отношеніи окончанія 1 л. ед. ч., которое, по словамъ Шишкова, оканчивается, „какъ у насъ глаголы перваго лица множ. числа“: Dam—Даю, Imam—Имѣю, Delim—Дѣлю, Gasim—Гашу и т. д. При этомъ словинскія формы 1 л. ед. на -m приравниваются такимъ русскимъ оборотамъ, какъ *посмотримъ*, *увидимъ* вм. *посмотрю*, *увижу* (!) (стр. 35—36). Въ § 8 разсматриваются отличія словинскихъ предлоговъ, которые, „получая измѣненіе, сообщаютъ оное и всѣмъ другимъ составленнымъ изъ нихъ словамъ“: *од* вм. *отъ* (Odvaditj—Отводить, Odkop—Откупъ и т. д.), *да* вм. *до* (Da dna—До дна, Daklej—Доколе и т. д.), *per* вм. *при* и *пре* (Pergodnost—Пригодность, Perjatl—Пріятель, Persega—Присяга и т. д.), *res* вм. *раз* (Resdir—Раздоръ, Reswoj—Разбой и т. д.) (стр. 36—37). § 9 отмѣчаетъ отличіе предлога *о*, который „въ нашемъ нарѣчіи“ принимаетъ иногда букву *б* (напр. *омыть* || *обмыть*), а въ „краинскомъ“ „теряетъ оную, и вмѣсто ее повто-

ряетъ ту букву, съ какой сопряженное съ нимъ имя или глаголъ начинается": Ommetam—Обметаю, Okkovati—Оковать, Ollupiti—Облупить, Oggledam—Оглядываю и т. д. (стр. 37). Въ § 10 указывается, что „нѣкоторыя слова въ иномъ нарѣчіи сочиняются съ однимъ, а въ другомъ съ другимъ предлогомъ": Podglavje—Возглавіе, изголовье, Nakluzhenje—Приключеніе, Pokûs—Вкусъ... Predded—Прадѣдъ (отсюда дѣлается выводъ, что нашъ предлогъ *пра* „есть испорченный изъ *предъ* для плавнѣйшаго выговора", стр. 37—38). Въ § 11 приводятся нѣкоторыя слова, употребляемыя „въ одномъ нарѣчіи" съ предлогомъ, а въ другомъ безъ него: Pokladam—Кладу, Vodnik—Проводникъ, Topir—Нетопырь, Vest—Совѣсть и т. д. (стр. 38). § 12 содержитъ примѣры словъ одного корня, отличающихся въ названныхъ языкахъ „окончаніями": Babeza—Бабушка, Pravopisnost—Правописаніе, Bled—Блѣдность, Solniza—Солонка, Kolar—Колесникъ, Gnusoba—Гнусность и т. д. (стр. 38—39). § 13 посвященъ примѣрамъ метатезиса въ словинскомъ: „въ однихъ и тѣхъ же словахъ буквы перемѣшиваются или переставливаются задняя напередъ, какъ то даже въ одномъ и томъ же нарѣчіи случается; напримѣръ мы говоримъ *мраморъ* и *марморъ, бревно* и *берено* и проч.". Примѣры такой „перестановки" въ краинскомъ: Sliza—Лжица, Derva—Дрова, Kerstiti—Крестить, Kert—Кротъ, Kerpke—Крѣпко, Jermen—Ремень, Srebern—Сребрянъ, Solsa—Слеза, Puksha—Пушка и т. д. (стр. 39—41). Въ § 14 находимъ длинный списокъ „сложныхъ словъ", означающихъ одни и тѣ же понятія, но имѣющихъ разный этимологическій составъ, въ родѣ Terdoglavnost—своенравіе, Svejtavednost—Любомудріе, Takrat—Тотъ разъ, тогда, Trenutje ozhes—мгновеніе, Pisana mate—Мачиха и т. д. (стр. 41—42). § 15 представляетъ списокъ словъ одного корня, имѣющихъ разное значеніе въ словинскомъ и русскомъ: Smetena (сметана)—Сливки, Gorniza (горница)—Горное право (Bergrecht), Slat (златъ)—Червонецъ, Sukna (сукно)—Кафтанъ и т. д. (стр. 42—50). По обыкновенію Шишковъ пускается здѣсь въ обычное свое этимологизированіе, большею частью неудачное (*блюдо* оттого, что „края его *блюдутъ*" пищу, *нетопырь*—отъ сокращенія словъ *нѣту перьевъ*, стр. 45, *свободный* отъ *слабый*, черезъ *слабада, ослабодить, слобода* и т. д., стр. 49—50). Какъ правильное сближеніе, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ Tasheti || утишать и утѣшать (стр. 48). Въ § 16 приводятся примѣры особо далекихъ уклоненій значенія нарѣчія отъ языка, „когда вмѣстѣ съ измѣненіемъ предлога и сочиненное съ нимъ слово въ смыслѣ своемъ измѣняется": Perdevk (придавокъ)—Прозвище, Perjasn (пріясенъ)—ласковъ, Perludn (прилюденъ)—учтивъ, вѣжливъ и т. д.

(стр. 50—51). § 17 даетъ списокъ словинскихъ словъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, въ родѣ Aifr—Eifer, Ak—Hacken, Andoht—Andacht, Antverh—Handwerk и т. д. По словамъ нашего патріота, „близость народа къ державѣ говорящей инымъ языкомъ, особливо же когда народъ сей состоитъ подъ областію той державы, принуждаетъ или соблазняетъ его употреблять чужія слова, и чрезъ то дѣлать собственный языкъ свой испорченнымъ и скуднымъ, мѣняя славу изобрѣтенія на безславіе заимствованія у другого“. Наконецъ, послѣдній § 18 содержитъ нѣкоторыя слова, которыя „кажутся быть не Славенскими, но какъ корня ихъ и въ другихъ языкахъ не примѣтно, то можетъ быть онъ Славенскій, но утраченный“. Въ числѣ этихъ словъ имѣются, впрочемъ, несомнѣнно общеславянскія слова, въ родѣ Smuga—черта (которое Шишковъ не рѣшается сопоставлять со *смуглъ*, не видя „между сими двумя понятіями никакой смежности“), streha—стрѣха и т. д. (стр. 52—54).

Въ „заключеніи“ статьи (стр. 54—59) Шишковъ развивалъ свои любимыя идеи объ отношеніи между „языкомъ“ и „нарѣчіемъ“ (см. выше, стр. 587—88). Въ связи съ этими идеями находится и утвержденіе, что приведенный въ началѣ статьи словарь словъ, одинаковыхъ въ обоихъ сравнивавшихся языкахъ, „показываетъ совершенное единство Краинскаго *нарѣчія* (курсивъ нашъ) съ Рускимъ *языкомъ* (тоже), поелику всякое Краинское слово есть чистое Руское, и есть ли бы весь языкъ состоялъ только въ сихъ словахъ, то между языкомъ и нарѣчіемъ не было бы никакой разности“ и т. д. (стр. 54). Сходство славянскихъ нарѣчій между собою и нѣкоторое различіе ихъ другъ отъ друга иллюстрируется разницей русскаго, польскаго и босняцкаго словъ, означающихъ *утку* (польск. kaczka, босн. plovka, родств. русск. *качаться, плавать*), и образчиками чешской, сербской и польской пословицъ, въ которыхъ виденъ „точный нашъ больше или меньше измѣнившійся и нѣсколько иначе употребляемый языкъ“, и замѣтно „единство языка“, „при всей разницѣ нарѣчій“. Сходство между „Славенскимъ языкомъ и его нарѣчіями (Польскимъ, Богемскимъ, Сербскимъ, Вендскимъ и проч.)“ Шишковъ приравниваетъ сходству „между Латинскимъ и его нарѣчіями (Италіянскимъ, Гишпанскимъ, Французскимъ, Англинскимъ, и пр.)“, или „между Нѣмецкимъ и его нарѣчіями (Голландскимъ, Шведскимъ, Датскимъ, и проч.)“ (стр. 57—58).

Какъ бы то ни было, при всей наивности и примитивности пріемовъ сравненія и некритичности въ выборѣ матеріала (подчасъ сомнительнаго), разсмотрѣнная статья Шишкова заслуживаетъ

вниманія историка, какъ первый опытъ сравненія словинскаго языка съ русскимъ, проведенный въ небывало до тѣхъ поръ широкомъ масштабѣ и основанный на обильномъ и совершенно новомъ въ нашей научной литературѣ матеріалѣ [1]).

Новый уставъ „Россійской Академіи", утвержденный Александромъ I 29 мая 1818 г. [2]), ставилъ разработку славянскихъ языковъ въ число постоянныхъ научныхъ цѣлей академіи. Среди намѣченныхъ уставомъ (Глава II, § 1) академическихъ изданій, „служащихъ къ распространенію знанія въ языкѣ" и сочиняемыхъ „съ отличнымъ тщаніемъ, трудолюбіемъ и разсмотрительностію", значились: „d) сводъ славенскихъ нарѣчій", т. е., очевидно, сравнительный словарь славянскихъ языковъ, и h) „Грамматика славенская" [3]). „Избранная библіотека" академіи, въ числѣ „книгъ, наиболѣе относящихся къ языку и словесности", имѣла, согласно уставу (Гл. II, § 8), „собирать всякаго рода азбуки, словари, грамматіки, а особливо всѣхъ славенскихъ нарѣчій, тако жъ на всѣхъ языкахъ Библіи и всякія древнія рукописи" [4]). Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, приложенномъ къ проекту академическаго устава, Шишковъ мотивировалъ введеніе въ уставъ новаго званія почетныхъ членовъ необходимостью вознаграждать заграничныхъ ученыхъ, оказывающихъ ученыя услуги академіи. По словамъ доклада, академіи придется сноситься „со многими славенскихъ нарѣчій профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми", которые станутъ доставлять ей „новыя, достойныя любопытства открытія и свѣдѣнія" „изслѣдованіями и трудами своими о славенскихъ народахъ и языкѣ ихъ, или выписками изъ древнихъ рѣдко встрѣчающихся книгъ" [5]). Въ связи съ этими соображеніями находится и § 8 Главы IX устава, гдѣ устанавливаются награды, сопряженныя со званіемъ почетнаго члена, для иноземныхъ ученыхъ, сообщающихъ академіи „нужныя для ея свѣдѣнія, выписки изъ славенскихъ нарѣчій или изъ древнихъ на иныхъ языкахъ писателей, о славенскихъ народахъ повѣствовавшихъ, или же и свои о томъ разсужденія" и т. д. [6]).

---

[1]) Источникомъ, изъ котораго Шишковъ черпалъ матеріалъ для своихъ сопоставленій, былъ повидимому „Deutsch—windisches Wörterbuch" Гутсманна (Клагенфуртъ, 1789, 4°), Слова, приводимыя Шишковымъ, однако, не всегда переданы имъ точно, а также иногда взяты и изъ какихъ то другихъ источниковъ, имъ тоже не указанныхъ.

[2]) См. Сухомлиновъ, „Исторія Росс. Академіи", вып. VIII, 1887 г., стр. 453

[3]) Тамъ же, стр. 455—456.

[4]) Тамъ же, стр 458.

[5]) Тамъ же, стр. 452.

[6]) Тамъ же, стр. 474—75.

Первымъ изъ славянскихъ ученыхъ, удостоившихся званія почетнаго члена, былъ знаменитый польскій лексикографъ С. Б. Линде, избранный академіею 21 дек. 1818 г. за его „усердіе и трудолюбіе къ распространенію пользъ обширнаго славенскаго языка" [1]). По словамъ оффиціальнаго предложенія Шишкова, въ словарѣ Линде „собраны названія почти всѣхъ Славенскихъ нарѣчій; а потому онъ не только одному Польскому, но и нашему Россійскому языку весьма полезенъ; ибо изъ сличенія многихъ нарѣчій часто открывается корень слова, въ языкѣ нашемъ употребительнаго, тотъ корень, который безъ сего нерѣдко покрытъ бываетъ непроницаемымъ мракомъ, и слѣдственно дѣлаетъ слово сіе пустозвучнымъ, т. е. лишеннымъ первоначальной произведшей оное мысли. Словарь сей полезенъ еще и потому, что показываетъ, какимъ образомъ раздѣленные народы, имѣвшіе одинъ и тотъ же языкъ, почерпали изъ онаго разныя слова для названія одинакихъ предметовъ, каждый по примѣченному имъ особо отъ другаго, въ семъ предметѣ, качеству или свойству. Таковыя разнообразія ума въ названіи вещей могутъ послужить къ обогащенію и лучшему опредѣленію каждаго изъ сихъ нарѣчій, отъ общаго языка происходящихъ, какъ скоро одно изъ нихъ, наполняя свои недостатки, или поправляя свои ошибки, благоразумно воспользуется другими нарѣчіями" [2]).

Какъ видно, Шишковъ смотрѣлъ на заслуги Линде съ своей личной точки зрѣнія, придавая его дѣятельности узкое служебное значеніе на пользу своихъ излюбленныхъ идей.

Дѣятельность Россійской академіи въ направленіи, предначертанномъ пунктомъ d, §§ 1 и 8 главы II новаго ея устава, въ 1818 году не отличалась особой плодотворностью, да ея и напрасно было бы ожидать въ виду личнаго состава этого „ученаго" учрежденія, руководимаго Шишковымъ. Главный предметъ занятій академіи составляло изданіе русскаго словаря въ азбучномъ порядкѣ и излюбленное корнесловіе (см. выше, стр. 989), на практикѣ сводившееся, впрочемъ, къ единоличнымъ усиліямъ ея президента. Впрочемъ, „помышляя такожъ и о Словаряхъ Славенскихъ нарѣчій, служащихъ иногда къ объясненію употребительныхъ въ нашемъ языкѣ вѣтвей, коихъ корни затмились или исчезли, Академія положила купить два представленныхъ ей рукописные Словаря: одинъ Иллирійскій съ Латинскимъ языкомъ, другой Малороссій-

---

[1]) См. письмо Шишкова къ Линде отъ 26 дек. 1818 г. (Записки Шишкова. Берл. изданіе Киселева и Самарина, т. II, 1870, стр. 361).

[2]) „Извѣстія Росс. Академіи", кн. 7, 1819 г., стр. 136.

скій съ Рускимъ (о судьбѣ послѣдняго см. выше, стр. 990—91). Первый, дабы издать оный съ лучшею исправностію и тщаніемъ, поручила она (въ засѣданіи 7 сент. 1818 г.) попеченію господъ членовъ Александра Семеновича Хвостова и Николая Яковлевича Озерецковскаго, съ тѣмъ, чтобъ они къ Латинскому языку присовокупили Руской и помѣстили, гдѣ можно будетъ отыскать, слова другихъ Славенскихъ нарѣчій, и даже языковъ, когда найдется въ нихъ, что они тожъ самое или близкое къ тому названіе употребляютъ“ [1]).

„Иллирійскій“ словарь, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ купленъ въ Прагѣ для академіи за 300 р. [2]) и нынѣ принадлежитъ I отдѣленію библіотеки Имп. академіи наукъ (шифръ 16. 18. 11, Росс. Акад. № 85). Онъ озаглавленъ „Glossarium Illiricum“ и былъ составленъ въ 1766—1769 г., какъ это видно изъ помѣты на рукописи: Coept. m. Augusto 1766. Finit. d. 11 Julii 1769. Кромѣ этой помѣты, рукопись носитъ два эпиграфа, одинъ латинскій стихотворный изъ Скалигера, другой на сербскомъ языкѣ: *Богу хвала. Сваки цезик хвалио господина*“. Словарь содержитъ нѣсколько чистыхъ листовъ и 664 стр. in 4°, исписанныхъ очень мелкимъ и убористымъ, очевидно, европейскимъ почеркомъ. Составителемъ или владѣльцемъ его повидимому былъ нѣкій Нибуръ, какъ это можно заключать изъ заглавія приложенія къ словарю: „Alphabetum Illyricum, charactere Cyrulico, Alphabetum Servianum, Alph. Slavonicum, charactere Slavonico, charactere Glagolitico, falso dictum Hieronymianum; compendia scripturae Glagoliticae, Scripturae compendia Slavonica, Alphabetum Bulgaricum, rogatu D-ni Niebuhr à Sacerdote Bulgaro Scriptum a° D. 1767. Quaedam de pronunciatione literarum Slavonicarum“. На иностранное происхожденіе составителя, кромѣ почерка, указываютъ частыя цитаты изъ нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ, латинскій переводъ сербскихъ словъ и ошибки въ русскихъ словахъ, въ родѣ: море *Гваленское* вм. Хвалынское. Словарь имѣетъ отчасти этимологическій характеръ. При многихъ словахъ приводятся для сравненія еврейскія, халдейскія, сирійскія, арабскія, эпиротскія, гибернійскія, кантабрскія, ареморійскія, греческія эолійскія и дорическія, армянскія, нѣмецкія, датскія, шведскія, исландскія, испанскія, польскія, русскія, полабскія, болгарскія, сербскія, финскія, эстонскія, венгерскія, турецкія, татарскія, коптскія и т. д. слова. Нѣкоторыя изъ этимологій (вообще

---

[1]) Тамъ же, стр. 120—121.

[2]) См. рукописныя „Записки засѣданій Имп. Росс. Акад.“ (Библ. Имп. Ак. наукъ) за 1818 г., № 29, 31 авг. 1818 г.

въ духѣ XVIII в.) не лишены интереса въ историческомъ отношеніи. Кромѣ этого словаря, въ распоряженіе Озерецковскаго и Хвостова былъ данъ находившійся въ библіотекѣ Росс. Академіи печатный сербскій словарь, озаглавленный: „Gazophylacium, seu Latino-Illiricorum onomatum aerarium, selectioribus Synonimis, phraseologiis, verborum constructionibus etc. illustratum. Zagrabiae. 1790“ [1]).

Академія не только сама собиралась составлять словари славянскихъ языковъ, но поощряла и чужіе труды этого рода. Такъ въ засѣданіи ея 30 ноября [2]) читалось письмо учителя Любарскаго повѣтоваго училища Лѣневича отъ 28-го октября, гдѣ тотъ, извѣщая академію о своемъ намѣреніи издать „Россійско-Польскій словарь, къ чему шагъ уже сдѣланъ“, просилъ прислать ему вышедшіе томы азбучнаго словаря академіи, прилагая какъ уплату за нихъ 30 рублей. Собраніе постановило отослать Лѣневичу деньги обратно и отправить ему словарь даромъ, въ виду того, что 1) предпринятый Лѣневичемъ трудъ можетъ быть весьма полезенъ для русскаго языка и 2), что академія считаетъ своимъ долгомъ „поощрять упражняющихся въ сочиненіяхъ на пользу отечественнаго языка и словесности“.

О трудахъ Востокова по славянскому языкознанію до весны 1818 г. мы узнаемъ изъ его письма отъ 18 мая 1818 г. къ предсѣдателю Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., въ которомъ онъ благодарилъ за свое избраніе въ члены общества. Считая долгомъ дать обществу отчетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ, Востоковъ сообщалъ, что главнымъ трудомъ, занимавшимъ его уже нѣсколько лѣтъ, „есть *Словенская Лексикографія и Грамматика*“. Сперва онъ „принялся было за составленіе словопроизводнаго Словаря Словенскихъ нарѣчій (см. о немъ выше, стр. 653—67), по предначертанію Шлецера (въ его: Nordische Geschichte [3]), а также въ *Славинѣ* Добровскаго)“. „Для Церковно-Словенскаго и Русскаго языка почерпалъ“ онъ „матеріалы изъ Словаря Росс. Академіи, для прочихъ языковъ изъ Линдеева *Словника*“, слова котораго привелъ „въ словопроизводный порядокъ, прибирая къ первообразнымъ словамъ Церковно-Словенскаго и Русскаго языка изъ всѣхъ прочихъ діалектовъ первообразныя того же корня, а подъ ними производныя, такимъ же образомъ сравниваемыя по ихъ составу и значенію. Лексикальный запасъ“ свой Востоковъ попол-

---

[1]) См. „Записки засѣданій Имп. Росс. Акад.“ за 1818 г., № 29, 31 авг. 1818 г.

[2]) Тамъ же, записка о засѣданіи 30 ноября 1818 г., № 41.

[3]) Дѣло идетъ, вѣроятно, о примѣчаніи X на стр. 330 названнаго труда Шлецера (Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771).

нилъ всѣми читанными или слышанными имъ словами, которыхъ не находилъ въ словаряхъ. „Пока источники мои, продолжаетъ Востоковъ, ограничивались печатными книгами и наслышкою живаго языка, ревностно занимался я своею лексикографіею, увлеченный заманчивостью сего неголоволомнаго, но изобильнаго открытіями труда, и не обращалъ должнаго вниманія на совѣтъ Шлецера (въ Славинѣ Добровскаго, стр. 386), чтобъ прежде составить *общую сравнительную Грамматику* Словенскихъ нарѣчій, а потомъ уже Словарь. Но когда случай привелъ меня увидѣть старинныя рукописи Словенскія, а также и нѣкоторыя старопечатныя книги, и въ нихъ правописаніе, словоокончанія и обороты во многомъ отличные отъ употребительныхъ въ позднѣйшемъ языкѣ; тогда я убѣдился въ необходимости заняться сперва *Грамматикою*, т. е. изслѣдованіемъ и показаніемъ свойствъ языка и различныхъ его формъ, съ измѣненіями, какимъ подвергались формы сіи въ продолженіи столѣтій, въ Россіи и въ другихъ земляхъ Словенскихъ". Поэтому Востоковъ „оставилъ до времени составленіе самаго Словаря", для котораго, однако, не переставалъ „собирать матеріалы въ надеждѣ когда нибудь возвратиться къ обработанію оныхъ". Напротивъ, „прилѣжно продолжаемое" составленіе „Грамматики Словенской (на первый случай только Церковно-Словенскаго и Русскаго языка, по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ)" Востоковъ надѣялся „кончить не въ продолжительномъ времени", если только будетъ имѣть потребный для того досугъ, зная, что ему необходимо „перечитать и сличить еще множество печатныхъ и рукописныхъ книгъ", прежде чѣмъ станетъ возможно представить публикѣ свои изслѣдованія „въ надлежащей полнотѣ и опредѣлительности" [1]).

Изъ журнальныхъ статей, явившихся въ 1818 г., къ славянскому языкознанію имѣла отношеніе лишь переводная съ нѣмецкаго (изъ „Славянки" Добровскаго): „О древнихъ Славянскихъ названіяхъ 12 мѣсяцевъ", снабженная примѣчаніями Каченовскаго („Вѣстн. Европы" 1818 г., ч. 97, № 4, стр. 283—95). Статья эта содержала рядъ названій мѣсяцевъ не только на старославянскомъ, но и на другихъ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

Слѣды польскаго языка въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" отыскивалъ К. Ѳ. Калайдовичъ въ своемъ разсужденіи о языкѣ названнаго памятника, приходя при этомъ къ заключенію, что его

---

[1]) Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов., ч. XII, 1818 г., стр. 71—74, а также «Переписка А. Х. Востокова» = «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов.», т. V, вып. II, стр. XXIX—XXX.

„нарѣчіе изъ всѣхъ Славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и реченіямъ, болѣе подходитъ къ языку Польскому"(!), будучи въ то же время „чистымъ... Славяно-Русскимъ..." (см. выше, стр. 776—778).

О томъ, какъ смутны были представленія о польскомъ языкѣ въ это время не только у Калайдовича, но даже у В. Г. Анастасевича и И. Н. Лобойка, имѣвшихъ близкія связи и сношенія съ польскимъ обществомъ и, вѣроятно, недурно владѣвшихъ польскимъ языкомъ, видно изъ поднятой послѣдними двумя учеными фальшивой тревоги по поводу замѣченныхъ ими якобы неисправностей въ польскомъ текстѣ Лжедимитріевыхъ актовъ, напечатанныхъ во II части „Собранія Государств. грамотъ и договоровъ". 11 февр. 1818 г. служившій у гр. Румянцова Нестеровичъ писалъ Малиновскому изъ Петербурга, что нѣкоторые изъ тамошнихъ знатоковъ польскаго языка, „какъ то: Анастасевичъ, Лабойковъ и проч., при разсмотрѣніи присылаемыхъ къ Его С—ву бѣлыхъ листовъ II-й части Собр. Госуд. грамотъ, обнаружили сомнѣніе свое на щетъ исправности изданія, или напечатанія Польскаго текста въ Лже-Димитріевыхъ актахъ, и не выгодное о томъ мнѣніе свое внушили и Графу; что, по видимому, не мало смутило Гр., который въ одно время изволилъ даже спросить у меня: „что есть ли замѣчаніе Анаст. и Лаб. справедливо; то можно ли будетъ пособить тому какимъ-либо образомъ?" Нестеровичъ, впрочемъ, „долгомъ почелъ представить Его С—ву невѣроятность справедливости таковаго замѣчанія, присовокупивъ къ тому, что есть ли и упущены въ словахъ ударенія и знаки свойственныя Польскому языку, то, вѣроятно, по строгому соблюденію точности оригинала" [1]).

Вскорѣ послѣ этого, 26 февр., Румянцовъ, „по несчастію своему" не знавшій польскаго языка [2]), писалъ съ своей стороны Малиновскому о мнѣніи Анастасевича, „что въ польскомъ текстѣ при нечатаніи множество вкралося неисправностей", которыя Анастасевичъ „карандашомъ на листахъ, ему переданныхъ, отмѣчалъ". Графъ препроводилъ эти листы Малиновскому, прося его „велѣть сіе обстоятельство повѣрить, и ежели еще можно таковую неудачу поправить" [3]). Малиновскій не замедлилъ представить графу „объясненія на счетъ того, что показалося ошибками въ нечатаніи польскихъ грамотъ", которыя графа „довольно" успокоили [4]). Оказалось, что и Анастасевичъ, и Лобойко въ боль-

[1]) Переписка гр. Румянцова въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс." 1882, кн. 1, стр. 69.

[2]) См. письмо его къ Малиновскому отъ 21 марта 1820 г., тамъ же, стр. 143.

[3]) Тамъ же, стр. 71.

[4]) Тамъ же. стр. 72, письмо Румянцова Малиновскому отъ 7 марта 1818 г.

шинствѣ случаевъ приняли за „неисправности“ разныя особенности старинной польской ороографіи... Предположеніе Нестеровича (см. немного выше) такимъ образомъ оправдалось.

Нѣсколько весьма поверхностныхъ и наивныхъ замѣчаній о славянскихъ языкахъ содержатъ изданныя въ 1818 г. на средства Россійской Академіи и Адмиралтейскаго Департамента [1]) „Записки морского офицера (В. Броневскаго) въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Д. Н. Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ“ (4 ч. Спб. 1818 г., 2 изд. 1836). Академія нашла въ рукописи Броневскаго „любопытныя замѣчанія“, касающіяся между прочимъ „и разныхъ народовъ Славенскаго происхожденія“, и нашла возможнымъ выдать средства на ея печатаніе. Въ первой части книги Броневскаго находятся между прочимъ слѣдующіе образчики и характеристики разныхъ живыхъ славянскихъ языковъ и діалектовъ, слышанныхъ ея авторомъ. На стр. 165 приводится образчикъ Бокезской рѣчи: „*Не страшитеся* (такъ!) *братико то су наши мошкови* [русскіе]“. Ниже находимъ характеристику самого Бокезскаго нарѣчія: „Бокезцы говорятъ Словянскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ италіянскими словами“ (стр. 229). Черногорцы, по словамъ автора, „сохранили въ полной чистотѣ (?) коренной Словянскій языкъ. Выговоръ ихъ мягче и пріятнѣе нежели Сербовъ, Кроатовъ и Далматовъ, ибо первые мѣшаютъ Словянскія слова съ Турецкими, вторые съ Нѣмецкими, а послѣдніе съ Италіянскими. Пишутъ они церковными буквами“ (тамъ же, стр. 249—50). На стр. 265, 283 и 329 приводятся также образчики и рѣчи черногорцевъ: „*Тако Владыка заповѣда*“; „*скачи горѣ! скачи коло!*, то-есть скачи выше“, и „*копситъ* (?) *поганыхъ Дубровниковъ, удритъ главы пасьей виры*“, то-есть бить Рагузинцевъ и Французовъ“. Какъ видно, всѣ эти образчики по точности немногимъ выше примѣровъ изъ разныхъ языковъ, приводимыхъ въ нашихъ азбуковникахъ и алфавитахъ XVII в. (см. выше, стр. 169).

Тому же Броневскому принадлежитъ „Путешествіе отъ Тріэста до С.-Петербурга, въ 1810 году“, изданное лишь въ 1828 г. (Москва, 2 ч. 8°) по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I. Авторъ и здѣсь по временамъ касается слышанныхъ имъ славянскихъ языковъ. Такъ, по его словамъ, „Краинцы [т.-е. словинцы] говорятъ Словянскимъ языкомъ, испорченнымъ Нѣмецкими и Италіянскими словами, смотря по тому, къ которой границѣ они живутъ ближе; однако же наши люди понимали ихъ

[1]) См. «Извѣстія Росс. Академіи», кн. 7, 1819 г., стр. 130—131.

безъ затрудненія“ (ч. I, стр. 28). Одинъ изъ этихъ „краинцевъ“ отвѣчалъ нашему путешественнику такимъ „испорченнымъ Словянскимъ языкомъ, что нужно было съ великимъ вниманіемъ прислушиваться и ловить слова“, лишь „изрѣдка внятныя“. Въ концѣ концовъ авторъ разсердился на „безтолковаго“, отъ котораго нельзя было „добиться смысла“, и рѣшился „послѣдовать строгимъ правиламъ монаховъ Святаго Бруно—молчать и терпѣть“ (стр. 222—23). Своей вины въ этомъ лингвистическомъ недоразумѣніи онъ, очевидно, не сознавалъ...

Довольно значительное впечатлѣніе сдѣлало у насъ извѣстное „открытіе“ въ 1817 г. „Краледворской рукописи“, изданной въ 1819 г. Ганкой. Румянцевъ, посылая ея изданіе Малиновскому въ Москву, писалъ ему 24 янв. 1819 г.: „Недавно въ Богеміи отысканные остатки древнихъ ихъ стихотвореній, которыя г. Думбровскій (!), то есть, рукопись ихъ полагаетъ быть конца XIII, или самаго начала XIV вѣка; мнѣ сіе открытіе кажется важнымъ, и надѣюсь, что васъ займетъ пріятнымъ образомъ; оно не чуждо намъ русскимъ не по одному сходству языковъ; пожалуйте, допустите г. Калайдовича сію книжку прочесть“ [1]). Экземпляры изданія канцлеръ послалъ и нѣкоторымъ другимъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, въ томъ числѣ Евгенію Болховитинову. Въ своемъ письмѣ къ послѣднему (отъ 8-го марта 1819 г.) Румянцевъ называлъ данный памятникъ „лирическими сочиненіями на Славенскомъ языкѣ, недавно отысканными при церкви Кенигговской“. По его словамъ, „время ихъ ученый Добровскій не опредѣляетъ, а почитаетъ, что сама рукопись, въ которой онѣ внесены, не позже писана, какъ между 1290 и 1310 годами. Сіе собраніе не только какъ древнѣйшій памятникъ словесности и какъ любопытное и искусное піитическое твореніе большого вниманія достойно; но мнѣ кажется, что одна изъ важныхъ его для насъ будетъ польза та, что можно будетъ возстановить настоящій смыслъ многихъ древнихъ русско-славенскихъ словъ“ [2]).

Евгеній, благодаря графа за этотъ подарокъ, присланный въ числѣ другихъ „прекрасныхъ изданій“, такъ отвѣчалъ ему 21 марта 1819 г.: „Чешскія стихотворенія, есть-ли только справедливо о времени списка ихъ замѣчаніе Добровскаго, также драгоцѣнная древность для Славянъ. Они очень понятны и для

---

[1]) „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1882 г., кн. I, стр, 101.

[2]) «Переписка митрополита Кіевскаго Евгенія и т. д.». Выпускъ I. Воронежъ, 1868, стр. 16.

для насъ по близости, бывшей еще въ древнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ“ [1]).

Другой протеже графа—Я. О. Пожарскій, получивъ отъ него „для сличенія съ Россійскими древними сочиненіями“ только что изданную „Царедворскую“ рукопись и желая „показать сходство двухъ древнихъ (?) языковъ“ („богемскаго“ и русскаго), напечаталъ въ „Трудахъ Высоч. утвержд. вольнаго Общества Люб. Росс. Слов.“ (1819 г., ч. VI, стр. 223—25) „Примѣръ сходства древняго богемскаго нарѣчія съ древнимъ русскимъ нарѣчіемъ“. „Примѣръ“ этотъ сводился къ тому, что авторъ, не мудрствуя лукаво, переписалъ „не Богемскими, но Русскими буквами“ два отрывка изъ произведенія Ганки, рядомъ съ русскимъ переводомъ. Для образчика приводимъ начало обоихъ:

Роже.	Роза.
Ахти роже красна роже	Ахъ ты, роза, красна роза!
Цѣ зранѣ розкветла	За чѣмъ рано разцвѣла,
Розкветавши помрзла	Разцвѣтши, померзла,
Помрзавши усвѣдла	Померзши, увяла,
Усвѣдевши опадла	Увядши, опала.
Вецѣръ сѣдѣхъ длуго сѣдѣхъ	Вечеръ сидѣла, долго сидѣла,
До куропѣнія сѣдѣхъ	До пѣтуховъ сидѣла,
Нацъ [2]) дождати неможехъ	Дождать не могла,
Всѣ дресѣги (!) лучки сежегъ и т. д.	Всю лучину сожгла и т. д.

Второй отрывокъ (Зезгулице — Кукушка) транскрибированъ въ этомъ же вкусѣ:

Вширѣ поли дубецстои (такъ!)	Въ широкомъ полѣ дубочикъ стоитъ и т. д.

Какъ видно изъ этихъ транскрипцій, Пожарскій не имѣлъ понятія о чешскомъ произношеніи и въ большинствѣ случаевъ просто ставилъ на мѣсто латинскихъ буквъ соотвѣтствующія русскія.

Ссылки на Краледворскую рукопись, сравненія съ польскимъ (довольно удачныя) и другими славянскими языками находимъ у того же Пожарскаго въ примѣчаніяхъ къ знакомому уже намъ его переложенію Слова о П. Игоревѣ (см. выше, стр. 844).

Другое выдающееся явленіе въ тогдашней скудной литературѣ славянскаго языкознанія—появленіе сербскаго словаря Вука Караджича (1818 г.)—также отразилось въ нашихъ ученыхъ

[1]) Тамъ же, стр. 18.
[2]) Такъ! Въ оригиналѣ nic.

кружкахъ. Румянцовъ, посылая экземпляръ его Малиновскому, писалъ своему сотруднику 24 февр. 1819 г.: „Позвольте мнѣ, Милостивый Государь мой, внести въ библіотеку Вашу *новоизданный Сербскій Словарь*; сочинитель его самъ здѣсь (въ Петербургѣ), и среди своего народа мѣсто отличное, какъ ученый, занимаетъ“ [1]). Экземпляръ словаря былъ посланъ графомъ также Евгенію Болховитинову, который, благодаря Румянцова за присылку этого „прекраснаго изданія“, такъ писалъ нашему меценату 19 марта 1819 г.: „Сербскій Словарь, въ проѣздъ автора чрезъ Псковъ, я самъ купилъ у него и теперь свой экземпляръ отдамъ въ Семинарскую библіотеку, а пожалованный Вашимъ Сіятельствомъ оставлю въ своей. Это прекрасное руководство къ Сербскому языку, сродинку нашему, но временемъ далеко уже отчужденному“ [2]).

Журналы наши также отмѣтили появленіе знаменитаго лексическаго труда Караджича, а попутно и другихъ его болѣе раннихъ научныхъ работъ по сербскому языку. Такъ „Вѣстникъ Европы“ (1819 г., ч. 105, стр. 238—39) помѣстилъ коротенькое извѣстіе о томъ, что Вукъ Стефановичъ въ 1814 г. издалъ *первую* сербскую грамматику и собраніе сербскихъ народныхъ пѣсенъ и, кромѣ того, „недавно“ напечаталъ словарь того же языка съ лат. и нѣм. переводомъ. Авторъ замѣтки (вѣроятно самъ Каченовскій) прибавлялъ: „Надѣемся въ скоромъ времени дать свѣдѣніе о Словарѣ *Вука Стефановича*, и сообщить нѣкоторыя любопытныя выписки касательно обычаевъ Сербскаго народа“.

Подобное же извѣстіе о сербской грамматикѣ, пѣсняхъ и „Рѣчникѣ“ знаменитаго сербскаго патріота-ученаго явилось въ „Трудахъ Высочайше утвержд. вольнаго Общества Люб. Росс. Слов.“ (1819 г., ч. VI, стр. 226—28). Въ примѣчаніи на стр. 228—29 сообщалось, что авторъ трудовъ находится какъ разъ въ это время въ Петербургѣ, занятый переводомъ Библіи на сербскій языкъ, а въ замѣткѣ указывалось, что работы Караджича отвѣчаютъ на одно изъ завѣтнѣйшихъ желаній покойнаго А. Л. Шлецера. По словамъ анонимнаго автора замѣтки, Шлецеръ имѣлъ „весьма глубокія познанія“ въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ и много для нихъ сдѣлалъ. Его дѣятельность, однако, была бы еще плодотворнѣе, если бы онъ имѣлъ сотрудниковъ. „Какъ усердно умолялъ Шлецеръ въ своемъ Несторѣ о сочиненіи

---

[1]) «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1882 г., кн. 1, стр. 104.

[2]) «Переписка митроп. Кіевскаго Евгенія и т. д.». Вып. I, Воронежъ. 1868, стр. 18.

Грамматики и Словаря на Сербскомъ народномъ языкѣ!“ Но ему не суждено было видѣть первой сербской грамматики, которая вышла лишь пять лѣтъ спустя послѣ его смерти († 1809 г.). Вмѣстѣ съ грамматикой (1814 г.) явилась и первая часть „Сербскихъ пѣсенъ“, черезъ годъ—вторая, а затѣмъ и Сербскій Рѣчникъ. О содержаніи словаря давалось нѣкоторое представленіе, и въ заключеніе высказывалось пожеланіе, чтобы „сочиненіе сего Сербскаго литератора подвержено было здравой критикѣ и послужило многимъ какъ къ изученію сего языка, такъ и къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ письменныхъ памятниковъ Сербскаго народа, сохранившихся до нашихъ временъ“ (нужно помнить, что теорія Добровскаго и Каченовскаго о сербскомъ происхожденіи церковнославянскаго языка еще держалась въ это время).

Конечно, интересъ къ трудамъ Караджича поддерживался его личнымъ пребываніемъ въ это время въ Россіи. Лѣтомъ 1819 г. (въ іюнѣ) съ нимъ завязалъ особо тѣсныя сношенія К. Ѳ. Калайдовичъ, сблизившійся и подружившійся съ сербскимъ ученымъ, который подарилъ нашему филологу списокъ трехъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ вопросахъ лингвистическаго характера [1]).

Въ томъ же году возобновились сношенія Шишкова (на этотъ разъ письменныя) съ знаменитымъ Добровскимъ [2]). 21 іюля 1819 г. нашъ „славенофилъ“ отвѣчалъ чешскому слависту на его „пріятное писаніе“, извѣщая его о полученіи чрезъ гр. Румянцова „любопытной книги *Rukopis Kralodworský*“ и благодаря за обѣщаніе прислать и ему экземпляръ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шишковъ извѣщалъ Добровскаго, что „Россійская Академія, для пользы языка своего, старается издать словари всѣхъ славенскихъ нарѣчій“ и за научныя заслуги „сдѣлала господина Линде своимъ почетнымъ членомъ“. Письмо выражало надежду, что въ виду немалыхъ трудовъ Добровскаго „по сей части“, и онъ будетъ также почтенъ тѣмъ же званіемъ, первый шагъ для чего долженъ былъ сдѣлать самъ Добровскій, прославъ академіи какія нибудь книги или „рукописныя примѣчанія“. Сообщая о своемъ

---

[1]) См. «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1862 г., кн. III, стр. 60, и статью самого Калайдовича о «Слав. переводѣ Кормчей» («Вѣстникъ Европы», 1820 г., ч. 110, стр. 30).

[2]) Личныя сношенія Шишкова съ Добровскимъ, во время которыхъ оба «проводили время въ разговорахъ о славенскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ», завязались еще въ сентябрѣ и октябрѣ 1813 г. во время пребыванія Шишкова въ Прагѣ (см. Записки Шишкова. Берл. изданіе Киселева и Самарина, ч. I. 1870, стр. 220—21 и 360).

переводѣ рѣчи проф. „Негедли“ (Неѣдлаго), уже напечатанномъ въ „Извѣстіяхъ“ Росс. акад., Шишковъ указывалъ на этотъ фактъ, свидѣтельствовавшій, „что Росс. Академія охотно пріемлетъ труды и сочиненія на другихъ славенскихъ нарѣчіяхъ, и почитаетъ ихъ какъ бы своими“. Тутъ же сообщалъ онъ о своемъ желаніи прислать начальникамъ „богемскихъ училищъ“ вышедшіе выпуски академическихъ „Извѣстій“, „въ которыхъ о всѣхъ славенскаго языка корняхъ и нарѣчіяхъ разсуждается, и которыя не только богемскому нарѣчію, но можетъ быть и нѣмецкому языку могли бы быть полезны“. Характерно правописаніе имени Караджича, о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Шишковъ, называющій его почему то здѣсь и въ другихъ письмахъ *Вугъ* (!) Стефановичъ [1]). Добровскій отвѣчалъ на это письмо уже въ 1820 г.

Изданіе „словарей всѣхъ славенскихъ нарѣчій“, о которомъ говоритъ здѣсь Шишковъ, подвигалось, однако, туго. Въ отчетѣ о дѣятельности Россійской Академіи за 1819 г. встрѣчается лишь краткое упоминаніе (пунктъ 6), что академія „о изданіи Словарей Славенскихъ нарѣчій, какъ-то: Иллирійскаго, Малороссійскаго и другихъ... помышлять не престаетъ“ [2]). Въ рукописныхъ запискахъ о засѣданіяхъ Росс. академіи (Библ. Имп. акад. наукъ) находимъ еще нѣсколько данныхъ о работахъ ея въ этомъ направленіи. Такъ въ протоколѣ № 4 о засѣданіи 25 января 1819 г. значится, что Озерецковскій 11 января 1819 г. представилъ въ академію первую половину переработаннаго имъ „Иллирійскаго“ словаря (буквы А—О). По представленію товарища Озерецковскаго по изданію, А. С. Хвостова, и съ согласія Президента академіи А. С. Шишкова, рѣшено было, „для соблюденія единообразія“ при обработкѣ словаря, поручить Озерецковскому изданіе и остальной половины ея, которая и была представлена имъ въ засѣданіи академіи 22 марта 1819 г. (см. протоколъ этого засѣданія въ „Запискахъ засѣданій Росс. Академіи“ за этотъ годъ, № 11). Рукопись словаря была взята Шишковымъ „для просмотрѣнія“, но такъ и не увидѣла свѣта въ печати. Она находится теперь въ рукописномъ отдѣлѣ перваго отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ (шифръ 1, 3, 41) и носитъ заглавіе „Словарь Иллирійскаго языка, съ Латинскимъ и Россійскимъ, принадлежащій Росс. Академіи“ (см. Каталогъ 1840 г., № 102). Всего въ ней 396 листовъ въ листъ, писанныхъ по свидѣтельству Сухомлинова [3]), почти сплошь рукою

---

[1]) Записки Шишкова. Берл. изданіе. Часть II, стр. 371.
[2]) «Извѣстія Росс. Академіи», кн. 8, 1820 г., стр. 21.
[3]) «Исторія Россійской Академіи», вып. II, стр. 383—384.

Озерецковскаго, который вписалъ также русскія слова и сдѣлалъ исправленія въ немногихъ листахъ, писанныхъ не его рукою. Нѣсколько примѣровъ изъ этого словаря приведено Сухомлиновымъ въ его „Исторіи Росс. Академіи" (т. II, 384). Передѣлка Озерецковскаго основана главнымъ образомъ на вышеупомянутомъ (стр. 1181) рукописномъ словарѣ, купленномъ Росс. академіей въ Прагѣ, и представляетъ его сокращеніе съ опущеніемъ всѣхъ этимологическихъ сближеній подлинника.

Востоковъ въ 1819 г. работалъ надъ своимъ знаменитымъ „Разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ", которое къ началу 1820 г. было совсѣмъ готово (см. выше, стр. 778 и слѣд., 782). Совершенной новизной являлось здѣсь подробное и небывалое по точности и тщательности сравненіе звуковъ церковнославянскаго языка со звуками другихъ славянскихъ языковъ, давшее такіе блестящіе результаты въ отношеніи „юсовъ". Особенно подробное сличеніе находимъ здѣсь по отношенію къ польскому языку, но имѣются также указанія и на полабскій, болгарское смѣшеніе „юсовъ", близость „крайнскаго", (т. е. словинскаго) языка X в. къ церковнославянскому, иллюстрированную цитатами изъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, сходство древнечешскаго (по „Краледворской" рукописи) съ древнерусскимъ, близость другъ къ другу сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ „Богемскаго, Польскаго и Лузатскаго", сравнительно съ бо́льшими взаимными отличіями „діалектовъ Русскаго, Сербскаго, Хорватскаго". Приводится и подвергается нѣкоторой критикѣ классификація славянскихъ языковъ Добровскаго; затрогивается исторія ъ и ь у разныхъ славянъ: „Богемцевъ, Сербовъ, Далматинцевъ, Болгаръ"; при разсмотрѣніи формальнаго строя церковнослав. языка дѣлаются нерѣдко ссылки на слав. языки (напр., относительно причастныхъ формъ и супина), разсматривается и, на основаніи языковыхъ данныхъ, отвергается теорія о сербскомъ источникѣ церковнослав. языка и т. д.,—однимъ словомъ затрогивается цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, съ небывалой до сихъ поръ у насъ самостоятельностью, глубиной и оригинальностью пріемовъ. Такимъ образомъ появленіе Востоковскаго разсужденія должно быть отмѣчено и въ области славянскаго языкознанія у насъ, какъ событіе первостепенной исторической важности. Передъ нимъ блѣднѣетъ все немногое остальное, что было сдѣлано у насъ въ данной области въ 1820 г.

Шишковъ въ 1820 г. продолжалъ свои письменныя сношенія съ Добровскимъ и завязалъ ихъ съ Ганкой. Добровскій отвѣчалъ Шишкову (11 февр. 1820 г.) на упомянутое уже выше (стр. 1189)

письмо послѣдняго отъ 21-го іюля 1819 г. Знаменитый чешскій ученый обѣщаетъ прислать всѣ свои сочиненія по славянской филологіи „въ Имп. Россійскую Академію, или прямо къ ея достойному президенту“. Академію онъ величаетъ „знаменитой“ и усматриваетъ изъ ея „Извѣстій“, что она „ежедневно пріобрѣтаетъ большій блескъ“. Тѣмъ не менѣе Добровскій предоставляетъ себѣ „впредь написать нѣкоторыя замѣчанія“ на критическія статьи „Извѣстій“, „дабы по крайней мѣрѣ подать поводъ къ строжайшему разобранію нѣкоторыхъ пунктовъ“. Большую часть письма Добровскій посвящаетъ строгой, но справедливой критикѣ разныхъ лингвистическихъ комментарій Я. О. Пожарскаго къ его переложенію Слова о П. Игоревѣ (см. о немъ выше, стр. 844). Въ заключеніе Добровскій сообщаетъ о ходѣ печатанія русской грамматики Пухмайера, расположенной по образцу его „богемской грамматики“, и обѣщаетъ прислать экземпляръ ея академіи, „ибо сочинитель самъ ничего столько не желаетъ, какъ видѣть, чтобы трудъ его былъ разобранъ и подвергнутъ сужденію столь просвѣщеннаго общества, дабы со временемъ можно было согласиться въ образцѣ, по коему должны быть расположены всѣ грамматики прочихъ славенскихъ нарѣчій“ [1]).

Немного спустя, въ засѣданіи Росс. академіи 6 марта 1820 г. Добровскій и Нѣдлый были избраны въ почетные члены академіи [2]). Извѣщая объ этомъ Добровскаго, Шишковъ писалъ ему между прочимъ (18 марта 1820): „Академія, признавая дарованія ваши и труды къ обогащенію славенскаго языка, надѣется пріобрѣсти въ васъ полезныхъ себѣ сотоварищей и сотрудниковъ. Знаніе славенскаго языка нужно для ученыхъ людей всѣхъ народовъ. Они найдутъ въ немъ многіе корни и начала своихъ языковъ“. Обѣщаніе Добровскаго прислать замѣчанія на корни словъ, объясняемые въ академическихъ извѣстіяхъ, наполняетъ Шишкова „величайшимъ удовольствіемъ“, и онъ выражаетъ желаніе, „чтобъ и другіе господа Богемцы, знающіе славенскія нарѣчія, потрудились надъ симъ достойнымъ вниманія предметомъ. Дѣло сіе сколько ново и трудно, столько же и полезно“. Далѣе Шишковъ пускается въ изложеніе своего словопроизводственнаго метода, на которомъ „долженъ основываться словопроизводный или *этимологическій* словарь“, извѣщая, кромѣ того, что посылаетъ Добров-

---

[1]) См. Записки Шишкова, Берлинское изданіе Киселева и Самарина, ч. II. 1870 г., стр. 372—76.

[2]) См. «Извѣстія Росс. Академіи», кн. 9, 1821 г., стр. 2—3 и Записки засѣданій Росс. Акад. за 1820 г., № 9.

скому опытъ такого словаря: *„Деревья словъ или корни языка съ извлеченными изъ нихъ колѣнами и вѣтвами“*. По словамъ Шишкова, „въ семъ сочиненіи“, напечатанномъ „единственно для опыта и такъ сказать собственно для Академіи (въ продажу оно не поступало), разсмотрѣно только три корня, изъ которыхъ послѣдній *кр* произвелъ 132 колѣна и 2363 вѣтви“. Въ заключеніе письма Шишковъ говоритъ: „Я бы очень желалъ, чтобъ господа ученые Богемцы и Нѣмцы вошли въ разсмотрѣніе сего предлагаемаго мною плана словаря, нужнаго для всѣхъ языковъ, и удостоили меня своими замѣчаніями“ [1]). Такимъ образомъ Шишковъ хотѣлъ заставить служить своему корнесловію славянскихъ и другихъ европейскихъ ученыхъ. Надежды эти, конечно, не оправдались. Шишковъ не выносилъ критики и иного образа мысли, чѣмъ его собственный, а заграничные ученые, при всемъ младенчествѣ тогдашней науки, не могли стать его единомышленниками.

Слѣдующее письмо Шишкова къ Добровскому, писанное черезъ полгода слишкомъ (9 окт. 1820 г.), очень сухо и свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ охлажденіи нашего пылкаго „славенофила“ къ знаменитому чешскому слависту. Извѣщая Добровскаго о полученіи посланныхъ имъ книгъ и его письма, „на которое, по причинѣ разныхъ обстоятельствъ, не могъ скоро отвѣчать“, Шишковъ пишетъ: „За примѣчанія ваши на нѣкоторыя слова въ Академическихъ Извѣстіяхъ я также вамъ благодаренъ, хотя во многомъ различно съ вами думаю. Въ словопроизводствѣ не такъ легко доискиваться до истины, и потому-то мнѣнія не могутъ быть одинаковы“ [2]).

Ганка первый вступилъ въ переписку съ Шишковымъ. Прослышавъ, что его Краледворская рукопись будетъ помѣщена въ „Извѣстіяхъ Росс. Академіи“, Ганка писалъ ея президенту 8 (20) мая 1820 г.: „вѣсть та наполнила духа моего радостію и восхищеніемъ, особливо когда помню, что Славянскіе Народы начинаютъ уже языки свои между собою уважать. Имѣю же крѣпкое довѣреніе, что упомянутая Рукопись щастливѣе понята и истолкована будетъ, нежели оныхъ немножко мѣстъ, которыя г. Пожарскимъ въ его изданіи Слову о полку Игоревѣ наведены были. Не понимаю какъ ему на умъ спасть могло, чтобъ росс. буквами староческія слова писать, не зная ихъ настоящаго изговора... Но когда бы г. Пожарскій на мое противустоящее возобновленіе свои глаза обратилъ, никакбы возможно не было тако погрѣшить“... [3]). Кромѣ

[1]) См. Записки Шишкова. Берл. изданіе. Ч. II. 1870 г., стр. 376—79.
[2]) Тамъ же, стр. 379—80.
[3]) Тамъ же, стр. 388—89.

того, Ганка прислалъ Академіи четыре книжки своихъ „Starobyla skladanie“, причемъ былъ награжденъ серебр. медалью „за трудолюбивое попеченіе о собираніи всего древняго по Чехской словесности, толь близкой съ Славенскимъ языкомъ“ [1]).

Перепечатка Краледворской рукописи, которая такъ обрадовала Ганку, явилась въ 8-й книжкѣ „Извѣстій Росс. Академіи“ (1820 г., стр. 47—215). И тутъ, какъ у Пожарскаго, не обошлось безъ нѣкоторыхъ фатальныхъ недоразумѣній, дающихъ себя знать уже на заглавномъ листѣ (стр. 47), гдѣ читаемъ не только по чешски: wydan od Waklawa Hanky wpraze, но и по русски: *издана Вакла-вомъ Ганкою* (!). Параллельно съ текстомъ былъ напечатанъ русскій переводъ самого Шишкова [2]). Изданію предпослано „Предувѣдомленіе“, изъ котораго узнаемъ, что оригинальное изданіе даннаго „памятника“ было „сообщено“ въ Росс. Академіи гр. Н. П. Румянцовымъ. Кромѣ длинной цитаты изъ „Повѣствованія о Богемскомъ языкѣ и словесности“ Добровскаго и исторіи „открытія“ рукописи (со словъ Ганки), мы находимъ здѣсь слѣдующія указанія на значеніе ея: „Сіе открытіе Г. Ганки столько-же и для нашей словесности полезно, сколько и для Чехской или Богемской, по той причинѣ, что языкъ въ сей старинной рукописи есть почти чистый нашъ языкъ. Затрудненіе понимать оный наводитъ токмо слитность Латинскихъ буквъ различно произносимыхъ и ни какими строчными знаками не раздѣленныхъ: но совсѣмъ тѣмъ слово о полку Игоревѣ темнѣе для насъ, нежели сія Богемская рукопись“ (стр. 50—51). О своемъ переводѣ издатель говоритъ, что, работая надъ нимъ, не старался „дать плавность и чистоту слогу“; но стремился болѣе „показать близость сего старинкаго Богемскаго языка съ общимъ у насъ съ ними языкомъ Славенскимъ, отколѣ усмотримъ, что естьли бы всѣ происходящія отъ онаго нарѣчія имѣли, какъ мы, Славенскія буквы, то въ произношеніи словъ, и даже въ самыхъ Грамматическихъ правилахъ не было бы почти никакой разности, а была бы оная токмо въ словахъ общихъ языку, но подъ которыми часто въ одномъ нарѣчіи разумѣется, хотя и смежное нѣчто, однако жъ различное отъ другаго, какъ мы то въ прилагаемыхъ при сихъ повѣстяхъ подъ каждымъ необыкновеннымъ намъ словомъ примѣчаніяхъ яснѣе увидимъ“ (стр. 51—52). Какъ видно, Шишковъ и тутъ остался вѣренъ и самому себѣ, и своей

---

[1]) «Записки засѣданій Росс. Академіи» за 1820 г., № 38, 16 октября.

[2]) См. Записки засѣданій Росс. Академіи 1820 г., № 5, 31-го января, № 8, 28-го февраля, № 11, 20-го марта и № 13, 17 апрѣля, въ которыхъ Шишковъ читалъ свой переводъ.

idée fixe о тожествѣ отдѣльныхъ слав. „нарѣчій“ со „Славенскимъ языкомъ“. Къ каждой отдѣльной пѣснѣ приложены лингвистическія объясненія отдѣльныхъ словъ и выраженій чешскаго текста, въ общемъ довольно удачныя для того времени вообще и для Шишкова въ частности.

Сближенія дѣлаются главнымъ образомъ съ русскимъ языкомъ, гораздо рѣже встрѣчаются ссылки на польскія формы, а еще рѣже на „многія Славенскія нарѣчія“. Другіе отдѣльные славянскіе языки не привлекаются совсѣмъ къ сравненію, если не считать одной ссылки на „босняцкій“ (стр. 70). Характерно то обстоятельство, что и примѣчанія, и переводъ были сдѣланы Шишковымъ на основаніи нѣмецкаго стихотворнаго перевода и созвучія чешскихъ словъ съ русскими, безъ помощи какого либо „Богемскаго словаря“, за отсутствіемъ котораго онъ нѣкоторыхъ словъ не могъ „выразумѣть“ (см. напр. стр. 106 и 183), въ томъ числѣ такихъ, какъ drbiti = musiti (стр. 183). Сопоставленія довольно удачны тамъ, гдѣ дѣло было просто, какъ напр.: kam || камо, куда, sie sniechu || снялися, съемъ, суемъ, сеймъ; chuata || хватать (стр. 58), kolem || коло, колесо (стр. 60), pokrocise || krok, польск. kroczak (стр. 60), korzni || корзны (стр. 61), uitrze || выторгнетъ (стр. 69), wstaua || встаетъ (стр. 70), litku || лытки (стр. 72), hemzechu || „гомозиху“ (стр. 101), smahse || смага, осмягли губы (стр. 102) и т. д. Рядомъ, разумѣется, найдется немало наивностей и нелѣпыхъ этимологій въ обычномъ Шишковскомъ родѣ: se wsiu chasu suoiu толкуется—„со всею *хазою* своею“. „*Se* есть наше *со* или *съ*; буква *e* часто замѣняетъ у нихъ нашу *о*, а буква *u* выговаривается иногда какъ наше *у*, иногда же какъ наше *в*. Chasa собственно значитъ домъ, изба, откуда... *хозяинъ*, *хозяйство*, *хижина* (!). Отсюду же Нѣмецкое *haus*, Латинское *casa* и пр.“ (стр. 59). На дѣлѣ чешск. chasa = чернь, челядь и не имѣетъ ничего общаго ни съ *хозяинъ*, ни съ нѣм. Haus, лат. casa. Чешское ř, изображаемое въ Краледв. „рукописи“ посредствомъ rs, вызываетъ у Шишкова такое разсужденіе: „Замѣтимъ здѣсь... что буква *s*, вмѣшиваемая толь часто въ Польскихъ словахъ, и въ семъ Старобогемскомъ языкѣ употребляемая, въ Новобогемскомъ правописаніи выбрасывается, и чрезъ то нарѣчіе возвращается къ чистотѣ источника своего Славенскаго языка“ (стр. 59). Соотвѣтствіе чешск. kuetow русскому *цвѣтовъ* объясняется такъ: „Во многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ слово *цвѣтъ* говорятъ и пишутъ *квѣтъ*, вѣроятно по той причинѣ, что иностранная (?) буква *c* выговаривается иногда какъ *ц*, иногда какъ *к*“ (стр. 70). Какъ хаотичны были „знанія“ Шишкова, свидѣтельствуетъ замѣчаніе, вызванное стихомъ: Wstase

dcersiedle taterska chama (стр. 94): „Иностранныя буквы различно произносимыя, какъ то: *u* иногда за *у*, иногда за *в*; *s* иногда какъ *ш*; *z* иногда какъ *з*, иногда какъ *ж*; *c* иногда какъ *ц*, иногда какъ *ч*, или какъ *щ* (?); *ie* иногда за *іе*, иногда за *е*, иногда за *ѣ*; *iu* за *ю*, и проч.—также и слитность вмѣстѣ разныхъ словъ безъ наблюденія строчныхъ знаковъ, мѣшаютъ разбирать смыслъ; но впрочемъ при нѣкоторомъ вникании тотчасъ можно видѣть близость нарѣчія къ истому Славенскому языку". По поводу слова *звѣзда* говорится (стр. 96): „Трудно добраться, почему наше слово *звѣзда*, во многихъ (?) Славенскихъ нарѣчіяхъ пишется и произносится *hwezda*. Измѣненіе буквы *з* въ *г*, или *г* въ *з*, весьма необыкновенно. Одно (звѣзда) приближаетъ слово сіе къ словамъ *свѣтъ зда*, т. е. неба (ибо *здо* значило кровлю дома, и потому легко могло быть отнесено къ небу, яко общему всего покрову). Другое *hwezda* въ множ. *hwezdi* подходитъ къ слову *гвозди*, которое также могло подать мысль къ уподобленію сихъ небесныхъ свѣтилъ гвоздямъ; ибо оныя дѣйствительно не иначе кажутся намъ, какъ свѣтлыми воткнутыми въ небо гвоздями. Первое названіе могъ дать ученый человѣкъ, другое простолюдинъ". На стр. 97 Шишковъ находитъ, что „кажется въ составѣ Богемскаго слова *kuzelnik* участвуетъ слово *зеліе*, т. е. злакъ, трава; а въ нашемъ *кудесникъ* можетъ быть буква *ч* измѣнилось въ *к*". Тамъ же Краледворское *Swiczise* побѣдила объявляется „единокореннымъ" не только съ нашимъ *витязь*, но и съ лат. vinco, vici, итал. vincere, victoria, фр. vaincre, vainqueur, нѣм. überwinden и проч. (!). Относительно чеш. helmice Шишковъ замѣчаетъ (стр. 98—99): „Слово *helm* (уменьшительно *helmice*) кажется быть Нѣмецкое *helm*: но въ подобныхъ случаяхъ не надлежитъ смотрѣть на единство буквъ, а на первоначальное понятіе, симъ словомъ выражаемое. На многихъ языкахъ (?) имѣетъ оно одинакое названіе, и едва ли не всѣ оныя происходятъ отъ Славенскаго слова *холмъ*, по уподобленію сего носимаго воинами на головѣ покрова съ видимыми на поляхъ или на вершинахъ горъ холмами (!?) или холками".

Удачно зато сближено sorse = чеш. s oře (oř конь) съ нѣм. ross, англ. horse, хотя Шишковъ повидимому считаетъ чешское слово природнымъ („Названіе *or* или *ors* весьма рѣдко въ Славенскихъ нарѣчіяхъ, но примѣчаемъ оное въ Англинскомъ... и въ Нѣмецкомъ"...) и видитъ въ нѣм. ross „часто бывающую перестановку буквъ *or* въ *ro*" (стр. 105). Глаголъ *čekati* или *czekati*, „употребительный во многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ", Шишковъ отождествляетъ съ *чаяти*, „поелику чаяніе и ожиданіе суть смежныя понятія" (стр. 132). Древнее *навье* || чеш. vnauena производится

„вѣроятно отъ *навиваю,* поелику мертвыхъ обыкновенно обертывали холстомъ, или чѣмъ инымъ“ (стр. 149). Напротивъ, объявляется, что др. русское *зегзица* (въ Словѣ о п. Игоревѣ) и чеш. žežhulice „ни по звуку, ни по описанію (полечу я зегзицею по Дунаеви) не сходно“ (стр. 210) и т. д. Отсутствіе знакомства съ чешскимъ произношеніемъ сказывается въ написаніяхъ въ родѣ *Ваклавъ*, вм. Вацлавъ, *Бенесъ* вм. Бенешъ и т. д. Встрѣчаются и другія ошибки этого рода, какъ напр. daleco вм. daleko (стр. 67), zrake вм. zraki (стр. 66), whom вм. whow (стр. 80 и т. д.). Тѣмъ не менѣе, перепечатка „Краледворской рукописи“ съ русскимъ переводомъ и объяснительными примѣчаніями, каковы бы ни были ихъ недостатки, могла содѣйствовать распространенію у насъ знакомства съ чешскимъ языкомъ.

Свой взглядъ на значеніе Краледворской рукописи Шишковъ выразилъ въ письмѣ отъ 3 августа 1820 г. къ извѣстному польскому археологу того времени І. Раковецкому, пославшему нашему любителю филологіи свое изданіе „Русской Правды“ на польскомъ языкѣ, съ приложеніемъ письма также на польскомъ языкѣ (отъ 1-го іюля 1820 г.). Раковецкій указывалъ при этомъ, что Шишковъ „пріобрѣлъ глубокія свѣдѣнія во всѣхъ славенскихъ нарѣчіяхъ“, болѣе ему дорогихъ и пріятныхъ, чѣмъ „нарѣчія чуждыхъ народовъ“, а потому проститъ пишущему смѣлость, съ какою онъ обратился къ нему по польски. Шишковъ, отвѣчая, выражалъ мнѣніе, что „всѣ славенскія нарѣчія суть одного отца дѣти“, и обращалъ вниманіе Раковецкаго на 8-ю часть „Извѣстій“ академіи съ переводомъ „Краледворской рукописи“. По словамъ Шишкова, такія древнія рукописи весьма полезны, „какъ для нѣкоторыхъ историческихъ открытій, такъ равно и для замѣчанія коренныхъ въ языкѣ словъ и свойственныхъ оному рѣченій“ [1]).

Въ томъ же году Россійская академія поощрила Караджича, подарившаго ей свой сербскій словарь во время пребыванія своего въ Петербургѣ и потомъ приславшаго изъ Вѣны „многія нужныя для Академіи Славенскихъ нарѣчій книги“. По предложенію Шишкова, рѣшено было, „по усердію Караджича къ Россійской Академіи и по упражненіямъ его въ Славенскихъ нарѣчіяхъ“, послать ему 300 рублей за купленныя имъ книги и „для покупокъ впредь“, за словарь же „и въ поощреніе впредь трудиться, дать ему серебряную медаль“ [2]). Если сравнить это „награжденіе“ бѣдняка Караджича съ тѣмъ, что обезпеченный Озерецковскій за

[1]) См. Записки Шишкова, Берл. изданіе, ч. II, стр. 393—95.

[2]) «Записки засѣданій Росс. Академіи за 1820 г.» Записка № 37, 31 іюля.

свою чисто механическую передѣлку „Иллирійскаго" словаря получилъ отъ академіи вдвое больше, т. е. 600 р. [1]), то нельзя не прійти къ заключенію, что у Росс. Академіи была довольно растяжимая и едва ли вѣрная мѣра для оцѣнки научныхъ заслугъ.

Пользу отъ литературнаго и лингвистическаго общенія русскихъ и поляковъ усматривалъ въ 1820 г. извѣстный Ѳ. В. Булгаринъ въ своей статьѣ „Краткое обозрѣніе Польской словесности" („Сынъ Отечества", 1820 г., ч. 63, № XXXI, 193—218 и XXXII, 241—254). Въ началѣ авторъ выражаетъ сожалѣніе, что политическія несогласія, раздѣлявшія русскихъ и поляковъ, „препятствовали взаимному сообщенію успѣховъ ихъ въ Наукахъ и Словесности. Потеря весьма важная для Исторіи и Филологіи, не говоря о другихъ наукахъ". Авторъ думаетъ, что и самые языки этихъ народовъ, „имѣющіе одинакую этимологію, получатъ новую силу, красоту и гибкость, если Писатели, вмѣсто заимствованія чужестранныхъ словъ и выраженій, вовсе несогласныхъ съ духомъ Славянскихъ нарѣчій, обратятся къ неисчерпаемому доселѣ, общему источнику" (стр. 193 —94). Такимъ образомъ Шишковъ получилъ неожиданнаго союзника...

Нѣсколько замѣчаній лингвистическаго характера, съ привлеченіемъ къ сравненію и славянскихъ языковъ, находимъ въ статьѣ К. Ѳ. Калайдовича: „Нѣчто о Славянскомъ переводѣ Кормчей и древнѣйшемъ оной спискѣ" („Вѣстн. Европы", 1820, ч. 110, стр. 22—32). Авторъ касается здѣсь этимологіи словъ *жупанъ* и *къметь*, сравнивая первое съ *жупа* и польско-малорусск. *панъ* (вслѣдъ за анонимнымъ авторомъ статьи въ „Вѣстникѣ Евр." 1811 г. см. выше, стр. 1152), а второе—съ чешск. kmet (по Краледворской рукописи и объясненіямъ къ ней Ганки), прилагат. *кметскій* (изъ „Исказанья" Крижанича) и сербск. *кмет*—уважаемый крестьянинъ, причемъ приводитъ также устное свидѣтельство В. Ст. Караджича объ употребленіи слова *кмет* въ привѣтствіяхъ сербовъ турками, когда послѣдніе желаютъ выразить свое уваженіе. Въ противуположность Шишкову, читавшему имя Ганки (Vaclav)—*Ваклавъ* (см. выше, стр. 1194), Калайдовичъ называетъ его вѣрно—Вацлавомъ...

Довольно много образчиковъ сербскаго языка (изъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Караджичемъ) приведено въ статьѣ Каченовскаго (подпись К.): „О Сербскихъ народныхъ пѣсняхъ" („Вѣстникъ Европы", 1820, стр. 112—129, 208—216). Кромѣ пѣсенъ, приводится и посвятительное письмо Караджича „Маріи Стани-

[1]) Тамъ же, записка № 9, засѣданіе 6 марта.

савльевичевой“, оказавшей ему помощь. Напечатано все это было не особенно точно „за недостаткомъ въ типографіи потребныхъ къ тому знаковъ“ (стр. 216). Попутно Каченовскій даетъ статистическія свѣдѣнія о числѣ говорящихъ по сербски и характеристику самого языка: „языкъ у нихъ одинъ, съ нѣкоторыми однакожъ маловажными отмѣнами. Самымъ средоточіемъ Сербской національности и языка *Вукъ Стефановичь* полагаетъ пространство между рѣками Дриною и Моравою почти до предѣловъ Герцеговины; за Дриною же, въ Босніи, многіе Сербы съ Магометанскою вѣрой вмѣстѣ приняли и разныя слова Турецкія: съ другой стороны за Моравою, къ границѣ Валахіи, народъ употребляетъ нѣкоторыя слова Волошскія“ (стр. 114). Въ слѣдующемъ далѣе краткомъ очеркѣ сербской письменности и литературы Каченовскій указываетъ, что „Сербскіе грамотѣи черезъ все продолженіе среднихъ вѣковъ и до нашего времени почти исключительно читали и писали на богослужебномъ языкѣ, между тѣмъ какъ языкъ общенародный, по естественному ходу вещей, отчасу болѣе измѣнялся. Появлялись буквари, въ минувшемъ столѣтіи [XVIII] начали выходить и другія книги... даже явилась и Грамматика: всѣхъ сихъ книгъ заглавія показывали, что онѣ суть *Сербскія*, или же по крайней мѣрѣ *Славено-Сербскія*. Имѣя случай видѣть сіи *Сербскія* книги, мы удивлялись весьма близкому сходству языка ихъ съ нашимъ Церковно-Славенскимъ.

Чтожъ оказывается? Граматные и ученые Сербы, познакомившись посредствомъ Часослова и Псалтыри съ языкомъ Славенскимъ и неимѣя никакой литературы національной, изъявляли презрѣніе къ тому нарѣчію на которомъ сами же говорили! Они усиливались выказывать свои знанія на языкѣ понятномъ для немногихъ, еще менѣе удобномъ (для насъ, по крайней мѣрѣ) къ выраженію тонкостей и оттѣнокъ (такъ!) мыслей, нежели другіе языки, давно вышедшіе изъ всеобщаго употребленія! Говорили и доказывали, что настоящій Сербскій языкъ есть Церковный, и что напротивъ тотъ, который употребляется всѣми Сербами, не есть подлинно Сербскій, но *простонародный*, *мужицкій*. Въ такомъ заблужденіи находятся еще и теперь многіе грамотные Сербы; въ подобномъ заблужденіи находятся нѣкоторые изъ Грековъ, которые, вмѣсто того чтобы прислушиваться къ языку, *нынѣ употребляемому народомъ*, подводить его подъ правила, назначать ему границы, самовольно даютъ словамъ старинныя окончанія, склоняютъ ихъ и спрягаютъ по книжному; въ такомъ заблужденіи долго были и мы, Руские“ (стр. 114—115). Только Досиоей Обрадовичъ „первый началъ утверждать, что на какомъ Серб-

скомъ языкѣ говоритъ народъ, на томъ и писать должно. Самъ онъ старался по возможности употреблять въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ языкъ общежительный". Особыя же услуги своимъ одноземцамъ оказалъ В. Ст. Караджичъ, издавшій двѣ части „Сербскихъ простонародныхъ пѣсенъ", составившій „Грамматику и Словарь Сербскаго языка (истиннаго, а не мнимаго)" и занятый переводомъ Новаго Завѣта на свой родной языкъ. Его „ученый свѣтъ вообще и въ особенности Славянскіе наши одно-родцы должны благодарить за то удовольствіе, которое онъ доставляетъ намъ вмѣстѣ съ возможностію узнать языкъ, совершенно для насъ новый, открывающій любопытные случаи къ разнымъ филологическимъ и даже историческимъ объясненіямъ" (стр. 116). Лексическую сторону пѣсеннаго языка Каченовскій характеризуетъ сохраненіемъ многихъ словъ, въ родѣ *мома* (дѣвушка), *купа* (стаканъ), *пегаръ* (тоже), *ризница* (гардеробъ), *утва* (утка златокрылая) и т. д., утраченныхъ разговорною рѣчью; „напротивъ того многія слова, донынѣ употребляемыя въ другихъ нарѣчіяхъ, въ Сербскомъ вовсе неизвѣстны" (стр. 117—118). Въ текстѣ статьи объясняются нѣкоторыя слова и выраженія, но не всегда вѣрно, (напр. *уз гусле*=подъ гудокъ: стр. 119), приводятся примѣры національныхъ именъ (Милица, Ягода, Божко, Милошъ, Голубанъ, Войно, Вукъ, т. е. волкъ, Радиша „и многія другія": стр. 212). Въ заключеніе авторъ статьи увѣдомляетъ читателя, что еще будетъ имѣть случай „говорить о Грамматикѣ и Новой Словесности Сербской" (стр. 216).

1821 годъ былъ бѣденъ событіями въ разсматриваемой области. Россійская академія, взявшаяся ex officio за разработку славянскаго языкознанія, сдѣлала въ этомъ направленіи очень немного. Востоковъ, избранный въ 1820 г. въ ея члены, читалъ въ ней 19 марта 1821 года не дошедшій до насъ докладъ „Мысли о словопроизводствѣ, основанномъ на знаменованіи буквъ" [1]), имѣвшій, вѣроятно, лишь косвенное отношеніе къ славянскимъ языкамъ, а Шишковъ 11-го іюля прочелъ „сдѣланный имъ разборъ нѣсколькихъ иностранныхъ словъ, изъ коего явствуетъ, что обыкновенное мнѣніе, будто бы онѣ заимствованы въ языкъ нашъ изъ языковъ чуждыхъ, подвержено великому сомнѣнію, и что напротивъ того иностранцы, судя по составу и разуму ихъ словъ, взяли оныя изъ древнѣйшаго языка Славенскаго" [2]).

Кромѣ того, въ „Извѣстіяхъ Россійской Академіи" (кн. 9,

---

[1]) См. Записки о засѣданіяхъ Росс. Академіи за 1821 г., № 8.

[2]) Тамъ же, № 17.

1821 г., стр. 47—63) явилась новая перепечатка одного изъ „древнечешскихъ“ памятниковъ Ганки, „Суда Любуши“, снабженнаго такими же примѣчаніями Шишкова, какъ у Краледворской рукописи, русскимъ переводомъ и введеніемъ „О нѣкоторой древней рукописи“. Въ послѣднемъ приводились отрывки изъ письма Юнгмана къ Раковецкому, въ которомъ писавшій обращалъ вниманіе на „величайшее сродство Чехскаго языка съ Польскимъ“ (Шишковъ прибавляетъ: „а еще болѣе съ нашимъ Рускимъ“). Изъ отрывка „Судъ Любуши“ Юнгманъ усматривалъ также, что „древніе Славяне пришли въ Европу изъ отечества своего Индіи“ совсѣмъ не такими грубыми дикарями, какъ ихъ описывали нѣкоторые историки; они даже несомнѣнно „принесли съ собою собственное свое письмо (!), которое Христіянскіе священники, введеніемъ по тогдашнему обыкновенію Латинскихъ письменъ, и новою вѣрою совсѣмъ истребили“. Кромѣ того, читая описанія Индіи, Юнгманъ увидѣлъ, „что языкъ Славенскій имѣетъ весьма близкое сходство съ Индейскимъ“, въ каковомъ убѣжденіи особенно его утвердило описаніе путешествія нѣкоего чеха Брезовскаго. Этотъ послѣдній „даже въ провинціи Кантонѣ (?) разумѣлъ разговаривавшихъ съ нимъ Индейцевъ, которые также и его удобно (!) понимали“. Юнгманъ увѣряетъ со своей стороны, что все читанное имъ „на языкѣ Самскритскомъ совершенно подтверждаетъ“ показанія Брезовскаго (!), и заявляетъ, что ждетъ „христоматіи Самскритской, изданной Франкомъ [1]), также Словаря Вильсонова, и другихъ книгъ“. При этомъ онъ высказываетъ желаніе, чтобы словарь Вильсона былъ „пополненъ и исправленъ Англичаниномъ Колленбрукомъ (такъ! вм. *Кольбрукомъ*), который Калькутскому обществу подарилъ рукописный Словарь въ четырехъ книгахъ въ листъ“ и т. д. Приведенные отрывки изъ письма Юнгмана, нашедшіе себѣ пристанище на страницахъ изданія Росс. Академіи и, очевидно, ей одобренные, представляютъ собой единственный случай, когда названное учрежденіе немного вышло изъ заколдованнаго круга представленій XVIII в. и, хотя бы въ искаженномъ видѣ, отразило новыя научныя теченія XIX в.

Что касается примѣчаній и перевода Шишкова, то они имѣютъ совершенно такой же характеръ, какъ и въ разсмотрѣнной

---

[1]) «Chrestomathia Sanscrita, quam ex codicibus manuscriptis adhuc ineditis Londini exscripsit atque in usum tironum versione, expositione, tabulis grammaticis etc. illustratam edidit O. Frank. Monachii, typographice ac lithographice opera et sumptibus propriis. 1820. Parsaltera. 1821. 4°. Очень неудачное пособіе, осужденное научной критикой еще при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ.

выше перепечаткѣ Краледворской рукописи. Стихъ Ideže Trut poguĥi san lutu переведенъ у него, очевидно, опять за отсутствіемъ „Богемскаго словаря“: *Идѣже Трутъ погуби Санъ люто* (!); оставлены безъ перевода и нѣкоторыя другія выраженія, въ родѣ: сѣла на окошечко *рожлезилое*, по Ярожира (!) отъ *бродъ влѣторѣчныхъ*, по Саморода *со мжи сребронoсной* и т. д. *Хрудошъ* является вездѣ въ видѣ *Хрудоса* и т. д.

Востоковъ въ это время работалъ надъ изученіемъ славянскихъ рукописей (см. выше, стр. 859—861) и мечталъ о недоступномъ тогда для него досугѣ, необходимомъ для работы надъ „Славенской грамматикой“. 21 ноября 1821 г. онъ писалъ Евгенію Болховитинову: „я не могу хвалиться досугомъ, потребнымъ для скорѣйшаго совершенія труда, какой я себѣ задалъ, т. е. Славенской Грамматики. Послѣдніе три года я почти не принимался за оную, безпрестанно отвлекаемый казенною должностію. Однако я не отчаеваюсь улучить опять *божественный досугъ*... и предаться совершенно ученымъ занятіямъ“ [1]).

Въ 1822 году интересъ къ славянскимъ языкамъ значительно оживляется. Даже Россійская Академія вышла изъ своего спокойнаго ожиданія чужихъ работъ, которыя бы въ нее поступили, и попыталась сдѣлать что нибудь для осуществленія задачъ, намѣченныхъ въ ея уставѣ (см. выше, стр. 1179). Немалую роль въ этомъ сыграли журнальныя нападки, обвинявшія академію въ бездѣйствіи и вызвавшія въ свое время рѣчь Шишкова [2]), въ которой онъ оправдывалъ своихъ сотоварищей довольно странными аргументами, а впослѣдствіи—обширное, частью уже знакомое намъ (см. выше, стр. 964 и 992) предложеніе о предлежащихъ академіи „твореніяхъ“, внесенное въ собраніи 21 января 1822 г. [3]). Второе мѣсто въ этомъ предложеніи (вслѣдъ за „Словаремъ по корнямъ или словопроизводнымъ“) занималъ проектъ „Словаря сравнительнаго всѣхъ славенскихъ нарѣчій“. Согласно проекту, „сей Словарь долженъ быть составленъ по Азбучному порядку, начиная съ Россійскаго языка, и присовокупляя ко всякому слову онаго всѣ соотвѣтствующія ему слова всѣхъ Славенскихъ нарѣчій, тѣми письменами, какія у нихъ употребительны. Для сего надле-

---

[1]) См. Переписку Востокова, «Сборникъ статей чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. ак. наукъ», т. V, вып. II, стр. 22.

[2]) Въ засѣданіи 18 сент. 1820 г. См. «Записки о засѣданіяхъ Росс. Акад.» 1820 г. № 34, 18 сент.

[3]) См. Записки Росс. Академіи за 1822 г., № 3, 21 янв., а также «Извѣстія Росс. Акад.», кн. 10; 1822 г., стр. 40—41, или Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Акад.», вып. VIII, 1887 г., стр. 216—217.

житъ сперва исчислить всѣ нарѣчія, дабы ставить ихъ всегда одно за другимъ въ одинакомъ порядкѣ, и тѣмъ буквамъ, которыхъ нѣтъ въ Латинской азбукѣ, какъ-то: *ч. ш. щ. я.* и проч., сдѣлать особливую табличку, показующую какъ оныя пишутся. Иностранные языки не должны въ Словарь сей входить; однакожъ не безполезно было бы помѣщать въ скобкахъ тѣ изъ словъ ихъ, которыя очевидно имѣютъ одинъ корень и одинакое значеніе съ Славенскими. Главный, но весьма полезный трудъ при сочиненіи сего Словаря долженъ состоять въ томъ, чтобъ обогатить оный примѣчаніями на тѣ названія, которыя почерпнуты изъ общаго языка, но отъ иныхъ источниковъ. Нѣкоторыя изъ сихъ словъ, хотя и различны съ нашими, напр. наше *предпріятіе* и Богемское *Predsewzetie* (такъ!), или наше *бабка повивальная* и кроатское *Puporezka*, однакожъ мы легко понимать ихъ можемъ, и потому кажется излишно дѣлать на нихъ замѣчанія; но другія не скоро могутъ приходить на память, какъ на пр. наше *вредъ* и Богемское *kaž* [1]) (отъ исказить, искажаю), или Польскія *chuc* [2]) склонность; *chustka*, платокъ, *(первое* отъ *хоть, хотѣніе;* а второе отъ *холстъ, холстина)*, и имъ подобныя. Таковыя слова надлежитъ хотя кратко объяснять, или подводить ихъ подъ тѣ наши слова, которыя происхожденіе ихъ довольно ясно показываютъ, какъ то: Богемское *kaž* (такъ!) ставить не подъ словомъ *вредъ*, но подъ словомъ *искаженіе;* Польскія *Chuc* (такъ!), *chustka*, не подъ словами *склонность, платокъ;* но подъ словами *хотѣніе, холстъ.* Также не худо замѣчать и тѣ употребительныя у насъ иностранныя названія, которыя замѣняютъ они Славенскими словами: такъ напр. Аллею въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ называютъ *древорядъ;* театръ по Богемски *diwadlo* (отъ глагола *дивлюсь*); актеръ по Богемски *hracz* (отъ глагола *играю*), по Далматски *Hlumacz* (отъ глагола *глумлюсь*), и такъ далѣе". Сочиненіе этого словаря предоставлялось каждому члену, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сочиненіе „Словаря по корнямъ" (см. выше, стр. 964—65).

Какъ видно отсюда, „Словарь сравнительный всѣхъ Славенскихъ нарѣчій" долженъ былъ имѣть этимологическій характеръ и несомнѣнно, выполненный даже по приведенному, мало разработанному плану, оказалъ бы извѣстную пользу тогдашней нашей наукѣ. На первыхъ порахъ, казалось, можно было ожидать его осуществленія. Составленіе его приняли на себя члены академіи П. И. Соколовъ и А. Х. Востоковъ, изъ которыхъ послѣднему, повидимому,

---

[1]) Ошибочно вм. kaz.
[2]) Т. е. chuć.

должна была принадлежать главная роль въ предстоявшемъ трудѣ [1]). Несомнѣнно Востоковъ былъ лучше подготовленъ къ подобному труду, чѣмъ кто-либо другой изъ нашихъ любителей филологіи того времени. Долголѣтняя работа надъ „Этимологическимъ словорасписаніемъ“, или „Словопроизводнымъ словаремъ Словенскихъ нарѣчій“, какъ онъ его самъ иногда называлъ (напр. въ письмѣ къ Прокоповичу-Антонскому, см. выше, стр. 1182), при всѣхъ недостаткахъ этого юношескаго труда нашего знаменитаго ученаго (см. о немъ выше, стр. 663—667), дала ему массу необходимыхъ свѣдѣній, а также и обильный черновой матеріалъ, нуждавшійся лишь въ систематизаціи и критической обработкѣ. Что Востоковъ не прочь былъ отъ этой работы и намѣревался дѣйствительно играть въ ней активную роль, доказываетъ его письмо къ П. И. Соколову отъ 14 февр. 1822 г., сохранившееся въ архивѣ Росс. Академіи (1822 г., № 2) и, насколько мнѣ извѣстно, еще нигдѣ не напечатанное. Вотъ оно:

„М. Г. Петръ Ивановичь! Сообщая Вамъ при семъ предположенія мои о составленіи Словаря [2]), покорнѣйше прошу Васъ разсмотрѣть оныя, пополнить или выкинуть, что вамъ разсудится, и возвратить мнѣ съ замѣчаніями Вашими, дабы я могъ согласно съ оными передѣлать начертаніе сіе; или же найдете вы удобнѣйшимъ для сбереженія времени, непереписывая тетради моей, внести только въ оную на поляхъ ваши замѣчанія и поправки, съ которыми и прочесть ее напередъ Г. Президенту, а потомъ въ Академіи?

Что касается до раздѣленія труда между нами, то я полагалъ бы устроить сіе такимъ образомъ, чтобъ каждую статью словаря напередъ изготовить мнѣ начерно, и потомъ вамъ обработать ее окончательно для прочтенія въ Академіи.

Наполненіе статьи соотвѣтствующими словами другихъ Словенскихъ діалектовъ можетъ предоставлено быть мнѣ, какъ *занимающемуся особенно сими діалектами* (курсивъ нашъ); полнота же и вѣрность статьи по части Словенорусскихъ и Малороссійскихъ словъ будетъ преимущественно на вашемъ попеченіи. Корректуру печатныхъ листовъ будемъ мы держать оба.

Я надѣюсь, что симъ порядкомъ трудъ нашъ пойдетъ успѣшно и совершится къ чести Академіи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью и т. д.“.

Что отвѣчалъ и отвѣчалъ ли Соколовъ на это письмо, остается

---

[1]) См. Записки засѣданій Росс. акад. 1826 г., № 3, января 26-го, листъ 16.

[2]) Предположенія эти, къ сожалѣнію, не дошли до насъ.

неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ словарь, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, дальше предположеній не пошелъ. Главной помѣхой къ его осуществленію являлось вѣроятно то отсутствіе досуга, на которое жаловался, какъ мы видѣли выше (стр. 1202), Востоковъ. Освободившись, благодаря поддержкѣ гр. Румянцова, отъ своихъ чиновническихъ обязанностей, Востоковъ взялъ на себя новыя обязательства, которыя, пожалуй, въ это время были ему уже болѣе по душѣ, чѣмъ работа надъ словаремъ, и не оставляли времени для другихъ трудовъ. Сами условія совмѣстной работы съ такимъ сотрудникомъ, какъ

„Петръ Иванычъ осударь,
Академіи Россійской
Непремѣнный секретарь“,

едва ли особенно улыбались скромному и деликатному Востокову.

Слова Востокова въ письмѣ къ Соколову объ особенныхъ занятіяхъ славянскими діалектами, однако, не были фразой. Востоковъ дѣйствительно въ это время сильно интересовался славянскими языками, какъ это неразъ свидѣтельствуетъ его переписка. Гр. Румянцовъ очевидно не спроста завязалъ свои отношенія къ Востокову (съ которымъ ему давно очень хотѣлось сблизиться, см. выше, стр. 862) тѣмъ, что выписалъ для него „изъ Вѣны все, что тамъ напечатано было на пользу разныхъ колѣнъ Славянскаго племени дома Австрійскаго подданныхъ“ и, получивъ „восемдесятъ девять номеровъ большею частію печатныхъ тетрадокъ, а не книгъ“, 19 января 1822 г. послалъ къ нему ихъ реестръ, прося пользоваться этими книжками для задуманной Востоковымъ „древней Славянской Грамматики“ и держать ихъ у себя „годъ и болѣе“ [1]).

Благодаря графа за „великодушное вниманіе“ къ слабымъ своимъ „опытамъ на поприщѣ языкознанія Славенскаго“, Востоковъ въ отвѣтномъ письмѣ (отъ 1 мая 1822 г.) указалъ 12 сочиненій, „особенно нужныхъ“ для него. Мы находимъ здѣсь рядъ пособій для изученія нѣкоторыхъ славянскихъ языковъ, въ томъ числѣ: „Deutsch-windisches Wörterbuch“ Освальда Гутсманна (1789 г.), „Theoretisch-praktische Windische Sprachlehre“ Іог. Леоп. Шмигоца (1812 г.), „Slovenska Grammatika“ или „Wendische Sprachlehre“ Георга Зеленко (Sellenko, 1791), Водника, „Pismenost ali gramatika sa perve shole“ (1811), „Nemska grammatika“ или „Anfangsgründe der deutschen Sprachkunst zum Gebrauch der Croatischen

[1]) Переписка Востокова: „Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. н.“, т. V, вып. 2, стр. 24.

Jugend“ (на хорватскомъ яз. 1772), хорватскій календарь 1819 г., двѣ первыхъ части сборника сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича Караджича (1814 и 1815 г.), пѣсни на „Краинскомъ“ языкѣ (1806), одну народную „Краинскую“ пѣсню съ нѣмецкимъ переводомъ и т. д. Въ письмѣ своемъ Востоковъ сообщалъ о возложенномъ на него Россійской Академіей порученіи „составлять вмѣстѣ съ П. И. Соколовымъ *Сравнительный словарь всѣхъ Славенскихъ нарѣчій* на подобіе Линдева словаря“, которое заставило его особенно обрадоваться ученымъ пособіямъ, выписаннымъ графомъ изъ Вѣны. По словамъ Востокова, „Росс. Академія бѣдна матеріалами къ таковому обширному труду“, и онъ надѣется „недостатки оныхъ частію пополнить“ изъ библіотеки Румянцова, „столь щедро отверстой для всѣхъ ученыхъ“. Порученный ему академіей трудъ Востоковъ считаетъ, однако, для себя лишь „побочною работою“, пока не кончитъ свою славянскую грамматику. Заняться исключительно послѣднею особливо вынуждаетъ его появленіе „Institutiones“ Добровскаго, въ которыхъ онъ нашелъ „множество прекрасныхъ вещей; полноту и основательность, какой только можно ожидать отъ столь ревностнаго и опытнаго разыскателя, каковъ Добровскій“. Тѣмъ не менѣе Востоковъ категорически указываетъ, что, не имѣя у себя многихъ матеріаловъ, доступныхъ только русскимъ ученымъ (напр. „древнѣйшихъ словесныхъ памятниковъ XI в., каковы Остромирово Евангеліе и проч.“), Добровскій „не могъ всего опредѣлить удовлетворительнымъ образомъ. Будущему сочинителю Славенской Грамматики, живущему въ Россіи, остается съ помощью сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ пополнить, объяснить и поправить многія недостаточныя, сомнительныя или ошибочныя мѣста въ Грамматикѣ Добровскаго“, которой, впрочемъ, отдается „преимущество передъ всѣми изданными“. Другимъ „новымъ и важнымъ пособіемъ, какъ для Грамматики, такъ и для Словаря Славенскаго“, Востоковъ называетъ извѣстный „Додатак“ Вука Ст. Караджича къ сравнительнымъ словарямъ Екатерины II (1822), содержащій „въ себѣ поправленныя Вукомъ Сербскія и Иллирійскія слова означенныхъ словарей, а также вновь присовокупленныя къ этому слова *Болгарскаго діалекта*, доселѣ никѣмъ еще неописаннаго, и—что еще важнѣе, небольшую Грамматику сего послѣдняго діалекта, который довольно отличаясь отъ Сербскаго, сохранилъ большія сходства съ Церковнославенскимъ“... Въ этихъ чертахъ болгарскаго языка, отмѣченныхъ впервые у насъ (прежде болгарскій считали нарѣчіемъ сербскаго или иллирійскаго языка, ср. напр. выше, стр. 1165), Востоковъ видитъ подтвержденіе своей геніальной по условіямъ

того времени догадки *„о тождествѣ Церковнославенскаго языка съ древнимъ Славеноболгарскимъ“* (курсивъ нашъ). Къ сожалѣнію, ни „Додаткомъ“ Караджича, видѣннымъ у Шишкова, ни грамматикой Добровскаго Востоковъ не могъ пользоваться по недостатку времени [1]).

Приведенное письмо даетъ представленіе о широтѣ и глубинѣ научныхъ интересовъ Востокова, которыя позволяютъ назвать его и первымъ нашимъ настоящимъ славистомъ-языковѣдомъ. Ни у одного изъ его современниковъ, интересовавшихся слав. языками (Каченовскаго, Калайдовича, не говоря уже о прочихъ), мы не найдемъ такого яснаго и глубокаго взгляда на основные вопросы и нужды данной научной области, такой свѣтлой интуиціи, тѣмъ болѣе замѣчательной, что занятому чиновничьей службой Востокову въ то время еще не дано было посвятить себя любимому дѣлу какъ слѣдуетъ и приходилось лишь мимоходомъ и случайно ловить крупицы знанія, падавшія со стола болѣе счастливыхъ, но не отмѣченныхъ Божіей искрой таланта современниковъ.

Подтвержденіе сказаннаго о широтѣ лингвистическихъ интересовъ Востокова найдемъ и въ другихъ мѣстахъ его переписки. Такъ Ермолаевъ въ письмѣ своемъ къ Востокову отъ 26 января 1822 г. (какъ разъ вслѣдъ за возложеніемъ на Востокова порученія составить сравнит. словарь слав. языковъ) сообщалъ ему (по его желанію) полное заглавіе извѣстнаго рукописнаго словаря полабскаго языка, составленнаго докторомъ Юглеромъ (Jugler) и видѣннаго Востоковымъ у Ермолаева [2]).

Немного позже вышеприведеннаго письма къ гр. Румянцову Востоковъ писалъ Кеппену (7-го іюня 1822), благодаря его за подаренныя имъ книги: „Сербскій Словарь“, „Додатак к санктепетербургским сравнительным рјечницима“ и „Народне приповјетке“ Караджича: „Всѣ эти книги для меня весьма интересны. Словаремъ Вука Стефановича пользовался я доселѣ изъ Библіотеки А. П. Тургенева, а теперь у меня будетъ свой. Въ *додаткѣ* своемъ В. Стефановичь подаетъ намъ первый свѣденіе о Булгарскомъ нынѣшнемъ нарѣчіи, которое я давно хотѣлъ узнать. Вы обѣщаете мнѣ еще прислать Копитарову рецензію на Грамматику Добровскаго. Симъ меня крайне обяжете“ [3]).

Разумѣется, условія времени отражались и на Востоковѣ. Несмотря на довольно, казалось бы, ясное представленіе о само-

---

[1]) Тамъ же, стр. 26—29.
[2]) Тамъ же, стр. 25.
[3]) Тамъ же, стр. 408.

стоятельности болгарскаго языка, выраженное въ письмѣ къ гр. Румянцову (см. выше, стр. 1206), Востоковъ все еще, въ письмѣ къ Калайдовичу 17 іюня 1822 г., вслѣдъ за Караджичемъ, [1]) считаетъ шт вм. щ въ Остромировомъ Евангеліи „признакомъ Болгарскаго *или Сербскаго* нарѣчія" [2]), а смѣшеніе ѧ съ ѫ въ болгарскомъ Шестодневѣ 1263 г., вмѣстѣ съ Добровскимъ,—принадлежностью книгъ, писанныхъ въ Молдавіи (слѣдовало бы прежде всего — Болгаріи) [3]). Первое изъ приведенныхъ мнѣній тѣмъ страннѣе, что въ своемъ „Разсужденіи" Востоковъ вполнѣ опредѣленно указываетъ на настоящее сербское соотвѣтствіе церковнославянскому щ (= общеслав. tj).

Если сравнить, однако, указанные недочеты Востокова съ шаткостью взглядовъ Калайдовича въ его разсужденіи „О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ" (тоже 1822 г.), отмѣченной выше на стр. 787 и сказавшейся и въ его письмѣ къ Востокову отъ 30 іюня 1822 г., гдѣ онъ тоже касался вопроса о щ или шт въ древнихъ церковнославянскихъ памятникахъ, усматривая при этомъ шт и въ русскомъ языкѣ (въ народныхъ формахъ *штп* и *ешто*), то все же придется признать безусловное превосходство Востокова надъ Калайдовичемъ и въ вопросахъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, сказавшееся въ отвѣтѣ петербургскаго ученаго московскому отъ 18 сент. 1822 г. (см. выше, стр. 866).

Вѣсть о предпріятіи Россійской Академіи, выполненіе котораго было поручено ею Востокову, дошла и до славянскихъ ученыхъ. 3-го мая 1822 г. Ганка писалъ Шишкову: „Въ прошедшіе дни прочиталъ я 6 томовъ сочиненій и переводовъ Россійской Академіи, и читая засѣданія, на умъ мнѣ пало, чтобъ не токмо весьма пристойно, но и несравненно полезно было, когда бъ въ засѣданіяхъ оныхъ тоже одинъ искусный національный членъ изъ каждаго нарѣчія присутствовалъ, особливо когда Академія словари всѣхъ Славенскихъ нарѣчій издавать намѣревается; ибо таковое преславное дѣло никтоже во всѣмъ мірѣ кромѣ Академіи Россійской способствовать не можетъ [4])". Мысль Ганки, однако, не нашла себѣ отзыва въ Россійской Академіи.

Шишковъ отвѣтилъ на это письмо Ганки лишь 28 апр. 1823 г.

---

[1]) См. его „Писмо" Дмитрію Фрушичу (Вѣна, стр. 9). Ср. „Сборн. статей чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ", т. V, вып. II, стр. 32.

[2]) „Сборникъ статей", т. V, вып. II, стр. 31.

[3]) Тамъ же, стр. 43.

[4]) Записки Шишкова, Берлинское изданіе, ч. II, стр. 390.

Не говоря ни слова о выраженномъ чешскими учеными желаніи видѣть „искусныхъ національныхъ членовъ“ въ составѣ Росс. Академіи, Шишковъ большую часть отвѣтнаго письма посвятилъ изложенію своихъ взглядовъ на словопроизводство. Перечисляя статьи 9-ой книжки академическихъ „Извѣстій“, онъ обращаетъ вниманіе Ганки на свою статью: „Продолженіе изслѣдованія корней“, содержащую „малый токмо опытъ надъ нѣкоторыми корнями“, но заслуживающую, по его мнѣнію, „вниманія ученыхъ, разсуждающихъ о славенскомъ языкѣ“. По словамъ Шишкова, „многіе твердятъ о *словопроизводствѣ*, какъ о первѣйшей части грамматики, но никто не вникалъ въ оное до той глубины, до которой спуститься должно, когда хотимъ узнать составъ языка и его нарѣчій, близкихъ и отдаленныхъ“. Мало признанія, что *рукавица*, *рукоятка*, *рукоплесканіе* происходятъ отъ слова *рука*; „надобно дойти до первоначальной мысли, какую умъ человѣческій привязалъ къ корню, и отъ ней, какъ отъ источника, переходя послѣдственно изъ одного понятія въ другое, смежное съ нимъ, сталъ извлекать, составлять и плодить слова“. Въ указанной же статьѣ изображается, какъ этотъ умъ „отъ услышаннаго имъ въ природѣ звука *гр*... пошелъ производить и *громъ*, и *гора*, и *городъ*, и *грызу*, и *грущю*, и *гребу*, и проч. и проч. Въ указаніи на „понятія совершенно между собою различныя, но не меньше того имѣющія началомъ своимъ одинъ и тотъ же корень, одну и ту же мысль, которая всѣхъ ихъ породила“, Шишковъ и видитъ задачу „истиннаго словопроизводства, показующаго составъ языка“, утверждая, что „можетъ быть въ одномъ токмо славенскомъ языкѣ цѣпь сія сохраняется столь неразрывною, что по ней отъ послѣдняго до первоначальнаго звѣна ея доходить можно“.

Еще любопытнѣе должна была показаться Ганкѣ, по мнѣнію Шишкова, 10-я книжка „Извѣстій“, заключающая „изслѣдованіе, въ чемъ всѣ языки разнятся и въ чемъ сходствуютъ между собою. Какимъ образомъ каждый изъ нихъ измѣнялся, отходилъ отъ первобытнаго и, сдѣлавшись совсѣмъ инымъ, сохраняетъ однакожъ въ себѣ признаки своего происхожденія. Славенскій языкъ является въ нихъ древнѣйшимъ и первѣйшимъ“. Въ этомъ Шишковъ былъ увѣренъ не потому, что самъ былъ „Славенинъ или Руской“, но потому, что его убѣждалъ въ этомъ разумъ и „многіе опыты и доказательства“. „Безсомнѣнія Нѣмцы и другіе иностранцы возопіютъ противъ меня, продолжаетъ онъ, какъ смѣю я утверждать, что многія слова ихъ суть вѣтви славенскихъ словъ! Но ежелибъ они, отложа всякое пристрастіе къ языку своему, съ холоднымъ и здравымъ разумомъ вникли въ началы состава язы-

ковъ, то конечно согласились бы со мною, и каждый изъ нихъ увидѣлъ бы въ томъ пользу собственнаго языка своего. Но по несчастію не многіе иностранцы знаютъ славенскій языкъ, и потому не могутъ ни прочитать меня, ни почувствовать силы моихъ доводовъ" [1]).

Около подобныхъ мыслей вращались всѣ quasi-научные интересы Шишкова. Все что не могло служить имъ, оставляло его равнодушнымъ, и славянскіе языки занимали его лишь по стольку, по скольку могли служить иллюстраціей его излюбленныхъ теорій. Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что изъ всѣхъ его славянскихъ симпатій и сношеній получилось такъ мало осязательныхъ результатовъ.

Какія представленія о славянскихъ языкахъ обращались еще въ 1822 г. въ болѣе широкихъ кругахъ нашего общества, стоявшихъ въ сторонѣ отъ научной работы того времени, свидѣтельствуетъ невѣжественно путанная классификація славянскихъ языковъ въ „Опытѣ краткой Исторіи Русской литературы" Греча, вышедшемъ въ этомъ году (см. выше, стр. 788). Путаница эта не была отмѣчена и тогдашними критиками книжки Греча (см. выше, стр. 788—789). Грубыя ошибки Греча не были нисколько удивительны. Наши университеты все еще не имѣли славянскихъ каѳедръ, и славянскимъ языкамъ учиться у насъ было негдѣ. Для этого нужно было ѣхать за границу, какъ и сдѣлалъ въ самомъ концѣ 1821 г. П. И. Кеппенъ, посѣтившій въ 1822 г. рядъ славянскихъ земель и городовъ, и завязавшій сношенія съ разными славянскими учеными, въ томъ числѣ и съ Коларомъ, котораго запрашивалъ „о разныхъ оттѣнкахъ Словацкаго нарѣчія (или о разныхъ нарѣчіяхъ Словацкаго языка)". Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Коларъ сообщилъ Кеппену „сколько можно удовлетворительное извѣстіе", которое впослѣдствіи было напечатано въ предисловіи къ сборнику словацкихъ свѣтскихъ пѣсенъ Шафарика и Благослава (кн. I. 1823 г.) [2]). Но Кеппенъ путешествовалъ въ качествѣ частнаго человѣка, и лингвистическія наблюденія въ его поѣздкѣ стояли несомнѣнно на заднемъ планѣ. Одинъ только Виленскій университетъ еще въ 1821 г. командировалъ за границу въ славянскія земли для изученія славянскихъ нарѣчій ученаго ксендза Бобровскаго, имя котораго попадается и на страницахъ нашихъ журналовъ того времени [3]). Въ томъ же Виленскомъ университетѣ

[1]) Записки Шишкова, Берл. изданіе ч. II, стр. 391—393.

[2]) См. „Библіографическіе листы" Кеппена, № 18, 1825 г., стлб. 254.

[3]) А. А. Кочубинскій въ своей книгѣ „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія". (Одесса 1887—88,

И. Н. Лобойко съ 1822 г. началъ преподавать „Славянскій языкъ по грамматикѣ Добровскаго, соединяя это съ разборомъ и чтеніемъ Славянскихъ книгъ" [1]). Но достойному подражанія примѣру названнаго университета у насъ еще не собирались слѣдовать...

Частыя ссылки на славянскіе языки находимъ въ продолженіи Шишковскаго „Опыта разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основаннаго на изслѣдованіи оныхъ" („Извѣстія Россійской Академіи", кн. 10, 1822 г. стр. 72—230). Славянскій языкъ изображается здѣсь „самодревнѣйшимъ и можетъ быть ближайшимъ къ первобытному языку, ибо одно исчисленіе Скифо-Славенскихъ народовъ, подъ тысячами разныхъ именъ извѣстныхъ и по всему лицу земли разсѣлившихся, показываетъ ужé какъ великое его разширеніе, такъ и глубокую древность" (стр. 83). Самое слово „Скифы или Скиты" Шишковъ, вслѣдъ за Тредьяковскимъ (см. выше, стр. 206), считаетъ славянскимъ словомъ, „означающимъ *скитаніе*, т. е. прехожденіе отъ одного мѣста въ другое, поелику первоначальные народы не имѣли постоянныхъ жилищъ" (стр. 83, прим.). Щедро приводятся примѣры изъ разныхъ слав. языковъ: „Богемцы отъ ошибки въ произношеніи перемѣнили букву *м* въ *н*, и вмѣсто *медвѣдь* пишутъ *nedwed*" (стр. 93, прим.); „Богемецъ изъ... *hrb* (горбъ) произвелъ двѣ вѣтви *hrib* и *hreb* (такъ!), изъ которыхъ первая значитъ у него тоже, что и у насъ *грибъ*, а подъ второю (*hreb*) разумѣетъ онъ то, что мы называемъ *гвоздь*" (стр. 97, прим.). Разсуждая объ отличіи языка отъ нарѣчія (стр. 100 и слѣд.), Шишковъ иллюстрируетъ свои мысли множествомъ примѣровъ изъ чешскаго языка, утверждая, что „богемскій" языкъ отличается отъ русскаго: 1) „Разностію принятой Богемцами Латинской азбуки съ Славенскою, изъ которыхъ первая не имѣетъ достаточнаго числа буквъ къ выраженію всѣхъ звуковъ Славенскаго языка, и потому должна выражать ихъ, или одну букву многими, или одною буквою многія, различая оную на отточенную и неотточенную" (! стр. 102). Такъ „ʒ замѣняется буквою Z": законъ, *zakon* и т. д., ж—„тою же буквою съ точкою съ верху": жалоба, *żaloba* и т. д. („иногда пишутъ и ss: дождь, *desst*"...); χ — буквами *ch*: хвала, *chwala* и т. д. (стр. 102). О буквѣ *g* говорится, что „буква сія ко всѣмъ

стр. 258—59) относитъ командировку Бобровскаго къ 1822 г., но изъ примѣчанія къ переводу одной изъ статей Бобровскаго въ „Вѣстн. Европы" 1824 г. (№ 22, стр. 122) видно, что Бобровскій былъ въ Парижѣ уже въ 1821 г.

[1]) См. „Русскій Историч. Сборникъ", т. 4, 1840 г., кн. I, стр. 150—51.

гласнымъ присоединяется и составляетъ съ ними всѣ наши гласныя буквы, какъ то: едва, *gedwa*; ѣду, *yedu*“ и т. д. *У* выражается иногда буквою *u*: муха, *mucha* и т. д., иногда буквами *au* (!): дубокъ, *daubok* (стр. 103), а иногда буквою *v* (!): уступъ, *vstup*; иногда буквами *gi*: утро, *gitro* (!). Такія же удивительныя сопоставленія не то „буквъ“, не то звуковъ находимъ и дальше: *ы* выражается посредствомъ *у* (быкъ, byk) и *au* (!): дыра, *daura* и т. п. (стр. 104).

2) „Одно нарѣчіе продолжаетъ разиствовать отъ первобытнаго образа своего (то-есть отъ языка) или отъ другаго нарѣчія измѣненіемъ гласныхъ буквъ: трость, *trest*; пепелъ, *popel*; десна, *dasne*; клокотать, *klektati* [ближе было бы сравнить съ kloktati] и проч. Иногда и согласныя измѣняются: ось, *wos*; звѣзда, *hwezda*; черешня, *tressne*; нравъ, *mraw*; хлыстъ, *klest* (!)“.

3) „Сокращеніемъ словъ: молчаливость, *mlcawost*; вергаю, *wrhu*; волна, *wlna* и проч. Иногда сіи сокращенія или выпуски буквъ совсѣмъ затмѣваютъ корень или происхожденіе слова, какъ на примѣръ *odniti* вм. *отгнути*, *wznitise* вмѣсто *возогнитися*, т. е. возгорѣться“.

4) „Растяженіемъ словъ: хладить, *chladnauti*; мыльня, *mytedlna*; сало, *sadlo*; дикій, *diwoky*“ и т. д. „Замѣтимъ, что въ семъ послѣднемъ случаѣ не они, но мы выпускомъ буквы *в* затмили корень; ибо слово *дикій*, по старинному *дивій*, происходитъ отъ имени *диво*, и слѣдовательно изъ *дивокій* или *дивкій* (т. е. всему удивляющійся, ни къ чему не привычный) сократилось въ *дикій*, отколѣ и слово *диковинка*, означающее больше *дивную*, нежели *дикую* вещь“.

5) „Перестановкою буквъ“ (холмъ, *chlum*, пестръ, *perest* [!], долго, *dlauho* и т. д.).

6) „Различными окончаніями, хотя вообще свойственными языку, но въ одномъ нарѣчіи больше употребительными, нежели въ другомъ: мужество, *mužnost*, миротворецъ, *mirce*, мертвячина (трупъ), *mrcha*“ и т. д.

7) „Перемѣною предлоговъ: обвинять, *zawiniti*, поблѣднѣть, *zbledmauti*, издалека, *zdalcka* (!)“ и т. д.

8) „Болѣе же всего различіемъ производства вѣтвей изъ одного и того же корня или слова“. Примѣры: „мы говоримъ *мракъ*, *мрачный*, и Богемцы тоже *mrak*, *mracny*; но они въ одинаковомъ смыслѣ говорятъ *oblak* и *mracek*, а мы говоримъ токмо *облако*, не употребляя слово *мрачекъ*. Мы говоримъ *трость*, а они съ малымъ измѣненіемъ тоже *trest*; но они произвели отъ

сего имени глаголъ *trestati* (тростати, т. е. наказывать, бить тростью), а мы не имѣемъ сего глагола" (Шишковъ, очевидно, не зналъ русскаго глагола *тростить*) и т. д. и т. д. (стр. 105—108 и слѣд.).

Рядомъ съ этими, большею частію крайне грубыми, невѣрно формулированными или прямо ошибочными сличеніями, Шишковъ неожиданно обнаруживаетъ нѣкоторую тонкость этимологическаго анализа, указывая на слова, одинаково звучащія, но разныя этимологически: „Не рѣдко случается, что два слова изъ одинакихъ буквъ составленныя различное значатъ, поелику разные корни имѣютъ. Наше слово *подробность* происходитъ отъ глагола *дробить*, а ихъ („Богемцовъ") *podřobenost* отъ глагола *robiti* (соотвѣтствующаго нашему *работать*, который часто пріемлется въ смыслѣ чинить, служить) и потому ихъ *podrobenost* значитъ подчиненность, повиновеніе. Наше *припасать* происходитъ отъ *пасу*; а ихъ *připasati*, отъ *pas* (поясъ), и потому значитъ *препоясать*, и проч.". Кромѣ того, въ числѣ отличій одного нарѣчія отъ другого Шишковъ указываетъ еще разницы лексическія, въ родѣ чешскихъ словъ *klid*, *smaha*, *rotitise* и т. д., у насъ въ живомъ языкѣ отсутствующихъ, но встрѣчающихся въ народныхъ говорахъ или „въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ" (стр. 111—113).

Говорящіе такими нарѣчіями не могутъ понимать другъ друга. „По сей причинѣ называемъ ихъ языками: Польской, Сербской, Богемской, Иллирійской языкъ". Но всѣ такія нарѣчія все же „составляютъ одинъ и тотъ же Славенской языкъ, различно употребляемый, по отнюдь не чуждый тому Славенину, кто станетъ его не по навыку слушать, а разбирать по разсудку и смежности понятій". Такъ мы можемъ понимать извѣстныя чешскія слова, въ родѣ *zbiradlo*=сборное мѣсто, *kriwopřisežnik*=клятвопреступникъ, *dati se snĕkym do wady*=поссориться и т. д. „Слѣдовательно не учась Богемскому нарѣчію можемъ по собственному своему языку понимать оное" (стр. 113—114). Ниже Шишковъ также прибѣгаетъ къ сравненію со славянскими языками, но уже не такъ часто, проявляя при этомъ тѣ же знакомые намъ пріемы. Такъ на стр. 174—182 находимъ сравненіе разныхъ слав. формъ слова *языкъ* съ формами другихъ индоевропейскихъ и даже неиндоевропейскихъ (ассирійскаго и кабардинскаго) языковъ (по словарямъ Екатерины II). Оказывается, что наше *языкъ* есть въ сущности *я зыкъ* (я есмь голосъ, звукъ) и родня нѣм. Lunge, а также и персидскому *зубанъ* (очевидно zeban), что́ представляется Шишкову вполнѣ естественнымъ, „поелику сей членъ во рту нашемъ столько же есть орудіе *зыка*, сколько *голоса* и *зубовъ*" (!?).

На стр. 213—218 разсматривается этимологія нѣм. *kutsche*, *kutscher*, причемъ приводятся и славянскія соотвѣтствія въ родѣ польск. „cozh, cotcz“, „богемскаго kocj, kotcj“, словацк. „koc“, сорб. „kutscha“ и т. д. На стр. 226—228 трактуется этимологія „славенскаго“ *нощь* или *ночь* (съ приведеніемъ соотвѣтствій въ другихъ слав. языкахъ), производимаго отъ выраженія *нѣтъ очей*, и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, а также изъ приведенныхъ выше образчиковъ сравненій со словинскимъ языкомъ, относящихся къ 1817 г., Шишковъ по времени долженъ быть поставленъ самымъ первымъ въ ряду лицъ, занимавшихся у насъ въ началѣ XIX в. сравнительной грамматикой славянскихъ языковъ. Никто, пожалуй, такъ усердно и часто, съ такимъ обиліемъ сопоставленій, не занимался у насъ тогда въ печати [1]) сличеніемъ русскаго языка съ другими славянскими. Сопоставленія Востокова въ его „Разсужденіи“ скромны и незначительны на видъ, сравнительно съ длинными перечнями словъ и цѣлыми глоссаріями, которые мы находимъ въ статьяхъ Шишкова. Къ несчастію занятія послѣдняго были безтолковы, носили рѣзко выраженный любительскій отпечатокъ и ни къ какимъ сколько-нибудь цѣннымъ научнымъ результатамъ не привели. Обширные этюды Шишкова въ области сравнительной грамматики славянскихъ языковъ являются почти макулатурой, пожалуй лишенной даже историческаго значенія, тогда какъ скромное по объему „Разсужденіе“ Востокова (въ которомъ сравнительно-грамматическое освѣщеніе извѣстныхъ явленій славянскихъ языковъ въ сущности стояло на заднемъ планѣ) въ зародышѣ намѣчало цѣлый рядъ основныхъ, крупныхъ и важныхъ вопросовъ этой области знанія.

Большое впечатлѣніе, произведенное у насъ появленіемъ знаменитыхъ „Institutiones“ Добровскаго [2]), вполнѣ естественно порождало всеобщее желаніе видѣть этотъ трудъ въ русскомъ переводѣ. Евгеній Болховитиновъ, возвращавшій гр. Румянцову присланную ему для ознакомленія „грамматику Добровскаго“, писалъ канцлеру 28 окт. 1822 г., что она „стоитъ быть и у насъ на-

[1]) Этимологическія сближенія Востокова въ его «Словоросписаніи» (см. выше, стр. 657 и сл.) остались въ рукописи.

[2]) Такъ даже гр. Румянцовъ, вообще мало интересовавшійся чистымъ языкознаніемъ, читалъ «прелюбопытный анализъ» грамматики Добровскаго, написанный Копитаромъ и напечатанный въ «Вѣнскомъ журналѣ» («Jahrbücher der Litteratur», см. переписку митроп. Евгенія, вып. II. Воронежъ, 1885, стр. 64). Евгеній въ свою очередь намѣревался приказать перевести для себя помянутую рецензію Копитара (тамъ же).

печатана" [1]), а Калайдовичъ еще 20 апр. того же года просилъ А. Ѳ. Малиновскаго доставить помощь и покровительство гр. Румянцова молодому Погодину и его пріятелю Кубареву при затѣянномъ ими переводѣ труда Добровскаго [2]). Мысль перевести „Institutiones" пришла Погодину самостоятельно, при первомъ извѣстіи о выходѣ книги въ свѣтъ, сообщенномъ ему Кубаревымъ, и онъ тогда же „опрометью побѣжалъ" къ Калайдовичу просить его написать объ этомъ намѣреніи гр. Румянцову [3]).

Отвѣчая Малиновскому на его предстательство, гр. Румянцовъ писалъ 8 мая 1822 г.: „Грамматика Добровскаго есть такое великое сочиненіе, что нельзя тому статься, чтобы переводъ ея не былъ порученъ отъ Россійской академіи кому-либо изъ ея членовъ, и, кажется мнѣ, не можетъ быть принадлежностію первыхъ опытовъ какого-либо таланта: но возданная хвала г. кандидату Погодину въ письмѣ г. Калайдовича возбуждаетъ во мнѣ особенное къ нему вниманіе и Вы меня премного одолжить изволите, ежели, познакомяся съ нимъ... мнѣ впередъ укажете, на чтобы его съ успѣхомъ употребить можно" [4]).

Слухъ о томъ, что Россійская Академія намѣревается переводить „Institutiones", продолжалъ держаться и въ 1823 г., хотя и не имѣлъ прочнаго основанія. 29 янв. 1823 г. Калайдовичъ писалъ Востокову: „Я слышалъ будто въ Росс. Академіи хотятъ перевести Грамматику Добровскаго. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте правда-ли? мнѣ это очень знать нужно" [5]). Востоковъ отвѣчалъ ему, вполнѣ опредѣленно мотивируя ненужность такого перевода: „Вамъ угодно знать, правда ли, будто въ Рос. Академіи хотятъ перевести Грамматику Добровскаго. Помнится однажды въ собраніи Академіи говорили, что не худо бы перевести эти книгу: но формальнаго къ тому порученія, сколько мнѣ извѣстно, никому не сдѣлано, и никто изъ членовъ Академіи самъ на то не вызывался. Я съ моей стороны не взялся бы быть просто переводчикомъ этой Грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія. Кто хочетъ пользоваться ею въ настоящемъ видѣ, можетъ читать и Латинскій подлинникъ. Книга эта писана собственно для ученыхъ, которые должны разумѣть по Латынѣ. Другое дѣло, перевести Грамматику сію на Русскій съ нужными

---

[1]) Переписка митроп. Евгенія и т. д. Вып. II, стр. 62.

[2]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. в Др. Росс. 1862, ч. III, стр. 68.

[3]) Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», ч. I, Спб. 1888, стр. 158.

[4]) «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.», 1882 г., кн. III, стр. 220.

[5]) «Сборникъ статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. V, вып. II, стр. 45.

дополненіями и примѣчаніями. Я за сіе не взялся бы, ибо намѣренъ сочинить свою Славенскую Грамматику, въ которой конечно не оставлю воспользоваться всѣми открытіями Добровскаго. Если кто между тѣмъ переведетъ его Грамматику для Русскихъ съ своими дополненіями и примѣчаніями: тѣмъ лучше! я воспользуюсь и его трудомъ. Крайне желалъ бы я васъ, почтеннѣйшій К. Ѳ., имѣть предшественникомъ моимъ на семъ поприщѣ. Можетъ быть мнѣ послѣ васъ не осталось бы уже никакого дѣла надъ поясненіемъ Грамматики Славенской. Съ радостью уступилъ бы я вамъ пальму по сей части. Вы бы развязали мнѣ руки для другихъ занятій“ [1]).

Несмотря на вѣрное и вѣское сужденіе Востокова, мысль о переводѣ устарѣвшихъ уже въ то время „Institutiones“ Добровскаго все же продолжала держаться и дѣйствительно была осуществлена Погодинымъ (вмѣстѣ съ Шевыревымъ) три года спустя. Востоковъ тѣмъ временемъ, хотя и писалъ Калайдовичу 19 іюля 1823 г., что „принялся за отработку начисто собираемыхъ... давно уже матеріаловъ къ Словенской Грамматикѣ“ [2]), на дѣлѣ болѣе и болѣе удалялся отъ своихъ былыхъ лингвистическихъ интересовъ, погружаясь все глубже въ совсѣмъ не тронутыя разработкой залежи древнерусскихъ и старославянскихъ письменныхъ памятниковъ и полагая прочное основаніе русской и славянской палеографіи. Нетерпѣливое ожиданіе отъ Востокова „Славенской грамматики“, сказывающееся въ письмахъ къ нему его современниковъ, напр. Калайдовича отъ 1 авг. 1823 г., и Кеппена отъ $^{1}/_{13}$ окт. того же года [2]), было удовлетворено лишь 40 лѣтъ спустя его „Грамматикой Церковно-Словенскаго языка, изложенной по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ“ (Спб. 1863).

Общіе, а иногда и болѣе частные вопросы славянскаго языкознанія затрогивались также въ знакомыхъ уже намъ статьяхъ, явившихся въ нашихъ журналахъ въ 1823 г.: въ статьѣ Фатера о происхожденіи русскаго языка (въ Вѣстн. Европы, см. выше, стр. 789—793), въ письмѣ Караджича къ Дм. Фрушичу (тамъ же, см. выше, стр. 793—95), въ любительскомъ письмѣ В. В. Капниста къ предсѣдателю Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. (въ „Трудахъ“ общества, см. выше, стр. 795—97) и въ интересномъ разсужденіи Н. Полевого „О древнемъ языкѣ словенскомъ“ (тамъ же, см. выше, стр. 797—801), ставившемъ на очередь разработку сравнит. грамматики славянскихъ языковъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 47—48.

[2]) Тамъ же, стр. 63.

Общаго же вопроса о происхожденіи славянской групны языковъ касался Евгеній Болховитиновъ въ письмѣ своемъ (отъ 24 янв. 1823 г.) къ гр. Румянцову. Поводомъ къ этому послужила выписка изъ письма французскаго (датскаго) географа Мальтбрена къ канцлеру, отправленная послѣднимъ Евгенію. Мальтбренъ, ссылаясь на свою „Géographie Universelle", поддерживалъ въ письмѣ къ гр. Румянцову положеніе, неслыханное въ тѣ времена, но очень близкое къ современному взгляду, что славяне обитаютъ въ Европѣ съ незапамятныхъ поръ и всегда составляли очень большую часть европейскаго населенія, хотя и не носили никакого общаго собирательнаго имени. Въ то же время онъ надѣялся доказать, что сарматы, весьма сильно отличающіеся отъ славянъ, представляютъ собой одинъ изъ кочевыхъ народовъ Азіи, которые наводняютъ и опустошаютъ страны на подобіе бурныхъ потоковъ и потомъ исчезаютъ сами собой. Въ концѣ концовъ Мальтбренъ хотѣлъ высказать нисколько не удивительную теперь для насъ мысль, что славяне столь же древніе жители Европы, какъ греки, римляне, кельты или готы [1]).

Евгеній жестоко обрушился на Мальтбрена за его довольно невинныя идеи: „изъ приложенной къ первому письму выписки изъ похвальбы Мальтбрюна, я ничего болѣе не замѣчаю, кромѣ бреда, въ который часто впадаютъ и знаменитые люди. Наши лѣтописатели, начиная съ Нестора, изъ подражанія *византійцамъ*, давно производятъ прямо отъ Ноя и сына его Афета *славянъ*, засѣлявшихъ якобы весь сѣверъ. Нашъ Тредьяковскій въ книгѣ своей о *трехъ русскихъ древностяхъ* всѣми силами доказывалъ, что и языкъ славенскій есть корень и источникъ *всѣхъ европѣйскихъ языковъ*. Теперь остается Мальтбрюну дополнить его доказательства" [2]).

---

[1]) Извлеченіе изъ письма Мальтбрена напечатано въ «Переписк. митроп. Евгенія», вып. II, Воронежъ, 1885, стр. 69: «C'est avec d'aussi faibles moyens que j'ose essayer dans un nouveau tôme de ma Géographie Universelle de soutenir la thèse «que les nations Slavonnes, sinon toutes, du moins la plupart ont habité l'Europe de temps immémorial et quoique sans être connues sous un nom collectif, ont toujours formé une trés grande partie de la population Européenne». Je me flatte en même temps «de prouver que les Sarmates, très différents des Slavons, sont un de ces peuples nomades de l'Asie, qui inondent dévastent (такъ!) à l'instar de torrents et qui disparaissent de même». Si je peux démontrer ces deux thèses historiques, il en resulterait, que les nations Slavonnes sont aussi anciennes en Europe, que les Grecs, les Romains, les Celtes où les Goths».

[2]) Переписка митрополита Евгенія и т. д. Вып. II. Воронежъ, 1885 г. стр. 71.

Изъ журнальныхъ статей болѣе детальнаго характера отмѣтимъ знакомую уже намъ интересную статью И. Ѳ. Калайдовича „Нѣчто о прошедшихъ временахъ глаголовъ и т. д.“ („Вѣстникъ Европы“ 1823 г.), въ которой довольно удачно (хотя и не безъ ошибокъ) сравнивались русскія глагольныя формы съ соотвѣтствующими формами другихъ славянскихъ языковъ (см. выше, стр. 1049—1052).

1824 годъ мало внесъ новаго въ нашу скудную литературу по славянскому языкознанію. Изъ оригинальныхъ статей можно указать только одну: „Славянскія пѣсни разныхъ нарѣчій“, напечатанную кн. Цертелевымъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (ч. IX, стр. 102—112). Большую часть статьи составляютъ народныя пѣсни: „Богемская“, моравскія и „Валаскія“ (Walaské) [1]), „Славянскія“ (т. е. словацкія), сербскія и одна „Вендская“ (т. е. словинская, у Челяковскаго—„виндская“), съ параллельнымъ русскимъ переводомъ. Пѣсни эти были взяты изъ первой части извѣстнаго собранія Челяковскаго „Slowanské národnj Pjsně“, которое Цертелевъ характеризуетъ такъ: „Собраніе сіе весьма любопытно для филологовъ; оно представляетъ такъ сказать паралель восьми Славянскихъ нарѣчій: Чехскаго или Богемскаго, Моравскаго, Валахскаго (!), Сербскаго, Вендскаго, Словенскаго, Малороссійскаго и Великороссійскаго. Не сомнѣваюсь, что литераторамъ нашимъ пріятно будетъ видѣть различные такъ сказать отливы Славянскаго языка, общаго нѣкогда столь многимъ поколѣніямъ“. Къ пѣснямъ приложены примѣчанія, содержащія характеристику Краледворской рукописи Шишкова (изъ 8-й книжки „Извѣстій Росс. Акад.“, см. выше, стр. 1194) и отрывокъ изъ письма Юнгмана къ Раковецкому (также изъ „Изв. Росс. Акад.“, кн. 9, см. выше, стр. 1201) о томъ, что славяне, „придя изъ отечества своего Индіи“, не были дикарями, но имѣли собственное свое письмо, вытѣсненное впослѣдствіи латинской азбукой при распространеніи христіанства и т. д. (стр. 104). Статья кончается небольшимъ послѣсловіемъ, свидѣтельствующимъ, что кн. Цертелевъ преслѣдовалъ въ ней лингвистическую цѣль: „Сего небольшаго числа пѣсенъ довольно для того, чтобы сравнить различныя нарѣчія языка Славянскаго, что же касается до пѣсенъ Малороссійскихъ и Великороссійскихъ, то не считаю нужнымъ выписывать іхъ, ибо нарѣчія сіи слишкомъ извѣстны нашимъ Писателямъ“. Малорусскій отдѣлъ сборника Челяковскаго Цертелевъ находитъ очень скуд-

[1]) Кн. Цертелевъ, вслѣдъ за Челяковскимъ, подъ «валахскимъ» языкомъ, разумѣлъ одинъ изъ чехо-моравскихъ діалектовъ.

нымъ и удивляется этому. По его мнѣнію, онъ могъ бы быть однимъ изъ богатѣйшихъ, „ибо ни одно можетъ быть изъ нарѣчій языка Славянскаго не имѣетъ столько разнообразныхъ прелестныхъ стихотвореній, какъ нарѣчіе Малороссійское“ (стр. 111).

„Вѣстникъ Европы“ въ 1824 г. помѣстилъ двѣ переводныхъ (съ польскаго) статьи виленскаго слависта, ксендза Бобровскаго. Первая изъ нихъ, снабженная примѣчаніями редактора, озаглавлена: „Записки о путешествіи по землямъ Славянскимъ“ (№ 22, стр. 122—135) и, какъ гласитъ примѣчаніе, была извлечена „изъ донесеній ученыхъ путешественниковъ, которые Виленскимъ Университетомъ были отправлены въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія“. Оригинальная статья была написана въ Парижѣ въ 1821 г. и напечатана въ Dzienniku Wileńskiem за 1822 г. Kwiecień. Виленскій ученый обращалъ особое вниманіе на языкъ и литературу. По его словамъ, въ „свѣдѣніи о поколѣніяхъ Славянъ, пустившихъ столь обширныя вѣтви отъ одного ствола“, заботливый изыскатель древностей Славянскихъ... „найдетъ достовѣрную значительность множества словъ и откроетъ утраченные ихъ корни; ибо весьма часто встрѣчаются въ одномъ изъ нарѣчій Славянскихъ такія слова производныя, которыхъ первообразныя только въ другомъ сохранились“ [1]) (стр. 125—126). Отечественный языкъ Далмаціи авторъ называетъ *Гарвацкимъ* (т. е. Хорватскимъ), присовокупляя, что въ ученыхъ сочиненіяхъ онъ называется „Иллирійскимъ“. „Языкъ сей подходитъ гораздо ближе къ свойствамъ древняго Славянскаго, нежели Польскій или Богемскій“ (стр. 127—28). Далѣе отмѣчается, что „у островитянъ, равно какъ жителей городовъ и селъ приморскихъ, языкъ Славянскій смѣшанъ съ Италіянскимъ; но чѣмъ далѣе отъ береговъ моря углубляетесь во внутренность края, тѣмъ чище языкъ Славянскій слышится изъ устъ грубаго Морлаха, выговаривающаго даже букву *(лъ)* весьма исправно. Сіе особенное свойство Славянскаго языка, чуждое многимъ нарѣчіямъ (кромѣ Польскаго и Россійскаго), во все время путешествія замѣчено мною однажды въ Моравіи, а въ другой разъ между жителями Далматіи: объ немъ не упоминалъ никто изъ филологовъ, которые писали о нарѣчіяхъ Славянъ южныхъ и самъ даже Аппендини немало удивился звуку сей согласной буквы, какъ неслыханной для него новости“ (стр. 128—29). По словамъ автора, „нимало неудиви-

---

[1]) Въ примѣчаніи редактора къ этому мѣсту говорится: «Напримѣръ кто бы подумалъ, что *воротникъ* происходитъ отъ слова *вратъ*, которое значитъ шея и донынѣ употребительно между Сербами?» (стр. 126).

тельно. что на каждомъ островѣ, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ уѣздѣ иначе говорятъ и пишутъ, что слова и обороты заняты или изъ Италіянскаго языка, или изъ Турецкаго, изъ Венгерскаго; что Синтаксисъ имѣетъ въ себѣ много чужестраннаго и что вообще почти употребляются для письма Латинскія буквы" (объясняется историческими условіями). Далѣе идетъ рѣчь о съѣздѣ „ученѣйшихъ мужей" въ Зарѣ, имѣвшемъ составить „правописаніе для грамоты Иллирійской, которое служило бы правиломъ для всѣхъ училищъ". Подробное описаніе этого засѣданія, какъ мало интересное для русской публики, Каченовскимъ опущено. При этомъ, по поводу вопроса объ употребленіи въ Далмаціи глаголицы, Каченовскій дѣлаетъ примѣчаніе: „извѣстно, что азбучные знаки для Глаголическаго письма вымышлены Католиками въ XIII столѣтіи" (стр. 131). На стр. 132-й и слѣд. указывается на существованіе двухъ нарѣчій въ Далмаціи, сохранившихся, благодаря „Христіанской вѣрѣ и ученымъ ея служителямъ",—„*Далматскаго*" и „Рагузинскаго", и предлагается общій очеркъ исторіи далматской литературы. О томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ оба названныя нарѣчія, „мало по малу отступая отъ первобытнаго языка Славянскаго, въ продолженіе вѣковъ дошли" до современнаго состоянія, о насажденіи славянской литургіи, печатныхъ глаголическихъ книгахъ и вліяніи ихъ на далматское нарѣчіе, введеніи латинской азбуки и итальянскаго правописанія и т. д. авторъ не намѣренъ говорить: „все сіе... можетъ послужить предметомъ особаго трактата", матеріалы для котораго собираются. Изъ примѣчаній редактора интересно одно—объ имени *Ляхъ* (стр. 124). Каченовскій отвергаетъ этимологію, приводимую Бобровскимъ изъ путешествія Кн. Сапѣги по славянскимъ землямъ (1802—3) и гласящую, что Морлахи=Моряхи, т. е. Ляхи, живущіе у моря, тогда какъ Поляки=Полевые ляхи, рыскавшіе по полямъ: „Догадка хороша! Но любитель историческихъ доводовъ предпочтетъ сей другое показаніе, а именно, что *Морлахи* суть потомки *Мавро-Влаховъ*, т. е. Черныхъ Влаховъ".

Вторая статья каноника Михаила Бобровскаго, впослѣдствіи профессора Виленскаго университета, переведенная изъ „Dziennika Wileńskiego" (1823, № 8), трактовала „О старинной Славянской рукописи хроники Далматской" („Вѣстн. Европы", 1824 г., № 23, стр. 258—274. „Дополнительныя примѣчанія" къ статьѣ, не имѣющія, впрочемъ, лингвистическаго, содержанія, напечатаны въ № 24, стр. 315—18). Рукопись эта характеризуется (на стр. 269), какъ „единственный остатокъ, которымъ доказывается древность и свойство Далматскаго нарѣчія; въ то же время она слу-

жить новымъ источникомъ богатства для языка Славянскаго". Приводится и отрывокъ изъ нея съ грамматическими примѣчаніями и переводомъ устарѣвшихъ словъ на современныя далматскія (сдѣланъ жителемъ острова Курсоли, Матвѣемъ Капоромъ, стр. 273—74). Мы находимъ здѣсь такіе „переводы": *у томъ врымену*—нынѣ: *у то вриме; философъ—мудрознанъ, мужъ—чловикъ, сфета—света* и т. д. По поводу формы *меу* (между) замѣчается: „выбросивъ вставочное (!) Славянское *д* изъ слова *между*, получимъ *межу*; изъ сего видно, что Далматы лѣнились выговаривать и букву *ж*.". Обороты въ родѣ *обратіо, слишао быше*—относятся „къ отличіямъ Далматскаго нарѣчія, которое, мало помалу принимая формы Италіянскаго языка, теряло первобытныя свойства Славянскаго" и т. д.

Востоковъ въ теченіи 1824 года, кромѣ своихъ палеографическихъ работъ, о которыхъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, занимался „сочиненіемъ примѣчаній къ памятникамъ Краинскаго языка X вѣка, сохранившимся въ Фрейзингенской рукописи", снимки съ которой намѣревался издать Кеппенъ. По словамъ Востокова, „принявъ на себя по прозьбѣ Г. К. трудъ сей", онъ имѣлъ въ виду, что это изданіе предпринято было на средства гр. Румянцева. Работая надъ нимъ, Востоковъ не наносилъ ущерба интересамъ своего покровителя, напротивъ, содѣйствовалъ имъ [1]). Канцлеръ такъ и понялъ это, отвѣтивъ Востокову, что онъ „безъ сомнѣнія одолжилъ" его составленіемъ названныхъ примѣчаній [2]).

15 мая 1824 г. Шишковъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, и, въ виду его „славенофильства", можно было ожидать, что, получивъ этотъ постъ, онъ предприметъ какія нибудь мѣры къ распространенію въ нашемъ обществѣ знакомства со славянскимъ міромъ вообще и слав. языками въ частности. Весьма вѣроятно, что, уже при самомъ вступленіи своемъ въ новую должность, Шишковъ могъ задумываться надъ такими мѣрами. Но, занятый болѣе важными, по его мнѣнію, дѣлами—борьбой съ „духомъ времени", мистиками, библейскимъ обществомъ, проведеніемъ новаго цензурнаго устава и т. д., онъ не имѣлъ времени перейти къ осуществленію своихъ плановъ. Лишь въ 1826 г. его мечтанія начали принимать болѣе конкретную форму, но и тогда имъ не суждено было превратиться въ дѣйствительность. Только второму изъ преемниковъ Шишкова, гр. Уварову, принад-

---

[1]) Письмо Востокова къ гр. Румянцову отъ 22 окт. 1824 г., см. «Сборн. статей, чит. въ отд. русск. языка и слов.», т. V, вып. 2, стр. 140.

[2]) Письмо отъ гр. Румянцова къ Востокову отъ 7 ноября 1824 г. Тамъ же, стр. 144.

лежитъ заслуга введенія славянскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ.

Къ 1825 году относится появленіе новой переводной статьи [1]) ксендза Мих. Бобровскаго: „Краткая выписка изъ путешествія по верхней Лузаціи", сдѣланная нѣкіимъ Т. М. („Вѣстникъ Европы" 1825 г., янв.—февр., стр. 252—64). По словамъ редактора „Вѣстника Европы", „предлагаемыя извѣстія о языкѣ и словесности Лузатскихъ Вендовъ для насъ совершенно новы". Нужно замѣтить, что и переводчикъ статьи внесъ въ нее кое какія прибавленія съ своей стороны. Ученый путешественникъ разсказываетъ, что еще по дорогѣ, на одномъ постояломъ дворѣ въ Саксоніи, впервые „услышалъ говорящихъ полузацки и замѣтилъ существенную разницу между симъ нарѣчіемъ и другими Славянскими", а именно удареніе на первомъ слогѣ словъ и то, что многія слова произносятся лужичанами „на Богемскую стать, или уродуются Нѣмецкимъ выговоромъ, или получаютъ Нѣмецкую форму". Въ Будишинѣ Бобровскій познакомился „съ діакономъ Любенскимъ, авторомъ *Вендской грамматики*, еще не совсѣмъ оконченной", которую ея авторъ намѣревался передѣлать по плану чешской грамматики Добровскаго, а также съ епископомъ Локке, изъяснявшимъ ему „свойства Лузацкаго нарѣчія, заимствуя примѣры" изъ книги „Ставизно нового закона въ котрыхъ жъ вописано іо те живіеніо га та вусба нашог' кнеза Іезуса Крыстуса га тыхъ іого пріеньшихъ Вуцовниковъ въ Будушніе 1814". Бобровскій удивляется присутствію въ лужицкомъ яз. нѣмецкихъ словъ „съ Лузацкимъ окончаніемъ", напр. *лазуваньо*, *полазуваньо* (чтеніе) отъ lesen, ich las, тому, что слова начинаются съ согласныхъ, но не гласныхъ „буквъ" (*вуцовникъ*=ученикъ, *га* вм. *а*=*и*, *вонъ* вм. *онъ* и т. д.). Кромѣ того, Бобровскій отмѣчаетъ въ рѣчи лужичанъ нѣчто похожее на просторѣчіе „крестьянъ западныхъ заднѣпрскихъ губерній". Переводчикъ его статьи находитъ возможнымъ „прибавить, что нарѣчіе тамошнихъ (т. е. заднѣпровскихъ) селянъ, называемое *Руськимъ*, сходно съ нашимъ Малороссійскимъ, въ которомъ не трудно найти нѣсколько подобныхъ примѣровъ, *воко* вм. око, *вогонь* вм. огонь и пр.". Далѣе сообщаются свѣдѣнія, полученныя отъ Бауценскаго Сеніора Фульке, о лужицкихъ сочиненіяхъ (рукописныхъ и печатныхъ), имѣющихся въ Горлицкой библіотекѣ и у частныхъ владѣльцевъ, о приходахъ, въ которыхъ еще „слово Божіе проповѣдуется на сербскомъ, или правильнѣе на сорбскомъ нарѣчіи", и т. д. Отъ Любен-

[1]) Изъ «Dziennika Wileńskiego».

скаго Бобровскій получилъ свѣдѣнія о двухъ лужицкихъ нарѣчіяхъ, верхнемъ и нижнемъ, и, говоря о нихъ, указываетъ на сходство одного съ чешскимъ, другого съ польскимъ, а также на обиліе народныхъ говоровъ (чуть не въ каждой деревнѣ свой говоръ). Въ заключеніе приводится нѣсколько лексическихъ образчиковъ лужицкаго языка и выписки изъ рукописнаго словаря Христіана Геннинга 1705 г. о происхожденіи вендовъ. Какъ видно, Каченовскій имѣлъ право назвать свѣдѣнія, сообщаемыя Бобровскимъ, совершенно новыми для нашей публики. Дать что нибудь подобное этимъ наблюденіямъ у насъ было некому, и первымъ изъ русскихъ ученыхъ, изучавшихъ Лужицы de visu, былъ лишь И. И. Срезневскій, выѣхавшій въ славянскія земли уже въ 1839 г., т. е. 14 лѣтъ спустя послѣ появленія въ журналѣ Каченовскаго статьи Бобровскаго.

Дѣятельность Росс. Академіи на пользу славянскаго языкознанія въ этомъ году ограничилась однимъ чтеніемъ (въ засѣданіи 6-го іюня) знакомаго уже намъ (см. выше, стр. 797—802) разсужденія Н. Полеваго „О древнемъ языкѣ Словенскомъ", напечатаннаго въ 4 т. новой серіи „Трудовъ" Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. (1824). За отсутствіемъ трудовъ собственныхъ сочленовъ, академія занялась чтеніемъ уже напечатанной статьи, о которой собраніе и разсуждало [1])...

Какъ замѣчательный шагъ, гораздо болѣе серьезный и цѣнный въ научномъ отношеніи, чѣмъ всѣ неудачныя попытки Россійской Академіи, должны быть отмѣчены сношенія гр. Н. П. Румянцова съ извѣстнымъ польскимъ грамматикомъ и лексикографомъ Христофоромъ Целестиномъ Мронговіусомъ (1764—1855), пасторомъ въ Данцигѣ. Издавъ свой „Słownik Niemiecko-Polski" (1823, 4°, VIII, 712 стр.), гдѣ онъ пользовался своими познаніями въ кашубскомъ языкѣ и нѣмецко-латинско-польскимъ словаремъ изъ Flores trilingues 1702 г., содержавшимъ также кашубскія слова [2]), Мронговіусъ отправилъ свой трудъ гр. Румянцову, какъ это видно изъ письма графа къ Востокову отъ 26 іюня 1825 г., гласившаго: „Покажите Его Высокопреосвященству (митрополиту Евгенію) Польскій древній Лексиконъ съ Кашубскимъ нарѣчіемъ, полученный отъ Г. Мронговіуса, его ко мнѣ письмо и копію съ моего на то отвѣта, и для свѣдѣнія вашего съ Польскаго тако-

---

[1]) См. Записки засѣданій Росс. Академіи за 1825 г., № 18, 6-го іюня.

[2]) См. примѣчаніе И. И. Срезневскаго къ перепискѣ А. Х. Востокова въ «Сборн. статей, чит. въ отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ» т. V, вып. II, стр. 447.

ваго письма препровождаю къ вамъ Русскій переводъ. Потомъ храните всѣ сіи бумаги у дѣлъ при библіотекѣ; а ко мнѣ пожалуйста пришлите сей лексиконъ на время и дайте мнѣ теперь знать, не посвященъ ли онъ мнѣ" [1]).

Завязавшіяся такимъ образомъ сношенія между гр. Румянцовымъ и Мронговіусомъ приняли скоро болѣе прочный и дѣловой характеръ, какъ видно изъ извѣстія, напечатаннаго въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Библіографическихъ Листовъ" Кеппена за 1825 г. (№ 31, 20-го дек., стлб. 448) въ отдѣлѣ „Языкознаніе": „Любителямъ Словенской Литературы конечно весьма пріятно будетъ слышать, что Е. С. Графъ Н. П. Румянцовъ поручилъ извѣстному Данцигскому Лексикографу и Грамматику *Мронговіусу* объѣхать Кашубскія селенія, составить по возможности словарь сего погасающаго нарѣчія и собрать хотя нѣкоторыя преданія, существующія въ устахъ сихъ Поморянъ". По свидѣтельству Прейса, бывшаго въ началѣ 40-хъ гг. XIX в. въ кашубской области, Мронговіусъ дѣйствительно, „при пособіи Гр. Н. П. Румянцова", объѣзжалъ селенія кашубовъ и собиралъ на мѣстѣ свѣдѣнія о ихъ языкѣ, бытѣ, и правахъ, руководствуясь „превосходно составленною запискою", которая была ему прислана отъ графа. Записка эта была цѣла еще въ бытность Прейса въ кашубской округѣ и должна была служить одному изъ довѣренныхъ лицъ Прейса (патеру Борковскому) при собираніи имъ матеріаловъ для нашего слависта [2]).

Такимъ образомъ гр. Румянцовъ и въ области славянскаго языкознанія является однимъ изъ немногихъ у насъ въ то время лицъ, ясно понимавшихъ нужды науки и намѣчавшихъ опредѣленно и умѣло научныя задачи будущимъ дѣятелямъ русскаго просвѣщенія. Смерть прервала его сношенія съ Мронговіусомъ, но долгъ историка—отмѣтить, что въ дѣлѣ изученія кашубскаго языка, привлекавшаго впослѣдствіи столько русскихъ ученыхъ и до сихъ поръ еще представляющаго много темнаго, загадочнаго и весьма важнаго для сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, имя графа Румянцова занимаетъ у насъ первое по времени мѣсто.

Небывало до тѣхъ поръ широкое мѣсто отведено было библіографіи славянскаго языкознанія въ „Библіографическихъ Листахъ" П. И. Кеппена, начавшихъ выходить съ 1825 года. Съ перваго же № въ нихъ началъ печататься „Списокъ первопечатнымъ Словенскимъ книгамъ" (на разныхъ славянскихъ языкахъ), составлен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 228.

[2]) «Журналъ Минист. Нар. Просв.», ч. XXVIII, 1840, отд. IV, стр. 1—2, 11.

ный самимъ издателемъ на основаніи трудовъ Добровскаго („Geschichte der Böhmischen Sprache und ältern Literatur“, 2 изд. 1868), Бандтке, Бентковскаго и др. (№ 1, 6, 11, 16, 21, 26). Очевидно въ связи съ этой библіографической работой Кеппена находится письмо его къ Ганкѣ отъ 12 янв. 1825 г., гдѣ онъ писалъ: „въ прекрасномъ трудѣ нашего учителя, г. Добровскаго, я не нашелъ чешскихъ заглавій старопечатныхъ книгъ. Не могъ ли бы я получить ихъ отъ васъ?.. Кромѣ того меня очень интересуетъ полный указатель грамматикъ и словарей чешскаго языка. О Польской части мнѣ весьма любезно обѣщалъ озаботиться г. Хлендовскій изъ Варшавы. Но могли ли бы вы указать мнѣ на самый лучшій источникъ о чешскихъ трудахъ этого рода, равно какъ и дополнить его?“ [1]).

Въ № 18 находимъ библіографическій обзоръ новѣйшихъ произведеній литературы на разныхъ славянскихъ языкахъ, среди которыхъ не мало лингвистическихъ. Здѣсь говорится о грамматическихъ и лексикографическихъ трудахъ Мронговіуса, между прочимъ о его польскомъ словарѣ, упомянутомъ выше (стр. 1223), причемъ приводятся даваемыя въ предисловіи къ нему свѣдѣнія о кашубахъ и ихъ языкѣ (стлб. 251); о разныхъ чешскихъ и словацкихъ книгахъ (поэмѣ Колара, „Sláwy dcera“, сборникѣ славянскихъ свѣтскихъ пѣсенъ, собранныхъ въ Венгріи Шафарикомъ, Благославомъ и др., мнѣніи Добровскаго о подложности „Суда Любуши“, изданіи „Словацскаго“ словаря Берполака и его же „Schlowakische Grammatik“ 1817 г., причемъ авторъ обозрѣнія—самъ Кеппенъ—касается вопроса о взаимномъ отношеніи языковъ „Богемскаго“ и „Словацкаго“, разныхъ нарѣчіяхъ словацкаго языка и т. д.); о новыхъ „краинскихъ“ книгахъ: собраніи древнеславянскихъ словъ, живущихъ еще въ современныхъ „вендскихъ“ діалектахъ, (Klagenfurt, 1822), словинской грамматикѣ Копитара (1808), о составляемомъ Копитаромъ „Словено-Греко-Латинскомъ словарѣ“, о словинской грамматикѣ Даnико (особенно подробно, съ цѣлымъ экскурсомъ о транскрипціи славянскихъ звуковъ, о большей близости „Краинскаго“ языка къ русскому, сравнительно съ польскимъ и чешскимъ, о сохраненіи въ немъ двойственнаго числа, заслуживающемъ „особаго вниманія Словенскихъ Филологовъ“); о новыхъ явленіяхъ сербской литературы, въ томъ числѣ о переводѣ Новаго Завѣта на сербскій языкъ Вука Ст. Караджича (съ образчикомъ языка) и другихъ его трудахъ: словарѣ, серб-

---

[1]) См. Кочубинскаго «Адм. Шишковъ и канцлеръ Гр. Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса. 1887—88». ПриложеніеIV, № 5, CXXV.

ской грамматикѣ, сборникѣ нар. пѣсней, могущихъ „почитаться богатымъ Архивомъ языка и обычаевъ его отечества“, нѣм. переводѣ его грамматики, сдѣланномъ І. С. Фатеромъ (1824) и т. д.

Въ № 24 (стлб. 347—348) упоминаются разныя новыя польскія книги, въ томъ числѣ польская грамматика Мучковскаго (Познань, 1825 г.), грамматическіе труды полковника Мрозинскаго, изданіе „Польской ороографіи“ Заборовскаго проф. Кухарскимъ, съ приложеніемъ списка польскихъ грамматикъ и словарей и т. д.

№ 25 занятъ двумя обширными рецензіями: на „Славянскую грамматику“ Пенинскаго (см. выше, стр. 1058—60) и только что тогда вышедшую первую часть словацко-чешско-латино-нѣмецко-венгерскаго словаря Бернолака (Будапештъ, 1825), причемъ рецензентъ (Кеппенъ) довольно подробно говоритъ о нарѣчіяхъ словацкаго языка и извѣстныхъ ему двухъ рукописныхъ словацкихъ словаряхъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже имъ пріобрѣтенъ во время его заграничнаго путешествія.

Въ № 32 (стлб. 470) упоминается о двухъ статьяхъ касательно родства германскихъ языковъ со славянскими, и приводится заглавіе второй изъ нихъ, помѣщенной въ „Дополнит. листахъ къ Гальск. Лит. Вѣд.“ 1825 г. (№ 21, стр. 162): „Die Verwandschaft der germanischen und slawischen Sprachen mit einander und mit der griechischen und römischen“. Здѣсь же (стлб. 470—471) довольно подробно сообщается о печатавшемся въ то время „*Лешковомъ* Собраніи Словенскихъ словъ, вошедшихъ въ составъ Венгерскаго (Мадьярскаго) языка: Elenchus vocabulorum Slavonicorum in linguam Magyaricam illatorum“, причемъ упоминается и предшествующій подобный трудъ Pázmándy, „Syllabus vocum Hungarico-Illiricorum“ въ книгѣ „Schediasmata circa originem, sedes antiquas et linguam Uhro-Magarum populorum etc. Pestini, 1786“, и приводится рядъ венгерскихъ словъ, заимствованныхъ изъ славянскаго.

Въ замѣчательной „Запискѣ о путешествіи по Словенскимъ землямъ и Архивамъ“, составленной Кеппеномъ и напечатанной въ послѣднемъ № (33-мъ) „Библіограф. Листовъ“ за 1825 и первомъ изъ „дополнительныхъ“ №№ (34-мъ) отъ 21-го января 1826 г., нерѣдко дѣлаются указанія, полезныя и для языковѣда. Въ Бессарабіи (Кишиневѣ) рекомендуется: „въ бесѣдахъ съ Духовными Особами почерпать свѣдѣнія о древнихъ Словенскихъ книгахъ, печатныхъ и рукописныхъ, нынѣ уже безъ употребленія хранящихся при церквахъ, какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахіи“ (стлб. 476); затѣмъ предлагается побывать въ комитатахъ, населенныхъ „Русняками“, „опредѣляя вездѣ предѣлы жилищъ ихъ и замѣчая оттѣнки въ нарѣчіи“ (стлб. 478); въ Пржемыслѣ—

„познакомиться съ сочинителемъ Русняцкой грамматики. Г. *Могильницкимъ*, и помощію Малороссійской Энеиды, и другихъ печатныхъ сочиненій, опредѣлить отношеніе Русняцкаго языка къ Малороссійскому, съ которымъ оный принадлежитъ къ одному разряду“ (тамъ же); затѣмъ „чрезъ *Санокъ* и пр. отправиться въ *Римановъ*, гдѣ и опредѣлить въ точности предѣлы *Русинскаго* или *Карпато-Русскаго* и *Словацкаго* (Мадьяро-Словенскаго) языковъ“ (стлб. 478—479); „отправиться въ горы, называемыя *Татра*“, гдѣ „на вершинахъ Карпатскихъ, языкоизслѣдователь безъ сомнѣнія найдетъ полезную для себя пищу“ (стлб. 479). Въ *Гранѣ* слѣдуетъ познакомиться съ каноникомъ Палковичемъ, долго хранившимъ у себя четвероязычный словарь Бернолака, послѣ смерти его автора (стлб. 480); въ *Офенѣ*—„купить книги, на разныхъ Словенскихъ языкахъ тамъ напечатанныя“ (тамъ же); „въ *Пресбургѣ*—заняться Словацкимъ языкомъ подъ руководствомъ Г-на Палковича“ (стлб. 481);—побывать въ Тренчинѣ, „гдѣ по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, говорятъ чистѣйшимъ Словацкимъ нарѣчіемъ“ (тамъ же) и т. д. Далѣе также постоянно указываются тѣ или другія лица, занимавшіяся языкомъ и т. п., знакомство съ которыми можетъ быть полезно для ученаго путешественника; рекомендуется ознакомленіе съ разными рукописными или печатными произведеніями на разныхъ славянскихъ языкахъ, древними грамотами, надписями и т. д.

Таковы были главныя явленія въ области славянскаго языкознанія въ Россіи въ теченіе первой четверти XIX вѣка и главныя внѣшнія условія, въ которыхъ должна была развиваться у насъ эта отрасль науки. Какъ видно, поводы къ ознакомленію со славянскими языками были у насъ очень немногочисленны. Путешествія, пока еще весьма рѣдкія, лишь случайно и ненадолго приводили совсѣмъ къ тому неподготовленныхъ русскихъ людей въ соприкосновеніе со славянами. Какъ поводъ, выдвинутый самою жизнью, и то только на половину практическаго характера, можетъ быть указана развѣ лишь необходимость знанія славянскихъ языковъ для составленія споснаго школьнаго руководства къ изученію родного языка, въ какомъ мы тогда и долго спустя сильно нуждались. Но необходимость эта сознавалась лишь очень немногими, и осязательныхъ результатовъ сознаніе ея долго не имѣло и не могло имѣть. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ понемногу зарождалась научная любознательность. Навстрѣчу ея запросамъ шла наша молодая журналистика, пробуждая въ свою очередь научные интересы среди своихъ, пока еще немногочисленныхъ, читателей. Являлись и отдѣльные замѣчательные дѣятели, въ родѣ все тѣхъ же, знакомыхъ

уже намъ по разнымъ другимъ своимъ трудамъ, Востокова, Калайдовича, Каченовскаго, гр. Румянцова, митрополита Евгенія, Ѳ. П. Аделунга и Кеппена, безкорыстныхъ любителей науки и неутомимыхъ тружениковъ въ разныхъ ея отрасляхъ. Но, занятые многими другими работами, они могли удѣлять слав. языкознанію лишь частицу своего времени и силъ. Своихъ славистовъ у насъ еще не могло быть въ достаточномъ числѣ; отсюда—несамостоятельность большинства нашихъ статей по славянскому языкознанію, отмѣченная неоднократно выше. Оффиціальныя наши сферы и учрежденія въ теченіе первой четверти XIX в. почти ничего не собрались сдѣлать для изученія слав. языковъ. Почти все, что было создано въ этомъ направленіи, есть дѣло молодого русскаго общества и немногихъ частныхъ лицъ, выдвинутыхъ имъ на подвигъ науки и просвѣщенія. Въ сравненіе съ трудами этихъ лицъ, конечно, не можетъ идти безтолковая дѣятельность Россійской Академіи, мнившей, что она что-то дѣлаетъ, но въ дѣйствительности бродившей въ совершенныхъ потьмахъ и плодившей лишь никому не нужную макулатуру. Тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли выше, кое-что самостоятельное и важное было достигнуто, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, и въ этомъ начальномъ періодѣ исторіи славянскаго языкознанія въ Россіи, подготовляя быстрое развитіе его въ теченіе слѣдующаго двадцатипятилѣтія, хотя бы покуда лишь въ нѣкоторыхъ нашихъ научныхъ центрахъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Указатель къ „Введенію въ изученіе языка" Дельбрюка.

(Курсивомъ обозначены указанія на дополнительныя примѣчанія редактора перевода).

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ.

стр.	строчка.	
3	4	снизу должно читать Von
16	7	" " " грамматическія
20	2	" " " -ϑι
22	13	" " " *nqra*
32	7	сверху уничтожить знакъ —
36	11	снизу должно читать символическій,
37	1	сверху " " звукъ (вмѣсто „букву“)
45	19	снизу " " дѣлаютъ
—	20	" послѣ „и“ вставить: тотъ кто
47	11	сверху уничтожить скобку
—	9	снизу должно читать der
59		подстрочныя примѣчанія поставить одно на мѣсто другого
61	21	сверху должно читать bhrâtar
69	10	снизу " " von
75	5	" уничтожить слова: *Прим. ред.*
83	2	сверху должно читать sprachwissenschaftliche
86	17	снизу " " оцѣнить
100	2	сверху уничтожить слово: отъ
115	4	" должно читать 91
117	7	снизу " " langage
122	10	сверху " " съ красной строки послѣ точки.
125	5	снизу " " Лейпц.
127	6	" " " langage
128	6	" " " 60
137	2	" " " Verwandtschaftsverhältnissen.
144	6	" " " латышскихъ
159	14	" " " Regulae
168	10	сверху " " принадлежавшемъ
172	10	" " " τύψω
177	10	снизу " " ῥήματα
183	3	сверху " " τρεῖς
—	2	снизу " " академіи
189	10	" послѣ „Выше“ вставить: еще.
190	7	" должно читать Лейбницъ
—	15	" " " безрезультатнымъ
191	9	" " " Виніусъ
193	3 и 4	" вычеркнуть (ср. прим. 3 на стр. 385).
—	8	" послѣ „либо“ вставить: печатныхъ
—	13	" должно читать 1714.
195	3	" " " „Истор. Моск. Славяно-Греко-Латинской академіи“

стр.	строчка.		
204	7 сверху	„ „	Тредьяковскій
216	3 снизу	„ „	46—69
—	7	„ уничтожить скобку	
218	1 сверху	въ концѣ прибавить знакъ —	
222	7	„ должно читать	*известь* (вм. *извлечь*)
—	2 снизу	„ „	Adelung
223	13	„ „ „	Черкаловъ
227	7	„ послѣ „этого“ вставить:	изданія
228	6	„ должно читать	Поправки
237	6	„ послѣ „Полѣтики“ вставить:	²) ,
251	7	„ должно читать	текстъ
268	12	„ „ „	значатъ
274—275		слѣдовало бы сначала говорить о статьѣ Сумарокова „Объ истребленіи чужихъ словъ“, а затѣмъ уже о статьѣ „О коренныхъ словахъ“...	
276	11 снизу	должно читать	„великолѣпно
277	15	„ „ „	Слѣдующія (безъ „).
278	1	„ „ „	sandûk
293	3	„ „ „	Lateinisches Wörterbuch
348	7 сверху	послѣ „Клаудія“ вставить:	1792
365	11 снизу	послѣ „при“ вставить:	ближайшихъ
370	6	„ должно читать	академіи
415	18—20 сверху	„ „	Вѣроятно изъ матеріаловъ, собиравшихся для Сравнительныхъ словарей имп. Екатерины II.
416	7 снизу	должно читать:	J obtained... Commandant
429	11 сверху	вычеркнуть слова:	Бакмейстера или
430	6 снизу	должно читать:	1759:
446	6 сверху	„ „	Къ половинѣ 80-хъ гг. XVIII в.
—	18 снизу	вычеркнуть:	также
448	17—18 сверху	должно читать:	къ началу 80-хъ гг. XVIII и принадлежитъ къ матеріаламъ для Сравн. словаря Екатерины II.
465	4 снизу	должно читать:	Журналѣ
493	7	„ „ „	Ket
500	17	„ „ „	jala
505	14 сверху	„ „	общества
537	3	„ „ „	† 1816 (ср. стр. 1062)
548	5	„ „ „	и объ
563	4 снизу	„ „	заставляетъ
577	11 сверху	послѣ „курьезенъ“, вставить:	какъ разсужденіе Горскаго,
579	2 снизу	должно читать	universalis
587	17 сверху	„ „	Щербатова
592	3 снизу	„ „	Friedrich
599	—	„ „ „	разумѣ
621	21 сверху	„ „	объясняются
631	12 снизу	„ „	со-дрогаться
634	1	„ „ „	Гунта
639	19—20 сверху	„ „	критическій анализъ его этимологій.
643	20 снизу	„ „	пайшачи)
646	1	„ „ „	тожество
655	15 сверху	„ „	λλόα=
656	13 снизу	„ „	сближается
664	16	„ „ „	ἐρεύγω
672	6 сверху	„ „	Карамзина
673	4	„ „ „	соена
695	1 снизу	„ „	гр. στιγμή
—	8	„ „ „	*стьза*

стр.	строчка.		
701	20	„ „ „	Аббатъ
727	11	„ „ „	1810
739	13	сверху, послѣ ?! вставить:	въ оригинальномъ изданіи — mrzawam
—	22	„ должно читать	(Böh)“
740	6—7	снизу „ „	должны быть отмѣчены
747	въ концѣ подстрочнаго примѣчанія прибавить: Ср. также Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, ч. I, Спб. 1888, стр. 38.		
960	1	снизу должно читать	Росс.
982	21	снизу вставить:	За нимъ послѣдовалъ въ 1819 г. краткій словарь, помѣщенный при „Опытѣ собранія старинныхъ Малоросс. писемъ“ Цертелева и заключавшій въ себѣ болѣе 200 словъ и выраженій.
990	6—7	снизу должно читать	Новицкимъ
991	4	„ „ „	Новицкаго
1018	5	„ „ „	стилистическимъ
1027	8	„ „ „	*выжига*
1032	3	„ „ „	Статья
1040	5—6	сверху „ „	грамматическимъ
1051	18	снизу „ „	къ эпохѣ
1134	1	сверху перенести скобку) послѣ „писменному“	
1149	16	снизу должно читать:	Благодарю васъ“
1150	14	„ „ „	банномъ (вм. „данномъ“)
1201	3	„ „ „	Pars altera
1213	13	„ „ „	s nekym
„	4	„ „ „	Zunge.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе въ изученіе языка Б. Дельбрюка.

Первая глава. Францъ Боппъ.

Вторая глава. Современники и преемники Боппа до Августа Шлейхера.

Третья глава. Августъ Шлейхеръ.

Четвертая глава. Третій періодъ.

Пятая глава. Теорія агглютинаціи.

Шестая глава. Звуковые законы.

Седьмая глава. Раздѣленіе народовъ.

Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи С. Булича.

стр.

Медленное развитіе этихъ дисциплинъ (947—948). *Лексикографическіе труды:* второе изданіе словаря Россійской академіи и отзывы о немъ Добровскаго (948—952) и Эстрема (952—954). Его значеніе (954—955). Р. Тимковскій о настоятельной нуждѣ въ церковнослав. словарѣ (955—956). Имѣвшіяся въ началѣ XIX в. пособія этого рода (956). „Опытъ Славенскаго словаря" Шишкова (956—960). Его же „Нѣкоторыя замѣчанія на предполагаемое вновь сочиненіе Россійскаго Словаря" (960—964). Его же предложенія Россійской академіи о составленіи словаря 18 сент. 1820 г. и 21 янв. 1822 г. (964—965). Словопроизводный словарь, предпринятый Московскимъ Общ. Люб. Росс. Слов. (965—966). Записки о его составленіи: П. И. Давыдова (966—967) и А. В. Болдырева (967—968). Выработанныя обществомъ „Правила" для его изданія (968—969). Замѣчанія на нихъ Ѳ. (969—971). Ходъ работъ по составленію и изданію словаря въ 1817—1819 гг. (971—973). М. Макаровъ о планѣ русскаго словаря (973—974). Ходъ работъ надъ словаремъ по 1825 г. включительно (974—975). Новый планъ русскаго производнаго словаря И. Ѳ. Калайдовича (975—977). Предпринятое обществомъ собираніе областныхъ лексическихъ матеріаловъ (977 и сл.). Попытки такого собиранія въ XVIII вѣкѣ (977—978) и началѣ XIX в. (978—979). Матеріалы и замѣчанія Ѳ. Глинки (979), Озерецковскаго, И. Ѳ. Горенкина, И. Лялпкова (980), Семивскаго, А. Фортунатова, Илличевскаго (981), К. Калайдовича и Павловскаго (982). Сознаніе важности изученія областныхъ нарѣчій и ихъ словаря (982—983). Коллекціи областныхъ словъ въ „Трудахъ Моск. Общ. Люб. Росс. Слов." (983—989). Разсужденіе М. Макарова о пользѣ такихъ собраній (985—987). К. Калайдовичъ о бѣлорусскомъ нарѣчіи (987—988). Дѣятельность Росс. академіи въ этомъ же направленіи (989—992). Другіе ея лексикографическіе проекты (992—993). Лексикографическія работы Кравчуновскаго, П. Калайдовича (993) и А. Мудрова (994). „Славено-русскій этимологическій словарь" Востокова (994—998). Лексическіе матеріалы, собранные Кеппеномъ (998—1000). Проектъ бѣлорусскаго словаря, возбужденный по иниціативѣ И. Н. Лобойка (1000—1001). Проектъ древнерусскаго словаря Строева (1001—1003).

Труды по грамматикѣ русскаго и церковнаго яз. (1003—1060). Грамматика И. Тимковскаго (1004—1010). „Опытъ о русскихъ спряженіяхъ" Греча 1811 г. съ отзывомъ Востокова (1010—1013). Грамматическіе этюды въ „Трудахъ" Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. (1013 и сл.). „Разсужденіе о глаголахъ" А. В. Болдырева (1013—1015). Его же „Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ глаголѣ" (1015—1016). Замѣчанія о русскомъ удареніи" Прокоповича-Антонскаго (1016—1017). Евгеній Болховитиновъ о личныхъ собств. именахъ (1017—1019). Рефераты грамматическаго содержанія въ провинціальныхъ ученыхъ обществахъ (въ Харьковѣ и Казани: 1019—1021). „Правила объ употребленіи буквы ѣ" И. Соколова и критика ихъ И. И. Мартыновымъ (1021—1013). Анонимныя возраженія на новую теорію русскихъ глаголовъ Болдырева и сочувствіе ей со стороны Капниста (1023—1025). Шишковъ о русскихъ предлогахъ (1025—1028).

 стр.

